

КРУГИ ВРЕМЕН

ОТВЕТСТВЕННЫЕ
РЕДАКТОРЫ

В. А. Ромодановская

И. В. Силантьев

А. В. Титова

ИССЛЕДОВАНИЯ
и
ПОСВЯЩЕНИЯ
и
ВОСПОМИНАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

КРУГИ ВРЕМЕН

В память
ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА
РОМОДАНОВСКАЯ

[ТОМ 2]

МОСКВА «ИНДРИК» 2015

УДК 821
К 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
грант № 15-04-16023

Издание утверждено к печати
Ученым советом Института филологии Сибирского отделения
Российской Академии наук

Редакционная коллегия:

О. Д. Журавель, М. Н. Климова,
Т. И. Ковалева (ответственный секретарь), Л. А. Курышева, Т. В. Панич,
В. А. Ромодановская (ответственный редактор),
И. В. Силантьев (ответственный редактор),
Л. В. Титова (ответственный редактор), А. В. Шунков

Рецензенты

чл.-корр. РАН Г. И. Вздорнов
чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелин
чл.-корр. РАН А. А. Гиппиус

КРУГИ ВРЕМЕН. В память Елены Константиновны Ромодановской.
Том 2. — М.: «Индрик», 2015 — 1184 с., ил.

ISBN 978-5-91674-354-8

В этом томе представлены статьи отечественных и зарубежных ученых, написанные в память о русском филологе-медиевисте Елене Константиновне Ромодановской, а также воспоминания К. В. Ромодановского, отца Елены Константиновны, ее собственные и воспоминания о них. Книга рассчитана на филологов и историков, а также на всех, интересующихся русской литературой.

© Коллектив авторов, 2015
© Институт филологии СО РАН, 2015
© Издательство «Индрик», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Скржинская. Новелла о Гикии	15
И. М. Грицевская, В. М. Лурье, Н. П. Похилько. Анонимное славянское поучение под именем апостола Петра и его псевдоэпиграфические источники	23
Н. К. Тимофеева. Понятие «ученая дружба» как один из аспектов неформальной коммуникативной связи	53
М. Н. Климова. К истории <i>мифа о великом грешнике</i> в русской литературе (Киево-Печерский патерик, слово 15)	61
Н. Ф. Котляр. Князь. Муж. Дружина (о древнейших социальных понятиях летописи)	68
А. А. Пичхадзе. Глава «О отрицании» в древнерусском переводе Студийского устава	76
Е. А. Конявская. Князь Владимир Всеволодович Мономах: Портрет и автопортрет	81
Л. Г. Панин. Некоторые актуальные вопросы изучения состава чтений и языка Друцкого Евангелия XIV века. Ошибки в заглавии чтений	87
Г. А. Лончакова. Послание о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики: К вопросу о литературном методе	93
Н. А. Лукьянова. Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики	107
О. С. Сапожникова. Толковый Пасхальный Канон и сочинения Иоанна Дамаскина в сборнике XV в.	121
А. Г. Бобров. Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века	133
А. И. Алексеев. О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих	148
В. Я. Петрухин. Иван III — ересиарх? К спорам о ереси «жидовствующих»	158

Ф. В. Панченко. «Еже не съкрыти таланта от Бога преданного ми» (Материалы к творческому портрету Матфея Десятого)	171
Т. В. Пентковская. Толковый Апостол в переводе- восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: Принципы и характер работы над текстом	209
М. С. Крутова. Сказание о епископе Иларионе Меглинском в составе Лицевого Летописного Свода XVI века	221
В. С. Томеллери. Вокруг «Парадоксов» Цицерона в мнимом переводе А. М. Курбского. Проблемы и перспективы	233
А. Н. Кручинина. «Радуйся, Христово воине прехрабрый». Отпустительные тропари в службе равноапостольному князю Владимиру	245
В. И. Охотникова. Коты древнерусской литературы	275
А. В. Вознесенский. О Евангелии, изданном в 1600 году в Вильне в типографии Мамоничей	284
О. А. Белоброва. О лицевой Пчеле XVII века	293
Э. Малэк. Незученные редакции «Повести о семи мудрецах»	297
И. А. Лобакова. Сказания о посмертных чудесах в Житии Галактиона Вологодского: К вопросу о развитии сюжетного повествования в XVII веке	304
А. В. Сиренов. Описание древнекняжеского некрополя и канонизационная политика в России XVII в.	313
А. А. Романова. Несколько наблюдений о почитании «неведомых святых» в России	323
Н. В. Понырко. «Мирское» житие как новый тип жития в русской агиографии XVII века	331
М. А. Федотова. Из комментариев к переписке святителя Димитрия Ростовского (Кто такой Степан Васильевич)	343
Н. С. Гурьянова. Старообрядцы и традиции книжников Древней Руси	353
Т. Г. Казанцева. Акафист Богородице в старообрядческой традиции (на материале служебных книг дореформенной редакции и певческой практики истинно православных христиан странствующих)	363
Е. М. Юхименко. Житие великомученицы Варвары в Выговских Четиях Минеях и иконописи	381

В. А. Есипова. «Повествование о Спасителеве образе»: Рукопись ОРКП НБ ТГУ	391
А. В. Пигин. «Слово от Старчества»: Беседа инок Захарии с учеником Евфимием об антихристе — малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в.	406
А. Н. Власов. Устные и письменные формы повествования о местных святых и чудотворных иконах Устюжского края	423
О. В. Белова. От изображения к тексту: О некоторых особенностях репрезентации библейских сюжетов в фольклорной прозе	430
С. И. Николаев. Мотив «посох с деньгами» в псковском предании	441
Т. М. Николаева. Это загадочное слово МГЛА	451
В. И. Еремина. Проблемы типологии эпоса	463
Т. Г. Иванова. Сибирский фольклорист Н. В. Ушаров	475
И. П. Медведев. Критические заметки А. Н. Оленина на записку академика Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей	483
В. Г. Вовина-Лебедева. К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: Степан Антонович Еремин	495
А. Накадзава. Изучение древнерусской литературы и истории в Японии: Новые исследования	521
Л. А. Курышева. Сюжет о коварной сестре в «Гистории королевича Архилабона»	528
Е. К. Никанорова. Сюжетная семантика мотива беспрекословного повиновения и ее изменение в анекдотах о российских правителях XVIII — начала XIX вв.	533
Н. Д. Кочеткова. Мотивы повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» в стихотворении В. Д. Голицына	549
В. Е. Ветловская. Из комментария к драме Пушкина «Каменный гость» («Мой Лепорелло, завтра — приготовь...»)	554
В. Е. Багно. Сибирь и Дальний Восток в личной библиотеке и творчестве Пушкина	565
В. Г. Одинокоев. Н. В. Гоголь и А. П. Чехов: Траектория творческого «полета»	577
Л. П. Якимова. У истоков русской семиотики: В. Ф. Одоевский	584

Н. П. Матханова. «Записки иркутского жителя» И. Т. Калашникова: рукопись и публикация	591
В. К. Васильев. К семантике психотипа «тургеневская девушка»	601
Н. А. Непомнящих. Сюжет о спасении души в рассказе Н. С. Лескова «Человек на часах» («Спасение погибавшего»)	609
Б. Ф. Егоров. Исследование творческой личности ученого-гуманитара ...	614
Л. Н. Синякова. «Живая жизнь» и «привычка» как концепты художественной антропологии А. П. Чехова («В ссылке»)	619
Е. К. Созина. Этнографическая беллетристика в русской литературе рубежа XIX–XX вв.	625
М. Осиак. Отголоски русской литературы в Румынии	637
Е. Ю. Куликова. Путешествие слова в поэзии акмеистов	643
Е. В. Капинос. Элегия Г. Р. Державина и песня А. П. Сумарокова в рассказе И. А. Бунина «Несрочная весна»	649
А. Е. Аникин. Две заметки к теме «Ахматова и Анненский»	657
М. В. Рождественская, Т. В. Рождественская. О «петербургско-ленинградском» тексте в эпистолярном наследии поэта Всеволода Рождественского	671
Е. Н. Проскурина. «Две души» Фаустов А. Платонова	683
И. Е. Лоцилов. Труды Е. К. Ромодановской о жанре видений и художественный мир Николая Заболоцкого (Некоторые сближения) ...	691
В. И. Тюпа. Две реплики запредельного диалога поэта Юрия Живаго	711
М. Ю. Новицкая. Тема материнства в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина): К 60-летию поэта	717
Т. С. Царькова. Концепты и константы петербургских поэтических антологий (первое десятилетие XXI в.)	744

ПОСВЯЩЕНИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ

ПОСВЯЩЕНИЯ

С. А. Лебедева. Жизнь	765
Ю. Г. Фелелова. Успение. Венок сонетов	767
В. А. Ромодановская. «Господи...»	775

ВОСПОМИНАНИЯ

К. В. Ромодановский. Воспоминания (вступ. ст., подгот. текста и комментарии С. Г. Петрова и В. А. Ромодановской)	779
[В армии Колчака]	785
Воспоминания о Владимире Николаевиче Тонкове	787
Некоторые сведения из истории кафедры нормальной анатомии Омского медицинского института	799
Сорок лет изучения лимфатической системы и раздумий по поводу ее строения	805
Фрагменты прожитого и пережитого. Из истории организации Омского медицинского института	810
Ю. И. Бородин. Вспоминая Константина Владимировича Ромодановского ..	843
Л. Н. Иванова. «Константин Владимирович был человеком глубоко честным и в науке и в жизни»	853
Е. К. Ромодановская. Из воспоминаний	859
Об Александре Григорьевиче Гинецинском	859
О значении работ И. П. Еремина для исследования жанровой системы древнерусской литературы	865
Лев Александрович Дмитриев	872
О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве: воспоминания разных лет	877
Академик Н. Н. Покровский — организатор и руководитель археографических работ в Сибири: К 70-летию со дня рождения	879
Л. В. Сумкина. «...Я всех любила»	883
М. П. Кучерова. «Мы были подругами 65 лет»	905
Л. И. Вуич. Леночка Ромодановская	909
Н. Ф. Котляр. В доме Спасских	915
Из писем Ивана Георгиевича Спасского к Елене Константиновне Ромодановской	919
А. С. Сумкин. Квартира на Серебренниковской	931

Н. С. Демкова. Вспоминаю Лену Ромодановскую	947
А. Х. Горфункель. «...Опыт первой экспедиции оказался крайне полезным» ..	955
А. М. Грязнова. «Мы крепко сдружились — и на всю нашу жизнь...»	959
Н. А. Лукьянова. «Прожитая ею жизнь была гармоничной»	963
С. П. Рожнова. Очень личные воспоминания	965
Е. К. Пиотровская. Факел и Константа	971
М. Ю. Новицкая. Окликая бывшее	995
Л. И. Сазонова. Мозаика памяти	1003
Полевой дневник Алтайской археографической группы 1968 г. (вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н. Д. Зольниковой)	1011
Т. В. Панич. Вспоминаю Елену Константиновну Ромодановскую	1027
Л. В. Титова. Добрая фея	1035
Н. Л. Дмитриева. Елена Константиновна и Варя	1047
М. Н. Климова. В начале жизни... ..	1049
О. Д. Журавель. «Она казалась всесильной волшебницей»	1057
Ю. В. Шатин. Воспоминания о Елене Константиновне Ромодановской ...	1067
Т. Ф. Чалкова. «Окно в большую науку»	1071
Е. Н. Кузьмина. На добрую память о Елене Константиновне	1073
С. К. Севастьянова. «...Это было более тридцати лет назад»	1075
А. В. Шунков. Вспоминаю Учителя... Елена Константиновна Ромодановская	1079
Н. А. Непомнящих. Елена Константиновна Ромодановская как идеолог «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы»	1087
Л. А. Курышева. Два устных рассказа Елены Константиновны	1089
Т. И. Ковалева. Лестница, ведущая вверх	1091
Указатель имен к разделу воспоминаний	1101
Вместо Эпилога	1125
Наши авторы	1187
Сокращения	1198

ИССЛЕДОВАНИЯ

У всех народов устные рассказы о современных событиях рождаются постоянно и все время обновляются. Большинство их быстро забывается, не получая какой-либо законченной формы. Если же устный рассказ об исторических событиях не умирал вместе с поколением его создателей, он в обществах, достигших развитого государственного устройства, в частности во всех древнегреческих полисах, превращался в историческую новеллу с закрепленным сюжетом. Так в течение долгого времени сохранялась в народе память о выдающихся реальных личностях и событиях. Построение новеллы по законам фольклора допускало определенный отход от реалий повседневной жизни, поэтому имеющиеся с точки зрения нашей логики ошибки не стоит считать привнесенными писателями, записавшими предание.

Геродот был первым греческим автором, который использовал новеллы как исторический источник; многие из них он подробно излагал, сохраняя особенности устного повествования.¹ Вслед за ним многие эллины стали включать в свои сочинения исторические новеллы, в их числе были и местные историки в античных городах Северного Причерноморья. Лучший образец записи этого вида фольклора в Херсонесе сохранился в заключительной главе сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», где находятся неотредактированные выписки из сочинений херсонесских историков;² среди них выделяется своей величиной историческая новелла о Гикии. Время ее действия определяется присутствием в рассказе сына боспорского царя Асандра, правившего с 47 по 17 г. до н. э. Согласно последним исследованиям ученых, события, описанные в новелле, относятся к 27–25 гг. до н. э.,³ а законченную устную форму новелла приобрела несколько позже.

Любознательный херсонесит заинтересовался историей женской статуи, уже давно стоявшей в городе. Он вытер от пыли пьедестал и прочел, за что граждане поставили памятник своей соотечественнице. Решив узнать о ней более подробно, он сумел найти людей, помнивших передававшийся из уст в уста рассказ о подвиге Гикии. Эту новеллу историк старательно записал, сохранив особенности устного повествования, и, незначительно ее литературно обработав, включил в свое сочинение о Херсонесе. В трактате Константина

¹ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 66–67; Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 102–110.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. М., 1989. С. 450–451.

³ Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 39–41.

Елена Константиновна Ромодановская. 1960-е гг.

Багрянородного текст херсонесита с небольшими правками уцелел в первоизданном виде. Содержание его таково.

Богатый гражданин Херсонеса Ламах, занимавший высокие государственные должности, отдал, по просьбе боспорян, свою единственную дочь Гикию в жены сыну царя Аспурга. Последний хотел вернуть Херсонес в подчинение Боспорскому царству, как это было до 46 г. до н. э. С этой целью муж Гикии, живший с ней в Херсонесе, составил заговор для захвата города, и центром сбора боспорян стал обширный херсонесский дом супругов. Любимая служанка Гикии случайно узнала об этом. За какую-то провинность девушку заперли в комнате и велели прясть лен. Когда с ее веретена упало на пол пряслице, она нашла его в глубокой щели, в которой увидела большое количество незнакомых мужчин. Служанка позвала хозяйку, и та поняла, что без ее ведома в доме находятся боспорские заговорщики, и что они собираются захватить власть в ближайшие дни, когда Гикия устроит большое угощение для горожан в годовщину смерти ее отца. Тогда все станут пить много вина и после этого беспробудно спать, так что с горожанами будет легко расправиться. Гикия разработала план, как сорвать замысел неприятелей, и привлекла для этого видных граждан и своих доверенных служанок. В день праздника она велела всем своим помощникам изображать веселье, но не пьянеть, сама же пила воду из красного кубка, чтобы муж не заметил, что там налито не вино. Вечером помощники Гикии обложили ее дом дровами, залили их маслом и подожгли после того, как хозяйка со своими служанками, захватив ценности, покинула здание и заперла все выходы. Херсонеситы воспрепятствовали боспорянам, пытавшимся спастись из пожара, поэтому все заговорщики погибли. Так был сорван план захвата боспорянами власти в Херсонесе, и для этого Гикия сознательно пошла на утрату значительной части собственного имущества. В благодарность за ее подвиг во имя родины граждане поставили в городе две бронзовые статуи своей спасительницы и на пьедесталах высекли надписи, рассказывающие об ее деянии. Сама же Гикия пожелала увековечить себя экстраординарными почестями, а именно завещала похоронить ее в черте города, а не на территории некрополя. Чтобы убедиться в исполнении своей воли, Гикия разыграла собственные похороны и поняла, что ее пожелание не будет исполнено. Она пристыдила граждан, поклявшихся исполнить ее просьбу, и они еще при ее жизни в указанном ей самой месте соорудили гробницу и поставили рядом позолоченную статую героини.

Таков сюжет новеллы, существовавшей в устной передаче херсонеситов несколько десятилетий. Ее героиня Гикия носит редкое для Херсонеса имя, которое представляет местный вариант ставшего именем прилагательного *γλυκεῖα* ('сладостная, милая'). В имеющейся у нас записи рассказ изобилует характерными для фольклора переданными в прямой речи диалогами: боспоряне ведут переговоры с херсонеситами, Гикия беседует с мужем, с любимой служанкой, с гражданами, помогавшими устроить пожар, и с горожанами, нарушившими обещание похоронить ее в черте города. Зная сюжет новеллы,

каждый по своему усмотрению составлял эти диалоги, и у хорошего рассказчика они становились наполненными эмоциями. В драматических местах, где рассказчик чувствовал себя как бы свидетелем происходящих событий, он переходил от прошедшего времени, в котором велось все повествование, к настоящему (*praesens historicum*). В записи новеллы это время употреблено около десяти раз.

Для современного исследователя рассматриваемый текст представляет редчайший источник об истории, фольклоре и быте Херсонеса в I в. до н. э. Однако до сих пор внимание ученых сосредотачивалось в основном на выделении исторических фактов, в первую очередь на уникальном свидетельстве о попытке Боспора вернуть свое политическое и экономическое влияние на Херсонес.⁴ Большая научная литература, касающаяся новеллы о Гикий, собрана в комментарии Л. И. Грацианской к 53 главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»;⁵ с обновленным вариантом этого издания, находящимся в печати, мне любезно разрешили познакомиться. Там, как и в книге 1989 г., нет речи о стилистическом разборе текста и о реалиях быта города, которые мы постараемся рассмотреть в новелле.

Историческим новеллам, как и другим прозаическим жанрам фольклора, были свойственны определенные стилистические особенности.⁶ Отметим важные для нашего исследования черты. В отличие от авторов литературных произведений, в фольклоре рассказчик никогда не выступал на первый план повествования, он контрастно противопоставлял положительные и отрицательные качества действующих лиц, характеризовал героев описанием их действий. Собственные имена в повествовательном фольклоре имелись лишь у немногих главных героев, остальные действующие лица назывались по их отношению к героям: друзьями, родственниками, врагами, послами и др. В новелле не указывались определенные временные даты. Повествование нередко оживлялось монологами и диалогами героев и употреблением *praesens historicum*. Указание определенных топографических пунктов придавало рассказу особую достоверность. Надо помнить, что устная новелла не имела закрепленного текста, ее детали изменялись при переходе от одного рассказчика к другому; зачастую, но далеко не всегда, это было связано с определенными социальными и политическими взглядами исполнителя. Все эти черты можно увидеть в новелле о Гикий.

Выше уже были отмечены некоторые из этих особенностей (прямая речь, *praesens historicum*). К ним следует добавить еще несколько характерных фольклорных черт. В новелле много действующих лиц, но собственные имена имеют лишь героиня и ее отец. Имена прочих персонажей первоначально были у всех

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 454–457.

⁶ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 65; Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 240.

на слуху, но с течением времени они забывались жителями города, поэтому, когда оформилась новелла, говорили просто о слугах, родственниках, видных гражданах и заговорщиках. Даже о муже Гикий упоминалось без имени как о сыне боспорского царя; его имя Асандр, по всей вероятности, добавлено историком, почерпнувшим свои сведения из надписи на пьедестале статуи Гикий.

Действие новеллы концентрируется вокруг главной героини. Ей принадлежит весь замысел раскрытия заговора и уничтожения заговорщиков, хотя вряд ли приглашенные ею на помощь граждане были слепыми исполнителями ее воли и не участвовали в составлении плана расправы с боспорянами. Однако в фольклорном рассказе обычно проявляется стремление к выпрямлению и упрощению сюжета.

Довольно неправдоподобным выглядит сообщение о том, что большое количество заговорщиков собиралось в подвале дома Гикий в течение двух лет, и они силой собирались установить свою власть в городе. Ведь от безвылазного сидения в небольшом помещении человек быстро теряет хорошую физическую форму и вряд ли способен к активной борьбе. Но для фольклорного сюжета такие соображения не имели значения, зато было очень эффектно показать, как одним махом херсонеситы расправились с большим отрядом боспорян и перехитрили тех, кто долго готовился навязать им свое господство. Вообще в греческом фольклоре особо ценилась смекалка героев, с помощью которой они побеждали противника. Достаточно напомнить Одиссея с его постоянным эпитетом хитроумный; герой множества знаменитых мифов троянского цикла побеждал, как правило, именно благодаря своим хитро задуманным планам. В новелле с большим одобрением рассказано о двух подобных замыслах Гикий: она придумала, как усыпить внимание заговорщиков, благодаря чему херсонеситы быстро с ними расправились, а также сумела проверить, исполнят ли граждане ее желание о погребении в черте города.

В общественном сознании херсонеситов издавна существовало убеждение, что покровительницей их города является Артемида в ипостаси Партенос (Дева), которая неоднократно приходила на помощь в критические моменты истории государства. Ее чудесные явления описал в своем труде местный историк Сирик, живший в первой половине III в. до н. э. (IOSPE I². 344⁷). В надписи того же времени (IOSPE I². 343) сказано, что народ воздает Деве «должную благодарность за полученное от нее спасение» во время нападения варваров на участников праздника Диониса, проходившего вне стен города. Выражая свою признательность богине, херсонеситы заверяли ее, что помнят, как она и раньше спасала Херсонес от величайших опасностей. Во время войн Херсонеса со скифами во II в. до н. э. жители города наблюдали знамения в храме богини и были уверены в ее содействии полководцу Диофанту и его воинам, победившим врага (IOSPE I². 352).

⁷ Здесь и далее IOSPE I² — *Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli*, 1916.

Помощь Девы в раскрытии заговора боспорян несколько раз упоминалась в новелле о Гикии. Однако переписчик текста, живший спустя несколько столетий, когда христианство стало господствующей религией в Херсонесе, заменил упоминание богини понятным ему единым Богом, не задумываясь о том, что во времена действия новеллы христианство еще вообще не существовало. Поэтому получилось, что Бог, а не языческая богиня, помог Гикии обратить внимание на просьбу зайти к провинившейся служанке: ведь хозяйка скорее всего не стала бы навещать разгневавшую ее рабыню. Служанка считала, что по Божьей воле упало пряслице с ее веретена, и благодаря его поискам она обнаружила заговорщиков. В конце новеллы трижды сказано, что Гикия спасла отечество с Божьей помощью, а один раз прямо говорится, что Бог спас город от козней боспорян. Еще одно исправление переписчика новеллы коснулось названия города и его граждан. Как свидетельствуют надписи, до заката античности город назывался Херсонесом, а его жители херсонеситами, и так, конечно, было в новелле; наименования Херсон и херсониты появляется в V–VI вв. н. э.

Херсонесский историк, запомнив надпись на пьедестале статуи Гикии, ввел в новеллу некоторые сведения из этого текста. При имени гражданки в официальных документах греки всегда называли имя отца или мужа женщины. В надписи Гикия явно именовалась дочерью уважаемого херсонесита Ламаха, а не женой коварного боспорянина. В надписи также упоминался царь Асандр, при котором боспоряне составили заговор для покушения на независимость Херсонеса, и это произошло, когда стефанофором и протевонем был Зет, сын Зета. Писатель вставил эти слова из надписи как вводное примечание в текст новеллы. Также из официального документа автор заимствовал дату мнимой смерти Гикии (при стефанофоре и протевоне Стратофиле, сыне Филомуса).

Новелла о Гикии представляет уникальный источник о ежедневной жизни Херсонеса на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. Мы узнаем, что в Херсонесе имелись районы с разными названиями; один из них, примыкавший к стене в припортовой части города, назывался Сосы. На городском участке богатого человека находилось несколько строений и среди них загон для скота, который укрывался за городскими стенами в случае нападения неприятеля. Участок, примыкавший к оборонительным сооружениям, мог иметь собственную калитку в стене, чтобы выводить скот на пастбище.

Упоминание о богатствах Ламаха дает представление о том, чем владели состоятельные херсонеситы. Они имели большой дом в городе, золото и серебро, которое, вероятно, заключалось не только в монетах, но и в сосудах и украшениях из этих металлов. Кроме того, богатч был крупным землевладельцем и имел большие стада домашних животных: коней, коров, овец и ослов; для каждого вида животных существовали отдельные стойла. Для ведения хозяйства в распоряжении состоятельного гражданина находилось много рабов и рабынь. Мы узнаем также, что херсонеситы приглашали на угощение горожан в годовщину смерти своих родителей.

В новелле отражены еще некоторые другие подробности быта. В богатой семье у мужчин и женщин были слуги для личных надобностей. Помогая во всем хозяину, они становились их доверенными особами, на которых можно было положиться в разных затруднительных случаях. Так, муж Гикии поручал своим трем верным рабам тайно проводить в дом заговорщиков, а личная служанка Гикии стала ее любимицей; она названа заимствованным из латыни словом *кубикουλάρια* (*cubicularius* 'слуга, спальник'). Такое слово мог употребить лишь образованный человек, знавший латынь, так что это надо причислить к одному из самых ранних свидетельств о знании латинского языка в Херсонесе.

За провинность хозяйка посадила рабыню в отдельную комнату и дала задание прясть лен. Такого было наказание, так как это не входило в обязанности девушки, ведь этим занимались рабыни рангом ниже; но, как всякую женщину в античности, ее с детства учили прясть и ткать. В переводе сказано, что служанка уронила катушку, которая закатилась в глубокую дыру в полу, в которой она увидела боспорян. Однако на веретене отсутствовали катушки. На его нижнюю часть насаживали различные пряслица; они играли роль маховика, обеспечивая непрерывное вращение веретена, а в зависимости от их количества и веса получалась нить разной толщины. Именно о пряслице (*σφόνδυλος*) шла речь в новелле. Деревянные и костяные веретена и пряслица неоднократно находили при раскопках античного Херсонеса.⁸

Обратим внимание еще на одну неточность перевода, имеющую значение для понимания смысла описываемого эпизода. Речь идет о «порфирном кубке», из которого, чтобы не опьянеть, Гикия пила воду вместо вина. Трудно представить сосуд, сделанный из камня порфира. Речь идет о цвете кубка, скорее всего о краснолаковой чаше. Ведь прилагательное *порфύρεος* означает темнокрасный. В красном сосуде трудно заметить, что в нем налита вода, а не вино. Не случайно сказано, что Гикия отыскала такой кубок, ведь краснолаковую посуду, в частности чаши, украшенные растительным или геометрическим орнаментом, стали ввозить в Северное Причерноморье только в I в. до н. э.,⁹ так что во времена Гикии такой кубок был редкостью.

Как свидетельствуют надписи (IOSPE I². 34, 352, 418, 423, 425), в эллинистический и римский период город украшали бронзовые и мраморные статуи мужчин, граждан и иностранцев, оказавших услуги Херсонесу. Из рассматриваемого нами текста становится известно, что наградить статуей за заслуги могли женщину уже в I в. до н. э. О том, что херсонеситы ставили памятники соотечественницам, оказавшим услуги государству, известно из составленной от имени народа надписи II в. н. э. на постаменте статуи Лаодики. Ее отец Зет,

⁸ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 219; Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 57–59, табл. 11, № 24, 25.

⁹ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 231.

так же, как отец Гикий Ламах, занимал высшие должности в государстве, а муж Тит Флавий Партенос имел не только местное, но и римское гражданство¹⁰ (IOSPE I.² 431). К сожалению, в уцелевшей части надписи нет сведений о заслугах Лаодики.

Итак, херсонесский историк записал подробный вариант новеллы о Гикий и дополнил ее своими наблюдениями. Это о себе он сказал, что любитель прекрасного регулярно обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть историю о подвиге Гикий и о провале козней боспорян. Видимо, в надписи говорилось, при каких высших магистратах происходили события в жизни Гикий, и оттуда историк заимствовал их имена. Представляется мало вероятным мнение А. Ю. Виноградова,¹¹ что автор, написавший в V в. исторический труд о Херсонесе, для придания сочинению большей достоверности произвольно взял эти имена из документов II в., так как подобные имена встречаются в известных сейчас надписях.

Историческая новелла о боспорском заговоре и подвиге Гикий продолжительное время существовала в фольклоре херсонеситов. Писатель, включивший это предание в свой труд, жил не позже I–II в. н. э. Он, вероятно, сам, будучи талантливым рассказчиком, сумел детально воспроизвести народное предание с его характерными особенностями устного повествования. Долгому сохранению новеллы в памяти херсонеситов способствовали стоявшие в городе памятники Гикий с надписями о ее деяниях, а также топоним Λαμάχου σκοπὴ, который, мне кажется, надо перевести не как Ламахова башня,¹² а как возвышение на месте сгоревшего дома Ламаха. Ведь Гикий просила горожан засыпать пожарище (так появилось возвышение) и оставить на память это место незастроенным; оно оставалось таковым до времени жизни херсонесского историка (σῆμερον), называясь возвышением Ламаха.

Рассмотренный текст дает возможность узнать о больше нигде не зафиксированных исторических фактах и подробностях быта херсонеситов, а также познакомиться с образцом местной устной новеллы. Писатель использовал ее как источник о прошлом своей родины и дополнил рассказ сведениями из надписей на памятниках Гикий. Тот, кто делал выписки для Константина Багрянородного, внес незначительные правки в названии Херсонеса и его граждан и в упоминания богини Партенос, заменив его христианским Богом.

¹⁰ Херсонес Таврический... С. 445.

¹¹ Виноградов А. Ю. Херсонес — Херсон. Две истории одного города // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 52.

¹² Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) // Советская археология. 1987. № 1. С. 50.

И. М. Грицевская, В. М. Лурье, Н. П. Похилько АНОНИМНОЕ СЛАВЯНСКОЕ ПОУЧЕНИЕ ПОД ИМЕНЕМ АПОСТОЛА ПЕТРА И ЕГО ПСЕВДОЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Введение

Известен ли был на Руси перевод *Апокалипсиса Петра*? Вопрос этот обсуждался в научной литературе в связи с расхождением данных индексов ложных книг и данных реальной книжности.

В индексах ложных книг практически всех редакций и видов, существовавших на Руси с XI по XVII в., за редким исключением, имеется именование «Обавление Петрово» (или реже «Откровение Петрово»). Оно вошло уже в древнейший индекс в Изборнике 1073 г. Поскольку абсолютное большинство возникших в дальнейшем редакций и видов индекса ложных книг восходило именно к этому тексту, то и «Обавление Петрово» нашло место практически во всех, вплоть до печатного индекса из «Кирилловой книги», изданной на Московском Печатном дворе в 1644 г.¹ Лишь в очень редких индексах, наиболее точно отражавших книжную ситуацию в Древней Руси, это упоминание отсутствовало.²

Однако в дошедшей до нас рукописной древнерусской традиции не удавалось найти соответствующего текста. В результате замечательный знаток рукописной книжности Н. С. Тихонравов с уверенностью включил это указание в ряд таких же указаний, входящих в индекс традиционно и не имеющих соответствия в реальной древнерусской книжности.³

В 1978 г. немецкий исследователь А. де Сантос Отеро издал каталог славянских версий библейских апокрифов, в котором указал на текст из русской рукописи, надписанный как «Слово и исправление Петра апостола верховного, поучение святого апостола Петра о втором пришествии» (далее — *Слово и исправление Петра*).⁴

¹ Подробнее об этом см.: Грицевская И. М. Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012. С. 104–141.

² Упоминание о Петровом откровении (обавлении) отсутствовало в списках индекса Новгородско-Псковского вида. См.: Там же. С. 120. Оно могло отсутствовать также в поздних нерегулярных редакциях.

³ Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 151. Наряду с *Откровением Петра*, ученый называл такие памятники, как *Молитва Иосифа*, *Елдад и Модад*, *Псалмы Соломоновы*, *Псалмы некоторые Давидовы*, *Асенефь*, *Ильино обавление*, *Софониино обавление*, *Захариино обавление*, *Евангелие от Варнавы*, *Павлово обавление*.

⁴ Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Bd. 1. Berlin; New York, 1978. S. 212–213.

Елена Константиновна Ромодановская. Иерусалим, 2009 г.

[24]

Очевидно, опираясь лишь на это указание, Н. А. Кобяк включила *Откровение Петра* в ряд памятников, входящих в индекс ложных книг из Изборника 1073 г. и известных на Руси. Всего таких памятников, по мнению исследовательницы, девять. Помимо *Откровения Петра*, это следующие произведения: *Адам* (или *Адамль завет*), *Заветы* (12) *патриархов*, *Исаино видение*, *Иаковля повесть* (очевидно, *Первоевангелие Иакова*), *Обхождения апостольские*, *Павлово откровение*, *Учение Климентово*, *Асенефь*.⁵

Известный в единственной рукописи текст со странным названием *Слово и изправление Петра апостола верховнаго. Поучение св(я)таго апостола Петра о втором пришествии его* (где «его», разумеется, означает вовсе не Петра, а Христа) был введен в научный оборот Аурелио де Сантос Отеро в рамках предпринятой им инвентаризации славянских апокрифов. Этот текст послужил ему для обоснования тезиса о том, что упоминаемый в славянских списках запрещенных книг *Апокалипсис Петра* (*Обавление Петра*), возможно, когда-то все-таки был переведен на славянский, и вполне возможно, что этот перевод в большей или меньшей степени отразился в указанном тексте: «Ich möchte trotzdem auf eine russische Handschrift hinweisen, in der, meiner Meinung nach, die Merkmale einer slavischen Petrusapokalypse gegeben sind».⁶ Однако сама рукопись была ему известна лишь по опубликованному описанию, откуда он мог взять только название и инципит. А. де Сантос Отеро еще не имел доступа к критическому изданию полной (эфиопской) версии *Апокалипсиса Петра*, которое появится только в 1988 г.,⁷ но уже тогда можно было понять по доступным в то время отрывкам, что ни название, ни инципит не внушают оптимизма по поводу возможной идентичности славянского текста *Апокалипсису Петра*. Первый же взгляд на саму рукопись заставляет убедиться, что об идентичности не может быть речи: это какое-то довольно позднее церковное поучение, автор которого, тем не менее, ссылается на апостола Петра и, кроме того, упоминает другие христианские псевдоэпиграфические произведения.

Забегая вперед, скажем, что успехи нашей попытки определить происхождение памятника оказались более чем скромными. Очевидно лишь то, что рукопись РГБ, ф. 37.1 (собр. Т. Ф. Большакова), № 162, XVII в., созданная где-то в пределах Московской Руси, отражает — причем весьма некачественно — южнорусский протограф. Но в южнорусской письменности на славянском языке местного извода мог сохраняться сколь угодно древний славянский текст любого происхождения.

⁵ Кобяк Н. А. Индекс ложных книг и древнерусский читатель // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 352–363; Кобяк Н. А. Списки отреченных книг // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 441–447.

⁶ Santos Otero A. de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. S. 213.

⁷ Buchholz D. D. Your Eyes Will Be Opened: A Study of the Greek (Ethiopic) Apocalypse of Peter. Atlanta, 1988.

[25]

Предположение о том, что *Слово и исправление Петра* является переводом с греческого, можно принять как статистически вероятное, но никаких лингвистических признаков наличия греческого оригинала нами не выявлено. Впрочем, параллель с одним из дошедших только на славянском канонических текстов (который, по мнению В. М. Лурье, является переводом с греческого) говорит в пользу наличия греческого оригинала хотя бы только у части нашего поучения.⁸

Текст *Слова и исправления Петра*, тем не менее, представляет заметный интерес для истории бытования довольно ранних христианских псевдоэпиграфов — так называемого арабского *Апокалипсиса Петра* (не путать с *CANT* 317⁹), *Апокалипсиса Павла* (*CANT* 325) и *Епистолии о Неделе* (*CANT* 311). Разумеется, если наш памятник переводной, то его данные о бытовании апокрифов нужно относить к Византии, а не к славянскому миру. В средневизантийский период, как мы знаем, еще довольно активно переписывались и читались апокрифические произведения, которые относительно скоро, еще прежде падения Византии, успели исчезнуть из византийской рукописной традиции.¹⁰ Но как раз в средневизантийский период формировался и древнейший корпус переводов с греческого на славянский...

В любом случае, *Слово и исправление Петра* заслуживает более пристального внимания научного сообщества, и мы считаем за честь посвятить его *editio princeps* памяти Елены Константиновны Ромодановской.

2. Содержание поучения: *Sitz im Leben* и неизвестный византийский собор

Почтение начинается *ex abrupto*, но вполне вероятно, что это не стилистический прием, а результат утраты предшествующей части текста. Текст в целом стилистически неоднороден, и можно подозревать в нем компилятивную структуру. Название текста в рукописи также говорит в пользу его компилятивного характера: текст лишь в относительно небольшой своей части ссылается на апостола Петра, сам же анонимный автор нигде себя не идентифицирует.

⁸ Попытка идентифицировать оригинал через поиск переведенных на греческий язык ключевых слов из нашего текста в базе *Thesaurus Linguae Graecae* оказалась неудачной.

⁹ *CANT* — Geerard M. Clavis Apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout, 1992 (Corpus Christianorum); при ссылках на этот справочник приводятся только номера произведений. Данные справочника в основном соответствуют состоянию науки на середину 1980-х гг., поэтому почти для каждого отдельного произведения они в чем-то устарели. В частности, для *Апокалипсиса Петра* еще не учитывается его первое полное издание, осуществленное Д. Д. Бухгольцем (см. выше).

¹⁰ См., например: Gero S. Jannes and Jambres in the *Vita Stephani iunioris* (BHG 1666) // *Analecta Bollandiana*. 1995. Vol. 113. P. 281–292.

Текст *Слова и исправления Петра* состоит из двух риторически построенных частей. Первая имеет изоколическую структуру: она состоит из колонов (всего их более 25) — изотонических синтаксических структур, содержащих примерно равное количество ударений. В тексте *Слова и исправления Петра* в каждом колоне, как правило, 10–12 ударений, причем с фиксированными 4 ударениями до цезуры («Горе тебе, душе моя»)¹¹. Колонны (за несколькими исключениями) начинаются анафорически: чередующимися восклицаниями-зачинами «Горе тебе, душа моя» или «Увы мне, душа моя». В большинстве случаев они содержат антитезу, синтаксические параллелизмы («в церковь Божию ходишь, а гнева и ярости и блуда не останеши»; «милостыню даеши убогим на спасение души своей, а обидеши не преставаая» и пр.).

Вторая часть *Слова и исправления Петра* тоже имеет риторическую структуру. Оно представляет собой маркированные единоначалием («Тако глаголет Господь...») обращения Бога к «учителям»: «к иерею и книжником», «архиепископом и попом», «попом и всем учителем».

Построение, сходное с описанным, хорошо известно в древнерусской книжности. Оно имеется в *Слове о умилении души* (на 25-ю неделю после недели Всех Святых),¹² входящем в постоянную модель устойчивого древнерусского сборника — годового Златоуста. Отметим, что включение этого текста в Златоуст говорит о его большой известности на Руси, ибо именно по подобным сборникам обычно в русских православных церквях проводилось регулярное уставное чтение.

Указанное *Слово о умилении души* так же, как и *Слово и исправление Петра*, состоит из двух частей. Первая из них включает 12 анафорически построенных колонов, начинающихся с «Горе тебе, душе моя!». Ни одно из восклицаний двух рассматриваемых текстов не совпадает, при этом и там и тут имеют место не только анафоры, но и, в большинстве случаев, антитетическое построение восклицаний, синтаксические параллелизмы.

Вторая часть слова из Златоуста содержит достаточно совершенное по форме, тщательно построенное поучение о милостыне. Текст не похож на *Слово и исправление Петра*, однако имеет ряд тематических (но не текстуальных) параллелей. Например, в обоих текстах говорится о злых богатых, дающих милостыню, собранную «от грабления убогих».¹³

¹¹ О подобных структурах в древнерусской письменности см.: Пиккио Р. Об изоколических структурах в литературе православных славян // Пиккио Р. *Orthodoxa Slavia*. М., 2003. С. 543–592.

¹² Названный памятник публикуется нами в Приложении 2. Греческий оригинал для него неизвестен, и о его происхождении нельзя сказать ничего определенного.

¹³ На близость *Слова и исправления Петра* традиции дидактических поучений указывает и то, что с восклицания «Горе тебе, душа моя» начинается целый ряд поучений, вошедших в круг уставного чтения. Так, помимо названного выше слова на 25 неделю после недели Всех Святых, в годовой Златоуст на 32 неделю после недели Всех Святых включалось еще одно слово с аналогичным названием. Это

Конечно же, подобные параллели в построении двух текстов не могут возникнуть случайно. Возможно, текст *Слова и исправления Петра* был построен из переводных фрагментов согласно образцам традиционного русского дидактического красноречия, хорошо известного любому книжнику (и не только книжнику) по уставным чтениям, регулярно звучащим в церкви.

Частично поучение обращено специально к архиереям и священникам (со слов «Глаголетъ Господь архиепископом и попом», л. 470 об.), что создает высокую вероятность того, что его автор позиционирует себя как старшего архиерея — митрополита или патриарха. Разумеется, если наш текст компилятивен, то тогда это соображение касается лишь одного из источников компиляции. В конце поучения автор представляет себя как говорящего со своей аудиторией «усты ко устам» (л. 472 об.), то есть лично, но, возможно, это прямое указание на устный характер поучения принадлежит лишь одному из источников компиляции.

Возможно, определению *Sitz im Leben* нашего текста когда-нибудь поможет необычное своей категоричностью запрещение использовать церковь для клятв (л. 470 об.):

На роту къ церкви не пущаете, то бо есть не ротница[м] создано. Збиратися в церковь на молитву, а не на рету. О, горе будетъ тѣмъ попомъ, иже пущаютъ ко церкви своей, то с ними отпущения в муку себѣ приемлете, се бо вы горѣе всего есть.

Обычно тема использования церковного здания никак специально не выделяется в обсуждении недопустимости (или допустимости) клятв.¹⁴ Но тут, похоже, автор участвует в какой-то довольно жесткой полемике, о которой мы ничего конкретного пока не знаем. Ближайшая параллель к этому пассажиру, нам известная, довольно загадочна сама по себе. Это также анонимный текст, встречающийся в некоторых редакциях русских кормчих (в рукописях не старше XIV в.), который показался его издателю, А. С. Павлову, оригинальным русским сочинением, хотя, возможно, и написанным автором-греком, поскольку оно цитирует 77-ю новеллу Юстиниана в переводе, который ниоткуда более не изве-

чрезвычайно известное в русской книжности слово *О умилении души*, самый ранний список которого дошел до нас в знаменитом Троицком сборнике (РГБ, ф. 304/1, № 12, конца XII — начала XIII в., л. 59–59 об.). Инципит его: «Горе тебе (или, в других списках «Ох тебе»), душе моя, увь мне, ужико моя, о горе, супряжнице моя. О чем первые ответ воздаси, и о котором си деле отвещаеши...». Однако этот текст не включает анафорически построенных изоклонов.

¹⁴ В частности, на русском и отчасти византийском материале, см. обзор данных: Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 86–113; Антонов Д. И. Клятвы и крест: Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 42–53.

стен, из-за чего А. С. Павлов предположил, что автор мог пользоваться греческим оригиналом. Мнение А. С. Павлова никем не пересматривалось.

Изданный А. С. Павловым текст называется *Пouchение Епископле всем христовлюбивым князем и всем правоверным христьяном и боголюбивым*.¹⁵ Такой адресат выглядит странно, если предположить, что его автор-епископ был один, но при этом не был патриархом; впрочем, если бы он патриархом был, то и его поучение было бы «патриаршее», а не «епископле». Но если понимать выражение «епископское поучение» в том смысле, что оно исходит от собора епископов, то ничего странного в таком адресате не будет. Действительно, в тексте мы увидим подтверждение того, что речь идет о соборе, — причем это будет то самое место текста, которое составляет некоторую параллель и нашему анонимному документу:

О хульных же глаголах что реку, не вемы: что о Бозе ротятся и кленутся, и крест целуют ротою, до церкви, и до олтаря, и до страшных таин, Божество поставляют на погубление свое. Да убо удивися небо о сем, они же не чювьстуют, богоотметници и преступници, и тем запрещаем съединения нашего судом, святительства и царства глаголом, словесем Господним, и не клятися отнюдь никакоже <...>. Того ради и всем проповедаем, елико нас христианскаго рода, да быша удалялися от таковых лютых прегрешений.¹⁶

Тональность соборного документа вполне очевидна, причем речь идет о совместном решении архиерейской и царской властей («святительства и царства глаголом»), но слово «собор» неудачно переведено на славянский: очевидно, «съединение» в цитате выше является калькой греческого *σύνωδος*. Такой славянский перевод *σύνωδος* выглядит приблизительно так же, как перевод этого же слова на современный русский не «собор», а «сходка», но теоретически он возможен. Славянское выражение «съединения нашего судом» указывает на какую-то вполне формальную инстанцию церковного права, а никакой иной судебной инстанции, кроме собора, представить на этом месте нельзя: патриарх, не говоря уж о простом архиерее, не стал бы самого себя называть «соединением». Думается, что именно такой неудачный перевод ключевого слова помешал А. С. Павлову распознать, что данный документ является соборным посланием и поэтому может исходить только от высокоавторитетного византийского собора, в котором принимал то или иное участие император. Теперь можно подтвердить предположения А. С. Павлова о том, что автор изданного им поучения читал Юстиниана в оригинале и был греком, но следует добавить, что и писал он по-гречески, да и сам собор — коллективный автор этого текста — был греческим.

Мы не будем пытаться идентифицировать этот собор, оставляя эту задачу будущим исследователям. Но мы можем отметить, что этот собор не просто выступает против клятв, но подчеркивает недопустимость включения обряда при-

¹⁵ РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 847–856, № 123.

¹⁶ Там же. Стб. 850–851.

несения клятвы в церковное чинопоследование и особенно в евхаристическую литургию. Как раз против этого выступает и наш анонимный автор. Следовательно, у нас появляются основания осторожно предположить, что *Sitz im Leben* то ли всего *Слова и изправления Петра*, то ли некоторой его части находится в Византии, где-то близко по времени к этому не идентифицированному собору.

Чуть ниже только что рассмотренного пассажа автор нашего поучения упоминает арабское завоевание — или какое-то другое мусульманское завоевание христианских земель, для которого арабские завоевания VII в. выступают в качестве архетипа (л. 471 об.—472). Это дает *terminus post quem* (вторая половина VII в.) для соответствующей части текста, к которой может относиться и раздел о недопустимости клятв в церкви.

В конце поучения автор ясно дает понять, что считает свою эпоху временем конца света (л. 473), но при этом не сообщает ни о какой конкретной традиции «исторической эсхатологии», которой он следует.

Таким образом, нам удалось выделить в тексте один потенциально датирующий признак — возможную связь с неизвестным византийским собором. Вторым таким признаком является довольно широкое использование псевдоэпиграфических произведений, которое будет рассмотрено в следующем разделе. Оба эти признака в совокупности и в сочетании с тем фактом, что и упомянутый византийский собор, и наше поучение известны только в славянских источниках, говорят в пользу средневизантийского периода, то есть IX–XII вв. Данные о церковных соборах этого периода дошли с большими лакунами, использование псевдоэпиграфической литературы тогда было более интенсивным, чем в поздневизантийский период, и, наконец, тогда уже византийские тексты в значительных объемах переводились на славянский язык. Наиболее естественно предположить, что наш текст является одним из довольно многих произведений средневизантийского периода, сохранившихся только в переводе на славянский язык. Более точная датировка станет возможной в случае идентификации собора, послание которого было издано А. С. Павловым.

3. Использование христианских псевдоэпиграфов

3.1. *Епистолия о Неделе*

Место в нашем поучении *Епистолии о Неделе*¹⁷ — наиболее скромное из всех трех использованных в *Слове и изправлении Петра* псевдоэпиграфов. Оно только упомянуто в следующем пассаже: «И почто словес моих небрежете? Посла к вам епистолию сына своего на землю, яко не ясте вѣры» (л. 471 об.). Речь

¹⁷ См.: CANT 311 и дополнительно, с датировкой: Esbroeck M. van. La Lettre du Dimanche, descendue du ciel // *Analecta Bollandiana*. 1989. Vol. 107. P. 267–284; текст VI в., сохранившийся в десятках редакций почти на всех языках христианского мира.

идет о некоей «епистолии» Иисуса Христа «на землю», то есть с неба на землю. Если не уходить в реконструкции глубокой христианской древности, то такой текст известен только один: это так называемая *Епистолия о Неделе*.¹⁸ Огромная популярность ее почти на всех языках христианского мира, включая греческий и славянский, делает факт ее упоминания неудивительным. Факт этот примечателен однако тем, что автор ссылается на *Епистолию* как на авторитетный источник, но не цитирует ее. Для автора, очевидно, важно было лишь указать на нее как на очередную — после Евангелий — попытку прямого диалога Сына Божия с согрешающим человечеством: ему был просто важен факт письма Сына Божия прямо с неба. А это, в свою очередь, дает представление о том круге источников христианского откровения, в котором мы уже не удивимся, если встретим Апокалипсисы Петра и Павла. Наше поучение, определенно, не принадлежит к «высокой» византийской книжности, но вполне в мейнстриме «низкой» или «средней» церковной литературы средневизантийского периода.

3.2. *Апокалипсис Павла*

*Апокалипсис Павла*¹⁹ в нашем поучении цитируется (точнее, пересказывается очень близко к тексту), но без эксплицитной ссылки, поэтому из способа

¹⁸ Если в эти реконструкции все же уходить, то придется считаться с тем документом, также небесного происхождения, заместить который была призвана в середине VI в. *Епистолия о Неделе* и о содержании которого мы можем судить только предположительно: в нем речь шла о почитании персонифицированной Пятницы. Впоследствии этот христианский культ пятницы будет заимствован в исламе, а в христианстве от него останутся лишь следы; см.: Lourié B. Fiday Veneration in Sixth- and Seventh-Century Christianity and Christian Legends about the Conversion of Naḡrān // *The Coming of the Comforter: When, Where, and to Whom? Studies on the Rise of Islam and Various Other Topics in Memory of John Wansbrough*. Piscataway, 2012. P. 131–230. В средневизантийский период произошло поглощение культа персонифицированной Пятницы культом персонифицированной Недели, но при этом и за пятницей осталось почетное место. Так, в средневизантийском (IX–XI вв.) *Апокалипсисе Анастасии* героиню встречают на небесах четыре святые девы: Богородица, Неделя, Пятница и Среда; см. подробно: Baun J. Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha. Cambridge, 2007.

¹⁹ CANT 325; текст III в., сохранившийся на большинстве языков христианского мира, включая и славянский, где он стал более известен под названием «Видение Павла»; одной из наиболее близких редакций к утраченному греческому исходному тексту является не та греческая редакция, которая сохранилась, а, по-видимому, сирийская; сводное издание памятника по всем версиям планируется в *Corpus Christianorum. Series apocryphorum*; современное состояние разработки его текстологии отчасти представлено в: Bausi A. A First Evaluation of the «Arabic Version of the Apocalypse of Paul» // *Parole de l'Orient*. 1999. Vol. 24. P. 131–164.

цитирования нельзя сделать определенного вывода о степени авторитетности этого текста для нашего автора. Возможно также, что он и вообще цитировал его не из первых рук и не знал, откуда цитата. Достоверно определяемая цитата из *Апокалипсиса Павла* имеет однако такое характерное различие, которое неизвестно из доступных сегодня полных редакций *Апокалипсиса*, но известно из косвенной рукописной традиции и только на русской почве, а именно — из домонгольского анонимного *Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере*; русское происхождение этого памятника устанавливается достоверно из его содержания (где речь идет о пережитках именно русского язычества),²⁰ хотя нельзя исключать, что его автор был греком. *Слово некоего христолюбца* дает соответствующую цитату под именем Павла, хотя и не называя произведения, причем в ряду цитат из новозаветных посланий апостола Павла; вполне вероятно, что его автор не знал, какое именно произведение Павла он цитирует.

В таблице 1 приводится сопоставление цитат в составе нашего памятника, *Слова некоего христолюбца*²¹ и известной полной славянской версии *Апокалипсиса Павла* (л. 470–470 об.).²²

Таблица 1

Слово Петра	Слово некоего христолюбца	Слав. версия <i>Апокалипсиса Павла</i>
Како хо[д]ити въ церковь Божию, страха Божия не имѣете, то молитвы вашей не приму, то молитва ваша будетъ облакъ крововъ з беззакониемъ смѣшан.	И Павел рече: видех облакъ кровавъ простъртъ надо всемъ миромъ. И въпросихъ, глаголя: Господи, что есть? И рече ми: се есть молитва челоуѣческа, смѣшена с беззаконьемъ.	и возре видихъ облакъ огнь распростеръ надъ миръ весь. и рехъ что се есть господи. и рече се есть беззаконье смѣшено с молитвою грѣшныхъ.

Видение облака хорошо сохранилось в разных редакциях *Апокалипсиса Павла*, но оно имеет разные толкования. Толкование облака именно как смещения «беззакония» с молитвой грешных принадлежит архетипу *Апокалипсиса Петра* и сохранилось, в частности, в сирийской версии, но оказалось искажено в дошедшей греческой и латинских редакциях. Славянский перевод *Апокалипсиса* также следует несохранившейся и более близкой к архетипу греческой редакции. Но во всех известных редакциях

²⁰ Об этом произведении см.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 406–407.

²¹ По изд.: Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 378.

²² По изд.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 43.

Апокалипсиса, включая славянскую, облак «огнен», а не «кровав». Кровавое облако, появившееся вторично в нашем тексте и уже ранее известное из *Слова некоего христолюбца*, принадлежит какой-то ниоткуда более не известной редакции.

Для определения связей между нашим поучением и *Апокалипсисом Петра* потенциальный интерес представляет еще один отрывок (л. 470), параллели которому в *Слове некоего христолюбца* нет. В нем автор обращается к аудитории «чада моя милая», но не вполне понятно, делает ли он это от своего лица (например, в качестве архиерея) или от лица Божия. Первое толкование согласно с формальным смыслом текста, но следует допустить и возможность второго толкования, так как дошедшая до нас редакция поучения содержит лакуны и разного рода непоследовательности, и, в то же время, тема отеческих увещаний Божиим грешникам — один из лейтмотивов произведения. В случае второго толкования — если считать, что автор обращается «чада» как бы от лица Божия, — имеем довольно близкую параллель в *Апокалипсисе Павла*²³ (см. табл. 2).

Таблица 2

Слово Петра	Слав. версия <i>Апокалипсиса Павла</i>
Чада моя милая, почто дѣлаете дѣла сотонины, еже зъ гнѣвомъ службу творите?	Доколе согрешаете <...> и вы наричаетесь Божья чада, а дела деявольская делающе.

Конечно, весь этот пассаж напоминает Ин. 8:41–44 — евангельский диалог, о котором напоминает и сам *Апокалипсис Павла*, и если бы в том же тексте не было несомненной цитаты из *Апокалипсиса Павла*, то не было бы никаких оснований усматривать здесь аллюзию на него, так как возможность подобного «сжатия» евангельского диалога довольно очевидна и для своего объяснения не требует предположения о литературной зависимости.

Если здесь наше поучение действительно цитирует *Апокалипсис*, то необходимо исключить предположение о его зависимости от *Слова некоего христолюбца*. Однако в любом случае такое предположение маловероятно, так как ссылка на апостола Павла, придающая тексту высокий авторитет, едва ли могла исчезнуть при цитировании. Предположение о том, что *Слово некоего христолюбца* может быть зависимо от нашего поучения, также следует исключить, так как в этом случае не появилось бы эксплицитной ссылки на апостола Павла. Наиболее естественно предположить, что наше поучение и *Слово некоего христолюбца* имели независимый (и, очевидно, не прямой) доступ к одной и той же редакции *Апокалипсиса Павла*.

²³ Там же. С. 40.

3.3. *Апокалипсис Петра*

3.3.1. Славянский текст не имеет прямой связи с *CANT* 317

В примечаниях к изданию текста отмечены все параллели из раннехристианского *Апокалипсиса Петра* (*CANT* 317). Легко видеть, что ни одна из них не имеет решающего характера, то есть все они объяснимы общностью библейских прототипов, и славянский текст в целом следует им. Единственное дословное совпадение находится в названиях Апокалипсиса и нашего текста, но оно простирается лишь на слова «второе пришествие».

Необходимо признать, что прямой текстуральной зависимости между двумя произведениями нет. В то же время ссылки на апостола Петра как реципиента некоего откровения о последних временах не возникают на пустом месте и не могут не отсылать к какой-то литературной традиции. Необходимо определить ее по возможности точно.

Идеально было бы найти источник для «Тогда будет страх велик на всех преисподних, тогда вколоти начнут души наши: “Ведут в муку огненную!”» (л. 469 об.), так как она вполне может происходить из источника, атрибутированного Петру; так же это относится к последующей сцене с двенадцатью апостолами, сидящими на престолах (там же). Этого нам сделать не удалось. Но все же составить некоторое представление об источнике славянского памятника, атрибутированного Петру, вполне в наших силах. Рассмотрим традицию «петровой» апокалиптики в целом.²⁴

3.3.2. Раннесредневековые формы «петровых» апокалиптических традиций

Под именем *Апокалипсиса Петра* в современной науке известно, главным образом, два текста: раннехристианский (не позднее первой половины II в.) *Апокалипсис Петра*, дошедший в трех фрагментах на греческом и полностью на эфиопском (под названием ጳጳሳ: ምጽአት: ለክርስቶስ: ወትንሣኤ: ምወታን። — *Второе пришествие Христово и воскресение мертвых*),²⁵ а также в цитатах у не-

²⁴ За пределами нашего рассмотрения останется неопубликованный славянский текст, дошедший в единственной рукописи под названием *Слово на Успение Пресвятыя Богородицы* (см.: Иванова К. Bibliotheca hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008. С. 612–613). Судя по опубликованным инципиту и эксплициту, Петр рассказывает о некоем откровении, бывшем ему при Успении Богородицы и касающемся посмертной судьбы людей.

²⁵ Об этом произведении см., помимо диссертации Д. Д. Бухгольца, указанной выше, относительно недавний сборник статей: The Apocalypse of Peter. Leuven, 2003.

которых раннехристианских авторов,²⁶ и гностический *Апокалипсис Петра*, полностью сохранившийся в кодексе Наг-Хаммади VII (сочинение 3), но слабо пересекающийся с остальной известной нам сегодня христианской письменностью.²⁷ Этими двумя пунктами не исчерпывается список раннехристианских произведений, носивших такое же название, но почти исчерпывается то, что более или менее изучено. В частности, эрудиция *CANT* дальше этих двух пунктов не простирается.

Эфиопский текст раннехристианского (и не гностического) *Апокалипсиса Петра*²⁸ дошел только в двух рукописях и уже в качестве библиографической редкости, а не части канона Нового Завета, к которому он некогда принадлежал во многих раннехристианских традициях (в частности, латинский «Канон Муратори» II века перечисляет в качестве канонических Апокалипсисов только *Апокалипсис Петра* и *Пастырь* Ермы, а «канонический» *Апокалипсис Иоанна* исключает из канона). Третья эфиопская рукопись, хранившаяся в XIX в. в Тюбингене и содержавшая то ли весь текст Апокалипсиса, то ли только первые главы, в XX в. оказалась утраченной, и от нее сохранился лишь немецкий перевод обширного фрагмента, выполненный Августом Дилльманном.

Эфиопский перевод скорее всего сделан прямо с греческого и, следовательно, принадлежит к древнейшей для эфиопской литературы эпохе Аксумского царства (где переводы с греческого на эфиопский продолжались приблизительно до VII в. включительно). По крайней мере, он не обнаруживает следов арабского оригинала, хотя обычно такие следы в эфиопских переводах с арабского очень заметны. Тем не менее, уже греческий текст, лежавший в основе эфиопского перевода, был серьезно поврежден переписчиками и, возможно, редакторами.

Излагаемые от имени Петра апокалиптические материалы присутствуют и в других произведениях, существенно более поздних, но сохраняющих различные детали своих более ранних источников. По аналогии с терминологией, принятой исследователями еврейской мистической литературы *хейхалот* («небесных дворцов»), такие тексты удобно называть *макроформами*, в которых ранняя, христианская и еще еврейская, псевдоэпиграфическая литература сохраняется в виде цитат, аллюзий и — обычно так или иначе переосмыс-

²⁶ В том числе латиноязычных, из чего можно заключить о переводе этого памятника на латынь не позднее III в.; см. раздел о *Revelatio Petri* в: Sallmann K. Die Literatur des Umbruchs. Von der römischen zur christlichen Literatur 117–284 n. Chr. München, 1997. S. 406.

²⁷ *CANT* 324; наиболее тщательное издание этого текста и исследование: Havelaar H. W. The Coptic Apocalypse of Peter (Nag-Hammadi-Codex VII, 3). Berlin, 1999. Никаких пересечений с нашим славянским памятником этот текст не имеет.

²⁸ В этом и следующем абзацах мы кратко излагаем результаты исследования Buchholz D. D. Your Eyes Will Be Opened...

ленных — идей. В качестве такой макроформы представляет потенциальный интерес и наше славянское поучение.

Материал, связанный с апостолом Петром как реципиентом некоего откровения о последних временах, к настоящему времени известен в следующих макроформах. Во-первых, это эфиопский трактат, также называющийся *Второе пришествие Христово и воскресение мертвых*, где Петр рассказывает о бывшем ему откровении ученику Клименту.²⁹ Этот текст содержит довольно подробный конспект раннехристианского Апокалипсиса, но приспосабливает его к нуждам другой эпохи (очевидно, ранневизантийской).³⁰ Данное произведение не входит в состав эфиопского переводного (с арабского) сборника *Qalēmentōs* («Климент») в семи книгах, однако явно копирует его жанр — надо сказать, чрезвычайно популярный в позднеантичном христианстве и затем в антихалкидонитской среде VI и более позднего веков: поучения апостолов, особенно Петра, через «мужа апостольского» Климента Римского, прямого ученика Петра.³¹ Реакцией на эту популярность со стороны халкидонитов стало 2 правило Трульского («Шестого вселенского») собора (692 г.), корректирующее 85-е Апостольское правило.³²

Материалы эфиопского сборника *Qalēmentōs* также содержат немало пересечений с раннехристианским *Апокалипсисом Петра* (что бросается в гла-

²⁹ Издание и перевод: Grébaut S. Littérature éthiopienne pseudo-clémentine. Texte et traduction du traité: «La seconde venue du Christ et la résurrection des morts» // Revue de l'Orient Chrétien. 1910. Vol. 15. P. 198–214, 307–323, 425–439. Введение к изданию: Grébaut S. Littérature éthiopienne pseudo-clémentine // Revue de l'Orient Chrétien. 1907. Vol. 12. P. 139–151, особ. 139–145.

³⁰ См. подробное сопоставление этого текста с раннехристианским Апокалипсисом в Buchholz D. D. Your Eyes Will Be Opened... P. 376–386. В специфических для него деталях это произведение не обнаруживает никаких черт сходства с нашим славянским поучением.

³¹ См., в частности, в качестве общего обзора этой литературы: Hanssen J. M. La liturgie d'Hippolyte. Documents et études. Rome, 1970. Подробнее по эфиопскому материалу: Bausi A. Presenze clementine nella letteratura etiopica // Studi classici e orientali. 1990. Vol. 40. P. 289–316.

³² Цитируем в синодальном переводе «Книги правил»: «Прекрасным и крайнего тщания достойным признал сей святой Собор и то, чтобы отныне, ко исцелению душ и ко уврачеванию страстей, тверды и ненарушимы пребывали приятныя, и утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а так же и нам преданные именем святых и славных Апостолов, восемьдесят пять правил. Поелику же в сих правилах повелено нам принимать оных же святых Апостолов постановления, чрез Климента преданные [см. правило Апост. 85], в которых некогда иномыслящие, ко вреду Церкви, привнесли нечто подложное и чуждое благочестия, и помрачившее для нас благолепную красоту Божественного учения: то мы, ради назидания и ограждения Христианской паствы, оные Климентовы постановления благорассмотрительно отложили, отнюдь не допуская порождений еретического лжесловесия, и не вмешивая их в чистое и совершенное Апостольское учение».

за, например, в книге VII при перечислении родов мучений различных типов грешников), но подробного исследования до сих пор нет.³³

Кроме того, среди известных в настоящее время арабских произведений, так или иначе связанных (частично совпадающих) с утраченным арабским оригиналом *Калемынтоса*, имеется длинный текст — если только это не несколько разных произведений, — который во многих редакциях называется *Апокалипсис Петра*.³⁴ Эта дошедшая в нескольких редакциях макроформа содержит целый ряд известных в отдельной рукописной традиции раннехристианских и иудейских произведений, пересекаясь текстуально, в частности, с *Заветом Адама*, *Пещерой сокровищ* и *Деяниями апостолов* (апокрифически). В точности ее отношение к эфиопскому *Калемынтосу* остается невыясненным.³⁵

3.3.3. «Продолжение» арабского *Апокалипсиса Петра* эпохи Халифата

Дошедший до нас арабский *Апокалипсис Петра* вслед за частью, имеющей соответствие в эфиопском переводе, дополнен обширнейшим историческим

³³ См. особо: Bausi A. *Ḥalēmētōs*: Il Qalēmentōs etiopico. La rivelazione di Pietro a Clemente. I libri 3–7. Traduzione e introduzione. Napoli, 1992.

³⁴ Издана только одна из редакций, причем с пропуском тех отделов, где особенно вероятны совпадения мотивов с раннехристианским *Апокалипсисом Павла*: Mingana A. The Apocalypse of Peter // Bulletin of the John Rylands Library. 1931–1932. Vol. 14–15. P. 182–297, 423–562, 179–279; перепечатано: Mingana A. The Apocalypse of Peter // Woodbrooke Studies. Christian Documents in Syriac, Arabic, and Garshūni edited and translated with a critical apparatus. Vol. 3. Cambridge, 1931. P. 93–450 (ниже цитируется только это издание). Впрочем, издатель, Альфонс Мингана, в этих пропущенных им частях, равно как и во всем тексте произведения, не увидел никаких совпадений с известным к тому времени греческим и эфиопским материалом, см.: Ibid. P. 94, чем сильно подрываются надежды Д. Д. Бухгольца на то, что тактовые совпадения могут там оказаться; ср.: Buchholz D. D. Your Eyes Will Be Opened... P. 10–16, и по этому поводу: Bausi A. *Ḥalēmētōs*: P. 20, № 1. Окончательно в отсутствии текстуальных связей между этим произведением и раннехристианским *Апокалипсисом Петра* убедилась Барбара Роггема, изучившая несколько рукописей (хотя, впрочем, не все): Roggema B. Biblical Exegesis and Interreligious Polemics in the Arabic Apocalypse of Peter — The Book of the Rolls // The Bible in Arab Christianity. Leiden, 2007. P. 131–150, особ. 134, fn. 9. А. Мингана предпочитает другое название произведения, принятое в некоторых рукописях, включая ту, на которой основано его издание: *Книга свитков*. Обзор всего сочинения по другой рукописи см.: Nicoll A. Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptorum orientalium catalogi partis secundae volumen primum, arabicos complectens. Oxonii, 1821. P. 49–54, № 48.

³⁵ Bausi A. *Ḥalēmētōs*: P. 19–21, с дальнейшей библиографией. См. также: Grypeou E. The Re-written Bible in Arabic: the Paradise Story and Its Exegesis in the Arabic Apocalypse of Peter // The Bible in Arab Christianity. Leiden, 2007. P. 113–129.

Апокалипсисом в сирийском стиле, где первые века исламского владычества описываются в форме *vaticinium ex eventu*.³⁶ Из сопоставления с эфиопским *Калемынтосом* вполне очевидно, что этот «историко-апокалиптический» раздел представляет собой более позднее добавление; его еще не было в той более ранней редакции, с которой делался эфиопский перевод. Нам важно отметить для дальнейшего, что историко-апокалиптические представления в опубликованном А. Минганой тексте строго следуют классическому византийскому и сирийскому стандарту легенды о «последнем Римском царе», восходящей еще к так называемому «сирийскому» (но написанному на греческом языке) *Роману о Юлиане Отступнике* (IV в.).³⁷

Так, в частности, финальная сцена триумфального вступления христианского царя в Иерусалим в изданном А. Минганой тексте описывается следующим образом:³⁸ в пятницу он подходит к Голгофе, водружает там свое копье и открывает городские ворота Иерусалима; в субботу в три часа (непонятно, ночи или дня) он входит в Иерусалим, а в воскресенье, которое будет приходиться на 3 апреля, он входит в церковь (очевидно, храм Воскресения) и вносит туда Древо крестное и помещает на это Древо свой царский венец (повторяя тем самым жест православного императора Иовиана из сирийского *Романа о Юлиане*, указывающий на предание царства Христу). Дата 3 апреля, воскресенье, скорее всего связывается с датой 27 марта как юлианской исторической датой воскресения Христова и 25 марта (для средневековых расчетов — теоретическая дата весеннего равноденствия) как даты Страстной пятницы. Это известная календарная традиция.³⁹ Таким образом, последний царь вступает

³⁶ Исчерпывающей библиографии сирийской исторической апокалиптики (дошедшей, главным образом, на сирийском и арабском языках, но также и на эфиопском, а иногда, как в случае Псевдо-Мефодия Патарского, и на греческом, латинском и славянском) пока не существует. В качестве относительно современного введения в проблематику можно рекомендовать сочетание следующих изданий: La Syrie de Byzance à l'Islam. VII–VIII siècles. Actes du Colloque International. Lyon — Maison de l'Orient Méditerranéen, Paris — Institut du Monde Arabe. 11–15 sept. 1990. Damas, 1992; Palmer A., Brock S., Hoyland R. The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles introduced, translated and annotated. Liverpool, 1993; Reinink G. J. Syriac Christianity under Late Sasanian and Early Islamic Rule. Aldershot—Burlington, VT: Ashgate, 2005.

³⁷ См.: Reinink G. J. The Romance of Julian the Apostate as a Source for Seventh Century Syriac Apocalypses // La Syrie de Byzance à l'Islam... P. 75–86 [репринт: Reinink G. J. The Romance of Julian the Apostate... // Syriac Christianity..., ch. XI], а также другие статьи сборника Syriac Christianity...

³⁸ Пер.: Mingana A. The Apocalypse of Peter. P. 282.

³⁹ Которая, правда, стала господствующей лишь на латинском Западе, а в Александрии и Константинополе обычно принимали за пасхальную дату 25 марта. Впрочем, обе традиции очень ранние, не позднее II в.: воскресенье 27 марта уже у Тертуллиана и в календаре Ипполита Римского, а 25 марта — у Юлия Африкана; см.: Mosshammer A. A. The Easter Computus and the Origins of the Christian Era. Oxford, 2008. P. 46–48.

в Иерусалим в Неделю Антипасхи. Нельзя, впрочем, полностью исключить и того варианта, что тут имеются в виду Страстная пятница и пасхальное воскресенье, то есть дата была призвана указать на какой-то конкретный год, когда Пасха придется на 3 апреля. Судя по некоторым косвенным данным (см. ниже), так это понимали крестоносцы во время Пятого крестового похода, ожидая падения власти мусульман в 1222 г., когда Пасха приходилась на 3 апреля.

«Исторические Апокалипсисы» обычно датируются по тому моменту, где в них заканчивается *vaticinium ex eventu* (узнаваемые исторические события) и начинается подлинное пророчество, которое никогда не сбывается (в них всегда идет речь о финальной победе христиан над мусульманами). Подробного разбора исторических аллюзий арабского *Апокалипсиса Петра* пока нет, но некоторое количество наблюдений было сделано издателем, Альфонсом Минганой, а недавно их круг был заметно расширен Барбарой Роггема в специальном исследовании, посвященном этому *Апокалипсису*.⁴⁰ Согласно ее наблюдениям, *Апокалипсис* перечисляет (называя их по начальным буквам имен) всех халифов династии Омейядов и точно следует историческим событиям от зарождения ислама до последнего омейядского халифа Марвана II и его убийства в результате «революции Аббасидов» в 750 г. Изложение эпохи Аббасидов становится сбивчивым, хотя и в нем появляются узнаваемые исторические события; возможно, это результат более позднего и не очень последовательного «обновления» *Апокалипсиса*, первоначально созданного под впечатлением революции в Халифате в 750 г.; такие события прослеживаются приблизительно до 870 г.⁴¹ Место происхождения *Апокалипсиса* довольно трудно определить, так как он был распространен в арабоязычной письменности как сирийцев, так и коптов, но некоторые лексические и иные особенности указывают скорее на сирийское происхождение.⁴²

Арабский *Апокалипсис Петра* — по крайней мере, в тех пределах, в которых он был издан, — не имеет текстуальных пересечений с нашим славянским текстом. Однако он представляет для нас важную параллель: в нем атрибутированное Петру пророчество о конце света оказалось связанным с арабским завоеванием. Эту идею содержит и наш текст. Текст арабского *Апокалипсиса* активно переписывался и редактировался в конце первого и в начале второго христианских тысячелетий. Популярность его была настолько велика, что на его основе создавались и новые произведения. Мы предложим ниже их самый краткий обзор, поскольку и наш славянский текст мог появиться аналогичным образом.

⁴⁰ Roggema B. Biblical Exegesis...

⁴¹ Ibid. P. 138–139.

⁴² Ibid. P. 136–137.

3.3.4. «Продолжение» арабского *Апокалипсиса Петра* как источник новых апокалиптических произведений

О том, что идея связать некий *Апокалипсис Петра* с проблематикой арабского и вообще мусульманского завоевания долго оставалась популярной в сирийской среде, помимо рукописей арабского *Апокалипсиса Павла*, имеются свидетельства в литературе крестоносцев эпохи Пятого крестового похода. Только один из этих источников, принадлежащий перу одного из главных историографов крестоносцев, Иакова де Витри (католического епископа столицы крестоносцев в Палестине Акры), попал в поле зрения историков апокрифических традиций, причем даже оно лишь в отрывке.

Речь идет об одном из его семи писем к папе Гонорию III, написанному из Дамьетты 18 апреля 1221 г., в котором кратко излагается содержание книги на арабском языке под названием *Revelationes beati Petri apostoli a discipulo eius Clemente*, которую принесли крестоносцам в Дамьетте христиане-сирийцы.⁴³ То, что это письмо может иметь в виду наш текст, впервые предположил А. Николл в описании рукописи арабского *Апокалипсиса Петра* из Бодлеанской библиотеки.⁴⁴ К его предположению примкнули А. Мингана⁴⁵ и Д. Бухгольц.⁴⁶ Все они, впрочем, не обращались к полному тексту письма, хотя оно было издано,⁴⁷ а лишь к изложению того, что непосредственно относится к *Апокалипсису Петра* в обзоре Иоанна Эрнеста Грабе. Полноценное представление о релевантном круге источников в литературе крестоносцев впервые появляется у Карло Конти-Россини.⁴⁸ В частности, особенно важное, парал-

⁴³ Согласно датировке в критическом издании: Huygens R. B. C. *Lettres de Jacques de Vitry* (1160/70–1240), évêque de Saint-Jean-d'Acre. Leiden, 1960. P. 134–153. Прежние издатели (см. ниже) датировали его «ок. 1219 г.». Переиздано в составе: Jacques de Vitry. *Lettres de la Cinquième Croisade / Texte latin établi par R. B. C. Huygens, trad. et prés. par G. Duchet-Suchaux*. Turnhout, 1998 и Huygens R. B. C. *Serta mediaevalia: textus varii saeculorum X–XIII in unum collecti. Tractatus et epistulae*. Turnhout, 2000.

⁴⁴ Nicoll A. *Bibliothecae Bodleianae...* P. 49–50, note 1.

⁴⁵ Mingana A. *The Apocalypse of Peter*. P. 98.

⁴⁶ Buchholz D. D. *Your Eyes Will Be Opened...*, 16; ср.: Ibid. P. 431–432, приложение, в котором дается английский перевод (авторства Fr. Terrence G. Kardong, OSB; в этом переводе Damiata ошибочно переведено «Damascus?» вместо «Дамьетта») сведений об этом источнике, приведенных Иоанном Эрнестом Грабе в его первом научном обзоре источников, касающихся *Апокалипсиса Петра*: Gräbner J. E. *Spicilegium SS. Patrum, ut et haereticorum, Seculi post Christum natum I. II. & III. Tomus I. sive Seculum I. Oxoniae*, 1698. P. 74–77, особ. 76–77.

⁴⁷ Мауристом Лукой д'Ашер (Lucas d'Achéry, лат. Dacherius) в т. VIII (1668 г.) его 12-томного собрания, переизданного в 1723 г. в трех томах как: D'Achéry L. *Spicilegium sive Collectio veterum aliquot scriptorum qui in Galliae bibliothecis delituerant / Nova editio priori accuratior...* T. 3. Parisiis, 1723. P. 590–592.

⁴⁸ Conti-Rossini C. *Il libro dello Pseudo-Clemente e la crociata di Damietta // Rivista degli Studi Orientali*. 1921. № 9. P. 32–35. Его работа оставалась неизвестной А. Минга-

тельное Иакову де Витри, свидетельство о той же книге находится у другого клирика-участника Пятого крестового похода, каноника Оливера из Кельна, впоследствии епископа Падерборнского,⁴⁹ которое, как мы увидим, позволяет напрямую соотнести попавший в руки крестоносцев арабо-сирийский текст с изданием А. Минганы.

Тем не менее, можно совершенно точно сказать, что текст, который стал известен крестоносцам, уже существенно отличался от арабского *Апокалипсиса Петра* в своей эсхатологической концепции: вместо единственного Последнего Римского царя там действуют два царя — Востока и Запада. Такая концепция вполне естественно могла возникнуть в Сирии, где во время крестовых походов успешные войны с мусульманами (турками-сельджуками, чье государство возникло на месте Арабского халифата) вел грузинский царь Давид IV Возобновитель (1073–1125); *Апокалипсис*, который пересказывается у Иакова де Витри и Оливера Падерборнского, уже называет восточного царя по имени: Давид.⁵⁰ Тем не менее, можно не сомневаться, что новый *Апокалипсис* был лишь переделкой старого, а не совершенно оригинальным произведением. По свидетельству Оливера Падерборнского (*Historia damiatina*, 56), теперь два царя (один с Востока, другой с Запада), а не один встречаются в Иерусалиме «в том году, когда Пасха будет третьего апреля» (*in illo anno, quo Pascha erit*

не и Д. Д. Бухгольцу. В качестве современного обзора «апокалиптического до-
сье» Пятого крестового похода можно рекомендовать: Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden, 1993. P. 129–145, и кратко: Whalen B. E. *Dominion of God: Christendom and Apocalypse in the Middle Ages*. Cambridge MA; London, 2009. P. 149–159, 287. Переводы некоторых относящихся сюда текстов входят в антологии: McGinn B. *Visions of the End. Apocalyptic Traditions in the Middle Ages*. New York, 1979; Горелов Н. *Послания из вымышленного царства*. СПб., 2004.

⁴⁹ В его *Historia damiatina*, написанной очевидцем и по горячим следам истории взятия крестоносцами Дамьетты в 1218 г. (описываются события 1217–1222 гг., текст составлялся в период 1217–1227 гг.); критич. изд.: Hoogeweg H. *Die Schriften des Kölner Domscholasters, späteren Bischofs von Paderborn und Kardinalbischofs von S. Sabina Oliverus // Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart*. 1894. Bd. 202. P. cxl–clxxx, 161–282.

⁵⁰ Уже высказанное Жаном Ришаром предположение о том, что царь Давид этого пересказанного крестоносцами апокалипсиса — грузинский царь Давид Возобновитель (*Richard J. L'Extrême-Orient légendaire au Moyen-Age: Roi David et Prêtre Jean // Annales d'Éthiopie*. 1957. № 2. P. 225–242; репр.: *Richard J. Orient et Occident au Moyen Age: contacts et relations, XIIe–XVe s.* London, 1976), теперь находит дополнительную поддержку в том, что сам *Апокалипсис* имеет скорее всего сирийское происхождение и в любом случае был хорошо известен сирийским христианам. Именно из Сирии, а не из Египта победы Давида над сельджуками были особенно заметны. Крестоносцы отождествляли этого царя Давида то ли с самим «пресвитером Иоанном», персонажем легенды XII в. (как у Иакова де Витри), то ли с его сыном, но эта контаминация легенд не принадлежала оригинальному арабскому *Апокалипсису*.

tertio die aprilis)⁵¹. Дата 3 апреля точно указывает на уже известный нам арабоязычный *Апокалипсис* как *Vorlage* того текста, который оказался доступен крестоносцам.

Наряду с этим христианским *Апокалипсисом* Иаков де Витри и Оливер Падерборнский упоминают и мусульманский — аналогичного содержания, с победой восточного и западного союзных христианских царей над мусульманами и их встречей в Иерусалиме. Этот *Апокалипсис* дошел в четырех редакциях на латинском, старопровансальском и старофранцузском языках⁵² (то есть на тех языках, которыми пользовались крестоносцы), и по его тексту можно заключить, что это, в основе своей, отделившаяся финальная часть арабского *Апокалипсиса Петра* в редакции, где вместо одного «последнего царя» уже действуют два, то есть предположительно XII в. В *Апокалипсисе* делается особый акцент на взятие Дамiette (в этой части автору удалось угадать будущее) с последующим развитием наступления через Каир на Иерусалим (что и составляло цель Пятого крестового похода, которая, увы, не была достигнута).

В двух редакциях (провансальской и одной из французских) он называется «Пророчеством Ханнана, сына Исаака» (фр. *La prophesie de Hannan le fil Ysaac*, прованс. *La prophetia d'Annan lo filh d'Isahac*)⁵³. В этом авторе сразу узнается знаменитый ученый, врач и переводчик (с греческого и сирийского) при дворе багдадских халифов Хунайн ибн-Исхак (809–873),⁵⁴ араб по происхождению, — что полностью соответствует характеристике этого автора у Иакова де Витри и во вступлении к провансальской версии *Апокалипсиса*, — который, правда, не был мусульманином, а был христианином-несторианином. Атрибуция знаменитому автору может вызывать обоснованные сомнения, но арабское происхождение текста, как указал Поль Пельо, вполне достоверно, хотя оригинала этого текста мы не знаем. В двух других редакциях тот же текст называется «Пророчеством сына Агапа» (лат. *Prophetia Filii Agar*, фр. *La Prophetie le Fil Agar*)⁵⁵, но автор его характеризуется наподобие Хунайна ибн-Исхака, то есть как великий сарацинский ученый и астроном. По мнению В. М. Лурье, есть все основания предположить, что «сын Агапа» — это просто искажение типичного византийского (но имеющего

⁵¹ Hoogeweg H. Die Schriften des Kölner Domscholasters... P. 259. Издатель (и за ним многие исследователи) отмечает, что таким годом был 1222, на который крестоносцы могли возлагать большие надежды.

⁵² Критич. изд.: Röhrich R. Quinti belli sacri scriptores minores. Genevae, 1879. P. xli–xlviij, 203–228.

⁵³ Параллельно изданы: Ibid. P. 205–213.

⁵⁴ Впервые отмечено в: Pelliot P. Mélanges sur l'époque des croisades // Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. 1951. Vol. 44. P. 1–97, особ. 73–97 (V. Deux passages de La Prophétie de Hannan fils d'Isaac).

⁵⁵ Параллельно изданы в: Röhrich R. Quinti belli sacri... P. 214–223, и еще одна французская редакция: Ibid. P. 223–228.

арабское доисламское происхождение) именования арабов «сынами Агари»,⁵⁶ то есть предположить наличие греческого текста-посредника. Такой текст должен был стоять между этими латинской и французскими редакциями и арабским оригиналом, где автор именовался «агарянином» — «сыном Агари» (υἱὸς (τῆς) Ἀγάρ), что в унциальном письме дает АГАР и могло быть прочитано как смесь греческих и латинских букв небрежным и слабо квалифицированным переводчиком (неспособным узнать в АГАР то имя, которое следовало передать по-латыни как *Hagar*). Во всяком случае, никакого другого объяснения имени «Агап» до сих пор не предложено.

Появление греческого текста-посредника именно в Дамiette имеет особенно высокую вероятность. В XII–XIII веках Дамiette была церковной столицей египетского халкидонизма (арабоязычных египетских мелькитов),⁵⁷ то есть единоверцев Византии. Связи этой среды с Византией никогда не прерывались.

История «малого» сарацинского *Апокалипсиса*, уже лишенного эксплицитной ссылки на авторитет апостола Петра, также важна для понимания нашего славянского текста: она существенно дополняет наши представления о востребованности и продуктивности традиции арабского исторического *Апокалипсиса* в более позднюю эпоху (XII–XIII вв.). Мы видим, что традиция продолжала модифицироваться и разветвлялась. Видимо, одно из таких ответвлений породило некий не дошедший до нас апокалиптический текст, ссылающийся на авторитет Петра и упоминающий реалии мусульманского завоевания, которым вдохновлялся создатель нашего дошедшего по-славянски поучения.

4. Заключение

Нам удалось лишь приблизительно определить традицию, отразившуюся в нашем тексте, — ссылающуюся на некое эсхатологическое откровение апостолу Петру и при этом ориентированное на реалии мусульманского завоевания. Эта традиция была вполне актуальна в средневизантийский период и имела много шансов проникнуть в Византию: не только через уже упомянутую Дамiette, но и через Грузию⁵⁸ и непосредственно из Сирии.

После рассмотренных выше особенностей нашего текста — а именно, свободного обращения к псевдоэпиграфической литературе и аллюзий на тему

⁵⁶ Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington, 1989 [repr. 2006]. P. 174, 383.

⁵⁷ Об этой церковной роли Дамiette см.: Лурье В. М. Три крещения одного святого: Случай св. Георгия Нового, Египетского. К истории Православной (мелькитской) церкви в Египте // Христианский Восток. М., 2001. Т. 3 (10). С. 445–456.

⁵⁸ Где, впрочем, пока не обнаруживается каких-либо ее следов.

церковного собора средневизантийского периода, — принадлежность к традиции средневековой исторической апокалиптики, апеллирующей к авторитету апостола Петра, — еще одна особенность, указывающая на средневизантийский период.

Таким образом, результаты рассмотрения разных частей нашего текста указывают в одном направлении для определения его *Sitz im Leben*: Византия среднего периода, IX–XIII века, с возрастанием вероятности к концу этого периода.

Что касается раннехристианского *Апокалипсиса Петра* (CANT 317), то никаких его следов в славянской письменности не обнаруживается.

Приложение 1

Публикация текста

«Слово и исправление Петра апостола верховного.

Поучение святого апостола Петра

о втором пришествии его»

Текст публикуется по рукописи РГБ, ф. 37.1 (собр. Большакова), № 162,⁵⁹ л. 467–473, с использованием упрощенной орфографии. Помимо ѣ, используются буквы современного алфавита. Титла раскрыты, их содержимое внесено в строку. Надстрочные знаки и соответствующие сокращения также внесены в строку. Ъ в конце слов опускается, в середине слова воспроизводится. Пунктуация соответствует современным правилам, имена собственные пишутся с прописной буквы. Абзацы выделены по смыслу.

Кратко характеризуя правописание текста, отметим, что он насыщен фонетическими особенностями, свидетельствующими о южнорусском происхождении протографа (*хрешником, хто, змысл, жовот*). Возможно, имеются также лексические южнорусизмы, не понятые и искаженные писцом («вколи-ти» — *волати*, «дѣдися» — *дедиство*). Можно сказать, что писец плохо понимал протограф и в целом был не вполне квалифицирован. Об этом свидетельствует наличие в тексте многочисленных лакун и темных мест. Также отметим, что писец не владел системой церковнославянского глагольного времени: в тексте имеются такие ошибки, как «*Пути научил тя есмь Господь*»; «*прияли еста проклятие*». Возможно, написание *гнѣсны* свидетельствует о польском влиянии на орфографию протографа.

⁵⁹ Сборник слов, поучений и повестей, к. XVII в., 4°. Водяной знак: герб Амстердама, см.: *Гераклитов А. А.* Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 52–54 (1680–1687 гг.). О рукописи см.: *Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 129.

Слово и исправление Петра апостола верховного. Поучение святого апостола Петра о втором пришествии его

Рече тебѣ, душа моя: жизни вѣчныя надѣешися, а в сердцѣ страха Божия не имѣши.

Увы мнѣ, душа моя, в церковь Божию ходиши, а гнѣва и ярости ни блуда не отстанеши. //

л. 467 об. Горе тебѣ, душа моя, милости от Бога просиши, а гнев и ярость на все держиши. Увы мнѣ, душа моя, дние твои текут, аки рѣчная быстрина.

Горе тебѣ, душа моя, яко ленива еси на божественная пути итти к церкви, а на диявольския дела скоро еси.

Горе тебѣ, душа моя, милостину даеши убогим на спасение душъ своей, а обидиши не преставай. Как не трепещеши живаго Бога, гдѣ имаша избыти крѣпкия руки его или укрытиса от всевидящего ока его?

Увы мнѣ, душа моя, о суете мирстѣи плачешися, а от грѣхъ своих ни единыя слезы не испустиши.

Горе тебѣ, душа моя, егда слезы твоя неприятна будут и молитва твоя не услышана будет.

л. 468 Увы мнѣ, душа <моя>, словом диявола проклинаеши, а з<лым>и^а дѣлы^б // отцом имѣеши на сердце своем, и ненависть на всех держиши.

Горе тебѣ, душа моя, чужим дѣлом испытница еси, а своя покрываеши дѣла злыя и великия грѣхи.

Увы мнѣ, душа моя, книги святыя прочитаеши, а больше всех зло твориши. Многия люди закону учиши, а сам беззаконие твориши, людем кажеши животныя пути, а себѣ созиждеша огонь неугасимы.

Горе тебѣ, душа моя, богатства ради всегда скорбиши, а о душѣ своей никакоже печалуешися. Человѣче, смерти боишися, а злых дѣл не останеши.

Увы мнѣ, душе моя, в церковь приходиши, а страха Божия в сердце своем не имѣеши, во устѣхъ своих.^в

Горе тебѣ, душа моя, усты и пѣнием Бога славиши, а мысленными дѣлы злыми бѣса веселиши.^г

л. 468 об. Увы мнѣ, душа моя, тѣло Христово // усты примаеши, а душу полную имуща злых дѣл. Лутче бы имѣти огненное углие во устѣхъ своих, нежели тѣло Христово приимати во уста своя лукавством, уста имущи скверны и язык велерѣчив.^а Доколѣ глумишися скверными усты и языком износиши лукавая^е пагуба хрешником?

^а В рукописи *а зыми*, где буква «м» имеет следы исправления. ^б Здесь лакуна. ^в Можно предположить лакуну в тексте, т. к. тут парафразируется Пс. 35:2, 4: «несть страха Божия пред очима его... Глаголы уст его беззаконие и лъсть». ^г Ср. Ис. 29:13, цитируется в Мф. 15:7. ^а Пс. 11:4: *τὰ χεῖλη τὰ δόλια καὶ ὑλῶσαν μεγαλорήμονα*. «Скверны» вместо ожидаемого «льстивы» — вероятно, парафраз, а не другой перевод. Ср. непосредственно перед цитатой «во уста своя *лукавством*».

Увы мнѣ, душа моя, коль краты каешься о грѣсѣх своих, паки возвращаешься, *аки пѣс на своя блеватину*.^ж

Горе тебѣ, душа моя, Господь зовет тя в Царство Нѣбесное, Господь милует тя и щедрит, а ты не престая зло твориши.

Горе тебѣ, душа моя, живота и здравия у Бога пр<о>сиши^з, а правды истинныя в сердце не имѣши.

Увы мнѣ, душа моя, вся лѣта своя и дни блудны изжила еси и в беззаконие провожаеши.

л. 469

Горе тебѣ, // душа моя, весь закон Божии разумѣши, а паче невѣрных беззаконие твориши.

Увы мнѣ, душа моя, ум и змысл дал ти есть Бог, да им твориши, да Бога держися, человекче, з благосердием и кротости[ю]. Ты же, человекче, не престая зло твориши, сироты своя мучиши и насилствуеши, дѣло [...]ом^и и со слезами собираеши крововая [так] своя богатства себѣ на [па]губу^к.

Горе тебѣ, душа моя, яко тя Господь зовет на покаяние, а ты уклон[я]еши на беззаконие. Пути научил тя есмь Господь, но сам погубляеши злорадством своим, не можеши остати злаго своего обычая, да б<ла>гословят тя потоковницы твои при животѣ твоём, а по смерти от Бога проклято есть.

л. 469 об.

Слышите, братие, Петра апостола // в день и в ночь наказание о втором пришествии Господне^а, како прежде своего пришествия зажжет землю^м, солнце и месяц померкнут^н, а небеса свиятся в свиток^о. Сам Господь сниде на землю и сяде *на престоле славы своей*^а. Тогда будет страх велик на всех преисподних, тогда вколоти^р начнут души наши: «Ведут в муку огненную!».

Апостоли сядящи начнут волю мою, се есть воля моя: «... любивы люди безсмерешия [так] к Богови приходили^с. Неприятна будет мо-

^е Ср. Мф. 12:35. ^ж Ср. 2Пет. 2:22 (где цитируется Притч. 26:11). ^з *Присиши* в рукописи. ^и Здесь в рукописи заклеено 2 слова. ^к Исправление в рукописи. ^а В качестве отдельного «наказания», то есть Поучения о втором пришествии под именем апостола Петра дошел только его *Апокалипсис*. Апокалиптические мотивы двух посланий Петра в Новом Завете не исчерпывают тех тем, о которых пойдет речь ниже. ^м 2Пет. 3:7, 10. ^н Иоиль 2:10; ср.: Мф. 24:29, Мк. 13:24, Ис. 13:10. ^о Ис. 34:4; Откр. 6:14. ^п Мф. 25:31. ^р Данное слово может являться искажением слова «волати» — кричать (Словник української мови. Львів, 1987. Вып. 4. С. 198). ^с Текст предложения испорчен и содержит пропуски. Предлагаем следующие конъектуры: *Апостоли сядящи начнут <глаголят> волю мою, се есть воля моя: <Зло>любивы люди без смере<н>ия к Богови <не>приходили*. Апостола, сядящие на престолах и творящие суд, — исполнение обещания Иисуса (Мф. 19:28, Лк. 22:30) в эсхатологической перспективе иудейской апокалиптики (суда над двенадцатью коленами, из которых состоит Израиль). Таково обычное византийское и еще раннехристианское понимание Страшного Суда, запечатленное в экзегезе и церковном искусстве

литва твоя, *ни милостыны ваша не приму*,^т но <в> молитвы мѣсто зло приносите и много смута имѣете, яко умножишася беззакония ваша^у. Почто во гнѣве службу творите? Всеу труждается^ф. Аще имѣете гнѣв на кого, почто идете к церкви Божии?^х Оскорбляете // апостолы мои святые. В начаток службы вашейе постоите в церкви Божии со страхом. Почто есте ходили неделю или две, или три, или лѣто, или два к церкви со гнѣвом, на кии успѣх збираетесь, яще маса человекческая?»

л. 470

Такое глаголет Господь иерѣом и книжником всѣм: «Почто не учите детей своих страху Божию? Видяще не видяще, уши своими слышите или не слышите^ц, глаголете ектению Господу полимыя (?) «станем добрии, станем со страхом»^д, а сердца от мене удалишася^ш, держаще злобу и гнѣв. И рекли есте крестящиеся: «*Отрицаюся сатоны и всѣх дѣл*»^ш. Чада моя милая, почто дѣлаете дѣла сотонина, еже з гнѣвом службу творите?^б Егда что хочет украсить, те не имѣете дѣдися»^б.

л. 470 об.

Такое Господь ерѣом: «Како хо[д]ити // в церковь Божию, страха Божия не имѣете, то молитвы ваша не приму^б, то молитва ваша будет облак кровов з беззаконием смѣшан»^з.

Глаголет Господь архиепископом и попом: «Не примаите проскуры и всякого приношения от грабителя, от чародѣя и от душегубца,

(см., например: *Patterson Ševčenko N. Image of the Second Coming and the Fate of the Soul in Middle Byzantine Art // Apocalyptic Thought in Early Christianity. Grand Rapids, MI, 2009. P. 250–272, особ. 252, 259–260*), но для него трудно найти эксплицитный источник в собственно апокалиптических текстах. ^т Ср. Ис. 1:11–13. ^у Ср. Молитва Манассии, ст. 9. ^ф Ср. Пс. 126:1. ^х Ср. Мф. 5:23–24. ^ц Ср. Мф. 13:13–15 и параллели, восходящие к Ис. 6:9–10. ^д Цитата из начального возгласия диакона перед анафорой в различных евхаристических литургиях. Обычно его не называют ектенией. ^ш Мф. 15:8, Мк. 7:6, где цитируется Ис. 29:13. ^ш Один из древнейших элементов чина крещения (точнее, предваряющего его чина оглашения). Приведенная цитата оборвана перед словом «его» (т. е. «дел» Сатаны). ^б Ср. *Апокалипсис Павла (CANT 325; текст III в., сохранившийся на большинстве языков христианского мира, включая и славянский, где стал более известен под названием «Видение Павла»; одной из наиболее близких редакций к утраченному греческому исходному тексту является не та греческая редакция, которая сохранилась, а, по-видимому, сирийская; сводное издание памятника по всем версиям планируется в *Corpus Christianorum. Series apocryphorum*; современное состояние разработки его текстологии отчасти представлено в: *Bausi A. A First Evaluation of the «Arabic Version of the Apocalypse of Paul» // Parole de l'Orient. 1999. Vol. 24. P. 131–164*): «Доколе согрешаете... и вы наричаются божья чада, а дела деявольская делающее» (*Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 40*). ^б Дедство — Небесное Царство, рай, вечное житие (Словник української мови. Львів, 1987. Вып. 8. С. 253). Возможно, предложение содержит лагуну или искажение. ^б Аллюзия на постоянные богослужебные прошения о «приятти» Богом молитв христиан. ^з Образ заимствован из *Апокалипсиса Павла*: «и возре видих облак огнь распростер над мир весь. и рех что се есть господи. и рече се есть беззаконье смешено с молитвою грешных»*

от криваго судии, от мздоимца^ю, от татя, от ротника, от пяницы от гнѣвливаго человѣка — проскуры гнѣсны и свещи угасают».

Тако глаголет Господь: «На роту к церкви не пушаете, то бо есть не ротница[м] создано. Збиратися в церковь на молитву, а не на рету. О, горе будет тѣм попом, иже пушают ко церкви своеи, то с ними отпущения в муку себѣ приемлете, се бо вы горѣ всего есть».^а

л. 471

Се же глаголетъ попом и ко всѣм учите^{ле}м: «От таких людей проскур принесут в жерцу, и ты ему: «Имѣши, чадо, на кого, иди простися с ним, то приму проскуру твою и внесу // на жертвеник, тако возносится молитва твоя чиста к Богу»^{2а}. Аще приимете с тѣх принос, то с ними осудяться в муку вѣчную.^б Егда же стоит в церкви Божии не имѣет страху, аз пошлю на вы ангелы своя, износят нас во огонь, изжещи сердца ваша, и начнете промежу себе ястися, ако звѣри лютыя, не будет у вас милосердия чиста за беззаконие ваше и незавѣрование ваше. Тогда начнете молитися, ино некоторые же будут успѣх. Внимате же себѣ, учителя службу ту твориши, а хто начнет глаголати о суетных в церкви, остави молитву и службу и учителя их со страхом Божиим стояти в церкви, то почивает на главѣ вашей Дух Святыи.^в Аще хто идет в церковь Божию со страхом с чистым сердцем, гнѣва не имѣет нинакоже — исходит молитва // его, аки фимиан, на небо, англы [так] мои исходят из олтаря, носят кисти в руках своих и знаменует на чел[о] его, и тако почивает на нем Дух Святыи.^г И почто словес моих небрежете? Посла к вам Епистолию Сына своего на землю,^а яко не ясте вѣры. Почто затвористе врата от нищих?».

л. 471 об.

(Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 43), однако с важным различием, которое, по-видимому, отсутствует в других известных редакциях *Апокалипсиса Павла*: облако не огненное, а кровавое. Такое различие встречаем, однако, на славянской почве, в цитате анонимного русского домонгольского «Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере»: «И Павел рече: видех облак кровав простѣрт надо всем миром. И въпросих, глаголя: Господи, что есть? И рече ми: се есть молитва челоуѣческа, смешено с беззаконьем» (цит. по: Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914 (репринт: М., 2003). С. 378. Толкование облака как смешения «беззакония» именно с молитвой грешных принадлежит архетипу *Апокалипсиса Петра* и сохранилось, в частности, в сирийской версии, но оказалось искажено в дошедшей греческой и латинских редакциях.^ю *мздоимца* в рукописи. ^а О смысле этого абзаца см. вступительную статью.

^{2а} Ср. Мф. 5:23–24 (и см. выше в этом тексте). ^б Обряд самостоятельного приношения просфор мирянами в церковь упоминается как общепринятый. Во многих частях православного мира он сохраняется и до сих пор, а прекращение его в русской традиции хотя и не датируется точно, но не является древним. ^в Возможно, в предложении имеется лакуна или искажение. ^г Апофтегма анонимного старца, переданная через авву Евлогия (отсюда частое название этого текста и соответствующего иконографического сюжета «Видение Евлогия», хотя Евлогий рассказывает это не о себе). Согласно этому видению, молящиеся в церкви монахи, в зависимости от своего

Тако глаголет Господь: «Не приемлете нища, и просяща, или странна, или бѣдна — то мене не приемлете се вы».^е Что принесосте на свѣте сем добро? Но токмо зло. Не могу терпети неразумия сего вашего.* Постр[а]с[о]х^з землю^и — тако ми не ясте вѣры; пустих на вы измаилтєня и плениша вас и пролияша кровь вашу, аки воду — и тако не ясте вѣры. Имам пустити измаилтєня на вы и плєня вся землю вашу. Восплачетесь и рыдаете, // и не будет помилюющаго вас.^к Но се глаголю вам, любя вас или ненавидя вас, но мил ми есть род христианский, колико ми зла сотворихте. И се глаголю иерѣем: «Почто затвористе Царство Небесное пред челоуѣки от добра творящих,^а а зло творящих не поучисте на законом Божии? Аще бы им возбранили подобно б вам было оставити все имѣние свое и ити в церковь, и вы отвергохся. Аще б кровь свою пролияти а заповеди моя не преступих было почто и прияли еста проклятие. Аз же дах вам искусу искушая вас, зане же всѣ в руку мою вся вы содержу вам жовот и не створисте и не сотвористе [так] воли моея, ни словес моих не послушаете.^м Не дивно есть челоуѣку впасти ся во грехи, но впатшєся воспрянути // покаянием. Но аще на ково будет злоба какова посла на вас по невѣрованию вашему, о том печелуете, но творите. Никтоже зло не сотвориша согрешивши, ни преступивши заповѣди моя, ни святых отец от собора. Аще вы, чада моя милая, глаголю сердечн<о>ю болѣзнию и любовию, *ни хартиєю, ни чернилом, но усты ко устом* глаголю:^н послушайте мене, чада моя возлюбленная, подвигнитесь на молитву. Ничего тако хочу от вас, токмо молитвы ваша. Аще хотите пожити, послушайте мене: ходити со

л. 472

л. 472 об.

внутреннего устройства, незримо получают от ангелов различные награды; в частности, помазание миром получают послушливые, поты трудов которых вменяются в мир. См.: Великие Минеи Четыи. М., 1912. Вып. 14: Декабрь. День 31. Стб. 2566–2569. См. библиографию в: *Квливидзе Н. В. Видение Евлогия // Православная энциклопедия*. Т. 8. М., 2010. С. 119–120. ^а Автор, как будто, ссылается на так называемую *Епистолию о Неделе* (CANT 311 и дополнительно, с датировкой: *Esbroeck M. van. La Lettre du Dimanche, descendue du ciel // Analecta Bollandiana*. 1989. Vol. 107. P. 267–284; текст VI века, сохранившийся в десятках редакций почти на всех языках христианского мира), но не обнаруживает текстуальных пересечений с какими-либо из ее редакций. ^е Ср. Мф. 25:32–46. ^ж Ср. Мф. 17:17 и параллели. ^з Слово имеет следы исправления. ^и Мф. 27:51. Возможно, тут не только евангельская аллюзия, но и намек на какое-либо не столь давнее крупное землетрясение. ^к Арабские завоевания середины VII века стали для последующей христианской литературы, особенно окрашенной в апокалиптические тона, событием архетипическим. Любая мусульманская угроза, не только арабская, впоследствии осмыслялась через отсылку к этим событиям. Поэтому данное упоминание дает лишь *terminus post quem*, но не какую-либо конкретную дату составления нашего текста. ^л Ср. Мф. 23:13, Лк. 11:52. ^м Ср. Ин. 5:24. ^н 2Ин. 1:12.

кр(ѣ)сты в прасники моя^о — и то избавлю от руки поганных. И примете епитимью хотя одну неделю правилом святых апостол и святых отец.^п Но и того не хотите сотворити».

л. 473

Тако глаголет Господь: «Велми прогнѣваете мя, но все вы стерплю. Почто затвористе царствие и выложились есте во отчаяния? Всего горѣ // отчаяние челоѣку; много согрѣшивши, но подгнитесь к покаянию и молитесь беззлобиваго милосердия, к Богу *приблизитесь, и аз к вам приближуся*,^р — глаголет Господь Вседержитель, — и аз печалуюся о вас, зане искупих вы *своею кровию*^с из работы враг наших».^т

Живому человеку искушение, но не отступих от него, дондеже повелит Господь отити от нас искусником. Се помните ли, пришла вы есте лѣта числяны^у и Царство Небесное.

Приложение 2

Публикация текста «Слова о умилении души»

Текст публикуется по рукописи: Златоуст, 1-й трети XVII в., л. 230 об.–232 об. (хранится в частном собрании).⁶⁶ Правила публикации текста аналогичны Приложению 1.

^о Процессии (крестные ходы) с преднесением креста. ^п Непонятно, за что именно предполагается эта епитимья, хотя точно называется ее продолжительность и дается ссылка на церковные правила. Можно предполагать некий пропуск в тексте с утратой того места, где речь шла о каком-то конкретном виде греха. ^р Иак. 4:8. ^с Еф. 1:7, Кол. 1:20. ^т Возможно, цитируется тропарь Спаса Нерукотворного (он же тропарь первой Недели Великого поста — Торжества Православия): «...волею бо благоволил еси плотию взыти на Крест, да избавиши яже создал еси от работы вражия...». ^у Лѣта числяны — имеются в виду годы, «вычисленные» в качестве времени конца света. Прецедент подобных вычислений имеется в книге пророка Даниила, и имеется много их вариантов в христианских средневековых текстах; см., в частности: Beckwith R. Calendar and Chronology, Jewish and Christian: Biblical, Intertestamental and Patristic Studies. Leiden, 1996 [pbk 2001]; Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in der vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung. München, 1972. Автор публикуемого поучения, очевидно, считает свою эпоху тем самым «вычисленным» временем, но ничего не сообщает о том способе счета, которым он руководствуется.

⁶⁶ О рукописи см.: Курзина Е. С., Белякова М. М., Грицевская И. М. Мисцелланологический анализ сборника уставных чтений XVII века из села Хахалы Нижегородской области // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12. С. 72–83.

Текст «Слова о умилении души» стабильно входит в модель полного годового Златоуста, на 25-ю неделю по Всех Святых.⁶⁷ В некоторых списках он надписан именем Иоанна Златоуста, но в большинстве анонимен.⁶⁸

Впервые текст был опубликован в старообрядческом издании: Златоуст. Вильно, 1798. № 104.

Неделя 25. Слово о умилении души, благослови отче

л. 230 об.

Горе тебѣ, душе моя! Жадаеши спасения, а по вся дни грѣхи сотворяеши. Желаеши рая, а неправду дѣеши.

л. 231

Горе тебѣ, душе моя, яко вѣрна си твориши ся, а горее невѣрных неправду содѣваеши. Они убо не позаша Бога и отвергошася его, а ты познавши Бога и благодать духо//вную, приемши оскверни злыми дѣлы своими и угаси свѣтлость благодатную, и далече себѣ отгна, и преданное богатство злѣ расточи.

Горе тебѣ, душе моя, вѣдуши согрѣшаеши, и не стыдишися, но инѣх убо осуждаеши.

Горе тебѣ, душе моя, от совѣсти своеи мучишися и еще вѣры не имѣши.

Горе тебѣ, душе моя, како преступаеши заповѣдь Божию и без времени тружаешися.

Горе тебѣ, душе моя, како падаеши тѣлом и паки тѣлу угажаеши.

Горе тебѣ, душе моя, смерти боишися, а языка своего не затворяеши.

Горе тебѣ, душе моя, памяти святых почитаеши, а дѣяния святых не твориши, но токмо чреву угажаеши.

Горе тебѣ, душе, яко по вся дни льстишися, ркуще: «Утреса покаю Богови», — а не вѣдуши, достигнеш ли до утренняя дни.

Горе тебѣ, душе моя, геоны боишися, а прелюбодѣства не оставешися.

Горе тебѣ, душе, брат твои алчен ходит, а ты объядением разсести-ся хочещи.

Горе тебѣ, душе моя, коль краты тебя Бог помилова, а ты паки паде. Коль краты ты умудри, ты же паки разленися.

Не глаголю на богатых, иже в нем добрѣ живут, но глаголю на тѣх, иже в нем злѣ живут. Вино бо на двое сотворено есть, мудрым на веселие, а безумным на грѣх и погибель. Иному на спасение дастся,

⁶⁷ Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРА. Т. 39. Л., 1985. С. 278–284. № 107; Черторицкая Т. В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских книг. Вып. 3. М., 1990. С. 329–381. № 362, 363.

⁶⁸ Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения. Опладен, 1994. См. также: Иоанн Златоуст в южнославянской и древнерусской письменности XI–XVI вв.: Каталог гомилий. СПб, 1998. № 497.

л. 231 об.

а блудным же на большии грѣх. Скупыи своему дому нѣсть господин, но страж ему есть, а не господин. Велит бо скупыи своему дому крѣпце заключитися, и просящим у него Бога ради унѣ бы мяс своих урѣзав дал нищим, нежели богатства // своего в клетех лежащаго. Благо есть богатство видимое в десницы милостиваго. Зло есть имѣние, в нем же Богу нѣсть части в руцѣ немилостиваго. Вжегл еси, о богатѣ, свѣщу свою в церкви на свѣтилницѣх, добро сотворил еси. Но приидѣ же убогии к церкви, его же ты обидил еси, и воздохнув, прослезися на тя пред Богом, и угаси слезами своими свѣтление свѣщи твоея. Да лутче бы тобѣ, беззаконниче, от насилия твоего престати, и от грабления убогих, нежели просвѣщати храм Божии воском, собранным от крови убогих. Милостыню дал еси убогим, о богатыи, добро учинил еси. Но раби твои пасуще стада волов твоих, и потравиша ниву убогих сосѣд твоих. А инии стражюще гладом помираху, их же ты премучи злым своим томлением и козными неправедными на работу к себе. Да лутче бы, безумниче, помиловати домочадцы свои, свободу им даровати. Останися от насилия и томления, неже Бога дарити безумным имѣнием от неправды собранным. Гдѣ любо еще возведеша очи свои, о богатыи, и ту явѣ узриши злая. Здѣ сироты на тя плачут и индѣ убогии на тя вопиет к Богу, его же ты непомнѣнием пообиди. Зде от тобя рабы ранены ходяще, а индѣ иныя вижу от приклад рѣза твоего мучими и в воду ся вреваемы. И та вся станут на тя, о безумне, в день исхода души твоей. Никии же нам есть успех // нарицатися христианом, а дѣла сатанина дѣлаючи. Еще бо рече чада Христова есте, то лутче есть праведник един, нежели грѣшник тысяща. Да никакую же пользу Богу есть множество злых христиан. Еще бо ми нѣ суть христианѣ, яко же есть потребно, на кую пользу суть множество их, точию огню и яду пища. Чертог еще бо и златом украшен будет, а невѣста в нем злообразна, то нѣсть угодна жениху. Тако же и мы, еще ся христианѣ нарицаем, а души имущи скверны, нѣсть Богу угодны. Никая же польза отцу много чад лукавых.

л. 232

Н. К. Тимофеева

ПОНЯТИЕ «УЧЕНАЯ ДРУЖБА» КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СВЯЗИ

Психология отношений человека и общества привлекала внимание научной мысли на протяжении многих столетий. Историки, начиная со времен античности, стремились нарисовать психологические портреты известных исторических личностей. Поэтому вполне оправдан тот интерес к общественно-историческим, культурным аспектам и связям в различных областях общественной жизни, который определяет характер малых социальных групп и позволяет понять мотивы и специфику многих факторов общественной жизни.¹

Существует достаточно свидетельств тому, что своеобразие каждого исторического периода имеет в своей основе специфику соотношения индивидуальности и социальности, проявляющуюся в сфере коммуникативной связи в различных областях жизни общества.

Тема «ученой дружбы» достаточно подробно рассмотрена в монографических исследованиях, посвященных различным сторонам деятельности византийских интеллектуалов Михаила Пселла, Иоанна Мавропода, Никифора Григоры, Феодора Метохита, Гемиста Плифона и др.²

Вопросы, связанные с различными формами общения, в которых большую роль играют групповые ценности, вызывают интерес исследователей самого разного плана. В данной статье акцентируется внимание на изучении тех форм интеллектуального общения, направленного на бытие в культуре, где важное место занимал разговор или лучше сказать беседа.

В этом плане тема «ученой дружбы» представляется в настоящее время далеко не столь архаической, как сам термин по своему происхождению.

Несомненно, истоки понятия дружбы находятся еще в глубокой древности. Так, согласно исследованиям Э. Бенвениста в области истории древних языков, друг — это тот, кто входит в одно военное товарищество.³ Слово PHILOS в гомеровском эпосе также имеет социальный характер, поскольку это слово связано исторически с институтом гостеприимства: philos 'друг, приятель' — человек, заслуживающий особого отношения, обозначаемого глаголом philein 'радушно принимать'.⁴

¹ См.: Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С. 9.

² См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978. С. 117–125; Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. А., 1976. С. 20–25.

³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 88.

⁴ См.: Там же. С. 221.

Наталия Кирилловна Тимофеева. Июнь 2012 г.

Ориентация на общение и бытие в культуре играла важную роль в формировании социального контекста полисной жизни в Древней Греции. Об этом также свидетельствует особый вокально-ораторский облик античной культуры; голос, дар речи, устное слово были необходимым элементом классического понятия «каллокагатии».⁵

Существует достаточно исследований, доказывающих что коллегиальность, сообщество и содружество были и в Риме не столько правовым институтом, сколько социально-психологической потребностью.⁶

Это подтверждается также и тем, что в латинском языке более точным смыслом слова *civis* 'гражданин' в его древней форме является 'согражданин', что подчеркивает принадлежность к сообществу людей, связанных дружескими отношениями, которые возникают дома, в семейном кругу и в

⁵ См.: Аверинцев С. С. Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского востока. М., 1978. С. 6–28.

⁶ См.: Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 139.

той социальной структуре, внутри которой являющийся ее членом квалифицируется как согражданин.⁷

Представление о дружеском общении с глубокой древности включало обязательную сакральную основу. Складывавшийся веками ритуал делал религиозно обязательной атмосферу доверия и чистоты помыслов, что было особенно важно при дружеском общении. Специфика общественных отношений в античности заключалась в том, что политика не выделялась из жизни, и политическая деятельность для полноправного гражданина была не только необходимой, но и единственно возможной формой самовыражения. Здесь сказывалась древняя традиция, согласно которой очень важную роль в жизни общества играли фратрии, фамилии и религиозные ассоциации.⁸

В эпоху эллинизма, с развитием интеллектуального типа ученого, греческая литература свидетельствует об особом отношении к вещественности книги, стремлении собирать и переписывать текст. «Любознательность ученых-эрудитов и эстетизм утонченных библиофилов — две силы, существенно стимулировавшие позднеантичный культ книги».⁹

Несмотря на различие смыслового содержания понятия дружбы, во все времена остается несомненным наличие особой атмосферы дружеского общения.

Изучение исторических аспектов духовной и социальной жизни, где важное место занимал разговор или беседа, приводит нас к тем исторически сложившимся реалиям, которые также были ориентированы на бытие в социуме и культуре. Так, с течением времени под влиянием развития письменной культуры видоизменяются и формы устного общения. Особенно в истории Рима этот момент проявился в эпоху гражданских войн.

Если обратиться к истории, то в латинском языке более точным смыслом слова *civis* 'гражданин' в его древней форме *civis* является 'согражданин'; принадлежность к сообществу людей, связанных дружескими отношениями, которые возникают дома, в семейном кругу и в той социальной структуре, внутри которой, являющийся ее членом квалифицируется как согражданин.¹⁰ Существует достаточно исследований, доказывающих, что коллегиальность, содружество в Риме были не столько правовым институтом, сколько социально-психологической потребностью.¹¹

Крушение полисной системы и период гражданских войн в Риме выдвигают на первый план мысли о внутренней свободе и презрении к возможным потерям статусного и материального характера. Наиболее важным становится интерес к новым формам общения. Так, дружба, которая включалась стихами в общий комплекс мирового устройства, приобретает значение самого

⁷ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 221.

⁸ См.: Кнабе Г. С. Предисловие // Быт и история в античности. М., 1988. С. 14.

⁹ Аверинцев С. С. Типология отношения к книге... С. 17.

¹⁰ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 88.

¹¹ См.: Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. С. 139.

высокого типа связей между людьми. В Риме периода Империи, в среде низших слоев общества, где сильно было влияние эпикурейства, большое значение приобретает дружба, скреплявшая союз хороших, честных, трудолюбивых людей. «Маленькие дружеские кружки единомышленников стали играть в это время огромную роль, обязывая к взаимопомощи, самоотверженной преданности, давая чувство уверенности, избавляя от одиночества»¹².

Византийское христианское общество сохранило различные элементы античной культурной традиции и прежде всего — ораторское искусство и интерес к словесному творчеству, но литературные произведения воспринимали в то время не только на слух, но и читали книги. Главной книгой была прежде всего Библия. Уцелели роскошные лицевые рукописи библейских книг, выполненные по специальному заказу, и совсем простые, лишенные броских украшений.¹³ Византийцам было что читать кроме основного круга чтения. Отвергая языческое мировоззрение, они не отвергали античную литературу, читали, переписывали и комментировали греческих философов, математиков, астрономов, врачей, агрономов.

В связи с этим представляется интересным тот период византийской истории, когда формируется своего рода культ «ученой дружбы». Ярким свидетельством этой тенденции является эпистолярный жанр, распространенный в Византии. Представления об особой роли кружка интеллектуалов в культурной жизни очень четко проявляются в переписке писателя XI века Михаила Пселла с друзьями и единомышленниками.¹⁴ Доказательством может служить приводимый Я. Н. Любарским материал, связанный с перепиской Михаила Пселла и его друзей Мавропода, Ксифилина и Лихуда. Письма свидетельствуют о том, что названные деятели «составляли тесный кружок молодых интеллектуалов, чья деятельность немало способствовала византийскому просвещению XI в. Внутри этого кружка существовала особая интеллектуальная и нравственная атмосфера «ученой дружбы», отгораживавшая и приподнимавшая этих людей над окружающими»¹⁵.

В более поздний период византийской истории обмен письмами воспринимается как особый вид духовной связи между теми, кто принадлежал к сообществу интеллектуалов. Исследователи обращают внимание на то, что дружба между интеллектуалами имеет определенные функции, высший уровень которых — общность литературных и научных интересов. Обмен письмами — не только возможность показать изощренность стиля и умелое использование риторики, но и средство, поддерживающее дружеское общение даже на далеком расстоянии. В представлении Михаила Пселла «дружба»

¹² Штаерман Е. М. Эволюция свободы в древнем Риме // Вестник древней истории. 1972. № 2. С. 55.

¹³ См.: Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 130.

¹⁴ См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 58.

такого рода всемогуща, и в этом случае ходатайство за друга — лучшая форма проявления дружеских чувств. Дружба выступает как добродетель, уважение законов дружбы ставит под сомнение многие из государственных установлений: «Велика и могущественна сила дружбы, она придает больший вес чаше правосудия. Сама по себе она не может склонить весы в свою сторону, но в соединении со справедливостью сразу же перетянет и во сто крат больший вес», — пишет Михаил Пселл в письме к судье.¹⁶ На практике, как отмечает исследователь, личностная связь в данном случае свидетельствует о том, что для Пселла она значит больше, чем исполнение служебного долга.

Многие культурные деятели в Византии придерживались выполнения кодекса дружбы значительно отклоняющегося от привычного в античной древности понятия. Так, «Дружбы святой договор» (*Sancta foedus amicitiae*) — слова из латинской дипломатической терминологии, употреблявшиеся римскими историками, — свидетельствуют о том, что понятие дружбы проявлялось как часть социальной жизни. Оно подразумевало единодушие, скрепляющее общество «во всех делах божеских и человеческих при взаимном расположении и благожелательности», — так определял дружбу Цицерон.¹⁷

Представления о дружбе Михаила Пселла и его современников не являлись присущими всем членам византийского общества. Культ дружбы был характерен для неформальных сообществ интеллектуальной элиты, тяготевших к светским тенденциям. Интеллектуальная среда, оформившаяся окончательно к XIV–XV вв., культивирует увлечение античной наукой, особенно выделяя умственный труд в специфическую сферу деятельности. Осознание единства и общности людей науки особенно четко выражены Никифором Григорой: «Твое появление среди нас — это пребывание в среде людей всей науки, получившей душу и тело и живущей с людьми, чтобы приобщить слушателей к мудрецам, облагородить непросвещенный слух и изгнать все, что является оскорблением истинной науки»¹⁸. Никифор Григора считал, что дружба связывает родственные души, а честность добродетель и наука укрепляют дружеские чувства.¹⁹

Продолжая и развивая эпистолярное искусство античности, поздневизантийские авторы привносят в этот литературный жанр новые элементы, рассматривая переписку как род особой связи между членами сообщества интеллектуалов. Сплоченность этой культурной среды демонстрируется постоянным обменом письмами между столичными представителями этого круга и их провинциальными друзьями. «Письма, — писал Никифор Григора, — укрепляют и поддерживают дружбу», указывая тем самым на то, что такого рода связь близких по духу мыслителей — результат осознания единства ученых и

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 121.

¹⁷ Цицерон. О дружбе // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 36.

¹⁸ Цит. по: Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 19.

¹⁹ См.: Там же. С. 21.

их причастности к единому интеллектуальному сообществу.²⁰ Развитие данной темы заключено в характеристике культа дружбы как прекраснейшего из земных благ, в том случае, если она связывает родственные души. Дружеские чувства в этом понимании неотделимы от честности, добродетели и любви к науке и литературе. В коммуникативном плане утонченная интеллектуальная дружба представляет для Никифора Григоры и его единомышленников наивысший уровень человеческих взаимоотношений. Такого рода заключения свидетельствуют о конкретизации представлений об ученой дружбе в процессе распространения в византийском обществе своеобразных форм общения почитателей науки и литературы.

Тесно связанными понятия «дружбы» и «слова» были определены Михаилом Пселлом в письме к другу: «Мы не изменяемся в зависимости от перемен судьбы и обстоятельств и, в отличие от большинства, не выбираем слова в соответствии с ними и не соразмеряем по ним дружеские чувства. Пусть они извне теснят нас, а слово утвердится как мы и условились друг с другом, несчастья же следует переносить»²¹. Сосредоточенность на духовной связи, стремление сохранить эту связь, невзирая на сложные обстоятельства особенно подчеркивается в переписке Михаила Пселла как важнейшая основа взаимоотношений между друзьями.²² Забота о благополучии друзей, обычай передавать через курьеров не только письма, но и оказывать материальную поддержку говорят о прочности дружеских связей внутри интеллектуального сообщества.²³

Большую роль в интеллектуальной среде, бывшей основой для «ученой дружбы», составляло устное общение или, лучше сказать, беседа — как особая форма духовного общения, когда вокруг того или иного авторитетного ученого или философа формировалась группа его единомышленников или друзей. Согласно исследованиям И. Шевченко и И. П. Медведева, можно говорить о возникновении целой сети неофициальных очагов коммуникативной связи, основанной на устном общении, получившей широкое распространение в Византии XIV–XV вв.²⁴

Таким образом, мысль о причастности к единому интеллектуальному сообществу, составляющему основу дружеской связи, осознание единства ученых было характерно для определенной части византийского общества.

Превалирование научных интересов в понимании такого феномена, как дружба, существенно отличалось от основополагающего мнения большинства византийского общества, поскольку в этом понимании главным было представление о любви к Богу, хотя допускалось понятие дружбы, основанной

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Цит. по: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С. 118.

²² См.: Там же. С. 118.

²³ Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 22.

²⁴ См.: Там же. С. 13.

на гармонии мнений. Значительная часть византийского общества придерживалась позиции, присущей христианской этике, в частности, Отцов Церкви Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Хризостома, которые выводили дружеские чувства из любви к ближнему. Представления византийских интеллектуалов об ученой дружбе существенно отличаются от традиционных. В противовес этому пониманию наиболее прочной основой дружбы признается общность научных интересов. Письма, философские и литературные трактаты выражают интеллектуально-эстетический идеал ученого сообщества, а заимствованные из античности понятия включаются в новое восприятие жизни, в котором соединяются нравственные качества человека и его научные знания. Одним из характерных проявлений его было ощущение интеллектуального избранничества и возвеличивание института «ученой дружбы».

Все вышесказанное убеждает в том, что неформальное общение на уровне малых групп является очень важным механизмом формирования такого социального феномена, как «ученая дружба». В этом плане интерес представляют те культурные процессы, в которых участвуют не только общающиеся между собой люди, но и отдаленные от них во времени и пространстве явления и события культурной жизни. Интеллектуальная среда, представлявшая в Византии сообщество ученых, жившая по своим определенным законам напоминала формы интеллектуального общения *convegni, symposia*, характерные для итальянских гуманистов.²⁵

При всей сложности отношения к представлению о дружбе в средние века, в античной и средневековой культуре имеет смысл выделить именно «ученую дружбу» — как проявление мысли о том, что интеллект не зависит от социального происхождения или положения в обществе. «Ученая дружба» рассматривается, таким образом, не только как интеллектуальная категория, но и как облагораживающий человека, возвышающий его идеал, который тоже является критерием в этической оценке личности.

²⁵ См.: Там же. С. 21.

Е. К. Ромодановская и М. Н. Климова. 2005 г.

М. Н. Климова

К ИСТОРИИ МИФА О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК, СЛОВО 15)*

Не вызывает сомнений, что популярная архаико-мифологическая культурная модель «покаяние и спасение великого грешника» есть явление интернациональное. В ее основе лежит один из древнейших сюжетов мировой литературы — «путешествие человека в царство смерти», а Благая Весть Иисуса, придавшая этому архаичному сюжету новую актуальность, была изначально адресована грешному человечеству. Русь восприняла эту культурную модель вместе с восточной версией христианства, тогда же юная русская словесность получила в наследство из Византии и библейские первообразы, и житийные образцы ее художественного воплощения. С течением времени модель так глубоко вросла в духовную жизнь русского народа, что превратилась в один из фундаментальных мифов нашего национального сознания, нашедший яркое выражение во всемирно известных произведениях русской классической литературы. Однако начальный этап освоения *мифа* древнерусскими книжниками изучен крайне скупо. Предлагаемая статья посвящена одному из самых ранних опытов такого рода.

Следует сразу же признаться, что своим вниманием к анализируемому далее фрагменту Киево-Печерского патерики мы обязаны В. М. Живову, пересказавшему его в лекции со знаменательным для нас заглавием «Русский грех и русское спасение».¹ Лекция известного лингвиста и культуролога, посвященная особенностям русского понимания этих фундаментальных христианских концептов, основана на обширном и разнообразном фактическом материале, она богата остроумными и тонкими наблюдениями, стимулирующими дальнейшие поиски в этом направлении. Однако отдельные пассажи ученого вызывают, по меньшей мере, сомнения. К их числу относится и приводимый далее фрагмент лекции.

...в Киево-Печерском патерике есть чудесная история о Онисифоре Прозорливце. У него был ученик, монах, который его обманывал: он гре-

* Наш интерес к этой теме зародился еще в студенческом семинаре Е. К. Ромодановской, поскольку Повесть об Андрее Критском, предложенная нам в качестве объекта дипломного исследования, в процессе изучения оказалась ранним примером особого «русского» взгляда на проблему греха и покаяния.

¹ Живов В. М. Русский грех и русское спасение: Лекция, прочитанная 20 июня 2009 г. [Электронный ресурс.] URL: <http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/> (дата обращения 25.05.2014).

шил и не исповедовал ему свои грехи. Для монаха это ужасное прегрешение. За это его Бог наказал: он, во-первых, помер, и, во-вторых, стал страшно вонять. Он издавал такой страшный смрад, что даже животные разбегались в разные стороны. И тогда вот этому Онисифору явился ангел Господень и объявил, в чем дело: что он так его надувал, и за это его наказывают страшным смрадом. И вот, Онисифор и прочие уже собирались выбросить тело этого грешника в Днепр, но тут явился преподобный Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря, и сказал: «Бог когда-то мне обещал, что тот, кто будет похоронен на освященной земле Киево-Печерского монастыря, тот спасется. И поэтому я поговорил с Богом — и он спасется. И вот этот монах, который так страшно нагрешил, спасется. Хочешь проверить — иди туда, где лежит его труп — он будет благоухать». И, действительно, они пошли и увидели, что труп благоухает. За что он получил спасение? В общем-то, за то, что его похоронили в этой священной земле. Если так можно спастись, то какой дурак будет каяться, епитимью выдерживать много дней, поститься и т. д.

Действительно, в таком изложении рассказ выглядит весьма странно. Но сомнения вызывает явная модернизация древнерусского текста, а также то, что В. М. Живов не столько пересказывает его сюжет, сколько стремится объяснить происходящее в нем непосвященным слушателям, сами же события излагаются по памяти и весьма приблизительно. Обратимся поэтому к древнерусскому первоисточнику и его репрезентативному переводу на современный русский язык.²

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА
ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬ-
СКАГО, О СВЯТЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦЕХ
ПЕЧЕРЬСКИХ И ЧТО РАДИ ИМѢТИ
ТЩАНИЕ И ЛЮБОВЬ КЪ ПРЕПОДОБ-
НЫМ ОТЦЕМЪ АНТОНИЮ И ФЕО-
ДОСИЮ ПЕЧЕРЬСКИМ. СЛОВО 15

Слышах вещь предивну от блаженныхъ
техъ старецъ, яко рѣша слышавъше от
самовидецъ *онѣхъ* такового чюдеси,
бывшаго при игуменьствѣ Пиминовѣ в
Печерскомъ святѣмъ монастырѣ.

Бысть убо муж съврѣшен *въ всякой* до-
бродѣтели в том же Печерскомъ монасты-
рѣ, именем Ансифоръ, презвитеръ саном.
И прозорлива дара сподобися от Бога, еже

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА
ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКО-
ГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕР-
СКИХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО
ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПО-
ДОБНЫМ ОТЦАМ АНТОНИЮ И ФЕО-
ДОСИЮ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блажен-
ных старцев печерских; они же говорили,
что слышали от очевидцев этого чуда,
случившегося во времена игуменства
Пимена в Печерском святом монастыре.

Был в Печерском том монастыре муж,
совершенный во всякой добродетели, име-
нем Онисифор, пресвитер саном. И спо-
добился он от Бога дара прозорливости,

видити на всяком человекѣ съгрѣшнѣя.
И инаа того исправления повѣдают, но
се едино скажу.

Бысть сему блаженному Ансифору
сынъ духовный, черноризецъ нѣкто и
другъ по любви, иже не истиною под-
ражаше житие того святого: постникъ
являся лжею и цѣломудръ ся творя,
втайнѣ же ядый и пиа и сквѣрно жи-
вый препровади лѣта своа. Се же утаися
духовнаго того мужа, и ни единъ же от
братиа сего разумѣвъ.

Въ единъ же день, здравъ сый, на-
прасно умре. Не можаше ни единъ же
телеси его приблизитися смрада ради,
бывшаго от него. И приять же страхъ
вся, и нуждею сего изъвлекше, и не мо-
жаху пѣнѣя над нимъ сътворити *смрада
ради*. Положивше того особъ и ставъше
издалеча, пѣние *обычное* сътворивше,
нѣцѣи же заимше ноздри своа. И сего,
внесше внутрь, в печерѣ положиша, и
толми въсмердѣшася, якоже и безсло-
весным бѣгати тоа печеры. Многажды
же и вопль слышашеся горекъ, яко нѣ-
ции мучаще того.

И явися святой Антоний прзви-
теру *Онсифору*, съ прещениемъ глаго-
ля: «Почто се сътворишь еси? Таковаго
сквернаго, и нечистаго, и незаконнаго,
и многогрѣшнаго здѣ положилъ еси,
якоже таковъ не бысть положен никто-
же, иже осквернилъ есть святое мѣсто
сие». Възбнувъ же от видения и пад на
лицѣ своемъ, *моляшеся* Богу, глаголя:
«Господи, что ради съкрылъ еси от менѣ
дѣла человекѣ сего?» И приступль аг-
гель, глаголя ему: «На показание всѣмъ
съгрѣшающим и не кающимся бысть се,
да видѣвъше, покаются». И сие рекъ, не-
видимъ бысть. Тогда прозвितеръ, шедъ,
възвести вся сѣа игумену Пимину. И
паки в другую ночь тоже видѣ и рече:
«*Изверзи его вѣнъ* въскорѣ на снѣдение
псомъ, недостойнъ бо есть пребывания

так что видел согрешения человека вся-
кого. Рассказывают и о других его под-
вигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора
сын духовный и любимый друг, некто
из черноризцев, который лицемерно
подражал житию этого святого: притво-
рялся постником и целомудренником,
втайне же ел и пил и, живя распутно, так
проводил лета свои. И утаилось это от
духовного того мужа, и никто из братии
сего не знал.

В один день, совсем здоровый, вне-
запно он умер. И никто не мог прибли-
зиться к его телу из-за смрада, исходя-
щего от него. И напал страх на всех, и
насилу вытащили его, но отпевания из-
за смрада не могли над ним свершить.
Положили тело в стороне и, ставши
поодаль, творили обычное пение, иные
же затыкали ноздри свои. И, внесши
его внутрь пещеры, положили там, и
пошел такой смрад, что и бессловесные
твари бегали от той пещеры. Много раз
слышался и вопль горький, словно кто-
то мучил его.

И явился святой Антоний пресви-
теру Онисифору, с гневом говоря ему:
«Что это ты сделал? Такого скверного,
и порочного, и лживого, и многогреш-
ного здѣсь положил, какого еще никогда
не было положено, так что осквернил
он святое место сие». Очнувшись от ви-
дения и пав ниц, Онисифор взмолился
Богу, говоря: «Господи, зачем скрыл ты
от меня дела человека этого?» И присту-
пил к нему ангел, и сказал: «В назидание
всем согрешающим и не покающимся
было это, чтобы, видевши, покались». И
сказав сие, сделался невидим. Тогда
пресвитер пошел и возвестил все это
игумену Пимену. Потом в другую ночь
то же увидел Онисифор: «Выбрось его
скорее вон на съедение псам, — сказал
Антоний, — недостойн он пребывать

² Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4: XII в.. СПб., 1997. С. 362–365.

здѣ». Прозвитель же паки на молитву обратися, и бысть к нему глас, глаголя: «Аще хочещи, — *помози* ему».

Съвѣт же сътворше съ игуменомъ, да нуждею привести нѣкия, и извлекуть и вонъ, и въврѣгут и в воду, волею бо никтоже можаше горе той приблизитися, идѣже бѣ пещера. Паки же явися имъ святой Антоний, глаголя: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обѣта брата моего, иже к вамъ общахся, *яко* всякъ, положенный здѣ, помилованъ будет, аще и грѣшенъ есть. Не суд бо хуждешии, иже со мною здѣ в пещерѣ отци, бывших прежде закона и по законѣ, угодивших Господу Богу моему и пречистой его Матере, — да ни единъ от сего монастыря осужденъ будет въ муку. Господь же рече ми, яко слышати ми глас его: “Азъ есмь рекий Аврааму: двадцати ради праведникъ не погублю града сего”, — то кольми паче тебѣ ради и иже сущих с тобою помилую и спасу грѣшника; аще здѣ постигнет умрети, в покои будетъ». Сиа же слышавъ Анѣсифоръ от святаго, вся видѣннаа и слышаннаа възвѣсти игумену и всей братии. От них же азъ обретох одинаго, иже исповѣда ми вещь сию от тѣх прѣвыхъ черноризцевъ.

Пиминъ же игуменъ, въ мнозѣ недоумѣнии бывъ от страшной сей вещи, съ слезами моляше Бога о спасении души братнѣй. И бысть ему явление от Бога нѣкое, тако глаголюще: «Понеже здѣ мнози грѣшнии положени быша, и вси прощени быша ради угодивших ми святыхъ, иже в пещерѣ, и сего же окааннаго душу помиловахъ Антония ради и Феодосия, рабу моею, и сущихъ с нима святыхъ черноризцевъ молитвою.

И се ти знамение буди изменению: смрад бо на благовоние преложится». И

здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, — помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, говоря: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего, данного вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили Господу Богу моему и пречистой его Матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: “Я тот, который сказал Аврааму: ради двадцати праведников я не погублю города сего”, — тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника; если здесь постигнет его смерть, — спасен будет». Услышав это от святаго, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцевъ.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил Бога о спасении души брата. И было ему видение от Бога, сказавшего: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаанного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцевъ.

И вот тебе знамение перемены: смрад в благовоние превратился». Услышав это,

сие слышавъ, игуменъ радости исполнился, и, съзва всю братию, сказа имъ явление, и иде с ними к пещерѣ видѣти бывшаго; и обоняше вси благоухание от телеси его, злосмрадие же и вопль никакоже слышашеся. И всй насладившася добровониа, прославиша Бога и святаа его угодники, Антония и Феодосия, о спасении братнѣй.

И сего ради азъ, грѣшный, епископъ Симонъ, тужу, скорблю, и плачу, и жалаю тамо ми скончати, да бых точною положенъ былъ въ божественной тоии прѣсти и малу отраду приаль бых многих ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отецъ о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемъ, ему же слава нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ.

Обращение к первоисточнику подтвердило наше предположение о неточности его пересказа в лекции В. М. Живова. Из этого пересказа исчезла, например, большая часть сверхъестественных явлений, служащих основанием патерикового повествования и определяющих его динамику: помимо сюжетобразующего чуда с телом лицемерного монаха, здесь описаны четыре видения Онисифора, явленный ему же голос свыше и подводящее итог рассказу явление основателя монастыря св. Антония его тогдашнему настоятелю. В пересказе В. М. Живова упомянуто только два видения, описанных при этом весьма неточно, особенно явление ангела (к его словам, ключевым для понимания смысла всего рассказа, мы еще вернемся). Искражен в лекционном пересказе и образ главного героя легенды — монаха Онисифора, не только оказавшегося в этой истории основным посредником между мирами, но и немало способствовавшего спасению души своего грешного ученика и друга. Между тем, хотя сведения об этом иноке патериковым рассказом практически исчерпываются, его заслуги учтены Русской Православной Церковью: прозорливый Онисифор Печерский причтен к лику преподобных русских святых (день памяти 9 ноября).³

Что до заданного В. М. Живовым возмущенного вопроса, то он нуждается в коррекции, ибо спрашивать в этом случае следует, по аналогии с ответом ангела Онисифору, не о причине случившегося, а его цели, то есть не «*За что?*», а «*Для чего?*». Названа в этом ответе и искомая цель — «назидание всем согрешающим», то есть фактически каждому из живущих на момент чтения рассказа людей. Назидание же, в свою очередь, сконцентрировало в себе ряд

³ Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия. СПб., 2001. С. 609–610.

важнейших положений православной веры: всеведение Бога, Его бесконечное милосердие и неисповедимость путей исполнения Его воли, монашеский образ жизни как верный путь к спасению души и значение заупокойных молитв для облегчения участи умерших. По своему содержанию этот фрагмент Киево-Печерского патерики примыкает к группе рассказов о грешных иноках, играющей важную роль в формировании патерикового ансамбля и призванной закрепить в сознании русских неопитов смысл Благой Вести, принесенной в мир Христом, — торжества Милосердия над Справедливостью.⁴ В анализируемом нами рассказе эта идея представлена в самом крайнем своем выражении, ибо в нем описан случай возвращения в стадо Христово овцы не просто заблудшей, но, казалось бы, уже безнадежно утраченной. То обстоятельство, что своим спасением злополучный грешник полностью обязан товарищам-монахам, живым и уже умершим, знаменует зарождение одного из фундаментальных понятий русского православия — соборности. Наконец, прямое назначение этого рассказа, вынесенное в его заглавие, — прославление первых «местных» святых православного пантеона, которые, по мнению авторов легенды, при всей молодости Русской Церкви уже не уступают своей святостью древним христианским подвижникам. Что до возможного соблазна самого факта спасения души нераскаянного грешника, смутившего В. М. Живова, то рассказчик легенды приложил немало усилий, чтобы такой путь в Царство Небесное никому не захотелось бы повторить. Подробности посмертного разоблачения тайных грехов злополучного инока — осквернение его мертвого тела и акустически явленные живущим загробные мучения его души, были для средневекового читателя поистине устрашающими, спасение же его приходило лишь в самый последний момент.

Рассмотренный нами сюжет из Киево-Печерского патерики получил далеко идущие продолжения. В последующие столетия восточнославянское сакральное пространство, едва намеченное в этой легенде, выходит за пределы первого русского монастыря и, расширяясь, принимает очертания Святой Руси, укрытой спасительным покровом любви Божьей Матери и огражденной заступничеством обширного сонма православных святых. Родовая принадлежность этому «святोरусскому» сообществу становится основой полубессознательной надежды на спасение, таящейся в глубине души русского человека, не забывающего при этом о своем нравственном несовершенстве. Такое направление отечественной религиозной мысли вполне сопоставимо с католическим учением о сверхдолжных заслугах святых, но показательным представляется, что материального воплощения, на манер западных индульгенций, на русской почве оно не получило. Единственным следствием его стала странная об-

⁴ Отметим, что внутри патерикового рассказа эта идея требует дополнительного закрепления даже в сознании святого Антония Печерского, поддавшегося гневу уже за пороком своего земного существования, так что Господу приходится напомнить ему ветхозаветный эпизод моления Авраама о жителях Содомы.

легченность русских представлений о загробной участи души, позволявшая многим нашим соотечественникам, как указывал тот же В. М. Живов, годами пренебрегать таинством исповеди, откладывая покаяние едва ли не до смертного своего часа, чтобы, подобно евангельскому Благоразумному разбойнику, смыть грехи всей жизни разом.

Описанная в этом и подобных ему рассказах чудесная победа сакрального над законами естества, подкрепленная паломничествами к мощам древних насельников Киево-Печерской обители, способствовало образованию в русском религиозном сознании устойчивой связи святости с нетленностью тела ее носителя. Хотя церковный канон на обязательности этой связи отнюдь не настаивал,⁵ в народном сознании она нередко представлялась незыблемой. Одним из следствий этого представления стали многократно возникавшие на периферии стихийные культы местнотимых «святых без жития», почитаемых народом практически лишь за нетленность их внезапно обретенных тел.⁶

Писатели нового времени также не обошли своим вниманием рассказы древнейшего русского патерики, исполненные, по известному отзыву А. С. Пушкина, «прелести простоты и вымысла». На наш взгляд, история прозорливого Онисифора и его грешного ученика нашла своеобразное преломление в одном из самых загадочных эпизодов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — скандальных обстоятельствах отпевания старца Зосимы (книга седьмая «Алеша», глава «Тлетворный дух» и последующие). Но обоснование этого предположения может стать темой отдельного исследования.

⁵ См.: Панченко А. М., Панченко А. А. Осьмое чудо света // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2005. С. 470–472.

⁶ Первым исследователем житий этих странных святых был Л. А. Дмитриев. См.: Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРА. Т. 27. Л., 1972. С. 180–202; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. Позднее материалы народной агиографии Русского Севера и Сибири привлекали внимание А. С. Лаврова, С. А. Штырькова, И. Левин, Е. К. Ромодановской, Е. А. Рыжовой. Обзор исследований по этому вопросу принадлежит А. А. Панченко. См.: Панченко А. А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. С. 95–103. Здесь же (с. 103–142) приведена полная галерея простонародных «святых без жития» и их сравнительная таблица.

Н. Ф. Котляр

Князь. Муж. Дружина

(О ДРЕВНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЯХ ЛЕТОПИСИ)

Древнерусское общество выглядит на страницах источников, главным образом летописей, социально неоднородным, в нем сосуществовало два, а то и три уклада. Так было почти всюду в Европе. На обломках Римской империи жили варвары, общественный строй которых был родоплеменным при сохранении общинных отношений, существовали и реликты рабовладельческого общества. Соседская община средневековья была шагом вперед в сравнении с первобытной родовой общиной предыдущего времени.

Общественная организация восточных славян предстает уже в первых летописных рассказах о них, начиная с 60-х годов IX в. Основывавшаяся на зыбких фольклорных источниках полупоэтичная летописная история прихода Рюрика на северо-западные земли восточноевропейской равнины сообщает:

Николай Федорович Котляр, Елена Константиновна Ромодановская,
Валентин Лаврентьевич Янин, Ольга Андреевна Белоброва

Князь. Муж. Дружина (О ДРЕВНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЯХ ЛЕТОПИСИ)

«И прия власть Рюрик. И раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Бѣлоозеро».¹ В этом тексте «мужи» уже отделены от массы воинов Рюрика, а сам он, глава державы, пребывавшей в процессе зарождения, возвышен над всеми своими людьми.

В Новгородской первой летописи младшего извода появление Рюрика с братьями на Руси выглядит несколько иначе: «Избрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новгороду».² В «Повести», вне сомнения, речь идет также о дружине, понятия «мужи» и «дружинники» являются синонимами в начальных частях обеих летописей.

Рассказ об утверждении Олега в Киеве под условным 882 г. начинается в «Повести временных лет» словами, свидетельствующими о расслоении верхушки общества и ведущей роли князя: «Поиде Олег, поим воя многи... И прия град [Смоленск], и посади мужь свои... И взя Любець, и посади мужь свои».³ Понятие «муж» утверждается в «Повести» со времен Рюрика. Оно принадлежит к древнейшим летописным терминам. В описании похода Олега на Царьград 907 г. упоминается, что «в корабли [Олега] по 40 муж».

Преемником Рюрика был Игорь, его сменила на столе Ольга, ее — их сын Святослав. Русское государство с начала своего существования имело единовластного государя. Но в составной части государства, Древлянской земле, во времена Игоря и Ольги существовало еще несколько местных князей, на самом деле племенных вождей. Это подтверждается словами древлянских послов, прибывших в Киев вскоре после убийства Игоря и заявивших Ольге: «Мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк восхитая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю».⁴

Социальная поляризация общества на Руси постепенно набирала силу. Летопись во времена Ольги (944–964) уже называет разновидности княжеских мужей, выделяет их верхушку не только в Киеве, но и в Древлянской земле. Ольга обращается к просящим мира древлянам со словами: «Да аще мя просите? Право, то пришлите мужа нарочиты». Смысл понятия «мужи нарочиты» раскрывает продолжение этих слов: древляне присылают к ней «лучшие мужи, иже держяху Деревьску землю».⁵ Следовательно, нарочитые или лучшие мужи составляли верхушку древлянской племенной знати, которая «держяху» Землю древлян. Слово «держяху» свидетельствует о коллективном владении землей в этой части Руси. Так же было и в других древнерусских землях того времени.

¹ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 13.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 106.

³ Повесть временных лет. С. 14.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

Следовательно, древнерусское общество времен Игоря и Ольги предстает в источниках уже стратифицированным. Оно состояло из княжеской семьи, лучших или нарочитых мужей, — то были княжеские дружинники и другие привилегированные люди, в дружину не входившие, — горожане и крестьяне. По свидетельствам летописцев, социальная структура общества после княжения Ольги усложняется, что, в частности, отразилось в употреблении дефиниций, прилагавшихся к русским людям. Летопись называет мужей ее сына Святослава «лѣпшими»: он посылает к греческому императору «лѣпшие мужи» с предложением мира. Внук Ольги Владимир раздает грады «мужамъ добрым, смысленым и храбрым», среди них также выделяются «лучшие».⁶ Эта тенденция сохранится на следующих страницах «Повести».

Слово «дружина» принадлежит к древнейшим социально-политическим понятиям древнерусских источников и появляется на страницах Новгородской первой летописи младшего извода в рассказе о появлении Рюрика с братьями в Новгороде под легендарным 854 г. Следующее упоминание о дружине⁷ содержится в повествовании той же Новгородской летописи о приходе Игоря и Олега в Киев.

Возникновение дружины у славян как общественной прослойки и военного института историки относят к разному времени, от VI до первой половины X в.⁸ Мнения исследователей разделились и относительно стадии общественного развития, на которой складываются дружины. Т. Василевский напрасно, на мой взгляд, видел возможность формирования дружин в родоплеменном обществе. Ему возразил Х. Ловмянский, который допускал достаточно гипотетическую возможность создания дружин в родоплеменном обществе, но и то не постоянных, разве что для разового набега на соседей. Ведь в дофеодальное время у вождей просто не хватало средств для содержания постоянных дружинных контингентов.⁹ С ним был согласен Б. А. Рыбаков. В 80-е годы XX в. историю дружинных формирований изучал А. А. Горский. По его мнению, институт дружины был присущ обществам времен генезиса феодальных отношений в древнерусском обществе, а дружинная знать складывается во времена возникновения раннефеодального уклада.¹⁰ На мой взгляд, работам А. А. Горского свойственна некоторая модернизация восточнославянского общества IX–X вв. Он видит в нем даже домениальные землевладения киевских князей (Ольга). В действительности, они возникли одним-двумя столетиями позднее.

⁶ Там же. С. 34, 37, 55.

⁷ По мнению А. А. Шахматова, оно принадлежало к Древнейшему Киевскому своду.

⁸ Обзор мнений историков: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 10–13 и сл.; см. также недавнее исследование: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. М., 2012.

⁹ Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972; Ловмянский Н. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 12.

¹⁰ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 18, 35.

Думается, древнерусская дружина¹¹ стала продуктом не столько изменений общественных отношений, сколько зарождения и развития государственности. В руках князя она была средством принуждения и управления, взимания дани, защиты собственных интересов и населения страны от врагов. Материалы археологических исследований свидетельствуют, что наиболее многочисленные контингенты дружинников были сосредоточены в ядре Древнерусского государства, в Среднем Поднепровье, что подчеркивает творческую деятельность дружины в эпоху становления восточнославянской государственности. Соотношение дружины с аппаратом управления неоднократно исследовалось историками.

Итак, слово «дружина» принадлежит к древнейшим социально-экономическим понятиям древнерусских источников и появляется на страницах Новгородской первой летописи младшего извода в рассказе о приходе Рюрика с братьями в Новгород под условным 854 г.¹² Следующее упоминание о дружине (по мнению А. А. Шахматова, оно относилось к Древнейшему Киевскому своду) содержится в рассказе той же Новгородской летописи о приходе Игоря и Олега в Киев («Повесть временных лет» относит событие к условному 882 г.): они «потаистася в лодях, и с малою дружиною излезоста на брег...»¹³. В параллельных текстах «Повести временных лет» слово «дружина» заступают понятия «вся русь» и «вои».

Хотя дружина при русском князе образовывается по меньшей мере в IX в., при Аскольде, известия в источниках о ней появляются со времени появления Олега в Киеве около 882 г. Из первых известий о ней в летописи понятно, что уже при Олеге она приобретает большое значение. Свидетельства же об отношениях князя с дружинниками берут начало в источниках со времен Игоря, после 912 г.

В летописи Игорь выглядит полностью зависимым от своих дружинников князем. Он поддается их влиянию в важнейшем вопросе заключения мира с Византией, точно так же как в походе в Древлянскую землю за данью и возвращении за ней во второй раз.¹⁴ Выражение «и послуша их [дружинников] Игорь» грустным рефреном сопровождает государственную деятельность этого князя и определяет его трагическую судьбу, мученическую смерть в древлянском лесу. При том, что государственная организация времен Игоря была слабой, сам князь не пользовался авторитетом среди своих дружинников, в отличие от предшественника Олега и преемницы Ольги.

Русские государи второй половины X в. Святослав Игоревич и его сын Владимир изображены в летописи как подлинные дружинные князья. Оба обла-

¹¹ Слово «дружинник» в летописи мне не встречалось. Понятие «дружина» имело обобщенное, широкое значение.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 106.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Повесть временных лет. С. 26.

дали сильным и независимым характером, но уважали и любили свою дружину, считались с ней. На уговоры Ольги креститься Святослав с неловкостью отвечает: «“Како аз хочу ин закон приятии един? А дружина моя сему смѣятися начнуть!” Она же рече ему: “Аще ты крестишися, вси имуть то же створити!” Он же не послуша матере»¹⁵. Возможно, Святослав не понимал важности приобщения к универсальной мировой религии, как это понимала его державная мать. Но если бы и понял, то все равно не смог бы отважиться осуществить столь важный государственный шаг без совета со своей дружиной, — ясно, с ее верхушкой, ибо уже тогда дружина была расслоена.

Летописцы велеречиво рассказывают о любви и внимании Владимира Святославича к своей дружине. Источники отразили общественное мнение, согласно которому князь с дружиной составляли единое целое. Это мнение идет от древнейших времен, с той поры, когда князья обзаводились постоянными отрядами вооруженных людей. Отношения между князем и дружиной могли быть и служебными и неформальными, теплыми, она разделяла с ним успехи и неудачи. В сущности, ему, кроме дружины, не на кого было опереться. Поэтому советоваться с дружиной, держать ее в курсе своих дел и планов было в интересах князя.

Дружина — не только древнерусское или славянское явление. В западно-европейском средневековье дружинникам соответствуют рыцари, составлявшие отряды отборных воинов короля, герцога, графа. Они обыкновенно были тяжеловооруженными, закованными в броню всадниками. Первые среди них составляли ближний круг сюзерена, часть рыцарей была его советниками и администраторами. Как и дружинников, рыцарей бывало немного. Дружины даже главных русских князей состояли из нескольких сотен воинов. Увеличить их численность было сложно, ведь вооружение и добрые кони стоили дорого, рыцари, как и дружинники, должны были обладать выдающимися боевыми навыками.

Как писал исследователь этой темы, уже в X в. на Западе развились и стабилизировались культура и самосознание профессионалов ратного дела, состоявших, как правило, из свободных людей.¹⁶ Это же можно сказать и о древнерусских дружинниках, особенно лучших из них, старших или «передних» мужах. Они принадлежали к верхушке феодального общества. Мне неизвестны свидетельства источников о дружинниках, не бывших свободными людьми. Возвышенным гимном дружинникам и дружинности звучат слова Нестора: «Бѣ бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратех, и о уставѣ земленѣм»¹⁷.

Е. А. Мельникова удачно определила Русское государство начальной стадии существования как дружинное. Его аппарат управления, собирания даней и

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 339.

¹⁷ Повесть временных лет. С. 56.

налогов и судопроизводства состоял из княжеских дружинников. Примерно в середине правления Владимира Святославича завершается существование дружинного государства. Уже в летописных рассказах о княжении его сына Ярослава дружина играет преимущественно военную роль. Но дружинная сущность Древнерусской державы не могла завершиться мгновенно, в один день или год. До времени Ярославу Владимировичу приходилось считаться со своими дружинниками, и не только на поле битвы. Повествуя о его вокняжении в Киеве, Нестор не забыл упомянуть о тех, кто принес ему победу: «Ярослав же съде Кыеве, утер пота с дружною своею, показав побѣду и труд велик»¹⁸.

«Повесть временных лет» в описаниях событий первой половины XI в., вслед за фольклорной традицией и отдавая дань общественному мнению (в котором столь много значила традиция вообще), продолжает воспевать любовь князя к дружине как высшую добродетель. Брата Ярослава, тмутороканского, а впоследствии черниговского князя Мстислава источники изображают истинным дружинным государем. В посмертном летописном панегирике Мстиславу говорится, что он «любяше дружину по велику»¹⁹, тогда как в обширной посмертной похвале Ярославу восхваляется мудрость князя, но ни словом не упомянута его дружина и его любовь к ней. Наставали новые времена.

Историки пришли к мнению, что во времена Ярослава дружина и дружинность как действенные факторы социально-политической жизни теряла позиции в обществе. И все же дружина сохраняла значительное место в социуме. Она все больше расслаивается, из нее выделяется боярство. В летописях конца X — начала XI в. дружинники часто выступают под общим наименованием «гриди». Припомним известное место «Повести временных лет» о пирях Владимира Святославича под 996 г.: «По вся нѣделя устави [Володимир] на дворѣ в гридьницѣ пирь творити, и приходити боляром, и гридем, и съцьским, и десятицким, и нарочитым мужем...»²⁰. Однородной выглядит в летописи и дружина Ярослава годов пребывания его в Новгороде: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и уроком дающе Киеву двѣ тысячѣ гривен от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридем раздаваху...»²¹.

Летопись Нестора ставит знак равенства между гридями и дружиной в изложении истории выступления Ярослава против отца: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и уроком дающе Киеву двѣ тысячѣ гривен от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридем [дружине] раздаваху». Но вдруг сын перестает платить дань отцу. Владимир возмутился и решил идти походом на Новгород: «Ярослав же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего»²². Из lapидарных сообщений летописца можно понять, что дружина («гридьба») Ярос-

¹⁸ Там же. С. 64.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же.

лава, вероятно, была малочисленной и вряд ли могла устоять против киевского войска, поэтому ему пришлось нанимать варягов «за морем», вероятнее всего, в Швеции.

Термин «гридь» был уже для XII в. пережиточным и встречается в источниках очень редко, почти исключительно в новгородских летописях. Это же можно сказать и о XIII в. Из немногочисленных упоминаний о них в летописи создается впечатление, что гридями в Новгороде тогда называли не просто княжеских дружинников, а привилегированную часть княжеского воинства. Источники ставят гридей конца XII — XIII в. рядом с огнищанами, богатыми людьми, относящимися к верхушке феодального общества.²³ Под 1166 г. Новгородская первая летопись отметила: «Приде Ростислав [Мстиславич] ис Киева на Луку и позва новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купць вячшее»²⁴.

Летописи позднейшего времени, за вторую половину XII — XIII в., различают старших и младших дружинников, отроков, детских и др. Это свидетельствует об углублении социальной стратификации дружины. Вместе с тем, в летописях, преимущественно новгородских, сохраняется и термин «гридь», но уже для обозначения верхушки дружинников. В 1195 г. князь Всеволод Юрьевич позвал новгородцев в поход на Чернигов, «на Ярослава [Всеволодича] и на все Ольгово племя... Идоша с князем Ярославъм [Владимировичем²⁵] огнищане²⁶ и гридьба и купци»²⁷. Гриди упоминаются новгородским книжником в кругу состоятельных людей: больших купцов и огнищан, богатых граждан Новгорода. Вероятно, часть этих гридей принадлежала к дружинной верхушке.

Начиная со времен княгини Ольги, летопись знает в качестве членов дружины еще и отроков. В рассказе о ее мести древлянам за убитого ими мужа Игоря среди немногочисленных дружинников княгини («мало дружины») были отроки. На тризне по Игорю «повелъ [княгиня] отроком своим служити пред ними»²⁸. А истребляли древлян уже ее дружинники. Это наводило на мысль о второстепенной роли отроков среди дружинников. П. С. Стефанович считает отроков княжескими войсковыми слугами, точно так же, как и гридей.²⁹ В отношении гридей он, как мы видели, ошибался. Значение же понятия «отрок» в древнерусских источниках недостаточно определенное, размытое. В 1015 г. отроки составляли важную часть дружины Бориса Владимировича, один из них, Георгий, был любимцем Бориса,³⁰ принадлежал к старшей дружине.

²³ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 6. М., 2000. С. 74.

²⁴ Новгородская первая летопись. С. 32.

²⁵ Служившим Всеволоду псковским князем.

²⁶ Огнищанами называли состоятельных людей, верхушку горожан, имевших свое огнище (двор).

²⁷ Новгородская первая летопись. С. 42.

²⁸ Повесть временных лет. С. 28.

²⁹ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. М., 2012. С. 225.

³⁰ Там же. С. 59.

Неоднократно упоминаются отроки в Галицко-Волынской летописи. Из ее текстов создается впечатление, что эти отроки принадлежали ко княжескому двору, составляя личную охрану государя. В 1231 г., в разгар борьбы с боярством за Галич и Галицкую землю, князь Даниил Романович оказался в трудном положении. Источник поведал, что одну часть войска он послал против клана бояр Молибоговичей, намеревавшихся его убить, а вторая ушла с братом Василько к волынскому городу Белзу. Ради достижения драматического эффекта летописец преувеличивает остроту положения, сообщив, что вместе с князем осталась лишь кучка воинов его охраны: «Самому же Данилу... оставшуюся с 18 отрок вѣрных, и с Демянком тысяцким своим...». Князь обращается к созданному им вече Галича с вопросом, будут ли они ему верны в борьбе с боярами. От имени присутствовавших на вече ответил сотник отроков Микула, высказав общее мнение: не истребив враждебных ему бояр, князь не достигнет спокойствия в городе и стране.³¹

Через двадцать лет Даниил Романович собрался в поход против ятвягов, почти беспрерывно терзавших земли Северо-Восточной Волыни. Ему помогли западнорусские, а также польские князья Земовит мазовецкий и Болеслав краковский. «И бысть рать велика, яко же наполнити болота ятвжская полком». Руководившие походом князья собрались на совет и предложили Даниилу: «Ты еси король, голова всим полком... Вѣси бо ты войничьский чин, на ратех обычай ти есть, ... изыде сам наперед». Галицко-Волынский государь на ходу перестраивает полки: «Данил же, изрядив полкы, кому полком ходити, ... самъ же еха в малѣ отрок оружных»³². Этот фрагмент источника зримо рисует образ князя, на прекрасном коне едущего впереди своего войска в окружении княжеских отроков, своей ближней охраны («малой дружины»), воины которой настороженно вглядываются вглубь леса.

Наряду с отроками источники знают особую категорию княжеских служилых людей — «детских». Они были младшими дружинниками, а также исполняли судебные функции. Детские наблюдали за испытанием обвиняемых огнем, за что получали полгривны. В случае раздела наследства между родственниками детский по судебному решению исполнял процедуру. Об этом свидетельствует Правда Русская. Точно так же в качестве судебного исполнителя детский назван в соглашениях Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.³³ Источники свидетельствуют, что многие из них принадлежали к состоятельным людям. В 1175 г. после убийства заговорщиками князя Андрея Боголюбского восставшие расправлялись с княжескими посадниками и тиунами, детскими и мечниками, а «домы их пограбиша».³⁴

³¹ Галицко-Волынский літопис / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 94.

³² Там же. С. 117–118.

³³ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 205.

³⁴ ПСРА. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. Л., 1927. Стб. 370.

Студийский устав был создан константинопольским патриархом Алексием Студитом во второй четверти XI в. и переведен по заказу Феодосия Печерского на рубеже 1060–1070-х гг. для только что учрежденного Киево-Печерского монастыря. Устав состоит из двух частей: богослужебного синаксаря, содержащего предписания литургического характера (что и когда читать и петь за богослужением), и ктиторской части, в которой предписывается распорядок жизни в монастыре. Греческий текст Устава не сохранился, и древнерусский перевод остается единственным свидетелем, позволяющим составить представление о том, как выглядел оригинал. Правда, для некоторых глав ктиторской части А. М. Пентковским, всесторонне исследовавшим этот памятник и подготовившим его издание,¹ были найдены греческие параллели в других византийских уставах — иногда точно, а иногда весьма приблизительно соответствующие древнерусскому переводу. Тем не менее для многих глав никаких греческих источников обнаружено не было. К их числу принадлежит глава «О отрицании».

Перевод Студийского устава довольно темен и невразумителен, он калькирует греческие конструкции, не всегда сообразуясь со славянской грамматикой. В древнейшем списке XII в. глава «О отрицании» начинается словами: **В отърицании. Наричающаа же сѧ ѡрицаниа дающимъ. и того ради съподоблѣтсѧ хотѣемъ. произвольномъ быти. и келиа разлѣчѣнѣше нѣбѣхъ имѣти. и слоугы множиша имѣти. хлѣбъ же и вино боле и лоуче принимати. ни въстоупити на дворъ манастирьскыи не дадимъ. равнѣчѣстѣно во всен братии коупно жити хотѣемъ. роуганик и зависть. и зълѣдѣство. и пицю. кже ѡ иного иномоу богатства ради чьсть творити. обѣкоша ражгати.**² Здесь говорится о том, что дающим «так называемые отрицания» (нареченага ѡрицаниа) и желающим на этом основании пользоваться привилегиями (лучшими кельями, многочисленными слугами, получать больше хлеба и вина лучшего качества) не позволяется даже ступить на монастырский двор; братия должна жить в равенстве, ибо богатство может породить насмешки, зависть, злодейства и роскошь. Далее провозглашается, что монах должен выделяться исключительно добродетелью и достоинствами. Затем снова заходит речь об «отрицании», которое называется несколько иначе — **отъреченок** (субстантивированная форма прилагательного): **и понеже обрѣто-**

¹ Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

² Там же. С. 391.

хомъ. какоже многашѣды нѣцини приходяще. дають оубо въ манастиря сѧ оубо не вѣмъ. како нареченага ѡреченага. не въшьствик тоу и ѡреченик даша. и покорениа влѣноцити сѣок нго. нъ на житик оубо идеже хотѣть. приносити же тамо дакмѣхъ ради. киккоже аще съвѣщакъ. ѡрицакмъ въсѣмъ на всѧ врѣмена. блгоговѣнѣмъ нгоуменомъ сего манастиря. никлиже намъ отиноудъ такоаго полагати.³ Понимание этого пассажа затруднено, помимо неудачного перевода, порчей в списке, не позволяющей провести на определенном отрезке правильное словоделение, но очевидно, что патриарх Алексий безоговорочно запрещает «так называемые отрицания» (нареченага ѡреченага).

Древнерусские словари не помогают в истолковании термина **отърицаник** / **отъреченок** (определение «так называемые», **нарѣчѣнѣа сѧ** / **нареченага** указывает на устоявшийся византийский узус). У слов **отърицати(сѧ)**, **отърицаник** и **отъречи(сѧ)**, **отъреченок** словари выделяют только значения «отказ» и «запрет». Действительно, при пострижении вступающий в монастырь отказывается от мира и его соблазнов, и этот отказ назывался греческим словом **ἀποταγή** 'отказ', славянским соответствием которого являлось **отъреченик**, — именно о нем, по-видимому, идет речь в процитированном выше пассаже (слово подчеркнуто пунктиром). Однако отречение от мира при постриге — акт, необходимый и подвижнический, в то время как **отърицаник** / **отъреченок** в Студийском уставе имеет явно отрицательные коннотации и очевидным образом связано с имущественными вопросами.

Значение этого слова помогают определить греческие источники. Они показывают, что у существительного **ἀποταγή**, наряду с общераспространенным значением 'отказ, отречение от мира', было еще и редкое значение 'дарение имущества в пользу монастыря при постриге': **Ἀποτάγη**⁴. *Resignatio beneficii, ut vulgo efferimus*. Scholium ad Can. Synodi Nicaeanae 11: *Σημείωσας τὸν παρόντα κανόνα διὰ τοὺς δίδοντας τὰς λεγόμενας ἀποτάγας, ἢ πολοῦντας, ἢ ἀγοράζοντας ἀδελφάτα, καὶ διὰ τοὺς εἰσαγομένους εἰς τὰ μοναστήρια μετὰ δόσεως νομισμάτων*⁵. «Так называемые отказы» (τὰς λεγόμενας ἀποτάγας) в цитируемой схолии рассматриваются как средство купли-продажи в отношении братии и безусловно осуждаются. Нет никаких сомнений, что именно это явление имеется в виду в главе «О отрицании» Студийского устава.

Студийский устав — один из наиболее ранних византийских типиконов, в которых даются предписания по поводу вступительного взноса при постриге. До Студийского устава термин **ἀποταγή** в указанном значении встречается как будто только в Уставе Лавры св. Афанасия на Афоне, основанной в 963 г., Устав был написан Афанасием, по всей вероятности, в 973–975 гг. и, возможно, отредактирован ок. 1020 г. Здесь в 49 главе говорится, что вступивший в монастырь допускается к службе и трапезе, а его вступительный взнос должен

³ Там же.

⁴ Ударение проставлено ошибочно.

⁵ *Du Cange*. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688. T. 2. P. 23.

В. А. Ромодановская, Т. В. Пентковская, А. А. Пичхадзе. Сентябрь 2004 г.

быть роздан нищим, чтобы принявший постриг не впадал из-за него в искушение и не превозносился перед братией: ἔν τε τῇ ἀκολουθίᾳ τῆς ἐκκλησίας καὶ τῇ κοινῇ τῆς τραπέζης διαίτη ἀρκούμενος δεχθήτω μέν, τὴν δὲ ἀποταγὴν αὐτοῦ δίδωτω πτωχοῖς, ἵνα μὴ τῇ ταύτης δόσει ἐπεριδόμενος αὐτὸς μὲν συνεχῶς πεύραζται καὶ τῶν ἀδελφῶν κατεπάρηται ὥς τι μέγα πεποικῶς⁶. Однако дальше оговаривается, что если твердость и добродетель вступающего в монастырь не вызывает сомнений, то его пожертвование монастырю отвергать не следует.

Этот же термин неоднократно встречается в монастырских уставах, возникших позже устава Алексия Студита. В Диатаксисе Михаила Атталиата, составленном в 1070-е гг., говорится, что постригать следует даром, без вступительного взноса, если только пожертвование не предназначено для строительства, ремонта или приобретения недвижимости: Καὶ βούλομαι ἀποκείρεσθ(αι) τούτους ἄνευ ἀποταγῆς δωρεάν, εἰ μὴ εἰς ἔργον δίδοται τι οἰκοδομῆς ἢ ἀνοικοδομῆς ἢ ἀγορὰν ἀκινήτου⁷. Кроме того, в Диатаксисе, как и в Студийском уставе, есть глава «Περὶ ἀποταγῆς», специально посвященная вопросу об имуществе, передаваемом монастырю при постриге: Михаил Атталиат высказывается против

⁶ Meyer P. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894 (Reprint: Amsterdam, 1965). S. 119.

⁷ Gautier P. La Diataxis de Michel Attaliat // Revue des études byzantines. T. 39. 1981. P. 59.

взноса, однако разрешает жертвовать недвижимостью: Ἀποταγὴν δέ, ὡς προείρη-
τ(αι), οὐ βούλομαι δίδοσθαι ἐν τῷ τοιούτῳ μου τοῦ πτωχοτροφεί(ου) μοναστηρίῳ,
εἰ μὴ διὰ τὴν προειρημένην χρεῖαν θελήσει κάκεῖνος· ἀλλ' οὐτε ἐξωμονίτην εἶναι
ὄλως. Εἰ δέ τις προσκυρώσει ἀκίνητον κτῆσιν πρὸς τὸ λαμβάνειν τοῦτον σιτηρέσια,
Θ(εο)ῦ θέλοντο(ς), γινέσθω τοῦτο, καὶ ἵνα παρέχωντ(αι) αὐτῷ ἅπερ ἔχουσι συμφω-
νηθῆναι μέχρι τέλους ζωῆς αὐτ(οῦ) καὶ μόνου⁸.

В Евергетидском уставе 2-й пол. XI в. запрещается заставлять вступающих в монастырь делать взнос (ἀποταγή), поскольку это может дать повод монахам возноситься на том основании, что они жертвуют монастырю, но добровольное пожертвование допускается и рассматривается как богоугодная милостыня: Τοὺς τοίνυν εἰσδεχθῆναι κριθέντας οὐ καταναγκαστέον περὶ τίνος ἀποταγῆς τε καὶ προσενέξεως· οὐ γὰρ τὴν τοῦ Θεοῦ χάριν καπηλεύειν χρεῶν ἢ χρήμασι πιπράσκειν, μήπου τις ἐντεῦθεν αἰσχύνη, καὶ ὄνειδος προστριβῇ τοῖς προῖκα ἐν ἡμῖν ἀποκαρεῖσι, καὶ τὸ κακὸν καὶ ἐπάρατον τοῦτο ῥῆμα παρειαχθῇ, τὸ ἐμὸν δηλονότι καὶ τὸ σὸν καὶ τὸ μεῖζον καὶ τὸ ἥττον, καὶ τὸ κρείττονα οἶεσθαι τὸν προσενέγκαντα τοῦ μὴ προσενέγκαντος· μὴ γένοιτο, τοῦθ' ἡμῖν εἰς τὸν αἰῶνα μὴ γένοιτο. Εἰ δέ τι αὐτὸς ἐκὼν ὁ ἀποκαρσόμενος προσενεγκεῖν αἰροῖτο, δεκτέον· προαιρετικὸν γὰρ τοῦτο καὶ ἀβίαστον, καὶ γνώμης ἔργον θεοφιλοῦς καὶ ἐλεημοσύνης τάξιν ἐπέχον καὶ εὐποιῆας καὶ ὑπὲρ τῆς θεόθεν ἀντιμισθίας γινόμενον εἰς ἐξίλασμα τῶν πεπλημμελημένων αὐτῷ, μᾶλλον δέ, ἵνα τ' ἀληθὲς εἴπωμεν, ἀνάθημα προσφέρεται τῷ Θεῷ καὶ τῇ παναχράντῳ αὐτοῦ μητρὶ καὶ Εὐεργετίδι⁹. Позднейшие типиконы повторяют положения Евергетидского устава, иногда буквально воспроизводя его формулировки: они запрещают принуждать постригающихся к имущественному взносу, но разрешают жертвовать добровольно.

Таким образом, и Устав Лавры св. Афанасия, возникший раньше Студийского устава, и возникший позже Студийского устава Евергетидский типикон (а вслед за ним и уставы XII в.) с известными оговорками разрешают имущественный взнос (ἀποταγή) при пострижении. Устав Алексия Студита, как свидетельствует его древнерусский перевод, выделялся на фоне современных ему византийских уставов безоговорочным запрещением вступительного взноса, что характерно для типиконов более позднего времени.¹⁰

Как соотносилась глава Студийского устава «О отрицании» с практикой монашеского общежития в Киево-Печерском монастыре? Едва ли между предписаниями этой главы и киевскими реалиями XI в. существовала непосредственная связь. Последние исследования показывают, что богослужбные

⁸ Ibid. P. 63–65.

⁹ Gautier P. Le typikon de la Théotokos Évergétis // Revue des études byzantines. T. 40. 1982. P. 79–81.

¹⁰ Founders' Typika and Testaments / Ed. by John Thomas and Angela Constantinides Hero with the assistance of Giles Constable. Published by Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C. 2000 (www.doaks.org/resources/publications/docks-online-publications/byzantine-monastic-foundation-documents/typ020.pdf). P. 269.

предписания Студийско-Алексиевского устава не во всем соответствуют древнерусской литургической практике, зафиксированной минеями 1096–1097 гг., триодями, кондакарями и другими литургическими книгами XI–XII вв., а литургическая терминология Студийского устава несколько отличается от той, что используется в древнерусских богослужбных книгах этого времени.¹¹ Тем меньше оснований для того, чтобы судить о реальном устройстве жизни в Киево-Печерском монастыре по предписаниям ктитурской части Студийского устава, — тем более, что невразумительность языка памятника затрудняет понимание содержащихся в нем наставлений. Вероятно, перевод ктитурской части на Руси выполнял ту же функцию, что и, например, перевод Кормчей: эти тексты не предполагали непосредственного применения на практике, они служили скорее ориентирами, авторитетными источниками, к которым можно было прибегать в разнообразных ситуациях и ссылками на которые можно было обосновывать те или иные решения. Они, безусловно, играли важную роль в формировании представлений о том, как должна регулироваться церковная и монастырская жизнь. С этой точки зрения важно, что первый монастырский устав, пришедший на Русь и получивший быстрое и широкое распространение в ее монастырях, категорически запрещал имущественный взнос при пострижении, отличаясь ригоризмом в подходе к данному вопросу от остальных византийских типиконов.

¹¹ Пентковский А. М. «Охрид на Руси»: Древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост). Охрид, 3–4 октомври 2013. Скопје, 2014. С. 43–65.

Князь Владимир Всеволодович Мономах: ПОРТРЕТ И АВТОПОРТРЕТ*

Сочинения¹ Владимира Мономаха адресованы его детям и — шире — всем потомкам-князьям, «кто прочтет». Как неоднократно отмечалось в научной литературе, в Сочинениях князя представлен образ идеального правителя в наставление потомкам. Ограниченность адресата, камерность произведения, позволяли его автору быть гораздо свободнее в высказывании своих представлений о правильном поведении князя. При этом целый ряд тезисов автора Сочинений может быть соотнесен с практикой его жизни, известной нам по Повести временных лет и другим памятникам.

Достаточно часто поднимается вопрос о соответствии утверждаемых князем нравственных идеалов и реальных поступков, о которых известно из Повести временных лет и отчасти из его собственных рассказов в различных частях Сочинений (в большей степени в «Путях и ловах») поднимался неоднократно. Так, А. М. Панченко считал, что «в князем ремесле в мирском поведении десятистолбие и нагорная проповедь им нимало не учитывались»². Сходную мысль высказывал и В. А. Кучкин, комментируя заявление князя в Письме к Олегу о том, что, несмотря на гибель сына, Владимир ему не «ворожит», ни мести»³. Ученый напоминает, как сам Владимир Мономах в «Путях и ловах» свидетельствовал, что «в ответ на действия Всеслава Полоцкого в конце 1078 или начале 1079 г. «ожегшего» Смоленск, он с черниговцами опустошил владения Всеслава»⁴.

Тем не менее представляется, что существенных противоречий между словами и делами князя все же нет. В случае, отмеченном В. А. Кучкиным, нужно

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–04–00010.

¹ Произведения Владимира Мономаха принято в научной традиции называть «Поучением», вместе с тем Поучением же называют и первую часть этих текстов, поэтому в свое время мною было предложено комплекс его текстов называть Сочинениями (см.: Конявская Е. А. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000. С. 53), по той же причине А. А. Гиппиусом был предложен вариант «Избранное» (см.: Гиппиус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): Комплексный анализ и реконструкция / Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 310).

² Панченко А. М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 59.

³ ПСРА. Т. 1. А., 1926. Стб. 254.

⁴ Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 72.

Елена Леонидовна Конявская. Июнь 2012 г.

учитывать, что со времени акции против Всеслава до заявления об отказе мести Олегу прошло более четверти века. За это время думающий человек мог многое переосмыслить и поменять свои представления о должном поведении.

Наиболее же острый вопрос — безусловно, вопрос о жестокости и милосердии. В Поучении Мономах говорит: «Ни права ни крива не оубивайте», даже если и достоин смерти, нельзя губить христианскую душу. В данном случае речь идет не о войне и не о врагах, а, по-видимому, о княжеском суде и наказании. Правда, Б. А. Романов утверждал, что имелись в виду попросту убийства, ссылаясь на прецеденты убийства князьями печерских монахов Григория, Василия и Феодора.⁵ М. Б. Свердлов же считает, что речь идет о «княжеских расправах» подобно той, что имела «место в Киеве в 1069 г., когда Изяслав Ярославич

⁵ См.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 2002. С. 132–134.

лавич вернулся с польским войском после бегства из восставшего города»⁶. Однако обе интерпретации представляются неприемлемыми, поскольку речь у Мономаха во всех его наставлениях идет о повседневных действиях князя, а не о экстраординарных во всех смыслах событиях.

Когда же дело касается военных конфликтов, Владимир Всеволодович в «автобиографической» части Поучения, рассказывая о военном походе со Святополком на Полоцк, спокойно сообщает: «ожгоше Полтескъ»⁷, а затем констатирует, что, пойдя с черниговцами и с половцами на Минск, «не вставихом оу него ни челадина . ни скотины»⁸. Здесь, действуя столь жестоко по отношению к тем же «душам христианским», он подчиняется законам войны. Неслучайно его восклицание в Письме к Олегу: «Дивно ли вже мужь оумерль в полку»⁹.

Бесстрастно перечисляет Владимир Мономах исеченных и брошенных в реку половецких «князей» и «кметей молодых», которые были взяты в плен живыми. По-видимому, это не было бессмысленной жестокостью и не являлось воплощением некоего принципа (например, не оставлять в живых пленных врагов), а определялось какими-то обстоятельствами, поскольку до этого перечисляются лучшие князья половецкие, которые были освобождены им от оков. Характерен в этом смысле рассказ об убийстве хана Белдюзя, захваченного в плен после битвы на реке Сутень в 1103 г., хотя половецкий вождь просит сохранить ему жизнь и сулит богатый выкуп: золото, серебро, коней и скот. Святополк посылает его к Владимиру, а тот произносит гневную речь, обвиняя хана в нарушении роты, причем не только им самим, но и его сыновьями и всем «родом его». Лишь после этого Владимир Мономах велит его убить, и Белдюзя рассекли «на оуды»¹⁰. Учитывая, что Святополк намеренно отправил Белдюзя к Владимиру, чтобы тот решал его участь, за обвинительными словами Мономаха стояли реальные факты. По-видимому, имел место некий союз Владимира или с самим Белдюзем, или с кем-то из «рода его». Этот эпизод не был принят во внимание В. В. Пузановым, развивавшим идею о том, что Владимир Мономах оправдывал свой поступок относительно Итлара и Кытана (о чем речь пойдет ниже) необязательностью соблюдения роты с погаными.¹¹ Очевидно, что верность слову была для него важна, и его непримиримость по отношению к клятвопреступнику Белдюзю коррелирует с

⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 571. Следует уточнить, что карательные меры были предприняты сыном Изяслава Ярославича Мстиславом, которого Изяслав послал в Киев перед собой. Сам же Изяслав вошел в Киев, по просьбе братьев «мало Ляховъ поимъ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 173).

⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 247.

⁸ Там же. Стб. 248.

⁹ Там же. Стб. 254.

¹⁰ ПСРА. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 255.

¹¹ См.: Пузанов В. В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII — начало XII в.) / Дис. ... д-ра истор. наук. Ижевск, 2009. С. 442–443.

наставлением в Поучении: «аще ли вы *будет* кр̑сть цѣловати к братѣ или к кому . а ли оуправивъше срдце свое . на немже можете оустояти . тоже цѣлуите . и цѣловавшие блюдѣте . да не приступни погубите дшѣ своеѣ».¹²

Из летописи же мы узнаем, что решение об убийстве врагов-половцев не в битве и не после нее дается Владимиру Мономаху нелегко (хотя они и не являются «христианскими душами»). Князь не сразу решается убить Кытана с воинами и Итларя с дружиной, которые приходят к нему «на мир».¹³ И снова поднимается тема клятвы и ее соблюдения. Владимир Всеволодович напоминает советникам, которые предлагают убить половцев, что пребывает с пришедшими «в роте». Его убеждают, напоминая, что сами половцы нарушали роту неоднократно. Надо отметить, что сомнения Мономаха могли быть связаны и с тем, что его малолетний сын Святослав находился в тали у Кытана. И, тем не менее, пришедшие заключить мир половцы были перебиты в результате детально продуманной двойной операции.

Кроме того, что половцы во времена Владимира Мономаха представлялись русским врагами, они воспринимались как народ, которому чужды христианские воззрения на мир и морально-этические нормы, усвоенные нашими предками, и в этом смысле они — народ «беззаконный», как часто писали летописцы. Это позволяло совершать в отношении поганых жестокие и коварные поступки. Здесь можно вспомнить, как обставлялся поход 1111 г., когда «кнзъ Володимеръ пристави полкы своя . ѣдучи предъ полкомъ пѣти тропари . и коньдакы . хреста чстнаго и канунъ стои Бѣи»,¹⁴ а повествуя о битве, летописец рассказывает об ангельской помощи русским войскам, приводя затем библейские аналогии.

Еще одна мысль Поучения, оригинальная для своего времени, не может, как представляется, не обратить на себя внимания. Владимир Мономах возторгается многообразием мира, который устроен Богом так, что каждый «образ» человеческий неповторим, а далее, говоря о птицах, отмечает, что Господь дал в мире место и сильным, и «худым». В этом видится утверждение ценности индивидуальности, причем ценность эта не определяется лишь «силой». Зато «сила» — в широком смысле — накладывает ответственность, и отсюда следует его дальнейшая заповедь молодым князьям, в чьих руках будет сила и власть: заботиться об убогих, сиротах и вдовицах — «не вдавайте сильным погубити члвка».¹⁵ Позже он подтвердит, что сам следовал этим принципам: «худаго смерда . и оубогыѣ вдовицѣ не далъ юсмъ сильнымъ вбидѣти».¹⁶ Ответственность власти утверждается им и в наставлении детям относительно поведения княжеских отроков. Он убеждает молодых правителей не позволять

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

¹³ Там же. Стб. 227–229; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 217–219.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 266.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

¹⁶ Там же. Стб. 251.

отрокам «пакостить» в своих землях — «ни в селех, ни в житех», то есть причинять вред хозяйствам и полям сельских жителей. Летописной параллелью может служить известный диспут на съезде в Долобске в 1103 г., где Владимиру удалось переубедить своих оппонентов относительно оптимального времени выступления в поход на половцев, проявив себя ответственным и дальновидным правителем и стратегом. Даже если смотреть на эту ситуацию так, как это делал Б. А. Романов, который, хотя и в уклончивых выражениях, но, видимо, был склонен усматривать в позиции Мономаха некоторое лукавство, или, по крайней мере, ловкость в ведении спора,¹⁷ нельзя не признать за Мономахом глубокого знания жизни тех же смердов, характера ведения хозяйства и обыденного поведения. Это хорошо коррелирует с кредо князя, которое красной нитью проходит через весь текст его Сочинений: правитель должен не лениться и во все вникать сам. Искренность этой сентенции, в разных вариантах повторенной Владимиром Всеволодовичем, подтверждается тем, что в заключении он благодарит Бога за то, что Он создал его не ленивым и «на вса дѣла члвчская потребна».¹⁸

С проблемой ответственности правителя, его обязанностью быть защитником людей не только с точки зрения военной, связан еще один летописный текст, идеологически соответствующий Поучению. Это критичный пассаж в ПВЛ, характеризующий последние годы правления отца Владимира Всеволода Ярославича. Князь стал доверять «совету юных», которые повели дело таким образом, что люди утратили доступ к княжескому суду и стали подвергаться грабегам и «продажам». Всеволод же пребывал в неведении. Этот текст важен, поскольку оформлялся в составе ПВЛ под патронажем Владимира Мономаха, хотя нельзя здесь преуменьшать и прямого влияния на летописание «старших» и «смысленных», мнением которых пренебрегал в конце княжения Всеволод Ярославич.¹⁹ К этой группе относился, как считается, информатор летописца Ян Вышатич. Как ответ и противопоставление тираде ПВЛ звучит утверждение Владимира Мономаха в заключении второй части Сочинений: «на посадники не зра нѣ на биричи . сам творилъ что было . надобѣ».²⁰

Повторяется критическая, а не обычная для средневековых текстов апологетическая тональность при апелляции к «отцам и дедам» и в Письме к Олегу Святославичу. Владимир Мономах пишет, что по дьявольскому наущению были междоусобные рати «при умных» дедах и «при добрых и при блжнѣхъ вѣдѣхъ наших»²¹. Далее не так прямо, но все же скорее с негативным оттенком

¹⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. С. 106–108.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252.

¹⁹ См.: Горский А. А. «Нача любити смысл уных...»: О политической борьбе в Киеве в начале 90-х годов XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 33–34.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251.

²¹ Там же. Стб. 252.

он говорит: «Зри брат ѡца наю. что възста, или чим има поротѣ но токмо ѡже еста створила дѣи свои».²²

Разумеется, это не означает, что Владимир Мономах в своих сочинениях демонстрирует только критическое отношение к предкам. Он неоднократно высказывается об отце с большим уважением, представляя его поведение и поступки как образцовые. О своей любви к отцу и о значении для него «отней молитвы» он говорит уже в первых строках Поучения. Затем вспоминает о нем в самых похвальных словах неоднократно: «ѡгоже не оумѣючи а тому са оучите ѡкоже бо ѡцѣ мои дома сѣда . изумѣаше . е . ѡзыкѣ . в томѣ бо чсть есть ѡ инѣхъ земля... Да не застанеть вас слнце на постели. Тако бо ѡцѣ мои дѣашет. блжнии и вси добрии мужи свершении»²³ и др.

Наконец, подтверждение исполнению своего же бытового наставления обнаруживается не в летописи, а в Послании к князю митрополита Никифора. Несколько раз сам Владимир Мономах касается темы «обеда»: «в дому своемъ не лѣнитеса . но все видите . не зрите на тивуна . ни на штрока . да не посмѣются приходяшии к вам. и дому вашему . ни шбѣду вашему». Любого гостя нужно почтить, кто бы он ни был — «или простѣ . или добрѣ . или золь . аще не можете даромѣ . брашно . и питѣмъ».²⁴ Гостеприимство князя, обычай устраивать официальные пиры для «законных и незаконных» (т. е., видимо, представителей Степи) отмечает митрополит Никифор. Причем, согласно Посланию, Владимир Мономах сам принимает участие в их подготовке и даже «служит» пирующим. Далее говорится, что он «угождает» на обедах своим подданным — «рабам», подчеркивает митрополит. И все это делается «величества ради кнѣзскаго», «кнѣженіа ради и власти».²⁵ О прагматическом значении такого гостеприимства писал и сам Владимир Всеволодович, объясняя, что впоследствии «ти бо мимоходачи прославать челоѡка по всѣмъ землям. любо добрымъ. любо злымъ».²⁶

Таким образом, суммируя сказанное, можно утверждать, что складывающийся из данных летописи и других памятников «портрет» князя не противоречит «автопортрету» его Сочинений, а, скорее, дополняет его.

²² Там же. Стб. 253.

²³ Там же. Стб. 246–247.

²⁴ Там же. Стб. 246.

²⁵ Чиста молитва твоя. Поучения и послания древнерусским князьям киевского митрополита Никифора. М., 2005. С. 108.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОСТАВА ЧТЕНИЙ И ЯЗЫКА ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XIV ВЕКА. ОШИБКИ В ЗАГЛАВИИ ЧТЕНИЙ

Н емногим более двадцати лет прошло с тех пор, как я по благословению Л. П. Жуковской стал заниматься Друцким Евангелием XIV века (далее — Дрц), которое хранится в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, и с удовлетворением могу констатировать, что сейчас я вполне готов к тому, чтобы достаточно корректно сформулировать актуальные вопросы изучения этого списка Евангелия.

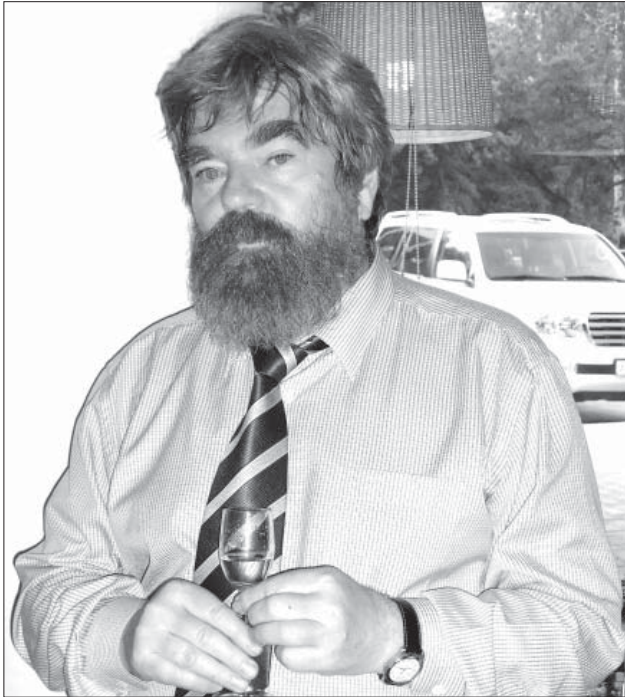
То, что было сделано мною до этого, вполне вписывается в поверхностную характеристику Дрц, в большей или меньшей степени привычную и «завлекательную» для лингвотекстолога: разночтения в повторяющихся чтениях, обзор состава евангельских чтений, обсуждение частных вопросов методики лингвотекстологического исследования Евангелия и т. п. И вот то, что сейчас мне представляется актуальным для дальнейшего исследования Друцкого Евангелия, я могу сформулировать в ряде тем (вопросов, проблем и т. п.) и дальнейших направлений изучения состава чтений и языка Друцкого Евангелия.

Прежде всего то, что я бы назвал *греческим аспектом* исследования.

Исследование состава чтений и языковых особенностей любого списка будет опустошенным без привлечения сопоставительных данных. И здесь возникает вопрос, какие списки Евангелия-апракос необходимо привлечь при анализе Дрц. Я исхожу из гипотезы, что протограф Дрц относится, по крайней мере, к середине XI века и что текст самого Дрц был переписан в сжатые сроки и, я думаю, без существенных изменений текста протографа. В связи с этим в качестве списков для сопоставительного анализа в своем исследовании я привлекаю Саввину Книгу (старейший славянский апракос; СК), Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. (ОЕ), Архангельское Евангелие 1092 г. (Арх) и Мстиславо Евангелие рубежа XI–XII вв. (Мст) на фоне чтений древнего текста по Мариинскому Евангелию (Мар).¹

Далее, это *месяцеслов*. Это комплекс исследований. Для обнаружения предыстории славянского Евангелия, а главное для выявления его истории на сегодняшний день исследование месяцеслова апракосов, может быть, самое важное. Жизни

¹ О терминах и понятиях *Древний текст* и *Преславский текст* см.: Алексеев А. А. Проект текстологического исследования Кирилло-Мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985, № 1. С. 82–95; Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.

Леонид Григорьевич Панин. Новосибирск, июнь 2012 г.

Конечно, и основная тема лингвотекстологического исследования — разночтения в списке Евангелия — не может не оставаться актуальной, применительно к ближайшим задачам изучения Дрц я бы обратил особое внимание на чтения месящеслова, но не ограничился бы этим анализом. Во-первых, интерес представляют языковые (прежде всего лексические) различия чтений разного цикла: это и недельные чтения, и чтения Страстной седмицы, чтения по Пасхе, чтения по Пятидесятнице, чтения нового лета, чтения месящеслова. Все эти разночтения перспективно сравнивать с Мар. В качестве второго направления анализа лингвотекстологических различий можно назвать исследование тех чтений, которые присутствуют в Дрц, Мст, Арх, ОЕ и СК.

И, конечно, выявление диалектного состава писцов. Для меня бесспорным является новгородское происхождение Дрц, но анализ диалектных особенностей писцов должен стать предметом особого разговора.

² Жуковская А. П. Еще о текстологии месящеслова Евангелия (по датированным древнерусским апракосам XI–XII вв.) // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 81–87.

³ И здесь могут быть точкой отсчета данные «Месящеслова Востока» Сергия, что несовершенные, но достаточно надежные для начала исследования. См.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месящеслов Востока. Т. 1. Владимир, 1901.

А. П. Жуковской хватило в основном на то, чтобы дать классификацию апракосных списков славянского Евангелия по чтениям подвижного года, и только в своей последней прижизненной статье она затронула тему типологической классификации месящесловных чтений.² И в этой теме, как показывает мой предварительный опыт анализа месящесловных чтений, на первый план выступает создание предметно-понятийного аппарата исследований, но здесь присутствует и *греческий след* (состав чтений Дрц в том его виде, в каком он просматривается сквозь призму месящеслова греческих лексиконариев³), что представляется актуальным.

В данной статье я затрону только одну, частную, тему, связанную с изучением Дрц — наличие ошибок в заглавии чтений. Эти заглавия выполнялись отдельным писцом в целом ряде случаев.

Протограф Дрц писцами переписывался одновременно, работа была распределена в основном по тетрадам (и в одном случае писец, не уложившись в отведенные ему три тетради, вынужден был создать новую, состоящую всего из двух листов, на которой и поместил заключительную часть своего «отрезка» текста⁴).

Наличие ошибок в зависимости от тетрадей:

в 1-й тетради, где в основном идут чтения из Евангелия от Иоанна, содержатся два чтения, которые писцом, ответственным за киноарные заглавия, отмечены как чтения из этого Евангелия, но на самом деле это чтения Лк. 24:12–35 (*вт П*) и Мк. 15:43–46, Мк. 16:1–8 (*нд 3 П* — неделя жен мироносиц: *память Иосифу, иже от Аримафея, Марьи Магдалины и прочим учеником и ученицам Господним*);

в тетрадах со 2-й по 6-ю нет ошибочных отнесений к чтениям Евангелия;⁵

в 7-й тетради в чтениях на будние дни 12-й и 13-й седмиц по Пятидесятнице дается ошибочное указание на отрывки из Евангелия от Матфея (тогда как это Евангелие от Марка), поскольку все предыдущие чтения по Пятидесятнице (см. тетради 4–6) — это чтения из Евангелия от Матфея (и в будние дни, и в субботу и неделю); кроме того, *ит 13 Пт* ошибочно писцом названа как *вт 13 Пт*;

в 8-й тетради к чтениям *нд 13, сб* и *нд 14, сб 15 Пт* ошибочно дается отсылка к Евангелию от Марка, тогда как это отрывки из Евангелия от Матфея, ср.: чтения на будние дни берутся как раз из Евангелия от Марка;

в 9-й тетради чтения будних дней 17-й седмицы по Пятидесятнице определены писцом заглавий как чтения из Евангелия от Матфея (ср.: предыдущие чтения *сб* и *нд 16 Пт* и последующие чтения *сб* и *нд 17 Пт* берутся из этого Евангелия), тогда как на самом деле чтения будних дней 17-й седмицы — из Евангелия от Марка;

с листа 68г 9-й тетради начинаются чтения нового лета и по лист 100а 13-й тетради (*нд 12 нл*), это все отрывки из Евангелия от Луки;⁶ но в будние дни *13* и *14 нл* в 13-й тетради в полном апракосе приводятся чтения из Евангелия от Марка, но в Дрц в заглавии чтений указывается Евангелие от Луки;

⁴ На эту особенность переписывания Дрц в 1971 г. обратила внимание А. П. Жуковская, приехавшая в НГУ на конференцию «Актуальные проблемы лексикологии и словообразования» и продемонстрировавшая студентам (в числе которых был и автор этой статьи), аспирантам, преподавателям факультета, собравшимся в ГПНТБ, что может «рассказать» внимательному исследователю рукопись.

⁵ Ср. 4-я тетрадь характеризуется обилием пропущенных инициальных букв. Так на л. 28в мастер только начал рисовать буквицу «Р», но по каким-то причинам не закончил, и на всех последующих листах этой тетради, кроме л. 32 об., завершающего тетрадь, места, оставленные основным писцом для инициалов, пустуют. На л. 32г выведена буквица «Р».

⁶ Ср. вставку Мф. 10:17 в начало чтения *вт 12 нл* (л. 98б).

в 14-й тетради вместо отсылки к отрывкам из Евангелия от Марка в *ср 15* и *ин 17 нл* указывается Евангелие от Луки, а в *чт 15 нл* — Евангелие от Матфея;

с 15-й по 17-ю тетрадь ошибок нет;

в 18-й тетради в чтении *Вел ср заутр* писцом чтение Ин. 12:17–50 определено как отрывок из Евангелия от Матфея;

19-я тетрадь без ошибок писца, выполнявшего заголовки;

в 20-й тетради в чтениях *Ев стр 4*, 6, 8 дается отсылка к Евангелию от Матфея по образцу предыдущих чтений: *Ев стр 3* Мф. 26:57–75, *Ев стр 5* Мф. 27:3–32, *Ев стр 7* Мф. 27:33–54;

в тетради 21 после чтения *нд перед Воздвижением* (Ин. 3:13–17) два последующих чтения ошибочно отнесены писцом: 14 *сен*⁷ *Воздвижение* Евангелие от Иоанна вместо Мф. 27:1, 6, 9–11, 13–20, 25–28, 30–35, а *сб по Воздвижении* вместо Ин. 8:26–30 указано Евангелие от Луки;

в 22-й тетради на память свв. Козмы и Дамиана 1 ноября отрывок Мф. 10:1–8 в заглавии чтения обозначен как отрывок из Евангелия от Марка.

Нетрудно заметить, что писец, выполнявший киноварные (частично полностью киноварные, частично нет) записи, не имел под рукой протографа и ориентировался на свое общее знание последовательности чтений полного апракоса, и оно в целом ряде случаев подвело писца.

Если иметь в виду историю создания текста рукописи Дрц, то здесь важным представляется вывод о том, что писцы скорее всего работали с одной рукописью (протографом), работали достаточно спешно, у писца, выполнявшего киноварные заголовки не было возможности свериться с оригиналом (протографом).

Обращает на себя внимание также тот факт, что ошибки отнесения отрывка к тому или иному Евангелию характерно для чтений прежде всего подвижного года. И в связи с этим особый интерес представляют «сбои» в определении Евангелий в месяцесловной части. В Дрц таких «сбоев» меньше, чем в части чтений подвижного года, но они есть, как есть и в других привлеченных к сопоставительному анализу списках. Эти ошибки могут оказаться диагностически значимыми при выявлении предыстории списка и (или) при определении дальнейшей судьбы списка. Примеры из чтений месяцеслова привлекаемых к сопоставлению древних списков:

в СК при цитировании Воскресного Евангелия 5 (л. 156 об.: Лк. 24:12–35) и Воскресного Евангелия 6 (л. 158 об.: Лк. 24:36–53) ошибочно указано, что это отрывки из Евангелия от Иоанна;

в ОЕ в *нд перед Воздвижением* ошибочно указано Евангелие от Матфея, тогда как это чтение Ин. 3:13–17; в этом же списке на память свв. Флора и Лавра (л. 286б) дана ошибочная отсылка к 25 *сен*, но судя по начальным приводимым словам евангельского чтения, это отсылка к Лк. 12:2–12 (25 *окт*);

в Мст под 20 *дек* приводится Память Игнатия Богоносца и помещается чтение Мк. 9:33–41, однако в заглавии неверно указывается «Евангелие от Иоан-

⁷ Наименования месяцев даются сокращенно по первым трем буквам.

на»; на 2 *янв* помещено чтение Мф. 6:2–5, но в заглавии ошибочно помечено, что это отрывок из Евангелия от Марка (л. 183б), и далее под 3 *янв* (л. 183б) приводится чтение Мф. 21:23–32, но указано, что это отрывок из Евангелия от Иоанна; среди январских чтений в *нд перед Просвещением* приводится отрывок Мк. 1:1–8, но в заглавии ошибочно указано Евангелие от Луки и еще дважды в чтениях, относящихся к празднованию Богоявления (литургия 6 *янв* и *нд по Просвещении*: лл. 186а, 186в) вместо отсылки к Евангелию от Матфея сообщается, что это отрывки из Евангелия от Марка;

есть ошибочные отсылки в заглавиях чтений и в Арх, например, под 6 *сен* приведена неверная отсылка к дате 8 *окт* вместо 18 *окт* (л. 126); в заглавии чтения 16 *сен* указано Евангелие от Матфея, тогда как это чтение Лк. 7:36–50; 8 *ноя* ошибочно дается отсылка к чтению 8 *окт* вместо 18 *окт* (Лк. 10:16–21); 4 *дек* в день памяти св. Варвары помещается чтение Мк. 5:24–34, но в заглавии писец сообщает, что это отрывок из Евангелия от Матфея; еще два неверных определения в заглавиях чтений Арх могут быть мотивированы описками: на л. 155 ошибочно указана дата 4 *янв* вместо 14 *янв*, а на л. 155 об. неверная отсылка к чтению *нд 1 и* вместо *сб 1 и*.

Что касается ошибок в заглавиях месяцеслова Дрц, то они представлены следующими примерами:

2 *сен* приводится чтение Мф. 5:14–19 (Память св. мученика Мамонта, л. 158 об.), но в заглавии писец ошибочно указывает, что это отрывок из Евангелия от Иоанна;

в сентябре на *сб по Воздвижению* помещается отрывок Ин. 8:26–30 (л. 161а), но в заглавии писец неверно называет это чтением из Евангелия от Луки;

3 *окт*: Память св. Дионисия Ареопагита отмечена отсылкой к *пт 17 Мф*. (л. 161г), однако в *пт 17 Пт* в Дрц помещается чтение Мк. 13:1–8. В четырех других списках память св. Дионисия Ареопагита отмечена чтением Мф. 13:45–54. Соответствующее чтение в Дрц находим на *пт 6 Пт*. Возможно, в отсылку на л. 161г Дрц закралась описка;

1 *ноя*: Память свв. Козмы и Дамиана (л. 163г) — чтение Мф. 10:1, 5–8, но в заглавии ошибочно писец отмечает, что это отрывок из Евангелия от Марка (см. также 31 *янв* л. 173а, где отсылка к данному чтению);

13 *ноя* празднуется Память св. Иоанна Златоуста, в Дрц (л. 164б) приводится отсылка к 10 *сен*, но в месяцесловных чтениях Дрц под 10 *сен* нет памяти. Возможно, писец в отсылке 13 *ноя* допустил ошибку: вместо «г» под титлом написал под титлом «и», а на 3 *сен* читается Ин. 10:9–16, то есть то чтение, которое выявляется по СК, ОЕ, Мст;

20 *дек*: Память Игнатия Богоносца (ср. выше: Мст) — отсылка к *пт 3 М* с указанием начальных слов «В оно время приде Иисус и ученици его в Ка...». Писец Дрц неверно указал 3-ю седмицу вместо 13-й — в этой рукописи Мк. 9:33–41 читается в *пт 13 нл* (л. 101в), но само чтение писцом ошибочно определено как «Евангелие от Луки»;

среди декабрьских чтений: в заглавии *сб по РХ* (л. 168в; Мф. 12:15–21) приводится отсылка к *сб перед Р. Х.*, но в Дрц нет чтения *сб перед Р. Х.*;

27 дек: Память св. Стефана сопровождается отсылкой к *нд 13 Мф.* [Мф. 21:33–42], но в заглавии самого чтения *нд 13 Пт* ошибочно указано «Евангелие от Марка»;

нд по Р. Х. (л. 168в): отсылка к 27 дек с цитированием начальных слов чтения (Мф. 2:13–23), видимо, вместо 26 дек, когда читается тот же отрывок, и эта же отсылка повторяется ниже при указании на чтение 29 дек в память 14 000 младенцев, избитых по приказу Ирода. Ср. при этом в самой рукописи пропущено начало заглавия чтения 26 дек (дата и наименование праздника, см. л. 168а);

2 июн (л. 176б): Память св. Никифора с отсылкой к 3 ноя. В месяцеслове Дрц отсутствует память на 3 ноя. Если писец ошибся месяцем, то это могла быть, как в Мст и ОЕ, отсылка к 3 сен (Ин. 10:9–16);

1 июл (л. 179б): Память свв. Козмы и Дамиана сопровождается отсылкой к чтению 1 ноя, где помещен отрывок Мф. 10:1, 5–8, но в заглавии чтения 1 ноя ошибочно указано, что оно из Евангелия от Марка;

17 июл (180б): на Память мученицы Марины дается непрямая отсылка к чтению 4 дек (л. 164в), а там — к *ин 16 М.*, в Дрц же дана отсылка к *ин 16 Мф.*, хотя это чтение из Евангелия от Марка;

26 авг (л. 181г) празднуется Память св. ап. Тита, здесь дается отсылка к чтению 11 окт, которого нет в Дрц. В Мст на 11 окт помещена Страсть св. ап. Филиппа (Ин. 14:27–31, 15:1–7) и скорее всего именно это чтение имел в виду писец (редактор) протографа Дрц, но иное чтение находим в ОЕ (см. л. 286в);

примером косвенной ошибки может быть следующая: в *Ев мниху* (л. 182г) приводится отсылка к чтению *нд 3 П* (это Мк. 15:43–46, 16:1–8), но в заглавии чтения *нд 3 П* ошибочно указано «Евангелие от Иоанна».

И наконец, есть еще одна неточность в цитировании начала чтения, на этот раз это общая ошибка у Дрц и Арх (!). В цитировании начала чтения 24 июн (Рождество Иоанна Крестителя) с отсылкой к 24 фев находим *Иисусъ* вместо *Иоаннъ* (Дрц, л. 176в; Арх, л. 165 об.).

Сокращения в обозначении чтений

Вел ср — Великая среда (среда страстной седмицы)

вт — вторник

Ев стр — Страстное евангелие

заутр — заутреня

нд — неделя (= воскресенье)

нл — новое лето

П — Пасха

п — пост

пн — понедельник

Пт — Пятидесятница

пт — пятък (пятница)

Р. Х. — Рождество Христово

сб — суббота

ср — среда

чт — четверток (четверг)

ПОСЛАНИЕ О ЗЕМНОМ РАЕ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ КАЛИКИ: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ МЕТОДЕ

Данное сообщение, отчасти кратко повторяя, под новым углом зрения, изложенные нами в других работах результаты изучения рукописной традиции текста Послания о земном Рае, имеет своей целью в какой-то степени выявить особенности литературного метода автора памятника — новгородского архиепископа Василия Калики.

Послание о земном Рае новгородского архиепископа Василия Калики — хорошо известный в научной литературе памятник. Наибольшее внимание исследователей привлекали легендарные и апокрифические источники автора¹ и определяемое на их основе идейное наполнение памятника: долгое время считалось, что взгляды Василия Калики неканоничны,² едва ли не еретичны, во всяком случае, представляют собой «народное православие».³

Противоположную точку зрения высказал Г. А. Елисеев, который полагает, что, исходя из использованных Василием Каликой источников, позиция новгородского архиепископа является строго православной.⁴

В последние десятилетия восприятие памятника стало более неоднозначным. Интересной является характеристика Послания о земном Рае и его автора, данная А. С. Деминим:⁵ по его мнению, памятник отражает деятельную, прак-

¹ [Веселовский А. Н.] Калики переходные и богомильские странники // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. Т. 34. СПб., 1872. С. 682–722; [Веселовский А. Н.] Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6. СПб., 1891. С. 91–104 (глава «Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия»); Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 116–119; Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и со словарем. Изд. 4-е. М., 1888. С. 164–170; Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. 2-е изд. М.; Л., 1939. С. 172.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 770; Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С. 250–280.

³ Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. С. 169; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 36–37; Панченко А. М. Василий Калика // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 95.

⁴ Елисеев Г. Две системы взглядов в общественном сознании средневековой Руси и эволюция апокрифов в XIII–XV вв. // Русское средневековье: Книжная культура. 1998 год. Вып. 1. М., 1998. С. 59 и др.

⁵ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 729–731.

19 мая 1956 г.

тически направленную натуру его автора. Исследователь приходит к выводу, что «Василий передал ощущение практической доступности земного рая».⁶

И. В. Дергачева, посвятившая анализу Послания о Рае главу в своей монографии, считает, что «система доказательств Василия Калики о существовании земного Рая выстроена очень логично, строго, с приведением аргументов из канонических богословских источников; она являет собой великолепный образец средневековой научной полемики и богословской риторики».⁷ Нельзя не согласиться с мнением исследовательницы о том, что «древнерусский книжник не любил предаваться фантастике — он любил точность и обстоятельность».⁸

⁶ Там же. С. 730.

⁷ Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2001. С. 142.

⁸ Там же. С. 134.

Мы не занимались исследованием собственно содержательной, богословской стороны памятника, однако в процессе изучения истории текста Послания о Рае, его литературных источников, некоторых жанровых особенностей, а также изучения соответствующей научной литературы мы не могли не сформировать свою точку зрения на этот вопрос, которую считаем необходимым изложить, прежде чем перейти к рассмотрению собственно литературных особенностей Послания.

Вслед за некоторыми исследователями, мы полагаем, что Послание о земном Рае новгородского архиепископа Василия Калики безусловно явилось следствием знакомства русских, в частности, тверского епископа Феодора Доброго, с исихастским учением о «мысленном Рае», обобщающим многовековую практику «умного делания».⁹ В этом нас убеждает и неслучайное завершение Послания о земном Рае эпизодом преображения Христа на горе Фавор. Прот. И. Мейендорф пишет: «Палама утверждает, что видение Бога святыми — совершенная реальность, постоянно повторяя, что благодать, являющая Бога, так же, как свет, озаривший учеников на Горе Фаворской, *нетварна*».¹⁰ Не сомневается в реальности Божественного Фаворского света и автор Послания о Рае. Но Василий Калика категорически не может принять мысли о возможности видеть нетварный свет людям при жизни: «Яко видевши ученицы, удариша собою о перстную землю, не терпящи видети светлости Божества Его. Невозможно бо есть, брате, ни святым его видети — мысленного рая, во плоти суще».¹¹

⁹ Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // *Bysantinoslavika*. 1938. Т. 7. С. 165–173; Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе XIV в. // ТОДРА. Т. 23. Л., 1968. С. 103; Голейзовский Н. К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // *Русско-Балканские культурные связи в эпоху Средневековья*. София, 1982. С. 64; Иоанн (Мейендорф), прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990. С. 156–157. Под «мысленным Раем» понималось особое, труднодостижимое и невыразимое словами, видение внутри себя Божественного света, ощущение прикосновения к Божественной жизни. Молитвенная практика исихазма, несомненно, была известна Руси как во времена Василия Калики, так и ранее. Но немногие подвижники, достигавшие состояния, обозначавшегося как «мысленный рай», стремились широко поведать о нем миру, да это и было бы крайне затруднительным делом, поскольку иномирная реальность не поддавалась описанию земным человеческим языком, то есть состояние «мысленного рая» было чрезвычайно трудно вербализуемым. См., например: [Софроний (Сахаров), арх.] Преподобный Силуан Афонский. Глава VIII: «О несозданном Божественном свете и образах созерцания его». М., 1998. С. 157–169.

¹⁰ Иоанн (Мейендорф), прот. Святой Григорий Палама и православная мистика // Иоанн (Мейендорф), прот. История церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000. С. 312–313.

¹¹ ГПНТБ СО РАН, Q.П.33, л. 341. Архетипная редакция. Далее — Томский сборник.

О причинах этого можно рассуждать. Очевидно, что среди последних — неоднократно отмечаемая несклонность русских книжников к отвлеченным, умозрительным построениям,¹² их любовь к «точности и обстоятельности»¹³, специфика русского православного христианства,¹⁴ для чего, конечно, есть и свои культурно-исторические причины,¹⁵ а также — твердая вера новгородского архиепископа в истинность слов Священного Писания и Литургического Предания.¹⁶

Нельзя исключить, что и сама проблема существования земного Рая пришла из Византии вместе с распространением исихазма. Так, А. Д. Седельников указывал, что в середине XIV века «среди исихастов, надо полагать, не позже, чем в личном окружении Григория Синаита», ставился и вопрос о «земном Рае», доказательством чего является включение «в так называемые Акростихические главы Григория Синаита» главы (под номером 10) о земном или Едемском Рае,¹⁷ хотя вполне возможно, что тот же вопрос возник на Руси в близкой ситуации.

Как указывают исследователи, мнение о земном местонахождении первоизданного Рая всегда существовало в святоотеческой традиции. С. С. Аверинцев пишет, что еще «в начале IX века католикос Селевкийский Тимофей I обосновывал особые права своей кафедры, между прочим, тем, что ее местоположение — страна Едема, “Восток”, о котором говорит Библия»¹⁸. Был уверен в реальном существовании земного Рая где-то недалеко от его родины великий Ефрем Сирийский.¹⁹

¹² Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении. С. 172; Иоанн (Мейендорф), прот. Святой Григорий Палама и православная мистика. С. 323.

¹³ Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. С. 134.

¹⁴ Ср., например: на Руси «сердцевину церковной жизни составляет отнюдь не богословское исследование, а духовно-аскетическая практика (молитва, пост, литургия, иконопись)» (Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). Изд. 2-е, испр. и доп. для русского перевода. СПб., 1996. С. 433).

¹⁵ Подскальски Г. Христианство и богословская литература... С. 434; Иоанн (Мейендорф), прот. Византия и Московская Русь. С. 30–31.

¹⁶ См., например, мнение прот. Александра Салтыкова, настоятеля храма Воскресения Христова в Кадашах: «Послание св. Василия Калики является выражением — пусть в наивной, даже детской форме — чистой и настоящей веры в несомненную истинность слов Священного Писания о Рае на земле, к которому поэтому можно приблизиться, хотя он и недостижим для людей» (Александр (Салтыков), прот. О первоизданном мире Шестоднева // Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры: Памяти А. Г. Жолондзя. М., 2007).

¹⁷ Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении. С. 170. Современный перевод с греческого выполнен епископом Вениамином (Миловым): Григорий Синаит, преп. Творения. М., 1999.

¹⁸ Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. // Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб., 2005. С. 135.

¹⁹ Там же. С. 134–135.

Прот. Александр Салтыков в своей статье «О первоизданном мире Шестоднева», посвященной рассмотрению представлений о Рае в православной традиции, указывает, что св. Мефодий Патарский, св. Ефрем Сирийский, св. Иоанн Златоуст, св. Иоанн Дамаскин, Козма Индикоплов и некоторые другие средневековые авторы писали о земном местонахождении первоизданного Рая. Иоанн экзарх Болгарский указывал на невозможность достичь земного Рая путем географических поисков, но только посредством добрых дел. По мнению исследователя, Василий Калика также говорит именно о недоступности земного Рая, хотя к нему и можно приблизиться. Прот. Александр Салтыков полагает, что «очевидна укрепленная верой интуиция автора, глубоко чувствовавшего суть православного учения о вечной жизни».²⁰

Как представляется, интересна, в плане соотнесения позиции Василия Калики и православной богословской традиции, работа В. В. Очеретного. Исследователь весьма детально рассмотрел все тексты Священного Писания и основных богослужебных книг, так или иначе касающиеся Рая, и пришел к выводу о том, что в Литургическом Предании Церкви Рай первоизданный и Рай обетованный — суть один Рай, закрытый для человека грехопадением и открытый для него вновь Крестным подвигом Спасителя.²¹

Отметим, что, по мнению современных православных богословов, богослужебные тексты, созданные Отцами Церкви и отобранные многовековой практикой, содержат в себе вероучительные, богословские истины, разделяемые всей Церковью. Так, по словам митрополита Иллариона (Алфеева), «богослужебные книги содержат стройную систему православного богословия и обладают для православного христианина безусловным и непререкаемым авторитетом — эти тексты читались и пелись в храмах на протяжении более десяти столетий, так что возможность присутствия в них каких-либо чуждых православному вероучению идей практически исключена: все чуждое было отсеяно Церковью».²²

Для определения стилиевой направленности Послания о земном Рае важна также характеристика системы аргументации автора. В какой-то мере мы

²⁰ Александр (Салтыков), прот. О первоизданном мире Шестоднева.

²¹ «...Можно определенно утверждать, что различия рая, описанного в 2–3 главах книги Бытия, и рая, упомянутого, по крайней мере, в Евангелии от Луки, о чем говорят некоторые святые отцы или богословы Нового времени, в литургическом предании Церкви не обнаруживается. Здесь не говорится о появлении «нового» рая, не различаются “земной рай” и “небесный” или “плотской” и “духовный”. Рай здесь воспринимается в буквальном смысле как один единственный, из которого первые люди были изгнаны, и вход в который снова был открыт нам Спасителем. Такие определения, как “другой”, “мысленный” и проч., относятся лишь к переносному значению рая» (Очеретный В. В. Рай в Литургическом Предании Церкви. М., 2010. С. 68).

²² Илларион (Алфеев), архиеп. Христос — Победитель ада: Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. 2-е изд. СПб., 2009. С. 133; см. также: Василий (Кривошеин), архиеп. Символические тексты в Православной Церкви // Церковь владыки Василия (Кривошеина). Нижний Новгород, 2004. С. 215.

попытались рассмотреть этот вопрос в одной из предыдущих работ.²³ Мы надеемся, что нам удалось показать, что богословскую основу взглядов Василия Калики составили тексты, читающиеся и поющиеся за богослужением в Русской Православной церкви. Наиболее авторитетны для автора Послания о Рае тексты Евангелий, затем — Послания апостольские, богослужбные песнопения, Паремийник (в составе которого, судя по всему, Василию Калике были известны ветхозаветные тексты), несомненно, Пролог, обязательно использовавшийся за богослужением, в составе которого зачастую находятся тексты, определяемые исследователями как апокрифические.

Лишь после этих ссылок и цитат в каждом смысловом фрагменте своего труда Василий Калика обращается к дополнительным, внебогослужбным текстам: сочинениям Иоанна Златоуста, Шестодневу Иоанна экзарха Болгарского, Александрии II редакции, Хронике Георгия Амартола, «Богословию» св. Иоанна Дамаскина, Толковой Палее, а также к рукописным сборникам, где, например, он мог найти вполне авторитетное Слово Иоанна Солунского на преставление Божьей Матери или Видение ученика Григория в составе Жития Василия Нового, другие тексты, в том числе, апокрифические, но, как показали недавние исследования, не еретические.²⁴

После всех этих источников, если необходимо, Василий Калика приводит свидетельства очевидцев — собственные и «детей своих новгородцев». Мы не склонны считать, что Василий Калика движется от абстрактного к конкретному, или от менее убедительного — к наиболее для него убедительному, какими исследователи считают собственные наблюдения Василия Калики и его прихожан. Мы полагаем, что здесь проявилась особенность религиозного, в частности, русского православного сознания, о которой пишет, например, митрополит Вениамин (Федченков): «...Пока сам человек не воспримет чего-либо лично, непосредственно, до тех пор нам чужие свидетельства представляются полумертвым чужим капиталом <...>. И совсем уже иное дело, когда те же свидетельства ложатся под готовую уже веру (будь она традиционная детская

²³ Лончакова Г. А. К вопросу об источниках Послания о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 139–153.

²⁴ Мильков В. В. Апокрифы в Древней Руси и их идейно-мировоззренческое содержание. Вступительная статья // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997; *Naumow A. E.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowianskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. Также см.: [Севакова О. А.] О принципе подхода к изучению древнерусских апокрифов (Обзор книги А. Е. Наумова «Апокрифы в системе церковнославянской литературы») // Русь между Востоком и Западом: Культура и общество, X–XVII вв. (зарубежные и советские исследования). К XVIII Международному конгрессу византистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.). М., 1991. Ч. 2. С. 306–324; Елисеев Г. Две системы взглядов в общественном сознании средневековой Руси и эволюция апокрифов в XIII–XV вв. // Русское средневековье: Книжная культура. 1998 год. Вып. 1. М., 1998. С. 62–63.

или же уже опытная, своя), тогда и чужие свидетельства будут радостно восприниматься, как и наши собственные».²⁵ Мы полагаем, что здесь — именно радостное восприятие своего прикосновения к великой тайне Творения и, в частности, Рая.

Таким образом, св. Василий Калика, вне всякого сомнения, находится в русле православной церковной традиции в решении вопроса о земном и мысленном Рае — как с точки зрения фактического материала, так и с точки зрения метода.²⁶ Он не полагается на свой разум, не делает сложных философских построений — как он и пишет во вступлении к своему Посланию, он обращается к исследованию «исправленных нам божественных писаний от святых апостол и великих святителей». Весь приводимый Василием Каликой доказательный материал — это совершенно достоверные для него факты, взятые из абсолютно надежных источников.

Пожалуй, единственный раз он позволяет себе собственное умозаключение:

Послание о Рае.
Томский список. Л. 331 об.

И ныне, брате, мнит ти ся мысленный Рай, и се все мыслено, елико мнить ти ся видение. Аже Христос рече во Евангелии о втором пришествии, то ли мыслено скажете?

Наш перевод

И сейчас, брат, тебе представляется мысленный Рай. Мысленным является все, что мы представляем себе (видим) в воображении, в уме [*все, что показывает нам воображение*]. Если Христос говорит в Евангелии о Втором Пришествии, это тоже вы назовете мысленным? [*то есть, неужели Второе Пришествие Христово тоже произойдет только в воображении, в уме?*])

Очевидно, что Василий Калика очень хорошо осведомлен об исихастском наполнении термина «мысленный Рай», осведомлен о тождестве Нетварного света, который видят внутри себя исихасты, Фаворского света и света Второго Пришествия, но считает это видение игрой воображения.

²⁵ Вениамин (Федченков), митроп. О вере, неверии и сомнении. М., 2002. С. 89.

²⁶ Ср., например: «Тем, кто предстоит в церкви, необходимо <...> учить все духовенство и народ <...> собирая из Божественного Писания мысли и суждения истины, но не выходя за пределы, ныне положенные, не отклоняясь от Предания богобоязненных отцов. Но если встанет какой-либо вопрос, касающийся Писания, его не следует истолковывать иначе, чем разъяснили светочи и учителя церкви в своих писаниях; пусть они [епископы] будут выдающимися в своих познаниях святоотеческих писаний, а не сочиняют трактаты от собственного ума». Правило Трулльского собора (692). Цит. по: Иоанн (Мейендорф), прот. Рим. Константинополь. Москва: Исторические и богословские исследования. М., 2005. С. 54–55.

Таким образом, действительно, Послание о земном Рае может быть определено как средневековое научное исследование²⁷ онтологической проблемы земного и «мысленного» Рая, отличающееся исчерпывающей полнотой и достоверностью привлеченного фактического материала, хорошим знанием позиции оппонента и его аргументации.

С точки зрения композиции Послание о земном Рае оформлено весьма строго, именно как богословское полемическое послание.²⁸ С точки же зрения поставленной задачи, системы аргументации, наполнения материалом, логики — это научное исследование, разумеется, в рамках русского средневекового богословия. Полагаем, что рассматривать вопрос о стиле Послания о земном Рае можно только учитывая вышесказанное.

Стиль Василия Калики весьма лаконичен и прост. Мы сочли, что показательным может быть отношение к тексту Послания о земном Рае последующих редакторов. В ходе текстологического исследования списков Послания о земном Рае мы встретились с преобладающим стремлением редакторов «досказать» автора, расширить аргументацию, добавить те или иные подробности, а также усилить эмоциональное звучание текста, «украсить» его. Противоположное направление редакторской правки — сокращение текста — встретилось лишь в нескольких списках XVII и XVIII вв.

Рассмотрим тексты. В XV в. Послание о Рае было включено в Софийскую I летопись, для чего было достаточно бережно отредактировано. Усилия редактора были направлены, прежде всего, на «досказывание» текста, уточнение и расширение аргументации автора. Приведем некоторые примеры.²⁹

Список Троице-Сергиевой Лавры, № 39.
Кон. XV — перв. пол. XVI в.
Архетипная редакция

А ныне того есмя не слышали погыбели
о святом раю, но вси знаем от святого
Писания, что насади Бог Рай на вѣсто-
це...

Список Оболенского Софийской
I летописи.
XV в. Летописная редакция

Ино, брате, о того есмы погыбели не слы-
хали, *ни в Писании где обрели* о том святом
раю, но вси ведаем от святого Писания, что
насади Бог Рай на вѣстоце *во Едеме*...

²⁷ Первой использовала это определение И. В. Дергачева.

²⁸ См.: Лончакова Г. А. Заметки о жанре послания: концовка в Послании Василия Калики Федору Доброму // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 133–138.

²⁹ На основании текстологического изучения 68 списков Послания о Рае нами была выделена Архетипная редакция Послания о Рае, представленная двумя списками: РГБ, ф. 304.1, № 39, кон. XV — перв. пол. XVI в. Далее — Троице-Сергиевский № 39); и Томского собрания Q.II.33 (ГПНТБ СО РАН, Q.II.33, кон. XVI — нач. XVII в. Далее — Томский список), тексты которых мы считаем наиболее близкими авторскому. В данном сообщении мы приводим тексты по Троице-Сергиевскому списку как лучше сохранившемуся, поскольку Томский список имеет физические дефекты.

А на горах тех ликованя многа слыша-
хуть
И той тако ж хоте сътворити, въспле-
скав радостно, и побеже, сътръгнуша
его ужем и обретеса м(е)ртв в том
часе...

И не дано бысть им дале видети светло-
сти тоя...

Свет бысть в месте том самосиянен, и
пребыша долго на месте том...

А на горах тех ликованя многа слыша-
хуть *и веселія гласы поюща*...

И тако ж(е) и тот въсхоте сътворити,
въсплескав радостно и побеже, *в радо-
сти забыв ужища на нозе своей, они же*
здернуша (дерзнуша — Кар.) его ужищем
и том часу обретеса мертв...

Не дано естъ им дале того видети свет-
лости тое *неизреченный и веселія, и*
ликованя, тамо слышащаго...

И свет бысть в месте том самосиянен,
яко не мощи человеку исповедати, и
пребыша долго время на месте том...

Отметим, что судя по всему архетипный текст не содержит даже обычных устойчивых эпитетов, а также устойчивых «деталей», которые вряд ли могли быть сокращены редактором.

Список Троице-Сергиевой Лавры, № 39

Что ся учинило в Тѣфери промежи
вами в тех людех Божиих поспешением
и по совету лихих людей...
Жил за 20 поприщ от Рая
Паче того дивние и светлее свет Хри-
стос естъ

Список Оболенского Софийской I ле-
тописи

Что ся учинило у вас в Тѣфери промежи
вами в тех людех Божиих поспешением
и по совету *дьяволю и* лихих людей...
За 20 поприщ жил от *святого* Рая...
Паче же того дивнее и светлее свет
Христос *истинный* естъ...

Редактор Вологодско-Пермской летописи также досказывает, но и украшает текст.³⁰

Кирилловский список
Вологодско-Пермской
летописи

По совету *дьяволю и по-
спешением слуг его*...
И пребых многи дни о
взыскание и о исправле-
нии Божественного закона,

Список Троице-Сергие-
вой Лавры, № 39

Поспешением и по сове-
ту лихих людей...
И пребых много дни о
взыскании исправления
Божественного закона,

Карамзинский список
Софийской I летописи

Поспешением и по совету
дьяволю и лихих людей...
И пребых много дней о
взыскании исправления
Божественного закона,

³⁰ Чтения приводятся по списку СПбИИ, колл. 11, № 251 или Арх. 251. Далее — Кирилловский список. Чтения Софийской I летописи приводятся по Карамзинскому списку.

и изысках *воистинну добре неблаженно* и се пишу к тебе...
 То же, брате, не речено Богом *человеку во плоти* видети Рая святого...
А всех их было три юмы, одну море носило, да и погибла
 И той тако сотвори: *ни-мало ся озре*, но с великою радостию *поскочи тамо к сущему тому ликованию*, они же *видевшие то* и страха исполнишася и начаша себе глаголати, *братие*, аще и смерть и случитца *нам zde*, но ведали быхом *славу света сего...*
 Они же здернуша его и *обретоша его* в том часе мертв. *И Божью милостию понесе их ветер прот* [Рум. 246/1 — прочь] не даст им видети к тому *света того великого и ликования того неизреченного...*

Таким образом, действительно стиль новгородского архиепископа Василия Калики прост и предельно лаконичен, не отличается «украшенностью»: отсутствуют эмоциональные эпитеты, метафоры, сравнения и т. д., что и побуждает книжников последующих эпох «досказывать» и «украшать» текст Послания о Рае.

Однако полагаем, что такую лаконичность и «неукрашенность» можно объяснить не только общим стилем новгородской литературы этого периода, и, конечно, не тем обстоятельством, что новгородский архиепископ был не искусным писателем. Прежде всего, Василий Калика обращается не к пастве, но к собрату, тверскому архиерею, в котором он предполагает не просто православного христианина, но богословски образованного человека, хорошо знакомого с темой Послания. Он ставит перед собой задачу убедить епископа Тверского Феодора в ложности его мнения и решает ее не путем эмоционального воздействия на адресата, но посредством фактов, в его понимании этого термина: текстов Священного Писания, литургических текстов, бого-

темь, еже изысках, и се пишу к тебе...
 То же, брате, не речено Богом видети человеком святого Рая...
А всех их было три юмы, и одина от них погыбла, много блудив...
 И той тако же сътвори: нимало не възвратився к своимь, но с великою радостию побеже от них, они же от страха исполнишеся начаша размышляти в собе глаголюще: аще же и смерть случит ны ся, но ведали бехом светлость места сего...
 Они же сътръгнуша его ужемь и обретеса мертв в том часе. И побегоша възспать, и не дано бысть имь дале видети светлости тоя...

темь, еже изысках, се пишу к тебе...
 То же, брате, речено Богом видети святого Рая человеком...
А всех их было три юмы, и одина от них погибла, много блудив...
 И той тако же сътвори: нимала възратися к своим, но с великою радостию побеже от них, они же страха исполнишася и нача размышляти, в себе глаголюще, аще и смерть случится, но ведали быхом светлость места сего.
 Они же дерзнуша его *ужищом*, и том часу обретеса мертв. Они же побегоша възспать. Не дано есть им дале того видети *светлости тое неизреченныя и веселия тамо слышащаго...*

служебных книг Пролога и Паремийника, а также других, авторитетных для древнерусского образованного человека сочинений, входящих в церковное Предание. Эти достоверные свидетельства и авторитетные мнения дополнены и собственными, и «детей новгородцев», «ирреальными», по определению И. В. Дергачевой, но для Василия Калики — абсолютно реальными наблюдениями и впечатлениями.

Послание о земном Рае новгородского архиепископа Василия Калики ни в коей мере не Поучение, не проповедь. Это научное исследование, предпринятое для решения вполне реальной онтологической проблемы. Именно этим определяется стиль памятника.

К слову сказать, тема Рая оставалась актуальной для русского книжника на протяжении многих веков, о чем свидетельствует количество списков Послания о земном Рае (а для православного христианского сознания является таковой и поныне). Думается, что это во многих случаях определило внимание древнерусского читателя к Посланию о Рае. Об этом свидетельствует и состав некоторых сборников. В качестве ярких примеров упомянем о двух сборниках, где просматривается внимание к «научной», доказательной стороне памятника.

Наиболее ранний рукописный сборник, включивший Послание о земном Рае — один из сборников Ефросина (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099;³¹ по терминологии А. Г. Боброва — Троицкий сборник Ефросина³²). В одной из наших предыдущих работ мы рассмотрели состав этого сборника в одном аспекте — отражение в нем темы Рая, а также возможного знакомства составителя сборника с исихастской молитвенной практикой.³³ Надеемся, что нам удалось показать, что этот сборник, во многом, видимо, отразивший личные духовные поиски и переживания составителя, свидетельствует о знании иноком Ефросином келейной исихастской литературы и, скорее всего, практики безмолвничества, а также о внимании составителя к проблеме земного Рая. Кроме Послания о Рае сборник включает переписанный рукой Ефросина текст «Епифаниево о 4-х реках», включающий, например, такие строки: «Да аще убо несть Рая чювьстенаг(о) на земли, то уж ни источника, ни реки, ни 4-хъ верховъ, ни смокви, ни древа. Аще л(и) несть древа, то и ни евгы, яже яде от него. Аще ли несть евгы, то ни адама. Аще л(и) несть адама, то ни ч(е)л(о)в(е)къ, но кощюна уже истинна. И инако гл(аго)летъс(я) по б(ог)опагубному Оригену» (Троицкий сборник Ефросина, л. 34–35).

³¹ Сборник описан: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРА. Т. 35. Л., 1980. С. 7–105.

³² Бобров А. Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинюка Ефросина Белозерского (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 154.

³³ Лончакова Г. А. Сборники с посланием о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики: К проблеме прочтения памятника // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 44–52.

В конце XVI в. Послание о Рае было включено в сборник, имеющий заглавие «Книга глаголемая просветитель богословная, еже есть многосложная, от великих святых богомудрых богословцев и богодухновенных отец избрана и сочинена преизящное богословие», известный нам в трех списках XVII в. и также рассмотренный нами прежде.³⁴ Сборник содержит 110 или 113 глав и представляет собой систематизированное описание мира, начиная с Божества и Небесных сил, шести дней творения, устройства мира, человека и его устройства (с особым вниманием к душе и ее деятельности). В картину мира встроены и сведения о Рае.³⁵ При этом составители сборника принимают все известные им представления о Рае — земном, небесном, мысленном, что выразилось, в том числе, в очень интересной правке текста Послания о рае: чтение «Две месте уготова Бог: едино исполнено благих, а другое тмы и огня исполнено. То же, брате, речено Богом видети человеком святого Рая»³⁶ рассматриваемый сборник дает в следующей редакции: «Два места уготова Бог любящим его: горний Иерусалим и Едемский Рай, и многи суть, рече, обители в дому Отца Моего» (глава 102).

С точки зрения художественных особенностей текста Послания и восприятия его в этом плане книжниками последующих веков интересны сборники, где Послание о Рае помещается в контекст житий или даже проложных или патериковых рассказов, то есть сюжетных повествований, иногда новеллистического характера. К таким сборникам можно отнести, например, небольшую рукопись первой половины XIX в. Кемеровского собрания ОРКиР ГПНТБ СО РАН под шифром О.ИХ.2.

Сборник состоит из произведений, традиционно относимых к различным жанрам, но объединенных единым признаком — яркой новеллистической фабулой. Однако при этом очевиден и содержательный критерий, поскольку все сочинения касаются тех или иных нравственных проблем в их христианском истолковании.³⁷ В таком контексте, как нам кажется, Послание о Рае поворачивается своей неожиданной стороной — сюжетно-повествовательной.

В самом деле, начинается памятник повествованием о творении Рая, грехопадении Адама, его изгнании и плаче, обещании Спасителя «паки в Рай внити», в сверхлаконичной форме еще раз излагающем трагедию наших прародителей. Далее мы видим пять ссылок на проложные повествования (Енох, Илия, Агапит, Макарий, Ефросин). Нельзя ли предположить, что повествования эти «на слуху» у составителя сборника и его читателей, хорошо

³⁴ См.: Там же; Лончакова Г. А. Об одном прочтении «Послания о земном рае» новгородского архиепископа Василия Калики в XVII веке // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 203–212.

³⁵ Лончакова Г. А. Сборники с посланием о земном рае... С. 48.

³⁶ Q.II.33. Л. 338; Архетипная редакция. В Летописной редакции — «не речено».

³⁷ Лончакова Г. А. Сборники с посланием о земном рае... С. 50.

им известны, вызывают в памяти сам текст? Во всяком случае, они должны побудить последних к соответствующим разысканиям!

В следующем смысловом фрагменте Василий Калика ссылается на проложное Житие св. Патрикия, и, после краткого рассказа о «детех моих новгородцах», нашедших место ада, — на весьма обширное по объему и очень популярное в древнерусской книжности, в том числе у старообрядцев, Видение ученика Григория. Затем, после ссылки на Блаженну, — вновь отсылка к повествовательному сочинению — Слову Иоанна Солунского на преставление Божией Матери, сделанная в виде сверхкраткого пересказа.

Затем, после ссылки на собственные впечатления, после сведений, взятых из богословских сочинений, литургической поэзии и апокрифов, — широко известный рассказ о Моиславе-новгородце и его сыне Иякове, наиболее развернутое сюжетное повествование памятника.

Таким образом, система аргументов Василия Калики для обычного средневекового читателя, — грамотного, регулярно посещающего церковную службу, но не богослова — в значительной степени представляет собой напоминания хорошо известных ему ярких сюжетных повествований. Сюжеты «свернуты» до нескольких слов, нескольких фраз — но этого, думается, достаточно.

О том, что повествовательное начало достаточно отчетливо ощущалось читателями, свидетельствует и известный нам факт, когда такой «повествовательный аргумент» был «вынут» из текста и обрел самостоятельное существование. Мы имеем в виду рукописный сборник из личной библиотеки Петра I, хранящийся в БАН под шифром П I Б № 79 (16.16.9), в 4-ю долю листа, написанный каллиграфической скорописью на 14 листах. По бумаге рукопись может быть датирована началом XVIII в. Сборник находится в Собрании рукописей Петра I, во второй его части.³⁸ Он включает три небольших текста: «О войне Олгове, князя Киевского, при царе Аве Премудром»; текст, где роль заголовка выполняет фраза «В прешедшая лета, по крещении Российския земли в православную веру» и легенду о Моиславе, значительно большего объема по сравнению с включенной в Послание о Рае. Генетическую связь данного текста с Посланием о Рае отметили уже составители описания.³⁹ Редактор распространяет лаконичный текст Послания о Рае, добавляет детали и подробности, растолковывает устаревшие и непонятные лексемы, некоторые слова заменяет современными ему синонимами, подвергает текст стилистической правке. При этом текст Василия Калики остается практически неприкосновенным. В одной из наших предыдущих работ мы предположили, по некоторым данным, что обработка была выполнена не позднее конца XVI в.⁴⁰ В начале XVIII в. она была переписана в качестве самостоятельного произведения.

³⁸ Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 196.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Лончакова Г. А. Легенда о земном рае // Библиосфера. 2011. № 1. С. 19–26.

Подводя итог, скажем, что новгородским архиепископом Василием Каликой в середине XIV в. проделано научное богословское исследование, соответствующее богословским и естественно-научным представлениям его времени, весьма важной онтологической проблемы — существовании Первозданного Рая, о котором говорится в Священном Писании, или прекращении его существования, поскольку есть Рай «мысленный», уже сейчас в какой-то степени доступный для восприятия. Соответственно, стиль автора Послания может быть определен как научный: строгий, почти деловой, чрезвычайно лаконичный, воспринимающийся как «неукрашенный», «неискусный», что и вызвало у редакторов XV–XVI вв. стремление досказать текст, сделать его более эмоциональным. Часть книжников, переписавших Послание, восприняли именно богословскую сторону памятника.

Вместе с тем, сам характер большей части привлеченных Василием Каликой доказательств: проложных повествований, Слов с выраженным сюжетом, — скорее всего, привлекал читателей другого рода — не богословов, вряд ли сомневавшихся в существовании Рая, ничего не знавших о полемике середины XIV в., но читавших многочисленные житийные сборники, сборники Слов, Пролог и т. д. — «беллетристику» средневековой Руси. Для них Послание о Рае — собрание ярких, хорошо знакомых сюжетов в обрамлении не менее хорошо знакомых новозаветных и литургических текстов.

Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики

Выбирая тему публикации для сборника, посвященного памяти Елены Константиновны Ромодановской, я хотела, чтобы она хоть как-то, хоть отдаленно была связана с тем, чем занималась Елена Константиновна. Не раз я собиралась обратиться к толково-историческим словарям древнерусского языка, чтобы собрать экспрессивную лексику, которой я занимаюсь уже многие годы, с целью выявления тенденций, процессов, определявших ее развитие в другие исторические эпохи существования русского языка в сравнении с современными тенденциями и процессами. Но, как говорится, руки не доходили. Возможность публикации именно в данном сборнике подтолкнула меня обратиться к названной в заглавии теме и, может быть, начать ее разработку в дальнейших публикациях. Поскольку экспрессивность довольно спорная в лингвистических интерпретациях языковая категория, я должна очень кратко, буквально пунктирно, осветить некоторые положения экспрессивности как семантической категории, которая разрабатывается на кафедре общего и русского языкознания НГУ.

1. Данная концепция распространяется на экспрессивные слова — *экспрессивы* — *разговорного употребления*: литературно-разговорные, просторечные, диалектные. Социально-коммуникативные сферы их функционирования — живая, непосредственная, непринужденная, неподготовленная речь носителей литературно-разговорной и диалектной страт, просторечия, а также сленга, арг, жаргонов, но не выходящая за границы морально-этических норм. Экспрессивные лексические единицы (далее — ЭЛЕ) используются также в публицистике, произведениях художественной литературы, СМИ как средство характеристики персонажей и эмотивной оценки автором или персонажем предмета речи. Это стилистически сниженные единицы, составляющие часть разговорного, обычно эмоционального, дискурса, в отличие от тех стилистически возвышенных единиц, которые употребляются в художественной литературе в качестве средств художественной выразительности и образности и именуются стилистическими тропами, приемами, фигурами речи. Например: *брякнуть* ‘сказать что-либо невпопад, необдуманно, вызвав тем самым эмоциональную реакцию окружающих (иронию, насмешку, смех, неодобрение)’; квазисинонимы *брякнуться, грохнуться, ляпнуться, плюхнуться, ахнуть, ухнуть, хлопнуться, шлепнуться, шмякнуться, хряпнуться* ‘сесть, упасть, свалиться с ног, обычно тяжело, с шумом (звуком),

неожиданно, вызвав эмоциональную реакцию окружающих; общерусские слова *балаболка* и *пустозвон*, диалектные (далее — диал.) слова *долгоязыкий* 'склонный к пустым разговорам, пересудам сплетням'; *долгозубый* 'тот, кто склонен к наговорам, сплетням, нередко скандалам', синонимы *долгоносый* и *догорылый* 'слишком любопытный, везде сующий свой нос', *долгорукий* 'склонный совершать кражи, вороватый' и 'стремящийся взять, захватить что-либо как можно больше в личных интересах' и т. п. — выражают негативные морально-этические оценки; характеристики-оценки человека *разболтаный* (поведения) и *расхристаный* (внешнего вида или поведения); *наяривать*, *ухайдакаться*; *тягомотина*, *скряжничество* и многие другие. В современных толковых словарях такие ЭЛЕ, лексемы и переносные (метафорические) значения лексем, маркируются (но непоследовательно) пометами *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное), *обл.* (областное). По данным лингвистов, такие слова входили в литературно-разговорный обиход через художественную литературу, куда они проникали из народно-диалектной речи в XVIII, XIX, начале XX вв., например, *вертопрах*, *долговязый*, *допотопный*, *дотошный*, *задрипанный*, *облапошить*, *огорошить*, *разгильдяй*, *хлыщ*, *чёрт* (*чорт*) и др.¹ Мы исключили из предмета нашего рассмотрения формы субъективной оценки, тоже являющиеся экспрессивными, типа *девчушка*, *мальчонка*, *собачонка*, *домишко*, *домище*, *добрейший* увеличительное к *добрый*, уменьшительно-ласкательные *умненький* к *умный* и диал. *бравенький* к *бравый* 'приятной наружности, красивый' и т. п.

2. Семантическими компонентами (семами лексического значения) ЭЛЕ, участвующими в порождении экспрессивности, являются:

♦ *эмотивность* — отраженная и закрепленная в значении ЭЛЕ эмоция говорящего лица: *голубчик*, *голубушка*, *душечка* — ласковые обращения к взрослому человеку; *котёнок*, *золотце*, *солнышко*, *лапочка*, *ласточка*, *ягодка* — нежные, ласковые обращения к ребенку; *ненаглядный* и *ненаглядная* — о миле / милой, любимом / любимой.

♦ *эмотивная оценка* — отраженное и закрепленное в значении ЭЛЕ эмоциональное отношение, субъективное мнение, оценка о предмете речи, чаще всего негативная (интеллектуальная, морально-этическая, эстетическая, утилитарная, гедонистическая и т. п.): *вкуснятина* — положительная гедонистическая оценка, *загляденье* — положительная эстетическая оценка; *бездарь*, *балбес* — негативные интеллектуальные оценки; *вертихвостка*, *прихвостень*, *разнузданный* — негативные морально-этические оценки; *очковтирательство* — негативная нравственная и морально-этическая оценка; *мерзость*, *гадость* — негативные оценки широкого диапазона;

♦ *интенсивность* — отраженное в сознании и закрепленное в значении ЭЛЕ представление о высокой степени (гиперболизации) проявления дей-

¹ См.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971.

ствия, процесса, явления, признака предмета, лица и т. д.: синонимы *шпарить* и *наяривать* 'очень быстро что-либо делать (говорить, бежать, читать стихи и т. д.)'; *ненасытный* 'очень жадный к еде, такой, который не может насытиться' и переносно (далее — перен.) 'очень жадный к приобретениям, такой, который имеет слишком большие потребности, желания'; *допотопный* 'слишком старый, давно вышедший из употребления, несовременный'; *неугомонный* (*крик, шум*), диал. *неутолимый* (*плачь ребенка*) 'очень сильный, такой, который трудно или невозможно остановить';

♦ *образность* как семантический компонент — воплощенный в значении слова психический образ, результат работы нашего воображения, через призму которого воспринимается говорящим (пишущим) предмет в целом. *Образ* — целостное наглядное представление о предмете речи, в различной степени живое, яркое, необычное, парадоксальное или затемненное, стертые: *присобачить* 'пришить, прикрепить, приклеить и т. п. что-либо к чему-нибудь кое-как, неумело, как попало, то есть плохо, «как если бы это сделала собака, но собака не может этого сделать» (парадоксальный образ), вызвав негативную реакцию говорящего или окружающих (неудовольствие, недовольство, неодобрение, порицание, иронию, насмешку, укоризну)'; диал. *распузыриться* (о женщине) 'сильно поправиться, растолстеть, букв. «стать похожей на пузырь»', вызвав эмоциональную реакцию окружающих (шутку, иронию, насмешку, неодобрение, порицание). Когнитивные источники (первичные когнитивные сферы) образов могут быть самые разнообразные: суеверия, церковно-библейские реалии, образы и представления, исторические ассоциации, литературные и фольклорные аллюзии, бестиарий, звуковые ассоциации, представления о конкретных предметах, ситуациях реальной жизни и т. п. В принципе, любой чувственно воспринимаемый предмет может стать источником образа, на основе которого формируется метафора (семантическая или словообразовательная), более сложный образ по сравнению с прототипом.

3. Поскольку в ЭЛЕ отражаются субъективные аспекты восприятия человеком картины мира, названные компоненты (кроме образности) относятся к коннотативной части лексического значения (коннотации) экспрессива, его денотативную (предметно-понятийную) часть составляют отраженные сознанием признаки предметов и явлений, действия, процессы, состояния и т. п. Образность является как бы «фундаментом» значения ЭЛЕ в целом, в совокупности всех его денотативных и коннотативных сем. Образная экспрессивная лексема или отдельный ее лексико-семантический вариант служит не столько средством выражения содержания и эмоций, сколько *целью* сообщения. Например, в денотативную часть значения глагола *сadanуть* входят: обязательные семы: явная сема 'ударить' и скрытые, но выраженные в контексте семы 'субъект действия', 'субъект или предмет, на который направлено данное действие', 'орудие удара' (рука, палка, какой-либо тяжелый предмет), в коннотативную часть — семы 'интенсивность (очень сильно)', 'негативная морально-этическая оценка (неодобрение, порицание) или эмоция сочувствия, соучастия'

(в зависимости от конситуации); образность — воплощает затемненный образ (возможно, связанный с древнерусским *сaдьно* 'рана', образованным от утраченного *сада* 'ссадина',² ср. *саднить*), служащий целью передачи конкретной информации и эмотивной оценки или эмоции говорящего. Примеры из разговорной речи: *Он [отец] злой был, нас [детей] не жалел, бывало, саданёт тебя чем попало, аж в глазах потемнеет* (эмоция неодобрения); *Василия-то так саданули в драке, а он не виноват, за друга заступился* (эмоция сочувствия).

М. И. Черемисина, Т. И. Заславская, Н. А. Лукьянова, Г. А. Колосова, Е. К. Ромодановская.
30 сентября 1999 г.

Эмоции и эмотивные оценки отличаются от логических оценок. Логические оценки даются предметам с помощью разума; как компоненты значений они входят в их денотативную часть, а соответствующие слова называют оценки и не являются экспрессивными в системе лексики (*красивый, умный, глупый, добро, зло, мир и лад (в семье), счастье, горе*), а эмотивность и эмотивные оценки — с помощью эмоций, чувств; они входят в коннотацию значений, а соответствующие слова выражают эмоции и оценки говорящих и являются экспрессивными (*красота, умница, умник, глупышка, добряга, злодей*). Интенсивность тоже может иметь двойкий статус в лексической системе:

² Там же. С. 339.

денотативный — если она не связана с эмоциями (*сильно, очень, много, быстро, слишком, быстроходный (корабль), бежать, лавина (снега), водопад*) и коннотативный (синонимы *неслись, мчаться, лететь* 'очень быстро бежать', *молниеносный (удар), лавина (слов, упреков), водопад (слов, эмоций)*). Однако в речи любое слово может приобрести эмотивную окраску в зависимости от эмоционального состояния говорящего и, соответственно, эмоционального тона высказывания и контекста (речевой ситуации). Образность выступает фундаментом как экспрессивных единиц, так и экспрессивно нейтральных. Во втором случае образность есть не что иное, как внутренняя форма слова, являющегося номинативным знаком (*подснежник, рябина, голубятня, гололедица, снегопад, кружева, кружиться* 'совершать движения по кругу', *креститься, венчаться*). Различный статус образности демонстрируют значения одной и той же лексемы, например: *допрыгаться* 1. Прыгая, довести себя до каких-либо неприятных последствий (*допрыгаться до боли в ногах* — внутренняя форма слова). 2. *Перен.* Неразумным поведением опрометчивыми поступками навлечь на себя какие-либо неприятности (*Ну, что? Допрыгалась со своими танцами, выгнали из университета* (выражение недовольства, укоризны) — образность как отражение трансформированного первичного образа, результат семантической метафоризации).

4. Различные «сочетания» названных компонентов создают эффект экспрессивности, то есть они выступают языковым инструментом выражения субъективного взгляда на предметы картины мира говорящих, их мнений, эмоций и эмотивных оценок. Эмотивность и эмотивная оценка являются обязательными семами ЭЛЕ, интенсивность и образность — факультативными. Эмотивная оценка вариативна: в разных контекстах одного и того же слова могут передаваться различные оценки или несколько оценок одновременно. Образность тоже вариативна: говорящие могут по-разному интерпретировать выраженный определенной звуковой оболочкой образ и соотносить его с различными предметами, ситуациями (например, образ 'хвост' в словосочетаниях *хвост кометы, хвост самолета, хвост волос, хвост очереди, хвост поклонников* (ср. в эпиграмме Пушкина: «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой пышный хвост»), а также *хвост* 'академическая задолженность студента' и *хвостист*, диал. *хвост* и *хвосты* 'сплетня, сплетни', и т. д.). Образные ассоциации могут стираться, утрачиваться, однако затемненность (непонятность образа современному носителю языка) не снижает и не снимает «экспрессивной яркости» (по В. В. Виноградову) слова, ср.: *колымага* 'о громоздкой, старой, разбитой, нелепой на фоне других автомашине, вызывающей своим внешним видом иронию окружающих' (видоизменение старославянского *колымагъ* 'стан, палатка', вероятно, заимствованного из монгольского языка;³ современным носителям русского языка понятен образ, лежащий в основе ЭЛЕ *вертихвост* и *вертихвостка*, но непонятен образ экспрессива

³ Там же. С. 207.

вертопрах 'легкомысленный, ветреный человек' (образован сложением основ: отглагольной *верт-* и именной *прах* церковнославянское 'пыль'⁴).

Толково-исторические словари русского языка, фиксирующие и описывающие лексику русского языка XI–XVIII вв., — богатейшая сокровищница экспрессивных слов и выражений. В лексических значениях таких единиц отражаются образы наших далеких предков с их субъективным видением окружающего мира и человека в нем как центра вселенной, религиозные, исторические, литературные, фольклорные аллюзии. Любая экспрессивная номинация *антропоцентрична* по своей природе: говорящий осознает и оценивает предмет, явление, действие, другое лицо через призму субъективного «я». Эмоции говорящего субъекта, его эмотивные реакции, оценки явлений природы (натурфактов), артефактов, поступков, поведения людей (антропофактов), взаимоотношений между ними — все это является предметом экспрессивных номинаций, которые мы находим в толково-исторических словарях древнерусского языка.

Русская классическая лингвистика (А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртене, А. М. Пешковский, Ф. И. Буслаев, М. М. Покровский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др.) оставила нам немало идей, общих положений и частных наблюдений о соотношении логической и эмоциональной речи, об экспрессивных языковых единицах и средствах выражения экспрессивности, об антропоцентризме как основополагающем принципе устройства языка. Их идеи, весьма значимые для развития теории и лексикографической практики экспрессивности, не утратили своей актуальности в русистике нашего времени. В середине 50-х гг. прошлого века, подводя итоги дискуссии по стилистике, В. В. Виноградов отметил, что в отечественном языкознании вообще сказано очень мало о сущности экспрессии слова, об экспрессивной функции слова, о формах речевой экспрессии, что «экспрессивные оттенки слов и выражений у нас являются предметом больше ощущения и показа (демонстрации), чем изучения и анализа <...> нет исторического очерка развития систем эмоциональных форм в русском языке, в лингвистике недостаточно исследованы эмоциональные элементы и их развитие на материале отдельного языка»⁵. За прошедшие 60 лет немало сделано в области изучения экспрессивности, в том числе экспрессивной лексики. Что касается экспрессивной лексики, зафиксированной в толково-исторических словарях, то она остается пока еще малоизученной. Чаще всего она попадает в сферу внимания лингвистов, изучающих проблемы древнерусского словообразования. Экспрессивные слова были предметом изучения В. В. Виноградова в сфере его исследований истории слов. Несколько этюдов об истории экспрессивных слов, опубликованных им в разное время, включены в его монографию «История слов», опубликованную после смерти ученого под ред. Н. Ю. Шведо-

⁴ Виноградов В. В. История слов: Около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных. М., 1999. С. 77–79.

⁵ Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 69–70.

вой⁶: *допотопный*, *дотошный*, *истошный*, *облапошить*, *огорошить*, *очуметь*, *пригвоздить*, *сморозить*, *свистопляска*, *вертопрах*, *щелкопёр*, *хлыщ*, *чёрт* и др. Проблема выявления и изучения экспрессивной лексики, функционировавшей в древнерусском языке, сохраняет свою актуальность, особенно в свете развития новых направлений: лингвокогнитивной семантики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии и др.

Приведенные положения концепции экспрессивности лексики современного русского языка вполне применимы к изучению экспрессивного лексического фонда древнерусского языка по данным толково-исторических словарей, в частности, «Словаря русского языка XI–XVII вв.»⁷ (далее — Словарь, с указанием выпуска и страниц в круглых скобках). Тем более, что он содержит богатое собрание лексических материалов, отражающих образцы разговорной и диалектной речи жителей разных регионов Древней Руси, зафиксированных в разнообразных жанрах: деловой письменности, публицистических, нравоучительных произведениях и т. д.

Первый шаг в изучения экспрессивной лексики древнерусского языка — это создание фактографической базы, то есть выборка соответствующего материала из Словаря. В дальнейшем могут быть использованы другие исторические словари. ЭЛЕ не являются предметом специального описания в толковых словарях как современного языка, так и тем более исторических. Поэтому первая проблема, требующая решения, — это способы (критерии и методы), с помощью которых можно выделить ЭЛЕ из состава словника Словаря. Этому посвящена наша публикация.

В принципе, они те же, которые используют лингвисты, выбирая ЭЛЕ из современных толковых словарей. Их несколько.

1. *Опора на эмоционально-оценочные пометы*. В Словаре употребляются те же пометы, что и в современных словарях.

— пометы, маркирующие *формы субъективной оценки (диминутивы)*. В Словаре они используются довольно последовательно: **добрецо** уменьш.-ласкат. к **добро** 'имущество, богатство', **дружок** уменьш. к **другъ**, **львище** увелич. к **левъ**, **кожишка** уничиж. к **кожа**, **конище** увелич.-пренебреж. к **конь** (в знач. 'боевой конь, верховая воинская лошадь'), **коняшка** ласк. к **конь**, **дочеришко** уменьш.-уничиж. к **дочь**; **бархатишко** уменьш. к **бархат**, **портченка** и **портчишка** уменьш.-уничиж. к **портки**. Однако собственно лексические единицы (лексемы и лексико-семантические варианты лексем) с суффиксами субъективной оценки, которые являются объектом нашего изучения, не имеют таких помет, например: **курышка** 'человек низкого роста, коротышка', **блудяга** 'бродяга, скиталец', **каряка** 'тот, кто при ходьбе широко расставляет ноги' и 'упрямый, несговорчивый человек', **голубица** 'кроткое существо', **лихачъ** 'удалой, отважный, ловкий человек'.

⁶ Виноградов В. В. История слов.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1: А–Б.

В современных словарях лексические единицы с суффиксами субъективной оценки маркируются (но довольно нерегулярно) эмоциональными и эмоционально-оценочными пометами, которые составители словарей относят к стилистическим пометам: *ласк.*, *ласково*, *ласкательное*, *одобр.*, *неодобр.*, *бран.*, *груб.*, *груб.-прост.*, *ирон.*, *презр.* или *презрит.*, *пренебр.*, *усилит.*, *шутл.*, например: *рвач* (презр.), *интриган* (неодобр.), *бульварщина* (пренебр.) и т. п. Подобные пометы отсутствуют в Словаре XI–XVII вв.;

— помета *как прозвище* ставится при существительных со значением лица: *кутырь* ‘о толстом человеке (как прозвище)’, *лихачь* (как прозвище), *мямля* ‘как прозвище (обычно мягкотелого по характеру или нерасторопного человека)’, *мошникъ* ‘глухарь (как прозвище)’, *курышникъ* ‘человек низкого роста, коротышка (как прозвище)’, *клекъ* ‘болтун, ворчун’, ‘кол, чурка (как прозвище)’;

— пометы *перен.* (переносно, переносное значение) и *образно* маркируют метафорические значения. (Заметим, что помета *образно* в современных толковых словарях не используется.): *голенастый перен.* ‘не имеющий ветвей на большом расстоянии от земли (о дереве)’; *кусательный перен.* ‘едкий, язвительный, причиняющий боль, обиду’; *копеечный перен.* ‘о чем-либо маленьком, незначительном’; *Котва*. 1. Якорь. 2. *Перен.* То, что удерживает, скрепляет что-л.; оплот; *Наводнити*. 1. Наполнить водой <...>, напитать влагой. 2. *Перен.* Обильно оросить (слезами); *Мозоль* <...> 4. *Образно* ‘страдания, раны’; *Облудити*. 1. Принудить к блуду, половому распутству. 2. *Перен.* *облудити словами* ‘оскорбить, обругать’; *прицъпитися* ‘привиться, прирасти’, здесь *образно* и *перен.* ‘стать приверженным чему-то’: «[Патриарх Фотий] *пишетъ и о болгарехъ, како отъ ... варварства во истинное христианство нечаятельне прицъпишася*» (Словарь, в. 20, с. 72).

Эти пометы ставятся в Словаре очень редко и непоследовательно, ср.: *Помысль*. 1. Мысль, дума, размышление. <...> 4. Злой умысел, замышление; *Горький*. 1. Горький. 2. Приносящий горе, несчастье; *Напыщатися*. 1. Набухать, опухать. 2. Гордиться, чваниться, надуваться;

— помета *многокр.* ставится при глаголах многократного способа действия: *баливати* (XVI в.), *многокр.* к *болѣти*; *бѣгивати* (1547 г. и 1688 г.), *многокр.* к *бѣгати*; *блуживати* (XVI в.), *многокр.* к *блудити*; *выдавивати* (1547 г.), *многокр.* к *выдавати* (в знач. 1) ‘выдавать, отдавать’; *грабивати* (1632 г.), *многокр.* к *грабити*; *гуливати* (XVII в.), *многокр.* к *гуляти* 5. ‘проводить время в праздности, бездельничать; веселиться, кутить’; *задавивати* (1682 г.), *многокр.* к *задавати* (в знач. 1) ‘давать, подавать’; *зыватьи* (1620 г. и 1664 г.) и *зыывывати* (1594 г.), *многокр.* к *звати*; *ковывати* (XVII в.), *многокр.* к *ковати* (в знач. 4) ‘заковывать (в оковы)’; *купивати* (1571 г. и 1633 г.), *многокр.* к *купити*; *лаивати* (1646 г. и 1660 г.), *многокр.* к *лаяти* (в знач. 2) ‘ругать, бранить, поносить кого-л.’; *летывати* (1662 г.), *многокр.* к *лѣтати*; *ливати* (1639 г. и 1676 г.), *многокр.* к *лити*; *маливатися* (1624 г.) и *моливатися*, *многокр.* к *молитися*; *малывати* (1647 г. и 1676 г.), *многокр.* к *молоти*, *насылывати* (1616 г.), *многокр.* к *насылать* ‘посылать с целью причинять зло’. Данная помета еще

довольно редко встречается в Словаре в отличие от исторических словарей XVIII–XIX вв., и это не случайно: до XVI в. суффикс *-ива-/-ыва-* был малопродуктивным в образовании таких форм; некоторые лингвисты⁸ выделяли XVI–XVIII вв. как время наиболее широкого и свободного употребления глаголов многократного способа действия. Не случайно и контексты, иллюстрирующие употребление многократных глаголов в Словаре, датируются XVI–XVII вв. (дата произведения, из которого взят контекст, поставлена нами после каждого приведенного выше многократного глагола). В. В. Виноградов относил такие глаголы к категории экспрессивных слов. Они выражают повторяемость (своего рода гиперболизацию) действия, процесса: «*Посль того грузинской царевичъ у князя Ондreja не бывальъ и к себѣ на подворье Ондreja не зывывальъ*» (Словарь, в. 1, с. 71).

2. *Опора на морфемную структуру слова*. Как отмечают исследователи, древнерусская словообразовательная система была аналогична современной системе: в ней использовались те же модели словопроизводства и те же морфемы, что и в современной системе. Различия, конечно, были, они касались активности тех или иных моделей словопроизводства, основ (корней) в образовании дериватов, количественного состава дериватов одинаковой структуры в древнерусской и современной системах и т. п., все это связано с концептуальной картиной мира носителей русского языка в разные периоды его функционирования. Сравнение материала Словара с материалом современного языка показывает, что в древнерусском языке использовались те же суффиксы и префиксы при образовании экспрессивных дериватов. Суффиксы присоединялись к основам экспрессивным и экспрессивно нейтральным. Например: *бѣднѣа* от *бѣдный* (в знач. 2) ‘несчастный, вызывающий жалость, сострадание’, *блудѣа* ‘бродяга, скиталец’, *беспелюха* ‘рохля, неряха’ (сохранилось в совр. говорах, ср. другие диал. слова аналогичной модели: *немытюха* ‘неряха, неопрятная (о женщине, девушке)’, *вислюха* и *липуха* ‘несерьезная, легкомысленная молодая женщина, девушка’), *гультяй* и *гулякъ* ‘человек, не имеющий постоянного места жительства, бродяга’, *букъ* ‘безрассудный, грубый, жестокий человек’, *кислякъ* ‘пьяница’, *облыгатай* ‘клеветник’ от *облыгати* ‘обвинять ложно, оговаривать, клеветать’ (ср. совр. *слютяй*), *махота* ‘о чел. небольшого роста’ (совр. диал. *махотка*), *лукочь* ‘льстец’ (совр. *бестолочь*, *сволочь*), *брюхачь* ‘человек с большим животом, толстый’, *лгачь* ‘лжец’, *лихачь* (совр. *бородач*, *трепач*, *рвач*, просторечное *портач* ‘тот, кто делает что-либо неумело, плохо, портит вещь, материал’); *ласкота* ‘ласковое обращение, мягкость в обращении с кем-либо’ (совр. *смехота*, *пестрота*), *безлѣпство* ‘отсутствие красоты, некрасивость’, *безлѣпотство* ‘нелепость, глупость, безрассудство’, *блудство*, *злокозньство* ‘козни, коварство’.

⁸ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.: Учебник. М., 1938; Прокопович Е. Н. Стилистика частей речи (глагольные словоформы): Учеб. пособие. М., 1969; Рогова В. Н. Словообразовательная система русского языка в XVI веке. Красноярск, 1972.

лгарство 'вранье, выдумка' (совр. *бесстыдство, лизоблюдство*), *медлость* 'бездеятельность, праздность' (совр. *подлость, гадость, мерзость*), *вертячий* (совр. *бродячий*) и мн. др.; существительные безаффиксного способа образования, например, *нахль* 'нахал'. Экспрессивные двупроставочные глаголы, выражающие высокую степень проявления действия (интенсивы): *иззабыти* 'забыть полностью или в сильной степени', *иззаняти* 'занять полностью или в большом количестве', *иззаморити* 'заморить всех или многих; заморить окончательно, полностью'.

3. *Опора на однокорневые слова.* Семантика вторичной (производной) номинации формируется на основе семантики первичного (производящего) значения производного слова. Нередко создается цепочка или серия словообразовательных дериватов с экспрессивной семантикой в составе определенного словообразовательного гнезда (далее — СГ). Древнерусская словообразовательная система была богата такими сериями. Это свойство древнерусской словообразовательной системы ярко демонстрирует Словарь. Так, в СГ с вершиной *ковъ* 'тайный злой умысел; козни' входили следующие ЭЛЕ: *коварливый* 'хитрый, лукавый', *ковати*. 1. 'Ковать, изготавливать что-либо ковкой, с помощью молота'. 3. 'Готовить, затевать, замышлять что-либо недоброе'; *коварно* (наречие); *коварникъ* 'коварный человек, тот, кто строит козни против кого-либо'; *коварский* 'коварный, злой'; *коварственный* 'хитроумный, лукавый; коварный'; *ковары* 'козни'; *коварливый* 'хитрый, лукавый'; *коварничати* и *коварствовати* 'строить козни, замышлять зло'; а также фразеологизмы *ковъ ковати* 'замышлять зло, строить козни против кого-либо' и *совѣтъ ковати* 'тайно сговариваться с кем-либо (замышляя недоброе)'; две лексемы в этой серии демонстрируют энантиосемичность — выражение прямо противоположных (антонимических) эмотивных оценок: положительной интеллектуальной и негативной морально-этической: прилагательное *коварный* 1. 'разумный, благоразумный', 2. 'искусный, умелый' и 3. 'хитроумный, лукавый; коварный', 4. 'основанный на хитрости, кознях' и существительные-синонимы *коварствие* и *коварство* 'мудрость, проницательность' и 'тайный, злой умысел, козни, лукавство, коварство'.

Довольно объемным по количеству единиц в древнерусском языке было СГ с вершиной *кознь* (*къзнь*) тоже с энантиосемичными значениями: синонимы *козни* и *кознь* (*къзнь*) 1. 'занятие, ремесло; мастерство; искусство' и 2. 'ухищрение, хитрость', 3. 'козни, происки'; *козньствовати* 1. 'заниматься ремеслом' и 2. 'строить козни, замышлять зло'; *козньство* (*къзньство*) 1. 'искусство, умение, мастерство; знание' и 2. 'происки, козни, неблагоприятные ухищрения'. Другие ЭЛЕ данного СГ: лексические варианты *козненный* и *козньный* (*къзньный*) 'относящийся к козням, проискам' и 'лукавый', синонимы *кознецъ* и *кознодѣй* 'тот, кто строит козни', *кознодѣйствовати* 'причинять зло, вред; совершать злодеяния', лексические варианты *кознодѣйство* и *кознодѣйствие* 'козни; злодейство, злодеяние', синонимы *козновати* и *козньствовати* 'строить козни, замышлять зло', *кознование* (*къзнование*) 'происки, козни', *козноватый*

'лукавый', *козноязычный* 'злоречивый', *злокозни* 'козни', *злокозненный* 'строющий козни, коварный, замышляющий злое' и др.

Экспрессивы приведенных СГ репрезентировали одни и те же фрагменты концептуальной картины наших предков, связанные с характеристикой человека: с одной стороны, понятия, отражающие интеллект, мудрость, умение, искусство ремесла, с другой — хитрость, зло, козни, которые причинял или которыми обладал человек. В современном языке сохранились только три слова первого СГ (*коварный, коварство* и *коварно*) и два слова второго СГ (*козни, злокозненный* (устаревшее)) и фразеологизм *строить козни*. Фрагменты картины мира, связанные с выражением нечестности, фальши, обмана, лжи, репрезентировали ЭЛЕ обширного СГ: словообразовательные цепочки с корневыми вариантами *-лг-* (*лга*, *лгати*, синонимы *лгание* и *лгарство* 'вранье, выдумка' и *лгатель* и *лгачь, лгыня*) и *-лж-/-лож-/-лыж-*, в основном сложные слова (*лжа* 'ложь, обман' и 'несогласие, раздор, вражда', *лжеглаголати, лжеглагольникъ, лжеговѣный* 'лицемерный', *лжеклевѣтати, лжеклевѣтникъ, лжеплетение* 'клевета', *лживецъ, лживити, лживый* и *лжий, облыжка* 'ложные сведения, небылица' и 'клевета, оговор' и мн. др.). СГ с общим значением 'ругать, клеветать': *лаяти* переносные значения 'ругать, бранить, поносить кого-либо' и 'злобствовать, неистовствовать'; *лая, лай* и *лаяние* 'брань, ругань, поношение, оскорбление', *лаятель* 'тот, кто бранит, поносит; злоречивый, клеветник', *лаятельство* 'козни, коварство, обман', *лаятися* 'бранить, поносить друг друга'. СГ с вершиной «блуд»: *блудъ* 'распутство', *блудение* 'блуд' и 'болтовня, пустословие', *словоблудие, блудити* 'прелюбодействовать, распутствовать', *блудливый* 'вороватый', *блудникъ* 'распутник', *блудница* 'распутница', *блуднический, блудничищъ* 'человек, рожденный блудницей', *блудный* (*блудный*), синонимы *блудство, блудня* и *блужение* 'блудъ' и др. В современном языке сохранилась только небольшая часть данного гнезда, почти все его единицы интерпретируются в словарях как устаревшие или устаревающие, некоторые — как просторечные.

Словарь фиксирует огромное количество СГ, в состав которых входили десятки сложных слов. Вершинами таких СГ выступали слова *благо, добро, зло, криво, много, мало*, а также слова с корнями *-льп-, -лих-, -мзд-* и многими другими. Например: *лихоманъ, лиходѣй, лихомѣрный, лихомудрый, лихопитие, лихорѣчие, лихосытие, лихомати, лихомный, лихоядецъ, лихословие*. В каждый такой корнеслов входило по два-три десятка и более эмоционально-оценочных слов. Однако их дериваты в большей степени относились к высокому стилю. Разговорный характер имели многие дериваты с корнем *зло-*, выражавшие негативные оценки, а также интенсивность признака: *зло, зль, зльдъ, злоба* 'зло, злоба; всё дурное, плохое, вредное', *злословити, зльхитрый* 'очень хитрый', *злюбивый, злбство, зловонити, зловонный, зловредити, зловредный, злодѣецъ* (*злодѣицъ*) и *злодѣйникъ, злодѣица* и *злодѣя, злокозневый, злокозненный* и мн. др.

Опора на однокорневые слова — один из самых эффективных методов отбора ЭЛЕ из Словаря.

4. *Опора на словарные толкования вокабул.* Как отмечается в Предисловии, «Словарь по своему типу относится к двуязычным, переводно-толковым словарям. Значения слова в нем раскрываются или путем перевода на современный русский язык, или, если перевод невозможен, путем толкования, разъяснения, определения на современном языке» (Словарь, в. 1, с. 8). Данный способ выявления ЭЛЕ довольно эффективен. Во-первых, с помощью традиционной пометы *То же, что X* вокабула может идентифицироваться словом данного словообразовательного гнезда, которое в Словаре имеет толкование: *Злодѣйникъ. То же, что злодѣй* (в знач. 1, 2) (1. Тот, кто делает зло, имеет дурные намерения, 2. Злодей, преступник); *Блудство. То же, что блудъ* ('распутство'). Во-вторых, в толкованиях довольно часто используются экспрессивы, позволяющие отнести к экспрессивам и описываемые с их помощью вокабулы: *беспелюха* 'рохля, неряха', *кувяка* 'мямля, лентяй', *затѣйный* 'злоумышленный', *блазнитель* 'обманщик', *облыгатай* 'клеветник', *наругалище* 'посмешище', *напыщение* 'заносчивость, кичливость'. В-третьих, используется смешанный способ толкования: описание вокабул с помощью близких по значению или синонимичных слов в соединении с экспрессивами: *помизатель* 'тот, кто колеблется, угодничает', *изрелевый* 'кокотливый, склонный к развлечению', *корчмитъ* 'о торгаше, барышнике, вообще о лице, склонном к обману, блуду', *которивый* и *которливый* 'сварливый, склонный к ссорам, строптивый', *клеветный* 'склонный сплетничать, наушничать, доносить на кого-либо, порочить кого-либо, в знач. суш. 'сплетник, доносчик, клеветник', *кляукавый* 'хитрый, лукавый, коварный', *ключивый* 'коварный, тайно недоброжелательный', *лытати* 'уклоняться от дела, лодырничать, праздно бродить, скитаться', *наостритель* 'тот, кто побуждает, научает; подстрекатель', *намутиши* 'наговорить, наклеветать, наядбедничать', *обманищик* 'тот, кто вводит в соблазн, совращает с правильного пути'.

Компонент 'интенсивность' толкуется в Словаре (как и в современных словарях) с помощью номинаций, обозначающих высокую степень признака: *очень, сильно, самый, полностью, слишком, чрезмерный, в высокой степени, сильный / очень сильный по степени проявления* и т. п.: *крохотка* 'очень малое количество чего-либо, крошечка', *лупить* 'сильно бить, колотить', *злоущий* 'самый вредный, самый опасный', *многоязычный* 'болтливый, чрезмерно разговорчивый', *злой* 'очень сильный по степени проявления, жестокий', *иззабыти* 'забыть полностью или в сильной степени'.

5. *Опора на контексты (речения).* Контекст, иллюстрирующий реализацию ЭЛЕ в речи, может быть информативным (сильноинформативным или слабоинформативным) и неинформативным. Информативный контекст содержит такие словоформы, которые раскрывают коннотативные компоненты значения ЭЛЕ: эмотивность, эмотивную оценку и интенсивность, главное, конечно, — он способен передать эмоциональное состояние говорящего. Такие контексты характерны для живой разговорной речи. Исторические словари не рассчитаны на живую речь носителей русского языка, в отличие, напри-

мер, от диалектных словарей, единственным источником которых является именно живая, повседневно-бытовая речь носителей говоров. Письменная речь часто нейтрализует эмоциональный тон высказывания. Поэтому в исторических словарях редко встречаются эмоционально насыщенные и, следовательно, сильноинформативные контексты. Приведем подобные примеры: *помизатель* 'тот, кто колеблется, угодничает': «*Безаконници, почто смѣшае воду с виномъ, серебро любите, а дѣю погубляете, кривомѣряще, кривобраздници, помизатели, а не братолюбци*» (Словарь, в. 17, с. 19) — сильноинформативный контекст, который с помощью ряда словоформ с негативными эмоционально оценочными значениями и вопросительно-восклицательной конструкции (союз *почто*) ярко передает эмоциональное состояние говорящего — гнев, раздражение — и негативную морально-этическую оценку; *злохульный* 'исполненный злой, неистовой хулы': «*Сей же злый архиерей напыщенъ гордостию своего тщетнаго мудрования <...> святѣйшаго Иоакима патриарха Московского и всея России своими злохульными и поносными словесы не обинуяся предъ многими обруга и обезчести*» (Словарь, в. 6, с. 35) — с помощью ряда экспрессивных словоформ контекст характеризует некоего архиерея и выражает негативное отношение к нему говорящего (пишущего) лица; *затѣйный* 'злоумышленный': «*Безлѣпичными, затѣйными, непригожими словы о той земль и о иныхъ дѣльхъ говорити не хотимъ, ...занеже встѣмъ государемъ годитца истинна говорити, а не ложно*» (Словарь, в. 5, с. 318); *изрелевый* 'кокотливый, склонный к развлечениям': «*Константинъ... о женахъ радовашеся присно безстудныхъ изрелевыхъ, любящихъ ликование, и свирѣли, и гусли*». Примеры контекстов неинформативных: *померзчати (помръзчати)* 'стать отвратительным, омерзительным': «*Помръзчаша имѣ наставница*» (Словарь, в. 17, с. 10); *оклюка* 'обман': «*Мнѣ же яко оклюки ему сътворил ес<ть>*» — без опоры на другие языковые средства (в частности, словарную дефиницию) раскрыть содержание выделенных слов невозможно. Опора на контексты — малоэффективный способ выявления ЭЛЕ из исторического словаря. Тем более, что по замыслу составителей Словаря в словарную статью включается по два контекста на вокабулу, однако часто в Словаре представлен только один контекст. Этого количества недостаточно для более точного определения семантики слов. Тем не менее этот способ приобретает особую значимость при изучении функционирования ЭЛЕ в речи при условии увеличения количества контекстов из других источников.

6. *Опора на идентификацию и языковую интуицию лингвиста.* Эти два способа взаимосвязаны между собой, широко используются при выборке ЭЛЕ из современных словарей и других источников. Идентификация рассматривается в качестве метода, иногда основного (например, Ш. Балли⁹), в изучении ЭЛЕ. Его суть состоит в том, что выявить экспрессивный (то же, что эмоциональный, по Балли) потенциал словоформы возможно только в том случае, если ее можно приравнять

⁹ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

к некоторому эмоционально нейтральному слову. Процедура «приравнивания» осуществляется на основе языковой интуиции исследователя, то есть его знания слов и отношений между ними. Она используется и составителями толково-исторических словарей, это мы показали выше при рассмотрении опоры на толкования при выявлении ЭЛЕ. Однако цель составителей словарей — дать толкование семантики вокабулы, а не выявить ее экспрессивный потенциал. Поэтому применение этой процедуры в исследованиях экспрессивности лексики древнерусского языка должна применяться с осторожностью. Выявленные таким способом ЭЛЕ необходимо проверять и другими способами. Например: *помѣшнѣ* 'помеха, препятствия' — идентификация плюс экспрессивный суффикс *-нѣ* (ср. совр. *грызнѣ*, *ругнѣ*, *болт(ов)нѣ*, *мельтешнѣ*), *оклюка* 'обман' — идентификация плюс опора на дериваты с экспрессивной основой (*клюка* 'хитрость, лукавство, обман', *клюкавый* 'хитрый, лукавый, коварный', *клюкати* 'обманывать, хитрить'). В принципе, идентификация лежит в основе и других способов, например, на ней основан метод словообразовательной производности, когда основа производного слова «приравняется» к основе производящего.

Таким образом, существующие в современной лексикографии способы (методы, приемы, критерии) выявления ЭЛЕ вполне применимы и в аналогичной работе с историческими словарями. Они находятся в отношении дополнительной дистрибуции: каждый способ (критерий, метод) может дополняться другим или другими способами с целью получения относительно достоверных знаний об экспрессивном лексическом фонде древнерусского языка.

На материале этого фонда можно изучать категорию экспрессивности в разных аспектах, дополняя те сведения о ней, которые получены на материале современного русского языка, литературно-разговорного и диалектного. Назовем некоторые аспекты.

— *Ономасиологический аспект*: средства выражения экспрессивности в древнерусском языке и ономасиологические типы экспрессивных слов.

— *Системно-семантический аспект*: системные парадигматические отношения в экспрессивном лексическом фонде древнерусского языка: на уровне лексемы (лексическое варьирование слов, лексико-семантическое варьирование слов, энантиосемия), на уровне лексики в целом (лексико-семантические группы ЭЛЕ, словообразовательные гнезда, синонимия и квазисинонимия, антонимия и др.).

— *Когнитивный и лингвокультурологический аспекты*: когнитивные источники образов, воплощенных в экспрессивных словах; роль экспрессивной лексики в отражении фрагментов древнерусской картины мира: концептосферы, в которых сконцентрированы ЭЛЕ; отражение национально-культурной специфики сознания, мировидения, мироощущения носителей древнерусского языка в экспрессивной лексике; образ человека в зеркале экспрессивных номинаций и многие другие.

— Функции ЭЛЕ.

— Диахронная эволюция экспрессивной лексики.

Толковый Пасхальный Канон и сочинения Иоанна Дамаскина в сборнике XV в.*

Причины перевода памятника одной культуры на язык другой, время, место, а тем более — авторство перевода — в медиевистике порой остаются неразрешимыми проблемами. Славянское средневековье, как культура по преимуществу анонимная, сохранившаяся в письменных источниках зачастую фрагментарно, оставило множество загадок. До сих пор остаются открытыми для славистов вопросы, почему многие памятники попали в руки болгарских, сербских, русских переводчиков в целом ряде случаев не в самых лучших версиях или в испорченных, дефектных списках. Трудно объяснить в новое время предпочтение славянскими книжниками одного памятника другому. Например, почему Шестоднев Севериана Гавальского был переведен ранее Шестоднев Василия Великого; или почему были переведены сложнейшие трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита и практически не были востребованы в Древней Руси сочинения Григория Нисского? Иногда эти вопросы дают возможность для гипотез мало удовлетворительных, типа: славянам были доступны окраинные, провинциальные, плохо сформированные библиотеки, или — славяне не знали, какие памятники авторитетные или неавторитетные. Объяснить причину выбора сочинения для перевода — это значит исследовать, например, актуальность избранных сочинений для современников в контексте событий их эпохи, определить концепцию составителей сборников, логику подобранных ими памятников. Тогда гипотезы о причинах появления нового для данной литературы памятника, ранее невостребованного, получают историческое и текстологическое обоснование.

В данном сообщении речь пойдет об одном переводном сочинении XII в. в составе древнерусского сборника XV в. из собрания Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 176, далее — Тр.-Серг. 176). Сборник содержит самую полную в Древней Руси за всю предыдущую историю бытования трудов Иоанна Дамаскина подборку текстов, связанных с его именем, это: Житие Иоанна Дамаскина, Послание Козме Маюмскому, Диалектика и «Богословие» (Точное изложение православной веры) Иоанна Дамаскина, а также приписываемых ему: Грамматика или «О восьми частях слова», О божественном десятословии и другие небольшие тексты. Рукопись Тр.-Серг. 176 является конволютом, «дамаскинская» подборка находится в его ранней части, да-

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Неизвестные русские редакции “Богословия” Иоанна Дамаскина» при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung, Бонн, ФРГ).

тируемой 1460-ми гг.¹ В конце ее, на л. 171–179 об., помещен Пасхальный Канон, одно из самых значительных литургических произведений Иоанна Дамаскина, «Канон на пѣ стѣмъ вѣкомъ воскрѣнію гдѣ нашего іса хдѣ твореніе гдѣ іоанна дамаскина» (л. 171). Пасхальный Канон, который называют венцом всех духовных песней православной гимнографии, является главной частью богослужения пасхальной утрени. В указанном сборнике все тропари в составе Канона сопровождаются толкованиями, то есть это список толкового Канона. В заглавии Канона имя автора толкований не указано. В XIX в. арх. Филарет (Гумилевский) определил, что в древнерусской традиции был распространен Пасхальный Канон Дамаскина с толкованиями Георгия, митрополита Коринфского.² С тех пор отечественные исследователи не обращались к этой теме.

Каноны с толкованиями редко встречаются в славянской письменности и представляют собой мало изученный материал. По-видимому, оригинальные толкования на гимнографические тексты в регионе Slavia Orthodoxa в средневековье не создавались и с греческого переводились не часто, — возможно, потому, что и в византийской литературе они не были распространенным явлением. Так, исследователь творчества Георгия Коринфского Фаусто Монтана выявил 31 греческую рукопись, содержащую каноны с толкованиями этого автора,³ что для всего ареала распространения греческой рукописной традиции является небольшой цифрой.

Толкования на гимнографические сочинения в Византии появились достаточно поздно, в конце IX в. Главным объектом экзегезы Феодосия Грамматика, первого известного толкователя Канонов, стали сочинения Козмы Иерусалимского и Иоанна Дамаскина. Буквально всплеск интереса к толкованиям тех же гимнографических текстов произошел в период расцвета византийской риторики в XII вв.: Каноны привлекают внимание сразу нескольких византийских эрудитов, которые занимаются их стилистико-грамматическим комментарием, объясняют в своих толкованиях, каким образом средствами языка переданы выдающимися гимнографами глубина христианских догматов и богословских понятий. Специального исследования требует вопрос, какие именно толковые Каноны, когда и в связи с какими событиями попали в славянскую книжность. Пока же можно сказать, что Пасхальный Канон Иоанна Дамаскина с толкованиями Григория Коринфского попал в древнерусскую книжность, скорее всего, не ранее второй половины XV в. и получил в ней незначительное распространение.

¹ Подробно об особенностях сборника Тр-Серг. 176 и указанной подборки, впервые появившейся именно в нем, см.: Сапожникова О. С. Древнерусские сборники сочинений Иоанна Дамаскина XV в. и Флорентийская Уния // ВВ. Т. 67 (92). М., 2008. С. 117–141.

² См.: Филарет (Гумилевский), арх. Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995 (ротапринт). С. 206. Филарет называет Григория епископом, в современной же историографии сообщается, что он был митрополитом Коринфа. В древнерусской рукописной традиции имя Григория Коринфского не встречается.

³ Gregorio di Corinto: Egesesi al canone giambico per la Pentecoste attribuito a Giovanni Damasceno / Intr., ed. critico, trad. a cura di Fausto Montana. Pisa, 1995.

Е. К. Ромодановская. Ленинград, 1954 г.

Митрополит Коринфский Григорий (между 1092 и 1156 г.) — характерная для своего времени личность.⁴ Как и многие его современники-ученые, он занимался вопросами теории языка, поэтической речи. В греческой книжности он известен под двумя именами — Григорий и Георгий (ученые не пришли к единому мнению, какое из имен было дано при крещении, а какое — при постриге). Патронимическое имя Григория — Παρδος — в заглавиях к его сочинениям встречается достаточно часто. К его имени могли прибавлять и прозвище «Грамматик», поскольку он оставил ставшие популярными в Византии и повлиявшие на развитие языкознания сочинения: О диалектах, О синтакси-

⁴ Donnet D. Grégoire de Corinthe, érudit byzantine des XI-e–XII-e s. // Dictionnaire d'histoire et de Géographie ecclésiastique. T. 28. Paris, 1986. Col. 1494–1493. Биография и корпус сочинений Григория Коринфского впервые были всесторонне рассмотрены в монографии А. Коминиса (Kominis A. Gregorio Pardos, metropoliten di Corinto, e la sua opera. Rom; Athen, 1960), им же были установлены крайние даты (1092–1156) епископства Григория (Ibid. P. 26, 38). До этой работы годы жизни Григория Коринфского назывались в пределах X–XIII вв. Например, в труде К. Крumbачера годы жизни указаны в рамках второй половины XII — первой половины XIII в. (см.: Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. S. 281–282); у Г.-Г. Бека — в рамках X–XI вв. (Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 606). Знаменитый ученый XVII в. Лев Аллаций рассматривает творчество Григория Пардоса в контексте наследия деятелей XII в.: Иоанна Зонары, Феодора Продрома, Иоанна Евгенія (Allatius L. De Georgiis // Fabricius J. A. Bibliothecae Graecae. Vol. 10. Hamburgi, 1721. P. 798–805).

се, О тропах. Содержание этих сочинений говорит исследователям о том, что Григорий являлся учителем риторики Патриаршей школы,⁵ которая в XII в. была в центре культурной жизни Византии. Его сочинения подразделяют на религиозные и светские. К светским относят труды о языке и поэтике,⁶ к религиозным — эпиграммы на двенадесятые праздники⁷ и 23 толкования на литургические Каноны Иоанна Дамаскина и Козмы Маюмского.

Творчество митрополита Коринфского сложилось в эпоху расцвета Патриаршей школы в Константинополе, в годы увлечения профессиональными литераторами искусством риторики, когда всякое событие в жизни образованного общества сопровождалось торжественными речами, изысканными панегириками, эпиграммами, погребальными словами. Вообще XII в. в культуре Византии называют «aetas rhetorica», «литературным Ренессансом», для которого характерны интерес к античному наследию, появление научных исследований языка, стиля, поэтических приемов, эксперименты в области стихосложения.⁸ В эту эпоху проявили себя как талантливые филологи, историки литературы многие церковные деятели, сочинявшие труды по богословию и философии, грамматике и риторике не только в столичном центре, но и на территории древней Эллады. Исследователи называют множество имен людей, церковных и светских, посвятивших себя в эти годы изучению наследия древнегреческих писателей, это: Николай, епископ Мифонский, комментатор Гомера Евстафий, архиепископ Солунский, Михаил Хониат, архиепископ Афин, посвятивший себя исследованию сочинений Гомера, Пиндара, Демосфена, Фукидида, писавший ямбом и гекзаметром. Характерными для этой эпохи являются такие ученые, филологи и историки, как Иоанн Тцетц, Феодор Продром и его ученик Михаил Италик, впоследствии митрополит Филиппополя, Михаил Глика, Константин Манасси, Анна Комнина, Никита Евгениан.⁹ В это время «герменевтический подход» к языковому материалу объединяет творчество Григория Коринфского, Феодора Продрома, Евстафия Фессалонийского. Ученые и соперничают друг с другом в искусстве экзегезы, и учатся

⁵ *Browning R. B.* The patriarchal school at Constantinople in the twelfth century // *Byzantion: Revue Internationale des Études Byzantines*. Vol. 32. 1962. P. 168; *Byzantion: Revue Internationale des Études Byzantines*. Vol. 33. 1963. P. 19–20.

⁶ *Ibid*; *Donnet D.* Le traité Περὶ συντάξεως λόγου de Grégoire de Corinthe: Étude de la tradition manuscrite, édition, traduction et commentaire. Brüssel; Rom, 1967; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 15f, 30f.

⁷ *Hunger H.* Gregorios von Korinth, Epigramme auf die Feste des Dodekaorton // *Analecta Bollandiana: Revue critique d'hagiographie*. T. 100. Bruxelles, 1982. S. 637–651.

⁸ *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Litteratur... S. 9, 184–186, 316–324.

⁹ См. отечественные обобщающие работы и библиографию об этом периоде: *Алексидзе А. Д.* Литература XI–XII вв. // *Культура Византии: Вторая половина VII — XII в. М., 1989. С. 154–193*; *Самодурова З. Г.* Школа и образование // *Культура Византии: Вторая половина VII — XII в. М., 1989. С. 389–400*; *Фрейберг А., Попова Т.* Византийская литература эпохи расцвета: IX–XV вв. М., 1978.

друг у друга, цитируя дословно сочинения своих конкурентов. «В XII в. процветает герменевтическая деятельность в виде толкования на каноны или в виде расширенного комментария, в котором соединены в парафрастическую интерполяцию стилистико-грамматическая критика и обсуждение богословских и литературных источников».¹⁰

Григорий Коринфский является автором толкований на следующие Каноны Иоанна Дамаскина на двенадесятые праздники: Рождество, Богоявление, Благовещение Пресвятой Богородицы, Пасху и вторую неделю по Пасхе, Вознесение Господне, Пятидесятницу, Преображение Господне, Успение Богородицы.¹¹ В греческих рукописях Каноны с толкованиями Григория Коринфского переписывались, как правило, единым блоком, так называемым «экзегетическим корпусом», точно также переписывались толкования его современников Федора Продрома, Евстафия Фессалонийского. Зачастую «корпусы» этих авторов переписывались вместе, в составе одного кодекса. Случаи, когда в рукописях встречается лишь один-два Канона какого-либо автора, единичны. Комментарии указанных авторов к ирмосам и тропарям Канонов, содержащие богословский, исторический, лингвистический комментарий — образцы ученой экзегезы.

Итак, характерное для XII в. сочинение, требующее навыков в риторике, богословии, экзегезе, привлекло внимание неизвестного славянского переводчика. Трудно определить, какого именно состава рукопись с текстом толкового Канона была в его распоряжении, но важно, что в греческой традиции существовали сборники, в состав которых входили Диалектика, «Богословие» Иоанна Дамаскина, а также его Каноны с толкованиями Григория Коринфского.¹² Таков же и состав Тр.-Серг. 176 — самой ранней известной славянской рукописи, в состав которой также были помещены два из трех составляющих компендиум «Источник знания» Иоанна Дамаскина, и толковый Канон, и

¹⁰ *Montana F.* Esegesi al canone giambico... P. LII.

¹¹ В настоящее время авторство богородичных Канонов и Канона на Пятидесятницу Иоанна Дамаскина ставится учеными под сомнение, однако, пока этот вопрос не решен, многие современные исследователи следуют мнению архиеп. Филарета (Гумилевского), М. Н. Скабаллановича и архим. Киприана (Керна), которые считали, что первые воскресные Каноны Октоиха, а также Каноны на двенадесятые праздники являются творением этого Отца Церкви. Для экзегетов XII в. тоже не было дилеммы в данном вопросе и все перечисленные Каноны они воспринимали как авторитетные творения Иоанна Дамаскина. В настоящее время по ряду атрибуций мнения ученых расходятся, см. исследования и библиографию по этому вопросу в работах XX в.: *Σοφρόνιος (Εὐστρατιάδης), μητρ.* 'Ο ἅγιος Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς κατὰ τὰ ποιητικὰ αὐτοῦ ἔργα // *Νέα Σιών*. 1931. Т. 26; *Νέα Σιών*. 1932. Т. 27; *Νέα Σιών*. 1933. Т. 28; *Nasrallah J. S.* Jean de Damas. Harissa, 1950; *Hoek J. M.* Stand und Aufgaben der Damaskenos-Forschung // *Orientalia Christiana Periodica*. 1951. Vol. 17. № 1. P. 5–60; *Hannick Ch.* Dimanche: L'office selon les huit tons. Chevetogne, 1968; Иоанн Дамаскин // *Православная энциклопедия*. Т. 24. М., 2010. С. 27–66.

¹² *Montana F.* Esegesi al canone giambico... P. XXII–XXIII.

другие сочинения, связанные с именем этого Отца Церкви. До этого сборника в русской рукописной традиции «Богословие» переписывалось в переводе Иоанна экзарха (IX в.) вне контекста других сочинений Иоанна Дамаскина, а Диалектика, переведенная впервые на славянском юге не позднее первой пол. XIV в., никак в рукописях не коррелировала с «Богословием».¹³ Создатель рукописи Тр.-Серг. 176 хорошо знал о вводной функции Диалектики по отношению к «Богословию»: это инструментарий, философское и терминологическое введение в систему христианской догматики,¹⁴ — и ею предварил богословский трактат Иоанна Дамаскина, что в славянской традиции стало новшеством.¹⁵ Есть большая вероятность того, что он видел греческие рукописи с «дамаскинской» подборкой и по их подобию создал свой сборник. Он же, по-видимому, впервые и перевел толковый Канон. Рукопись Тр.-Серг. 176 содержит не только самую раннюю «дамаскинскую» подборку, но и самый ранний список толкового Канона Григория Коринфского.

Перевод толкований Григория Коринфского было бы логично связать с активностью южнославянских переводчиков XIV в., которые перевели и полный текст «Богословия»¹⁶ (правда, не попавший на Русь), но отсутствие каких-либо южнославянских языковых черт и болгарских или сербских списков делает это предположение маловероятным. Самый ранний известный древнерусский список, как уже говорилось, это Тр.-Серг. 176, датирующийся 1460–1470-ми гг. А. В. Горский и К. И. Невоструев указали на две более поздние рукописи в составе Синодального собрания, содержащие толковый Пасхальный Канон, указав, что «перевод толкования не древний»¹⁷. Это наблюдение требует дополнитель-

¹³ См. об этом переводе, его издание и библиографию: *Weier E.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer. Wiesbaden, 1969. Старейшие сербские списки датируются серединой — второй половиной XIV в. (РНБ, собр. Гильфердинга, № 84; Белград, Музей сербской православной церкви, собр. Крушедолского монастыря, № 176). Самый ранний древнерусский список Диалектики был создан в 1414 г., но не сохранился; о нем сообщается в приписке к тексту Диалектики (ГИМ, собр. Барсова, № 90, 1480-е гг.), см.: *Гаврюшин Н. К.* О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Т. 45. М., 1986. С. 282.

¹⁴ *Аверинцев С. С.* Философия VIII–XII вв. // Культура Византии: Вторая половина VII — XII в. М., 1989. С. 41–42.

¹⁵ *Сапожникова О. С.* Древнерусские сборники. С. 130–135.

¹⁶ По мнению большинства исследователей, перевод был выполнен сербским книжником на Афоне в Лавре св. Афанасия (иначе — в Великой Лавре), см. об этом: *Sadnik L.* Eine zweite südslavische Übersetzung des Johannes Damascenus // Beiträge zum 5. Internationalen Slawistenkongress. Göttingen, 1963. S. 281–284; *Bogdanović D.* Inventar ćirilskih rukopisa u Jugoslaviji (XI–XVII veka). Beograd, 1982. С. 27; *Weier E.* Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts. Freiburg, 1987. S. XVII–XXI.

¹⁷ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. М., 1857. С. 796.

ного комментария. Как показывает сравнение с текстом Пасхального Канона, традиционного и неизменного за исключением нескольких случаев лексических разночтений, неизвестный книжник перевел только текст толкований и не переводил заново тексты ирмосов и тропарей Канона Иоанна Дамаскина: он воспроизвел тот текст, который ему был, безусловно, хорошо известен. Он мог заимствовать славянский текст Канона из Цветной Триоди или Октоиха, и даже мог знать его наизусть. Самый ранний славянский список Пасхального Канона сохранился в Триоди Моисея Киянина XII в. (РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 13, л. 27 v), перевод с греческого, по мнению М. А. Моминой, мог быть выполнен Климентом Охридским.¹⁸ Разночтения между текстами ирмосов и тропарей Канона в древнейших списках и в Тр.-Серг. 176 минимальны и обусловлены характерной для древнерусской письменной традиции развитой лексической синонимией (ликуствует — празднует, Божий — Божественный, назимый — единола́тень, очищение — оцѣстилище и т. д.).

То, что толкования Григория Коринфского на Канон Иоанна Дамаскина вошли в подборку сочинений этого Отца Церкви, кажется совершенно естественным, но представляется, что этот текст имел еще и те особые характеристики, в которых был особенно заинтересован составитель сборника (или его антиграф), — возможно, он же и переводчик (?). В нашей предыдущей статье, посвященной в том числе и особенностям текстов «дамаскинской» подборки в Тр.-Серг. 176, был сделан вывод об особой задаче книжника, которую тот преследовал, создавая сборник. Самым важным является то, что в итоге им была подготовлена новая редакция «Богословия» Иоанна Дамаскина. Перевод Иоанна экзарха IX в. был существенно модернизирован: устаревшую древнеболгарскую лексику редактор-составитель заменил лексикой новых южнославянских переводов, и, что самое главное, — богословская терминология была приведена в соответствие с терминологией Диалектики в переводе XIV в. В итоге этой работы текст стал иметь необычный вид: современный книжнику термин, соответствующий переводу лексики в Диалектике, сопровождался на тот момент устаревшим, например: «...а от елиньства съставом упостасем разделение точию, не от иного бо есть ему съставу упостаси бытие» (л. 101), «Б(о)гъ съ О(т)цемъ и С(ы)номъ сый... Творитель всему и держитель, все творяй, и всесилень и мощень» (л. 106).¹⁹

Книжник, создавший впервые в славянской традиции сборник сочинений Иоанна Дамаскина и отредактировавший «Богословие», стремился к адекватному восприятию сложного богословского трактата, бытовавшего на Руси долгое время в неудовлетворительных списках перевода Иоанна экзарха, древнеболгарская лексика которого уже устарела и даже была малопонятной. Для наилучшего

¹⁸ *Triodion und Pentecostarion nach Slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil 1 / Vorfastenzeit hrsg. von M. A. Momina und N. Trunte.* Paderborn, 2004. S. 277.

¹⁹ *Сапожникова О. С.* Древнерусские сборники. Об этом же см.: *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 193–196.

понимания текста «Богословия» русский книжник согласовал его терминологическую лексику с более современной лексикой Диалектикой, а затем поместил (или специально перевел) Канон с толкованиями. То, что вся «дамаскинская» подборка была выполнена одним человеком, свидетельствует последовательное употребление во всех ее текстах термина южнославянских переводов «съставъ» (калька ὑπόστασις) вместе с устаревшим для этого периода термином «ипостась», в том числе и в Толковом Каноне, см. толкование на 8 песню: «Сия молитва положена намъ вѣрнымъ: являеть бо *състав ипостась* и существа Святыя Троица». Такое явление пока обнаружено исключительно в одной единственной рукописи с текстами Иоанна Дамаскина — в Тр.-Серг. 176.

Древнерусского книжника могла заинтересовать функция толкований Канона: экзегеза догматов, изложенных в Пасхальном Каноне, а также объяснение ряда исторических фактов и даже вопросов мироздания. Краткие толкования византийского стилиста-эрудита, построенные по всем правилам риторики и логики, пришлись как никогда кстати для русских книжников: они могли служить образцом для приобретения навыков краткой и точной экзегезы, столь необходимой для полемического богословия. Именно в это время древнерусские книжники встали перед проблемой создания собственных полемических и толковых сочинений. Время, в которое работал русский книжник, создавший дамаскинскую подборку — 1460–1470-е гг. — можно назвать началом богословской активности на Руси. До принятия Флорентийской унии 1439 г. и падения Константинополя в 1453 г. Московская Русь не стояла лицом к лицу с угрозой православному вероисповеданию или угрозой еретических заблуждений. Византия, учитель в вере, была мощным богословским щитом для Руси, буфером в отношениях с католической Европой. Переводные антилатинские сочинения и сборники, переписывавшиеся в Древней Руси начиная с XI в., никогда, вплоть до середины — второй половины XV в. не были пущены в дело, никогда не использовались древнерусскими книжниками ни в каких спорах с «латинянами». Русь жила только их отголосками, с уважением переводя, копируя, воспроизводя чужой опыт. Антилатинские сочинения на Руси писали лишь первые митрополиты-греки Никифор и Григорий, которые продолжали жить единой с Византией духовной жизнью, участвовали в злободневной для империи богословской полемике. До второй половины XV в. антилатинские споры для Руси были не актуальны. При отсутствии опасности со стороны другой конфессии или еретических отклонений от христианского мировоззрения богословская мысль не имеет условий или мотивов для развития. Как отметил о. Киприан (Керн), в Православном мире интенсивно развивалась богословская мысль и выдающиеся философы преимущественно в эпохи, когда возникала угроза чистоте веры.²⁰

После принятия унии Руси предстояло самостоятельно противостоять «схизматикам» и в одиночестве продолжить дело Византии в отстаивании идентично-

²⁰ Киприн (Керн), архим. Золотой век святоотеческой письменности. М., 1995. С. 3–23.

сти православной церкви. Не имея опыта в введении богословских споров, что стало очевидно на Ферраро-Флорентийском соборе, и не имея навыков в экзегезе, русским книжникам необходимо было научиться полемическому богословию. Они имели все необходимое для этого — и труды Отцов Церкви, и знание догматики, — но для отстаивания истинности православной веры в условиях унии и «отступничества» Византии необходимо было овладеть специальным языком полемического богословия, его методами и приемами. Если обратиться к текстам толкований Григория Коринфского, то становится очевидным, что он в очень доступной манере толковал в Пасхальном Каноне те же положения Иоанна Дамаскина, что были изложены им же в его фундаментальном «Точном изложении православной веры». Богословское единство трактатов и гимнографических работ Иоанна Дамаскина ни у кого не вызывает сомнения: «взгляды св. Иоанна Дамаскина выражены в его канонах в их соотнесенности с его богословскими работами»²¹. Пасхальный Канон московские книжники знали наизусть, он читается из года в год на пасхальной утрени, но в данном случае, при составлении «дамаскинского» сборника их интересовал, скорее всего, именно научный комментарий, а иначе присутствие Канона в четвѣм сборнике, в контексте богословских сочинений Дамаскина трудно объяснить. В XV в., когда потребовался «учебник» богословия после нескольких веков его достаточно механического копирования, русские книжники по достоинству оценили догматический труд Иоанна Дамаскина и перешли к его штудированию. Начался период активной рецензии. Переписывавшие главы «Богословия» Иоанна Дамаскина и Канон Пасхе понимали, что речь в обоих сочинениях идет об одном и том же, а комментарий Григория Коринфского, в свою очередь, выполняет роль путеводителя или справочника с подробным и простым толкованием важнейших вероучительных положений, определений и терминов, единых с «учебником» догматического богословия. Таким способом русские книжники изучали приемы научной экзегезы, ее язык и стиль. А значит, изучали и язык богословия Иоанна Дамаскина.

Приведем конкретные примеры. Например, в тексте «Богословия», в главе «О творении» говорится о принятом в христианской догматике разделении мира, сотворенного Господом, на видимый и невидимый: «Он... творит все без изъяс-

²¹ Чепель Д. С. Христология канонов св. Иоанна Дамаскина (http://www.theonoesis.ru/compositions/hristolog_kanopov.php; работа, по-видимому, существует только в электронной версии). Исследователь указывает на аналогичное исследование, проведенное более ста лет назад студентом Киевской Духовной Академии Николаем Проройковым, — «Октоих св. Иоанна Дамаскина как опыт православной церковной догматики» (о местонахождении этой работы в настоящее время узнать не удалось): «В Трудах Киевской Духовной Академии за октябрь 1905 г. в разделе “Извлечение из журналов Совета КДА 1904/1905 гг.” помещена рецензия на работу “Октоих св. Иоанна Дамаскина как опыт православной церковной догматики” студента Николая Проройкова. К сожалению, в рецензии ничего не говорится о результатах этой работы, но сама она составлена в весьма благожелательном тоне, так что опыт этот был, вероятно, достаточно удачным».

тия, как *невидимое*, так и *видимое*, также и человека, составленного из *видимого и невидимого*...». Иоанн Дамаскин, будучи последовательным систематизатором и очень точным в своих формулировках богословом, и в Каноне на Пасху, где говорит о самой большой радости для всего мира, непременно уточняет, что вообще составляет понятие мир: «...да ликоствует же миръ, *видимый же весь и невидимый*...» (1 песнь, 2-й тропарь). Григорий Коринфский подробно комментирует это положение, объясняя составляющие «видимого и невидимого»: «Да ликоствует же мир, *видимый же и невидимый*, или также: ангели и человеки, или: тамо первородных дуси, и zde суще праведных дуси» и т. д. Кажущийся простым вопрос о видимом и невидимом мире в контексте развития христианской мысли взаимосвязан с догматом о двух природах во Христе — Божественной и человеческой — закрепленного специальным решением Халкидонского собора. Пасха как всеобщий праздник и доказательство единства обоих миров, обеих природ, открывает перед каждым человеком путь к обожению и воскресению.²²

Пример исторического толкования Григория Коринфского. Комментатор объясняет происхождение праздника Пасхи у иудеев: изначально это праздник исхода из Египта, а также праздник куш. Канон Иоанна Дамаскина: «**Глас 1, пѣснь 1. Ирмос.** Въскрес(е)ния д(е)нь, просвѣтимся, людие! Паска Г(оспод)ня, Паска! От см(е)рти убо къ жизни и от земля на н(е)бо Х(ристо)с Б(о)гъ насъ привелъ есть, побѣдную поюще». Толкование Григория Коринфского: «**Толкъ:** Паска! Г(о)с(под)ня Паска! От радости гл(аголе)ть, якоже не могый, како похвалити сего дни свѣтлостства. Поминайте исход с(ы)новъ из(раи)лев(ых)ъ от Египта. Ти бо праздноваху, Паску именующе тѣи д(е)нь, въ иже изведе а Г(оспод)ъ изъ Египта злая работы. Паска же и кушъ потчение. Паска начатокъ житъ приношаху Б(о)г(о)ви, ти убо от Египта пришествие въ обетованную землю свѣтла празноваху, намъ же от земля на н(е)бо преход воплощениемъ Г(о)с(под)нимъ. А въскр(е)сениемъ его от см(е)рти въ жизнь приведе. Свѣтло убо и радостно паче онѣхъ празднуемъ, болшихъ бо мы сподобихомся и побѣдныя пѣсни Г(о)с(поде)ви въспоимъ. Побѣди бо врага и см(е)рть, и грѣхъ, якоже тогда фараона». Григорий Коринфский делает экскурс в историю еврейского народа, объясняет происхождение еврейского праздника Пасхи и показывает, прообразованием каких смыслов наполнены эти исторические события. Так, побег из Египта прообразует избегание смерти человечеством. Также автор толкований указывает и на еврейский Праздник Снопов или Кушъ («Паска же и кушъ потчение. Паска начатокъ житъ приношаху»): до того, пока первый урожай не приносился для освящения священнику, никто не мог вкушать от нового, что является знаменем того, что Христос есть начаток умерших, и

²² Из русских богословов Нового времени прот. Сергей Булгаков посвятил подробное исследование причинам и смыслу появления догмата Халкидонского собора и изложил свое понимание составляющих мир («мира Божьего и тварного мира», «Богочеловечества Христова и нашего богочеловечества») в своей работе «Агнец Божий: О Богочеловечестве» (Париж, 1933).

до Христа никто не мог войти в Его небесную скинию. Если Великая Суббота была днем иудейской Пасхи, то следующий день (воскресение) — это день принесения начатков урожая. Такая последовательность указывала на Христа как на начаток воскресения из мертвых (ср. Кол. 1:18).

Григорий Коринфский объясняет в своих толкованиях специальные определения в христианском богословии для некоторых библейских лиц. Так, он дает пояснение к третьему тропарю четвертой песни, где говорится о *богоотце* Давиде. Он поясняет, почему царь Давид назван Отцами Церкви «богоотцом»: «Того ради *богоотецъ Давид* наречется, — велики(й) убо в цесарихъ славень, прозря будущая — и зане от колена его родися Мария...». О происхождении Иосифа-обручника от колена Давида говорит Иоанн Дамаскин в главе «О родословии Господа и о святой Богородице»: «Иосиф же, происходя из *Давидова племени*... не взял бы Св. Девы в жены... если бы не происходил от одного и того же скипетра (племени)».

Трактуя Пасхальный Канон Иоанна Дамаскина, Григорий Коринфский как бы задавал образец рассуждений и методов экзегезы для русских книжников, стремящихся в эпоху утраты главного учителя, Византии, и начала развития самостоятельного полемического богословия овладеть искусством толкования, риторики, богословской терминологии. Изучая толкования на Пасхальный Канон, книжники Московской Руси в том числе осваивали и сложный текст «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина, поскольку православная гимнография — это догматика и Священная история, изложенные в поэтической форме.²³ Некоторые примеры параллельных рассуждений в трех сочинениях — «Богословии», Пасхальном Каноне и в толкованиях:

«Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха и русской редакции XV в. Тр.-Серг. 176.

О твари. Слово 8.
...От небытия в бытие приведе и сътвори все, *видимо и не видимо*, ниже *видимаго и от не видимаго* съложна ч(е)л(овѣ)ка творить же помяшля... (л. 112 об.–113)

Пасхальный Канон Иоанна Дамаскина Тр.-Серг. 176.

Песнь 1. Стих [2]
...да ликоствует же миръ, *видимый же весь и невидимый*...

Толкования Григория Коринфского к Пасхальному Канону Иоанна Дамаскина Тр.-Серг. 176.

Толкование на стих 2 первой песни:
Да ликоствуетъ же мир, *видимый же и невидимый*, или также: ангели и человеки, или: тамо первородных дуси, и zde суще праведных дуси

²³ См. об этом же на примерах отдельных песнопений на Рождество Христово в работе: *Hannick Ch. Exégèse, typologie et rhétorique dans l'hymnographie byzantine* // *Dumbarton Oaks Papers*. № 53. 1999. P. 207–218.

Глава «О родословии Господа и о святой Бого-родице». Слово 39.

Иосифъ же, от Давидова сходя племени... да не чресъ законъ с(вя)тую дѣву въ обѣтъ привель, аще бы от сего знаменія сходила... (л. 154)

Песнь 4. Стих [3]:

Богоотець убо Давид пред сенным ковчегом...

Толкование на стих 3 четвертой песни:

Того ради *богоотець Давид* наречеся, — велики(й) убо в цесарихъ славень, прозря будущая и зане от колена его родися Мария...

О Святѣй Троице. Слово 8

Трѣми убо съставы гл(аго)лем несложно и несмѣсно, а понеже едино существо и сами в себѣ суть *ипостаси* и тождество

О вере и о крещении.

Слово 35

не быти и купно трем *ипостасем*, сирѣчь *съставом* неразлучна бо ес(ть) С(вя)таа Тро(и)ца.

Песнь 8, стих [3]

Отче Вседержителю, Слово и Душе, *трѣми съединена съставъми ипостасъми естества...*

Толкование:

Сия молитва положена намъ вѣрнымъ: являеть бо *състав ипостась* и существа Святыя Троица... *трисоставное* и нѣразлучное совѣкупление: Отец и Сынъ и Святый Духъ, от нихже единый Сын волею воплотися...

Славянский перевод толкований Григория Коринфского требует издания, подробного исследования и комментирования, в том числе и лингвистического. Например, трудно объяснить, почему при переводе с греч. *πάσχα* славянский переводчик пользовался двумя вариантами: «Паска» и «Пасха». «Паска» — наиболее древний вариант, встречающийся в самых ранних переводных памятниках, в том числе и в тексте Пасхального канона. По-видимому, переводчик ориентировался на свой образец — более архаичный перевод Пасхального Канона Иоанна Дамаскина, но, тем не менее, в том же объеме в его переводе существует и форма «Пасха». Можно предположить и то, что слово «Пасха» появилось в результате деятельности переписчиков, если перед нами все же не автограф переводчика. Необычным является перевод греч. *τροπάριον* как «стих», в то время как распространенным в славянской письменности являются «тропарь» и «песня».

Представляется, что славянский книжник, он же, по-видимому, и переводчик толкований, редактировавший лексику «Богословия» Иоанна Дамаскина, не случайно добавил в свою подборку образец точной и краткой экзегезы византийского ученого на один из самых важных Канонов, исполнявшегося в кульминационный для христиан момент года — на Пасху. Если «Богословие» Иоанна Дамаскина было очень сложным и за годы бытования местами испорченным учебником, то подробные толкования Григория Коринфского могли быть для русских книжников чем-то вроде практических упражнений, подсказок, «методички» для освоения богословской премудрости.

ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА

В ЛИСИЦКОМ МОНАСТЫРЕ В КОНЦЕ XV ВЕКА

Одно из самых замечательных открытий Елены Константиновны Ромодановской — обнаружение единственного отдельного списка «Синодика ермаковым казакам» — убедительно показало, каким существенным историко-литературным источником может являться церковно-поминальный текст.¹ К произведениям такого рода относится и дошедшая до нас в составе Синодика Новгородского Лисицкого монастыря краткая запись о поминальной трапезе в конце XV века. Хотя этот текст уже не раз цитировался в научной литературе (в работах А. А. Покровского, В. А. Янина, С. В. Фролова),² до сих пор он изучен и прокомментирован совершенно недостаточно.

В древнерусских монастырях XV–XVI вв. существовала развитая практика поминальных трапез с употреблением хмельных ритуальных напитков — меда, пива и кваса.³ Описывая такого рода трапезы, С. В. Фролов использовал недавно обнаруженные записи о поминальных обедах для братии Новгородского Деревяницкого монастыря по усопшим новгородским архиепископам из рукописного Устава Иерусалимского, сделанные почерком первой половины XVI в. (см. рис. 1):

М(е)с(я)ца июня 24 на Р(о)ж(е)ство Ивана Пр(е)д(т)е[чи] преста[вися] пр(е)с(вя)щ(е)нный арх(и)еп(и)ск(о)пъ Иван, обѣд на сѣнѣх, подѣл по челкви.

¹ Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам: Предварительное сообщение // Известия Сиб. отд-ния АН СССР. № 11. Сер. обществ. наук. 1970. Вып. 3. С. 14–21; переиздание статьи см. на с. 135–144 1-го тома; Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 58–61, 130–131, 360–361 и др.

² Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 289 (Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. Т. 2); Янин В. А. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 114 (прим. 55); Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 2. С. 308; Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 202.

³ Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 227–272 (глава 9 «Монастырская трапеза»); Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 196–204.

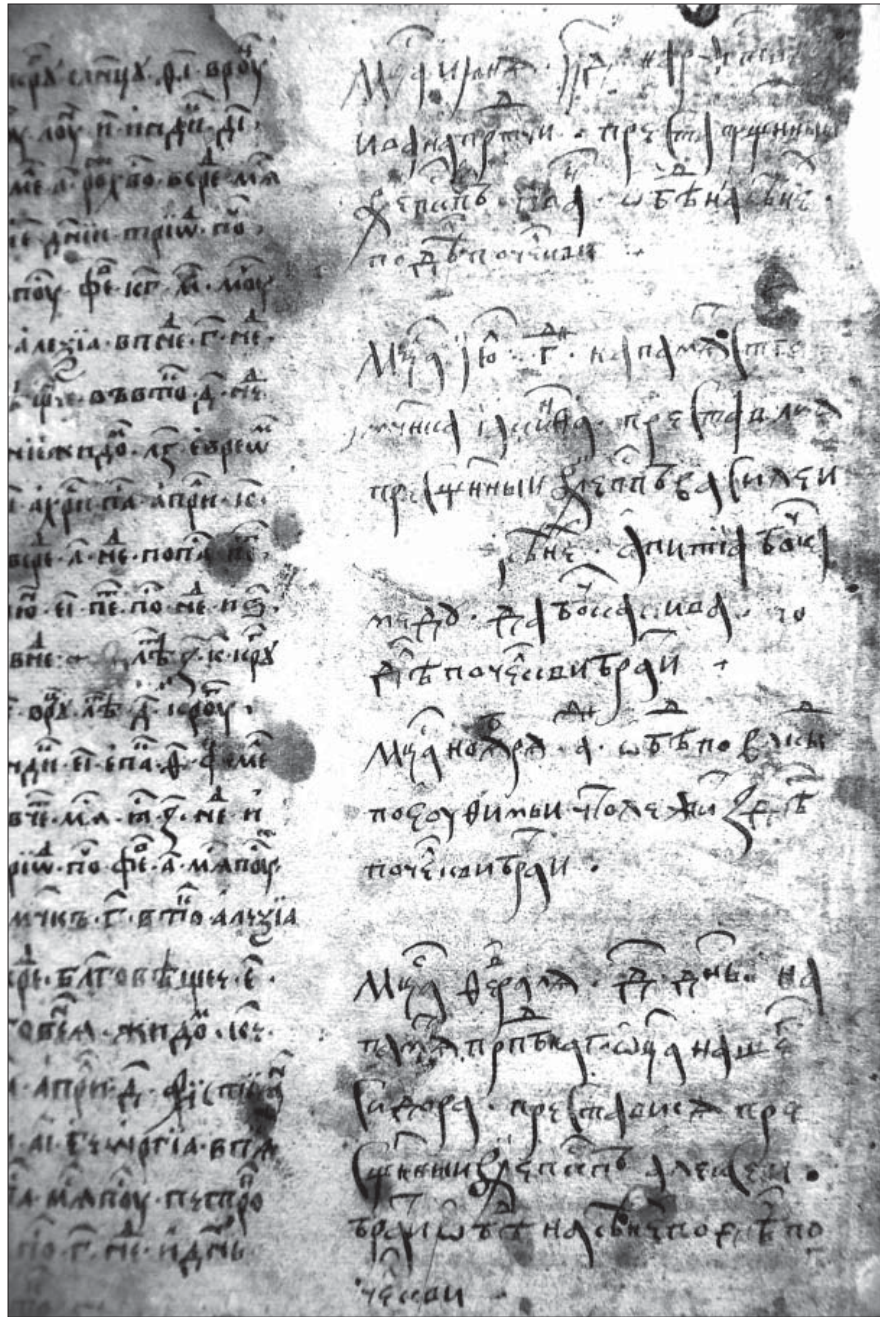

Рис. 1. Устав Иерусалимской редакции из Деревяницкого монастыря. ИРАИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 316.

М(е)с(я)ца июл(я) 3 д(е)н(ь) на памят(ь) с(вя)т(а)го и м(у)ч(е)н(и)ка Иакинфа преставися прес(вя)щ(е)нныи архиеп(и)с(ко)пъ Василеи, [объд]н]а сѣнх, а питиа бочка меду да бочка пива, подѣл по челкви брат(ь)и.

М(е)с(я)ца ноября 1 д(е)н(ь) объд по вл(а)д(ы)кы по Еуфимьи, что лежит здѣс(ь), по челкви брат(ь)и.

М(е)с(я)ца февраля 4 д(е)нь на памят(ь) пр(е)п(о)д(о)бнаго отца нашего Сидора преставися прес(вя)щ(е)нныи арх(и)еп(и)ск(о)пъ Алексеи, брат(ь)и объд на сѣнх, подѣл по челкви.⁴

Комментируя данные поминальные указания, С. В. Фролов отметил: «Эта приписка на последнем листе рукописи, содержащей Иерусалимский устав, может быть расценена как особая «дополнительная» глава Устава, устанавливающая меру питания («подел по челкви») меда и пива на неофициальной обрядовой монашеской трапезе в XVI в.»⁵

Важно уточнить, что поминальные трапезы в память новгородских владык не случайно совершались именно деревяницкими монахами. В системе монастырей Великого Новгорода эта обитель занимала особое место. В Деревяницком монастыре существовали «владычнѣ хоромы» (1414 г.),⁶ предназначавшиеся, по всей видимости, для проживания в них ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь выполнял роль «владычной» резиденции и некрополя.

Поминальные записи Деревяницкого Устава относятся к четырем владыкам (в хронологическом порядке): Василию Калике (ум. в 1352 г.), Алексею (ум. в 1389 г.), Иоанну (ум. в 1417 г.) и Евфимию I (ум. в 1429 г.). Если факт погребения здесь архиепископов Алексея и Иоанна подтверждается авторитетными свидетельствами Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1мл),⁷ то вопрос о месте погребения владыки Евфимия I проявился лишь сравнительно недавно. В. Л. Янин полагал, что «место погребения Евфимия I Брадатого (1423–1429) в древних источниках не зафиксировано»⁸, и что он мог быть похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора.⁹ Однако уже на следующий год после публикации монографии В. Л. Янина, в 1989 г., Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРАИ (Пушкинский Дом) приобрело процитированный выше Устав Иерусалимский. Рукопись датируется

⁴ ИРАИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 316.

⁵ Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202. Сноска 50: «Устав Иерусалимский, рук. ИРАИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Новгородско-Псковское собр., № 89, 1498 г. (по пасхалии), скоропись XVI в., л. 316. Искренне признателен Н. В. Савельевой, любезно предоставившей сведения об этих записях, и В. П. Бударягину за консультацию в работе с ними».

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 404.

⁷ Там же. С. 407, 475.

⁸ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66.

⁹ Там же. С. 66, 87.

Е. К. Ромодановская, А. Г. Бобров, В. П. Бударгин. 1999 г.

по пасхалии 1498 г. и, согласно записям, принадлежала в первой половине XVI в. Деревяницкому Воскресенскому монастырю. Одна из записей того же времени прямо указывает, что архиепископ Новгородский Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители был похоронен («лежит здѣсь»). В находящейся рядом записи упоминается поминальная трапеза для братии по владыке Василии Калике, из чего следует, что и он, возможно, также предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, поэтому дал в Деревяницкий монастырь вклад на свое «вечное поминание».¹⁰

Запись об обедах для братии Новгородского Деревяницкого монастыря по усопшим новгородским архиепископам была признана С. В. Фроловым «великолепной иллюстрацией того, как были усвоены и приняты в русских монастырях буква и дух правил Иерусалимского устава».¹¹

Не только Деревяницкий монастырь в эпоху новгородской независимости может рассматриваться как «владычный», находившийся в прямом подчине-

¹⁰ Бобров А. Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 190; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 90.

¹¹ Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202.

нии архиепископской кафедры. Судя по всему, таких обителей было по меньшей мере три, и они находились на Торговой стороне, в непосредственной близости друг от друга. В 1386 г. при наступлении войск Дмитрия Донского самими новгородцами были сожжены все окрестные монастыри за исключением трех обителей: Хутынского, Деревяницкого и предположительно уже существовавшего к этому времени Лисицкого монастыря. В научной литературе уже отмечалось, что эти три обители в XV веке «составляли некое единство».¹² Это может быть соотнесено с их особой судьбой во время военных действий 1386 г. Судя по всему, принятое на городском вече решение о сожжении пригородных монастырей для трех указанных обителей не имело обязательной силы, что говорит об их особой юрисдикции. Очевидно, существование системы архимандритии — «особого государственного института, зависящего от архиепископа только в области церковно-канонического права, подчиняющегося боярскому вечу и формируемого на вече»¹³ с входящими в ее состав кончанскими и ктиторскими монастырями — привело к выделению в противовес им особой группы «владычных» (архиепископских) обителей, подчиняющихся кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча.

Отголоски существования в древнем Новгороде трех особых монастырей можно обнаружить и в фольклоре. В одной из версий былины о Василии Буслаевиче говорится о споре («великом закладе») между дружиной Василия и горожанами «На весь на Новгород, Окроме трех монастырей: Спаса Преображения, Матушки Пресвятой Богородицы, Да еще монастыря Смоленского».¹⁴ Учитывая возможность некоторого искажения в устной традиции названий обителей, мы видим те же три монастыря, на которые не может спорить «весь Новгород» (то есть не входящих в его юрисдикцию): 1) Спасо-Преображенский (= Хутынский); 2) Богородичный (= Рождества Богородицы Лисицкий) и 3) Смоленский (= Деревяницкий; замена, вероятно, произошла по семантическому сходству: «смола» — «дерева»).

Лисицкий и Деревяницкий монастыри, наряду с Хутынью, действительно «составляли некое единство», поэтому естественным представляется и сходство поминальной практики в этих обителях. В качестве параллели к известиям о поминальных трапезах деревяницких монахов С. В. Фролов заметил: «Известны и другие случаи обрядового поминания братией едой и питием в новгородских монастырях эпохи “культурного компромисса”. Так, например, в Синодике Лисицкого монастыря находим запись середины XV в.».¹⁵

¹² Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 23.

¹³ Янин В. Л. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 919.

¹⁴ Новгородские былины. М., 1978. С. 22 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁵ Фролов С. В. «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202. Сноска 52: «ЦГАДА, ф. 381 (собр. Синод. типографии), № 141, л. 87. Благодарю за этот пример А. Г. Бо-

Названная рукопись, относящаяся к концу XIV в., является самым ранним из всех сохранившихся до нашего времени древнерусских синодиков-помянников.¹⁶ С высокой степенью вероятности по совокупности ряда косвенных признаков может быть установлено место создания самой пергаменной рукописи. Во-первых, совпадают имя писца первоначального текста Синодика Пимена с именем одного из переписчиков другой лисицкой рукописи, Тактикона Никона Черногорца 1397 года (РНБ, Ф.п.141). Почерк Пимена — писца Синодика весьма похож на почерк Пимена — первого писца Тактикона. Во-вторых, в Синодике имеются указания на посвящение монастыря, в котором создана рукопись, Рождеству Богородицы. В-третьих, перечень поминаемых новгородских владык дополнен именем коломенского епископа Илариона, выходца из Лисицкого монастыря.¹⁷ В-четвертых, имеется владельческая запись на рукописи («Лисья монастыря»), относящаяся к XVII в. Таким образом, мы приходим к заключению, что Синодик наверняка происходит из библиотеки Лисицкого Рождества Богородицы монастыря, в которой он находился вплоть до XVII в., и почти наверняка — из книгописной мастерской этой обители.¹⁸

брова. Описание рукописи см.: Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — перв. пол. XV в.) // Рукописные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 84».

¹⁶ Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 307–308; Сазонов С. В. О синодике новгородского Лисицкого монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли: 1992. Псков, 1992.

¹⁷ Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 308; См. о нем: Турилов А. А. Иларион // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 156–157.

¹⁸ Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Рукописные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 84–86. Из этой локализации рукописи следует одно важное обстоятельство. В Синодике содержится перечень 26 имен «архимандритъ игуменовъ» (л. 4–4 об.) и более 100 имен «братьи нашей калугеровъ», «яже окрестъ святей Богородици лежащихъ» (л. 5 об.–11). Если это имена игуменов и монахов Лисицкого монастыря, то основание обители следует датировать не концом XIV в., а значительно более ранним временем, а именно домонгольским периодом. Действительно, можно предполагать существование обители до ее первого упоминания в летописи под 1389 г. («И на Лисицы горке поставиша церковь древнюю Рождество святыя Богородица» — ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. С. 158), в котором, по-видимому, обитель названа как уже существующая, а не только что основанная, поскольку в соседнем известии в той же летописной статье об основании другого монастыря говорится иначе: «И на Соколих горке поставиша церковь древяну святого Николу, и монастырь устроиша» (Там же. Курсив мой. — А. Б.). Хронологические указания в Житии постриженника Лисицкого монастыря Арсения Коневского позволяют отнести приход преподобного в обитель приблизительно к 1382 г., поскольку утверждается, что он прожил в иночестве 65 лет и умер в 1447 г. (БЛАДР. СПб., 2005. Т. 13: XVI в. С. 158, 174, 773–776). В Новгороде бытовали предания о существовании Лисицкого монастыря прежде возникшего в

Весь Синодик написан на пергаменте разными почерками конца XIV — XV вв., но одна вставная тетрадь, содержащая восемь листов, вложенных в пергаменный синодик, написана на бумаге (л. 82–89).¹⁹ Именно в этой вставной бумажной тетради находится интересующая нас поминальная запись, выполненная беглым полууставом последней четверти XV в. (а не «середины XV в.», как полагал С. В. Фролов).

На бумажных листах Лисицкого Синодика имеются сделанные разными почерками поминания следующих родов: «А се род Михаилъ Медовника» (л. 82–82 об.); «А се родъ Офимьи Есипа Горошкова» (л. 82 об.–83); «А се род Варлама Лисичника» (л. 83–83 об.); «А се род инок(а) Мантуриа» (л. 84); «А се род Деонисия старого» (л. 85 об.); «А се род Фомы Малого з Дворища» (л. 85 об.–86); «А се род с(вя)щ(е)нноинока Иакима» (л. 86 об.); «А се род(и)тели Марфъ Мъхиевъ с Вареской улици» (л. 86 об.); [Род] «Марьинъ Офоноса Остафьевич(а) посадника» (л. 87–88); «А се родъ Стехна Фомина» (л. 88–89).

Поминальная запись в Лисицком Синодике, датируемая последней четвертью XV в. (см. рис. 2 и 3), гласит следующее:

М(е)с(я)ца октября въ первыи д(е)нь, Покров с(вя)тыя Б(огороди)ца, обѣдъ Марьинъ Офоноса Остафьевич(а) посадника. Обѣд вѣчныи на память собѣ и своимъ родителем, а служити игумену и с(вя)щенникам по моих родителех обѣдня собором. А братьи на трепезѣ боцька квасу слащоного, Марьи за здравье и ее с(ы)ну Микити з женою и з дѣтми.

Бориса инок(а). Прокопья инок(а). Максима инок(а). Тимофѣя. Василья. Микиту инок(а). Остафья инок(а). Ондрѣя инок(а). Павла инок(а). Филимона инок(а). Федота инок(а). Федосья инок(а). Ар-

конце XII в. соседнего Варлаамиева Хутынского монастыря: считалось, что на Лисей горке были похоронены родители Варлаама Хутынского (*Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. Ч. 1. С. 430–431; *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. Т. 2. С. 310), и что сам Варлаам, согласно Житию Ксенофонта Робейского, до того, как он стал основателем своей обители, игуменствовал в Лисицком монастыре (*Бобров А. Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268).

¹⁹ Водяной знак «Голова быка» читается только на л. 85 и просматривается не очень отчетливо. Схожие по рисунку и размерам знаки датируются 1480–1490-ми гг. См.: Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Findbuch II der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart / Bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1966. Т. 2. S. 444. VII: 691–692 (1486, 1487; 1487–1497 гг.); Piccard-Online, № 76497, 1487–1488 гг. (<http://www.piccard-online.de> — проверено 18.04.2015). Благодарю А. Н. Левичкина за помощь в поисках схожих знаков. В описании рукописей РГАДА указана менее схожая филигрань «голова быка — т. б. Лихачев № 3501 — 1447 г.» (Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 307), что, очевидно, и привело С. В. Фролова к датировке поминальной записи серединой XV в.

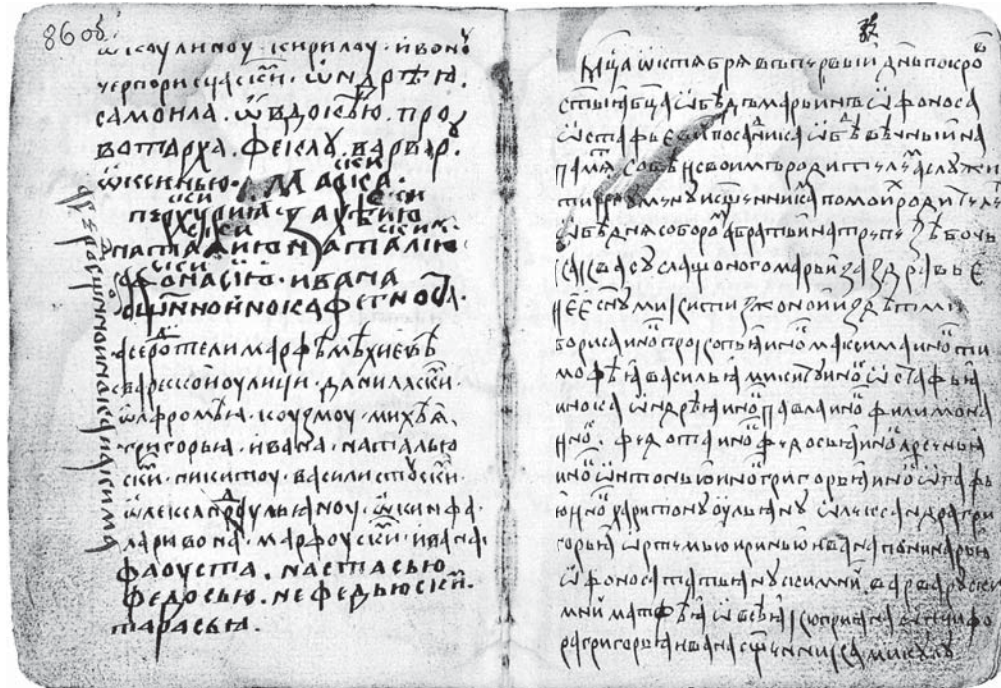

Рис. 2. Синодик из Лисицкого монастыря. РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 86 об.–87.

л. 87 об.

сенья инок(а). Онтонью инок(а). Григорья инок(а). Огафью инок(у). Харитону. Ульяну. Олександра. Григорья. Ортемью. Иринью. Ивана. Понинарю. Офоноса. Татьяну, скимницю(у). Варвару, скимницю(у). Матфѣя. Овсѣя. Кюприана. Онцифора. Григорья. Ивана, с(вя)щенника. Микулу // с(вя)щенника. Арсенья, с(вя)щенника. Олексѣя, с(вя)щенника. Михаилу, с(вя)щенника. Борису, с(вя)щенника. Фрола, с(вя)щенника. Настасью, иноку(у). Василисту, иноку. Федору, иноку. Василисту, иноку(у). Анну, иноку. Настасью, иноку(у). Овдокѣю. Федосью. Огрофѣну, иноку(у). Федору, убьенного. Данилу, иноку(а). Трофима, иноку(а). Омельяна. Степана, убьенного. Михаила. Романа, иноку(а). Кузму. Ивана, иноку(а). Софона. Семена. Федора. Обакуна. Галахтиона. Катерину. Матрену. Марью. Матрену. Вѣру. Окулину. Федору. Татьяну. Анну. Оксѣню. Огрофѣну, иноку(у). Овдокѣю. Тимофѣя, млад(а). Федора, млад(а). Иринью, млад(у). Матруну, млад(у). Фетинью. Марью. Есипа.²⁰

²⁰ РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 87–87 об. Далее на л. 88 список имен продолжен другими, более поздними почерками: «Левонтия. Катерину. Ивана. Онанию. Есипа. Деменьтея, ским(ника). Олексѣя. Марью, ским(ницу).

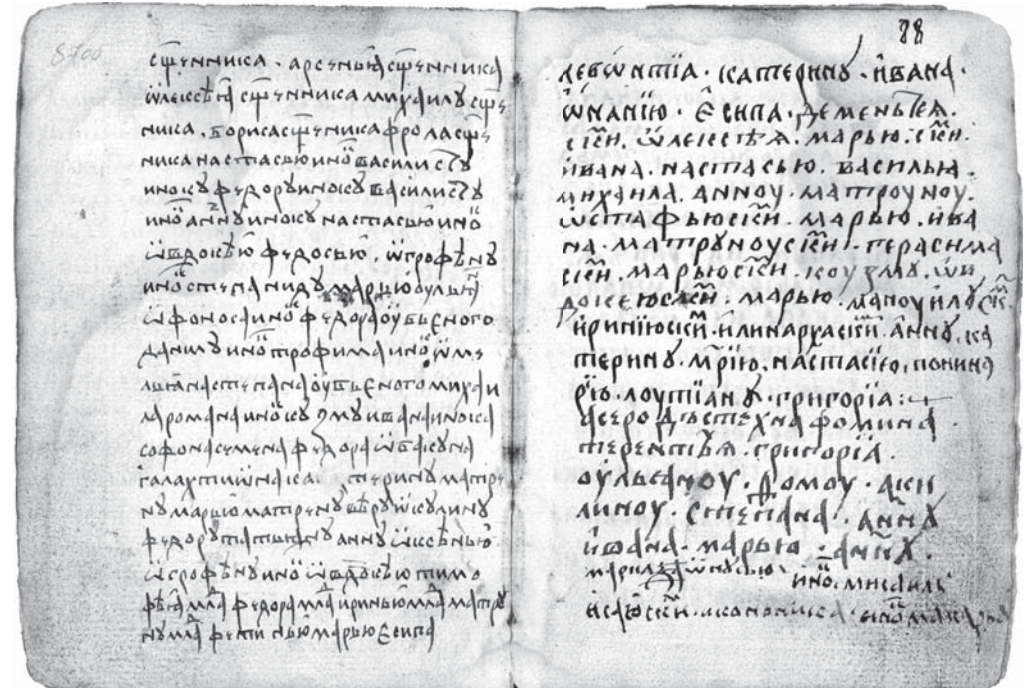

Рис. 3. Синодик из Лисицкого монастыря. РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 87 об.–88.

С. В. Фролов, как и предшествующие исследователи, оставил поминальную запись Лисицкого Синодика без исторического комментария, поэтому следует рассмотреть ее более пристально. Названные в ней лица неоднократно упоминаются в различных источниках на протяжении нескольких десятилетий XV в.

«Офонос Остафьевич» — это посадник Великого Новгорода Афанасий Остафьевич Груз.²¹ Новгородский род Грузов (Грузовых), наряду с Овиновыми, Исаковыми, Есиповыми, Горошковыми, Губиными и др., относился к «великим боярам», земельным магнатам, чьи владения исчислялись многими сот-

Ивана. Настасью. Василия. Михаила. Анну. Матруну. Остафью, ским(ницу). Марью. Ивана. Матруну, ским(ницу). Герасима, ским(ника). Марью, ским(ницу). Кузму. Овдокею, ским(ницу). Марью. Мануилу, ск(и)м(ницу). Иринью, ским(ницу). Илиарха, ским(ника). Анну. Катерину. М(а)рию. Настасию. Понинарию. Лутиану. Григория».

²¹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 61; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. Изд. 2-е, перераб. и дополн. С. 368–371, 502.

нями деревень и дворов.²² Вся история рода Грузовых от возвышения до падения укладывается в хронологические рамки XV века. Впервые Афанасий Груз был упомянут в Данной грамоте скотников и помужников Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами.²³ В этом документе, датированном В. Л. Яниным 1440-ми гг., он еще не носит посадничьего титула и называется сыном тысяцкого («Офонось Остафийнъ тысяцкого»). Отец Афанасия тысяцкий Остафий (Остафья) предположительно был отождествлен В. Л. Яниным с упомянутым в Н1мл одним из воевод в походе на Ржеву зимой 1434/1435 г.²⁴

В качестве степенного посадника Афанасий Остафьевич Груз впервые упоминается в Договорной грамоте Новгорода и Пскова с Ливонией о мире, заключенной 25 июля 1448 г.²⁵ Во время составления Договорной грамоты Великого Новгорода с князем Василием Васильевичем о предоставлении ему «черного бора» (1461 г.) Афанасий Груз также именуется степенным посадником.²⁶ Далее «посадникъ Офонось Остафьевичъ» называется в летописи как участник посольства Новгорода к Ивану III «о смирении мира». Посольство пробыло «немало дний на Москвѣ» (выехали из Новгорода 22 декабря 1462 г., вернулись 9 февраля 1463 г.), «а о блазень миру не успѣша ничто же».²⁷ 18 мар-

²² С. А. Тарканова-Белкина к числу «великих бояр» Новгородской земли относит 22 фамилии (*Тарканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 51). Согласно Писцовым книгам конца XV в., «в руках бояр Грузовых и близких к ним Слизиных» в погостах по Свири, в Северном Прионежье (Шуя, Кижь) и за Онежским озером (Водлозеро, Пудогa) находилось не менее 355 деревень и 582 дворов (см.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 57).

²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 148 (№ 90); *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 244–245.

²⁴ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 78. В летописях говорится: «Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадникъ новгородчкои Иванъ Васильевицъ, и посадникъ Григории Кюрилович и тысячкои Федоръ Олисиевиц, Есифъ Васильевицъ, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородскыи и новгородчовъ много... и казниша ржевицъ...» — Новгородская первая летопись... С. 417; ср.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 179. Предположение В. Л. Янина о том, что летописный Остафеи Есифович может быть отцом Афанасия Остафьевича Груза, было поддержано Л. А. Бассальго (*Бассальго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Часть III // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 118).

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 73; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 114–116.

²⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 21; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 323; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 184–185.

²⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

та 1466 г. Афанасий Остафьевич упоминается как степенной посадник в Договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года,²⁸ а предположительно в марте-мае 1471 г. — в Договорной грамоте короля Казимира IV с Новгородом.²⁹

Наконец, из летописей мы знаем об участии Афанасия Груза в трех встречах с Иваном III во время «мирного похода» на Великий Новгород 1475–1476 г. (17 ноября и 1 декабря 1475 г., 2 января 1476 г.).³⁰ В пятницу, 17 ноября 1475 г., великого князя встречала вся семья Грузовых: «Офонас Груз, брат его Тимофѣй, Иванъ Шенкурской, Никита Офонасов, Кузма брат Грузов с сыном Тимофѣемъ...»³¹. 1 декабря того же года «Офонас Груз Остафьевъ» был у великого князя на Городище,³² а 2 января 1476 года он принимал Ивана III у себя в Новгороде («Генваря въ 2 день. Пиръ у Вофонасиа у Груза; даровъ от него: 30 золотыхъ корабленныхъ, 3 постава сукна Ипского»³³). Таким образом, Афанасий Груз был здравствующим и действующим посадником еще в начале января 1476 г.

В более поздних источниках его имя уже не встречается, но его родственники продолжали принимать участие в политической жизни и после присоединения Новгорода к Москве в январе 1478 г. Брат Афанасия Остафьевича боярин Тимофей Остафьевич (также занимавший посадничью степень в Новгороде в 1471 г. и 1475 г.³⁴) 1 сентября 1481 г., участвовал в заключении договора с Ливонским орденом о перемирии на 10 лет.³⁵ Еще позже, в марте 1487 г., незадолго до «вывода» новгородских бояр 1488–1489 гг., в Договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на 20 лет в качестве участника крестоцелования был упомянут другой брат Афанасия Груза, боярин Кузьма «Остахенович» (= Остафьевич).³⁶ Не только в поминальной записи Лисицкого Синодика, но и в новгородских писцовых книгах фигурирует сын Афанасия Остафьевича — Микита (Никита) Афанасьевич Грузов. В. Л. Янин

²⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 76; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 117–118.

²⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 77; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 187–188.

³⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 368–371.

³¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. Стб. 242. Курсив мой. — А. Б. Ср.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 159.

³² ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 248; ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 164.

³³ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 514; ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 166.

³⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 26, 98; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 189, 193; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 379–381, 510.

³⁵ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 121–122.

³⁶ Там же. С. 122–123.

отметил, что «в писцовых книгах бывшие владения Офонаса Грузова упомянуты только в Бежецкой пятине (в книге 1545 г.), тогда как Никите Грузову принадлежат большие массивы вотчин в Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятинах. Поэтому очевидно, что Офонас Остафьевич не дожил до боярского “вывода”, упоминание же его земель в Бежецкой пятине ...является реликтовым».³⁷

Записанный в Лисицкий Синодик степенной посадник Афанасий Остафьевич Груз, как установил В. А. Янин, принадлежал к боярству Славенского конца.³⁸ Следовательно, заключает исследователь, «к тому же концу надо отнести также всех Грузовых: братьев Афанасия Остафьевича — Тимофея и Кузьму Остафьевичей, сына Афанасия Груза — Микиту Афанасьевича, сына Кузьмы Остафьевича — Тимофея Кузьминича».³⁹ Все пятеро Грузовых (три брата «Остафьевича» и два представителя следующего поколения) встречали Ивана III на пути в Новгород 17 ноября 1475 г.⁴⁰

Связь боярских кланов Славенского конца с Лисицкой обителью представляет собой интересную проблему, затрагивающую новгородскую агнографию и историю монастырского землевладения. В Житии Саввы Вишерского рассказывается о том, как этот преподобный сначала поселился у притока реки Вишеры — Сосницы, но это место принадлежало Лисицкому монастырю, монахи которого препятствовали основанию новой обители на их земле: «По сем же нѣкоему времени минувшу, нѣции от инокъ монастыря, иже Лисича гора зовомаа, не оставляху старца тамо житие имѣти, выше бо помянутого монастыря бяше мѣсто то. И сего ради блаженный Сава, яко услыша брань, бывающую о мѣсте, посылает тогда во град нѣкоего от ученикъ своих, именем Ефрема, въ Славный конецъ, посадникомъ и тысяцким, и прочим господинимъ, христоименитымъ людемъ, испросити от них мѣсто над Вѣшерю рѣкою и тамо обитель составить. Они же с радостию даша ему мѣсто, иже проаше».⁴¹

В результате «брани о месте» монастыря преподобный Савва получил от Славенского конца Великого Новгорода землю для своей обители на берегу реки Вишеры. М. А. Федотова следующим образом трактует данное известие Жития: «Савва Вишерский посылает Ефрема туда, потому что именно в ведении Славенского конца и находился Лисицкий монастырь»,⁴² то есть исследовательница считает земли Лисицкого монастыря «кончанскими», поэтому славенские бояре якобы имели возможность распоряжаться ими и решить земель-

³⁷ Янин В. А. Новгородская феодальная вотчина. С. 114.

³⁸ Янин В. А. Новгородские посадники. С. 402.

³⁹ Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. С. 70.

⁴⁰ ПСРА. Т. 6. С. 200–201; ПСРА. Т. 25. С. 304–305; Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. С. 57.

⁴¹ БЛДР. Т. 12: XVI век. СПб., 2003. С. 66.

⁴² Там же. С. 548.

ный спор в пользу Саввы. Источники, однако, не подтверждают такую точку зрения. Было установлено, что славенскими «кончанскими» обителями являлись Сковородский Михайловский и Павлов монастыри,⁴³ а Лисицкий, наряду с Хутынским и Деревяницким монастырями, напротив, рассматривается как «владычный», находившийся в юрисдикции не муниципальных властей, а непосредственно архиепископской кафедры.⁴⁴ О том, что Лисицкий монастырь не мог быть славенской «кончанской» обителью, косвенно свидетельствует, в частности, наличие в его Синодике поминания посадничьего рода Горошковых («А се родъ Офимьи Есипа Горошкова»)⁴⁵ Здесь речь идет о Есипе (Есифе) Горошкове, который был новгородским посадником в 1440–1460-х гг.⁴⁶ В Лисицком Синодике, наряду с другими именами, поминаются сам Есиф Андреевич, его отец «Ондрѣян» и его сын Иван. Летописное известие 1463 г. о пожаре двора Есифа Горошкова позволяет уверенно считать его жителем не Торговой, а Софийской стороны (и не Славенского, а Загородского конца).⁴⁷

Таким образом, бояре Славенского конца не могли являться владельцами и распорядителями земельной собственности Лисицкого монастыря. В таком случае, скорее всего, Савва Вишерский получил от «посадников и тысяцких» Славенского конца не спорную землю на р. Сосница, принадлежавшую Лисицкому монастырю, как думает М. А. Федотова, а какой-то другой участок земли на р. Вишера, предназначенный для строительства новой обители. Об этом свидетельствуют и формулировки самого Жития: Савва Вишерский спорил с лисицкими иноками из-за «мѣста близъ рѣкы Сосница», где он уже начал было «келии здати»,⁴⁸ а после получения земли от Славенского конца «над Вѣшерю рѣкою» Савва «вселися тамо и всячески, елико мощно, подвизашеся обитель составить, и келию бо водрузивъ...».⁴⁹ Получается, что на новом месте Савва вновь начинает возводить келью, что было бы излишним, если он просто получил права на уже занятую землю с построенными ранее кельями. Что же касается земли у реки Сосница, принадлежавшей Лисицкому монастырю, то она в результате оказалась поодаль, в 5 км от нового места Вишерского монастыря.⁵⁰

⁴³ Янин В. А. Монастыри средневекового Новгорода... С. 916–920.

⁴⁴ Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 32, 53–54.

⁴⁵ РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 82 об.–83.

⁴⁶ Янин В. А. Новгородские посадники. С. 368, 504.

⁴⁷ ПСРА. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 214: «...сгорѣша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондрѣянова, и вся Гребля дворы хрестьянсыа, и двѣ церкыи огорѣша: храмъ святого Иоанна Предтечи и храмъ святѣй Богородици Ведения». См.: Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. С. 68.

⁴⁸ БЛДР. Т. 12. С. 64.

⁴⁹ Там же. С. 66.

⁵⁰ Там же. С. 548. Дошедшие до наших дней две грамоты посадников Славенского конца Савво-Вишерскому монастырю, согласно В. А. Янину, датируются серединой

Итак, Лисицкий монастырь, находившийся в юрисдикции «Дома святой Софии», уже в начале XV в., во времена Саввы Вишерского, владел землями, непосредственно примыкавшими к владениям Славенского конца. Этим близким соседством и объясняется, по всей вероятности, упоминание в Лисицком Синодике славенского посадника Афанасия Остафьевича Груза с женой Марьей и сыном Микитой, а также родов Фомы Малого «з Дворища» (л. 85 об.–86) и Марфы Мехиевой «с Вареской улицы» (л. 86 об.).

Запись в Лисицком Синодике от лица Марьи, жены Афанасия Остафьевича, содержит поминальную, «заупокойную» часть («по моим родителям») и «заздравную» часть («Марья за здравье и ее с(ы)ну Микити з жоной и з дѣтми»), однако при этом сам посадник Афанасий Груз не упомянут ни в той, ни в другой части. Очевидно, в момент вклада Марьи на «обѣд вѣчныи» его уже не было в живых, поэтому его имени нет среди поминаемых «за здравье». В перечне имен, следующем непосредственно за основной записью и сделанном тем же почерком (не заздравного, а поминального характера, судя по наличию в нем «убиенных» Федора и Степана), встречаются многие известные нам имена бояр Грузовых. Мы находим здесь «Тимофѣя» (брата Афанасия Остафьевича?), «Остафья инока» (отца Афанасия Остафьевича под мирским именем с указанием на факт предсмертного пострижения в монахи?), «Офонаса» (самого Афанасия Остафьевича?), «Кузму» (брата Афанасия Остафьевича?), «Марью» (жену Афанасия Остафьевича?), «Есипа» (деда Афанасия Остафьевича?).

В любом случае, относятся эти имена к роду Афанасия Груза или нет, можно сделать вывод, что его вдова Марья сделала некий значительный вклад в Лисицкий монастырь на «вечное поминание», позволившей ежегодно на Покров Богородицы, 1 октября, «служити игумену и с(вя)щенникам» обедню «собором», а также потчевать братию «бочькой квасу слащоного». Этот вклад и, соответственно, поминальная запись в Лисицком Синодике, могут быть датированы временем между январем 1476 г. (последнее упоминание Афанасия Остафьевича как живого) и 1488–1489 гг. (последний массовый «вывод» бояр из Новгорода,⁵¹ после которого дальнейшая судьба всего рода Грузовых неизвестна). Не исключено, что вклад Марьи в Лисицкий монастырь был каким-то образом связан с «выводом» всего рода Грузовых из Новгорода в конце 1480-х гг.

1460-х гг. (между 1463 и 1467 гг.). Первая из них является подтвердительной относительно прежнего дарения, сделанного ранее, около 1417 г., старцу Савве при основании им Вишерского монастыря, а вторая, выданная одновременно с первой, производит размежевание земли обители с землей боярина Ивана Васильевича Губарева (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 91, 112; Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. С. 221–222; Анкудинов И. Ю. Историко-географический комментарий к грамоте Славенского конца новгородскому Савво-Вишерскому монастырю // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2011. Вып. 25. С. 347–356).

⁵¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 321–322.

Как заметил Р. Г. Скрынников, «чтобы покончить с республикой, Ивану III пришлось экспроприировать и выселить из пределов Новгородской земли всех местных бояр, а затем купцов и средних земледельцев... Экспроприация всех новгородских землевладельцев доказывала, что речь шла не об объединении Новгорода с Москвой, а о жестоком завоевании, сопровождавшемся разрушением всего традиционного строя общества».⁵² Схожую мысль высказал В. А. Янин, который пришел к заключению, что московские власти «деклассировали древнюю аристократию Новгорода». Исследователь отметил, что мы «не знаем потомков гордых боярских родов Берденевых и Грузовых, Борецких и Лошинских, Казимера и Короба. Находившиеся на вершине власти, правившие огромным государством, распространявшие свое могущество на весь русский северо-запад, они оказались низвергнутыми и если не были уничтожены физически, то во всяком случае бесследно растворились в городах и городках центральной Руси».⁵³

Не сохранился до наших дней и сам Лисицкий монастырь, в котором должны были вечно поминать род Грузовых. Последние его постройки разрушились во второй четверти XIX в., и лишь поросший кустами холм, на котором теперь установлен деревянный крест, напоминает о былой славе обители и о связанных с нею людях. Самыми надежными и долговечными хранителями родовой памяти оказались рукописные книги.

⁵² Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 19.

⁵³ Янин В. А. К вопросу о происхождении Морозовых // Янин В. А. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 204.

О ВСТУПЛЕНИИ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО В БОРЬБУ
С ЕРЕСЬЮ ЖИДОВСТВУЮЩИХ

Преподобному Иосифу суждено было сыграть ключевую роль в борьбе с ересью жидовствующих. Я. С. Лурье считал, что еще в бытность монахом Пафнутьево-Боровского монастыря он выступил против новгородских еретиков, написав около 1477 г. архимандриту Вассиану «Послание о Святой Троице».¹ В этом послании Иосиф именует себя «глупым и ненаученным, во учимом чину живущим», адресата же называет «освященным главой», «господином пастырем». На этом основании был сделан вывод, что Иосиф в момент написания Послания не был еще игуменом.² Если признать это предположение справедливым, то придется допустить, что Иосифу стало известно о ереси жидовствующих за десять лет до ее обнаружения архиепископом Геннадием. Невероятность этого допущения усугубляется тем, что обязанность обличать еретиков из Новгородской епархии принял на себя рядовой монах Пафнутьева монастыря, находящегося в Коломенской епархии. Если прибавить к этому, что в качестве традиционного адресата этого послания выступает архимандрит Вассиан Стригин-Оболенский из Тверского Отроча монастыря, то слабость данной гипотезы становится еще более очевидной.

Как мне удалось показать, текст Послания о Святой Троице имеет явные следы заимствования из 1, 4, 5, 6 и 7-го «слов» «Просветителя», а настоящим адресатом являлся Вассиан Санин, занявший пост архимандрита Симонова монастыря в 1502 г.³ Отсюда следуют два вывода: во-первых, Послание о Святой Троице написано Иосифом Саниным не ранее 1502 г., а во-вторых, это послание не является его первым антиеретическим сочинением.

¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 34. Далее — ПИВ.

² Булгаков Н. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 149; Хрущов И. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. С. 144–145. А. И. Клибанов и А. А. Зимин полагали, что это послание направлено не против новгородских еретиков, а против неких тверских вольнодумцев (Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 181; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI вв.). М., 1977. С. 62, прим. 136). Эта догадка решительно ничем не подкреплена и является полностью произвольной. Традиционная датировка Послания о Св. Троице основывается на том, что его адресат архимандрит Вассиан произвольно отождествляется с Вассианом Стригиным-Оболенским, который был архимандритом Тверского Отроча монастыря в 1461–1477 гг.

³ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 235–242.

Елена Константиновна Ромодановская. 1959 г.

Логично предположить, что Волоцкий игумен вступил в борьбу с ересью, откликнувшись на призыв своего епархиального архиерея новгородского архиепископа Геннадия. Быть может, это произошло вскоре после 1490 г. Досифей Топорков сообщает, что сам преподобный воздвигал на борьбу с ересью архиепископа Геннадия.⁴ Епископ Савва в Житии Иосифа, рассказывая о борьбе с еретиками, объединил исторические реалии церковных соборов 1490 и 1504 гг. таким образом, что трудно понять последовательность действий Иосифа.⁵ По версии автора анонимного Жития, вплоть до собора 1503 г. Волоцкий игумен не покидал своего монастыря и общался с архиепископом Геннадием посредством посланий.⁶ Интересно, что в обоих Житиях изображается следующая последовательность действий Иосифа: сперва он получает

⁴ Надгробное слово преп. Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова. СПб., 1865. С. 173. Далее — Надгробное слово.

⁵ Житие прп. Иосифа, написанное епископом Саввой Крутицким // Великие Минеи четьи. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 473–474. Далее — ВМЧ.

⁶ Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 32. Далее — ЧОИДР.

сведения о ереси от архиепископа Геннадия, затем выступает с посланиями, обличающими ересь, и только затем пишет книгу на еретиков. В «Надгробном слове» видим несколько иную последовательность: узнав о ереси, Иосиф пишет послания к разным лицам, в том числе владыке Геннадию, затем создает книгу на еретиков и отдельно адресует послание своему архиерею, «воздвиге его на ревность Божию».

Согласно традиционной версии, преподобный Иосиф начал борьбу с ересью с публичных выступлений против митрополита Зосимы, который возглавлял русскую церковь в 1490–1494 гг. Три послания Иосифа исследователи исключительно по косвенным признакам датируют этим периодом.⁷ В них Иосиф обращается соответственно к епископу Нифонту, архимандриту Евфимию и своему брату Вассиану, призывая их сплотиться в борьбе с ересью и «за все православное христианство стати накрепко». Имя митрополита-еретика в этих посланиях не названо, но поскольку обличительные пассажи совпадают с теми, которые читаются в тексте «Просветителя», где в них везде фигурирует Зосима,⁸ то становится ясным, что они относятся именно к нему.

Наиболее ранним источником, в котором митрополит Зосима обвиняется в причастности к ереси жидовствующих, считают Послание епископу Нифонту Суздальскому. Здесь употреблены формулы настоящего времени; следовательно, делают вывод исследователи, Послание написано в момент пребывания Зосимы на митрополичьей кафедре. Иосиф утверждает, что на святом престоле московских святителей «ныне сидит скверный злобесный волк, оболкийся в пастьерскую одежду, иже чином святитель, а произволением Иуды предатель и причастник бесом... первый отступник в святителях в нашей земли». Он обвиняет митрополита в богохульстве, иконоборчестве, отрицании Евангелия, неверии во Второе пришествие Христа и в воскресение мертвых, а также в развратном образе жизни, «содомской скверне», пропаганде «жидовства» и т. д.; именует «змием пагубным», «антихристовым предтечей, иже антихриста ждеть», «сыном погибельным», «сатаниным сосудом и диаволовым».⁹

В послании архимандриту Евфимию, которое также датируют периодом пребывания Зосимы на митрополичьей кафедре, Иосиф Волоцкий называет митрополита «сквернителем», «лукавым змием», «вторым Арием», «сатаниным угодником» и «сатаниным первенцем».¹⁰ В Послании брату Вассиану

⁷ Версии датировки см.: Плигузов А. И. О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // Русский феодальный архив. М., 1992. С. 1048–1050. Далее — РФА. Это Послание епископу Суздальскому Нифонту (ПИБ. С. 160–168), Послание брату Вассиану (Там же. С. 173–175), Послание архимандриту Евфимию (Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБА. Вып. 28. М., 1966. С. 236–239).

⁸ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М., Л., 1955. С. 471, 472, 473. Далее — Источники.

⁹ ПИБ. С. 160–161.

¹⁰ Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию. С. 227–239.

уподобляет еретика-митрополита, осквернившего святительский престол, «дикому вепрю».¹¹

Полагают, что под влиянием обличительных посланий Иосифа Санина, а также под давлением поддержавших его иерархов, митрополит Зосима был сведен с престола и отправлен в Симонов, а затем в Троице-Сергиев монастырь.¹² Однако, как мы увидим далее, отставка Зосимы была вполне почетной и никак не повлияла на положение жидовствующих при московском дворе.¹³

Мне удалось представить доказательства в пользу того, что все три послания текстологически зависят от «Просветителя» и, следовательно, были написаны уже после него.¹⁴ Это еще не решает проблему передатировки посланий, хотя становится очевидным, что публичному выступлению против еретиков и их покровителей при московском дворе предшествовала работа по созданию довольно объемного богословского трактата — «Книги на еретиков», или «Просветителя» в объеме не менее тринадцати «слов».¹⁵

Ситуация борьбы с влиянием бывшего митрополита нашла отражение в 12-м слове «Книги на еретиков». Оно специально написано в опровержение мнения о том, что даже проклятие святителя-еретика является действенным. Как явствует из Послания епископу Нифонту, вопрос о том, сохраняет ли святитель-еретик свою власть «вязать и разрешать», являлся главным и более всего тревожил православных даже много времени спустя после отставки Зосимы. Оставив митрополичий престол, Зосима проживал в Троице-Сергиевом монастыре, вероятно, до 1502 г. и сохранял большую часть своего влияния. По этой причине призывы игумена Иосифа к борьбе с Зосимой и его сторонниками были актуальны и после падения покровительствовавшей еретикам придворной группировки Дмитрия-внука и Елены Стефановны, то есть после 11 апреля 1502 г.

Сторонникам традиционной датировки антиеретических посланий Иосифа Волоцкого следовало бы задаться несколькими вопросами. Во-первых, каким образом Волоцкий игумен, публично обвинив митрополита в тяжких преступлениях, в том числе в неверии и богохульстве, сумел избежать наказания. Тяжелейшие обвинения и чудовищные оскорбления, которые Иосиф Волоцкий адресовал митрополиту, не имеют precedентов в истории Русской церкви вплоть до эпохи Раскола с его ожесточенными спорами о вере, которые часто завершались для противников церковной власти смертью на костре. Остается удивляться, что, вступив в публичную полемику с митрополитом и

¹¹ ПИБ. С. 173.

¹² Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 63.

¹³ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 153.

¹⁴ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого... С. 235–242, 262–272.

¹⁵ Там же. С. 310–315.

стоявшим за его спиной великим князем, Иосиф Волоцкий не стал жертвой гонений, которые, по его свидетельству, обрушивались на православных в те годы. В «Сказании о новоявившейся ереси», представляющем собой историческое введение к «Просветителю», Иосиф писал: «...и абие неповинни заточением осуждаются от дръжавнаго, и скорби многы и юзы и темница и разграбление имением приемлют»¹⁶.

Известно, что спор с митрополитом Ионой стоил учителю Иосифа Пафнутию Боровскому заточения в темнице. Конфликт Геннадия Гонзова в бытность архимандритом Чудова монастыря с митрополитом Геронтием закончился для Геннадия заключением в митрополичьем подвале, даже несмотря на заступничество великого князя. Заметим, что предметом этих споров были сравнительно незначительные различия в понимании богослужебных уставов, и ни один из пострадавших в этих конфликтах не отвергал святительскую власть и не обвинял митрополита в таких чудовищных преступлениях как отступничество. Митрополит Зосима был ставленником великого князя и послушным исполнителем его воли. Он пользовался поддержкой Ивана III и даже после своей отставки продолжал считать себя митрополитом. Со своей стороны Иван III с легкостью удалял с владычных кафедр архиереев и даже митрополитов (достаточно вспомнить конфликты с митрополитами Феодосием, Филиппом, Геронтием, отставку архиепископа Иоасафа). По его приказу за гораздо меньшее в политическом отношении преступление, нежели призыв к публичному противостоянию властям (подделку завещания), был бит кнутом архимандрит кремлевского Чудова монастыря.

Хотя Иосиф был лично представлен Ивану III в качестве преемника Пафнутия Боровского еще в 1477 г., расстались они далеко не дружески. Вряд ли факт основания Иосифом монастыря в пределах Волоцкого княжества, имевший место в период резкого конфликта великого князя с братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким в 1479 г., улучшил неприязненные отношения между ними. Еще больше должна была усугубиться взаимная неприязнь в годы, когда Иосиф вел публичную полемику с еретиками. Стоит вспомнить, что позднее, в период полемики с Вассианом Патрикеевым, Иосифу вообще было запрещено публично выступать против последнего, а его сочинениям угрожала опасность уничтожения. Экстерриториальность Волоцкого княжества едва ли могла служить защитой от власти московского самодержца, заточившего, по-видимому вопреки данной клятве, одного брата — Андрея и до смерти испугавшего другого — Бориса. Покровитель Иосифова монастыря удельный князь Борис Волоцкий даже при поддержке новгородского архиепископа Геннадия не имел реальных возможностей защитить его от митрополита и первого государя всея Руси. Еще менее могли гарантировать безопасность

¹⁶ Источники. С. 474. Заметим, что в «словах» основной части «Просветителя» обличительный пафос обращен против священников кремлевских соборов протопопа Алексея, попа Дениса и дьяка Федора Курицына, которого «сам дръжавный послуша».

Иосифо-Волоколамского монастыря от гнева могущественного дяди юные князья Федор Волоцкий и Иван Рузский, наследовавшие владения отца после его смерти в 1494 г.

Во-вторых, связь между обличительными посланиями Иосифа Волоцкого и отставкой митрополита никогда не была обоснована, а постулировалась в качестве якобы единственно возможного объяснения. Между тем ранние летописи объясняют уход митрополита волей великого князя или собственным желанием архиерея, а вовсе не обвинениями против него. Как я постараюсь показать далее, обвинения Иосифа повлияли на судьбу Зосимы, но произошло это спустя годы, после того, как он оставил кафедру.

В-третьих, остается совершенно непонятным, каким образом игумену провинциального монастыря стали известны весьма интимные подробности развратного образа жизни митрополита Зосимы. Являясь тайным приверженцем ереси, Зосима должен был по внешности поддерживать благочестивый образ жизни. Совершенно невероятно, чтобы широкие круги духовенства и мирян были бы осведомлены о таких пороках митрополита как его приверженность к пьянству, содомии и т. д.

Все эти вопросы получают удовлетворительное разъяснение только в одном случае: если мы признаем, что Иосиф Волоцкий выступил с публичными обвинениями против Зосимы уже после его отставки, когда тот проживал в Троице-Сергиевом или в Кирилло-Белозерском монастыре. Более того, я возьмусь доказать далее, что преподобному Иосифу не ранее 1502 г. стали известны факты, изобличающие бывшего митрополита Зосиму в еретичестве. К этому времени уже была написана «Книга на еретиков», в которых главными обвиняемыми являлись протопоп Алексей, поп Денис и дьяк Федор Курицын. И только в «Сказании о новоявившейся ереси» Зосима был объявлен «корнем зла» и «сатаниным первенцем».

То обстоятельство, что в посланиях Иосифа Волоцкого используются цитаты из различных «слов» его антиеретического трактата, заставляет признать, что создание «Просветителя» предшествовало периоду открытой полемики с ересью.¹⁷ В пользу этого вывода свидетельствуют и хорошо известные факты. Архиепископ Геннадий в целях организации антиеретической борьбы начал рассылать по монастырям необходимые книги. 26 января 1489 г. сотрудник новгородского архиепископа Герасим Поповка послал Иосифу Волоцкому «книгу Сильвестр папа Римский».¹⁸ Для Иосифа

¹⁷ По мнению И. Панова, «в то время, как Геннадий вел практическую борьбу против ереси, Иосиф занимался ее теоретическим, научно-богословским опровержением» (Панов И. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877. Февраль. С. 265, прим. 2). Учитывая, что И. Панов датировал публичное выступление Иосифа Волоцкого против ереси 1493 г., для написания 11 «слов» «Просветителя» он отводил интервал 1491–1493 гг.

¹⁸ РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 505, л. 1–166. Запись о посылке книги на л. 167.

же писцом Павлом Васильевым в Новгороде было переписано Пятикнижие Моисеево, в прибавлении к которому помещены два полемических трактата «Вера и противление крестившихся иудеи в Африкии и в Карфагене и о вопрошении, и ответех, и о укреплении Иакова Жидовина» и «Слово Козьмы Пресвитера на еретики».¹⁹ Эти и многие другие тексты, из числа тех, что содержались в волоколамских четых сборниках, были использованы в работе над «Книгой на еретиков».

Рассуждая о стадии, предшествующей вступлению Иосифа Волоцкого в открытую полемику с жидовствующими и их покровителями, хочется обратить внимание на сборник из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря — ГИМ, Епархиальное собр., № 377.²⁰ Сборник датируется концом XV — началом XVI в. Его составляют статьи острополемической направленности, причем главная тема — полемика с иудеями. Вслед за выписками из книги Бытия о сотворении и начальной истории мира, помещена статья об антихристе, в которой подчеркивается его иудейское происхождение («от обрезания приводит некоего человека волхва»)²¹ Следом помещено «Видение Иакове сына Исакова», описывающее лестницу, по которой на небо восходят христианские народы, а «нисходяще непокоривый развращенный род жидовский» обличается пророком Моисеем. Эту тему продолжают мелкие выписки на тему конца света и обличения «жидовского рода».

В том, что в центре внимания составителей сборника находилась антииудейская полемика, убеждает статья «О десяти слов в каменных скрижалях написана», в которой излагается Декалог Моисея. Вслед за ней под заголовком «От правил» помещен весьма показательный перечень вопросов, адресованных христианину: как сочетается вера в Бога с почитанием святой Троицы? Как можно верить в телесное воскресение мертвых, в то время как тела разрушаются старостью и болезнями? Почему Христос придет в конце века, ведь если бы Он пришел в начале века, то многие были бы святы? Зачем Он претерпел позорную смерть на кресте, если мог победить врагов божественным могуществом? Если души людей имеют божественную природу, почему существуют неверные и еретики? Как легко убедиться, эти вопросы способны провоцировать серьезные сомнения в истинности христианства. Цель, с которой составитель сборника поместил эти вопросы, указывается следующим образом: «Лепо бо преже искусити человека», поскольку «муж бо неискусен ни единому слову достоин». Очевидно, что эти вопросы относятся к числу тех, которые адресовали христианам поднаторевшие в полемике с христианами иудеи.

¹⁹ РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 5 (1494 г.), л. 377–483 и л. 484–563.

²⁰ Описание см.: Дмитриева Р. П. Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРА. Т. 27. М.; Л., 1972. С. 168; Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 386–387.

²¹ ГИМ, Епархиальное собр., № 377, л. 102–106 об.

В опровержение ранее приведенных мнений составитель сборника со ссылкой на Григория Богослова помещает новые десять заповедей, написанных «на скрижалях сердца», которые противопоставляются написанному на каменных скрижалях Декалогу Моисея. В форме десяти заповедей помещен текст Символа веры. В конце его помещена приписка: «Молити же и за мя грешнаго, да подаст ми Бог крепость паствы и прощение грехов вашими молитвами. Аз бо вы мало рекох, вы сами смотрите, что негодно Богу, того блюдете. Прославим вкупе Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно». Представляется, что эти слова принадлежат составителю сборника, в котором можно предполагать игумена Иосифа Волоцкого (как мы увидим, в сборнике обнаруживается текст, имеющий параллели с посланием Иосифа Волоцкого Василию III).

Далее следуют статьи, в которых объясняется различие между жертвоприношениями в Ветхом Завете и таинством евхаристии, заповеданным Христом. Составитель полемизирует с мнением «яко проклят есть весь, вся и на древе», отстаивая догмат о крестной смерти Христа. В числе других статей находим известное «правило 165 святых отец на обидящих Божия церкви», в котором содержится санкция, предусматривающая угрозу проклятием самим венценосцам за покушения на церковные имущества.

Обнаруживаем в сборнике и статью, адресованную властителям: «Ныне же, цари и князи, разумеите, вам Бог поручил сан и суд свой на земле и яко се талант Божий прияли есте, да не лепостным платом, обвив небрежением, погребете в мысленной земли сердца твоего». Этот текст заставляет обратиться к известному отрывку из Послания Иосифа Волоцкого к великому князю Василию III, в котором он рассуждает о божественной природе и высокой ответственности верховной власти: «Сего ради, слышите, цари и князи, и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам. Вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас».

Интересно, что в статье проводится мысль о том, что необходимо молиться за носителя власти, даже если он неверный. В то же время составитель сборника настаивал: «досажати убо цареви или боярину всем возбрано есть, обличати ж по достоянию несть возбранно». Следовательно, составитель сборника сохранял за собой право «обличать по достоянию» власть, даже в лице ее высшего носителя.

Резюмируя наблюдения над содержанием сборника Епарх. 377, следует заключить, что сборник составлен в целях полемики с теми мнениями, которые выражали жидовствующие. Ряд встречающихся в сборнике выражений близок тем, что были использованы Иосифом Волоцким в своих произведениях. Это заставляет признать, что сборник отражает интересы Волоцкого игумена в период его полемики с жидовствующими. Завершают сборник выписки из «Летописца вскоре» патриарха Никифора, в которых содержатся расчеты лет от Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от Авраама до Моисея и т. д.

В традициях византийской полемической литературы признавалось, что Закон Моисеев действовал до прихода Иисуса Христа. С появлением же Христа соблюдающие Моисеев закон являются «иудействующими и субботствующими» и тем самым свидетельствуют о своем неверии в Христа.²² В этой связи в иудео-христианском диалоге споры о том, являлся ли Христос истинным мессией, чье появление предсказывали пророки Ветхого Завета, обретал далеко не абстрактное значение.

Вполне вероятно, что Иосиф Волоцкий начал работу над текстом «Книги на еретиков» еще в годы, когда митрополичий престол занимал Зосима. Но работа эта велась уединенно и не сопровождалась публичными обвинениями в адрес митрополита. Позднее в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф писал о временах всевластия Зосимы: «Он же к деръжавному приходить и на тыя клеветать, и абие неповиннии заточением осужаются от дръжавного, и скорби многи и юзы и темница и разграбление имением приемлют. Овии же спострадают тем, аще и не изнаниемъ, но писанием утешительным, и телесных потреб скудость утешающе темъ, еще же и противу еретических глагол, съпротивно и обличительно отвещание от божественных писаний събирающе посылаху, еретиком съпротивляющеса. И таковыя ради беды, и аз мало нечто събрах от Божественных писаний съпротивно и обличительно еретическим речем: аще невежа и груб есмь, но обаче дльжно ми есть о сих не нерадити противу моея силы».²³ Упоминание «писаний», которые Иосиф посылал «противу еретических глагол», как будто бы свидетельствует в пользу того, что волоцкий игумен еще в период всеилия еретиков участвовал в публичной полемике, направляя послания своим союзникам. Однако далее Иосиф по схожести внешних неблагоприятных обстоятельств уподобляет свой труд писаниям Антиоха из Лавры Саввы Освященного, писавшего в период нашествия персов, и Никона Черногорца, создавшего свои трактаты при нашествии турок.²⁴ Учитывая, что оба упомянутых Иосифом автора были известны как составители объемных компилятивных сочинений, полагаем, что Волоцкий игумен уподоблял им свой «Просветитель». При этом не исключена возможность того, что Иосиф мог направлять какие-то недошедшие до нас послания (или отобранные по тематике «слова» из «Просветителя») своим сторонникам.

Таким образом, в 1490-е гг. Иосиф Волоцкий начал создавать в опровержение ереси жидовствующих «Книгу на еретиков», которой было суждено

²² См., например, полемический трактат «Иаков жидовин»: «...о хотящих же по пришествии Христове еще иудействовати и суботъствовати глаголющих, яко не пришел есь еще помазан, ждут суботствуя и юдействуя, храня закон Моисеев...» (РГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 93, л. 198 об.).

²³ Источники. С. 474.

²⁴ «Ныне же не перси, ниже турки, но сам диавол и все его воинство оплъчившеса на христову церковь...» (Источники. С. 474).

стать первым на Руси богословским трактатом. К этому труду он приступил по благословлению и просьбе своего епархиального владыки — архиепископа Геннадия. Целью трактата, который создавал Иосиф Волоцкий, являлось действенное опровержение взглядов, которые высказывали протопоп Алексей, поп Денис и великокняжеский дьяк Федор Курицын. Следует иметь в виду, что лишь поп Денис был осужден церковным собором 1490 г. как еретик. Протопоп Алексей умер до собора в статусе настоятеля главного храма русской митрополии — кремлевского Успенского собора, а дьяк Федор Курицын занимал второе место в официальной иерархии приказной бюрократии Москвы (притом, что первое место занимал его брат Иван Волк Курицын).

Автор «Книги на еретиков» отчетливо понимал, что его труд будет враждебно встречен при дворе, и упорно работал, избегая лишнего внимания. Не решались возвысить голос против политики великого князя и другие церковные иерархи, смиренно терпевшие конфискации монастырских земель, беспрекословно выслушавшие еретические мнения, претившие православной вере. Неслучайно последнее антиеретическое послание архиепископа Геннадия датируется 1490 г. В послании митрополиту Зосиме новгородский владыка указывал на главного покровителя еретиков в лице Федора Курицына, но затем он предпочел забыть о еретичестве великокняжеского дьяка. Новгородскому владыке и после собора 1490 г. было, что сказать великому князю, но, прекрасно осознавая последствия своего «прекословия», он предпочел не выступать публично с обличениями придворных еретиков.

В. Я. Петрухин

ИВАН III — ЕРЕСИАРХ?

К СПОРАМ О ЕРЕСИ «ЖИДОВСТВУЮЩИХ»*

Едва ли не главным аргументом, подтверждающим действенность проповеди иудаизма в Новгороде и Москве на рубеже XV и XVI вв., считается признание государя Ивана III разоблачителю жидовствующих Иосифу Волоцкому о том, что он сам «ведал ереси», да жаловался, что еретик Иван Максимов «и сноху у мене в жидовство свел», обещая учинить розыск «по всем городам» для искоренения ереси. Правда, эти обличения содержались в послании самого Иосифа Волоцкого архимандриту Андрониковского монастыря Митрофану (духовнику великого князя),¹ но едва ли гонитель еретиков, внушавший Ивану мысль о необходимости их казни, решился бы возводить напраслину на великого князя, даже ради истребления ереси.

Для придания историчности «дискурсу» неистового волоцкого игумена необходимы дополнительные «объективные» источники. Такой источник, обнаруживающий «неортодоксальность правителя святой Руси», приводится в новой книге, разоблачающей тайных проповедников иудаизма. «В 1488 г. Иван III принес перед своим братом удельным князем Андреем Углицким очень странную клятву “небом и землею и Богом сильным”», — пишет А. И. Алексеев (вслед за Я. С. Лурье²), ссылаясь на Львовскую летопись.³ Клятва, гарантировавшая Андрею безопасность, была ложной — князь попал в заключение и погиб там в 1491 г.

1488 г. знаменателен не только распрей великого князя с братьями: в январе этого года новгородский архиепископ Геннадий отправил суздальскому епископу Нифонту грамоту, где обличал еретиков, каковым «ослаба пришла, уже ныне наругаютца христианству — вяжут кресты на вороны и на вороны», что волочат святыни по грязи, изготавливают амулеты — «крест телник, древо

* Статья написана в рамках работы по проекту: «Проблемы межнациональных контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: Славяне и евреи» (грант РНФ 15-08-00143).

¹ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 426, 205. Ср.: Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 174–175; Taube M. The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // Jews and Slavs. Vol. 3. Jerusalem, 1995. P. 169.

² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 111.

³ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI века. М., 2012. С. 468.

ИВАН III — ЕРЕСИАРХ? К СПОРАМ О ЕРЕСИ «ЖИДОВСТВУЮЩИХ»

Владимир Яковлевич Петрухин

всеу, что соответствует ветхозаветной заповеди, и Послание Иакова (5:12), запрещающее клятвы вообще. В Евангелии от Матфея повторяется та же максима: нельзя клясться «ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его». Дело здесь не в соответствии «формул», а в том, что «неортодоксия» Ивана принимает действительно «странный» вид — ее нельзя возвести к ветхозаветному «жидовствованию»: призрак «язычества» с его поклонением «твари» может померещиться сторонникам извечного двоеверия русской культуры. Однако «двоеверное» поведение (видимо, оно именуется у А. И. Алексеева «девиантным», а у Я. С. Лурье «грубой клеветой») с навязыванием крестов воронам и другими способами гадания свойственно простецам⁶ (которые у Иосифа Волоцкого тоже считались

плакун, да на кресте том вырезан сором женский да и мужской»; такие грамоты были разосланы церковным властям и великому князю. В ответной грамоте великий князь выдавал Геннадию на «градскую казнь» еретиков — священников и «простых людей», которые «жидовскую веру величают, а нашу веру православную Христову хулят»⁴. В грамоте Нифонту Геннадий не поминал «жидовства» еретиков: оно поминается в предшествующей грамоте 1487 г. архиепископа к Прохору, епископу Сарскому, да и то в связи с тем, что еретики прельщают людей «жидовским десятисловием».⁵

«Странность» летописной клятвы А. И. Алексеев объясняет тем, что в Библии «формула клятвы с упоминанием Бога, неба и земли прямо запрещалась». Однако ссылки на библейские тексты не вполне корректны — Левит (19:12) запрещает упоминать имя Бога

⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 312–314.

⁵ Там же. С. 310, 317.

⁶ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 160. Кошунственное поведение в отношении предметов культа свойственно «бытовому православию» (см.: Петрухин В. Я., Белова О. В.

жидовствующими⁷), но не строителю второго Константинополя и Третьего Рима, выдавшего простецов на градской суд.

Вероятно, представление о «странности» клятвенной формулы возникло у А. И. Алексеева (и Я. С. Лурье) в связи с тем, что мотив отношения к небу и земле был распространенным в полемике против еретиков (в широком смысле, включая латинян): А. И. Алексеев цитирует (по Ф. И. Успенскому) Житие Феодосия Тырновского, где болгарский обличитель еретиков напоминает «богомилам»: «Тем и же небу и земли всей твари хитрец и содетель есть Бог».⁸ Свидетельство богомильского дуализма усматривалось в противопоставлении еретиками неба земле как творению сатаны (соответственно, земная церковь считалась сатанинским устроением).⁹

Однако мысль современного исследователя обращена не к языческой архаике и не к богомилам, а к иным корням «неортодоксии»: вспоминается иностранная сноха великого князя — Елена Волошанка. Согласно молдавским летописям, ее отец, Стефан, «Божиею милостию и помощия силнаго Саваофа

«Еврейский миф» в славянской культуре. Иерусалим; М., 2008. С. 169 и сл.), в том числе византийскому: суеверные люди «бросают святые иконы и пытаются по их полету определить будущее» (см.: *Иоанн (Мейендорф), прот.* История церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000. С. 436, сн. 79). Это поведение, конечно, не может быть приписано пропаганде мифических иудейских миссионеров (хотя иконоборчество традиционно ассоциировалось с иудаизмом). Как «девиантное» характеризуется в современной историографии поведение индивидов, действительно сменивших веру и переживающих стресс (чего нельзя сказать о носителях «бытового православия»). Так, в частности, характеризуется поведение евреев-выкрестов: один из них, дважды обращавшийся то в православие, то в католичество в середине XVIII в., разочаровавшись в христианской вере, публично сорвал и разломал свой крест (*Герасимова В.* Авантюристы, преступники, сумасшедшие. Девиантное поведение крещеных евреев в России в XVIII в. // Новые исследования по еврейской истории. Мат. XIX ежегодн. конф. по иудаике. Т. 3. М., 2012. С. 26). Безумным считали поведение еретиков и православные ригористы, в том числе Иосиф Волоцкий, обличавший «творящих глумы и смехи» (*Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... С. 256).

⁷ Как уже говорилось, свидетель этих бесчинств новгородский архиепископ Геннадий (см. его послание епископу Нифонту Суздальскому: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Еретические антифеодальные движения... С. 312–313) не считал их жидовствующими; он приравнивал их к ранним еретическим движениям — мессалианству (богомилству) и арианству (*Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... С. 155–156). Мессалиане, отождествляемые с богомилами, обвинялись в древнерусской книжности в непочитании креста и Богородицы, скопчестве и половой невоздержанности, клятвopепреступлениях (см.: *Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского.* СПб., 2003. С. 109).

⁸ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 26.

⁹ Ср.: *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. С. 313; см., однако, там же о еретическом обычае исповеди земле как чистой стихии.

Бога» одержал победы в распрях с единоверцами; победа над турками приписывается Божией милости и помощи Христа.¹⁰ Круг разоблачений мог замкнуться, если бы А. И. Алексеев посмотрел цитируемую им Львовскую летопись: она уже в связи с походом Ивана III на Новгород в 1471 г. цитирует пророка Исаию: «день Саваофа приходит на всякого досадителя и гордаго...».¹¹ Можно было бы усмотреть здесь некую ветхозаветную доминанту, но распространенное (в том числе в Новом Завете) библейское прозвание Бога — Саваоф,¹² «Господь сил (воинств)», никоим образом не может свидетельствовать о какой-либо неортодоксии в летописном контексте, связанном с воинскими победами. Кроме того (если вспоминать о Валахии), Елена Стефановна обратилась к ереси лишь в Москве.

Пресловутая клятва Ивана III давно вызывает интерес историков, Я. С. Лурье также именовал ее «довольно странной» и «сомнительной».¹³ В более поздней работе историк развивает свою мысль: клятва представляется ему «подозрительной и едва ли не еретической», тем более что «как раз в те годы»

¹⁰ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 468–469. Стефан А. И. Алексеев также считает покровителем иудеев (Там же. С. 446). «Подозрительные» родственные связи Елены Волошанки можно расширить: А. А. Зимин замечает, «кстати», что мать Елены была сестрой Михаила Омельковича (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 81); правда, Михаил был родственником и самого Ивана III (и Казимира IV), что еще более усиливает подозрительность обличителей ереси (*Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси... С. 416). Литовский исследователь А. Мацюлевичус увязывает изгнание евреев из Литвы в 1495 г. с «движением» жидовствующих на Руси: литовский князь Александр изгнал евреев 4 октября 1495 г., после того как женился 15 февраля на дочери Ивана III Елене (*Maciulevicius A.* The 1495 Expulsion of the Jews from Lithuania and the Judaizing Movement in Russia: Was There a Connection? // Научные труды по иудаике. Мат. XX ежегод. конф. по иудаике. Т. 1. М., 2013. С. 111–130). Но в это время Иван еще держал еретиков при дворе, а сватовством Елены Ивановны занимался не кто иной, как «ересиарх» Федор Курицын (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 215).

¹¹ ПСРЛ. Т. 20. С. 284. Ср. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 499. «Ибо грядет день Господа Саваофа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное, — и оно будет унижено» (Ис. 2:12). Подозревающий православных правителей в ереси А. И. Алексеев сам оказывается здесь транслятором дуалистической ереси гностицизма: гностики отождествляли библейского творца Саваофа с сатаной.

¹² «Господи Саваоф, Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли; Ты сотворил небо и землю» (Ис. 37:16). Ср. слова, обращенные Давидом к Голиафу: «Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил» (1Цар. 17:45).

¹³ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Еретические антифеодальные движения... С. 111, 206. Вслед за Я. С. Лурье «довольно необычной для ортодоксального православного человека» считает клятву и А. А. Зимин, неточно передавая цитату (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 65).

Иван приблизил к себе «еретиков-иконоборцев».¹⁴ М. Таубе на конференции в Иерусалиме в 2011 г. обратил мое внимание на эту клятву в связи с обсуждавшимся мотивом антииудейской полемики в Житии Константина Философа: хазарский каган приветствует там Константина тостом: «Пием во имя Бога единого, створшаго всю тварь».¹⁵ Он заметил также, что Я. С. Лурье (а за ним и А. И. Алексеев) приводит усеченную цитату из клятвы: целиком она звучит «Князь же велики кляся ему небом, и землею и Богом сильным [творцем всеа твари]».¹⁶ Вряд ли можно решиться возводить клятву Ивана к иудейскому благословию — брахе, тем более в хазарском исполнении: такие формулы известны древнерусской литературе, свидетельство тому — самое начало этой литературы, «Слово о Законе и Благодати».¹⁷ Напомним, что сама Библия начинается со слов: «В начале сотворил Бог небо и землю» (ср. благословение Мелхиседека — Быт. 14:18, начало «песни Моисея» во Второзаконии: «Внимай небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих» и т. д.).

Сложнее ситуация с другим историческим началом — сюжетом выбора веры в «Повести временных лет». См. текст Символа веры, преподанного греками крещаемому Владимиру в Корсуне с предостережением против латын: «да не прельстят тебе нѣции от еретик, но вѣруй, сице глаголя: “Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, творца небу и земли... Вѣрую в единого Бога Отца нерожена, и в единого Сына рожена... Сын *подобесущен* Отцю...”».¹⁸ Распространенная неточность перевода — «подобесущен», вместо «единосущен», порождала подозрения в еретическом — арианском начале русского христианства при том, что в том же тексте говорится о проклятии «Арья».¹⁹

Ситуация с текстом клятвы Львовской летописи проще: этот текст не следует вырывать из летописного контекста. В начале рассказа о походе Ивана III на Новгород в 1471 г. летопись указывает, что великий князь «ходил ратми на великий Новгород за их неправды и за их отступление к латынству». Князя, «пресветла светильника благочестия и божественному закону хранителя, и крепка поборника по православию», поставил сам Господь, «един всемогий, сътворивый небо и землю».²⁰

Заметим, что та же летопись ни слова не говорит об иудейской угрозе: князь Михалко Олелькович, свите которого приписывался безымянный иудей, якобы

¹⁴ Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 239.

¹⁵ БАДР. Т. 2. С. 28.

¹⁶ Ср.: ПСРА. Т. 20. С. 353; ПСРА. Т. 6. С. 238.

¹⁷ См.: Petrukhin V. Sacral Kingship and the Judaism of the Khazars // Conversions: Looking for Ideological Change in the Early Middle Ages. Vienna, 2013. P. 291–302. (Studia Medievalia Septentrionalia. Bd. 23).

¹⁸ Повесть временных лет. 2-е изд. / Подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 50–51.

¹⁹ См. комментарий: Там же. С. 460. Ср.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2000. С. 536.

²⁰ ПСРА. Т. 20. С. 283. Ср.: ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 499.

занесший ересь в Новгород, обличается как носитель угрозы «латынской»²¹ — он почитался ставленником короля Казимира IV, но был православным (сыном киевского удельного князя); не получив Киева, он участвовал в заговоре против короля и был казнен в 1481 г.²² Инвективы в отношении новгородцев схожи с обвинениями против жидовствующих: на неверных новгородцев князь пошел «не яко на христиан, но яко на иноязычник и на отступник православия».²³ Апелляция к старине — напоминание о Новгороде как отчине великих князей, потомков Рюрика и Владимира Святого, и геополитические обстоятельства всемирной истории — падение Константинополя как древней столицы православного мира, и, наконец, «последние времена» — ожидание конца света в 1492 г. считались в «Повестях о присоединении Новгорода» актуальными основаниями для того, чтобы утвердить православие в «мятежном» Новгороде, силой присоединив его к Московскому государству. «А нынече Новгородцти мужие, ради послѣдняго сего времени, тое старины всей по грѣхом позабыли, а того дѣла государьского ничего не исправили», — констатирует «Повесть» в составе Львовской и других схожих летописей.²⁴ Московский свод конца XV в. конкретизирует дату «последнего времени»: новгородцы «за 20 лѣт до скончания седмыа тысящи въсхотѣша отступить за Латынского короля, и архиепископа своего въсхотѣша поставити от его митрополита Григорья Латынина».²⁵

На другом конце Европейского континента, также охваченного предчувствием конца света,²⁶ «христианнейшие» правители Испании стремились решить те

²¹ ПСРА. Т. 20. С. 281 и сл. Ср.: ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 502 и сл. Нет в современном этим событиям летописании и поминания еретической жидовской «бури», которую живописал волоцкий игумен (Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 221). Сам архиепископ Геннадий мог быть заподозрен в этом контексте в сочувствии латынству, во всяком случае — в интересе к инквизиционным методам преследования еретиков (ср.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 113–116).

²² См.: Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 249. Неясно, склонялся ли князь Михаил к уни или оставался православным (см.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 76).

²³ Ср.: ПСРА. Т. 25. С. 288; отступники желали «датися королю Литовскому государю, хотячи лиха всему православию», свидетельствуют летописные Повести о присоединении Новгорода (ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 501).

²⁴ Ср.: ПСРА. Т. 20. С. 285; ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 501.

²⁵ ПСРА. Т. 25. С. 287. Упрек об архиепископе от латынского митрополита приписываются на предыдущем листе великому князю (Там же. С. 286). В этом отношении несоответствующим источникам следует считать утверждение, что «политические амбиции Ивана III резко контрастировали с эсхатологическими настроениями православной иерархии», равно как и утверждение о «духе толерантности» к католицизму при дворе московского князя (Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 475–476). Другое дело, что политические амбиции никогда не сводились к конфессиональным.

²⁶ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 171 и сл.; Ben-Sasson H. H. The Generation of the Spanish Exiles Considers Its Fate // BINAH. Vol. 1: Studies in Jewish History. New-York; London, 1989. P. 83–98.

же проблемы: была завершена реконкиста, иудеи, отказавшиеся принять крещение, были изгнаны из королевства в 1492 г., за оставшимися был установлен надзор инквизиции во избежание *тайного* исповедания иудаизма — недаром русские гонители жидовствующих считали образцом политику «шпанского» короля, еретики (как в Испании) исповедали иудаизм втайне, а казнь еретиков (в том числе градская казнь 1490 г.) воспроизводила ритуал аутодафе²⁷ («латынство» не отталкивало здесь преследователей ереси). Едва ли не образец «шпанского короля», наряду с общим местом древнерусской риторики, всякую ересь отождествлявшей с «жидовством», предопределил отношение русских «инквизиторов» к еретикам как к «жидовствующим».

Итак, подозрения в «неортодоксии» Ивана III безосновательны. Формула его клятвы, воспроизведенная в летописи, была вполне ортодоксальной.²⁸ Но что заставило Ивана III каяться перед не вполне близким ему иерархом Иосифом Волоцким в 1502 г., хотя он и не решался выдать на казнь еретиков, которых оба участника диалога посчитали-таки жидовствующими? Открытие новых источников эпохи борьбы с жидовствующими — переводных астрологических трактатов²⁹ — подтвердили традиционное мнение о причинах интереса светской власти, зависимого от нее клира и книжников разных конфессий к астрологии («внешней мудрости»).³⁰ Недаром Иосиф Волоцкий в «Сказании о новоявившейся ереси» решился разоблачить внушенный ерети-

²⁷ Этот термин использует и А. И. Алексеев (Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 500), хотя ранее он возводил ритуал расправы с еретиками в 1490 г. к какому-то «скоморошьему действу» на потеху «простых людей» (Там же. С. 424). Ср. об «инквизиции» в восточной церкви дискуссию по поводу реферата В. С. Соловьева: Соловьев В. С. Забытые тексты // Опыты. Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 279 и сл. В историографии существовало представление о том, что вся борьба с ересью была инспирирована католиками, обосновавшимися в Новгороде, в том числе в кружке книжников Геннадия; о неприемлемости этой концепции «латинского заговора» см.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 276–284.

²⁸ Если и можно связывать упоминание «странной» клятвы с сочувствием репрессированным братьям Ивана III и оппозиционностью летописи великому князю (ср.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. М., 1988. С. 109), то это сочувствие связано не с неортодоксальным характером клятвы, а с неприемлемым для русских книжников клятвopеcтуплением. Как раз под 7000 (1492) г. Львовская и схожие летописи (ПСРА. Т. 20. С. 356), равно как и Московский свод, сообщают о сложении Иваном крестного целования брату Андрею (ПСРА. Т. 25. С. 333; см. также: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 68); великому князю было не до конца света...

²⁹ Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. Т. 1. М.; Иерусалим, 2010. С. 367–396.

³⁰ Ср.: Лурье Я. С. Нерешенные вопросы в истории идеологических движений конца XV века // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 173 (английский вариант статьи опубликован в 1984 г.); Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 476.

ками интерес Ивана III к чернокнижью: «Толико же дръзновение тогда имеаху к державному протопоп Алексей и Федор Курицин, яко никтоже ин: звездозаконию бо прилежаху, и многим баснотворениемъ и астрологи и чародейству и чернокнижию». ³¹ Если риторика, связанная с наступающими в конце седьмой тысячи последними временами, могла способствовать политическим целям строителей новых государств («нового Константинополя»), то требования заупокойных вкладов и пожалований монастырям противоречили этим целям. В этом отношении иудейское летоисчисление, не предполагавшее конца света в 1492 г., было более удобным для Ивана III, проводившего политику конфискации монастырских земель.³²

М. Таубе предположил, что киевский книжник р. Моше бен Яков га-Голе, автор астрологических сочинений, в том числе комментария к «Шестокрылу», как считают (без особых оснований), использовавшемуся еретиками, обладавший и другими рукописями, входившими в еретическую библиотеку, усвоил идеи испанских беженцев, воспринявших изгнание 1492 г. (5250 г. иудейского летоисчисления) как знамение грядущего явления Мессии.³³ Но, если верить словам архиепископа Геннадия, эта идея не была принята еретиками, ибо Геннадий настаивал на том, что еретики «украли лета» у православных; правда, в полемике с латинским летоисчислением архиепископ приписывает ожидание пришествия Христа и татарам, но сам он твердо держится за седьмую тысячу,³⁴ да и ересь зародилась (если верить Геннадию) задолго до 1492 г.

«Существует несколько намеков на личность одного из еврейских переводчиков» еретических книг на разговорный язык русского населения Литвы, пишет М. Таубе. Это Захария бен Аарон га-Коген, работавший в Киеве во второй четверти XV в.³⁵ Эти «намеки» важны для поисков зачинателей ереси, ибо именем *Захария* — *Схария* Иосиф Волоцкий именует безымянного «жидовина», явившегося в Новгород в свите киевского князя. М. Таубе известна позиция Я. С. Лурье, считавшего, что имя это — продукт изысканий

³¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 471. Впрочем, протопopa Алексея уже не было в живых, сподвижник же Ивана III дьяк Федор Курицын не был осужден в числе других еретиков на соборе 1504 г. Ср.: Скрынников Р. Г. Государство и церковь... С. 178–179.

³² Скрынников Р. Г. Государство и церковь... С. 174–175. Ср.: Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 476.

³³ Таубе М. Ересь «жидовствующих»... С. 389–390.

³⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 319–320.

³⁵ Таубе М. Ересь «жидовствующих»... С. 388. Ср., однако, о переводах сочинений, увязываемых с «жидовствующими» и ориентированных на «внешнюю мудрость» и характерных для развития восточнославянской книжности не только в XV, но и в XVII в.: Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 407–429.

волоцкого игумена, завершившихся использованием этого имени в «Просветителе» через тридцать три года после событий, упомянутых в летописи.³⁶ В специальной работе израильский филолог даже упрекает Я. С. Лурье за то, что тот посчитал имя Захария распространенным среди иудеев,³⁷ хотя Я. С. Лурье настаивал на распространенности этого имени в синхронных средневековых источниках, что приводило с тех пор к многочисленным недоразумениям — отождествлению жидовина Схарии с генуэзцем Захарией Гвизольфи и т. п.³⁸

Отрицание грядущего в 1492 г. конца света вменялось в вину и ставленнику великого князя митрополиту Зосиме, которому пришлось в том же году создавать новое «Изложение пасхалии» и переносить Второе пришествие на «осьмую тысящу», где Москва Ивана III именовалась «новым градом Константином», вторым Константинополем (конструкция, предшествующая доктрине «Москва — третий Рим»).³⁹ В ригористических конструкциях Иосифа Волоцкого отрицание митрополитом конца света по прошествии семи тысяч лет превращалось в неверие Зосимы в загробную жизнь, бессмертие души и т. п. наветы (А. И. Алексеев думает, что Зосима, как и прочие еретики, перешел-таки в иудаизм, соблюдая для конспирации православные обряды; Иван III подозревается в связи с этим в «неортодоксии»). Существенно, что после собора и градской казни еретиков 1490 г. и до перемены в составе правящей элиты Московского государства в 1502 г. — в период, когда ожидания конца света не сбылись, стихла и полемика против жидовствующих;⁴⁰ на это рассчитывали не верившие в конец света еретики: в послании к Иосифу, бывшему архиепископу Ростовскому, Геннадий цитировал слова еретика

³⁶ А. И. Алексеев, продолжая конспирологическое следствие, предполагает, что Михалко Олелькович — кузен Ивана III — «мог рекомендовать московскому двору известного астролога», и возводит начало ереси в Москве к тому же 1470 г. (Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 416), несмотря на то, что призвание самого Михаила в Новгород воспринималось в Москве как враждебная и даже вероотступническая акция.

³⁷ Taube M. The Kievan Jew Zacharia... P. 172.

³⁸ Лурье Я. С. Нерешенные вопросы... С. 180.

³⁹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 375 и сл.; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 219.

⁴⁰ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 438. Я. С. Лурье стремился дифференцировать мировоззренческие тенденции у новгородских и московских еретиков: первые (до предполагаемого конца света) отрицали иконопочитание, Троицу и были враждебны церковной иерархии, вторые отвергали авторитет Отцов Церкви и монашество (Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 164). Ивана III в 1490 г. в большей мере волновали смерть наследника — Ивана Ивановича, мужа Елены и противостояние придворных группировок, возглавляемых ее снохой Еленой и женой Софией Палеолог, равно как и противостояние Москвы и Твери (Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 67–68).

попа Алексея, которого Иван III взял в Москву, — когда кончится седьмая тысяча, тогда и «мы будем надобны».⁴¹ Тем актуальнее для Иосифа Волоцкого становилась борьба с уцелевшими еретиками и обвинение их в жидовстве — вероотступничестве.⁴²

Скептицизм Я. С. Лурье в отношении иудейского миссионерства и «жидовства» еретиков остается оправданным, если не следовать теории «заговора».⁴³ От нее стремится отмежеваться и А. И. Алексеев,⁴⁴ однако он напрямую переводит ригористические конструкции гонителей ереси и представляющиеся ему «странными» формулировки древнерусских книжников в категорию исторических «фактов», «разоблачающих» ересь.

Если уж говорить о «дискурсивном анализе», «вокругтекстовом фоне» источника и т. п.,⁴⁵ то следовало бы не скороговоркой приводить лишь один мотив «хуления икон» из Жития Феодосия Тырновского, а упомянуть, хотя бы опираясь на цитируемую в книге литературу, весь сюжет разоблачения иудеев на Тырновском соборе 1360 (1359?) г. Имена разоблачаемых евреев неизвестны автору Жития (как неизвестны они были и архиепископу Геннадию), но и они дерзнули насмеяться над христианскими святынями и Символом веры, рассчитывая на поддержку царицы, крещеной еврейки Феодоры, занимались волхованием и т. п. Феодосий требовал казни еретиков, но царь Иван-Александр воздерживался от жестокой расправы. К. Ф. Радченко справедливо настаивал, что в этом невозможно усматривать какую-либо ересь: иудеи сохраняли свою религию.⁴⁶ Тем не менее, в соответствии с общей тенденцией, возводящей всякую ересь к иудаизму, учение «зле мудрствующих» еретиков на Тырновском соборе приравнивалось к богомилству, «сиречь» мессалианству и новоявленным ересям: варлаамовой и акиндиновой.⁴⁷

Последнее обстоятельство заставляло исследователей сопоставлять и даже увязывать полемику с еретиками на Тырновском соборе и антиерети-

⁴¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Еретические антифеодальные движения... С. 318.

⁴² Luria J. Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси» («жидовствующих») // Jews and Slavs. Vol. 3. P. 213.

⁴³ См. о ней: Зеленина Г. От мифа заражения к теории заговора: Идеологизация памяти о жидовствующих в различных дискурсах // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М., 2009. С. 105–122.

⁴⁴ Впрочем, этот автор «историографически» уравнивает источниковедение Я. С. Лурье и теории заговора: Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 212.

⁴⁵ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 492–493.

⁴⁶ Радченко К. Ф. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 228.

⁴⁷ Златарски В. Н. Житие на св. Теодосия // Сборникъ за Народни Умотворения, Наука и Книжнина XX. София, 1904. С. 1–41. Ересь противников исихазма (Паламы) Варлаама и Акиндина также соотносилась с мессалианством, еретики же упрекали в ереси «двоебожия» (мессалианства — богомилства) самого Паламу (Радченко К. Ф. Религиозное и литературное движение... С. 331 и сл.).

ческую полемику на Руси: Ф. И Успенский посчитал стригольников «богомильской сектой»,⁴⁸ Г. М. Прохоров, отметив разгром еретиков на Балканах, думает, что «иудейская проповедь» нашла продолжение уже в XIV в. на Руси.⁴⁹ Как уже говорилось, делать прямолинейные исторические выводы из средневековых полемических сочинений едва ли допустимо, тем более, что Житие Феодосия Тырновского остается практически не исследованным: оно приписывается патриарху Каллисту, но греческий текст не сохранился; славянская версия XV в. (?) производит впечатление поздней компиляции, да и историчность самого антииудейского собора остается под вопросом. Иудейская диаспора на Балканах не была настолько значительной, чтобы представлять угрозу для православия.⁵⁰ Царица Феодора оставалась верна православию (в отличие от Елены Волошанки она, по Житию Феодосия, не поддерживала ересь); впрочем, в этом отношении конструкции обличителей еретиков и на Руси, и в Болгарии схожи с польской средневековой легендой об Эстерке, фаворитке правителя Казимира III Великого (современника царя Ивана-Александра), влиянию которой приписывались привилегии иудеям, данные польским королем. Легенда известна в изложении хрониста XV в. Яна Длугоша и относится к расхожим сюжетам,⁵¹ инвертирующим библей-

⁴⁸ Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. С. 316; А. И. Алексеев, напротив, отрицает воздействие богомилства на древнерусские религиозные движения без специальных аргументов (Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 99–105).

⁴⁹ См.: Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. С. 329. Эта точка зрения — общее место в историографии (см.: Starr J. The Jews in the Byzantine Empire, 641–1204. Athens, 1939. P. 165–166; Ангелов П. Чуждите народи в представите на средновековния българин. София, 2013. С. 122), она основывается на идентичности разоблачительных «дискурсов», отождествляющих иудеев, мессалиан и богомилов (ср.: Kočev N. The Question of Jews and So-Called Judaizers in the Balcans // Bulgarian Historical Review. 1978. Т. 6. № 1. P. 60–79; Ангелов П. Представата за богомилите в антиеретическата книжнина // Civitas divino-humana. София, 2004. С. 659–667; Бакалов Г. Ересте в културно-религиозния живот на средновековна България // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 147–158).

⁵⁰ Ешкенази Е. Към въпроса за историята на евреите на Балканите, от образуването на Българската държава до паденето и под турска власт // Годишник на обществена културно-просветна организация на евреите в НРБ. 1967. Год. 2. Кн. 1. С. 43–53. Актуальность антииудейской риторики на Балканах в середине XIV в., как полагали исследователи, связана не с эсхатологическими ожиданиями, как в 1492 г., а с иной ксенофобской истерией, также охватившей всю Европу, во время черной смерти — эпидемии чумы, в распространении которой винили евреев и еретиков (ср.: Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. С. 311; Ангелов П. Чуждите народи. С. 122–123; Делюмо Ж. Ужасы на Западе. С. 253–261).

⁵¹ Ср.: Bar-Itzhak H. Jewish Poland Legends of Origin. Ethnogenetics and Legendary Chronicles. Detroit, 2001. P. 113–132; Минкина О., Фельдман Д. «Прекрасная еврейка» и другие мифологемы российского общественного дискурса первой половины

ский сюжет книги Эсфирь. «Дискурсивный анализ» не может обойти здесь средневековые сюжеты о «чужой царице»,⁵² «дурных советниках» (Федор Курицын) и т. п., равно как и сюжеты о религиозных наветах⁵³ (включая мифическую проповедь крипто-иудаизма, имеющую цель погубить православие). Оценки меняются на противоположные в зависимости от взглядов исследователей: А. А. Зимин связывал еретическое движение с «кругом идей Предвозрождения и Ренессанса», Елена Волошанка, «с ее кружком реформаторов чем-то напоминает польскую королеву Бону, окруженную итальянскими гуманистами».⁵⁴

В отношении истории русского княжеского рода распространенный сюжет «о женах добрых и злых» использовал уже Андрей Курбский; во введении к «Истории о великом князе Московском» он писал: «В предобрый русских князей род всѣял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами. Яко и во израильстеских царех, паче же которых поименовали от иноплемеников»⁵⁵. Правда, речь у Курбского идет не о Елене Волошанке, а о ее

XIX в. в литературе и документальных источниках // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. М., 2009. С. 233–247. В фольклоре образы чужой царицы принимали такие демонические черты, что по сравнению с ними образы Феодоры и Эстерки выглядят «положительными» (см.: Белова О. В. Чужая царица: «Демонические» правительницы в народных легендах // In umbra: Демонология как семиотическая система. М., 2013. С. 195–203).

⁵² Ср. античные параллели: Лурье С. Антисемитизм в древнем мире. М.; Иерусалим, 2009. С. 137–138. Самым известным остается образ Марины Мнишек, которую (вместе с самозванцем) именовали еретичкой, которая прикидывалась православной, чтобы захватить русский престол, а на деле оставалась одновременно католичкой, лютеранкой, кальвинисткой и даже колдуньей; естественно, к еретическим актам относилось осквернение богородичной иконы, висевшей в спальне самозванца и т. п. (см.: Мочалова В. В. Образ Марины Мнишек в историографии и литературе // Studia Polonica: К 70-летию В. А. Хорева. М., 2002. С. 372–397).

⁵³ Редкий сюжет о соvrащенном иудеями священнике Жане Ланглуа, которого те обучили осквернению гостии, приводится в работе Ж. Делюмо (Делюмо Ж. Ужасы на Западе. С. 274–275): в 1493 г. (!) Ланглуа бросил священные дары на пол в соборе Парижской Богоматери и, будучи арестован, подобно иудеям отрицал веру в Троицу, второе пришествие; в своем деянии Жан не раскаялся и был сожжен. Сюжет осквернения гостии был использован и архиепископом Геннадием, который по недоразумению приписал еретикам канонический иконописный сюжет обрезания Господня (ср.: Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси... С. 475). Истерия преследования иудеев по религиозным наветам достигла в Европе пика к 1490-м гг. (Делюмо Ж. Ужасы на Западе. С. 274–277).

⁵⁴ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 230–231. Заметим, что образ Боны как «чужой царицы» оброс фольклорными стереотипами, напоминающими колдовской образ Марины Мнишек: чтобы сохранить красоту Бона омывалась в крови девственников и т. п. (Белова О. В. Чужая царица... С. 198 и сл.).

⁵⁵ БЛАДР. Т. 11. СПб., 2001. С. 310.

удачливой конкурентке — второй жене Ивана III Софье Палеолог и матери его главного оппонента Ивана IV Елене Глинской.⁵⁶ Не обходится у Курбского и без обличения льстивых советников, склонных к «люторской» и иным ересям: они сменили у Ивана IV верных православных товарищей.⁵⁷

Актуальность исследования сюжетов средневековой литературы для понимания исторических источников демонстрирует их анализ, представленный «Словарем-указателем сюжетов и мотивов русской литературы» — изданием, инициированным Е. К. Ромодановской.⁵⁸

Что касается «еретических» взглядов Ивана III, то их содержание остается настолько же неясным, насколько неясным (и для самих «инквизиторов») было содержание собственной ереси. Эти взгляды часто соотносили с воздействием Ренессанса или, по крайней мере, Реформации, «пионером» которой Иван III именуется и в одной из недавних монографий: иосифлянский переворот (заговор!) на столетия затормозил движение России по европейскому пути.⁵⁹ Правда, в большинстве исследований еретические идеи характеризуются более «нейтральным» термином — они увязываются с «рационализмом». Обращение к астрологии как «внешней науке», неверие в чудеса (в том числе воскресение из мертвых), приписываемое инакомыслящим еретикам, сопровождалось однако вполне средневековым отношением к «чернокнижию», включающему гадания и магию. Наиболее ярко это отношение проявляется в использовании книги «Рафли»;⁶⁰ заметим, что это отношение было свойственно не только «простецам», но и государям, судя по любви к волхованию внука Ивана III — Ивана Грозного.⁶¹

⁵⁶ Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 171.

⁵⁷ БАДР. Т. 11. С. 380–382.

⁵⁸ См., в частности, раздел «Сюжеты о царях/правителях»: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 133–159.

⁵⁹ Янов А. Европейское столетие России. Кн. 1: 1480–1560. М., 2008. С. 182 и сл. Ср. о «предреформационном движении» еретиков: Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 283–284.

⁶⁰ См.: Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих».

⁶¹ При том, что тот враждебно относился к астрологии. См.: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 315–316. Впрочем, противоречивое отношение к магическому и астрологическому наследию средневековья было свойственно и Ренессансу: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 331–349.

«ЕЖЕ НЕ СЪКРЫТИ ТАЛАНТА ОТ БОГА ПРЕДАННАГО МИ»

(МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО)

О Матфее Ивановиче Десятом еще не написана специальная статья ни в одном справочном издании по русской средневековой книжности. Наши знания о нем основываются на сведениях, которые он сам посчитал необходимым сообщить в пространной записи к созданной им книге.¹ Из записи следует, что родившись в Торопце, большую часть своей жизни он провел на боярской службе, в то время как все члены его многочисленного семейства: отец, мать, двенадцать братьев и сестер связали свою жизнь с иночеством. Нам неизвестно, из какого рода происходил Матфей, но определенно в семье отдавалось предпочтение духовному воспитанию и книжному учению. Достоверны сведения о том, что двое детей достигли игуменского чина: Евфимий в Иоанно-Предтеченском монастыре на Острове в Полоцке и Ефросинья в Торопце. Еще один сын, Нектарий, был монахом Хутынского монастыря в Новгороде. Сам Матфей переехал в Вильну, где задумал написать книгу: «Послѣди же прїйдох въ память еже не съкрыти таланта от Бога преданнаго ми въсхотѣх написати своею рѣкою книгоу Индеж Богъ въсхощетъ души от тѣла разлучитиса И тоую книгѣ вдати к тои церкви идеже будет положено мое оубогое тѣло на память своеи души и своих родителей. И Господь Богъ не прѣзрѣ желанія моего и исплѣни похотѣніе мое обрѣтох бо врѣмя благополучно на писаніе сеа книги». ² В 1502 году в Вильне он начал писать книгу, а в Супрасльском Благовещенском монастыре, куда он переселился для завершения своих дней, окончил свой труд в 1507 г., вложив в него все свои знания и талант.

Библейский сборник 1507 г. Матфея Десятого, хранящийся ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук в собрании И. И. Срезневского (БАН, 24.4.28), является одним из редкостных памятников древнерусской книжности. Библистам эта рукопись хорошо известна в первую очередь как ранний, наряду с Геннадиевской Библией, оригинальный свод переводов библейских книг.³

¹ БАН, 24.7.6, л. 476–477 об. Текст опубликован: Лавров П. А. Библейские книги 1507 г. // Slavica. 1933. Т. 12. Р. 87–92.

² БАН, 24.7.6, л. 476.

³ Одно из последних значительных исследований Супрасльского сборника принадлежит В. А. Ромодановской: Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. и Супрасльский сборник Матфея Десятого: Маргиналии как источник для определения латинского оригинала // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 194–210.

Однако широкому кругу исследователей русской книжности рукопись знакома мало, несмотря на то, что в научный оборот она была введена еще в середине XIX века,⁴ а значительная ее часть была факсимильно воспроизведена в 1990-х гг. архимандритом Иннокентием (Просвирниным) в многотомном издании Русской Библии.⁵ Рукопись удостоилась этого издания не только как образец раннего свода части библейских книг, но и как исключительно высокохудожественное произведение книгописного искусства. Тем не менее, ни это издание, ни исследование А. А. Алексеева и О. П. Лихачевой,⁶ вышедшее в 1978 г., не послужили толчком к ее всестороннему изучению,⁷ которого она, безусловно, заслуживает.

В настоящей статье мы представим некоторые наблюдения над внешним оформлением памятника, которые, как мы надеемся, добавят новые штрихи к портрету ее создателя.

⁴ *Филарет, архиеп.* Библейские книги 1507 г. // Известия ОРЯС. 1859–1860. Т. 8. Ч. 2. Стб. 144–150.

⁵ Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями. В 10 т. Т. 4: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Псалтирь. М., 1997; Т. 7: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М., 1992; Т. 8: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Деяния святых Апостолов. Послания святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. Послания святого Апостола Павла. Апокалипсис. М., 1992; Т. 9: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Приложения. Научное описание. М., 1998.

⁶ Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88. В своей статье О. П. Лихачева и А. А. Алексеев представили историографию рукописи, описали важнейшие палеографические и художественные особенности библейского сборника, разобрали состав, язык и текстологию памятников, входящих в кодекс.

⁷ Кроме указанного издания о. Иннокентия (Просвирнина) и статей, включающих исследования библейских текстов, следует отметить работы Н. В. Николаева и Л. А. Щавинской, рассматривающих Супрасльский сборник Матфея Десятого в контексте книжной культуры Белоруссии; см., например: *Николаев М.* Палата кнігопісная. Рукопісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях. Мінск, 1993; *Николаев Н. В.* Кнігапісец Мацей Дзясяты і задачы вывучэння кніжнай вытворчасці і аздобы ў першай палове XVI ст. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мінск, 1994. С. 44–53. В связи с 500-летием создания Супрасльского сборника были опубликованы также статьи популярного характера (*Николаев Н. В.* 500 лет иллюминации Библии в Белоруссии // Художественный вестник № 4. СПб., 2007. С. 3–10; *Николаев Н. В.* Начало каллиграфической иллюминации Библии в Белоруссии // <http://calligraphy-expo.com/rus/aboutcalligraphy/writing/fromthedeptofages>; *Щавинская Л. А.* Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998. С. 27–29). См. также: *Темчин С. Ю.* Роль Матвея Десятого в православной культуре Великого княжества Литовского // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 1: Prawosławni w dziejach Rzeczy Pospolitej. Białystok, 2010. S. 27–35.

Источники книжного орнамента

Художественное своеобразие рассматриваемой рукописи и мастерство ее создателя непременно отмечали все исследователи: «Матфей Десятый — писец очень искусный: его письмо поражает изяществом, оформление книги впечатляет великолепием и декоративной изобретательностью».⁸ Как выдающийся памятник русского искусства каллиграфии Супрасльский сборник характеризуется изысканным полууставным и лигатурным письмом с использованием разных красок в написании заголовков и текстов: чернил, киновари, синего пигмента и золота в различных комбинациях. В рукописи особенно поражает обилие и многообразие орнаментированных заставок, концовок, инициалов, в художественном убранстве которых преобладает неовизантийский стиль. Типичные элементы стиля — византийские завитки, пятилистники, вьюнки, розетки и др., выполненные золотом, синей, бордовой и зеленой красками, насыщают основные орнаментальные формы. Однако при внимательном рассмотрении во многих инициалах обнаруживаются «нестандартные» элементы, придающие прихотливость и даже некоторую вычурность рисунку.

В причудливых формах некоторых инициалов Супрасльского сборника можно усмотреть прообразы, восходящие к ранней русской книжной орнаментике. Так, в инициале «В» (л. 212; рис. 1) отчетливо видна композиция с головой дракона, известная по Остромирову Евангелию (л. 25 и 29 об.; рис. 2). Однако орнаментатор нашей рукописи трактует издревле известные звериные мотивы как растительные. С помощью разделки красками он камуфлирует зооморфные черты, незначительно изменяя при этом и очертания самого инициала. Следует отметить, что в Супрасльском сборнике нет ни одного собственно зооморфного инициала с изображением дракона или змея.⁹ Не исключено, что в замысловатых фор-

Рис. 1

Рис. 2

⁸ Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. С. 56.

⁹ Это отличает Супрасльский сборник от известного круга рукописей последней четверти XV — начала XVI в., в которых можно наблюдать возрождение интереса к зооморфной орнаментике ранних рукописей, преимущественно в виде композиций с драконами и змеями (см. об этом: *Кондреева Т. Н.* Художественные традиции Остромирова Евангелия и в книжной орнаментике XVI века // Книга и графика. М., 1972. С. 115–119; *Морозова Е. И.* Полихромные зооморфные инициалы в московских рукописях конца XV века // Актуальные проблемы теории и истории искусств. Вып. 2. СПб., 2012. С. 174–180).

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

мах большинства инициалов «В», напоминающих диковинных животных, могут быть обнаружены композиционные схемы инициалов с драконами и змеями, известные по другим рукописям.

С Остромировым Евангелием Супрасльский сборник объединяют инициалы «Р» с изображением человеческого профиля. В Остромировом Евангелии инициалы «Р» изображены с женским лицом и с бородатым мужским. Оба типа с некоторыми отступлениями представлены и в Супрасльском сборнике. Первый инициал с женским лицом (л. 183; рис. 3) повторяет, но не копирует орнаментальную композицию Остромирова Евангелия (л. 27; рис. 4). При этом киноарный контур лица остается не прорисованным красками. Второй инициал «Р» (л. 206; рис. 5) гораздо ближе к первоисточнику Остромирова Евангелия (л. 32 об.; рис. 6): лицо изображено с характерным крупным носом и глазом, но без бороды. В отличие от прообраза здесь к инициалу снизу пририсована рука, возможно как бы намекая на текст псалма «Руцѣ твои створиста мѧ...» (Пс. 118). Однако при внимательном рассмотрении фрагмента украшения, где частично осыпался красочный слой, явно проступает первоначальный киноарный рисунок, точно повторяющий контур инициала из Остромирова Евангелия. Рисунок лица с бородой и орнаментальным завитком на ее конце был закрасен белилами, поверх которых были вновь нарисованы лик без бороды и рука.

На убранство Супрасльского сборника оказали влияние и другие значительные произведения древнерусского книгописного искусства. Так, в нем встречаются инициалы, известные по комплексу роскошных московских Евангелий

конца XIV — начала XV в.,¹⁰ из которых ближе всего к Супрасльскому сборнику стоит Андрониковское Евангелие (ГИМ, Епархиальное собр., № 436, первая четверть XV в.).

Инициал «О» в виде свернувшегося калачиком зайца (л. 197; рис. 7) имеется только в Андрониковском Евангелии (л. 270 об.; рис. 8). Этот редкий мотив был обнаружен М. Г. Гальченко еще в одной рукописи 80-х годов XV века — Псалтири с дополнениями из собрания И. М. Фадеева (РГБ, ф. 312 (собр. Фадеева), № 1).¹¹ Здесь его изображение оказывается ближе к Супрасльскому сборнику (л. 129; рис. 9). Приведу подробное описание М. Г. Гальченко этого инициала: «Данный инициал в Псалтири имеет меньшие размеры, чем в Андрониковском Евангелии, отличается от него по цвету (в Андрониковском Евангелии заяц голубого, а в Псалтири — светло-коричневого цвета, причем поверхность этого цвета выполнена очень детально разделка темно-коричневой краской, белилами, а также золотом, изображающая шерсть). Отличается также поза зайца в Андрониковском Евангелии и в Псалтири, где голова зайца не лежит поверх задних ног (как в Андрониковском Евангелии), а несколько приподнята; рот и глаза открыты, а не закрыты, как в Андрониковском Евангелии. Вместе с тем

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

¹⁰ См.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.

¹¹ *Гальченко М. Г.* Об особенностях оформления, почерка и орфографии Псалтири с дополнениями — памятника последней четверти XV века из собрания И. М. Фадеева // *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 300–324.

общий контур тела животного и возвышающиеся над ним золотые «усики» (напоминающие верхнюю часть буквы У) в Псалтири и Андрониковском Евангелии имеют очевидное сходство. Любопытно также, что рядом с данным инициалом в Андрониковском Евангелии написана буква Ѡ (в то время, как рядом с другими инициалами этой рукописи подобных поясняющих букв нет), а в Псалтири эта буква написана золотом на туловище зайца (на других инициалах Псалтири или рядом с ними поясняющих инициал букв также не имеется). Сходство инициалов на л. 270 об. Андрониковского Евангелия и л. 129 Псалтири с дополнениями наводит на мысль о том, что художник, выполнявший инициалы Псалтири, был знаком с данным инициалом в Андрониковском Евангелии или видел повторение этого инициала (возможно уже с определенными изменениями) в другой рукописи¹². Описание инициала с зайцем из Фадеевской Псалтири практически совпадает с инициалом в Супрасльском сборнике. Отличается он лишь отсутствием «усиков» (У) над изображением зайца и небольшими деталями: в Супрасльском сборнике заяц изображен с закрытым ртом и одним большим открытым глазом, с киноварными усиками на морде; в разделке шерсти зайца красками не применяются белила.

Имеются еще два общих инициала с Андрониковским Евангелием и Фадеевской Псалтирью. Это инициалы «Р» с изображениями птиц (орлов). Как и в случае с инициалом с зайцем к Супрасльскому сборнику ближе оказывается Фадеевская Псалтирь. Орел инициала на л. 188 (рис. 10) Супрасльского сборника, как и в Фадеевской Псалтири (л. 15; рис. 11), окрашен синей краской, разделка крыльев и перьев выполнена белилами. В изображении орла на л. 204 (рис. 12) Супрасльского сборника и на л. 48 об. Фадеевской Псалтири при всей схожести приемов изображения,¹³ краски, выбранные для разделки, отличаются. В Супрасльском сборнике малиновая краска и белила не используется, а по серовато-зеленоватому фону туловища нанесено оперенье черной краской.

Отметим, что инициалы «Р» с птицами являются общим мотивом для всех роскошных московских Евангелий: Андроникова монастыря (л. 285 и 289; рис. 13), Успенского собора (303 об.), Хитрово (рис. 14), Кошки и, по-видимому, восходят к латинским образцам. Близкое к описанному выше изображению в инициале «Р» птицы с синим опереньем мы находим в средневековых западноевропейских рукописях.¹⁴ В маргинальных рисунках с сюжетами соколиной охоты нередко изображается сцена кормления сидящего на руке сокола (рис. 15).¹⁵ Отметим, что в латинских рукописях именно

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

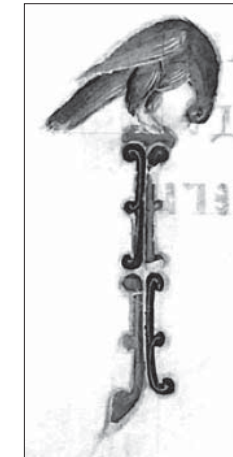

Рис. 14

Рис. 15

в композициях инициалов встречается изображение зайца.¹⁶ Также можно увидеть сходное изображение свернувшейся в калачик спящей собаки, с сидящим на ней филином, в венском Антифонари 1481 г. (рис. 16)¹⁷ или дракона в нидерландской рукописи 1480-х гг. (рис. 17).¹⁸

¹² Гальченко М. Г. Об особенностях оформления... С. 306.

¹³ Сравнимые инициалы имеют существенное отличие в рисунке крыльев орла: в Супрасльском сборнике они опущены, в Фадеевской Псалтири — подняты, аналогично изображению инициала в Андрониковском Евангелии (л. 289).

¹⁴ Pächt O., Jenni U. Holländische Schule. Wien, 1975. Abb. 301. (S. n. 13236, f 118r.).

¹⁵ См.: The Luttrell Psalter (1325–1340), British Library, Add. MS 42130, f. 159r.

¹⁶ Pächt O., Jenni U. Holländische Schule. Abb. 4. Cod. 13440, f. 3v.

¹⁷ Beier C. Die illuminierten Handschriften und Inkunabeln der Universitätsbibliothek Graz: die illuminierten Handschriften 1400 bis 1550. Wien, 2010. Abb. 160. (Cod. 1, f. 447v).

¹⁸ Pächt O., Jenni U. Holländische Schule. Abb. 299 (S. n. 13236, f. 71r).

Рис. 16

Рис. 17

Зооморфные инициалы Супрасльского сборника и Фадеевской Псалтири обнаруживают очевидную связь, проявившуюся не только в типе изображений, но и в живописной манере, более декоративной, чем в московских Евангелиях XV в. Важным приемом служит контурная обводка изображений золотом. Существенным является и то, что два из трех зооморфных инициалов Супрасльского сборника украшают Псалтирь в тех же текстах, что и в Фадеевской Псалтири (заяц и первый орел). Собственно эти две рукописи — единственные из известных списков Псалтири, имеющих в оформлении зооморфные инициалы.¹⁹

В известной степени общей для рассматриваемых рукописей является история их бытования. Матфей Десятый задумал создание своего кодекса и начал его переписку в Вильне в 1502 г. при княжеском дворе. Перебравшись в Супрасльский монастырь, он завершил над ней работу, и с тех пор рукопись вплоть до середины XIX в. не покидала Супрасльский монастырь. В этой связи отметим, что Псалтирь Фадеева в XIX в. находилась в Вильне, о чем свидетельствует запись, сделанная переплетчиком старообрядцем-федосеевцем С. Ф. Егупенковым: «Переплетена 1885 года июля 25 дня в городе Вильне мастером Симеоном Федоровым Егупенковым». Поскольку в рукописи нет иных записей, остается неизвестным ее происхождение. Псалтирь могла быть приобретена

¹⁹ Перечень выявленных рукописей с зооморфными инициалами и их характеристики см.: Морозова Е. И. Полихромные зооморфные инициалы в московских рукописях конца XV века. С. 174–180. Сведения еще об одной рукописи с зооморфными инициалами (РНБ, Софийское собр., № 71, Псалтирь, нач. XVI в.) содержатся в статье: Звезинцева О. В. Рукописные книги библиотеки Новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 248–266.

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

старообрядцами в любой период их проживания в Прибалтике с конца XVII в., сама же рукопись могла пребывать в Литовских землях уже с конца XV — начала XVI в. Очевидные параллели в оформлении Супрасльского сборника и Фадеевской Псалтири свидетельствуют, на наш взгляд, о непосредственном знакомстве Матфея Десятого с этой рукописью в момент написания библейского сборника. Рукопись могла находиться как в княжеской или монастырской книжнице, доступной Матфею, так и в личной библиотеке книжника.²⁰

Среди зооморфных украшений Супрасльского сборника имеются еще два инициала с изображением птиц. На л. 208 к букве «К» сверху пририсована небольшая птица (рис. 18). В отличие от инициалов «Р» с птицами она не входит в структуру буквы, а служит лишь ее украшением.²¹ Тот же прием виден на л. 196: на

²⁰ М. Г. Гальченко рассматривает в своей статье вопрос о новгородском происхождении Псалтири Фадеева, о ее гипотетической связи с рукописями новгородского писца Закхей. И хотя при подробном палеографическом анализе явных «новгородских» признаков не обнаруживается, полностью эту гипотезу она не опровергает. См.: Гальченко М. Г. Об особенностях оформления... С. 311–313.

²¹ По силуэту и пропорциям это изображение птицы близко изображению птицы в композиции со змеем инициала на л. 244 об. Андроникова Евангелия, основные отличия касаются головы птицы: в Андрониковском Евангелии клюв птицы широко раскрыт, а на голове имеется хохолок.

Рис. 21

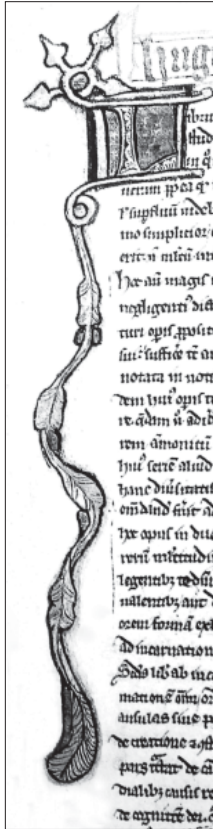

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

цветке, пририсованном сверху к инициалу «Р», изображена сорока (рис. 19). Подобное включение в орнаментальные композиции изображений птиц, животных, насекомых, разных персонажей, свойственно оформлению как восточных, так и западных средневековых рукописей. Особенно оно характерно для оформления бордюров и инициалов иллюминированных латинских литургических книг позднеготического и ренессансного периода.²² Так, реалистическое изображение сороки встречается, в частности, в Часовнике Вильяма ван Монтфорта (Утрехт, 1450 г.; рис. 20).²³ На латинские источники инициала «Р» с сорокой в Супрасльской рукописи указывает само готическое начертание латинской буквы «Р».

Латинские источники элементов декора Супрасльского сборника подтверждают заимствованием русским писцом типичных форм западных

²² См., например Бrevиарий 1510 г. из бенедиктинского монастыря Сант-Ламберти: Beier C. Die illuminierten Handschriften. Abb. 534, 538, 543, 547, 551; Fig. 57–60.

²³ Pächt O., Jenni U. Holländische Schule. Abb. 301. Tafel 3. S. g. 12878. f. 123v.

инициалов и украшений на полях. Так, следуя образцам латинских рукописей, в Супрасльском сборнике (л. 187 и 370; рис. 21) инициал «П» написан золотом по синему фону с разделкой белилами. Инициал заключен в прямоугольник, от которого вверх и вниз с левой стороны идут орнаментальные отростки в виде широколистных трав. Подобный прием можно видеть, например, в инициалах теологического сборника 1400 г. (рис. 22)²⁴ или Бrevиария 1510 г. из бенедиктинского монастыря Сант-Ламберти.²⁵ Тот же прием разделки белилами синего фона использован и в инициале «П» Супрасльского сборника на л. 197 (рис. 23), параллель находим, например, в латинской Библии 1460 г. (рис. 24).²⁶

Наиболее выраженным заимствованием орнаментальных элементов из латинских рукописей XV века являются вьющиеся зеленые стебли с листьями, цветами и бутонами. Эти растительные элементы в первую очередь используются в виде заставок к разделам Супрасльского сборника (л. 3, 221, 242, 299, 329, 478). При этом в трех случаях (на л. 3, 221 и 242) заставки как бы «произрастают» из верхней части инициала, повторяя тем самым наиболее характерный прием в орнаментации западноевропейских рукописей. К данному типу орнаментики примыкают инициалы с развитыми отростками в нижней части композиции. Примечателен инициал «Г» (л. 174; рис. 25) на первом развороте Псалтири. Мотив, развивающийся в нижней части инициала, представляет собой вьющийся стебель с листьями и бутоном в окружении тонких чернильных росчерков (усиков), оживляющих пространство вокруг орнамента. Прообраз этого мотива лежит в средневековом орнаменте, основанном на очертаниях растения бриония²⁷ (дикого винограда) и имеет характерные формы цветков, бутонов, ягод, а также вьющихся спиралевидных усиков. Наиболее наглядно этот орнамент использован в оформлении бордюров-рамки к миниатюрам Молитвенника герцога Альбрехта V (рис. 26), созданного в Вене между 1430 и 1437 гг.²⁸ В отличие от утонченного узора бордюров Молитвенника, в инициале «Г» Супрасльского сборника ветви и листья выглядят толще и крупнее, в них больше орнаментальной условности, однако линия вьюнка, изображение бутона и множество усиков отчетливо указывает на прообраз. В латинских рукописях XV века этот мотив активно разрабатывается с разной степенью абстрагирования и уровня

²⁴ Fingernagel A., Hranitzky K., Pirker-Aurenhammer V., Roland M., Simader F. Mitteleuropäische Schulen II (ca. 1350–1410). Österreich — Deutschland — Schweiz. Wien, 2002. Abb. 136. Cod. 959, f. Ir.

²⁵ Бrevиарий 1510 г. из бенедиктинского монастыря Сант-Ламберти: Beier C. Die illuminierten Handschriften. Abb. 529 (Cod. 108, f. 402r).

²⁶ Библия 1460 г.: Pächt O., Jenni U. Holländische Schule. Abb. 243. Cod. 2772, f. 149r.

²⁷ Бриония белая, или переступень белый (Bryonia alba L.).

²⁸ Beier Ch., Fingernagel A., Hranitzky K., Pirker-Aurenhammer V., Rischpler S., Roland M., Schuller-Juckes M. Mitteleuropäische Schulen V (ca. 1410–1450): Wien und Niederösterreich. Wien, 2010. Abb. 135. Cod. 2722, f. 63v.

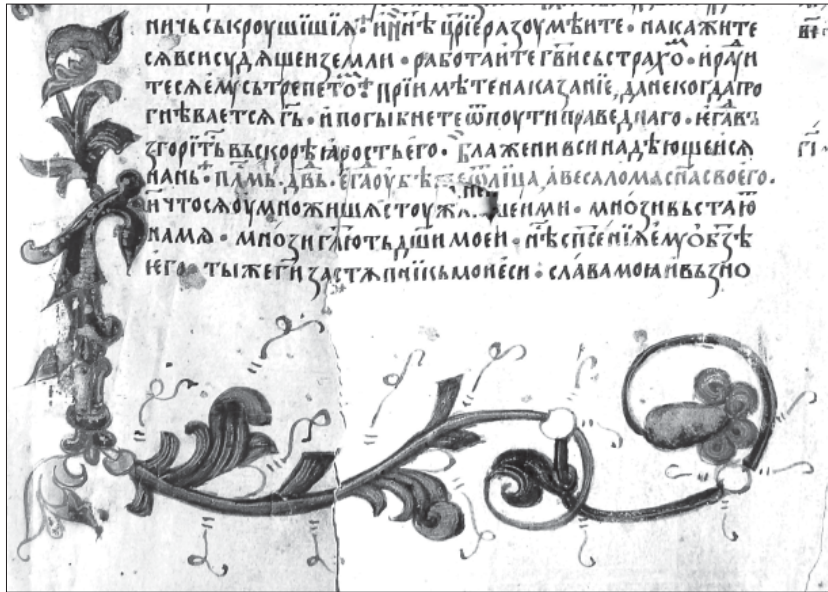

Рис. 25

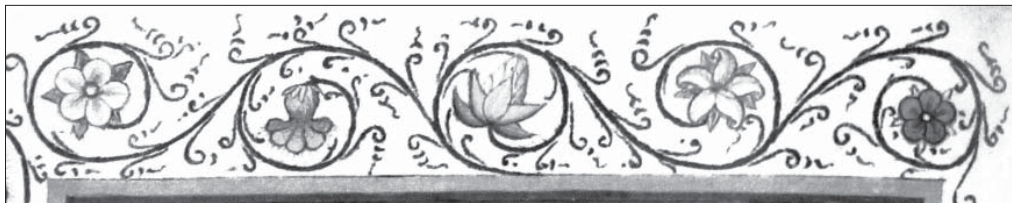

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

мастерства (рис. 27).²⁹ Однако важнее отметить, что эти же мотивы встречаются в современных Супрасльскому сборнику славянских кириллических рукописях. Наиболее показательны два Евангелия южнославянского происхождения рубежа XV–XVI в., хранящиеся в библиотеке греко-католического капитула в Пшемьсле.³⁰ В оформлении одного из них (Евангелие 1500–1505 гг.) орнаментальные бордюры с орнаментом типа Молитвенника герцога Альбрехта V, сплетены с Инициалом «К»³¹ (рис. 28). В другой книге (1497–1499 гг.) поля начальных листов Евангелий и выходных миниатюр украшают широкие листья аканта, выполненные в ренессансной манере.³² Это сочетание традиционной кириллической книги с богатой ренессансной орнаментацией будет разрабатываться на протяжении XVI века и проявится позднее в таких образцах, как знаменитое Пересопницкое Евангелие (1556–1561 гг.) или Евангелие Андрейчины (1575 г.).

Рассмотренные элементы оказываются «стилеобразующими» в «ренессансной» орнаментике Супрасльского сборника и явно просматриваются в других заставках и инициалах.³³ Так, например, вверху или внизу многих инициалов добавляются большие орнаментальные отростки в виде свободно извивающихся стеблей с резными листьями или раструбами, например, «Н» на л. 164 об. (рис. 29), «С» на л. 391 об. (рис. 30), «Г» на л. 183 об. (рис. 31), «П» на л. 152 об., 207, 370, 392 и др. Ренессансные мотивы видны и в малых деталях — разбросанных вокруг инициалов золоченых кругов с «лучиками» (л. 188), зигзагообразных росчерках, завитках, лучиках, «опушках», выполненных кинорварью, чернилами, иногда золотом (л. 174). Как правило, эти элементы сочетаются в одной композиции с инициалами, основанными на мотиве раструбов. Они могут соседствовать на одном листе с типичным неовизантийским инициалом или объединяться с

²⁹ Beier Ch., Fingernagel A., Hranitzky K., Pirker-Aurenhammer V., Rischpler S., Roland M., Schuller-Juckes M. Mitteleuropäische Schulen V. Abb. 577. Cod. 4057, f. 39v (Аггсбах, 1446 г.). См. также: Ibid. Abb. 316. Cod. 3680, f. 1r. (Вена, 1420/30 гг.), Ibid. Abb. 430. Cod. 4465, f. 1 r. (Diözese Passau (Niederösterreich), 1430 г.). Прием начертания стилизованных вьющихся усиков, близкий Супрасльскому сборнику, можно видеть, например, в Cod. 326, f. 279vb, Вена, 1446/47 (Ibid. Abb. 38). В той же стилистике выполнены украшения рукописей XV в., опубликованные в каталоге: Berkovits I. Illuminierte Handschriften aus Ungarn vom 11.–16. Jahrhundert. Budapest, 1968. № 23, 27, 34, 39, 40. Цветные иллюстрации № XVI–XIX, XIII.

³⁰ Kaszlej A. Inwentarz rękopisów Biblioteki Kapituły Greckokatolickiej w Przemyślu. Warszawa, 2011.

³¹ Ibid. S. 41, № 11802 III. Евангелие-тетр. 1497–1499 гг. (илл. 4,5.).

³² Ibid. S. 42 № 11805 IV. Евангелие-тетр. 1500–1505 гг. (илл. 6).

³³ См. аналогичные приемы в латинских рукописях: Beier Ch., Fingernagel A., Hranitzky K., Pirker-Aurenhammer V., Rischpler S., Roland M., Schuller-Juckes M. Mitteleuropäische Schulen V. Abb. 542 (Cod. 4441, Bibel, f. 214 r) Вена, 1440–1450 гг. (см. также Abb. 532–541)

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

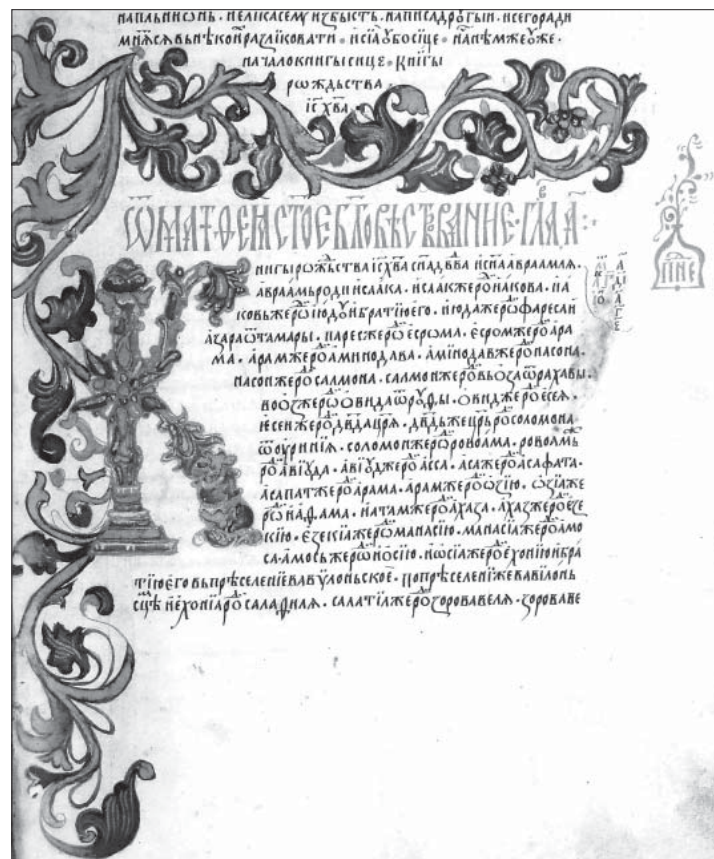

Рис. 32

чрезмерно детализированным и даже вычурным инициалом, тяготеющим к южнославянским и греческим рукописям того же периода (например, инициал «К» и заставка на л. 221; рис. 32).

Изложенные наблюдения свидетельствуют о присущей данной рукописи эклектичности оформления, которая, тем не менее, воспринимается как единое художественное целое, поскольку пронизывает все части рукописи. Ощущение целостности обусловлено единой манерой исполнения орнаментальных украшений, свидетельствующей о работе одного декоратора. При этом нельзя исключить, что в оформлении книги участвовали другие мастера, а также — что художе-

ственные ориентиры самого Матфея Десятого менялись на протяжении пятилетней работы над рукописью.³⁴

В основе большинства орнаментальных элементов Супрасльского сборника лежит киноварный рисунок, при этом в контурах видна уверенная рука графика, работавшего, скорее всего, не по готовым образцам. Причудливость линий, неожиданные соединения разнотильных элементов, разноформатность инициалов, нередко наслоение нескольких элементов, превращающих цепь инициалов в орнаментальный бордюр, когда на одном листе находится до семи инициалов — все приемы свидетельствуют о творчестве человека, не скованного ремесленничеством, стремящегося создать своеобразную художественную форму. Мастер-каллиграф владел разными стилями письма: полууставом, разного рода лигатурным письмом, тайнописью, шрифтами славянского, греческого и еврейского алфавитов и мн. др. Но в полной мере его темперамент отразился в художественном оформлении рукописи. Однако нельзя не заметить, что в раскрашенных элементах декора все-таки не видно уверенной работы кистью: мы обнаруживаем неровности в обводке контуров элементов, в недостаточной аккуратности при нанесении красочного слоя и штриховой белильной разделки. Особенно это заметно становится при сопоставлении нашей рукописи с другими богато декорированными русскими рукописями конца XV — начала XVI века московского или новгородского письма, выполненными исключительно аккуратно. Недостаток профессионализма в живописи выдают в нашем авторе скорее мастера-знаменщика.

Возникает важный вопрос о том, как осуществлялся процесс орнаментации Супрасльского сборника: по ходу написания текстов или в конце определенных этапов его. Отметим, что весь текст на страницах выровнен по левому краю, в подавляющем большинстве случаев для декора не отведено специальных мест. Начальные буквы текста не прописаны, что предполагало в дальнейшем вставку инициалов слева от колонки текста. Только в начале некоторых значимых разделов кодекса для больших инициалов было предусмотрено специальное место, например: в книге пророка Осии, в Евангелии от Матфея, на листе с пространной писцовой записью «О написавшем книги сея». Вписаны в специально отведенные места также несколько инициалов в книге Иисуса сына Сирахова. Представляется, что к исполнению орнаментики Матфей Десятый приступил после написания основного корпуса текстов и что в начале работы он не имел четкого представления, какие именно инициалы и заставки будут украшать рукопись.

³⁴ У исследователей в настоящее время нет единого мнения о том, был Матфей Десятый декоратором сборника или только его писцом. Осторожно эту тему поднимали А. А. Алексеев и О. П. Лихачева (Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. С. 59, сн. 17), позднее Н. В. Николаев предполагает, что в оформлении рукописи участвовали мастера Виленского скриптория (Николаев Н. В. 500 лет иллюминации Библии в Белоруссии. С. 3–10).

Заставки в кодексе различаются по форме и по стилистике. Начала Псалтири, Апостола и Евангелия от Матфея маркированы большими заставками. Заставка перед книгой пророка Осии имеет п-образную (арочную) форму, обрамляющую заголовок. Внутри текста книг используются более узкие заставки-разделители. Судя по композиции некоторых страниц, переписчик не предполагал тех орнаментальных элементов, которые в дальнейшем появились в рукописи. Например, заставка в начале Евангелия от Матфея (л. 221) в виде выходящих стеблей выглядит нарочито вписанной в свободное от текста пространство листа (см. рис. 32).

Орнаментальные украшения в Супрасльском сборнике применялись неравномерно и разнопланово. Если первые книги кодекса имеют лишь единичные полихромные инициалы, то Псалтирь содержит едва ли не половину всех красочных инициалов сборника. В Евангелии преобладает игра цветом в написании текста: золотом выделены цитаты из Ветхого Завета и прямая речь Иисуса Христа, голубым — вводные слова. В Апостоле, имеющем дробное строение, находится большая часть всех заставок.

Определенные тенденции наблюдаются в выборе стиля оформления той или иной книги в составе сборника. Так, например, для Псалтири преобладающим стилем является неовизантийский. (Напомним, что именно с этой книгой связано использование зооморфных инициалов.) Ренессансные формы в заставках в виде выходящих стеблей имеются в начале книги пророка Осии, Послании Иакова, Евангелиях от Матфея и Марка, в начале Деяний Апостолов. Однако внутри этих книг разделы маркированы преимущественно неовизантийскими заставками. Следует подчеркнуть, что в оформлении рукописи не использованы доминирующие в русской книжности этого периода заставки балканского стиля, лишь в некоторых инициалах взят за основу прием плетенки. Важно, на наш взгляд, и то, что в рукописи нет никаких проявлений зарождающегося старопечатного стиля.

Ярко выраженное своеобразие орнаментального оформления Супрасльского сборника свидетельствует о необыкновенной восприимчивости художественной натуры Матфея Десятого. Его формирование как книжника и каллиграфа происходило на Новгородской земле. Здесь же им были получены и художественные впечатления. Важным свидетельством погруженности Матфея Десятого в книжную культуру Новгорода является отмеченное нами почти точное воспроизведение оригинала инициалов из Остромирова Евангелия. Не исключено, что Матфей Десятый, уроженец Торопца, имел высоких новгородских покровителей и занимался профессионально книжным делом до своего переезда в Великое княжество Литовское. Тогда он имел возможность видеть Остромирово Евангелие в Софийском соборе Великого Новгорода, где оно, вероятнее всего, находилось в конце XV века. Образцом мог послужить и какой-либо другой ранний рукописный источник как русского, так и византийского или западно-европейского происхождения, имеющий с Остромировым Евангелием общие

истоки,³⁵ ибо многие полихромные неовизантийские инициалы Супрасльского сборника ориентированы на стилистику инициалов Остромировой рукописи.

Не исключено, также, что Матфей Десятый был связан с кругом новгородских книжников, участвовавших в составлении Геннадиевской Библии. На это предположение наводит не только само желание Матфея Десятого составить Библейский сборник³⁶ и общий с Геннадиевской Библией образец — печатные издания Вульгаты, но и общие черты во внешнем облике рукописей: расположение текстов на листе, соотношение колонки текста с полями. Для обеих рукописей форматом в лист характерно выравнивание текста по левому краю, отсутствие красной строки и отступа для написания инициалов,³⁷ в результате чего приписанные позднее буквы выступают за строку слева от текста. Обилие маргиналий на широких полях обоих кодексов, воспринятых от латинских изданий Библии,³⁸ также придает схожести в облике книг.

Обращают на себя внимание и две орнаментальные заставки неовизантийского стиля в Геннадиевской Библии и в Псалтири Супрасльского сборника, выполненные в близкой стилистике. При этом в Геннадиевской Библии в середине заставки к Книге Бытия помещено изображение Моисея, пишущего книгу.³⁹ В заставке к Псалтири Супрасльской рукописи нет изображения царя Давида (рис. 33), как это могло бы ожидаться по аналогии с близкой по манере заставкой с изображением Иоанна Лествичника в Лествице конца XV века Соловецкого монастыря (РНБ, Соловецкое собр., № 284/304, л. 10).⁴⁰ Царь Давид в Супрасльском сборнике изображен в клеймах миниатюры со сложной трехъярусной композицией, предвещающей всю Псалтирь (рис. 34). На миниатюре мы видим сюжеты «Помазание Давида» и «Писание Псалтири» с изображением Софии Премудрости Божией. Д. В. Айналов⁴¹ относит эту миниатюру к

³⁵ О влиянии греческой и западно-европейской традиций на художественное оформление Остромирова Евангелия см.: *Попова О. С.* Остромирово Евангелие: Миниатюры и орнаменты // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 60–84.

³⁶ В данной работе мы не комментируем разыскания Н. В. Николаева, связавшего создание Библейского сборника с женитьбой великого князя Александра Ягеллона на московской княжне Елене (*Николаев Н. В.* 500 лет иллюминации Библии в Белоруссии. С. 3).

³⁷ Этот прием в Геннадиевской Библии не выдержан до конца, однако для восприятия облика рукописи в целом он важен.

³⁸ О маргиналиях см. во второй части данной статьи.

³⁹ ГИМ, Синодальное собр., № 915, л. 1 (воспроизведение см.: *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода XV века. М., 2011. С. 467).

⁴⁰ Э. С. Смирнова приписывает эти две рукописи к одной книгописной мастерской и даже одному мастеру (*Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси. С. 176). О происхождении орнамента и его стилистике подробнее см.: Там же. С. 172–177, 180–181, 184, 187.

⁴¹ *Лавров П. А.* Библейские книги 1507 г. С. 102–104. П. А. Лавров в этой статье приводит мнение Д. В. Айналова.

Рис. 33

Новгородской школе XV века, отмечая ряд стилистических приемов и характерных черт новгородского письма.

Особое внимание Д. В. Айналов уделяет персонификации Софии Премудрости Божией⁴² и приводит сведения о некоторых ранних памятниках с подобным изображением, высказывая предположение о существовании более древнего иконографического источника миниатюры, присущего греческим и южнославянским спискам лицевых Псалтирей. Действительно, композиции царя Давида с «научающей» его Божественной Премудростью и помазанием Давида на царство, близкие к Супрасльскому сборнику, находим в Мюнхенской сербской Псалтири и связанной с ней Белградской.⁴³ Там же имеется композиция с танцующими отроками (иллюстрация к 150 псалму Давида). Однако ни Мюнхенская, ни Белградская Псалтири не явились образцом для копирования в Сборнике Матфея Десятого. Более близкие по композиции и стилю изображения с танцующими отроками мы находим в росписях часовни Преображения Господня в Хрельовой башне Рильского монастыря⁴⁴ и в

⁴² Специально этой теме посвящена книга В. Г. Брюсовой, в которой нет упоминаний о миниатюре Супрасльского сбнрика (Брюсова В. Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006).

⁴³ Мюнхен, Баварская Государственная Библиотека (Cod. slav. 4). Исследование, содержащее подробные описания миниатюр и их воспроизведение, см.: Strzygowski J. Die Miniaturen des serbischen Psalters der Königl. Hof- und Staatsbibliothek in München. Wien, 1906.

⁴⁴ Der serbische Psalter: Faksimile-Ausgabe des Cod. Slav. 4 der Bayerischen Staatsbibliothek München / Textband unter Mitarbeit von S. Dufrenne, S. Radojčić, R. Stichel, I. Ševčenko. Wiesbaden, 1978. S. 331. Исследование фресок см.: Прашков Л. Хрулева башня Рильского монастыря и ее стенопись // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 147–166.

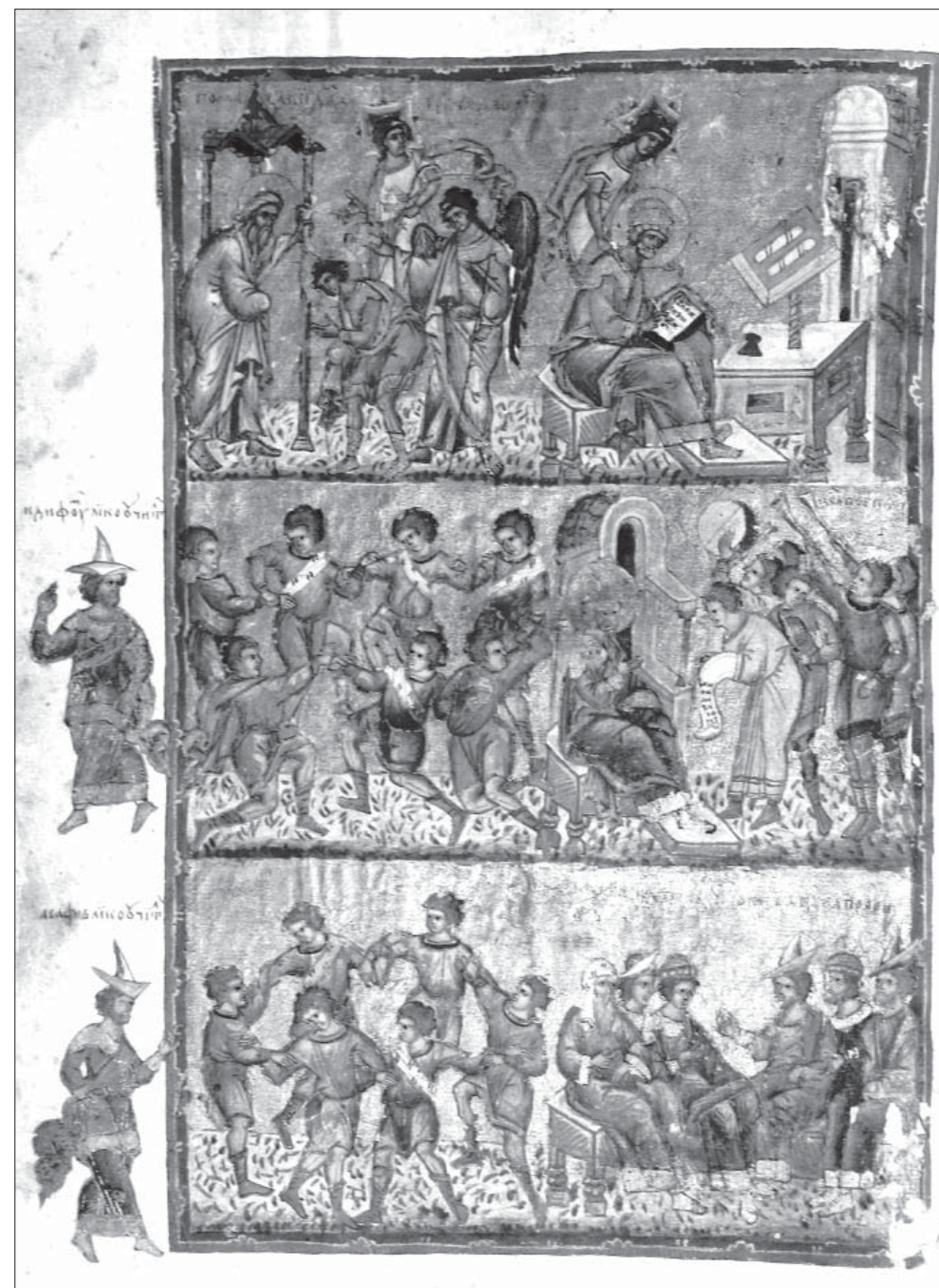

Рис. 34

церкви Лесновского монастыря (Македония).⁴⁵ Сохранившиеся фрески датируются XIV веком. Их иконография, по-видимому, имела распространение на Балканах и в Греции не только в настенной живописи, но и в книжной миниатюре, в неизвестных нам кодексах⁴⁶.

Трудно сказать, имелась ли у Матфея Десятого конкретная книжная миниатюра, послужившая источником для копирования, или Матфей, как и в случае с орнаментальным убранством рукописи, явился разработчиком всей программы, объединив в единую композицию несколько сюжетов, относящихся к иконографии Псалтири. Важна для дальнейших разысканий в этом направлении обнаруженная Н. В. Николаевым Псалтирь начала XVI века из собрания Ф. И. Буслаева (РНБ, F.I.738).⁴⁷ Иконография миниатюр, посвященных деяниям царя Давида этой рукописи ближе всех остальных известных изображений стоит к миниатюре Супрасльского сборника. Три клейма в двух миниатюрах Псалтири Буслаева соотносятся с двумя клеймами миниатюры Супрасльского сборника. Так, нижнее правое клеймо миниатюры Супрасльского сборника аналогично нижнему клейму на л. 19 об. Псалтири: «Идуфим поет со своими певцы прорицания Давыдовы», а нижнее среднее клеймо Супрасльского сборника контаминирует с двумя клеймами из Псалтири Буслаева: Давид на троне диктует писцам Псалтирь (л. 20 об.) и Давид слагает псалом (л. 19 об.).⁴⁸ Как уже отмечалось, иконография близка, но не тождественна, поэтому остается вероятность существования некоего общего протографа. Однако можно допустить и прямую зависимость Супрасльского сборника от более ранней по происхождению Псалтири Буслаева: часть рукописи с интересующими нас миниатюрами исследователи датируют 1470–80-ми гг.⁴⁹ Н. В. Николаев прямо высказывает предположение о том, что «в иллюминации (Супрасльского сборника. — Ф. П.) наверняка участвовали миниатюристы виленского митрополичья скриптория», имея в виду возможность пребывания Псалтири в начале XVI века на литовских землях, о чем свидетельствует сохранившийся на Псалтири «оригинальный Виленский переплет XVI века»⁵⁰. Это определение, вероятно, возникло благодаря исследованию книжных переплетов Э. Лауцявичюса, в каталоге которого имеется воспроизведение переплета латинского издания (Кельн, 1499) с близкими по

⁴⁵ Der serbische Psalter. S. 331.

⁴⁶ В этой связи напомним, что А. А. Алексеев и О. П. Лихачева, как и другие исследователи текстов Супрасльского сборника, отмечают сербские и болгарские истоки языка и редакций текстов Библиейского сборника.

⁴⁷ Николаев Н. В. 500 лет иллюминации Библии. С. 8; Николаев Н. В. Палата книгописная: Рукописная книга на Беларуси X–XVIII столетиях. Минск, 1993. С. 176–177.

⁴⁸ Миниатюры Псалтири воспроизведены в кн.: Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибачев М. А. Миниатюра и текст: К истории следованной Псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738. СПб., 2011.

⁴⁹ Там же. С. 11–12.

⁵⁰ Николаев Н. В. 500 лет иллюминации Библии. С. 8.

стилю медными накладными украшениями.⁵¹ Новые исследования истории библиотеки Супрасльского монастыря, проводимые Н. Морозовой и С. Темчиным, привели к уточнению сведений об этой рукописи. Псалтирь отождествляется с книгой «Псалтыря великая келейная», отмеченной в описи 1577 г. библиотеки Супрасльского монастыря (Ионовское собрание № 128). По мнению исследователей, Псалтирь находилась в монастыре уже при архимандрите Ионе (1500–1532). Исследователи определяют переплет Псалтири уже как «супрасльский» начала XVI в.,⁵² не приводя, к сожалению, никаких характеристик «супрасльского переплета». Таким образом, для истории рукописи оказывается весьма важным вопрос о происхождении переплета. Согласно исследованию М. А. Шибачева, «первоначальный переплет конца XV — начала XVI в. (неоднократно) реставрировался и в нынешнем виде он окончательно сложился не ранее конца XVI — начала XVII в.»⁵³. В опубликованном описании отмечено наличие украшений переплета: тиснение кожи, медные жуковины и застёжки, однако не определена их стилистика. По нашим наблюдениям, форма обработки доски переплета и характер тиснения с орнаментальными элементами (басмами) указывают на русское происхождение переплета первой половины XVI в.,⁵⁴ в то время, как медные детали — средник, наугольники, жуки и застёжки⁵⁵ — представляют собой типичные элементы западноевропейского переплетного искусства. Аналогичные элементы можно встретить на переплетах преимущественно немецкого происхождения (Нюрнберг, Бамберг) конца XV — начала XVII в.⁵⁶ Эти украшения не имели распространение в древнерусском книжном деле и могли, на наш

⁵¹ Лауцявичюс Э. Книжные переплеты XV–XVIII веков в библиотеках Литвы. Вильнюс, 1976. С. 39, № 36.

⁵² Морозова Н., Темчин С. Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) // Z dziejów Monasteru Supraskiego: materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej «Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego Historyczna Rola w Rozwoju Społeczności Lokalnej i Dziejach Państwa», Supraśl-Białystok, 10–11 czerwca 2005 r. Białystok, 2005. С. 128.

⁵³ Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибачев М. А. Миниатюра и текст. С. 8.

⁵⁴ Большая часть элементов находит свои аналоги в Альбоме украшений Чудовских переплетов (согласно классификации С. А. Клепикова), датирующихся концом XV — первой половиной XVI вв. (см.: Клепиков С. А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII в. в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 22. М., 1960. Альбом орнаментальных украшений переплетов рукописей собраний. Группа А. Украшения «чудовских» переплетов (конец XV — первая половина XVI в.). Табл. 1. Басмы № 185, 186, 254, 196, 119а, бордюрные басмы № 30, 37, 14.

⁵⁵ На сохранившихся застёжках выгравирована монограмма «INRI» (Ihesus Nasareus Rex Iudeorum). Благодарю О. Н. Блескину за атрибуцию этой надписи.

⁵⁶ См. близкие образцы немецких переплетов конца XV в. в кн.: Schmidt-Künsemüller F. A. Corpus der gotischen Lederschnitteinbände aus dem deutschen Sprachgebiet. Stuttgart, 1980. S. 141, 161, 171, 189, 194, 262 и др.

Рис. 35

Рис. 36

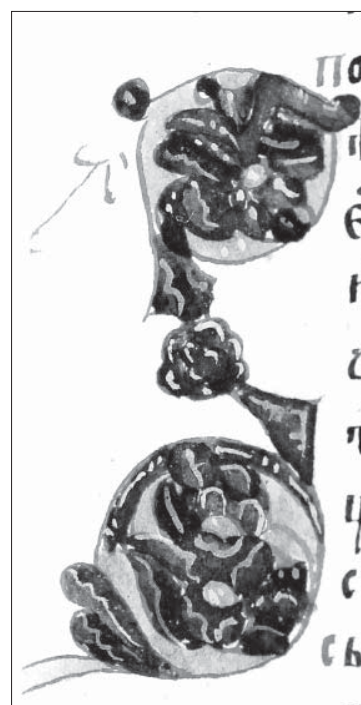

Рис. 37

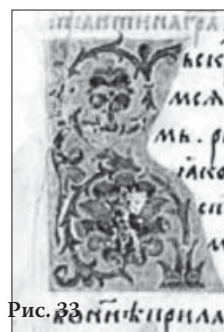

Рис. 38

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

взгляд, появиться на «русском переплете» только на территории западноевропейской культурной среды. В этой связи оказывается вполне допустимой возможность пребывания Псалтири уже в начале XVI века в Великом княжестве Литовском, в частности, и в Вильне, и в Супрасльском монастыре, где переплет был дополнен латинскими медными украшениями.

На орнаментику Супрасльского сборника оказывали влияние рукописи московского письма. Конкретные проявления видны в зооморфных инициалах, повторяющих ранние московские роскошные Евангелия через посредство, по всей видимости, рукописей 80-х–90-х гг. XV века, таких, как Псалтирь из собрания Фадеева. Можно отметить общие черты оформления Супрасльского сборника и целого круга других каллиграфических рукописей этого периода, связанных с деятельностью московского книгописного центра в монастыре Николы Старого, возглавляемого Михаилом Медоварцевым. В числе книг, вышедших из этого скриптория, к Супрасльскому сборнику ближе всего находится сборник Слов Григория Богослова конца 1480-х–1490-х гг. князя Д. М. Пожарского (РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 137).⁵⁷ В обеих рукописях доминирует неовизантийский стиль, в основе орнамента некоторых заставок и инициалов лежат одни и те же схемы. Например, схема заставки на л. 145 об. Супрасльского сборника аналогична схеме нижней половины орнаментальной композиции заставки на л. 261 Слов Григория Богослова; то же соотношение на л. 355 Супрасльского сборника и на л. 329 Слов Григория Богослова; близкая композиция на л. 392 и л. 430.⁵⁸

В Супрасльском сборнике примечательны инициалы «В», в композициях которых главным элементом инициала является цветок, заключенный в круг (розетка) (л. 188, рис. 35; л. 194, рис. 36; л. 194 об., рис. 37). Эти инициалы развивают мотив, «заданный» первым инициалом (л. 1) сборника Слов Григория Богослова (рис. 38): на золотом фоне нарисованы изящно изогнутые стилизованные ветви, образующие два кольца и заканчивающиеся полихромными цветками. Среди близких инициалов неовизантийского стиля выделяется инициал «О» (л. 214 Супрасльского сборника, рис. 39, и л. 138 Сборника слов Григория Богослова, рис. 40), выполненный в необычной форме розетки со стилизованными листьями.⁵⁹ В обеих рукописях используются зооморфные инициалы и элементы западноевропейского «ренессансного» книжного декора.⁶⁰

⁵⁷ Попов Г. В. Рукописная книга Москвы: Миниатюра и орнамент второй половины XV — XVI столетия. М., 2009. С. 153.

⁵⁸ Воспроизведение заставок см.: Попов Г. В. Рукописная книга Москвы. Илл. 82, 84, 88.

⁵⁹ Этот мотив, как самостоятельный элемент известен по ряду заставок, в частности, на л. 69 лицевой Книги Пророков 1489 г. См.: Попов Г. В. Рукописная книга Москвы. С. 111, илл. № 66

⁶⁰ Стилистические особенности и орнаментальные источники рукописи Слов Григория Богослова рассматриваются в статье Т. С. Борисовой. Многие описанные

Взаимные пересечения в оформлении рассматриваемых рукописей наблюдаются в композициях начальной заставки и миниатюры. В сборнике Слов Григория Богослова, как и в Геннадиевской Библии, в центре неовизантийских заставок помещено изображение автора. Однако стилистически и по характерному рисунку, и по колористике орнамента заставка оказывается гораздо ближе к Супрасльскому сборнику. Выходная миниатюра в сборнике Слов также контаминирует с миниатюрой Супрасльского сборника. Как и Давид, патриарх Григорий Богослов изображен на ней с персонификацией Божественной Премудрости.⁶¹ Обозначенные параллели этих двух рукописей не могут свидетельствовать о прямой зависимости одной от другой, но, скорее, отображают общие тенденции развития русского книжного искусства конца XV — начала XVI вв. Важнее оказывается сам факт того, что достижения московских и новгородских⁶² мастеров книжного дела оказались освоены и творчески развиты в книге, написанной на западных границах православного мира.

Созданный в Великом княжестве Литовском, где значительное влияние на художественные вкусы местной православной церкви оказывало искусство католического запада,⁶³ Супрасльский сборник, тем не менее, остается памятником русской книжности. Его оформление аккумулирует черты нескольких стилей книжных орнаментов: византийского, неовизантийского и западноевропейского — позднеготического и ренессансного. Западноевропейские элементы декора оказываются в основном тщательно переосмысленными и переработанными. Совершенно очевидно, что в период создания Супрасльского сборника в распоряжении Матфея Десятого должно было находиться достаточное количество разнообразных по содержанию и по оформлению книг как славянского, так и западноевропейского происхождения, ставших не только источником вдохновения, но и конкретным образцом орнаментики. Уместно также допустить, что Матфей воспользовался подборкой образцов орнаментальных модулей, форм и элементов, собранных им самим, либо кем-либо из книгописцев его окружения из славянских

ею явления и характеристики могут быть применены и к характеристикам Супрасльского сборника (см.: *Борисова Т. С.* Кодологическое исследование Слов Григория Богослова из собрания Троице-Сергиевой лавры: К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // *Искусство средневековой Руси*. Вып. 12. М., 1999. С. 224–246.

⁶¹ Л. V об. Об изображениях Премудрости в миниатюрах новгородских рукописей см.: *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси. С. 57–69.

⁶² Вопросам книжной культуры Москвы и Новгорода XV в. посвящены специальные исследования: *Попов Г. В.* Рукописная книга Москвы; *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси.

⁶³ *Рогов А. И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // *Славяне в эпоху феодализма*. М., 1978. С. 321–334.

и латинских книг.⁶⁴ Обладание подборками образцов и даже специально составленными книгами образцов (орнаментальными подлинниками), имевшими распространение в профессиональной среде европейских иллюминаторов, могло способствовать освоению Матфеем Десятым как новой стилистики, так и конкретных приемов живописания. Этим можно объяснить столь органичное проникновение в орнаментику Супрасльского сборника мотивов и даже целых композиций, восходящих к латинской книжно-литургической традиции.

Музыкальные маргиналии

Одной из ярких черт внешнего облика Супрасльского сборника является заполнение широких полей рукописи разного рода маргиналиями (рис. 41). Эту особенность кодекса подчеркивали еще А. А. Алексеев и О. П. Лихачева: «Самим писцом на полях отмечают номера глав и зачал, указания параллельных чтений, вставляются слова, пропущенные при переписке, помещаются значки тайнописи, маргиналии: изображения руки с вытянутым пальцем или лигатуры... “зри!”, и заметки об уставных чтениях (киноварью на верхнем и нижнем поле). В левом верхнем углу киноварью сокращенно обозначено название помещенного на данном листе текста».⁶⁵ К этому можно добавить и частое употребление маргинальных указаний в кириллических цифрах, регламентирующих порядок чтений, и множество орнаментальных элементов, выделяющих определенные типы обозначений на полях. Для нас важно, что Матфей Десятый придал обилию разнообразных маргинальных элементов, обусловленных сложностью и многосоставностью библейских текстов, стройную и остроумную систему, о продуманности которой свидетельствует разъяснение автора в конце текста Псалтыри. Разъяснение Матфея касается двух знаков, о которых он сообщает: «Початок строць двѣ палкы \, а конецъ тои строць крест +»⁶⁶. В этом указании Матфей пользуется терминологией древнерусских музыкантов, называя просодический знак двойную варию певческим термином «две палкы», то есть указывает

⁶⁴ На это указывают, в частности, контуры заставки на л. 478, оставшейся без красочной разделки. Эти контуры нанесены, по-видимому, с помощью наклепного образца. Лист с нанесенным контуром заставки написан рукой другого писца, что не исключает участия в оформлении и самого Матфея Десятого. Не исключено, что за плотным красочным слоем отдельных элементов «ренессансного» орнамента других заставок может также скрываться первоначальный трафарет. Об использовании трафаретов в книжной орнаментации рукописей см.: *Маркелов Г. В.* Налепные образцы в традиционном книгописании // *ТОДРА*. Т. 53. СПб., 2003. С. 264–288.

⁶⁵ *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. С. 57.

⁶⁶ Там же. С. 75.

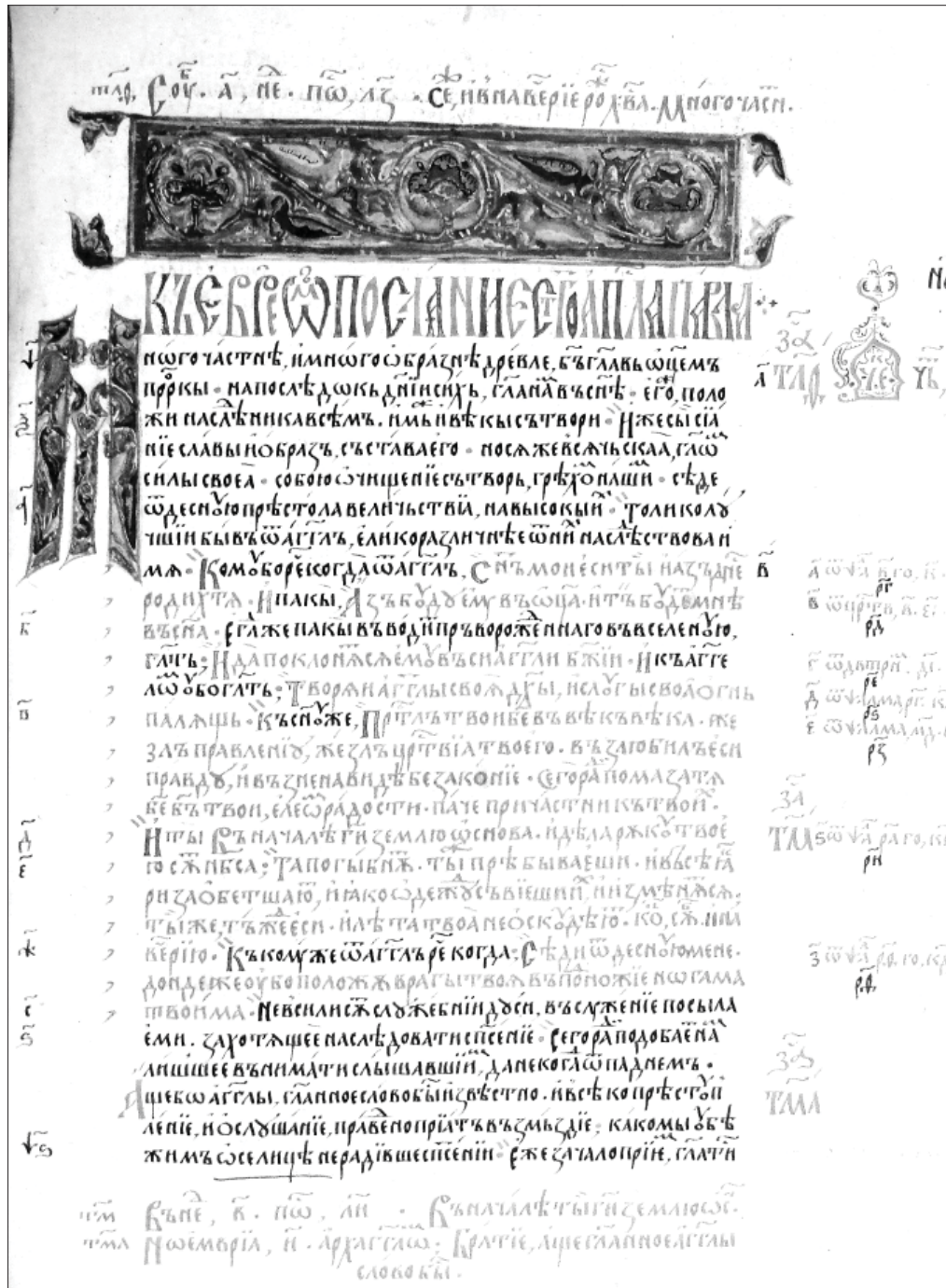

Рис. 41

на особое его применение.⁶⁷ Матфей Десятый последовательно соблюдает обозначенный принцип при переписке евангельских чтений, расставляя киноварью над текстом соответствующие знаки в начале и конце строк.

При просмотре маргинальных знаков мы обнаружили, что писец широко использует знаки, применявшиеся в литургических книгах для фиксации разных способов интонирования богослужебных текстов: чтения, возглашения и пения. Это знаки просодии и древних невменных нотаций: экфонетической, кондакарной и знаменной. В древнерусской богослужебной практике применение той или иной системы было четко регламентировано: каждый из способов интонирования сопровождал разные в жанровом отношении тексты, фиксировавшиеся в определенном типе богослужебных книг. В славянской и древнерусской традиции знаки просодии ставились в различных по содержанию канонических книгах. Экфонетическая нотация сопровождала тексты Евангелий, Апостолов и Паремий, кондакарная служила для записи мелизматических роспевов гимнографических текстов — кондаков, ипакоев, праздничных тропарей, и киноников, собранных в Кондакарях. Более универсальный характер имела знаменная нотация, которая употреблялась для записи роспевов корпуса гимнографических жанров в Ирмологии, Стихирях триодном и месячном, Октоихе. Система употребления просодических (акцентных) знаков в древнерусской письменности, как известно, со временем менялась, и ее обновление, связанное со вторым южнославянским влиянием, отразилось в рукописях конца XIV — XV в.⁶⁸ Из трех ранних древнерусских невменных нотаций к началу XVI века в активном употреблении оставалась только знаменная, причем со второй половины XV века происходило реформирование всей системы знаменного пения. Кондакарная нотация в рукописях не встречается позднее XIV в.,⁶⁹ а экфонетическая, хотя и известна в единичных списках Евангелий и Апостолов вплоть до XVI в.,⁷⁰ была, по всей

⁶⁷ Эту особенность в русских грамматиках отмечал В. М. Загребин, где в названиях славянских просодических знаков использовались названия знаков музыкальной нотации. Среди примеров он приводит и пару: вария, двойная вария — палка, две палки (Загребин В. М. Диакритика средневековых славянских рукописей // Загребин В. М. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 100).

⁶⁸ Подробно об этом см.: Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности: Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в. // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 352–357

⁶⁹ В настоящее время известно всего шесть рукописей с кондакарной нотацией. См.: Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 356.

⁷⁰ Ранними русскими рукописями с экфонетической нотацией являются Остромирово Евангелие и Куприяновские листки. Они отражают преемственную природу греческой экфонетической нотации. Отдельные рукописи более позднего проис-

видимости, мало распространена. Тем не менее, среди маргиналий Супрасльского сборника мы находим различные знаки, применявшиеся в разных типах книг, и даже знаки практически вышедших из употребления нотаций.

Размышляя об особенностях использования писцом разных знаковых систем следует определить, что их объединяет. Поскольку знаковые системы ранних нотаций сложились на основе просодии, их словари содержат ряд общих графем. Появляясь на полях рукописи в качестве маргинальных знаков, эти графемы теряют свою функциональность и, тем самым, принадлежность к той или иной системе интонирования. Это положение сохраняется для единичных знаков. Матфей Десятый разделял знаки просодии и знаки нотаций: в тех случаях, когда он на одном листе выписывал несколько знаков подряд, он нередко группировал знаки, отличая просодические от певческих.

Из известных просодических знаков в Супрасльском сборнике используются: двойная оксия, двойная вариа, камора, врахия, две точки и паерок (например, на л. 350 использованы четыре просодических знака).

Экфонетическая нотация представлена знаками кентимата ... и сирматики ~. Двойной апостроф , гипокрисис и большинство остальных знаков экфонетической нотации входили также в словарь ранней знаменной нотации. Тем не менее использование указанных знаков дает нам основание думать, что Матфей Десятый по крайней мере имел представление о существовании экфонетической нотации, которую он мог встречать в литургических рукописях, выбирая тексты для составления Библейского сборника. В этой связи следует отметить, что Остромирово Евангелие, упоминавшееся в качестве возможного источника некоторых зооморфных инициалов Супрасльского сборника, является одним из двух ранних русских памятников, содержащих экфонетическую нотацию.

Просодическую и экфонетическую систему знаков отличает от знаменной и кондакарной простота начертаний: все знаки состоят из одного элемента, либо его удвоения, в отдельных случаях — утроения. В знаменной и кондакарной системах помимо простых знаков широко используются комбинации различных элементов и сочетаний знаков. К кондакарной нотации (из разряда малых знаков) относятся: кенталия, двойная кенталия (одна и две точки в разных расположениях); вариа и оксия с одной точкой с той или другой стороны; синемва (кремаста) с двумя точками внутри, повернутые, так же влево и вправо и др. Благодаря этим внешним отличительным признакам можно уверенно говорить об их употреблении в Супрасльском сборнике.

хождения были обнаружены С. В. Смоленским и Н. Финдейzenым, что позволило расширить период бытования нотации, однако, целенаправленной работы по выявлению и изучению всего корпуса славянских кириллических книг с экфонетической нотацией, еще ни кем из исследователей не проводилось. См.: *Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси*. С. 308.

Среди маргиналий Супрасльского сборника встречаются также начертания, которые трудно соотнести с какой-либо конкретной нотацией. По-видимому, они были «сконструированы» самим писцом по образцу кондакарной нотации. Таковы знаки, основанные на начертании оксии и вариации. Графически они представляют собой черту, проведенную под разными углами (от вертикали до горизонтали) с двумя точками с разных сторон. Другой знак — синемва (кремаста) или чашка с одной и двумя точками внутри, повернутая влево или вправо. Имеются и некоторые другие «значки», так же не принадлежащие какому-либо известному знаковому словарю, но встречающиеся в древних рукописях в качестве знака сноски. С. А. Кудрявцев, специально занимавшийся историей и систематизацией знаков сноски в русской книжности, обратил внимание на подобные знаки из сербской рукописи конца XIV — начала XV века — Творения Псевдо-Дионисия Ареопагита (ГИМ, Воскресенское собр., № 75).⁷¹ Не исключено, что подобный набор значков (либо принцип их составления) был рассмотрен Матфеем Десятым непосредственно в сербских литургических рукописях.

Наибольшее количество знаков в Супрасльском сборнике принадлежит словарю знаменной нотации. Таковы крюк светлый, сложития с запятой, семь разновидностей статей, чашка полная, голубчик борзый, палка воздернутая, пять разновидностей семейства стопиц, стрела светлая, фита, скамейца, подчашие светлое, рог. Остальные знаки из знаменной нотации являются общими с просодическими, экфонетическими или кондакарными. Отметим, что в начале в рукописи встречаются единичные знамена, чередующиеся со знаками просодии (л. 92, 147, 149, 156, 157–158 об. и др.), но постепенно музыкальные знаки начинают доминировать (л. 347, 349 об.–353, 355, 361, 386 об., 387, 389 об., 394 об., 399 об., 400 об., 401 об., 402; рис. 42, 43, 44, 45). Всего в рукописи нами определено 55 разных знаков, большая часть из которых написана самим Матфеем Десятым.⁷²

⁷¹ Кудрявцев С. А. Знаки сноски читателей Острожской Библии // Уральский археографический альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2005. С. 141.

⁷² В начале кодекса немногочисленные маргинальные знаки проставлены вторым писцом, почерк которого атрибутируется по переписанным им текстам на л. 299–303 об., 478–542 об., 544, 545. Все маргиналии второго писца являются знаками вставки в текст пропусков слов и фрагментов текста.

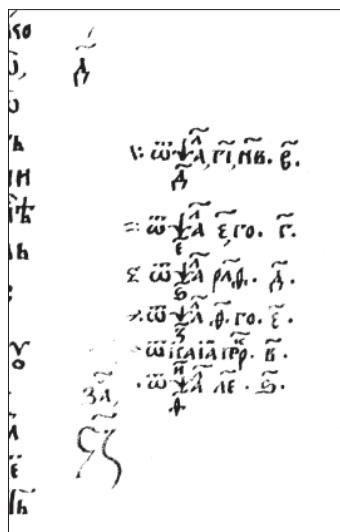

Рис. 42

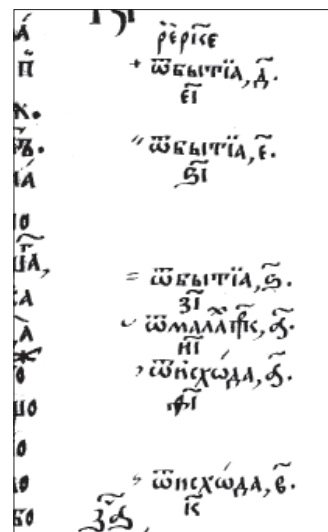

Рис. 43

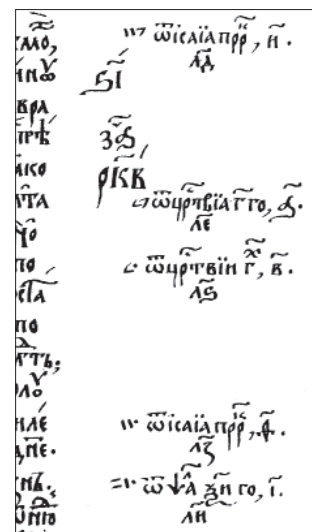
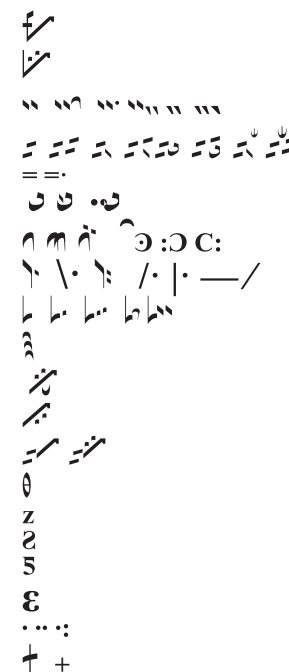

Рис. 44

Рис. 45

Маргинальные знаки

Для чего же писцу понадобился столь обширный «словарь маргинальных знаков», составленный из разных знаковых систем? Ответ на этот вопрос лежит в принципах использования словаря. Наши наблюдения показали, что знаки просодии применяются преимущественно для указаний на вставки пропущенных слов или фрагментов текста. Знаки знаменной нотации в основном применяются для указаний номеров глав и отсылок к священным текстам, но и они также могут быть использованы в качестве знака вставки. Подобный иерархический принцип выстраивается в рукописи почти сразу. На протяжении первых 100 листов вставки обозначаются знаками просодии и знаменной нотации ъ, ѿ, ѡ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, а отсылки к номерам глав маркируются более сложными знаками кондакарной и знаменной нотаций Ѣ, ., Ѥ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ, ѵ, Ѷ, ѷ, Ѹ, ѹ, Ѻ, ѻ, Ѽ, ѽ, Ѿ, ѿ, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊, ѿ̋, ѿ̌, ѿ̍, ѿ̎, ѿ̏, ѿ̐, ѿ̑, ѿ̒, ѿ̓, ѿ̔, ѿ̕, ѿ̖, ѿ̗, ѿ̘, ѿ̙, ѿ̚, ѿ̛, ѿ̜, ѿ̝, ѿ̞, ѿ̟, ѿ̠, ѿ̡, ѿ̢, ѿ̣, ѿ̤, ѿ̥, ѿ̦, ѿ̧, ѿ̨, ѿ̩, ѿ̪, ѿ̫, ѿ̬, ѿ̭, ѿ̮, ѿ̯, ѿ̰, ѿ̱, ѿ̲, ѿ̳, ѿ̴, ѿ̵, ѿ̶, ѿ̷, ѿ̸, ѿ̹, ѿ̺, ѿ̻, ѿ̼, ѿ̽, ѿ̾, ѿ̿, ѿ̀, ѿ́, ѿ̂, ѿ̃, ѿ̄, ѿ̅, ѿ̆, ѿ̇, ѿ̈, ѿ̉, ѿ̊

Наибольший интерес вызывает система маргинальных знаков в Апостоле-апракосе Супрасльского сборника, что связано с присущими этой кни-

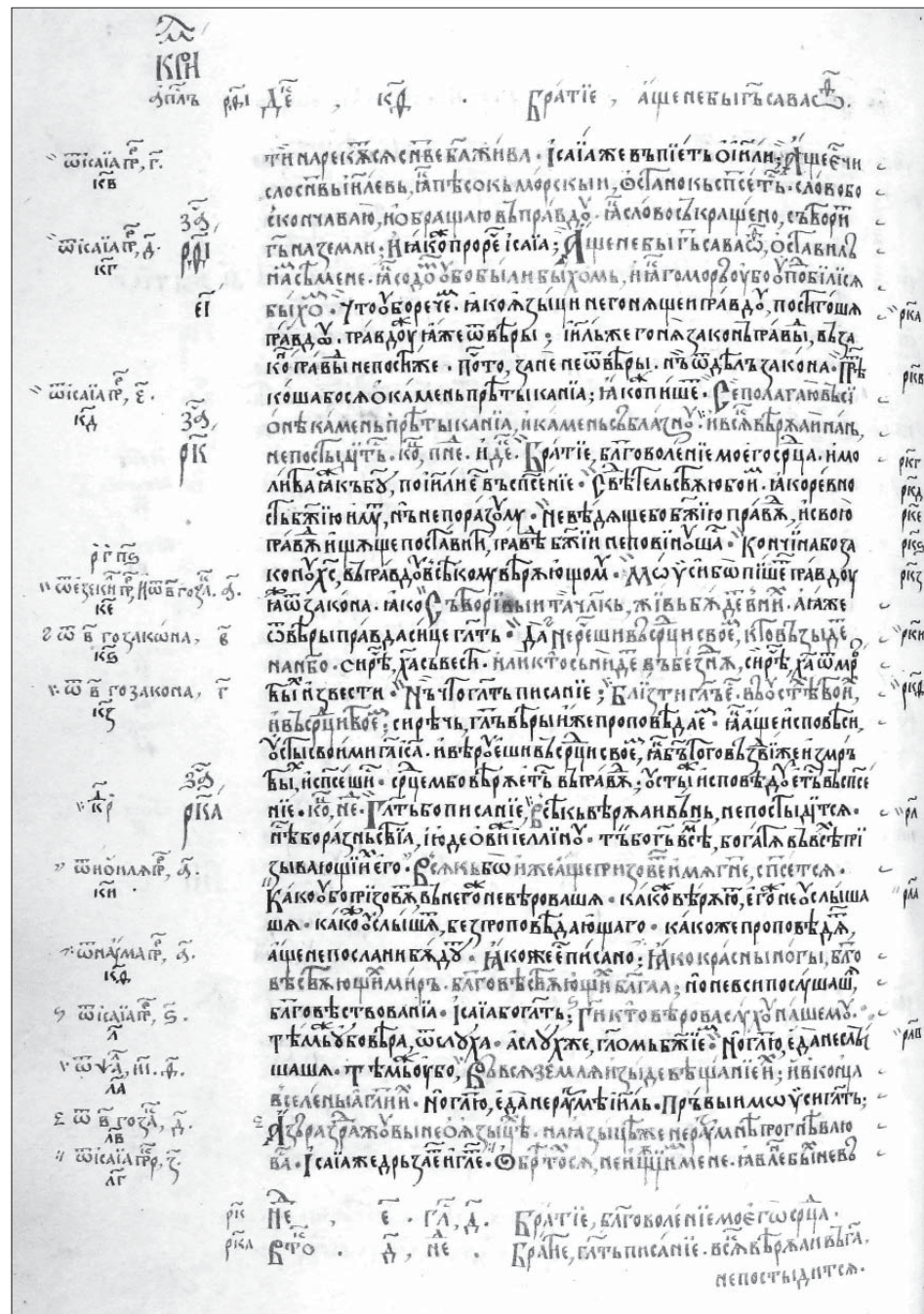

Рис. 46

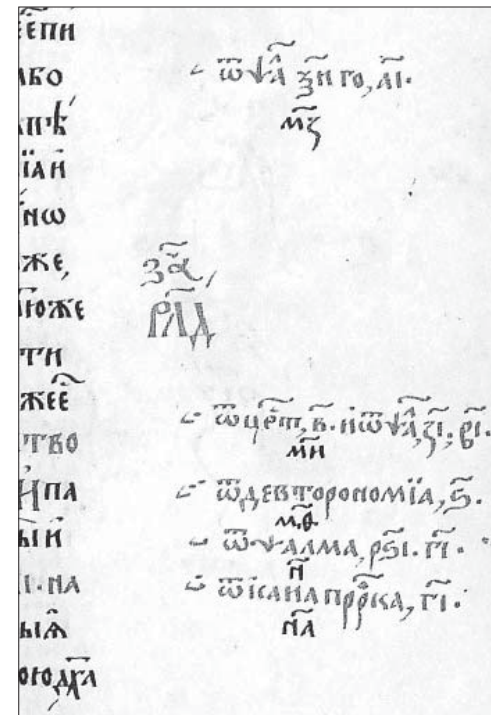

Рис. 47

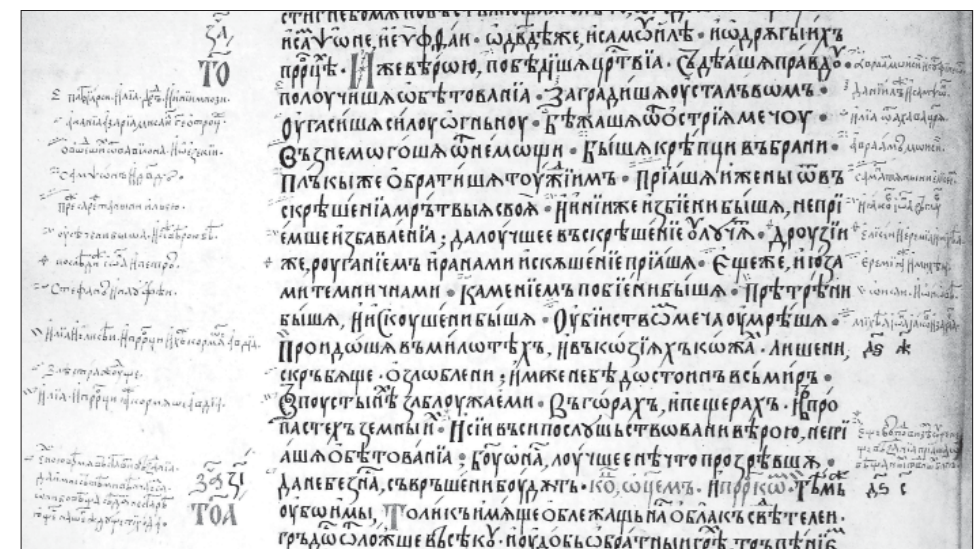

Рис. 48

ге многочисленными отсылками к книгам Ветхого Завета. На одном листе мы можем наблюдать до 12 отсылок (л. 350 об.), обозначенных на полях и в тексте маргинальными знаками (рис. 46). Именно в данной книге происходит постепенная замена просодических знаков на знаки знаменной нотации (с л. 350 по л. 353), при этом на отдельных листах (например, на л. 353) знаки нотации начинают выстраиваться по целым семействам (рис. 47).

Особым образом и наиболее последовательно используются знаки знаменной нотации в Послании апостола Павла к евреям, зачало 360-е «Иже върою побѣдиша царствіа...» (л. 400 об.; рис. 48). В отличие от всей книги это послание не сопровождается отсылками к параллельным местам. Здесь на полях рукописи напротив строк с текстом послания киноварью

выписаны толкования, каждое из которых увязано со строкой текста соответствующим знаком знаменной нотации. Толкования выписаны на полях рукописи, а не в основном тексте, как это было принято в русских Толковых Апостолах. Здесь прослеживается влияние скорее греческой или латинской традиций, в которых толкования обычно обрамляют текст Священного Писания, а увязывают их соответствующие буквы латинского или греческого алфавитов.

Вопрос о влиянии латинской библейской книжной традиции на Супрасльский сборник был поднят В. А. Ромодановской, показавшей определяющую роль Вульгаты в оформлении текстов Нового Завета: в делении на главы и в системе отсылок к параллельным местам текстов Священного Писания.⁷³ Отсюда следует, что характер расположения текста и глосс на листе рукописи Матфея Десятого также мог быть заимствован, в частности, из западных изданий Библии с толкованиями Николая де Лира.⁷⁴

В Супрасльской рукописи в данном фрагменте использовано 19 разных знаков. Четыре из них дважды повторены в строке, а несколько знаков появляются в рукописи впервые. Здесь использованы только знаки знаменной нотации. Это следует подчеркнуть, поскольку последовательность этих знаков соотносится с последовательностью знаков в певческих азбуках перечисления конца XV — XVI в.⁷⁵ Данный тип музыкально-теоретических руководств представляет собой перечень употребляемых знаков знаменной нотации в виде начертаний невм с названиями. Ранние списки певческих азбук не дают идентичных подборок знаков и последований. В них отдельные знаки могут меняться местами, в семействах может быть представлено больше или меньше разновидностей знака, однако в целом в азбуках сохраняется единая логика последования, идущая от общего протографа. Наиболее устойчивой оказывается первая половина руководства, содержащая основные знаки нотации.

В приводимой ниже таблице сопоставлены знаки из азбуки начала XVI в. (РНБ, Соловецкое собр., № 283/277, л. 252–252 об.)⁷⁶ и маргинальные знаки из текста Послания апостола Павла Супрасльского сборника.⁷⁷

⁷³ Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. и Супрасльский сборник Матфея Десятого. С. 198, 207–210.

⁷⁴ Например, издание «Biblia. Cum postillis Nicolai de Lyra». Nürnberg. 1493. Предположение о возможном использовании разных изданий Вульгаты Матфеем Десятым при создания Библейского сборника высказывает В. А. Ромодановская (Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. и Супрасльский сборник Матфея Десятого. С. 210). О системе маргиналий в русских книгах см.: Кудрявцев С. А. Маргиналии в кириллической книжности // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 60–74.

⁷⁵ См. публикации азбук-перечислений XV–XVI вв. в кн.: Шабалин Д. С. Певческие азбуки Древней Руси. Краснодар, 2003. Т. 1: Тексты. С. 7–44.

⁷⁶ Публикацию азбуки см.: Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 31–32.

⁷⁷ Номера в первой и третьей графе координируют соотношение в последовании Супрасльского сборника и Соловецкой азбуки.

№	Сол. 283/277	№	24.4.28
		1	ḡ
2	ḡ	2	ḡ
	ḡ ḡ ḡ		
12	ḡ		
3	ḡ	3	ḡ
1	ḡ		
4, 16	ḡ ḡ ḡ	4	ḡ
5	ḡ	5	ḡ
6	ḡ ḡ ḡ ḡ	6	ḡ
14	ḡ		
11	ḡ		
		7	ḡ
8	ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ	8	ḡ
7	ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ	9	ḡ
13	ḡ ḡ ḡ		
10	ḡ	10	ḡ
19	ḡ	11	ḡ
	ḡ ḡ	12	ḡ
	ḡ	13	ḡ
	ḡ ḡ ḡ	14	ḡ
15	ḡ	15	ḡ
17	ḡ	16	ḡ
	ḡ	17	ḡ
9	ḡ ḡ ḡ		
18	ḡ	18	ḡ
	ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ	19	ḡ
	ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ		
	ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ ḡ		
	ḡ ḡ ḡ		

Из всех знаков Матфей выбирает основные, при этом преимущественно в вариантах звучания в светлом согласии звукоряда, например, крюк светлый, стрела светлая, статья светлая, подчасшие светлое. Некоторые знаки представлены в двух и более разновидностях: столица с очком и столица «с двумя очками», статья светлая, статья мрачная с точкой и статья с сорочьей ножкой, сложития и сложития с запятой. Избирательность в использовании невменного словаря знаменной нотации и следование логике певческих азбук придает всему фрагменту текста Послания апостола Павла особую оформленность. Нет сомнения, что Матфей был не просто знаком с невмами как элементами книжного письма. Он владел навыком написания знаков нотации, о чем свидетельствует выработанный почерк и отточенное написание как простых, так и сложных по составу невм. Главное, что он понимал суть невменной системы, что отчетливо проявилось в «не певческом» применении знамен. Подобное обращение писца со знаками нотации выдает в нем профессионально образованного музыканта, знатока церковного пения.

У древнерусских книжников проявление профессиональных музыкальных знаний в маргиналиях — случай не единичный, хотя во всех остальных известных нам примерах маргинальные знаки принадлежат не писцу-составителю кодекса, а пользователю, читателю.⁷⁸ Так, в рукописном Уставе конца XVI в. (БАН, собр. Колобова, № 42.3.2), в тексте Последования вселетного пения имеется обильная редакторская правка, заключающаяся преимущественно в добавлении памятей святых и в уставных указаниях песнопений в месящесловной части. Вставки на полях рукописи и соответствующие места текста скоординированы разнообразными знаками. Некоторые из них достаточно просты: крест, оксия, двойная вария, другие представляют собой свободные комбинации из простейших элементов, а третьи имеют непосредственное отношение к алфавиту знаков крюковой нотации: голубчик борзый, палка с точкой (мрачная), палка воздернутая (светлая), и наиболее показательны крюки: светлый, трисветлый и стрела светлая. Характерно, что в данной рукописи певческие знаки использованы многократно, написаны чернилами, киноварью и комбинированно конца XVI в. Несмотря на временной разброс Сборника Матфея Десятого и Устава — начало и конец XVI в., преемственность в употреблении основных знаков нотации и в принципах комбинирования элементов очевидна.⁷⁹

⁷⁸ В начале Библейского сборника маргинальные знаки проставлены не рукой Матфея Десятого, а другого писца, почерком которого написаны тексты на л. 299–303 об., 478–542, 544, 545.

⁷⁹ В некоторых других не певческих рукописях встретились в значении маргинальных знаков голубчик борзый, палка, статья (БАН, 45.10.6; БАН, 33.20.13; БАН, Арх. Д. 415). Реже всего знаки нотации в качестве маргинальных можно обнаружить в нотированных рукописях, где их использование могло бы внести путаницу. Од-

Наши наблюдения находят подтверждение в исследовании печатных экземпляров Острожской Библии, проведенном С. А. Кудрявцевым. Исследователь обнаруживает общность в начертаниях знаков сноски с рядом невменных знаков, что дает ему основание отметить профессиональную принадлежность владельцев изученных экземпляров печатной Библии к числу церковных певчих: «Простота условного рисунка “знамени” должна была привлекать древнерусского книжника, искавшего новых рисунков для знака сноски. “Знамена” всегда были под рукой, поскольку знаток книг обычно знал и крюковое пение».⁸⁰ Автору статьи удалось собрать и систематизировать значительный графический материал знаков «сноски». И хотя большая часть этих маргиналий выполнена в XVII–XIX вв., этот графический материал вполне согласуется с рассмотренными выше рукописями XV–XVI вв., что свидетельствует о долговечности и устойчивости приема. Стоит заметить, что система использования знаков нотации в Сборнике Матфея Десятого остается существенно более разнообразной, чем у его потомков, и не имеет прямых аналогов в рукописной книжности. Все изыски написанной Матфеем Десятым рукописи опираются на вполне конкретные знания и впечатления, свидетельствующие о его эрудиции.

Применение самых разнообразных знаков в качестве маргинальных помет имеет глубокие корни в греческой и южнославянской книжности. В этой связи показательна рукопись второй половины XV в. Апостол с толкованиями из собрания БАН, 31.3.24.⁸¹ Практически на всех листах этой рукописи имеются киноварные маргиналии — отсылки к чтениям и вставки, для чего переписчик изобрел более 160 разных графем. Среди простейших знаков встречаются

нако, например, в Стихираре конца XVI в. БАН, собр. Строганова, № 44, один из писцов рукописи (он же редактор) в качестве маргинального знака использовал музыкальный знак из другой нотации — путевой.

⁸⁰ Кудрявцев С. А. Знаки сноски читателей Острожской Библии. 1. С. 148.

⁸¹ Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. Т. 1: Книги Священного Писания и книги богослужебные / Сост. В. И. Срезневский, Ф. И. Покровский. СПб., 1910. С. 34–35. Рукопись входила в состав собрания графа Ф. А. Толстого, пожертвованного в 1854 г. в Академию наук купцом С. П. Алексеевым.

В Основном собрании БАН (34.5.19) хранится еще одна рукопись Посланий Апостолов с толкованиями начала XVIII века. Как удалось установить, эта рукопись является списком с Апостола 31.3.24. Она точно воспроизводит его текст, указания статей, некоторые киноварные маргинальные украшения. Но главное состоит в идентичности одного из почерков XVIII в. В Апостоле 31.3.24 сохранилась лишь часть рукописи XV в. (до 200 л.), далее до конца Апостол был дописан несколькими писцами в начале XVIII в. Один из писцов с характерным полууставным почерком написал так же часть Апостола 34.5.19. О происхождении этой рукописи никаких сведений нет, кроме того, что она была приобретена для Академии наук у книготорговца Матвея Никифорова в 1761 г. (запись сделана рукой А. И. Богданова на внутренней стороне верхней крышки переплета). Рассмотренные нами палеографические связи могут послужить для ее дальнейшей атрибуции.

лишь три знака, известных нам по ранним типам нотации: «палка», «чашка полная» и знак похожий на «два в челну». Остальные знаки нельзя напрямую связать ни с одним из видов словарей. Однако в соединениях элементов графемы можно усмотреть общие черты с глаголическим письмом и с кондакарной нотацией (сложные знаки). Примечательно, что рукопись была вложена в 1460 г. в Троицкий монастырь в Вильне, о чем свидетельствует вкладная запись королевского маршалка Александра Александровича (л. 2 об.). Данное обстоятельство позволяет предположить, что и этот редкий список Апостола с толкованиями, имеющий ярко выраженные черты второго южнославянского влияния (в языке отмечены болгаризмы), мог быть доступен Матфею Десятому в бытность его в Вильне и, возможно, возбудить в нашем авторе идею дополнить свою рукопись оригинальными маргиналиями.

Рукопись, созданная Матфеем Десятым, — выдающийся памятник своего времени, свидетельствующий о многогранном таланте его создателя. К известной ранее характеристике Матфея Десятого как каллиграфа, редактора, эрудита, изографа, можно добавить — и музыканта.

Толковый Апостол в переводе-восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: принципы и характер работы над текстом

В XIV в., в период царствования Ивана-Александра (1331–1371 гг.) в столице II Болгарского царства Тырнове был выполнен перевод Толкового Апостола (в объеме Деяний и соборных Посланий). Этот болгарский перевод распространяется в славянских землях — так, он представлен в сербской рукописи РНБ, F.I.516 (1516 г.) и в ряде русских списков. Однако список этого перевода, попавший на Русь, содержал значительную лакуну во второй части Деяний, которая в 1519 или 1520 г. была восполнена переводом Максима Грека,¹ о чем свидетельствует сохранившаяся в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 24/149 (XVI в.) приписка: *Помощію вѣією, і повелѣніє, стѣиша варлаама. митрополита всеа рѣси, написано толкованіє дѣаніємъ стѣи аплъ ѿ ла, зачала до конца; и преложено, съ греческаго яззыка на рѣскыи. монахъ маѣимо стѣи горы. великыи обители, ватопеда монастыря. да власъ толмаче, латынскы, і нѣмецкы. на моквѣ, въ црѣво блговѣрнаго, і хрѣтолюбиваго василіа вѣією млтїю, гдрѣ и самодрѣжца всеа рѣси, і велика князѣ. в лѣто 75. кн.: марта, в четвертое на дѣтѣ(!) лѣто гдрѣства его (л. 181 об.).² По свидетельству этой приписки, перевод совершался при участии Власа Игнатова, переводчика с латыни и немецкого языка, одного из сотрудников книжного круга новгородского архиепископа Геннадия.³*

Сопоставление восполнений Максима Грека (по рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 24/149, далее — МГ) с текстом среднеболгарского перевода Толкового Апостола (по рукописи РНБ, F.I.516, далее — ТА-болг.) позволяет выявить некоторые детали, относящиеся к процессу совместной работы двух книжников, а также уточнить характер работы над текстом.

Так, в славянском Апостоле укореняется ошибочный перевод названия Ареопаг (букв. 'холм Ария') как *арневъ ледъ*, что основано на омонимии значений греч. *rago*— 'лед, мороз' и 'возвышенность, скала, утес'.⁴ Этот перевод присутствует в разных редакциях Апостола, включая Толковую редакцию и редакцию Чудовского Нового Завета, образуя тем самым устойчивую традицию. Особое соотношение вариантов перевода складывается, однако, в толковом

¹ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 188, 202.

² Ср.: Там же. С. 39.

³ Турилов А. А. Власий // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2010. С. 107.

⁴ О причинах см.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 75–77.

Христинопольском Апостоле (Христ.), где в основном тексте читается **ставъ же павль посредѣ ариква леда рече**, а в толкованиях на поле к данному фрагменту фигурирует транслитерированное название места: **въ аѣнинѣхъ мѣстоу ксть нма ариос пагастъ. иде имъ бѣ соуднище да иже ихъ бѣаше гораздѣи и добрѣи родѣмъ. того ѿлоучаху на то първоу ии потомъ н да тѣмъ намѣнить мѣсто оуказанмоу хытрость и родъ** (л. 15).⁵ Христинопольский Апостол XII в. занимает особое место среди представителей ранней редакции Апостола: в Деяниях здесь имеются схолии, которые не известны по другим рукописям Толкового Апостола.⁶ Структура Христинопольского Апостола представляет собой рамочную катену, причем в рукописи имеется два слоя толкований: толкования к Деяниям и Соборным посланиям, одновременные основному тексту (XII в.), и толкования к Соборным посланиям и Посланиям ап. Павла, появление которых относили к более позднему периоду (XIV–XV вв.). Однако А. А. Турилов и М. А. Бобрик датируют и этот слой толкований XII в. и считают его современным основному тексту.⁷ Тем самым Христ. стоит особняком в славянской традиции не только в отношении текста толкований, но и в отношении их оформления.

Транслитерация как способ перевода названия Ареопага используется и в более поздний период, являясь очевидным решением проблемы выбора нужного значения. В примечаниях к переводу Ареопагитик, выполненном в XIV в. старцем Исайею, этот способ сочетается с глоссой-толкованием названия: **аріевъ пагъ, еже рещи словѣньскы аріевъ камыкъ**.⁸ В конце XVII в. вторая часть названия транслитерируется в переводе Нового Завета, выполненного коллективом книжников, возглавляемым Епифанием Славинецким и Евфимием Чудовским: *Деян. 17:19* ГИМ, Син. греч., № 473 **на аріевъ пагъ** (л. 174), то же ГИМ, Син. греч., № 472 (л. 262). *Деян. 17:22* ГИМ, Син. греч., № 473 **посредѣ аріева пага** (л. 174), то же ГИМ, Син. греч., № 472 (л. 262). Характерно, что этот же вариант транслитерации находится уже в печатном Апостоле 1671 г. В издании Апостола 1679 г. при патриархе Иоакиме, подготовленном иным коллективом справщиков (Иосиф Белый, Никифор Симеонов и Сильвестр Медведев), предлагается современный вариант *Ареопавъ*.⁹

⁵ Благодарю М. А. Бобрик, указавшую мне это место в тексте Христинопольского Апостола и любезно предоставившую фотокопию соответствующего листа рукописи.

⁶ Бобрик М. А. Тырновский перевод Толкового Апостола в составе Великих Четых Миней // Тырновска книжовна школа. Т. 9. Велико Тырново, 2011. С. 269.

⁷ Бобрик М. А. Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях Толкового Апостола XII–XVI вв. // Библистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библистики проф. А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 388–389.

⁸ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 76.

⁹ Б-нъ И. Об исправлении славянского текста Деяний и Посланий Апостольских при патриархе Иоакиме // Православное обозрение. 1861. Т. 4. С. 303. Об истории этой sprawy см. также: Корниенко Н. Н. К вопросу о книжной справе XVII века: Правка Апостола 1679 г. // Христианское чтение. 2010. № 2. С. 178–195.

В рассматриваемом болгарском переводе Деяний находится традиционный вариант:

Деян. 17:19 ТА-болг., основной текст: **поемше же его, на аріевъ ледъ ведоша** (л. 139 об.) — epilabomenoi te autou epi ton Areion pagon hgagon; толк.: **Ведоша его рече на аріевъ ледъ** (на поле: не аріе но арі). **не тако ѿ него навикнхти что, нж тако да мжчатъ его** (л. 139 об.)... толк.: **аріевъ ледъ глѣтъ, мѣсто сждилища въ аѣннахъ естъ. ари нѣкын такоже глѣтъ въ то` мѣсто всжжденъ выстъ. ледъ же выско наричетса мѣсто. на брѣсѣ оубо нѣкоемъ бѣше сждилище вно. тѣмъ же и аріевъ ледъ мѣсто вно именуется** (л. 139 об.).

В толкованиях, как и в основном тексте, не снимается омонимия, хотя из самого комментария ясно, о какой реалии идет речь. Возможно, делается это для того, чтобы гармонизировать текст толкований и основной текст. Кроме того, перевод без учета контекста, выбор одного только значения слова, которое считается главным, неоднократно встречается в так называемых пословных переводах.

Деян. 17:22 Основной текст: **ставъ павель посреде аріева леда рѣ** (л. 140 об.) — staei~ de o Paulo~ en mesw tou Areiou pagou e fh.

В толкованиях, как и в основном тексте, не снимается проблема омонимии значений, хотя из самого комментария ясно, о какой реалии идет речь. Возможно, устоявшийся вариант сохраняется, чтобы гармонизировать текст толкований и основной текст. Кроме того, перевод без учета контекста, выбор одного только значения слова, которое считается главным, неоднократно встречается в так называемых пословных переводах.

Иное решение представлено у Максима Грека, который в толкованиях переводит этот топоним как **аррисово мѣсто**. При этом в основном тексте сохраняется традиционное чтение:¹⁰

Деян. 17:19 МГ Основной текст (сущее): **поемше же его, на аріевъ лѣ ведоша его глѣюще** (л. 142); толк.: **Ведоша его рѣ, на аррисово мѣсто. не тако да, нѣчто тревѣю и наоуча ѿ него, но да его накажоу** (глосса: **канатъ**) **съ вѣчестіе** (л. 142 об.)... толк.: **аррисово вѣ мѣсто нарицаашеся того ра зане аррис тако глѣють. прѣлюбодѣинства казнь тоу приналъ; пагос же, выско мѣсто именуется прикро и камено. иво на нѣкоен высостѣ бѣ оучинено тоу сѣдрилище. сего ра и пагархи, сирѣчь соудѣи нарицаахуся. оу нѣкои мѣстѣ и ѿ весен, началники** (л. 142 об.) — ср.: Hgoun auton, fhsin epi ton Areion pagon ouc w~ ti maqein, all' wste kolasai ... Isidwrou Phlotsiwrou epistolh~ fca'. Epeidh gegrafa~, tino~ eneken Areio~ Pago~ ekaleito to en Aqhna~ dikasthron, en w kai o Paulo~ edhmhgoren, antepistellw, oti o Arh~ w~, fasin ekeise dika~ edwke: pago~ de o uyhlo~ topo~: en gar ocqw tini hn ekeino to dikasthron:

¹⁰ Таким образом, несовпадение перевода данного топонима в основном (комментируемом) тексте Апостола и в толкованиях в версии Максима Грека обнаруживает типологическое сходство с соотношением вариантов, представленным в Христ.

oqen kai pagarcoi kalountai para tisin oi tw n topwn h kwmwn tinwn arconte~.¹¹

Деян. 17:22 Основной текст: ставѣ павелъ посрѣдѣ аріева леда, рѣ (л.142 об.).

Обращает на себя внимание выбор славянского эквивалента для перевода названия Ареопаг в толкованиях. На выбор лексемы **мѣсто** в качестве соответствия для **pagō~** могло повлиять последующее чтение **pagō~ de o uyhlo~ topo~**. Однако в византийском греческом известна также лексема **o pagō~** < лат. *pagus* 'village: district, canton' (*praiposito~ tou pagou, pagi prepositus*).¹² Этот вариант заставляет обратиться к латинскому тексту Апостола, в котором в Деян. 17:19, 22 читается: *ad Areopagum... in medio Areopagi*. Вторая часть этого названия могла быть сопоставлена с лат. *pagus* 'сельская община, село, деревня; область, район, округ'.¹³ Именно этот вариант значения хорошо сопоставим со слав. **мѣсто**. Данное предположение согласуется с известным механизмом перевода с помощью языка-посредника, применявшимся на начальном этапе деятельности Максима Грека, который переводил толкования на латынь, а Влас Игнатов с латыни на церковнославянский.¹⁴

Совместная переводческая деятельность с членами Геннадиевского кружка Власом Игнатовым и Дмитрием Герасимовым заставляет обратиться к поиску возможных латинских параллелей толкований. Исследованиями было установлено, что при переводе библейских книг Геннадиевской Библии использовались, в частности, латинские толкования на библейский текст Николая де Лиры (по нюрнбергскому изд. «*Biblia cum postillis Nicolai*

¹¹ Catena in Acta SS. Apostolorum e cod. nov. coll. Descripsit et nunc primum edidit adjecta lectionis varietate e cod. Coislin. J. A. Cramer. S. T. P. Oxonii, 1838. Vol. 3. P. 285.

¹² *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. Hildesheim; Zürich; New York, 1992. P. 829.

¹³ Возможно, типологически сходный механизм соотношения с латынью действовал и в Греко-славено-латинском лексиконе, созданном Епифанием Славинецким в XVII в., где предлагаются следующие варианты передачи данного названия: ГИМ, Син. греч., № 383 *Areopago~ o Aріовесь, Aріохолмъ, Aріопагъ Aгiорagus* (л. 122). Не исключено, что вариант *Aріовесь* связан с толкованием **pagō~** = лат. *pagus*, ср.: весь 'район, квартал города, называемый по влившемуся в его состав селению; пригород; селения, слободы, примыкающие территориально и административно к городу' (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 122). Ср. также перевод следующего слова: ГИМ, Син. греч., № 383 *Areopagitai oi Aріовесници, Aріохолмници, Aріопагити* (л. 122).

¹⁴ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 202; Ромодановская В. А. «Седе одесную Отца» или «Сидель еси»? К вопросу о грамматической правке Максима Грека // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 233; Вернер И. В. «Нестандартная грамматика» библейских переводов Максима Грека: Влияние «Доната» Дмитрия Герасимова на церковнославянский язык IV Маккавейской книги и книги Есфирь // Священное Писание как фактор языкового и литературного развития. СПб., 2011. С. 201.

de Lyra» А. Кобергепа 1485 или 1487 г.).¹⁵ Однако в данном случае толкования Николая де Лиры задействованы не были, ср., в частности, в интересующем фрагменте: «*Ad Ariopagum*» ... *est curie apud Athenas*.¹⁶ При этом *curia* в интересующем нас значении — место заседания высших органов в неримских центрах: с. Martiis 'афинский Ареопаг'. Возможно, связано это и с тем, что Четвероевангелия, Деяния и Послания Апостолов вошли в Геннадиевскую Библию в Афонской редакции,¹⁷ и поэтому не было необходимости привлекать эти части в латинском переводе. Таким образом, перевод «**аррисово мѣсто**» представляет собой, по всей вероятности, результат независимого решения и подтверждает порядок действий переводчиков, при котором Максим мог перевести на латынь греческий текст толкований, а Влас Игнатов — с латыни.¹⁸

Об участии Власа Игнатова в переводе данного фрагмента может свидетельствовать еще прилагательное «прикро»: **прикрыи** 'крутой, отвесный' (ср. польск. *pryzkry* 'то же'). Это прилагательное употребляется в данном значении в сочинении Андрея Курбского «История о великом князе Московском» (вероятнее всего, 70-е гг. XVI в.), причем более ранних его фиксаций в словарях нет.¹⁹ Сведений о Власе Игнатове немного; И. Е. Евсеев предполагал его севернорусское происхождение, а А. И. Соболевский считал его выходцем из Западной Руси.²⁰ Употребление прилагательного **прикрыи** свидетельствует в пользу предположения А. И. Соболевского.

Особенностями двойного перевода — с греческого на латынь, а потом с латыни на церковнославянский — В. А. Ромодановская объясняет грамматическую замену аориста на перфект, проводимую Максимом Греком в переводе Толковой Псалтыри 1525 г. и в других его работах. Представленная в переводе Максима парадигма прошедшего времени содержит перфект со связкой во 2-м л. ед. ч. и перфект без связки в 3 л. ед. ч., причем этим формам в греческом соответствует аорист, а в латыни — перфект, который по своей семантике является заместителем греческого аориста. Такая же парадигма присутствует и в Донате Дмитрия Герасимова, где формы славянского аориста неупотребительны.²¹

¹⁵ Ромодановская В. А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2010. С. 584–588.

¹⁶ *Biblia latina cum glossa ordinaria Walafridi Strabonis aliorumque et interlineari Anselmi Laudunensis et cum postillis ac moralitatibus Nicolai de Lyra et expositionibus Guilelmi Britonis in omnes prologos St. Hieronymi et additionibus*. P. 6. Basel, 1498.

¹⁷ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 198.

¹⁸ Ср.: Турилов А. А. Власий. С. 107–108.

¹⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 190.

²⁰ Турилов А. А. Власий. С. 107.

²¹ Ромодановская В. А. «Седе одесную Отца» или «Сидель еси»? С. 232–238. Влиянием грамматики Доната, переведенной Дмитрием Герасимовым в 1480-е гг. и переработанной им же в 1522 г., И. В. Вернер объясняет ряд грамматических явлений,

В. А. Ромодановская и Т. В. Пентковская. Сентябрь 2004 г.

Отметим, что и в рассматриваемом переводе Максима Грека встречается некоторое количество *l*-форм без связки в 3 л. ед. ч., соответствием которым в греческом тексте служит аорист: Деян. 17:19 МГ толк.: *аррисово въ мѣсто нарицаашеся того ра^д зане аррисъ тако^ж глѹть. прѣлюбодѣнства казнь тоу приналъ* (л. 142 об.) — *oti o Arh~ w~ fasin ekeise dika~ edwke*.²²

наблюдающихся в переводе Максимом Греком книги Есфирь и IV Маккавейской книги, в частности, омонимии форм род. и вин. п. неодушевленных существительных, появление форм местного падежа вместо родительного, а также особенности функционирования именных прилагательных. Обращение к русскому переводу «Доната» автор данной работы связывает с процессом обучения Максима церковнославянскому языку русской редакции (Вернер И. В. «Нестандартная грамматика» библейских переводов Максима Грека. С. 197–222).

²² Catena in Acta SS. Apostolorum. P. 285.

Деян. 17:27 МГ нарекъ нарочита врѣмена и прѣдѣлы житїа и^х възыскати гѣ (л. 143 об.) — *orisa~ prostetagemnou~ kairou~ kai ta~ oroqesia~ th~ katoikia~ autwn, zhtein ton Qeon*, ср. толк.: *оуставилъ рѣ врѣмена да възыщюу^т бѣа* (л. 144) — ср.: *wrise zhthsai ton Qeon: all' ou dia panto~ tou to wrisen, alla prostetagemnou~ kairou~; тако рѣ бѣ оустроилъ, ни ѿ мѣста ни ѿ врѣмени запрѣтитиса* (л. 144) — *outw~ wkonomhsen, wste mhte topw kwluesqai, mhte cronw*.²³

Обращает на себя внимание тот факт, что *l*-формы встречаются при передаче высказывания основного текста в режиме реинтерпретации, показателем которого служит наличие вставной формы *рѣ* или прямой ссылки на передачу чужой информации *такѡ глѹть* (*fasin*). Это условия для выражения категории эвиденциальности, или засвидетельствованности, которая находит выражение в языках различных языковых семей. При этом «распространено выражение косвенной засвидетельствованности перфектом, а прямой засвидетельствованности — аористом», и даже в тех языках, в которых развитие форм перфекта в пересказывательное наклонение не имело места,²⁴ в частности, в древнерусской системе. При этом подобные средства выражения эвиденциальности отсутствуют в византийском и новогреческом языке.²⁵

То, что перевод Максима касался только толкований, ясно из сопоставления основного текста и толковой части. Основной текст, восходящий к тексту Деяний Геннадиевской Библии, еще раз не переводился и не правился в соответствии с толкованиями. Ср. следующий фрагмент основного текста (Деян. 24:22):

Akousa~ de tauta o Fhlix anebaletu autou~ akribesteron eidw~ ta peri th~ odou eipwn: otan Lusia~ o ciliarch~ katabh, diagnwsomai ta kaq' uma~.

Геннадиевская Библия
и Афонская редакция
(по ркп F.I.657)

слышав же сѣа фѣлиѣъ,
ѿвѣщавааше имъ. истъѣ
свѣды» паже ѡ пѣти
рекъ егда лѣсѣа тысѣщ-
никъ съиде^т, скажъ
паже ѡ ва^с,²⁶ то же F.I.657,
л. 169 об.

МГ

слышав же сѣа филиѣъ
ѿвѣщавааше имъ.
истъѣ съвѣдынъ пажѣ
пѣти рекъ егда лѣсѣа
тысѣщникъ съидеть,
скажъ паже ѡ ва^с (Кир.-
Бел. 24/149, л. 166)

ТА-болг.

слышав же се фѣлиѣъ,
въставѣ ѣ. истое вѣды
ѡ пѣти рекъ, егда дѣ-
сѣа тысѣщникъ прѣиде^т,
разъмѣю паже ѡ ва^с
(F.I.516, л. 182)

²³ Catena in Acta SS. Apostolorum. P. 294.

²⁴ Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 13; Козинцева Н. А. Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 23.

²⁵ За эти сведения приношу благодарность И. А. Шефф.

²⁶ Русская Библия (Деяния святых Апостолов. Послания святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. Послания святого Апостола Павла. Апокалипсис). Т. 8. М., 1992. С. 94.

Такое же соотношение демонстрируют источники и в Деян. 20:1:
 Meta de to pausasqai ton qorubon metapemyameno~ o Paulo~ tou~ ma-
 qhta~ kai parakalesa~ aspasameno~ exhlqen poreuesqai ei~ Makedonian.

Геннадиевская Библия
и Афонская редакция
(по ркп F.I.657)

МГ

ТА-болг.

по Ѹставленїи же молвы,
призвавъ павель оуч-
ники, Ѹтѣши и цѣловавъ
ихъ, изыде ити в ма-
кедонїю,²⁷ то же F.I.657,
л. 163

по Ѹставленїи мльвы
призвавъ павель оуч-
ники оутѣши и цѣло-
вавъ и, изыде ити в
македонїѣ
(Кир.-Бел. 24/149, л.151
об.)

по Ѹставленїи же пли-
ща призвавъ павель
оученики и оутѣшивъ.
цѣловавъ ихъ изыде
ити хота въ македонїѣ
(F.I.516, л. 158 об.)

ТА-болг. дает в данном стихе чтение, совпадающее с преславским (по Ѹставленїи же плища), тогда как Геннадиевская Библия и МГ разделяют чтение Афонской редакции (по Ѹставленїи же молвы), восходящее к древнему тексту.²⁸

Иная ситуация складывается в ТА-болг. Основной текст Апостола в среднеболгарском переводе представляет собой разновидность так называемой Правленной редакции, которая, по всей вероятности, базируется на Афонской. Кроме того, ряд чтений находит поддержку в древнем тексте, а также в Преславской редакции Апостола.²⁹ О единстве основного текста и толкований ясно свидетельствует следующее замечание переводчика, имеющееся в F.I.516, которое относится к толкованию Деян. 17:18: нѣцїи же ѿ епикѡрїи и ѿ стонкѣ философѣ стазаахъ сѧ съ нимъ и ѡвнї глѡахъ, что Ѹбо хоуеѣтъ сѣменословецъ сѣи глѣти (л. 139 об.) — tine~ de kai twn Epikoureiwn kai Stoikwn filosofwn suneballon autw, kai tine~ elegon: ti an qeloi o spermologo~ outo~ legein;

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009. С. 209.

²⁹ Пентковская Т. В. Болгарский перевод Толкового Апостола как представитель новозаветных редакций XIV в. (к постановке проблемы) // XV Международный съезд славистов. Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 229–245; ср.: Бобрик М. А. Толковый Апостол в Великих Четых Минеях: Два списка — две редакции // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2010–2011>. М., 2011. С. 57.

Традиционное чтение — **бладивын** (его находим, например, в Чудовском Новом Завете (71 а)³⁰, то же в Геннадиевской Библии³¹ и в ряде других источников³²). Объяснение нетривиальному выбору лексемы в болгарском переводе находится на полях: **Тѣка ра^д «не постави^х бладивын съ», нж сѣменослове^ц, іа^к и въ многыи^х нини^х же вѣсѣдъ хоуеѣши ѡврѣсти** (F.I.516, л. 139 об.). Действительно, в толковании к этому стиху комментируется лексема spermologo~: F.I.516 **аѡинее соуѣтнѣ высѣе сѧ грѣдостъ. въ словесѣ великомъдрѣствовахъ глѡще. что Ѹбо хоуеѣтъ сѣменословецъ сын глѣти, и прочаа. сѣменословецъ, птиць естъ глѣтъ хоуждьшїи, нже по пжтѣхъ расточеннаа ѿ семень зрѣна навикалъ събирати. емоуѣже вжтвнаго павла смѣжше сѧ подобѣхъ вкаанныи нже выстѣ къ нимъ спсїтелно слово** (л. 139 об.) — oi Aqhnaioi mataian aironte~ ofrun, epi glwtth plateia fronounte~ mega, anohtw~ efaskon: ti an qeloi o spermologo~ outo~ legein: kai ta exh~: spermologon de pthnon einai fasin eutelestaton ta en tai~ triodoi~ kataskedasmaena twn spermatwn sul legein: w pareikazonte~ ton qespesion Paulon, egelwn oi deilaioi ton pro~ autoi~ gegonota swthrion logon.³³

Болгарский переводчик калькирует нуждающееся в комментарии слово, не транслитерируя и не глоссируя его.³⁴ К более позднему периоду относится источник, в котором представлен еще один вариант калькирования (**словавѣць**) — это рукопись Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казан-

³⁰ Neues Testament des Čudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Metropoliten von Moskau und ganz Rußland. Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau. Moskau, 1892. Mit einer Einleitung herausgegeben von W. Leffeldt. Köln; Wien, 1989.

³¹ Русская Библия. С. 73.

³² Ефимова В. С. К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии литературных языков. М., 2002. С. 268.

³³ Catena in Acta SS. Apostolorum. P. 284–285.

³⁴ Примечательно, что вариант сѣменословѣць, отмеченный в ТА-болг., совпадает с вариантом, который имеется в Христинопольском Апостоле; см.: Новак М. О. К лингвотекстологии славяно-русского Апостола: Показания списков XV–XVI веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2010–2011>. М., 2011. С. 107. См. так же: Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка: Лингвостилистическое исследование. Казань, 2014. С. 17, 267. На поле более поздним почерком приписано бладивы` съ` (л. 14 об.), что соответствует чтению Афонской редакции, ср.: РНБ, F.I.657 бладивы (л. 160). Христинопольский Апостол XII в. занимает особое место среди представителей ранней редакции Апостола: в Деяниях здесь имеются схолии, которые не известны по другим рукописям Толкового Апостола; см.: Бобрик М. А. Тырновский перевод Толкового Апостола в составе Великих Четых Минеи // Тырновска книжовна школа. Т. 9. В. Тырново, 2011. С. 269. Возможно, переводчик ТА-болг. опирался на данное чтение Христинопольского Апостола, однако характер соотношения этих двух источников требует тщательного изучения.

ского федерального университета № 9400, XVI в., содержащая текст Апостола Афонской редакции с рядом особых вариантов³⁵. Иной подход применяет при переводе данного фрагмента Максим Грек.

Деян. 17:18 МГ Основной текст: **нѣцѣи же и ѿ епикѣрѣи и ѿ стонкѣ фило-софѣ, стажаахоуѣ сѣ нимѣ и нѣцѣи глѣахѣ. что ѿбо хоцѣ блждивын сѣ» глати** (л. 141 об.); толк.: ... **нѣцѣи же ѿ тѣхъ, въ мѣдрѣсти сѣло чающе сѣ. досажаахѣ бжтвномѣ павлѣ. и безъ промысла (глосса: неразумно) глѣахѣ что ѿбо хоцѣ спер-моного сѣи. глати. си»рѣчь сѣменосѣбиратель. ѣ ѿбѣ птничка спермоногосѣ, мала хѣда, и неоугона. ни кѣ гаденію. ни кѣ оуслаженію непотребна ѣ. помѣтаемаа сѣмена по распѣтѣамъ обыче сѣбирати. сего ради, неоугонынѣ непотребны словѣ. спермоногосѣ нарицаахоуѣ** (л. 142).³⁶

Несколько вариантов перевода данного слова представлено в Новом Завете в переводе Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского и коллектива справщиков Московского Печатного Двора конца XVII в. Так, в ГИМ, Син. греч., № 473 этот фрагмент выглядит следующим образом: **что ѿбѣ хоцѣ сѣ-нословѣ**³⁷ **сѣи глати** (над зачеркнутым словом сверху написано рыжими чернилами **блждивый** (л. 174). На поле глосса **словосѣвецъ** (ср. вариант казанской рукописи), под ней затерто слово **блждивый**. В ГИМ, Син. греч., № 472, еще одном списке данного перевода, читается только традиционный вариант **блждивый** (л. 262), глоссы отсутствуют. Предпринятое Т. А. Исаченко изучение соотношения этих двух источников показало, что Син. 473 отражает более раннюю стадию работы над переводом, чем Син. 472, в которую перенесено подавляющее большинство исправлений, сделанных в тексте перевода Евфимием Чудовским³⁸. В данном случае, однако, особый вариант Син. 473 не был принят в Син. 472. Несколько вариантов перевода близких производных, отражающих расхождение в интерпретации значения переводимого, представлены также в Греко-словено-латинском лексиконе Епифания: ГИМ, Син. греч. 383 *Spermologia* а~ h сѣменобраніе seminis collection; *Spermologew* сѣменоберх semen lego сѣменословлю semento verba блждѣ (л. 632 об.).

Между тем вариант Син. греч. 473 **словосѣвецъ** заслуживает особого внимания. Первая часть этого композита соотносится с *logo*~ 'слово', а вторая представляет собой производное от глагола **сѣ(а)ти**. Лексема **сѣвецъ** 'сея-

³⁵ Новак М. О. К лингвотекстологии славяно-русского Апостола. С. 107.

³⁶ Данное чтение фигурирует в числе древних лексических вариантов в работе М. О. Новак, которая приводит его по рукописи ГИМ, Худовское собр., № 49 (Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка. С. 267). Однако этот источник отражает загрязненный тип Апостола, в котором Деяния представлены в варианте ТА-болг. с восполнением лакуны Максимом Греком — именно к участку его работы принадлежит этот фрагмент (Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 39).

³⁷ Вероятно, в данном слове пропущен слог сѣно[ме]словѣ. Лексема представляет собой точную кальку с греческого.

³⁸ Исаченко Т. А. Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009. С. 43.

тель; тот, кто сеет' отмечается в Измарагде (по списку БАН, 13.2.7, XVI в.; старейшая рукопись относится к XIV в.), причем текст представляет собой цитату из Мф. 13:3 **рече гѣ бѣ глѣако изыде сѣвецъ сѣяти сѣмене своего** (л. 226 об.)³⁹.

Вероятно, вариант Син. греч. 473 возник в результате воспроизведения в переводе словообразовательных отношений греческого словообразовательного гнезда: сущ. *to sperma* 'семя' является производным от глагола *speirō* 'сеять'. На ошибочное сближение с глаг. *speirō* 'сеять' и перестановку компонентов композита могла оказать влияние и притча о сеятеле (ср. о *speirōn* в Мф. 13:3), которая в таком случае послужила своего рода прецедентным текстом. Такое прочтение, однако, возможно и при интерференции латинского чтения: лексема *seminiverbius* содержит первую часть, соотносящуюся с глаголом *seminare* 'сеять' (ср. Мф. 13:3 *Ecce exit, qui seminat, seminare*), а вторая часть соотносится с *verbum* 'слово'. Оба новых варианта были отвергнуты в Син. греч. 472: один по причине ошибочного выбора значения греч. *logo*~, второй по причине ошибочного сближения с глаголом сеять, поддержку которому мог оказать латинский вариант.

Вариант Максима Грека, таким образом, оказывается единственным из всех рассмотренных здесь способов, сочетающим формальную и семантическую точность в передаче данного слова.

Сопоставление переводческой техники ТА-болг. и восполнений Максима обнаруживает не только несходство переводческих приемов, но и разницу в характере подхода к тексту. ТА-болг. принадлежит, как уже было сказано, к числу переводов богослужебных текстов XIV в., выполнявшихся в русле афонской переводческой практики, и в этом смысле он принадлежит к одной традиции.

Более сложная ситуация складывается в переводе-восполнении ТА Максима Грека. Наличие особенного чтения, возводимого к латинскому посредству, выбор Афонской редакции основного текста Апостола, как и в Геннадиевской Библии, позволяет говорить о влиянии на процесс перевода Толкового Апостола со стороны русских сотрудников Максима Грека, входивших в свое время в Геннадиевский книжный кружок, и помещает данный текст в число переводов, выполнявшихся тем же коллективом по сходной схеме (Толковая Псалтырь 1522 г., книга Есфирь, IV Маккавейская книга). Однако вопрос о том, какова была доля участия третьих лиц в данном переводе-восполнении Максима Грека, еще нуждается в дополнительном изучении.

Одновременное обращение при переводе как к греческой, так и к латинской традиции отмечается впоследствии в трудах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, причем, как известно, сочинения Максима Грека служили одним из источников, использовавшимся при предпринятом ими

³⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999. С. 14.

переводе Нового Завета в конце XVII в.⁴⁰ Перевод-восполнение Толкового Апостола Максимом Греком, таким образом, продолжая на Руси мультикультурную традицию Геннадиевской Библии, является звеном, соединяющим новаторские переводы богослужебных текстов XVII в. с переводческой традицией предшествующего периода.

СКАЗАНИЕ О ЕПИСКОПЕ ИЛАРИОНЕ МЕГЛИНСКОМ В СОСТАВЕ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА XVI ВЕКА

В сфере научных интересов выдающегося исследователя древнерусской литературы Елены Константиновны Ромодановской, обращавшейся к самым разным произведениям, находились также переводные жития и повести: Повесть о Димитрии Римском,¹ Повесть о гордом царе Аггее², Повесть о королевиче Валтасаре,³ Повесть о царе Газие⁴ и др. Большое внимание уделяла Елена Константиновна и летописным произведениям.⁵ Обращалась она и к переводным сборникам: «Великое Зерцало»,⁶ «Римские Деяния».⁷ Мне выпала честь выпускать под ее редакцией указатели к сборнику «Златая цепь»,⁸ и общение с нею в процессе этой работы очень многое дало и в профессиональном, и в личном плане.

- ¹ Ромодановская Е. К. Повесть о Димитрии Римском // ТОДРА. Т. 24. Л., 1969. С. 218–222; переиздание статьи см. на с. 241–246 1-го тома.
- ² Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1985.
- ³ Новицкая М. Ю., Ромодановская Е. К. Об источниках и структуре Повести о королевиче Валтасаре // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 191–209; переиздание статьи см. на с. 281–297 1-го тома.
- ⁴ Ромодановская Е. К. Повесть о царе Газие // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3: XVII век. Ч. 3. С. 221–222.
- ⁵ Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. С. 3–31. Е. К. Ромодановской были подготовлены к публикации тексты летописей, см.: Там же. Есиповская летопись, Основная редакция. С. 42–78; Есиповская летопись, Титовский вид. С. 79–90; Есиповекая летопись, Забелинская редакция. С. 107–117; Синодик ермаковым казакам. С. 380–381. Так же см.: Ромодановская Е. К. Псковский синодик // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 249–253; переиздание статьи см. на с. 539–543 1-го тома.
- ⁶ Ромодановская Е. К. Великое Зерцало [Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // ТОДРА. Т. 41. Л., 1988. С. 6–10.
- ⁷ Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009.
- ⁸ См.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 5. Ч. 1–2. «Златая цепь» [Указатели] / Сост. и автор статьи М. С. Крутова; под ред. Л. П. Жуковской, Е. К. Ромодановской, Л. В. Титовой, Н. Б. Шеламановой. Новосибирск, 1990. 352 с.

⁴⁰ Исаченко Т. А. Переводная московская книжность... С. 30.

Отдавая дань уважения этому замечательному человеку и многогранному исследователю, я решила обратиться в данной статье к Сказанию о св. епископе Иларионе Меглинском в составе Лицевого Летописного Свода XVI века.

В составе Лицевого Летописного Свода XVI века, созданного в Чудовом монастыре под руководством святителя Московского Макария, находится Сказание о болгарском святителе епископе Иларионе Меглинском. Этот список Сказания до сих пор недостаточно привлекал внимание исследователей, хотя другие списки, находящиеся в основном в различных Хронографах, были рассмотрены А. Н. Поповым,⁹ Д. Кенановым,¹⁰ Дж. Беркоф,¹¹ Е. Томовой,¹² Хр. Темелски и А. А. Туриловым¹³ и др.

Епископ Иларион Меглинский жил в XII в. Он родился в семье знатных и богатых родителей, которые были славянами или греками и жили в Охриде, входившем в то время в состав Византийской империи. Из Жития святителя Илариона известно, что с детских лет он стремился к монашеству и был пострижен в восемнадцатилетнем возрасте в одном из охридских монастырей, в котором затем стал игуменом. В 1134 г. болгарскому архиепископу Евстафию во сне явилась Пресвятая Богородица и повелела совершить хиротонию святителя Илариона во епископа города Меглина (или Моглина), находившемся в Едесе, недалеко от греческого города Аридея. Так и произошло. Святитель вел подвижническую жизнь и многих обратил к православию. Он основал монастырь Святых Апостолов, в котором и отошел ко Господу в 1164 г. и был погребен. По сведениям болгарской исследовательницы Б. Николовой,¹⁴ мощи святителя Илариона при царе Калояне (1196–1207) были перенесены 21 октября в Велико Тырново, в храм Вознесения Господня, и в этот день ныне совершается память святителя. Во времена правления в Болгарии царя Иоанна Асеня II (1218–1241) мощи святителя Илариона оставались в Велико Тырново, но были перенесены в храм Сорока мучеников. После завоевания турками древней болгарской столицы они оказались в Константинополе или, по дру-

⁹ Попов А. Н. Обзор Хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 34–38; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Приложение к «Обзору хронографов русской редакции»). М., 1869. С. 15–20.

¹⁰ Кенанов Д. Литературната съдба на житиеписа за епископ Иларион Мъглински: Извлечение в «Хронографа». Беседа срещу хиситите. Евтимиева метафрастика: Път и мисия във времето. Пловдив; Велико Тырново, 1999. С. 199–233.

¹¹ Беркоф Дж. «Житие Илариона Меглинского» Евфимия Тырновского: Структура текста и «литературные принципы» // Втори международен конгрес по българистика: Доклади. София, 1987. Кн. 11. С. 123–143.

¹² Томова Е. Оболенската редакция на хронографски текст за св. Иларион Мъгленски // Старобългаристика. 2008. Т. 37–38. С. 177–186.

¹³ Темелски Хр., Турилов А. А., М. М. Р. Иларион Могленский // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 201–204.

¹⁴ Николова Б. Православните църкви през българското Средновековие IX–XIV в. София, 2002. С. 103.

гим сведениям, в монастыре Таксиарха в Сарандапоре.¹⁵ Ныне местонахождение святых мощей святителя Илариона Меглинского неизвестно.

Святитель Иларион был прославлен в лике святителей, так как ему удалось одержать победу над распространившимися в то время в Болгарии еретическими учениями манихеев и монофизитов. «Святой Иларион вооружился апостольскою ревностью и усердными молитвами, чтобы отвратить жителей от этого лжеучения. Епископ Иларион неутомимо обличал нечестие богомилов, снимая с них личину лицемерной благости, которою они обманывали других»¹⁶.

В Лицевой Летописный Свод из Жития святителя Илариона вошли только три статьи: «О епископе Иларионе Меглинском» (л. 5 об.–7 об.); «Прение святого епископа Илариона Меглинского с манихеями» (л. 7 об.–9 об.); «Прение святого Илариона епископа Меглинского с армянами» (л. 9 об.–15 об.).

Проведенные А. Н. Поповым, А. В. Гориной и Д. Кенановым исследования показали, что эти статьи из Жития епископа Илариона Меглинского были включены в Хронограф из Волоколамского сборника (РГБ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 655, кон. XV — нач. XVI в.) Ферапонтом Обуховым, писцом Иосифо-Волоколамского монастыря, игумен которого, преподобный Иосиф Волоцкий, был противником ереси жидовствующих, распространившейся в то время в Москве и Новгороде.¹⁷ Данный факт свидетельствует о важности включения в Лицевой Летописный Свод прений с еретиками Илариона Меглинского.

Сочинение об Иларионе Меглинском в составе Лицевого Летописного Свода проиллюстрировано 11 миниатюрами (л. 5 об.–7 об., 9 об., 12 об., 13, 14–15 об.).¹⁸ «Вторично, независимо от Лицевого свода, эту версию текста Жития И. М. предполагалось проиллюстрировать в лицевом Хронографе кон. XVI — ок. 1605 г. (?) Однако эта работа была выполнена иллюстратором меньше чем наполовину, и в томе ГИМ, Барс., № 1695, содержащем повествование об Иларионе Меглинском, для миниатюр оставлены свободные места с кинноварными надписаниями сюжетов, позволяющими судить об иконографической программе»¹⁹.

¹⁵ См.: Темелски Хр., Турилов А. А., М. М. Р. Иларион Могленский.

¹⁶ Память святого Илариона Меглинского // Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Месяц октябрь. Козельск, 1997. С. 492–493.

¹⁷ Кенанов Д. Литературната съдба на житиеписа за епископ Иларион Мъглински... С. 200; Горина А. В. Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г. (К истории болгаро-русских культурных связей конца XIV — начала XIV в.) // Балканские исследования: Проблемы культуры. М., 1976. С. 271.

¹⁸ См.: Морозов В. В. Южные славяне на миниатюрах Лицевого летописного свода // Известия на Народната библиотека «Св. Кирилл и Методий». София, 1992. Т. 20 (26). С. 67–80.

¹⁹ Темелски Хр., Турилов А. А., М. М. Р. Иларион Могленский. С. 203.

Входящие в состав Лицевого Летописного Свода прения святого епископа Илариона Меглинского с еретиками дает представление о тех ересь, которые были распространены в Болгарии в IV–V вв. на западе Римской империи. Манихейская ересь, «подобно гностицизму, представляла собой смесь элементов христианства с началами религии Зороастра. По учению Манеса, давшему название этой ереси, борьба в мире начал духа и материи, добра и зла, света и тьмы составила историю неба и земли, в которой проявилась деятельность: а) животворного Духа, б) бесстрастного Иисуса и в) страждущего Иисуса — “Души мира”. Иисус бесстрастный, сойдя на землю, принял только вид человека (докетизм), учил людей и обещал пришествие Утешителя. Обещанный Утешитель явился в лице Манеса, очистил извращенное людьми учение Иисуса и открыл Царствие Божие. Манес проповедовал строгий аскетизм. Обвиненный в искажении религии Зороастра, Манес был убит в Персии».²⁰

Святитель Иларион боролся не только с манихейством, но и с монофизитством. В прениях оно называется армянской ересью, по сути же это евтихианство — ересь константинопольского архимандрита Евтихия, умалявшего Божественную природу Спасителя. «Монофизиты считали, что человеческая природа Спасителя была поглощена Его Божественной природой, и потому признавали во Христе только одну природу... Ее защищал Диоскор, архиепископ Александрийский, насильственно проводивший эту ересь на одном из соборов, благодаря чему сам собор получил название разбойничьего. Ересь эта осуждена на четвертом Вселенском соборе».²¹

Прения святителя Илариона вначале вошли в состав Хронографов, а затем в Лицевой Летописный Свод, между статьей «Княжение великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава, в Киеве» и известием под 6623 г. (1119 г.) об освящении в Вышгороде каменной церкви святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

«Между 1516 и 1522 гг. пространное извлечение из Жития свт. Илариона Меглинского... было включено мон. Досифеем (Топорковым) в гл. 189 составленного им Хронографа русской редакции 1512 г..., а оттуда попало во все позднейшие редакции (Западнорусскую 1599, 1601 и 1617 гг.) этого всемирно-исторического свода и в Никоновскую летопись...»²².

Исследуя историю судьбы Лицевого Летописного Свода как памятника письменности, Е. А. Белоконов, В. В. Морозов и С. А. Морозов пришли к выводу, что «незаконченный составителями, длительно хранившийся как стопа листов, он постепенно рапался, отдельные его части обретали переплет и хранились как самостоятельные кодексы летописного содержания»²³.

²⁰ Михаил (Помазанский), *протопресв.* Православное Догматическое Богословие / Под ред. еп. Александра (Милеанта). Свято-Троицкая Православная Миссия, 1994. С. 179.

²¹ Там же. С. 181.

²² Там же.

²³ Лицевой Летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса. М., 2003. С. 27.

М. М. Щербатов издал текст рукописи, хранившийся в библиотеке князя А. Д. Голицына (так называемый Голицынский том, РНБ, F.IV.225), в котором не было полного описания событий 1114–1480 гг. Описания недостающих событий 1254–1424 гг. были восполнены из 1 и 2 томов Остермановского Древнего летописца, а события 1116–1253 гг. — из так называемого Лаптевского тома (РНБ, F.IV.233). Лаптевский том был назван по имени купца И. П. Лаптева, подарившего его в Императорскую Публичную библиотеку в 1827 г. Сказание о епископе Иларионе Меглинском находится в Лаптевском томе Лицевого Летописного Свода. Как Голицынский, так и Лаптевский тома «были привлечены при издании Никоновской летописи в качестве ее списка»²⁴. Сама Никоновская летопись²⁵ была составлена на основании многих источников в 1539–1542 гг. На основании Никоновской летописи был составлен Лицевой Летописный Свод. Известно, что один из списков Никоновской летописи принадлежал патриарху Никону.

Возможно, из Лицевого Летописного Свода (или по другим исследованиям, через посредство Хронографа 1601 г.) это Сказание попало в XVII в. в «Просветитель литовский» (РГБ, ф. 37 (собр. Большакова), № 219, XVII в.; гл. 32, л. 309 об. — «Прение святого Илариона, епископа Меглинского, с манихеи»; гл. 33, л. 315 — «Прение святого Илариона со армены»). В дальнейшем уже из него вошло в «Кирилову книгу», сочинение известного южнорусского поборника Православия Стефана Зизания (1550–1634), брата Лаврентия Зизания, и было напечатано в 1596 г. в Вильне. Прение получило распространение и в старообрядческой среде.

Текст Сказания о епископе Иларионе Меглинском постоянно привлекал внимание исследователей. Недавно он был опубликован факсимильно, с параллельной оригинальному тексту транслитерацией на современный русский язык издательством «Актеон» (т. 4)²⁶ и фондом ОЛДП (т. 11).²⁷ Болгарская исследовательница, профессор Великотърновского университета Мария Спасова перевела текст пространной редакции Жития святителя Илариона на современный болгарский язык.²⁸

Нами был сделан перевод Сказания из Лицевого Летописного Свода на современный русский язык, который и публикуется в качестве приложения к данной статье.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ ПСРА. Т. 9. С. 145–149.

²⁶ Лицевой летописный свод. Русские летописные исторические книги. Книга 1 (1114–1151 гг.). М.: Актеон, [б. г.].

²⁷ Лицевой Летописный Свод. Русь (1122–1181 гг. от В. Х.). Кн. 11. М., 2012.

²⁸ Житие и живот на нашия преподобен отец Иларион, Мъгленски епископ, а заедно с това и как беше пренесен в преславния (наш) град Търнов, написано от (кир) Евтимий, Търновски патриарх / Превод: М. Спасова и Кл. Иванова по Зографския сборник (от края на 14. век) // Стара българска литература. Том 4. Житиеписни творби. София, 1986.

ѿспѣхъ на архонѣхъ мѣстѣхъ твоихъ . Приемъ
 црмилъ по унѣ порфирогонитѣ . еще
 збави мѣхъ болгарскѣхъ страна
 ѿ греческаго купца . и здрѣхъ
 ехъ по градѣхъ мѣстѣхъ твоихъ .
 и на архонѣхъ . есѣ роженіе благоуменъ
 твоихъ . и благоуменъ и чю
 до творецъ житиихъ твоихъ .
 исполнѣ .

[226]

О епископе Иларионе Меглинском

При царе Мануиле Порфирогените Болгария еще зависела от греческого царя, и в ее землях, в городе Меглине, был епископ Иларион, о рождении которого возвестила Пресвятая Богородица и который был монахом, игуменом и чудотворцем, наполнившим своей молитвой житницу хлебом, и по явлении и по повелению Пресвятой Богородицы поставленный епископом Болгарского города Меглина, где было множество еретиков, которые так усилились, что сам греческий царь Мануил едва не отпал от истинной веры, если бы не был укреплен в святых догматах блаженным Иларионом, отогнавшим от его сердца еретические соблазны и укрепившим царя в Православии. Царь же, с радостью возблагодарив Бога, оказывал всяческое повиновение архиерею Божию и посылал ему многие дары. Святой же Иларион учил свою паству твердо держаться православной веры, отвращаться нечестивых еретиков и проклинать их: Ария и Савеллия, и Македония, и Аполлинария, и Оригена, и их сочинения, и Феодора Мопсуетского, и ученика его Нестория, Диоскора, и Севира, и Евтихия, и Манента, и Павла Самосатского, Сергия и Пирра, и Павла, которых следует ненавидеть, как сказано в Писании: «Ненавидящая Тя, Господи, возненавидех, и о вразех Твоих истаях, совершенною ненавистию» возненавидел их, особенно же манихеев и армян, которых в этом городе было множество.

Прение святого епископа Илариона Меглинского с манихеями

[227]

жажда, сон и усталость, печаль и слезы и им подобные. И если бы Он был Небесным человеком, с которым соединилось Слово, то Он не был бы тленным, и смертным, и земным, так как небожители нетленны и бессмертны. И если Он плотию сошел с небес, то какая необходимость была бы Ему воплощаться от Девы? Господь же показал, что Он принял нашу плоть от Девы истинно, а не призрачно, как вы говорите. По Воскресении Он сказал ученикам: «Осяжите руце Мои и нозе Мои, и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща». Так же плоть Господня не с небес и потому, что апостол сказал: «Не от ангел бо когда приемлет, но от семени Авраамля приемлет, отнюду же должен бе по всему подобитися братии». Так было сказано потому, что Христос восприял плоть от Пречистой Богородицы Марии. И не призрачно воплотился, но приял истинную человеческую плоть, почему и был обрезан в восьмой день. Уже одно это убедительно доказывает, что плоть Христова родственна нашей плоти, а не принесена с небес. Так же и евангелисты нигде не называли Пресвятую Богородицу Вышним Иерусалимом. От кого вы приняли такое нечестивое мнение? **Вопрос манихеев.** Мы говорим, что Ветхий закон от лукавого и отрицаем Крест, и поэтому не поклоняемся ему. **Ответ епископа.** Восстаньте, люди, от объявшего вас мрака [невежества] и послушайте! Если бы Ветхий закон был от лукавого, то каким бы образом сказал Христос: «Испытайте Писания, яко обрящете в них живот вечный». О писаниях же Моисеевых и пророческих [еретики-манихеи] говорят, что тогда еще не было новозаветных книг [содержащих благодатное учение], а в законоположениях и повелениях лукавого как можно обрести жизнь вечную? Ибо Сам Бог перстом написал на скрижалях заповеди Закона, и дал их Моисею, и устами Давида говорит: «Внемлите, людие Мои, закону Моему». Христос вопрошающих Его отсылал к заповедям Закона, и Сам исполнил их все, говоря: «Не приидох бо разорити, но исполнити». Восполнил же его немощь, передав Закон и новозаветные благодатные заповеди. И еще: как вы можете порицать Крест и хулить его? Послушайте апостола Павла, говорящего: «Мне же да не будет хвалиться, точию о Кресте Господа нашего Исуса Христа». И еще: «Слово крестное спасающим сила Божия есть». Если же Крест «сила Божия есть», почему не веруете ей? Ибо Крестом был ниспровержен ад, и нам было даровано воскресение, и мы стали наследниками Божиими. И еще: говорите, что все сущее на земле было творением лукавого и, таким образом, предрезкие, считаете, что тело Господне имело злое начало. Но как, скажите мне, со злым может сочетаться благое? И как благой Бог, имея грешное тело, совершил спасение мира? И как Он мог воссесть [по Вознесении] на престоле Отца? На это еретики не знали, что ответить, и умилились, и приняли святое крещение. Узнав об этом, армяне побии епископа камнями и, решив, что он умер, ушли. Православные же хотели побить их, но святой запретил им.

Прение святого Илариона, епископа Меглинского, с армянами

Армяне говорили: «Мы придерживаемся всех преданий Соборной Церкви и говорим: «Не мог Христос принять единосущную нам плоть, но принял плоть “тонкую”: нетленную, и бесстрастную, и несозданную, и небесную». **Ответ епископа.** Такое учение Соборная Церковь никогда не принимала и не исповедовала. Если бы плоть Господня была нетленна, бесстрастна, небесна, то Господь не испытывал бы страданий, не спал, не ел, не пил, не был бы осязаем руками. Господь же показал, что восприял плоть, родственную нам, тленную и смертную: Он ест, и пьет, и спит, и пригвождается ко Кресту, и во Гробе полагается. **Вопрос армян.** Исповедуем также, что в момент зачатия плоть Господа была поглощена Божеством, почему Христос имел одно божественное естество. И это было принято нами от Соборной Церкви, и все иное также храним непоколебимо. **Ответ епископа.** Вы храните Предание Святой Церкви до четвертого Халкидонского собора, потом же вы отпали от Церкви, будучи научены неким Еханием, по прозвищу Мантакуня, и вместе с ним нечестивыми иереями, приняв лжеучение Евтихия и Диоскура, говорите, что Господь имел плоть бесстрастную, и нетленную, и небесную, которая, будучи поглощена Божеством, и есть единая природа Христа. Послушайте, неразумные: если Христос имел бы только одну природу, то всецело божественную, и естество Христа было бы поэтому неразлучно со Отцом. Тогда и плоть Христа должна была бы во время страдания, соединившись с Божеством Христа, быть неразлучна со Отцом. Как же тогда она, претерпевая страдания, пребывала на земле, и была изранена, и пронзена [копьем], и действительно умерла, и пребывала во гробе мертвой и недвижимой? Итак, этим вашим зловерием вы приписываете страдания бесстрастному Божеству Христа. К тому же вы и к Трисвятой песни присоединяете «Святой Бессмертный, распныйся [за ны], Боже», чем явно указываете свое заблуждение. Если бы плоть Христа была, как и Его Божество, и бессмертна, и нетленна, и небесна, как она могла бы быть распята и как Христос воззвал бы на Кресте: «Боже, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?» Если Христос был распят, как же вы Его плоть считаете божественной? Ибо Господь распялся плотию, а не Божеством. Как солнце, блик которого падает на дерево, когда его рубят, ничего не ощущает, и как огонь, в котором раскалено железо, когда его куют, не страдает, так и Божество Христа не страдало, когда Его били и распинали. Если же вы плоть Христа считаете божественной, то тем самым полагаете, что Божество может страдать. На это они ничего не могли ответить. **Вопрос армян.** Если мы совершаем Литургию на опресноках, то это потому, что хлеб, который Христос дал апостолам [на Тайной вечери], был пресным, ибо это было накануне Пасхи, и совершаем службу только на вине, не добавляя воду. Вы же поступаете не так. **Ответ епископа.** Пусть будет, как вы говорите: тот

хлеб, который Христос дал Своим ученикам, был пресный [ибо в Пасху, по повелению Божию, квасного хлеба нигде быть не могло]. Так Господь поступил для того, чтобы установить и передать нам новозаветное таинство [Святой Евхаристии — неисчерпаемый источник] благодати. Ученики же Его и святые отцы постановили совершать Литургию на хлебе квасном, а не на пресном, чему и мы следуем. И многое иное, что Христос установил, апостолы и их преемники, святители, передали нам [несколько] иначе, но не противясь Христу, а будучи Духом Божиим наставляемы и Им как бы осиеваемы, что-то упразднили, а что-то дополнили, распространяя Христовы таинства со святой ревностью и дерзновением, во славу и величие Его. Кроме того, если посмотреть внимательно, то увидим, что хлеб, который Христос дал Своим ученикам, не был пресным, ибо закон о Пасхе говорит следующее: «В 14-й день первого месяца с вечера ешьте [все] бесквасное». Христос же совершил [последнюю ветхозаветную] Пасху в 13-й день, в тот же день совершил и Тайную вечерю, на которой все вкушали квасной хлеб. Вино же без воды вы приносите потому, что исповедуете [только одно божественное] Христово естество. А святитель Григорий Богослов говорит: «Кровь и вода, истекшие из ребра Спасителя, свидетельствуют, с одной стороны, о человеке, а с другой — более, чем о человеке». Свидетельствуют о том же и Иаков, брат Господень [по плоти], и евангелист Марк, оба в своих Литургиях говоря так: «Взяв чашу и растворив в ней вино и воду [и воззрев на небо, и показав Тебе, Богу и Отцу], благодарив [освятив, благословив, исполнив Духа Святого], подал им, сказав: «Пийте от нея [вси], се есть Кровь Моя [Нового Завета]». Таким образом, Бог [промыслительно указуя на Свое истинное Богочеловечество истекшими из прободенного ребра кровью и водой] дает их [в таинстве Евхаристии] Своим ученикам. Также и крест, из чего бы он ни был сделан, вы почитаете, но не прежде, как его освятите (подобно тому, как крестите человека), и вобьете в него гвозди, и помажете его жертвенной кровью, сами изображая крест на челе, и при совершении таинства крещения и различных служб, надеясь этим освятить себя. [Подумайте: ведь] крест, творимый рукой, освящает все, на что полагается: воду в таинстве крещения, и масло, и миро, и верующих, и хлеб Евхаристии, и Святую Чашу, и все остальное. Почему же тогда сделанный из какого-либо материала крест, будто бы поэтому скверный и нечистый, [вы считаете необходимым] освящать? Ведь когда Христос был пригвожден ко Кресту, то освятил его Своей Кровью и образ его освящения показал всем верным. Ибо то, что изначально было орудием казни, теперь поражает бесов, людям же дарует жизнь вечную. Также как вы дерзаете называть Святой Троицей три сделанных из дерева и собранных вместе креста, не страшась создавать ими образ Пресвятой Троицы — Единой, Несозданной, Неисчислимой, Неисповедимой и превосходящей всякое [человеческое и

ангельское] разумение? **Вопрос епископа.** Почему вы соблюдаете пост Арцивурция? **Ответ армян.** Этим постом мы постимся в честь некоего армянина Сергия, который пострадал в нашей стране. **Ответ епископа.** Как вы, нечестивые, можете доказать, что этот Сергий был православным и пострадал ради Христа? **Ответ армян.** Они же, не зная, что на это отвечать и желая оправдаться, сказали, что это пост Ниневитский, потом — Адамов, потом — Армянский, [видимо], когда их народ пожелал креститься, и, наконец, пост Константина Великого. **Ответ епископа.** Святой, обличив их от Священного Писания, сказал: «О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать истинно! [Если вы не хотите сказать правду], я вам скажу, хотя вы это и сами хорошо знаете. Этот Сергий был ересиархом у армян. Он имел [такого же] нечестивого последователя, по имени Арцивурций, который возвещал его учение, подготавливая людей разными бесовскими хитростями к приходу Сергия в город или селение, где жили его ученики, последователи его заблуждения. Когда они видели этого пса [Арцивурция], то за день выходили навстречу [своему] учителю. Однажды, когда Арцивурций был послан с таким поручением, он был растерзан волками. Когда утром Сергий пришел, его никто не встретил. Войдя [в селение], он узнал, что его «предтеча» сюда не приходил. Сергий весьма огорчился и послал на поиски Арцивурция. Посланные же нашли только его останки. В память об этом Сергий и повелел всем армянам поститься, оплакивая кончину его, в определенное время года, назвав этот пост Арцивурциевым. Следуя этому установлению, вы и соблюдаете этот пост». Многие из них, устыдясь этого обличения, оставили свою ересь и присоединились к Соборной Церкви. Услышав об этом, благочестивый царь Мануил весьма обрадовался и написал [епископу Илариону], чтобы он до конца очистил стадо Христово от богомильской ереси, а если кто не захочет присоединиться к Соборной Церкви, того отправить в ссылку. Также и манихеев, и упорствующих в своем заблуждении армян святой [Иларион] изгнал или заключил в темницы, веровавших же причислил к своему стаду, а на месте, где собирались упомянутые еретики, построил церковь во имя святых апостолов, и создал монастырь, и собрал множество иноков, и снабдил их всем необходимым, и дал им устав, и церковь так украсил, что ее великолепие многих поражает и подвигает на славословие Бога. Предузнав о своем преставлении, святитель Иларион поставил им игумена — своего ученика Петра, и отошел ко Господу, и погребли его в монастыре. По прошествии многого времени некоторые начали противиться игумену Петру, склоняясь к своим прежним обычаям, сея раздоры и ереси. Но святитель Иларион во сне явился им и многих ранил жезлом, иных же предал смерти. Наутро те, которые были ранены, заболели, а те, которые были преданы смерти, найдены мертвыми, чтобы другие не последовали их гибельному примеру. Прочии же, устра-

шившись, пребывали в верности прежним установлениям святого. По прошествии времени повелением царской и церковной власти честные мощи святителя были обретены и положены в храме, и все видели, как из очей его, будто из двух источников, изливалось благовонное миро. Через некоторое время Византийская империя стала приходить в упадок, и болгарский царь Калоян захватил многие греческие города [и области]: Фракию, Македонию, Тривалы, Далматию. Услышав о чудесах святителя Илариона, царь перенес его святые мощи в свою столицу, город Тырнов, причем перенесение сопровождалось многими чудесами, за что все видевшие это прославили Бога.

ВОКРУГ «ПАРАДОКСОВ» ЦИЦЕРОНА В МНИМОМ ПЕРЕВОДЕ А. М. КУРЬСКОГО. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Оправной точкой данной работы служит общеизвестный факт, что синтаксис, в отличие от фонетики-фонологии¹ и морфологии, является, в ходе переписывания или редактирования древнерусских текстов, довольно консервативным и стабильным, — независимо от степени верности переписчика переписываемому им списку. Если время, отделяющее несохранившийся оригинал от существующих списков нельзя не учитывать при изучении орфографико-фонетических особенностей языка любого древнерусского сочинения, синтаксические явления, как правило, не подвергаются столь сильным изменениям. Как подчеркивал М. В. Ляпон, исследовавший некоторые языковые особенности «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского, «хронологическая дистанция между оригиналом и последующими списками в общем, однако, не мешает изучению синтаксиса, который меньше всего пострадал при копировании».²

В этом аспекте мы обнаруживаем, естественно, глубокое различие между письменной традицией и живым речевым узусом: в языке письменных памятников сохраняется почти неизменным именно тот синтаксический уровень, который в языковом развитии изменяется гораздо быстрее чем, например, фонетика и фонология. Несмотря на то, что мы являемся сторонниками сближения традиционной археографии и лингвистики — ведь без лингвистических орудий археограф, по сути дела, не в состоянии подготовить хорошие издания текстов, в то время как специалисту по историческому языкознанию нельзя отказываться от всестороннего анализа единственных источников, которые он имеет в своем распоряжении, то есть письменных текстов, — остаются до сих пор определенные и непреодолимые границы между обеими дисциплинами.

¹ Лучше было бы говорить, при изучении письменных памятников, об орфографии, отражающей более или менее верно орфоэпические черты языка определенного времени и (или) определенного места. Об орфографической и морфологической вариативности в церковнославянских рукописях восточнославянского происхождения XI–XIII вв. см.: Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.

² Ляпон М. В. Сочинения Курбского — источник для исследования явлений модальности // Русский язык: Источники для его изучения. М., 1971. С. 129.

Если синтаксис сохраняется в разных списках текстов, подвергавшихся, в течение своего бытования, ряду редакционных вмешательств,³ тем более обнаруживается его устойчивость в текстах, представляющих собой механическую или закрытую текстологическую традицию.⁴ Следовательно, тем, кто занимается изучением древнерусских переводных памятников, часто приходится считаться со свидетельством двух или более списков, существенно отличающихся орфографией и частично морфологией, но показывающих вместе с тем тождественную синтаксическую картину. Если сохранился только один список, не современный эпохе создания текста, то есть если автограф, или очень близкий к нему список, потерян, вопрос о соотношении между фонетикой, морфологией и синтаксисом и не ставится, так как в таком случае невозможно, или крайне трудно, проверить степень сохранения языковых черт протографа.

Мы имеем в виду известный заколдованный круг, по которому фонетико-фонологические и морфологические аспекты изучаемого памятника выявляются языковедами посредством орфографических особенностей рукописей. Более того, орфография не всегда верно свидетельствует об орфоэпии; другими словами, орфографические особенности (отклонения от ожидаемого), оказывающиеся на первый взгляд отражением местного живого наречия, могут быть, наоборот, просто следствием подчинения письменной традиции или чужого влияния (как в случае второго южнославянского влияния). С другой стороны, текстологи часто издают текст, нормализуя его, в лучшем случае, согласно собственным или чужим лингвистическим представлениям о фонетико-фонологической и морфологической структуре данного языка в данное время и в данной области, или, в худшем, подчиняются ненаучным издательским требованиям (как например, «удобству чтения»), лишая таким образом языковедов ценного рукописного свидетельства. Даже аккуратно подготовленное дипломатическое или полудипломатическое издание более древнего (codex vetutissimus) или лучшего списка (codex optimus), естественно, не может дать точной информации о языке, на котором был написан текст.

Трудность определения фонетико-фонологического (орфографического) и морфологического составов текстов, дошедших до нас в разных поздних списках или только в одном, уравнивается тем обстоятельством, что синтаксис переводных текстов в большинстве случаев, как мы уже говорили, не нуждается в таких же текстологических усилиях. При таких условиях можно до

³ Сравнение Лаврентьевского и Ипатьевского списков Повести временных лет выявило лексическую вариативность при большой стабильности на синтаксическом уровне, см. *Hüttl-Worth G. Die trat/trot-Lexeme in den altrussischen Chroniken (Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache)*. Wien, 1983. S. 42.

⁴ В передаче переводных текстов обычно различаются две текстологические традиции, закрытая и контролируемая, см.: *Алексеев А. А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia»)* // ТОДРА. Т. 49. СПб., 1996. С. 288.

В. С. Томеллер и В. А. Ромодановская. 2004 г.

какой-то степени исследовать синтаксические явления даже при отсутствии критического издания текста, используя любой полный список и тем не менее достигая удовлетворительной лингвистической оценки анализируемого материала. В пользу сказанного можно привести пример крупного синтаксического исследования М. Мозера, в большей части основанного на издании научно-популярного характера, каким является серия «Памятники литературы Древней Руси».⁵

В случае древнерусского перевода Цицероновских «Парадоксов стоиков» положение исследователей существенно осложняется рядом серьезных проблем, которые предстоит решить прежде, чем взяться за изучение синтаксических особенностей славянского текста.

⁵ *Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1998; об этом см. рецензию: *Крысько В. Б. М. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main etc., 1998 // *Славяноведение*. 2001. № 4. С. 103–107.

Первый, достаточно спорный вопрос касается авторства славянского текста. Одни приписывают перевод Курбскому;⁶ другие, напротив, исключают или по крайней мере ограничивают его прямое участие в переводческой работе.⁷ Во всяком случае, исследователи уже давно отметили обилие в тексте польскоязычных (или западнорусских) элементов: «Литературный язык Курбского подвергся настолько сильному изменению, что современные исследователи склонны говорить о “макароническом” языке, объединяющем лексические элементы московского, польского, западнорусского, смесь русской и латинской морфологии и интерес к перекрестному истолкованию заимствований из названных и других языков».⁸

Не менее важным является вопрос о качестве перевода, который во многих случаях оставляет желать лучшего. И здесь мнения ученых сильно расходятся. С. Балухатый видел в многочисленных ошибках неопытного переводчика, каким мог действительно быть Курбский;⁹ его отрицательное мнение разделяет Фр. Томсон, согласно которому переводчик совсем плохо владел латинским языком,¹⁰ тогда как Д. Фрайданк высказывал положительное мнение по поводу передачи синтаксических конструкций, но считал переводчика недостаточно сведущим в церковнославянском языке.¹¹

Третий вопрос, о котором в последние десятилетия накопилась огромная литература, охватывает спор о подлинности переписки Ивана Грозного с Курбским, в составе которой дошел до нас исследуемый здесь текст. Дискуссия была вызвана смелой монографией американского историка Э. Кинана,

⁶ Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский // *Serta Borysthenica*. Сборник в честь заслуженного профессора Императорского Университета св. Владимира Йулиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 13; Гладкий А. И., Цеханович А. А., Курбский Андрей Михайлович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 501; *Besters-Dilger J.* Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583). Freiburg i. Br., 1995. S. xix.

⁷ *Freydank D.* Zwischen griechischer und lateinischer Tradition. A. M. Kurbskij's Rezeption der humanistischen Bildung // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 33. 1988. № 6. S. 810. 814; *Thomson Fr. J.* The distorted mediaeval Russian perception of classical antiquity: The causes and the consequences // *Medieval antiquity*. Leuven, 1995. S. 315, f. 88.

⁸ *Ерусалимский К.* Изучение в российской историографии 1991–2003 гг. культурных и литературных связей России и Великого княжества Литовского (А. М. Курбский и курбскиана в историографии рубежа веков) // *Вялікае княства літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.* Мат. міжнар. круглага стала (16–18 траўня 2003 г., г. Гродна). Мінск, 2004. С. 29.

⁹ *Балухатый С.* Переводы кн. Курбского и Цицерон // *Гермес*. 1916. Т. V–VI (171–172). С. 122.

¹⁰ *Thomson Fr. J.* The distorted mediaeval... P. 315.

¹¹ *Freydank D.* Zwischen griechischer... S. 810.

страстного любителя полемик при атрибуции древнерусских памятников.¹² Славянский перевод второго и четвертого «Парадоксов стоиков» занимает особое место в составе третьего и последнего послания Курбского царю, содержащегося в так называемом Сборнике Курбского; под этим названием подразумевается своего рода собрание разных сочинений,¹³ бытующее в рукописной традиции с последней четверти XVII века и предположительно восходящее к работе самого Курбского или его помощников.¹⁴ Согласно более старой сегментации текстов, именно «Парадоксами стоиков» кончалось третье послание, за которым следовали еще два.¹⁵ Существует также мнение о том, что «Парадоксы стоиков» первоначально не входили в состав послания, ведь они «...предпосылаются особыми заставками, а в кодексе Уваровском № 301 начинаются на особой странице и заканчиваются вместе с тетрадью. Продолжение письма Курбского вводится при этом киноварным словом, как и ППК [Первое послание Курбского. — В. Т.] и дополнение к ТПК [Третье послание Курбского. — В. Т.] “Аще пророцы плакали”. Можно предположить, что переводы из Цицерона занимали самостоятельное место в протографе Сборника Курбского: были приложены в особой тетради или выразительно обособлены от авторского текста князя Андрея Михайловича».¹⁶ Как мы недавно попытались доказать, даже если бы подтвердилась гипотеза Э. Кинана, нельзя было бы исключить возможность возникновения славянского перевода в более раннее время, на что указывают некоторые факты исторического характера, удивительным образом не учтенные американским ученым.¹⁷ По мнению К. Ю. Ерусалимского, напротив, с датировкой перевода Цицероновского текста тесно связана проблема возникновения «Истории...» Курбского.¹⁸

Четвертый вопрос связан с тем, что славянский текст, судя по всему, был скорее всего переведен за пределами Московского царства, но сохранился исключительно в более поздних московских списках, созданных не раньше конца XVII в. Это обстоятельство сыграло существенную роль в восприятии

¹² *Keenan E. L.* The Kurbskii–Groznyi apocrypha. The Seventeenth-century genesis of the «correspondence» attributed to prince A. M. Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971.

¹³ *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1. О временном распределении известных науке списков см.: Там же. С. 99.

¹⁴ *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 241–242; см., однако: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского... С. 293.

¹⁵ Там же. С. 40–42.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ *Tomelleri V. S.* Il paradosso dei *Paradoxa Stoicorum* di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij // *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti* (Minsk, 20–27 agosto 2013). Firenze, 2013. С. 162.

¹⁸ *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского... С. 320, прим. 388.

и часто неправильном воспроизведении первоначального текста, пестрящего полонизмами или западнославянизмами, со стороны московских переписчиков, часто не понимавших стоявший перед ними текст «Парадоксов стоиков» и никогда не обращавшихся, естественно, к латинскому оригиналу.

Пятый вопрос состоит в том, что до сих пор текст издавался не критически, а согласно принципу лучшего списка. Кодикологические и текстологические работы последних лет дают чрезвычайно ценные сведения о рукописной традиции и, следовательно, об истории текста и бытования его на русской почве, открывая «путь в историю книжной культуры и самих рукописей в разнообразных культурных контекстах»;¹⁹ однако они не всегда содержат критическое отношение и правильную интерпретацию ряда уязвимых мест в тексте.

В этой статье мы ставим цель указать на определенные аспекты, возникающие при сравнении славянского перевода с латинским оригиналом, которые еще нуждаются в правильной филологической и лингвистической интерпретации. Речь пойдет именно о некоторых синтаксических ошибках в тексте, которые можно объяснить двояко: как переводческие неудачи самого Курбского или кого-то другого (из его помощников?), или как неверные чтения, являющиеся результатом работы московских переписчиков или современных издателей.

Впервые славянский текст «Парадоксов стоиков» издал в позапрошлом столетии Н. Г. Устрялов;²⁰ знаменитый историк основывался на Патриаршем списке, определяя его как «лучший, древнейший, по всем признакам современный список, и притом весьма исправный».²¹ Второе дореволюционное издание, накануне Первой мировой войны, было подготовлено для 31 тома Русской исторической библиотеки Г. З. Кунцевичем, снабдившим воспроизведение славянского текста по Архивскому списку латинским оригиналом, взятым из печатного издания 1541 г.²² С его кропотливой работы над сочинениями беглого князя берет начало систематическое исследование рукописных сборников Курбского.²³

Крупным событием в советское время явилось совместное издание переписки Ивана Грозного с Курбским, которое выпустили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков,²⁴ «лучшее на сегодняшний день издание этой переписки»;²⁵ благодаря усилиям обоих ученых текстологическая база постепенно расширялась и обо-

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. Изд. 3, испр. и доп. СПб., 1869 (1 изд. — 1833).

²¹ Там же. С. xxxviii; см. также: Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского... С. 334.

²² Кунцевич Г. З. Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. СПб., 1914. С. 137–145.

²³ Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского... С. 334.

²⁴ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993 (репр. изд. 1983 г.).

²⁵ Ерусалимский К. Изучение в российской... С. 25.

гащалась новыми находками.²⁶ Дело в том, что в археографическом комментарии собрано огромное количество важных сведений текстологического характера, которые однако не отражаются в воспроизведении текста. Кроме этого, при тексте «Парадоксов стоиков» не дается латинский подлинник, на что в свое время указала Й. Бестерс-Дилгер.²⁷ Таким образом, читатель стоит перед двойной задачей: воспринимать славянский перевод или пытаться исправить его, привлекая разночтения, приведенные в критическом аппарате и сравнивая их с латинским текстом. Последнее издание, скрупулезно подготовленное К. Ю. Ерусалимским,²⁸ страдает, по отношению к тексту «Парадоксов стоиков», теми же недостатками, что и предыдущие, потому что издатель не внес в него нужные на наш взгляд исправления, без которых текст неудобопонятен и, прежде всего, не соответствует воле автора, кем бы он ни был.

Интересно при этом отметить, что уже к концу 1980-х гг. Д. Фрайданк показал правильный исследовательский путь, подчеркнув исключительную важность подробного изучения славянского перевода с учетом латинской модели.²⁹ Кроме этого, в примечании 16 на странице 812 немецкий славист отсылал читателя к находящейся в печати статье под названием «А. М. Kurbskij und die Übersetzung von Ciceros Paradoxa stoicorum», написанной им для сборника в честь проф. Е. Доннерта. К сожалению, эта статья не вышла,³⁰ а — что гораздо хуже — его ценные положения и замечания не получили должного и заслуженного внимания. Идя по стопам немецкого исследователя, представим ниже несколько примеров, доказывающих необходимость двойного анализа славянского текста, в котором предпринималась бы попытка реконструкции первоначального текста, искаженного в ходе копирования, и его сравнения с пока не найденным латинским подлинником. Исходя именно из сравнительного подхода попробуем таким образом подтвердить важность текстологического и лингвистического анализа переводных сочинений вообще и «Парадоксов стоиков» — в частности; притом необходимо обратить внимание на переводческую технику с латыни и на языковую ситуацию, в которой текст возник и распространился.

Как увидим ниже, некоторые темные чтения или места становятся совсем понятными, или просто получают убедительную интерпретацию, если учесть, с одной стороны, языковые особенности польского (или западнорусского) языка и латинский оригинал — с другой. Пора подвергнуть более подробному изучению славянский текст, устраняя все бессмысленные, явно не первичные формы;

²⁶ Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского... С. 303.

²⁷ Besters-Dilger J. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer: Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg i. Br., 1992. S. 35, Anm. 37.

²⁸ Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. Т. 2. М., 2009.

²⁹ Freydank D. Zwischen griechischer... S. 810.

³⁰ Tomelleri V. S. Il paradosso... S. 170.

многие переводы, как на современный русский, так и на другие европейские языки, содержат заметное количество неточностей, зависящих от неверного чтения или ошибочного воспроизведения древнерусского перевода. Внизу приводятся сначала латинский текст и его перевод на современный русский язык по изданию 2000 г.³¹ Далее — древнерусский текст из третьего послания А. М. Курбского Ивану Грозному, по всем печатным изданиям,³² за которым дается перевод на разные современные языки: русский,³³ немецкий,³⁴ английский³⁵ и итальянский.³⁶

1) Лексико-синтаксическая ошибка издателей (или просто опечатка?)

non his, qui omnem orbem terrarum unam urbem esse ducunt

но не для тех, кто считает весь мир единым градом (Цицерон 2000: 460)

А НЕ ТЕМ, КОТОРЫЕ ВСЕЯ ЗЕМЛИ ОКРУГ МЕСТА ЕДИННО МНЯТ (ПИГАК 1981/1993: 111 ≠ Устрялов 1868: 206, Кунцевич 1914: 140, Ерусалимский 2009: 326 **МЕСТО ЕДИННО**)

а не тем, для кого дом — все просторы вселенной (ПИГАК 1981/1993: 173)

а не тем, для которых вся земля — [дом] (Филюшкин 2008: 274)

aber nicht denen, welche den Umkreis der ganzen Erde als einen Ort ansehen (Stählin 1921: 116)

but not to those who deem the whole circle of the world to be a single place (Fennell 1955: 221)

ma non per coloro che tengono l'intero orbe terrestre per un unico luogo (Pera 2000: 152)

³¹ Цицерон М. Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000.

³² Текст «Парадоксов стоиков» воспроизводится по изданию 1993 г. (сокр. ПИГАК), в скобках приводятся разночтения по другим изданиям.

³³ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Переписка Ивана Грозного...; Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007; Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М., 2008.

³⁴ Stählin K. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij (1564–1579). Leipzig, 1921.

³⁵ Fennell J. L. I. The correspondence between prince A. M. Kurbsky and tsar Ivan of Russia 1564–1579. Cambridge, 1955.

³⁶ Ivan il Terribile. Un buon governo nel regno. Il carteggio con Andrej Kurbskij / A cura di Pia Pera. Milano, 2000.

Лексема *место*, соответствующая лат. имени существительному *urbem* и обозначающая, следовательно, 'город', на современные языки передается ложно как 'пространство' или 'место'. Естественно предполагать, что как переписчики, так и (не только) современные читатели, воспринимали слово *место* в его «русском» значении; переводчик, вне всякого сомнения, понимал эту лексему совсем по-другому. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков объясняют это и подобные лексические явления влиянием языкового окружения: «К моменту составления Третьего письма к царю Курбский прожил в Литве пятнадцать лет (!), в результате чего язык князя вольно или невольно подвергся полонизации»³⁷. Кроме этого, в лат. оригинале обнаруживается конструкция винительного падежа с инфинитивом (*Accusativus cum infinitivo*); форма родительного падежа *места* в славянском тексте по изданию ПИГАК является либо простой опечаткой либо ошибкой издателей, обусловленной ложной интерпретацией формы *округ* как предлог *вокруг*, который требует родительного падежа.

2) Западнославянизмы в тексте?

Cui spes omnis et ratio et cogitatio pendet ex fortuna, huic nihil potest esse certi

Тот, кто все надежды свои, все расчеты и помыслы возлагает на счастье, не может обладать ничем определенным (Цицерон 2000: 460)

А КОЕМУ НАДЕЯЛСЯ РАЗУМ И МЫШЛЕНИЕ ВИСИТ СЧАСТЬЯ, ТОМУ НИЧЕГО ЖЕ БЫТИ МОЖЕТ ИЗВЕСТНОГО (ПИГАК 1981/1993: 111, Кунцевич 1914: 139, Ерусалимский 2009: 325 ≠ Устрялов 1868: 206: **НАДЕЖДА**)

А кому, как он надеется, суждены разум и счастье, тому не может ничего быть известно (ПИГАК 1981/1993: 173)

Он надеется, что [его] разум и [умение] мыслить могут принести счастье, но [на самом деле] он ничего не знает (Филюшкин 2008: 273)

Aber wem Hoffnung, Vernunft und Denken vom Glück abhängt, für den kann es nichts Gewisses... geben (Stählin 1921: 116)

But for him whose hope, reason and thought hang on fortune there can be nothing certain (Fennell 1955: 219)

Ma colui che nelle sue speranze fa dipendere ragione e pensiero dalla fortuna, costui nulla può sapere (Pera 2000: 151)

³⁷ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Переписка... С. 304.

Глагольная форма прошедшего времени *надеялся* восходит к неправильной сегментации имени существительного *надея* (ср. в польском языке *nadzie-ia*), передающего латинского *spes*, и неопределенного местоимения *вся* (ср. лат. *omnis*):³⁸ *надея вся* > *надеяв ся* > *надеял ся*. Говорить об извращении смысла оригинала,³⁹ следовательно, можно только по отношению к копированию текста. Есть основания полагать, что московский переписчик оценил форму с согласным *в* как диалектизм или просто опisku, заменив ее на более исправную форму *надеялся*. Немецкий и английский переводы исходят из конъектуры, предложенной в свое время Устряловым, тогда как русский и итальянский далеко отходят от намеренного значения латинского оригинала и его первоначального славянского перевода.

3) Полонизмы в тексте?

non enim magnitudo animi eius cruciabatur a Poenis

Ведь не величие его духа пытали пунийцы (Цицерон 2000: 459)

Ибо всем ани великоумие его умучено было от Картагенов (ПИГАК 1981/1993: 173 = Устрялов 1868: 205, Кунцевич 1914: 139, Ерусалимский 2009: 323)

ибо знал, что не была карфагенянами сломлена мудрость его (ПИГАК 1981/1993: 173)

потому что знал: (хоть и замучили его карфагеняне), но не сломили ни его мудрости (Филюшкин 2008: 273)

denn ich weiß, weder sein großer Sinn wurde von den Karthagern gemartert (Stählin 1921: 115)

for I know that neither his greatness of mind was affected by the tortures of the Carthaginians (Fennell 1955: 219)

poiché so che dai cartaginesi non furono torturate né la grandezza della sua mente (Pera 2000: 151)

Уже С. Балухатый указывал на то, что данное чтение следует исправить на *abowiem*, засвидетельствованное в древнепольских памятниках.⁴⁰ Не ис-

³⁸ Freydank D. Zwischen griechischer... С. 810.

³⁹ Балухатый С. Переводы кн. Курбского... С. 117.

⁴⁰ Там же. С. 118, прим. 42; см. также: Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbańczyk S.

ключено, что московские переписчики, подобно своим потомкам, определяли данную форму как сочетание подтвердительного союза *ибо* с первым лицом настоящего времени от атематического глагола *ведети*; то обстоятельство, что в русских переводах «глагол» *вем* переведен в прошедшем времени, а не в настоящем, зависит, наверное, от повествовательного контекста, в котором выступает данная форма.

4) Искаженный полонизм?

Mortemne mihi minitaris, ut omnino ab hominibus, an exilium, ut ab improbis demigrandum sit?

И ты угрожаешь мне смертью, которая вынудит меня покинуть вообще всех людей, или изгнанием, которое избавит меня от негодяев? (Цицерон 2000: 460)

Смерть ли мне грозит? Иже бы ем вонстинну от людей! Лбо изгнание? Да от злых отшестве будет ми! (ПИГАК 1981/1993: 111 = Ustrjalov 1868: 206, Kuncević 1914: 139, Ерусалимский 2009: 325–326)

Смерть ли мне угрожает? Ее и вправду получу от людей. Или изгнание? Да это значит лишь, что я от злодеев избавлюсь (ПИГАК 1981/1993: 173)

Смерть ли мне грозит? Ее могу, в самом деле, получить от людей. Или же изгнание? Но оно будет моим уходом от злых (Филюшкин 2008: 274)

Do you threaten me with death [*lit.* does death threaten me], that indeed [I should go away] from men? or with exile that I should leave the wicked (Fennell 1955: 221)

Den Tod drohst du mir? Wäre ich doch in Wahrheit fort von den Menschen! Oder Verbannung? Möchte mir ein Scheiden von den Bösen zuteil werden (Stählin 1921: 116)

Rischio la morte? Come se dovessi riceverla dagli uomini! O l'esilio? Ma vorrà dire solo allontanarmi da quei malvagi! (Pera 2000: 152)

Любопытное чтение **Иже бы ем** вызывает особое недоумение. Переводы на современные языки как будто указывают на семантику глагола *яти*, несмотря на то, что загадочная форма *ем* представляет собой первое лицо настоящего времени от атематического глагола *ести*, который в этом контексте не только

Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1965. S. 485.

ошибочно, но явно бессмысленно. Заманчиво предполагать за формой **єм** клитический показатель первого лица (от глагола *быти*) после подчинительного союза, вводящего придаточное предложение цели (ср. например в польском языке употребление союза *іżeby* в таком значении: *ja tu snać Pan Bóg zesłał, aby mi z lasa drogę ukazała, іżeby* do ludzi mógł przyjść).⁴¹

Подобное предположение, однако, никак не решает сложную проблему синтаксической интерпретации целого предложения, еще нуждающегося в объяснении: после союза **ИЖЕБЫМ** ожидалась бы причастная *l*-форма, а не передача латинского герундива с помощью отглагольного существительного и глагола **БЫТИ** в будущем времени (**ОТШЕСТВИЕ БУДЕТ** — *ut... demigrandum sit*). Сложная риторическая структура латинского подлинника позволяет допустить здесь ошибку переводчика.

Итак, проверка языкового материала, имеющегося в первом славянском или хотя бы в первом «русском» переводе цистероновских «Парадоксов стоиков» показывает необходимость более глубокого изучения обоих, латинского и славянского, текстов. Славянский перевод нельзя (про)читать в таком виде, в котором он представлен в рукописной традиции, отдаленной не менее полутора столетий от составления первоначального перевода и полной разнородных искажений лексического и синтаксического характера; наряду с этим текстологическим обстоятельством, отказываться от внимательного сравнения славянского перевода с латинским оригиналом, как мы пытались доказать, будет также не в пользу дела.

550 лет тому назад князь Андрей Михайлович Курбский бежал в Литву и стал, таким образом, первым русским диссидентом. Его бесценный вклад в историю русской и церковнославянской культуры остается не только неоценимым, но и в определенной степени недооцененным. На будущие исследования возлагается приятный долг восстанавливать культурное здание его переводческой деятельности, которое большое временное и пространственное расстояние так сильно изменило, в отдельных случаях почти до неузнаваемости.

⁴¹ Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbańczyk S. Gramatyka... S. 483.

«РАДУЙСЯ, ХРИСТОВО ВОИНЕ ПРЕХРАБРЫЙ». ОТПУСТИТЕЛЬНЫЕ ТРОПАРИ В СЛУЖБЕ РАВНОАПОСТОЛЬНОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ

Уинопоследование, созданное в память о равноапостольном великом князе Владимире Киевском, с 80-х годов XIX в. неоднократно становилось предметом внимания ученых (от исследования М. Славнитского 1888 г. до монографии Н. И. Милютенко, изданной в 2008 г.).¹ Гимнография в честь святого выявлена в списках середины XIV — XVI в. и опубликована, пожалуй, с исчерпывающей полнотой.

К нотированным текстам медиевисты обращались начиная с 1912 г. — с публикации стихир на «Слава...» «Придете, сотецемся» по списку XIV в., подготовленной В. М. Металловым.² В начале XXI века Н. В. Рамазанова опубликовала свод нотированных песнопений, содержащихся в кодексе, созданном в 80-х гг. XVI в. «Дьячее око».³ Кроме того, два песнопения изданы с расшифровкой (стихиры на «Слава...» «Придете, сотецемся» — Н. С. Серegiной⁴ и «Стецемся усердно веси» — Н. В. Рамазановой⁵).

Нотированные списки гимнографии в честь святого, составляющие целостное последование, впервые выявлены Н. С. Серegiной.⁶ Полный корпус песнопений, помещенный в стихираре «Дьячее око» на 15 июля — день памяти святого, — впервые опубликован и изучен Н. В. Рамазановой.

К настоящему времени помимо уже известных удалось выявить 11 списков середины XVI — конца XVII в., репрезентирующих древнерусскую традицию, и пять — конца XVIII — начала XIX в., поздней старообрядческой поморской традиции.⁷

¹ Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май–август. С. 197–238; Металлов В. М. Русская семиография. СПб., 1912. Табл. 62; Серегина Н. С. Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 67–73; Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве. СПб., 2004. С. 125–150, 358–371, 382–392; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 206–238.

² Металлов В. М. Русская семиография. Табл. 62.

³ Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 358–370.

⁴ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. С. 244–249.

⁵ Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 382–392.

⁶ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. С. 71.

⁷ Кручинина А. Н. Песнопения равноапостольному великому князю Владимиру в русской певческой книжности XVI–XIX вв.: Источниковедение, текстология, поэ-

В ходе изучения рукописных источников выяснилось, что нотированный свод, связанный только с памятью князя Владимира, составляет 21 песнопение. Среди них музыкально-поэтический текст славника на литии — «Стецемося усердно веси Руския державы начальницы», — как определила Н. В. Рамазанова, был создан для стихира «Дьячее око» 80-х гг. XVI в. Как удалось установить, еще два текста — отпустительные тропари «Отеческую прелесть и идолы яко суетнии отверго» и «Вторый Ты бысте Константин» — разделили судьбу славника, оказавшись только принадлежностью нотированного свода 80-х гг. XVI в. Остальные гимнографические тексты имеют раннее происхождение. К настоящему времени исследователи определили, что 10 текстов из этого свода восходят к спискам начала XIV — начала XVI в. Они выявлены М. Славнитским⁸ и опубликованы Н. И. Милютенко.⁹ Поскольку эта гимнография в полном виде была нотирована в конце XVI в. и вплоть до конца XVII столетия устойчиво сохранялась в стихирах типа «Дьячее око», то ее можно рассматривать в качестве архетипного свода.

В этот свод вошли следующие нотированные песнопения, посвященные памяти святого: из Минеи XIV в. (РНБ, Софийское собр., № 382) — стихиры вечерни 8-го гласа с указанием подобна «О преславное чудо» и стихира на стиховне. В нотированных кодексах эти тексты составляют микроцикл стихир на стиховне. Из Минеи 1414 г. (РНБ, F.I.295), где песнопения приводятся без указаний их литургической функции, в нотированные кодексы вошли: славник «Придете, сотецемося...», замыкающий микроцикл стихир на «Господи возвах», и стихира по 50-м псалме — оба песнопения 8-го гласа; два тропаря («Уподобивыися купцу» 4-го гласа и «Правоверию наставниче» 8-го гласа). Выявленные М. Славнитским в минеях XVI века три текста с надписанием «на стиховне» в нотированных стихирах изменяют свою литургическую функцию и становятся стихирами на литии 4-го гласа.

Тексты этого свода, созданные в ранний период русского гимнографического творчества и впервые нотированные в эпоху расцвета древнерусского певческого искусства, свидетельствуют о «связи времен», воплощенной в гармоничном единстве поэзии и музыки — в песнопениях, созданных в честь великого просветителя Русской земли «благочестивого и равноапостолом» великого князя Владимира.

Среди этих песнопений особое место занимает последование, состоящее из четырех отпустительных тропарей. Такое количество песнопений этого жанра и литургической приуроченности не соответствует уставным указаниям. Обычно в Уставе или Служебной минее помещена ссылка только на один текст, данная в виде инципита «Уподобивыися купцу». Кроме последования нотированной гимнографии в честь князя Владимира, помещенно-

тика // Древнерусское песнопение: Пути во времени (По материалам научных конференций «Бражниковские чтения» 2008–2009 гг.). Вып. 5. СПб., 2011. С. 142–143.

⁸ Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира... С. 197–238.

⁹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 206–238.

Елена Константиновна Ромодановская. Ленинград, 8 марта 1956 г.

го в Стихираре «Дьячее око», такое же количество песнопений этого жанра находится только в службе благоверным князьям Борису и Глебу на 24 июля. Литургическая практика пения четырех тропарей неизвестна.

У каждого текста есть своя история письменной фиксации. Два из них вошли в русскую книжность в XV в., а два других известны только в нотированных рукописях с 80-х гг. XVI в. Их гласовые обозначения (первый и второй тропари — 4-го гласа, а третий и четвертый — 8-го) соответствуют гласовым приоритетам чинопоследования. Поэтические тексты и их топика отражают содержательные приоритеты службы, представляя собой ее сокращенное изложение.

Последование четырех тропарей, устойчиво занимающее место в нотированных кодексах между вечерней и утреней, позволяют говорить о них как о цикле. Они объединены одним жанром, единой функцией, типом роспева, парной гласовой драматургией. Находясь в моножанровом окружении стихир, тропари представляют собой особый «цикл в цикле». Доказать это положение позволит комплексный анализ музыкально-поэтического текста песнопений. Попробуем ответить на следующие вопросы: когда появился тот или иной текст в русской книжности; в каком виде он вошел в нотированную книжность; как построен поэтический текст и каким образом организован его роспев; и, наконец, каковы приемы музыкально-поэтической организации всего цикла.

Текст тропаря 4-го гласа «Уподобивыися купцу, ищущю добраго бисера» известен в русской книжности от начала XV века. Старший список находится в рукописи новгородского книжника Матвея Усова, датированной 1414 г.¹⁰ Текст состоит из 15 неравносложных стихов, разделенных знаком точки и включающих от двух до пяти слов. Эта рубрикация оказывается устойчивой на всем протяжении фиксации текста в рукописной традиции, в том числе и в нотированной книжности.

В соответствии с содержанием текст разделяется на две неравные части: в первой десять стихов, во второй пять. Первый стих: «Уподобивыися купцу, ищущю добраго бисера» — представляет собой аллюзию на следующий евангельский текст: «Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купцу ищущу добрых бисерей. Иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его. Паки подобно есть Царствие Небесное» (Мф. 13:45–46).

3-й и 4-й стихи определяют статус «славнодержавнаго Владимира» — «на высоте стола сядя» — и место его пребывания — «матере градовом Богоспасеннаго Киева». 5-й и 6-й стихи: «Испытуя посылааше ко Царескому граду. Уведати православную веру» — отсылают к свидетельствам Повести временных лет и Жития князя Владимира: «И посла по всем языком испытая законы како веруют и увидев святую веру греческую...»¹¹. Седьмой стих: «И обрете безценныи бисер Христа» — завершает повествование о выборе веры и создает арку к первому стиху «Уподобивыися купцу, ищущю добраго бисера». Стихи 8–10-й: «Избравшаго тя яко втораго Павла отрясшаго слепоту. Во святей купели. Душевную вкупе и телесную» — содержат две аллюзии. Первая — на текст Жития Владимира: «В то время Володимир в недуг впаде обема окома, и рече царица пославши к нему: “Аще не крестишися, не избудеши болезни тоя”. Он же рече: “Крестити мя, ибо на то вы есмь призвал”. Егда крестиша и створи-ся чудо велие, вшедшу ему в святую купель отверзостася очи ему»¹². Вторая отсылает к судьбе апостола Павла, ослепшего на три дня и прозревшего после крещения (Деян. 9:8–18), а также и к евангельскому эпизоду о прозревшем слепце.

Таким образом, в первой части с помощью аллюзий на тексты Священного Писания, летописные и житийные свидетельства сопрягаются имена князя Владимира, ап. Павла и Сына Господня.

Второй раздел, начало которого маркировано союзным словом «темже», состоит из двух частей и представляет князя Владимира в вечности. Первая часть (11-й и 12-й стихи) вводит новых действующих лиц — «людие твои сущи», — празднующих успение князя, его имя заменено здесь местоимения-

¹⁰ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... СПб., 2008. С. 258, 492.

¹¹ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в. М., 2009. С. 426.

¹² Там же. С. 428.

ми «твое», «твой», а время повествования оказывается настоящим литургическим временем: память Владимира совершается здесь и сейчас. Вторая часть (заключительные 13–15-й стихи) представляет собой молитвенное обращение к святому князю с просьбой о спасении, построенное по иерархическому принципу: «Державы ти Руския началеникомо. Христолюбивым княземо и множеству владомых».

Пятнадцать стихов построены по принципу изоколии — особого типа «славянской ритмосинтаксической структуры, характеризующейся наличием рядов синтаксических сегментов, выделенных ритмически таким же числом ударений»¹³. Стихи организованы «парами периодичностей»: 1-й и 3-й содержат по пять слов, 2-й и 4-й — по два. Следующие стихи — с 5-го по 12-й — также составляют «пары периодичностей»: нечетные стихи состоят из четырех слов каждый, а четные — из трех. В заключительных 13-м и 14-м стихах возвращается организация начальных стихов (пять и два слова). Последний, 15-й, стих несколько нарушает стройную конструкцию текста — как и 14-й, он состоит из двух слов. Отметим, что изоколия стиха подчиняется принципу симметрии: последования четырех- и трехсловных стихов обрамлены последованиями пяти- и двухсловных.

Помимо изоколии единое художественное пространство текста создают приемы инверсии (1-й и 2-й стихи), анафоры (8-й и 9-й стихи), неточного грамматического параллелизма (6-й и 7-й стихи), повторения однокоренных слов в разной грамматической позиции, лексические повторы («бисера» в 1-м и «бисер» в 7-м стихах, «славнодержавныи» во 2-м стихе и «державы» в 14-м, «градовом» в 3-м стихе и «граду» в 5-м, «Христа» в 7-м стихе и «христолюбивым» в 14-м).

Особый художественный эффект «рифмования» достигается ассонансами и аллитерациями: 1) «уподобивыися» — «добраго» — «градово»; 2) «бисера» — «славнодержавныи» — «Владимире» — «матере» — «градовом» — «царескому» — «граду» — «православную» — «веру» — «обрете» — «избравшаго» — «втораго» — «отрясшаго» — «празднуемо» — «державы» — «руския» — «христолюбивым»; 3) «посылааше» — «избравшаго» — «отрясшаго» — «душевную»; 4) «втораго» — «богоспасеннаго»; 5) «душевную» — «телесную» — «успение».

Стихи 8-й, 11-й, 12-й и 13-й «прошиваются» местоимениями: «тя», «твое», «твой», «ти», — замещающими именование князя Владимира. Этот прием сосредоточен во втором разделе, посвященном небесному бытию святого. Если первый раздел текста переполнен глаголами действия в разных формах: «ищущю», «сядя», «испытая», «посылааше», «уведати», «обрете», «избравшаго», «отрясшаго», то во втором разделе их всего три: «празднуемо» и «моли спастися». Это вполне объяснимо: первый раздел обладает всеми признаками

¹³ Пиккио Р. Об изоколических структурах в литературе православных славян // Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 546.

нарратива, повествуя о земной жизни Владимира, тогда как второй представляет собой призыв, моление о спасении державы, властителей и народа, обращенный к небесному защитнику.

Как известно, интонационный словарь знаменного распева состоит из формул, по-разному взаимодействующих с фонемами, лексемами, синтагмами поэтического текста. Они могут быть: 1) краткими, основанными на речевом интонировании, когда слогу соответствует один, реже два звука распева; 2) песенными, основанными на интонировании слога двумя — четырьмя звуками; 3) вокализирующими, когда слог распевается протяженным внутрисловным распевом.

В знаменной нотации каждому типу формул соответствует особый тип записи: вокализирующий распев отмечен знаками фиты и «лица», их распев зашифрован, «тайнозамкненен» и требует особого знания и объяснения с помощью простых знамен. Песенный тип отмечен в записи сложными составными знаменами, каждое из которых включает в себя от двух до пяти звуков. И, наконец, речевой тип записывается простыми, единоголассостепенными и двоегласными, знаменами. Чередование трех типов интонирования создает контрастную музыкальную ткань, особым образом связанную с гимнографическим текстом. Отметим, что тайнозамкненностью обладают не только фиты и «лица», но и формулы песенного типа, те, в которых наиболее ярко выражена ритмическая, ладовая и интонационная сущность гласа. Последованием этих формул и образуется музыкальная форма распева. Распев каждой формулы состоит из трех разделов: вступительного, развивающего и кадансирующего, завершающего. Формула, как правило, соответствует вербальной единице (слову, синтагме, реже слогу). В каждой формуле может содержаться от трех до нескольких десятков звуков. Кадансирование, отделяя цезурами распевы каждой единицы словесного текста (также различной по протяженности), создает некий аналог речевого ритма.

Для организации формы важны несколько «составляющих», заданных извне, и прежде всего это поэтический текст, его местоположение в чинопоследовании, обозначение гласовой области. Каждое гласовое обозначение задает интонационный словарь, за пределы которого распевщик не имеет права выходить.

Рассмотрим лексику, составляющую распев первого тропаря. Она состоит из 12 формул (трех вокализирующих — двух фит и одного «лица» — и девяти силлабических, или песенных, попевок).

Распев каждого стиха содержит от одной до трех формул. Особое значение имеет заключительная формула, каданс которой ограничивает стихи друг от друга, а также разделяет их на полустишия.

Благодаря заключительным формулам — аналогам графического знака точки в поэтическом тексте — распев разделяется на 15 сегментов в соответствии с количеством стихов. В распеве каждого стиха содержится различное количество формул, в связи с этим создается индивидуальное для каждого

стиха цезурирование. Так, в 1-м, 2-м, 3-м, 7-м, 9-м стихах, распевы которых состоят из двух формул, цезура разделяет стихи на полустишия. Стихи 4-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й, 14-й, 15-й содержат в распеве одну формулу: попевку, или фиту, или «лицо». Формула в этом случае расширяется с помощью интонационно развитого «подвода» до масштабов певческой строки. Подвод может предварять и вокализирующие формулы, и песенные. В этих стихах цезура поэтическая и музыкальная совпадают, обеспечивая единство содержательного и ритмического компонентов музыкально-поэтического текста.

В стихах 5-м и 11-м, распевы которых строятся на трех формулах, цезурируется каждая вербальная единица. Особым образом структурируется распев 13-го стиха. Он состоит из двух попевок и «лица», однако вторая попевка с помощью соединительного знака *переводки* непосредственно сливается с заключительным «лицом». Поэтому распев имеет только одну цезуру. Быть может, это связано с содержанием стиха — молением о спасении: два глагола «моли спастися» отделены от объекта прошения цезурой, а следующее построение — «державы ти Руския началеникомом» — представляет собой целостный текст.

В цезурировании музыкально-поэтического текста прослеживается определенная закономерность. Распев четных стихов (4-го, 6-го, 8-го, 10-го, 12-го, 14-го) состоит из однопопевочных строк, где интонационная цезура совпадает с завершением стиха. Из этого ряда особым образом выделяются распевы 4-го, 6-го, 8-го и 10-го стихов (двух-, трех- и четырехсловные). Они завершаются попевками *кулизма* и *мережа*, составляющими пару периодичностей. Вторая пара дается в зеркальном отражении (*кулизма — мережа — мережа — кулизма*). Стихи, цезурируемые распевом на полустишия, сосредоточены в первом разделе (пять стихов — 1-й, 2-й, 3-й, 7-й, 9-й). Их ступение наблюдается в инициальной части, содержанием которой служит представление князя Владимира.

Распевы стихов (11–14-й) из второго раздела песнопения включают вокализирующие формулы. Выполняя функцию сильного акцента, они создают межстиховые глубокие цезуры. Этот способ организации обусловлен содержанием текста (моление о спасении державы, властителей и народа) и его заключающей функцией в песнопении.

Вокализирующие формулы — эмфазисы распева — в первом разделе соотносятся со следующими синтагмами: «на высоте стола сядя» (фита); «бисер — Христа» (проведение той же фиты). Маркируя начало 3-го и завершение 7-го стиха, они создают на расстоянии симметричную параллельную конструкцию. Первый эмфазис акцентирует внимание на статусе «славнодержавного князя», второй — «бисер — Христа» — придает особую значимость символу обретения веры.

Во втором разделе тропаря сосредоточено четыре вокализирующих распева. Первый из них — фита — маркирует начало раздела (союзное слово «темже») и создает арку к первому разделу («сядя» — «бисер — Христа» — «темже»), остальные три вокализирующие формулы, звучащие в распеве впервые: два лица (*кулизма*

большая и хамила) и новая фита, — в 12-м, окончании 13-го и 14-м стихах создают средствами протяженного внутрислогового распева генеральную кульминацию песнопения, итог и поэтического, и музыкального развития.

Внутрислоговые распевы, как это было показано, выполняют три функции. Первая — содержательная — создание «текста в тексте» («на высоте стола сидя» — «бисер — Христа» — «темже» — «людие твои суще» — «началенико» — «христолюбивымо княземо»). Вторая — формообразующая: они и служат разделителями формы, и в то же время объединяют ее, придавая целостность распеву. Третья — они не только определяют местные кульминационные области, но и создают генеральную кульминацию в заключении песнопения. Она достигается сгущением вокализирующих оборотов, связанных с обновлением интонационного словаря, и, как следствие, постепенным увеличением протяженности распевов.

Вокализирующие формулы обрамлены девятью попевками — краткими интонационными формулами песенного типа. Их распев соотносится с одним словом или краткой синтагмой. По своему интонационному наполнению и протяженности попевки контрастируют с вокализирующими формулами. Они могут звучать единожды (две попевки), дважды (пять попевок), трижды (одна попевка), пять раз (одна попевка). Количественный показатель участия попевок в организации распева связан с тем, что каждая формула выполняет в нем свою функцию, формообразующую, содержательную, а в некоторых случаях — и ту, и другую.

Обе функции выполняет *среди́нка*, звучащая пять раз. Распевая полустишия 1-го, 3-го, 9-го, 13-го и 15-го стихов, *среди́нка* объединяет музыкальный текст, создавая его кольцевую композицию. Кроме того, выступая в качестве «интонационной скрепы»,¹⁴ нерегулярной музыкальной рифмы, *среди́нка* выявляет ключевые слова, определяющие персону князя Владимира в его земной жизни и небесном бытии («добраго бисера», «градовом», «купели», «Рускыя», «владомых»).

Три проведения *кулизмы скамейной* связаны только с первым разделом песнопения (2-й, 4-й, 10-й стихи), окольцовывают его, а в качестве «интонационной скрепы» высвечивают имя князя (Владимир), имя города (Киев) и факт крещения Владимира.

Среди́нка с *кулизмой скамейной*, кроме того, выполняют в первом разделе функцию парной конечной рифмы, завершая 1–2-й, 3–4-й, 9–10-й стихи. Помимо дополнительной ритмизации распева этот прием способствует усилению значимости содержащихся в тексте аллюзий.

Два проведения попевки *дерби́ца* (9-й и 13-й стихи) связывают начальные полустишия предконечных стихов первого и второго разделов. Кроме того, последование двух попевок (*дерби́цы* и *среди́нки*), составивших распев 9-го стиха, повторяется в распеве двух синтагм 13-го стиха, что создает эффект

¹⁴ Термин Н. В. Рамазановой, см.: Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 270.

парной рифмы и способствует усилению смыслового акцента первого (крещение Владимира) и второго (моление) разделов.

Только одну функцию — соединительную — выполняют *зми́ща* и *кули́зма среди́нная* (стихи 5-й и 11-й), объединяя своими распевами глагольные формы каждого стиха («испытую» и «празднуемо»).

Особая роль предназначена попевке *мережа*, расширенной до однопопевочной строки и потому распеваящей полностью стихи 6-й и 8-й. Повторение строки служит объединению двух стихов в один связный текст: «уведати православную веру» — «избравшаго тя яко втораго Павла». Два проведения разделяются распевом 7-го стиха, состоящим из вокализирующей формулы фиты, предваряемой попевкой *коки́за*. Распев этого фрагмента (6-й, 7-й, 8-й стихи) составляет хиастическую конструкцию, где ее крайние разделы — однопопевочные строки, построенные на расширении попевки *мережа*, — обрамляют контрастное двусоставное музыкальное построение, состоящее из попевки *коки́за* и фиты и связанное со стихом «обрете бесценный бисер — Христа». По содержанию и музыкальному воплощению оно представляет собой «средокрестие». Поскольку попевка *коки́за* связана с 1-м стихом («уподобивыися купцу»), а фита — с 3-м («на высоте стола сидя»), то «средокрестие», аккумулируя смысл начального фрагмента (аллюзия на евангельское чтение, историческое свидетельство), продолжает эти аллюзии и усиливает значение еще одной аллюзии — на Деяния апостолов.

Эта хиастическая конструкция («средокрестие» в стихе 7-м, обрамленное двумя *мережами*, — стихи 6-й и 8-й) окружена распевами, содержащими парные конечные рифмы (как было сказано выше, они создаются последованием *среди́нки* с *кулизмой* в стихах 1–2-м, 3–4-м, 9–10-м). Такая организация музыкально-поэтического текста способствует целостности восприятия первого раздела песнопения.

Попевка *коки́за*, о которой уже шла речь, объединяет 1-й и 7-й стихи, что связано прежде всего с содержащейся в них аллюзией («купец», «бисер», «обрете»).

Обратившись к одиночным попевкам (стихи 2-й и 5-й), отметим близость их знакового состава (две *сто́пицы*, *сто́пица с очком*, *стрела с облачком*, *статья* — в первой попевке; две *сто́пицы*, *крюк светлый*, *стрела мрачная*, *статья* — во второй попевке) и связь с последующими формулами (*кулизмой скамейной* для первой и *кулизмой большой* для второй попевки). Графика *кули́зм* также очень близка. Скорее всего, одиночные попевки выполняют в распеве функцию предуведомления, «подвода» к «интонационной скрепе» (*кулизме скамейной*) и эмфазису (*кулизме большой*).

Подведем некоторые итоги представленного исследования. Поэтический и музыкальный тексты тропаря обладают следующими общими чертами.

1. Распев структурирован в соответствии с количеством стихов.
2. По содержанию текст делится на два раздела, что соответствует форме распева. Каждому разделу поэтического текста соответствует индивидуальный

выбор лексики, формы, риторических приемов организации. Для каждого раздела в роспеве используются индивидуальные лексические приоритеты (силлабические формулы — по преимуществу в первом разделе и вокализирующие — во втором).

3. «Сильным местам» поэтического текста соответствуют вокализирующие формулы, что выстраивает систему эмфазисов, объединяющих оба раздела песнопения и способствует созданию «текста в тексте».

4. Изоколия стиховой организации находит некоторое соответствие в симметричной организации роспева.

5. Цезурирование стихов средствами роспева происходит в соответствии с содержанием разделов поэтического текста.

6. Явления арочной организации текста поддержаны такой же организацией роспева.

Тем не менее каждому тексту — и вербальному, и музыкальному — свойственны индивидуальные средства выразительности, хотя музыкальный текст зачастую использует художественные приемы, присущие поэтическому: параллелизм членов, инверсию, анафору, эпифору, хиазм и др., что было отмечено при анализе песнопения.

Однако в роспеве применяются и особые, собственно музыкальные, средства выразительности, в том числе и формообразующие. С помощью роспева создаются кольцевая композиция песнопения, «интонационными скрепами» достигается его целостность, ими же посредством музыкальных рифм выявляется «текст в тексте». Именно роспевом подготавливается и осуществляет генеральная кульминация песнопения.

Все сказанное позволяет сделать вывод о гармоничном сочетании двух текстов — вербального и музыкального, составившем их нераздельное единство.

Второй тропарь, также 4-го гласа, «Отеческую прелесть и идола, яко суетни, отверго», являясь принадлежностью только нотированных рукописей, обозначается в последовании как «ин тропарь» (содержится в трех списках конца XVI — середины XVII в.¹⁵). В них воспроизводится идентичный музыкально-поэтический текст, который состоит из семи неравносложных стихов, составляющих три раздела. Содержание первого раздела (1–3-й стихи) основано на противопоставлении двух действий князя Владимира: отречения от веры отцов («отеческую прелесть и идола») и познания истинного Бога («Христа весехо истинного Бога, царя и благодателя»). Сопоставление парных конструкций 1-го и 3-го стихов («прелесть и идола» — «царя и благодателя») обрамляет центральный (2-й) стих раздела: «И Христа весехо истинного Бога». Он находится в центре хиастической конструкции. Ее значимость усиливают

¹⁵ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 586/843, л. 653; БАН, собр. Строгановых, № 44, л. 718; РГБ, ф. 379 (собр. Разумовского), № 66, л. 332 об.

противоположные по смыслу глаголы («отверг» — «познал»), завершающие 1-й и 3-й стихи.

Во втором разделе (стихи 4-й и 5-й) представлено деяние князя, последовавшее за принятием христианства. Он «просветил... святым крещением люди изрядны». В 5-м стихе впервые появляется именование святого — «преславный Владимире». Оба раздела объединяются и приемом инверсии (именование в равной степени относится и к первому, и ко второму разделам), и непосредственной причинно-следственной связью действий («Христа познал еси» в завершении первого раздела и «крещением просветил еси» в начальном стихе второго раздела), а также нарративным типом высказывания.

Третий раздел (6–8 стихи) — заключение тропаря — контрастирует с предыдущими: паства обращается к святому — предстоятелю Христа Бога — с прошением о защите и милосердии («почитаем тя», «даровати нам»). Раздел завершается стереотипной доксологической формулой.

Центральный, 7-й стих, построенный на двучленном совершенном гомеотелевте («Троицы служителя» — «апостола ревнителя»), составляет средокрестие хиастической конструкции третьего раздела.

Хиазм как прием организации поэтического текста прослеживается не только в крайних разделах, но и в целостной композиции тропаря. Второй раздел (стихи 4–5-й), составляя по своему содержанию и лексике ось симметрии, в равной степени соотносится как с начальным, так и с заключительным разделами текста. В нем сосредоточены самые значимые топоры: именование святого, определение его подвига, идущие подряд лексемы «свят-», «свет-», «слав-», собранные в двух стихах. Отметим, что крайние разделы состоят из трех стихов каждый, а средний раздел включает два стиха. В целом образуется упорядоченная симметричная стиховая форма: 1–2–3 // 4–5 // 6–7–8. Эта симметричность поддерживается лексическими повторами, объединяющими первый и третий разделы: «Христа весехо истинного Бога» (2-й стих) и «Христа Бога моли» (8-й стих), а также общими конструкциями удвоения: «Царя и благодателя» (3-й стих) и «Троицы служителя и апостолом ревнителя» (7-й стих).

Роспев состоит из 13 формул: шести неповторяющихся вокализирующих (трех фит и трех «лиц») и семи песенных попевок. Вокализирующие формулы создают «сильные места», определяющие «текст в тексте»: «Царя и благодателя» (3-й стих); «Темже... просветило еси» (4-й стих); «Троицы служителя» (7-й стих); «Христа Бога моли... велию милость» (8-й стих). Они создают сильный контраст другим формулам, а их сгущение в заключительных 7-м и 8-м стихах создает генеральную кульминацию — содержательный и интонационный итог песнопения.

Другие формулы — гласовые попежки — объединяют роспев музыкальными скрепами. Четырежды «прошивает» скрепой музыкальный текст *кулизма сложитная*: «познало еси» (3-й стих), «святым крещением» (4-й стих),

«Владимира» (5-й стих), «апостолом <ревенителя>» (7-й стих). *Кулизмами* маркируются лексемы, характеризующие равноапостольного князя: именование, познание им Бога, просвещение народа святым Крещением, апостольское служение.

Троекратное проведение *срединки* («истинного Бога» (2-й стих), «почитаем тя» (6-й стих) и «даровати намо» (8-й стих)) соединяет крайние разделы, определяя неразрывную связь Господа, Владимира и «людей изрядных», обратившихся с прошением о заступничестве. И, наконец, *змища*, создавая начальную рифму в 6-м и 7-м стихах третьего раздела, выполняет функцию предуготовления к смысловым доминантам третьего раздела (перед «почитаем тя» и «апостолом служителя»). «Интонационные скрепы», осуществленные повторами трех гласовых попевок, так же как и сильные места — эмфазисы, создаваемые пространными вокализирующими формулами, связаны с топами, характеризующими «деяния преславного Владимира».

Семь стихов (2–8-й) объединены в единое содержательное поле не только центральной персоной повествования, но и типом организации роспева, основанном на сочетании двух принципов — тождества и контраста, повторения и обновления, экспонирования и вариантного развития.

С этим связным музыкально-поэтическим текстом контрастирует 1-й стих. Он отсылает к историческим событиям, предшествовавшим равноапостольной миссии князя Владимира: «отеческая прелесть» — напоминание о наследии предков, рода, семьи, о языческих верованиях, воплощенных в деревянных кумирах — «идолах», которые Владимир отверг, «яко суетны». Роспев стиха состоит из трех разных попевок, разделенных глубокими цезурами. Каждому топосу соответствует своя формула. Их следование друг за другом создает эффект градации, поскольку каждая последующая попевка ярче и интонационно выразительнее предыдущей. Высшая точка в роспеве стиха, его кульминация (*мережа со стрелой трясогласной*) соотносена с заключающей стих глагольной формой действия: «отверго».

Этот фрагмент тропаря построен на аллюзировании отдельных стихов из песнопений «Придете, стецемя веси» (известно с XIV в.¹⁶); из 3-й, 6-й, 7-й и 8-й песней канона, помещенного в сборник Матвея Кусова 1414 года; «Началеника благочестия и проповеденика вере» (Миния служебная 1494 г.¹⁷); «Преславное чудо, величавый разум», «Миролюбен и верено к своим богами являясь» (нотированный Стихирарь 80-х гг. XVI в.¹⁸). Приведем эти стихи:

- 1) «Идолы упраздниво попера»;
- 2) «И томителя врага до конца погубив, и нас от лести его избавив»;
- 3) «И рыдают всяческая лукавая воинства»;

¹⁶ РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 3, л. 183–183 об.

¹⁷ РНБ, Соловецкое собр., № 518/537. Указано: *Милютенко Н. И.* Князь Владимир... С. 479.

¹⁸ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 586/843, л. 352 об., 671 об.

4) «Яростию неутолимо дыхая, ко златосребренным и древянопоклонным поучаша их предаяти пустымо глубинамо огню»;

5) «безбожного Перуна и кущу бесовскую сокруши»; «и от лести идолския избавлени есмь»; «лесть бесовскую прогнал еси»; «от безбожных идолъ всех нас избавил еси» (канон, глас 6-й, песнь 3-я).

Письменная фиксация тропаря совпадает по времени с составлением последней и окончательной редакции свода песнопений в честь равноапостольного князя Владимира. Тема языческого прошлого не требовала своего дальнейшего развития. Она оказалась неактуальной, не имеющей власти ни в настоящем (времени создания тропаря), ни в будущем.

Отсюда и проистекает особая организация роспева в первом стихе: дробность, интонационное и ритмическое обновление, увеличение протяженности каждой следующей попевки и расширение диапазона от терцового в первой попевке, квартового во второй к заключительному квинтовому; от речевого интонирования, полностью соответствующего произнесению текста, к песенному, где роспев каждой следующей фонемы увеличивается, отмеченный многогласостепенными знаками, и, наконец, к заключительной попевке. Такое построение строки не требует дальнейшего развития. Именно поэтому ее поэтические и музыкальные топоры в дальнейшем не используются в песнопении, они вынесены за скобки. Остальной музыкально-поэтический текст посвящен другой теме, находящей подтверждение и развитие с помощью скреп, арок, повторов, контрастных сопряжений речевого, песенного и вокализирующего типов интонирования.

Обратимся к организации музыкальной формы тропаря. Роспев первого раздела (стихи 1–3-й) — экспонирующий — построен на шести неповторяющихся формулах (пяти попевках и одном «лице»), завершаясь первой кульминацией — пространным роспевом «лица». Он представляет собой тип линейной музыкальной композиции.

Роспев второго, центрального раздела — развивающего — организован иначе. Он состоит из двух неповторяющихся фит и двух попевок. Одна из них (*кулизма*), «пришедшая» из первого раздела, звучит дважды, завершая роспевы стихов 4-го и 5-го. Для второго раздела использован прием арочного обрамления. Фитами соединяется начало и завершение роспева четвертого стиха, благодаря чему создается кольцевая композиция, контрастирующая с экспозиционным типом изложения, свойственным роспеву первого раздела. «Кольцо» поддерживает вторая арка, образованная попевкой *кулизма*, соединяющей завершения роспевов стихов. Эти арки создают «пары периодически», парную рифму. Такие приемы организации музыкального текста создают кольцевую композицию второго раздела.

Третий раздел — завершение песнопения — представляет собой, с одной стороны, разомкнутое построение: в его заключении помещено «лицо» *большая кулизма с мечиком*, роспев которой содержит мутацию — сильный эмфазис, связанный с доксологической формулой. Но одновременно он

выполняет функцию репризы, собирая ранее звучавшие формулы (*среди́нку*, *кули́зму*, *фиту*). Поэтому его композиция обладает явно выраженными чертами замкнутости. «Кольцо», образованное попевкой *среди́нка* (6-й и 8-й стихи), единоначатие в роспевах 6-го и 7-го стихов, параллельные конструкции, созданные парным последованием формул, контрастных по типу интонирования (*среди́нка* — «лицо»; *кули́зма* — *фита*) — эти приемы организации роспева центрального раздела проявились и в заключении песнопения.

Подведем некоторые итоги. Поэтический текст (как его разделы, так и целое) построен на использовании общего хиастического приема риторической организации стиха. Этот же прием находится в центре внимания распевщика. Движущей силой в раскрытии смысла, содержащегося в тексте, оказывается противопоставление топосов 1-го стиха остальным, содержащимся в последующих семи стихах, что находит соответствие и в организации роспева. Гомотелевты, удвоения, ассонансы и аллитерации в тексте находят некоторое соответствие и в роспеве, проявляясь в устойчивом применении арочного принципа его организации.

Индивидуальным, свойственным только данному роспеву приемом оказался способ создания «текста в тексте», выстраивания генеральной и местных кульминаций с помощью вокализирующих формул, контрастных попевкам, основанным на песенном или речевом типе интонирования. Последование формул различной протяженности своими кадансами, остановками создает нерегулярное цезурирование музыкальной ткани, а в связи с этим — особый ритм произнесения, пропевания поэтического текста, его контрастность, нерегулярную пульсацию.

Поэтический текст второго рассмотренного тропаря отличается от первого и содержанием, и протяженностью, и приемами организации роспева. Это может быть связано с тем, что литературный текст, минуя стадию существования вне роспева, мыслился и создавался, скорее всего, распевщиком, как нераздельное музыкально-поэтическое целое.

Текст третьего тропаря — «Вторый ты бысте Константине» — 8-го гласа, по мнению Н. И. Милютенко, находится только в нотированном списке 80-х гг. XVI в.¹⁹ Отметим, что этот же текст в неизменном виде вошел в свод нотированной гимнографии, помещенный в Стихирарь, созданный в конце XVI — начале XVII в.²⁰ Однако у нотированных списков есть «предшественник», отпустительный тропарь «Новый Константин ты бысть». Он содержится в сборнике Матвея Кусова 1414 г.²¹ Из него в нотированный список вошло пять стихов (перифраз 1-го, точный повтор 3-го и 4-го и в сокращении 9-й и

¹⁹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 497.

²⁰ БАН, собр. Строгановых, № 44, л. 818 об.—819.

²¹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 492–493.

13-й стихи. Тропарь «Новый Константин ты бысть» наследует, в свою очередь, аллюзии на тексты и фрагменты текстов из Минеи конца XIII — начала XIV в.,²² в том числе из канона: «Константина верного подобник яви ся»; «Константин же новый великий»; «Константин новый известил ся еси». Ближе всего к тропарю оказалась первая стихира вечерни «Вторый ты бысте Константин». Из нее в тропарь вошли в неизменном виде 1-й, 4-й, 5-й и 6-й стихи. Кроме того, 2-й стих тропаря — «научилося еси правоверия» — основан на аллюзировании фрагментов текста кондака («изрядному воеводе и правоверному») и икоса («правоверная веры воздвигатель») из той же Минеи. Отдельные топосы, такие как «Возлюбившего ихо Христа», «ко нему же возыде радуясь», «памяте ихо верено чтуще», связывают этот текст с первым нотированным песнопением «Придете стецемоя веси», вошедшем в состав рукописи конца XIV в.²³ Таким образом, в тропаре, помещенном в нотированный кодекс, собраны как отдельные лексемы и синтагмы, так и более крупные построения (стихи) из текстов, созданных в конце XIII — начале XV в.

Уподобление князя Владимира первому римскому императору Константину Великому, избравшему для своей империи христианский путь, оказывается очень важным для формирования гимнографии в честь русского равноапостольного святого. Н. В. Рамазанова на основании анализа разных редакций службы выявила три этапа ее формирования, непосредственно связанных с соотносительностью образов императора и князя.²⁴ Первый этап (конец XIII — начало XIV в.) — воспоминание об истоках православия на Руси. Второй этап (XV в.) определен стремлением русской церкви к автокефалии: уподобление Владимира Константину содержится не только в гимнографии, но и в исторических документах. И, наконец, третий этап (середина XVI в.) связан «с приданием государству статуса царства и признанием первого русского царя Константинопольской патриархией, что находит отражение в песнопениях, созданных в это время».²⁵

Нотированный свод гимнографии в честь князя Владимира начинается стихирой 4-го гласа «Вторый ты бысте Константине», текст которой известен с XV в., а в центре свода, в составе отпустительных тропарей, находится тропарь 8-го гласа с аналогичным инципитом, созданный в 80-х гг. XVI в. Такое удвоение не случайно: оно свидетельствует об осознании важности «царского корене» в русской исторической реальности XVI в. Именно поэтому князь Владимир именуется царем, осуществившим Крещение Руси, просветившим и объединившим Русь, уподобившись тем самым римскому императору Константину Великому.

Музыкально-поэтический текст тропаря точками разделен на семь неравносложных стихов и состоит из двух разделов: повествовательного (сти-

²² РНБ, Софийское собр., № 382.

²³ РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 3, л. 183–183 об.

²⁴ Рамазанова Н. В. Московское царство... С. 135.

²⁵ Там же.

хи 1–5-й) и заключительного — доксологической формулы (6-й и 7-й стихи). Текст организован по принципу изоколии: 6–3, 6–3–3 (первый раздел), 3–4 (второй раздел). Стихи 1-й и 3-й, состоящие из шести вербальных единиц, составляют смыслообразующую конструкцию, в центре которой, во 2-м стихе, находится синтагма, апеллирующая к теме апостольского служения Владимира. Таким образом, первые три стиха представляют собой хиазм — особую форму симметрии. Имя князя Владимира, уподобленного Константину, в тексте не названо и замещено местоимениями «ты», «тя», «твою». Они соединяют начало, середину и завершение стиха. Единство стиховой организации подчеркнуто также двумя глагольными анафорами: «научило еси» и «просветило еси». Способом объединения поэтического текста выступают ассонансы: «вторый», «правоверия», «просветило», «русскую», «крещением», «радуясь», «непрестанено»; «словом и делом», «научилося», «просветило», «землю», «возлюбившаго», «моли», «любвию». Первый и второй разделы объединены однокоренными словами «возлюбившаго» и «любвию». Поэтическая форма тропаря отличается от формы стихир 4-го гласа прежде всего краткостью изложения и цельностью содержания. В тропаре отсутствует противопоставление жизненного пути Константина и Владимира («Оно убо во христианское время родися и многа лета в неверии поживо. Ты же ото еллин рожеися, но возлюби возлюбившаго тя Христа»). Тем не менее доксологическая формула в обоих текстах одинакова.

Роспев тропаря состоит из 12 формул (одна фита, два «лица» и девять попевок). Эмфазисы поэтического текста («возлюбившаго тя Бога», «возыде радуясь») распеты фитой и «лицом» (стихи 4-й и 5-й), создающими кульминацию. «Лицо» (*стрельностатейный оборот*) помещено в заключении доксологической формулы («памяте твою»). Попевки используются в роспеве в качестве фона, их редкие повторения не создают содержательных смысловых арок, выполняя лишь функцию музыкальных скреп (*хамилы* в 3-м и 6-м стихах, *коворотка* в 3-м и 7-м стихах), соединяющих два раздела. Если сопоставить музыкально-поэтический текст стихир 4-го гласа «Вторый ты бысте Константине» с тропарем, то, безусловно, тропарь проигрывает стихире, насыщенной внутрислоговыми роспевами, выявляющими сложные смысловые контексты и подтексты. Тропарь оказывается лишь отзвуком, напоминанием о теме, столь важной для осознания исторической роли равноапостольного князя Владимира.

Подведем некоторые итоги. Поэтический текст составлен из центонов, заимствованных из предшествующей гимнографии. Принцип центона господствует и в музыкальной композиции. Каждый стих распет постоянно обновляющимися формулами, сцепляющимися друг с другом, и тем самым задача соответствия поэтического текста роспеву оказывается выполненной.

Поэтический текст четвертого тропаря — «Правоверию наставниче» — известен с XV века. Н. И. Милютенко опубликовала его по сборнику 1414 года

Матвея Кусова. В нотированную рукопись тропарь вошел в 80-е годы XVI века с небольшой редакторской правкой, осуществленной, быть может, роспевщиком. Он расширил текст введением нового стиха «Наставниче правыя веры и равноапостолом», который представляет собой перифраз начального стиха с дополнением; в 3-й стих он ввел местоимения «всех насо» из начала 4-го стиха, заменил глагольную форму «воздвигль еси» на «украсило еси», а определение, относящееся к князю Владимиру, — «преславный» — исправил на «премудре». Правка, не изменив содержания поэтического текста, усилила значимость некоторых его мотивов, и прежде всего мотива учительства. Так, Владимир в начале текста назван «правоверию наставниче», а в заключении — «наставниче правыя веры». Благодаря вставке «бо всех насо» в 3-м стихе его деяния («крещением... просветил еси»), направленные на паству, народ христианский, на собор, обретают особый вневременной статус вечности, а ключевое именование — «премудре» — усиливает этот статус.

В результате правки увеличилось количество стихов (с семи до восьми), а в связи с этим изменился исходный тип композиции. В рукописи 1414 года представлена линейная композиция в первом разделе (стихи 1–6-й), дополненная заключительной доксологической формулой («моли Христа Бога да спасет душа наша») во втором разделе. В нотированном списке композиция текста первого раздела, благодаря введенной синтагме «наставниче правыя веры», обретает замкнутость, становится кольцевой. Внутри этого «кольца» с помощью повторов, образованных однокоренными словами, создаются «малые кольца»: между 2-м и 4-м и 2-м и 3-м стихами («всего Руси» и «царю русский»; «просветило еси» и «просветителю»). В стихах первого раздела князь Владимир — «всего Руси просветитель», «крещением... просветил еси», «церкви украсил еси», то есть он именуется наставником, просветителем, благочестивым царем, премудрым князем, равноапостольным.

Такая концентрация топосов-именований связана с функцией этого текста. Тропарь «Правоверию наставниче» замыкает цикл отпустительных тропарей. Именно поэтому в нем собраны точные или парафразированные топосы-именования, представленные в первых трех тропарях: «славнотержавный», «яко второй Павел», «державы ти Руския началеник» — из первого; «преславный Владимир», «Троицы служителя и апостолом ревнителя» — из второго; «научилося еси правоверию», «просветило еси землю Русскую святым крещением» — из третьего тропаря.

Роспев тропаря строится на 12 формулах восьмого гласа: пяти попевах (песенного типа интонирования), пяти «лицах» и двух фитах — пространных роспевах различной протяженности. Роспев представляет собой цепь, составленную десятью неповторяющимися формулами, звенья которой контрастируют между собой типом интонирования; 2-й стих распет последованием «лицо» — попевка; 3-й стих — попевка — «лицо»; 5-й, роспев которого состоит из четырех формул, составляет «пару периодичностей», где за попевкой следует «лицо», а за фитой — попевка.

Каждый тип интонирования, взаимодействуя с поэтическими топосами, выполняет свойственную только ему содержательную функцию. Так, попевки связаны со следующими лексемами: «просветителю», «крещением всех нас», «благочестивыи царю рускыи», «церкви», «княже Владимире», «наставниче правыя веры и равноапостолом». Их роспевы сосредоточены в первом разделе и маркируют связный текст, состоящий из именованного, указания на социальный статус и тип святости равноапостольного князя Владимира. Лексика этого «текста в тексте» состоит из существительных и прилагательных, что соответствует повествовательному характеру первого раздела.

«Лица» и фиты, в свою очередь объединяя пространными роспевами оба раздела в единое целое, также создают связный текст: «правоверию наставниче», «всея Руси», «просветило еси», «украсило еси», «премудре», «моли Христа Бога да спасет душа наша».

Его лексика отличается от первого наличием глаголов, создающих совершенные гомеотелевты в первом разделе формы. Они определяют деяния князя. Во втором разделе глаголы выполняют иную функцию. Входя в состав доксологической формулы, они связаны с обращением молящихся к святому о защите.

Контрастные по содержанию, топике и типу интонирования, два «текста в тексте» органично сосуществуют в песнопении, создавая на расстоянии сопряжением разных формул обновленные значения устойчивых лексем. Так, пространный роспев первого стиха контрастирует с попевкой, распевавшей полустихие 7-го стиха. Именование «просветитель» и глагол «просветило еси» соответственно распеты контрастными по типу интонирования попевкой и «лицом». Лексемы «Руси» и «рускыи» сопровождаются роспевами «лица» и попевки. Таким образом, из шести неповторяющихся формул создаются своеобразные три «пары периодичностей». Каждая пара состоит из двух чередующихся формул («лицо» — попевка или попевка — «лицо»).

Второй «текст в тексте» помимо участия в создании «пар периодичностей» служит объединению музыкального текста тропаря благодаря устойчивому применению однотипных вокализирующих пространных роспевов. Ни один из них не повторяется, однако сам тип интонирования создает не только эфатические акценты, но и особую их последовательность. Они помещены в роспевы 1-го, 2-го, 3-го, 5-го, 6-го и 8-го стихов. Последование пространных формул создает, с одной стороны, «раму» в роспеве, а с другой — внутри этой «рамы» с помощью изменяемых роспевов — золотое свечение, которому составляют контраст песенные попевки, связанные с именованием князя Владимира и его деяний. Таким образом, нарративный тип музыкального повествования обретает особую значимость, выразительность благодаря тому, что его музыкально-поэтическая топика окружена пространными роспевами. С их помощью обеспечиваются две кульминации: первая находится в точке «золотого сечения» — в 6-м стихе, на определении

«премудре», роспетом первой фитой, вторая — генеральная кульминация, состоящая из двух пространных роспевов, — в доксологической формуле. Фита *двоечельная* маркирует обращение к Господу («моли Христа Бога»), а «лицо» — *стрельностатейный оборот* — прошение о спасении («да спасет душа наша»). Помещение генеральной кульминации в заключительном стихе тропаря — финальной части цикла логично: эта кульминация подготовлена применением такого же приема и в предшествующих тропарях, где генеральные кульминации были помещены в роспевы доксологических формул. В этом контексте и взаимодействие пространных роспевов с песенными, и создание кольцевой композиции текста, и насыщение его характерными топосами, прославляющими равноапостольного князя Владимира, и, наконец, организация кульминаций полностью соответствуют завершающему характеру этого тропаря.

* * *

Итак, мы рассмотрели четыре песнопения, представляющие собой особый «цикл в цикле». Они объединены одним жанром, одной литургической функцией; их гласовая сфера (4-й и 8-й гласы) полностью соответствует гласовым приоритетам последования. Местонахождение этих текстов перед утреней определяет их особую роль — предуготовления к сложноорганизованной музыкально-поэтической форме канона. Именно здесь собираются основные мотивы, заключенные в гимнографии в честь князя Владимира, обогащаясь новыми смыслами.

Каждый из тропарей выполняет определенную задачу в цикле. Первый тропарь — «Уподобивыися купцу...» (4-го гласа) — самый протяженный и емкий, насыщенный аллюзиями на тексты Священного Писания, мотивами апостольского служения — включает в себя еще и нарратив — повествование об истории введения христианства в Киевской Руси («матере градовом богоспасеннаго Киева»). Именно в нем впервые в цикле дано определение Владимиру «славндержавенныи» и обращение к нему как к «державы... рускыя началником». Роспев организован в сложном соотношении его с поэтическим текстом, что позволяет отнести это песнопение к высоким образцам древнерусского певческого искусства. Второй тропарь — «Отеческую прелесть и идолы яко суетни отверго» (также 4-го гласа) — представляет собой краткий комментарий к первому. В нем вспоминается история борьбы Владимира с «поганою верою» (1-й стих), а остальное стиховое пространство посвящено прославлению святого: «преславне Владимире», «Троицы служителя и апостолом ревнителя». И музыкальный, и поэтический тексты построены на приеме хиазма. Роспев тропаря, состоящего из восьми стихов (текст наполовину короче первого тропаря), насыщен протяженными внутрислоговыми роспевами — «лицами» и фитами. Именно они и создают значимые эфазисы, усиливая смысл поэтического текста. Третий тропарь — «Вторыи ты бысте Константине» (8-го гласа) — представляет собой парафраз стихиры на

«Господи воззвах» с аналогичным инципитом. Его задача в цикле связана с написанием о духовном содержании царского служения и об истоках христианского просвещения, воспринятого от Константина Великого. Центон-композиции поэтического текста соответствует тот же тип организации роспева. И, наконец, заключительный, четвертый, тропарь — «Правоверию наставниче» (также 4-го гласа) — создает смысловую арку к первому тропарю, поскольку посвящен теме просвещения, крещения и равноапостольного подвига святого князя. Кольцевой тип композиции поэтического текста подержан такой же композицией текста музыкального. Он представляет собой упорядоченное соотношение пространных и песенных формул, служащих раскрытию содержания этого текста.

Четвертый и третий тропари соединены музыкальным словарем — не только общим составом формул, но и музыкальными арками. Так, именование «Тя Бога» в третьем тропаре и именование князя Владимира «премудре» в четвертом распеты одинаковыми фитами; глагольная форма «радуясь» из третьего тропаря и «просветило еси» из четвертого распеты одним и тем же «лицом»; синтагмы «Его же моли непрестанено» из третьего тропаря и «княже Владимире» из четвертого соединены одним и тем же роспевом; «просветило еси... святым крещением» из третьего тропаря и «наставниче правыя веры и равноапостолом» из четвертого распеты последованием двух попевок (*ковороткой* и *кулизмой*); и, наконец, заключительные фрагменты доксологических формул обоих тропарей («памяте твою» и «душа наша») объединены роспевом одного и того же «лица».

Каждый тропарь обладает индивидуальным содержанием, музыкально-поэтической формой и композицией. Их объединяет прежде всего именование князя Владимира: «славнодержавеный Владимире», «державы ти рускыя началникомо» в первом тропаре; «святым крещением просветило еси», «преславне Владимире», «Троицы служителя и апостолом ревенителя» во втором тропаре; «просветило еси землю Рускую святым крещениемо» в третьем тропаре; и, наконец, текст четвертого тропаря суммирует все именования князя, добавляя к ним еще одно: «благочестивый царю рускый».

Приложение. Отпустительные тропари.

Публикуются по списку 80-х годов XVI века:
РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 586/843, л. 653–653 об.
Реконструкция роспева А. Н. Кручининой, компьютерный набор М. Г. Ивановой.

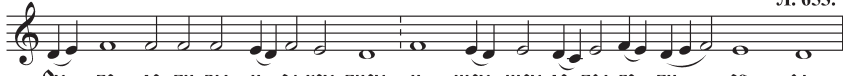
Тропарь, глас 4

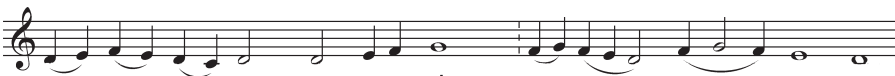
РНБ Кир. – Бел. 586/843
Л. 653

I р а з д е л	1.	Оу по до вивын са коупцоу	и щоуцоу добраго висера.
	2.	славнодержаве ны и	владимире.
	3.	на высоте стола сѣда	матере градовомъ.
	4.	богоспасен наго ки ева.	
	5.	и испы тоу а посыл а ше	ко царескомуу градоу.
	6.	оу вѣ дати православноу вѣроу.	
	7.	и ввретѣ везценны	висерѣ хри ста.
	8.	избравшаго та яко втораго павла.	
	9.	отрѣсшаго слѣпотоу	во свѣтен коупѣли.
	10.	доушевноу в коупѣ и телесноу.	
II р а з д е л	11.	тѣм же праздноу е мо	твое оуспѣние.
	12.	людне твои соущи.	
	13.	моли спастиса державы ти роуским	на ча ле ни ко мо.
	14.	христолюбивымъ кня зе мо.	
	15.	мо по жествоу владомы нхъ.	

Тропарь, глас Ѧ

РНБ
Кир. - Бел. 586/843
Л. 653.

1.
оу - по - до-ви-вы - н - сла коу-щюу н - щюу-щюу до-бра-го ви - се - ра.
2.
сла - вно - дер - жа-ве - ны - н вла - ди - ми - ре.
3.
навы - со - те сто-ла сѣ - да ма - те-ре гра - доломъ.
4.
бо - го - спа - сен - на - - го ки - - - е - ва.
5.
и ис - пы - тоу - ѿ по-сыла-а - ше ко ца-ре-ско-моу гра - доу.
6.
оу - вѣ - да - ти пра - во - сла - вноу - ю вѣ - роу.
7.
и в-бре - тѣ безценныи ви - се-ро хри - ста.
8.
из - бра-вша - го тѣ ла - ко вто - ра-го па - - - вла.

9.
ѿ - тра-ща - го слѣ - по - тоу во свѣ - тѣ - н коу - пѣ - ли.
10.
доу - ше - вноу - ю в коу - пѣ н те - ле - сноу - ю.
11.
тѣм же пра-зде-ноу - е - мо тво-е оу-спе - ни - е.
12.
лю - ди - е тво - н соу - ще.
13.
мо - ли спа - сти - сѣ дер - жа - ви ти роу - ски - ѿ.
14.
на - ча - лни - - - ко - - - мо.
-
хри - сто - лю - ви - вымъ кнѣ - зе - - - мо.
15.
н мно - - - же - - - ствою вла - - - до - мыхо.

Инъ тропарь, глас Ѣ

РНБ Кир. – Бел. 586 843
Л. 653.

I р а з д а н	1.		У те чesкoу пре-лесте и н до-лы	яко соу-етни отверго.
	2.		и христа все-хо истиннаго бога.	
	3.		царя и благо да тела	познало еси.
II р а з д а н	4.		тѣм же и люди израдны	томоу сватымъ крещение
	5.		преславне владимире.	просвѣтило еси.
III р а з д а н	6.		се го ради	почитаемъ тѣ
	7.		яко тронцы	слоужителя
	8.		христа бога моли	даровати намъ

и а по столомъ ревенителя.

всѣ ли ю милосте.

Инъ тропарь, глас Ѣ

РНБ
Кир. - Бел. 586/843
Л. 653.

1.

У-те-ческоу пре-лесте н-н-до-лы-я-ко-соу-ет-ни-от-вер-го.

2.

и-хри-ста-ве-сѣ-хо-и-стин-на-го-во-га.

3.

ца-ря-и-бла-го-да-те-ла-по-зна-ло-е-си.

4.

тѣм-же-и-лю-ди-из-рад-ны-то-моу-сва-ты-мъ-кре-ще-ни-е-ме

5.

пре-сла-вне-вла-ди-ми-ре.

6.

се-го-ра-ди-по-чи-та-емъ-тѣ.

7.

я-ко-тро-и-цы-слоу-жи-те-ла-и-а-по-сто-ломъ-ре-ве-ни-те-ла.

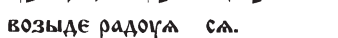
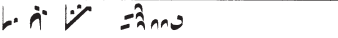
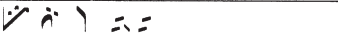
8.

хри-ста-бо-га-мо-ли-да-ро-ва-ти-на-мо

всѣ-ли-ю-ми-ло-сте.

Инъ тропарь, глас ѿ

РНБ Кир. – Бел. 586/843
Л. 653 об.

I р а з д е л	1.		
		Вторы и ты бысте	константине словомъ и деломъ.
	2.		
		наоучилося еси	правовѣрнѣ.
	3.		
		и просвѣтило еси	землю Роускою святымъ крещени емо.
	4.		
		возлюбившаго Тѣ Бо га.	
	5.		
		ко Немоу же	возыде радощѣмъ сѣмъ.
II р а з д е л	6.		
		Его же моли	непрестанено.
	7.		
		и чтоущихо любовию	паматѣ Твою.

Инъ тропарь, глас ѿ

РНБ
Кир. – Бел. 586/843
Л. 653 об.

1.
Вто-ры - и - ты бы - сте кон-стан-ти - не - сло - вомъ и де-ломъ.

2.
на - оу - чи - ло - сѣ - си пра - во - вѣ - ри - ѡ.

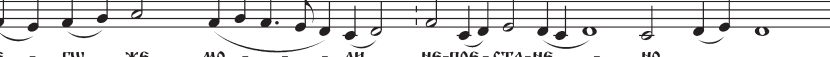

и - про-свѣ - ти - ло - е - си - зе - мя роу - скоу - ю -

3.
сва - тымъ - кре - ще - ни - е - мо.

4.
воз - лю - бив - ша - го Тѣ Бо - га.

ко - не - моу же во - зы - де ра - доу - ѡ - сѣмъ.

5.
е - го - же мо - ли не - пре - ста - не - но.

6.
и чтоущи - хо лю - бви - ю па - ма - те - тво - ю.

Инъ тропарь, глас ѣ

РНБ Кир. – Бел. 586/843
Л. 653 об.

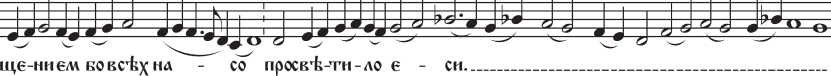
I р а з д е л	1.		Правовѣри ю наста ве ни че.
	2.		и всеа роу си просвѣтителю.
	3.		крещением во всѣх насо просвѣтило е си.
	4.		благочестивын царю роу сьскын.
	5.		и церкви оу красило е си.
	6.		премоудре княже владими ре.
	7.		наставниче правым вѣры и равно апостоломъ.
II р а з д е л	8.		моли христа бо га да спасете доуша наша.

Инъ тропарь, глас ѣ

РНБ
Кир. - Бел. 586/843
Л. 653 об.

1.
Пра-во-вѣ-ри - ю на - ста - ве - ни - че.....

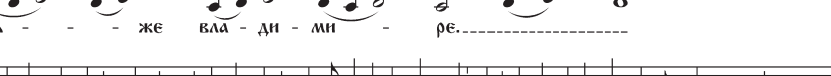
2.
и... все - а... роу - си... про-свѣ-ти-те - лю.....

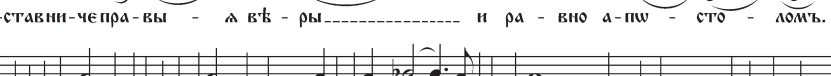
3.
креще-нием во всѣх на - со про-свѣ-ти-ло е - си.....

4.
бла - го - че - сти - вы - и... ца - рю роу - сьскы - и.....

5.
и цер - кви оу - кра - си - ло е - си.....

6.
пре-моу - дре.....

7.
кня - - - же вла - ди - ми - ре.....

на-ставни-че пра-вы - а вѣ - ры..... и ра - вно а-пос-то - ломъ.

8.
мо-ли... хри-ста бо - - - - - га.....

да спасе - те доу - ша на - ша.....

Валентина Ильинична Охотникова

В. И. ОХОТНИКОВА

КОТЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнерусская литература, обращенная к национальным проблемам, изображающая исторически значимые события в жизни исторически значимого лица, не касалась бытовой жизни человека. Эти особенности древнерусской литературы изначально предполагают, что домашнее животное кот — редкий герой древнерусской литературы. Древнерусские книжники чрезвычайно редко упоминают о коте и кошке, в чем убедила и работа с картотекой Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка РАН. Самые интересные примеры употребления слова «кот» и производных от него, существующие в картотеке, были приведены при издании Словаря.¹ Как материалы картотеки, так и наши наблюдения показали, что памятников XIV–XVI вв., в которых речь идет о коте, чрезвычайно мало, гораздо чаще о котах и кошках упоминается в произведениях XVII в.²

Существительные «кот», «кошка» зафиксированы в древнерусском языке в двух значениях «кот домашний» и «кот — дикое животное семейства кошачьих», причем примеров на значение «кот — дикое животное» намного больше, чем на значение «кот — домашнее животное». В некоторых примерах контекст не позволяет определить точно, о каком — диком или домашнем — животном идет речь. Так, например, в «Сказании о молодце и девице», произведении демократической смеховой литературы XVII в., прекрасная девица так обращается к юноше, который сватается к ней: «Кошачье видѣние, упиревая рожа, сычевые глаза, медвежья голова, щучьи зубы, севрюжей нос, волчий рот, немилой възгляд, строев сын, свиной пастух. Жил бы дома, плел бы ты лапти»³. Остальные члены этого смехового обращения к юноше соотносятся с образами диких животных, вероятнее всего, и «кошачье видение» тоже следует связать с особенностями «наружности» дикого кота. В «Лечебнике на иноземцев», еще одном произведении смеховой литературы XVII в., прилагательное «кошачий» может быть соотнесено как с диким, так и с домашним котом. Предлагая «крепительное ахинейское» лекарство, автор «Лечебника» так описывает его состав: «Егда у кого будет понос, взять дѣвичья молока 3 капли, густово медвѣжья рыку 16 золотников, толстого орлового летанья 4 аршина, крупнаго кошечья ворчанья 6 золотников, курячья высокого гласу пол фунта...»⁴. «Кошачье ворчанье», располагающееся между

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. М., 1980. С. 379, 382, 383, 387, 392, 395.

² В статье не привлекаются тексты переводной литературы.

³ ПЛАДР. XVII в. Кн. 2. М., 1989. С. 232.

⁴ Там же. С. 227.

диким «медвежьим рыком», «орловым летаньем» и домашним «курячьим высоким гласом», может быть истолковано по-разному.

Наиболее часто упоминание о коте/кошке встречается в описании ситуации «поедания всякой скверны», при этом также бывает трудно определить, о каком коте идет речь. Одно из первых упоминаний о коте в данной ситуации дает Ипатьевская летопись в статье 1096 г., где речь идет об уграх: «Се суть людье заклѣпенѣ Олександром Макидоньском царем, якоже сказа о них Мефедии Патарииск, глаголя: Олександр, царь Макидоньский, възыде на вѣсточныя страны до моря, нарѣцаемое солнце место, и виде человеки нечистыя от племени Афетова, их же нечистоту видѣв: ядяху скверну всяку — комары, мухы, коткы, змѣя, мертвеца не погребати, но ядяху и женьскыя изъврагы, и скоты вся нечистыя».⁵ Упоминание о коте в перечне природных не домашних существ — комаров, змей — позволяет и слово «котка» истолковать именно в значении «дикий кот». Мотив поедания «скверных» животных, в том числе и котов, нередко используется в произведениях древнерусской литературы при описании голода. Так, в статье 1230 г. Новгородской первой летописи читается: «Что бо рещи... ели конину, псину, кошки».⁶ Тот же текст повторяется и в статье 1230 г. Никоновской летописи: «Живыя человекы друг друга убиваху и ядяху, а еже конину, и пси, и кошки... ядыше»,⁷ а также близких им летописей. В Типографской летописи в описании голода 1422 г. читается: «инии же мертвыя скоты ядяху, и кони, и пси, и кошки, и люди людей ядоша, а в Новѣгородѣ мертвых три скудѣлници наметаша».⁸ В произведениях начала XVII в. о Смуте нередко упоминается о поедании «скверных» животных. В Сказании Авраамия Палицына рассказывается, что когда осадили в Москве литву и немцев и русских изменников, то «бысть у них глад велик и мор на люди от глада, и ядяху мертвечину: собаки, кошки, мыши и всяку нечистоту».⁹ В Повести И. М. Катырева-Ростовского в рассказе об осаде Тулы также упоминается о поедании всякой «скверны»: «Уже и всяко скверно и нечисто ядяху: кошки и мыши и иная неподобная им».¹⁰ Тот факт, что кот/кошка появляются в произведениях древнерусской литературы в определенной ситуации, позволяет увидеть в этом упоминании не столько реальный факт, сколько литературное общее место — тоpos «поедание скверных животных», в перечень которых может включаться и кот/кошка.

Редкое упоминание о котах и кошках в древнерусской книжности объясняется не только эстетическими причинами (литература не изображала быто-

⁵ ПСРА. Т. 2. Вып. 1. Пг., 1923. С. 223. То же Летопись Лаврентьевская: «...ядяху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змие и мертвецъ не погребяху» (ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. С. 235).

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 237.

⁷ ПСРА. Т. 10. М., 1965. С. 102.

⁸ ПСРА. Т. 24. Пг., 1921. С. 181.

⁹ Сказание Авраамия Палицына // РИБ. Т. 13. СПб., 1909. С. 1223.

¹⁰ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Там же. С. 587.

вую жизнь человека), но и бытовыми: кошки появились в Древней Руси очень поздно, они вплоть до XVII века были редкостью в доме, завести кошек могли себе позволить только богатые люди.¹¹

Первое упоминание о домашней кошке встречается в памятниках деловой письменности. В статье 5-й «Правосудия Митрополичьего», где речь идет о расценках за скот, есть упоминание и о кошке, за которую устанавливается цена 3 гривны.: «За голубь 9 кун, за утку 30 кун, за гусь 30 кун, за лебедь 30 кун, за жеравь 30 кун, **за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кун, за вол 3 гривны, за корову 40 кун, за третьяк 30 кун, за лонщину полгивны, за теля 5 кун, за боран ногата, за поросю ногата, за овцу 5 кун, за жеребца гривна, за жеребя 6 ногат**».¹²

«Правосудие Митрополичье», «носящее все черты церковного судебника» (М. Н. Тихомиров), дошло до нас в единственном списке — сборнике начала XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 687), создание самого текста ученые датируют разным временем: второй половиной XIII в. (С. В. Юшков), XV в. (М. Н. Тихомиров). В. Н. Автократов относит составление «Правосудия Митрополичьего» к концу XV — началу XVI в. и связывает его создание с церковными кругами Великого Новгорода.¹³

В «Правосудии Митрополичьем» обнаруживаются следы влияния нескольких памятников русского феодального права. Как установили ученые, цитируемый выше фрагмент заимствован в «Правосудии Митрополичьем» из Пространной Правды, причем денежные единицы и расценки за скот остались теми же, какими были в XII в., что не соответствовало действительности более позднего времени, XIV — начала XVI вв. (за кошку и собаку полагается та же цена, что и за вола, и в три раза меньше, чем за жеребца). В Пространной Правде не говорится о кошке и собаке, вероятнее всего, упоминание о них в «Правосудии Митрополичьем» — вставка конца XV — начала XVI в. Статья 5-я «Правосудия Митрополичьего» соединяет тексты двух статей Пространной редакции Правды — 81-й (ее текст дан курсивом) и 45-й (ее текст подчеркнут), и вставка о кошке и собаке сделана на стыке текстов этих двух статей.¹⁴

Таким образом, «Правосудие Митрополичье», памятник церковного права конца XV — начала XVI в., дает основание для вывода, что уже в начале XVI в. кошка как домашнее животное известна на Руси. Правда, о кошке не упоминается в «Домострое», памятнике середины XVI в., в котором даются советы, как нужно вести «домовное хозяйство», в том числе и обихаживать домашних животных.

¹¹ В популярной форме история кошки на Руси изложена в статье: Карпов В. Кошки на Руси // На суше и на море: Повести, рассказы, очерки, статьи. М., 1987. С. 448–458.

¹² Цит. по: Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 332.

¹³ Автократов В. Н. Правосудие митрополичье // Памятники права периода образования русского централизованного государства: XIV–XV вв. Вып. 3. М., 1955. С. 438–439.

¹⁴ Подробнее об истории текста «Правосудия Митрополичьего» см.: Там же. С. 331–334.

Свидетельством того, что во второй половине XVI в. кошка стала более привычным домашним животным, можно считать и «Назиратель», первое на Руси руководство по земледелию и садоводству, правда, переведенное с польского. Советуя, как бороться с мышами и кротами, составитель «Назирателя» пишет: «Против мышам или против кротом добро есть держати кошки в огороде или ласицу недикую»¹⁵. Упоминание о коте и кошке есть в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (начало XVI в.) и в Дополнительных статьях к Судебнику царя Иоанна Васильевича.

В конце XVI — XVII в. кот все чаще попадает на страницы литературных произведений. Так, представление о том, что кот связан с нечистыми силами, нашло отражение в Житии Сергия Нуромского (конец XVI в.). В чуде 22-м рассказывается о том, как некая женщина «смятется умом», ее привезли в монастырь к гробу Сергия Нуромского и привязали к колокольне: «Тогда абие христианского рода ненавистники бесы приидоша к ней, преобразившися видением пса и кота»¹⁶.

В XVII в. упоминание о коте встречается в произведениях, которые создавались в демократических кругах, их авторы нередко обращались к реалиям бытовой жизни. Выше уже приводились примеры из произведений смеховой литературы — «Сказания о молодце и девице» и «Лечебника на иноземцев». В «Росписи о приданом», еще одно произведение смеховой культуры, попали и две «кошки дойные»: «Да в тех же дворах сделано: конюшня, в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет, да две кошки дойных, 8 ульев неделаных пчел...»¹⁷. В отличие от «Сказания о молодце и девице» и «Лечебника на иноземцев» кошка в «Росписи о приданом», скорее всего, домашняя.

В литературных произведениях XVII в. в образах кота/кошки появляются уже некие характеризующие их черты. Так, например, старообрядческий писатель Евфросин, автор «Отразительного писания», направленного против самосожжения не согласных с церковной реформой, создавая иронические образы «зажигателей», нередко характеризует их через сравнение с повадками животных, в их числе и кота: «Вякает... что кот заблудящей»¹⁸. С повадками котов и кошек был знаком и протопоп Аввакум. В сочинении «О сотворении мира», сетуя на дисгармонию человеческих отношений, он пишет: «Яко котки друг на друга ворчим»¹⁹. В «Книге толкований» сравнение с кошкой Аввакум

¹⁵ Назиратель. М., 1973. С. 496.

¹⁶ Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. СПб., 2005. С. 175.

¹⁷ ПЛДР. XVII в. Кн. 2. С. 229.

¹⁸ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года. Сообщение Хрисанфа Лопарева // Памятники древней письменности. Т. 108. СПб., 1895. С. 57.

¹⁹ Аввакум. О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потоке // Памятники истории старообрядчества XVII в. РИБ. Т. 39. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927. Стб. 676.

использует, чтобы ярче изобразить женщину-блудницу: «Разумей, чадо, — похотение-то блудное пища и питье раждает в человеке, и ума недостаток, и к Богу презорство и безстрашие: наедшися и напившися пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь, и яко кошка котов ищешь, смерть забывше»²⁰.

Несмотря на то, что в XVII в. упоминания о котах все чаще появляются в литературных произведениях, пока не встретились памятники, где бы кот/кошка стали героями литературной истории. Только в Житии Никандра Псковского читается рассказ о чуде, одним из главных «действующих лиц» которого является кот.

В первоначальной Псковской редакции Жития Никандра (80-е гг. XVI в.)²¹ это «Чудо 2 преподобного отца нашего Никандра», одно из четырех прижизненных чудес, читающихся после жизнеописания преподобного, его можно назвать «Чудом о коте». История с котом в первоначальной редакции изложена очень непосредственно.²² Некий Иосиф пришел к Никандру пользы ради душевной, Никандр «рече ему: “Чажо Иосифе, несть у меня кота, но сотвори ми послушание, сыщи ми кота”. Иосиф же рече: “Да где такову аз вещь обрящу, тебе угодну?”. Он же рече ему: “Есть у Спаского дьякона в Заклиньи”. Иосиф же рече: “Ты у него просил ли сего?”. Святой же рече: “Аз бо и во образ его не видах и не вем, отнележе приидох в пустыню сию”. Станным кажется то послушание, которое Никандр просит совершить Иосифа — сыскать кота. Невольно возникает вопрос, что стоит за этой просьбой, каков ее смысл? Удивляет и реакция Иосифа: «Да где такову аз вещь обрящу, тебе угодну?». В его вопросе чувствуется искреннее недоумение и удивление, это проявляется и в неправильности, «нескладности» синтаксического строения, и в том, что Иосиф называет кота — «вещь». Слово «вещь» в древнерусском языке, судя по примерам, приведенным в Словаре русского языка XI–XVII вв., обозначает явления и понятия абстрактные (предмет, явление окружающей действительности, физическое тело, неодушевленный предмет, естество, понятие, представление и т. д.).²³ И в именовании Иосифом кота «вещью» есть удивление перед непонятным естеством того, о чем просит преподобный.

В крестьянском быту этого времени кот — явление редкое. Вероятно, Иосиф и не знает, что это такое, и потому избегает произносить это слово, называя кота «вещью». В просьбе Никандра о коте, чем-то необычном, диковинном, и точном знании, где «такову вещь» можно обрести, автор редакции Жития Никандра

²⁰ Демкова Н. С., Сесейкина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравочений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 139–140.

²¹ Подробнее об истории текста Жития Никандра см.: Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследование и тексты. СПб., 2007. Т. 2. С. 506–721.

²² Далее текст Жития Никандра цит. по: Охотникова В. И. Псковская агиография. Т. 2. С. 532–533.

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 136–138.

80-х гг. XVI в. видит пророческий дар Никандра: он знает о том, что является невиданной диковинкой. Так в самой структуре, форме этого диалога, реакции и поведении героев проявились бытовые реалии того времени, когда кот был еще вещью невиданной, а просьба «сыскать кота» с указанием точного места, где он может находиться, воспринималась как прозорливость.

Если реакция Иосифа, его чувства и мысли в приведенном диалоге можно понять, то просьба Никандра «сыскать кота» кажется необычной, немотивированной.

Уходящего Иосифа святой спрашивает: «Да будеши ли в третий день?». Иосиф же рече: «И завтра, отче, буду». Святой же рече: «И в четвертый день тебе не бывати, и не по повелению ти сотворити». Иосиф направился к дьякону в Заклинье и «вопроси о послании», тот с радостью дает ему «посланное». Но вместо того, чтобы идти в пустынь к Никандру, Иосиф, «по наносу дияволу», направляется в свой дом и пребывает там три дня, «а посланное посади в темне месте, и не даде ему ясти и пити». Отметим, что кота называет «котом» только Никандр, в описании же действий Иосифа автор избегает употреблять это слово. Только на пятый день Иосиф приходит к святому. Никандр встречает его вопросом: «Почто кота сего в темницы смиряеши 3 дни и дома пребыл еси?». Иосиф удивлен прозорливостью старца, кается: «Он же видево его прозорлива, и паде на ногу его, и плакася. Святой же посла его вспять, еже где взял посланное, занеже не по словеси святаго сотвори». Решение Никандра кажется несколько негуманным по отношению как к животному, так и к человеку: даже не покормив кота и не дав отдохнуть Иосифу, он отправляет его назад в неблизкий путь только потому, что тот совершил «не по словеси святаго». Иосифу, по-видимому, повеление Никандра пришлось не по душе, поскольку когда он отошел от келии «с треть поприща», то решил «близ келии и кота пустити». Никандр появляется рядом с Иосифом как раз в тот момент, когда Иосиф «нача в недра своя руку влагати и хватати кота и хотя его пустити». Никандр же «похвати... Иосифа создаи и глагола трижды: “Иосифе (3-жды), что еси неповеленное твориши!”». Иосиф кается, Никандр же «обличи его и рече: “Повеждь ми, что помышляеши?”. Он же рече ему: “Ты, отче, вся помышления моя веси, яко хотех пустити близ келия твоея. Твое же прозрение послушествуемо преже беззаконнаго непослушания”». Никандр наставляет Иосифа, благословляет и отпускает. «Он же отиде в дом свой, радуяся». Так кончается история с Иосифом и котом. При этом автор не поясняет, какова судьба кота, остался ли он у Никандра, или все же Иосиф вернул его спасскому дьякону.

Внешний сюжет (история с котом), конечно же, был важен для автора как проявление многократной прозорливости святого. Однако автор Псковской редакции не делает дидактических акцентов, его внимание больше поглощено перипетиями внешней истории с котом, необычной, занимательной. При этом в разработке сюжета, структуре самого рассказа есть некоторая литературная неискусшенность. Синтаксическое однообразие, повторы, сбивчивость, торопливость, недоговоренность отражают устную природу этого рассказа.

Редакторы Жития Никандра XVII–XVIII вв., люди разной социальной среды и образованности, почувствовали несоответствие истории с котом жанру жития, каждый из них попытался по-своему поправить этот странный текст, и в этих поправках отразились изменения, которые произошли в художественном и религиозном сознании и быте русского человека, в его представлении о том, как и о чем приличествует повествовать в житии святого.

В новых редакциях XVII в. история с Иосифом и котом во многом сохраняет особенности повествования Псковской редакции 80-х гг. XVI в., без изменений остается сюжетная схема событий, диалоги так же лаконичны, безыскусны, изменения касаются главным образом изображения Никандра, в его облике усиливаются идеальные черты. Так, если в Псковской редакции Никандр сразу же обращается к пришедшему Иосифу с просьбой сыскать кота, то в редакции начала XVII в. «поучив же его преподобный Никандр о пользе душевной и мало препочив, глаголя: “Чадо Иосифе, несть у меня в келии кота”»²⁴. Дополнительные «поучив», «препочив», «в келии» сразу же меняют динамику действий, просьба не кажется столь неожиданной, она звучит более келейно, как продолжение беседы и поучения. В дальнейшем изображении событий редактор начала XVII в. сразу же подчеркивает пророческий смысл всех слов и действий святого — Никандр «пророчески глагола ему: “Чадо Иосифе, есть в Заклинье на погосте у Спаского дьякона кот”». Затем редактор добавляет, что Никандр, «провидя... малоумие» Иосифа, предсказывает, что тот не вернется в пустынь и в четвертый день. Стилистические и смысловые изменения делают ритм повествования менее динамичным, живым. Это проявляется особенно ясно в заключительном эпизоде рассказа, когда Иосиф решает отпустить кота. В Псковской редакции эта сцена описана так, что ее можно легко представить: лезущий «в недра своя» Иосиф, пытающийся схватить кота; экспрессивный Никандр, трижды повторяющий обращение к Иосифу. В редакции XVII в. действие протекает более спокойно, это сказывается в меньшем количестве глаголов, в иной степени их экспрессивности. Вместо «нападе на нь... кота пустити» здесь читается «прииде ему во ум, якобы возвратитися к келии святаго и пустити кота»; исчезает описание Иосифа, вытаскивающего кота «из недр своих», вместо этого читается: «Егда же Иосиф нача пущати кота». В описании поведения Никандра меньше экспрессии: «Святой же притек, похвати его создаи, обличая и глагола ему: “Иосифе, Иосифе, что еси неповеленное твориши!”». В результате сцена теряет свою живость, динамизм, непосредственность; жесты, действия, речи более приличествуют героям житийного рассказа. В заключении редактор XVII в. еще раз обнажает смысл истории с котом и Иосифом, закрепляя в сознании читателей мысль о прозорливости святого: Иосиф «отиде с радостью в дом свой, славя и благодаря Бога и преподобнаго Никандра везде прославляя, яко дарова ему Бог дар прозрения». Так в редакции XVII в.

²⁴ Текст цит. по: Охотникова В. И. Псковская агиография. Т. 2. С. 581–582.

более отчетливо прочерчивается дидактический смысл сюжета. Однако и в редакции XVII в. нет ясности — зачем нужен был кот Никандру и чем закончилась история с котом.

Принципиально история с котом переосмысливается в Риторической редакции Жития Никандра (первая половина XVIII в.). Риторическая редакция — пространное и сложное литературное произведение, отвечающее самым строгим агиографическим канонам, насыщенное цитатами и примерами из Священного Писания, назидательными резюме и рассуждениями, особыми вступлениями почти к каждому эпизоду Жития. И история с котом в Риторической редакции Жития Никандра подвергается радикальной агиографической переделке. Иосиф из незадачливого крестьянина превращается в нерадивого духовного сына Никандра, который «хвалящаяся и борзяся словом», «ничто же слово святого вмени»²⁵. И все действия Никандра вызваны стремлением «наказать» Иосифа «малейшею епитимиею». В изображении решений и поступков Никандра автор Риторической редакции пытается пояснить каждое действие и слово святого. Так, в Риторической редакции появляется подробное объяснение того, зачем нужен Никандру кот: «Чадо Иосифе, веси убо, яко не имам в келлии моей ничто же животна... и ты не обленися принести ми некоего животна, малых животных, пакость творящих, зверски терзающего, и некосно изъедающего». И далее автор поясняет, что просьба Никандра — не прихоть и не потребность, а лишь «искушение», испытание Иосифа: «И се убо, братие, мню, не яко требующу святому животного сего, но хотяше в вящшую веру вложить предпомянутого мужа». Просьба принести кота получает двойное объяснение — бытовое (нет в келлии животного, уничтожающего малых животных) и духовное — исполнение послушания. Иным становится и отношение Никандра к коту, ему жаль несчастное животное, «ничим же ...согрешившее», которое «умучил» Иосиф. Вернувшегося с котом Иосифа Никандр встречает словами: «Почто, Иосифе, данное ти животное, ничим же тебе согрешившее, темницею без пищи умучил еси?». Повеление Никандра отнести кота обратно автор Риторической редакции комментирует так: «Святый же вспять повеле отити ему и возвратити взятое, идеже бе взял, понеже преслушания плод святым приносить не лепотствует».

Интересно, что в Риторической редакции автор ни разу не употребил слово «кот», чаще называя его просто животным («данное ти животное», «взятое животное»), либо «просимое», «посланное». И мышшь в его тексте тоже — «малое животное». В Риторической редакции явно прослеживается стремление автора избегать конкретизации в создании художественного мира Жития. И в то же время назначение, «функция» кота в бытовой жизни описана им вполне определено: «зверски терзать» и «некосно изъедать» малых животных, «пакость творящих».

²⁵ Текст цит. по: Там же. С. 683–684

С Кузей, Марфой, Мишей и Кешей

В 1799 г. в Синодальной типографии издается Житие Никандра, его основой была Риторическая редакция, текст которой был значительно отредактирован. Рассказа о чуде, героями которого являются Иосиф и кот, в Синодальной редакции нет. Вероятно, с точки зрения синодального редактора история с котом не соответствовала жанру Жития и представлениям о том, какими должны быть чудеса святого.

О ЕВАНГЕЛИИ, ИЗДАННОМ В 1600 ГОДУ В ВИЛЬНЕ В ТИПОГРАФИИ МАМОНИЧЕЙ

Среди изданий, вводящих библиографов в сомнения, а порою и приводящих в замешательство, виленское Евангелие 1600 г. занимает достойное место, и, следует заметить, вполне заслуженно. Можно назвать немного случаев, когда издание получало бы столько не сходных между собою описаний, как это замечательное произведение печати, вышедшее из типографии Мамоничей. Впрочем, на начальном этапе знакомства с упомянутой книгой библиографы были во многом едины. Все они обязательно отмечали факт существования подобного издания, приводили место и год его выпуска. Разнились описания поначалу только указанием владельцев виленской книгопечатни; как правило, в этом качестве выступало семейство Мамоничей, хотя в некоторых случаях отмечалось, что у типографии был лишь один владелец, и им оказывался Лукаш Мамонич.¹

Понимание того, что не все экземпляры книги одинаковы, пришло далеко не сразу. Первым об этом заявил А. Ф. Бычков, отказавшийся безоговорочно подводить под описание В. М. Ундольского все экземпляры издания, находившиеся тогда в собрании Императорской Публичной библиотеки. Он посчитал необходимым создать для виленского Евангелия 1600 г. еще одну, дополнительную, библиографическую запись и снабдил ее следующим примечанием: «отлич. от означ. под № 141 заставками и имеет счет тетрадей»², т. е. сигнатуры. Это замечание А. Ф. Быčkova не осталось без внимания библиографов, однако все они по большей части ограничились лишь отсылками к его мнению,³

¹ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года... СПб., 1813. Ч. 1. № 276; Кеппен П. И. Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам // Библиографические листы / Изд. П. И. Кеппеном. [СПб.], 1825. № 21. С. 300 (№ 42); Реэстр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833. № 24. В дальнейшем подобное указание также встречается, хотя и реже: Петров С. О., Бирюк Я. Д., Золотарь Т. П. Славянские книги кирилловской печати XV–XVIII вв.: Описание книг, хранящихся в Гос. публичной библиотеке УССР. Киев, 1958. № 40.

² Бычков А. Ф. Дополнение к Очерку библиографии В. Ундольского, составленное по экземплярам церковно-печатных изданий, находящихся в Имп. Публичной Библиотеке // Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии с дополнениями А. Ф. Быčkova и А. Викторова. М., 1871. Стб. 333, № 3.

³ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. СПб., 1878. Вып. 1: С 1491 по 1600 г. № 145; Родосский А. С.

и только П. А. Гильтебрандт, а затем А. И. Миловидов нашли в себе смелость описать не одно, а целых два издания Евангелия 1600 г.⁴

Впрочем, подобное восприятие виленского издания Мамоничей 1600 г. долгое время оставалось на периферии библиографической науки, чему, нужно думать, немало способствовала позиция по отношению к нему И. П. Каратаева. Тот рассматривал наличие или отсутствие сигнатур в издании как один из признаков двух его вариантов, хотя, обнаружив в Библиотеке Академии наук в одном из экземпляров Евангелия без сигнатур выходные сведения с указанием в качестве времени выхода не 17, а 19 июля 7108 (1600) г., сделал предположение, что и все другие экземпляры этого варианта книги должны были иметь точно такой же колофон.⁵

Большое влияние на подходы к описанию Евангелия 1600 г. оказало в дальнейшем исследование деятельности типографии Мамоничей, предпринятое А. С. Зерновой. В этом исследовании напрямую говорилось о существовании двух изданий книги (без сигна-

Андрей Владимирович Вознесенский

Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1: 1491–1700 г. включ. № 36.

⁴ Гильтебрандт П. А. Перечень по типографиям и годам западно-русской старопечати церковно-славянского шрифта // Памятники русской старины в западных губерниях империи. СПб., 1874. Вып. 6. С. 172. № 29 и 30; Миловидов А. И. Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI–XVIII вв. М., 1908. С. 6, № 39 и 40.

⁵ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1: С 1491 по 1652 г. № 162 (Сб. ОРЯС. Т. 34, № 2). И. П. Каратаеву, видимо, осталось неизвестным примечание П. А. Гильтебрандта к описанию Евангелия без сигнатур: «В Виленской Публичной Библиотеке есть два экземпляра с выходом: июля 17, и три: июля 19» (см.: Гильтебрандт П. А. Перечень... С. 172, сноски). Впрочем, оно не было подтверждено позднее А. И. Миловидовым, описавшим те же пять экземпляров книги, три из которых он нашел без выходных сведений (см.: Миловидов А. И. Описание славяно-русских старо-печатных книг Виленской Публичной библиотеки (1491–1800 гг.). Вильна, 1908. № 16).

тур и с сигнатурами), причем была установлена последовательность их выхода: более ранним признавалось Евангелие «без сигнатур». Выходные сведения с датой «19 июля 7108», занимающие 19 строк вместо 23, рассматривались как вариант, обнаруживаемый лишь в одном экземпляре книги, и его появление было оставлено А. С. Зерновой без каких-либо объяснений.⁶

Описание виленского Евангелия 1600 г. не как одного, а как двух изданий стало после этого почти повсеместным,⁷ тем более что вопрос о том, почему они датированы одинаково, постаралась смягчить В. И. Лукьяненко. В Каталоге белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв., хранящихся в Публичной библиотеке в Ленинграде, в описании Евангелия «с сигнатурами» исследовательница сделала одно крайне важное замечание. Она отметила, что несмотря на близость к Евангелию «без сигнатур», его следует считать «сравнительно поздним изданием, выпущенным позже указанной в нем даты, возможно, в самом конце 1600 г., т. е. не в июле, а августе этого года».⁸ Новая датировка, возникшая из предположения В. И. Лукьяненко, тем не менее, прижилась в библиографии и даже была закреплена в изданном недавно опыте сводного каталога кириллических книг второй половины XVI в.⁹ Впрочем, в последнее время появилось еще одно мнение о времени выхода в свет указанных виленских изданий, а именно было высказано предложение датировать Евангелие «с сигнатурами» временем «не ранее 1614»,¹⁰ но, так как его авторы не сопроводили подобную датировку никакими пояснениями и не привели для нее никаких оснований, она едва ли может быть принята во внимание.

В пользу того, чтобы считать, что в 1600 г. в Вильне было напечатано два издания Евангелия, прежде всего, говорит осуществление в свое время двух наборов, с которых и печатались экземпляры книги. Различия этих наборов очевидны, они заметны и в орнаментальном убранстве и в изменениях, внесенных в текст книги, но ярче всего они проявились в отсутствии или наличии сигнатур, поскольку это не может быть особенностью набора, отражающей его вариантное состояние. Между тем использование нескольких наборов не нарушало единства издания, если оттиски с них воспринимались печатни-

⁶ Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959. С. 210.

⁷ Представление о Евангелиях «с сигнатурами» и «без сигнатур» как о вариантах одного издания было крайне редким явлением, см., например: *Выдашенко М. Б., Мыцко И. З.* Коллекция старопечатных изданий кирилловского шрифта в Музее Ивана Федорова во Львове // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 213.

⁸ Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. Л., 1973. Вып. 1: 1523–1600 гг. С. 159–160.

⁹ Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 2. № 170.

¹⁰ *Немировский Е. Л., Емельянова Е. А.* Книги кирилловской печати. 1551–1600: Каталог. М., 2009. № 147 (Книжные памятники Российской государственной библиотеки).

ками как части одного издания, а несколько наборов были необходимы лишь для увеличения тиража книги. О том, что они рассматривались именно так, свидетельствует наделение экземпляров обоих выпусков книги одинаковыми выходными сведениями.

Вопрос о выходных сведениях Евангелий «без сигнатур» и «с сигнатурами» совсем не прост, поскольку его решение напрямую связано с представлениями о листовой формуле издания, в описании которой разные библиографы и по сей день не пришли к единству. Вполне вероятно, это было вызвано тем, что два выпуска Евангелия 1600 г. имели неодинаковый объем,¹¹ хотя главной причиной такого положения, конечно же, следует считать крайне плохую сохранность экземпляров издания, особенно в их конечной части. Только так, к примеру, можно объяснить существование мнения о том, что последняя тетрадь книги в обоих случаях включала в себя по 10 листов, в том числе и лист с выходными сведениями.¹² На самом деле последние 10 листов представляли собою тетрадь из 8 листов, к которой примыкали еще два листа: один — с окончанием текста Евангелия, другой — с колофоном книги.

Оба эти листа остались нумерованными и даже в Евангелии «с сигнатурами» не получили сигнатуры: вероятнее всего, они печатались как двойной лист. Вместе с тем, второй тираж этого двойного листа, нужно думать, печатался с пустым листом на месте колофона. Как представляется, именно поэтому при описании экземпляров Евангелия 1600 г. часто фиксируется отсутствие либо двух нумерованных листов в конце книги, либо одного, последнего. В любом случае, говорить о существовании двух наборов текста выходных сведений пока невозможно, тогда как использование двух наборов для листа с окончанием текста Евангелия является фактом, не вызывающим сомнения, так как при создании этих двух наборов были использованы разные концовки: в одном случае — в виде прямоугольника, в другом — наподобие квадрата, стоящего на одном из углов.

В практике типографии Мамоничей не было единого способа указания выходных сведений. Если оставить в стороне издания, которые выпускались вовсе без выходных сведений,¹³ выходные сведения которых не сохранились, а также те, судить о неполноте которых пока не представляется возможным,

¹¹ Подробнее об этом см.: *Вознесенский А. В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 6. О пустых листах // ТОДРА. СПб., 2003. Т. 53. С. 470–474.

¹² Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. № 168, 170.

¹³ Отсутствие выходных сведений нередко определялось заказным характером издания. Не случайно при выпуске в свет сочинения «О крестном знамении» Максима Грека в середине 1580-х гг. (именно о такой датировке свидетельствует употребление элемента наборного орнамента в конце колофона; ср. колофон Псалтири с Часословцем 1586 г.) печатники нашли возможным снабдить его колофоном только следующего содержания: «За выдаткомъ або накладомъ на то. Велебнаго его милости епископа, Луцъкого И острозского отца Кирила Терълецъкого. Выдруковано» (Там же. Илл. 98.3).

то все другие напечатанные Мамоничами книги нетрудно разделить на две группы: издания с титульным листом и издания с колофоном. При этом выбор того или иного способа указания выходных сведений не был произвольным, он зависел от содержания и назначения печатаемой книги.

Обычно издания для православных снабжались колофоном, тогда как издания официальных книг и сочинений униатских, не согласных с православными, как правило, имели титульный лист. Исключений из этого правила было немного, и все они появились лишь во 2-й половине 1590-х гг. К числу их можно отнести «Справедливое описание Брестского собора» Ипатия Потия 1597 г., получившее колофон с весьма кратким указанием, что издание «друковано у Вильни року Божего 1597»,¹⁴ но имевшее при этом и титульный лист, сообщавший название книги. С другой стороны, напечатанное для православных Евангелие учительное 1595 г. было снабжено титульным листом, на котором упоминалось о печатании книги «В друкарни з дому Мамоничов, року от создания миру 7103, а от выплощения Господа нашего Исус Христа 1595-го»¹⁵.

Эти на первый взгляд довольно скудные сведения имеют важное дополнение: в них указан год выпуска книги не только от Рождества Христова, но и от сотворения мира. Обычно Мамоничи этого не делали; летоисчисление на титульном листе их изданий велось только от «Божего нарожения». Кроме того, как правило, указывалось место издания — Вильна¹⁶ и «друкарня дому Мамоничов».¹⁷ В отдельных случаях выходные сведения дополнялись упоминанием о наличии у Мамоничей королевской привилегии¹⁸ или о печатании книги «с дозволения старших».¹⁹

Колофоны изданий Мамоничей до конца XVI в. были намного более пространны; в них печатники не ограничивались указанием названия книги и сухой констатацией факта ее издания в определенном году в определенном месте и силами определенных типографов. Нередко, особенно поначалу, текст колофона открывался упоминанием Бога, Его воли, благодати или благоволения; затем называлась печатаемая книга, указывались владетельные и сановные лица, в чье правление или с чьей помощью книга печаталась, наконец, сообщалось о месте, типографах и времени ее выхода. Заключение колофона составляла отсылка к «друкарне Мамоничов», причем на внесение ее в книгу, как правило, не имело влияния даже наличие уже в колофоне упоминания об

¹⁴ Там же. № 155.

¹⁵ Там же. Илл. 135.1.

¹⁶ Наряду с Евангелием учительным 1595 г., указания на Вильну не имеет и один из первых выпусков Статута Великого княжества Литовского (см.: Там же. Илл. 121.1).

¹⁷ Указание опущено в изданиях Катехизиса Петра Канизия 1585 г. (Там же. Илл. 96.1), Унии Ипатия Потия 1595 г. (Там же. Илл. 136.1) и Описании и обороне Брестского собора Петра Скарги 1597 г. (Там же. Илл. 156.1).

¹⁸ Только в выпусках Статута Великого княжества Литовского.

¹⁹ Только в Катехизисе Петра Скарги и Унии Ипатия Потия.

участии в издании книги Лукаша и Козьмы Мамоничей, скарбного Великого княжества Литовского и бургомистра Виленского соответственно. Особенностью текста колофонов виленских изданий было то, что в них никогда не приводился полный перечень титулов царствующего монарха, но зато почти всегда присутствовала дата выпуска книги в летоисчислении от сотворения мира,²⁰ причем сообщалась точная дата, с указанием дня и месяца года.²¹

Увидеть различия между титульным листом и колофоном проще всего на примере Псалтири с Часословцем 1593 г., участие в печатании которой принимал сын Кузьмы Мамонича Леон,²² снабдивший книгу и титульным листом, и колофоном. При этом он не отступил от обыкновений типографии в указании выходных сведений. На титульном листе они были предельно кратки: «В Вильни. З друкарни дому Мамоничовъ. Року 1593»;²³ в колофоне те же сведения оказались переданы более многословно: «В лето от создания миру. 7101. А от нарожения Исуса Христа Сына Божего избавителя нашего. 1593 го месяца ноября 30 го Сия книга глаголемая псалтыр Выдрукована есть в месте Виленскомъ. В дому, тыпокграфовъ его королевской милости, Мамоничовъ», после чего был приведен текст привилегии.²⁴

При составлении текста колофонов печатники, вне сомнений, держали в уме выходные сведения московских изданий, а также виленских изданий Петра Тимофеева Мстиславца. Об этом свидетельствует колофон первого издания Мамоничей — Службника 1583 г., выпуск которого был приписан повелению польского короля и благословению киевского и галицкого митрополита, что впоследствии не могло не вызвать удивления библиографов.²⁵ Необычным в его тексте было и указание цели издания: «ко очищению и ко исправлению ненаученных и неискусных в разуме книгописец»²⁶, тем более что оно было дословно заимствовано из московской Псалтири 1568 г. Вместе с тем, как и Петр Тимофеев Мстиславец, виленские типографы никогда не называли дату начала печатания книги, ограничиваясь лишь датой окончания работы над нею.

²⁰ Наряду с датой в летоисчислении от Рождества Христова. Исключения: Псалтирь с Часословцем 1586 г. (только от сотворения мира), Часовник 1597 г. и Описание и оборона Брестского собора Петра Скарги 1597 г. (только от рождества Христова).

²¹ Указания числа и месяца нет лишь в Описании и обороне Брестского собора Петра Скарги 1597 г.

²² В посвящении своему дяде Лукашу Мамоничу Леон, называя книгу своею «первою працею», писал, что «понуидхся, сию книгу глаголемую псалтырь <...> в дому родителском, помочниками и на то уготованными розными пособии ручными ничто же не перекладаючи и не отменяючи языка словенскаго выдруковати» (Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Илл. 125.4, 125.3).

²³ Там же. Илл. 125.1.

²⁴ Там же. Илл. 125.9.

²⁵ Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век). С. 177.

²⁶ Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. № 89.6.

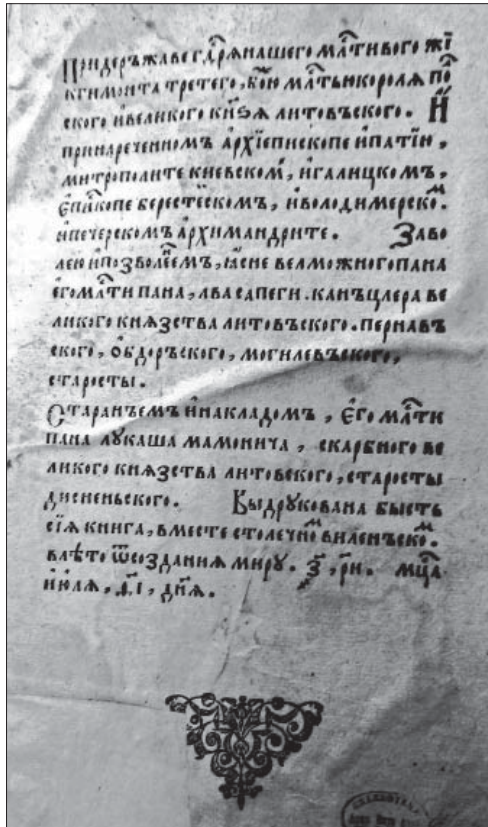

Рис. 1. Колофон Евангелия 1600 г.
в первоначальном виде.

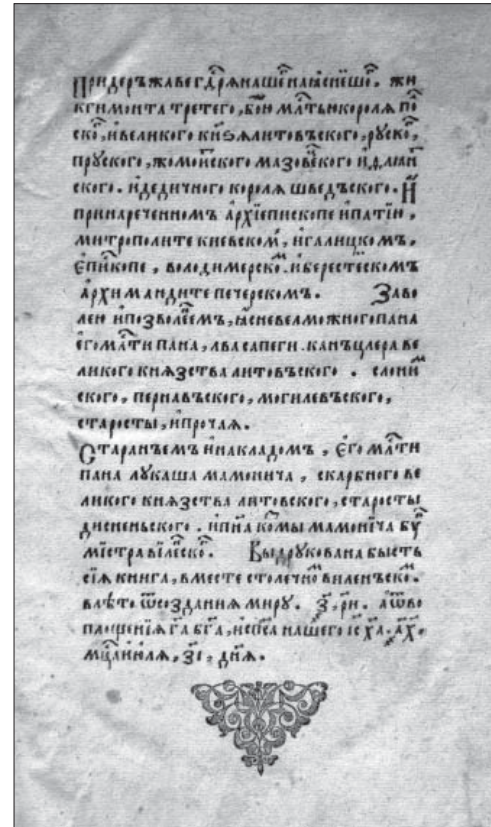

Рис. 2. Колофон Евангелия 1600 г.
в окончательном виде.

Евангелие 1600 г., как и другие издания богослужебных книг православной церкви, также получило колофон, но история его печатания оказалась не столь простой, как обычно. Текст выходных сведений был изменен, причем намного более существенно, чем это, как правило, отмечают библиографы, видящие главное различие между двумя вариантами в указании либо 19, либо 17 июля в качестве времени выхода книги. На самом деле изменения коснулись не только даты. В первоначальном виде (см. рис. 1) текст выходных сведений характеризовал короля как «милостивого» (позднее — «наяснейшего»; см. рис. 2), называл его «королем полским и великим князем литовским» (позднее титулование дополнилось указанием на то, что он еще и великий князь «русский, пруский, жомоитский, мазовецкий, ифлянтский и дедичный короля шведского»), именовал митрополита Ипатия «епископом берестейским и володимерским, и печерским архимандритом» (позднее он

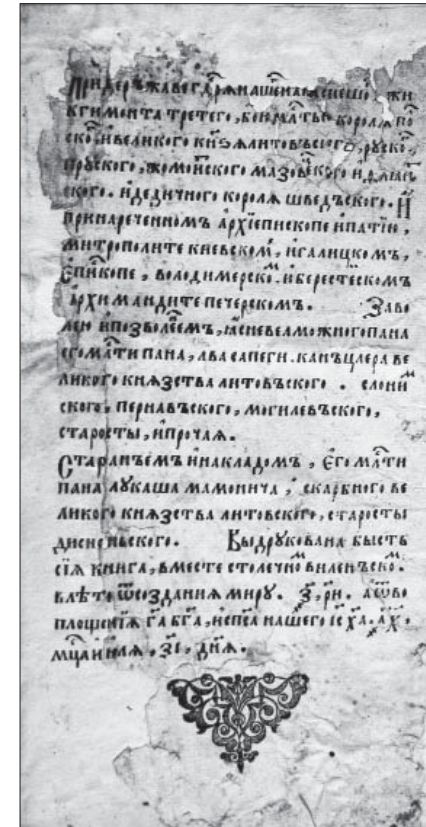

Рис. 3. Колофон Евангелия 1600 г.
в окончательном виде. Неизвестный
ранний вариант набора.

стал «епископом володимерским и берестейским, архимандритом печерским»). Изменения появились и в титуловании канцлера Льва Сапег: из «пернавского, обдорского, могилевского старосты» он превратился в «слонимского, пернавского, могилевского старосту, и прочая». Важные изменения были внесены в заключительную часть текста колофона. Ответственность за издание, кроме Лукаша, взял на себя и «пан Козма Мамонич бурмистр виленский», а в дополнение к дате в летоисчислении от сотворения мира появилось ее соответствие в летоисчислении от Рождества Христова. Впрочем, и сама дата была изменена.

Более поздний колофон стал итогом перенбора текста, причем его окончательного вида печатникам удалось добиться не сразу. Поначалу они в очередной раз забыли упомянуть Кузьму Мамонича²⁷ (рис. 3), но вскоре внесли в колофон его имя, вставив в текст дополнительную строку, в которую, используя ряд сокращений слов, умудрились вписать все необходимые о нем сведения.

При рассмотрении истории печатания колофона становится очевидным, что перед печатниками стояла не только задача исправить закравшиеся в текст недочеты, им было важно привести его в вид, в котором он был бы приемлем как для московских книжников, так и для жителей Великого княжества Литовского, значительно лучше разбиравшихся в местных делах и титуловании владетельных лиц. Для них была введена и дата от рождества Христова, более привычная в Литве, что отличало ее от Московского государства, отдававшего предпочтение летоисчислению от сотворения мира.²⁸

²⁷ Еще один вариант колофона, ранее не отмечавшийся библиографами, обнаруживается в экземпляре, поступившем в Публичную библиотеку в числе дублетов Московского Публичного музея (из собрания И. Я. Лукашевича).

²⁸ Попытка введения в Москве даты от Рождества Христова, предпринятая во второй половине первого десятилетия XVII в., закончилась фиаско. И в Апостоле и Евангелии 1606 г., и в Триоди постной 1607 г., и в Уставе 1610 г. дата от Рождества Хри-

Таким образом, в процессе печатания Евангелия 1600 г., которое предполагалось выпустить двойным тиражом, виленские типографы произвели переадресацию книги, переориентировав ее с московского на местный рынок. И хотя нет прямых свидетельств того, на чем основывалось их решение, нужно думать, оно было связано с успехами московского книгопечатания, развивавшегося уже на регулярной основе. В любом случае виленские типографы оставили в своем отечестве достаточно большую часть обоих тиражей издания, и это привело к появлению большого числа экземпляров книги с западнорусскими записями, что порою специально отмечается библиографами.²⁹

стова оказалась неверной, поскольку московские книжники полагали, что разница между двумя летоисчислениями составляет не 5508, а 5500 лет.

²⁹ Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век). С. 210; Выдашенко М. Б., Мыцко И. З. Коллекция старопечатных изданий кирилловского шрифта в Музее Ивана Федорова во Львове. С. 213.

О ЛИЦЕВОЙ ПЧЕЛЕ XVII ВЕКА

В собрании рукописей РНБ с 1873 г. находится Пчела XVII в., форматом в лист, под шифром F.I.487, с лицевыми «изображениями в рост святых, из сочинений которых заимствованы мысли и изречения».¹ Рукопись сохранилась неполностью, в ней утрачены начало и конец: текст читается от седьмого слова «О милостыне» (л. 2). В тексте насчитывается 22 заставки и 10 концовок. Изображения — фигуры в рост — расположены на полях, одно над другим, то 3, то 4 на каждом развороте листов. Сохранилось всего 419 изображений (часть из них повторяется). Это перовые рисунки; каждая фигура заключена в контурную трехлопастную рамку с обозначением позы. Все фигуры представлены в

Елена Константиновна Ромодановская и Ольга Андреевна Белоброва. 2003 г.

¹ Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1873 год. СПб., 1876. С. 57. О тексте Пчелы см.: Творогов О. В. Пчела // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 382–387.

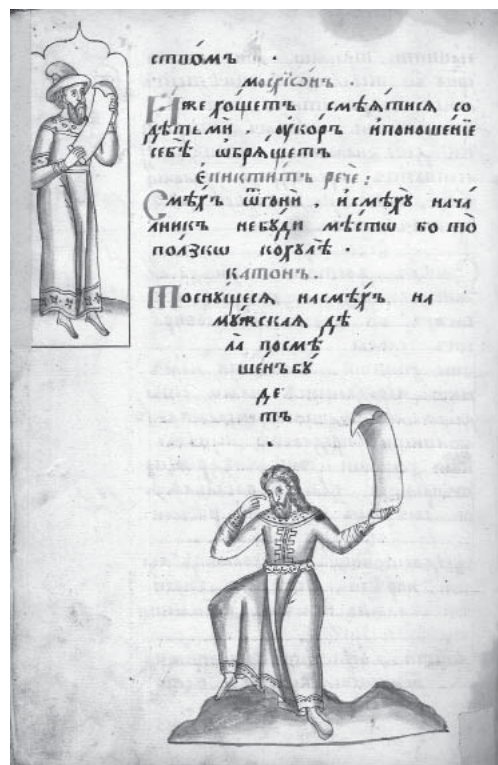

Рис. 1. Мосхион. Катон.
Рисунок на поле рукописной Пчелы XVII в.
(РНБ, F.I.487, л. 154 об.).

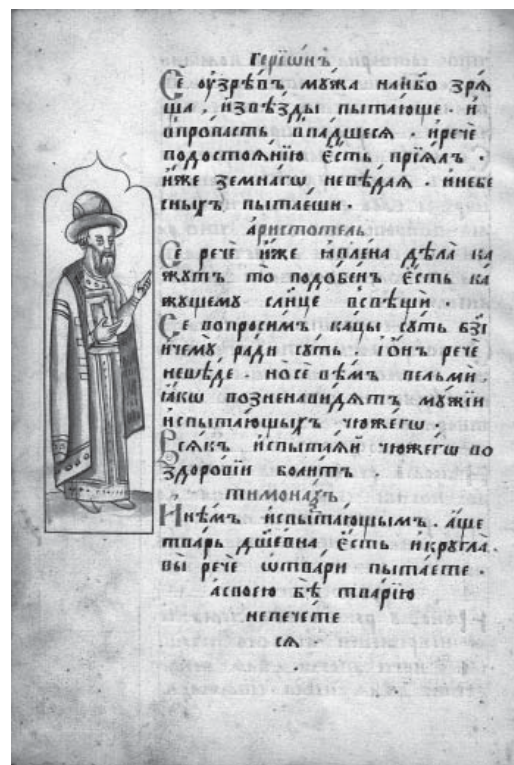

Рис. 2. Аристотель.
Рисунок на поле рукописной Пчелы XVII в.
(РНБ, F.I.487, л. 66 об.).

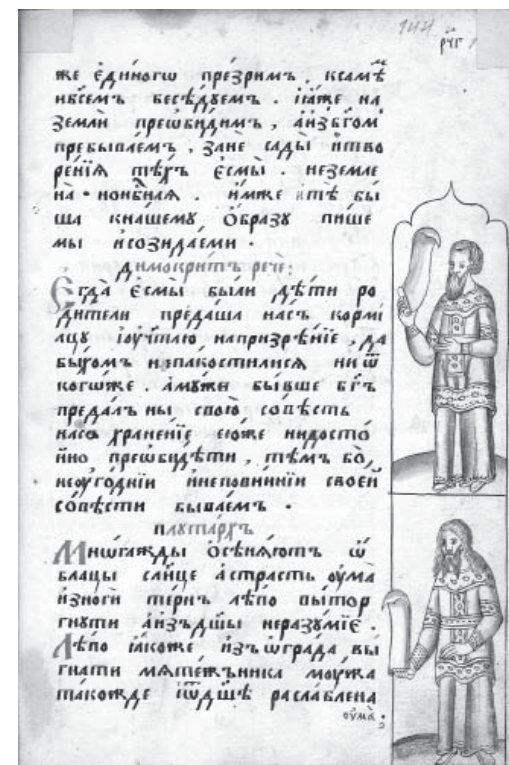

Рис. 3. Димокрит. Плутарх.
Рисунок на поле рукописной Пчелы XVII в.
(РНБ, F.I.487, л. 144).

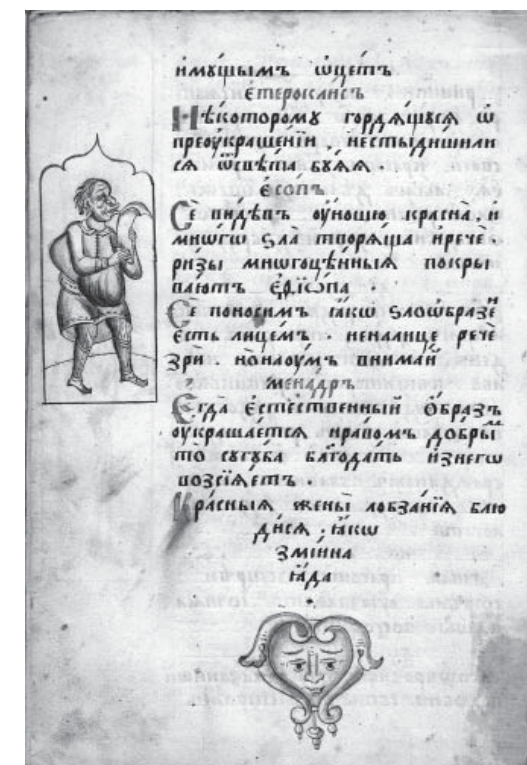

Рис. 4. Эзоп.
Рисунок на поле рукописной Пчелы XVII в.
(РНБ, F.I.487, л. 99 об.).

легком повороте к тексту, подчеркнутым жестами рук, расположением свитков или книг, складками одежды. Некоторые персонажи простоволосые, другие в шапках (Аристотель, Демокрит, Димостен, Эпикур, Мосхион и другие; см. рис. 1), Златоуст с нимбом.

Приведем имена персонажей — авторов сентенций, включенных в состав сохранившейся части Пчелы: это Агапитос, Агафон, Александр, Анахарс, Антаксеркс, Антигон, Аполоний, Аристид, Аристипп, Аристоним, Аристотель, Арон, Виас, Гернон, Димадий, Димокрит, Димостен, Диоген (Диогений), Дион (Римский), Дион (Хрисостом), Еврипид, Европидий, Евтихий, Епиктит, Эпикур, Есоп, Есхил, Залевк, Златоуст, Иоанн Дамаскин, Ираклий, Иродит, Исайя, Исократ, Катон, Клеопул, Клитарх, Ксенофонт, Лаос, Менадр (Менадр), Мосхион, Нил (Нилос), Пелепид, Платон, Плутарх, Прокопий, Пуп-риптор, Сирах, Сократ (Секрат), Соломон, Стратоник, Фаворий, Феофраст, Филимон, Филипп, Филистион, Филон, Фиспис, Фотий, Фукудидий, Сѹгрия.

Припоминается высказывание В. Н. Перетца: «Самым значительным проводником идей античных авторов в древнерусскую среду была Пчела»². Но какие источники были в распоряжении древнерусских книжников при изображении античных авторов — остается неизвестным. Возможно, это были какие-то справочные издания западного происхождения.

В научной литературе 1940–1950-х гг. отмечались фресковые росписи московского Новоспасского собора XVII в. с изображениями фигур античных мудрецов.³ К 1961 г. относится издание статьи Н. А. Казаковой «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв.»⁴

² Перетц В. Н. Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв. // Гермес. Сборник за 2-е полугодие 1918 г. № 8–12 (август–декабрь). Т. 23. Петроград, 1919. С. 180–185.

³ История русского искусства. Т. 4. М., 1959. С. 405.

⁴ Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // ТОДРА. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 358–368.

Но здесь речь идет о настенной храмовой росписи, а не о рукописной традиции, встретившейся нам в лицевой Пчеле. Капитальный труд А. А. Пичхадзе и И. И. Макеевой⁵ как будто не отмечает лицевые рукописные списки памятника.

Перовые рисунки фигур при изречениях античных и средневековых авторов до сих пор как будто не привлекали к себе внимания. Между тем этот материал показывает, что в среде древнерусских книжников в XVII в. находились либо печатное издание, либо рукописный лицевой список с изображением античных авторов. Об устойчивой иконографии персонажей из Пчелы позволяют судить повторяющиеся изображения Аристотеля (л. 66 об., л. 124, см. рис. 2), Диона Хрисостома (л. 104 об. и 131 об.) и других античных авторов. Златоуст представлен в облачении святителя с Евангелием в руках, с орачем. Дион одет в рубаху с орнаментальными узорами оплечья, рукавов и подола (л. 104 об., 131 об.). Платон в шубе, но без шапки (л. 148), Диоген со свитком (л. 22, 29 об., 52). Одевания персонажей несут черты русификации (рубахи с орнаментом, шапка Мосхиона).

Впрочем иногда изображения варьируются, например, Димокрит на л. 22 наделен длинной бородой, он в шапке и плаще, а на л. 144 он простоволос, борода короче; он явно моложе. По-разному изображены Диоген (на л. 22, 23, 24, 189 об.) и Плутарх (см. л. 73, 91 об., 144; см. рис. 3).

Подчеркнута причастность персонажей к письменной культуре: в руках многих лиц развешивающийся свиток (у Димокрита, Диогена, Диона, Катона, Мосхиона и др.). Жестикулируют как будто при беседе Аристотель, Димокрит, Дион, Катон, Ксенофонт, Платон и другие. Запоминается облик Эзопа в виде уродливого карлика, в профиль (л. 99 об., см. рис. 4). Зрительные характеристики персонажей усиливают впечатления от их высказываний, составляющих текст Пчелы.

Неполная сохранность привлеченного нами редкого экземпляра лицевой Пчелы, возможно, свидетельствует о ее широкой востребованности и как бы «зачитанности». Но и в дошедшем до нашего времени неполном виде Пчела с рисунками на полях остается редким памятником средневековой культуры, в котором рисованные поля служат своего рода комментарием к авторским текстам, столь разнообразным и многозначным в популярном сборнике.

⁵ Пчела: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. 1–2. М., 2008.

НЕИЗУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ О СЕМИ МУДРЕЦАХ»

В своем грандиозном труде, посвященном вопросу русификации «Римских Деяний»,¹ а также во многих статьях Е. К. Ромодановская указывала на необходимость изучения переводных сборников с учетом жизни отдельных повестей, входивших в состав кодексов.² Такие работы уже частично осуществлялись, например, Повести о папе Григории посвящен ряд работ Н. К. Гудзия и М. Н. Климовой, судьбой обширной «Повести об Аполлонии Тирском» успешно занималась Л. В. Соколова, сама же Е. К. Ромодановская исследовала «Приклад о цесаре Иовениане» и т. д.

Значительно меньше внимания уделялось судьбе другого обширного сборника назидательных повестей, переведенного с польского языка в начале XVII в. — «Повести о семи мудрецах». Правда, сборник три раза издавался,³ несколько лет тому назад Б. Оляшек писала о двух интересных обработках «Притчи седьмой Ицыхима мудреца о некоем рыцаре и о жене его»,⁴ а в последнее время Л. А. Курышева обратила внимание на заключительную Повесть об Александре и Лодвике,⁵ но другие тексты из этого популярного сборника к изучению практически не привлекались.⁶

¹ Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М., 2009.

² Ср., например: Ромодановская Е. К. Переводные памятники XVII века и становление нового типа русской литературы // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 4. М., 2007. С. 62–72; переиздание статьи см. на с. 416–426 1-го тома; Ромодановская Е. К. Переводные сборники как комплексы новых сюжетов в русской литературе // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 5–8.

³ Книга седми мудрецов Римския земли о королах и о цысарех и о сыне цасареви Диоклетиане. СПб., 1878–1880 (Изд. ОЛДП, № 29 и 35); Повесть о семи мудрецах / Подг. текста и комм. И. Д. Казовской // ПЛДР: XVII век. М., 1988. Кн. 1 (далее ПЛДР-1); Повесть о семи мудрецах / Подг. текста и комм. И. Д. Казовской // БЛДР. Т. 15: XVII век. СПб., 2006.

⁴ Olszsek B. Славянские обработки истории о вдове, которая развратницей стала // Tradycja i inwencja. Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej (Łódź, 23–24 listopada 1998 r.). Łódź 1999. С. 116–119.

⁵ Курышева Л. А. «Повесть об Александре и Лодвике» в сентиментальную эпоху: Древнерусская повесть в новом культурном контексте // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 55–63.

⁶ Перечень работ по этой теме см. в статье: Азволинская (Казовская) И. Д., Каган М. Д. Повесть о семи мудрецах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 183–187.

Элиза Малэк

Не исследовались (хотя и учитывались в перечнях списков) также кодексы «неполного состава», то есть такие, в которых сохранилась только часть сборника, и уж совсем выпали из поля зрения такие рукописи, в которых новеллы из «Повести о семи мудрецах» получили новые заглавия, из-за чего библиографы не заметили их связи с текстом «Повести».

В свое время мне уже приходилось писать об особой редакции рассказов из «Повести о семи мудрецах» в «Книге, нарицаемой жарты».⁷ Напомню, что они, подобно прикладам из «Римских Деяний», не составляют в ней единого компактного блока, хотя все они включены в мини-цикл повестей о женской хитрости. Это «Притча шестаго мудреца Калеофаса о трех рыцарях», получившая наименование «О жене, изгубившей трех воинов цесарских», «Притча седьмая Ицыхима мудреца о некоем рыцаре и о жене его», озаглавленная «О жене, иже над мертвым телом мужа поругание сотвори» и «Притча седмая цесаревы о некоем крале, како ему к себе примину рыцаря и отдаде за него

⁷ Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 54–55, 60.

кравеу свою пирования ради своею неумностию», превращенная в рассказ «О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж».⁸

В настоящей статье я хотела бы обратить внимание на другую неучтенную исследователями редакцию новелл из «Повести о семи мудрецах» (назовем ее редакцией *P*), известную по интереснейшему сборнику-конволюту ИРЛИ, собр. Перетца, № 213. В его составе находится один из списков «Книги, нарицаемой жарты», в которую, как уже упоминалось, были включены три новеллы из «Повести о семи мудрецах» особой редакции. В первой тетради этого сборника с особой пагинацией удалось обнаружить еще двенадцать новелл из «Повести о семи мудрецах», которые присоединены к сборнику фацей, а именно: «Повесть о псе и соколе мудреца Боленцеуса», «Повесть о старом муже и о жене его младей», «Повесть о некоем муже и о сыне его», «Повесть о говорливой сороке», «Повесть о седми мастерах царских», «Повесть о старом муже и о коплане, рекше попе», «Повесть цесаревы, како Октовиянусу кесарю налияша горло златом и жива погребеша», «Повесть о Поликратусе лекаре и о внуце его Голианусе», «Повесть о некоем краве нечистом и опухлом и его юноше», «Повесть о трех воинех», «Повесть о некотором краве, который выдал жену свою своими руками замуж» и «Повесть о некоем муже, иже для крови жены своя умре». Часть из них была опубликована мною в указателе сюжетов,⁹ но целая подборка особо никогда не характеризовались, хотя, несомненно, заслуживает внимания.

Тетрадь с перечисленными повестями переписана на бумаге с гербом Амстердама, которая датируется С. А. Клепиковым 1720 г.,¹⁰ следовательно, редакция *P* «Повести о семи мудрецах», которая в ней сохранилась, возникла не позже первой четверти XVIII в. Начало рукописи утрачено, текст начинается фрагментом фацей о волохе и венете, помеченной номером 34, новеллы из «Повести о семи мудрецах» занимают номера 52–63. Сопоставляя тексты повестей из сборника Перетца с текстом «Повести о семи мудрецах» по публикации И. Д. Казовской (ПЛДР-1) и со списками РГБ, ф. 29, № 1563 (ред. *B*) и РГБ, ф. 310, № 946 (ред. *C*), замечаем, что анонимный редактор сохраняет расположение вставных новелл памятника: они следуют одна за другой в такой же последовательности, как в полном тексте (опущена только «Притча вторая о цесаре и о некоем пастухе и о вепре»). Но он игнорирует наличие связующих звеньев: диалоги цесаря с мудрецами и цесаревой, которые в оригинале «Повести» выступают в качестве рассказчиков и комментаторов, сознательно и последовательно убираются, а все новеллы получают новые заголовки. Покажем это на нескольких примерах:

⁸ Она опубликована по списку РНБ, собр. Титова, № 4182 в монографии: Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. S. 90–94.

⁹ Ср.: Malek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Łódź, 2000. Т. 1. С. 206–209, 262–263, 323–325, 356–361.

¹⁰ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 1162.

ИРЛИ, собр. Перетца, № 213 (ред. Р)

ПЛАДР-1, ред. В, ред. С

Повесть о некоем муже и о сыне его

Повесть третья цесаревы о рыцаре убогом и о сыне его и о двух дочерях его (ПЛАДР-1)
 Повесть 3-я цесаревы о злых и немилованных сынех ко отцем своим (ред. В)
 Третья повесть о некоем рыцаре и о сыне его (ред. С)

Повесть о говорливой сороке

Повесть третья. О некоем госте и о птице, глаголемой сороке, и о блядивой жене его (ПЛАДР-1)
 Повесть 3-ья мудреца о мещанине и о молодой жене его и о сороке (ред. В)
 Третья повесть Ката мудреца о некоем торговом человеке (ред. С)

Повесть о семи мастерах царских

Повесть четвертая цесаревы, како ослепиша цесаря (ПЛАДР-1)
 Повесть 4-я цесаревы о цесаре и о мудрецах зело мудрая (ред. В)
 Четвертая повесть цесаревы жены о мудрецах (ред. С)

Повесть о старом муже и о коплане, рекше попе

Повесть четвертая о некоем рыцаре и о жене его, еже како она восхоте любити попа (ПЛАДР-1)
 Повесть 4-я мудреца Малха о старом рыцаре и о молодой жене, како хотела миловать коплана (ред. В)
 Четвертая повесть Елихазара мудреца о старом цысаре и о молодой жене (ред. С)

Повесть цесаревы, како Октавианусу кесарю наляша горло златом и жива погребоша

Притча пятая о цесаре некоем любящу ему злато, тем же златом ему граждане его и уста заляша (ПЛАДР-1)
 Повесть 5-я цесаревы о цесаре Антовете златолюбите, и тем златом залито ему горло (ред. В)
 Пятая повесть цысаревны (ред. С)

Нетрудно заметить, что, моделируя заглавия, редактор убирает указание на персонифицированного повествователя и только в двух случаях, как бы по недосмотру, оставляет указание на рассказчиков: «Притча пятая о цесаре некоем любящу ему злато, тем же златом ему граждане его и уста заляша» получает у него название «Повесть цесаревы, како Октавианусу кесарю наляша горло златом и жива погребоша»,¹¹ а «Притча первого мудреца Венцелеуса к кесарю о некоем псе и о птице соколе» превращается в «Повесть о псе и соколе мудреца Боленцеуса».

Если в исходном тексте было указание на присутствие реального слушателя новеллы, то оно тоже убирается. Так, к примеру, из повести третьего мудреца «о некоем госте и о птице, глаголемой сороке», исчезает сравнение жены купца с цесаревой, а на его месте появляется упоминание о красоте купеческой жены. Первичное чтение «А жена его млада добре, *как пред тобою твоя цесарева*» в новой редакции получает следующую форму: «Той же купец имея у себя младую жену *и красну велми*». Из четвертой повести цесаревы, в которой она рассказывала мужу о том, что «...в Риме были у цесаря семь мудрецов, которые у него всю землю держали и сидели, *как твои ныне седм мудрецов то чинят*», редактор убрал фрагмент, набранный курсивом, и т. д.

С изменениями в области заглавия тесно связана корректировка финалов новелл. Отбросив повествовательную рамку «Повести о семи мудрецах», редактор последовательно убирает толкования новелл, которые формулировались мудрецами с целью отложить казнь Диоклетиана, и цесаревой, с целью убедить мужа в виновности пасынка и привести в исполнение смертный приговор. Таким образом новеллы перестают быть аргументами в споре, а прочитываются как самодовлеющие произведения, интерпретация которых уже не связывается с борьбой за жизнь царевича и подчиняется другим правилам.

Знаменательно при этом, что каждая из повестей получает оригинальное завершение в виде краткого виршика, в котором дается обобщенный комментарий к рассказанной истории. Так, к примеру, «Повесть о псе и соколе мудреца Боленцеуса» заканчивается виршиком: «Несчастливи много страждут и без вины, / Яко же пс сей умре напрасно от жены»; «Повесть о говорливой сороке» — виршиком: «Злы жены пребывают в беззаконной сласти, / А мужей своих вводят тем в многи напасти»; «Повесть о семи мастерах царских» — двустушьем: «Исчезают бо вскоре человецы злыя, / Яко не хранят любви благочинно тыя»; «Повесть о старом муже и о коплане, рекше попе» — виршиком: «Жены должны любити своя мужи всяко, / Понеже едина плоть спряжесе».

¹¹ Стоит отметить, что заглавия древнерусских произведений, как оригинальных, так и переводных, часто варьировались. Новые заглавия новелл из «Повести о семи мудрецах», как видно хотя бы из данного сопоставления, появлялись также в списках всех редакций полных вариантов памятника.

так». И так далее. Добавим, что подобный прием применялся также создателем «Книги, нарицаемой жарты», который свои обработки текстов, заимствованных из «Римских Деяний», «Великого Зерцала» и «Повести о семи мудрецах», снабжал такими же виршиками.

Редакционные изменения затронули не только заголовочно-финальный комплекс новелл, хотя следует признать, что с него все начинается: само заглавие, выдвигая на первый план других героев и по-другому расставляя акценты, уже определяет вектор этих изменений. Бросается в глаза лаконичность заголовков, это в большинстве случаев повесть о ком-то, в них называется центральный персонаж (сорока, семь мудрецов) или персонажи, противостояние которых движет сюжет (старый муж и поп, некий муж и его сын).

Действие повестей в этой редакции локализовано в ближе не определенном «некотором царстве», «во едином царстве», «в некотором граде», а героями являются некие «славный муж», «некий купец», в то время как в текстах редакций А, В и С оно нередко помещалось в Риме или в Римской области. Ср.: «Бысть в некотором царстве некий славный муж» («Повесть о некоем муже и о сыне его»), «Во едином то царстве у некоего царя» («Повесть о семи мастерах царских»), «Бысть некий купец в некотором граде» («Повесть о говорливой сороке»), «Бысть некоторый муж стар праведен делы своими» («Повесть о старом муже и о коплане, рекше попе»). Исключение в этом плане составляет лишь последняя новелла, «Повесть цесаревы, како Октавианусу кесарю наляша горло златом и жива погребоща», редактирование которой как бы не доведено до конца.

Еще одним способом редактирования текста может быть отсечение той части новеллы, которая, по мнению редактора, не несет новой информации, необходимой для завершения сюжета. Так в «Повести о некоем муже и о сыне его» редактор заканчивает повествование в тот момент, когда сын рыцаря, впавшего в бочку со смолой, отрубает ему голову, чтобы стражам не удалось идентифицировать вора и таким образом найти его сообщника, то есть сына. Завершается повесть четверостишьем: «Иногда дети отцем делают врагами, / Бодут бо досадами, яко же рогами. / Но сей отцу отсеке руками си главу / И сотвори сродником оказию нову».

В исходном тексте новеллы еще рассказывается о неуспешных попытках найти родственников погибшего: обезглавленный труп отца по приказу цесаря возят по городу, но сын делает все, чтобы плач дочерей, увидевших поруганное тело отца, не выдал их. Он быстро калечит ножом свою руку, а стражам объясняет, что сестры плачут «по нему». Поскольку найти сообщников не удалось, цесарь повелевает повесить мертвое тело, а сын не снимает отца с виселицы и не хоронит его. Видимо, автор редакции Р пришел к выводу, что последующие поступки сына ничего нового в его характеристику не вносят, а само «отсечение главы» было достаточно ярким знаком непочтения к отцу, что оговаривается в заключительном виршике. Этот поступок тем отвратительнее, что в начале повести сообщалось о особой

любви отца к сыну: «Бысть в некотором царстве некий славный муж, имея у себе единого сына и две дочери. Сына же своего велми любяше, дочерей же не тако». В других редакциях (как, впрочем, и в польском оригинале) такого уточнения не было.

Нетрудно заметить, что анонимный редактор, несомненно, ценит занимательность, но не отказывается от назидательности, хотя свое отношение к поведению персонажей выносит за пределы текста новелл. Таким образом, с одной стороны, он ориентируется на жанр фации, с другой — следует старой традиции и лишь в новой форме (виршики) формулирует авторские оценки. Тем не менее мы можем сказать, что в этой редакции «Повести о семи мудрецах» наблюдаем попытку «беллетризации» исходного текста, подобную той, о которой писала Е. К. Ромодановская применительно к редакции «Римских Деяний», входившей в состав «Книги, нарицаемой жарты».¹² Отделяя новеллы от рамочного сюжета, анонимный редактор как бы возвращает им черты «первичных жанров».

О других приемах редактирования текста говорить трудно, поскольку в данный момент установить непосредственный источник анонимного книжника не представляется возможным. Можно лишь сказать, что тексты новелл в этой редакции не восходят к редакции С, так как в них сохранились все эпизоды, которые в той сокращенной редакции отсутствуют.

Надеемся, что дальнейшие разыскания позволят выявить другие списки этой интересной редакции, благодаря чему удастся ответить на вопрос об ее авторе. Стоит также продолжить начатое Б. Оляшек сопоставление новелл редакции Р с новеллами из «Повести о семи мудрецах», которые вошли в «Книгу, нарицаемую жарты»,¹³ а может быть, и другими, пока не обнаруженными, редакциями отдельных повестей, чтобы полнее описать «вживание» заимствованных сюжетов в русскую литературу.

¹² Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. С. 150–151.

¹³ Olszek B. Славянские обработки истории о вдове... В этом же сборнике опубликован мною текст «Повести о некоем муже, иже для крови жены своей умре» по списку ИРЛИ, собр. Перетца, № 213.

И. А. ЛОБАКОВА

СКАЗАНИЯ О ПОСМЕРТНЫХ ЧУДЕСАХ в ЖИТИИ ГАЛАКТИОНА ВОЛОГОДСКОГО: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СЮЖЕТНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ в XVII ВЕКЕ

В рассуждениях исследователей об обилии жанровых форм в русских житиях XVII в. речь идет, как правило, о появлении новаций в основной части произведения, где рассказывается о жизни подвижника. Сказаниям о чудесах святых внимание уделялось не часто и, в основном, в тех случаях, когда они либо составляли отдельные сборники (например, о чудесах Николы Мирликийского или Георгия Победоносца), либо содержали сведения об исторических лицах и событиях, способных уточнить верхнюю границу создания памятника. Комплекс посмертных чудес, с литературной точки зрения, явление особое. Он составлялся в течение — порой значительного — отрезка времени разными людьми и был стилистически неоднороден уже в силу открытости данной структуры жития: сказания о посмертных чудесах могли дополняться новыми записями, сделанными в различной степени художественно одаренными людьми о милости, явленной святым их современникам. С другой стороны, в каждом из сказаний рассказывается о реальных людях, прибегающих к помощи святого со своими конкретными бедами, эти люди имеют точное имя; как правило, указывается на их социальный статус, сообщаются отдельные подробности их жизни. Рассказы об этих людях отличаются и объемом, и стилистикой. Еще Ф. И. Буслаев отметил: «В статьях о чудесах угодников *иногда* (курсив мой. — И. А.) в замечательно ярких очерках выступает частная жизнь наших предков, с их привычками, задушевными мыслями, с их бедами и страданиями».¹ Поэтому справедливо утверждение, что в этой наименее этикетной части жития наиболее активно используется разговорная и диалектная лексика; уделяется внимание бытовым деталям и описанию переживаний человека. В специальном исследовании на материале севернорусских житий Л. А. Дмитриев особо отметил еще одну крайне важную литературную черту сказаний о чудесах: в них «...сюжетным» героем выступал уже не святой, а тот, с кем чудо происходило, а это, как правило, был простой смертный, обиженный судьбой, страдающий от болезней, терпящий бедствие человек. И подобного рода пер-

¹ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 736. Эта же особенность сказаний о чудесах была отмечена В. П. Адриановой-Перетц, см.: Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 83–88, 101–107.

СКАЗАНИЯ О ПОСМЕРТНЫХ ЧУДЕСАХ в ЖИТИИ ГАЛАКТИОНА ВОЛОГОДСКОГО:

сонажи были наиболее далеки от отвлеченного идеала, несли на себе отпечаток индивидуальности».²

Анализируя текст агиографического памятника, исследователи, как правило, обращали внимание именно на сказания с разработанным сюжетом. Возможность еще одного — тематического — подхода в исследовании сказаний о чудесах продемонстрировано в специальной работе Р. П. Дмитриевой: ею были проанализированы те чудеса в житиях Зосимы и Савватия Соловецких, Варлаама Керетского, Иринарха Соловецкого, Антония Сийского, в которых описывались бедствия поморов на море и то, каким образом святые оказывали помощь терпящим бедствие.³

В XVII в. — переходном веке русской литературы — произошедшие в рамках агиографического жанра изменения связаны с появлением описания исторически конкретных обстоятельств, повлиявших на судьбу святого; приведением точных сведений об обстоятельствах жизни подвижника; деталей повседневного быта, упомянутых повествователем; вниманием ко внутренним переживаниям героя жития. Все эти выводы применимы и к тексту Жития Галактиона Вологодского.⁴

Ирина Анатольевна Лобакова

² Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 6–7.

³ См.: Дмитриева Р. П. О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV–XVII вв.) // ТОДРА. Т. 52. СПб., 2001. С. 645–657.

⁴ Текст этого агиографического памятника не издавался и не становился предметом специального текстологического исследования. Ряд выводов содержится в словарных статьях Л. В. Соколовой (см.: Соколова Л. В. Житие Галактиона Вологодского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 1. СПб., 1992. С. 336–337), а также Е. В. Романенко и И. Н. Шапиной (Романенко Е. В., Шапина И. Н. Галактиона Вологодский // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 285–287), которыми были указаны четыре списка Жития. Количество сказаний о посмертных чудесах в девяти известных мне рукописях колеблется от пяти (краткий вид сказания о чудесах) до восемнадцати (пространный вид сказания о чудесах). Результаты специального текстологического исследования памятника будут представлены мною в 65 томе ТОДРА.

Однако задачей данной работы стала попытка выявить на материале *комплекса* сказаний о посмертных чудесах святого, каким образом строится сюжетное повествование и в какой степени в нем нашли отражение «литературные открытия» XVII в. В исследуемом произведении комплекс текстов о посмертных чудесах Галактиона Вологодского включает семнадцать сказаний, различных по времени записи, объему и разработанности сюжета.⁵ Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сюжетное повествование развивается по пяти различным направлениям, каждое из которых представляет свой тип повествования.

К *первому* типу следует отнести сказания, сюжет которых отличает предельно лаконичный, без каких-либо подробностей рассказ о приходе в обитель человека, пораженного болезнью и внезапно получившего исцеление благодаря помощи святого. Отметим сразу, таким образом изложенных чудес в Житии Галактиона Вологодского (как, впрочем, и в житиях XV–XVII вв.) больше всего. Данная повествовательная модель стала своего рода сюжетным топосом. В пространном виде сказания о посмертных чудесах Галактиона Вологодского подобных чудес семь из восемнадцати (Первое о девице Анне, Второе о старце Кассиане, Третье о дьяконе Гаврииле замочнике, Четвертое о старце Трифоне, Пятое о старце Авраамии, Шестое о Никите Яковлеве и Восьмое о девице Елене). В качестве примера приведем два из описанных чудес (Второе и Третье). Первое имеет наиболее краткий и типичный вид для «обычного» чуда: «Ильинского монастыря старец Кассианъ имѣяше у себя внуку именем Гликерию, и бысть болна велми. И даша ей персти з гроба святаго, и воду из кладезя пити, и абие та стала здрава» (л. 99–99 об.). Как видим, в этом сказании дано имя сподобившейся чуда: Гликерия, определены ее родственные (а для женщины и социальные) отношения: внучка монастырского старца, названо его имя и указан монастырь, где проходило служение Кассиана. Не вполне традиционным представляется тот факт, что болезнь девушки не названа. В тексте указан способ исцеления: земля с гробницы и выпитая из колодца святого вода. О другом чуде затворника Галактиона поведано так: «Некий диякон Гавриил, замочник, бысть болен тяшким недугом: безпрестанно у него кости ломило во дни и в нощи. И он моляся блаженному Галактиону, и тожь взяв персти з гроба и ис кладезя воды испи, и абие бысть здрав» (л. 99 об.). Как видим, в этом сказании, как и во всех, относящихся к данному типу, сюжетная схема линейна (она предельно кратка и не включает каких-либо излишних подробностей). В тексте приведено имя исцеленного, отмечено, что он дьякон, указано его мастерство — «замочник», назван его недуг, а также то, каким образом к Гавриилу вернулось здоровье.⁶

⁵ В данной статье текст посмертных чудес Галактиона Вологодского приводится по сборнику середины XVIII в. из собр. РНБ (Q.I.1211). Далее в статье в скобках указываются листы. Пользуясь случаем, благодарю Т. Р. Руди, сообщившую мне об этом списке.

⁶ Отметим, что подобный способ исцеления описан в послании в Вологду патриарха Адриана, который пересказал сообщение челобитной 1690 г. архиепископа Вологод-

Отметим, что в Житии Галактиона Вологодского среди семи чудес, развитие сюжета которых следует отнести к первому типу, читаются несколько сказаний, сюжет которых оказывается дополнен деталью, характеризующей не столько сам акт чудотворения, сколько обстоятельство исцеления или самого пришедшего за помощью к святому.

Чаще всего такой дополнительной деталью становится краткое упоминание о том, откуда человеку стало известно о возможности получить исцеление. Так, в Пятом чуде рассказано, что старец Авраамий, который «бысть болен очима велми немало время, и поживе во обители десеть дней», сказал, что сам видел, какие чудеса явил святой Галактион людям, пришедшим к нему с верою (л. 99 об.–100). А в сказании о Семнадцатом чуде, датированном 13 марта 1658 г., Ульяния, жена Аникеева из деревни Кожино Янгосарской волости Вологодского уезда, уже и «жития своего отчаявшуся, не надѣяся живой быти» (л. 108 об.), рассказала, что вернула здоровье после того, как сродники и соседи посоветовали ей «обещатися чудотворцу Галактиону помолитися и панахиду отпети» (л. 108 об.). Причем в обоих сказаниях исцеленные сообщают о том, как они узнали о помощи, которую подает молящимся Галактион, в форме устного рассказа. В сказании о Четвертом чуде, произошедшем со старцем Ильинского монастыря Тарасием, обнаруживается особый характер дополнительной детали. В этом повествовании ее можно назвать художественной, так как она характеризует личность персонажа: старец Ильинского монастыря Трифон, страдавший от головной боли и пришедший в обитель помолиться Спасу и Галактиону, «принесе с собою яблонцу, и посади в монастыри» (л. 99 об.), после чего и выздоровел.

Ко *второму* типу сюжетного повествования в комплексе о посмертных чудесах святого мною были отнесены те, в которых мотив гласа свыше (или видения⁷), благодаря которым заболевший узнает о возможности обрести исцеление,

ского и Белозерского Гавриила: «...и с гробов емлют землю, и мешают с водою святою, юже чином святят в церкви, и тѣм болезненные вреды мажут, и пьют, и цѣлбы приемлют» (РНБ, F.I.778, 1690-е гг., л. 2). В этом сборнике из собр. П. И. Савваитова содержится копия послания «кир Адриана Московского и всея России» конца XVII в.

⁷ В данном типе повествования, на мой взгляд, присутствует, как и в сказаниях о посмертных чудесах других святых, лишь *мотив*, получивший сюжетное оформление. Внимание исследователей в большей степени привлекал *жанр* видений. Тематика ряда чудесных видений и принципы их сюжетной организации были рассмотрены Е. К. Ромодановской. См.: Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРА. Т. 49. СПб., 1996. С. 141–156. Жанру видений в житийных памятниках посвящено специальное исследование Е. А. Рыжовой, в котором на значительном агиографическом материале были рассмотрены элементы сюжета (указание на слова визионера, явление святого «тайнозрителю» внезапно в «тонцем сне» и др.), наибольшее внимание автора было обращено на выявление различной тематики видений. См.: Рыжова Е. А. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 160–194.

становится основой сюжета. Таких чудес в Житии Галактиона Вологодского два (Седьмое о Филимоне Кокореве и Восемнадцатое о Григории Минееве). В обоих сообщается о болезни человека и об утрате им надежды на излечение. Так, в Седьмом чуде о случившемся рассказал Филимон, Филиппов сын Кокорев, дворник Кандалакшского монастыря. Он оказался парализован: шесть лет не мог шевельнуться. Его сын поставил у городских ворот хижину с затвором. Там и происходит чудо. Согласно рассказу Филимона, «и во 149 (1641) году июля в 30 день в нощи против пятка, за полчаса до Софейского звону будився от сна своего, и виде у кущи моей затвор разтворен и глас глаголющ: “Расслабленный, возлязи”. И аз възляг. И абие вторицею възглас: “Расслабленный, востани!”. И аз восстал, и прекрести лице свое рукою своею, и виде в возглавии моем стоящ образ пресвятыя Богородицы, и слышах глас, третицею глаголющ: “Расслабленный, востани и иди во обитель пресвятыя Богородицы Знамения и преподобного Галактиона, и сотвори молебная, и повѣдай верным — да спасутся”. И от того часа рукама и ногама и телом здрав бысть» (л. 100 об.). Этот тип повествования имеет вид записанного со слов исцеленного рассказа, в котором приведены слова святого, обращенные к Филимону. Повествование характеризуется подробностью и вниманием к предельно точным сведениям о визионере, о тяжести его недуга, к обстоятельствам, при которых видение случилось, к описанию самой ситуации соприкосновения человека и высших сил и к чуду исцеления. Необходимо отметить, что в основной части Жития лишь сам подвижник наделен даром слышать глас или бывает удостоен видения, что является одним из сюжетных подтверждений его святости.

Те сказания о чудесах, в которых сюжет определен мотивами как наказания за неверие в святого, так и спасительности раскаяния, образуют еще один, *третий* тип сюжетного повествования в сказаниях о посмертных чудесах святого. Во многих житиях читаются подобные чудеса. В Житии Галактиона к этому типу относится сказание о Десятом чуде. В нем реализованы все мотивы, образующие такой тип сюжета: хула на святого, наказание согрешившего болезнью, наставления от старшего человека, раскаяние, приход больного к святыне, выздоровление и рассказ о случившемся. В Житии Галактиона Вологодского человеком, пришедшим к раскаянию и получившем исцеление, стал иконописец Ильи, который, как сообщается повествователем, «нанесе хулу на преподобного Галактиона, и называя его грѣшна человека и зело поношая его» (л. 101). Наказание последовало незамедлительно: «И того ради Бог не терпя раба своего поносима и поругаема, отня у него язык на много время. И зело болѣзнуя, и в перси своя бияше, и лежа часа три и болши, и языком никакоже можаше глаголати» (л. 101). Домашние, убежденные в скорой смерти Ильи, призвали к нему его духовного отца «от храма Власия Севастийского»⁸ священ-

⁸ По записи в переписной книге 1646 г. мы можем даже представить, как выглядел этот храм: «Церковь священномученика Власия епископа Севастийского древяна вверх клинчатая» (Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в. М., 2008. Т. 1. С. 39–40).

ника Марка». Узнав от родных о причине болезни иконописца, духовный отец Ильи «повелѣ ему обѣщание положити, ити во обитель пречистыя Богородицы, и милости просити у Бога, и пред гробом его плакаться о своем согрешении». Говоря о раскаянии наказанного, повествователь нашел очень точную деталь в описании его состояния: «и прииде в чюство, и языком своим не моги проглаголати, и мысля во умѣ своем смирение и о своемъ согрешении каяся» он молит Богородицу: «Сподоби мя видѣти гроб блаженного Галактиона и прощение от него получитьи» (л. 101 об.). С плачем молил он в обители о прощении и, выздоровев, рассказал братии о случившемся чуде.

Как о *четвертом* типе сюжетного повествования можно говорить о тех посмертных чудесах святого, в которых явлена милость ко всем жителям города. Как правило, люди просят о дожде, о ведре, о прекращении пожара или мора. В Житии Галактиона Вологодского и в основном тексте, и в чудесах к святому обращаются с просьбой о прекращении дождя или засухи. В подобных сказаниях сюжет организован достаточно четко: слова о постигшем людей бедствии, рассказ о просьбе паствы к пастырю пойти крестным ходом и молебном, об обращении людей за помощью к Богородице и святому, о чудесном спасении от несчастья. Так, в сказании о Девятом чуде все сюжетные элементы присутствуют: «умножившуся дождю многу, града же Вологды людие благоговѣни приидоша ко архиепископу Маркеллу⁹ и молиша его, да идет со кресты и с честными иконами во обитель пресвятыя Богородицы. И молебное пѣние сотвориша и бысть Божие дарование — ведра довольно» (л. 100 об.–101). Однако это событие в рассматриваемом сказании имеет дополнительный мотив: «И того ради архиепископ Маркел со освященным собором устави во обители ходити со кресты и честными иконами, и у Бога милости просити о дожде и о ведре. И абие всегда видяще милость Божию, воздающе благодарение Богу, и пречистѣй Богородицѣ, и угоднику их преподобному Галактиону-чюдотворцу» (л. 101). То есть можно утверждать, что для вологжан имя Галактиона Вологодского было связано с представлениями о той помощи, которую он оказывал городу, помогая с хорошей погодой.

Пятый тип представляет, на мой взгляд, наиболее развитый сюжет со множеством разработанных мотивов, большую часть из которых можно назвать «избыточными» с точки зрения непосредственного рассказа о чуде. В сказаниях этого типа большое внимание уделяется рассказу о человеке, который был удостоен чуда, различным обстоятельствам его жизни, душевным переживаниям не только его самого, но и близких ему людей. Подобных сказаний в Житии Галактиона четыре (Одиннадцатое, Двенадцатое, Тринадцатое и Четырнадцатое). Более подробно рассмотрим два из них: Одиннадцатое и Четырнадцатое.

Сказание об Одиннадцатом чуде начинается с точной даты и подробного представления самого рассказчика и тех, кому он поведал о чуде: «В лето 7161

⁹ Маркелл был хиротонисан из игуменов Соловецкого монастыря в 1645 г. Занимал кафедру до 1663 г. Был кандидатом на патриаршее место вместе с Никоном.

(1653) сентября в 18 день в праздник Рожества пресвятыя Богородицы в вечер послѣ вечерни в трапезе повѣда в Галактионовѣ пустыни живущим старцем — казначею старцу Ефрему и всей братии — прохожей человек именем Стефан Савин сын Пестелиньных, родом каргополец, посацкой человек о преподобнемъ отце Галактионе...» (л. 102). Рассказ Стефана начинается не с сообщения о болезни кого-то из близких, а с достаточно пространных сведений об отце, которые дополняют основную сюжетную линию рассказом о драматических событиях, приведших в Вологду семью красильщика: «Живущу же отцу моему Савѣ в царствующем граде Москвѣ пятнатцать лет, и промышляющу и кормящуся рукодѣлием своим красилным, и волею Божиею во 153-м году случися быти Москвѣ велию пожару. И отца моего тогда дом и весь живот погорѣ до конца. И изволи отец мой съехати на житѣе послѣ того великого пожару со всем домом своим в Каргополь» (л. 102–102 об.). Лишь после этого пространного вступления рассказчик сообщает: «...бывшим на Вологдѣ, стоящим же на посадѣ в Кропанцове дворѣ — близ суца Галактионовы пустыни — и внезапно случися брату моему родному Иеву быти в болезни тяжкой» (л. 102 об.). Далее повествователь достаточно подробно изложил течение долгой болезни девятилетнего мальчика (охвативший его жар — «огненная болезнь», полная потеря сил, беспамятство). Для рассказчика оказываются важны именно все детали произошедшего. Так, отметив, что отец призвал к сыну священника для исповеди, Стефан подробно описал степень отчаяния родителей, которые понимают, что ребенок при смерти, и вечер и ночь напролет сидят близ своего мальчика при свете огня и продолжают молить о его исцелении. На следующий день отец был на вечерни в Галактионовой пустыни — «просяще ему помощи и исцѣления сыну своему», а мать горько рыдала над ребенком. Созданная братом умирающего картина оплакивания матерью сына не просто дополняет привычную сюжетную схему чуда об исцелении, но на удивление тонко и ярко передает через описание внешних проявлений душевные переживания женщины: «Мати же моя такожде от жалости серъдечныя по сыне своем плачущися, и зрящи на болящаго, и от очию своею слезы испущающу многи. И тогда видящи мати моя того брата моего уже умерша, нача велми плакати и руками своима обымаючи того от главы и до ногу, и дыхания в нем не чюяше нимало, но быше весь студен, яко мертвый» (л. 103). Потом чудо исцеления становится в сказании чудом воскресения: «И внезапно брат мой болящи Иов нача самъ возставати на руки своя, и рече отцу моему и матери: “Дайте ми ясти хлѣба с солюю”» (л. 103 об.). Сюжет далее осложнен мотивом видения в форме самостоятельного пространного рассказа девятилетнего ребенка о случившемся: «Мнѣ спящу, — рече, — прииде ко мнѣ человекъ стар в ризах иноческих, и прият мя рукою своею за выю мою, и рече ко мнѣ: “Время уже тебѣ обмогатися, востани да яждь”. Да той же человек, подымаючи мя, рече: “Поиди в Галактионову пустыню, и приложися к чюдотворным мощем его”» (л. 103 об.). Как видим, рассказ построен с включением всех обязательных для данного мотива элементов сюжета: сообщение о состоянии сна («мнѣ спящу»), описание святого («человек

стар в ризах иноческих»), его действий («прият мя рукою своею за выю мою», «подымаючи мя»), слова старца о возможности обрести исцеление («Поиди в Галактионову пустыню и приложися к чюдотворным мощем его»). Отметим, что в данном мотиве видения нет обычного наставления рассказать о случившемся людям. Далее кратко сообщается, что «наутрие сентября в 6-й день послѣ утреннего пѣния» (л. 103 об.) Стефан пришел в обитель с выздоровевшим братом, который подтвердил все сказанное прежде. Не вполне традиционен конец истории: «И даша от имения своего на панахиду, сами же велми скорбяше, яко не сподобилися в то время понахиды отпѣти над чюдотворным гробом, бѣ бо уже на пути, и извошки у них наяты, и чрез урок ожидающе» (л. 104). Завершая историю исцеления Иова, старец Ефрем с братией сообщает, что ими все записано вкратце «памяти ради в будущие роды по нас» (л. 104 об.). Таким образом, сказание об Одиннадцатом чуде представляет собою сложную повествовательную структуру: рассказ о записи чуда казначеем с братией стал своего рода «обрамлением» подробного, с большим количеством художественных и психологических деталей рассказа Стефана, в который оказалось включено воспоминание Иова о явившемся ему в видении Галактионе.

В сказании о Четырнадцатом чуде также наблюдается соединение двух самостоятельных сюжетов: на этот раз сюжет об исцелении от болезни соединен с рассказом об общем молении о ведре в 1655 г., которые осложнены массой подробностей и художественных деталей. Пришедший в пустынь 9 февраля 1656 г. посадский человек «Созонт Васильев сын, зовомы Незгорел» (л. 106) поведал, как он, измученный зубной болью, вместе с крестным ходом во главе с архиепископом Маркеллом, с крестами и иконами, «а ходили архимандриты, и игумены, и Софейской протопоп со всѣм освященным собором, и иереи и диаконы со всѣм народом» (л. 106 об.), пришел в пустынь и во время литургии «возрѣ очима и видѣхъ... на десной странѣ у святых икон честныя вериги преподобнаго отца Галактиона-чюдотворца, честный крест, и параман желѣзен, и прочая вся тяжкая желѣза во углѣ лежаху» (л. 106 об.). Сосредоточенный на своих мыслях и чувствах, Созонт в своем рассказе смог раскрыть для читателя некоторые черты своего характера. О его застенчивости можно судить по тому, что он не решился тронуть железа при всех: «К честным веригам хотящу ми прикоснутися, но не смѣящу, еже бы от народа кто не возбранил мнѣ о том. И поклонившуся честному кресту, еже с паромонем, и прикоснуса честным веригам вкратцѣ» (л. 107). Но потом герою удалось пересилить себя: «...И от чепей единою потрох болящую страну зубов своих и больными зубами прикоснуса грызением» (л. 107), после чего выздоровел. В этом сказании о посмертном чуде Галактиона оказались соединены мотив исцеления одного человека и мотив избавления от беды целого города (люди молили о прекращении дождя), причем просьба простого горожанина не потерялась в соборном молении.

Анализ комплекса посмертных чудес в Житии Галактиона Вологодского позволил выявить пять типов сюжетного повествования, которые предоставляют дополнительный материал для ряда выводов о развитии сюжетного повествования в XVII в.

Хотя в это время первый тип сюжетного повествования в сказаниях о посмертных чудесах по-прежнему остается самым распространенным, однако в их текст, по большей части, включаются дополнительные художественные детали или сведения о том, откуда сподобившийся чуда узнал о святом. Сказания, в которых развитие сюжета идет по второму типу, в разбираемом житийном памятнике предстают в двух видах: видение или глас могут быть и единственным мотивом в повествовании, и одним из нескольких, составляющих рассказ о чуде. Третий и четвертый типы сюжетного повествования практически не изменились по сравнению с подобными рассказами о посмертных чудесах святого в памятниках более ранней поры. А пятый, безусловно, оказывается наиболее существенным для развития литературы XVII в. Этот тип развития сюжета позволяет не только «накапливать» литературные мотивы, но и демонстрирует возможность соединения в одном сказании нескольких. В сказаниях о посмертных чудесах святого этого типа особое внимание уделяется не просто повествованию о чуде, но делаются попытки рассказать устами персонажей об их внутренних переживаниях и о чувствах близких им людей, причем можно утверждать, что в сказаниях этого типа внимание к психологическому состоянию героев и деталям их быта чрезвычайно важно для создателя текста. Именно на основе подобных сказаний возникают в агиографии произведения, которые начинали переписываться отдельно от житийного памятника, получив собственную рукописную традицию (к ним относятся и «Видение пономаря Тарасия», и «Повесть о Соломонии Бесноватой», и «Повесть о Марфе и Марии» и др.). Хотя сюжетно разработанных сказаний о посмертных чудесах святого с обилием «избыточных» для линейного изложения сведений, с попыткой передать душевные переживания участников событий или черты их характера, вниманием к художественным деталям, включенным в текст, с наличием сказовых черт в изложении произошедшего в комплексе посмертных чудес Галактиона Вологодского не так уж много, однако именно этот тип сказания более всего связан с неоднократно отмечавшимся исследователями в литературе XVII в., особенно у авторов «новых» повестей, интересом к жизни частного человека, к его неповторимой судьбе, свидетельствуя о том, что этот интерес обнаруживается в памятниках различной жанровой принадлежности.¹⁰

Что касается выделенных пяти типов сюжетного повествования в комплексе сказаний о посмертных чудесах в Житии Галактиона Вологодского, то данные типы могут быть обнаружены и в других агиографических памятниках этой поры, и в такой жанровой форме, получившей большое распространение в XVII в., как Сказания о чудесах от икон. Поэтому, как представляется, сделанные наблюдения над одним из структурных элементов агиографического жанра вполне корректны и могут получить подтверждение на более широком материале.

¹⁰ Е. А. Рыжова на своем материале отметила в ряде чудесных видений «перерастание описания чуда и видения в бытовую повесть». См.: Рыжова Е. А. Жанр видений... С. 194.

ОПИСАНИЕ ДРЕВНЕКНЯЖЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ И КАНОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ XVII в.

В настоящее время известно несколько текстов, описывающих древнекняжеские некрополи старых русских городов — так называемые описи древних гробниц. Благодаря им мы знаем, что в XVII в. специально описывались погребения князей и епископов домонгольского и удельного времени в Москве, Владимире, Новгороде, Твери, Пскове, Нижнем Новгороде и Рязани.¹ Вполне возможно, что некоторые описи остаются до сих пор неизвестными. Причина этого в недостаточной изученности русской рукописной книги XVII в. Описи древних гробниц, небольшие по объему (от полустраницы до двух-трех листов рукописного кодекса in quarto) находятся в составе сборников смешанного состава, в большей части не имеющих подробного археографического описания.

Почти все известные нам описи дошли в списках XVII в., и наиболее вероятным на первый взгляд представляется, что в XVII в. они и были составлены. Для некоторых описей датировка XVII в. бесспорна. Так, одна из двух описей новгородских гробниц, судя по указанию в ее тексте, была составлена в 1634 г. московским протопопом Максимом по заказу царицы Евдокии Лукьяновны.² Одна из двух тверских описей датируется 1669 г. Она связана с царским вкладом в Спасо-Преображенский собор Твери на помин души царицы Марии Милославской.³ Однако можно утверждать, что не все описи были составлены в XVII в. Некоторые из них относятся к XVI в. Это касается прежде всего описей владимирских гробниц. Их известно восемь. Самая ранняя владимирская опись, РНБ, ОЛДП, О.5 так описывает некрополь Успенского собора Княгинина монастыря: «...В приделе Благовещения Пречистые Богородицы, на правой стране, лежит великая княгиня Мария Всеволожа, во иноцех Марфа, да великая княгиня Анна Всеволожа. Да в том же приделе лежит на левой стране

¹ Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399–414; Сиренов А. В. Описание древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. // Российская археология. 2011. № 1. С. 120–124.

² Янин В. А. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 217.

³ Топычканов А. В. Некрополь Тверского Спасо-Преображенского собора по описанию 1669 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003. С. 349–363.

Е. К. Ромодановская. 1959 г.

святой Авраамей, мученик Христов, за Христа замучен в Болгарех. А в другом приделе — Рожества Христова — лежит великаго князя Александра Невского великая княгиня Василиса да великая кнежна Евдокея девица...» (л. 195–195 об.). Другая ранняя опись, РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 702, после описания гроба княжны Евдокии числит неизвестную гробницу: «А подле ея в другом гробе в каменном же лежат мощи неведомо чьи» (л. 225 об.). Эта же формулировка присутствует в третьей описи РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 810. Все остальные владимирские описи атрибутируют это погребение второй жене Александра Невского и называют ее Александрой. Перед нами, по всей видимости, пример средневековой атрибуции погребения. В данном случае важно отметить, что эта атрибуция состоялась уже в XVI в. Некрополь владимирского Княгинина монастыря описан в Степенной книге — памятнике исторической мысли середины XVI в.: «...В приделе Христова Рожества от юга на правой стороне положены быша великая княгини Александра да великаа княжна Евдокия. А на левой стороне великаа княгини Василиса. А в приделе Благовещения от севера на правой стороне великаа княгини инока Марфа Шварновна да великаа княгини Анна. А на левой стороне мученик Авраамий».⁴

⁴ Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. Л. 267 об.

Как видим, атрибуция погребения княгине Александре здесь уже присутствует. Упомянута княгиня Александра и в выписке из панихидных книг, которая активно переписывалась во Владимире в XVII–XVIII вв. В ней говорится о панихидах над гробницами владимирских князей, княгинь и епископов, причем начинается документ ссылкой на указ Ивана IV.⁵ Таким образом, атрибуция гробницы княгини Александры состоялась уже в XVI в., а это значит, что древние гробницы во Владимире начали описывать уже в XVI в.

Следует иметь в виду, что такого количества описей гробниц, как во Владимире, ни в одном другом городе не зафиксировано. Большинство городских некрополей представлено только одной описью. Таковы некрополи Пскова, Нижнего Новгорода, Рязани. Новгородский некрополь описан дважды, а московский и тверской — трижды. Вполне вероятно, что некрополи Пскова, Новгорода, Нижнего Новгорода и Рязани не описывали в XVI в., поскольку в этих городах нет погребений непосредственных предков московских Рюриковичей, а московские самодержцы XVI в. были заинтересованы в прославлении линии своих предков. В XVII в. принцип династической монархии потерял свою актуальность, поскольку на русском престоле сменилось три династии. Романовы первое время подчеркивали свое родство с Рюриковичами. Михаил Федорович объявлял себя племянником царя Федора Ивановича и внуком Ивана Грозного. Например, в царской жалованной грамоте Спасо-Преображенской Иннокентиевой Комельской пустыни от 29 сентября 1623 г. читаем: «А сказали, что была де у них жалованная грамота... деда нашего Ивана Васильевича и дяди нашего... Федора Ивановича...».⁶ В составленном в 40-е гг. XVII в. хронографическом сборнике известного соловецкого книжника и справщика Московского печатного двора Сергея Шелонина, который помещен в конвое к Азбуковнику РНБ, Соловецкое собр., № 18/18 на л. 566–623.⁷ О царе Михаиле Федоровиче Сергей Шелонин пишет: «Седе на престоле Российского государства прародителей своих и дяди своего царя и великого князя Феодора

⁵ Доброхотов В. Памятники древности во Владимире Клязменском: Соборы кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода Дмитриевский. М., 1849. С. 60. При этом княгиню Александру не знает Царский синодик, составленный в 50-е гг. XVI в. Впрочем, в нем упомянуты не все владимирские княгини. Так, в нем нет Марии Шварновны (Кашианов С. М. Царский синодик 50-х гг. XVI в. // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 399–400, 404–405).

⁶ РГБ, ф. 281, № 120/2691, л. 1. Об этой грамоте см.: Кашианов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 215. За указание на эту грамоту благодарю С. М. Шамина.

⁷ См. об этом: Сапожникова О. С. Азбуковник Сергея Шелонина и идеология Соловецкого восстания // Междунар. науч. конф. «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.» 5–10 сентября 2005 года: Тез. докл. Соловки, 2005. С. 38–42; Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 379–432; Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 276–278.

Ивановича всеа Руси» (л. 634 об.). Можно привести и другие примеры того, как идеологи первой половины XVII в. пытались представить Романовых династическими наследниками Рюриковичей. Однако количество таких примеров не свидетельствует об их убедительности. Не случайно в царствование Алексея Михайловича эта идея утратила свою популярность.

Итак, вероятно, именно при Романовых было составлено большинство описей древних гробниц. По преимуществу они описывают некрополи удельных князей, которые не вызвали интереса в XVI в. В то время, в эпоху борьбы за международное признание титула русского царя, было важно доказать царственное происхождение московских самодержцев, поэтому обращали внимание в основном на погребения их непосредственных предков. В XVII в. ситуация изменилась. Старательно выделенная линия предков Ивана IV только подчеркивала незнатное происхождение новой династии. В то же время связь с правителями предшествующих эпох была желательна. Именно поэтому в исторических произведениях второй половины XVII в., таких, как Василилогий или Титулярник, внимание читателя сосредотачивается на целом ряде древнерусских князей, которые тем не менее не составляют одну династическую ветвь. Такой же принцип можно проследить и при описании древнекняжеских некрополей в XVII в. — тщательно описывались некрополи удельных князей, а именно гробницы в Твери, Нижнем Новгороде, Рязани. Отметим, что некрополи не только описывались, к погребениям древнерусских князей проявляли интерес представители царской семьи. Выше упоминалось составление описи новгородских гробниц в 1634 г. по заказу жены царя Михаила Федоровича, который несколькими годами позже, в 1640 г., распорядился изготовить покровы на гробницы матери и брата Александра Невского в Георгиевском монастыре г. Владимира.⁸ В 1669 г. в связи с кончиной жены царя Алексея Михайловича Марии Милославской были изготовлены покровы на гробницы тверских князей. В 1677 г. местные власти освидетельствовали княжеские погребения XII в. в с. Кидекше под Суздалем.⁹ В результате суздальский архиепископ обратился с челобитной к царю Федору Алексеевичу, прося приписать Кидекоцкий монастырь к Суздальской епархии, «...чтоб Ваше государское богомолie в пустоте и в нестроении не было, и гробы благоверных великих князей в забвении без украшения и памяти их без воспоминания не были»¹⁰. Здесь важно, что древнекняжеские погребения воспринимались как место царского богомолья, то есть ощущалась связь между древнерусскими

⁸ Миловский Н. М. Древние гробницы Георгиевской церкви губ. г. Владимира (к статье М. А. Сперанского) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 6. Владимир, 1904. С. 157–160.

⁹ Об этом рассказывает в своем «Собрании о богоспасаемом граде Суздале» суздальский историк XVIII в. Анания Федоров (Собрание о богоспасаемом граде Суздале // ЧОИДР. Кн. 22. М., 1855. С. 91–92).

¹⁰ Там же. С. 94.

князьями Рюриковичами и современными царями Романовыми. Можно думать, что со временем будут выявлены и другие факты почитания царями из династии Романовых погребений древнерусских князей в XVII в.

Концом XVII в. датируется факт переноса реликвий от гробницы одного древнерусского князя к погребению другого. Ярославская рукописная традиция донесла до нас следующий текст: «7206-го октября в 3 день Спасова монастыря ярославского архимандрит Иосиф принял против своего челобитья в Володимере Успения Пресвятыя Богородицы у протопопа Григория Гаврилова железную стрелу великаго князя Андрея с чады в Спасов монастырь в церковь Божию в Ярославль в похвалу великаго князя Феодора с чады, смоленских и ярославских чюдотворцев, сродича его Андрея Боголюбского с чады, понеже великий князь Феодор Ростиславич с чады девятыи степеню от великаго князя Владимира Киевскаго и всеа России».¹¹

Если мы обратимся к канонизационной практике XVII в., то встретим несколько случаев канонизации древнерусских князей. Почти все прославленные в XVII в. святые князья принадлежали к боковым ветвям рода Рюриковичей. Так, в 1645 г. был канонизирован владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович, в 1650 г. — княгиня Анна Кашинская. В середине XVII в. состоялась местная канонизация нижегородской княгини Вассы-Феодоры. В 1699 г. были перенесены мощи княжны Евфросинии Суздальской, в 1701 г. — Андрея Боголюбского и его сына Глеба. В описи нижегородских гробниц об останках князя Бориса Константиновича читаем: «Принесены мощи его в Нижний Новѣград з Городца во 179-м году марта в 14 день» (см. Приложение). Церковного прославления князя Бориса Константиновича, впрочем, не последовало.

Нельзя сказать, что прямые предки Ивана IV в XVII в. не почитались. В 1652 г. произошло перенесение мощей князя Даниила Александровича Московского, с которым связывают его местную канонизацию. В 1697 г. были перенесены мощи Александра Невского в новую серебряную раку. Однако можно утверждать, что эти мероприятия не были инициированы царской властью. Как показано А. А. Беляевым, перенесение мощей Даниила Московского никак не было замечено при дворе и не привело к официальной канонизации святого князя.¹² Это событие готовилось в монастыре еще с середины XVI в., когда было составлено Житие Даниила, отразившееся в Пискаревском летописце и в переработанном виде — в Степенной книге. В 90-е гг. XVI в. написали службу Даниилу,¹³ и только в 1652 г. состоялось перенесение его мощей, на котором не

¹¹ РНБ, F.IV.679, л. 646. См. изд.: Бычков А. Ф. Заметки о хронографе ярославского священника Федора Петрова. Ярославль, 1890. С. 6–7.

¹² Беляев А. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995. С. 94–95.

¹³ Алехина Л. И. Время патриарха Иова и Служба князю Даниилу Московскому // Иерархия в Древней Руси: Материалы XII рос. науч. конф., посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2005. С. 260–272; Алехина Л. И. «От пречастнаго корене израсте ветвь преславная...» (о гимнографическом образце Службы благо-

присутствовали ни царь, ни патриарх. Для сравнения укажем, что на церемонию перенесения мощей князя Георгия Всеволодовича Владимирского в 1645 г. во Владимир приехали и царь Михаил Федорович, и патриарх Иосиф.

Мощи Александра Невского до конца XVII в. почивали в белокаменном саркофаге, то есть в том виде, в каком тело князя было похоронено в XIII в. Впервые о белокаменной гробнице Александра Невского сообщает Степенная книга, в которой ее автор царский духовник Андрей-Афанасий описывает исцеление, свершившееся с ним от мощей Александра Невского: «И виде же близ помосту церковного на гробе блаженнаго малу скважню, и яко уразумети хотя, что есть скважна она, и вложих пръсты руки моя въ скважню ту, и очютих, яко в масть некую омочих руку мою...».¹⁴ Нет сомнений, что имеется в виду белокаменная гробница, а не специальный реликварий. Скважня, то есть щель, могла образоваться именно в гробнице, изготовленной из известняка и несколько столетий простоявшей в соборе, неоднократно горевшем и разоряемом неприятелями. В XVII в. мощи Александра Невского также, судя по всему, пребывали в белокаменной гробнице. После вскрытия мощей Александра Невского в 1918 г. из гробницы была извлечена записка, которая нам известна по фотокопиям (БАН, собр. Воспроизведений, оп. 2, № 75 и РНБ, ф. 585 (С. Ф. Платонов), № 7058). На ней скорописью XVII в. написано: «189 мая в 20 день собраны сия мощи благовернаго князя Александра после церковнаго горения, тогда бо погореша вси иконы». Получается, что в 1681 г. в пожаре сгорел весь церковный интерьер, а мощи Александра Невского уцелели, быть может, не полностью, но все же не сгорели дотла. Это могло быть при условии пребывания их в каменном саркофаге. Вероятно, после этого пожара была изготовлена первая рака. О ее существовании мы узнаем из Слова на переложение мощей Александра Невского в новую раку. Это событие состоялось в 1697 г. по инициативе постриженника владимирского Рождественского монастыря патриаршего ризничего Боголепа Яковлева. В Слове упоминается старая рака: «...Мощи святаго благовернаго великаго князя Александра Невскаго в монасех преподобнаго отца Алексия Владимирскаго и всея России чюдотворца лежат в соделанной изстари раке, которая по доношению к Нашей Мерности от тамо ныне сущаго архимандрита Иосифа обветшала и лишился приличныя красоты».¹⁵ Скорее всего, эта рака была установлена после пожара 1681 г., а ее лишенный красоты вид свидетельствует не о древности, а об

верному князю Даниилу Московскому середины XVII века) // Воинство земное — воинство небесное: Материалы XVIII рос. науч. конф. памяти святителя Макария. Вып. 18. Можайск, 2001. С. 338–358; *Алехина Л. И.* Об авторстве и времени создания первой службы благоверному князю Даниилу Московскому (возвращение к теме) // Священные войны России: Материалы XX рос. науч. конф. памяти святителя Макария. Вып. 20. Можайск, 2013. С. 153–161.

¹⁴ Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 270.

¹⁵ *Сиренов А. В.* Патриарший ризохраниль Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 251.

изначально скромном оформлении. Не случайно после переложения мощей в новую раку о старом реликварии ничего не известно, хотя обычно старые раки бережно хранили и воспринимали как церковную реликвию.¹⁶ Таким образом, можно говорить о том, что в XVII в. память предков Ивана IV не была окружена особым почитанием. Пренебрежения по отношению к ним, конечно, не выражали. Внимание к погребениям удельных князей должно было, как представляется, уравнивать в статусе древнерусских князей, относящихся к разным династическим линиям Рюриковичей. В результате у современников складывалось представление о некоем «сонме» древних правителей, генеалогические связи между ними, а также династическая преемственность с Романовыми была не важна. Вместо нее формировалась иная, мистическая, связь посредством почитания царями как всего «сонма» древнерусских князей, так и отдельных его представителей.

В приложении публикуем полный корпус обнаруженных нами описаний древнекняжеского некрополя XVII в.

Приложение

Московский некрополь

Роспись царских гробов и великих князей, которые лежат у архангела Михаила в соборе и в пределях у Иованна писателя Лествицы на правой стороне возле стены. Гробница благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, во иноцех Ионы, преставился в лето 7092 марта в 19 день. Гробница благовернаго царевича Ивана Ивановича всеа Руси, преставился в лето 7090-го году ноября в 19 день. Гробница благовернаго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси, преставился в лето 7106-го году генваря в 6 день. В соборной церкви у архангела Михаила на правой стороне:

Гробница благовернаго великого князя Василья Ивановича всеа Руси, во иноцех Варлаама, преставился лета 7042-го декабря в 4 день. В той же гробнице положен царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси сын царевичь Дмитрий, преставился лета 7062-го июня в 6 день. Гроб благовернаго великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, преставился лета 7013-го октября в 28 день. Гроб благовернаго великого князя Василья Васильевича всеа Руси, преставился лета 6970-го марта в 28 день. Прошед двери железные 3 гробницы: гробница великого князя Георгия Васильевича Московского, преставился в лета 7072-го ноября в 22 день; в других же гробница великого князя Симеона Ивановича, преставился в лета 6861-го апреля в 26 день; в третьих гробница благовернаго великого князя Ивана Даниловича, преставился в лета 6809-го марта в 31 день. Другая три гроба: гробница государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и

¹⁶ См.: *Тимофеева Т. П.* Владимирские гробницы и раки Александра Невского // Владимирский некрополь. Вып. 5. Владимир, 2002. С. 90–95.

чад его царевича князя Ивана Михайловича и царевича князя Василия Михайловича, а преставился государь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси в лета 7153-го июля в 12 день, а царевич Иван преставился в лета 7146-го генваря в 10 день, а царевич Василей преставился в лета 7147-го марта в 26 день. Гроб благоверного великого князя Ивана Ивановича, преставился в лета 6867-го ноября в 13 день. Гробница благоверного великого князя Дмитрия Ивановича Угличского, преставился в лета 7029-го февраля в 14 день. Гробница благоверного великого князя Василия Дмитриевича, преставился в лета 6933-го февраля в 27 день. Гробница благоверного великого князя Ивана Ивановича, преставился в лета 6998-го марта в 7 день. Гробница благоверного великого князя Дмитрия Ивановича, преставился в лета 7012 февраля в 14 день. Х казенному двору в углу 2 гроба: гробница великого князя Андрея Ивановича, третьево сына великого князя Ивана Даниловича, преставился в лета 6962-го июня 6 день; а в других гробница великого князя Владимира Андреевича, преставился в лета 6918-го августа в 12 день. 10 гробов: гробница великого князя Георгия Дмитриевича Донского, преставился в лета 6940-го августа в 19 день; гробница великого князя Андрея Дмитриевича Донского, преставился в лета 6940-го июня 10 день; гробница великого князя Петра Дмитриевича Донского, преставился в лета 6936-го августа в 10 день; гробница великого князя Ивана Васильевича, большой брат князя Василья Васильевича Темного, преставился в лета 6925-го июля в 10 день; гробница великого Семииона Ивановича Калуского, преставился в лета 6026-го июня в 26 день; гробница благоверного князя Георгия Васильевича Дмитровского, брат великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, преставился в лета 6981-го сентября в 12 день; гробница великого князя Бориса Васильевича Волоцкого, преставился в лета 7002-го мая в 29 день; гробница великого князя Андрея Васильевича, меньшей брат великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, преставился в лета 6989-го июля в 5 день; гробница великого князя Ивана Владимировича Донского, преставился в лета 6931-го октября в 7 день; гробница великого князя Афонасия Владимировича Донского, преставился в лета 6934-го августа в 16 день. На левой стороне у столпа гробница царевича Петра Ибраимовича, сына Матякова царя Казанского, преставился в лета 7017-го марта в 13 день. А за тем столпом на левой стороне гробница благоверного царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, преставился в лета 7121-го сентября в 12 день. А подле царя Василья в угол 3 гробницы: гробница благоверного князя Владимира Андреевича; гробница благоверного князя Василья Андреевича; подле стены в углу гробница великого князя Андрея Ивановича Старицкого. С площади под стеною 3 гробницы: гробница великого князя Юрья Ивановича Дмитровского; гробница великого князя Андрея Владимировича Большова; гробница князя Андрея Васильевича Углицкого Большова. У северных дверей гробница великого князя Василья Ослановича. Гробница подле левого крылоса у столпа великого князя Александра Казанского. У Архангела же в пределе у Ивана Предтечи гробница боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

РНБ, Погодинское собр., № 1605, л. 135–141 об.

Псковский некрополь

Во Пскове в соборной церкви у Живоначальные Троицы опочивают под спудом благовернии великии князи: князь Всеволод, князь Домант, князь Георгии Витовтович литовской, князь Даниил, князь Севастиан, князь Еустафий з детьми. Епископи: первый епископ Мисаил, епископ Генадий, епископ Силивестр, архиепископ Иоаким, Никола юродивый.

Да за Великою рекою в девичье монастыре у Предтечи Иоанна опочивают под спудом же мощи великия княгини Марии, жены великаго князя Доманта, а во иноцех Марфы, да мощи же великия княгини Евдокии, а во иноцех Евпраксии, тетке великаго же князя Доманта, да возле их опочивают мощи же рабыни их двух преподобных стариц Сундулии и Сигклитикии.

РНБ, Погодинское собр., № 1563, л. 95 об.

Тверской некрополь

Соборная церковь боголепное Преображение во Тфере граде, а в нем опочивают благовернии великии князи и великия княгини и епископи. Во олтаре почивает великий князь Ярослав Ярославич во иноцех Афонасий. Да в предние двери вшед на праве у столпа четыре великие князи опочивают во гробех в каменных: великий князь Александр, Георгий, Иванн и Борис. А на левой стране против великая княгиня Мария да Евдокея во иноцех Евфросиния. За архиепископовым местом епископ Тферский Симеон да Андрей, Варсонофий. В пределе Введения Пресвятей Богородицы вшед на правой стороне опочивает великая княгиня Ксения во иноцех Мария, великаго князя Михаила Ярославича мати. На другой стране опочивает епископ Феодор, в пределе Дванадесять апостол во олтаре Илия епископ. А в церкви туто же на левой стороне три епископа опочивают: Антоний да Евфимий да Захарий. А в пределе у Димитрия Селунскаго опочивают Дорогобужские князи. В пределе у Александра святого на левой стороне великии князь Михайло Ярославич Тверский чудотворец. А на правой стороне в том же храму великая княгиня Евдокея во иноцех Евфросиния, да великая княгиня Евдокея во иноцех Феодосия, да великая княгиня Мария, да княгиня Мария, великая княгиня Анастасия во иноцех Афанасия. Во олтаре на правой стороне опочивают великия князи Александр да Димитрий, да князь Александр, великий князь Михайла, великий князь Иоанн.

РНБ, Погодинское собр., № 1563, л. 96–96 об.

Нижегородский некрополь

Описание имен, которые благоверныи великия князи и благоверныи великие княгини опочивают в Нижнем Новеграде в соборной церкви благолепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Вшед в церковь в западныи двери, на правой стране во углу от стены гроб благоверныи княгинии Анны Грековныи, супруги благоверного князя Константина Юрьевича. Подле ее гроб благоверныи княгинии Вассы схимомонахинии Феодоры, супруги благоверного князя Андрея Константиновича. Выше тех дву

гробов гроб благоверного князя Иоанна Дмитриевича, глаголемого Брюхатой. Выше того гроба три гроба сряду: гроб от стены благоверного князя Константина Юрьевича, внука Всеволода, второй гроб от стены сына его благоверного князя Андрея, третий гроб от стены сына же благоверного князя Дмитрия Костянтиновича. Выше тех трех гробов гроб благоверного князя Симиона Ивановича. Выше того гроба гроб благоверного князя Иоанна Борисовича, глаголемого Тугой Лук, внука благоверного великого князя Константина Юрьевича. Выше того гроба гроб у дверей южных благоверного князя Василия Дмитриевича. От южных дверей ко алтарю на степенях гроб благоверного великого князя Бориса Константиновича, а принесены мощи его в Нижний Новъград з Городца во 179-м году марта в 14 день.

А поминование им творити и литургии служити соборне архимандритом и протопопом и игуменом и ружных церквей священником по жалованным государским грамотам.

РНБ, F.XVII.21, л. 881–882

Рязанский некрополь

В Переславце Рязанском в соборной церкви гробницы великих князей Рязанских. На правой стороне от стены великий князь Феодор Ольгович, подле ево сын ево великий князь Иоанн Феодорович, подле ево сын ево великий князь Василей Иванович, подле ево сын ево великий князь Иоанн Васильевич, да одинакая гробница великий князь Феодор Васильевич Третной. На левой стороне гробница от стены великая княгиня Анна Дмитриевна, Дмитрия Ивановича Донского дочь.

О поставлении Солотче[нского монастыря]

О поставлении Солотченского монастыря в лето 6898-го. Поставлен бысть сей святой честный монастырь святыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Рождества в дни благоверного великого князя Ольга Ивановича замышлением игуменов Василия и Еуфимия, нашедше на место в пустыни за рекою Окою на устьи речки Солотчи.

Сборник посл. четв. XVII в., РГБ, ф. 29 (И. Д. Беляев), № 9, л. 8 об.

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О ПОЧИТАНИИ «НЕДОВОДОМЫХ СВЯТЫХ» В РОССИИ

Тема почитания святых без житий и святых, биографические сведения о которых никоим образом не вписываются в агиографический канон, давно привлекает внимание исследователей,¹ в последние годы она активно изучается в научной литературе,² в том числе благодаря публикации ранее малоизвестных и вновь обнаруженных источников.³ Раздел в своей монографии, во многом основанной на материалах архива Синода, посвятил этой теме А. С. Лавров,⁴ отдельные сюжеты были рассмотрены Ив Левин,⁵ Е. А. Рыжовой.⁶ Подробный разбор формирования литературных памятников на основании кратких документальных источников был проделан Е. К. Ромодановской, отметившей, в частности, что круг источников по данной теме может и должен быть расширен.⁷ Последнее по времени исследование, включающее подробный обзор историографии вопроса, принадлежит А. А. Панченко.⁸

¹ Значительный вклад в изучение темы внес в свое время Л. А. Дмитриев. См.: Дмитриев Л. А. Проблемы изучения севернорусских житий // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 65–75; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 199–270.

² В той или иной степени этой теме касались авторы всех обобщающих трудов по русской, особенно севернорусской агиографии.

³ Таких, как Сказание об Евфимии Архангелогородском (Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники: Публикации и исследования. Вып. 4. СПб., 1997. С. 95–144), Сказание о Сумском новом чудотворце (Панченко О. В. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 478–482) и др.

⁴ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 203–226.

⁵ Левин И. От тела к культу // Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 162–187.

⁶ Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции русского Севера // ТОДРА. Т. 58. СПб., 2008. С. 390–442; Рыжова Е. А. Иаков // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 486–497.

⁷ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 143–159; переиздание статьи см. на с. 520–536 1-го тома.

⁸ Панченко А. А. Иван и Яков — необычные святые. М., 2012. С. 95–142. Те же вопросы поднимались А. А. Панченко в докладе ««Безымянные святые» в русской агиографии Нового времени» (Первый агиографический семинар, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ноябрь 2012 г.).

Елена Константиновна Ромодановская

рес исследователей вызывают не вписывающиеся в каноническое понимание святости случаи почитания покойников.¹⁰

Не вызывает сомнения, что большинство из «неведомых святых» — миряне (это Иаков Боровичский, Кирилл Вельский, Гликерия Новгородская, Прокопий Устьянский, Параскева Пиринемская, Василий Мангазейский и Симеон Верхотурский), нередко к их числу относятся умершие в раннем возрасте, но существуют и исключения. В их числе несколько иноков — это инок Нижегородского Печерского монастыря Иоасаф, Евфимий Архангелогородский, Вассиан и Иона Пертоминские, инок из Сумского острога (Елисей), инок с Терского берега,¹¹ священник Петр Черевковский. Иногда статус

В дальнейшем изложении я использую в качестве обобщающего термин «неведомый святой», взятый из повествования священника Иакова о неизвестном святом иноке в пещерном храме в Инкермане.⁹ Исследователями эта условно выделяемая категория святых именуется по-разному. Суммируя материал о «неведомых святых» и выводы, сделанные в существующей литературе, можно сделать следующие наблюдения: круг памятников и персоналий не укладывается в единую схему: многое, применимое к «неведомым святым», «святим без житий», «святим из гробницы», может быть отнесено и к другим категориям подвижников. Широкое понимание термина «святые без житий» по существу охватывает значительную часть «святых мирян», однако наибольший инте-

Неоднократно цитируемая А. А. Панченко работа С. А. Штыркова (Штырков С. А. «Святые без житий» и будущие родители: Церковная канонизация и народная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции. М., 2001. С. 130–155), несмотря на заголовок, посвящена скорее не теме почитания святых, а теме взаимоотношения языческой и христианской традиции почитания мертвых.

⁹ Белоброва О. А. Иаков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 416–417.

¹⁰ По терминологии Г. П. Федотова (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 211–214). Ср.: Панченко А. А. Иван и Яков... С. 131–134.

¹¹ Предание о нахождении тела без признаков тления, которое отпели как безымянное, излагается в Указе Архангельской духовной консистории 1816 г.: Митрофан (Баданин), иеромонах. Часовня безымянного инока // Русский дом. 2003. № 11. С. 24.

подвижников не вполне определен — как в случае с Иоанном и Логгином Яренгскими — считается, что они не были иноками, но могли быть трудниками Соловецкого монастыря.

В феномене почитания «неведомых святых» или «святых из гробниц» важно то, что чудес от обретенного, в отличие от основателя монастыря, мученика или князя, не ожидают — и проявление чудес воспринимается поэтому более обостренно.

Значимая деталь появления безымянного святого — свидетели обретения его тела (или выхода на поверхность земли гроба) не знают или не помнят его имени, оно становится известным благодаря явлению святого визионеру позднее; иногда такого рода видения содержат противоречия, и имя святого выясняется со временем (как в случае с Василием Мангазейским или Евфимием Архангелогородским). В случае с Артемием Веркольским и девою Гликерией имена, насколько можно судить, становятся известными сразу.

Обычным для явлений, объединяющих всех святых, хотя бы какое-то время пробывших безымянными, становится отсутствие жития, не исключено, впрочем, что перед описанием чудес у их могил кратко упоминается об их земной жизни. Если не учитывать эту характеристику и исходить только из отсутствия освидетельствования тела или из факта необычной смерти святого, перечень «неведомых святых» существенно разрастется. Отсутствие жития, и соответственно свидетельств благочестивой жизни — повод для отказа в установлении празднования. Отсутствие письменной версии дает почву для богатой устной традиции, в которой возникают черты биографии Петра Черевковского — священника, замученного интервентами в Смуту,¹² или Евфимия Архангелогородского. Возможно также и отождествление вновь обретенных мощей с определенной личностью, о биографии которой сохранились определенные сведения — это случай Василия Мангазейского, сперва именуемого «новоявленный чудотворец, что в Мангазейском городе выходит гробница», впоследствии же указавшего свое имя в сонном видении, или с иноком Нижегородского Печерского монастыря Иоасафом, имя которого вспомнили через некоторое время после того, как его гроб появился на свет после землетрясения.¹³

Не все «святые без житий» — «неведомые святые». «Святые без житий», известные по перечню чудес или даже только по имени, — весьма распростра-

¹² См., например: Священномученик Петр Черевковский, чудотворец. История почитания. Чудеса. Служба. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.

¹³ Именно это обстоятельство послужило Е. К. Ромодановской поводом для того, чтобы рассматривать случаи с Василием Мангазейским и Иоасафом как типологически разные (Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»... С. 152), но на самом деле, и в том, и в другом случае имя восстанавливается предположительно, на основании воспоминаний.

ненное явление для XVI–XVII вв., и безымянные подвижники составляют только часть этой категории. Без житийной части существуют чудеса многих основателей монастырей, таких как Герасим Вологодский¹⁴ или Сильвестр Обнорский.¹⁵ Некоторые святые (такие, как ученики Александра Свирского или его родители) не имеют не только житий, но не сохранились и чудеса от их погребений, поэтому отсутствие жития — это лишь один признак рассматриваемой категории.

Напротив, некоторые «святые из гробниц» могут получить совершенно законченное Житие (как Симеон Верхотурский, рассказ о котором создал митрополит Игнатий), или жизнеописание, пусть не во всем или совсем не соответствующее агиографическим канонам, — это касается и Артемия Веркольского, и Иоанна и Иакова Менюжских.

Кроме святых без житий есть и остаются святые без имени. Среди них есть и «неизвестные» святые — такие, как герой Повести священника Иакова или инок с Терского берега, жившего, как предполагается, в конце XVII в. и почитавшегося как покровитель рыбаков.¹⁶

Тело «неизвестного святого» может быть обнаружено и поверх земли, и в вышедшем на поверхность гробе. Иногда, как отметила Е. К. Ромодановская, это происходит на «погорелом» или «горелом» месте.¹⁷

Тело «неизвестного святого» обретается преимущественно не на территории церкви или церковного кладбища, и сама смерть святого может вызывать вопросы (это могут быть утопленники, как яренские святые, или даже самоубийцы — как Кирилл Вельский), однако обретение может иметь место и в часовне (Параскева Пиринемская), и на территории монастыря после ополз-

¹⁴ В случае с преп. Герасимом, умершим, согласно краткой житийной справке, предвещающей список его чудес, в 1178 г., чудеса у его гроба, датируемые концом 1640-х — 1666 гг., как и у гроба другого вологодского святого без жития, Галактиона Вологодского, были поставлены под сомнение в известной грамоте патриарха Адриана 1691 г.: «Чудес явных от сих Галактиона и Герасима никогда не видеша, над кем же быша якобы целбы от них, писаны имяны в граде Вологде и инде, никтоже казася на лице» (Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 432–434).

¹⁵ Это заставило, вероятно, включить его имя в перечень «мертвых несвидетельствованных тел», составленный для донесения в синод в Ростовской епархии, впрочем, наряду с Паисием Угличским, Романом Угличским, Адрианом Пошехонским и князьями Василием и Константином Ярославскими (см.: Лавров А. С. Колдовство и религия... С. 213).

¹⁶ В православной церкви чтится память святых, чьи имена неизвестны. Однако, как правило, это святые, чтимые в соборе — таком, как, например, Собор всех киево-печерских преподобных, в составе которого чтится память тридцати безымянных святых — их мироточивые головы хранятся в Дальних пещерах в Киево-Печерской лавре, или Собор новомучеников и исповедников Российских.

¹⁷ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»... С. 144–145.

ня (Иоасаф Нижегородский), при церкви (Симеон Верхотурский) или внутри церкви, как в случае с братьями Алфановыми.¹⁸

По факту открытия гроба / нахождения тела и фиксации от него чудес церковные власти начинают розыск. Первоначальные записи для этого розыска носят исключительно делопроизводственный характер, как это показала в своей работе Е. К. Ромодановская, проследив путь установления почитания святого от обнаружения безвестных останков, следствия по делу об обретении мощей, отраженному в источниках делопроизводственного характера, до возникновения литературно обработанных памятников, прославляющих чудеса вновь обретенного святого.¹⁹ Степень сохранности найденных останков не является критичной, хотя церковные власти в случае с несвидетельствованными мощами всегда проверяли их на нетленность, делая при этом, впрочем, на одном и том же материале взаимоисключающие выводы.²⁰

Чудотворения от явленного тела или гроба заставляют задуматься об установлении памятного дня или празднования, однако имя святого на этапе становления культа может варьироваться, как в случае с Евфимием Архангелогородским, в одном из чудес поименованным Естифеем.²¹

Наибольшее количество «неизвестных святых» известно на севере России и в Сибири. Однако почитание их встречается и в центральной России (нижегородский инок Иоасаф, мощи, обретенные в 1728 г. в с. Ильинское под Юрьевом-Польским), на Полтавщине,²² в Крыму (Повесть священника Иакова). Вывод о том, что «данный тип агиографического повествования не имеет распространения вне Русского Севера и Сибири»,²³ мне кажется чересчур категоричным.²⁴ Первоначальные обстоятельства обретения гроба, от которого впоследствии будут совершаться чудеса, могут отличаться (в случае с Иоасафом Нижегородским, как справедливо отметила Е. К. Ромо-

¹⁸ Предисловие к чудесам последних достаточно определенно указывает на то, что старец, обнаруживший мощи, попытался их закопать. Мотив выхода тел святых на поверхность определенно сближает историю о братьях Алфановых с другими описаниями явлений «неизвестных святых». Возможно также, что тела не сразу были отождествлены с мощами основателей обители. См.: Романова А. А. Рукописная традиция Сказания «о явлении мощей братьев Алфановых» // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 100.

¹⁹ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»... С. 149–151.

²⁰ Здесь можно вспомнить историю с оценкой сохранности мощей Симеона Верхотурского Игнатием Римским (Корсаковым) а сохранности мощей Вассиана и Ионы Пертоминских — Афанасием Холмогорским.

²¹ Буланин Д. М., Крушельницкая Е. В. Сказание о явлении и чудесах Евфимия Архангелогородского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 632.

²² Левин И. От тела к культу. С. 182–183.

²³ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»... С. 151.

²⁴ Ср.: Панченко А. А. Иван и Яков... С. 99.

дановская, ключевое событие сообщения — изначально не обретение гроба, а разрушение монастыря).²⁵ Со временем оценка происшествия меняется, что видно в редакции известия об Иоасафе, составленной позднее, вероятно, в начале XVIII в., под заголовком «Сказание о разрушении обители Пресвятыя Богородицы Печерского монастыря иже есть близ Нижнего Новграда». Эта редакция встречается обычно вместе с «Повестью о целебной милости преподобного схимонаха Иоасафа». Согласно ей, нижегородский митрополит Исайя в 1702 г. повелел соборному ключарю священнику Андрею расследовать исцеление жительницы Балахны Евдокии Михайловой, страдавшей беснованием. Больной дважды являлся во сне св. митрополит Филипп (Колычев), повелевавший ей идти в Печерский монастырь ко гробу Иоасафа, а затем принять монашеский постриг. Митрополит Исайя велел «ключарю свидетельствовать» о произошедшем, и опросить не только Евдокию, но и ее духовника и соседей. «Повесть...» копируется в сборниках XVIII в. вместе с сообщением об оползне 1597 г. (см., например: РНБ, собр. Погодина, № 1579, РНБ, собр. Титова, № 1749). «Повесть...» — наиболее известное и неоднократно воспроизводившееся в краеведческой литературе произведение,²⁶ но далеко не единственное свидетельство почитания Иоасафа в XVIII в.

На основании летописного известия и «Повести...» в первой четверти XVIII в. было составлено Похвальное слово «на обретение честных мощей преподобного отца нашего Иоасафа затворника Нижегородских предел первобытного Печерского монастыря, нового российского чудотворца мироточиваго, в летописце же Нижегородском свидетельствованнаго», читающееся в святцах XVIII в. под 20 июня (РГБ, ф. 651 (собр. Усова), № 88, л. 602 об.—609 об.).

Следует подчеркнуть, что отдельные чудеса у гроба преподобного записывались и позднее, через полтора века после явления гроба. Так, в октябре 1745 г. в распросных речах священника старопечерской церкви Ивана Михайлова (фрагмент их читается в сборнике РНБ, Q.XVII.53, в дополнениях к Нижегородскому летописцу) иерей под присягой показал, что сам неоднократно чувствовал благоухание от гроба, находившегося в ветхой церкви, и о том, что над гробницей Иоасафа служились панихиды, читали каноны

²⁵ Сообщение Нижегородского летописца об оползне в Печерском монастыре 20 июня 1597 г. содержит трактовку события как божьего «посещения» и как предзнаменования Смутного времени. См. подробнее: Романова А. А. «Сказание о посещении Господни в Нижнем Новгороде в Печерском монастыре» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 430–432; Там же. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 798.

²⁶ Текст повести размещен на сайте Вознесенского Печерского монастыря вместе с копиями обложек «народных» изданий: Гробница старца Иоасафа в селе Старых Печерах. Нижний Новгород, 1900, 1901. См.: <http://www.pecherskiy.nne.ru/text/ascetics/ioasaf/>

и от могилы брали песок, но в 1720 г. «по словесному запрещению бываго ж преосвященного Питирима архиепископа никому приходящим... по оном схимонахе Иоасафе панихид петь и каноны читать и песка с того места давать не стали». Священник Иван Михайлов также указал, что не знает о чудесах и исцелениях, хотя признал, что слышал о чуде с Евдокией Михайловой, а также об исцелении крестьянина Захара Герасимова, и случае, когда двое прихожан, ставших слишком близко к гробнице, невидимой силой были отброшены назад. Он также сообщил, что церковь, в которой находились мощи, была разобрана, на ее месте построено новое здание, которое вскоре сгорела, и «он, иерей Иван, не знает, оные де мощи от случившагося пожарного времени целы ль находятся или нет». Названные священником свидетели чудес и исцелений, те, что были живы, так как описываемые события происходили за несколько десятилетий до времени розыска 1745 г., также были допрошены. Положительной резолюции от церковных властей, как и в других случаях подобных обращений, не последовало; о регулярном ведении записей свидетельств не сохранилось. Письменная традиция сохранила «Сказание...» об Иоасафе также в составе своеобразного нижегородского патерика (подборка статей о нижегородских святынях в сборнике РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3345, сер. XVIII в., л. 163–171 об. — «Сказание о Печерском монастыре, что в Нижнем Новгороде, как оползла от матерые степи гора»), в устной же традиции известия об исцелениях от мощей Иоасафа фиксировались в XIX–XX в.

С какого времени начинается почитание такого рода святых в России, сказать сложнее — вероятно, о каких-то ранних культах сведений не сохранилось.²⁷ К числу первых известных случаев можно отнести Иакова Боровичско-

²⁷ Обретение тел братьев Алфановых — Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаакия — могло быть датировано значительно более ранним временем (согласно сказанию о явлении их мощей, в 1162 г.), но хронологическая несуразница сообщения об их обретении (см. подробнее: Романова А. А. Рукописная традиция сказания... С. 95–96) указывает на то, что преамбула к чудесам сокольников чудотворцев была составлена сравнительно поздно, и вряд ли ранее начала XVII в. Г. Е. Дубровин, впрочем, считает, что почитание братьев Алфановых могло возникнуть вскоре по упокоении их в основанном ими монастыре (датой основания Сокольниковского монастыря исследователь, вслед за Филаретом (Гумилевским) считает 1389 г.), и что основание монастыря было где-то в середине XV в., возможно, при Евфимии II, умышленно отнесено к более раннему времени с целью скрыть родственные связи основателей обители с двинскими воеводами, изменившими Новгороду (инициировавшими переход жителей принадлежавших Новгороду Двинских земель под власть великого князя Московского). См.: Дубровин Г. Е. Легенды о братьях Алфановых // Древняя Русь. 2006. № 3. С. 42. Однако предположение это не подкреплено какими-либо свидетельствами почитания братьев Алфановых до 1592 г., что не позволяет сделать вывод, что культ Алфановых возник раньше, чем культ Иакова Боровичского.

го, чей труп в обгорелой колоде на льдине был обретен за много лет (примерно за век) до первого освидетельствования (1544). Имя умершего стало известным в сонном видении «старым людям» в Боровичах.²⁸

Значительное количество случаев обретения тел «неведомых святых» относится ко второй половине XVII — первой трети XVIII в. В дальнейшем, в связи с ужесточением политики церкви в отношении неустановившихся культов, практика «розысков» найденных мощей могла стать причиной полного прекращения почитания святого.²⁹ Канонизации не следовало ожидать, даже если речь шла о мощах основателей монастырей (примером может служить обретение мощей Иова Ущельского в 1739 г.).³⁰

Большинство «неведомых святых» официально канонизированы не были. Так, в случае с Иаковом Боровичским празднование ему неоднократно ставилось под сомнение. Народное же почитание, раз установившись, сохраняется долго, хотя и волнообразно³¹ (в том числе в наше время).³²

²⁸ Рыжова Е. А. Жития праведников...; Рыжова Е. А. Иаков. С. 486–497.

²⁹ См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 212–215.

³⁰ Рыжова Е. А. Иов // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 288–292.

³¹ Р. П. Биланчук и Г. А. Вережкина на материале источников о почитании Прокопия Устьянского указывают на «нестабильность внешних (обрядовых) форм почитания и циклический характер исторической памяти о святом, выражающийся в периодическом затухании и возобновлении молитвенных обращений к тому или иному местному святому (святыне)» (Биланчук Р. П., Вережкина Г. А. Социокультурные истоки и реалии почитания Прокопия праведного, Устьянского чудотворца // Глагол времени. Исследования и материалы: Статьи и сообщения межрег. науч. конф. «Прокопиевские чтения». Вологда, 2005. С. 219).

³² См., например: Панченко А. А. Иван и Яков... С. 137–139.

«МИРСКОЕ» ЖИТИЕ КАК НОВЫЙ ТИП ЖИТИЯ В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVII ВЕКА

В настоящей статье мне хочется привлечь внимание к одному типу литературных памятников, который в рамках житийного жанра породила наша словесность в XVII в. В чем состоит их особенность, делается понятно, как только мы очертим круг этих произведений. А он таков: Житие преподобной и праведной Ульянии Лазаревской, Житие преподобномученицы боярыни Морозовой, Житие блаженного отца Ивана-Григория Неронова и Житие милостивого мужа Феодора Ртищева. Герои всех названных житий — миряне, будь то мать тринадцати детей муромская помещица Ульяния Устиновна Осорьина,¹ или ближняя боярыня царицы Марьи Ильинишны Милославской, поборница «старой веры» Федосья Прокопьевна Морозова,² или же представитель белого духовенства, мирской священник, протопоп московского Казанского собора, деятельный член кружка «ревнителей благочестия» Иван Неронов,³ или же, наконец, влиятельный сановник при дворе царя Алексея Михайловича, воспитатель царевича Алексея Алексеевича окольничий Федор Михайлович Ртищев.⁴ Правда, следует оговориться, что боярыня Морозова перед арестом приняла тайный постриг, с именем Феодора, и умерла инокиней в боровской земляной тюрьме; иноком и архимандритом Данилова Переяславского монастыря умер и Иван Неронов, в иночестве Григорий, но это тоже случилось в последние годы его жизни и тоже не составляет в его Житии, как и в Житии боярыни Морозовой, доминанты повествования. Ульяния же Осорьина и Федор Ртищев отошли к Богу в домашней обстановке, окруженные близкими людьми, любимыми чадами и домочадцами.

Вот эта-то обстановка мирской жизни, составляющая в названных житиях основной фон повествования, и есть, как мне представляется, то новое, что приходит с новым, мирским, героем в «новые» жития XVII в. Ее пределы могут быть ограничены рамками семейного круга и усадебного подворья, — как

¹ Издание текста Жития, исследование и литературу см.: Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т. Р. Руди. СПб., 1996.

² Издание текста Жития, исследование и литературу см.: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

³ Перепечатку текста Жития с издания Н. И. Субботина (Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные Н. И. Субботиным. [М., 1874]. Т. 1. С. 243–305) см.: Протопоп Иван Неронов: Собрание документов эпохи. СПб., 2012. С. 11–41.

⁴ Издание текста Жития и исследование см.: Козловский И. Ф. М. Ртищев: Историко-биографическое исследование. Киев, 1906.

Наталья Владимировна Понырко. Экспедиция 1967 г.

в случае с Ульянией Осорьиной; а могут охватывать гораздо более обширное поле российской действительности, от боярского терема и дома приходского попа до царских покоев, палат духовных властей, ямских дворов и тюремных острогов, — как в случае с боярыней Морозовой, Иваном Нероновым, Федором Ртищевым.

Помимо нового типа героя, в интересующих нас житиях присутствует и новый тип автора: создателем Жития Ульянии Лазаревской был ее сын Дружина Осорьин,⁵ Житие боярыни Морозовой написано старшим братом Федосьи Прокопьевны Морозовой Федором Прокопьевичем Соковниным,⁶ — оба миряне и близкие родственники описываемых подвижников. Что касается Жития Ивана Неронова, то его автор на сегодняшний день не установлен. Но то изобилие мелких бытовых подробностей, имен и фактов, в особенности относящихся к годам юности и возмужания героя, которое присутствует в этом Житии,⁷ заставляет думать, что оно создавалось не без участия близких к герою людей, таких, к примеру, как сын его Феофилакт, который, как явствует из рукописного наследия Иоанна-Григория, принимал деятельное участие в подготовке и пересылке посланий своего отца к разным лицам.⁸

⁵ См.: Житие Юлиании Лазаревской. С. 75–76.

⁶ См.: Понырко Н. В. Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой // Понырко Н. В. Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 23–30.

⁷ Вплоть до имени друга отроческих его лет, с которым Иван ушел из родительского дома («<...>оставив сродников своих, и отъиде с единым отроком домовним, ему же имя Евфимий, и прииде во град Вологду»), или имени его учителя грамоте («Приидоста же в пределы града Устюга и обретоша в некоей веси человека, боящася Бога, именем Тита, служаща в святей церкви пением и чтением <...>». Иоанн же начат молити мужа того, да бы его изучил книжного чтения и разумения Божественнаго Писания, такожде и Евфимий моляше его. Той же блаженный муж повеле им жити в дому своем и учиться книгам с прочими ученики, к нему в учение приходящими»), или имени его тестя, священника села Никольского-Соболева под Юрьевцем Повольским, где Иван начал приобщаться к церковнослужению («Священник же Иоанн, видев юношу сего присно пребывающа во всякой добродетели и непрестанно прилежаща церкви Божией, возлюбил его зело и вдаде ему дочь свою, именем Евдокию, в супружество»), или имени некоего «начальника» из того же села Никольского-Соболева («И прииде Иоанн с радостию во своя си <...> и вдаде писание от патриарха начальнику села того Гавриилу о взыскании клеветы. Гавриил же, абие призвав всех иереев села того и иже с ними советников, повеле в услышание всем чести патриаршое писание». См.: Протопоп Иван Неронов: Собрание документов. С. 12–16.

⁸ Послание ссыльного протопопа Иоанна Неронова царю Алексею Михайловичу, отосланное из Спасо-Каменного монастыря в 1653 г., было писано рукой его сына, всего скорее, Феофилакта, о чем свидетельствует заключительная строчка послания: «А вся сия писал сын мой» (далее в дошедшей до нас копии этого послания следует приписка: «У подлинного моления и у росписи позади на споях рука отца протопопа Иоанна сице: “К сему прошению и молению протопоп Иоанн руку приложил”»). См.:

Кто был автором Жития Федора Михайловича Ртищева тоже неизвестно. Высказывались мнения, что им мог быть Карион Истомино или Евфимий Чудовский,⁹ но на неубедительность этих предположений указала Е. К. Ромодановская, будучи автором статьи о Житии Ртищева в Словаре книжников.¹⁰ Во всяком случае, заключительная сцена этого произведения не могла быть создана без ближайших к дому Федора Михайловича людей, поскольку в ней подробно описывается прощание умирающего героя Жития с многочисленными родными и близкими, — с точным указанием их имен, с житейскими подробностями и деталями наставлений, актуальными именно для близких родственников и наследников.¹¹

Протопоп Иван Неронов: Собрание документов. С. 81). В 1666 г. в письме к некоему Афанасию Максимовичу уже не протопоп, а инок Григорий Неронов, отправленный под начало на этот раз в Иосифов Волоколамский монастырь, просил своего адресата передать сыну Феофилакту несколько поручений, связанных с составлением «молебного послания старца Григория к вселенским патриархам»: «Да о том тебя молю, брате, изволь ты повидать с Феофилактом о дву статьях <...> да и о том бы Феофилакт проведал, как вселенскому папе и патриарху имя и как ево титла пишоца (имеется в виду один из адресатов подготавливаемого Нероновым послания патриарх Паисий Александрийский, прибывший на Московский собор 1666–1667 гг. — Н. П.), и которые с ним власти; и мощно Феофилакту та два дела подать. Да Феофилакт бы сыскал толмача Иосифа Иосифовича, а живет он у грузинского царевича у Давыда Николаевича. И Феофилакт бы о всем с тем Иосифом переговорил и грамотку показал <...>. А мне ведомо учините» (Там же. С. 136).

⁹ См.: Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 25–26; Флоровский А. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII века // Slavica. 1949. Р. 19, seš. 1–2. С. 104; Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 149.

¹⁰ Ромодановская Е. К. Житие Феодора Ртищева // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 391–393.

¹¹ «О разлучении же своем к присядящим, в печали сущим, *сестре его Анне, и супруге его Ксении, и чадом своим*, глаголаше, во еже бы им не скорбети, но упование возложити на Бога и между собою имети любовь. И к *сестре его Анне*, юже он аки мать почиташе, завеща супруге своей почитание и послушание отдавати, ибо она бьяше ему во всяком благотворении споспешница, *яже вдовствова в дому его благочестно тридцать и едино лето, в супружестве же поживе точию едино лето*.

Таже призва и зятя своего князя Василиа Одоевскаго и супругу его, а свою дочь, Акилину и глаголаше к ним с прошением: «Молю вы, мне любезнии! Сотворите мое к вам прошение во исполнении: паче инех ваших по мне благоволений в мое помяновение сотворите милость своим поселяном, ихже аз вам дах вечно, да будут под властью вашею во отраде и в возможности работы и оброков ваших, ибо они нам суть братия. Таковаго от вас прошу по себе строения». О домочадцах же своих заповеда, да будут вси свободни.

Призва же и ближняго своего брата Богдана, званием Хитрово, саном боярина и оружейничаго, и сему глаголаше с прошением, да препоконит старость отца его Михаила и домашних его да снабдит» (Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 166–167).

С появлением нового героя в «мирских» житиях появляется и ряд новых тем и персонажей. В первую очередь — явственно звучащая «социальная» тема. Эта тема доминирует в Житии Ульянии Лазаревской, вся жизнь которой прошла в подвижническом служении ближним, убогим и нищим, всем, кого она поддерживала, питала и обогревала, спасала от смерти в голодные годы и погребала за свой счет.¹² То же самое можно сказать и о Житии Федора Ртищева. Стоит

¹² Уже в первые годы супружества Юлиания, как пишет автор Жития, «прилежно руки своя на веретено утверждаше и на пяличное дело. И то продава, и цену нищим раздающе, а иное на церковное строение расточае <...>. Многу бо милостыню и отай свекра своего и свекрови творяше, точию единой малой рабицы сия сведущи, с неюже посылаше милостыню требующим <...>. В день же домовное строение без лености правяше. Вдовами же и сиротами, аки истовая мати, печашеся, своима рукама омывая, кормляше, и обшиваше, и напаяше». Во время первого голода, упомянутого в Житии, Юлиания «многу милостыню творяше отай всех людей, взимаше у свекрови пищу аки на утреннее и на полуденное ядение и сие нищим даяше, сама бо издетска до обеда не вкушаше и по обеде до вечерняго ядения. Видевши же свекры, глагола ей: «О, невестко, ведый буди, яко аз радуюся о твоём частом ядении. Но дивлюся, како нрав твой пременися. Егда хлеба обилие бе, тогда не могах тя к раннему и к полуденному ядению принудити, а ныне в мире оскудение пищи, и ты раннее и полуденное ядение вземлещи». Она же, хотя утаитися, отвеща глагола: «Егда не родих детей, не хотяше ми ясти, а егда начах родити дети, тогда обезсилех и не могу наестися пищи. Не точию в день, но и в ночь множицею хотяше ми ся ясти и срамляюся у тебе просити». Свекры же посылаше ей пищу доволну <...>. Она же принимаше пищу у свекрови и сама не вкушаше, но все требующим раздавала. Егда же кто от нищих умираше, наимоваше обмывать и, умирающих ризы покупая, даяше, и на погребение серебряницы посылаше. А егда видяше мертвеца в селе своем, погребается, знаема кого или незнаема, не остави ни единого, еже бы о души его не помолитися».

В наступившее вслед за голодом моровое поветрие «блаженная, отай свекра и свекрови уязвленных многих своима рукама в бани обмывая, целяше и Бога моляше о исцелении. Аще ли кто умираше, она же многи сироты своима рукама обмываше, и погребальная воскладая, и к погребению относити наймоваше».

Особенное подвижничество проявила Юлиания в страшный голод времен правления Бориса Годунова. «В то же время бысть глад крепок по всей Российской земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неисчетно гладом изомроша. Она же моляше дети своя и рабы, еже отнюд ничему чужему или татъбе не коснуться, но елика имяше скоты оставшия, и ризы, и сосуды вся распрода на жито, и от того челядь свою кормяше, и милостыню доволну просящим даяше, и в нищете бо обычныя милостыни не оставя, и ни единого нища от приходящих не испусти тщам недрома. Достигши же в последнюю нищету, яко ни единому зерну обрестися в дому ея, но и о том она не смятается, но все упование на Бога возложи. <...> Велице же скудости умножися в дому ея, она же созва рабы своя и глагола им: «Се глад обдержит нас, видите сами. Да аще кто от вас хочет со мною терпети, добро и приятно, а кто не хочет, да идет на свободу, да не изнуритесь мене ради». От них же доблоразсуднии обещашася с нею терпети, а инии отидоша. Она же со благодарением и молитвою отпусти я, не подержа гнева нимало, и повеле оставльшим рабам собирать траву, рекомую лебеду, и кору

напомнить, что на материале Житий Юлиании Осорбиной и Федора Ртищева В. О. Ключевский создал знаменитую статью «Добрые люди Древней Руси», не потерявшую в своем публицистическом пафосе актуальности и в наши дни.¹³

Житие «милостивого мужа Феодора, званием Ртищева» представляет своего героя творящим дела милосердия как в относительно узких рамках собственного имения, так и в масштабах общероссийской государственности. Автор подчеркивает милосердное отношение Федора Михайловича Ртищева к принадлежавшим ему крестьянам, слугам и домочадцам, что отразилось в уже цитированном нами описании его кончины, когда он просил своих наследников заботиться о своих «поселянах»: «да будут под властью вашею во отраде и в возможности работы и оброков ваших, ибо они вам суть братия», а о домочадцах завещал: «да будут вси свободни».¹⁴ При жизни Федора Михайловича его забота о собственных крестьянах имела убедительное воплощение в его делах; затрагивая эту тему, агиограф сообщает, как «некогда же ему случился ради зело нужные потребности продати село свое, зовомое Ильинское. И совещав с купцем о цене села того, призва и рече ему: “Аз тебе цену умаляю ради села того поселян, да имеши их в милости и трудами и податми их да не отягощаеши; но по возможности им вся та да будут свободно”. И в сем купца освидетельствовал пред Господом Богом».¹⁵ Еще более «широкомасштабная» акция милосердия состоялась, когда Федор Михайлович отказался от продажи принадлежащих ему земель в пределах города Арзамаса. «Имяше убо он, — рассказывает агиограф, — близ града Арзамаса пространство земли немало. Ему же за ону землю даяху до тысячи рублей. Уведав же он, яко зело она земля градским жителем есть потребна, а егда он ту землю продаст, и от тоя земли будут имети велие утеснение, не восхотев величеством цены за ту землю увеселятися, но повеле о сем возвестити того града жителем, яко хощет он ту землю оным продати. Слышав же они, зельне тщахуся ону землю себе пристяжати на препитание, но скудости ради не могуще за ону землю дати цены достойныя и того ради в недоумении пребываху, не знающе, что сотворити. Он же, разсудя о сем благоразумно <...> виде им ту землю зело потребную и их недостаточество видя, повеле им ону землю отдати без цены и за ними ту вечно утвердити».¹⁶

древяну, рекомую илем, и в том повеле творити хдебы. И от того сама, и дети своя, и рабы питае, и молитвою ея бысть хлеб сладок, и никто в дому ея не изнеможе от глада. От того хлеба и нищих питае, и не накормив, нища из дому не отпусти. В то бо время бес числа нищих бе. И глаголаху им соседи ея: “Что ради во Иулианин дом входите? Она и сама голодом измират”. Нищи же поведаху им, яко “Многа села обходихом и чисты хлебы приемлем, а такова в сладость не наедаемся, яко сладок хлеб у вдовы сея”» (Житие Юлиании Лазаревской. С. 126–129, 137–139).

¹³ Ключевский В. О. Добрые люди древней Руси // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892. Январь (см.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 329–333).

¹⁴ См. сн. 11.

¹⁵ Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 165.

¹⁶ Там же. С. 165–166.

Благотворительность Федора Ртищева в общегосударственных масштабах характеризуется его заботой о раненных и пленных во время его участия в военных походах царя Алексея Михайловича на Литву (1654 г.) и Швецию (1656 г.), устройением им на собственные средства богаделенных домов для нищих и бездомных, больниц для увечных и недужных, созданием в просветительских целях Андреевского монастыря в Москве.¹⁷

¹⁷ Житие рассказывает, как Федор Михайлович «обрете место близ царствующаго града Москвы <...> к жительству иноческого собрания потребно, еще же <...> и близ пути из града Киева в царствующий град лежащаго. За благоволением царским и за благословением святейшаго патриарха Иосифа устрои на том месте монастырь во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; и в потребная того монастыря от своего имения даяше нещадно. Во нь же на житие призва из Киева из святых лавры Печерския и из Межигорскаго и из иных малороссийских монастырей иноков, числом тридцать, в житии и в чине и во чтении и пении церковном и келейном правиле изрядных <...> и других иноков во учении известных, да предадут учение грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философии <...>. И за его благим потщанием тии иноцы от греческаго языка на славенский многи душеполезныя книги преведоша».

В другом месте Жития сообщается: «Егда убо подвижшуся благочестивому самодержцу с воинством своим на королевство Полское и великое княжество Литовское, тогда и сему Феодору царским повелением в той рати спутшествующу. В оном же путешествии егда кого он виде на пути нища и от скорби изнемогша <...> онаго приимаше он на колесницу свою и прилежаше ему со усердием. Сам же нозе име болезненне, еяже ради болезни не бе ему удобь кроме колесницы путешествувати, обаче совершенная в нем любовь к Богу превозмогаше скорбь его. Ибо овогда с болезнующими купно на колеснице своей сядаше и от мног труд себе с любовью приимаше, яко ради утеснения, тако и от гнойных болезней зловония. Овогда же ради им утеснения, с великим трудом сам с колесницы своя на конь всед, путешествие творяше. <...> Егда же в коем граде или месте от ран или от скорби изнемогших и зимою сляченных обретае, и оных, собирая в дома, на сие отлученныя, назиратаев и врачей им и кормителей устрояше <...> во упокоение их и врачевание от имения своего им изнуряше».

Повествуется также, что Федор Михайлович, «воспомяна страдания пленных и терпение их во странах инородных, призва к себе некоего купца гречина, именем Афанасий, ведый его мужа христианскими добродетelmi украшена и своим имением от плена на свободу многих искупающа, и вдав ему тысящу рублей серебра, завеща пред Господом Богом, да тем серебром искупит пленных от агарян и сущим в плене сотворит милость, колико возможно <...>. Не точию же сия сей муж благий показа дела милосердия ... в плене живущим единовѣрным своим в странах чуждых, но и от стран иноплеменных в плен приведенным многу милость творяше и в заточении далнем помилованием своим назираше».

Сам же присно обще о всех промысляя, посылаше соглядатаи на пути града, да идеже обрящут от болезни и глада изнемогших, и оных повелевая привозити в дом на се устроенный, в немже оным от имения своего потребными довольство творяше и сам тамо их своим прибытием посещаше, ихже тамо овогда двадцать, овогда же и тридцать человек в различных болезнях бываху <...>. И не точию о объятых скорбию тщание имаше, но и от пьянства изнемогших и на путех лежащих

Что касается Жития Ивана Неронова, то в нем тема социального служения героя также весьма подчеркнута. Она связана здесь с особым учительным характером деятельности Ивана как приходского священника. Известно, что возрождение устной проповеди в среде московского духовенства связано с именем Ивана Неронова. Он привез свой проповеднический энтузиазм в Москву из Нижнего Новгорода, где в свое время возродил стоявшую в запустении деревянную церковь Воскресения Христова. С появлением священника у Воскресенской церкви и возрождением там прихода, «множество народа, не точию от меньших, но и от именитых граждан, приходящу с женами и детьми послушать учения иерея Иоанна, еще же и от окрестных весей приходящу людие».¹⁸ В Казанском соборе Москвы, после поставления его туда протопоп

никогдаже мину, но и оных упокоя <...> в темницах сидящия и различными скорбми одержимыя сам посещаше, сущим в долгах, в напастех и в бедах вспомогае.

Своего же дома ко служебником и поселяном таков бе милостив, яко когда кому от них случашеся быти достойну наказания, таковыя страхом, по апостолу, от огня восхищая, и о их скорбех не веселяся, но яко с ними состраждая, и о них яко о своем телеси пекийся. Милостыню убогим творяше незабытно. И якоже прилежа о деянии милостыни, такоже и от излишняго взимания от своих поселян отметаеся. Работу же им комуждо по силе устрояше <...>.

В царствующем же граде Москве, видя скитающия и по путем лежащия, всякия недужныя, никакова прибежища имущия, купи некий domeц и устрои в нем две келии, и тамо собрав овогда 13 человек, а овогда и 15 человек питае и упокоиваше тыя от последнего своего имения даже до смерти своея. По смерти же его и до днесь то место зовомо есть болница Федора Ртищева» (*Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 157, 160–161, 162, 164*).

¹⁸ «И видевше людие, — сообщает Житие, — яко нечаянно по толицех летех обретеся у тоя опустелыя церкви священник, начаша, приходяще, слушати божественнаго пения, а наипаче слышаще поучения его наслаждахуся. Иоанн же почиташе им божественныя книги с разсуждением и толковаше всяку речь ясно и зело просто слушателем простым, воеже бы им возможно было внимати и памятовати. И вси ползовахуся поучением его и умиляхуся, зряще толикое его тцание о спасении душ человеческих, купно и велие смирение: ибо, поучая народ, кланяеся на обе strany до земли, с слезами моля, да бы обносили и кииждо в домех своих сущим слышанная поведывали, и таково си купно да бы друг друга убеждали ко спасению. По совершении же церковнаго пения, хождаше по стогнам града и на торжищи, нося с собою книгу великаго светильника Иоанна Златоустаго, именуемую Маргарит, возвещая всем путь спасения <...>.

Бе же Иоанн любяй зело странноприимство, и ничтоже удерживаше себе, но вся даемая ему истощаше в утробы нищих и странных: мнози бо страннии пришельцы обитаху в дому его, а иныя учения ради при нем живяху, ихже всех он от подаваемых ему милостыни питае, ни щадя, ниже оставляя что в дому своем. На трапезе же, егда представляеся пища живущим в дому его пришельцем странным, тогда призираше сам, да бы брашно всем было там равно <...>. Сядущих же за трапезою бываше по сту человек и вящши на всяк день <...>» (Протопоп Иван Неронов: Собрание документов. С. 18–19).

пом с подачи царского духовника Стефана Вонифатьева и окольного Федора Михайловича Ртищева, происходило то же самое: «И приходящу мног народ в церковь отвсяду, яко не вмещатися им и в паперти церковней, но восходящу на крыло паперти и, зряще в окна, послушаху пения и чтения Божественных словес. Написа же и окрест стены святыя церкви поучительная словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения, не простирает ума своего на пустошная мира сего, но да прочитует написанное на стенах и пользу душе приемлет».¹⁹

При этом подчеркивается, что Иоанн «прилежаше же наипаче ко странноприимству и призираше маломощных, и клосных, и расслабленных, и своим руками омываше их, не гнушаяся, аще и злосмрадных. А врата его никогда затворены бываху от приходящих к нему день и ночь. Живущих же и пришельцев странных, и иже в больнице болящих, и приемлющих пищу и одежду в дому его по вся дни бываше человек двести и вящше».²⁰

Подобные развернутые картины, описанные в Житии Иоанна Неронова, сопоставимы с образами и ситуациями Житий Ульянии Лазаревской и Федора Ртищева. В Житии Федора Ртищева есть рассказ о поведении героя во время голода, случившегося в 1658 г. в Вологодских пределах, когда Федор Михайлович, «собрав своя одежды и иная дому своего потребная», продал все это, а деньги отослал к архиепископу Вологодскому Симеону, «воеже бы ему оными деньгами препитати убогия во время глада».²¹ Примечательно, что в то же самое время помогал вологодским голодающим опальный Григорий Неронов, укрывавшийся в тот момент в Игнатьевской пустыни на реке Саре близ Вологды. Когда люди «хлебныя ради скудости ядыху траву и корения, и вахту, и млеко в дни постныя <...> и, приходяще к отцу Григорию, прошаху милости, да утолит их от глада того, Григорий же, яже имеяше, даяше требующим. И многое множество собирая по градом хлеба, кормяше приходящих к нему; даяше же и семена от обители своея земледельцем на сеяние нив их. И тако во время глада прекорми народ безчисленный».²²

¹⁹ Протопоп Иван Неронов: Собрание документов. С. 29.

²⁰ Там же.

²¹ *Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 165.*

²² Протопоп Иван Неронов: Собрание документов эпохи. С. 33. Проповедничеством и благотворительностью опальный пастырь продолжал заниматься и будучи ссылкой. Из Игнатьевой пустыни на Лому он «хождаше милостыни ради в царствующий град Москву, а наипаче заступления ради бедных, понеже многих ради бед и напастей многии, приходяще к нему от различных градов, моляху того о заступлении... и многое множество, заступая, избавляше от уз, и темницы, и от смертныя градския казни <...> и вся собранная влагаше в утробы нищих, пекийся яко отец всеми душевными и телесными. Иноков же и белцов име в пустыни до двух сот и вящше <...>. Мнози же приходяху к нему от града Вологды и из многих сел, всякаго чина и возраста мужие и жены, слышати сладкаго его учения. Он же, яко чадолюбивый отец, любезно всех принимаше, и не токмо в церкви, но и вне церкви и в келии всех поучаше и наслаждаше

Елена Константиновна и Анна Николаевна Ромодановские,
Игорь Владимирович Сумкин и его жена Людмила Яковлевна. 1954 г.

В Житии боярыни Морозовой тема социального служения и милосердия, не с таким, может быть, нажимом, но тоже выражена: вспомним об упоминаемых там тайных ночных походах боярыни по темницам и о раздавании милостыни («И по том многи милостыни сотвори, много имения расточи неимущим, многих с правезу скупы. И монастырем доволная подаваше, и церквам потребная приношаше, пустынников многих потребными удовлеваше, прокаженных в дому своем удовлеваше. Последи же от страдалца отца Трифилия уведе о некоей инокине благоговейной, именем Мелания, и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюбил зело, и изволил ю в мать себе избрати. <...> По темницам с нею ходящи пешима ногама и милостыню носящи»);²³ в конечном счете, самым главным ее социальным служением была поддержка единомышленников собственным примером стояния за веру.

Другой новой темой «мирских» житий является неизменно присутствующая в них тема брака и семьи, и шире — тема большого семейного дома с

Божественным Писанием, духовною пищею. По том повелеваше посаждати всех гражданов и поселян в трапезе, а не вмещающихся, множества ради, — вне трапезы, и всем пищу одинаку и равну предлагати» (Там же. С. 34).

²³ Повесть о боярыне Морозовой. С. 128.

чадами и домочадцами, как это было присуще быту русских людей XVII века. Эти жития населены женами и мужьями героев, их сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами, служанками и «рабами», разного рода «чадью». В Житии Ульянии Лазаревской это ее родня по матери (до замужества она, рано осиротевшая, воспитывалась в доме бабки), это отец ее детей «доброродный» муж Георгий Осорбин, согласившийся после смерти двух их взрослых сыновей на непорочное житие с Ульянией, лишь бы не отпускать ее в монастырь; это «изобильные имением» свекр Василий и свекровь Евдокия, в доме которых Ульяния «поживе лета доволна» (они умерли на ее руках в глубокой старости и были с честью погребены ею); это ее многочисленные домочадцы и рабы, которым она оказывала милость (а между тем один из них убил ее взрослого сына) и которых она спасала от голода.

В Житии боярыни Морозовой это, в первую очередь, ее младшая сестра княгиня Евдокия Урусова, разделившая с боярыней их общий подвиг, это сын боярыни Иван (низко поклонившийся с крыльца, — деталь, особо отмеченная агиографом, — во след уводимой в заточение матери, «она и не видящи его»), безвременную смерть которого она оплакала в тюрьме; это брат Федор Соковнин, всячески помогавший ей во время заточения и посещавший ее в Боровском остроге; это ее деверь князь Петр Урусов, знавший о готовящихся репрессиях против боярыни и пославший свою жену княгиню Евдокию на верный арест в дом Морозовых; это старица Мелания, духовная наставница боярыни, носившая вместе с нею милостыню в темницы и живавшая подолгу вместе с другими инокинями в доме боярыни; это ее многочисленные слуги и «рабыни», которых при ее аресте допрашивали с пристрастием; это союзница и сострадалница сестер-мучениц Мария Данилова, жена стрелецкого головы Иоакима Данилова и т. д.

В Житии Ивана Неронова это тесть героя священник Иоанн, в приходе которого молодой Иван встал на путь священнослужения; это его жена Евдокия, в нищелюбии и страннолюбии следовавшая примеру своего супруга («Такожде и супруга его бяше страннолюбива зело, и во всем подражаше мужа своего, имущи жен и дев в своих храминах особно и подаючи им пищу и одежду неоскудну»);²⁴ это и его преданный ученик Гавриил, служивший при нем дьяконом в нижегородской церкви Воскресения Христова, ставший после отъезда учителя в Москву настоятелем Воскресенской церкви;²⁵ это и многочисленные призываемые, обедавшие за его столом человек по сто и двести, составившие, надо думать, ту огромную толпу, которая провожала его в изгнание по улицам Москвы на протяжении «пяти поприщ» «до веси, нарицаемой Ростокиной, иже на реке Клязьме»,²⁶ и т. д.

Наконец, в Житии Федора Ртищева его семья и домочадцы представлены тоже весьма объемно. О них речь заходит при описании кончины героя; у его

²⁴ Протопоп Иван Неронов: Собрание документов. С. 19.

²⁵ Там же. С. 28–29.

²⁶ Там же. С. 31.

смертного одра присутствовали и получали последние напутствия и благословения сестра его Анна (Анна Михайловна Ртищева, в замужестве Вельяминова — Н. П.), супруга Ксения (Ксения Матвеевна, урожденная Зубова — Н. П.), дочь Акилина со своим мужем князем Василием Одоевским, «ближний брат» боярин Богдан Хитрово (Богдан Матвеевич Хитрово, двоюродный брат Федора Михайловича, племянник его отца Михаила Алексеевича Ртищева — Н. П.).²⁷ В описание кончины «милостивого мужа» Федора Житие сумело вместить и трогательные образы малых детей из большого дома Ртищевых, а именно, малолетней дочери умирающего Анны и его племянницы Марии, вместе с одной из домочадиц, отроковицей Парасковией.²⁸

Мне представляется, что ряд отмеченных особенностей, свойственных проанализированным текстам (посвященность их особому герою — мирянину, принадлежность их особому автору — также мирянину, обязательное присутствие в их содержании социальной темы и темы «большой семьи»), позволяет выделить эти тексты в отдельную группу в пределах агиографического жанра, обозначив ее как «мирское» житие.

Разработка темы «большой семьи», как и темы социальной активности и благотворительности, возникающая в «мирском» житии, представляется мне одной из основополагающих тенденций в процессе «обмирщения» нашей литературы на пути ее перехода к новому времени. Бросается в глаза, что отмеченные особенности «мирских» житий, впитало в себя Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, выдающийся памятник русской литературы, органично соединивший в присущих ему художественных принципах традиционность и новаторство, — от наличия в нем мирского героя и мирского автора (представленных в его случае одним лицом), до постоянного присутствия в его художественном пространстве темы большой семьи, а вместе с нею темы социального служения и благотворительности.

²⁷ См. сн. 11.

²⁸ «Живяше в дому его отроковица, именем Парасковия, лет дванадцати, еяже ради кротости бе к ней милостив. И прежде дний двою исхода души его, возляже она отроковица по вечернем правиле почити <...> и в тонце сне зрит сего Феодора сидяща на одре своим лицом веселым, ризы и обувь имуща светла, на главе же его венец. И внезапно узре пришедша к нему юношу <...> иже рече к Феодору: “Зовет тя царевич Алексей.” Он же отвеща: “Пожди мало, еще ми не леть”. <...> И помале узре к нему дву пришедших во одеяниях светлых, и глаголаху ему: “Зовет тя царевич Алексей”. Он же воста от одра своего и идяше из храмины тоя. <...> При ногу же его узре она <отроковица> *дщерь его Анну и дщерь брата его Феодора Меньшаго Марию, отроковиц малолетних суицх.* Он же к ним рече: “Отидите, да не поиму вас.” Отлучив же их от ногу своею, изыде из палаты своя» (Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 168).

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПЕРЕПИСКЕ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО (КТО ТАКОЙ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ)

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский (1651–1709), был одним из образованнейших людей своей эпохи и уникальной фигурой в церковной жизни России конца XVII — начала XVIII в. Как известно, Димитрий Ростовский приехал в Россию в феврале 1701 г. из Малороссии, где он уже был известным книжником и проповедником, по приказу Петра I для поставления в Сибирские митрополиты. В силу ряда причин, весеннего половодья и случившейся болезни, святитель Димитрий из Москвы в Сибирь, в Тобольск, не выехал: все недолгое время своего управления Сибирской митрополией он жил в Москве, в Чудове монастыре. Во время своего пребывания в Москве он продолжал работу над 4-й частью (месяцы июнь–август) Четых Миней, или «Книгами житий святых»,¹ произносил проповеди в монастырях и храмах столицы, тесно общался с представителями московской учености.² Отношение между Димитрием Ростовским и московскими литературными кругами начали складываться и развиваться еще при жизни святителя на Украине: возникли они, вероятно, с приезда в Малороссию осенью 1696 г. Кариона Истомина, секретаря патриарха Иоакима (от последующей переписки с которым сохранилось несколько дружественных эпистолий), а вслед за этим последовала хорошо известная переписка между Димитрием Ростовским и иеромонахом Чудова монастыря Феологом.³ Известно более 40

¹ Димитрий Ростовский начал работу над Четыми Минеями 6 мая 1684 г., а завершил 9 февраля 1705 г. Четьи Миней издавались в лист, в четырех книгах, по три месяца в каждой: Книга первая, Киев, 1689 — месяцы сентябрь–октябрь; Книга вторая, Киев, 1695 — месяцы декабрь–февраль; Книга третья, Киев, 1700 — месяцы март–май; Книга четвертая, Киев, 1705 — месяцы июнь–август.

² См. подробнее: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891; Федотова М. А. Димитрий Саввич, митр. ростовский и ярославский, святой // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 8–23; Крылов А. О. Московские знакомые митр. Димитрия Ростовского и «киевская ученость»: Восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 86–88. Благодарю автора за возможность познакомиться с его работой до публикации.

³ См. о переписке Димитрия Ростовского с монахом Феологом: Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследование и тексты. М., 2005. С благодарностью отмечаем, что одним из рецензентов этой книги была Елена Константиновна Ромодановская.

Марина Анатольевна Федотова

архимандрит Соловецкий, Сильвестр, архимандрит Троице-Сергиевой лавры, будущий митрополит Нижегородский и Алатырский, и другие. Среди московских «благодетелей» Димитрия Ростовского наиболее часто упоминался в переписке с иеромонахом Феологом некий Степан (Стефан) Васильевич, имя которого долгие годы являлось загадкой для исследователей.

Так, в письме Феологу от 28 июня 1704 г. Димитрий Ростовский пишет: «Прошу чесности твоей извести ми, дома ли есть господин Степан Васильевич, или негдѣ в отсылки. Писаль его милость к моему недостойнству о челобитии, свойственныя воскресению его челобитчицы, и та челобитчица у нас не появилась, а приказныи наши сказуют, без челобитчицы-де нельзя дѣла дѣлать. И о том велел я написать к его милости, не вем, заставем ли его у себѣ мое писание. Мимошедшаго Апостолскаго паста быв я в городѣ Ярославлѣ, дерзнул, недостойный, выше меры моей дела: преложих мощи святаго благовернаго князя преподобнаго Феодора и чад его из ветхой раки в новую кипарисную и взях некую малую от тех часть себѣ на благословение, от коих

писем, написанных святителем Димитрием Феологу, в которых он обращается не только к своему адресату, но и к другим московским знакомым и своим «благодетелям»: местоблюстителю Патриаршего престола, писателю и проповеднику Стефану Яворскому, иеромонаху Чудова монастыря, поэту Кариону Истомину, писателю, переводчику и издателю Федору Поликарповичу Поликарпову-Орлову; в ней упоминается и келарь Чудова монастыря, справщик Печатного двора Иоасаф Колдычевский, и будущий наместник Ростовского архиерейского дома Иосиф Булгаков, называются книги публициста Ивана Тихоновича Посошкова. Вероятно, это московское окружение митрополита можно назвать неким «литературным кружком», к которому принадлежал и святитель Димитрий. Среди его знакомых и адресатов был сподвижник Петра I, будущий вице-губернатор Василий Семенович Ершов, а также Иов, митрополит Новгородский, Гавриил, архиепископ Вологодский и Белозерский, Фирс,

мощей чесности твоей мало послах, хочу же послать и благодетелеви моему, господину Степану Васильевичу, аще не в отсылкѣ гдѣ обретается. Пожалуй, извести мнѣ, гдѣ ныне он есть».⁴ Не получив ответа, ростовский митрополит вновь спрашивает Феолога о Степане Васильевиче (письмо написано в конце 1704 г.): «Молю: извести ми, гдѣ возлюбленный наш Степан Васильевич и что слышно про него?» (с. 73).

Завершив работу над Четвыми Минеями, святитель Димитрий в феврале 1705 г. пишет друзьям: «Срадуйтесь мнѣ духовнѣ, яко поспешеством ваших молитв сподобил мнѣ Господь августу месяцу написати», — и просит их далее: «Сие же возвеститѣ и господину Степану Васильевичу, благодетелю моему, емуже челом и благословение» (с. 79).

Степан Васильевич, вероятно, навещал святителя в Ростове, о чем последний сообщает Феологу в письме от 22 мая 1705 г.: «Степан Васильевич был у нас, не замешкал, токмо литургии Преждеосвященной Великой постной выслушал да покушал грусков с моим недостойнством. Бог да соблюдет его в том пути и да управит вся добрѣ!» (с. 80). А в январе 1706 г. Димитрий Ростовский опять спрашивает Феолога: «Пречестному отцу Кариону и отцу Феодору Поликарповичу, и всем челом. А о Стефане Васильевиче спрашую: “Где он?”» (с. 84); примерно через полгода (письмо от 19 мая 1707 г.) святитель вновь интересуется Степаном Васильевичем: «Кланяюсь всем ниско: господину отцу Илариону и благодетелю моему господину Степану Васильевичу» (с. 88).

В Великий Пост 1708 г. митрополит получил от Стефана Васильевича сухари, о чем он пишет в феврале Феологу: «Честному господину Степану Васильевичу челом и благословение, за сим благодарствуй и всех его благодѣяний благодарен есм. Жаловал его милость мене сухарями немецкими, но не смѣю их в пост кушать. Не с молоком ли? Пожалуй, отче Феолог, спроси и известися подлинно, и мнѣ извести, можно ли мнѣ те сухари в пост кушать» (с. 93). В следующем письме (от 5 апреля 1708 г.) Димитрий Ростовский всех, в том числе и Степана Васильевича, поздравляет с Рождеством Христовым: «Пречестному господину отцу Иосифу судии — Христос воскрес! Пречестному отцу Кариону — Христос воскрес! Пречестному господину Стефану Васильевичу — Христос воскрес» (с. 93). По прошествии двух месяцев, в июне 1708 г., святитель сетует Феологу: «Господин Степан Васильевич проехал, не дал нам своего лица видети» (с. 98).

Степан Васильевич был одним из читателей «Келейного летописца»: Димитрий Ростовский передал ему часть своего Летописца, о чем он сообщает в начале 1709 г.: «Въкратце пишу, понеже не моществу рукою. Господине Степан Васильевич, егда путешествова к городу Архангельскому, взял у меня четвертой тысячи 500 лѣт («Келейный летописец» — М. Ф.). Возвращаясь отъ-

⁴ См.: Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. С. 69. Далее тексты писем цитируются по этому изданию, страница указывается в скобках в конце цитаты.

туду, не привез ли, не восхоте дати? Молих убо его честь, что твоей чесности поручил, а чесности твоей пришлиши от его милости, аще изволитъ дати, и мене у себѣ, дондеже сподобит Бог, видитися с собою. О прочим же потерпитъ» (с. 102).

Последнее письмо Феологу, в котором упоминается Степан Васильевич, написано летом 1709 г.: «Отцу Иосифу, отцу Кариону чолом. Господину Стефану Васильевичу, и господину Василию Семеновичу, и пророку Михею благословение. Здравствуйте вси господа и благодѣтели!» (с. 115).

О Степане Васильевиче ростовский митрополит упоминает не только в письмах Феологу, но и в письмах немецкому негоцианту Исааку Вандербургу, который снабжал святителя Димитрия книгами, и сообщения о нем в этих письмах очень важны для нас.

Так он писал 4 декабря 1707 г. из Ростова.

Достопочтенному господину Исааку Вандербургу о Господе радоваться.

От человека, которого не знаю и который и сам не знаком со мной, я принимаю доброе расположение с огромной благодарностью. Чем отблагодарить его, не знаю, разве что таким же чувством расположения. Истинная христианская любовь заключается именно в том, чтобы относиться дружески к людям, живущим далеко и при том незнакомым. Присланный вами перечень книг мы просмотрели и отметили красными крестиками те, что нужны нам, в особенности три, помеченные большими значками, просим, чтобы они нам были посланы, за них заплатит господин Стефан Васильевич (с. 170).

8 ноября 1708 г. святитель Димитрий вновь обращается к Исааку Вандербургу:

Достопочтенный господин Исаак Вандербург. Наилучший из друзей моих. Очень признателен за ваше ко мне расположение, которое вы доказываете самым делом, обогащая меня книгами, весьма для меня нужными. Недавно получил посланные господином Стефаном Васильевичем бесценнейшие сочинения Альстеда, что вы достали для меня <...> Также нужны мне еще два автора: Сиф Кальвизий и Габриель Буцелин. Если можно, постарайтесь достать и прислать мне и их, нижайше прошу об этом. Деньги заплатит искренний друг мой господин Стефан Васильевич, в милости которого, как и в вашей благосклонности, не сомневаюсь (с. 174–175).

Из всех приведенных цитат мы видим, что Степан Васильевич был хорошо знаком Димитрию Ростовскому, последний называет его своим «благодетелем» и «другом»; вероятно, они познакомились в Москве в 1701–1702 гг., позднее встречались в Ростове и, возможно, переписывались, хотя переписка не

сохранилась. Степан Васильевич находился в постоянных разъездах, подолгу отсутствовал в Москве, по делам часто ездил в Архангельск, в Архангельске же выполнял некоторые поручения митрополита по покупке книг.

В научной литературе делались предположения, что Степаном Васильевичем мог быть местоблюститель Патриаршего престола Стефан Яворский или иеромонах Степан Прибылович.⁵

Опровергая данные предположения, прежде всего, заметим, что о Степане Васильевиче Димитрий Ростовский пишет как о человеке светском, часто называя его «господином», а Стефана Яворского, например, в письмах святитель именует «преосвященнейший владыко», или «преосвященный рязанский» и т. п.⁶ В миру Стефан Яворский был Симеоном Ивановичем Яворским, а в унии — Станиславом, в Архангельск Стефан Яворский не ездил, тем более не выполнял поручения ростовского митрополита. Все это, конечно, не дает возможности предположить, что Стефан Яворский является «разыскиваемым» нами Степаном Васильевичем, хотя ошибку эту совершают до сих пор уже современные исследователи.

Степан Прибылович был иеромонахом, преподавателем философии и логики и префектом Московской Славяно-греко-латинской академии, он посещал святителя Димитрия в Ростове в Рождество 1707 г., им была передана конклюдия, выполненная по заказу Московской славяно-греко-латинской академии и посвященная Димитрию Ростовскому в знак завершения им работы над Четвыми Минеями; в письмах митрополит упоминает его один раз, называя «велебный брат Стефан, философии учитель».⁷

Ответить на вопрос, или высказать предположение, кто же такой Степан Васильевич, помогла одна небольшая рукопись с сочинениями митрополита: РНБ, Соловецкое собр., № 602/621, 4°, 50 л., 1709 г.⁸ Состав: л. 1–6 — сочинение Димитрия Ростовского «Об образе и подобию Божии в человецех» (сочинение впервые было издано еще при жизни митрополита в 1707 г., затем в 1714 и 1717 гг.); л. 6–50 — сочинение Димитрия Ростовского «О брадах». Оба текста вошли в состав другого сочинения писателя — «Розыск о рас-

⁵ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). С. 374; Сукина Л. Б. Димитрий Ростовский — представитель украинской школы пастырского богословия в «московской» церковной иерархии // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: Общее и различное. М., 2012. С. 306.

⁶ Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. С. 132–143.

⁷ Федотова М. А. О конклюдии святому Димитрию Ростовскому (и еще раз о дате крещения святого) // ТОДРА. Т. 61. СПб., 2010. С. 311–328.

⁸ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 537. За указание на эту рукопись приношу искреннюю благодарность С. А. Семячко, передавшей мне ее для описания во время работы над картотекой «Источники русской агиографии», которую составляет Отдел древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

кольнической брынской вере» (ч. 2, гл. 18–19). Для идентификации Степана Васильевича важна запись в этом сборнике, сделанная на л. 50–50 об.: «1709 года октября в 29 день списаны сии тетради в домъ // Ратушского правления инспектора Степана Васильевича Левонтьева. И при работѣ его инспекторской писано гораздым поспѣшанием для особаго исправления инаго дѣла работнаго». Сначала отметим, что Дмитрий Ростовский умер 28 октября 1709 г., и переписчики сочинения Дмитрия Ростовского, вероятно, еще не знали о смерти митрополита.

Из записи мы узнаем, что Степан Васильевич Леонтьев, или Левонтьев, был инспектором Ратушного правления, и из-за занятости инспектора «писано» было «гораздым поспешением».

Тема истории Ратуши как органа правосудия в научной литературе разработана мало, некоторые сведения о ней мы находим в монографии Д. О. Серова «Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование», который, в частности, отмечает, что в ходе первой городской реформы Петра I в России в 1699 г. оказалась выстроена вертикаль органов городской власти. Низовое звено этой вертикали образовали реорганизованные органы городского самоуправления — земские избы во главе с земскими бурмистрами. Высшим звеном вертикали городской власти стала Бурмистерская палата (переименованная в ноябре 1699 г. в Ратушу) — это был не имевший ни отечественных, ни зарубежных аналогов центральный орган, ведавший тяглым городским (посадским) населением; суду земских изб и Ратуши тяглые горожане не подлежали лишь по государственным и церковным преступлениям, а в наказных статьях инспекторам ратушного правления передавались дела по казнокрадству, взяточничеству и злоупотреблениям при сборе налогов, в которых обвинялись должностные лица, и уже в 1705 г. Ратуша стала крупнейшим финансовым органом страны, отвечавшим за взимание большей части прямых и основной части косвенных налогов, среди которых особое значение имели таможенные и кабацкие сборы. Расширением юрисдикции Ратуши стала передача ей дел по корчемству — незаконному изготовлению и продаже спиртных напитков и табаку. Руководителем Ратуши был назначен видный сподвижник Петра I Алексей Курбатов. Правда, вскоре последовало ограничение судебных полномочий Ратуши, а первая губернская реформа, разделившая Россию на восемь губерний, главы которых — губернаторы — получили всю полноту власти над вверенным населением, привела к ликвидации в 1710 г. такого центрального органа, как Ратуша.⁹

Инспектором ратушного правления и был Степан Васильевич Леонтьев, деятельность которого была сопряжена с многочисленными и постоянными разъездами. Заметим, что Степан Васильевич, упоминаемый в переписке митрополита, тоже находился в постоянных разъездах.

⁹ Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 94–106.

В «Краткой истории о городе Архангельском, сочиненной архангелогородским гражданином Васильем Крестининым» в «Поименном списке градоначальников Архангелогородского посада» в конце статьи «Подчиненные Московской ратушѣ городские бургомистры, отдѣленные от холмогорских бургомистров, присутствовавших на Холмогорах» после 1709 г. читается запись: «В сем годѣ окончалось правление Московской ратуши над городами и перервалися ежегодные от 1705 года приѣзды из Москвы на городскую ярмонку ратушскаго правления инспектора Степана Васильевича Леонтьева, дворянина».¹⁰ Кроме этого, есть и другие свидетельства присутствия Степана Васильевича Леонтьева в Архангельске: согласно «Расходным книгам артиллерии Архангельского гарнизона 1708–1710 гг.», 28 октября 1708 г. «отдано инспектору Степану Левонтьеву бочка пороху весом восемь пуд пять фунт»; 26 июля 1709 г. «выдано инспектору Степану Левонтьеву на стрельбу бочка пороху весом восемь пуд пятнадцать фунт»; 24 сентября 1709 г. «выдано инспектору Степану Левонтьеву бочка пороху весом шесть пуд и з деревом»; 28 сентября того же года «выдано инспектору Степану Левонтьеву фителю фунт».¹¹ В этих записях Степан Васильевич Леонтьев именуется не только ратушным инспектором, но и дворянином, а также отмечено, что он посещал с 1705 г. архангелогородские ярмарки, и посещения эти по времени соответствуют датам, указанным в переписке Дмитрия Ростовского с Феологом и Исааком Вандербургом, когда «наш» Степан Васильевич бывал в Архангельске, к тому же, начиная со второй половины 1704 г., святитель Дмитрий постоянно в письмах Феологу задает вопрос, «гдѣ возлюбленный наш Степан Васильевич и что слышно про него».

Косвенным свидетельством пребывания Стефана Васильевича Леонтьева не только в Архангельске, но и в Москве, где он мог общаться с кругом иеромонаха Феолога, является наличие в «Переписи московских дворов XVIII столетия» двора Стефана Левонтьева в Хамовной слободе: Двор 2001 Хамовной слб. Стефана Леонтьева, при церкви Николая чудотворца Явленного, от Арбатской по Никитскую.¹²

Дальнейшие разыскания о жизни и деятельности Степана Васильевича Леонтьева привели нас в Нижний Новгород.

В фондах Нижегородской областной универсальной научной библиотеки удалось обнаружить несколько книг, которые являлись книжными вкладами ратушного инспектора Степана Васильевича Леонтьева в Островозерский пресвятой Троицы и пресвятой Богородицы Казанской монастырь.

Это следующие рукописи.

¹⁰ [Крестинин В. В.] Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1792. С. 130.

¹¹ Тревожные годы Архангельска: 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 267, 271–272.

¹² Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 54.

1. Письмовник, 2-й пол. XVII в., 224 л. Среди записей, на л. 1 читаем «Степана Левонтьева отдана во Островоезерский Ворсменской (?) монастырь».¹³

2. Песнь песней, с толкованиями и прибавлением, 1645 г., 139 л. На л. 1–28 скрепа: «Книга Островоезерского пресв. Троицы и пресв. Богородицы образа Казанские монастыря. Вклад инспектора ратушного правления Степана Васильева сына Леонтьева в помяновение усопших сродников и своя, и супруги своих Марфы, Анастасии душ 1710-го апреля дня 20-го».¹⁴

3. Сборник поучений к иноческому чину, не позже 1685 г., 54 л. На л. II об. запись: «1685 декабря в 8-й [или 18-й] (так в описании — М. Ф.) день каменного города покровской дьякон Фома Иванов продал сию книгу боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского человеку ево Степану Васильеву, а потписал я дьякон своею рукою. Отдал Степан в монастырь живоначальные в помяновение по схимонахе Леонтие, по Марфе, по Иоанне убиенном».¹⁵

Среди вкладов несколько старопечатных книг.

1. Иоанн Златоуст. Книга о священстве. Львов: Тип. братская, 1614 г. Запись на л. 3: «Книга Островоезерского пресвятыя Троицы и пресвятыя Богородицы образа Казанские монастыря, вклад инспектора ратушского правления [Леонтьева С. В.] (так в описании — М. Ф.) в помяновение усопших сродников своя и супруг своих Марфы и Анастасии душ, 1710 апреле дне 20-го».¹⁶

2. Требник. Киев: Тип. Печерской Лавры, 1646 г. Ч. 1. Запись на л. 6: «Книга Островоезерского пресвятыя Троицы и пресвятыя Богородицы образа Казанские монастыря, вклад инспектора ратушского правления Степана Васильева сына Левонтьева в помяновение усопших сродников своих и супруг своих Марфы и Анастасии душ. 1710-го апреля дня 20-го».¹⁷

3. Требник. Киев: Тип. Печерской Лавры, 1646 г. Ч. 2. Запись на рукописном листе в начале книги: «Книга Островоезерского пресвятыя Богородицы образа Казанского монастыря, вклад инспектора ратушского правления Степана Васильева сына Левонтьева в помяновение усопших сродников и своя, и супруг своих Марфы и Анастасии душ. 1710-го апреля дня 20».¹⁸

¹³ См. подробное описание: Каталог рукописных книг из собрания НГОУНБ. Нижний Новгород, 1999. Ч. 1: XV–XVII вв. С. 51–52, № 48 (Р 22 (1-1-21)). Здесь и далее указываются записи на книгах, касающиеся только Стефана Васильевича Леонтьева, остальные записи и скрепы не приводятся.

¹⁴ Там же. С. 58–59, № 58 (Р 71 (1-1-70)).

¹⁵ Там же. С. 77–78, № 83 (Ц 10383.1 (1-1-366)). См. также: Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком // ТОДРА. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 496.

¹⁶ См. подробнее: Книги кириллической печати XVI–XVII веков в фондах Нижегородской областной библиотеки: Каталог. Нижний Новгород, 1992. С. 44–43, № 31.

¹⁷ Там же. С. 80–81, № 187.

¹⁸ Там же. С. 81, № 189. См. также: Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги... С. 498.

4. Требник. М.: Печатный двор, 1658 г. Запись на с. 1 (2-го счета): «Сия книга Степана Левонтьева отдана в обитель пресвятыя Троицы Островоезерскую в память своих родителей 1701 года июня».¹⁹

5. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М.: Печатный двор, 1664 г. Ч. 2. На л. 1 (1-го счета) запись: «Книга Островоезерского пресвятыя Богородицы образа Казанские монастыря, вклад инспектора ратушского правления Степана Васильева сына Левонтьева в помяновение усопших сродников и своя, и супруг своих Марфы и Анастасии душ. 1710-го апреля дня 2[0]-го».²⁰

6. Служба, житие и чудеса Николая чудотворца. М.: Печатный двор, 1679 г. На л. 4 (1-го счета): «Книга Островоезерского пресвятыя Троицы и пресвятыя Богородицы образа Казанские монастыря, вклад инспектора ратушского правления Степана Васильева сына Левонтьева в помяновение усопших сродников своих и своя, и супруг своих Марфы и Анастасии душ. 1710-го апреля дня 20».²¹

7. История о Варлааме и Иоасафе. М.: Тип. Верхняя, 1680 г. Запись на об. титульного листа: «Книга Степана Левонтьева, домовая, отдана в Островоезерский святыя Троицы монастырь в помин своих родителей 1701 июля в 15 день».²²

8. Петр Могила. Православное исповедание веры соборныя и апостольския церкви восточныя. М.: Печатный двор, 1696 г. На л. 10 запись: «Сия книга Степана Васильева сына Левонтьева домовая. Отдал во обитель Пресвятыя Троицы Островоезерскую в помин усопших своих сродников и своего рода спасения, и супруги, и детей своих 1701-го июня в 4 день».²³

Совершенно очевидно, что это вклады одного человека — ратушного инспектора Степана Васильевича Леонтьева в Нижегородский Свято-Троицкий Островоезерский монастырь: вклады делались на помин своей души, родителей (вероятно, умерших не ранее 1701 г.), двух жен: Марфы (вероятно, умершей около 1685 г.) и Анастасии, детей и других родственников. Первый вклад был сделан в 1685 г., последние — в 1710 г., из-за занятости на службе ратушного инспектора, регулярных поездок с 1705 г. в Архангельск между вкладами 1704 г. и 1710 г. имеется большой перерыв. Однако, местом погребения его родных, следует предположить, был не Островоезерский монастырь, а бывшая монастырская Воскресенская церковь в селе Павлове, где первоначально и располагался ставший после переноса Свято-Троицким Островоезерским (а первоначально бывший Воскресенским) монастырь. Степан Васильевич Леонтьев был усердным прихожанином именно Воскресенского монастыря, где были похоронены, согласно записям на вкладах, его родители. Известны богатые вклады Степана Васильевича Леонтьева в этот монастырь: «крест кипа-

¹⁹ Там же. С. 98, № 256.

²⁰ Там же. С. 103, № 286. Исправлено «дня 20-го», в ркп. — «дня 2-го».

²¹ Там же. С. 115, № 340.

²² Там же. С. 117, № 349. См. также: Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги... С. 499.

²³ Там же. С. 130, № 405.

рисный в сребропозлащенном снизу и по краям окладе»,²⁴ два напрестольных богато украшенных Евангелия (1698, 1701),²⁵ Апостол (1695).²⁶

Таким образом, из приведенных известий и вкладных записей складывается биография Степана Васильевича Леонтьева. Вероятно, он был выходцем из Нижнего Новгорода, «человеком князя Михаила Яковлевича Черкасского»,²⁷ стал на «государевой службе» инспектором Московской ратуши, «по чину» получил дворянство, что неудивительно, так как в Петровскую эпоху многие государственные деятели происходили из низших чинов и даже крепостных.²⁸ Как узнаем из источников, он был дважды женат — на Анастасии и Марфе, имел детей, владел домом в Москве, по долгу своей службы ежегодно (с 1705 г.) ездил в Архангельск, где посещал ярмарки и выполнял поручения ростовского митрополита по закупке иностранных книг у немецкого купца Исаака Вандербурга. По количеству и ценности вложенных им в монастыри книг, его можно считать книжным (к тому же и достаточно богатым) человеком, а потому и неудивительно, что он был хорошо знаком с представителями московского ученого круга и близким знакомым и «благодетелем» святителя Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского.

²⁴ Вкладная запись на оборотной стороне: «От мироздания 7207 лѣта (1699) мѣсяца мая в 20 день содѣлался сей крест святыи кипарисный в обложении сребряном с мощами святых угодников и устроился в монастырь Воскресенский, что в селѣ Павловѣ, в церковь святую благословения ради и освящения с вѣрою приходящих челоуѣк, тѣмъ Стефана Васильева сына Леонтьева, в поминание усопших и погребенных сродников своих». См.: *Макарий (Миролюбов)*. Памятники церковных древностей: Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 303–304. То же: Нижний Новгород, 1999. С. 469–470.

²⁵ На Евангелии 1698 г., в лист, напечатанном «на большой голландской бумагѣ в сребропозлащенном окладѣ», вкладная запись: «1702 лѣта от Христа Господа мѣсяца септемвриа в 4-й день сие святое Евангелие устроено в церковь Воскресения Христова тридневнаго, что в селѣ Павловѣ, тѣмъ грешнаго Стефана Леонтьева, в поминание отца своего и себе, и сродников своих в вѣчное время». На втором «напрестольном Евангелии, полудестевом, в бархатном окладѣ» такая же надпись. См.: Там же. С. 304.

²⁶ Вкладная запись на л. 1: «Стефана Леонтьева, в монастырь Воскресения Христова, что в селѣ Павловѣ, в 1704 году февраля 3-го дня». См.: Там же.

²⁷ С князьями Черкасскими святитель Димитрий Ростовский также был в переписке, см.: *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. С. 178.

²⁸ Заметим, что Алексей Курбатов, возглавлявший Ратушу, до поступления на государственную службу в 1699 г. был человеком Бориса Петровича Шереметьева, а упоминаемый в письмах Димитрия Ростовского Василий Семенович Ершов, сделавший также головокругительную карьеру, — человеком все того же князя Михаила Черкасского.

СТАРООБРЯДЦЫ И ТРАДИЦИИ КНИЖНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Елену Константиновну Ромодановскую отличала широта научных интересов, но основная тема ее работ — это исследование переходного периода от культуры средневекового типа к культуре нового времени, или точнее, сейчас все чаще это время терминологически определяется как раннее новое время. Елена Константиновна, изучая этот период, большое внимание уделяла литературе Древней Руси, проясняя процесс взаимодействия русских традиций и западных влияний. Старообрядцы, естественно, не попадали в поле зрения, но исторически является оправданным включение в этот комплекс проблем развитие ими традиций книжности Древней Руси в раннее новое время.

Консерватизм справедливо считается характерной чертой мышления защитников старого обряда. Действительно, они провозгласили приверженность старине в качестве основного жизненного принципа. Особенно ярко это проступает в их стремлении сохранить традиции книжников Древней Руси. В последнее время благодаря более глубокому изучению этого религиозно-общественного движения все более проявляется их способность воспринимать инновации, в том числе и связанные с внутренней перестройкой культуры, которая в перспективе вела к появлению культуры нового времени. Важно, что при этом они опирались исключительно на национальные традиции, развивая их.

Ни у кого не вызывает сомнения, что они восприняли от Древней Руси высочайший уровень книжной культуры. Важным представляется исследование проблемы освоения старообрядцами вполне научных приемов работы с памятниками письменности. Еще в начале XX в. В. Г. Дружинин в работе «Поморские палеографы XVIII столетия» по поводу предпринятого старообрядцами при подготовке к составлению Дьяконовых и Поморских ответов описания рукописей и обследованию их с палеографической точки зрения писал следующее: «...Это первая серьезная научными приемами критики обставленная, разработка двух памятников заслуживает полного внимания и тем более, что она была произведена на целое столетие раньше возникновения научной палеографии в России, а именно при Петре Великом и была в рукописи представлена в 1719 г.»¹

Современный исследователь В. П. Козлов, анализируя проделанную старообрядцами работу по разоблачению подделок, еще более высоко оценил их до-

* Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (НШ – 219.2014.6).

¹ *Дружинин В. Г.* Поморские палеографы XVIII столетия. Пг., 1921. С. 3.

Н. С. Гурьянова и Е. К. Ромодановская. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998.

стижения в этой области: «Избранный идеологами старообрядчества второй путь привел их не только к беспощадному разоблачению фальсификаций, но и к настоящему научному подвигу, вылившемуся в создание первого в России источниковедческого, палеографического и лингвистического труда, который предвосхитил своими наблюдениями, методикой и выводами достижения по-

следующей историко-критической мысли. Разоблачение фальшивок, известное как «Поморские ответы», обессмертило их авторов»².

Освоение старообрядцами вполне научных методов работы с рукописями было осуществлено из чисто прагматических соображений, вызвано необходимостью опровергнуть аргументы представителей официальной Церкви. Это стало возможным благодаря тому, что защитники старого обряда не только унаследовали характерный для Древней Руси высочайший уровень книжной культуры, но и развили национальные традиции в условиях нового времени, освоив вполне научные методы работы с рукописями. Не менее значим в этом плане тот факт, что старообрядцы использовали различные приемы для усиления убедительности приводимых аргументов.

Разумеется, способность старообрядцев выражать собственные идеи, опираясь на цитаты из авторитетных текстов Священного Писания и святоотеческого предания, является характерной чертой их творческой манеры до сих пор. Речь идет не о том, что они довели до совершенства процесс отбора нужных им цитат и их расположения, а об их попытке при аргументации использовать новые методы работы с исходными текстами, которые станут достоянием официальной науки, не говоря об их оппонентах, представителях Церкви, значительно позднее.

Попытаемся, обратив внимание на одно из первых произведений, написанных в защиту старого обряда — «Трактат о двуперстии» Герасима Фирсова, — показать, что уже следующее поколение старообрядцев, используя сочинение предшественника, продемонстрировало способность не только уважительно отнестись к этому тексту, но и усилить его звучание. При этом составители сборников подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», включив этот авторитетный текст, использовали вполне научные приемы работы с памятниками письменности.

Открытие этих сборников началось с того, что А. Т. Шашков обратил внимание на старообрядческий сборник РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 383, в котором был зафиксирован факт разоблачения попытки официальной Церкви фальсифицировать текст сочинения Максима Грека о крестном знамении в рукописи РГБ, ф. 304 (собр. Троицко-Сергиевой Лавры), № 200.³ О. К. Беляева обнаружила еще семь рукописей XVIII в., которые оказались сборниками подобного содержания.⁴ Она назвала их «компиляцией» или «компилятивным

² Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. С. 27.

³ Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: Подделка и ее разоблачение // ТОДРА. Т. 33. Л., 1979. С. 85–87.

⁴ РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 1703, 1848 г.; РГБ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 595; РГБ, ф. 247 (собр. Рогожского кладбища), № 196; РГБ, ф. 735 (Рязанское собр.), № 25; РГБ, ф. 236 (собр. А. Попова), № 208; РГБ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 163. Описание сборников см.: Беляева О. К. Полемические сборники и сочинения старообрядцев дьяконовского согласия: Некоторые предварительные замечания // Христианство и церковь в России феодального периода: Материалы. Новосибирск, 1989. С. 218.

сочинением» и сделала вывод о том, что, скорее всего, составителем сборников подготовительных материалов, как и автором «компилятивного сочинения», посвященного проблемам формы крестного знамения и сколько раз произносить припев церковных песнопений «аллилуия», был Тимофей Лысенин.⁵

Е. М. Юхименко, обратив внимание на соответствующий текст из Жития «Андрея Денисова», подтвердила предположение О. К. Беляевой о том, что сборники подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» были составлены Тимофеем Лысениным, который и передал их Андрею Денисову, работавшему над окончательным вариантом «Дьяконовых ответов».⁶

В центре нашего внимания будут два сборника, которые были составлены в 1710 г. и 1711 г.⁷ Разумеется, к этому времени противниками церковной реформы был накоплен значительный материал, состоящий из фрагментов авторитетных текстов, способных поддержать точку зрения не принявших нововведений в обряд и богослужебную практику Русской Церкви. Все они были включены в эти сборники по определенному плану с точным указанием их местоположения в исходном тексте. Мы обратим внимание только на включение в состав сборников «Трактата» Герасима Фирсова, который составил ядро изложения обсуждаемой проблемы формы крестного знамения. Сочинение открывает соответствующий раздел и помещено сразу после небольшого введения без какого-либо обозначения.

При сопоставлении текстов из сборников и сочинения «О сложении перстов, еже которыми персты десная руки подобает всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста»,⁸ оказалось, что произведение Герасима Фирсова было включено практически без изменений. Очень редко внесены совсем небольшие коррективы, иногда опущена или заменена фраза. Характерным примером может служить начало сочинения Герасима Фирсова.

О сложении перстов... С. 147

Понеже прошение твое бысть, и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о сложении перстов десная руки, ими же воображаем на себе вернии знамение честнаго креста...

Е 383, л. 35 об.; Е 1703, л. 16

Но покажем твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о сложении перст десная руки, ими же воображаем на себе вернии знамение честнаго креста...

⁵ Беляева О. К. Полемические сборники... С. 222–223.

⁶ Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М. «Дьяконовы ответы» // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2008. С. 517.

⁷ РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 383 (далее — Е 383); РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 1703 (далее — Е 1703).

⁸ Никольский Н. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам: К истории северно-русской литературы XVII века. СПб, 1916. С. 147–196.

Елена Константиновна Ромодановская и Наталия Сергеевна Гурьянова.
Экспедиция 1971 г.

Составители «компиляции» в начале XVIII в. исключили часть фразы, в которой присутствовало обращение Герасима Фирсова к адресату, и заменили ее на словосочетание «но покажем». Это позволило обезличить текст и представить в качестве «твердого же и известного свидетельства от Божественных Писаний». Для защитников старого обряда вопрос о форме крестного знамения был ключевым. Воспроизведение текста сочинения Герасима Фирсова осуществлено с внесением совсем небольших изменений, не меняющих смысла. Составители очень уважительно отнеслись к рассуждениям соловецкого инокa, опустив только некоторые разъясняющие фразы.

Обращение защитников старого обряда в начале XVIII в. к сочинению Герасима Фирсова вполне объяснимо. К этому времени его «Трактат», написанный до собора 1666–1667 гг.,⁹ пользовался безусловным авторитетом в среде старообрядцев. Идея соединить в одном сборнике произведение, написанное одним из образованнейших представителей первого поколения противников церковной реформы, и собранные к этому времени выписки из авторитетных рукописей и старопечатных книг, поддерживающих точку зрения защитников

⁹ Обзор рукописных списков сочинения см.: Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 59–76.

Елена Константиновна Ромодановская, Ольга Викторовна Эргард,
Наталия Сергеевна Гурьянова. Экспедиция в Хакасию, 1971 г.

старого обряда, была очень плодотворной. Это позволило сделать рассуждения Герасима Фирсова еще более убедительными.

Авторы «компиляции», сохранив практически без изменений ту часть текста из сочинения «О сложении перстов...», в которой были приведены основные аргументы в пользу двуперстного крестного сложения, постарались еще более усилить аргументацию. Сделали они это следующим образом. Например, Герасим Фирсов процитировал текст так называемого Феодоритова слова,¹⁰ указав на поле источник: «Псалтырь Московской друкарни, Кирила Иерусалимского Слово о кресте, глава 14. Книга новая о вере, глава 9»¹¹. Действительно, в нескольких изданиях Псалтири, начиная с 1641 г., в предисловной части печаталась статья «О крестном знамении».¹² Этот текст был включен в сборник «Кириллова книга» в качестве 14 главы. В нем были приведены

¹⁰ Об этом сочинении см.: Каптерев Н. Ф. Оправдание на несправедливые обвинения // Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2003. С. 172–188; Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006. С. 15–113; 311–354.

¹¹ Никольский Н. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова... С. 153–154.

¹² Об этих изданиях см.: Вознесенский А. В. К истории дониконовской и никоновской книжной справы // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 148–149.

основные сочинения, в которых утверждалось двуперстное крестное знамение. Естественно, цитировалось и Феодоритово слово. В 9-й главе «Книги о вере» уже без воспроизведения соответствующих текстов единственной формой крестного знамения провозглашалось двуперстие.¹³

Противники реформ, начатых патриархом Никоном, отстаивая неправомерность нововведений, апеллировали, прежде всего, к этим печатным изданиям. Официальная Церковь попыталась объявить их не вполне соответствующими ортодоксальному варианту православия. В «Увете духовном» эта мысль проводилась в «Возглашении увещательном всему российскому народу великаго господина святейшаго Иоакима патриарха Московскаго и всея России»: «Такожде во книгах, их же мнеша они быти без погрешения, их же конечно исправить подобает, печатанья при святейших Филарете и Иосифе патриарсах...»¹⁴. Возможно, это послужило одной из причин, по которой старообрядцы в начале XVIII в. предпочли привести текст Феодоритова слова, сославшись не на московские печатные издания, как это сделал Герасим Фирсов, а на рукописи. В данном случае старообрядцы продемонстрировали вполне научный подход к решению дискуссионного вопроса.¹⁵

Кроме того, в «Увете духовном» было ясно заявлено, что так называемое Феодоритово слово не является аргументом в пользу двуперстия, поскольку не принадлежит перу этого авторитетного церковного писателя: «Еще к тому и во Феодоритовых сущих писаниях о сложении перстов, аще и поищите, но не обрящете... И вы откуда укажете, от книги ли его каковы, или от какова его послания? Аще не укажете, ведайте, яко туне и всуе уповаετε, приводяще во свидетелство писание».¹⁶ Старообрядцы в сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» сумели представить результаты обследования рукописного наследия на предмет разыскания Феодоритова слова. Перед текстом Слова было помещено описание рукописи, из которой он копировался: «Книга древняя Чюдова монастыря, в десть. А та книга в свидетелство приведена в книге новопечатной “Увете духовном”, во главе 11, на листу 159-м на обороте».¹⁷ Воспроизведя Феодоритово слово по этой

¹³ О московских изданиях сборников «Кириллова книга» и «Книга о вере» см.: Онарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

¹⁴ Увет духовный. М., 1682. Л. 67 об.

¹⁵ Именно в таком ключе, с привлечением всех дошедших редакций и списков так называемого Феодоритова слова, происходило обсуждение темы о форме крестного знамения в Древней Руси в конце XIX в. двумя учеными — Н. А. Субботиным и Н. Ф. Каптеревым. См. ответ Н. Ф. Каптерева на статью Н. А. Субботина «О перстосложении для крестного знамения (Разбор статьи г. Каптерева)», напечатанной в журнале «Братское слово» за 1887 г., опубликованный в: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2006. С. 159–226.

¹⁶ Увет духовный..., л. 129.

¹⁷ Е 383, л. 38 об.—39; Е 1703, л. 19 об.

рукописи, в конце составители еще раз подчеркнули этот факт завершающей фразой: «Дозде ис книги Никоновы, Чюдова монастыря, старописменныя». Древность рукописи, естественно, являлась для старообрядцев гарантией «истинности» написанного в ней текста. Авторитетность этой конкретной книги они подтвердили тем, что именно на нее ссылается иерарх официальной Церкви в «Увете духовном».

Далее в сборнике подробнейшим образом описана еще одна рукопись: «И паки видех книгу на Москве, в ризнице патриаршей, а на ней прилеплена бумажка и написано сице: Книга святого Феодорита, ветха в полдесть. А на затылке тако же написано число, крупныя слова, сице: 513. И в росписи книжной написано же сице: Книга святого Феодорита, ветха, писменная, в полдесть. И подпис в той книге на нижних полях на 20 листах сице: Лета 7169-го сию книгу положил в дом святого живоноснаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Новаго Иерусалима смиренный Никон, Божию милостию патриарх и прочее».¹⁸ Перечислены все внешние признаки конкретной рукописи, воспроизведена даже часть записи, причем очень точно, о чем свидетельствует написание имени «Иисус». Составителям важно было подчеркнуть, что эта рукопись принадлежала патриарху Никону, для этого процитировали его «подпис».

Все это было сделано старообрядцами для того, чтобы придать значимость этой рукописи. Самым важным для них было ее содержание, которое охарактеризовано так: «А сначала писано в той книге красным сице: Святого Феодорита. Сице благословити рукою и креститься и прочее все, якоже речеса в старописменной книге чюдовской Феодоритово о сложении перстов... То же обретается и во иных древних святых книгах Феодоритово о сложении перстов, тако же и в печатных книгах».¹⁹ Последняя часть фразы отсылала читателя к сочинению Герасима Фирсова, в котором это Слово было воспроизведено по московским печатным изданиям.

К началу XVIII в. защитники старого обряда сумели найти достаточно веские аргументы в пользу своей точки зрения. Были выявлены все рукописи, на которые можно было опираться, защищая право оставаться в оппозиции к нововведениям патриарха Никона. Они, явно отвечая на обвинения, сформулированные иерархами Русской Церкви в антираскольнических сочинениях, постарались их опровергнуть.

Затем составители продолжили цитировать произведение соловецкого инок, только в самом начале позволив себе заменить сочетание «Сей же Феодорит»²⁰ на «Святый же Феодорит».²¹ В этой части сочинение Герасима Фирсова знакомило читателей с дошедшими известиями о св. Феодорите.

¹⁸ Е 383, л. 40–40 об.

¹⁹ Е 383, л. 40–40 об.; Е 1703, л. 20 об.–21.

²⁰ Никольский Н. Сочинения соловецкого инок Герасима Фирсова... С. 154.

²¹ Е 383, л. 40 об.; Е 1703, л. 21.

Приведенную цитату из «Книги Никонской»²² автор закончил так: «Сего же блаженного Феодорита преподобный сей Никон сице свидетельствует». После этого Герасим Фирсов сослался на авторитет Максима Грека: «Подобне же сему и Максим Грек, инок Святыя Горы, в книзе своей блаженным именует его. И в Слове, еже на латинов о Святем Дусе, на многих местех воспоминает его»²³.

В начале XVIII в. старообрядцы, воспроизведя дословно этот фрагмент из сочинения Герасима Фирсова, продолжили его мысль о том, что Максим Грек «на многих местех воспоминает его», указав еще на один конкретный случай: «Тако же и в предисловии Толковья Псалтыри своего преводу глаголет о нем сице: Феодорит многоученнейший и добреучительнейший... Ведомо же да есть, яко и о иносказании многожды прилежание творити и пристоящих к нраву учительней ползе. Беседа же его еллинска есть зело и пряснейша и благодатей, и премудрости исполнена»²⁴. Этот новый аргумент не только не нарушил логику изложения Герасимом Фирсовым обсуждаемой проблемы, но еще более усилил доказательную базу.

Приведенные примеры усиления аргументации в сочинении Герасима Фирсова, предпринятые в начале XVIII в. старообрядцами при подготовке к дискуссиям с официальной Церковью, можно продолжить. Я постаралась обратить внимание на то, что составители сборников подготовительных материалов применили методы работы с исходным материалом, которые не вполне

Наталия Сергеевна Гурьянова

²² Никон черноморец (XI в.), монах Черной горы близ Антиохии, автор «Пандектов» и «Тактикона». О нем см.: Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 180.

²³ Никольский Н. Сочинения соловецкого инок Герасима Фирсова... С. 155. Ср.: Е 1703, л. 22 об.–23; Е 383, л. 42–42 об.

²⁴ Е 1703, л. 22 об.–23; Е 383, л. 42–42 об.

согласуются с нашим восприятием их как начетчиков в современном понимании этого слова. Разумеется, с вполне прагматическими целями в ситуации противостояния с официальной Церковью старообрядцы освоили новые методы работы с текстами.

Защитники старого обряда с целью опровержения точки зрения представителей официальной Церкви, изложенной в антираскольнических сочинениях второй половины XVII в., предприняли археографическое обследование книгохранилищ России. При этом они сумели уточнить точность цитирования уже отобранных к этому времени фрагментов, найти новые, подтверждающие их точку зрения на новшества, внесенные в обряд и богослужебную практику Русской Церкви в результате реформы, начатой патриархом Никоном. При этом было составлено подробнейшее описание каждой рукописи с дословным воспроизведением не только фрагмента текста, а, когда это было необходимо, и всего сочинения целиком.

Все это свидетельствовало о том, что защитники старого обряда, унаследовав высочайший уровень книжной культуры Древней Руси, сумели развить национальные традиции в условиях нового времени. Им удалось освоить вполне научные методы работы с рукописями, а также овладеть новыми приемами усиления аргументации своей позиции по спорному вопросу. Включение «Трактата о двуперстии» Герасима Фирсова в сборник подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», позволило показать, что кроме традиционного цитирования из авторитетных рукописей и старопечатных книг с точным указанием на источник, они использовали произведения, написанные первым поколением противников церковной реформы. При этом, уважительно относясь к исходному тексту, составители сумели, не нарушая авторскую логику изложения, усилить аргументацию. Это им удалось осуществить благодаря освоению вполне научных приемов работы с памятниками письменности.

АКАФИСТ БОГОРОДИЦЕ

В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ СЛУЖЕБНЫХ КНИГ ДОРЕФОРМЕННОЙ РЕДАКЦИИ И ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ИСТИННО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН СТРАНСТВУЮЩИХ)*

В богослужебной практике Православной Церкви особое место занимает акафист.¹ Среди других литургических жанров он выделяется историей возникновения, функцией, композиционной и поэтической структурой. Как известно, первоначально Акафистом называлось песнопение, воспетое в честь Богородицы 7 августа 626 г. в связи с чудесным избавлением Константинополя от иноверных.² Позднее, когда в византийской и других православных культурах стали создаваться произведения по образцу первого песнопения, термин *акафист* расширился до понятия поэтической формы и, как следствие, жанра. В пореформенной Русской Церкви акафисты составляют огромный пласт религиозной поэзии, преимущественно относящейся к сфере паралитургии. Что же касается старообрядческой традиции, то в ней сохранился только один Акафист Богородице, первый по происхождению и единственный, утвержденный церковным уставом.

Отсутствие у старообрядцев других акафистных текстов, в том числе относящихся к древнейшей византийской традиции, и имеющих славянские дореформенные переводы³ — вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Учитывая современное состояние разработки данной проблемы, можно лишь предположить, что одной из причин тому послужило отсутствие в дореформенной Руси печатных Акафистников. Московские типографии издавали Канонники, в состав которых изначально входил только вышеназванный Акафист Богородице. Западнорусское происхождение Акафистников, а также тот факт, что близкий им по структуре и содержанию Канонник (включивший акафисты «всея седмицы») был издан только после реформы в 1672 г.,⁴ по всей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–04–00318а.

¹ Акафист — ἁμνος ἀκάθιστος — неседальный гимн.

² Синокаръ в субботу пятую поста, на Похвалу Пресвятыя Богородицы, о акафисте // Триодъ постная. М., 1650. Л. 490 об.–494; *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 233.

³ О существовании русской рукописной традиции переводных акафистов см.: Акафист // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 378–379.

⁴ См. об этом: *Вознесенский А. В.* Канонник как тип книги у старообрядцев // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 356–358.

вероятности, вызвали недоверие старообрядцев и к содержащимся в данных книгах текстам, несвойственным изданиям Московского Печатного двора.

Акафист Богородице, особенно в своем оригинальном греческом варианте, имеет достаточно продолжительную исследовательскую историю, как в зарубежной, так и в отечественной науке. Данное произведение рассматривалось в историческом, источниковедческом, литургическом, догматическом, текстологическом, стиховедческом аспектах.⁵ В значительно меньшей степени Акафист привлекал внимание музыковедов.⁶

Такая ситуация вполне объяснима: Акафист в русской литургической практике (в отличие от византийской) не сформировал образцов высокоразвитой профессиональной традиции знаменного пения. Как отмечают исследователи, напевы русского Акафиста всегда существовали в устной форме. При этом основной текст читался, распеванию же подлежали лишь короткие припевы к его строфам. Данная ситуация сохраняется и сегодня не только в старообрядческой, но и в пореформенной церкви.⁷ Исключение составляет только первый кондак «Взбранной Воеводе», для которого поздние древнерусские и старообрядческие певческие книги предлагают богатый выбор вариантов напева, как знаменного, так и путевого распевов. Однако следует помнить, что данный кондак, по сути, является самостоятельным песнопением, часто исполняющимся вне связи с Акафистом.

⁵ Результаты данных исследований обобщены в статье: Акафист. С. 371–381. Среди основополагающих работ на русском языке отметим следующие: *Дмитриевский А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Казань, 1884. С. 201–204; *Попов А.* Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода: История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения. Казань, 1903. С. 22–42; *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. С. 230–236; *Аверинцев С. С.* Литература // Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 322–327; *Киприан (Керн), архим.* Литургия: Гимнография и эортология. М., 1997. С. 32–34.

⁶ Прежде всего следует назвать классическую работу Э. Веллеша. См.: *Wellesz E.* The Akathistos Hymn. Copenhagen, 1957 (Monumenta Musicae Byzantinae, Transscripta. Vol. 9). В изучении музыкальной формы Акафиста преобладают работы греческих исследователей, посвященные византийскому акафисту, характеризующемуся сложной мелизматической структурой мелодики и существующему в различных композиторских интерпретациях. См. список литературы при статье: Акафист. С. 381.

⁷ В современной практике Русской Православной Церкви строфы Акафиста обычно читает священник, припевы поются хором и молящимися на местный обиходный напев. Часть данных напевов опубликована и проанализирована в недавно изданной и, по сути, первой музыковедческой статье А. В. Соколовой, посвященной певческой традиции Акафиста: *Соколова А. В.* Акафистные напевы в традиции храмов и монастырей Центральной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2013. Вып. 2 (11). С. 128–189.

Тем не менее, учитывая уникальность Акафиста как музыкально-поэтической формы, его особые функции в старообрядческой литургической практике, а также угасание традиции его бытования, данный жанр представляет определенный исследовательский интерес, а также делает необходимой фиксацию еще сохранившихся его образцов. Материалом для изучения в настоящей работе послужили аудиозаписи исполнения Акафиста Богородице сибирскими старообрядцами-странниками.⁸ Кроме них использовались тексты Акафиста Богородицы, помещенные в Триоди постной⁹ и Каноннике¹⁰ дореформенной редакции, по которым воспроизводится анализируемый текст.

Однако прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению музыкальной составляющей Акафиста мы сочли необходимым дать некоторое общее представление о данном произведении, основываясь на ранее опубликованных работах.

Текст акафиста Богородице относится к ранневизантийской эпохе. Время его возникновения и авторство до настоящего времени остается предметом дискуссий.¹¹ Наиболее убедительной считается датировка этого произведения

⁸ Запись Акафиста в указанной традиции осуществлялась дважды — в 2001 и 2012 г. (Кемеровская аудиоколлекция 2001 г., фонограмма № 54; Кемеровская аудиоколлекция 2012 г., фонограмма № 2; личный архив автора). В обоих случаях аудиозапись выполнялась вне обрядового контекста; акафист был исполнен во фрагментах с комментариями певчих, касающимися правил чтения и пения данного текста. В иных старообрядческих традициях исполнение акафиста нами пока не зафиксировано.

⁹ Триодь постная. М., 1650.

¹⁰ Канонник большой (Семидесятник). Почаевская тип., б.г.

¹¹ В отечественной литургистике XIX — начала XX в. среди авторов Акафиста назывались современники описанных в синаксарном чтении событий — патриарх Сергей I и дьякон Георгий Писида — хартофилак собора Софии Великой, поэт и гимнограф. См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. СПб., 1902. С. 185–187; *Никольский К. Т.* Обзор богослужебных книг Православной Российской Церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. С. 300 (сн. 451); *Попов А.* Православные русские акафисты... С. 23. В западноевропейских исследованиях назывались другие имена, их список приведен в кн.: *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. С. 232; *Аверинцев С. С.* Литература. С. 322–323; Акафист. С. 373–374. Вместе с тем, уже в то время исследователи сомневались в возможности возникновения в короткий срок столь пространный и столь совершенный в поэтическом отношении текст. В частности, Т. К. Никольский, а вслед за ним А. Попов отмечали в тексте Акафиста, а также в исполняемом вместе с ним каноне св. Иосифа обильные заимствования (прежде всего в разделах так называемых хайретизмов) из одиннадцати молитв Ефрема Сирина. См.: *Никольский К. Т.* Обзор богослужебных книг... С. 300 (сн. 451); *Попов А.* Православные русские акафисты... С. 26–28. Это привело последнего из названных литургистов к необходимости более осторожной формулировки. А. Попов писал: «Можно допустить, что в ночь после победы

в достаточно широких временных границах: время правления императоров Юстиниана I (527–565) и Ираклия (610–641).¹²

В содержательном отношении Акафист не однороден. Ровно половина его строф повествовательна и связана с евангельским сюжетом — от эпизода Благовещения Богородицы до бегства Святого Семейства в Египет. Вторая часть носит догматический характер. Всю форму объединяет еще один, ведущий мотив — прославление Богородицы, сосредоточенный в так называемых «хайретизмах» — нанизывании доксологических формул, начинающихся возгласом *Χαῖρε* («Радуйся»).

Содержательный аспект текста, по-видимому, так или иначе был связан с литургической «судьбой» Акафиста. Текст на начальном этапе своего бытования в богослужебном контексте несколько раз смещался в ограниченных пределах церковного календаря, совпадая с датой празднования Благовещения Богородицы или располагаясь близко к ней. Только в X в. он занял прочное место в службе триодного цикла — на субботней утрени пятой недели Великого поста.¹³

Поэтическая структура византийского Акафиста получила исчерпывающую разработку в работах С. С. Аверинцева.¹⁴ По своему строению акафист наиболее близко соотносится с формой византийского кондака. Он открыва-

среди величаний Богоматери по имевшимся уже прославительным молитвам и песнопениям (например, по молитвам Ефрема Сирина) импровизировалось песнопение и акафистное. Но несомненно, что Акафист подвергся потом обработке, был обработан его автором — Георгием Писидой, окончательная же редакция принадлежала патриарху Сергию, который и ввел Акафист в церковное употребление» (Попов А. Православные русские акафисты... С. 30). В конце XX в. эта мысль была развита выдающимся отечественным ученым С. С. Аверинцевым, который опираясь на исследования предшественников и собственные изыскания, пришел к выводу о том, что «626 г. — не дата написания Акафиста, но хронологический рубеж, отмечающий время, позднее которого гимн не мог быть написан». См.: Аверинцев С. С. Литература. С. 323. В трудах зарубежных ученых преобладает привлекательная идея, связать авторство текста Акафиста с именем византийского гимнографа, создателя жанра кондака — Романа Сладкопевца. Данная гипотеза базируется на целом ряде доказательств, содержащихся в самом тексте произведения, в частности на том факте, что поэтическая форма кондаков Романа оказывается наиболее близкой композиции Акафиста. Тем не менее, солидаризируясь с мнением Х. Гродидье де Матона, С. С. Аверинцев справедливо указывает на различие в стилистике Акафиста и кондаков Романа: «...В Акафисте куда меньше широкого, драматического движения, размашистых словесных жестов, куда больше декоративности, изощренности, доведенной до мелочей, связующей симметрии форм» (Аверинцев С. С. Литература. С. 323).

¹² Акафист. С. 373.

¹³ Подробнее см.: Акафист. С. 374–375.

¹⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 230–236; Аверинцев С. С. Литература. С. 322–327.

ется «кукулием»¹⁵ (иначе — «проимием»¹⁶), за которым следует ряд строф — «икосов». Однако в отличие от собственно кондака данные строфы не одинаковы, а образуют двенадцать пар больших и малых строф. Большие строфы по числу строк почти в три раза превышают малые за счет дополнительных шести пар хайретизмов. Они завершаются тринадцатым хайретизмом *Χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε* («Радуйся, Невесто Неневестная»), выполняющим функцию рефрена всей формы; малые строфы завершаются вторым рефреном — «Аллилуия». Все строфы Акафиста объединены алфавитным акростихом.

Стиховая структура византийского Акафиста Богородице обладает, по выражению С. С. Аверинцева, «кристаллической правильностью»¹⁷: большие и малые строфы объединены единообразным ритмическим рисунком. Для хайретизмов, составляющих заключительные разделы больших строф, характерны строгий изосиллабизм и параллелизм тонического рисунка; каждой паре хайретизмов, в свою очередь, свойственна регулярная парная рифма, приближающаяся к панторифму.¹⁸

В славянском переводе описанная выше поэтическая структура византийского Акафиста не могла быть сохранена в полной мере.¹⁹ Ее «кристаллическая

¹⁵ *κουκούλιον* — капюшон, то есть накрывающий строфы.

¹⁶ *προίμιον* — вступление.

¹⁷ Аверинцев С. С. Литература. С. 324.

¹⁸ См. подробнее: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 234–236; Аверинцев С. С. Литература. С. 323–325.

¹⁹ История переводов Акафиста Богородице на славянский язык и их редакции — отдельная исследовательская проблема. Отметим только, что в настоящее время наиболее ранним (не сохранившимся) славянским переводом, по мнению ученых, был перевод архиепископа Феофилакта Охридского (не позднее 916 г.). Известны также особая редакция Акафиста Богородице XI в., выполненная предположительно в Киеве и зафиксированная в известном музыковедам-медиевистам пергаменном Типографском Уставе с Кондакарем (ГТГ, № К-5349; факсимильное воспроизведение см.: Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века. Т. 1. М., 2006), и другие ранние русские редакции перевода в рукописях XII–XV вв. О редакциях славянского перевода Акафиста см.: Попов А. Православные русские акафисты... С. 34–32, а также текстологические таблицы к с. 40; Момина М. А. Постная и Цветная Триодь // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 413–419. Вопрос об источнике первых печатных московских Триодей, содержащих текст Акафиста Богородице, также требует дальнейшего уточнения. Доподлинно известно только то, что издание Триоди постной 1656 г. (пореформенной) было основано на издании Киево-Печерской Лавры 1627 г. в новой редакции архимандрита Елисея Плетенецкого. Именно эта редакция легла в основу последующих синодальных изданий. См.: Карабинов И. А. Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакции и славянских переводов. М., 2004 (переизд. СПб., 1910). С. 248–292. Сравнение текстов Акафиста дореформенной Триоди постной 1650 г., на основе которой осу-

правильность» оказалась расшатанной, исчез акростих.²⁰ Тем не менее, сохранились многие риторические приемы, организующие данный текст как поэтический: синтаксический параллелизм при семантической антитезе в парных хайретизмах; гомеотелевт как «напоминание» о панторифме; постоянная анафора в разделах хайретизмов; тропы античной поэтики. Наконец, всю масштабную форму продолжают скреплять два рефрена: тринадцатый хайретизм больших икосов и Аллилуия малых. Помимо структурных закономерностей текста изменились и названия строф: большие строфы сохранили за собой наименование икосов, малые стали называться кондаками.

Включение Акафиста в литургический контекст также вносит свои коррективы в его поэтическую композицию. Прежде всего, она утрачивает свою целостность. В чинопоследовании службы в субботу пятой недели Великого поста («Суббота Акафиста или Похвала Богородице») Акафист исполняется, чередуясь с другими текстами. Согласно Триоди постной, Акафист читается в четыре приема по три пары кондаков и икосов: после каждой из положенных на субботней утрени 16-й и 17-й кафизм, а также после третьей и шестой песни канона Богородице.

В данном варианте меняется и общее представление о форме произведения. Если в виде целостной «поэмы», как указывалось ранее, кукулий «Възбранной Воеводе» представлял собой самостоятельную строфу, обособленную от основного раздела, состоящего из двенадцати пар «икос — кондак», то в литургическом варианте кукулий становится первым кондаком, характер парности строф меняется: кондак — икос, малая строфа последней пары, напротив, обособляется, становясь тринадцатым кондаком. Каждый раздел обрамляется пением первого кондака «Възбранной Воеводе». Окончание Акафиста после шестой песни составляют тринадцатый кондак «О, Всепетая Мати» в соединении с первым икосом «Ангел предстатель» и кондак «Възбранной Воеводе».

Акафистное служение предваряется ектенией малой, а также включает чтения Синаксаря «О неседельном», разделенного на три части, которые входят в состав чинопоследования после каждой из кафизм и шестой песни канона (сам текст синаксарного чтения помещен после шестой песни). Начало канона также предваряется чтением 50-го псалма (по уставу утрени), сам же канон может включать дополнительно тропари канона святому, а начиная с седьмой — обязательно — тропари триодных трипеснцев. После канона тра-

ществуется настоящее исследование, с синодальным изданием демонстрирует незначительные различия на уровне словоформ (ср.: Триодь постная. М., 1650. Л. 481–484, 486–487, 489–490 об. и Триодь постная. М., 1904. Л. 323 об.–327, 329–330). Текст Акафиста в старообрядческом каноннике полностью воспроизводит триодный вариант. См.: Канонник большой... Л. 465 об.–483 об.

²⁰ Славянский азбучный акростих сохранился только в болгарской рукописи XII в., так называемой Шафариковой Триоди. См.: Акафист. С. 372.

диционно следуют песнопение в честь Богородицы «Достойно есть», светилен, стихиры «на хвалитех», Великое славословие и служба первого часа.²¹

Музыкальный облик Акафиста формируют напев кондака «Възбранной Воеводе», принадлежащий 8-му гласу и исполняемый, согласно Уставу, «лепогласно», то есть медленно и торжественно, а также припевы «Радуйся, Невесто Неневестная» на первом кондаке и икосах и Аллилуия на остальных кондаках.

Таким образом, служба Акафисту Богородице представляет собой масштабно развернутое музыкально-поэтическое действо и формирует новую композицию, сложноорганизованную, но предельно цельную. Ее музыкальными скрепами являются три рефрена — припевы кондаков и икосов и первый кондак «Възбранной Воеводе». Строгая повторность после каждого раздела первого кондака, а также обретение последней малой строфой функции тринадцатого кондака и обратный порядок следования в завершении двух начальных текстов (икос «Ангел предстатель» и кондак «Възбранной Воеводе») формируют многоуровневую круговую композицию и придают форме в целом черты завершенности, концентричности. Сочетание акафиста с канонам Богородице 4-го гласа параллельного гласу Акафиста (ирмосы его песней также поются за катавасию) придает чинопоследованию гласовое и мелодическое разнообразие.

Для утрени Субботы Акафиста также детально разработана обрядовая сторона богослужения,²² которая, по понятным причинам, не может быть реализована в бессвященническом служении старообрядцев-беспоповцев.

Помимо непосредственного вхождения в структуру триодной службы, Акафист Богородице составляет основу особого моления, выходящего за рамки

²¹ Триодь постная. М., 1650. Л. 480 об.–499.

²² Текст Триоди постной сообщает, что после исполнения первого кондака «Възбранной Воеводе» иерей, облаченный во всю священническую одежду в святом алтаре начинает честь икос первый «Ангел предстатель», а затем остальные кондаки и икосы. «Егда же чтет иерей икосы, мы же не седим тогда, но стояще слушаем» (на чтении «О неседальном» разрешается сидеть). В то же время «параеклисиарх поставляет пред Царскими дверми лампаду на свещнице, и кадилницу со благовонными каженми». В начале пения первого кондака дьякон кадит святые иконы «и братию всю по чину». Аналогичным образом происходит и на последнем кондаке по шестой песне. На остальных чтениях кадит только иконы, иерея и «крылосы». Действо также предполагает сход поочередно правого и левого ликов в центр храма для пения кондака «Възбранной Воеводе», тогда как припевы лики поют антифонно, находясь «на крылосе»: «Подобает убо ведати и се: Яко первый лик на сходе поет кондак Възбранной Воеводе. Посем чтет иерей икос Ангел предстатель, и поет конец икоса той же первый лик Радуйся Невесто Неневестная. Второй же лик поет Аллилуию. По второй кафисме, по ектении поет на сходе вторый лик кондак Възбранной Воеводе. Первый же лик поет на крылосе Аллилуию. Второй лик поет на крылосе Радуйся Невесто Неневестная. Также поем конец у кондаков и икосов по сему указу прещения» (Там же. Л. 480 об.–481 об.).

обязательных разделов богослужебного круга и не связанного с календарем. Это чтение входит в разряд келейного правила, что роднит его с исполнением молебного канона или чтения Псалтири. Читается Акафист не по богослужебной необходимости, а по какому-либо особому случаю и, насколько можно судить, тяготеет к сфере паралитургии. Так, исполнители анализируемого Акафиста сообщили, что одно из последних чтений этого «правила» осуществлялось по просьбе «благодетелей» в качестве поминального моления о душе «некрещеного», то есть человека, не являющегося представителем страннического согласия: «Панихиду ему петь нельзя, поэтому читаем Акафист»²³.

Служение Акафиста в качестве келейного правила не обладает свойственной соборному богослужению торжественностью и структурной сложностью: текст Акафиста полностью помещается после шестой песни Богородичного канона, приближаясь в данном случае к структуре обычного молебна, расширенного за счет дополнительных текстов.²⁴ Канон непосредственно предваряют стихиры «Пресвятой Богородице Акафисту» 6-го гласа «Совет преевечный», «Являшимися яко человек», «Бог идеже хочет» и славник 2-го гласа «Иже от века таинство». Данный блок текстов полностью и без изменений заимствован из службы в пятницу вечер, предшествующей утрени Субботы Акафиста. Далее следует тропарь 8-го гласа «Повеленное таинство»²⁵ (исполняемый также на службе Акафиста после шестопсалмия и песнопения «Бог Господь») и собственно «Канон благодарен Пресвятей Богородице, ему же краегранесие сицево: Радости приятелище, Тебе подобает радоваться Единой. Творение Иосифово, глас 4»²⁶. Все группы текстов — стихира первая, предварительный тропарь и тропари канона Богородице связаны с текстом Акафиста хайретизмами.

В данном случае первый кондак-рефрен не повторяется перед и после каждой группы пар кондаков и икосов, однако завершение формы аналогично принятому на службе в Субботу Акафиста: после двенадцати пар кондаков и икосов трижды звучит тринадцатый кондак (с поклонами), первый икос «Ангел предстатель» и первый кондак «Възбранной Воеводе». Синаксарного

²³ Кемеровская аудиокolleкция 2012 г., фонограмма № 2.

²⁴ Канонник большой... Л. 465 об.—483 об.

²⁵ Данный тропарь требует особого внимания. По мнению С. С. Аверинцева, тропарь «Повеленное таинство» представлял собой первоначальный кукулий гимна Богородице, замененный позднее кондаком «Възбранной Воеводе». К этому наблюдению автора «Поэтики ранневизантийской литературы» привел тот факт, что «его [тропаря. — Т. К.] тема и, что важнее, его рефрен идентичны теме и рефрену Акафиста, его метрический облик близок метрическому облику строф». См.: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 233. В славянском переводе указанные качества, конечно, не сохранились, однако тропарь остался связанным с Акафистом принадлежностью к одному — восьмому гласу, что является дополнительным свидетельством в пользу гипотезы исследователя.

²⁶ Канонник... Л. 465 об.—467.

чтения нет, его заменяет молитва Пресвятой Богородице «Приими Всеблаготворительная, Пресвятая Госпоже Владычице Богородительнице, сия честныя дары...». Завершается же чтение канона песнопением «Достойно есть» и молитвой «Пресвятой Богородице Похвалы» «О, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, вышши еси всех ангел и архангел...», содержащей прошение о спасении всех православных христиан.

Иной выглядит и музыкальная составляющая. Пропеваются начальные стихиры, концы кондаков и икосов и заключительный кондак «О, Всепетая Мати», а также («по усердию молящихся») ирмосы и катавасии канона. Кондак «Възбранной Воеводе», в отличие от триодной службы, читается. У странников к тропарям Богородичного канона, как правило, добавляются тропари канона Господу Иисусу, что не обусловлено уставными требованиями, но является закрепившейся в традиции практикой.

Мелодические истоки песнопений, формирующих контекстное окружение Акафиста, очевидны. Ирмосы канона (в том случае, когда они поются, а не читаются) воспроизводятся по крюковой строке Ирмология. Начальные стихиры, согласно указанию Устава, исполняются на подобен «Все упование». О неременном пении этих стихир в традиции странников, а также о регулярности совершения акафистного правила свидетельствует тот факт, что песнопение-образец в конечном итоге уступило свое место первой стихире из данной группы «Совет преевечный» (пример 1). Именно с этим, а не с каноническим текстом в общине функционирует подобен 6-го гласа. Славник стихир традиционно поется по модели самогласна, в данном случае, 2-го гласа.

Что касается напевов, непосредственно формирующих облик Акафиста, то их происхождение определяется далеко не столь однозначно. Сами певчие утверждают, что эти напевы никогда нигде не записывались, а передавались только изустно. Устная форма бытования напевов в данном случае не является чем-то исключительным: в старообрядческой традиции существует обширный певческий репертуар, никогда не фиксировавшийся в письменных источниках. Однако этот факт вовсе не исключает постановки вопроса о происхождении таких напевов, их возможной связи с письменным первоисточником, либо об интонационных «ассоциациях» с другими образцами устного пласта. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Как указывалось выше, в Акафисте вокально интонируются заключительные строки каждой строфы, представляющие собой припевы «Радуйся, Невесто Неневестная» (хайретизмы) в первом кондаке и во всех икосах и «Аллилуия» — в остальных кондаках. Припевы имеют не во всем совпадающую, но сходную мелодическую структуру (пример 2). В их основе лежит единая ладомелодическая формула, маркерами которой являются одинаковое звуковысотное положение господствующего (*f*) и конечного (*d*) тонов, формирующее структуру автентического обиходного *D*; общий объем звукоряда (терция, в первом случае однократным захватом верхнего *g* расширенная до кварты); идентичное мелодическое оформление каденции: нисходящая последовательность

от верхней ступени звукоряда к нижней, акцентированное отклонение к верхнему вспомогательному и центрирование конечного тона с помощью предъема. Все это позволяет определить данные напевы как варианты, а характерное оформление каденции, ассоциирующееся с одним из вариантов развода знака знаменной нотации — хамило, заставляет предположить наличие письменного первоисточника данного напева.

В поисках источника важнейшими ориентирами служат гласовое указание Акафиста (8-й глас) и функция припевов. Представляя собой распев последней строки в строфах, они являются аналогичными так называемым «концам тропарей» — распевным завершениям читающихся текстов. Нотированные «концы тропарей» помещены в певческих Обиходах и входят в группу «Бог Господь», наряду с заглавным песнопением и исполняемой вместо «Бог Господь» в период поста Аллилуией. Припевы данной группы принадлежат системе осмогласия и располагают, соответственно, восемью напевами. По той же модели распет исполняемый после канона припев «Свят Господь Бог наш», хотя блок этих припевов в Обиходах выписывается отдельно. Кроме того, существует еще одна группа напевов, производная от той же мелодической модели — припевы вечерних псалмов «Господи, воззвах». При этом припевы-«воззвахи» представляют собой мелодически редуцированный вариант модели.

Это дает основание предположить, что простейшие в своей основе припевы Акафиста являются примером дальнейшей мелодической редукции модели «Бог Господь» 8-го гласа. Построение аналитической «партитуры» всех названных песнопений наглядно подтверждает данное предположение (пример 3). По сути, припевы Акафиста — предельно силлабизированный вариант реализации модели. Однако сохранение в напеве базовых параметров ладо-мелодической формулы — звуковысотного положения господствующего и конечного тонов, характерное оформление каденции — позволяют ему сохранить принадлежность к 8-му гласу и узнаваемость в его мелодическом облике черт письменного первоисточника.

Обратимся далее к более развернутой певческой форме — кондаку «О, Всепетая Мати». Простой напев данного кондака (пример 4), по словам исполнителей, был ими даже не выучен, а воспринят непосредственно в ходе акафистных молений. Сама же мелодия, как и певческая культура в целом, усвоена странниками от старообрядцев-поморцев, к которым старцы некогда специально направляли молодых девушек их согласия с целью восстановить утраченную в гонениях традицию. По словам исполнительниц, это наиболее распространенный напев, которым поют как «старообрядцы», так и «наши же христиане».²⁷

Кроме простого напева в традиции странников существует и другой, более распевный вариант этого песнопения (пример 5). Именно ему странники отда-

²⁷ Кемеровская аудиоколлекция 2001 г., фонограмма № 54.

ют предпочтение, считая его «очень красивой погласицей».²⁸ Ради выучивания данного напева они ездили в Мариинск, где жили «попевистые старицы» их согласия — его хранительницы: «Все поют одной погласицей, а матушка-крестная узнала, что есть христианки две, они поют еще какой-то погласицей, новой. Вот она нас специально посылала: езжайте, научитесь “О, Всепетую”...».²⁹ Тем не менее, напев этот, конечно же, не был «сочинен» самими мариинскими матушками, он вполне традиционен: «Они... тоже у кого-то научились».³⁰

Рассмотрим первоначально соотношение двух распевов между собой. «Общепринятый» силлабический образец напева состоит из шести строк, обусловленных поэтической структурой гимнографического текста. В мелодическом плане напев чрезвычайно прост, он фактически не содержит слогораспевов, за исключением одного вкрапления в пятой, предпоследней строке. Строки различаются протяженностью, зависящей от числа слогов в вербальном тексте, однако в их основе лежат две сходные по ладовым характеристикам формулы (назовем их *A* и *B*), реализованные в первых четырех и последних двух строках соответственно (пример 4).

Обе формулы относятся к одной ладовой структуре — обиходный автентический *C*, однако различаются рядом параметров. Первая формула в ладовом отношении более сложна, имеет два господствующих тона — основной *d* и дополнительный *e*, акцентируемый посредством временного выделения и предваряющего терцового опевания. Вторая ограничивается одним — *e*. Устойчиво различаются объемы звукорядов — кварта *c-f* в первом случае, терция *c-e* — во втором. Различается и способ оформления каденции. В формуле *A* — это прямое нисходящее движение от верхней зоны звукоряда к нижнему тону (*f-e-d-c*); в формуле *B* отмечается нижнетерцовая замена первых двух ступеней, что приводит к формированию иного мелодического рисунка с включением интонации «качки» (*d-c-d-e-d-c*). В условиях такого аскетического распева данные отличия следует рассматривать как существенные, а формулы *A* и *B* — как разные.

«Распевный» вариант при ближайшем рассмотрении демонстрирует значительное сходство с силлабическим. Его шестистрочную композицию составляют те же ладомелодические формулы, расположенные в аналогичном порядке: *AAAABB* (пример 5). Характерно, что все акцентные слоги в том и другом случае приходятся на одни и те же опорные тоны. Различия заключаются в том, что в строках *A* «распевный» вариант утратил устойчивый прием отклонения к верхнему тону *f*, за счет чего на одну ступень сократился объем звукоряда и изменился мелодический рисунок каденции, который в данном случае совпал с рисунком каденции строк *B*. В результате обе формирующие напев строки оказались гораздо более близкими между собой по сравнению с силлабическим распевом.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Кемеровская аудиоколлекция 2012 г., фонограмма № 2.

Таким образом, «распевный» вариант, действительно, представляет собой не самостоятельный или вновь сочиненный, а «украшенный» слогаспевами силлабический напев. Сами же элементы мелизматизации, по-видимому, являющиеся плодом исполнительского творчества мариинских матушек, сводятся к традиционным, устойчивым приемам украшения мелодии за счет проходящих и опевающих ступеней.

Изложенная выше со слов исполнителей «легенда» происхождения напевов, наряду с особенностями их мелодического строения, делает задачу поиска письменного первоисточника практически неразрешимой. Тем не менее, попытаемся сделать некоторые предположения, основываясь на анализе певческого материала.

Следует отметить, что лежащая в основе обоих напевов ладомелодическая структура, не вполне типична для 8-го гласа, указанного для Акафиста. Действительно, попытки ее сравнения со стилистически близкими силлабическими структурами самогласна, подобнов, запевов стихир этого гласа не дали результатов. Не подтвердилось и предположение о том, что напев 13-го кондака может быть вариантом поющего на службе в Субботу Акафиста первого кондака «Възбранной Воеводе». В свою очередь, обращает на себя внимание практически полное совпадение строк А в силлабическом варианте с мелодикой одной из строк подобна «Совет превечный» (ср.: строки А в примере 4 и строку 2 в примере 1), относящегося, как указывалось, к 6-му гласу. Это совпадение можно интерпретировать и как случайное, и как пример неосознанного заимствования «простой» по напеву строки из одного песнопения для другого.

Анализ состава мелодических формул невматической структуры — попевок столпового знаменного распева показал, что в 8-м гласе число формул, имеющих в качестве конечного тона ступень *с*, минимально, то есть это не типичные для гласа попевки. Среди формул с таким окончанием привлекают внимание попевка *мережа*, встречающаяся в разных, в том числе и в 8-м, гласах (пример 6а) и попевка *качалка* (пример 6б). Помимо общего конечного тона данные формулы имеют между собой и с моделями строк кондака (пример 6в) ряд интонационных совпадений. К ним относится начальное восходящее движение от второй к четвертой ступени звукоряда (*d–e–f*), следы которого очевидны в строках А силлабического варианта (*d–f*), но «теряются» в тех же строках «распевного»; в строках В обоих вариантов это движение замещено аналогичным, но расположенным секундой ниже (*с–d–e*). Акцент на третьей ступени *e*, характерный для всех строк кондака, роднит их с попевкой *качалка*. Что касается завершающих фрагментов всех строк «распевного» и строк В силлабического напевов, то можно проследить их зависимость от заключительного интонационного оборота *мережи* (*d–e–d–с–d–с*), в то время как строки А силлабического варианта в большей степени ориентированы на мелодический рисунок *качалки* (*f–e–d–[e–d]–с*).

Возникающие интонационные ассоциации с формулами столпового знаменного распева позволяют выдвинуть следующее предположение относи-

тельно происхождения обоих напевов «О, Всепетая Мати». Первоначально составляющие их строки были производны от разных попевок, *качалки* и *мережи* соответственно. Однако в процессе силлабизации (упрощения) распева постепенно происходило своеобразное мелодическое «выравнивание» строк, чему, несомненно, способствовали заложенные в самих формулах качества, такие как тождественные начальный оборот и конечный тон, сходный «качающийся» мелодический рисунок. Переход из невматического контекста в контекст силлабической стилистики на определенном этапе обусловил замену строк, образованных от попевки *качалка*, сходной строкой из излюбленного подобна «Совет превечный», а вновь привнесенные мелизматические украшения привели к практически полной унификации мелодических строк в «распевном» варианте.

Таким образом, простейший напев кондака Акафиста «О, Всепетая Мати» демонстрирует удивительный образец культуры канонического типа, когда напев, бытуя в устной традиции, приобретает способность образовывать мелодические варианты, и в то же время прочно хранить «память» о своем письменном инварианте.

Нотные примеры

Пример 1

«Совет превечный»
подобен, глас 6

1 2

Со_вет прэ_ве_чны_и, о_ткры_ва_я Тэ_бе, О_тро_ко_ви_це,

3

Га_ври_ил прэ_дъ_ста Тэ_бе, ло_бы_за_я и ве_ща_я:

4

Ра_ду_и_ся, зэ_мле нэ_на_се_я_нна_я,

5

ра_ду_и_ся, ку_пи_но не_о_па_ли_ма_я.

6

Ра_ду_и_ся, глу_би_но не_у_до_бь ви_ди_ма_я,

7

ра_ду_и_ся, мо_стэ_кнэ_бэ_сам пре_во_дя_и

8 9

и ле_стви_ца вы_со_ка_я, ю_же И_я_ков ви_де_э.

10

Ра_ду_и_ся, ру_чко бо_же_стве_нны_я ма_нны,

11

ра_ду_и_ся, ра_зре_ше_ни_с кля_тве.

12

Ра_ду_и_ся, а_да_мо_во во_зва_ни_е, и с То_бо_ю Го_сподь.

[376]

Пример 2

Припевы кондаков и икосов Акафиста

Ра_ду_и_ся, Не_ве_сто Не_не_ве_стна_я!

А_лли_лу_и_я.

Пример 3

«Бог Господь», глас 8

Бог Го_спо_дэ, и я_ви_ся нам

бла_го_сло_вен гря_ды_и во и_мя Го_спо_днэ.

конец тропаря, глас 8

Жи_во_тэ и во_скрэ_се_ни_с на_шс, сла_ва Тэ_бе.

«Свят Господь», глас 8

Свя_то Го_спо_де Бо_го на_ше

«воззвах», глас 8

Го_спо_ди во_зва_хо к Тэ_бе, у_слы_ши_ны Го_спо_ди

Припев икосов Акафиста

Ра_ду_и_ся, Не_ве_сто Не_не_ве_стна_я!

Припев кондаков Акафиста

А_лли_лу_и_я.

[377]

Пример 4

«О, Всепетая Мати»
(силлабический вариант напева)

О, Все_ пе_ тя_ я Ма_ ти,

ро_ жди_ ша_ я всех свя_ тых свя_ те_ и_ ше_ е Сло_ во,

ны_ не_ шне_ е при_ но_ ше_ ни_ е при_ ем_ ши,

от_ вся_ ки_ я на_ па_ сти из_ ба_ ви_ всех,

и_ гря_ ду_ щи_ я из_ ми_ му_ ки,

во_ пи_ ю_ щы_ я Ти: а_ лли_ лу_ и_ я.

[378]

Пример 5

«О, Всепетая Мати»
(распевный вариант напева)

О, Все_ пе_ та_ я Ма_ ти,

ро_ жди_ ша_ я в_сех свя_ тых Свя_ те_ и_ ше_ е Сло_ во,

ны_ не_ шне_ е при_ но_ ше_ ни_ е при_ е_ мъ_ ши,

от_ вся_ ки_ я на_ па_ сти и_ зба_ ви_ всех,

и_ гря_ ду_ щи_ я из_ ми_ му_ ки,

во_ пи_ ю_ щы_ я Ти: А_ лли_ лу_ и_ я.

[379]

Пример 6

а) попевка мережа меньшая, глас 8

б) попевка качалка, глас 8

в) модели мелодических строк кондака «О, Всепетая Мати»

Строка А, силлабический вариант напева

Строка В, силлабический вариант напева

Строка А, распевный вариант напева

Строка В, распевный вариант напева

ЖИТИЕ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ
В ВЫГОВСКИХ ЧЕТИЯХ МИНЕЯХ И ИКОНОПИСИ*

Великомученица Варвара принадлежит к числу наиболее известных и чтимых в Православной Церкви святых. Особый оттенок ее почитанию придает тот факт, что на киевской земле находились и находятся мощи этой святой. Изображение великомученицы часто включалось в популярную в новообрядческой традиции иконографию «Собор киево-печерских святых». В типографии Киево-Печерской лавры на протяжении XVIII–XIX вв. увидели свет многочисленные издания службы, акафиста и Жития святой Варвары. Почитание илиопольской великомученицы в старообрядческой среде еще не являлось предметом самостоятельного рассмотрения.

Елена Михайловна Юхименко и Елена Константиновна Ромодановская.
Рыбинское водохранилище, 2000 г.

Рукописная традиция жития великомученицы была подробно исследована М. А. Федотовой; напомним ее основные выводы. Популярное в Древней

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12–04–00095а «Выговские Четии Миней: исследование ново-найденных памятников»).

Руси Житие святой, существовавшее в большом количестве списков начиная с XIV в., представляло собой перевод византийского агиографического памятника. Эта единственная средневековая редакция вошла в Великие Минеи Четии митрополита Макария. Ее сменила составленная в конце XVII в. редакция Дмитрия Ростовского.¹ Собственно Житие и повесть «О честных мощах великомученицы Варвары» вошли в декабрьскую Книгу житий святых, опубликованную в типографии Киево-Печерской лавры в 1695 г.² Как показала исследовательница, Дмитрий Ростовский выполнил пересказ всех известных ему источников, устранил противоречия предшествующей редакции и дополнил ее пространным повествованием (на основе повести Феодосия Софоновича) о перенесении мощей Варвары в Киев.

Труд Дмитрия Ростовского до сих пор считался последним в ряду средневековой традиции составления таких обширных книжных сводов, какими являются Четии Минеи, содержащие жития святых и похвальные слова на каждый день церковного года. По своему фактическому отсутствию в книгохранилищах в этот ряд никогда не включались старообрядческие (Выговские) Четии Минеи, о которых было известно лишь из отрывочных свидетельств выговских источников 30-х и 40-х гг. XVIII в. и обзорной статьи Е. В. Барсова 1915 г.³ В настоящее время, после находки нами шести томов этого свода, стало возможным комплексное изучение памятника, составленного, как теперь точно известно, в 1712–1715 гг.⁴

Нами было установлено, что основой Выговских Четиих Минеи, их своеобразным «каркасом» стал Софийский список Великих Минеи Четиих. Затем он был основательно дополнен путем археографических разысканий редких списков житий преимущественно русских святых, что сделало старообрядческий компендиум самым полным сводом русской агиографии. В отдельных и весьма редких случаях составители использовали Пролог и Степенную книгу.

Отношение старообрядцев к Дмитрию Ростовскому, автору антистарообрядческого «Розыска о раскольнической брынской вере», и сам характер труда Дмитрия, широко использовавшего латинские, греческие и польские источники, заставляли нас сомневаться в том, что выговцы могли обратиться к его Книгам житий святых как к источнику, хотя сомневаться в том, что им этот труд был хорошо известен, не приходилось.

Е. В. Барсов полагал, что составление Выговских Четиих Минеи было, «по-видимому, вызвано появлением Четиих Минеи Дмитрия Ростовского, руководство-

вавшегося, как известно, критическим трудом Боландистов. Денисовы недоверчиво отнеслись к этому труду ярого гонителя староверия и потому сочли нужным составить свои Четии Минеи, близкие подходящие к целям их Выговского общецерковия»⁵. Мы полагаем, что не столько полемические интенции, сколько желание собрать воедино и максимально полно памяти русским святым подвиги выговских книжников на грандиозную составительскую работу.

Как ни странно, но именно в отношении Жития великомученицы Варвары оказалось, что оно вошло в состав Выговских Четиих Минеи именно в редакции Дмитрия Ростовского (рис. 1).⁶ По всей видимости, выговские старообрядцы, разыскивавшие и сравнивавшие различные редакции житий святых, оценили фактологическую полноту и литературные достоинства редакции Дмитрия Ростовского.

Том за декабрь, где под 4 числом помещено Житие Варвары, дошел до нас не в первоначальном оригинале, а в выговском списке рубежа 80-х — 90-х гг. XVIII в. Текст самого Жития совпадает с первым изданием «Книги житий святых» дословно. Повесть о перенесении мощей подверглась сокращению.

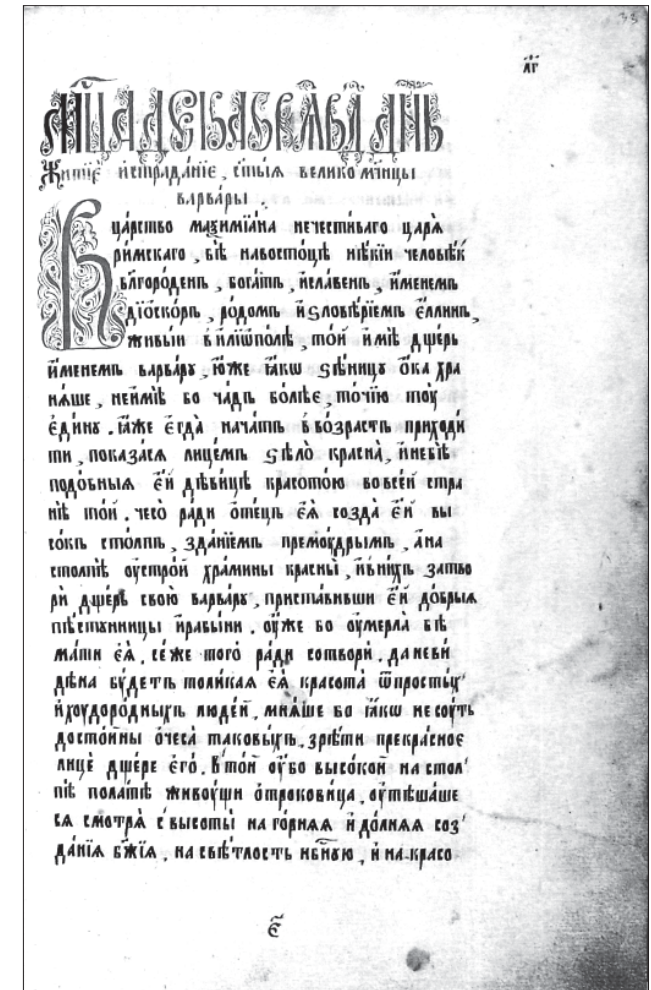

Рис. 1. Начало Жития великомученицы Варвары в составе Выговских Четиих Минеи.

Конец 80-х — начало 90-х гг. XVIII в.

ГИМ, Музейское II собр., № 86, л. 33.

¹ Подробнее см.: Федотова М. А. Житие святой Варвары в Древней Руси // ТОДРА. Т. 53. СПб., 2003. С. 76–89.

² Дмитрий Ростовский, свт. Книга житий святых (декабрь–февраль). Киев, 1695. Л. 25 об.–35.

³ Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663–708.

⁴ См.: Юхименко Е. М. Четии Минеи братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 302–308.

⁵ Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых. С. 677–678.

⁶ ГИМ, Музейское II собр., № 86, л. 33–45. Далее ссылки на листы рукописи указываются сразу после цитаты.

Как отмечала М. А. Федотова, Дмитрий Ростовский переработал написанную в 1670 г. повесть Феодосия Софоновича, игумена Михайловского Златоверхого монастыря с 1665 г. Переработка коснулась стиля изложения и количества чудес. Из 17 чудес от мощей святой Варвары, описанных Феодосием Софоновичем, Дмитрий Ростовский использовал только 8: «о гебановом ковчеге», «о Лазаре Барановиче», «о серебряной руке», «видение Феодосия Софоновича», «о двух служилых людях Андрее и Феодоре», «об освобождении из плена», «об Иоанне Райце», «о другой руке». Большинство чудес в повести Феодосия Софоновича связано с именами современников, у Дмитрия только три таких чуда — о Лазаре Барановиче, Иоанне Райце и видение Феодосия Софоновича.

Вполне понятно, что эти чудеса были неуместны в старообрядческом своде. Как Дмитрий Ростовский сократил свой источник, так поступили и старообрядцы. В Выговских Четиях Минеях содержится лишь начало Повести, в котором говорится о перенесении мощей Варвары в Киев (совпадение текстов дословное); все последующие чудеса опущены.

Выбор «новообрядческой» редакции текста Жития св. Варвары для Выговских Четий Миней — факт крайне важный. Он свидетельствует, прежде всего, о том, что выговские книжники действительно выбирали лучшие тексты, более полные и более совершенные в литературном отношении. Во-вторых, старообрядцы Выга при всей своей приверженности старине были людьми современными. Бывавшие в Киеве и посещавшие пещеры Лавры (об этом сообщает специальная глава Жития Андрея Денисова «О шестии к первопрестольному граду Киеву...»), они не могли не знать о существенном обновлении памяти святой со второй половины XVII в., когда получила письменную фиксацию легенда о перенесении мощей Варвары в Киев. В византийском тексте, составившем основу древнерусской редакции, включенной и в Четии Минеи митрополита Макария, об этом не сообщалось.

Включив редакцию Дмитрия Ростовского в старообрядческие Четии Минеи, выговские книжники придали ей новый ареал распространения. По всей видимости, именно из выговского протографа Житие великомученицы Варвары в редакции Дмитрия Ростовского переписывалось в выговском скриптории. Примером может служить сборник конца XVIII в., включающий службы и жития Евфимия Великого и Варвары Илиопольской.⁷ Примечательной особенностью этого кодекса является включение изображений этих святых в две заставки-рамки, начинающие тексты служб (рис. 2).

⁷ БАН, собр. Чуванова, № 168, конец XVIII в., 4°, 198 л., выговский полуустав, полихромные с золотом заставки-рамки, заставки, инициалы поморского орнамента. Выговский переплет, обрез окрашен красной краской. Сборник включает Службу Евфимию Великому (л. 4–24), Житие Евфимия Великого (л. 25–115), Службу великомученице Варваре (л. 117–129 об.) и Житие этой святой (л. 130–198).

Рис. 2. Заставка-рамка с изображением св. Варвары в выговском сборнике. БАН, собр. Чуванова, № 168, л. 117.

была украшена серебряным окладом, на котором имеется клеймо петербургского пробирного мастера с датой 1831 г.

В среднике святая изображена в рост, правая рука, сложенная в двуперстие, держит восьмиконечный крест, в левой — развернутый свиток. Два парящих ангела придерживают на ее голове корону. Над фигурой — изображение Нерукотворенного образа Спаса. Композиционно средник решен так, будто это отдельная, вставная икона в живописной раме.

В церковном уставе Выговского общежитства указан порядок службы на 4 декабря — на этот день приходились памяти «мученице Варваре» и преподобного Иоанна Дамаскина. В службе вечерни отмечено: «Троп<арь> муч<енице> Писан собственной».⁸

Существенен вклад Выга в создание житийной иконографии великомученицы. Сохранились две иконы, вышедшие из одной мастерской Выговского суземка.

Первая из них — с 16 клеймами Жития, из собрания Русского музея⁹ — была представлена на выставке «Символы и образы старой веры» в 2008 г. Памятник происходит из собрания Ф. М. Плюшкина и датируется первой третью XIX в. Размер: 34 × 28,5 × 2,3. Икона

⁸ Устав: Круг вселенного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря. Саратов, 1913. Л. 70.

⁹ Оpubл.: Символы и образы старой веры: Произведения старообрядческого искусства в собрании Русского музея / Авт. концепции и сост. изд. Н. В. Пивоварова. СПб., 2008. С. 29. Кат. 8.

Сюжеты клейм таковы:

1. «Живяше отроковица Варвара в полате на высоце столпе и утешашцесе смотря с высоты на горняя и дольняя и познаваше Творца».
2. Варвара беседует с девами-христианками.
3. Крещение Варвары.
4. Святая Варвара «ругается идолам» — «богам отца своего».
5. Варвара отказывается от брака.
6. Варвара приказывает прорубить в здании бани третье окно в ознаменование Святой Троицы.
7. Варвара исповедует Христа перед отцом Диоскором.
8. Варвара скрывается в пещере.
9. Диоскор мучает св. Варвару.
10. Святая Варвара в темнице.
11. Диоскор приводит св. Варвару к игемону Мартиану, который повелел бить ее воловьими жилами.
12. Явление Христа св. Варваре в темнице.
13. Мученичество св. Варвары.
14. Игемон повелевает вести св. Варвару на мученичество в город. «Ангел же Господень световидною одеждою покрыл наготу ея».
15. Усекновение главы св. Варвары.
16. «Принесение честных мощей св. вмч. Варвары от стран греческих в землю российскую во град Киев».

Вторая икона — первой половины XIX в., с 12 житийными клеймами — из частного собрания Л. И. Вольфсона (рис. 3). Средник полностью идентичен предыдущей иконе. Опушены следующие сюжеты: св. Варвара «ругается идолам» — «богам отца своего» (клеймо 4), Варвара отказывается от брака (клеймо 5), Диоскор мучает святую Варвару (клеймо 9), Варвара в темнице (клеймо 10). Обе иконы восходят к общему протографу, композиции клейм схожи, некоторые воспроизведены зеркально. В изобразительных приемах иконы из Русского музея можно выявить больше специфически «выговских» примет, что дает полное основание отнести как ее, так и икону с 12 клеймами к одному кругу памятников.¹⁰

Несмотря на обобщенность изобразительного повествования, удалось установить, какую редакцию Жития великомученицы Варвары иллюстрируют обе иконы — именно ту, которая вошла в Выговские Четии Минеи, т. е. редакцию Димитрия Ростовского. Это подтверждается не только наличием клейма, посвященного перенесению мощей святой в Киев (слева изображена группа встречающих в княжеских одеждах, среди которой видны также два белых клобука), но и текстовой близостью подписей к некоторым клеймам и фрагментов повествования Димитрия Ростовского, например:

¹⁰ Об этом круге памятников, вышедших из одной мастерской Выговского суземка, см.: Юхименко Е. М. Памятники выговской иконописи первой половины XIX в. из частного собрания // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2013. Вып. 5. С. 320–322, ил. 5, 6.

Рис. 3. Икона «Великомученица Варвара с житием в 12 клеймах». Выг. Первая половина XIX в. Частное собрание Л. И. Вольфсона.

Книга житий святых. 1695 г.

В той убо высокой на столпъ полатъ живуци отроковица, утѣшашеся смотря с высоты на горняя и долняя создания Божия, на свѣтлость небесную и на красоту земную. Единою же взираючи на небо и разсмотрѣвающи солнечное сияние, течение лунное и украшение звѣздное... (л. 26).

Возбѣсившеся Диоскор от ярости и гнѣва и естественныя к дщери любви забыв, изсуну меч свой и хотѣ дщери свою ударити. Она же ятса бѣгу, а Диоскор аки волк овцу гоняше ю... Прилучися на том мѣстѣ гора каменная, аки стѣна стояща. И не имѣ святая, камо убѣжати от руки и меча родителя... точию едино имѣ прибѣжище Бога... защищения просяше... Сотвори пред нею каменной горѣ разсѣстися надвое... Разсѣдшуся убо камени, святая дѣва Варвара убѣжа в ту разсѣлину, и абие сступиися камень сопреди... (л. 29).

Игемон же еще увѣщеваше ю... Сия словеса егда глагола святая, разгнѣвася игемон, и абие повелѣ обнажити ю. <...> Таже повелѣ мучитель на земли ю простерши, жилами волюями бити крѣпко на мног час, яко землѣ обагрится кровию ея (л. 29 об.–30).

По таковых муках повелѣ игемон... святую Варвару, на большее ея посрамление, нагу по всему граду водити с поруганием, пхающе и биюще. <...> И абие Христос Господь... ускори на помощь ей, и ангела свѣтла к ней посла с свѣтовидною одеждою, да покрьет наготу ея (л. 31 об.).

Выговские Четии Минеи

В той убо высокой на столпъ полатъ живуци отроковица, утѣшашеся смотря с высоты на горняя и долняя создания Божия, на свѣтлость небесную и на красоту земную. Единою же взираючи на небо и разсмотрѣвающи солнечное сияние, течение лунное и украшение звѣздное... (л. 33–33 об.).

Возбѣсившеся Диоскор от ярости и гнѣва и естественныя к дщери любви забыв, изсуну меч свой и хотѣ дщери свою ударити. Она же ятса бѣгу, а Диоскор аки волк овцу гоняше ю... Прилучися на том мѣстѣ гора каменная, аки стѣна стояща. И не имѣ святая, камо убѣжати от руки и меча родителя... точию едино имѣ прибѣжище Бога... защищения просяше... Сотвори пред нею каменной горѣ разсѣстися надвое... Разсѣдшуся убо камени, святая дѣва Варвара убѣжа в ту разсѣлину, и абие сступиися камень сопреди... (л. 38–38 об.).

Игемон же еще увѣщеваше ю... Сия словеса егда глагола святая, разгнѣвася игемон, и абие повелѣ обнажити ю. <...> Таже повелѣ мучитель на земли ю простерши, жилами волюями бити крѣпко на мног час, яко землѣ обагрится кровию ея (л. 39 об.–40).

По таковых муках повелѣ игемон... святую Варвару, на большее ея посрамление, нагу по всему граду водити с поруганием, пхающе и биюще. <...> И абие Христос Господь... ускори на помощь ей, и ангела свѣтла к ней посла с свѣтовидною одеждою, да покрьет наготу ея (л. 42 об.–43).

Подписи к клеймам

1. Живяше отроковица Варвара на высоцѣ столпѣ и утѣшашеся смотря с высоты на горняя и долная создания Божия, на свѣтлость небесную и на красоту земную и солнечное сияние, течение лунное и украшение звѣздное

6. Возбѣсився Диоскор, забыв естественную любовь к дщери своей Варвары, обнажи меч свой, хотя ю ударити. Она же яса бѣгу. И не имѣ святая, камо убѣжати, и моляше Бога, и притече к горѣ, аки к стѣны. И разсѣдшуся каменю, Варвара убѣжа в ту разсѣлину, и абие ступиися камень созади.

7. Игемон увѣщеваше святую Варвару, она же не покорися увѣщанию его. Повелѣ игемон обнажити дѣвицы тѣло, и на земли простерши ю бити волюями жилами на мног час, яко и земли обагрится кровию ея.

11. Посем повелѣ игемон святую мученицу Варвару нагу по всему граду возити, с поруганием, пхающе и биюще. И ангела свѣтла посла Господь, свѣтловидною одеждою да покрые наготу ея.

Рис. 4. Клеймо 10 иконы «Великомученица Варвара с житием в 12 клеймах».

Старообрядческое мировоззрение иконописца проявилось в 10-м клейме иконы из частного собрания, изображающем различные мучения Варвары: повешение на древе, строгание железными ногтями, опаление свечами и ударение молотом; в последнем эпизоде мучителю, стоящему позади святой и занесшему над ее головой молот, придано хорошо узнаваемое лицо Петра I (рис. 4).

Интересно отметить, что обе выговские иконы относятся к творческому наследию одной выявленной нами мастерской в пределах Выговского суземка, специализировавшейся на написании житийных икон. В настоящее время икон этого круга насчитывается 12. В этом центре профессионального иконописания отдавалось предпочтение житийным иконам (даже

икона «Благовещение» включает восемь дополнительных эпизодов), наиболее подробно рассказывающим о святом. Очевидно преимущественное внимание к русским подвижникам, о чем свидетельствуют две иконы «Образ всех российских чудотворцев», икона «Св. Антоний Римлянин» с житием в 12 клеймах и два образа Артемия Веркольского, с житием в 12 и 16 клеймах. Создаваемые здесь иконы, судя по составу клейм (например, на иконе Артемия Веркольского) предназначались для одноверцев, живущих во внешнем мире. Таким образом, мастерская, существовавшая в первой половине XIX в. в выговском скиту, продолжила заложенные основателями Выга традиции по собиранию и распространению агиологического материала. Написание в этой мастерской двух (!) икон великомученицы Варвары свидетельствует о том, что интерес к этой илипольской святой в старообрядческой среде существовал и поддерживался.

О самостоятельности данной иконографии свидетельствует сравнение выговских памятников с большой житийной иконой великомученицы Варвары, написанной во второй половине XVIII в. для Варваринской церкви Ярославля и содержащей 14 клейм. Как отмечают исследователи, икона также следует тексту Жития святой из Четиих Миней Димитрия Ростовского.¹¹ Кроме общего литературного источника никаких других параллелей между названными памятниками не обнаруживается. Еще более далека выговская иконография от гравюры «Святая великомученица Варвара с житием в 8 клеймах» 20–40-х гг. XIX в.¹²

Таким образом, выговские старообрядцы, продолжавшие древнерусские традиции почитания святых и в то же время не чуждавшиеся современных им литературных веяний, внесли значительный вклад в расширение почитания св. Варвары в своей среде.

¹¹ Иконы XVII–XVIII веков из собрания Ярославского художественного музея: Каталог выставки. Ярославль, 2009. Кат. 45. С. 37.

¹² ГИМ 33454 И III хром 8075, ГИМ 45857 И III хром 9697. См. также: Русские народные картинки / Собрал и описал Д. А. Ровинский. Кн. 3: Притчи и листы духовные. СПб., 1881. № 1389–1392.

«ПОВЕСТВОВАНИЕ О СПАСИТЕЛЕВЕ ОБРАЗЕ»: РУКОПИСЬ ОРКП НБ ТГУ

Сказания о местночтимых святых и чудотворных иконах в последнее время все больше становятся объектами специального исследования, издаются ранее не публиковавшиеся тексты.¹ Это вполне в русле тенденции изучения областных литератур, обозначенной еще Н. К. Пиксановым,² но активизировавшейся в последнее время.³ Исследователи отмечают, что «становление культа святых икон в крае тесно связано с процессом становления местного областного самосознания»⁴. Много внимания изучению этой проблемы уделила Е. К. Ромодановская, причем она использовала преимущественно сибирские материалы: Сказание об Абалацкой иконе Богородицы, Житие Василия Мангазейского, старообрядческие сочинения.⁵

Однако не все сибирские сочинения, относящиеся к обозначенному жанру, введены в научный оборот. Так, в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета (ОРКП НБ ТГУ) хранится рукопись «Повествование о святом нерукотворном образе Спасителеве, приносимом ежегодно из села Спасаго в город Томск».⁶ Это небольшая книга форматом в 8°, состоящая из 8 листов. Бумага белая и голубая, с филигранью: «М Фф / Гг М Герб Вятской губернии 1833»⁷ — следовательно, рукопись можно датировать 1830-ми гг. Она написана одним почерком — довольно мелкой скорописью конца XVIII — начала XIX в. и содержит минимум украшений:

¹ Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе. Новосибирск, 2000; Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII веков: Тексты и исследования. СПб., 2011, и др.

² Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928.

³ См. об этом подробнее: Ромодановская Е. К. К вопросу об изучении средневековых областных литератур // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX в. Новосибирск, 2005. С. 256–266.

⁴ Власов А. Н. Сказания и повести... С. 627.

⁵ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 83–95; Ромодановская Е. К. Литературные элементы в сибирских челобитных XVII в. // Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 337–345 и др.

⁶ ОРКП НБ ТГУ, В-3917.

⁷ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX в. М., 1959. № 384. 1832 г.

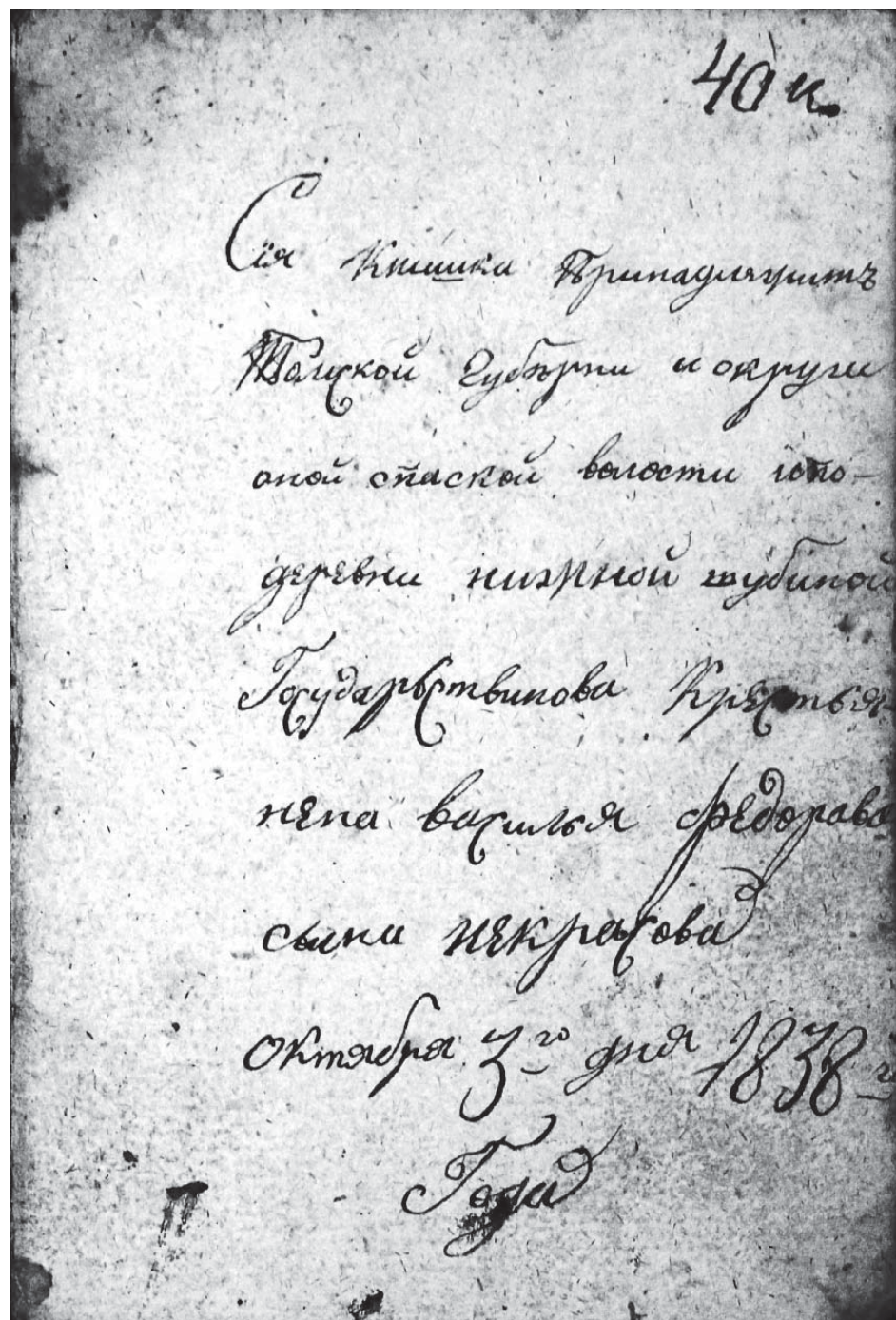

Рис. 1. Владельческая запись. ОРКП НБ ТГУ, В-3917, л. 1.

[392]

это две заставки-рамки на л. 2 и 8 и концовка на л. 7 об.; все украшения пером, в одну краску. Переплет-папка выполнен из коричневого картона. Как видно, внешний вид и орнамента рукописи весьма скромны.

На л. 1 имеется владельческая запись, выполненная чернилами, небрежной скорописью XIX в.: «Сия книжка принадлежит Томской губернии и округу оной Спасской волости... деревни Нижней Шубиной государствинова крестьянина Василия Федорова сына Некрасова. Октября 3го дня 1838го года».⁸ Источник поступления рукописи в НБ установить в настоящее время затруднительно, поскольку на ней не имеется каких-либо штампов или ярлыков. Можно предположить, что она поступила вместе с библиотекой Богородице-Алексеевского монастыря, однако прямых доказательств этому нет.⁹ Рукопись была первоначально описана Е. К. Ромодановской,¹⁰ позже ее описание вошло в состав полного Каталога славяно-русских рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета.¹¹

В составе рукописи два текста: на л. 2–7 об. вынесенное в заглавие всей рукописи «Повествование о святом нерукотворном образе Спасителеве, при-

Валерия Анатольевна Есипова.
Июнь 2012 г.

⁸ Деревня Нижне-Шубина (в просторечии — Некрасова) была основана в 1620 г. на р. Басандайке, в 19 верстах от Томска, на начало XX в. числилась в составе Спасской волости. См.: Список населенных мест Российской империи. Вып. 60: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. С. 15; Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 58–59.

⁹ В НБ ТГУ имеется ряд изданий и рукописей, поступивших из этой библиотеки; они имеют оттиск печати с надписью «Библиотеки Томского Богородице-Алексеевского монастыря. Отд... №...». Никаких подобных печатей на рукописи не имеется.

¹⁰ Ромодановская Е. К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета // ТОДРА. Т. 26. Л., 1971. С. 344–348. Описана под № 71 как рукопись с временным номером Р-23.

¹¹ Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3. XIX в., первая половина / Сост. В. А. Есипова. Томск, 2012. С. 111–113, № 38.

[393]

носимом ежегодно из села Спасского в город Томск. Чюдо первое», начало: «Придите, о христианское собрание, на слышание новаго чудотворения, еже бысть в лето от сотворения мира 7117го...». На л. 8–8 об. переписан другой текст: «Копия. Указ великого господина преосвященного митрополита Тобольского и Сибирского из его архиерейского казенного приказа в Томский Алексеевский монастырь архимандриту Порфирию». Первый текст публиковался в 1885 г. в «Томских епархиальных ведомостях»;¹² в примечании к публикации указывалось, что рукопись предоставлена в редакцию священником села Спасского П. Б-м, который сообщил, что список сказания, хранящийся в библиотеке Богородице-Алексеевского монастыря, был передан ему архимандритом Виктором. Однако целый ряд признаков не позволяет однозначно идентифицировать список НБ ТГУ с тем, который имелся в Богородице-Алексеевском монастыре.

Прежде всего, в публикации и рукописи НБ имеются многочисленные мелкие разночтения: например, в рукописи указан 7117 год явления чудотворной иконы, а в публикации — 7114; в публикации дополнительно приведен год от Рождества Христова, а в рукописи нет, слово «прихожане», употребляемое в рукописи, систематически заменено в публикации словом «парохиане» и т. д. Также в публикации не воспроизведен текст указа архимандриту Порфирию от митрополита Тобольского и Сибирского о разрешении крестного хода из села Спасского в Томск.

Пересказ текста «Повествования» помещен также в составе одного из трудов А. И. Сулоцкого.¹³ Упоминания о рукописи имеются в работах по истории иконописи Томской губернии: так, И. А. Евтихиева в статье «Иконопись Томской губернии» вкратце пересказывает содержание «Повествования», ссылаясь именно на экземпляр НБ ТГУ.¹⁴ В другой своей работе, посвященной истории крестных ходов в Томске, она уже пишет о рукописи, хранившейся в Богородице-Алексеевском монастыре.¹⁵

Изучение данного текста представляется тем более актуальным, что изложенная в нем легенда жива до сих пор, имеются многочисленные ее пересказы, в том числе, на официальном сайте Томской епархии,¹⁶ однако до сих пор не было предпринято научное комментирование и исследование текста.

¹² Томские епархиальные ведомости. 1885. 1 июня. № 11. Отдел неофициальный. С. 17–22. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349391/index.html> (дата обращения 24.01.2014).

¹³ Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сулоцкий А. И. Соч. в 3 т. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 243–246.

¹⁴ Евтихиева И. А. Иконопись Томской губернии // Художественная жизнь Сибири начала XX в. Томск, 2000. С. 187–188.

¹⁵ Евтихиева И. А. Крестные ходы по Томской земле // Сибирская старина: Краеведческий альманах. 2003. № 20. С. 15–16.

¹⁶ URL: <http://pravoslavie.tomsk.ru/news/1621> (дата обращения 12.03.2014).

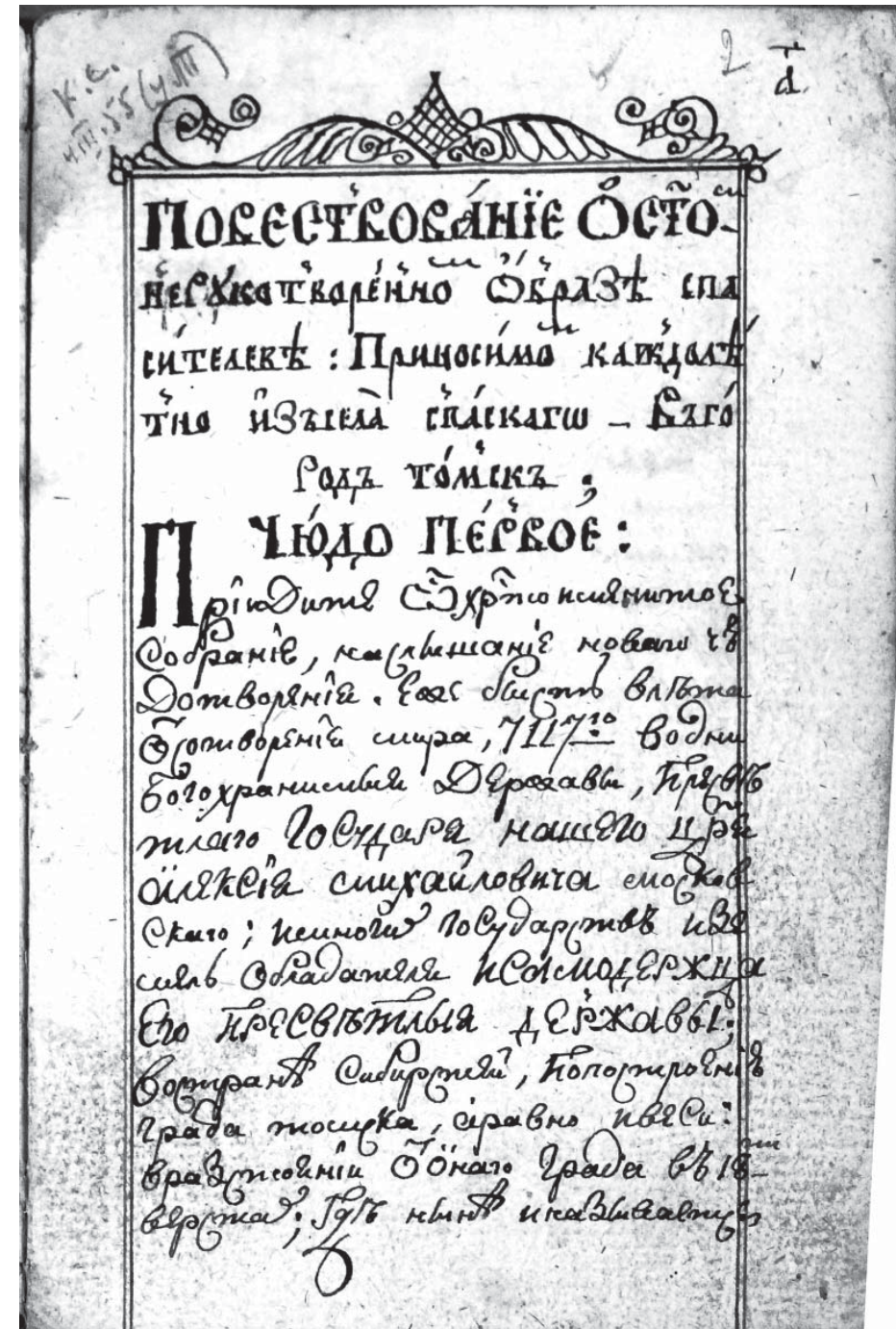

Рис. 2. ОРКП НБ ТГУ, В-3917, л. 2.

Структурно текст «Повествования» состоит из трех чудес: в первом описывается явление иконы и первое совершенное ею чудо — избавление Томска от моровой язвы. После этого церковный староста с. Спасского Иван Кафтанщиков отправляется по выбору прихожан в Тобольск, к митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию (Стаховскому) с просьбой учредить ежегодный крестный ход 29 июня. Благословение митрополита было дано в 1734 г.

Текст второго чуда значительно короче и сводится к констатации того, что образ неоднократно носили по окрестностям села, где случались «припадки на скот и стада», совершали богослужение и освящение воды, в результате чего падеж скота прекращался.

Третье чудо датировано 1788 г., и рассказ о нем начинается с того, что томский мещанин Федор Иванов Поломошнов обращается к игумену Алексеевского монастыря Палладию с просьбой поновить образ. Однако когда иконописец, «благоговейный муж» Данила Петров, начинает соскабливать с образа краску, лик на иконе не меняется. Устрашившись, действующие лица принимают решение вернуться к первоначальному плану и просто поновить икону.

Как отмечают исследователи, обретение чудотворной иконы в соответствующих сказаниях является «основным элементом фабулы... а продолжением развития событийного ряда являлся реальный акт — построение на месте обретения иконы храма или часовни...»¹⁷ — то есть сказание закрепляло на практике существующий ритуал строительства и освящения храма. В данном же случае икона писалась для уже существующего моленного дома — правда, после обретения иконы на его месте была построена церковь. Кроме того, следует отметить и своеобразие процесса обретения чудотворной иконы.

По мнению Л. И. Журовой, существенным является тип «поведения» иконы: так, явленные иконы, в отличие от принесенных или писанных, специалисты считают «народными».¹⁸ Писанная чудотворная икона обычно создавалась людьми высокого священного ранга, а принесенные иконы были обычно копиями с икон, выполненных, например, апостолами. В данном же случае перед нами своеобразный «гибрид» разных типов «поведения»: с одной стороны, икона явленная, поскольку изображение на доске возникает помимо и даже против воли иконописца и заказчиков. С другой стороны, оно возникает именно в процессе иконописания, а сам художник охарактеризован как «искусный и благоговейный».

Характер чудес, совершенных иконой, хорошо согласуется с тем, что описано для явленных народных икон: это, как правило, иконы целительные, связанные с бытовыми, повседневными проблемами.¹⁹ Однако именно эта часть описания в «Повествовании» весьма скудна: так, в тексте второго чуда лишь

¹⁷ Власов А. Н. Сказания и повести... С. 628.

¹⁸ Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе... С. 16.

¹⁹ Там же. С. 17.

констатируется, что икона неоднократно использовалась в молениях по поводу моровой язвы и падежа скота в окрестных селениях, однако никаких подробностей не приводится.

Как известно, наибольшую популярность на Руси имели сказания о чудотворных иконах Богородицы — Россию даже называли «Богородичной страной».²⁰ По всей видимости, это можно отнести и к местным иконам: так, среди приводимых А. Н. Власовым сказаний о чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края семь сказаний о Богородичных иконах и только одно — «Красноборские чудеса от иконы Нерукотворного образа Спаса».²¹ В последнем тексте гораздо больше чудес, чем в томском (десять против трех), и связаны они в первую очередь с исцелениями.

Что касается томского текста, акцент на исцелениях здесь отсутствует. Как чудо явления иконы, так и третье (и последнее) чудо связаны с ее «самовозникновением» и «самовоспроизведением». Явление представляет собой возникновение образа на доске, предназначенной для иконы Николая чудотворца: художник начинает писать образ святого, а ночью на его месте образуется Спас Нерукотворный. Третье чудо также связано с процессом иконописания: мастеру предписано соскоблить старый образ и написать на его месте новый, однако икона не позволяет счистить свое изображение, воспроизводя сама себя по мере снятия слоев краски.

Представляется, что здесь, в числе прочего, отражена и специфика иконы Спаса Нерукотворного и связанных с ней преданий. Иконографически она представляет собой изображение лица Иисуса Христа на плате. Согласно традиции, это копия чудесно обретенного оригинала: в 544 г. два нерукотворных образа Христа были найдены в нише над воротами города Эдессы — плат с изображением и отпечаток изображения на керамической плитке.²² Считалось, что больной проказой эдесский царь Авгарь просил Иисуса об исцелении и прислал художника, который тщетно пытался его запечатлеть. Тогда Иисус умылся и утерся платом, на котором и запечатлелся его лик. Доставленный в Эдессу плат исцелил царя и был помещен в надвратную нишу для всеобщего поклонения, а потом был замурован и забыт.²³

Иконографический тип Спас Нерукотворный уникален во многих отношениях: это единственная икона, где изображен только лик Иисуса, единственная, которую можно назвать «портретом». Характерно, что в томском «По-

²⁰ Булгаков С. Икона и иконопочитание. Догматический очерк. Париж, 1931. С. 3; Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе... С. 10.

²¹ Власов А. Н. Сказания и повести... С. 133–165.

²² О Спасе Нерукотворном существует обширная литература. См., например: Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008, и др.

²³ Мещерская Е. Н. Древнерусская версия легенды об Авгаре по рукописи XIII в. // Мещерская Е. Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997. С. 143–152.

Рис. 3. Икона Спас Нерукотворный из с. Спасского. Литография П. М. Кошарова. Томск, 1885.

вествовании» изображение Спаса не только иконографически относится к этому же типу, но и, согласно легенде, само является нерукотворным.

Существенной является и следующая деталь: первоначально художник был приглашен жителями села для написания иконы Николая чудотворца, каковой заказ он и пытался выполнить. В Томской губернии существовал весьма развитый культ Николая Мирликийского: известна чудотворная икона Николая, находившаяся в церкви села Семилужного, ей был посвящен один из четырех крестных ходов, совершавшихся в Томск.²⁴ Известны также упоминания современников о крестном ходе, посвященном встрече иконы из села Спасского.²⁵ Кроме того, А. И. Сулоцкий отмечает, что «в находящейся на дороге между Томском и Спас-

ским селом церкви Преображения Господня (построенной бывшими золотопромышленниками Поповыми) святая икона проводит в передний путь — ночь на 27 мая, а в обратный — день 6 августа по случаю храмового в то число в ней праздника».²⁶

Собственно икона «Спас Нерукотворный» из села Спасского (Коларово) не сохранилась; известны цветные литографии, выполненные как с нее, так и с других трех местночтимых икон известным томским художником Павлом Михайловичем Кошаровым.²⁷ А. И. Сулоцкий сообщает, что она была «в дли-

²⁴ Евтихьева И. А. Явление святителя Николая и его иконы на Томской земле: История. Томск, 2007. См. также: Евтихьева И. А. Томская икона // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 212–215.

²⁵ Поппавная (Есипова) В. А. «Пермская летопись» Ф. А. Прядильщикова и черновые материалы к ней // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. С. 138–149; Есипова В. А. Как работал сибирский историк XIX в.: Реконструкция круга источников и методов работы (П. А. Словцов и Ф. А. Прядильщиков) // Вторые Чукмадинские чтения: Книга как памятник культуры. Тез. науч.-практ. конф. (Тюмень, 23–24 нояб. 2011 г.). Тюмень, 2011. С. 25–31; ОРКП НБ ТГУ, В-786, л. 28 об.

²⁶ Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон... С. 245.

²⁷ Нерукотворный образ. Копир. Кошаров. 1885. Точное подобие иконы Нерукотворного образа, находящейся в церкви села Спасского, в 18 верстах от Томска, ежегодно приносимой в Томск с 27-го мая по 6-е августа. Ниже: Печ. дозв. С.-Петербург, 20 августа 1885 г. Цензор Архимандрит Тихон; Типо-Лит. Михайлова и Макушина, в Томске. 1 л.

ну 7 вершков, а в ширину 6, и украшена серебряною ризою».²⁸ О поновлениях иконы, помимо описанных в тексте «Повествования», неизвестно; имеются лишь данные о том, что «в 1857 году Томский (ныне Иркутский) преосвященный Парфений решился, наконец, вот на какую меру: приказал написать Нерукотворенный образ Спасителя (греческого, а с тем вместе нашего старинного письма) на стекле по размеру спасской иконы и наложить его на нее под ризу».²⁹ Не исключено, что боязнь совершать поновления иконы происходила из связанных с ней легенд, в частности — рассматриваемого «Повествования».

Естественно, возникает вопрос о личности автора «Повествования». А. И. Сулоцкий сообщает, что «все бывшее с многочисимою иконою села Спасского» было изложено 10 мая 1788 года «местным того времени священником Андреем Дулеповым», а подлинник рукописи хранился в церкви села Спасского.³⁰ Из сказанного выше очевидно, что рассматриваемый список не является автографом, поскольку выполнен в 1830-е гг. Как соотносятся автограф и рукопись, с которой текст был опубликован в «Томских епархиальных ведомостях», установить, пожалуй, сейчас уже невозможно. Действительно, известно, что работа А. И. Сулоцкого «Описание наиболее чтимых икон...», где он упоминает об автографе «Повествования», была опубликована в 1864 г.; на этот момент автограф, вероятнее всего, хранился в церкви с. Спасского. Публикация же текста в «Томских епархиальных ведомостях» последовала в 1885 г., осуществлял ее священник церкви с. Спасского, но по списку, предоставленному ему из Томского Богородице-Алексеевского монастыря, причем об автографе здесь речь уже не идет. Здесь возможны два варианта: либо в период с 1864 по 1885 г. автограф был передан из Спасского в Богородице-Алексеевский монастырь — но тогда непонятно, почему были забыты сведения о том, что это автограф; либо рукопись, хранившаяся в Спасском, была в этот же период утрачена — и следовательно, автограф не сохранился вообще, а рукопись из монастыря — лишь один из списков «Повествования». Второй вариант представляется более вероятным, учитывая тот факт, что списки «Повествования» были широко распространены.³¹

Текст, опубликованный в «Томских епархиальных ведомостях», заканчивается изложением третьего чуда. Однако в рукописи, как уже говорилось, имеется дополнение. Поскольку его текст невелик, приведем его полностью. «Копия. Указ великаго господина преосвященнаго митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, из его архиерейскаго казеннаго приказа, в Томский Алексеевский монастырь, архимандриту Порфирию. Сего 1733-го года маия 22-го дня его преосвященству в поданном города Томска Спасской церкви старостю Иваном Кофтанчиковым прошении написано: того же 1733-го года во

²⁸ Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон... С. 243.

²⁹ Там же. С. 245–246.

³⁰ Там же. С. 246.

³¹ Там же. С. 246.

отбытии его ис помянутого града Томска того ж града жители, Благовещенской церкви прихожане, просили его, Кафтанчикова, чтобы он по прибытии во град Тобольск предложил его высокопреосвященству прошением, дабы по обращению их соблаговолил его высокопреосвященство благословить их для моления и молебного пения из села Спасакого церкви местный нерукотворенный образ всемилостиваго Спаса, приносить во град Томск в Благовещенскую церковь, равно и в монастырь, в день святых славных верховных апостол Петра и Павла, к святых литургии, по единожды в год. Которое его церковного старосты Кафтанчикова прошение его преосвященство, слушав, и аще оное молебствие с ползою будет благочестивым гражданином, и не будет от того никакого либо соблазна, и между церковнослужителями распри, то оный всенародному по единожды в год во уреченный день молебствие быть позволил. О чем к тебе, архимандриту Порфирию, сей указ послан, и по сему его преосвященства указу».

Относительно упомянутых в рукописи духовных лиц можно отметить, что игумен Алексеевского монастыря Порфирий, которому адресован указ митрополита, фигурирует в фундаментальном труде П. М. Строева: он отмечен как игумен в 1726–1738 гг.³² Однако томские документы корректируют эти даты. Так, в рукописи «Сведение о Томском Богородице-Алексеевском монастыре», составленной в 1848 г., годы его игуменства отмечены как 1724–1733.³³ С этими данными согласен Ф. А. Прядильщиков, оставивший заметки по истории города Томска.³⁴

Что касается игумена Палладия, он не упомянут у П. М. Строева, но данные о нем имеются в указанных выше томских источниках. «Сведение» относит период его игуменства к 6 ноября 1786 — 22 декабря 1797 гг.,³⁵ Ф. А. Прядильщиков приводит те же годы, но не уточняет даты.³⁶ Видимо, обе справки составлены по хранившимся в монастыре документам, поскольку даты и имена игуменов в них совпадают, а Ф. А. Прядильщиков добавляет к списку следующее замечание: «По штату 1764 г. монастырь отнесен к III классу с настоятельством игуменским».³⁷

Как отмечала Е. К. Ромодановская, использование документа в агиографии направлено в первую очередь на то, чтобы «доказать достоверность всего описываемого».³⁸ «Повеествование» в этом смысле представляет собой весь

³² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 322.

³³ ОРКП НБ ТГУ, В-804, л. 10 об.

³⁴ ОРКП НБ ТГУ, В-786, л. 69. Подробнее о материалах Прядильщикова в ОРКП НБ ТГУ см.: Поплавная (Есипова) В. А. «Пермская летопись» Ф. А. Прядильщикова...; Есипова В. А. Как работал сибирский историк XIX в.

³⁵ ОРКП НБ ТГУ, В-804, л. 10 об.

³⁶ ОРКП НБ ТГУ, В-786, л. 69.

³⁷ ОРКП НБ ТГУ, В-786, л. 69.

³⁸ Ромодановская Е. К. Вымысел и документальность... С. 90.

ма специфичный текст. Если в первом и третьем чудесах упоминаются имена связанных с действием конкретных лиц, то во втором чуде нет ни названий населенных пунктов, где проводились молебствия с участием иконы, ни конкретных людей, чей скот пострадал от мора. Если обычно для текстов сибирской агиографии характерно указание имен исцеленных (например, Житие Симеона Верхотурского), то здесь ничего подобного нет.

Однако писец рукописи не ограничился только воспроизведением текста «Повеествования»; он счел нужным воспроизвести также указ об установлении крестного хода. Вероятно, это одно из проявлений отмеченного Е. К. Ромодановской явления, которое она резюмировала следующим образом: «замена документальной формы повествования подлинными документами по-своему завершает проблему доказательства достоверности повествования в агиографических и полемических сочинениях».³⁹

Ниже публикуется текст «Повеествования о святом нерукотворном Спасителеве образе». При передаче текста используется гражданский шрифт, титла раскрыты, выносные буквы вставлены в строку, пунктуация приведена по современным правилам. Комментарии к тексту обозначены астерисками («звездочками»); в них даются пояснения по допущенным в тексте неточностям и комментируются некоторые имена собственные.

л. 2

Повеествование о святом нерукотворном
Спасителеве образе, приносимом ежегодно
из села Спасского в город Томск

Чюдо первое

Придите, о христоименитое собрание, на слышание новаго чюдотворения, еже бысть в лето от сотворения мира 7117-го*, во дни Богохранимых державы пресветлаго Государя нашего царя Алексея Михайловича Московскаго и многих государств и земель обладателя и самодержца его пресветлая державы, во стране Сибирстей. По построению града Томска, а равно и веси в разстоянии от онаго

³⁹ Там же. С. 96.

* Город Томск основан в 1604 (7112) г., с. Спасское (ныне с. Коларово) — в 1620 г., на месте казачьей заставы, основанной в 1609 (7117) г. Таким образом, в тексте рукописи указан год основания поселения, позже выросшего в с. Спасское, а в публикации «Томских епархиальных ведомостей» дата исправлена на 7114 г. Обращает на себя внимание, что в качестве царя указан Алексей Михайлович, взошедший на престол, как известно, в 1645 г., что может объясняться как недостаточной эрудицией автора «Повеествования», так и использованием им в качестве образца какого-либо текста, где описываемые события происходили в царствование Алексея Михайловича.

л. 2 об.

града в 18-ти верстах, где ныне и называется // село Спасское. 1е. Поселившихся же в первых онаго жителей на горе над рекою Томью, а потом съехавши с оной горы за отдаленностью воды для жительства под гору несколько жителей на луговое место, где и живяху.

л. 3

По некоем же времени, оныя жители того села Спасского возжелаша написати образ Святителя Христова Николы чудотворца. И устроиша ему молитвенный дом, сиречь часовню. И для того призваша в свое селение из града Томска искуснаго и благоговейнаго иконописца, и проиша его, дабы написал им образ Святителя Христова и чудотворца Николы на уготованной ими дске. Той же иконописец по прошению тех жителей наложил на них пост, дондеже он ту святую икону не напишет, и назнаменава на той дске образ Святителя Христова Николы чудотворца. Воутрие же встав, хотяше оный // образ вапами покрывати, взяв иконописец оную икону, и виде изображенный образ, лице Христа Спасителя нерукотворенный, а не святителя Христова Николы лице; и о сем вельми чюдяшеся, и потом, взяв оную дску, лице Спасителя загладив, и паки назнаменава на той дске Святителя Христова Николы лице, и поставив вторительно до утрия, что будет. По прошествии же и второй нощи паки видит на оной дске назнаменован той же образ, нерукотворенный Христа Спасителя, и зело о сем чюдяшеся. Призвав же того селения жителей и поведа им о чюдеси сем, что двоекратно оный образ был на сей дске назнаменован, Святителя Христова Николы чудотворца лице, а на утрии же видя лице изображенного нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Оные же жители веси той пришедши в большое сумнение и не яша тому веры. И паки повелеша на сей дске

л. 3 об.

лице Христа Спасителя заглавити и написати в // третий раз Святителя Христова Николы лице, которое иконописец изволи им написа. Тогда написанную икону ^аизволи их^б жители от иконописца отобраша и отдаша старшим лучшим людем до утрия под сохранение, что на сие будет на утрешний день. По прошествии же третьей нощи, собравшимся всем жителям села того к иконе оной и паки видевшие, что на той дске изображен невидимою Святаго Духа благодатию нерукотворенный образ Христа Спасителя, а не лице уже Святителя Христова Николая чудотворца. Тогда вси оные христоименитии людие приидоша в великий и страшный ужас о чюдотворении образа Христа Спасителя, и быша на долог час трепетни, и недоумеваяхуся о чюдеси сем. И по сем, приидоша в чювство, и молиша того иконописца со слезами оный нерукотворенный образ Христа Спасителя написати и прикрыти вапами лице его. Тогда иконописец оной вторительно на тех жителей наложит пост до того времени, дондеже // образ сей будет покрываться вапами. Исправив же образ сей иконописец, лице Христа Спасителя, и прикрыв вапами.

л. 4

^{а-б} зачеркнуто.

Тогда оныя жители от того иконописца Христа Спасителя образ прияха на свои руце с великою радостию и со слезами и поставиша его в той устроенный ими молитвенный дом. И призвавше из града Томска в свое селение Благовещенския церкви священника, и проиша его пети молебен со акафистом и водоосвящением, и воздаша благодарственное моление с коленопреклонением и со слезами.

2е. После же того по многом уже времени, той же веси жителие, но и других окрестных деревень жителие же християне собравшеся общекупно во оную весь село Спасское, и по согласию своему во имя Святаго образа Спасителя воздвигнуша церковь и нарекоша оную весь в то время селом Спасским.

л. 4 об.

По прошествии же многих лет града Томска жители, прихожане // церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, по случаю бывшаго не по един год во граде Томске на скота и на народ моровой язвы, или сказать поветрия, вси единодушно возжелаша, дабы той Святой нерукотворенный образ Христа Спасителя во град Томский был принесен. Который же образ Христа Спасителя из оной веси, нарицаемаго села Спасского, града Томска жителями, Благовещенской церкви прихожанами, по обещанию их с подобающею честию и со всем освященным собором был принесен во град Томск. И о утолении оногo поветрия был пет молебен со акафистом и с водоосвящением и коленопреклонением и со слезами посреди града. По отпетии же молебнаго пения сей образ был поставлен в приходскую Благовещения Пресвятыя Богородицы церковь. И в то же самое время вскоре Божиим благоволением и силою Святаго // и Животворящаго Духа моровая язва и поветрие утолишася. Оный же Пречистый образ, в церкви Пресвятыя Благовещения Пресвятыя Богородицы стоящи осмь дней. Потом же отнесен был с таковою же подобающею честию во свое ему место, то есть в село Спасское.

л. 5

3е. По времени же некоем согласясь оные Благовещенския прихожане с жителями села Спасского, и со общаго своего согласия избрали избранного оной церкви села Спасского церковнаго старосту Ивана Кафтанчикова**, и послали с прошением во град Тоболск, к Его Высокопреосвященству Антонию Митрополиту Тобольскому и Сибирскому,

** Фамилия Кафтанчиков известна в Томской губернии с XVIII в. Так, по данным Переписной книги Томского уезда 1720 г., в состав Спасского стана, помимо с. Спасского, входил ряд деревень, в том числе д. Кафтанчиково, насчитывавшая к этому моменту 4 двора, а отставной солдат Иван Кафтанчиков, в ней проживавший, владел мельницей. Не исключено, что он мог являться и церковным старостой. См.: Чурсина А. А. Служилые люди Томского уезда: Хозяйственная деятельность и структура семьи в первой четверти XVIII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 4 (8). С. 17–26. Д. Кафтанчиково существует в Томской области до сих пор.

л. 5 об.

Стаховскому***, дабы он по обещанию града Томска жителей Благовещенских прихожан, по согласию того села Спасакого жителей крестьян, соблаговолил и позволил от оной веси села Спасакого от церкви, местный образ нерукотворенный Христа // и Всемиловитого Спаса приносить во град Томск, в день празднуемых Святых Верховных Апостол Петра и Павла, то есть месяца июня 29го числа****, к святей литургии и награди бы указом. По каковому их прошению Его Преосвященство той святой образ Христа Спасителя по единожды в год во уреченный день приносить и благословил. И того церковного Спасакого старосту награди от духовной консистории указом: 1734 года ежегодно во оный град Томск к означенной церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, во означенный день, то есть июня 29-го числа, приносить, а относить во оное селение село Спасское обратно месяца августа в 15 день, в великий праздник Успения Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии.

Чудо второе

л. 6

Такожде и во отдаленных окрестных местах и селениях, то есть // вверх реки Томи, и у прочих таковые же были припадки на скот и мор на людей. И от тех мест приходящие благоговейнии людие, и оный образ носяще в свои жительства со благоговением и со страхом, и служаще молебное пение с водоосвящением и акафистом, с коленопреклонением и со слезами. И абие в скором времени той упадок моровой язвы, благодатию Божиею, уничтожися. И вси христоименитии людие прославиша Бога.

Чудо третье

Потом же, в 1788 году, по испрошению Томским мещанином Федором Ивановым Полномочным***** Казанского и Алексиевского

*** Томские приходы находились под омофором Тобольской епархии до 1832 г., а первый епископ был назначен в Томск в 1834 г. Поэтому в указанный в рукописи период прихожане обращались к действующему митрополиту Тобольскому Антонию (А. Г. Стаховскому).

**** Ф. А. Прядыльщиков, оставивший черновые материалы к летописи г. Томска, отмечал четыре крестных хода, проводимых в Томске, среди которых: «27-го того же месяца (мая. — В. Е.) для встречи чудотворной иконы Спасителя, приносимой из села Спасского». См.: ОРКП НБ ТГУ, В-786, л. 28 об. Расхождение этих дат с указанными в тексте рукописи объясняется тем, что в XIX в. преосвященный Агапит (епископ Томский в 1834–1841 гг.) распорядился перенести крестный ход на 27 мая, а уносить икону 6 августа. См.: Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон... С. 245.

***** Известна д. Поломошнова, отмеченная в историко-географическом описании Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.): она относилась к Сосновскому острогу и располагалась «в 10 верстах от Моховой, на устье р. Монастырской, которая с востока впадает в Томь». См.: Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера

л. 6 об.

монастыря настоятеля, а ныне Томского, его преподобия игумена Палладия, о поновлении веси села Спасакого приносимаго чудотворного образа нерукотворенного Христа Спасителя, что у которого // было немного лице обветшавшее, и только было на нем два пятнышка белыя, и мало их знать. От онаго ж настоятеля и было позволено от него отясти той образ для поправления в город Томск. Тогда, по повелению игумену, оный образ с подобающею честью соборне был томскими со гражданы и с духовным чином соборне со звоном был встречен, и поставлен того монастыря во святую церковь месяца марта 3-го числа. Образ же оный во святей церкви в монастыре стоял 8 дней. По прошествии же осми дней настоятель, призвав того Полномощного, и приказал отыскать искусного иконописца, который и отыскал вскоре, благоговейного мужа Даниила Петрова, которого и доставил к нему игумену Палладию. Игумен же повелел препоручити оный образ Христа Спасителя тому иконописцу, и повелел ему обветшавшие на лице белыя пятнышки // поправить; образ же той Спасителей ко оному иконописцу с подобающею честью иеромонахами был отнесен в дом иконописца Петрова. На другой же день настоятель онаго иконописца призывает к себе и приказывает ему у онаго образа Спасителя старое обветшалое лице соскрести все, а написать новое. Иконописец, не преслушав настоятельского приказания, начать у того образа Спасителя лице соскрести не возмоз, лице все таковое же. Абие нападе на онаго иконописца страх великий, встав же и поиде к мещанину Полномочному, объяви ему сие, что ему настоятель игумен Палладий приказал обветшалое лице у образа Спасителя соскрести все, а написать новое. Мещанин же // Полномочной, виде сие чудо, вельми удивися и устрасися.

л. 7 об.

И взявше той образ с собою, и наскребенную с лица его краску, принесоша игумену для показания. Видев же игумен чудо сие, такожде устрасився. Абие повеле оную икону Христа Спасителя иконописцу исправить по-старому, как и есть было лице оное, а не соскрести. Иконописец же оную икону взять в дом свой, и по старому великолепно исправил, и доставил к нему, настоятелю игумену Палладию, в монастырь. Игумен же прият ю обратно с подобающею великою честью, и со всем освященным собором, и со гражданы, соборне с колокольным звоном из града Томска в село Спасское препроводил.

Богу нашему слава, всегда, и ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

ОРКП НБ ТГУ, В-3917, л. 2–7 об.

(1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 92. В начале XX в. деревня относилась к 49 благочинию Барнаульского округа. См.: ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 3986, 3990, 3989, 4256, 4150, 4399, 4407, 4649.

А. В. Пигин

«СЛОВО ОТ СТАРЧЕСТВА»:
БЕСЕДА ИНОКА ЗАХАРИИ С УЧЕНИКОМ
ЕВФИМИЕМ ОБ АНТИХРИСТЕ — МАЛОИЗВЕСТНОЕ
СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XIX в.

Широкое распространение в старообрядческих рукописных сборниках середины XIX — начала XX в. получило произведение, имеющее в большинстве списков следующие заглавие и инципит: «Слово от Старчества, лист 283 (вариант: 285) на обороте. Инок Захария ко ученику своему Евфимию в малой обители на горах...». Произведение построено как беседа опытного мудрого старца инок Захарии с его духовным сыном Евфимием «о антихристѣ, и о прелѣсти его, и о признаках воинства его» и о возможностях спасения в последние времена. Евфимий задает вопросы — и получает на них от старца подробные ответы, которые записывает на «хартии» и объявляет в своем монастыре только после смерти учителя. Действие отнесено к неопределенному прошлому, речи старца Захарии подаются как пророчество о скором будущем («вся сия скоро будут»). Сочинение представляет несомненный интерес для изучения эсхатологических воззрений русских старообрядцев XIX в. и литературных особенностей поздней старообрядческой письменности.

«Слово...» попадало в поле зрения исследователей, но интерес к этому памятнику ограничивался большей частью краткими его упоминаниями. Так, П. С. Смирнов и Т. С. Рождественский привели цитаты из «Слова...», характеризуя отношение старообрядцев к воинской повинности.¹ Я. Ильинский опубликовал его текст в окружении старообрядческих духовных стихов о Страшном суде и бегстве в пустыню, записанных в Ярославской губернии, как произведение, в котором «особенно ясно выражено отрицательное отношение автора к усвоению русской интеллигенцией европейского образа жизни».² Е. А. Агеева и А. А. Турилов упомянули «Слово...» среди «самобытных апокрифических сочинений» старообрядцев, появление которых в XVIII–XIX вв. было обусловлено полемикой между формировавшимися старообрядческими согласиями.³ Н. С. Гурьянова включила «Слово...» в число старообрядческих

¹ Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 5; Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. СПб., 1912. С. XXVI.

² Ильинский Я. Народные апокрифические сказания, записанные в Ярославской губернии // Живая старина. 1906. Вып. 1, отд. 2. С. 51–53.

³ Агеева Е. А., Турилов А. А. Апокрифы у старообрядцев // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 57–58.

сочинений XIX в. «о Петре I — антихристе». Анализируя разнообразие жанровых форм, использованных в этих произведениях, исследовательница пришла к следующему выводу: «Наиболее четко в жанровом плане выделяется пророчество, в котором доказательство того, что Петр I — антихрист, сводится к предсказанию, вложенному в уста какого-либо благочестивого прорицателя. Например, в сочинении “Слово от Старчества” — в уста пророка Захария».⁴ Принадлежность «Слова...» к данной тематической группе — «о Петре I — антихристе» — можно признать только с одной оговоркой: имя Петра I в «Слове...» не упоминается, но описанная в нем «прелесть» антихриста действительно соотносится с теми реалиями, которые пришли в русскую культуру в эпоху европеизации. Среди них — новое воинское обмундирование и оружие, бритье бород, модная европейская одежда, чаепитие и т. д.

Убеждение в том, что «священнический и иноческий чин отнюдь истребится», неприятие государственной власти и ее символики (двуглавого орла, которого будут носить на своих головных уборах солдаты), отрицание брака — все это заставляет видеть в авторе «Слова...» представителя беспоповского направления русского старообрядчества, скорее всего, его наиболее радикального, страннического, согласия.⁵ «Слово...» получило распространение на Севере, среди старообрядцев Олонецкой, Архангельской, Вологодской губерний и Прибалтики, читалось в Ярославской губернии, в Стародубье и Новороссии,⁶ известно и в рукописях сибирского происхождения.⁷ Наиболее ранние его списки датируются 1850-ми гг.⁸ — по-видимому, на рубеже 1840–1850-х гг. или чуть раньше оно и было создано.

Текстологический анализ 40 списков «Слова...» позволил выделить две его редакции: Основную (35 списков) и редакцию «с самоваром» (3 списка).⁹ В

⁴ Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX в. «о Петре I — антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 148, 153. В статье указан единственный — дефектный — список сочинения (ИРАИ, coll. Н. С. Плотникова, № 17), содержащий лишь начало текста.

⁵ См.: Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.

⁶ См.: Перекрестов Р. И. Ксенос. Клины, 2013. Кн. 1. С. 391.

⁷ См.: Панич Т. В., Титова Л. В. Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. С. 114; Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 159, 163, 164. К сожалению, с этими сибирскими списками нам ознакомиться не удалось.

⁸ Так, список ИРАИ, Вологодское собрание, № 92, л. 2–9 об., датируется по записи писца 1852 г.: «Выписано мещанином Иоаном Васильевым 1852 года...» (л. 9 об.).

⁹ Еще два списка сохранили текст лишь частично, что не позволяет надежно отнести их к тому или иному варианту: 1) ИРАИ, coll. Н. С. Плотникова, № 17, л. 1–1 об., сохранилось лишь самое начало текста до слов: «...и хвост имуще, на главах имут носить орла, о немже...»; 2) ИРАИ, собр. Отдельных поступлений 23, № 282; текст сильно сокращен, фрагменты переставлены местами.

свою очередь, списки Основной редакции распадаются на три группы. Первоначальный текст «Слова...» передают, как нам представляется, списки первой группы: собеседник старца Захарии именуется здесь Евфимием, в заглавии или в заключительной части текста содержится ссылка на печатную книгу «Краковской» (варианты: «Крековской», «Красовской», «Грековской» и др.) «друкарни», из которой якобы выписано «Слова...».¹⁰ Текст во второй группе списков содержит незначительные пропуски и перефразировки, упоминание «Краковской друкарни» здесь отсутствует, но имя Евфимия сохраняется; характерной приметой этих списков является явно вторичное и ошибочное чтение «лентие идолопарственное» (вместо «листвие идоложертвенное»)¹¹. Наконец, в третьей группе списков имя Евфимия заменяется на Стефана, чтение «Краковская друкарня» сохраняется; среди мелких новых чтений и перефразировок особенно показательно небольшое уточнение: «И мнози будут скрывать струпы греховныя, а *отче* данныя *седьм* епитемий выносить не будут...». Такой вариант текста получил распространение преимущественно среди старообрядцев Латгалии.¹²

¹⁰ ИРЛИ, Вологодское собр., № 92, л. 2–9 об.; № 105, л. 22–24 об.; ИРЛИ, колл. В. М. Амосова–А. Ф. Богдановой, № 91, л. 31 об.–36 об.; ИРЛИ, колл. В. М. Амосова–А. Ф. Богдановой, № 115, л. 54 об.–56; ИРЛИ, Карельское собр., № 72, л. 65–74 об.; ИРЛИ, колл. Н. С. Плотникова, № 51, л. 5 об.–9; ИРЛИ, Пинежское собр., № 430 (отдельная тетрадь, 9 л.); ИРЛИ, Латгальское собр., № 55, л. 94 об.–99 (сохраняется имя Евфимия, но имеются и чтения третьей группы); ИРЛИ, Латгальское собр., № 192, л. 31–32 об.; ИРЛИ, Красноборское собр., № 231, л. 1–3 об. (ссылка на «Краковскую друкарню» снята; в конце новое чтение: «И Господь рече: „Якоже бысть во дни Ноевы и Лотовы, тако будет и при последних днех“»); ИРЛИ, собр. Отдельных поступлений 24, № 158, л. 1 об.–7 (пропуск текста в середине, сокращен финал); БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 443 (отдельная тетрадь, 8 л.); РГБ, ф. 916 (собр. Д. В. Пересторонина), № 15, л. 236–238 (Евфимий заменен здесь на Епифания); Сыктывкарский гос. ун-т, собр. Ю. В. Гагарина, № 11, л. 476 об.–481; Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, КП 42444/Кр 493, л. 54–58.

¹¹ ИРЛИ, Карельское собр., № 52, л. 26–30 об.; ИРЛИ, Карельское собр., № 76, л. 66 об.–69; ИРЛИ, Карельское собр., № 257, л. 10–15 об.; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 292/33, л. 10 об.–15 об.; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 385, л. 306–309 об.; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 636, л. 1–5; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 768, л. 71–77 об.; ИРЛИ, колл. И. Н. Заволоко, № 60 (отдельная тетрадь, 6 л.); ИРЛИ, колл. В. М. Амосова–А. Ф. Богдановой, № 96, л. 65 об.–71; ИРЛИ, Пинежское собр., № 40, л. 4–8 об.; ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, л. 246–251; ИРЛИ, Красноборское собр., № 201, л. 1–2 об.; ИРЛИ, Красноборское собр., № 264, л. 1–3 (недописан, кон.: «...и на главах имут носить роги скотския и змиины, уподобятся бесом, лица...»).

¹² ИРЛИ, Латгальское собр., № 69, л. 167–169; ИРЛИ, Латгальское собр., № 70, л. 126 об.–129 об.; ИРЛИ, Латгальское собр., № 226, л. 240 об.–243 об.; ИРЛИ, Латгальское собр., № 313, л. 22–25; ИРЛИ, Латгальское собр., № 335, л. 41–45 об.; РГБ, ф. 722 (собр. единичных поступлений), № 552, л. 12–15 об.; РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 650.1, л. 10–17.

Редакция «с самоваром» восходит к Основной редакции, к тексту первой группы списков.¹³ Исходный текст оказался дополнен здесь вставками о греховности венчания от «еретиков» и о «самоваре-сатане», причем теме чаепития уделено гораздо больше внимания.

Основная редакция
(ИРЛИ, Вологодское собр.,
№ 92, л. 7 об.–8)

И будут пиющи утро и вечер и полудни, и тѣм честь дѣюще, и не вмѣнят в грѣх.

И за то мнози снидут во ад с прелстившимся их.

Аще же кто в то время сохранит себя от всех соблазнов, то вящше в первых мученик обрящется. Внимай, чадо, вся сия будут скоро. Аще имущим ум и прельстившимся ни во что вѣмѣнят.

Редакция «с самоваром»
(ИРЛИ, Карельское собр.,
№ 95, л. 104 об.–107)

И будут пиюще утро и вечер и полудне, и тѣм честь дѣюще, и не вмѣнят в грѣх, из нѣкоего странного сосуда, изъ-внутри огонь исходящъ, о немже страшно и рещи. Имя сатаны — самовар. И за то мнози снидут во ад с прельстившими их.

Аще кто в то время сохранит себя от всех соблазнов, той вящши первых мученик обрящется. Внимай, чадо, вся сия скоро будут. Аще имущии ум и прельстившиися ни во что вѣмѣнят, той горше всех отступник будет. Аще кто от еретик вѣнчается, тот от слуг его печать приемлет душевную и телѣсную, а сердце его исполнено страха и трепета, боится и трепещет и покаяния ищет, како бы муки избыти вечныя. Аще кто к самовару прикоснется, той самому сатаны поклонится. Аще кто чаю напьется, той от руки его причастится, той исполнится душа погибели, и сердце и ум его омрачится, и ни во что вѣмѣнит, и не может истинно покаяться и в концѣ живота своего, работая сатаны всею силою и сладостию и любовию, а не тяжело и не трудно.

Когда исполнится число зверино 666 лѣто, тогда воздвиже сатана на христианы

¹³ Редакция известна нам в 3 списках конца XIX — первой четверти XX в.: ИРЛИ, Карельское собр., № 95, л. 98–108; ИРЛИ, Карельское собр., № 265, л. 254 об.–256 об. (текст записан в конце XIX в. на свободных листах рукописи второй половины XVIII в.; сильно сокращен); Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, КП-10238, л. 18–26 об.

вение гонѣние и мучение. То видит, колико болѣе муки воздвизая, толико болѣе мучеников во Царство Небѣсное посылая. То видит, что ему не радость, преста мучение, помедли мало и умыслив другою кознию, тончайшею вервию и сладчайшею пищею, да волею поклонятся и на деньги купят цари и князи и духовная. И не будет того дому, дабы сатану не почтили и самовара на престолѣ не поставили и от руки его причастие не приняли. И исполнится вся земля погибели. Тогда будет страшное Христово пришествие.

Спасайся, чадо, пойдѣ с миром...

Спасайся, чадо, пойдѣ с миром...

Содержание рукописных сборников, включающих «Слово...», составляют обычно повести и поучения из патериков, Пролога, «Великого Зерцала», различные старообрядческие сочинения. Достаточно часто в окружении «Слова...» встречаются федосеевское сочинение «Апокалипсис седмитоковый» и другие эсхатологические сочинения, различные нравоучительные произведения о табаке, матерной брани, хмельном питии, чаепитии, поздняя старообрядческая повесть о «скверном бесе и непокровенных сосудах», «Адская газета» и т. д. Рукопись из Каргопольского музея (КП-10238, 1922 г.) имеет странное происхождение, содержит, кроме «Слова...», подборку сочинений о старце Филиппе (основателе филипповского согласия) и выписки на тему бегства. Сборник ИРЛИ, Латгальское собр., № 55 (1883 г.) представляет собой рукописный список с печатного «Цветника» (Почаев, 1794),¹⁴ дополненный Мучением Кирика и Улиты и «Словом...». Название «Цветник» использовано и в заглавии рукописного сборника ИРЛИ, Латгальское собр., № 69, составленного старообрядцем Ананием Архиповым в 1907 г. «Слово...» помещено здесь между поучениями Кирилла мниха и Иоанна Златоуста о Втором пришествии. Еще в одном сборнике того же латгальского книжника (ИРЛИ, Латгальское собр., № 70, 1907–1925 гг.) собраны поучения Отцов Церкви на тему Страшного суда и душеполезные повести.¹⁵ Рядом со «Словом...» находится «Извещение от ангела Божия преподобному отцу Макарию», в котором повествуется о загробном воздаянии и о времени наступления конца света. Как и «Слово...», «Извещение...» написано в форме беседы, вопросов и ответов.

¹⁴ См.: Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века. Каталог. Л., 1991. С. 33 (№ 35).

¹⁵ Описание указанных латгальских сборников см.: Маркелов Г. В. Латгальская рукописно-книжная традиция. Материалы к изучению // ТОДРА. Т. 42. Л., 1989. С. 423, 425–426.

Среди рукописных сборников со «Словом...» особый интерес представляет рукопись третьей четверти XIX в. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66 (далее — УЦ-66), составленная известным старообрядческим печорским книжником, редактором древнерусских сочинений И. С. Мяндиным (1823–1894). История изучения мяндинских переработок древнерусских повестей, житий, апокрифов, поучений и т. д. насчитывает в настоящее время уже не один десяток публикаций, подготовленных начиная с 1961 г. В. И. Малышевым, Н. С. Демковой, О. В. Твороговым, Е. К. Ромодановской, Е. К. Пиотровской, Т. Ф. Чалковой, А. Г. Бобровым, Е. А. Рыжовой и многими другими исследователями. В последние годы систематично и целенаправленно этот интересный материал изучает Т. Ф. Волкова со своими учениками из Сыктывкарского университета.¹⁶ Обобщая многолетние наблюдения над мяндинскими переработками, исследовательница отмечает, что «работа над чужим текстом велась И. С. Мяндиным с разной широтой охвата основных формальных и содержательных уровней произведения — от минимальной правки стиля, синонимических замен и небольших сокращений до полной переработки сюжетно-композиционной структуры и практически замены текста источника собственным текстом».¹⁷ Сборник УЦ-66 принадлежит к числу наиболее известных мяндинских рукописей; в его состав входят уже исследованные мяндинские переработки Повестей о царице и львице, о Димитрии Басарге, о посаднике Щиле, Сказания об Александре Македонском, новелл из «Великого Зерцала». Рукопись включает также старообрядческую компиляцию «Миробытную историю», Повесть о хмеле, слова из Пролога, отдельные жития, в том числе Житие Корнилия Выговского, и разнообразный другой материал.¹⁸

Как показал текстологический анализ, мяндинский список «Слова...» принадлежит ко второй группе списков Основной редакции, то есть отражает не самую раннюю стадию текста. Вариант Мяндина отличается от других списков этой группы только одним чтением, которое, по всей видимости, и было включено печорским книжником. В монолог Захарии о греховности чаепития и употребления сахара он добавил цитату из книги пророка Исаии (Ис. 5:11): «...будут пьюще утру, и вечеру, и полудне, тѣм честь дѣюще и не вмѣнят в грѣх. О таковых рече пророк Исаия: "Горе востающим заутра и пьющим секир и ждущим вечера, вино бо сожжет я". О, горе достигшим сих времен! За то бо мнози снидут во ад с прельстившимися их» (л. 249 об.–250). Благодаря этой

¹⁶ См.: Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРА. Т. 57. СПб., 2006. С. 839–890.

¹⁷ Там же. С. 850.

¹⁸ Описание и общую характеристику сборника см.: Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 112–115; Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Печорские редакции средневековых повестей: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2005. С. 44–46.

Вюрцбург, 2001 г.

цитате чаепитие оказалось приравнено к пьянству.¹⁹ Это отождествление поддерживается и другими статьями УЦ-66, примыкающими к «Слову...» и образующими с ним единый тематический блок. Вслед за «Словом...» переписана статья «О омраченном пьянствѣ и послѣдствии его»; далее следуют выписки со ссылкой на «книгу Зиноря» (то есть Зонары) о тех наказаниях, которые ожидают любителей чая, кофе и табака; завершается эта подборка статей без заглавия, в которой опять поднимается тема «безмерного пьянства», светских увеселений и женских украшений. Данный пример свидетельствует о том, что Мяндин тщательно продумывал последовательность статей в своих сборниках, объединял их в тематические циклы.

Тема греховности чаепития, судя по всему, привлекала к себе особое внимание читателей, воспринималась как центральная в этом памятнике. Так, в колонтитуле одного из списков предлагается новое заглавие «Слова...»: «О прелести антихристовой, и о чаю и сахарѣ» (Сыктывкарский гос. университет, собр. Ю. В. Гагарина, № 11, л. 479 об.–480). В некоторых рукописях рядом со «Словом...» помещались другие статьи, посвященные чаю, сахару и самовару. Интерес к этой теме воплотился и в новой редакции «с самоваром», где она получила свое развитие.

Как известно, в старообрядческих беспоповских общинах чаепитие было категорически запрещено.²⁰ Не случайно вопрос о чаепитии мог включаться в чин исповедания: «не пивал ли чаю... по небрежности, а наипаче по бестрашию Божию?»²¹. Уставные документы старообрядцев-странников предусматривали суровое наказание за этот грех: «Аще кто-либо из христиан будет пить чай <...> таковых подвергать отлучению»²². Согласно устным старообрядческим легендам, чай является «нечистым», «проклятым» растением, потому что посеян Сатаной и не поклонился Христу (или «один расцвел») во время Его распятия, «идет против Бога». Перед концом света чай, хмель и

¹⁹ Сближение чаепития и пьянства характерно и для других старообрядческих сочинений, ср.: «Аки малии младенцы без матерня сосца не могут быти, тако ныне мннии христиане без чаю и без вина не могут единого дня пребыти. <...> И наипаче богомерзское пьянство, чай и вино, возлюбили» (ИРАИ, коллекция Богословского, № 27, л. 207).

²⁰ См., например: *Аристов Н. Я.* Раскол в Симбирской губернии (исторический очерк) // Православный собеседник. 1877. Февраль–март. С. 216; *Чувьуров А. А.* Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев // Пир — трапеза — застолье в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2005. С. 125–143; *Прокуратова Е. В.* Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: Книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010. С. 58–59.

²¹ *Покровский Н. Н.* Чин исповедания сибирских бегунов-странников XX в. // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 249.

²² *Прокуратова Е. В.* Старообрядческая культура Коми края... С. 59.

табак привлекают к Сатане людские души.²³ «Чайная тема» достаточно часто затрагивается и в книжных эсхатологических и нравоучительных сочинениях старообрядцев XVIII–XX вв. — от кратких статей в форме «выписок» с ложными ссылками на разные источники («Книга Адаманти», «Стоглав», «Камень веры», «Книга Златоструй» и др.) до более объемных сочинений, написанных в жанре поучения или послания (Послание поморского книжника Г. Н. М. в Москву о Божием наказании любителя пить чай, конец XVIII в. (ИРАИ, колл. С. Г. Евсеева, № 7); «В разумление и в познанию истины в безверии живущем рабом...», 1895 г. (ИРАИ, Карельское собр., № 122) и др.).²⁴

Запрет на чай объясняется его поздним появлением в России («по пронаписанной брани с самим диаволом по числу лет 1666-го»)²⁵ и «басурманским» происхождением: чай не произрастает в православных странах, но привозится от «нечистых» народов. Как утверждает один старообрядческий автор, «чай имѣет расти и собираем быти во странѣ нечистой и бусарьмайстѣй и ядущей всякую нечистоту, за что и подлежит многим народным отголоскам нѣкая имѣть сопричастная к нечистотѣ при собрании онаго и произведении в таковой вида и свойства порядок, почему для вѣрных и сумнителен для употребления»²⁶. Как и в «Слове...», родиной чая в большинстве текстов называется Китай (ср.: «пролетит китайская стрела чрез всю вселѣнную, то есть чай»),²⁷ где это растение используется в совершении каких-то местных религиозных обрядов, для поклонения «идолам». Как утверждает автор «Слова...», листья чая окроплены змеиным жиром, потому что китайцы «змию поклоняются вмѣсто Бога». О почитании китайцами «змия» (дракона) хорошо знали на Руси уже с конца XVII в. по заметкам путешественников и дипломатов, в частности Николая Спафария.²⁸ Восприятие чая как «идоложертвенного» растения — общее место старообрядческих сочинений на эту тему.

²³ См.: У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М., 2014. № 305, 307, 327.

²⁴ Подробнее см.: Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. // Живая старина. 2014. № 4. С. 34–37.

²⁵ Послание поморского книжника Г. Н. М. в Москву о Божием наказании любителя пить чай // ИРАИ, колл. С. Г. Евсеева, № 7, л. 191 об. В действительности русские познакомились с чаем благодаря контактам с китайцами уже в XVI в., в период освоения Сибири. Однако в повседневный пищевой рацион россиян чай действительно стал входить только с конца XVII в. (см.: Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 190–191).

²⁶ «О чаю, и о кофии, и о винѣ, какое было в монастырѣх» (Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, КП-10240, л. 1 об.–2 (конец XIX — начало XX в.)).

²⁷ «Книга Златоструй, глава 232» (Петрозаводский гос. университет, № 1077431, л. 257 (1860–1870-е гг.)).

²⁸ См.: Из «Описания Китая» Николая Спафария // ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 546.

Подозрительное отношение к чаю вызывало и само созвучие этого слова с названием одного из тяжчайших грехов — отчаяния: «Аще кто дерзнет пити чаю, той отчаеся сим самого Господа Бога и да будет предан трема анафематствами» (ИРАИ, Карельское собр., № 34, л. 2). Вариации этой формулы вошли в устную традицию как поговорки: «Кто пьет чай, тот отчаянный», «Кто пьет чай, тот спасения не чай». В рукописях XVIII–XX вв. «правило» о чае сопровождается подобными же запретами на употребление кофе и табака. Эти псевдоканонические «выписки» приводятся обычно со ссылками на Иоанна Зонару («Иоанна Назаря», «Зиноря» и т. п.) и Феодора Вальсамона — византийских канонистов XII в., составителей толкований на церковные правила номоканона.²⁹

Греховность чаепития усугубляется использованием сахара, поскольку в него, как утверждают старообрядческие авторы, добавляют кровь и золотые кости, «которые собирают в полѣ, зря, какая попадетсѣ: лошадиная, кошачья и собачья».³⁰ Этот аргумент против сахара приводит и автор «Слова...»: «...будет составлена сладость от песка и костей мертвых всяких нѣчистых и крови скотской на осквернение». Запрет на использование сахара, который отваривается вместе со «скотской кровью», и тех продуктов, куда он добавляется (пряников и др.), вошел в уставные документы Выговской поморской пустыни XVIII в.³¹ Эти представления имеют под собой определенные основания, так как для очистки тростникового сахара в промышленном производстве использовались угольные фильтры из переработанных говяжьих костей.

Поскольку чай является растением «идоложертвенным», самовар трактуется в старообрядческих нарративах как «сатанинский жертвенник». Жертва приносится «богу — своему чреву», а обряд совершают «чайники» (любители чая) — «идольския жрецы». Для полного тождества с языческим жертвоприношением чай сравнивается с кровью: «Людие же хотящи исполнити сию кровавую воду во уста своя и поглощающе во свое чрево, яко в нѣкое пространное влагалище».³² Самовар именуется также нередко «медным змеем» и «кумиром».

Для эсхатологических верований старообрядцев-беспоповцев очень характерна способность открывать зловещие свойства предметов, казалось бы, самых обыденных. Любое новшество, будь то телефон, телевизор, радио, те-

²⁹ Эти подборки о чае, кофе и табаке несколько раз публиковались (см., например: Б[рокович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 338).

³⁰ «О чае и сахарѣ, глава 30, лист 181 оборот» (ИРАИ, Латгальское собр., № 192, л. 25 об. (конец XIX — начало XX в.)).

³¹ См.: Маркелов Г. В. Выговский чиновник: Тексты и исследования. СПб., 2008. Т. 2. С. 410.

³² «Сказание о чаю и о самоварѣ. Священная книга Адаманти во главѣ 305 сице повѣствует» (ИРАИ, собр. Отдельных поступлений 23, № 282, л. 1 (вторая половина XIX в.)).

леграфные провода и т. п., свидетельствует о конце света, ассоциируется со змеями, дьявольской сетью и «огненными стрелами».³³ Так и самовар есть зримый образ ада. Инфернальную природу этой «адской утробы» выдают горящие в нем угли, кипящая вода, вырывающийся из-под крышки пар: «стоит с клокотом ис пропасти адской и преисподней земли, а чот крыша его пары всѣ составы адской земли, уши его слышание по всѣй земли стоит, крант завинтят всю подселѣнную, сей состав явно проясняет онное мучение роду христианскому, наше ухо сѣго не оставит в животе своем, то во адовѣм днѣ закипит сердце его, и закрычит тогда из всея крепости своея, и увидят угли, в нем горящая, — адово жилище».³⁴ Конец света в старообрядческих эсхатологических нарративах связывается обычно с завершением какого-либо процесса (когда «не будет ни одного верующего», когда «ад заполнится попами и архиереями»)³⁵. Как утверждается в «Слове...», «страшное Христово пришествие» состоится тогда, когда «не будет того дому, дабы сатану не почтили и самовара на престолѣ не поставили и от руки его причастие не приняли». Процедура чаепития из самовара в старообрядческих сказаниях достигает, таким образом, высшей степени демонизации.

Заглавие «Слово от Старчества» выдает ориентацию автора на традиции аскетической литературы, прежде всего — патерикового повествования. По наблюдениям Д. Д. Смирнова, посвятившего статьям «От Старчества» специальное исследование, это заглавие служило в рукописях XVII–XIX вв. для обозначения различных статей из патериков (оно воспринималось как адекватное надписаниям «От Патерика», «Отечник»), выписок из нравственно-аскетических сборников «Книга глаголемая Старчество», «кратких произведений и цитат из других более объемных сочинений», которые «охватывают тот же традиционный для аскетической литературных памятников круг тем, что и сборники “Старчество”, патериковая литература».³⁶ Традиционной для патериков является и форма вопросно-ответного диалога, который ведут опытный старец и его ученик (см., например, Римский патерик, в основе которого лежит беседа Григория Великого и архидиакона Петра).³⁷

Во многих списках «Слова...», как уже было сказано, в заглавии или в конце, содержится также ссылка на некую печатную книгу, изданную якобы в

³³ См.: Белоусов А. Ф. Последние времена // «Aequinox»: Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 11–14; Покровский Н. Н. Гусли, патефоны и телевизоры // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 446–450.

³⁴ «Выписано ис книги Стоглав, 12. 3. О чаю, кофии, о калбасах и о самоварѣ» (ИРЛИ, колл. Н. С. Плотникова, № 51, л. 11 об.–12 (конец XIX в.)).

³⁵ См.: Белоусов А. Ф. Последние времена. С. 31.

³⁶ Смирнов Д. Д. Статьи «От Старчества» в рукописных сборниках XVII–XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на Востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 165.

³⁷ См.: Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М., 2001.

Краковской типографии («друкарне»), иногда с совершенно фантастической датой — 6535 (1027) г. (ИРЛИ, Латгальское собр., № 335, л. 45 об. и др.). Не исключено, что это указание могло появиться под влиянием некоторых старообрядческих изданий конца XVIII в., ссылающихся в качестве источника на книги, «преже печатанные в Кракове».³⁸ Однако, по сведениям А. В. Вознесенского, такие отсылки являются ложными, поскольку данные книги были напечатаны по рукописям.³⁹ Инок Захария и его ученик Евфимий — скорее всего, вымышленные персонажи. Фиктивным кажется и указание на место их встречи — «в малой обители на горах, от града Жартог (варианты: Тактор, Картог и др.) 3 поприща, близ подолия, нарицаемого Мекоезъм (варианты: Коогтс, Искоием, Мидонель, Николы и др.)». Эти особенности «Слова...» свидетельствуют как будто о развитии беллетристических элементов и вымысла в поздней старообрядческой литературе, которые тем не менее не мешали писателям-старообрядцам излагать основы своего мировоззрения и выражать свое отношение к современной им действительности.

«Слово...» не осталось незамеченным не только в той конфессиональной среде старообрядцев-беспоповцев, где оно было создано. В 1862 г. его упомянул И. Г. Кабанов (Ксенос) в «Окружном послании» старообрядцев-поповцев Древлеправославной Церкви Христовой (Белокриницкой иерархии). «Окружное послание» содержало обличение некоторых «богопротивных мудрований» старообрядцев-беспоповцев, изложенных в различных беспоповских «лжесоставленных тетрадах». И. Г. Кабанов привел названия 10 таких «тетрадей», «яже вся суть ложная и баснословная сочинения, в нихъже проповѣдуется пресѣчение Христопреданного священства, скончание новоблагодатного закона, царствование послѣдняго антихриста, который аки бы возсѣдает на престолѣх олтарей господствующей нынѣ в России церквѣ, яже аки бы иному богу верует и поклоняется, исповѣдуя под именем Иисуса не Христа Спасителя, но противника Его — антихриста» (л. 5–5 об.).⁴⁰ В числе этих «тетрадей» автор назвал и «Слово...»: «тетрадь под названием “Слово от Старчества, инока Захарии ко ученику своему Стефану”» (л. 4 об.).⁴¹ В этом

³⁸ См.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. Введение в изучение. СПб., 1996. С. 17. Такие ссылки содержатся в супрасльском и гродненском старообрядческих изданиях «Службы всем святым российским чудотворцам» (1786 г.) и в супрасльских «Страстях Христовых» (1789 г.).

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ «Окружное послание» несколько раз издавалось, но в настоящей статье цит. по рукописи: РГБ, ф. 732 (Нижегородское собр.), № 50 (вторая половина XIX в.).

⁴¹ Кроме «Слова...», названы «Апокалипсис седмитолковый», «Книга Евстафия Богослова», «толкование Амфилохиево вторых пѣсни Моисеовы», «толкование десяти перст и десяти рогов звѣря», «о бражнике», «о винном сотворении», «о картофеле, мнимо от Пандока», «мудрование о духовном антихристе», «тетради лжепророческия, в нихъже назначается время и день кончины мира и Второго пришествия Христова» (л. 4 об.–5). Эта подборка представлена, например, в рукописи РГБ,

сочинении ложным, по мнению автора «Окружного послания», является утверждение, «яко священнический и иноческий чин до конца истребитя, и прочая ложная соплетения тамо зрятяся, яже не что иное суть, точию баснословия, слуху благоразумных отвратительная» (л. 10 об.). Позднее, в 1903 г., идеи «Окружного послания» развил еще один апологет Белокриницкого согласия М. И. Бриллиантов, который также подверг «Слово...» критике как ложное беспоповское сочинение.⁴²

«Слово...» попало и в поле зрения М. Е. Салтыкова-Щедрина, который также отозвался о нем весьма нелестно. Резко осуждая древнерусское «аскетическое воззрение», унаследованное старообрядцами, за его «младенческую грубость» и «безжизненность», писатель привел в одной из своих критических статей 1857 г. пространную цитату из «Слова...» и сопровождал ее такими комментариями: «В рукописных сборниках и так называемых “цветниках” раскольнических и до настоящего времени можно найти самые нелепые легенды о пришествии антихристовом. Нам неоднократно случалось встречаться с этими безобразными извержениями аскетической фантазии. <...> Предоставляем читателю самому достойно оценить такие идиллические картины и сделать нужные сближения; мы же, с своей стороны, можем только удостоверять, что многое нами здесь выкинуто, по причине крайней омерзительности выражения...».⁴³ Впрочем, в тот же ряд «аскетической» словесности, в которой выразились все «грубо мистические стремления» русского человека, великий сатирик включил также духовные стихи о царевице Иоасафе и открытую незадолго до этого Повесть о Горе-Злочасти,⁴⁴ не почувствовав в них, вероятно, ни высокой поэзии, ни подлинного человеческого чувства.

ф. 247 (Рогожское собр.), № 650.1 (XIX — начало XX в.). Примечательно, что в этот список попали не только старообрядческие беспоповские сочинения, но и более ранние древнерусские — Повесть о происхождении винокурения (XVI в.) и Повесть о бражнике (не позднее начала XVII в.). Ксеносу «лжесоставленные тетради» стали известны благодаря «Прошению» старообрядцев Черниговской (Новозыбковской) епархии, отправленному на Рогожское кладбище в Москву в 1862 г. Среди старообрядцев Черниговской епархии распространением этих сочинений занимались якобы идеологи Лужковского поповского согласия епископ Конон и священник Григорий Козин (см.: *Перекрестов Р. И.* Ксенос. С. 387–421).

⁴² См.: *Бриллиантов М. И.* Шувойская беседа и материалы для истории раздора именующих неокружников. М., 1903. Л. 124–128 об. (гектограф). М. И. Бриллиантов согласился с автором «Слова...» в неприятии «еллинских» одеяний, обычаев и брадобрития, но полностью отверг беспоповское осуждение брака и чаепития. На л. 124–126 об. — текст «Слова...» в Основной редакции, собеседника Захарии здесь зовут Стефаном.

⁴³ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. В 4-х частях. Издание второе с исправлениями. Москва // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 47.

⁴⁴ Там же. С. 42–43.

«Слово...» публикуется по списку редакции «с самоваром» ИРЛИ, Карельское собр., № 95, л. 98–108 (конец XIX — начало XX в.). В некоторых случаях писец, при переносе части слова на новую строку или страницу, удваивал букву («смерд-дьящ», «им-мутъ», «коротк-кое» и т. п.). Такие чтения исправляются, что в примечаниях не оговаривается. При нумерации листов был пропущен № 99, после л. 98 следует л. 100.

л. 98 Слово от Старчества, лист 283 на оборотъ

Инок Захария^а ко ученику своему Евфимию в малой обители на горах, от града Жартог 3 поприща, близ подолия, нарицаемаго Меко-езьм.⁴⁵

л. 98 об. Аз приидох по обычаю к старцу побѣседовати о пользѣ душевной, и воспомянув аз отцу моему: «Отче! Повѣждь ми, ка//ко сие будет о антихристѣ, и о прелѣсти его, и о признаках воинства его».

л. 100 Старец же воздохнув из глубины сердца и рече: «Чадо! Вѣждь сие извѣстно реченное Даниилом пророком. Когда будет мѣрзость запустѣния на мѣстѣ святѣ,^I и исполнится число звѣрино 666 лѣт, и разсыплется рука людей освяще//нных,^{II} тогда священнический и иноческий чин отнюдь истребитя,^{III} пѣния и чтения явнаго нигдѣже не услышится. Тогда будут царство антихристово явно полное. И будут брани ратные на земли — не тако, якоже нынѣ, копия, стрелы, мечи и палицы железныя, но будут оружие огнепальная, о нихже // страшно и рещи. И не будет воинство его нарицаться воинами, но название нѣкое страшное, имя сатаны, — солдаты,^{IV} и брады бриты имущи, яко жены, уста же имущи яко львовы, из уст исходят дым смердящ, и тѣм честь дѣющи. Одѣяние имут носить короткое, обтянуто, и хвост имуще, на главах // имут носить орла, о немже писа Ездра пророк, съверьху коньския опаши»^V.

л. 101 об. Аз же вопросих: «Отче! Повѣждь ми, како христианѣ в тыя времена спасутся от того прелести».

л. 102 И воздохнув старец, и рече ми: «Чадо, малые нѣщые, не обязавшись суетами мира сего, но внѣ мира живущи в горах, и в // вертепах, и в разселинах земных в плачех бесчисленных — тии спасутся. Аще же гдѣ общежителство обрящется, то изо ста человек един спасаемых будет. А в мирѣ из тмы един спасаемых будет. А в миру пастьерие хотя и будут, но овца овцу пасти будут. И не будут овцы // имѣть повиновение. И мнози скрывать будут струпы грѣховныя, а данныя им епитимии изъносить не будут и многии грѣхи ни во что вмѣнят.

л. 102 об. И мнози от христиан впадут в разстлѣнное житие и примут обычай ельиньский проклятых нѣмец. Мужие имут носить одеяние короткое и // штаны натянуты чрез рамена, и не могут им колѣно-

^а Исправлено, в рукописи — «Захрария».

л. 103

поклонение творити. Жены же многие от христиан, не срамляющиеся Самого Господа, будут бо имѣти образ бесовский и главы непокровены имущи, и на главах имут носить роги скотския и змиины, и уподобляющиеся бѣсом,^{VI} и лица будут // мазати вапы и власы вонями на прелѣсть поганных; одѣяние имут носить необычно, подобящиеся бѣсовскому мечтанию, блуднический обычай проклятых немѣц, с перетяжками на погибельную прелѣсть. И возлюбят коньское рыскание, бѣсовския игры и песни сатанинския. И отдадут родителя чада своя // антихристу в жертву браком. И того ради мнози погибнут от христиан. А обычные ризы опровергнуты и гнусны им будут како во градѣх, тако и в весѣх.

л. 103 об.

Еще же ко оному возлюбят^{VII} насытное лакомство, безмѣрное питье от травы листвие идоложертвенное, кропленое змииним жи//ром, изшедшее от ельник,^{VIII} которые змию поклоняются вмѣсто Бога, от китян будет покуплемо изменом на товары для осквернения христиан. Вся сия будут по дѣйству антихристову в славу его. И еще ко оному будет составлена сладость от песка и костей мертвячих всяких нѣчистых и крови скотской // на осквернение, дабы никто ни избежал от руку его. И будут пиюще утро и вечер и полудне, и тѣм честь дѣюще, и не вмѣнят в грѣх, из нѣкоего странного сосуда, изъвнутри огонь исходящъ, о немже страшно и рещи. Имя сатаны — самовар. И за то мнози снидут во ад с прельстившими их.

л. 104 об.

л. 105

Аще кто // в то время сохранит себя от всех соблазнов, той вящши первых мученик обрящется. Внимай, чадо, вся сия скоро будут. Аще имущи ум и прельстившиися ни во что вмѣнят, той горше всех отступник будет. Аще кто от еретик вѣнчается, тот от слуг его печать приемлет душевную и телѣсную, а сердце // его исполнено страха и трепета, боится и трепещет и покаяния ищет, како бы муки избыти вечныя. Аще кто к самовару прикоснется, той самому сатаны поклонится. Аще кто чаю напьется, той от руки его причастится, той исполнится душа погибели, и сердце, и ум его омрачится, и ни во что // вмѣнит, и не может истинно покаяться и в концѣ живота своего, работая сатаны всею силою и сладостию и любовью, а не тяжело и не трудно.

л. 105 об.

л. 106

Когда исполнится число зверино 666 лѣто, тогда воздвиже сатана на христианы велие гонѣние и мучение. То видит: колико болѣе муки воздвизая, толико болѣе мучеников // во Царство Небѣсное посылая. То видит, что ему не радость, преста мучение, помедли мало и умыслив другою кознию, тончайшею вервию и сладчайшею пищею, да волею поклонятся и на деньги купят цари и князи и духовная. И не будет того дому, дабы сатану не почтили и самовара на престолѣ не поставили // и от руки его причастие не приняли. И исполнится вся земля погибели.^{IX} Тогда будет страшное Христово пришествие.

л. 107

[420]

л. 107 об.

Спасайся, чадо, поди с миром и не ищи ни Рима, ни Иерусалима, ни больших собраний. Господь бо рече: «Аще гдѣ два или три собрании о имени Моем, и Аз посредѣ есмь.^X Аще же и тысяча тысячами и тма тмами, // нѣсть Мя ту».

л. 108

Слышах сия от старца, и благословихся, и пришед в свою келию, взях хартию, и написах, елико слышах, и скрых у себе. По смерти же отца моего показав искусну мужу иноку Павлу. Павел же повеле прочести братии. Братия же послушавше и похвалиша Бога о таком извѣщении, и дивля//хуся, что сия будут. И мнози прослезившася о таковой погибельной прелѣсти антихристовой. И глагола Павел братии: «Вся сия внезапно сбудутся, в тыя бо времѣна будет туга на вся челоуѣки, живущия на земли, якова же не бысть от начала миру». ^{XI} И повелѣ написать в книгу на воспоминание последнѣму роду челоуѣческому.

Выписано сие с печатной книги Красовской друкарской.⁶

Комментарии

- I Вѣждь сие извѣстно реченное Даниилом пророком. Когда будет мѣрзость запустѣния на мѣстѣ святѣ. — Ср.: Мф. 24:15. В Книге пророка Даниила «мерзость запустения» упоминается несколько раз: Дан. 9:27; 11:31; 12:11.
- II ...разсыплется рука людей освященных. — Дан. 12:7. Ср. в синодальном переводе: «по совершенном низложении силы народа святого».
- III ...священнический и иноческий чин отнюдь истребится... — в списке ИРАИ, колл. В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 115 (1850-е гг.) на поле против этого места оставлен комментарий: «Чин иноков истребится не в правовѣрных, а в неверных, разумеи. Пахомию Великому сам сказал Бог: «Семя твое не оскудеит вовеки до Суднаго дни, не плачи о сем» (л. 34 об.).
- IV И не будет воинство его нарицатися воинами, но название нѣкое страшное, имя сатаны, — солдаты. — Ср. в одном из сочинений 1780-х гг. инока Евфимия, идеолога страннического согласия: «В воинствѣ же сего времени званиях, еже есть — генерал, полковник, магеор <...> капрал и салдат — может ли в сих быти христианин и правую веру сохранить? Неупователно, мню, сему быти и весьма ненадежно. Паче же сие воинство нами антихристово воинство глаголется быти, и слуги антихристовы, и чины тем нарече предотека антихристов немецкия по-новому. В древнем же воинствѣ сих нарекании не слышится...» (Сочинения инока Евфимия (тексты и комментарии). Новосибирск, 2003. С. 65).
- V Одѣяние имут носить короткое, обтянуто, и хвост имуще, на главах имут носить орла, о немже писа Ездра пророк, съверху коньския опаши. — Реформа воинского обмундирования завершилась в 1705 г., когда регулярная русская армия практически полностью оделась в «немецкое платье». На клапане гренадерских головных уборов размещался двуглавый орел, сзади прикреплялись страусовые перья.

⁶ Это предложение добавлено из списка Каргопольского музея, КП-10238, л. 25 об., в публикуемой рукописи его нет.

[421]

Российский герб находился также на мундирных металлических пуговицах (см.: *Летин С. А., Леонов О. Г.* Русский военный костюм. От Петра I до Петра III. М., 2008). В сочинениях старообрядцев-странников утверждается, что российский двуглавый орел — это библейский орел-антихрист, видение которого описано в 3 книге Ездры (11 и 12 главы) (см.: *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 53–55, 118–122).

VI ...и на главах имут носить роги скотския и змиины, и уподобляющиися бѣсом. — Автор имеет в виду высокие женские парики, которые он уподобляет бесовским «шишам» — поднятым дыбом волосам. Ср. с наблюдением Д. И. Антонова и М. Р. Майзульса: «На некоторых иконах и миниатюрах курчавые волосы демона, поднятые вверх высокой “пирамидой”, оказываются похожи на женские парики, популярные в XVIII в.» (*Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., 2011. С. 92, 94).

VII ...ко оному возлюбятъ... — в списке ИРАИ, Вологодское собр., № 105 (1890-е гг.) к этому месту добавлено: «богомѣрский табак» (л. 23 об.).

VIII ...от ельник... — в большинстве списков — «от еллин», то есть язычников, нехристиан. В следующей же фразе дается пояснение, что этими нехристианами являются китайцы: «от китян будет покуплемо изменом на товары» («от китян» — то есть от китайцев, в большинстве списков — «от китаев»).

IX И исполнится вся земля погибели. — Ср.: Иез. 12:20.

X Аще гдѣ два или три собрани о имени Моем, и Аз посредѣ есмь. — Мф. 18:20.

XI ...в тыя бо времѣна будет туга на вся челоуѣки, живущия на земли, якова же не бысть от начала миру. — Ср.: Мф. 24:21.

УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ О МЕСТНЫХ СВЯТЫХ И ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ УСТЮЖСКОГО КРАЯ

В первые века христианства Отцами Церкви был поставлен вопрос об отношении церковного «писания» и «предания» в теологическом смысле. Так, Василий Великий в «Книге о Святом Духе», ссылаясь на Священное Писание (Быт. 2:8,¹ Быт. 1:5,² 1Кор.11:2,³ 2Сол. 2:15,⁴ Втор. 19:15⁵ и т.д.), говорит в главе 27, правиле 91-м Послания к Амфилохию епископу Иконийскому: «Из сохраненных в церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от апостольского предания, по преемству в тайне, и те и другие имеют едину и ту же силу для благочестия». Подробно этот вопрос был также рассмотрен св. Викентием Леринским в «Рассуждении о вере» (434 г.).⁶ Предание есть quod simpler, quod ubique, quod ab omnibus traditum est.⁷

Решение вопроса о силе веры в Предании и Священном Писании имело важное влияние на формирование мировидения и миропонимания христианина. О взаимоотношении «писания» и «предания» на протяжении всего периода существования христианского вероучения, так или иначе, велись богословские споры.⁸ В русской религиозной философии нового времени

¹ Посему то все зрим к востоку во время молитв, но немногие знаем, яко чрез сие ищем древняго отечества рая, который насадил Бог в Эдеме на востоке (Быт. 2:8).

² Такжеже, стоя молитвы творим во едину от суббот, но причину сего не все знаем. ...Почему, яко начало дней, и у Моисея наречен он не первым, но единым. И бысть, глаголет, вечер, и быть утро, день един (Быт. 1:5).

³ Ибо хвалю вы, глаголет апостол, яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите (1Кор. 11:2).

⁴ Держите предания, яже приясте, или словом, или посланием (2Сол. 2:15).

⁵ Ибо при двою или триех свидетелях станет всяк глагол (Втор. 19:15).

⁶ Оpubл. в: *Чельцов И. В.* Собрание символов и вероизложений Православной Церкви от времен апостольских до наших дней // Христианское чтение. 1869. № 5. С. 152–160; № 6. С. 161–176; № 10. С. 177–184. Так же см.: *S. Vincentii Lirinensis Commonitoria I et II // Patrologia latina. Parisiis, 1865. Vol. 50. P. 637–686.*

⁷ Св. Викентий Леринский задает вопрос: «Что такое предание? — и сам же на него отвечает: — То, что тебе вверено, а не то, что тобой изобретено, — то, что ты принял, а не то, что выдумал».

⁸ «Писанию не удалось — в особенности на Востоке — освободиться от тех условий, в которых оно создавалось, и стать совершенно самостоятельным авторитетом. Церковь (ее учение и установления) была сама по себе источником познания и надежным авторитетом истины. Все в ней является в своей основе апостольским, так как она — апостольское создание. Этим объясняется, почему не мог составиться

Е. К. Ромодановская. Вюрцбург, 2002 г.

этой проблеме был посвящен специальный очерк С. Булгакова «Церковь как предание» из книги «Православие. Очерки учения о православной церкви».⁹ Кроме того, в последнее время этот вопрос стал одной из герменевтических проблем.¹⁰

Наше исследование носит характер филологической критики так называемых «локальных текстов» церковной и монастырской традиции Русского Севера и посвящено проблеме манифестации нарратива о святых и чудотворных иконах в письменной и устной формах. Взаимопроникновение устной и письменной легенды (или предания) о святых обусловлено особенностями исторической памяти места, прагматикой фольклорного и литературного текста в культуре, приемами стилистической инверсии.

Источниками исследования стали письменные и устные тексты XVI–XX вв. Житий о юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских, Иоанне Самсоновиче, пре-

инвентарь предания. Оно фактически всегда оставалось эластичным: все, в чем церковь нуждается, является апостольским, следовательно, древним. ... Преданием была прежде всего вера церкви» (*Гарнак А. История догматов // Раннее христианство*. М., 2001. Т. 2. С. 251–252).

⁹ Булгаков С. Православие. Очерки учения о православной церкви. М., 1991. С. 43–92.

¹⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 256–363.

подобных Лонгине Коряжемском, Христофоре с Малой Коряжемки, Симоне Воломском, Леониде Устьнедумском, сказаний о чудотворных богородичных иконах, иконах Нерукотворному Спасу, Николаю Чудотворцу, Святой Троице и др.

Теоретически можно предполагать, что все повествования/наррации должны находиться в одном дискурсивном поле и представлять местную сакральную историю, связанную административно-территориальными (в том числе церковными), экономико-хозяйственными отношениями. Вопрос заключается в том, насколько глубоко взаимные проникновения этих нарративов и на каких уровнях они проявляются в процессе их реализации на диахроническом уровне в историческом дискурсе региона?

Внешний уровень — это признание культа святых местным сообществом и вера в их чудодейственную силу. Важнейшим обстоятельством этого признания является наличие текстов в письменной и устной форме. Это обстоятельство в нашем случае вполне реально.

Внутренний уровень — возможные взаимопроникновения известных повествовательных структур. Владение этими текстами со стороны реципиентов не является всеобщим знанием. (Исключение составляет разве что культ св. Прокопия Устюжского, признание которого имеет общероссийский характер.)

Типичным является сохранение нарратива о местночтимых святых и святых в форме фольклорных «слухов и толков» (*Chroniknotizen/Sagenbericht*¹¹), относящихся к общедоступному знанию или «частичному» знанию. Они представлены и основаны на памяти о событии, которое имеет конкретную привязку к месту действия (проявлению «чуда») и носят обрядово-ритуальный характер (крестное шествие и др.), или магическую практику (брать с собой целительный песок с могилы, кору с дерева, воду из святого источника, бросать деньги, оставлять на святом месте полотенца или предметы одежды и т.п.), в сообщениях могут появляться «чудесные природные объекты» (вечнозеленая береза,¹² кедровая роща,¹³ сосновый бор,¹⁴ камень, горячий/целебный источник, рукотворная река Недума, выкопанный святым колодец и т.п.). Обязательным системным признаком такого нарратива является и наличие

¹¹ Sydow C. W. Kategorie der Prosavolksdichtung // *Volkskundliche Gaden John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht*. Berlin; Leipzig, 1934. S. 253–268.

¹² «Не очень далеко тут от Лузы, тут подъем как горка, и в стороне над дорогой-то высоко березка, береза стояла как отдельно. У нее почему-то листва сохранялась. Где-то около тех мест, где Недумская там церква-то, не очень далеко. Листва сохранялась, обычно береза рано опадает осенью. Почти голые стоят березы, а та береза не опадает. Может быть зимой-то там и не весь лист сохраняется, они долго держится очень или совсем не опадает что-то так. Люди говорят» (Фольклорный Архив Сыктывкарского госуниверситета № 2083-51. Далее: ФА СыктГУ).

¹³ Например, в памяти коряжемских жителей сохранилось поверье, что рядом с монастырем на берегу Вычегды росли кедры, якобы посаженные самим Лонгином — основателем монастыря.

¹⁴ Например, на месте явления Туровецкой иконы.

запрета, когда вследствие его нарушения чудодейственные свойства святыни исчезают.¹⁵ Типичным маркирующим признаком в сообщениях о местной святыне является народное толкование имени собственного или названия места, реки, источника.¹⁶ Суммарно из всех этих сообщений (или поверий) можно составить некий инвариант единого или типового фольклорного сюжета предания, иначе говоря, можно выявить инвентарь сюжета церковного предания. Однако подчеркнем, что текст предания представляет собой преимущественно письменную авторскую (концептуальную) фиксацию сюжета, дополняемую записями фольклорных сообщений. Из них складывается сюжет, получивший жанровое определение предания. Так, можно классифицировать некоторые из зафиксированных сольвычегодским бытописателем конца XVIII — начала XIX вв. А. И. Соскиным устные сообщения, дополняющие исторические сведения Сказания о Христофоровой пустыне и продолжающие во времени его жизнь в местной традиции.¹⁷

В равной степени следы церковного письменного Предания можно обнаружить в устной традиции в форме напоминания, например, о событии из Повести об огненной туче — посещение на день памяти св. Прокопия 8 (21) июля крестным ходом места падения каменного дождя (Котовальская весь),

¹⁵ Например, «...сейчас эта речка так темнела, черная, черная вода бежит. А видно нечистыми руками воду брали. Так если у женщин менструация есть, она в этом не должна подходить к речке. [А она святая, речка эта?] Да. Она не должна к этой речке подходить. В Лалеске икона есть, говорят. И каждая прикладывается и, видно, нечистая прикладывается, и она начинает темнеть». Текст записан в Грибошинском с/с, д. Лопотово от Литвиновой Дины Степановны, 1925 г. р. (ФА СыктГУ 2034-33).

¹⁶ Например, «он решил эту Недуму выкопать речушку, и там поставили юту церковь. Он все, говорят, копал — молчал, ни с кем не разговаривал. Не думал, ее так и называли — Недума. А сейчас ее считают эту речку святой...» (ФА СыктГУ 2081-31). Текст записан в п. Лальск от Калинина Алексея Алексеевича, 1936 г. р. Или: «когда копал канавы, его ужалила змея. Думал, что умрет, заболит. Попросил Господа, молясь на икону Божьей Матери, и вся болячка зажила. Когда деревянную церковь затопило, перенесли церковь к озеру и построили в каменном исполнении. 26 июня на речку Думу ходят много народу, берут воду, служба идет. Этой водой умываются те, которые сильно думают о жене ли о чем еще таком, думка и уходит». Текст записан в п. Лальск от Денисова Николая Афанасьевича, 1928 г. р. (ФА СыктГУ РФ 20-1-16).

¹⁷ «Ныне же того чудного камня не обретается от небрежения бо церковных священнослужителей. В нынестекущем столетии приходящие богомольцы чеством сломан для здравия и достойного памятствования и оставшая в кладезе того камня большая часть, как многие из народа сказывают, что аки бы взята была к сохранению в ту пустынскую церковь. А прочие повествуют, что будто бы от обмывания во оном источнике скверной жены блудницы неведомыми судьбами последняя часть потонула в том источнике, и обратившись в землю. Которое же повествование верное знать не можно, ибо в церковном летописце об оном не упомянуто» (Соскин А. История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 158).

или сидение на камне около храма Прокопия на берегу Сухоны в память о поведенческом жесте святого, который при жизни сидел на камне и молился за тех, кто находился на воде (из Жития Прокопия Устюжского), или шествие с иконой Божией Матери Одигитрии из Христофоровой пустыни от г. Сольвычегодска до Николо-Коряжемского монастыря (из Сказания о Христофоровой пустыни¹⁸); крестный ход в день памяти о посещении Богородицы Туровецкой обители и явления чудотворной иконы, затем купание в источнике, сбор песка у поминального креста или на месте захоронения святого, забор целебной воды из источника, бросание денег в него, оставление личных вещей (из устных рассказов о Туровецкой пустыни, Христофоровой пустыни, Устьнедумской пустыни); обдиране коры с деревьев (от зубной боли) на месте гибели Симона Воломского или отщепление кусочков от пня дерева, на котором оставила Богородица чудотворную икону и подобное.

Фольклорные сообщения редко носят характер целостного сюжетного повествования. Эти короткие и типические фольклорные мемораты являются, скорее, напоминанием о культе, которое представляет собой возможность для развития сюжетного повествования, часто без конкретной привязки к сюжетам письменных сказаний и за редким исключением с отсылкой на письменный текст самого информанта.¹⁹

Поэтому Предание, воссозданное «по слухам», и письменное Сказание почти не совпадают в сюжетном плане и представляют собой, по сути, разные жанры повествований. И все же Предание в виде синкретического фольклорного нарратива присутствует во всех проявлениях культа святыни (в вербальных, обрядовых, изобразительных и др. практиках его признания).

В каждом из этих проявлений отражена определенная историческая концепция. Поэтому текст, с которым нам приходится иметь дело, — это интерпретированный текст исторического предания. В свою очередь, историческое предание характеризуется своей принадлежностью к церковной традиции и представляет собой особый жанр исторической памяти, в котором выражено современное отношение к прошлому.

Зачастую «естественное отношение к прошлому», о котором говорит Х.-Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод»,²⁰ игнорируется исследователя-

¹⁸ Правда, крестный ход от Сольвычегодска до Николо-Коряжемского монастыря с иконой Одигитрии из Христофоровой пустыни только напоминает отраженный в Сказании эпизод возврата чудотворной иконы из Николо-Коряжемского монастыря на ее прежнее место в Христофорову пустынь, т. к. поменялись со временем пункты ее постоянного пребывания (Сольвычегодск — Христофорово) и место назначения (Николо-Коряжемский монастырь — Христофорово).

¹⁹ Например, «это я читал только в книге». Текст записан в п. Лальск от Калинина Алексея Алексеевича, 1936 г. р. (ФА СыктГУ 2081-31).

²⁰ «При всех обстоятельствах основным моментом нашего отношения к прошлому — отношения, которое мы постоянно актуализируем, — является вовсе не дистанцирование от исторически переданного и не свобода от него. Скорее мы всегда

ми, и историческая концепция обретает не свойственную ей функцию поучения и образцового текста. Как нам представляется, такую тенденцию сплошь и рядом можно усмотреть в попытках реконструкции прошлого Севера России.

Понятно, подобная современная реконструкция церковного предания и манифестация его в исторических трудах и устной фольклорной традиции не совсем соответствует тому, что понимали под апостольским преданием веры Отцы Церкви.²¹

В реконструкции типичной для Севера России модели народного мировоззрения этнологи в основном опираются на тексты устных повествований носителей традиции. При этом, как правило, они не рассматривают подобные речевые акты как дискурс. Поэтому создаваемый ими текст мифа («пра-текст» исторического предания, авантекст, по С. Ю. Неклюдову) буквально комбинируется из многих элементов в единое целое по принципу аппликации, который можно классифицировать как один из приемов художественной техники письма.

Первой нарративной моделью в большинстве случаев становится литературный миф о первопредках (или первооснователях), который выражается в жанровой форме летописного сказания, т. е. в письменном виде. При этом летописец как будто опирается на устные рассказы «памятух» и очевидцев событий. На самом деле он реконструирует событийный ряд сюжета церковного предания из типически схожих мотивов, сюжетных архетипов и местных деталей, отличающих эти летописные сказания друг от друга.

Так, в устюжских нарративах типологически сходны обстоятельства появления святого: он приходит неизвестно откуда (ранняя редакция Житий Прокопия, Лонгина, Христофора) или проделывает долгий путь к месту основания монастыря (Леонид, Симон Воломский).²²

находимся внутри предания и это пребывание — внутри не есть опредмечивающее отношение, когда то, что говорит предание, воспринимается как нечто иное и чуждое, но, напротив, оно всегда и сразу является для нас чем-то своим, примером или предостережением, самоузнаванием, в котором для наших последующих исторических суждений важно не столько познание, сколько непредвзятое слияние с преданием. Поэтому вопреки господствующему теоретико-познавательному методологизму мы должны спросить себя, действительно ли возникновение исторического сознания оторвало наши научные установки от подобного естественного отношения к прошлому» (*Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 335).

²¹ «Апостольское предание [греч. Ἀποστολικὴ παράδοσις], предполагаемое ядро целого ряда литургико-канонических памятников, которое дает подробную картину устройства церковной жизни III в., являясь важным источником по истории раннехристианского богослужения» (*Пономарев А. В.* Апостольское предание // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 125).

²² Подробнее о литературных параллелях устюжских памятников и их жанрово-стилистическом синкретизме см.: *Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010; *Власов А. Н.* Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв. Тексты и исследования. СПб., 2011.

По логике мифопоэтического мышления дальнейшее развертывание событий должно быть связано с поиском в исторических источниках (письменных текстах) доказательств героического прошлого предков. Прежде всего, это поиск героев, достойных для подражания в последующих поколениях.

Столь же типичны повторяющиеся сюжетные ситуации, в основе которых лежат «традиционные идеи», в духе теории С. Бейарда.²³ Так, в раннем письменном сюжете о нападении на Туровец казанцев и поражении стрелой чудотворной иконы мы находим явную литературную параллель с летописным сказанием о нападении суздальцев на Новгород.²⁴

В мифопоэтическом плане с помощью известных архетипов и явных авторских аллюзий, цитирования «чужого текста» конструируется модель местного церковного предания, которое к собственно фольклорной местной традиции имеет весьма опосредованное отношение. Такое сконструированное церковное предание становится источником местного фонда фольклорных сюжетов. Но реализация сюжета церковного предания в фольклорных текстах или других формах и видах народной культуры и исторической памяти места в свою очередь теряет четкие границы. Поэтому жанровая форма предания (в том числе церковного) не имеет адекватных своему предназначению форм выражения. Оно иллюзорно, но тем не менее, за ним прочно закреплена власть авторитетного источника, как в письменной, так и в устной традициях.

Вопрос остается открытым. Не становится ли в данном случае восстанавливаемый текст исторического предания одной из повествовательных форм беллетристики? И кого можно считать *performer* (хранитель/сказитель) исторической памяти места?

²³ «Существуют в любом обществе, составляя всеобщее его достояние, так называемые традиционные идеи: они частью вообще непреходящи, всегда актуальны, частью просто долго живущие; они мощно воздействуют на общество, обнаруживая свою эффективность в виде разнообразных социальных проявлений, которые способны к адаптации в самых различных обстоятельствах, к саморазвитию и к аккумуляции вокруг себя возникающих путем наращивания новых результатов» (*Bayard S.* The materials of folklore // *Journal of American Folklore.* 1953. № 259. P. 9). См. также: *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

²⁴ *Власов А. Н.* Сказания и повести о местночтимых святых... С. 208–235, 741–744.

О. В. БЕЛОВА

ОТ ИЗОБРАЖЕНИЯ К ТЕКСТУ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ*

Статья представляет собой часть обширного исследования, связанного с проблемой соотношения вербального и визуального в текстах фольклорной несказочной прозы — в народно-христианских легендах и устных нарративах.

Характеризуя источники рассказов «народной Библии», исследователи неоднократно отмечали, что помимо канонического текста Ветхого и Нового Заветов и агиографии «отправной точкой» для многих фольклорных пересказов и трактовок библейских сюжетов и мотивов становились апокрифические сказания и памятники иконографии.¹ Цель нашей публикации — рассмотреть примеры фольклорных нарративов, где содержатся отсылки к разного рода невербальным изображениям (например, эксплицитные и имплицитные отсылки к иконографии) и где элементы визуализации важны с точки зрения сюжетики и структуры текста.

На данном этапе работы мы хотели бы выяснить, что из живописного изображения становится значимым при интеграции его в вербальный текст и как это внедрение невербальных элементов «работает» в структуре текста. Подобное исследование представляется интересным не только с точки зрения фольклорной текстологии; возможно, оно сможет способствовать пополнению корпуса книжных сюжетов и мотивов, нашедших отражение в фольклорной традиции.²

* Статья написана в рамках проекта «История — миф — фольклор: Книжные сюжеты в славянской устной традиции» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»).

¹ См., например: *Zowczak M. Biblia ludowa: Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej*. Wrocław, 2000; «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004; Беларуская «народная Библия» ў сучасных запісах / Уступ. артыкул, уклад. і камент. А. М. Боганевай. Мінск, 2010; *Кузнецова В. С.* О Моисее и «фараонах»: Фольклорные и книжные версии сюжета // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 5–14 и др.

² См.: *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы*. Новосибирск, 2006. Вып. 1. О проблемах, связанных с кодификацией сюжетов и мотивов, о соотношении канонических «образцов» и их воплощений в художественных текстах см.: *Тюпа В. И., Ромодановская Е. К.* Словарь сюжетов и мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 1: От сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. С. 3–15; *Бальбуров Э. А.* Мотив и канон // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 2: Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 6–20.

Ольга Владиславовна Белова. Июнь 2012 г.

Говоря об иконографии как источнике народно-христианских легенд, необходимо учитывать тот факт, что иконографический материал, «востребованный» фольклорной традицией, неоднороден — источниками, на которых базировались устные нарративы, интерпретирующие те или иные иконографические сюжеты, могли быть как канонические изображения, так и образцы народной иконописи, колоритно определенные в одном церковном документе как «опыты своемудреноизобретательной фантазии»³. Именно такие художественные образцы, содержавшие в себе различные бытовые детали и этнографические реалии, разного рода «наивности» (как результат попытки совместить абстрактное и конкретное или приблизить библейскую историю к «своему» времени и пространству),⁴ становились своеобразным иконографическим аналогом (и неиссякаемым источником) народных легенд.

³ *Попова Л. М.* «Опыты своемудреноизобретательной фантазии» (украинская народная икона XIX в.) // Живая старина. 1996. № 1. С. 26.

⁴ *Успенский Д. И.* Народные верования в церковной живописи // Этнографическое обозрение. 1906. № 1/2. С. 73–87.

Иконография святых и рассказы о них: принципы взаимодействия образа и текста

Эта область исследования чрезвычайно насыщена материалом: здесь и мотив узнавания сакрального персонажа (человек получает помощь/совет от странника/нищего, а потом узнает его в изображении на иконе), и рассказы о тождестве видения (сна) и изображения на иконе, и рассуждения о функциях сакрального персонажа, подкрепленные его изображением (наиболее показательные примеры — народные легенды о Георгии Победоносце/змееборце/всаднике или о Богородице-Троеручице, «пересказывающие» именно детали иконографической композиции, а не сюжеты житийной литературы).

Мотив узнавания святого и часто сопутствующий ему мотив чуда становятся сюжетообразующими в рассказах о «материализации» сакральных изображений, в результате чего происходит индивидуальное или массовое обращение иноверцев (язычников) в христианство.⁵ В фольклорной прозе таких рассказов не много и формируются они в основном под влиянием книжной традиции или иконографии. Приведем лишь два показательных примера.⁶

Приехал жид на ярмарку. Воз оставил на базаре, а сам пошел по рядам. Стоит мужик с иконами и на самом видном месте у него *Георгий Победоносец*. Жид спрашивает: «Что этот *молодец* с конем сто́ит?»

— Сто рублей.

— А от чего он помогает?

— *От разбойников, от воров и от других бед.*

Жид заплатил деньги и унес икону к себе на воз и говорит: «Ну, ты смотри тут за всем, а я пойду по ярмарке». Идет мимо мужика, что с иконами, а тот на это место уже поставил *Св<ятого> Николая*. Жид спрашивает: «Что этот *старичок* сто́ит?»

— Сто рублей.

— А от чего он помогает?

— *На море спасает и в других бедах.*

Жид купил и эту икону, пошел к своему возу и говорит: «Ну вот вас теперь двое, смотрите хорошенько», — а сам опять отправился по ярмарке и опять видит у мужика *Божью Матерь*. «Что сто́ит *старушка*?»

— Сто рублей.

— От чего помогает?

⁵ Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 100–112.

⁶ Здесь и далее курсивные выделения сделаны нами для иллюстрации того, как соотносятся представления о визуальном облике сакральных персонажей с их функциями/действиями по ходу разворачивания сюжета, как элементы иконографии встраиваются в текст.

— *От пожара и от других бед.*

Купил и Богоматерь, опять пошел к своему возу и говорит: «Теперь вас трое, смотрите хорошенько, у меня в возу деньги, если что случится, я вас запорю». Весь этот разговор слышал один мошенник, и как только жид ушел, он выбрал все деньги. Через некоторое время приходит жид, денег нет, он взял плетъ и хочет их бить. Говорит: «Георгий, ты где был, что не караулил деньги, эти хоть старые, а ты где был на коне?»

Георгий отвечает: «*Я ездил спасать твоего сына, на него в дороге напали двенадцать разбойников.*»

Жид спрашивает Николая: «А ты где был?»

— *А я ходил спасать твоего сына, на море корабль совсем было потопило.*

Спрашивает Божию Матерь: «А ты где была?»

— *В твоём городе был пожар, я заливала твой дом.*

Когда жид подъехал к своему городу, то видит, что весь город выгорел, только остался его дом. Спрашивает жену:

— Как уцелел дом?

— *Да пришла какая-то старушка и залила наш дом.*

— А узнаешь ты ее?

— Узнаю.

Жид принес икону Божией Матери, и она узнала в ней ту старуху, что заливала. Сын приехал и то же самое рассказал и узнал *<Св>ятого Николая и Георгия Победоносца*. Жид крестился с семейством.⁷

О таком же чудесном обращении в христианскую веру татарина рассказывает легенда из Владимирской губернии. Татарин оставляет свои деньги под охраной икон св. Николая, Богородицы и св. Георгия и уезжает из дома. По возвращении он узнает, что деньги пропали. Татарин укоряет святых в нерадивости, на что св. Николай отвечает, что он отлучился, чтобы спасти тонущий корабль сына татарина; Богородица говорит, что она помогала тушить пожар, когда горел дом татарина; св. Георгий — что он оберегал табун татарина от волков. Домочадцы подтверждают эти слова, узнав на иконах изображения спасителей. После этого татарин уверовал и крестился вместе со всей своей семьей.⁸

⁷ Деревня Ломовка Богородицкого уезда Тульской губ. (Великорусские сказки Архива Русского географического общества. Сборник А. М. Смирнова. СПб., 2003. С. 94–95, № 216).

⁸ Архив Российского этнографического музея, ф. 7, оп. 1, д. 15, л. 33–34 (Вязниковский у., корр. А. Дебрский, 1899 г.).

Иконография — имя — сюжет

Если в случаях, описанных выше, значимо сочетание внешности/поступков сакральных персонажей и приписываемых им функций (именно это способствует их дальнейшему узнаванию на иконе), то следующий пример показывает, как имя персонажа и его известный по иконографическим изображениям облик могут формировать фольклорный сюжет (при этом интересно, что никакого упоминания об иконе святого, ставшего «прототипом» героя сказки, в тексте нет).

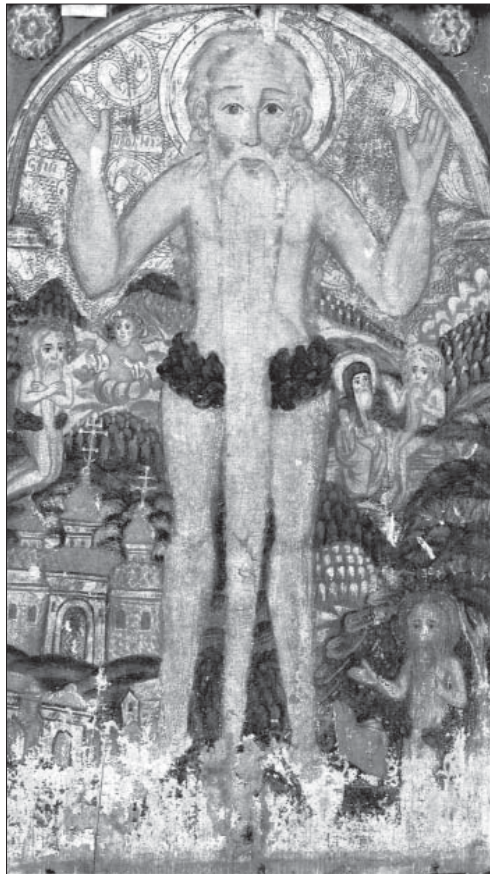

Рис. 1. Св. Онуфрий. Икона начала XVIII в. Круг живописцев из Рыботичей (Польша, Подкарпатское воеводство). Из кн.: Українське народне малярство XIII–XX століть / Авт.-упоряд. В. І. Свенціцька, В. П. Откович. Київ, 1991. С. 83

Украинская сказка «Про хлопця, що не вірів у давніх богів» повествує:

...Було колись в одній сім'ї дванадцять дітей і наймолодший був хлопчик Онофрей. Це були люди погані віри, вони вірили у бовванів. Будували собі якісь пам'ятники і вірили в них, як у Бога. А наймолодший хлопчик тих людей відродився розумом і не хотів у ці пам'ятники вірити, але вірив у одного справедливого Бога.

Разгневанний отець решил отвезти строптивого сына в лес и там оставить на три дня: если обратится в веру предков — сможет вернуться домой, нет — в лесу останется. На второй день хлопчика находит в лесу старичок и уводит с собой. Оставляет его под деревом, велит есть плоды с дерева и пить ключевую воду. Старик говорит мальчику:

Доти тут будеш, доки тобі виросте борода до твоїх ніг по пальці. А коси на голові мають так вирости, щоби досягали до п'ят. Волосся на голові — то буде твоє постеління, а борода — то буде твоє накривало.

Старик предрекает, что сидеть Онуфрию под деревом до тех пор, пока не ударит в дерево молния, не спалит дерево и не иссохнет источник — это будет знаком, что можно ему возвращаться домой. Когда все это происходит, Онуфрий возвращается в свое селение, расспрашивает людей, не помнят ли они случай с оставленным в лесу мальчиком, признается, что он и есть тот самый мальчик, после чего умирает.⁹

Выскажем предположение, что перед нами адаптированное к сказочной форме Житие Онуфрия Великого, раннехристианского святого, египетского пустынника IV в. (согласно одной из версий Жития, он был сыном персидского царя, который по внушению ангела отдал сына в младенческом возрасте в монастырь). Книжный первоисточник опознается в сказке через имя героя (*Онофрей*) и через описание его внешности (ср. иконографию святого в облике старца со свисающими вдоль тела волосами и длинной бородой).

«Этиология изображения»

Представляют несомненный интерес для исследования случаи «обусловленности» текста изображением (причем для носителя народно-религиозного сознания неважно, существует ли такое изображение на самом деле или оно является своеобразным умозрительным конструктом, отражающим народные представления о том, что и как «должно быть изображено»).

Именно в таком ключе в южнорусской легенде проинтерпретирован традиционный для славянской традиции космогонический сюжет о соперничестве Бога и дьявола во время сотворения мира.

Когда Бог добыл себе семян земли, то дьявол каким-то образом успел украсть несколько этих семян и себе. Для того чтобы не потерять их и скрыть следы своего воровства, дьявол все уворованные семена положил за щеку. Когда Бог посеял землю и семена начали быстро расти, то, к ужасу нечистого духа, пустили ростки и семена, находившиеся у него за щекою; при этом они настолько быстро росли, что стали препятствовать дьяволу даже жевать пищу. Чтобы избавиться от этого несчастья, дьявол начал своей лапой вытаскивать кусочки земли из-за щеки и бросать в разных местах: куда попал большой кусок, там выросла большая гора, а куда маленький — там образовался курган или небольшая возвышенность. Однако, как ни старался дьявол поскорее выбросить изо рта всю землю, он не успел исполнить этого,

⁹ Зап. в 1985 г. в с. Бабинополе (Бабинопілле) Косовского р-на Ивано-Франковской обл. от Ивана Бойчука, 1912 г. р. (Дерево до неба. Українські народні казки та легенди на християнські теми / Зап., упоряд. М. Зінчук. Львів, 2000. С. 10–12, № 2).

потому что семена быстро росли; *пришлось разорвать щеку, чтобы освободиться от земли. Вот почему и рисуется дьявол с открытыми зубами.*¹⁰

Другой пример показывает, как изображение толкуется через вербальный текст (в данном случае — духовный стих о Егории и змие), цитаты из которого становятся своего рода объяснительным элементом в связке «изображение — текст». А изображение, в свою очередь, выступает как подробная (буквально пошаговая) иллюстрация к духовному стиху.

У мэнэ есьць ікона такая — Юрэй. І зьмэя... Яна вылазіла з мора, і
 вона ела людэй. І дом стоіць, цар... І вона віходзіць ды кажа:
 — Хоць сам іды або доч вэды!
 Цар кажэ:
 — Сам пойду — царство збуду. А доч оддам — другá будэ.
 А тут Юрэй на коне. І вон ее прыколюў. І ў мэнэ і ікона таке.¹¹

Следующий пример содержит объяснение, почему следует почитать Георгия Победоносца, который выступает в функции змеборца, но противостоит ему не змий из Жития, а... змий-искуситель.

По-правильному там Георгием Победоносцем, а у нас по-простому —
 Егорьев день, але Егорий весенний. Я видала ево на картинке, он там
 змия убивает, который Еву соблазнил-та. Вот мы ево теперь и велича-
 ем поэтому.¹²

Иногда в народных легендах образ змия-искусителя получает своеобразную трактовку — как изначально положительного и несправедливо обвиняемого персонажа. Подобные представления связаны, с одной стороны, с укорененным в народно-христианской традиции верованием в существование «ранешней» Библии (содержавшей всю правду о сотворении и судьбах мира и впоследствии замененной на «неправильную» новую Библию),¹³ а с другой — с

¹⁰ Станица Разшеватская Кавказского уезда Кубанской обл. (Несколько казацких песен и суеверий ст. Разшеватской Кавказского уезда Кубанской области, записаны со слов казака Григория Турищева учителем Разшеватской школы К. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис; Махачкала, 1883. Вып. 3. Отд. 2. С. 98).

¹¹ Записано от О. И. Шимчук, 1935 г. р., д. Старовысокое Ельского р-на Гомельской обл. (Традиционная мастацкая культура беларусаў. Т. 6. Кн. 2: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. Мінск, 2013. С. 610).

¹² Зап. в 2001 г. в д. Михайловка Знаменского р-на Тамбовской обл. (Архив Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина).

¹³ См., например: Маслинский К. А. Эсхатологические рассуждения современных кре-

широко известной иконографией змия на древе познания (изображается с человеческой головой и красивым лицом).

Это так в новой Библии уже написано, что змий Еву соблазнил. А *я-то еще старую читала, настоящую, а не эту антихристову, и там написано было, что змий добрый был. Вот первая самая Библия-то с картинкой была, ну, это значит что? Что там все нарисовано было, и какие были в начале Адам и Ева, и как потоп был. И вот там нарисовано, что у змия улыбка, то есть он был хороший, и вовсе не Сатанаил. А Ева сама такой была, она же и Адама подговорила. За это Бог их и выгнал. Змий был на службе у Бога, а Ева его соблазнила и съела яблоко. А змия обвиняют. А все потому, что Библия у людей неправильная.*¹⁴

Изображение — жест — слово

В связи с соотношением текста и иконографии следует также проанализировать некоторые структурные особенности устных нарративов, ориентированных на изображение и как бы «пересказывающих» визуальный ряд; в такого рода тексты (в отличие от устных пересказов библейских сюжетов и легенд на библейские сюжеты) часто включаются (нарушая на первый взгляд стройность повествования) попытки словесно передать жесты, движения, позы и т. п. Оценить такой текст и сопереживать ему в полной мере способна только та аудитория, которая знакома с теми же иконографическими образцами, что и рассказчик.

Примеры таких текстов (о разрушении храма Самсоном и о Лотовой жене) были опубликованы В. С. Кузнецовой, при этом публикатор отметила, что рассказчица, от которой были сделаны записи, сама Библию не читала, рассказы на темы Священного Писания в детстве слышала от матери, которая была грамотной, имела Библию и устраивала «читки» для односельчан; вместе с младшей сестрой рассказчица часто рассматривала картинки в книгах, по которым читала мать.¹⁵

А потом опять... Как же его звали?.. Силач был тоже... <...> Самсон, ага. Самсон разрушает храм иудеев. *И вот он так вот уперся. У него волосы были чуть не до пят, не стригся никогда. Ну, он женатый ж был.*

стьян // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 91–104; Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44; и др.

¹⁴ Зап. от З. М. Турушевой, 1931 г. р., д. Архипята Афанасьевского р-на Кировской обл. (Ветхозаветные легенды старообрядцев Кировской области / Публ. А. Е. Ванякиной // Живая старина. 2002. № 3. С. 8).

¹⁵ Кузнецова В. С. Фольклорные легенды на библейские сюжеты из собрания Государственного архива Новосибирской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 4. С. 74.

Рис. 2. Самсон разрушает храм. Гравюра Г. Доре

Оне были иудеи, а он взял каку-то другого сорту — саморянку каку-то. А ей надо всё знать было, что «ты нам Расскажи, выпытай яго, Расскажи, в чем у яго сила?» Такой он сильный.

А он как-от уперся вот так вот в эти столбы и посыпался народ, прямо видать: маленькие ребятишки на матерей тут, на отцов. Все там, ну, как пишется, пишшат, вижжат, ну и оне ползает по матерям. Ну и это, может быть, там с 10-этажный дом был, так-от он там <...> Храм... Да, иудеи жили. Ну, храм ли, дом ли <...> сейчас сказать.¹⁶

В городе Иерусалиме было раньше (по книгам-то) тоже землетрясение тада. О-о-о! Только Ной Правед-

ный со своей семьей мог утти. Это тоже, как оне шли. Две дочери было и жена. Пошли. Им, видно уж так Господь подсказал, что «уходите от этого места, где будет землетрясение». *Вот оне — две дочери у его — в обнимку идут, а жена позади идет одна.* Потом и сказал им какой-то там, ну... тоже под вид того, что какой-то пророк ли, святитель, что «пойдите, пушшай грядит, шумит там, рвется, ломатся, убивают, — вы не оглядывайтесь. Идите-идите в другую страну, где не будет землетрясения». Тоде за грехи Господь наказывал. Вот, а жена не вытерпела, оглянулася. Там шумит, грядит, горит, пожар, и всё и трешшит. *А этот с дочерьми шел в обнимку, Ной, не оглядывались даже.* Она тада осталася столбом соляным: оглянулася она, посмотрела — не по-Божьему сделала. *Но и так она даже на картине стоит. Вот так от кувшин ешио несла на голове. Так и стоит с кувшином.* Вечно осталася столбом.¹⁷

¹⁶ Зап. в 1989 г. в Новосибирске от Т. И. Титовой, 1910 г. р., урож. с. Тюгун Алтайского края (Кузнецова В. С. Фольклорные легенды на библейские сюжеты... С. 74–75).

¹⁷ Зап. в 1989 г. в Новосибирске от Т. И. Титовой (Кузнецова В. С. Фольклорные легенды на библейские сюжеты... С. 74).

Вопрос о том, какие именно книги могли произвести столь яркое впечатление на рассказчицу, в публикации В. С. Кузнецовой не рассматривался. Однако выразительные иконографические образы в приведенных текстах явно свидетельствуют о вполне конкретном книжном источнике. Выскажем уверенное предположение, что «оригиналом» для воспроизводимых вербально жестов, движений и пластики персонажей послужили гравюры из Библии, иллюстрированной Гюставом Доре.¹⁸

Гравюры Доре могли стать «мотивирующей» составляющей фольклорных рассказов, не имеющих отношения непосредственно к библейским сюжетам. Так произошло, на наш взгляд, с преданием о «каменных волах» в окрестностях г. Мозыря на Гомельщине (широко распространенный вариант сюжета о наказании за работу в праздник — пахарь и волы превращаются в камни, проваливаются под землю и т. п.). Показательно, что повествование начинается со свидетельства о некой виденной рассказчицей иконе:

У маеі бабушкі ікона е такая, што на Паску мужык паехаў араць на поле. А прынесла жонка яму есьці, куўшынчык вады і яду прынесла. А ён паеў, папіў вады і кажа на яе:

— Ідзі, не аглядайся, ідзі дадому!

А яна аглянулася — валы сталі камнем, і чалавек стаў камнем. І жаншчына стаіць на іконе. У маеі бабушкі, чэснае слова, такая ікона. Жаншчына с куўшынчыкам, етыя валы...

Да казалі, дзе-та ў Бібіках тыя валы, толкі ўжэ сьпіны відны. Казалі, пака тыя валы не зойдуць у землю, да тых пор свет будзя дзяржацца. А як валы схавуюцца, тады і света ня будзе...¹⁹

Рис. 3. Лот с женой и дочерьми покидает Содом. Гравюра Г. Доре

¹⁸ См., например, русский перевод, исполненный Святейшим Правительственным Синодом и изданный типографом М. О. Вольфом в 1888 г. в 3-х томах (с 230 гравюрами художника), который имел чрезвычайно широкое хождение в различных конфессиональных сообществах.

¹⁹ Зап. от А. А. Лазаренко, 1940 г. р., в д. Княжеборье Ельского р-на Гомельской обл.

«Воплощение текста»

Еще одна возможность визуализации фольклорного текста состоит в том, что нарративу находится «материальное подтверждение» в виде, например, скульптурной композиции. Таким образом, библейский сюжет встраивается в конкретное

Рис. 4. Фонтан «Самсон» (1748–1749 гг.), архитектор И. Г. Григорович-Барский (деревянная скульптура начала XIX в.), Киев. Апрель 2014 г., фото Ю. Буйских

люстрацией» народной легенды, соединив в едином городском пространстве библейскую древность и национальную историю. А легенда, в свою очередь, обогатила сюжетный фонд городского (киевского) фольклора.

городское пространство и становится фактом местной устной истории.

В этом контексте представляет интерес украинская легенда «Давидовы дети», записанная в Подолии: царь Давид попросил Бога дать ему трех сыновей: самого красивого, самого сильного и самого умного. Бог дал Давиду сыновей: Иосифа (снотолкователя), Самсона (воина) и Соломона (любителя чтения).

Сильний Самсон воював-ся по всім світі, на остаток з нами задумав воювати. Пливе Дніпром, але на нього лев. Самсон до нього, та як ухватив его за пащу и як наступив ногою, то так разом з левом і закаменів. Так він і тепер стоїт у Києві.²⁰

Так фонтан 1748–1749 гг. работы архитектора И. Г. Григоровича-Барского, с деревянной скульптурой начала XIX в., изображающей Самсона, раздирающего пасть льву, стал «ил-

(Традиційна мастацка культура беларусаў. Т. 6. Кн. 2: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. Мінск, 2013. С. 631).

²⁰ Драгоманов М. Малоросские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 98.

Мотив «ПОСОХ С ДЕНЬГАМИ»
В ПСКОВСКОМ ПРЕДАНИИ

В 1861 г. Ф. И. Буслаев опубликовал в своих двухтомных «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» небольшую, но яркую статью «Замечательное сходство псковского преданья о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова «Дон-Кихота».¹ Само псковское предание Ф. И. Буслаев изложил по этнографической статье К. Д. Кавелина, который привел его в следующем виде: «Г. Сырохнов, учитель Вербиловского села (Себежского уезда) говорит, что в Порховском уезде (Псковской губернии) есть гора Судомы, о которой сохранилось следующее поверье. Над горой висела с неба цепь. В случае споров или бездоказательных обвинений соперники приходили на Судому и каждый по-очередно должен был достать цепь рукою, а цепь позволяла себя взять только праведной руке. Однажды сосед у соседа украл деньги и засыпал их в толстую палку, выдолбленную в середине. Обокраденный как раз попал подозрением на виновного. Оба пошли на Судому, причем вор вместо путевой дубинки взял свою палку с деньгами. Сперва цепь достал хозяин, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потом вор отдал хозяину подержать свою палку и, доставая цепь, сказал: «Деньги у тебя». Цепь и ему далась, но с тех пор неизвестно, как и куда исчезла».² Это предельно краткое изложение предания не стало единственной его публикацией, но важнее, что это была далеко не первая его публикация.

В 1830 г. в трех номерах «Северной пчелы» была опубликована «русская легенда» «Судомы».³ Легенда тут изложена очень витиевато, с пространными

¹ Буслаев Ф. И. Замечательное сходство псковского преданья о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова «Дон-Кихота» // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 464–469. Статья переиздана в: Буслаев Ф. И. О литературе. М., 1990. С. 126–131.

² Кавелин К. Некоторые извлечения из собираемых в императорском Русском Географическом Обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки // Географические известия. 1850. Вып. 3. С. 327–328. Статья переиздана в: Кавелин К. Сочинения. М., 1859. Ч. 4. С. 204–205.

³ А. И. Судомы, русская легенда // Северная пчела. 1830. 30 авг., № 104; 2 сент., № 105; 4 сент., № 106. Под псевдонимом «А. И.» в «Северной пчеле» печатался А. Е. Измайлов (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 41), но этого произведения нет ни в «Полном собрании сочинений» (М., 1890. Т. 1–3) А. Е. Измайлова, ни в списке его произведений (см.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых.

отступлениями. После длинного вступления с пейзажными зарисовками и точным указанием местоположения горы Судомы автор переходит к описанию ее замечательных особенностей: «В незапамятные времена Судомы была священным местом *суда и правды*». Описав замечательные и безошибочные свойства свисавшей с неба золотой цепи, которая давалась в руки только невинному, автор переходит к конкретному случаю тяжбы двух задушевных друзей. Добрый Анкудин выручил из беды Мартына, дав ему в долг немалую сумму. Затем сам Анкудин впал в бедность и просил Мартына вернуть долг. Но коварный Мартын отрекся и сказал, что долг давно вернул. Бывшие друзья в сопровождении свидетелей идут на гору, Мартын дает свои рукавицы, шапку и палку поддержать Анкудину, берет за цепь и клянется, что долг вернул. Свидетели берут его сторону и осуждают Анкудина, но тут цепь «ужасно заколебалась, зазвенела, вырвалась и быстро понеслась на небо с грозным шумом и треском», святотатец же пал замертво. После осмотра палки обнаружили в ней деньги. «Все изумились, всем стало ясно, что Мартын, скрыв в палку деньги, отдал ее с шапкою и рукавицами Анкудину поддержать и после сего уверял в возврате долга, клял невинного и так смело взялся за священную цепь». Нет сомнений, что это художественная обработка предания.

Несколько лет спустя в «Псковских губернских ведомостях» появилось краткое, но наиболее дельное изложение предания с точной географической привязкой горы и несколько отличной концовкой: «Раздраженный истец бросил палку и все открылось».⁴ Предание, как кажется, прочно вошло в устный репертуар псковской словесности и в 1845 г. в «Трудах воспитанников учебных заведений» было напечатано сочинение ученика псковской гимназии Васильева «Гора Судомы. (Псковское предание)».⁵ Особых отличий в этой версии легенды нет: бедняк Симон украл много денег у богача Петра, а когда цепь после клятвоступления поднялась на небо, Симон упал замертво, «а подле него лежали в куски раздробленная палка и деньги». Можно полагать, что в исходном варианте предания персонажи были безымянными, а их социальный облик не был обозначен.

В 1851 г. предание было опубликовано дважды: по публикации К. Д. Кавелина только легенда о горе Судоме была перепечатана в «Журнале Министерства народного просвещения»,⁶ а в «Москвитянине» Н. Куприянов в ка-

честве Р. С. к своей этнографической статье заметил: «Не знаю, известно ли ученым следующее народное предание, слышанное мною на днях от одного любителя древностей» и привел текст псковской легенды.⁷ Свое изложение Н. Куприянов завершил наблюдением: «Это предание, не лишенное поэзии, может служить новым примером русских преданий, бывших на Руси в первые веки христианства, а может быть, и раньше». Уже по публикации Н. Куприянова легенда попала в неоднократно издававшуюся «Практическую русскую грамматику» П. Перевлеского.⁸

Небольшой этюд Ф. И. Буслаева никак не помешал победному шествию предания по русской этнографической и учебной литературе. Между тем, Санчо Панса рассудил тяжбу двух стариков в полном соответствии с легендой о горе Судоме, с тем разве отличием, что в этом эпизоде «Дон-Кихота» нет ни волшебной цепи, ни горы, а роль судьбы Санчо взял на себя.⁹ Ф. И. Буслаев был уверен, что «и тому, и другому был один общий источник в средневековых юридических преданиях. Смешно было бы предполагать, что псковское поверие составилось в народе под влиянием «Дон-Кихота»».¹⁰ И далее Буслаев привел мусульманскую легенду со схожим сюжетом. Но указание на использование бродячего сюжета в псковском предании было высказано И. Бутырским еще ранее, в 1839 г. Приведя текст предания о горе Судоме, публикатор заметил: «Удивительно, впрочем, то, каким образом греческое предание о палке, в которую в подобных же обстоятельствах были вложены день-

Сергей Иванович Николаев. Июнь 2012 г.

СПб., 1904. Т. 6. С. 92–108). Автор был, по-видимому, жителем Псковской губернии, поскольку рассказ посвящен «Софье Ал. Чечен...й», то есть С. А. Чеченской, дочери владельца с. Савкино Опочецкого уезда Псковской губернии (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1988. С. 488), написан же рассказ в «с. Лобаново», а село с таким названием было в соседнем уезде той же губернии.

⁴ См.: Бутырский И. Рассказы о горах Душилихе и Судоме // Псковские губ. ведомости. 1839. 25 окт., № 43. Прибавление. С. 358–360.

⁵ См.: Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. СПб., 1845. Кн. 3. С. 54–57 (Раздел «Труды воспитанников учебных заведений»).

⁶ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 70. Раздел 6. С. 11.

⁷ См.: Куприянов Н. // Москвитянин. 1851. № 17. Внутренние известия. С. 56–57.

⁸ См.: Перевлеский П. Практическая русская грамматика. 4-е изд. СПб., 1861. С. 65–66. В предыдущих изданиях грамматики этой легенды не было.

⁹ См.: Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М., 2003. Т. 2. С. 252–254, 751.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Замечательное сходство... // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 467.

ги или влито золото, перешло на север Руси.¹¹ Далее он ссылается на имевшиеся в его распоряжении две греческие книжки, названия которых приведены на русском языке. У одной из них не было титульного листа («Из Посселиевых греко-латинских апофегм»), зато вторую — «Конона повествование» — можно идентифицировать по указанному названию, месту и году издания (Лейпциг, 1794). Это «Повествования» древнегреческого писателя Конона (I в. до н. э.). Действительно, приведенный И. Бутырским в русском переводе рассказ совпадает с псковским преданием.¹² Таким образом, нет сомнений, что в основе псковского предания лежит бродячий сюжет, зафиксированный еще в древнегреческой литературе.

Сказочный сюжет «посох с деньгами» (961 В) о нечестном должнике известен фольклору разных стран, европейских и восточных.¹³ Однако в восточнославянском фольклоре он не встречается.¹⁴ Здесь стоит вернуться к тяжбе, которую разбирал Санчо Панса. Объясняя, как он догадался, что деньги спрятаны в трости, Санчо сказал, что «священник их села рассказывал ему про один случай в роде этого, а у него, Санчо, отличная память». Священник, надо полагать, привел в своей проповеди *exemplum*, подходящий к случаю. Сборники *exempla* доставляли проповедникам иллюстративный материал к самым разнообразным житейским ситуациям или нравственным коллизиям. И в этом обширном репертуаре отыскивается соответствующий псковскому преданию сюжет «посох с деньгами», известный в литературе по меньшей мере с XII в.¹⁵ Попал этот рассказ и в «Великое Зерцало примеров» на латинском языке,¹⁶ есть он и в издании на польском языке.¹⁷ «Великое Зерцало» было переведено на русский язык с польского в 1675–1677 гг., но в русском переводе

¹¹ Бутырский И. Рассказы о горах Душилихе и Судоме. С. 359. Знание И. П. Бутырским (1805–1879) греческого языка объясняется тем, что он закончил Псковскую духовную семинарию, затем учился в Петербургской духовной академии, после которой более десяти лет преподавал греческий язык в Великолукском духовном училище. За справку о И. П. Бутырском благодарю Т. Г. Иванову.

¹² См.: *Conon. Narrationes Ptolemaei Historiae ad Variam Eruditionem Pertinentes Parthenii Erotica Graece cum Notis Variorum et Suis Emendatius* / Ed. L. H. Teucherus. Lipsiae, 1794. P. 33–34; *Höfer U. Konon, Text und Quellenuntersuchung*. Greifswald, 1890. S. 20–21.

¹³ См.: *Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography*. Helsinki, 1961. P. 341; *Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography: Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson*. Helsinki, 2004.

¹⁴ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 247.

¹⁵ См.: *Tubach F. C. Index Exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales*. Helsinki, 1969. P. 261 (№ 3352), 270 (№ 3469); *Hansen W. Ariadne's Thread: A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, 2002. P. 279–284. У Хансен не учитывается упомянутого ранее рассказа Конона.

¹⁶ См.: *Magnum speculum exemplorum*. Coloniae, 1653. P. 422–423.

¹⁷ См.: *Wielkie zwierciadło przykładów*. Kraków, 1624. S. 989–990 (№ 1420); *Wielkie zwierciadło przykładów*. Kraków, 1633. S. 912 (№ 1536).

этого «приклада» нет.¹⁸ Нет этого «приклада» и во втором русском переводе, выполненном позднее.¹⁹ Тем не менее, в 1670-х гг. сюжет «посох с деньгами» дважды отразился в восточнославянских литературах.

В 1676 г. в Киеве был издан обширный сборник проповедей украинского проповедника Антония Радивиловского. В одной из проповедей, посвященных св. Николаю Чудотворцу, проповедник приводит следующий рассказ: «Пишет святой Мефодий патриарха, же един христианин у жыда немалую суму грошей позычил, а кгда не мел, кто бы ся за него ручил, на олтару святого Николая по-присяг (на что и жyd оный призволил), же мел ему отдати, кгда ся своего часу назначенного упомнит. Выйдет рок един, выйдет другой и третий позыченным грошам. Упоминається жyd, абы отдал. А он под присягою твердит, жем я уже тебе отдал. Что ж чинит жyd? Позывает его до уряду и правне з ним ся розправует. Суд, выслушавши контрoверсий албо спору обои стороны, наказует присягу христианину. Тут же слухайте, якои зрады ужил христианин хитрий? Идучи до присяги, палицу наполнил златом, и, присягаючи, жydови отдал, мовячи, же ему болш, нежели был винен, отдал. По сконченю присяги палицу знову до себе взял. А кгда повернул з суду, на розтаню дорог, сном змореный, упал. Которого воз з великим пудом, наихавши, забил, палицу зламал и злато, которое в ней было, высыпал. Послышавши о том, жyd, злякшися, прийдет, зраду обачит. И кгда ему много радило, абы злато взял, не хотел, аж бы умерлый молитвами и заслугами святителя Николая ожил, твердячи, же если бы тое было, теды мел крещение святое принять. Скоро тое жyd вырек, зараз умерлый ожил, а жyd, видячи тое, окрестился».²⁰ Хотя Антоний не ссылается на «*Magnum speculum exemplorum*» и даже указывает Мефодия патриарха как свой источник, очевидно, что его «приклад» соответствует латинской версии популярного сборника.

Два года спустя, в 1678 г. Симеон Полоцкий завершил работу над своим огромным стихотворным сборником «Вертоград многоцветный». Сюжет «посох с деньгами» изложен в стихотворении «Клятва во лжу»:

Купецъ нѣкто богатый во градѣ живяше,
но, расточивъ богатство, зѣло обнищаше.
Сей, пришедъ к жиловину, у него просиль есть
взаимъ сребра на куплю, жидъ не отвратиль есть
Лица от просящаго, токмо ему рече:
«Даждь ми залогъ на сребро, добрый человекъ».

¹⁸ См.: *Владимиров П. В. Великое Зерцало: Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884. Приложение 2. С. 45; Walczak-Sroczyńska B. «Wielkie Zwierciadło Przykładów» — dzieje tekstologiczne // Slavica Orientalis. 1976. № 4. S. 493–508.*

¹⁹ См.: *Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.*

²⁰ Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676. С. 703; *Крекотень В. І. Оповідання Антонія Радивиловського. З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983. С. 225. Текст приводится в упрощенной орфографии.*

Купецъ отвѣща ему: «Не имамъ что дати,
но споручника дамъ ти, ты изволи взяти,
Споручника же велми честна и благаго,
дамъ Николая тебѣ, отца пресвятаго».
Жидовинъ рече: «Слышу того мужа быти
праведна, ни обыкша никого же лстити;
Споручению его хочу вѣру яти
и тебѣ взаимъ сребра яко требѣ дати».
Совѣщавшася убо в монастырь идоста,
в храмъ свята Николая оба приидоста.
И внегда пред образомъ его има стати,
купецъ онъ христианинъ ялъ есть глаголати:
«Олтарь, пред ним же стою, и отца святаго
Николая даю ти, яко праведнаго
Споручника за сребро, — яко ти воздати
имамъ в день нареченный, а никако лгати».
Жидъ на глаголы сия сребра ему далъ есть,
онъ тѣмъ благополучно куплю содеял есть;
Пособиемъ Божиимъ богатъ сотворися,
скоро нужда нищеты бывшия забыся.
Пришедшу же дни, в онже долгъ нужда воздати,
моли купецъ овъ жида, еже еще ждати.
Жидъ три краты оному время продолжаше,
а онъ в сердци лукавый умыслъ соблюдаше.
Напослѣдокъ, егда жидъ оному стужал есть,
онъ со клятвами рече, яко долгъ отдал есть.
Жидовинъ пред судии онаго призваше
и суда правдиваго на лживца прошаше.
Судии жидовина судомъ оправдиша,
да купецъ сребро отдастъ, чинно присудиша,
Или да клятву дѣетъ, яко долгъ отдал есть.
Онъ сие средство, точнѣ и жидъ, восприял есть.
В день убо уреченный мнози ся стекоша,
с купцемъ и с жидовиномъ в монастырь идоша.
Купецъ же злокозненный жезлъ свой издолбаше
и во нь цѣну во златѣ за долгъ вложил баше.
Егда убо нужда бѣ клятву содѣяти,
далъ купецъ жидовину жезлъ свой подержати,
Да тако правда будет, яко отдалъ ему,
яко взаимъ дателью что долженъ своему.
Жидовинъ жезлъ со златом в руках си держаше,
о козни купца того ниже помышляше.

Оному, жезлъ держащу, клятву сотворил есть
купецъ, пред Николаемъ лютѣ согрѣшил есть.
По клятвѣ паки жезлъ свой от жида прияше,
такое не во лже клятву быти непщеваше;

И с многимъ веселиемъ в дом свой возвратися,
но не долго о лести своей веселися, —
Ибо жидъ онъ к святому рече Николаю:
«Рабе Божий, азъ тебе споручника знаю,
Не лживому азъ купцу яхъ вѣру, но тебѣ;
буди убо правъ нынѣ, воздаждъ еже требѣ».
А в то время купецъ той в домъ ся возвращаше
и, на пути бывъ, тяжкимъ сномъ одоленъ баше,
Егоже не претерпѣвъ, спати положися
на распутии, ничто того устранися.
Тогда же колесницу волове тягнуша
тяжку зѣло и спяща мужа не минуша.
Нашедше на нь бременемъ, лестца умертвиша
и жезлъ, при немъ лежавший с златом, сокрушиша.
Онъ окаяннъ издше, злато источися, —
то видѣти путникомъ многимъ прилучися,
Иже судиямъ града вѣстно сотвориша.
Ти, пришедше к трупу, зѣло ся дивиша
Скорой мести Божией и злато то взяша,
жиду таможъ притекшу все цѣло отдаша.
Жидъ абие в монастырь путь скорый приялъ есть,
святому Николаю благодарство далъ есть,
Глаголя: «Отче правый, благодарю тебѣ,
яко правду сотворилъ во моей потребѣ:
От споручения ты нынѣ свободенный,
ибо долгъ ми тобою цѣло возвращенный.
Имамъ тя яко раба азъ Господня чтити
и правдотворение повсюду славити.
Аще же ину милость можеша явити,
со всѣмъ азъ домомъ имамъ христианинъ быти, —
Аще того мертвеца жива сотвориши,
во Христа мя вѣрити чудомъ наставиши».
Сия ему изрекшу, люди приидоша,
о востании мертвца вѣсти принесоша.
По нихъ и самъ оживый с многими слезами
пришедъ паде святому отцу пред ногами,
Пред образомъ онаго усердно рыдая,
прощения лжеклятвы от Бога желая.

Плакавъ довольно, с жидом онѣмъ примирися,
о лукавом дѣлѣси явѣ обличися.
Жидъ тѣмъ чудодѣйствомъ бывый удивленны,
потщася со всѣмъ домомъ си быти крещенны.
И тако единаго мужа падение
другому устройся Богомъ в спасение,
Иже убо, якоже в жидовствѣ твердъ бѣше,
такъ во христианствѣ доблестно живяше,
Имѣя в защитника Николая себѣ,
ему ся поручая во всяцѣхъ потребѣхъ.²¹

Считается, что источником этого стихотворения была «Золотая легенда» (ок. 1260 г.) Иакова Ворагинского.²² И Антоний Радивилловский, и Симеон Полоцкий были выучениками Киево-Могилянской коллегии, поэтому их знакомство с латинскими сборниками *exempla* не удивительно. Стихотворение Симеона Полоцкого было издано только в XX в.,²³ а вот «Огородок Марии Богородицы» Антония Радивилловского имел хождение и в России, судя по читательским записям на экземплярах.²⁴

Таким образом, разыскание в области сюжета «посох с деньгами» показало, что в основе псковского предания о горе Судоме лежит сюжет, издавна известный фольклору и литературе многих стран и народов, с XII в. входивший в репертуар рассказов, которые проповедники использовали в своих проповедях. В XVII в. этот сюжет отмечен и в восточнославянских литературах. Что касается конкретной привязки этого сюжета к псковскому краю, то здесь уместно привести мнение В. Л. Комаровича, который в самом начале своего исследования о «Китежской легенде» писал: «В противоположность обычно подразумеваемым под устной легендой народным пересказам библейско-христианских апокрифов, — произведений книжных и в этом смысле ничем не отличающихся и в устной передаче от других жанров средневековой литературы, — местная легенда имеет то разительное отличие, что, по образному выражению Ключевского, “цепляется” за урочище, то есть своим сюжетом непременно всегда связана с тем или иным, почему-нибудь примечательным местом или предметом: городищем, руиной, могильником,

²¹ ПЛДР. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 96–98.

²² См.: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1999. Vol. 2. S. 590. Тут же приведен латинский текст соответствующего *exemplum* Иакова Ворагинского.

²³ См.: *Симеон Полоцкий. Избранные сочинения* / Подгот. текста, ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 47–50.

²⁴ См.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина / Сост. А. А. Гусева, Т. Н. Каменева, И. М. Полонская. М., 1981. Вып. 2. Т. 1. С. 21.

патрональным храмом, пещерой, ключом, горой, деревом, камнем, бродом, колодезем и т. п. И на вопрос: что притянуло к урочищу легендарный сюжет, — ответ не всегда может быть найден легко и просто, по крайней мере, адептами сравнительно-исторической школы. В самом деле, что из того, что в местной псковской легенде о горе Судоме обнаружен (еще Буслаевым), в качестве ее сюжета, тот же апокриф (“суды Соломона”), что и в одном из эпизодов Сервантесова “Дон-Кихота”: повод к местному его приурочению лежит совсем в другой плоскости, чем постулируемая сравнительно-исторической школой простая смена заимствований переходящего сюжета. Повод этот надо искать или, как в указанном случае, в так наз. “народной этимологии” соответствующего местного названия, то есть в фактах языка и, особенно, топонимики с скрывающимися за ними этнолого-социологическими реалиями; или, — когда урочищем служит памятник материальной культуры, — в данных археологии.²⁵ С выпадом автора против сравнительно-исторической школы трудно согласиться, учитывая приведенные ранее многочисленные примеры из истории сюжета, в том числе в восточнославянских литературах. Но упоминание народной этимологии заслуживает внимания. Этимология топонима «Судомы» (гора и река) до сих пор не выяснена, народная же этимология возводит это слово к «суду». На это указывал уже первый публикатор легенды, а затем И. Бутырский и Ф. И. Буслаев.²⁶ На сегодняшний день это наиболее убедительное объяснение привязки старинного сюжета к конкретному урочищу на Псковской земле.

История псковской легенды о горе Судоме не завершилась в XIX в. на страницах этнографической и учебной литературы и там не затерялась. А. Н. Толстой в 1875 г. издал «Русские книги для чтения», куда вошла и маленькая сказка «Судомы»:

В Псковской губернии, в Пороховском уезде, есть речка Судомы, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на этой горе в старину с неба висела цепь и что кто был прав, тот до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать. Один человек занял у другого деньги и отперся. Привели их обоих на гору Судомы и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришел черед виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль подержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал. Тогда народ удивился: как, оба правы? А у виноватого костыль был

²⁵ *Комарович В. Л.* Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд). М.; Л., 1936. С. 1.

²⁶ См.: *А. И. Судомы, русская легенда* // Северная пчела. 1830. 30 авг.; *Бутырский И.* Рассказы о горах Душилихе и Судоме. С. 358; *Буслаев Ф. И.* Замечательное сходство... // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 468.

пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался. Когда он отдал в руки костыль с деньгами подержать тому, кому он должен был, он с костылем отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь поднялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.²⁷

Предполагается, что Толстой взял это предание из учебника П. Перевлеского,²⁸ хотя к этому времени легенда была напечатана в разных изданиях.

Не забыта легенда и в наше время, тем более что гора Судомы считается памятником природы Псковской области. Но легенду вспоминают не только в краеведческой литературе. Она попала даже в число «таинственных мест России». В одном из справочников о горе Судоме говорится следующее: «Название свое гора заслужила не случайно. Сюда приходили вершить суд, разрешать споры. Однажды пришли два крестьянина, каждый из которых обвинял другого в том, что тот присвоил его имущество. Они знали — кто дотронется до золотой цепи, тот и прав. Тот, который говорил правду, без труда коснулся ее. Тогда вор подпрыгнул — и тоже смог дотронуться! С тех пор цепь исчезла. Но аборигены до сих пор ходят на гору решать спорные вопросы. Иногда решают их мирным путем, иногда — дракой. Говорят, Судомы-гора помогает отыскать правду. Скорее всего, речь идет об особой энергетике горы, которая воздействует на сознание и поведение людей».²⁹ Удивительным образом из этого изложения исчез сюжет «посоха с деньгами». Составителей подобных «энциклопедий» можно понять — в истории о нечестном и плутоватом должнике нет ничего сверхъестественного или паранормального. Правда, без «посоха с деньгами» исчезновение цепи утратило логику, а сама легенда осталась без нравов.

В псковском предании о горе Судоме произошла контаминация двух разных по своей природе мотивов. Древнейшей частью является легенда о горе, на которой вершится праведный суд.³⁰ На более позднем этапе истории предания, но не ранее XVII в., к нему был добавлен сказочный мотив «посоха с деньгами», который к тому времени прошел литературную обработку в духе и стилистике христианского ехemplum.

²⁷ Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. М., 1957. Т. 21. С. 154–155.

²⁸ См.: Там же. С. 636.

²⁹ Супруненко Ю., Шлионская И. Новейшая энциклопедия таинственных мест России. М., 2007. С. 106.

³⁰ См.: Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1980. С. 311–315; Левкиевская Е. Е. Гора // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 520–521.

ЭТО ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО МГЛА*

1.

В русском языке мы умеем именовать некие полувоздушные, полупрозрачные образования на небе. Именуются они по-разному, опираясь на степень густоты их воздушной завесы. Мы знаем *облако*, *тучу*. Любим наблюдать формы облака, которое часто кажется белоснежным и мягким. Формы туч обычно не рассматривают, они надвигаются сверху, угрожая: дождем, градом, ливнем. Физическая их природа образованным людям понятна, и чувство страха, иногда вызываемое ими, обычно является страхом перед их возможными последствиями — мелким дождиком, дождем, ливнем. Метафорически они также употребляются в соответствии со своей возможной силой. *Легкое облачко грусти пробежало по ее лицу*. Это значит, что ей взгрустнулось, но не надолго. Иначе — *Слезы хлынули ливнем; она рыдала, не переставая*. Темная туча мрачна и опасна — и потому горе ее серьезно.

Особое семантическое место занимает третье близкое к ним слово — МГЛА, но оно кажется более темным, более непроницаемым по значению. А иногда — она просто синоним тучи или даже темноты, тьмы.

Приведем ряд примеров из Национального корпуса русского языка:

*Деревья были белым снегом,
В них мгла белела как зима*
(Д.Самойлов)

*По площадям Москвы и Ленинграда
Опять плывет сиреневая мгла*
(П. А. Антокольский)

Итак, МГЛА часто кажется безобидной и ничего не скрывающей. Но иногда она бывает явно противопоставлена полупрозрачному облаку и темноватому, но все же почти прозрачному туману.

* Впервые мысль о семантической особенности русского слова МГЛА, располагающегося в лексическом ряду слов *облако*, *туман* и под., пришла мне в голову 15 лет тому назад (см.: Николаева Т. М. Мгла // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 223–229). Настоящую статью можно рассматривать как продолжение статьи 1999 г. Появление Национального корпуса русского языка (НКРЯ) теперь дает возможность лингвистам расширять и углублять свои первоначальные лексико-семантические наблюдения. Многие примеры, приводимые мною далее, взяты из НКРЯ.

Елена Константиновна Ромодановская и Татьяна Михайловна Николаева.
Рыбинское водохранилище, 2000 г.

[452]

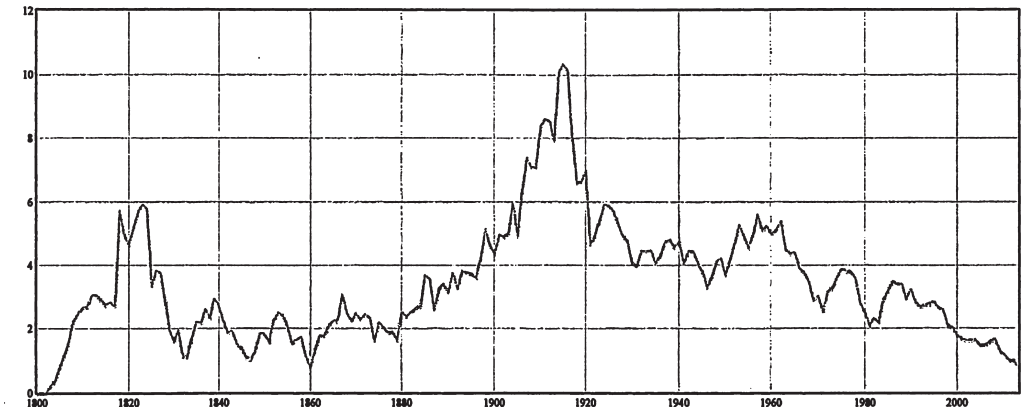
Возьмем отрывок из стихотворения Н. Заболоцкого:

*Ее глаза полны тумана —
Полу-улыбка, полу-плач.
Ее глаза, как два обмана,
Покрытых мглой неудач.*

(Н. Заболоцкий. «Любите живопись, поэты...»)

Здесь за словом *туман* стоит что-то неопределенное: может быть, и хорошее, а может быть, грустное. МГЛА же явно является некоей завесой, открывающей/скрывающей что-то определенно плохое или то, что хотят скрыть.

В Национальном корпусе русского языка ИРЯ РАН хорошо представлена хронологическая эволюция слова МГЛА (см. рис.). Очевидно, что пик употребления этой лексемы приходится на конец XIX — начало XX века.

Национальный корпус русского языка.
Распределение по годам частоты употребления слова МГЛА.

Национальный корпус русского языка, созданный относительно недавно, хорош для пользователя и тем, что демонстрирует числовое расхождение употребления тех или иных лексем в зависимости от стилистического статуса текста. Таким образом выделяются в отдельные группы: основной текст (то есть, ни на что не разделяющийся), акцентологический, диалектный, мультимедийный, обучающий, параллельный, поэтический, газетный, синтаксический, устный.

В настоящей работе нами были задействованы основной корпус, газетный корпус, поэтический и устный.

Данные основного корпуса: объем корпуса 85996 документов, 19 362 746 предложений, 229 968 798 слов.

По слову МГЛА найдено 500 документов и в них 739 вхождений этой лексемы.

[453]

Данные газетного корпуса: объем корпуса 332 720 документов, 173 518 798 слов.
По слову МГЛА найдено 38 документов, 43 вхождения.

Данные поэтического корпуса: объем корпуса 65 608 документов, 956 449 предложений, 9 671 137 слов.

По слову МГЛА найден 791 документ, 840 вхождений слов.

Данные устного корпуса: объем корпуса: 3 525 документов, 1 623 625 предложений, 10 754 403 слова.

Со словом МГЛА найдено 9 документов и 11 вхождений.

Итак, наибольший перевес у слова МГЛА находится в основном корпусе, некоторый перевес этой лексемы мы имеем в газетном корпусе (что неожиданно? — Т. Н.), в устном корпусе, но в наибольшей степени, конечно, в корпусе поэтическом, что вполне можно было ожидать.

Чем же, с точки зрения обычного русскоговорящего, отличается МГЛА, например, от тумана? Только ли своей большей непрозрачностью? Как кажется, не только этим. Вернемся к стихотворению Н. Заболоцкого. Туман в глазах актрисы Н. Струйской — это что-то неопределенное: в нем может содержаться и немного от Х и немного от Y, но догадаться о его содержании все-таки возможно. Но догадаться, какие именно неудачи скрывает МГЛА (мгла — очевидно, все-таки это ее густые темные ресницы), никак невозможно.

И вот мы выдвигаем гипотезу, что русская МГЛА часто подразумевает некую завесу, завесу в какой-то иной мир, мрачный и нерадостный.

2.

Но прежде всего мы узнаем, что все-таки МГЛА бывает самого различного цвета. Посмотрим данные Основного корпуса НКРЯ:

Выйдешь из дома — белая мгла, ничего не видать
(Борис Екимов)

Мгла казалась желтой и мутноватой
(Захар Прилепин)

*Утренняя мгла, тягостная и неприятная в обыкновенные дни,
казалась теперь живым, жемчужным светом*
(Людмила Улицкая)

*Не было ни моря, ни солнца, ни ветра, ни чаек — была только
розовато-желтая мгла под веками*
(Юрий Домбровский)

*Сам я долго не засыпал, смотрел в мутное окно, где стояла серо-
голубая мгла*
(Андрей Волос)

Солнце исчезло из виду, и небо покрыла светлая сероватая мгла
(Анри Волохонский)

За окнами поликлиники царила сизая мгла
(Татьяна Тренина)

Синяя мгла над черной пашней, вдали — березовая роща
(Анатолий Азольский)

К крошечному окошку прилипла черная мгла
(Анатолий Приставкин)

*Советую не задерживаться здесь надолго. Черная мгла наполнит
ваши перстни*
(Сергей Емец)

В продемонстрированных выше примерах говорится только о цвете МГЛЫ, ее колорите. Нам не сообщается о ее измерениях, о ее глубине, о ее способности передвигаться или раздвигаться. В этих примерах — это нечто, окружающее человека и обладающее цветом, причем цветом самым разнообразным, в отличие, например, от облака, как правило, белого или розовато- (голубовато-) белого. МГЛА в приведенных примерах не мешает человеку, по отношению к нему она нейтральна. Быть может, только оттенок ее сиюминутного цвета может быть для него нейтральным или даже неприятным.

3.

Но, оказывается, МГЛА может иметь измерения, может иметь некоторую плотность, плотность даже довольно сильную. При этом мгла может двигаться самостоятельно.

Как желна, над нею мгла металась
(В. П. Катаев)

*Стремительная мгла зимнего раннего вечера уже заполнила
пространство между деревьями*
(В. Шаламов)

*И черная дымовая мгла, не светлея, а наливаясь, уже заполнила
пространство*
(В. Гроссман)

Ветер усиливался, мгла сгущалась
(А. Береснева)

*Калитку я открываю с трудом, белая мгла хватает меня за щеки,
кутает в вихорь*

(А. Иличевский)

*Она приближалась, и мгла расступалась перед ней,
точно светом сжигало туман*

(Е. Хаецкая)

*Там мгла фигурировала сразу и как женщина, и как отчизна, среда,
состояние природы, тайна, может быть, метафора времени*

(Н. Крыщук)

Итак, МГЛА оказывается не столь простой. Она может иметь форму, может изменять облик этой формы. Она может быть густой, а может быть текучей, ползущей. Она может двигаться, приближаясь к человеку, но может отдаляться от него, даже расступаться перед человеком. Из приведенных примеров создается впечатление, что МГЛА имеет какую-то свою собственную, человеку неизвестную стратегию поведения. И все-таки для человека она — тайна, что-то среднее между живым и неживым. (Разумеется, я сознательно высказываю мысли и ощущения отнюдь не научного характера.)

Человек твердо знает: облачко исчезнет, растает, туман тоже может растаять и идти сквозь туман не так страшно, если знаешь дорогу. Но устремляться в «кромешную мглу» неприятно. Почему?

А потому, что у русской лексики МГЛА есть одна неприятная коннотация: она всегда что-то скрывает, нечто таится за ней. Неизвестность.

4.

В русских текстах редко попадают ситуации, когда обычный человек видит что-либо за облаком (разве в ситуациях чисто военных?), за туманом можно что-либо разглядеть и о чем-либо догадаться. Но отличие от этих слов МГЛЫ — особое.

Облако и туман возникают внутри человека, метафорически, они — его внутренние составляющие. МГЛА же может войти с человеком в контакт извне, соприкоснуться с ним:

*На весь мир с тех пор
Дьявольским крылом легла
Мертвой Хирошимы мгла*

(Г. А. Глинка)

*Все ушли, и разговоры
Спрятала ночная мгла*

(М. Светлов)

*Аэропланы ухитрились взвиться
И мгла не прекратила им пути*
(А. Н. Мартынов)

*Спаси нас не могла
От давящего зноя
Стремительная мгла
Вечернего покоя*
(В. Шаламов)

*Запоздавшая пчела
И цветок найти не может —
Помешала сбору мгла*
(В. Шаламов)

*И если бы ночная мгла
К нам снисходительна была*
(В. Шаламов)

*И мгла окутает колени,
Глаза завесит пеленой*
(В. Шаламов)

*Отпылала и нас обожгла
Наша белая вешняя мгла*
(А. А. Баркова)

*А потом все затихло и замерло
Притаилась, как хищник, мгла*
(А. А. Баркова)

*Пусть нас двоих на гребне страсти
Затопит смоляная мгла*
(А. Штейнберг)

Примеров подобного рода можно привести множество. Однако уловить и описать облик МГЛЫ необычайно трудно. Она может даже передвигаться, почти как человек:

*Отшумел тот клен,
В поле бродит мгла*
(О. Фомин)

Она может ползти, может рассеиваться (но не исчезать и не убегать, как, например, облачко). Может и сгущаться. МГЛА может окутывать человека, она даже может вползать к нему в душу.

*Но в мозгу министра
Болезненно уплотняла мгла*
(П. Антокольский)

*Как много дней ушло куда-то —
Они уходят без возврата
Лишь в скорбном сердце грусть и мгла*
(Е. Кропивницкий)

И все-таки ее физический статус уникален.

Мной совершались попытки найти схожий эквивалент в известных мне европейских языках (кроме славянских, где такой когнат имеется), но семантического полного сходства обнаружить не удалось. Неудачными в данном случае являются и эксперименты по переводу с русского языка. Дело в том, что переводчик обязан перевести это слово, перевести хоть как-нибудь, и его перевод в принципе всегда может быть случайным или приблизительным. Единственное, что можно утверждать твердо: МГЛА никогда не принимает антропоморфный или зооморфный облик.

Гамлета спрашивали: «На что похоже это облачко, милорд?». Задать подобный вопрос о сходстве с чем-либо МГЛЫ невозможно — она изменчива и принимает любой статус по своей воле.

5.

И все же можно попытаться определить ее генетику, ее географическое происхождение, ее современную оценку для нас и даже причины этой оценки.

Прежде всего ясно выделяются для этого слова несколько гетерогенных факторов:

1. Несмотря на указанное в начале различие своего колорита, мгла несет с собой некую семантику мрачности, загадочности, таинственности и грусти.

*Недолгий век
У вселенной, у нас, у всех,
Скоро — мгла, это грустная вещь*
(И. Чиннов)

*Как много дней ушло куда-то —
Они уходят без возврата
Лишь в скорбном сердце грусть и мгла*
(Е. Кропивницкий)

2. Мгла непрозрачна, «сквозь мглу» видеть нельзя.

Выйдешь из дома — белая мгла, ничего не видать
(Борис Екимов)

*Сам я долго не засыпал, смотрел в мутное окно, где стояла серо-го-
лубая мгла*
(Андрей Волос)

3. Далеко не единичны случаи, когда **мгла** в нашем сознании вызывает смерть, потерю.

*И даже не земля тебя взяла —
Такая мгла бывает только в склепе*
(В. Блаженный)

*Слабая мгла глубока,
Рано — Смеркается — Смерть*
(И. Чиннов)

4. В МГЛЕ ощущается наличие некоей суспензии, чего-то, похожего на пепел. Именно поэтому она и непрозрачна.

Вернемся к истории этого слова. Судя по данным Словаря русского языка,² МЪГЛА в древнерусском языке была ближе к лексемам тьма и дым, гарь; толкование: О непрозрачной пелене от взвешенных в воздухе частиц (гари, дыма), морозящего дождя, ледяных кристаллов и под. *И в тот день шол дозжик мглою и снег (1662); Бысть ведро велие, и мнози льсы, и боры, и болота згораху, и дымове силнии тогда бѣху... бѣ бо яко мгла на земли прилегла и птицы по воздуху не видяще летати, падаху на землю и умираху (Ник. лет. за 1223).* В древнерусских контекстах МГЛА соотносится с тьмой и дымом, хотя их различие специально подчеркивается: *И силенъ днь гнѣва... днь скорби и бѣды, днь болѣзни и погибели, днь тьмы и мрака, днь облака и мглы (XII–XIV); Бысть мъгла велика по всеи земли до третьяго часа, и по томъ повелѣ господѣ уступити и свѣту пришествие дарова (Моск. лет.).*

Самое страшное место Вселенной, Ад, представлено в древнерусских текстах как земля мгл(е/я)на. *Иже грѣшнии суть души усопшихъ тѣ подѣ землю и подѣ морем... в земли мглянь и темнь и в земли тмы вѣчныя (Изм. XIV–XV); Сидошася къ отцу сатанѣ въ подземныя мѣста, въ землю мгляну (1563).*

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9: М. М., 1982. С. 51–52.

Почти ключевым, ведущим словом в общей семантике «Слова о полку Игореве» является МГЛА. Но здесь интересно следующее. По концепции А. Н. Робинсона, князя Ольговичи претендовали на солярность, на свойство самим быть Солнцем. И Солнце мстит войску Игоря, окутывая его войско тьмой и мглой: *И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты; Солнце ему тьмою путь заступае; Длѣго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла...*

И абсолютно иначе видит кровавую ситуацию жена Игоря Ярославна, не принадлежащая к роду Ольговичей, она дочь Ярослава Галицкого: — *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?*

То есть, оказывается, что МГЛА совершает выбор между людьми, она обладает избирательностью.

6.

Земля мгляна — это низы Вселенной. Но МГЛА способна подниматься и выше. Возникает некое странное срединное пространство, где нет ни верха, ни низа, Именно в таком пространстве кружатся пушкинские бесы, «Лишь глаза во мгле гортят»:

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна...*

Эта средняя сфера — мгла, туман, сумрак — несомненно связаны и в поздней русской поэзии с каким-то иным, таинственным существованием. Даже если обратиться к пейзажному употреблению слова МГЛА у Пушкина, то пейзажная аура слова МГЛА очень схожа у него с колоритом мглы и тьмы в начале «Слова о полку Игореве».

Наконец, МГЛА может быть связана и с верхом окоема. Так, в 1981 г. мною была опубликована статья о том, что поэт обычно вечером или ночью (точнее — от заката до рассвета) начинает воспринимать какие-то странные, но достаточно отчетливые звуки, которые оказываются стихогенными и способствуют творчеству, или творчества не происходит и поэт остается в некотором неприятном состоянии, близком к депрессии.³ При этом значимым оказалось

³ Статья под названием «Из пламя и света рожденное слово» перепечатана в книге: Николаева Т. М. О чем рассказывают нам тексты? М., 2012. С. 238–254.

то обстоятельство, что краски природы не были в таких случаях «чистыми», а являли собой какие-то сизо-багряные, дымчато-алые, сумрачно-красные тона. Позднее в этих же стихах (было собрано около 200 стихотворений русских поэтов) я обнаружила, что в многих стихотворениях появляется при перцепции таких звуков параметр МГЛЫ. Например,

*Мир я вижу как во мгле
Арф небесных отголосок слабо слышу*
(Е. Боратынский)

*Вечер мглистый и ненастный,
Чу! не жаворонка ль глас?
...Гибкий, резвый, звучно-ясный,
Он всю душу мне потряс*
(Ф. Тютчев)

*О чем в сей мгле, безумной, красно-серой
колокола?
О чем гласят с несбыточной верой?
Ведь мгла — все мгла*
(А. Блок)

*Но верится: пройдет сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол*
(В. Соловьев)

*И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.
Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле*
(А. Ахматова)

*Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе...*
(А. Белый)

7.

Итак, можно подвести некоторые итоги, собрав воедино все подмеченные черты МГЛЫ, пусть даже невероятно противоречивые.

1) МГЛА может быть самого различного цвета (см. начало статьи), но чаще окрашена в темные тона.

2) МГЛА и полупрозрачна или совсем непрозрачна, но всегда видима, так как в ней находятся пылинкообразные элементы суспензии, мешающие ее проницаемости.

3) МГЛА может сгущаться, рассеиваться, уплотняться или даже растекаться. Она может расступаться перед человеком, обходить его.

4) МГЛА может менять субстанцию, но никогда не принимает антропоморфный или зооморфный облик. При этом она способна проникать в душу (в сердце) человека.

5) МГЛА связана с самым низким (Ад), средним и самым высшим уровнем восприятия, подавая в определенное время и при определенном уровне природы какие-то невербальные звуки, которые могут стихогенным образом воздействовать на творчество поэта.

6) МГЛА не убегает от человека и — в отличие от Метели — его никуда не ведет.

7) Человек видит МГЛУ, но не может «зайти за нее», хотя она как бы имеет измерения, она преграждает ему переход.

8) Поэтому возникает ощущение, что МГЛА что-то скрывает:

Грядущие годы таятся во мгле
(А. Пушкин)

*Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглой неудач*
(Н. Заболоцкий)

Итак, возникает ощущение, что в архаическом сознании МГЛА — это завеса в иной мир, заглянуть в который человеку не дано.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЭПОСА

Вопросы происхождения и исторической судьбы многонационального эпического творчества, понимаемого как «живое прошлое народа в масштабах героической идеализации»¹, уже более двух столетий вызывают споры и неоднозначные толкования.

Доклад В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», прочитанный им на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г., явился поворотным моментом в изучении героического эпоса. Разрабатывая историко-типологический поход в рассмотрении

эпического творчества, В. М. Жирмунский в своих рассуждениях исходил из известного положения А. Н. Веселовского о том, что *живой*, еще поющийся эпос, является ключом к пониманию как народного эпоса, так и эпоса, дошедшего до нас в письменных памятниках (поэмы Гомера, «Нибелунги» и пр.)².

В 1920-е — 1950-е гг. русский героический эпос еще активно бытовал. Организованные в эти годы экспедиции — экспедиции Российского института истории искусств 1926–1929 гг. в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору, экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга 1926–1928 гг., Вологодская экспедиция 1937 г. и пр. — это подтверждали. Сербский эпос в его живом бытовании активно записывался М. Пэрри и А. Лордом³.

Валерия Игоревна Еремина

¹ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24.

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940. С. 622.

³ Serbocroatian Heroic Songs / Collected by M. Parry, ed. by A. Lord. Belgrad; Cambridge, 1953–1954. Vol. 1–2. Публикации из собрания М. Пэрри были продолжены в серии «Publication of Milman Parry Collection»: 1974 (vol. 4), 1979 (vol. 14), 1980 (vol. 6) и т. д. См. также: Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960.

Сравнительное изучение эпосов разных народов в 30-е — 40-е годы XIX в. было предпринято в работах ряда зарубежных ученых. В. М. Жирмунский ссылается на труды Чадвиков, С. М. Боура, Т. Фрингса,⁴ в которых были использованы материалы русского, южнославянского, германского и восточного эпосов. Подробное рассмотрение видимых международных параллелей привело В. М. Жирмунского к уточнению известного положения А. Н. Веселовского о международном характере народного эпоса.⁵ Международный характер, подчеркивает В. М. Жирмунский, имеют прежде всего сюжеты сказок, о чем свидетельствуют Указатели сказочных сюжетов, хотя и это положение нуждается в дополнительном историческом объяснении. Международный характер в типологическом (но не генетическом плане) имеют и многие эпические темы, мотивы и сюжеты. Однако вопрос об их заимствовании из письменной и устной литературы в области героического эпоса должен ставиться гораздо осторожнее, чем в других областях народного творчества.⁶ Героический эпос, в отличие от сказки, не мигрирует, а потому для его весьма редкого заимствования нужны были в каждом отдельно взятом случае *особые* социально-исторические условия. Наличие международных типологических взаимосвязей, обусловленных близостью их общественного и культурного развития, не снимает, по мнению В. М. Жирмунского, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: «...напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Однако в старых работах по сравнительному изучению эпоса масштабы таких взаимодействий необычайно преувеличивались: всякие типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривались как заимствования. В результате подобных исследований складывалось убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа».⁷

В своих обобщениях А. Н. Веселовский опирался в значительной степени на данные из истории эпосов славянских, французских, итальянских и германских народов. Им же были заложены основы франко-итальянской теории. Аккуратные и ненавязчивые славяно-романские сближения, сделанные А. Н. Веселовским, в дальнейшем были во многом вульгаризированы его по-

⁴ Chadwick H. Munro, Chadwick N. Kershaw. The Growth of Literature. Cambridge, 1932–1940. Vol. 1–3 (о русском и сербском эпосе см. т. 2); Bowra C. M. Heroic Poetry. London, 1952; Frings Th. Europäische Heldendichtung // Neophilologus. 1949. Т. 24. С. 1–29; Frings Th. Die Entstehung der deutschen Spielmannsepen. Leipzig, 1951 (Sächsische Akademie der Wissenschaften); Frings Th., Braun M. Brautwerbung. Leipzig, 1947. Т. 1.

⁵ «Народный эпос всякого исторического народа по необходимости — международный» (Веселовский А. Н. Южнорусские былины // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1881. Т. 22, № 2. С. 401).

⁶ См. об этом: Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 113 и др.

⁷ Там же. С. 90.

следователями⁸. В. М. Жирмунский не отрицал возможности единичных случаев влияния франко-итальянского эпоса на южнославянский, поскольку этому, по-видимому, содействовало культурное общение на территории Дубровника и Далматинского побережья. Однако подобные влияния скорее всего должны быть рассмотрены в области сюжетов новеллистического, а не героического характера. В любом случае эти воздействия могли иметь лишь периферийный характер, не затрагивающий существа процесса образования южнославянского эпоса.⁹

Сравнительное изучение русского героического эпоса и южнославянских юнацких песен показало безусловное тематическое сходство между ними. На этом сходстве основан целый ряд древних эпических мотивов и сюжетов, таких как героическое сватовство, змееборство, образ девы-поленицы и др. Однако, подчеркивает В. М. Жирмунский, «историческая связь генетического характера между сюжетами русского и южнославянского эпоса, там, где она существует, не носит характера *непосредственного взаимодействия*, заимствования с той или с другой стороны: она возникает в большинстве случаев <...> в более поздний период, в результате распространения международных сюжетов песенного, новеллистического, сказочного (“балладного”) характера».¹⁰

У разных народов мира основы героического эпоса относятся к разным историческим периодам. Взаимосвязи в области эпоса в каждом конкретном случае в значительной степени индивидуальны, и они должны получать самостоятельное объяснение, несмотря на то, что близость языков и культуры по-прежнему должны как обязательное условие присутствовать в любом из этих случаев. В статье «К вопросу о странствующих сюжетах»¹¹ В. М. Жирмунский утверждал, что для песенного взаимодействия между немцами и французами языковых и культурных связей оказалось недостаточно для взаимопроникновения эпических песен. Немцы не знали эпических песен о Роланде, французы — песен о Зигфриде. И это тем более удивительно, что «Песнь о Роланде» «была переведена на немецкий язык “попом Конрадом” из Регенсбурга

⁸ Халанский М. Е. Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893–1894; Халанский М. Е. К вопросу об отражении сказания о Бове в сербском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1889. Т. 21. С. 260–282; Халанский М. Е. К вопросу о заимствованиях в южнославянском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. Т. 11. С. 99–113, 233–243; Банашевич Н. Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље, 1935. С. 79–83; Банашевич Н. Le cycle de Kosovo et les chansons de geste // Revue des études slaves. 1926. Vol. 6. P. 224–242.

⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 101.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах. Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Изв. Отд-ния обществ. наук АН СССР. 1935. № 9. С. 775–811.

еще в середине XII в.; перевод сохранился во многих рукописях и несколько раз перерабатывался в течение XIII–XIV вв.; переводилась и поэма “Алисканс” из цикла Гильома Оранжского, притом таким выдающимся поэтом, как Вольфрам фон Эшенбах (“Willehalm”, 1210–1220). Однако это не сделало ни Роланда, ни Вивьена и Гильома героями немецкого народного эпоса.¹² Примеры эти очень показательны и далеко не единичны.

Исходя из всего сказанного, становится совершенно очевидно, что вопрос о происхождении героического эпоса нуждался в серьезном и решительном рассмотрении. Сравнение, то есть установление сходства или различия между историческими явлениями, неоднозначно, оно «может преследовать *разные*, хотя и взаимосвязанные задачи, смешение которых приводит к путанице, отражающейся и на методике сравнительно-исторического анализа»¹³. В. М. Жирмунский пришел к убеждению о необходимости различать следующие аспекты сравнительно-исторического исследования: 1) *простое сопоставление* литературных явлений; 2) сравнение *историко-типологическое*, которое способно в результате близких условий общественного развития объяснить сходство генетически *не* связанных между собой явлений; 3) сравнение *историко-генетическое*, объясняющее явления родственные по происхождению, но разошедшиеся, трансформированные в процессе исторической эволюции; 4) и, наконец, сравнение, устанавливающее в результате *культурных взаимодействий* (заимствований) генетические связи между явлениями. Культурные взаимодействия являются «дополнительным фактором генетического порядка, важное значение которого невозможно оспаривать, поскольку в реальных исторических условиях не существовало и не существует абсолютно изолированного общественного и культурного развития».¹⁴

Новым в этой градации стало положение об *историко-типологическом* виде сопоставлений, главной предпосылкой, основой которого оказывается единство и закономерность процесса социально-исторического развития человечества, чем, в свою очередь, «обусловлено развитие литературы (или фольклора) как одной из идеологических надстроек».¹⁵ Определив для себя, *почему* возможны сопоставления историко-типологического типа, необходимо было понять, в *каких пределах* эта теория приложима к конкретному материалу.

Тщательное и многолетнее изучение среднеазиатского фольклора (эпоса, в частности) привело В. М. Жирмунского к убеждению, что несмотря на то, что восточные материалы позволяют подчас вскрыть древнюю тотемическую основу сюжета, окончательно утраченную на европейской почве, возводить эпический сюжет *напрямую*¹⁶ к тотемическим верованиям было бы ошибкой, так

¹² Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 118.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Ср. позицию представителей этнографического направления в фольклористике Дж. Фрэзера, Э. Б. Тэйлора, А. Лэнга и др.

как нельзя не учитывать посредника между этнографическим субстратом, как источником, и его отражениями в мифе и эпосе. Таким посредствующим звеном, по В. М. Жирмунскому, являлась «богатырская сказка», которая в своей архаической форме сохраняет целый ряд мотивов, известных как в восточном эпосе (тюркском), так и в эпосе индоевропейских народов. Примером тому может служить известные мотивы брачных состязаний, магической неуязвимости героя (Ахилл, Алпамаш, Зигфрид и др.).

Не следует искать и прямой зависимости эпоса, русских былин, в частности, от летописных рассказов, хотя бы потому, что былина значительно *древнее*, чем исторические события, отраженные в письменных источниках. В. М. Жирмунский также считал, что не весь состав русского героического эпоса восходит к «богатырской сказке». Ученый рассматривает типологические сходжения в области эпических сюжетов и более *нового* происхождения, возникшие в средние века и характерные для феодальной эпохи. Примером тому могут служить следующие широко известные мотивы: заточение богатыря в темницу и его вынужденное освобождение при приближении врага (рус. «Илья Муромец и Калин-царь»), спасение героя из плена дочерью чужеземного царя (южнослав. «Марко и дочь арапского короля»), убийство героя во время охоты (убийство Зигфрида в «Эдде») и др.

Общий вывод новаторского исследования В. М. Жирмунского по вопросам сравнительного исследования эпоса сводится к следующему: «Сравнительное изучение эпоса может быть плодотворным только в том случае, если четко различать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического (заимствования) <...> Разграничение типологических сходжений и заимствований в эпосе имеет исторический характер. Эпос собственно героический, в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием, не легко поддается международным литературным влияниям со стороны. Черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер».¹⁷

В 1950-е гг. над вопросами происхождения и исторического развития русского героического эпоса параллельно с В. М. Жирмунским работал и другой выдающийся ученый — В. Я. Пропп. Отношение эпоса и истории, неудовлетворительно решенное, по мнению В. Я. Проппа, предшествующей наукой — реконструкция мифа из эпоса как метод изучения былин (мифологическая школа); создание былин в определенном месте и в определенное время и дальнейшее их странствие от народа к народу (компаративисты); рассмотрение эпоса как устной исторической хроники близкой летописи (историческая школа), — нуждалось в серьезном пересмотре. В. Я. Пропп был убежден, что любое фольклорное произведение, былина в том числе, не может иметь *первоначального* текста, в связи с чем он вводит понятие *народного замысла* (то есть совокупности идей, основного конфликта, сюжетных положений и отношений между

¹⁷ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 144.

героями), который во всей своей «художественной цельности» *изначально* реализуется в многообразии вариантов. Чтобы вскрыть всю глубину и красоту народного замысла, различные способы его художественного воплощения, В. Я. Пропп предпринял гигантский труд по рассмотрению в этом ключе всего состава русского героического эпоса, изучив при этом структуру, версии, редакции и варианты каждого конкретного сюжета, в конечном счете раскрывая *идею*, как «первое условие исторического изучения былин», как «решающий критерий для отнесения песни к той или иной эпохе». ¹⁸ При этом решал он эти вопросы в тесной взаимосвязи художественного и исторического анализа.

Историческое изучение былин показало, что часть сюжетов сохраняют «следы пройденных эпох, в других случаях эти следы стерты, и историческое приурочение таких песен будет носить иной раз предположительный, гипотетический характер». ¹⁹ В отличие от многих своих предшественников, В. Я. Пропп рассматривает процесс сложения былины не как однократный акт, а как длительный процесс. Любая былина несет на себе печать пройденных столетий. В связи с этим В. Я. Пропп ставит вопрос и об отношении эпоса и истории. Отвергая положения старой школы о том, что эпос отражает прямо или пассивно историю, отдельно взятые исторические события, ученый призывал изучать русский героический эпос применительно к эпохам, периодам ее развития.

Время сложения былин русская фольклористика XIX — начала XX в. определяла как период Киевской Руси, то есть X–XII вв. В. Я. Пропп, так же как и В. М. Жирмунский, считал Киевскую Русь периодом расцвета русского героического эпоса, а его образование относил к далекой архаической эпохе, к периоду до образования государственности. Типологические, но никак не генетические схождения с эпосами других народов, с запозданием проходящие ранний (прямо не сохранившийся у русских) этап сложения и живого бытования эпоса, дают возможность представить себе былинный эпос догосударственной стадии, следы которого достаточно отчетливо прослеживаются и в русском героическом эпосе.

Эпос создается в пору разложения родового строя на почве мифологии, считает В. Я. Пропп, но не является плодом ее эволюции: «Пользуясь художественным арсеналом, созданным мифологией, эпос по своей *идейной* направленности обращен *против* мифологии, из которой он вырастает» ²⁰. То есть миф и эпос «диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности». ²¹

Ранний русский эпос (например, былины о Волхе, о Святогоре, о Соломане и Василии Окуловиче и др.) был создан до образования Киевской Руси, потому-то

¹⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. С. 35. Точка зрения В. Я. Проппа, как мы увидим далее, не совсем совпадают с позицией Е. М. Мелетинского.

В. Я. Пропп и назвал его «догосударственным». Русский героический эпос эпохи образования государства, настаивал исследователь, не может быть рассмотрен «как *продолжение* эпоса, который начал складываться в предыдущую, догосударственную эпоху»: «Он так же не есть продолжение родового эпоса, ²² как государство не есть непосредственное продолжение или развитие родового строя». ²³

Отсюда вытекают *метод* и *цели* исследования, которые сводятся к пониманию старого и нового не как продолжения одного из другого, а как *конфликт*, что, однако, не означает полного прерывания с традицией. Старые сюжеты продолжают жить, но наполняются новым содержанием, причем степень переработки их оказывается разной. Одни сюжеты переосмыслились с целью утверждения молодого государства — и тогда ранние мотивы о борьбе с чудовищами превращались в мотивы о противостоянии героя «историческим» врагам. Другие сюжеты (в основном песни о сватовстве) приобретали «полу-сказочный характер». Новые сюжеты раннего киевского эпоса уже не были связаны с традицией доисторического прошлого, в них традиционны только былинная форма и способ исполнения. Не выводим из традиции и характер новых героев, потому что этот характер и не создан ею.

Между представлениями о времени происхождения героического эпоса и его дальнейшей судьбе у В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа нет принципиальных расхождений, несогласие лишь чисто терминологическое: то, что В. М. Жирмунский называет «богатырской сказкой», В. Я. Пропп считает «догосударственным эпосом».

Вопросам происхождения героического эпоса посвящена книга Е. М. Мелетинского — еще одного выдающегося фольклориста второй половины XX в. ²⁴ Автор дает широкую картину сопоставлений архаических эпических памятников и фольклора «культурно отсталых» народов, что помогает выделить в этой «эпической эпохе» «древнейшую ступень, на которой “прометеевский” пафос защиты первых завоеваний цивилизации человечества (наивно отождествляемого со своим племенем) в борьбе со стихийными силами природы еще не отступил перед воинской богатырской героикой в собственном смысле слова. Этой стадии свойственны известная ограниченность мировоззрения и примитивность поэтических средств, но вместе с тем, как всегда в искусстве, ей присуща своеобразная неповторимая красота». ²⁵

Труды В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа, по словам Е. М. Мелетинского, «в общетеоретическом плане “открыли” архаическую героическую эпiku и дали картину важнейших процессов формирования эпоса» ²⁶. Это прежде всего

²² Однако черты родового строя в нем обнаруживаются.

²³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 59.

²⁴ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ Там же. С. 19.

касается древних эпических тем и сюжетов, таких как героическое сватовство и борьба с чудовищем. Е. М. Мелетинский поставил перед собой задачу на широком материале разработать систему жанровых особенностей догосударственных форм героического эпоса, для чего и был необходим анализ взаимоотношений ранних форм героического эпоса с древнейшими формами мифологического и сказочного эпоса. В. Я. Пропп предысторию русских былин выводит из типологического сопоставления с эпическим творчеством неславянских народов Сибири, В. М. Жирмунский для той же цели сравнивает героические поэмы тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Е. М. Мелетинский, определяя первобытные истоки эпоса, максимально расширяет исследовательское поле, рассматривая как материал для сопоставления карело-финские эпические руны, древнейшие героические сказания народов Кавказа и богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири. Столь широко взятый сравнительный материал дал ему возможность полно показать эпическую традицию доклассового общества. Выяснив специфику карело-финских рун, нарских сказаний осетин и адыгов, грузинского эпоса об Амирани и армянских сказаний о «неистовых» Сасунцах, Е. М. Мелетинский перешел к рассматриванию стадильно и хронологически древнейшего шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше.²⁷ На этой широкой исследовательской базе были установлены общие закономерности в соотношении «догосударственной героико-эпической архаики с первобытнообщинным наследием <...> и более поздними (возникшими на стадии государственной консолидации) эпическими памятниками».²⁸

Особая сложность привлекаемого для анализа сопоставительного материала заключалась в том, что в силу объективных причин фольклор народов, с запозданием проходящих архаический период своего развития, сохранился лишь в пережиточных формах и изучался преимущественно только с историко-этнографических позиций. Более того, фольклор этих народов идеологически и жанрово нерасчленен. Этот синкретизм характерен для первобытной *мифологии* — в ней-то и видит Е. М. Мелетинский начала героического эпоса. Позиция Е. М. Мелетинского, таким образом, расходится со взглядами В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа,

²⁷ Гильгамеш является одним из первых победителей Змея. Поэма о Гильгамеше — самый известный клинописный памятник древневавилонского героического эпоса, сохранившийся в шумеро-аккадской (эпический цикл) и вавилонской версиях. Шумеро-аккадский эпос складывался в III — начале II тысячелетия до н. э. Хронологически это древнейший эпос в мире. «Сохранившиеся книжные образцы шумеро-аккадского эпоса сами являются плодом длительного развития как в устной, так и в письменной форме, причем народно-поэтическая традиция осложнена взаимодействием с литературной традицией», — отмечал Е. М. Мелетинский (с. 375). В образе Гильгамеша сочетаются черты культурного героя-первопредка (созидателя, защитника культурных завоеваний, искателя истины) и сказочного богатыря — победителя чудовищ. Избавителями земли от чудовищ (и в этом основной смысл их деяний) затем станут и древнегреческие богатыри: Геракл, Персей и Тесей.

²⁸ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. С. 20.

па, которые основой героического эпоса считали более позднюю — *архаическую* стадию. Объективности ради необходимо признать, что Е. М. Мелетинский видит в народном творчестве эпохи идеологического синкретизма (эпохе первобытнообщинной) не одни только мифы, но и древнейшие сказки.

Е. М. Мелетинский не ставил перед собой задачи дать новое исчерпывающее объяснение различий между мифом и сказкой на ее древнейшей стадии, но при этом он подчеркивал, что, исследуя путь формирования героического эпоса, в котором содержится определенная «народно-поэтическая концепция исторического прошлого», необходимо учитывать наиболее древние мифологические воззрения. Вот почему, говоря о предыстории героического эпоса, Е. М. Мелетинский останавливается на изучении двух основных видов раннего эпического творчества — сказаниях о культурных героях (первопредках или демиургах) и древнейших формах «богатырской сказки».

В. Я. Пропп, изучая эпос тюрко-монгольских народов эпохи разложения первобытнообщинного строя, выделил для него две центральные темы: борьба с чудовищем и героическое сватовство. Е. М. Мелетинский добавил сюда еще одну тему — тему родовой мести. В. Я. Пропп показал, что главные проблемы догосударственного эпоса обращены *против* норм родового строя; Е. М. Мелетинский, напротив, достаточно убедительно доказал, что «именно *реализация родовых норм* и заветов содержится в главных тематических циклах эпоса тюркских народов Сибири и бурят».²⁹

Фольклор тюркоязычных народов знает стадильно разнообразные формы героического эпоса и тем самым является очень удобным материалом для изучения генезиса эпоса. Этой проблеме посвящена книга В. М. Жирмунского об Алпамыше. Эпос «Алпамыш» он рассматривает на фоне архаических эпосов народов Сибири и Средней Азии. В круг задач автора входят вопросы зарождения, распространения и образования специфически национальных версий «Алпамыша», а также проблема соотношения различных исторических ступеней в его развитии как жанра героической эпопеи. В. М. Жирмунский сравнивает кунгратскую версию «Алпамыша» с алтайской поэмой «Алып-Манах» и приходит к выводу об их типологической близости и более того — о возможном происхождении «Алпамыша» (во всяком случае его среднеазиатской версии) из архаической поэмы («богатырской сказки», по терминологии В. М. Жирмунского), подобной алтайской поэме. Иными словами, изучаемая тюрко-монгольская эпическая поэма могла, по его мнению, представлять собой трансформацию «богатырской сказки», отсюда и многообразие в ней мифологических и сказочных элементов. Однако В. М. Жирмунский не делает глобального вывода об обязательной генетической связи эпической поэмы с древней сказкой. Это лишь *один из* возможных путей происхождения эпоса.

Рассматривает В. М. Жирмунский также связи архаической эпикой якутов и алтайских народов с киргизским эпосом о Манасе, основой которого явля-

²⁹ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. С. 259.

ется уже не богатырская сказка, а историческое предание. Однако, так же как в архаической эпике саяно-алтайских народов, в «Манасе» могут быть отмечены типологически близкие мотивы, связанные с героическим действием и героическим сватовством главного героя киргизской поэмы.³⁰

Эпические поэмы типа «Манас» являются в определенной степени *переходным* звеном от архаического эпоса к классическому, то есть к эпосу, который содержит народную поэтическую концепцию исторического прошлого. Эпос, по Е. М. Мелетинскому, всегда историчен, так как даже «в мифологических образах эпос выражает народный взгляд на историю, а не “перелицовывает” мифолого-психологические архетипы».³¹ И в этом взгляды Е. М. Мелетинского тесно соприкасаются с позицией В. Я. Проппа.

Историзм народного эпоса далек от конкретной действительности (как это хотелось бы видеть представителям исторической школы разных поколений), он становится *народно-поэтическим обобщением*. В эпической классике углублен и расширен, исторически конкретизирован «эпический фон», что привело к эволюции образа богатыря-воина.

Путь сложения классической эпики не был однозначным. Приверженцы историко-типологического направления показали, что какие-то произведения развитого героического эпоса выросли непосредственно из архаических форм эпоса путем их переосмысления и исторических трансформаций (например, «Рамаяна» и среднеазиатский «Алпамыш»); другие сформировались на базе исторического предания (сюда следует отнести индийскую «Махабхарату», «Илиаду» — с широкой картиной Троянской войны, киргизский «Манас» с событиями Великого похода в Китай, армянский «Давид Сасунский» с его центральной идеей защиты христианства от язычества и др.). Былины тоже являются историческим эпосом, несмотря на их полистадиальный характер, что, впрочем, не является исключением из общей картины развития мирового эпического творчества. В целом эпический Киев русских былин — это и «историческое воспоминание, и поэтическое воплощение мечты об идеальном государстве полуродового типа, в котором эпический князь, персонифицирующий государственную власть, и богатырь, выражающий народные идеалы, находятся в патриархальных отношениях и имеют общие эпические цели».³²

В дальнейшем в свете новых данных многие фундаментальные положения предшественников историко-типологической теории были уточнены, углублены и в конечном счете привели к новым открытиям. Высочайшую оценку Б. Н. Путилова, младшего представителя из когорты выдающихся фольклористов второй половины XX столетия, получила, в частности, теория *эпического замысла* В. Я. Проппа, по которой сличение вариантов былин не может привести к определенному «протексту», «архетипу», а различные «варианты (версии, редакции)

³⁰ Жирмунский В. М. Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948. С. 22–23.

³¹ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. С. 423.

³² Там же. С. 446.

есть не что иное, как самостоятельные, по существу независимые друг от друга реализации замысла».³³ А это значит, что исследователь должен стремиться не определять следы первоначального, канонического текста, или пытаться восстановить этот гипотетический текст, а он должен рассматривать разные возможности народного замысла, заключенные в различных вариантных реализациях. Иными словами, необходимо прочесть былинку «в свете определяющих ее идей, в совокупности многообразных текстовых трактовок».³⁴

Вслед за В. Я. Проппом Б. Н. Путилов рассматривает сюжетную вариативность как первичное, изначальное качество эпического процесса, рожденное вместе с замыслом. Он полностью разделял мысль В. Я. Проппа о том, что создание эпического произведения не является *одноактным* моментом сочинения, а представляет собой длительный, иногда многовековой процесс, а потому рождение сюжета предполагает *изначальное* наличие множества вариантов. Тем самым, как пишет Б. Н. Путилов, «мы вправе рассматривать вариативность трактовок, сюжетных ходов, эпизодов разной значимости на уровне синхронии».³⁵ Это означает, что, с одной стороны, вариативность может не затронуть главные моменты эпической семантики, с другой — «затрагивается сфера значений, обнаруживаются тающиеся в замысле смысловые сдвиги».³⁶

Б. Н. Путилов видит принципиальную особенность эпического замысла (сюжета) в сложно расчленимом единстве синхронических и диахронических моментов. «Замыслу/сюжету органично свойственно движение, но это движение происходит на уровне как синхронии, так и диахронии, и именно оно обуславливает относительность цельности замысла».³⁷

Живой эпос характеризуется единением «эпической семантики разностадиального уровня, “наложением” смыслов, подчас противоречащих один другому, проявлением разных тенденций движения сюжета, которое по-своему сказывается на разных его участках».³⁸ Кроме того, в вариантах заключаются и достаточно ясно обозначенные следы «вторичности», связанные с историческим развитием замысла. Эта «вторичная» вариативность, как отмечает Б. Н. Путилов, «фиксируя разнообразные, существенные и частные, сдвиги в замысле, поддерживает, по-своему сохраняет и выражает глубинные — структурные и семантические связи с “первоначальным” ядром замысла и с его “исконными” элементами. В ней специфическим образом соединяются традиция и новое».³⁹

Историко-типологический и структурно-типологический методы представляют собой разновидности единого метода. Этот метод позволяет «проникнуть к

³³ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 150.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 151.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 152.

³⁹ Там же.

основам эпического замысла, воссоздавать его в главном его содержании и составляющих частностях, обнаруживать в нем противоречия и видеть пути развития, а вместе с этим — читать тексты, проясняя заключенные в них загадки. Сравнительно-типологический метод открывает также путь к уяснению общих закономерностей вариативности как важнейшего механизма эпосотворчества».⁴⁰

Определение и обоснование основных законов развития эпоса — главный вклад Б. Н. Путилова в историко-типологическую теорию. Эпический мир по существу не поддается реально-исторической идентификации, он не возводим к какому-либо исторически определенному периоду, «как равным образом не может быть представлен в виде комбинации элементов, принадлежащих — стадияльно и хронологически — разным таким периодам».⁴¹ Таким образом, соотнесенность эпического мира с реалиями жизни возможна только в рамках четких границ, которые и обуславливают самостоятельность, особую «внутреннюю завершенность эпического мира как специфического исторического феномена».⁴² Бытовая реальность, если она попадает «в эпическое поле», подвергается пересмотру и приобретает «характер типовой», так как утрачивает связи с реальностью и получает свои функции и свою семантику.

Многолетняя работа Б. Н. Путилова по изучению истории фольклорных жанров (былин и баллад, в первую очередь) привела его к осознанию языковых *универсалий*, к раскрытию ряда законов эпического языка, его эстетической сущности (теория типологической преемственности и типологической последовательности, закономерности второго сюжетного плана и скрытой типовой мотивировки героя — подтекста). Все это ключевые моменты для выяснения основных значений и отдельных памятников и определенных разновидностей эпических жанров.

Новая, столь успешно заявившая о себе историко-типологическая школа, созданная в середине XX в., формировалась постепенно. В. М. Жирмунский и В. Я. Пропп обосновали эту теорию и подошли к выявлению единства закономерностей эпического творчества. Е. М. Мелетинский уточнил ряд существенных положений этой теории на максимально широком материале «живущего» еще эпоса, показал многообразие национальных художественных форм эпоса и их историческую смену. Б. Н. Путилов сосредоточил свое внимание не на доказательстве типологического сходства, а на возможности «через типологические соответствия, параллели объяснить загадки тех или иных сюжетов, неясностей, противоречий, и, в конечном счете, подойти к объяснению самого механизма возникновения таких сюжетов в разных традициях»⁴³ и проникнуть во внутренние законы фольклорного творчества.

⁴⁰ Там же. С. 153.

⁴¹ Там же. С. 8.

⁴² Там же.

⁴³ Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. СПб., 2006. С. 238.

В кругу научного наследия, оставленного Е. К. Ромодановской, имеется целый ряд словарных статей, подготовленных для фундаментального издания «Словарь книжников и книжности Древней Руси», подводящего определенный итог в изучении древнерусской литературы. Исследовательнице принадлежат словарные статьи о писателях (Стефан Вонифатьев) и памятниках словесности XVII в. (Повесть о перстне, Повесть о Александре и Людовике и др.), и в том числе о сибирских повестях (Повесть о городах Таре и Тюмени). Сибирская тематика, столь дорогая Е. К. Ромодановской, занимает весомое место в другом словарном проекте, которым мы сейчас занимаемся.

В 2009 г. по инициативе А. А. Топоркова (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) и Т. Г. Ивановой (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) была развернута работа над изданием «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь». Проект получил многостороннее освещение в книге «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск» (Отв. ред. Т. Г. Иванова и А. А. Топорков. М., 2010), где представлены иницирующие и методические статьи руководителей проекта, Словник фольклористов XVIII–XIX вв. и Инструкция по написанию словарных статей, а также 23 пробных статьи, посвященных фольклористам XIX и XX вв.

Любой биобиблиографический Словарь является, с одной стороны, *подведением итогов* в определенной области культуры, в данном случае — фольклористики. Итог сказывается, прежде всего, в Словнике, построенном в основном на материалах библиографических указателей «Русский фольклор» за 1800–1855 и 1881–1900 гг.,¹ а также на других источниках. В Словнике нами было зарегистрировано около 2200 имен лиц, причастных к развитию науки о «живой старине» в XVIII–XIX вв. Словник имеет открытый характер. В ходе работы над Словарем он постоянно пополняется, дополняется, уточняется. В связи с этим следует указать на еще одно свойство любого Словаря — на *маленькие открытия, которые ожидают исследователей в ходе работы над Словарем*.

Приведем один пример — открытие, свершившееся в ходе работы над Словарем в связи с именем этнографа Николая Васильевича Ушарова. Смеем думать, что имя этого любителя «живой старины» известно далеко не всем

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Русские фольклористы XVIII–XIX вв.: Биобиблиографический словарь», № 13-04-00080.

¹ Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881–1900 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1990; Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800–1855 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1996.

Татьяна Григорьевна Иванова

[476]

современным фольклористам. В словник нашего Словаря Н. В. Ушаров попал как исследователь Сибири.

Николай Васильевич Ушаров, по разным источникам, родился около 1840 или в 1837 г. в Иркутске. Происходил он из дворянской семьи. Учился в Иркутской гимназии (кажется, не закончил). В конце 1850-х — самом начале 1860-х гг. Н. В. Ушаров, по всей вероятности, выезжал в европейскую часть России и побывал, в частности, в Петербурге: в очерке «На Байкале: Из путевых записок по Восточной Сибири»² он упоминает виденные им Неву, Кронштадт, а также Волгу, сравнивая их с Байкалом. Впрочем, вскоре он опять оказался в Иркутске. Однако по данным «Памятных книжек Иркутской губернии» на 1861, 1863 и 1865 годы³ Н. В. Ушаров нигде в государственных ведомствах не служил. Его статус на этот период остается неясным. Тем не менее, находясь в родном городе, он активно сотрудничал с Сибирским отделом Русского географического общества (Иркутск).

Имеются сведения о двух поездках Н. В. Ушарова по Иркутской губернии. В январе — апреле 1862 г. по поручению Сибирского отдела Русского географического общества он ездил в Иркутский округ для собирания статистико-этнографических сведений.⁴ Уже в мае Н. В. Ушаров «представил в Отдел весьма интересную статью о своем путешествии».⁵ Статья «Из путевых записок от Иркутска до Александровского завода» была прочитана на заседании 19 ноября 1862 г., определено было ее напечатать в «Записках» Сибирского отдела. К 30 января 1863 г. в Отдел поступила рукопись второй статьи «Из путевых записок».⁶ Тогда же, в январе 1863 г., «член-сотрудник Ушаров отправился для этнографических исследований в Забайкальскую область»⁷ во второй раз. Публикация работ Н. В. Ушарова в «Записках» Сибирского отдела РГО, к сожалению, не состоялась в связи с фактическим прекращением издания «Записок» на несколько лет.

Впечатления о поездках — подчеркнем еще раз: статистико-этнографических поездках — отразились в статьях Н. В. Ушарова, опубликованных в газете «Иркутские губернские ведомости». Так, проблемы народного образования Иркутского и Балаганского округов нашли место в статье «Заметка о народных училищах и учителях».⁸ Н. В. Ушаров писал о специфике работы учителей

² Ушаров Н. В. На Байкале: Из путевых записок по Восточной Сибири // Морской сборник. СПб., 1865. Т. 78. № 6. С. 249–280.

³ Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год. Иркутск, 1861; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. Иркутск, 1863; Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. Иркутск, 1865.

⁴ Летопись Сибирского отдела // Зап. Сиб. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1865. Кн. 8. Отд. 3. С. 20.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Летопись Отдела // Зап. Сиб. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1867. Кн. 9/10. С. 603.

⁷ Там же.

⁸ Ушаров Н. В. Заметка о народных училищах и учителях // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1863. 16 февр., № 7. С. 1–4; 23 февр., № 8. С. 2–6.

[477]

в старообрядческих селах.⁹ В очерке «Ильинская волость (Из путевых заметок по Восточной Сибири)»¹⁰ описывается Посольский монастырь (построен на месте убийства монголами русского посла), говорится о бурятских шаманах, ловле омуля и т. д.

Для фольклористики представляет интерес статья Н. В. Ушарова «Быт семейских (Этногр. очерк)»,¹¹ в которой описываются старообрядцы Забайкалья. Рисуя картину праздничного дня (Прокопьев день), этнограф обращает внимание на многоголосие песен, звучавших одновременно в разных группах гуляющих: «Поют решительно все поголовно: поют старики, думая показать свою важность, начитанность, или, лучше сказать, теша ею самих себя, притчу о блудном сыне; поют мужики, хвативши добрую чарку душе на веселие; поют девушки и молодые парни... да, впрочем, кто скажет, отчего поет молодость? Поют подростки, считающие себя большими, поют, наконец, и маленькие ребята, по очень простой потребности что-нибудь да болтать».¹² В работе приводятся отрывки из духовного стиха, плясовой, хороводной песен.

В статье «Ильин день»,¹³ являющейся продолжением «Быта семейских», помимо сведений о заутрени, читавшейся целую ночь в старообрядческой молельной, дается зарисовка свадьбы «убегом» местной девушки Матри. В следующей статье — «Простины»¹⁴ — описывается обряд «прощаться» (просить прощение), которым заканчивается свадьба «убегом» (молодые приходят к родителям невесты, иногда несколько раз, для получения прощения и благословения).

Согласно протоколу заседания РГО от 22 мая 1863 г., к этой дате «от члена-сотрудника Ушарова [поступил] сборник песен, употребляемых крестьянами Иркутской губернии, и две этнографические статьи».¹⁵ Увы, рукописный сборник песен Н. В. Ушарова нам остается неизвестным.

⁹ Ушаров Н. В. О народных училищах и учителях у старообрядцев // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 10 окт., № 41. С. 2–5; 24 окт., № 43. С. 1–3.

¹⁰ Ушаров Н. В. Ильинская волость (Из путевых заметок по Восточной Сибири) // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 18 июля, № 29. С. 1–5; 25 июля, № 30. С. 1–6. См. также: Ушаров Н. В. Устье Селеньги (Из путевых записок по Восточной Сибири) // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1865. 30 янв., № 5. С. 2–5; 6 февр., № 6. С. 1–2; 27 февр., № 9. С. 1–2; 6 марта, № 10. С. 1–4; 5 июня, № 23. С. 4–6; 17 июля, № 29. С. 8–9; 24 июля, № 30. С. 8–9.

¹¹ Ушаров Н. В. Быт семейских (Этногр. очерк) // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 19 сент., № 38. С. 1–4; 26 сент., № 39. С. 1–4; 3 окт., № 40. С. 1–5.

¹² Ушаров Н. В. Быт семейских (Этногр. очерк) // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 3 окт., № 40. С. 4.

¹³ Ушаров Н. В. Ильин день // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 28 нояб., № 48. С. 2–4.

¹⁴ Ушаров Н. В. Простины // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 5 дек., № 49. С. 4–5.

¹⁵ Летопись Отдела // Зап. Сиб. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1867. Кн. 9/10. С. 607.

Этнография и фольклор, по-видимому, к середине 1860-х гг. стали главным предметом увлечений Н. В. Ушарова. В декабре 1864 г. он напечатал статью «О важности этнографии Сибири и способы ее изучения»,¹⁶ в которой, указав, что для собирания этнографических сведений необходима лишь наблюдательность, сформулировал вопросы, которые должен решить Сибирский отдел РГО: «...куда девались потомки завоевателей Сибири и отважных промышленников? есть ли разница между ними и потомками земледельцев, купцов и поселенцев прежнего времени? что принесли с собой и как отозвались в массе гуртовые переселения из России, бывшие в разное время, как, напр., переселение раскольников и т. п.? как относятся сибиряки к инородцам? поселенцам и переселенцам из России...».¹⁷

Решить поставленные задачи Н. В. Ушарову не довелось. И причин было две: как всегда, внутренняя и внешняя. Н. В. Ушаров, к сожалению, страдал известной русской болезнью. В 1864–1865 гг. он на протяжении нескольких месяцев находился в больнице на лечении от алкоголизма. Внешняя причина полностью отвечает 1860-м годам — с их духом реформ, идейных брожений и поисков социальной справедливости. Летом 1865 г. прямо в иркутской больничной палате Н. В. Ушаров был арестован: его связали с делом Общества независимости Сибири. Обстоятельства дела таковы. В 1863 г. в Петербурге внутри сибирского землячества родилась прокламация «Патриотам Сибири», где формулировались сепаратистские идеи. Через два года, в 1865 г., в Омске экземпляр прокламации был найден в вещах Усова, кадета Омского кадетского училища. Тот сослался на своего старшего брата, офицера, у которого он взял прокламацию. Далее в ходе допросов были названы имена Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, которых в ходе расследования сделали главными фигурантами дела. Каждый из названных лиц в дальнейшем внес весомый вклад в отечественную культуру. Г. Н. Потанин — видный путешественник, этнограф, автор фольклористических статей в духе теории заимствования; Н. М. Ядринцев — известный публицист, редактор газеты «Восточное обозрение», этнограф; С. С. Шашков — автор статей по острым вопросам своего времени, в частности, по «женскому вопросу». В Иркутске был арестован некто Н. С. Щукин, человек с неустойчивой психикой, который и назвал Н. В. Ушарова, в результате чего тот был переправлен в Омск, где находились другие арестованные. Ему инкриминировалось знание и недонесение о «преступных» действиях главных обвиняемых. Само дело явно было в целом сфабриковано излишне усердными сибирскими властями. Именно таковым оно предстает в статье С. С. Шашкова «Курьезное дело».¹⁸ Дело, по

¹⁶ Ушаров Н. В. О важности этнографии Сибири и способы ее изучения // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 19 дек., № 51. С. 2–4; 26 дек., № 52. С. 1–4.

¹⁷ Ушаров Н. В. О важности этнографии Сибири и способы ее изучения // Иркутские губернские ведомости. Неоф. ч. 1864. 19 дек., № 51. С. 2.

¹⁸ Шашков С. С. Курьезное дело // Сибирские вопросы. 1910. № 10/11. С. 33–48.

которому в 1865 г. было арестовано около 40 человек, рассматривалось в Омске, и поначалу оно вполне могло закончиться благополучно для фигурантов, но в 1866 г. случился известный выстрел Дмитрия Каракозова — покушение на Александра II, вызвавшее естественную реакцию ужесточения со стороны властей. Дело о Сибирском сепаратизме было передано в Сенат.

20 февраля 1868 г. Н. В. Ушаров был приговорен к лишению прав состояния и ссылке в Архангельскую губернию.¹⁹ В Архангельск он прибыл из Омска вместе с Н. М. Ядринцевым, который в воспоминаниях писал: «В Архангельск явились Шайтанов, Ушаров и я. Шашков остался в Шенкурске по болезни, Щукин отстал в дороге (в Костроме) и пришел после. Наше положение — без гроша, глухой осенью — было почти безвыходно».²⁰ В Архангельске Н. В. Ушарову и Н. М. Ядринцеву удалось остаться на некоторое время в больнице: «Ушаров был иркутянин, славянофил, этнограф, добрая натура, но в высшей степени несчастная по характеру и привычкам. Он был привезен из Иркутска. Всю жизнь он бедствовал и находил приют и покой только в казенных больницах. В архангельской комфортабельной больнице он поселился с удовольствием».²¹ Ссылку Н. В. Ушаров отбывал сначала в Холмогорах; в 1870 г. он был переведен в Шенкурск, где находился и Н. М. Ядринцев, присутствовавший при его кончине 15 (27) октября 1873 г.: «Я оставался один с Ушаровым. Этот несчастный человек требовал постоянно опеки: он был неисправимый алкоголик. Последнюю зиму он простудился, получил воспаление легких и умирал на моих руках. Я хоронил его один. Впечатление было тягостное. До последней минуты я не оставлял его. Он умер в казенной больнице, его положили в коленкоровом халате и башмаках (платья у него не было), гроб был казенный. Несли гроб служители и уголовные ссыльные, жившие в городе».²² В кратком некрологе Н. М. Ядринцев писал: «Покойный отличался честным и открытым характером, жил бедняком, умер в казенной больнице. Жизнь его походила на жизнь Якушкина. Целую жизнь он бедствовал, и как русский писатель, не имел ничего в своем уделе, кроме лишения и горя. Рутинная поговорка, вошедшая в нравы хладнокровного и бездушного общества, выражается про подобного рода людей “жизнь заела”».²³

И вот здесь в биографии Н. В. Ушарова, которого в настоящее время знают только специалисты по этнографии Сибири, появляется то маленькое открытие, которое было сделано в ходе работы над словарной статьей. По сообще-

¹⁹ См. о Н. В. Ушарове как участнике революционного движения: *Бурцев В. А.* За сто лет (1800–1896). Сб. по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897. Ч. 2. С. 65; Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. С. 423–424.

²⁰ *Лемке М.* Николай Михайлович Ядринцев. Биограф. очерк. К десятилетию со дня кончины. СПб., 1904. С. 71.

²¹ Там же. С. 72.

²² Там же. С. 87.

²³ *Ядринцев Н. М.* Сибирский писатель Н. В. Ушаров (Некролог) // Камско-Волжская газета. 1873. 4 нояб., № 129. С. 552. — Без подп.

нию Н. М. Ядринцева, находясь в ссылке в Шенкурске, Н. В. Ушаров собирал песни, публиковался в «Архангельских губернских ведомостях». Имени Н. В. Ушарова среди авторов «Архангельских губернских ведомостей» мы не обнаружили. Однако, на наш взгляд, Н. В. Ушарову, по-видимому, можно атрибутировать статью «Песни Архангельской губернии» с подписью-криптонимом «У».²⁴ Статья построена на материале записей разных лиц, в том числе сборников песен П. И. Якушкина.²⁵ Судя по статье, ее автору был доступен рукописный сборник песен Архангельской губернии в записях местных собирателей (Пр. Иванов, Панкратов, А. М. Никольский). Надо полагать, с рукописными материалами Н. В. Ушарова познакомил политический ссыльный П. П. Чубинский, бывший главным лицом в Архангельском губернском статистическом комитете — этнографическом центре Архангельска на 1860-е — 1870-е гг.

В статье «Песни Архангельской губернии» Н. В. Ушаров выдвигает несколько нетривиальных тезисов о современной ему фольклорной песенности. По его мнению, в XIX в. песни крестьянством уже не создаются; активной творческой средой оказываются солдаты и арестанты (среда, которую он прекрасно знал): «...солдат и арестант развитее крестьянина, и наконец, самое его положение невольно заставляет его вдумываться в самого себя и свои отношения ко всему окружающему; он привыкает анализировать, работает мыслью, тогда как у крестьянина она спит беспробудно, придавленная то нуждой, то деспотизмом бытия».²⁶ Крестьянская лирика, считает Н. В. Ушаров, сложилась на юге России, что подтверждается образной системой из мира природы (дуб, калина и пр.); образов северной природы в песне, подчеркивает он, почти нет.

Во второй статье, не подписанной и не законченной — «Песни Архангельской губернии. Письма в редакцию (письмо 2-е)»,²⁷ — Н. В. Ушаров рассматривает отдельные темы в народной песне: идеал мужской и женской красоты, отношения между парнем и девушкой. Обещанное продолжение с освещением темы «взгляд на женщину в поэзии и народной песне» не состоялось.

Так в ходе работы над словарной статьей имя сибирского этнографа Н. В. Ушарова соединилось с архангельским криптонимом «У».

Наконец, мы хотим указать на еще одно свойство любого биобиблиографического Словаря: *наряду с подведением итогов Словарь является также фор-*

²⁴ *Ушаров Н. В.* Песни Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. 1870. 18 нояб., № 91. — Подп.: У.

²⁵ Народные песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865; Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. М., 1860; Русские песни, собранные Павлом Якушкиным. СПб., 1860.

²⁶ *Ушаров Н. В.* Песни Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. 1870. 18 нояб., № 91. — Подп.: У.

²⁷ *Ушаров Н. В.* Песни Архангельской губернии. Письма в редакцию (письмо 2-е) // Архангельские губернские ведомости. 1872. 26 апр., № 34. С. 2; 29 апр., № 35. С. 2–3; 3 мая, № 36. С. 3; 6 мая, № 37. С. 3; 10 мая, № 38. С. 3; 13 мая, № 39. С. 3; 17 мая, № 40. С. 2–3; 20 мая, № 41. С. 2–3. — Без подп.

мой обозначения перспектив в дальнейшем развитии данной научной дисциплины. Так, работа над Словарем «Русские фольклористы. XVIII–XIX вв.» явственно ставит проблему социального статуса провинциальных любителей «живой старины». Работа над сибирским блоком фольклористов, например, несмотря на то, что проблема неоднократно поднималась в фольклористике советского периода, показала, что необходимо обобщающее исследование о роли политических ссыльных в развитии фольклористики. С очевидностью встает вопрос о роли священников в собирании фольклорно-этнографических материалов на местах. Судя по статьям, имеющимся в редакторском портфеле Словаря, вклад представителей духовного сословия в фольклористику может и должен стать предметом специального осмысления. Словарный проект заставил нас задуматься над проблемой места народной словесности в гимназических учебных программах. По предварительным выводам, «удельный вес» фольклора в среднем образовании дореволюционной России был много весомее, чем в настоящее время. Среди лиц, попавших в Словарь, мы найдем немало гимназических учителей, которые составляли свои хрестоматии, где произведения устной поэзии занимали достойное место.

Работа над биобиблиографическим словарем «Русские фольклористы. XVIII–XIX вв.» в настоящее время перевалила за вторую половину Словника. Мы надеемся, что в ближайшие три года она будет закончена. Тогда забытые имена фольклористов, в том числе и сибирских, и их забытые труды выйдут из небытия и вернутся в научное фольклористическое сознание.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ А. Н. ОЛЕНИНА НА ЗАПИСКУ АКАДЕМИКА Ф. И. КРУГА О ПРОЕКТЕ ИЗДАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Речь здесь пойдет о той весьма драматичной ситуации, которая создалась в результате выделения в 1813 г. графом Н. П. Румянцевым Императорской Академии наук 25 тысяч рублей на издание русских летописей (сперва, правда, только половины этой суммы — 12500 рублей). Поскольку в этот период (с 1810 по 1818 годы) президента у Академии не было, Н. П. Румянцев свой «грант» передал Академии через министра народного просвещения графа А. К. Разумовского,¹ курировавшего ее деятельность, а тот поручил «проработать вопрос» академику Ф. И. Кругу (1764–1844), одному из тех немецких ученых, которые принесли с собой в Россию «научный критический метод», выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой.

Доклад (или «доношение») академика Круга, составленный на немецком языке, адресованный графу Разумовскому и выдержанный в сугубо пессимистических тонах (в нем фактически обосновывается «неготовность» взяться за такой проект не только его самого по причине загруженности собственными научными планами, но и Академии как таковой из-за отсутствия компетентных сотрудников),² вызвал неоднозначную реакцию как у самого графа Разумовского, так и у научной общественности в лице почетного члена ИАН, директора Императорской Публичной библиотеки А. И. Оленина (1763–1843), к которому Разумовский обратился с просьбой разъяснить ему позицию академика Круга (может быть, просто не смог сам разобраться в небрежно набросанном Кругом немецком тексте «доношения»?). Имея перед глазами собственноручно написанный Кругом текст «доношения»,³ Алексей

¹ См. письмо А. К. Разумовского от 24 декабря 1813 г., адресованное Конференции Императорской Академии наук: Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

² По мнению В. П. Козлова, Круг, которому предложили руководство всей работой, отказался от нее, заявив, что «она ему не принесет славы» (см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, дополн. М., 1985. С. 23; Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999. С. 172), и это, на наш взгляд, неверное утверждение тиражируется в современной библиографии (см., например: Файбусович В. М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 263). Да, Круг с некоторой обидой отмечал не востребованность своих трудов по российской истории именно в России, для которой они и были предназначены, но все же подобных заявлений он не делал.

³ Ныне хранится: Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 106. 9 листов (Vorschlag. Über den Druck russischer Chroniken. An Rasumovski).

Игорь Павлович Медведев и Марина Алексеевна Салмина

Николаевич Оленин скрупулезнейшим образом (с указанием не только страниц, но иногда и строк) излагает его содержание, снабжая свое изложение собственными критическими и даже, я бы сказал, саркастическими пометами и оценками (боюсь, что в наши дни их, скорее, отнесли бы к разряду «ксенофобских»).

Поскольку сам доклад Круга фактически уже опубликован и известен в науке,⁴ представляется целесообразным, пользуясь случаем (а я думаю, что это не могло бы не заинтересовать Елену Константиновну Ромодановскую), довести еще неопубликованный текст отзыва А. Н. Оленина до научной общественности со всеми особенностями оригинала (хранится в Отделе рукописей РНБ, ф. 542, д. 12, л. 13–26).

[А. Н. Оленин]. О донесении г. Круга,
касательно издания древних Русских летописей:

- л. 13 Вашему Сиятельству угодно было поручить мне рассмотреть бумагу, которая приводит меня в большое недоумение, как и что мне про нее сказать? Вы, может быть, изволите думать, что в донесении, Вам представленном на немецком языке от г. Круга, изъяснен им способ и порядок, каким образом следует издавать собрание наших древних летописей? Но я принужденным нахожусь сказать то, что говорил известный грек Балла князю Потемкину-//Таврическому, когда князь спрашивал его о значении некоторых слов: «Oui, Monseigneur! C'est justement (:justement:) cela, ma (:mais:) ze (:je:) vous demande bien pardon, c'est tout-à-fait autre soze (:chose:)». И в самом деле бумага г. Круга (в рукописи: Круза) совсем не о том говорит, о чем Ваше Сиятельство ожидали, что она говорить будет; в доказательство сему, прочитав ее три раза сряду, я решился Вам представить кратчайшую, но верную из оной выписку, дабы Ваше Сиятельство могли уже // сами заключение Ваше по оной определить.
- л. 13 об.
- л. 14

[Стран. 1 вся] Г. Круг начинает свое донесение тем, что покойный Шлецер⁵ в многих местах своего «Нестора» изъяснял желание видеть издание Сводного или Сравнительного русского летописца [и], показав в своем сочинении надлежащие на то правила (гораздо пре-

⁴ Подлинный немецкий текст опубликован (не всегда, правда, точно, порой в изложении) А. А. Куником в его введении к посмертному изданию трудов Ф. И. Круга под заглавием: *Forschungen in der alteren Geschichte Russlands. Von Philipp Krug. Bd. 1. St. Petersburg, 1848. S. CLXXV–CXCIV*. Но в отечественной науке этот текст известен, главным образом, в его русской версии, см.: ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 11–24 (редактором журнала помечено, что весь этот материал под анонимным заглавием «Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву» заимствован из вышеупомянутого введения А. А. Куника, но сделано ли это самим Куником или было инициативой редакции, не уточняется).

⁵ Имеется в виду Август-Людвиг Шлецер (Schlözer, 1735–1801) и его изданное в Геттингене пятитомное исследование русских летописей под заглавием «Нестор» (есть рус. пер. Д. Языкова, СПб., 1803–1819). См. о нем: Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 293–294; Славяноведение в дореволюционной России: Библиографич. словарь. М., 1979. С. 372–373 (статья Г. Н. Моисеевой).

л. 14 об.

восходнее тех, коими руководствовалось Московское Историческое общество в 1806 году), подав сему делу лучший самый пример собственным своим // опытом. При всем том, однако же, Шлецер желал, чтобы было общество, на сей предмет особенно установленное, и узнав, что в Москве подобное сему сословие учредилось, прекратил издание своего Нестора, доколе то общество не выдаст Сводного или Сравнительного Толкового летописца, извлеченного из 60-ти рукописей, при оном собранных [оконч. стр.1].

л. 15

Но между тем Шлецер скончался, а общество в 1811 году переменилось другим. Он же, г. Круг (в рукописи: Круз) как член сего сословия // получил 10-ть листов издаваемого при оном Сравнительного летописца, и полагает, что сие издание тем и кончилось, и более в свет выходить не будет. [Стр. 2 от строки]

л. 15 об.

После сего вступления г. Круг изъявляет сожаление свое, буде сие издание остановится на долгие времена и тем воспрепятствует к исполнению желания Вашего Сиятельства, подаренную Академии сумму согласно намерению знаменитого дарителя употребить на дальнейшие успехи сего похвального // предположения, согласного с желанием тех, которые знают, как далеко Россия отстоит от образованных в Европе народов⁶ в использовании отечественной своей истории, и как далеко отстоять она будет, доколе приведением в известность и очищением

л. 16

источников разными по сему // предмету изыскателями, не будет она в возможности представить надлежащие критические, дипломатические, лингвистические, хронологические, этнографические, географические, генеалогические и нумизматические исследования.⁷ //

⁶ Примечание А. Н. Оленина (л. 15 об.): «Я бы осмелился спросить: давно ли в просвещенной Европе и в самой немецкой земле начали заниматься разбором природных летописцев на основании строгих правил критики? Правда, что древние греческие и латинские классики изданы несколько уже раз с самым подробным критическим разбором, но чтоб были таковые же издания отечественных летописцев во Франции, в Германии и даже в Англии, того, кажется, еще не было до сих пор. Чем же мы так провинились, мы, которые на свете едва сто лет как живем, да и тут успели уже иметь Татищева, Болтина и проч. Хотя не так они, может быть, исправны, но все-таки я повторяю, что только сто лет как мы живем. А истинные правила основательной критики по части исторической показались первые в Европе не более 10-ти лет тому назад, а именно: с появлением в свет Шлецера Нестора».

⁷ Примечание А. Н. Оленина (л. 16): «Уфф! Да когда же это случится? После дожжика в четверг. Здесь можно сказать: Belier (sic!), mon ami, commencez par le com<m>encement! В этом деле есть три рода работ. *Первая* или *начальная* состоит в собрании попросту всех исторических на русском языке отрывков, и в напечатании оных без дальних умствований, tale quale. *Вторая* или *приготовительная* работа будет уже состоять в том, чтоб сии летописи сравнив между собою и с известиями, о России писанными в разные времена иностранцами, составить полный толковой русской

л. 16 об.

[стр. 2 от строки]. Теперь спрашивается (говорит г. Круг) — как можно сие желание выполнить? Если, как Ваше Сиятельство полагаете, летописцы, в Академии хранящиеся, собрать вместе и, сравнив их критически между собою, издавая потом оные в некотором числе томов, то, по мнению г. Круга, *от сего* будет мало прибыли, ибо большая часть сих рукописей уже издана, хотя они в весьма небольшом количестве раскупаются и весьма дешево продаются; однако же не менее того Академия большую честь // себе приобрела сим изданием и тем подвигом, ему г. Кругу одному известным, что еще в 1734 году она просила Сенат о дозволении печатать древние сии летописцы, но в оном ей отказано было, — впрочем весьма справедливо, что первое ее издание под именем «Библиотека Российская Историческая» ни к какому употреблению не годится для изыскателей Российской истории. Потом, однако же, с 1767 г. по 1797-й год начали и продолжали

л. 17

печатать русские летописи с большею гораздо // точностью, но если и тут вкрались многие недостатки, то в том Академию винить нельзя, ибо в оной уничтожили исторической (sic!) класс и по отставке *не награжденного и огорченного* чиновника, по сему делу занимавшегося, предоставили сию работу выполнить *Анатому и выжившему из ума Математику*.⁸ Впрочем, если в изданиях некоторых летописей выключены были места по приказанию начальства касательно до жестокостей царя Ивана Васильевича, то при нынешнем правлении // таковые уважения места иметь не могут.

л. 17 об.

[Стр. 4 от строки]. Далее г. Круг говорит: поелику все почти Академические летописи уже в печать изданы (кроме «Ипатьевской» да «Кенигсбергской», которую перепечатать должно), то об них нечего более и заботиться, а есть летописи, гораздо оных уважительные (из коих сводное или сравнительное издание двух уже начато ученым Московским Обществом). Сии то летописи полезно б было толковать и сравнивать со многими // другими, под руководством знающего критику ученого человека, употребив под ведением его природных Россиян для механических по сему предмету работ, после чего ученая сия особа займется уже надлежащим толкованием.

л. 18

[Стр. 4 от строки]. Далее г. Круг говорит: поелику все почти Академические летописи уже в печать изданы (кроме «Ипатьевской» да «Кенигсбергской», которую перепечатать должно), то об них нечего более и заботиться, а есть летописи, гораздо оных уважительные (из коих сводное или сравнительное издание двух уже начато ученым Московским Обществом). Сии то летописи полезно б было толковать и сравнивать со многими // другими, под руководством знающего критику ученого человека, употребив под ведением его природных

л. 18 об.

Россиян для механических по сему предмету работ, после чего ученая сия особа займется уже надлежащим толкованием.

(sic!) летописец со всеми дополнениями и исследованиями на *ические* кончающиеся (sic!), о которых здесь г. Круг упоминает. И сей уже Толковый летописец будет служить твердым основанием *третьей* (в рукописи: третей) и *окончательной* работе, а именно: К сочинению верной российской истории! Ведь (в рукописи: веть) и немцы говорят, что “alle gute Dinger, sind drei”.

⁸ У Круга, кстати, названы и фамилии анатома (Протасов) и «престарелого» (abgelebten), а не «выжившего из ума», математика (Котельников). См.: Forschungen... S. CLXXVIII = ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 14. Имеются в виду известный специалист по анатомии Алексей Протасьевич Протасов (1724–1796) и математик, почетный член ИАН Семен (Симеон) Кириллович Котельников (1723–1806).

л. 19

[Стр. 4 от строки]. Потом г. Круг излагает трудности, сопряженные с исполнением сего предприятия, требующего больших предуготовительных занятий, долговременного чтения истории и изучения языков тех народов, кои с Россиею имели сношения, и проч. и проч. // Для достижения сей цели и для возбуждения в молодых Россиянах охоты к занятию себя сими предметами нужно, по его мнению, ожидать обстоятельств, различествующих совершенно от нынешних.

л. 19 об.

[Стр. 7 от строки]. Для вящего доказательства вышесказанного, т. е. какие именно причины препятствуют в самой России надлежащему учению отечественной истории, решает он дать себе дозволение занять Ваше Сиятельство несколько пространнее о себе самом и на//чинает [стр. 5 от строки продолжается на 6 и 7] послужным своим списком, который оканчивается выпискою всех похвал, им полученных от Шлецера, Тюльмана, Герена, Рюса, Вилькена и проч.

[стр. 7 от строки]. Потом вопрошает себя самого, для чего упоминал он о всех сих приписанных ему похвалах, и просит поверить, что сие сделал он не из тщеславия, но единственно чтоб показать, как сего рода сочинения умеют ценить в чужих краях.

л. 20

[стр. 7 от строки]. Затем жалуется, что не уважают здесь его сочинений // и вообще никаких произведений ученых людей,⁹ что в России молодые люди стремятся только к достижению чинов и почестей и не почитают достаточною за труды их наградою одну похвалу знающих людей.

л. 20 об.

[стр. 8 от строки]. Потом исчисляет доводы, почему нельзя требовать от молодых Россиян сей приверженности к изящным наукам, полагая главнейшею причиною то, что в России ученые люди должны с голода умирать; говорит, что все // Российские историки, как то князь Хилков, Татищев, князь Щербатов, Болтин, Елагин или другие были богаты или по роду своему, или начали писать в тех летах, когда уже успели приобрести себе безбедное состояние.¹⁰

[стр. 9 от строки]. После всех упомянутых причин г. Круг предполагает, что Ваше Сиятельство легко усмотреть изволите, как трудно

⁹ А. Н. Оленин приводит даже цитату из немецкого текста Круга («Denn nun in Russland — wie ganz anders ist es hier»), сопроводив ее своим саркастическим дополнением: «Wer wird mein Triplet lesen? — говорит г. Шперлинг в комедии “die Kleinstädter”» (л. 20).

¹⁰ Примечание А. Н. Оленина (л. 20 об.): «Ученые в немецкой земле богатые по той причине, что они там не имеют никаких прихотей, живут на чердаках, кушают большею частью один картофель с маслом, бирзуп и тому подобное, а в питье употребляют цикорный кофий да полпиво. Мы там жили сами долгое время в пенсиях, следственно и знаем, как это дело бывает. И жили там, когда немецкая земля не была еще разорена».

л. 21

Академии исполнить // желание ее: «занять все места в оной природными учеными»,¹¹ и что по-прежнему должно будет прибегать к иностранцам, для коих однако же место Адъюнкта с 1000 руб. жалованья мало лестного имеет.

л. 21 об.

[Начало стр. 10 от строки]. Вслед за сим г. Круг выхваляет те златые времена, в которые жить было дешево, и в кои ученому можно было содержать себя получаемым жалованием. Жалуется, // что он хотя холост, но не может жить 1400 рублями и для того только и не желает жениться, хотя сие есть его искреннейшее желание.¹² Пророчествует, что по заключении мира с французами большая часть служащих здесь ученых иностранцев уедут из России и что останутся только те, кои по малым знаниям своим не могут быть приняты ни в каком иностранном ученом обществе.¹³ В заключение просит извинить его, // что он написал столь много о предмете, не относящемся до настоящего его рассуждения, и заключает сие отступление тем, что он нигде, кроме как в России, не хочет жить и умереть.

л. 22

[стр. 11-я строка]. Здесь уже начинает г. Круг говорить почти о решении, коим Ваше Сиятельство его почтили, т. е. желает ли он взять на себя издание Сравнительного Российского Летописца? На это он отвечает, что хотя сие предложение для него весьма и лестно и хотя он себя чувствует// способным для критического разбора, но толкования летописей на себя взять он не в состоянии, ибо сей последний труд требует весьма многого прилежания и времени, какового ему теперь по слабости здоровья и многим занятиям по службе уделить никак невозможно. Притом же предпринятое им издание трудов покойного Лерберга отнимает у него все свободные от занятий по службе часы; а потому на место себя предлагает // он комментатором г. Эверса,¹⁴ по словам г. Круга весьма способного для сего занятия, которой (sic!) охотно при помощи русского ученого, знающего совер-

л. 22 об.

л. 23

¹¹ Примечание А. Н. Оленина (л. 21): «Весьма трудно русским поступать на места ученых в Академии. Некто г. Арцыбашев, известный удачным довольно опытом в изысканиях о российских исторических древностях, был предложен Академии в Адъюнкты, но его не приняли, ибо ученые иностранцы, у нас живущие, объявили, quis n'aura d'Esprit que pour nous et les nôtres».

¹² Примечание А. Н. Оленина (л. 21 об.): «“Не хочу учиться, хочу жениться!” — говаривал бывало Митрофан Простаков».

¹³ Еще одна цитата из немецкого текста Круга: «Wenn man das Joch der Frentzosen nicht mehr fürchtet», в сопровождении саркастического замечания: «А кто с немцев иго свергнул? Русские неучи, без коих образованные и просвещенные немцы и теперь бы еще на себе таскали гнусное сие иго!» (л. 21 об.).

¹⁴ Иоганн Филипп Густав Эверс (1781–1830), член-корреспондент с 1809, а с 1826 — почетный член ИАН. См. о нем: Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 397.

шенно российский язык, исполнит сие поручение, ежели он сего доверия удостоится.¹⁵

л. 24

[стр. 13-я от строки]. К сему заключению о издании русских летописей г. Круг прибавляет, что если употребление подаренной суммы по вышеизложенному плану подвержено затруднениям, то он предлагает другой // способ, — т. е. приказать на сей счет отпечатать новым тиснением в нескольких частях многие весьма любопытные и нужные дееписания на языках итальянском, немецком, аглинском (sic!), французском, а особенно на латинском, писанные иностранца-

¹⁵ Примечание А. Н. Оленина (л. 23–24): «Удивительно, как г. Эверс (если это тот, который переписывался с покойным Шлецером, и которого он называл “Хазарской сочинитель, Chazaren Dichter”), удивительно, как в течение пяти лет предупредил он во всех науках и познаниях, которые необходимо нужны, по мнению г. Круга, для составления сравнительного толкового летописца? Вот что знаменитый Шлецер говорил в 1809 году про г. Эверса (Nestor. Russische Annalen etc. 5-ter Band. Pag. XVI, XVII–XX–XXVII, etc. etc.): “В то время, как я обещал публике Российско-Славянские мои исследования (с 1767-го по 1807-й год), восстали против меня три ратоборца: турка, Эмин, — швед Тукман, — и немец (Fallor, обманщик) Эверс. Турка в 1767 году зацепил меня только по некоторым (л. 23 об.) статьям моей русской грамматики и проч. Швед (в 1771 году) в особенности напал на всеобщую мою Северную историю, немец же выступил против меня (в 1804 году) с собственною уже своею книгою... Он невежественнее всех моих противников...”. Потом далее говорит Шлецер: “Имеется ли он (Эверс) хоть малейшее понятие о сем безмерном продолжении истории, в течение по крайней мере 800 лет времени? Нет, не может оно иметь, не знает русского языка, не видал своими глазами ни одного из тысячи источников сих. Эверс сущий Ганс-Норд, которой лондонской публике объявил, что он в бутылку влезет”.

Положим, говорит
Купеческа жена, что он смудрит,
И как-нибудь в кувшин влезет;
Да вот что мудрено: как в шейку-то пролезть».
(Басня «Хитрец». Хомнищера подражание).

Далее продолжает Шлецер бранить Эверса и приводить следующую выписку из собственного его, Эверса, письма: “Вы спрашиваете (говорит он Шлецеру), видал ли я когда-нибудь своими глазами (Codex) рукопись”? Нет, не видал по несчастью! Могу ли я разуместь в оной хоть три строки? Могу! (Какое противоречие! Восклицает Шлецер) “И я уже сличал несколько рукописей, — говорит опять Эверс, — правда не славянские, но греческие да старые немецкие” (Пустое! Как, сколько, где и когда сличал? — говорит на это Шлецер). Но остановимся здесь и не станем долее выписывать ученых людей перебранку, которая делает, может быть, большую честь их знаниям, но мало чести приносит их нравственности. Довольно будет сказать, что она продолжается на 20-ти страницах, мелким шрифтом печатанных, и ясно показывает меру способностей г. Эверса к изданию сравнительного и толкового русского летописца, если ему поручен будет главный надзор при сем важном деле».

л. 24 об. ми, // проживавшими в России в разные времена от XIII столетия до конца XVII-го и прочее.

[стр. 14 от строки]. Другое предложение г. Круга состоит в том, чтоб архимандрита Георгия, назвавшегося из смирения Гарматолом Грешником (sic!), жившем в половине IX столетия.¹⁶ Сею рукописью, по мнению г. Круга, без сомнения пользовался Нестор при сочинении введения своего в рускую историю, по получении оной нужно ее напечатать, присовокупив к подлиннику перевод и толкование, // к исполнению чего г. Круг рекомендует профессора Грефа.¹⁷

л. 25

[стр. 14 от строки]. Третье, хотя с большими трудностями сопряженное предприятие, от исполнения коего также г. Круг обещает много пользы, состоит в том, чтобы послать двух языки знающих ученых в Эскуриал для снятия там подробных копий со многих не напечатанных еще рукописей, сочиненных византийскими и арабскими историками и географами. Для исполнения сего предлагает он упомянутого // г. профессора Грефа, а для арабского языка ученого г. профессора Френа, в Казане живущего.¹⁸

л. 25 об.

Вот мнение г. Круга о средствах к лучшему изданию русских наших летописей. Теперь я отдаю себя на суд Вашему Сиятельству, могу ли я по этому мнению какое-нибудь дать собственное мое, не оскорбляя г. Круга? Итак, чтоб сего избежать, имею честь без дальних разглагольствований при сем представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства читанное // мною Вам мое «Краткое рассуждение о издании полного собрания русских дееписаний».¹⁹

л. 26

* * *

Несколько слов в дополнение к сказанному и опубликованному. По иронии судьбы именно академику Ф. И. Кругу, столь нелюбимому представителю А. Н. Олениным графу А. К. Разумовскому (да, наверное, и самому канцлеру

¹⁶ Здесь Оленин совсем уж переврал Круга, исказив зачем-то греческое слово «амартолос», чего у Круга отнюдь не наблюдается; в его немецком тексте соответствующая фраза выглядит следующим образом: «Eine griechische Chronik von einem Archimandriten Georg, der sich aus Bescheidenheit Hamartolus, den Sunder, nannte, und um die Hilfe des IX. Jahrhundert lebte».

¹⁷ Федор Богданович (Христиан Фридрих) Грефе (Gräfe, 1780–1851), специалист по греческой и римской словесности, с 1818 г. — член ИАН.

¹⁸ Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ (Frähn, 1782–1851), ориенталист. Благодаря усилиям Ф. И. Круга был переведен из Казани в Петербург и стал одним из наиболее активных участников румянцевского кружка.

¹⁹ Стало быть, данное «Краткое рассуждение» существовало уже в то время, будучи позднее (в январе 1814 г.) представлено как А. К. Разумовскому, так и Н. П. Румянцеву. См. об этом: Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. С. 264. Ныне хранится в: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 19. Л. 1–2.

Румянцеву), предстояло стать до конца дней последним самым близким его другом и доверенным лицом по связям с миром науки; именно ему, находясь уже на смертном одре, за несколько дней до смерти (умер 3 января 1826 г.), Н. П. Румянцев вручил вторую часть выделенной им на издание русских летописей суммы (12500 рублей ассигнациями) для передачи Конференции Императорской Академии наук (а также свое сопроводительное письмо, датированное 27 декабря 1825 г., с трогательным обращением «Милостивые государи мои»)²⁰. В то же время А. Н. Оленин, давший «отповедь» Кругу,²¹ предложивший себя (и своего сотрудника по Императорской Публичной библиотеке А. И. Ермолаева) в качестве исполнителей проекта и даже получивший на это 3000 рублей из выше обозначенной суммы, так и не отметился какими-то достижениями именно в этой области научных знаний, остался в стороне от румянцевского кружка, относясь с некоторым недоверием и (как я уже имел случай однажды высказаться²²) ревностью к его деятельности.

Наконец, завершая описание этого «смутного периода» в истории издания русских летописей, хотелось бы отметить, что первым шагом нового президента Императорской Академии наук (а им с 12 января 1818 г. стал Сергей Семенович Уваров, которому на этом посту предстояло пробыть по 4 сентября 1855 г.) было рассмотрение судьбы румянцевского «гранта». Именно этому было посвящено заседание Конференции 4 февраля 1818 г. (присутствовали члены Академии, естествоиспытатель и медик Н. Я. Озерецковский, математик Н. И. Фус, математик и астроном Ф. И. Шуберт, минералог и химик В. М. Севергин, физик Я. Д. Захаров, физиолог П. А. Загорский, естествоиспытатель А. Ф. Севастьянов, астроном В. К. Вишневский, конечно, Ф. И. Круг, физик В. В. Петров, Х. Д. Френ, статистик и экономист К. Ф. Герман, историк литературы и переводчик А. В. Шлегель, математик Э. Д. Коллинс; отсутствовал А. К. Шторх). И хотя существует составленный на французском языке протокол заседания,²³ мы ограничимся приведением сохранившейся выписки из него, составленной на русском.²⁴

²⁰ Письмо Н. П. Румянцева и сопроводительное письмо (на немецком) Ф. И. Круга хранятся ныне в: Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–2 (оба с пометой: *Lu en Conférence le 11 Janvier 1826*). Опубликовано А. А. Куником в его введении к трудам Круга (см.: *Forschungen. S. CXCVIII–CXCI*) и в русском переводе этого введения (ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 26–27).

²¹ Я специально употребил слово «отповедь» в приложении к А. Н. Оленину, так как В. М. Файбисович назвал этим термином именно доклад Ф. И. Круга. См.: *Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин*. С. 264. Все-таки к саркастическим замечаниям А. Н. Оленина слово «отповедь» подходит больше.

²² См., например: *Медведев И. П.* Письмо А. Н. Оленина к парижскому ориенталисту Лангле с запросом о судьбе первого издания «Истории» Льва Диакона // *Море и берега*. К 60-летию С. П. Карпова. М., 2009. С. 743–746.

²³ Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 1. Оп. 19. Д. 29. Л. 16–17 (§ 54).

²⁴ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 124. Л. 4–5.

*Выписка из Протокола
Конференции Императорской Академии наук
от 4 февраля 1818 года
В Комитет Правления*

Читано предложение г-на Президента от 30 генваря, при коем препровождается отношение и исправляющего должность Министра Просвещения следующего содержания: что Граф Николай Петрович Румянцов изъяснил ему, г-ну Министру, что Академия наук, согласно с желанием Его Сиятельства, положила начать издание хранящихся в Библиотеке ее древних рукописей, к отечественной истории относящихся, Нестером летописью по списку Кенигсбергскому (в протоколе: *l'édition de Nestor, selon le Codex de Königsberg*); полное же распоряжение касательно сего издания представили г. тайному советнику Оленину и что, с одной стороны, уважая выбор Академии, с другой же убеждаясь, что многотрудные занятия г. тайного советника Оленина по службе государственной не позволяют ему обратить на сей предмет полного внимания, Его Сиятельство относит к сему единственно, что издание первой части до сих пор еще не могло быть кончено, между тем как для него желательно видеть хотя первые плоды сего предприятия; почему и представил в следующих дополнительных по сему предмету распоряжениях: 1) чтобы, не прерывая трудов для окончания первой части, под надзором Алексея Николаевича Оленина, ныне сверх того приступлено было к напечатанию и второй части, назначив для оной так называемый волынский летописец (в протоколе: *le Chronograph de Volhunie*); 2) чтоб издание сей второй части было поручено по выбору Академии особому надзору из людей, известных по сей части своими сведениями и по службе неозабоченных трудными занятиями; 3) чтобы при издании сего Летописца сличены были с рукописью, находящеюся в Академической библиотеке, две таковых же, из коих одна принадлежит Дмитрию Маркову Полторацкому, а другая г. статскому советнику Ермолаеву; 4) чтоб формат второй части был такой же, как и первой, и для того, чтобы заглавные листы были составлены по образцу, при Отношении приложенному (каковой образец заглавных листов не получено) к сему Граф Николай Петрович присовокупил; 5) что для напечатания сих обеих частей, доставленной от него в Академию суммы, по его мнению, будет достаточно, но есть ли б на сии издержки понадобилось более, то он охотно приемлет на себя дополнить оную по требованию. На сие Конференция определила донести г. Президенту: 1) что не Академия поручила г. Оленину издание Нестеровой летописи и что по сему она никоим образом не ответственна за остановку причиняемую скорому изданию оной многотрудными занятиями его; 2) что Академия не имеет и не знает никого кому бы поручено было можно сличение и издание волынского Летописца; 3) что ежели Его Сиятельство Граф Румянцов желает сам назначить человека, которого он почитает способным пещись о издании сей рукописи, по сличении ее с

обоими списками о коих он говорит, то Академия доставит сему человеку все возможные зависящие от нее пособия и что Комитет Правления, к ведомству коего принадлежат денежные дела, и Типография, не оставит взять надлежащие меры для ускорения, колико возможно, тиснения; 4) по выдаче, вследствие Предложения г. Министра Просвещения, 3000 рублей из 12 500, полученных от Графа Румянцова, в Комитете остаются только 9500 рублей, для употребления на издержание тиснения 1-го и 2-го тома.²⁵

К ВОПРОСУ О ШКОЛАХ А. А. ШАХМАТОВА И В. Н. ПЕРЕТЦА: СТЕПАН АНТОНОВИЧ ЕРЕМИН*

В июне 2012 года Елена Константиновна Ромодановская указала мне на ошибку, допущенную в последней книге.¹ Она касалась ее учителя Игоря Петровича Еремина, который был, как известно, учеником Владимира Николаевича Перетца. Я комментировала несколько фраз из двух писем В. П. Перетца (1917 и 1920 гг.), адресованных А. А. Шахматову. В них В. Н. Перетц спрашивал А. А. Шахматова о судьбе некоторых учеников, которых разбросала в разные стороны революционная эпоха, в том числе о С. А. Бугославском, и далее упоминался в такой же связи «С. А. Еремин». Я опрометчиво решила, что, видимо, это И. П. Еремин, инициалы которого просто спутаны с инициалами упомянутого перед ним Бугославского. Конечно, моим явным и потому особенно досадным упущением было то, что я не сопоставила даты писем с тем, когда И. П. Еремин стал учеником В. Н. Перетца. Между тем И. П. Еремин окончил (экстерном) среднюю школу в 1921 г., а Ленинградский университет — в 1924 г., следовательно, в 1917 г. В. Н. Перетц не мог писать о нем как об ученике.

Е. К. Ромодановская также сообщила мне, что, по ее представлениям, у В. Н. Перетца действительно был еще один ученик с такой же фамилией — Еремин. Первоначально казалось, что сведений о нем сохранилось немного. За авторством Степана Антоновича Еремина удалось обнаружить несколько статей по диалектологии, опубликованных в 1920-х гг.² Он являлся также одним из составителей хрестоматии по диалектологии.³

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00057.

¹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 285.

² Еремин С. А. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии // Сб. ОРЯС. Пг., 1922. Т. 99. № 5. С. 1–69; Еремин С. А. О теблешанах (Общие замечания о крае) // Изв. Гос. Русского географического общества. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 111–125; Еремин С. А. Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям // Краеведение. 1926. № 2. С. 199–230; Еремин С. А. Характеристика народных говоров по р. Костроме // Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. С. 3–15; Еремин С. А. О «диалектической единице» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 280–284; Еремин С. А. Архив акад. Ф. Ф. Фортунатова // Изв. по русскому языку и словесности. 1928. Т. 1. Кн. 1. С. 25–249; Еремин С. А. Бумаги академика А. А. Шахматова // Изв. по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. С. 675–686.

³ Русская диалектология: Хрестоматия / Сост. С. А. Еремин, И. А. Фалев. Под ред. акад. Е. Ф. Карского. М.; Л., 1928.

²⁵ Дальнейшие, уже более успешные, страницы румянцевского проекта рассмотрены в вышеупомянутой статье А. А. Куника, да и в новейшей литературе.

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

На сайте Библиотеки Академии наук С. А. Еремин значится как сотрудник БАН, пострадавший в годы сталинских репрессий: «Еремин Степан Антонович (р. 1886) — филолог-славист, преподаватель Петербургского ун-та, сотрудник ГАИМК. В БАН с 1920 г. Научный сотрудник I разряда V (Рукописного) отделения».⁴ О С. А. Еремине как репрессированном сообщается и на сайте «Мемориала», где в списке жертв читаем: «Еремин Степан Антонович. Родился в 1886 г., д. Средний Двор, Череповецкий у. и губ.; русский; б/п; Научный сотрудник Рукописного отдела библиотеки АН СССР. Проживал: г. Ленинград, Васильевский остров, 20 линия, 15, кв. 8. Арестован 23 октября 1929 г. Приговорен: Тр. ПП ОГПУ в ЛВО 10 февраля 1931 г., обв.: 58-11. Приговор: 3 года концлагеря. Реабилитирован 30 мая 1989 г. Прокуратура Ленинграда. Источник: Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)».⁵

В. С. Брачев включил имя С. А. Еремина в список обвиняемых по «Делу историков», как он предпочитает именовать «Академическое дело». По В. С. Брачеву, С. А. Еремин получил свои три года лагерей 10 мая 1931 г.⁶ В исследовании

⁴ <http://www.ras.ru/science/acadrepress1929.php>

⁵ <http://lists.memo.ru/d12/f172.htm>

⁶ Брачев В. С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. С. 107.

«Академического дела» арест С. А. Еремина имеет особое значение. Дело в том, что он, наряду с другим сотрудником БАН И. И. Фетисовым, значится как самый первый арестованный по этому делу. По словам В. М. Панеяха, «Академическое дело» началось с арестов С. А. Еремина и И. И. Фетисова, работников БАН, 23 октября 1929 г.⁷

Наиболее полный свод биографических данных о С. А. Еремине содержится в недавно опубликованной статье А. Н. Анфертьевой, посвященной ОР БАН в 1920-х гг.⁸ В этой статье замечательно показана атмосфера, царившая в БАН в это время. Как показано автором, на момент переезда ОР БАН из Кунсткамеры в новое здание летом 1924 г., там работали В. И. Срезневский, Ф. И. Покровский, А. В. Петров, Н. Г. Богданова, С. А. Щеглова, А. И. Заозерский, С. А. Еремин, Е. А. Шахматова, Б. М. Энгельгардт, Н. В. Тимофеева, А. Н. Коргуева, И. И. Фетисов, П. Г. Васенко. Все это были ученики виднейших тогда историков и филологов, в том числе А. А. Шахматова (включая его дочь Екатерину Алексеевну), В. Н. Перетца (например, одна из его любимых учениц С. А. Щеглова), С. Ф. Платонова (П. Г. Васенко — крупнейший тогда специалист по Степенной книге). Среди перечисленных сотрудников не один С. А. Еремин занимался диалектологическими исследованиями. Так, Ф. И. Покровский, как замечает А. Н. Анфертьева, занимался народными говорами, его ранняя работа о говорах Буйского уезда была отмечена А. А. Шахматовым, и именно поэтому Ф. И. Покровский стал ученым корректором трудов ОРЯС.

Это место — ОР БАН — по-видимому, было одним из «убежищ» ленинградской интеллигенции 1920-х гг. Не случайно оно было разгромлено в конце означенного периода. Половина из перечисленных сотрудников ОР были арестованы по «Академическому делу» и последовавшему за ним «делу славистов». А. Н. Анфертьева работала с личным делом и трудовым списком С. А. Еремина в СПФ АРАН.⁹ В результате о С. А. Еремине как сотруднике ОР БАН она привела следующие сведения: «С. А. Еремин (1886–?) родился в деревне Средний Двор Череповецкой губ. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета с дипломом первой степени и был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. Преподавал в Военно-политической академии им. Толмачева (1920–1921), Петроградском институте внешкольного образования (1921–1924), 117-й трудовой школе (1920–1922). В графе анкеты о знании иностранных языков писал: “Изучал — латинск., греч., немецк., франц. и славянск. яз. — польск., сербск., болгар.” В Рукописном отделении — с 1 марта 1921 г. (библиотекарь), затем

⁷ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 123.

⁸ Анфертьева А. Н. Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1924–1931 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 18–39.

⁹ СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 949, л. 5115.

научный сотрудник 1-го разряда (с 13 ноября 1925). Одновременно был научным сотрудником ГАИМК и Петроградского университета (с 1921), НИИ им. А. Н. Веселовского (с 1922), доцент Ямфака ЛГУ с 1 сентября 1925». ¹⁰ Кста-ти, разборка бумаг и описание архивов А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова, чему посвящены статьи С. А. Еремина середины 1920-х гг., стояли в плане ра-боты ОР БАН 1928–1929 гг. ¹¹

Об арестованном вместе с С. А. Ереминым И. И. Фетисове А. Н. Анфертьева написала, что он окончил университет на год позже Еремина, в 1918 г., за-тем преподавал в Таврическом университете, с 1926 г. — научный сотрудник 1 разряда ИЛЯЗВ (Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока). Отзывы о нем как об исследователе сделали В. Н. Перетц и И. И. Соколов. Таким образом, И. И. Фетисов, видимо, также входил в круг учеников В. Н. Перетца. С 1924 г. он — сотрудник БАН, принимал участие в описании рукописей Выдубицкого и Кирилло-Новоезерского монастырей. ¹² В списке репрессированных сотрудников БАН, помещенном на сайте БАН, сказано, что И. И. Фетисов (р. 1892) «занимался разбором, описанием и иссле-дованием материалов по истории литературы». ¹³

К этому можно добавить, что, согласно его трудовому списку, С. А. Еремин уже с 1921 г. был научным сотрудником II разряда при Петроградском универ-ситете и одновременно с 1925 г., кроме преподавания на Ямфаке (Факульте-те языка и материальной культуры, образованном как раз в это время путем слияния Факультета общественных наук и Археологического института), был сотрудником разных научных структур, существовавших при Ленинградском университете в 1920-х гг. Таковыми были Научно-исследовательский инсти-тут им. А. Н. Веселовского при ЛГУ и уже упомянутый Институт сравнитель-ной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ (там он числился с 1923 г.). Кроме того, в Ленинградском институте внешкольного образова-ния он не просто преподавал, а был профессором по кафедре языкознания. В 1929 г. С. А. Еремин был «снят с работы по первой категории» в БАН и уво-лен с 13 ноября этого года, то есть через двадцать дней после ареста. ¹⁴

Из личного дела ясно, что С. А. Еремин был женат, имел дочь, содержал также проживавшего вместе с ним отца. Кроме того, он был членом различ-ных научных обществ, связанных с его научными интересами: действитель-ным членом Русского географического общества, членом Неофилологическо-го общества при ЛГУ, членом Общества изучения и преподавания языка и ли-тературы при ЛГУ. ¹⁵ На вопрос о том, «разработкой какого научного вопроса»

¹⁰ Анфертьева А. Н. Рукописное отделение Библиотеки Академии наук... С. 23.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 24.

¹³ <http://www.ras.ru/science/acadrepress1929.php>

¹⁴ СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 5115.

¹⁵ Там же, д. 949, л. 1.

он занят, С. А. Еремин ответил: «Исследование языка Синайской Псалтыри и обработка материалов по народным говорам и этнографии Бежецкого уезда Тверской губернии, собранных за время научных командировок, также под-готовкой к магистерским экзаменам по русскому и славянскому языкам». А в справке от имени заместителя директора БАН В. И. Срезневского 1927 г. ска-зано, что С. А. Еремин «фактически занимается разборкою древних рукописей в <Рукописном> Отделении с 1 марта 1921 г.». ¹⁶

Итак, нам известны основные пункты биографии С. А. Еремина послере-волюционного времени, понятен и круг его коллег. Мы знаем главное — что он окончил Петербургский университет в 1917 г., то есть в год революции, был оставлен при университете, по окончании Гражданской войны весной 1921 г. начал работать в ОР БАН, жил на 13 линии Васильевского острова, имел се-мью; чтобы содержать ее, как и вся интеллигенция того времени, работал еще в нескольких местах, в том числе преподавал в университете, был арестован в конце 1929 г. и сразу уволен с работы в БАН.

Личное дело С. А. Еремина как преподавателя ЛГУ в архиве СПбГУ дает возможность восстановить еще некоторые важные детали. Так, мы узнаем, что 18/21 декабря 1917 г. Совет университета постановил, что на основании реше-ния историко-филологического факультета от 16 декабря С. А. Еремин был сна-чала оставлен (по предложению А. А. Шахматова) при университете на два года с 16 декабря 1917 г. до 16 декабря 1919 г. без стипендии. ¹⁷ Однако срок пригото-вления к профессорской деятельности был продлен по июнь 1922 г. А с октября 1925 г. С. А. Еремин был зачислен сверхштатным доцентом по факультету язы-кознания и материальной культуры. ¹⁸ Сохранилась справка от 30 декабря 1920 г. о том, что оставленный при Петроградском университете для подготовки к профессорской деятельности С. А. Еремин не имеет со стороны университета препятствий на краткосрочную научную командировку с 1 по 7 января 1921 г. ¹⁹ Сохранилось также прошение факультета языкознания и материальной куль-туры об утверждении С. А. Еремина с 1 октября 1926 г. в должности штатного доцента. Вместе с ним был утвержден еще ряд лиц, в том числе А. И. Андреев. Отзыв о С. А. Еремине был написан Б. М. Ляпуновым. ²⁰

Большой интерес представляют два варианта подробной автобиографии С. А. Еремина от 1925 и 1926 гг. ²¹ В первом варианте (1925 г., далее «Автобио-графия». — В. В.) он писал о начале своего самостоятельного творчества: «На-

¹⁶ Там же, л. 3–4.

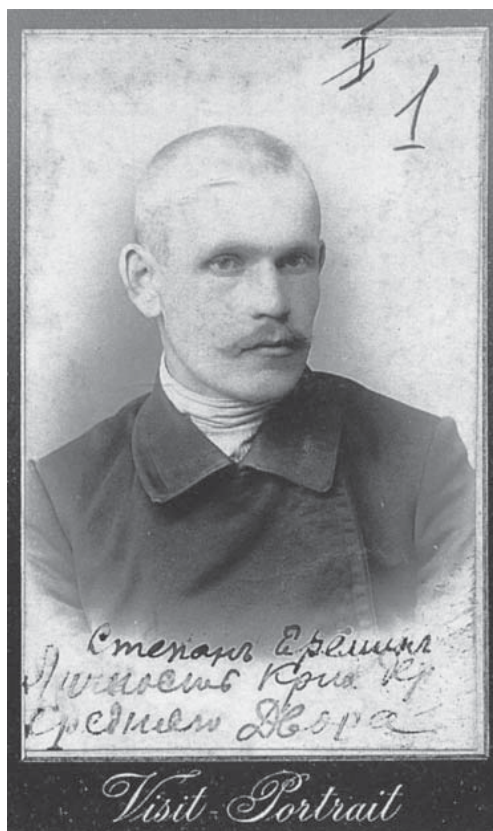
¹⁷ Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017: Еремин Степан Антонович, л. 2.

¹⁸ Там же, л. 16.

¹⁹ Там же, л. 6.

²⁰ Там же, л. 15–15 об.

²¹ Автограф автобиографии от 13 августа 1925 г. см.: Там же, л. 7–9. На л. 11–12 — ва-риант того же текста под названием «Жизнеописание» от 10 декабря 1926 г., а на л. 13–14 об. — печатный вариант последнего.

С. А. Еремин. Фотография, сделанная при поступлении в С.-Петербургский университет

за собой 27 печатных работ, как записано в его учетной карточке.²³ Из них было перечислено девять. Кроме упомянутых в прим. 1 к настоящей статье, автор называл еще ряд своих публикаций. Еще одна работа упомянута в анкете, заполненной С. А. Ереминым в 1920-х гг. (к сожалению, точно датировать ее не представляется возможным): он написал, что готовит текст доклада «Академик А. А. Шахматов как диалектолог».²⁴ В 1920-х гг. публиковались наши коллеги, по сравнению с дореволюционным временем, мало. Поэтому старались учесть и потом использовать для отчетов любые печатные выступления или доклады. С. А. Еремин писал статьи в газеты. Судя по личному делу в СПФ

учно-исследовательская работа в области древнерусского языка, народных диалектов, также разработка вопросов этнографии, материальной культуры, фольклора и пр. ведется со студенческих лет вначале по командировкам Отделения русского языка и словесности Академии наук (в Череповецкий у., Новгород, Москву и Троице-Сергиеву Лавру, о чем см. Отчет 2 отд. Академии наук за 1915–1916 гг., также Отчеты о поездках Семинария акад. В. Н. Перетца в Киев и Новгород, отчет Новгородского Археологического о-ва за 1916 г.), затем самостоятельно (поездки в Казань, Весьегонский и Бежецкий уу. Тверской губ) и в последние годы главным образом в исследовательском институте при университете и в связи с работами этнологической экспедиции, снаряжаемой от Академии истории материальной культуры в губернии Тверскую, Ярославскую и Костромскую (о чем см. Отчеты о поездке в Бежецкий у. в 1922 г., Весьегонский у. в 1923 г., в Костромской, Буйский и Солигаличский уу. Костромской губ. в 1924 г.).²²

К моменту оформления на работу в университете С. А. Еремин считал

АРАН,²⁵ он опубликовал статью «Изучайте наш край» в газете «Красный Весьегонск» № 55 за 1918 г., статью «Вместо предисловия» к 1 выпуску издания «г. Весьегонск и его уезд». В «Автобиографии» заботливо перечислены другие ранние публикации в газетах и местных журналах, такие как студенческая работа «Исследование о заключенном бесе» (напечатанная в «Отчетах о поездках Семинария акад. В. Н. Перетца в Киев, Новгород»), «Заметки по этнографии Весьегонского уезда» (журнал «Трудовое хозяйство» за 1919 г., издаваемый в Бежецке), «Об изучении местного края» (заметка в газете «Красный Весьегонск» за 1919 г.), статья «Изучайте наш край» (журнал «Наш союз» № 8–9, 1922, издаваемый в Ярославле Губернским союзом кооперативов), «О деятельности этнологической экспедиции в Рыбинской губернии в 1922 г. (журнал «Рыбинский кооператор» № 15–16 за 1923 г.), «Промыслы Весьегонского уезда Тверской губернии» («Тверское кооперативное издательство»).

Несколько работ носили явный методологический характер и показывают, что С. А. Еремин был озабочен широкой постановкой диалектологических экспедиций в стране: «Программа для собирания материала по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям Тверской и Рыбинской губерний» (1 и 2 выпуски в трудах ГАИМК за 1921–1922 гг.), «Краткое руководство для наблюдения над языком и по народному творчеству (1 и 2 выпуски в сборнике «Летняя школа», вып. 2, 1924–1925 гг.), «Программа для собирания материала по народным говорам, местному словарю, бытовым названиям и технической терминологии (изд. Центрального Бюро краеведения), «Проект словаря русской этнографической диалектологии», вышедший в «Сборнике языка и литературы» № 1 в 1926 г. (Известия исследовательского института при Ленинградском университете). Кроме того, как приготовленная к печати в 1925 г. значится статья «Язык новгородских миней XI в. Ч. 1. Фонетика», а в 1926 г. — статья «Очередные вопросы русской диалектологии» (Сборник в честь акад. А. И. Соболевского) и «Методы изучения местных говоров Курского края (в «Курском сборнике»».²⁶

Несколько выбиваются из ряда этих работ статьи по декабристам, явно написанные по заказу к юбилею. Это статья «К истории бунта в Черниговском пехотном полку» (Записки капитана Несмеянова), вышедшая в «Сборнике памяти декабристов, изданном АН» (С. А. Еремин называет его также «Ежегодником декабристов»); предназначенные туда же «Записки и письма декабристов к плац-майору Казимирскому», «Письма декабриста Сев. Кржижановского генерал-губернатору Западной Сибири».²⁷

²⁵ Там же.

²⁶ Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017, л. 7 об.–8, 12, 14 об.

²⁷ Речь идет о статье: Еремин С. А. «Объяснения» капитана Несмеянова (к истории бунта в Черниговском полку) // Памяти декабристов. Сборник материалов. Вып. 2. Л., 1926. С. 73–87. Остальные две работы С. А. Еремина о декабристах, перечисленные им в автобиографии, очевидно, так и не были напечатаны.

В «Автобиографии» дан обзор не только опубликованных работ, но и устных выступлений, отмечено, что «научная работа последних лет нашла отражение и в ряде докладов и лекций на отдельные темы по языку, этнографии и краеведению, читанных в разных ученых и просветительных учреждениях, так, в соединенном заседании 1-го отдела Академии истории материальной культуры и Географического общества в декабре 1921 г. был прочитан доклад “Старое и новое в быту деревни Весъегонского уезда Тверской губернии”; “О карельском влиянии на русский язык населения Весъегонского уезда”, доклад, читанный в секции Неофилологического общества при университете в октябре 1922 г.; в 1923 г. в том же Обществе был прочитан доклад “О говорах Весъегонского уезда Тверской губернии”; “О задачах этнологической экспедиции” (доклад, читанный в Бежецком научном обществе в 1922 г.), “О народном календаре” (доклад, читанный в селе Заручье Заручьевской волости Бежецкого уезда в 1922 г.); лекции “по изучению местного края” (на учительских курсах в г. Весъегонске в 1919 г.); “О языке как социальном факторе” (доклад, читанный в г. Устюжне Череповецкой губернии в 1923 г.), “Об изучении языка Костромского края” (доклад, читанный в Костромском научном обществе летом 1924 г.) и многих других в разных местах, где приходилось бывать за время летних путешествий».²⁸

Отдельно С. А. Еремин в 1925 г. внимательно перечислил свое участие в разработке вопросов краеведения: «Сверх того принимал участие в работах съездов по краеведению (в г. Рыбинске в 1922–1923 гг.), где наряду с докладами “Роль языка в краеведческой работе”, “Социальная и бытовая сторона языка” и др., в этнографической секции съездов вел также беседы по собиранию лингвистического и этнографического материала на местах; методологический же характер носят работы, обсужденные на заседаниях этнологической экспедиции, — “Примерная запись народных говоров”, “Образцы карточек словаря по материальной этнографии и быту” и др. Результаты четырехлетней работы по языку в связи с работами Этнологической экспедиции в Академии истории материальной культуры весною нынешнего 1925 г. Несколько докладов, посвященных вопросам лингвистической географии, было сделано в последние два года и в Исследовательском институте при Ленинградском университете».²⁹

Что касается настоящего времени, то в 1925 г. С. А. Еремин, по собственному его утверждению, был занят «разработкой вопросов лингвистической географии, учетом бытовой номенклатуры и разных речевых отложений в народных диалектах с целью заполнения диалектологической сетки русского языка, намеченной формальной диалектологией, материалом этнографической лингвистики, словаря промыслов, бытовых названий и пр. в намерении проверить, уточнить, возможно, поправить и оживить установленные границы русских диалектов и наречий, с другой стороны — проследить пути культурных и истори-

²⁸ Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017, л. 7–7 об.

²⁹ Там же, л. 7 об.

ческих взаимодействий и перегруппировок племен и народностей, населяющих карту русского языка».³⁰ Важно обратить внимание на то, какие широкие возможности видел С. А. Еремин у диалектологии, вплоть до прояснения истории движения разных групп населения и их взаимодействий. В этом виден, забежим вперед, ученик А. А. Шахматова. Именно А. А. Шахматов подходил так широко к занятиям лингвистикой, считая главной ее целью (как и целью исследования истории летописания) — изучение истории русского народа.

Этой же цели, по мнению С. А. Еремина, служило и краеведение. Он считал крайне важным придать ему строго научные формы. В одной из статей того времени С. А. Еремин писал: «Работая последние пять лет по этнологическому обследованию различных местностей, многих уголков в разных губерниях, мы имели возможность неоднократно убедиться в том, что разлившееся широкой волной повсеместно краеведческое движение до сих пор на местах не везде приняло достаточно целесообразные и рациональные формы».³¹

Для ликвидации этой диспропорции С. А. Еремин разработал детальную программу описания местных диалектов. Он исходил из того, что «язык... есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое... Язык — продукт социальный как по форме, так и в содержании, отсюда все стороны языка: лексика, синтаксис, формы слов и особенности звуковые являются орудием распознавания фактов этнолого-культурного изучения местностей»³². С. А. Еремин использовал также понятие «родиноведение»: «Этнологический уклон и приноровливание языка к вопросам родиноведения требует от собирателя особой тщательности, выбора и осмотрительности».³³

Работа по описанию должна была разделяться на несколько этапов, которые он называл «отделами». Первый отдел — формальная сторона языка. Второй отдел — словарь, который должен занять первенствующее место (С. А. Еремин выделил 55 параметров составления такого словаря). Третий раздел — отражение в языке перехода от старых форм жизни и быта к новым. Программа, очевидно, была обращена к широкому кругу заинтересованных лиц. Со «всякого рода вопросами в связи с программой, а также по собиранию материалов по народным говорам и словарю» предлагалось всем желающим обращаться: «В Ленинград, Центральное Бюро Краеведения (пересылка бесплатно), куда надлежит направлять и самые материалы для научной обработки».³⁴

Этой же цели обучения и пропаганды диалектологии как по-новому понимаемого научного направления служила и подготовленная С. А. Ереминым

³⁰ Там же.

³¹ Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям... С. 199.

³² Там же. С. 200.

³³ Там же. С. 201.

³⁴ Там же. С. 230.

хрестоматия.³⁵ Важные теоретические вопросы поднимались практически во всех его статьях 1920-х гг. Так, в одной из последних перед арестом публикаций он писал: «Возникает... снова вопрос о существовании говоров как диалектических территориальных единиц речи. Но существуют ли говоры в этом понимании или нет — покажет будущее, когда русская диалектология, завершив круг своего развития, окончательно вступит на путь “статистического” подхода к языку и всестороннего его изучения».³⁶

А пока важнейшие вопросы были еще не вполне ясны, С. А. Еремин активно занимался сбором материала для своих научных исследований. Сам он так описал работу одного лишь сезона: «Собирание материалов и изучение особенностей народных говоров в 1924 г. мною велось на территории Костромского, Буйского и Солигаличского уездов по реке Костроме в направлении пограничном с Ярославской губ., по маршруту от г. Костромы в селениях — Святое, Стрельниково, Шунга, Саметь, Быково, Петрилово, Губачево, Никольское (Шунгенской вол.); Вежи, Спас, Велерки, Куниково, Мисково, Жарки, Шо́да (Мисковой вол.); Колгоры, Подольное, Нукша, Поселиха, Сандогоры, Колесово (Андреевск. вол.); далее с отходом от р. Костромы на восток в селениях по р. Шаче — Конюхово (с деревнями), Казаково, Копытово, по р. Письме — Павловское, Кринки и др., в деревнях по р. Тебзе, Борок — Буйского уезда; по Салигаличскому уезду: селения в районе Печенги, Чудцов (Чудцовской вол.)».³⁷

И всегда, по-видимому, его подход заключался в сочетании тщательной фиксации конкретных деталей и видения за ними главного, большого вопроса (что тоже черта шахматовской школы, именно так А. А. Шахматов исследовал русские летописи). Для С. А. Еремина этой большой задачей было «заполнение пропасти» между XIX в., «для которого еще известна картина живых говоров» и IX в., к которому относится «этнографическая картина Нестора».³⁸

Итак, перед нами встает образ деятельного работника в сфере диалектологии, картина трудов, которые настойчиво и планомерно проводились в первой половине 1920-х гг. в научном и в просветительском направлениях. С. А. Еремин уделял много внимания разработке самих принципов научной работы по сбору краеведческого и диалектологического материалов, внедрению их в практическую деятельность, разработке основ нового краеведения.

Одним из мест, где он мог пропагандировать свои научные идеи, был, конечно, университет. Из сохранившейся учетной карточки явствует, что С. А. Ере-

³⁵ Русская диалектология.

³⁶ Еремин С. А. О «диалектической единице». С. 284. Статья, как следует из текста, была подписана к печати еще в 1926 г.

³⁷ Еремин С. А. Характеристика народных говоров по р. Костроме. С. 3–15.

³⁸ Там же. Приводя эту сверхзадачу, С. А. Еремин ссылаясь, правда, не на А. А. Шахматова, а на Д. К. Зеленина (Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим непрерывным смягчением задненебных. СПб., 1913).

мин в Ленинградском университете занимал должность сверхштатного доцента, в которой был утвержден 18.10.1927. Фактически он занял должность еще в октябре 1925 г. Читаемый им курс назывался «Русская диалектология», занятия имели место 2 часа в неделю. При этом он был в ГАИМК научным сотрудником по совместительству на половинном окладе (2 часа ежедневно).³⁹

Мы знаем, что вся эта активная деятельность оборвалась с арестом С. А. Еремина осенью 1929 г. Но тут чрезвычайно интересны некоторые детали, в частности, сохранившееся в личном деле С. А. Еремина как преподавателя университета краткое изложение заседания комиссии, на котором было решено отчислить С. А. Еремина из числа преподавателей. Самым примечательным фактом является то, что это имело место еще весной 1929 г., за полгода до его ареста. Цитируем этот небольшой документ полностью:

Выписка из протокола № 13 заседания Расценочно-конфликтной комиссии ЛГУ, состоявшегося 1 июля 1929 года.

Слушали: 2. Об отчислении от ЯМФАКа доцента Еремина С. А. — по методологическим соображениям, т. е. по п. «в» ст. 47 с 1 июля 1929 г.

Проф. Богаевский Б. А.⁴⁰ — поясняет, что в Деканате на основании указаний отделения нет уверенности в выдержанности основной линии по установке преподавания на основах материалистической лингвистики (яфетидология). Кроме того, доц. Еремин имел работу всего лишь на 2 часа, а построение учебного плана на 1929/30 уч. год требует концентрации, и не распыления часов. А т. к. для правильной постановки преподавания на марксистских основах намечен т. Бескровный из Саратовского университета, который и будет вести всю работу по материалистической лингвистике, то по совокупности указанных обстоятельств Деканат вынужден отчислить доц. Еремина.

Студенческий представитель И. Егоров — находит, что вообще методологическая линия на факультете нуждается в выправлении. Доцент Еремин — один из частных случаев этого явления и должен быть отчислен от факультета, как, во-первых, преподаватель, не удовлетворительный методологически, а, во-вторых, как сверхштатный.

Доцент Еремин — заявляет, что ему крайне странно слышать такого рода инкриминирование: по существу он обвиняется в отрыве от жизни в том, что разбираемые факты языка он не связывает с жизнью, с трудовыми процессами. Как раз именно он, Еремин, свою научную деятельность начал со статьи, в которой он — еще студентом, и правда,

³⁹ Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017, л. 20–20 об.

⁴⁰ Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — историк античности, археолог, профессор ЛГУ, зав. кафедрой древнего мира, проректор по учебной части ЛГУ, член ГАИМК, до этого в 1921–1922 гг. был ректором Томского университета. Умер в блокаду Ленинграда.

намеком, — указывал на несомненную связь между особенностями говора кузнецов и их трудовыми процессами.⁴¹ Что касается методологической установки его работы — материалистична она или нет — и, в частности, яфетидологии, то он полагает, что компетентное мнение об этом может высказать не проф. Богаевский, а соответствующие специалисты, почему он просит назначить авторитетную экспертизу.

Постановили:

Считая необходимость применения п «в» ст. 47 КЭТ к доц. Еремину установленной, согласиться с предложением администрации об отчислении его с 1-го июля 1929 года.⁴²

Итак, первично было отчисление из университета, а не арест. Можно предположить даже другое — что С. А. Еремин был первым подведен под арест именно потому, что уже подвергся проработке на факультете, был отчислен, вероятно, взят на заметку как неблагонадежный, хотя, судя по записи в его учетной карточке, 1 июля 1929 г. он был «отчислен по сокращению штатов».⁴³

Труднее представить дальнейшее. К сожалению, нигде не сообщается дата смерти С. А. Еремина. Для биографии многих наших коллег довоенного времени это вообще является проблемой. Но мы можем утверждать, что С. А. Еремин отбыл срок и появился в Ленинграде в середине 1930-х гг., как и некоторые другие ученые, репрессированные по «Академическому делу». Дополнительный свет на обстоятельства жизни С. А. Еремина после революции проливают документы, которые опубликовала А. Н. Анфертьева уже после выхода ее названной выше статьи. Это материалы по истории Института лингвистических исследований. Среди них, во-первых, есть запись о том, что в 1925 г. на совместном заседании Института с Верхне-Волжской экспедицией Российской академии истории материальной культуры, 26-го мая, были заслушаны доклады С. А. Еремина и Н. П. Гринковой на тему «Язык и этнология (опыт применения лингвистики в этнологических работах)».⁴⁴ Н. П. Гринкова —

⁴¹ См.: *Еремин С. А.* Описание уломского и ваучского говоров... С. 1–69. В конце этой статьи С. А. Еремин написал, что почти все жители Уломского района занимались кузнечным («кузленным») ремеслом: «Что же касается второго характерного и типичного явления в “Уломском” говоре в отличие от “Ваучского”, явления, касающегося особенного характера ударения, а в связи с ним и общей интонации речи, то чрезвычайно соблазнительным является поставить эти особенности, ту мерность и рубленность речи, те выдыхательные толчки, нажимы и порывы слоговых усилий слов при распределении экспирационной энергии, которые характеризуют говор, в некоторую обусловленную зависимость от напряженного удара молотка, силою которого “уломец” — кузнец рассекает каленое железо на своей “бабке”» (с. 69).

⁴² Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017, л. 21–21 об.

⁴³ Там же, л. 23.

⁴⁴ Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН 1921–1934 гг.

диалектолог, в июле–августе 1922 г. участник Верхне-Волжской экспедиции Академии истории материальной культуры в Тверской и Рыбинской губерниях в составе небольшого отряда во главе с Д. А. Золотаревым, сотрудник Этнографического отдела Русского музея, адресат писем Е. Э. Бломквист, изданных Е. Н. Груздевой.⁴⁵ Таким образом, становится понятным, что именно делал С. А. Еремин для ГАИМК, понятен и круг его научных связей. Давид Алексеевич Золотарев⁴⁶ как раз и стоял у истоков нового краеведения, был выдающимся сотрудником Этнографического музея и душой этнографических экспедиций, причем экспедиций нового типа — комплексных, включающих изучение разных сторон народной жизни, в том числе, например, составление этнических карт. Он много занимался для этого координацией сил музейного сообщества и Академии наук.

Во-вторых, среди «докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях кабинетов ИЯМ (Института языка и мышления. — В. В.) с 1 сентября 1934 г. по 1 июля 1935 г.», по Кабинету славянских языков и комиссии древнерусского словаря упомянуто под 1935 г.: «С. А. Еремин. Русский лингвистический атлас в части словаря этнографической диалектологии (5.V)».⁴⁷ Таким образом, С. А. Еремин отбыл срок, вернулся в Ленинград и, возможно, был взят на работу (или просто делал работу по составлению карт для этого учреждения) в Институт языка и мышления (Кабинет славянских языков), где выступал с докладом в 1935 г.

Более поздних данных о нем, к сожалению, обнаружить не удалось. Можно лишь предположить, что С. А. Еремин или умер в конце 1930-х гг. (как увидим далее, он и в юности обладал слабым здоровьем, почему не был взят на военную службу, и, разумеется, здоровье не могло исправиться отбыванием срока по «Академическому делу»), или же погиб в блокаду Ленинграда, но никаких сведений об этом пока нет.

Однако чтобы понять настоящий смысл тех вопросов о С. А. Еремине, которые задавал в 1917 и в 1920 гг. А. А. Шахматову В. Н. Перетц и с упоминания которых началась настоящая статья, можно обратиться к дореволюционному периоду. Сохранилось личное дело С. А. Еремина как студента Петербургского университета.⁴⁸ В нем содержится выписка из метрической книги о рождении у крестьянина Горской волости деревни Среднего двора Антона Васильева

(от Института яфетидологических изысканий до Института языка и мышления им. Н. Я. Марра) // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. 9. Ч. 1. СПб., 2013. С. 147.

⁴⁵ «...Твои письма — документ незабываемого времени». Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945. СПб., 2013. С. 12–13.

⁴⁶ Через год после ареста С. А. Еремина, в декабре 1930 г., Д. А. Золотарев был арестован и обвинен в «финском фашизме» по так называемому «делу славистов». В 1935 г. умер в лагере для политических заключенных в г. Мариинске.

⁴⁷ Материалы к истории Института лингвистических исследований... С. 373.

⁴⁸ РГИА, ф. 14, оп. 3, № 62837.

Еремина и его жены Маланьи Васильевой, православных, сына Стефана, подписанное священником Иоанном Стратановским.⁴⁹ Кроме того, имеется свидетельство о признании его по освидетельствовании «совершенно неспособным к военной службе» при призыве 1907/1909 г., «а почему освобожден навсегда от службы», хотя «по вынужденному им № двести восемьдесят первому жеребью подлежал поступлению на службу в войско»⁵⁰, справка о благонадежности от новгородского губернатора, удостоверение из волостного правления.⁵¹

Для нашей темы наиболее интересно прошение о зачислении в студенты историко-филологического факультета от 5 августа 1913 г. от крестьянина Новгородской губернии, Череповецкого уезда Степана Антоновича Еремина. В частности, в нем сказано: «Дополнительному испытанию по греческому языку я не подвергался и обязуюсь выдержать экзамен по требованию»⁵². Указан почтовый адрес: Почтовое отделение Любегощи, Тверской губернии, село Попово.

Итак, С. А. Еремин происходил из крестьян Новгородской губернии, на момент подачи прошения проживал в Тверской губернии. Он окончил Череповецкую учительскую семинарию и не учился в гимназии. Поэтому ему пришлось сдавать экзамены на аттестат зрелости в Новгородской гимназии императора Александра I.⁵³ При этом он получил следующие оценки: закон Божий — 5, русский язык — 5, философская пропедевтика (психология и логика) — 4, латинский язык — 3, математика — 3, математическая география — 5, физика — 3, история — 4, география — 4, естествоведение — 5, законоведение — 4, французский язык — 3, немецкий язык — 4.

Из «Автобиографии» становится ясно, каким образом он сумел подготовиться к сдаче гимназических экзаменов, без которых невозможно было думать о поступлении в университет: «После первоначального образования, полученного в сельской школе, окончил Городское 3-классное училище (в к. Весьегонске, Тверской губ.), затем Учительскую семинарию (в г. Череповце). По окончании семинарии некоторое время был народным учителем (в 1905–1906 гг.), в течение которого положены были начатки собирания материала по народным говорам, этнографии и фольклору и теоретического с ним ознакомления. По “независящим обстоятельствам” учительство пришлось скоро оставить, после чего в 1907 г. переехал в Петербург, где внимание сосредоточил на пополнении общего образования (окончил общеобразовательные курсы имени А. С. Черняева) и подготовке к экзамену на аттестат зрелости».⁵⁴

⁴⁹ Там же, л. 4б.

⁵⁰ Там же, л. 4г.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, л. 4.

⁵³ Там же, л. 4а–4а об. Свидетельство об испытании зрелости в Новгородской гимназии Императора Александра I Еремина, окончившего Череповецкую учительскую семинарию. Родился в дер. Средний Двор Новгородской губ. Череповецкого уезда 1 августа 1886 г.

⁵⁴ Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 3, св. 31, № 1017, л. 7.

Итак, путь крестьянина в студенты-филологи был не простым: сельская школа, городское начальное училище, учительская семинария, работа народным учителем и общеобразовательные курсы в столице. И начало самостоятельных занятий диалектологией — говорами того народа, к которому он сам принадлежал, — еще до поступления в университет. Видимо, С. А. Еремин обладал не просто талантом, но и большим упорством и сильным стремлением выбиться в люди, заниматься любимым делом, несмотря на препятствия. К сожалению, время оказалось не совсем подходящим. Почти сразу же началась Первая мировая война. С. А. Еремин по здоровью не был призван. Но о тревожном времени говорит, например, имеющееся в студенческом деле свидетельство о праве свободного проживания в Петрограде, его пригородах и населенных местах по линиям железных дорог, действующее от 13 сентября 1916 г. по 20 августа 1917 г.⁵⁵

С. А. Еремин закончил обучение весной 1917 г., в разгар Февральской революции. Имеется заявление С. А. Еремина на имя декана историко-филологического факультета от 15 мая 1917 г. о выдаче выпускного свидетельства о прослушании полного курса наук в Петроградском университете. Указан тогдашний адрес Еремина: Петроградская сторона, ул. Полозова, д. 19, кв. 7.⁵⁶ В Выпускном свидетельстве от 18 мая 1917 г. сказано, что С. А. Еремин прослушал курсы логики, психологии, введения в философию, греческого и латинского языков, введения в языкознание, введения в славяноведение, русского и церковнославянского языков, истории русской словесности, славянских языков, славянских литератур, истории западно-европейских литератур, истории греческой и римской литератур, санскритского языка, сравнительного языкознания, истории философии, истории искусств, русской истории, истории русской церкви.⁵⁷

Особый интерес представляет зачетная книжка С. А. Еремина.⁵⁸ Из нее следует, что зачетное сочинение он писал у А. А. Шахматова на тему «О языке новгородских служебных Миней — январской, апрельской и июньской». Стоит отметить А. А. Шахматова «Весьма удовлетворительно». Таким образом, с формальной точки зрения С. А. Еремин на момент выпуска — явно ученик А. А. Шахматова, а не В. Н. Перетца. Но с другой стороны, ясно, что в студенческие годы С. А. Еремин активно участвовал в работе семинара В. Н. Перетца, так как ссылается на то, что «отдельные положения и тексты» его изданы в отчете об экскурсии семинара академика В. Н. Перетца в Киев и Новгород, а именно он участвовал в описании старопечатных книг и рукописей в древлехранилище и библиотеке Киевского Михайловского монастыря.⁵⁹ В любом

⁵⁵ РГИА, ф. 14, оп. 3, № 62837, л. 16.

⁵⁶ Там же, л. 14.

⁵⁷ Там же, л. 15.

⁵⁸ Там же, л. 18–27 об.

⁵⁹ СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 949, л. 3 об.

случае, А. А. Шахматов и В. Н. Перетц в своей переписке интересовались делами учеников друг друга.

Из других оценок в зачетке наличествуют росписи следующих преподавателей и перечень курсов: П. А. Лавров (введение в славяноведение история славянских литератур — осень 1916, чешский язык — осень 1916 г.), А. А. Шахматов (сравнительная грамматика славянских языков, русский и церковнославянский язык — 1916 г. (л. 21, 23, 25 об.), очерки по истории древнерусского языка — 1914 г., 1915/16 г. — великорусская диалектология, просеминарий по церковнославянскому языку — 1916 г., синтаксис русского языка — осень 1916 г.), А. Е. Пресняков (русская история), В. Н. Перетц (История древнерусской литературы — 1915 г., просеминарий по древнерусской литературе — 1915 г., просеминарий по церковнославянскому и русскому языкам — 1915/16 г. и просеминарий по старославянскому языку: исследование ак(адемических?) рукописей XIII в., история русской литературы XVII в. — осень 1916 г.), С. А. Венгеров (история новой русской литературы, просеминарий по изучению Пушкина), А. И. Введенский (логика, история древней философии, введение в философию), Н. О. Лосский (логика), С. Ф. Платонов (русская история), А. И. Бодуэн де Куртенэ (введение в языковедение — 1914 г.), И. А. Шляпкин (просеминарий по древнерусской литературе — 1914/15 г., общий курс истории славянских языков — 1913 г.), Л. В. Щерба (сравнительная грамматика индоевропейских языков — осень 1916 г.), Н. С. Державин (болгарский язык — 1915/16 г.).⁶⁰

Итак, из зачетных записей становится ясно, что В. Н. Перетц вел у С. А. Еремина разного рода практические занятия, а лекции читал по истории русской литературы. А. А. Шахматов принимал у С. А. Еремина полукурсовые испытания по сравнительной грамматике славянских языков весной 1916 г., вел практические занятия по истории древнерусской литературы (весна 1915 г.), читал лекции «Очерки по истории русского языка» осенью 1914 — весной 1915 г., «Великорусская диалектология» осенью 1915 — весной 1916 г., и в этот же период вел просеминарий по церковнославянскому языку, осенью 1916 г. — синтаксис русского языка и просеминарий по Русской Правде.

Отметим, что именно на последнем курсе А. А. Шахматов и В. Н. Перетц одновременно (в продолжении 5–6 семестров (осень 1915 — весна 1916 г.)) вели у С. А. Еремина просеминарий по церковнославянскому и русскому языкам (В. Н. Перетц) и просеминарий по церковнославянскому языку (А. А. Шахматов). Итак, С. А. Еремин выступает как ученик и А. А. Шахматова, и В. Н. Перетца. Очевидно, оба профессора заметили и выделили талантливого студента. Похоже, что С. А. Еремин начал у В. Н. Перетца в его семинаре, а затем перешел к А. А. Шахматову.

Не случайно, как теперь понятно, в следующем, 1917 г. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову в письме, со ссылки на которое началась настоящая статья:

⁶⁰ Кстати, в зачетке везде, кроме 1915/16 г., стоят знаки уплаты за курсы и занятия. За весь период с осени 1915/16 г. стоят знаки «освобождения» от уплаты.

«Посылаю Вам — может быть уже запоздавшую — записочку относительно С. А. Еремина. Если он изучает русский язык — ничуть не буду ревновать: языком так мало кто занимается, и надо радоваться, если способный человек примется за это дело. Но и литературой С. А. может заниматься со вкусом и не без хороших результатов. Решайте сами, по какому пути ему пойти».⁶¹

С. А. Еремин действительно уже к этому времени давно специализировался на изучении русского языка, конкретнее — на исследовании его диалектов. В предисловии к одной из работ С. А. Еремина, вышедшей спустя несколько лет после того, как она была написана,⁶² сказано, что «некоторые отделы работы в свое время служили предметом сообщений в студенческом кружке по “Изучению живого русского языка” (при Петербургском университете), ведшего свои занятия под руководством проф. Л. В. Щербы», и что «составлению настоящего “Описания” и опубликованию работы много содействовал своим близким участием покойный ныне акад. А. А. Шахматов». Первый лист статьи, по утверждению автора, вышел в корректуре еще летом 1918 г. Потом следовал промежуток в два года. Автор тем временем «находился в провинции и отрезан был от рукописи». Но он не забыл, при каких обстоятельствах началась работа: «Летние месяцы 1915 года я решил использовать для изучения народных говоров. После предварительной беседы с акад. А. А. Шахматовым, который дал мне необходимые и важные указания в деле описания народных диалектов и благодаря которому я получил небольшое пособие от Академии наук, вопрос решен был в окончательном виде».

В фонде А. А. Шахматова в СПФ АРАН сохранилось 28 писем С. А. Еремина А. А. Шахматову.⁶³ Первое письмо от 25 апреля 1915 г. А. А. Шахматов к тому времени вел занятия у С. А. Еремина в течение одного учебного года (осень 1914 — весна 1915 г.). С. А. Еремин обращается к учителю с просьбой о помощи: «Желая вести диалектологические записи северного великорусского говора в Новгородской губернии, Череповецкого уезда, я очень просил бы Вас, профессор, оказать мне в этом некоторое содействие. Для предотвращения каких-либо препятствий и недоразумений со стороны полиции и местного начальства, я просил бы Вас на мое имя написать соответствующее, как бы разрешительное и официальное письмо для того... Программа же для собирания записей у меня есть».⁶⁴ Видимо, именно в ответ на это письмо последовала та «предварительная беседа» с Шахматовым, о которой Еремин затем вспоминал. Затем, судя по открытке 1916 г., Еремин повторил опыт предыдущего лета, и опять просил у Шахматова «удостоверение» и командировку.

Наиболее интересна и интенсивна часть переписки, относящаяся к революционным годам. В сентябре 1917 г. С. А. Еремин написал А. А. Шахматову уже из

⁶¹ СПФ АРАН, ф. 134, оп. 3, д. 1140, л. 143–143 об.

⁶² Еремин С. А. Описание уломского и ваучского говоров... С. 1.

⁶³ СПФ АРАН, ф. 134, оп. 3, д. 516.

⁶⁴ Там же, л. 1.

деревни, сообщая, что закончил работу о языке служебных миней. И это письмо приоткрывает тот период его биографии, который он потом никогда не упоминал в официальных своих бумагах: видимо, с лета 1917 г. он оставил Петроград и до осени 1920 г. находился в Тверской губернии, откуда вернулся уже после смерти А. А. Шахматова. Именно оттуда он написал все остальные письма. Адрес отправления: г. Весьегонск, Тверская губерния, Ваучское почтовое отделение, село Вауч. Итак, именно место собственного жительства было, как видно из заглавия большинства статей и докладов С. А. Еремина, главным предметом его исследований.

В письмах этого времени А. А. Шахматову можно выделить несколько тем. Во-первых, в них обсуждалось будущее С. А. Еремина и его научные дела. Сначала это была лишь тревога по поводу возможности дальнейших занятий. С. А. Еремин, столь долго и трудно шедший к своей мечте окончить университет и заниматься наукой, теперь не был уверен в том, что это возможно. 4 сентября 1917 г. он писал, что не знает, возможны ли будут «нормальные занятия в настоящем учебном году», и что ему «хотелось бы приступить, по крайней мере, к государственным экзаменам, не знаю только есть ли сессия и когда она кончается». Да и «вообще-то будут ли занятия в университете? Газеты как-то сбивчиво и неопределенно пишут на этот счет».⁶⁵

Вскоре в письмах появилось новое ответвление этой темы — начало практической работы по преподаванию в селе. В феврале 1918 г. С. А. Еремин написал: «С марта приглашаюсь Весьегонским Союзом кооперативов для оборудования общеобразовательных курсов и в качестве лектора по истории русской культуры. Буду занят месяца три-четыре, если приму условия. Прессы нет; не знаю, что делается в Петрограде. Может быть, нас, провинциалов, отделяет от столицы не только расстояние, но и ужасные по своим последствиям события. Ехать в Петроград пока не решаюсь. Вряд ли возможны в настоящее время нормальные занятия».⁶⁶

Но через год, в мае 1919 г., С. А. Еремин уже втянут в местную работу: «На май месяц мобилизован — просвещаю народ. Устраиваю в уездах курсы (краткосрочные). Состав местной редакции, в которой я предполагал напечатать свои материалы о говорах Весьегонского уезда, уехал весь на фронт... Плохо вести занятия и здесь, систематическая научная работа невозможна, все время отрывают разными нарядами».⁶⁷ А через несколько месяцев, в июле 1919 г., он пояснял: «С 1-го августа приглашен Весьегонским Отделением Наробраза читать курс истории русского языка. Согласился, так как это заставит немного подтянуться. Кроме курса, читаю на отдельные темы — о местных говорах, язык — свидетельство истории и пр.».⁶⁸

⁶⁵ Там же, л. 4–4 об.

⁶⁶ Там же, л. 5 об.

⁶⁷ Там же, л. 10–11.

⁶⁸ Там же, л. 14.

Работа, видимо, спасала от уныния, да и давала дополнительные средства к жизни, тем более, что оказалась связанной с главным предметом интересов С. А. Еремина. В феврале 1919 г. он писал: «После двухнедельного перерыва еду опять в уезд за материалом; пропутешествовать думаю недельки две; потом материал систематизирую и дам в общих чертах характеристику говоров всего Весьегонского уезда попутно с этнографическими замечаниями. С увлечением занимаюсь польским языком, можно сказать, вхожу во вкус. Потом надо будет исполнить должок — написать морфологию “своих миней” и переправить Вам, но это, кажется, сделаю нескоро, на первых порах думаю приналежать на языки».⁶⁹

В начале июля 1919 г. С. А. Еремин сообщал: «На днях только что вернулся из Твери, где нашел кое-какие материалы о Весьегонском уезде, материалы исторического характера, которые позволяют мне приступить в скором времени к задуманной работе. Сейчас мобилизован в уезде провести краткосрочные курсы для взрослых. Помимо заведывания курсами, возложено на меня 8-часовой курс на тему: “Основные формы народного хозяйства — капиталистическая, социалистическая и кооперативная”. Все эти отвлечения ужасно мешают систематической работе и подготовке, когда только кончится вся эта канитель, не знаю».⁷⁰ И в этом же письме автор спрашивает: «Что слышно о Владимире Николаевиче? Давно от него не получал известий».

Многочисленные тогда в провинции и разнообразные курсы, видимо, играли в жизни С. А. Еремина важную роль, и он все более и более втягивался в новое дело, стремясь использовать его и для собственного совершенствования как лингвиста, и для налаживания местного краеведения. 18 августа 1919 г. он писал: «Последние курсы, в которых пришлось принимать участие, были общеобразовательные учительские курсы. На этих курсах, помимо заведывания, на мое дело пришлось чтение нескольких курсов: 1) основные понятия о литературных явлениях и фактах, 2) язык как свидетель истории (с уклоном в историю русского языка), 3) местные говоры и 4) изучение местного края. Думаю, что удастся организовать “Общество изучения местного края”: прилагаю все усилия для этого, так как тогда у меня сосредоточилось бы много материалов по языку и этнографии. Учительскими курсами очень доволен; впервые выступал в роли лектора по своему предмету, и, как будто, довольно удачно».⁷¹

Краеведение как новое направление, широко начавшее распространяться по стране, привело к важным знакомствам. 22 ноября 1919 г. С. А. Еремин сообщил А. А. Шахматову о своей встрече с Д. А. Золотаревым, подогретой его ностальгией по Петрограду и университету, хотя он и не мог предвидеть тогда, что с этим знакомством будет связана в дальнейшем его научная жизнь в Ленинграде уже

⁶⁹ Там же, л. 16–16 об.

⁷⁰ Там же, л. 18–18 об.

⁷¹ Там же, л. 19–19 об.

1920-х гг.: «Дорогой Алексей Александрович! Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам через Д. А. Золотарева свое почтение и кое-что сообщить о себе. О своем намерении как-нибудь перебраться на зиму в Петербург для более планомерных и систематических научных занятий под Вашим руководством я уже Вам писал. В связи с этим намерением я также просил Вас при случае иметь меня кандидатом на какую-нибудь подходящую должность, каковая будет иметься при Академии, университете и пр. В своем намерении я укрепился еще больше после Рыбинского областного съезда работников по краеведению, на котором познакомился, между прочим, и с Д. А. Золотаревым. Ряд докладов и сообщений о работах, перспективах и возможностях по этому и другим вопросам, как в центрах, так и на местах, весь строй мыслей, атмосфера на съезде воскресила в памяти недавнее прошлое, как-то особенно подогрела и подзадорила меня и к продолжению прерванных научных занятий. За три дня съезда я как-то освежился, помолодел. С Дав. Ал. Золотаревым переговорил обо всем том, что меня интересовало в области этнографии для использования материала по Весьегонскому уезду. Смею надеяться, что Вы, как и раньше, не откажетесь поддержать меня в моих намерениях и сообщите в свое время обо всем том, что меня будет касаться в ближайшее время. Искренне Ваш С. Еремин».⁷²

С. А. Еремин, как и многие его коллеги, рвался в Петроград, но получилось так, что почти весь последующий 1920 год провел еще в деревне. Нужно было при деятельной помощи А. А. Шахматова выяснить его статус в университете, спутанный годами отсутствия. Он также ждал инструкций для доделывания статьи о местных говорах, видимо, не желая появляться в университете с пустыми руками. 10 февраля 1920 г. он писал: «Очень рад, что выяснилось мое положение в университете, а также вопрос со стипендией разрешился в благоприятном и положительном смысле. Луч надежды на выполнение своих обязательств промелькнул опять. Говорю обязательств, потому что такие понятия, как призвание и проч. сейчас как будто не ко времени... Поджидаю инструкцию от Академии наук для выяснения племенного состава населения в уездах Весьегонском и Череповецком, хотя, может быть, это уже не составляет очередного интереса... Сейчас обрабатываю 1-й выпуск задуманной серии по изучению местного края; во 2-м выпуске думаю поместить говоры Весьегонского уезда, не знаю только, как удастся уладить вопрос с бумагой».⁷³

Постоянным рефреном писем постепенно стал вопрос о возвращении в Петроград и к чисто научной работе. Однако С. А. Еремин уже серьезно беспокоился и о судьбе местных начинаний, которые вынужденно собирался оставлять, например, о судьбе весьегонского «Общества изучения местного края». 9 марта 1920 г. С. А. Еремин писал: «Мне бы очень хотелось получить программу по собиранию народных говоров (северно-великорусских), хорошо было бы получить большую программу, но если таковой не окажется, то можно и маленькую.

⁷² Там же, л. 37.

⁷³ Там же, л. 26.

Программа необходима местному обществу изучения края для собирания материала по местным говорам. Весьма не лишне было бы получить и программу для собирания этнографического материала. Нельзя ли как-нибудь устроить присылку их мне по почте, хотя бы бандеролью. Если у Вас приготовлено, то присовокупите к означенному и программу для выяснения племенного состава населения (касательно к Весьегонскому и Череповецкому уездам)».⁷⁴

Но мысли о том, что почти четыре года в деревне отдалили его от главной цели, были все более частыми. 17 мая 1920 г. С. А. Еремин писал: «За последнее время все чаще приходит в голову мысль о перемене места жительства на зиму. А тут вдруг получаю Ваше письмо. В смысле продовольственном, из-за квартирных условий здесь, в провинции жить как будто бы лучше, чем в Петрограде, но в смысле занятий — здесь, на месте условия самые неблагоприятные. Размениваешься, масса отвлечений, “непредвиденных обстоятельств” и пр. — все это мешает и лишает возможности отдаться систематически делу подготовки. Правда, живя здесь, можно сделать много интересных наблюдений над говорами уезда, собрать материал по этнографии местного края и пр., но все это, конечно, мало устраивает в смысле перспективы и видов на будущее. Со времени оставления моего при университете (17 декабря 1917 г.) вот уже протекло около 2 ½ лет, пора бы подумать об экзаменах, а я до сих пор далеко не готов, не отшлифовался, как требуется. Помимо указанных выше причин, замедляющих мою научную подготовку, успешности мешают и отсутствие библиотек, руководства, нужных указаний, советов и соответствующей обстановки и атмосферы. Начинаю уже тревожиться, как бы не опуститься, не ослабить воли к труду. Но сдаваться не хочется. Надо выбираться и выбиваться. Товарищи, правда, они немного старше меня по курсу, идут вперед. Нужно подтянуться и мне. Было бы хорошо, и я Вас попрошу, если представится возможность, зачислить меня кандидатом на одну из должностей, указанных в Вашем письме, или какую-то другую, наиболее подходящую для меня, на должность, открывающуюся с сентября хотя бы месяца. В свободную минутку, не откажите сообщить о последующем».⁷⁵

И наконец, благодаря хлопотам А. А. Шахматова, вопрос о возвращении был решен. Есть все основания думать, что именно А. А. Шахматов как директор БАН рекомендовал С. А. Еремина на работу в БАН, куда он и был зачислен вскоре после возвращения (числился в БАН с 1920 г., сотрудником Рукописного отделения с весны 1921 г.). С. А. Еремин планировал приехать в конце августа 1920 г., не зная, что А. А. Шахматов как раз в это время уйдет из жизни. Казалось, что нужно решить лишь мелкие технические вопросы. 20 июня С. А. Еремин написал: «Приеду в Петербург в конце августа, там выясню свое положение, подыщу комнату, и в начале сентября приеду к месту службы и для занятий в Петроград уже совсем. Решил окончательно. Недавно, в видах за-

⁷⁴ Там же, л. 29.

⁷⁵ Там же, л. 31–32.

страхования от всяких мобилизаций и привлечений, я занял место при Весьегонском союзе кооперативов в качестве районного инструктора по краеведению. Эта служба меня устраивает и по Обществу изучения местного края — в каком я состою председателем, и в смысле собирания материала и изучения местных говоров, этнографии и пр. Оклад по этой должности 3150 руб. в мес. по 21 разряду тарифов. Лично я полагаю, что тут совместительства нет, это прямое мое дело в провинции, а плата — за сверхурочные часы».⁷⁶

Вторая тема писем С. А. Еремина — общее смятение из-за произошедших в стране событий, прямо не связанное с его личной научной судьбой. Но такие мысли содержатся лишь в первых письмах. В недатированном письме предположительно конца 1917 г., то есть относящемся к началу жизни С. А. Еремина в деревне, содержатся такие рассуждения: «Вполне сознаю, что сейчас как будто не время заниматься личными делами, когда гибнет вся национальная культура и когда не знаешь, проснешься ли немецким поданным или “великороссом”, когда поставлены на карту судьба не только науки, но и самого отечества, все же хотелось бы выяснить свое отношение к университету, думаю, что так или иначе, а учиться все же будут и будут. 16-го декабря, как будто, должно было баллотироваться мое оставление, в каком смысле вырешился вопрос, мне и хотелось бы узнать, чтобы в зависимости от результата направить свою волю и внимание. Хотя, думаю, что если вопрос для меня решился и в положительном смысле, все же ехать сейчас в Питер едва ли целесообразно — голодно, холодно, да и возможно ли заниматься будет в Питере? При “существующем порядке” больше сделаешь в провинции. Кажется, одно средство остается — углубиться в книжку, в какую-либо систему, чтобы отвлечься от “свистопляски” жизни. Ничего нельзя поделать, положения не спасти. И местное и неместное самоуправление лопнуло, затоптано в грязь, гласные разогнаны (в том числе и я) как волостного, так и уездного земства; в волости назначены перевыборы, а в уезде чуть-чуть не попал в тюрьму, спасла протекция — (новый исправник оказался земляк). Трудно социологически осознать жизнь, “ново право”. Столько сюрпризов, что, право, если исходить только от фактов, то нельзя предугадать конец. Реставрация? Но это от ума. Спасет, может быть: троньте-ка гражданина, вот он справляет “свадьбу”, женит сына, и то только потому, что достал 1 ½ ведра вина да хмелю 9 фунт, наварил он “горшков” 40 пива и загуляет. Уклад крепкий и никакие социализации его не прохватают. В приходе начинает обнаруживаться клерикализм, вероятно, тоже фактор, который, несомненно, будет иметь значение при итоге. “Четырехвостки” нам не “по нутру”, идеи смеются, боюсь “пятихвосток”. Владимир Николаевич писал, что мукомольная Самара отпускает им по ¾ фунта хлеба на карточку, как-то Петербург Вас бережет?».⁷⁷ Итак, из этого письма следует, что С. А. Еремин был гласным тверского земства, переживал октябрьский переворот как гибель культуры, понимал, что старого «ничего не спасти», и на-

⁷⁶ Там же, л. 33–34.

⁷⁷ Там же, л. 35–36 об.

деялся лишь на крепость местного уклада жизни. Кроме того, ясно, что в этот момент он состоял в переписке с В. Н. Перетцем, также уехавшем из Петербурга (в Самару).

В феврале 1918 г. в письме появились следующие строки: «Обстановка и условия для занятий невозможны стали и в провинции. Сейчас переживаем последний крик моды — воцарение большевизма со всеми его прелестями: регистрациями, обысками, “обобществлением” имущества и пр. Все растрчено, все великое и святое загажено, растоптано... и нет сил ни к моральному, ни интеллектуальному противодействию. Берет отчаяние, — подыдемся ли когда-нибудь: придет ли время для культурной и научной работы?».⁷⁸

В мае 1918 г. настроение С. А. Еремина не изменилось. Конечно, это было настроение большей части русской интеллигенции, но из уст С. А. Еремина как человека из народа, которому образование и культура даны были не с рождения, а явились результатом большого и настойчивого труда, это звучит особенно горько и буднично: «...Едва ли в русской истории стояли в такой степени, как сейчас, под угрозой полной гибели и уничтожения наша культура, наше духовное благо, наше творчество, наши знания, наши учебные и ученые учреждения. И чувство глубокой печали, уныния и тревоги охватывает душу все больше и больше с каждым пережитым днем и сбивает с делового настроения на лирический какой-то лад. Стоишь на каком-то распутии и не знаешь, что предпринять...».⁷⁹

Но в этом же письме появляется маленький росток надежды. С. А. Еремин, видимо, прекрасно чувствовал деревню, крестьян, так как сам был частью этой жизни, сам крестьянствовал (например, в письмах содержится отчет о том, что он много накопил сена на зиму): «Настроение розни у деревенского населения как будто начинает сглаживаться, острота общего государственного и хозяйственного кризиса как будто доходит до сознания темного народа, и начинает пробуждаться чувство ответственности за содеянное перед отечеством, элементы национально-оздоровления уже можно подметить в самых широких слоях...».⁸⁰

Наконец, третьей темой переписки было обсуждение вопросов о продовольственных посылках. А. А. Шахматов помогал Еремину с оформлением разных необходимых бумаг и перечислением ему стипендии, даже занимался пересылкой ему причитающихся денег. Видно, что С. А. Еремин стеснялся обременять своего учителя, но был вынужден прибегать к его помощи, постоянно благодарил его за нее. Одновременно в письмах все настойчивее проявляется беспокойство за судьбу оставшегося в Петрограде А. А. Шахматова. Еремин задается вопросом: «Останемся ли живы и целы и особенно Вы — столичные жители?». В мае 1918 г. он спрашивал: «Ведь, судя по газетным отрывкам, которые сюда к нам в провинцию попадают, житье в бывшей столице невозможно тяжелое, и только при героических усилиях “плоти и духа” возможно там существование, да и то

⁷⁸ Там же, л. 5–5 об.

⁷⁹ Там же, л. 6–7.

⁸⁰ Там же, л. 7.

не всем». Свое положение он оценивал в этом смысле как весьма приличное: «Пока в настоящее время состою заведующим культурно-просветительным отделом при Весьегонском Союзе кооперативов и существую на это жалование. На “хлеб и картофель”, даже на масло и “мясо” хватает одному вполне. Не знаю, как Вы живете, если только живете, в Петрограде при таком продовольственном кризисе?».⁸¹

К этому же времени относятся и первые переговоры (инициированные со стороны С. А. Еремина) о посылках. «Пользуюсь случаем, чтобы с подателем сего послать Вам 2 фунта сливочного масла. Больше не берутся доставить, да и трудно все еще провезти. Готовлю для Вас небольшую посылочку из продуктов, разрешенных для отправки по почте. На ближайших днях вышлю, как только выясню все сюда относящееся». И тогда же первый вопрос о В. Н. Перетце: «Что слышно о Владимире Николаевиче?».⁸² Через год, в марте 1919 г., снова вопрос: «Как Вы там поживаете? Что делается “вокруг” университета? Что слышно о Вл(адимире) Ник(олаевиче)? Хотелось бы побывать в Питере, но не знаю, удастся ли, сегодня прочитал в газете, что пассажирское движение на поездах скоро совершенно прекратится».⁸³

А посылки со стороны С. А. Еремина продолжались. В феврале 1919 г. он писал: «Вчера отправил Вам небольшую посылочку продовольственного содержания — курицу и еще кое-что, думаю, что при петроградском пайке она не покажется лишней».⁸⁴ 25 апреля того же года снова: «Пользуюсь случаем, чтобы с подателем сего послать Вам фунт масла; хотел побольше, но больше не берется доставить. К Пасхе послал Вам две посылочки — одну с хлебом, другую с творогом, маслом и грибами. Очень жаль, если Вы их не получили».⁸⁵

С. А. Еремин все время интересовался, как дошли до А. А. Шахматова его посылки. Так, в марте 1919 г. он спрашивал: «Мне бы хотелось узнать, в каком виде была получена Вами моя посылка, не была ли она распечатана? Важно мне вот в каком отношении — если она была получена в исправности, со всем содержанием и за печатью, то в зависимости от этого я предполагаю скомплектовать Вам новую посылочку с более “свободным” и разносторонним содержанием».⁸⁶ В мае 1919 г. в письме сдержатся такие строки: «Мой “посланный” ничего мне толком не рассказал о Вас, я даже не знаю, получили ли Вы посылки, которыми я хотел Вас порадовать к Пасхе — там был хлеб, масло, творог, грибы. Если еще до сих пор не получили, то значит те потерялись или съедены почтовым учреждением. Хотел Вам послать еще что-нибудь, но почта отказывается опять принимать».⁸⁷

⁸¹ Там же, л. 6–7.

⁸² Там же, л. 8–8 об.

⁸³ Там же, л. 9–9 об.

⁸⁴ Там же, л. 16–16 об.

⁸⁵ Там же, л. 17–17 об.

⁸⁶ Там же, л. 9–9 об.

⁸⁷ Там же, л. 10–11.

Судя по письмам С. А. Еремина, А. А. Шахматов просил ничего ему не присылать, но тот продолжал настаивать, тогда Шахматов стал спрашивать у него, сколько он ему должен, что вызвало подробные перечни с ценами, как в письме от 22 ноября 1919 г.: «Очень рад, что Вы получили посылочку. Весьма затрудняюсь определить ее стоимость. Посылка была сформирована и отправлена как раз в то время, когда меня не было дома. Соответствовать действительности, вероятно, будет такой расчет: сухари не стоят ничего, грибы, если они пришли весом 2 фунта, как было отправлено, — 580 руб., отправление и почтовые расходы — 20 рублей. Итого 600 руб. ...На днях высылаю Вам еще посылочку: немного сухарьков и 2 фунта белых грибов. Если она дойдет до Вас, то будет стоить всего 200 рублей... Как получите эту вторую посылочку, известите, тогда я пошлю Вам побольше. Жаль, что нет пока оказии, чтобы послать Вам хотя бы немного масла, почта, к сожалению, его не принимает».⁸⁸

Новое сообщение о посылке содержится в письме от 30 ноября 1919 г. Из него ясно, что продовольственные посылки, видимо, из соображений безопасности, посылались также на имена дочерей А. А. Шахматова: «На днях, неделю тому назад, отправил Вам небольшую посылочку — сухари и грибы — посылка отправлена на имя Екатерины Алексеевны».⁸⁹ Затем сообщение уже в письме от 22 декабря 1919 г.: «На днях, точнее 21 декабря, послал Вам еще посылку (из сухарей). Издержки на отправку посылки исчисляются всего в 42 руб., само содержание посылки мне ничего не стоит, оно взято из моего пайка, положенного по разверстке, а потому прошу его не оплачивать и вообще не беспокоиться, что отправленные Вам посылки вызывают у меня какие-то расходы, никаких расходов, кроме почтовых отправления, они не вызывают. Посылка послана на имя Ольги Александровны».⁹⁰

Некоторые посылки не доходили в сохранности, как та, о которой написано в письме от 10 февраля 1920 г.: «Весьма жаль, что одну из посылок постигла такая печальная участь; ну, что делать... На днях скомбинировал Вам еще посылочку — (грибы и сухари); она пойдет вроде как в возмещение убытков. Только прошу, ради Бога, не беспокоиться за ее оплату, она мне ничего не стоит, кроме почтовых расходов, которые тоже пустячные (рублей 25–30)».⁹¹

Последнее сообщение о посылке содержится в письме от 23 апреля 1920 г.: «В свою очередь послал Вам во вторник на Фоминой неделе небольшую посылочку (15 фунтов сухарей). Как будет оказия в Питер, обязательно пошлю хоть фунт сливочного масла. Как Вы там здоровы и живы? Всеми силами хочется Вас отблагодарить за все Ваше ко мне внимание. Научная работа понемножку

⁸⁸ Там же, л. 20–20 об.

⁸⁹ Там же, л. 20–21.

⁹⁰ Там же, л. 23–23 об.

⁹¹ Там же, л. 26–26 об.

идет, но заметно ослабевает с наступлением летних работ, приходится готовить себе паек и продукты пропитания. Что-то будет?».⁹²

В целом, представляется, что письма С. А. Еремина А. А. Шахматову — ценный памятник эпохи, заслуживающий опубликования в полном объеме. Как и многие другие письма этого времени, они показывают, что в жизни ученого сообщества в условиях Гражданской войны и голода продолжали оставаться главными научные интересы и вопросы о судьбе культуры. Ученые продолжали считать очень важным сохранение связей друг с другом, в особенности с молодыми исследователями и учениками. В отношении физического выживания — перед нами яркий пример того, как оказавшийся в деревне ученик стремился спасти жизнь своему голодающему в Петрограде учителю.

Письма С. А. Еремина поражают также (кроме самых первых) отсутствием уныния, сдержанностью в перечислении потерь. А потери были страшные. Так, из писем явствует, что за один год С. А. Еремин потерял двоих братьев. 30 ноября 1919 г. он кратко написал: «Отчет, собственно говоря, был бы уже отослан, если бы не пришлось мне пережить тяжелые несколько последних дней, связанных со смертью брата. Теперь только и то еще не совсем оправляюсь от большого семейного несчастья и горя».⁹³ А уже в январе 1920 г. А. А. Шахматов прочел: «Сейчас оплакиваю смерть второго брата, умершего на днях в г. Уфе».⁹⁴ Такая деликатность в описание своих бед объяснялась во многом, по-видимому, тем, что такие потери считали почти все. 26 февраля 1920 г. С. А. Еремин написал А. А. Шахматову: «Дорогой Алексей Александрович! Как Вы там живете? Как жаль, что список, который Вы дали мне для адресования при посылках, так быстро редеет. Вы лишились и потеряли тетюшку и сестру. Что-то будет...».⁹⁵

Имя С. А. Еремина оказалось во многом забытым. Но, несмотря на то, что даже конец его жизни выяснить пока не удалось, другие следы ее вполне сохранились в документах университета и БАН, а также в переписке, и теперь эта жизнь предстает перед нами вполне зримо. И есть надежда, что постепенно мы восстановим из небытия жизни других наших коллег, прошедших свой путь в эти трудные годы, каждая из которых была, несомненно, уникальна и неповторима.

⁹² Там же, л. 30.

⁹³ Там же, л. 21–22.

⁹⁴ Там же, л. 24–24 об.

⁹⁵ Там же, л. 27–27 об.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ В ЯПОНИИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что в японской русистике изучение литературы и истории Древней Руси занимает весьма скромное место, а внимание большинства наших исследователей обращается на русскую историю и культуру нового и новейшего времени,¹ все же у японских специалистов сохраняется живой интерес к русской древности.² В декабре 2005 г. автор данной заметки принял участие в Международной научной конференции «Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России», где участвовала Е. К. Ромодановская и ее новосибирские коллеги, и в своем докладе о достижениях японских ученых в данной сфере³ рассказывал, что у наших гуманитариев есть склонность уделять особое внимание древней культуре исследуемых стран, и в отношении региональных исследований Сибири и Дальнего Востока — нашего соседнего региона в Восточной Азии, с которым Япония издавна поддерживала историко-культурные контакты — также прослеживается подобная традиция.

Действительно, и в последующие годы историко-этнографические исследования в области русского старообрядчества не только в России, но и в других регионах активно велись нашими коллегами. Одним из важных событий в их деятельности явилось создание в марте 2012 г. «Японского общества исследователей старообрядчества». Пользуясь случаем приезда в Японию знаменитого литовского историка русского старообрядчества Григория Потащенко, историки, этнографы и филологи, занимающиеся старообрядчеством в разных учреждениях и вузах Японии, создав свое «Общество», стали периодически

¹ О работах японских русистов в последнее десятилетие см. подробнее: *Норимацу К.* Японская научная литература о русской культуре: Библиографический список книг 2000–2012 годов // Новое литературное обозрение. 2013. № 5(123). С. 362–370.

² Об этом см. следующие библиографии работ японских русистов-«древников»: *Ки-мура С., Накамура Ё.* Изучение древнерусской литературы в Японии // ТОДРА. Т. 18. Л.; М., 1962. С. 582–586; *Накамура Ё.* «Слово о полку Игореве» в Японии // ТОДРА. Т. 24. Л., 1969. С. 44–47; *Баннай Т.* Изучение русского фольклора в Японии // Советская этнография. 1987. № 3. С. 99–105; *Гусев В. Е.* Японский исследователь о русском фольклоре // Живая старина. 1996. № 2. С. 61; *Куманоя Ё.* Русская и славянская фольклористика 1980–1990-х годов в Японии // Живая старина. 1999. № 3. С. 16–18; Список основных трудов Ёсикадзу Накамура // ТОДРА. Т. 49. СПб., 1996. С. 529–531.

³ Текст доклада опубликован в сборнике: *Накадзава А.* Изучение в Японии культурного наследия Древней Руси в Сибири // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 121–130.

Елена Константиновна Ромодановская и Ацуо Накадзава

собираться для обмена мнениями и материалами, общения с иностранными коллегами и проведения совместных работ.⁴

Участники «Общества» до этого времени вели исследования в разных направлениях. В 2003 г. Ё. Накамура (университет Хитоцубаси) собрал свои работы, написанные на русском языке, в книге «Незримые мосты через японское море»,⁵ посвященной культурным взаимоотношениям между Японией и Россией. В книгу включены и статьи по истории старообрядчества.⁶ Х. Сакамото (университет Тэнри) и Н. Игауэ (университет Тюо) на основании многолетних полевых и архивных исследований издали в 2007 г. книгу «Жители «русской деревни» в Маньчжурии: Старообрядцы в селе Романовке».⁷ Х. Сакамото продолжает публиковать свои материалы об истории старообрядцев в Маньчжурии.⁸ Что касается изучения старообрядчества по регионам, в статьях и докладах молодого историка Т. Цукада в последние годы можно познакомиться с историей и современностью старообрядцев в разных районах Восточной Азии.⁹ Х. Ясумура (университет Тюкё) сосредоточивает свое внимание на русские эмигранты-старообрядцы в Канаде и Австралии.¹⁰

⁴ О деятельности «Общества» см. подробнее на сайте: http://yaois.jp/index_russian.html

⁵ Накамура Ё. Незримые мосты через Японское море: История и литература в поле русско-японских взаимодействий. СПб., 2003.

⁶ См. также: Накамура Ё. Старообрядцы в Маньчжурии. Несколько слов об источниках и исследованиях // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Н. С. Демковой. СПб., 2005. С. 225–230.

⁷ Sakamoto H., Igaue N. Kyu-Manshu Rosia-jin Mura no Hitobito, Romanofuka Mufa no Kogishikiha Kyoto (Сакамото Х., Игауэ Н. Жители в «русской деревне» Маньчжурии: Старообрядцы в селе Романовке). Токио, 2007.

⁸ Сакамото Х. Исследование в Японии жизни и истории старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат-лы Четвертой междунар. конф. 14–17 сентября 2004 г. Владивосток, 2007. С. 82–85; Сакамото Х. Старообрядческая деревня Усть-Ширфовая в Трехречье // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат-лы Пятой междунар. науч.-прак. конф. 31 мая — 1 июня 2007 г. Улан-Удэ, 2007. С. 107–113.

⁹ Цукада Ц. Религиозная деятельность русских китайцев в Синьцзяне // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат-лы Четвертой междунар. науч. конф. 14–17 сентября 2004 г. Владивосток, 2007. С. 85–86; Цукада Ц. История поповцев в Трехречье в XX веке // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий: Мат-лы междунар. науч.-прак. конф., 14–15 июня 2007 г. Улан-Удэ, 2007. С. 82–84; Цукада Ц. Старообрядцы-кержаки в поселке Уластай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения. Сб. 2. Рига, 2010. С. 65–76; Цукада Ц. Культурная работа, проводившаяся в 1950 г. среди русского населения округа Или (КНР) // На периферии и на чужбине: Сравнительное исследование маргиналий русской культуры. Вып. 2. Саппоро, 2011. С. 94–99.

¹⁰ Ясумура Х. Сто лет жизни и деятельности русских эмигрантов-духоборцев в Канаде // Law and culture of Australia and Canada. Токио, 2008. С. 17–59; Ясумура Х. Русские

Почти одновременно с основанием «Общества» вышли в свет две книги по истории русского старообрядчества в Маньчжурии. В 2012 г. в России был издан фотоальбом «Дни в Романовке»¹¹ с уникальными снимками, сделанными японскими фотографами в русском селе Романовка, основанном в 1936 г. в Маньчжурии несколькими семьями старообрядцев, бежавших из Приморья. Фотографии были собраны Ё. Накамура и переданы им во Владивостокский музей. А в том же году в Японии под редакцией М. Икута (университет Осака) вышел сборник статей «Россия в Маньчжурии»¹² с новыми работами членов «Общества».¹³

Одной из главных научных работ в Японии по древнерусской истории в последние годы можно назвать монографию Э. Мацуки (университет Сидзуока) «Замечательные люди из истории Новгорода: Политический мир одного древнерусского города»¹⁴ (2002 г.), в которой автор, подробно описывая жизнь и деятельность таких исторических лиц, как иконописец Гречин, князь Александр Невский, архиепископ Василий Калека, посадница Марфа, дает тонкую характеристику политической системы этого уникального средневекового города. В связи с этим стоит вспомнить, что в 2001 г. появился японский перевод известной книги В. А. Янина «Я послал тебе бересту...»¹⁵ (изд. 3-е) с предисловием автора для японского издания, а также — что в 2004 г. на съезде «Ассоциации японских русистов» А. Накадзава читал доклад «К вопросу о происхождении и эволюции некоторых эпистолярных формул в берестяных грамотах».

В 2002 г. вышла в свет книга С. Хосокава (университет Кагава) «Монастыри и люди в России XVI в.: На примере Иосифо-Волоколамского монастыря».¹⁶ Это итог многолетних научных работ по истории монастыря в политическом и социально-экономическом плане. Детально проанализировав архивные

эмигранты в Австралии по вероисповедальной причине // Society and Culture of the British Commonwealth multiculturalism nation. Tokyo, 2008. С. 23–49.

¹¹ Дни в Романовке: Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х — 1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединённого музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012.

¹² Manshu no Naka no Rosia (Россия в Маньчжурии). Tokyo, 2012.

¹³ Игауэ Н. Отношения между маньчжурскими приходами и епископами старообрядческой церкви: По материалам переписки членов эмигрантского сообщества с адресантами в СССР и в Румынии // Manshu no Naka no Rosia (Россия в Маньчжурии). Tokyo, 2012. С. 237–266; Икута М. Сознание размежевания в веровании старообрядцев часовенного согласия в Штате Орегон, США // Manshu no Naka no Rosia (Россия в Маньчжурии). Tokyo, 2012. С. 19–65.

¹⁴ Matsuki E. Rosia Chusei Toshi no Seiji Sekai: Toshi-Kokka Nobugorodo no Gunzo (Мцуки Э. Замечательные люди из истории Новгорода: Политический мир одного древнерусского города). Tokyo, 2002.

¹⁵ Yanin V. L. Shirakaba no Tegami wo Okuri Mashita / Пер. на яп. яз. Е. Мацуки и К. Миура. Tokyo, 2001.

¹⁶ Hosokawa S. 16 Seiki Rosi no Shudoin to Hitobito (Хосокава С. Монастыри и люди в России XVI в.: На примере Иосифо-Волоколамского монастыря). Tokyo, 2002.

материалы, связанные с Иосифо-Волоколамским монастырем, историку удалось выяснить уникальную систему монастырского хозяйства в Московском государстве и особенности его развития.

На основании своей диссертационной работы А. Накадзава (университет Тояма) в 2003 г. издал на русском языке монографию «Рукописание Магнуша: Исследования и тексты».¹⁷ Автор проделал текстологическое исследование одного небольшого памятника письменности XV в. и выяснил «промежуточный» характер произведения между Новгородом и Москвой.¹⁸

Т. Курюдзава (университет Хоккай) опубликовал в 2007 г. книгу «Татарское иго: Исследование монгольской власти в русской истории»,¹⁹ в которой не только дал обобщающую характеристику «монгольскому игу» и его влиянию в русской истории, но и провел детальный анализ политической и дипломатической деятельности князя Александра Невского в середине XIII в. Историк в своей работе приходит к выводу, что московские князья до определенного времени действительно использовали «татарское иго» для установления своей власти над государством, однако монгольское влияние на развитие истории России скорее ограничивалось «технической стороной» и не затрагивало развития русской нации до уровня самосознания (идентичности).

В 2008 г. молодой историк Ю. Мияно сделал текстологический анализ одного важного списка «Книги на еретиков» игумена Иосифа Волоцкого (РНБ, Софийское собр., № 1462) и опубликовал текст памятника.²⁰ А в следующем году появилась его монографическая работа «Исследование дел “новгородских еретиков” во второй половине XV — начале XVI вв.».²¹ Автор книги критикует не только традиционное понимание «еретиков» как «жидовствующих», но и концепцию «антифеодального идеологического движения», выдвинутую советскими историками, и, разбирая сложный процесс событий, приходит к выводу, что история волнений в верхах церкви и государства, как будто вызванного новгородскими и московскими «еретиками», в значительной мере лишается фактической основы, и ее следует истолковывать как результат идеологической борьбы между верховными церковниками на отдельных этапах развития церкви.

Среди популярных книг, изданных в Японии в последние десятилетия и посвященных истории Древней Руси, можно назвать работы Ц. Дохи «Стенька

¹⁷ Накадзава А. Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003.

¹⁸ О его работах см. также: Бобров А. Г. Японский профессор в Санкт-Петербурге: Книга и экспедиция // Санкт-Петербург — Япония. XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 239–257.

¹⁹ Kuryuzawa T. Tataru no Kubiki: Rosia-shi ni okeru Mongoru Shihai no Kenkyu (Курюдзава Т. Татарское иго: Исследование монгольской власти в русской истории). Tokyo, 2007.

²⁰ Мияно Ю. К вопросу о месте Кирилло-Белозерского списка «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого в истории текста ее Краткой редакции // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 364–395.

²¹ Miyano Y. «Novugorodo no Itannsha» Jiken no Kennkyu (Мияно Ю. Исследование дел новгородских еретиков XV — начала XVI в.). Tokyo, 2009.

А. Накадзава и В. А. и Е. К. Ромодановские

Разин: В поисках «вольной России»»,²² А. Накадзава «Откуда пошла есть Россия?»,²³ Ю. Курокава «Рассказы из истории Украины»,²⁴ К. Миура «Истоки России»,²⁵ Т. Курюдзава «Иллюстрированная история России».²⁶

В последние годы японские специалисты постоянно занимаются переводом древнерусских памятников письменности на японский язык. К. Миура (Университет электронных коммуникаций) перевел такие знаменитые произведения древнерусской литературы, как «Слово о Законе и Благодати» Илариона, Киево-Печерский патерик, Повесть об убиении Андрея Боголюбского, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. и др. Ю. Мияно опубликовал исследования и переводы Устава Владимира Святославича и Устава Ярослава Владимировича. А. Накадзава опубликовал перевод «Хождения за три моря» Афанасия Никитина с комментариями.

²² Dohi Ts. Sten'ka Razin (Дохи Ц. Стенька Разин: В поисках «вольной России»). Tokyo, 2002.

²³ Nakazawa A. Rosia wa Dokokara Yattekitaka (Накадзава А. Откуда пошла есть Россия?). Niigata, 2002.

²⁴ Kurokawa Yu. Monogatari Ukuraina no Rekishi (Курокава Ю. Рассказы из истории Украины). Tokyo, 2002.

²⁵ Miura K. Rosia no Genryu (Миура К. Истоки России). Tokyo, 2003.

²⁶ Kuryuzawa T. Zusetu Rosia no Rekishi (Курюдзава Т. Иллюстрированная история России). Tokyo, 2010.

Однако перевод крупных древнерусских памятников обычно проводится группой специалистов. Группа лингвистов в Кансай (юго-западный регион Японии, в том числе г. Киото, Осака), члены «Японского Общества по изучению древнерусской письменности и культуры», уже долгое время занимается переводом Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку и периодически публикует текст перевода в журнале «Studia Philologica Paleorussica».²⁷ А в 2010 г. некоторые исследователи из «Общества» под руководством А. Г. Боброва (ИРЛИ РАН) издали текст Краткой редакции «Задонщины» с переводом и подробными комментариями.

Особое значение имеет многолетняя работа Н. Тюдзо (университет Нагоя) над созданием конкордансов древнерусских летописей. К настоящему времени вышли конкордансы Повести временных лет, Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов, Суздальской летописи, Ипатьевской летописи, Радзивилловской летописи, Троицкой летописи, Псковских летописей, Московского свода конца XV в., Новгородской Четвертой летописи, Софийской Первой летописи. Труды Н. Тюдзо, изданные в печатной и электронной версиях, вызывают интерес как японских, так и зарубежных лингвистов и историков.

В Токио Ё. Накамурой более тридцати лет назад для совместной исследовательской работы тоже было организовано Общество русистов. В нем принимают участие историки, лингвисты, фольклористы и литературоведы, которые живут в Канто, Тохоку и Хоккайдо (северо-восточные регионы Японии). Члены этого общества занимались переводом таких крупных памятников древнерусской письменности как «Стоглав»²⁸ (1985–1993 гг.), сочинение Григория Котошихина «Россия в царствование Алексея Михайловича»²⁹ (1993–2004 гг.), Соборное Уложение 1649 г.³⁰ (2004–2012 гг.). В настоящее время идет работа над переводом Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря,³¹ начатая в 2012 г.

Следует заметить, что подобная совместная работа над переводом древнерусских памятников, а также общение с зарубежными исследователями на международных конференциях всегда дают большой стимул для развития и углубления исследований японских «древников», прежде всего молодых.

²⁷ Suzudari Nenndaiki — Yaku to Chu. № 1–4 (Суздальская летопись: Перевод и комментарии. Вып. 1–4) // Kodai Rosia Kenkyu (Studia Philologica Palaeorussica). Vol. 20–22. 2000–2014 (летописные статьи под 1111–1169 гг.).

²⁸ Nakamura Y. «Hyakusho»: Shiyaku. Vol. 1–3. (Накамур Ё. «Стоглав»: Переводы. Вып. 1–3) // Hitotsubashi Daigaku Kenkyu Nenpo (Hitotsubashi University research series. social sciences). 1991. № 29; 1992. № 30; 1993. № 31.

²⁹ Matsuki E. Pyotoru Taitei Zenya no Rosia (Мацуки Э. Россия накануне петровской реформы), Tokyo, 2003.

³⁰ Nakazawa A., Yoshida T. 1649-nen Kaigi Hoten — Honyaku to Yakuchu. №1–8 (Накадзава А., Ёсида Т. Соборное Уложение 1649 г.: Пер. на яп. яз. с коммент. // Toyoumidaigaku Jinbungakubu Kiyo (Journal of The Faculty of Humanities, University of Toyouma). Vol. 43, 45, 46, 49, 50, 52, 54, 56. 2005–2012.

³¹ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря / Пер. на яп. яз. с материалами. Tokyo, 2014.

А. А. Курышева

СЮЖЕТ О КОВАРНОЙ СЕСТРЕ В «ГИСТОРИИ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА»

В книге, посвященной становлению русской беллетристики XVII–XVIII вв., Елена Константиновна Ромодановская, отмечая, что именно фольклорная сказка была для русского человека XVII в. «единственным национальным опытом» вымышленного повествования, констатировала необыкновенную насыщенность русской развлекательной литературы XVII–XVIII вв. сказочными сюжетами.¹ Анализируя особенности новой беллетристики, она описала ее развитие как амбивалентный процесс. Оригинальная русская беллетристика создавалась на основе сказочных сюжетов и, шире, — сказочной структуры, однако сопутствующая трансформация этих элементов привела к «разрушению сказочной стихии»: вместо обобщенно-социального обозначения героев, условно-обобщенного пространства и обстоятельств действия фольклорной сказки приметой беллетристики нового типа становятся иностранные имена героев, география дальних стран, бытовые, социальные, политические реалии своего времени.² Эти повествовательные приемы знаменуют особый этап формирования русской беллетристики в начале XVIII столетия.

Среди памятников эпохи особый интерес представляет оригинальное произведение русского автора «Гистория королевича Архилабона», сочи-

Любовь Александровна Курышева. Июнь 2012 г.

¹ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 127–149.

² Там же. С. 141–142.

СЮЖЕТ О КОВАРНОЙ СЕСТРЕ В «ГИСТОРИИ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА»

ненная, как гласит надпись, «трудами правительствующего Сената действительного коллегии юнкора Петра Орлова в Москве марта 1750 года». Повесть построена по принципу авантюрного повествования, состоящего из нанизанных эпизодов. Сами по себе эпизоды представляют собой популярные сказочные сюжеты или их слагаемые — мотивы: вещий сон, невинно гонимая дочь, волшебные помощники, вероломная сестра. Есть среди них и восходящий к героическому эпосу сюжет о змееборстве, и сопутствующие ему мотивы богатырского коня, богатырской силы героя, воспроизведение поэтики которых свидетельствует о хорошем знакомстве автора с народной эпической поэзией. Анализ повести с точки зрения привлеченных сказочных сюжетов позволяет приоткрыть дверь в «кухню» создания беллетристической повести. В настоящей статье мы остановимся на заключительном эпизоде приключений королевича Архилабона — о предательстве сестры, восходящем к сюжету о злой сестре (вероломной жене) и рассмотрим его в связи с другими сказочными сюжетами, задействованными в «гистории».

После изгнания из родительского королевства, Архилабон побеждает шестиглавого змея и поселяется с сестрой Афродитой вдали от людей. Он часто отправляется на охоту и во время его отсутствия сестру начинает посещать королевич соседнего государства Бритон. Не надеясь, что брат согласится отдать ее замуж, Афродита советует своему жениху выступить войной против брата. Трижды Бритон терпит поражение и, наконец, решает действовать хитростью. С этого момента реализуется сюжет о том, как злая сестра выведывает, в чем заключена сила героя и пытается погубить его. Бритон посылает Афродите ящик, набитый острыми гвоздями. Сестра выспрашивает у Архилабона, чем можно одолеть его силу:

«Братец государь! Я довольно ведаю о твоей славной силе, однако любопытство еще принудило меня об том у вас спросить, чтоб вы силою своею не преодолели?» — Архилабон, не уразумев хитрой тайности, скрытой в злом сердце своей сестры, объявил: «Мне, матушка сестрица, кажетца, против моей силы ничто устоять не может. Однако есть одна вещь, которую я преодолеть не могу, да сказать можно, я вас, сестрица, не потаюся! Ежели мои руки увить вместе канатом по изволению толстым, то я перерву за шутку, а буде увить их же шолком, тово я перервать не в силе: ибо оной врезывается в тело, а чрез то отымает силу!». Королева Афродита так притворилась, будто она сему поверить не в состоянии, чтоб был шелк крепче канату по изволению толстого, просила брата обвить шолком ево руки, якобы только посмотреть для куризети, как не можно такому в силах славному королевичю сию безделицу перервать, на что Архилабон позволил, то королева, увив ево шолком накрепко руки, так что поворотить ему было их невозможно, толкнула ево в груди, отчего королевич упал в покрытой полотном вышереченной гвоздями набитой ящик и весь от оных пронзившись, стал бещуствен, а королева

с своею девицею (ибо из лакеев при низ никого не было) взяв то с Архилабоном ящик и бросили в колодезь.³

Львы, волшебные помощники Архилабона, спасают своего хозяина. Затем Афродита и ее муж еще раз покушаются на жизнь брата, терпят фиаско, и за предательство лишены жизни. Наиболее близкий вариант к этой части повести — сюжет «Богатырь и его неверная жена» (906**⁴) — находим в украинском фольклоре: «неверная жена лишает богатыря (Добоша, Жолобчука) его силы и выдает врагам; его сажают в темницу и выкалывают глаза; силы возвращаются к нему, он мстит врагам».⁵ В. С. Кузнецова в устной беседе высказала предположение о том, что этот сюжет мог сложиться под влиянием библейской легенды о коварной соблазнительнице Самсона Далиле. Трижды на вопрос Далилы о секрете его силы и том, как можно его одолеть, Самсон дает вымышленные ответы: его нужно связать семью сырыми тетивами, новыми веревками, воткать в ткань семь кос с его головы (Суд. 16:4–19). Из русского фольклора эпизоду «истории» с вероломством сестры наиболее близки два сюжета: «Неверная жена» (318), в котором героиня «завладевает чудесной рубашкой (огнивом, мечом и т. п.) мужа и передает любовнику»⁶, и «Звериное молоко» (315), в котором «сестра стоваривается с любовником погубить юношу... связывает его; герой спасается с помощью зверей»⁷. Злая сестра, львы-помощники и исцеление задействованы еще в одном сюжете с волшебными предметами, придающими силу герою — «Царевич и браслеты» (590).⁸

Обращает на себя внимание такая деталь «истории» как шелковые путы. Она встречается в некоторых вариантах былины о Михайле Потыке в части, посвященной измене жены:

Повалился тут Потык во бел шатер,
А заснул-де он сном да богатырским...
А опутали во опутинки шолоковыя,
А замкнули в замки они во немецкия,
А оставили Потыка на цистом поле.⁹

³ Текст воспроизводится по единственной публикации: История королевича Архилабона // Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 103. Текст передается с разбивкой на слова, пунктуация дана в соответствии с современными нормами. Далее ссылки на страницы в тексте статьи.

⁴ Все номера по классификации сказочных сюжетов приводятся по книге: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Потык: («А во стольнѣм во городе во Киеве...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, запи-

В сочинении П. Орлова мы имеем дело с неочевидной мотивированностью сюжетного перехода от любви Бритона и Афродиты к замыслу сестры погубить брата. На границе двух эпизодов неожиданно возникает тема сопротивления Архилабона возможному браку сестры:

...Я вашему предаюся супружеству, ежели толко буду достойна. Но понеже брат мой королевич Архилабон в сем нашем предприятии будет большой помехой, в таком случае изволь от меня чрез письмо ожидать уведомления и потому исполняйте. А с сего времени ко мне приезды до благополучного совершения нашего брака оставьте, ибо мой брат о мне некоторое подозрение принял! (письмо Афродиты Бритону)

Королевна Афродита всячески об оном [о желаемом браке с Бритоном — А. К.] брату говорить с представлением резонов покушалась, однако на сие от него склонность не получа вздумала учинить хитростью и в таком намерении тайно к Бритону писала: «Я способу никакова болше того не изыскала, как надобно вам, (ежели я угодна), собрав войско и пришед незапно на наш дом, убить моего брата; а когда сие сделаешь, то нам совокупитца желаемым браком опасности не останетца» (с. 100–101).

Возможно, в этом эпизоде в редуцированном виде присутствует распространенный мотив похвальбы невинностью сестры. Среди сказочных сюжетов он реализован в сюжете о невинно оклеветанной жене или дочери (882A). В былине «Алеша Попович и сестра Петровицей-Бродовичей» он сохранил более архаические черты: отправной точкой сюжета служит похвальба сестрой, которая надежно укрыта от людей.¹⁰

Есь ведь как у нас да всё родна сѣстра,
А молода Олёна Петровицна;
Сидит она у нас за девятью замками:
Буйны-ти ветры не заведут ей,

санными посредством фонографа. Т. 2. Ч. 3. СПб., 2003. С. 286. Следует отметить, что опубликованные записи былин о Михайле Потыке XVII–XVIII вв. содержат иную версию эпизода с изменой жены: в «Сказании о трех богатырях киевских» она опаивает его, отбирает оружие, превращает в камень, приковывает к стене; былина из сборника Кирши Данилова ограничена эпизодами женитьбы на волшебнице и исполнения обязательства идти живым в могилу в случае смерти супруги. См.: Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

¹⁰ Прототип былины восходит к сюжетам, в которых отразилась норма эндогамного брака, см.: Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Комментарии // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 406–407.

Цясты-ти дожди не замоцат ей,
Добры-ти люди не засмотрят ей.¹¹

В заключительной части «гистории» подчеркнуто вероломство сестры: «Королевна сие говорила с показанием от стыда на лице краски»; «королевич Архилабон с великою славою в свой дом возвратился, а сестра ево принела лицемерно с ласкою» (с. 101). Между тем, в начале повести потенциал повествования связан с возможным развитием сюжета о невинно гонимой девушке (883А), в котором есть эпизод о том, как отец поручает сыну убить сестру, а он из жалости оставляет сестру живой и обманывает отца.¹²

Как благонравная сестра, какой она предстает в начале повести, превратилась в вероломную сестру? Повесть «окольцована» сюжетом о вещем сне. В начале «гистории» король Фридрикус слышит во сне глас «Из двух один пропасть может». На созванном королевском совете мудрый старик предполагает, что вещий сон касается детей короля. После того, как открылось, что сын нарушил приказ отца, король изгоняет детей из королевства — в наказание и чтобы дать свершиться Божественному провидению. Интрига сюжета сохраняется до конца, загадка вещего сна разрешается в конце «гистории» — злая сестра и ее муж наказаны за вероломство. Таким образом в «Гистории королевича Архилабона» мы имеем дело с контаминацией сказочных сюжетов, основанной на нарушении автоматизма сказочного сюжета, порождающей известную долю непредсказуемости. Наряду с «модернизационными» повествовательными приемами, механизм нарушения заданности сюжета становится двигателем процесса рождения беллетристики нового времени, процесса «структурирования сюжета... по законам новеллы»¹³.

¹¹ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 208–209. В сборнике Кириши Данилова и опубликованных записях и пересказах были XVII–XVIII вв. такого типа былины нет.

¹² Сравнительный указатель сюжетов. С. 223.

¹³ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени... С. 147.

СЮЖЕТНАЯ СЕМАНТИКА МОТИВА БЕСПРЕКОСЛОВНОГО ПОВИНОВЕНИЯ И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ В АНЕКДОТАХ О РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЯХ XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.*

Каждый раз причины и следствия, симптомы и исходы располагаются в другой сюжетной последовательности, чем прежде. И необратимо переворачивается модель истории: то, что было *тогда*, выглядит *сейчас* иначе, чем *всегда*.

А. М. Песков¹

Мотив беспрекословного повиновения (далее сокращенно БП), ставший основой ряда исторических анекдотов о российских правителях XVIII–XIX вв., относится к числу традиционных и известен в нескольких сюжетных вариантах. Его дальнейшими предшественниками следует, видимо, считать предание, связанное с именем Сципиона Старшего,² и восточную легенду о Старце Горы, сокращенный вариант которой представлен в сборнике «Новеллино» (XIII в.).³

Со времени своего возникновения и письменной фиксации мотив БП оказывается тесно связан с темой смерти. Готовность умереть по слову правителя демонстрирует не только беспредельную самоотверженность под-

* Статья представляет расширенный вариант более ранней публикации: Никанорова Е. К. Мотив беспрекословного повиновения и его трансформация в исторических анекдотах конца XVIII — начала XIX века // Русская словесность: Проблемы эволюции и поэтики. СПб., 2008. С. 12–17.

¹ Песков А. М. Павел I. М., 2000. С. 7.

² «Когда в Сицилии его спросили, на что он рассчитывает в своем походе на Карфаген, он показал на триста своих воинов, упражняющихся при оружии, на высокую башню возле моря и сказал: “На то, что во всем этом отряде нет ни одного человека, который бы по моему слову не бросился с этой башни вниз головой”» (Плутарх. Изречения царей и полководцев. 75, 4 // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990). Предание о Сципионе Старшем встречается также у Валерия Максима и Тита Ливия (см.: Гаспаров М. А. Примечания // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 565).

³ Новелла С. О том, как император Фридрих пошел на гору Старца // Новеллино. М., 1984. С. 128. Как указывает М. А. Андреев в примечаниях к тексту, мотив слепого подчинения встречается уже в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена (редакция С) (Там же. С. 302–303).

Елена Константиновна Никанорова и Елена Константиновна Ромодановская.
4 февраля 1999 г.

данного, но и его безоглядную веру в ту идею, которую персонифицирует собой правитель. За требованием абсолютного и немедленного повиновения стоит, как правило, определенная концепция власти, уверенной в своем Божественном происхождении.

В отечественной традиции данный мотив соединяется с именем Петра Великого,⁴ но продуктивность его в качестве основы разнообразных слухов и

⁴ Следует отметить, что в иноязычной литературе новелла о «смертельном прыжке» по слову русского государя появляется в сочинении Я. Стрейса в соединении с именем Бориса Годунова (*Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии,

анекдотов связана с павловским царствованием. Это и задает хронологические рамки исследования, задачей которого является выявление трансформации мотива, связанной с изменением его сюжетной семантики, а также факторов, обусловивших это изменение.

То, что первая манифестация мотива в жанре исторического анекдота связана с первым российским императором, вполне закономерно: именно в петровское царствование окончательно оформляется новая концепция власти и новый облик властителя. «Светская религия государственности», связанная с идеями общей пользы и разумного порядка, являла собой трансформацию средневековой модели и требовала, по словам Ю. М. Лотмана, «веры в себя и полного в себе растворения».⁵ Монарх, наделенный неограниченной властью, является единственным, кто знает, что служит общему благу подданных, и его требование БП — не личная прихоть и не произвол, но способ достижения высокой цели — построения регулярного государства.

В сборнике Нартова есть анекдот, передающий суть самодержавного правления, как его понимал царь.

Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, *повинующимися моим указам*.⁶ Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. (...) Полезное слушать рад я и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен... Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру».⁷

Здесь ясно выражена та мысль, что принцип БП, определяющий характер отношений между государем и подданными, ограничивает, но не отменяет проявление личной или общественной инициативы в том случае, если она не противоречит закону и государственной пользе. Возможность свободного высказывания мнения, противоречащего мнению императора,

Татарии, Персии и другим странам // *Московия и Европа: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVIII–XX вв.* М., 2000. С. 328.

⁵ *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 30.

⁶ Здесь и далее курсив мой. — *Е. Н.*

⁷ Рассказы Нартова о Петре Великом / Изд. Л. Н. Майкова // *Сборник ОРЯС.* 1891. Т. 52. № 121. Ср. со словами Николая I, сказанными в разговоре с Астольфом де Кюстинином: «В России еще существует деспотизм, ибо в нем самая суть моего правления; но он отвечает духу нации» (*Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 261).

и неповиновение его указу представлены в анекдотах сюжетной ситуацией спора царя и советника (или царя и духовного лица).⁸

Принцип БП царскому приказу получит выражение в нескольких анекдотах, связанных с именем Петра, наиболее ярким и сюжетно разработанным является рассказ «Любопытное происшествие при свидании монарха с королями польским и датским» из сборника И. И. Голикова (1796).

Во время встречи иноземных государей с Петром I заходит между ними речь о том, чей солдат в большей степени наделен такими качествами, как неустрашимость и верность своему государю. Для решения спора Петр предлагает следующее испытание:

«...Призовите сюда, — говорит он, — по одному из своих солдат, кто из них *храбрейший и вернейший*, по мнению вашему, и велите им броситься из окошка, покажут ли они к повелениям вашим *безпрекословную готовность*; а я в своих уверен, ежелиб хотел только из тщеславия обезчестить себя пожертвованием одного из них, тоб *каждой безпрекословно исполнил оное*».⁹

Если учесть, что «сие происходило на третьем этаже», то исполнение приказа означало для испытуемого верную смерть. Готовность незамедлительно умереть по приказу государя выказывает лишь русский солдат.

Гренадир, ударя рукою по шапке своей, идет к окну и, перекрестясь, поднимает ногу на окошко. «Остановись! — закричал монарх. — Мне тебя жаль, и поди вон». Гренадир оборачивается и паки делает честь ударением рукою по шапке и выходит.

Монарх спрашивает удивленных королей: каковы им кажутся его солдаты? Признаются они, что сей подлинно неустрашим и есть *слепой исполнитель воли государя своего*, и просят отличить его, наградя офицерским чином; монарх отвечает, что не один он таков, но что и все его солдаты таковы же точно, и, по вашему, надобно будет всех мне пережаловать в офицеры. «Не хотите ли, — продолжал монарх, — подобно же испытать и других? Изберите из них сами такого, которой бы, по мнению вашему, менее имел духа, я уверен, что и оной также поступит». Однакож государи сии не захотели пуститься на новую таковую пробу, а настояли только о пожаловании офицером первого; великий

⁸ Подробнее см.: Никанорова Е. К. Сюжетная ситуация «встреча царя и философа» в историческом анекдоте XVIII века: Варианты развития и характер трансформации // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2001. С. 104–122.

⁹ См.: Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего Великого государя. М., 1796. Т. 17. № 27.

государь снисходит на их прозбу, призывает его паки и объявляет ему чин офицерской; короли же пожаловали ему по сту червонных.¹⁰

В основе анекдота — ситуация испытания, суть которого в готовности выполнить любое повеление государя, даже если оно чревато гибелью. Характер испытания отсылает к традиционному мотиву «смертельного прыжка», не состоявшегося только по воле императора.¹¹

Очевидная амбивалентность сюжета предоставляет возможность неоднозначной интерпретации его семантики и образа Петра.¹²

Для понимания того смысла, который вкладывает в данную историю Голиков, важны два момента.

Первый — указание на то, что встреча трех правителей происходит после Полтавской победы, тем самым устанавливается непосредственная связь между успехом русского оружия и принципом БП в армии. Введение неукоснительного подчинения оправдано, в глазах составителя сборника, высшей целью — славой России и неотделимо от чувства гордости за ее воинские успехи.¹³

Второй момент — контекстуальный фон анекдота, входящего в микроцикл, объединенный образами хорошего царя, идеального солдата и ситуацией испытания. Цикл открывается пророчеством о грядущих победах царя в войне со шведами и заканчивается словами Голикова, сопрягающими современную ему эпоху со временем Петра I: «Таковы были солдаты Петровы, таковы они и ныне».¹⁴

За готовностью русского солдата исполнить повеление ценой собственной жизни — непререкаемый авторитет самодержца, чья власть признается едва ли не Божественной. Из всех сборников анекдотов о Петре I именно голиковский отмечен откровенной тенденцией к сакрализации царской особы.¹⁵

Во время правления Екатерины II характер репрезентации власти существенно меняется. «Екатерина была представлена как гуманная императрица, — пишет Р. Уортман, — чье правление должно отличаться состраданием и разумом, завоевавшими сердца ее подданных».¹⁶

¹⁰ Там же.

¹¹ О происхождении и истории данного мотива см.: Дафтари Ф. Легенды об ассасинах. Мифы об исмаилитах. М., 2009. С. 100–102.

¹² Намек на такую возможность содержится в определении «слепой», далеко не случайно прозвучавшем из уст «иноземных королей».

¹³ Связь между воинскими победами и абсолютным повиновением воле правителя четко прослеживается в исторических анекдотах о Сципионе Африканском, Александре Македонском и Старце Горы.

¹⁴ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... № 29. С. 112.

¹⁵ Подробнее см.: Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 242–244.

¹⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004. С. 157.

Учитывая это обстоятельство, менее всего можно было бы ожидать, что мотив БП и имя Екатерины соединятся в одном сюжете.¹⁷ И тем не менее это происходит. Почвой для рождения и распространения слухов, сюжетной основой которых является указанный мотив, послужил разрыв между образом просвещенной императрицы с ее гуманными намерениями, утверждающими идею права и закона, и отсутствием механизмов, способных воплотить эти побуждения в жизнь. Широко известен анекдот о Сутерланде, существовавший в нескольких вариантах, наиболее пространным из них является тот, что приводит Сегюр в своих «Записках» (1785–1789).¹⁸

Достоверность «странного» происшествия подтверждается, как пишет посланник, «многими русскими», но от себя добавляет, что за время пятилетнего пребывания в России «он не слышал ни одного случая жестокости или угнетения».¹⁹

Ход рассуждений французского дипломата, пытающегося понять, как могло произойти нечто подобное в краткое правление «доброй и великодушной» императрицы, приводит его к следующему выводу: дело не столько в личности Екатерины, сколько в принципах государственного правления, в отсутствии «прочных законов» («твердых учреждений и гарантий»), которые обеспечивали бы права престола и всех сословий. «В стране *безгласного послушания и бесправности* владетель самый справедливый и разумный должен остерегаться последствий необдуманного и поспешного приказа».²⁰

Примером, который должен остеречь всех, обладающих властью от необдуманных распоряжений, и является случай с Сутерландом и полицмейстером Рылеевым, в котором принципиальную роль, наряду с мотивом БП, начинает играть мотив ошибки, или недоразумения.

Сегюр мастерски выстраивает диалог между полицмейстером и банкиром, чье недоумение сменяется сначала испугом, потом страхом и, наконец, отчаянием, когда он узнает, какому наказанию он должен быть подвергнут.

«Императрица, — отвечал уныло полицмейстер, — приказала мне сделать из вас чучелу...» — «Чучелу? — вскричал пораженный Сутерланд. — Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое приказание, не представив ей всю его жестокость и нелепость?» — «Ах, любезный друг, я сделал то, что мы редко позволяем себе делать: я удивился и огорчился, я хотел даже возражать, но императрица рассердилась, упрекнула меня за непослушание, велела мне выйти и тотчас же

¹⁷ Действительно, в исторических анекдотах о Екатерине доминируют мотивы милости, снисхождения и человеколюбия.

¹⁸ См.: Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 334–337.

¹⁹ Там же. С. 336.

²⁰ Там же. С. 334.

исполнить ее приказание; вот ее слова, они мне и теперь еще слышатся: “Ступайте и не забывайте, что *ваша обязанность — исполнять беспрекословно все мои приказания*”».²¹

Наличие общей для двух анекдотов (о Петре и о Екатерине) сюжетной ситуации, суть которой — в готовности подданного слепо исполнить волю отдающего приказ, невзирая на его бессмысленность или жестокость, — дают возможность их сопоставления в плане структуры и семантики.

Существенным сдвигом значения в анекдоте, связанном с правлением Екатерины, является то, что действие принципа БП демонстрируется в условиях мирного времени и в сфере гражданского управления. Появляется посредник — медиатор между высшей властью и лицом, долженствующим подчиниться приказу. Фигура посредника увеличивает вероятность ошибки, искажения приказа, что, собственно, и происходит в данном случае. И последнее: если поведение гренадера доказывало его бесстрашие и преданность государю, то в поведении полицмейстера усматривается страх и боязнь лишиться расположения императрицы.²²

В другом анекдоте, записанном также иностранцем и относящемся ко времени русско-турецкой войны, смерть солдат, беспрекословно исполняющих приказ военачальника, лишена какого бы то ни было смысла.

При осаде Очакова один пикет, шедший на передовой пост, встретил траншейного офицера. «Турки сделали вылазку, — сказал он им, — они уже заняли назначенный вам пост, вернитесь, а то всех вас перережут». — «Это вас не касается, — ответил один из солдат, — за нас отвечает князь Долгорукий». Несмотря на уговоры офицера, они пошли и не вернулись.²³

²¹ Там же. С. 335–336. Напомним, что, по мнению Екатерины, «образцовое послушание» — одна из трех составляющих русского национального характера (см.: Фонвизин Д. И. Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 275).

²² «История все-таки кажется легендарной, — комментирует анекдот С. Рассадин. — Сутерланд овечкою не был; в “Записках” Державина рассказывается, что он находился “со всеми вельможами в великой связи, потому что он им ссужал казенные деньги...” — словом, слух о намерении императрицы наказать Сутерланда мог быть вполне реальным, а подробности — домыслены. Легендой это кажется еще и потому, что слишком заметною шишкой был придворный банкир, чтобы оказаться участником такого недоразумения. Но это снова тот случай, когда слух может оказаться правдивее факта...» (Рассадин С. Б. Сатиры смелый властелин. М., 1985. С. 198).

²³ Массон III. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 138.

Если в анекдоте о Петре Великом готовность гренадера совершить смертельный прыжок демонстрировала его неустрашимость и верность императору, то в анекдоте, рассказанном Массоном, отсутствие страха смерти объясняется, скорее всего, безразличием солдат к своей судьбе.

В качестве комментария к данному анекдоту можно привести отрывок из «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором ясно выражена мысль о том, что принцип БП, доведенный до полного автоматизма, есть проявление деспотической воли военачальника, обладающего правом распоряжаться жизнью вверенных ему солдат:

Но можем ли назвать воинов блаженными? *Превращенные точно-стью воинского повиновения в куклы*, отъемлется у них даже движения воля, толико живым веществу свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всемогущ жезл над могущественнейшею силою государства.²⁴

Необычайную продуктивность мотив БП обретает, как уже отмечалось ранее, в царствование Павла, идеалом которого (как, впрочем, и Петра Первого)²⁵ была сильная держава с максимальной регламентацией личных и служебных прав подданных.²⁶ Принципу БП отводилась роль инструмента приведения государства в идеальное состояние.²⁷ Нарушение дисциплины, невыполнение приказа расценивалось как презрение к власти, утвержденной Богом.

Нельзя сказать, что принцип нерассуждающего повиновения получил полное одобрение со стороны известных военачальников екатерининского и павловского времени. Достаточно вспомнить практику Суворова, признававшего за солдатом право на собственное мнение и не переносившего «немогузнаек»: «Его требования доходили в известной степени даже до низших ступеней военного сословия, ибо он настаивал, чтобы каждый солдат «понимал свой маневр» (*Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 2006. С. 647).

²⁴ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 69.

²⁵ А. М. Песков относит к «дальним прототипам» павловского самовластия Ивана Грозного, а к «ближним» — Петра I и Екатерину II (*Песков А. М.* Павел I. С. 113–114, 329).

²⁶ «Внутренняя политика Павла I выявляет две основные тенденции: всемерное укрепление императорской власти и стремление к реставрации средневековой политической системы. В сущности, его идеалом являлось не государство, основанное на принципах Просвещения, а, скорее, держава с обожествленной абсолютной монархической властью, по-рыцарски преданной ей дворянством и точным исполнением каждым подданным воли монарха и своих прямых обязанностей» (*Скоробогатов А. В.* Павел I — законодатель, политик и практик // Рыцарь трона. М., 2006. С. 354).

²⁷ «Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах, — пишет Ростопчин, — он не выносит, чтобы ему о них говорили. Он приказывает и требует беспрекословного исполнения» (*Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I: Его жизнь, царствование и смерть. М., 1993. С. 100).

Анекдоты, связанные с именем Павла, окончательно закрепляют тот сдвиг значения, который произошел в семантике мотива в эпоху Екатерины. Поданный, неукоснительно выполняющий волю императора, действует, как правило, подобно автомату и/или под страхом наказания, неизбежного в случае промедления или неповиновения.²⁸ Хотя милитаризация общества при Павле нашла выражение в распространении жесткой дисциплины на все сферы — военную, гражданскую и частную, большинство анекдотов, построенных на мотиве БП, связано с военной службой.

Примером того, как безотказно действовал принцип БП в армии, может служить известный анекдот о том, как Павел направляет в Сибирь целый полк,²⁹ недостоверность которого можно считать практически доказанной.³⁰

Менее известным, но едва ли не более репрезентативным для нашей темы является другой анекдот, отнесенный к павловскому правлению. В нем субститутом императора выступает гусарский ротмистр, который бездумно, в шутку, отдает вахмистру приказ повесить торговца сеном, назначившего за него слишком высокую цену, никоим образом не предполагая, что его распоряжение будет воспринято всерьез. Вскоре вахмистр докладывает об исполнении приказа. «Ах, черт тебя возьми, да я пошутил», — восклицает ротмистр. — «Не можем знать, ваше благородие, а он уже с час как висит». Нечего было делать. Несчастный ротмистр должен был писать рапорт, ожидая грозы.

Функцию пуанты выполняет императорский указ: «Ротмистр такой-то за глупые и незаконные приказания разжалывается в рядовые», и далее: «рядовому такого-то полка возвращается чин ротмистра, с производством в майоры, за введение такой *отличной субординации* во вверенной ему команде, что и *глупые его приказания исполняются немедленно*».³¹

²⁸ «Душою армии Павел считал дисциплину и от каждого из служащих, от рядового до генерала, требовал беспрекословного выполнения закона и всех правил воинской службы; путем дисциплины он хотел приготовить, как говорили, *живых автоматов*, послушных воле начальника. В требованиях дисциплины он был строг, даже неумолим, в особенности к офицерскому составу» (*Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 130). Ср. с мнением Ф. Вигеля: «В людях видел он *бесчувственных автоматов*, движимых единою его волею, и он как будто тешился тем, что беспрестанно может изгонять их и призывать, карать и миловать, возвышать и низвергать, мертвить и оживлять» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 77).

²⁹ Павел I: Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. СПб., 1901. С. 105–106.

³⁰ См., например: Из рассказов князя Павла Петровича Лопухина, записанных князем А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году, после посещения Корсуня // *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 583; *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1986. С. 57; *Юркевич Е.* Военный Петербург Павла I. М.; СПб., 2007. С. 138–139.

³¹ Павел I. С. 223.

Анекдот примечателен, по крайней мере, в двух планах. Во-первых, дальнейшим усилением семантики произвольности, жестокости приказа и бездумности его исполнения. Во-вторых, хотя и приглушенной, но все же отчетливо звучащей трагической нотой. Смерть — как следствие исполнения приказа — из возможности (как в анекдотах о гренадере и банкире) становится реальностью, и она не оправдана никакими высокими соображениями. Можно сказать, что происходит подмена цели средством: принцип БП, в глазах императора, приобретает самодовлеющее значение, в то время как жизнь человека такое значение утрачивает. Примером неукоснительного исполнения распоряжения императора в сфере гражданской службы могут служить два случая, один из которых приводит в своих воспоминаниях аббат Жоржель, а другой — Н. А. Саблуков.

Во время моего пребывания в С.-Петербурге, — вспоминает аббат, — Павел I велел разбить на этом великолепном проспекте, во время сильнейших морозов, две аллеи для пешеходов... Деревья, посаженные со всеми своими ветвями, имеют от пятнадцати до двадцати футов в вышину: они вырваны и пересажены с корнями и землей, из которой они извлечены, в смерзшийся снег. (...) Понадобилась власть императора, чтобы приказать, осуществить и довести до конца подобные работы: там были ежедневно заняты десять тысяч рабочих. (...) Деревья были вырваны с корнями и пересажены; аллеи усыпаны песком и окружены газоном, добытым из-под снега; ограды из камня были поставлены и выкрашены в продолжение одного месяца — срок, назначенный императором; его приказ был в точности исполнен. Я был свидетелем этого чуда власти и видел, как его величество прогуливается верхом, во главе многочисленной свиты, посреди большой улицы, окаймленной аллеями, наслаждаясь сознанием того, что его приказания исполнены.³²

Достоверное происшествие, рассказанное Н. Саблуковым, связано с печальным фактом из биографии его отца, который, в силу невозможности, не смог в точности исполнить распоряжение императора. Узнав об этом, Павел тут же отправил нарочного фельдъегеря к графу Палену со следующим приказанием: «Выслать из города тайного советника Саблукова, уволенного от службы, и немедленно отправить назад посланного с донесением об исполнении этого приказа».

Если поведение Павла отчасти оправдано свойствами его характера и принесенными им впоследствии извинениями,³³ то характер исполнения приказа

³² Аббат Жоржель. Путешествие в Петербург в царствование императора Павла Первого // Рыцарь трона. М., 2006. С. 88–89.

³³ «Император... услышав, как жестоко был исполнен его приговор над моим отцом, чрезвычайно взволновался. Он немедленно потребовал к себе генерал-прокурора и со слезами на глазах попросил его тотчас съездить к моему отцу, извиниться за него

«посредниками» — военным губернатором Паленом и обер-полицмейстером Лисаневичем — такого оправдания не имеет: именно они, зная, в отличие от императора о тяжелой болезни Саблукова старшего, не предприняли никаких шагов, чтобы известить о том Павла.³⁴ «Отец мой... прочел бумагу, протер глаза и воскликнул — Господи! Да что же я сделал? — Я ничего не знаю, — возразил Лисаневич, — кроме того, что я должен выслать вас из Петербурга. — Но вы видите, любезный друг, в каком я положении. — Этому горю я пособить не могу; я должен повиноваться...»

Младший Саблуков срочно едет к Палену, чтобы сообщить ему о болезни отца и просить об отсрочке. «Это невозможно, — говорит ему Пален. — Скажите вашему отцу, что он знает, как я люблю его, но сделать я ничего не могу. Если одному из нас и суждено убраться к черту, то пока его черед...» (...) Через три часа после распоряжения Павла отец мой уже проехал городскую заставу. Полицейский чиновник... тотчас донес об этом Палену, как военному губернатору, а последний отослал обратно государева фельдъегеря с рапортом, что приказание его величества исполнено в точности.³⁵

Частный случай осмысляется мемуаристом как проявление общего порядка, основанного на «неразумной и нетерпеливой требовательности безусловного повиновения».

Крайне важным оказывается сообщение о том, как этот инцидент был воспринят высшим петербургским обществом.

...Случай этот очень повредил императору в общественном мнении, — пишет Н. А. Саблуков, — так как мои родители были весьма любимы и уважаемы. (...) В течение немногих дней опалы моего отца и вскоре после его возвращения о нем беспрестанно наведывались и с участием расспрашивали о его здоровье. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодование, которое высказывалось открыто и резко, как в частных разговорах, так и в письмах, которые получались из Москвы и из провинции. Может показаться невероятным, что в стране самодержавной и при государе, гнев которого был неукротим, могли так свободно порицать его действия. Но старинный русский дух был еще жив и его не могли подавить ни строгость, ни полицейские меры.³⁶

в его жестокой несправедливости и просить его прощения» (Записки Н. А. Саблукова // Царевубийство 11 марта 1801 года / Репринтное воспр. изд. 1907 г. М., 1990. С. 49).

³⁴ «...Граф Пален, несомненно, мог бы воспользоваться тяжкою болезнью моего отца и рапортом полицмейстера, чтобы дать государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнева. Но в планы графа Палена и тех, кто действовал с ним заодно, по-видимому, не входило вызывать этого монарха к раскаянию: его судьба была предreshена, и он должен был погибнуть» (Там же. С. 50).

³⁵ Там же. С. 41–45.

³⁶ Там же. С. 49–50. Ср.: «Защита гонимого дворянина оказалась едва ли не самой распространенной в переписке формой противостояния мнению высшей власти»

Апология «старинного русского духа», который находит выражение уже не в покорности, а в осуждении власти, является ярким выражением умонастроения просвещенного дворянства конца XVIII века.³⁷ В литературе это умонастроение нашло выражение в разработке — в сочинениях Фонвизина, Радищева, Крылова — сюжетной ситуации встречи царя с «прорицателем истины».

Впрочем, выражение негативного отношения к императорским распоряжениям далеко не всегда имело характер спора/столкновения, и драматическая ситуация невозможности прямого и точного следования приказу могла получать сюжетное разрешение в мотиве лукавого, показного исполнения, осуществляемого путем подмены.

Анекдотам этой группы может быть предпослана фраза из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского: «Но тогда уже многое делалось вопреки воле императора и приказания его ловко бывали обходимы».³⁸

О способах «обхода» императорских повелений и рассказывают анекдоты, построенные на мотиве подмены, весьма близкие анекдотическим сказкам и новеллам о плутах или шутах, проявляющих сообразительность и ловкость в решении трудных задач.

Анекдоты этой тематической группы строятся по одной схеме: некто нарушает императорский указ, император велит немедленно найти и наказать ослушника; за невозможностью, в силу разных причин, отыскать подлинно виновного, исполнитель приказа совершает подмену, и перед Павлом предстает подставное лицо.³⁹

Эта схема использована в анекдоте о паже Яхонтове, записанном Сухотиным со слов В. Даля (первая часть его послужила основой экспозиции «Подпоручика Киж» Ю. Н. Тынянова).

(Марасинова Е. Н. Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века: На материале эпистолярных источников // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2. С. 163).

³⁷ «Оппозиционные настроения зарождались прежде всего в сознании представителей верхушки господствующего сословия... В рассматриваемый период конфликтность престола и фрондирующего дворянства была осложнена и драматизирована процессом развития самоопределяющейся личности новоевропейского времени в среде элиты, что привело к особому противостоянию власти со стороны образованного дворянства и формированию первых поколений русской интеллигенции» (Марасинова Е. Н. Образ императора... С. 142). См. также: Западов В. А. Проблема литературного сервиллизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 56–75.

³⁸ Юношеские воспоминания принца Вюртембергского // Рыцарь трона. М., 2006. С. 312.

³⁹ «Он в ярости требовал мгновенного отыскания виновных, полиция, желая удовлетворить его исступленному нетерпению, хватала, по малейшему подозрению, часто вовсе невинных, так что вошло уже в обыкновение хватать кого попало, лишь бы поскорее» (Записки Вельяминова-Зернова // Время Павла и его смерть: Записки современников и участников события 11-го марта 1801 года. М., 1908. С. 141).

Лукавое исполнение приказа коррелирует с кажущимся всевластием государя, чья воля ограничивается сферой слова или бумаги, а беспрекословное повиновение, утрачивая связь с идеей порядка, репрезентирует тему мнимости.⁴⁰

В конечном счете, тема мнимого всевластия соединяется с темой смерти в сюжете, имеющем непосредственное отношение к судьбе самого Павла.

В ночь же на 12 марта 1801 г., — пишет Н. Я. Эйдельман, — было совсем мудро убедить солдат, что «хороший царь» — тот, кто придет на место нынешнего. И тем решительнее лидеры заговора прибегают к традиционному использованию слепого солдатского повиновения, механического подчинения...⁴¹

Исследователь имеет в виду рассказ о том, как генерал Талызин в ночь приведения заговора в исполнение вызвал батальон Преображенского полка и стал им говорить о тяжести и строгости службы и о том, что близится время, когда будет у них государь добрый и снисходительный.

Взглянув на солдат, он, однако, заметил, что слова его не имели на них ожидаемого впечатления; все стояли молча с угрюмыми лицами и в рядах послышался сдержанный ропот. Тогда он оборвал свои слова и суровым голосом командира крикнул: «Полуоборот направо. — Марш!» — и войска *машинально повиновались* его голосу.⁴²

Морально-этическим комментарием к приведенному выше факту может служить максима Гердера: «Закон судьбы жесток, но благодатен: всякое зло, а потому и всякая чрезмерная власть должны пожрать сами себя».⁴³

Итак, можно говорить о двух линиях трансформации мотива БП в исторических анекдотах XVIII — начала XIX вв.

Первая — доведение до логического предела (по сути, абсурда) заложенной в мотиве семантики, акцентирование жестокости и бессмысленности приказа, отдаваемого властителем, и бездумности его исполнения. Приказ постепенно утрачивает связь с высокой целью (политического, религиозного или нравственного свойства), а повиновение, становясь «слепым», вступает в противоречие с идеей преданности и верности властителю. Автоматизм, отсечение

⁴⁰ Подробнее см.: Никанорова Е. К. Тема мнимости и ее сюжетная реализация в анекдотах о Павле Первом // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 127–148.

⁴¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 307.

⁴² Записки князя А. А. Чарторыйского // Время Павла и его смерть: Записки современников и участников события 11-го марта 1801 года. М., 1908. С. 282–283.

⁴³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 324.

собственной воли и мысли, не оставляют места вере и преданности.⁴⁴ Но автоматизм означает еще и безжизненность, поэтому вполне закономерно, что сначала в мемуарах и анекдотах, а затем в художественной литературе появляется образ человека-автомата, механической куклы, и все чаще и настойчивее начинает звучать тема смерти.⁴⁵

Вторая линия переосмысления мотива приводит к появлению его комического, пародийного двойника — показного, или лукавого исполнения приказа, построенного на хитрости, обмане, подмене.

Подмена становится не только двигателем сюжета, она приобретает поистине метафизический смысл и универсальный характер: преданность заменяется угодливостью и раболепием, неустрашимость — безразличием или страхом, а реальность власти — ее призраком.⁴⁶

Как в первом, так и во втором случае значительно возрастает роль фактора стихийности, который находит выражение не только в мотиве ошибки, недоразумения, но и в настойчивом подчеркивании негативных эмоций, владеющих как императором (находящимся в состоянии раздражения или гнева), так и исполнителями его воли (действующими, как правило, под страхом наказания). Эмоции ослепляют разум, не случайно повиновение все чаще наделяется определением «слепое», имеющим оценочный характер. Слепота становится атрибутом не только подданного, автоматически повинующегося приказу, но и властителя, не замечающего (а в ряде случаев не желающего замечать) обмана.⁴⁷

⁴⁴ Ср. с суждением А. де Кюстина о выгодах, которые получила бы власть, основав повиновение на высоких нравственных чувствах (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 356, 366*).

Своего рода реализацией этого пожелания стала разработка в литературе 1810–1830 гг. сусанинского сюжета: человек из народа умирает за царя не по приказу, не под страхом наказания, но добровольно принося себя в жертву высокой цели (см.: *Живов В. М. Иван Сусанин и Петр Великий: О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). С. 51–65; Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху: Сусанинский сюжет // Лотмановский сборник. Т. 2. М., 1997. С. 279–302; Уортман Р. С. Сценарии власти. С. 509–524*).

⁴⁵ Ср.: «Эти люди-автоматы напоминают шахматные фигуры,двигающиеся по воле одного-единственного игрока... Здесь действуют и дышат лишь с разрешения императора или по его приказу, поэтому все здесь мрачно и скованно; молчание правит жизнью и парализует ее. (...) Я словно воочию вижу, как над этой частью земного шара реет тень смерти» (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 159*).

⁴⁶ «Самодержавная власть, имея дело с условными подобиями людей, сама перестает быть реальной и превращается в призрак» (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 366*).

⁴⁷ Позднее Кюстин скажет о Николае I: «Ни один окруженный лестью правитель не встречал так мало повиновения и не бывал так часто обманут, как якобы безраздельный властелин Российской империи» (Там же. С. 314). И далее: «Изданному закону повинуются... лишь на бумаге; правительству же того и довольно» (Там же. С. 322).

Действие принципа БП, призванного исключить «стихийные начала» из всех жизненных сфер и способствовать утверждению «регулярности», приводит к противоположному результату: победе беззакония над законом, хаоса над порядком.⁴⁸

Случайность, ошибку, недоразумение можно интерпретировать и как проявление жизненной стихии, не укладывающейся в жесткие рамки приказа или регламента.

Переосмысление сюжетной семантики мотива БП дает возможность проследить, как меняется восприятие власти и принципов государственного правления. За столетний период общественное умонастроение проделывает путь от апологии «регулярного» государства и героизации монарха, осмысляемой в религиозно-мифологической парадигме, к неприятию, порицанию тех основ, на которых строится государственный порядок и отношения между подданным и властителем, или, иначе говоря, путь от религиозного почитания власти к ее рациональному, философскому обоснованию.⁴⁹ Существенную роль в этом процессе сыграли не только идеи века Просвещения, но и Манифест о вольности дворянства, имевший важные социально-психологические последствия. «Есть большая разница между службой принудительной и службой по собственному сознательному выбору. ...Русский дворянин теперь уже не был “рабом государства”».⁵⁰

Вот и Фонвизин, допуская мысль о том, что правящая власть поставлена от Бога, использует ее как отправную точку для следующего рассуждения: «Все право на наше благоговейное повиновение имеет Бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существо всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ль существу, рассудком одаренному? Нет, оно недостойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей».⁵¹

Очевидно, что к концу XVIII в. принцип БП вступает в конфликтные, драматические отношения с правом человека на личную свободу и собственное мнение; подданный, осознавший себя личностью, не желает быть слепым исполнителем властной воли.

⁴⁸ «По смыслу и по привычке я хотел было употребить слово “законы” — но я говорю о России, есть распоряжения и приказания (указы), а законов нет» (*Массон Ш. Секретные записки о России... С. 45*).

⁴⁹ Ср.: «Анализ материалов эпистолярных источников даже за столь сравнительно небольшой промежуток времени свидетельствует, что рациональное восприятие образа монарха постепенно расширяло сферу проявления и становилось общепринятым и более естественным» (*Марасинова Е. Н. Образ императора... С. 144*).

⁵⁰ *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 154.*

⁵¹ *Фонвизин Д. И. Рассуждение о неперемненных государственных законах // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 263.*

В рамках религиозно-мифологической парадигмы беспрекословное повиновение демонстрировало неустрашимость и верность, доходящую до полного самоотречения. Для человека, воспитанного в духе Просвещения, подобное поведение стало проявлением рабской покорности — неизбежного следствия деспотического правления.

Но анекдот не просто фиксирует — на сюжетно-мотивном уровне — изменение общественного умонастроения, он обладает собственным мифотворческим потенциалом,⁵² который находит выражение в его способности воздействовать на общественное сознание, создавая собственную реальность, трагикомический образ российской государственности, предвосхищающий гротескный художественный мир Салтыкова-Щедрина и Тынянова

⁵² «...Если анекдот сохранится не в частной, а в общей памяти, он станет фактом истории, чтобы, соединившись с другими анекдотами о других событиях, образовать миф о своей эпохе» (Песков А. М. Павел I. С. 5).

МОТИВЫ ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА» В СТИХОТВОРЕНИИ В. Д. ГОЛИЦЫНА

Разрабатывая принципы составления указателя сюжетов и мотивов, Е. К. Ромодановская особое внимание уделяла изучению сюжетогенных мотивов.¹ В этой связи несомненный интерес представляют мотивы, связанные с сюжетом повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: мотив обольщенной невинности и самоубийства из-за несчастной любви. Повесть пользовалась большим успехом у читателей и вызвала много подражаний.²

В 1798 году в Москве появился небольшой сборник под названием «Разные стихотворения». Имени автора указано не было. Однако некоторые стихотворения из этого издания вошли в рукописный сборник,³ в котором указывалось, что автором был Василий Дмитриевич Голицын (1752–1822). Он сделал успешную карьеру, вначале на военной службе, выйдя в отставку в 1782 году бригадиром от армии, а затем в статской — дослужившись до чина действительного статского советника.⁴

В. Д. Голицыну принадлежал сделанный с французского языка перевод трагедии Софокла «Филоклет» (1799) и, кроме названного сборника «Разные стихотворения», — «Продолжение разных стихотворений» (1799). Среди его переводов были отрывки из сочинений Ж. Расина, Т. Тассо, В. Шекспира (монолог короля Лира), но все они, как и оригинальные стихи, были, по справедливому суждению Г. А. Гуковского, малоискусны и архаичны. Преимущественный интерес исследователей вызвали эпиграммы Голицына, в которых задевались современные ему русские литераторы. Между тем, почти не замеченными остались его стихи, написанные по мотивам повестей Карамзина.

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2003. С. 7.

² См.: Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 387–635; Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. 1770–1811. Wiesbaden, 1960. S. 207–245.

³ Сборник, датированный 1812 годом, принадлежал В. А. Бильбасову, а затем Г. А. Гуковскому; дальнейшее его местонахождение неизвестно. Г. А. Гуковский кратко описал содержание рукописного сборника. См.: Гуковский Г. А. Сиятельный злопыхатель XVIII столетия // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-литературном контексте. Л., 1983. С. 247–250.

⁴ См.: Степанов В. П. Голицын В. Д. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: (А–И). Л., 1988. С. 213.

Е. К. Ромодановская. 1 декабря 1954 г.

В сборнике «Разные стихотворения» появилась своеобразная переделка песни гревзендского незнакомца из повести «Остров Борнгольм». Варьируя текст песни карамзинского героя, Голицын написал рифмованный вариант (у Карамзина белые стихи). Кроме того, автор сборника сделал более явной тему инцеста, называя возлюбленную героя «сестрицей».⁵

По-своему Голицын изложил и содержание самой известной повести Карамзина в заключающем сборник стихотворении под названием «Отрывок. От Бедной Лизы».⁶ Внимание Голицына привлек самый финал повести, поразивший воображение большинства читателей: самоубийство Лизы. Стихотворение начинается с монолога героини, обращенного к ее подруге Аннушке:

Подкликнула она любимую подругу,
И тако своему вещала верну другу:
«Ах, Анна, Аннушка! Я расстаюсь с тобой,
Я в вечность отхожу; оплачь ты жребий мой.

⁵ См.: Kočetkova N. Unausgesprochenes und Tabubrüche in Erzähltexten N. M. Karamzins // Empathie und Tabu (bruch) in Kultur, Literatur und Medizin. Berlin, 2013. S. 233–246.

⁶ [Голицын В. Д.] Разные стихотворения. М., 1798. С. 39–40.

В последний раз свою возлюбленну объеми
И просьбы ты мои усердные приемли,
Как я, печалию имея разум полн,
Скончаю жизнь свою среди шумящих волн».

В повести Карамзина Лиза, несмотря на охватившее ее отчаяние, просит случайно встреченную дочь соседа Анюту передать матери десять империалов — сто рублей, которые ей при прощании дал Эраст. Отдавая эти деньги, она говорит: ««Любезная Аня, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке — они не краденые — скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, — к Э... На что знать его имя? Скажи, что он изменил мне, попроси, чтобы она меня простила, — Бог будет ее помощником, — поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, — скажи, что, что бедная Лиза велела поцеловать ее, — скажи, что я...» Тут она бросилась в воду».⁷

Голицын совершенно не упоминает о деньгах: очевидно, этот эпизод снижает в его глазах трагический настрой монолога, и пересказывает речь Лизы так:

Как Лиза бедная в сии глубоки воды
Навеки заключит свои младые годы,
Сестрица, душинька! Беги скорей в наш дом
И родней в свет меня ты возвести о том,
Скажи, что страдница жить боле недостойна,
Что в тяжком я грехе пред матушкой виновна.
Я мнила, что в Москве прямая совесть есть:
Изменнику свою я поручила честь;
Кто за любовь мою меня низвергнул в муку,
Проси прощенья, у ней целую руку.

Карамзин предельно кратко и просто описывает гибель Лизы: «Тут она бросилась в воду». Голицын же добавляет ряд деталей:

<...> кропя слезами грудь,
С крутого берега низверглась пруда вглубь.

По-разному описывается и кончина Лизиной матери. Карамзин: «Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела — глаза навек закрылись». Голицын:

Услыша жалку весть, что Лизы в свете нет,
Старушка ахнула, очей сокрыла свет.

⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 620.

Далее автор стихотворения вновь добавляет детали, отсутствующие у Карамзина:

Овечки Лизины, тоски и грусти полны,
По рощам разбрелись задумчивы, безмолвны.

Представляя Лизу идиллической пастушкой, Голицын считает нужным упомянуть и об ее овечках.

Еще заметнее отличие от повести в финальных строках стихотворения. У Карамзина: «Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: “Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!”». Голицын развертывает целую картину в преромантическом духе, нагнетая впечатления ужаса:

На домике пустом порос колючий терн;
Печален он стоит; окравовлен и черн.
Все окны и полы в нем зрятся разрушенны,
И воют ветры в нем бурливые, осенни.
Не смеют жители в него вступить ногой:
В нем шорох слышится, печаль и стон и вой.
Неведомая тень там в мрачной ноши ходит,
Вздыхает, сетует, во ужас всех приводит.
Окрестны ж жители, сии зря чудеса,
Вещают меж собой такие словеса:
«Чей нежный дух сия печальна весть не тронет?
Ах, ноет там мертвец — там бедна Лиза стонет».

Совершенно очевидно, что в художественном отношении это стихотворение Голицына (как и большинство других) чрезвычайно слабо. Архаичная лексика («приемли», «объемли», «сии», «нощь», «вещают», «словеса») искусственно смещается с простонародной («подкликнула», «жалка весть» «старушка ахнула»). Эклектичной оказывается вся тональность стихотворения. Добавляемые Голицыным мелодраматические детали лишь усиливают это впечатление, особенно на фоне карамзинской прозы, выдержанной в одном ключе, простой и музыкальной.

Тем не менее, стихотворение представляет несомненный интерес в нескольких отношениях. Прежде всего, его можно рассматривать как своего рода читательский отклик современника на повесть Карамзина. Имя автора «Бедной Лизы» не названо, хотя оно было уже широко известно к 1798 году, когда появилась книга Голицына. Повесть к этому времени уже неоднократно переиздавалась⁸ и получила большую популярность.

⁸ После публикации в «Московском журнале» (1792. Ч. 6. Кн. 3. С. 238–277) повесть была включена в сборник Карамзина «Мои безделки» (М., 1794; 2-е изд.: М., 1797);

Обращаясь к стихотворному пересказу, Голицын выбирает лишь небольшой заключительный отрывок повести, который, очевидно, произвел на него наиболее сильное впечатление. Сопоставление его стихотворения с текстом повести с большой наглядностью обнаруживает, насколько значительны были художественные достижения Карамзина на фоне современной ему массовой словесности.

Не исключено, впрочем, что самоуверенный «сиятельный злопыхатель» хотел вступить в соревнование с Карамзиным или даже создать своеобразную пародию на его повесть. Среди стихов Голицына в рукописном сборнике есть эпиграмма, в которой, как небезосновательно считает Г. А. Гуковский, высмеивается неоконченная поэма Карамзина «Илья Муромец»:

Какой тебя, о Муромец Илья,
Охриплый глас вспеваает, заикаясь!
Пусть пропадет и слава вся твоя,
Чем возгремит, по площади таскаясь.
Вели певцу, хвалой сей обижаясь, —
Чтобы тебя не постыдил дурак. —
Немедленно сложили кое-как
Про жизнь твою Сатиру гнусну лаясь.⁹

Язвительные эпиграммы Голицына на многих современных литераторов так и не появились в печати. Но свои стихи, варьировавшие тексты Карамзина, он публиковал, надеясь, по-видимому, снискать авторскую славу и померяться силами с прославленным автором.

кроме того в 1796 г. «ижданием Любителя литературы» (И. В. Лопухина) «Бедная Лиза» вышла отдельным изданием, а в прибавлении к «Московским ведомостям» (1796. 19 ноября. № 93) было помещено объявление о продаже этого издания «известного сочинения г. Карамзина». См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2: К–П. М., 1964. С. 17.

⁹ Гуковский Г. А. Сиятельный злопыхатель... С. 249.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ДРАМЕ ПУШКИНА

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ»

(«МОЙ ЛЕПОРЕЛЛО, ЗАВТРА — ПРИГОТОВЬ...»)

Статья касается предмета, всегда привлекавшего особое внимание Елены Константиновны Ромодановской. Речь идет о повторяющихся, варьирующихся темах и тематических элементах; в данном случае — о драме Пушкина «Каменный гость».¹ Но здесь не обойтись без общих пояснений.

«Каменный гость» кажется наиболее загадочным сочинением среди других драматических сочинений, завершенных поэтом осенью 1830 г. Причину такой загадочности правильно, на наш взгляд, объяснил Доминик Милле-Жерар. По его словам, эта «маленькая трагедия» «построена на системе умолчаний, которые акцентированы Пушкиным и бросаются в глаза при чтении текста произведения. Четыре “сцены”, которые не подходят под общепринятое определение драмы, четыре “картины” <...> представляют собой зашифрованный текст, полный и сюжетных и структурных “провалов” <...>. Здесь царят аллюзии и намеки, поэтому эллипс (пропуск) является главной фигурой <...>, обеспечивающей всю прелесть произведения. Но именно в этом свойстве текста и заключается трудность его осмысления...».² И далее: «Здесь форма командует смыслом, или исчезновение последнего искусно скрывается Пушкиным, который тем не менее расставляет для эрудированного читателя знаки: следуя им, мы проникаем в глубину смысла».³ Исследователь рассуждает об эллиптической структуре композиции и характеров, которая дает возможность самого широкого истолкования текста. Надо заметить, правда, что понятие «эллипс» в конкретном применении нередко оказывается у автора довольно туманным.

¹ «Дон-Жуан» (или «Каменный гость») как один из «мировых сюжетов» и отдельные его мотивы, вроде «ожившей статуи», отмечены в книге: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Вып. 1. Новосибирск, 2003. С. 8, 109. См. также: Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Там же. С. 193, 194. Источники многих мотивов драмы Пушкина и ее переклички с произведениями мировой литературы указаны в академических изданиях. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7: Драматические произведения. [Л.], 1935. С. 553–577 (комментарий Б. В. Томашевского). В дальнейшем: Пушкин А. С., 1935; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7: Драматические произведения. СПб., 2009. С. 823–854 (комментарий В. Е. Багно и М. Н. Виролайнена). В дальнейшем: Пушкин А. С., 2009.

² Милле-Жерар Д. Немногословное обольщение: «Каменный гость» Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2004. С. 53.

³ Там же. С. 54.

Небольшую статью он заключает словами: «“Каменный гость” является собой квинтэссенцию всего предыдущего опыта (осмысления традиционного сюжета. — В. В.)».⁴

Между тем в чрезвычайно обстоятельном академическом комментарии Б. В. Томашевского о произведениях, на которые непосредственно опирался Пушкин в своей драме, сказано: «Среди возможных литературных источников “Каменного Гостя” необходимо выделить два произведения, с которыми Пушкин был знаком безусловно: это пьеса Мольера и опера Моцарта. Знакомство с более ранними обработками легенды о Дон Жуане не явствует из пьесы Пушкина: ни имена действующих лиц, ни детали развития действия, ни речи героев, ни обрисовка их характеров не ведут нас к пьесам до Мольера. Единственная деталь, дававшая основание предполагать, что Пушкину эти пьесы были известны, это название

“Каменный Гость”, совпадающее с заголовком пьесы Тирсо де Молина (настоящее имя: Габриэль Тельес. — В. В.) и ее итальянских обработок, а не с мольеровским (который можно перевести двояко: “Каменный пир” или “Пир Петра”). Однако сведения об этих первых пьесах Пушкин мог получить из комментария к комедии Мольера».⁵ Затем Б. В. Томашевский называет и цитирует Вольтера, отзыв Лагарпа в «Лицее», являющийся сокращенным пересказом комментария Вольтера, и замечание А. В. Шлегеля относительно слабого знакомства Мольера с испанским языком.⁶ Исследователь пишет: «...Пушкин из одних заметок, связанных с пьесой Мольера, располагал необходимыми данными, чтобы избрать

Е. К. Ромодановская. Ленинград, 1954 г.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ См. в кн.: Пушкин А. С., 1935. С. 553. Заголовок драмы Тирсо де Молины в полном виде: «Севильский озорник, или Каменный гость»; первое изд. 1630 г. Заголовок комедии Ж.-Б. Мольера — «Дон Жуан, или Каменный пир»; первая постановка — 1665 г., первое изд. — 1683 г. Традиционный перевод названия комедии Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» не соответствует подлиннику.

⁶ Там же. С. 553–554.

для своей трагедии традиционное название — «Каменный Гость». Далее мы увидим, что он не нуждался даже в таком знакомстве. В остальном пьеса не имеет ничего специфически общего с пьесой Тирсо». ⁷

Говоря о том, что Пушкину даже не нужно было изучать комментарии к Мольеру, чтобы, повторяя Тирсо, назвать свою драму сходным образом, Б. В. Томашевский имел в виду тот факт, что уже в старой постановке пьесы Мольера в русском переводе И. И. Вальберха 1816 г. эта пьеса именовалась «Дон Жуан, или Каменный Гость». В 1818 г. «на тот же сюжет был поставлен балет под тем же названием. <...> Пушкин просто заимствовал свое название у старого перевода пьесы Мольера и, следовательно, ему не требовалось знакомство с испанским оригиналом». ⁸

Комментаторы драмы «Каменный гость» в новом академическом издании (В. Е. Багно, М. Н. Виролайнен) согласны с доводами Б. В. Томашевского. По их мнению, Пушкин в своем сочинении ориентировался на комедию Мольера «Dom Juan, ou le Festin de Pierre» и оперу Моцарта «Дон Жуан» (либретто Да Понте, настоящее имя — Эмануэле Конельяно), впервые поставленную в Праге в 1787 г. «Обращение к другим источникам, — говорят они, — остается проблематичным». ⁹ И еще: «...непосредственное знакомство Пушкина с пьесой Тирсо де Молины, в 1820-е гг. еще не имевшей широкого распространения в Европе ни в оригинале <...>, ни в переводах, маловероятно. Ничто в самом тексте «Каменного гостя» такого знакомства не подтверждает. Мольер многое заимствовал из испанской пьесы, но то, в чем сюжет Тирсо де Молины отличается от Мольера, у Пушкина отсутствует». ¹⁰

Против знакомства Пушкина с общей литературной основой всех европейских «Дон Жуанов» — пьесой Тирсо де Молины, обработавшего средневековую испанскую легенду, по мнению Б. В. Томашевского, говорит и слабое знание или даже незнание испанского языка: «О незнакомстве Пушкина с испанским языком свидетельствует его транскрипция и произношение испанских имен Инеза (Ines), Севилла (Sevilla), Дона Анна (Doña Ana), Лаура (Laura), Перез (Perez) и пр. Единственным свидетельством в пользу некоторого знакомства с испанским языком является замена традиционной формы Дон Жуан формой Дон Гуан. Пушкин, по-видимому, знал, что испанская *j* («хота») ¹¹ произносится иначе, чем по-французски. По-видимому, знал он это из каких-то западных источников...». Далее Б. В. Томашевский предлагает возможный (и известный Пушкину) вариант замены в европейских сочинениях испанской «хоты» буквой *g*. ¹² Новейшие комментаторы, В. Е. Багно и М. Н. Виролайнен, к названному Б. В. Томашевским

⁷ Там же. С. 554.

⁸ Там же. С. 557.

⁹ См. в кн.: Пушкин А. С., 2009. С. 824.

¹⁰ Там же. С. 825.

¹¹ Латинская «йота».

¹² Пушкин А. С., 1935. С. 555–556.

произведению (трагедии Гете «Клavigо» и ее русского перевода конца XVIII в.) добавляют еще одно — мемуары Бомарше. Надо заметить, однако, что у Бомарше испанская «хота» заменяется не буквой *g*, а буквой *s*, так что испанское Clavijo (Клавихо) у него обычно выглядит как Clavico (Клавико). ¹³ Выходит, у Бомарше Пушкин мог позаимствовать лишь сведение о том, что испанский звук, передаваемый буквой *j*, произносится не так, как по-французски. И все.

Рассуждения Б. В. Томашевского (и его преемников в плане академического комментария) о том, что Пушкин или не знал, или плохо знал произношение испанских слов, не решает вопроса по существу. ¹⁴ Как бы Пушкин ни произносил испанские слова, это не значит, что он не читал Тирсо и не был знаком с испанским прототипом всей европейской традиции.

Сохранилось, например, любопытное свидетельство относительно того, насколько Пушкин владел английским языком.

М. В. Юзефович (1802–1889), с которым Пушкин сблизился в 1829 г., во время поездки на Кавказ, вспоминал: «Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю, и вообще, для своего серьезного образования, воспользовался с успехом ссылкой. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он в нашей палатке переводил брату и мне некоторые из него сцены <...>. В чтении <...> Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого на другой день я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался, в свою очередь, и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным. Это может, между прочим, служить ответом г. Пржецлавскому, который с польским принижением перед Пушкиным, выставил его рядом с Мицкевичем совершенным невеждой». ¹⁵

Уж если так обстояло дело с английским языком, то об испанском говорить не приходится. При отличном знании французского языка и латыни

¹³ Пушкин А. С., 2009. С. 839.

¹⁴ Прямые свидетельства о серьезных занятиях Пушкина испанским языком относятся к началу 1830-х гг. См. об этом у Б. В. Томашевского (Пушкин А. С., 1935. С. 555–556). Но, безусловно, интерес к этому языку и мог, и должен был появиться раньше; во всяком случае, пьеса о Дон Жуане указана в самых ранних планах поэта, относящихся к замыслу «маленьких трагедий» (см.: Там же. С. 376).

¹⁵ Юзефович М. В. Памяти Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 107.

поэт, конечно, не испытывал особой трудности в постижении смысла испанских сочинений. В библиотеке Пушкина, как известно, были произведения Сервантеса и Кальдерона в оригинале, а также пособия по изучению испанского языка, соответствующие грамматике и словари.¹⁶ Для того, чтобы узнать, как зовут главного героя избранного им сюжета, Пушкину, в конце концов, не нужно было никакого посредство. Современный исследователь пишет: «Пушкин знал, пусть и не достаточно хорошо, испанский язык и знал, как надо правильно произносить имя нашего (и его) героя».¹⁷ Отказываясь называть имя этого героя во французской огласовке, Пушкин отсылал читателя к испанскому источнику. Очень может быть, что для русского автора было важно с первых слов отмежеваться от Мольера с его комической трактовкой бродячего сюжета и вернуть этот сюжет в изначально серьезное русло.¹⁸ Усилия Пушкина, предпринятые в этом направлении, увенчались успехом. В. Андреев пишет: «Пушкинский “Каменный гость” был переведен на испанский язык в 1938 году, во время гражданской войны в Испании. Подстрочный перевод сделал Овадий Герцович Савич (1896–1967), русский участник испанской войны, литературный — поэт Мануэль Альтолагирре (1905–1959). По свидетельству Савича, испанцы были поражены тем, насколько верно никогда не бывший в Испании Пушкин смог передать глубинную суть мифа о Дон Хуане, да еще и предложил свою (добавлю: гениальную) интерпретацию средневековой легенды».¹⁹

Внимательное чтение Тирсо де Молины (среди других сочинений на испанскую тему) отразилось не только в названии пушкинской драмы и имени главного героя (ведь от того, что это название и имя появляются и в других сочинениях и переводах, они не исчезают у Тирсо). Вопреки утверждению комментаторов одного и другого академических изданий, будто в «Каменном госте» Пушкина нет решительно никаких следов, ведущих к испанскому источнику, следует сказать, что в действительности дело обстоит иначе.

Выделим здесь только один мотив, который у Мольера и Моцарта — Да Понте вообще отсутствует, но который у Тирсо и Пушкина, идущего в данном случае за испанцем, несет на себе серьезную смысловую нагрузку. Он тем более примечателен, что служит ярким примером эллиптических конструкций, составляющих, по наблюдению французского ученого, своеобразие пушкинской драмы (и продолжим: не ее одной).

¹⁶ См. об этом: Пушкин А. С., 2009. С. 838, коммент. со ссылкой на статью: Державин К. Н. Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia*. 1934. Roč. 13. Seš. 1. С. 114–115.

¹⁷ Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и... проклинаемый // Севильский обольститель. Дон Жуан в испанской литературе. СПб., 2009. С. 5.

¹⁸ Б. В. Томашевский считал, что в целях литературного соперничества «Пушкин противопоставляет комической разработке Мольера трагическую обработку того же сюжета» (см. в кн.: Пушкин А. С., 1935. С. 559, коммент.).

¹⁹ Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и... проклинаемый. С. 26.

Окрыленный обещанием Доны Анны принять его, Дон Гуан говорит слуге:

Милый Лепорелло!
Я счастлив!.. Завтра — вечером, позднее...
Мой Лепорелло, завтра — приготовь...
Я счастлив, как ребенок!²⁰

В силу давних и доверительных отношений, приключений и злоключений в их общей, полной превратностей жизни Лепорелло, понимающий хозяина с полуслова (Пушкин наглядно реализует обычный фразеологизм), не задает Дон Гуану никакого вопроса. Он знает, что ему следует делать. Но этого не знает читатель, воспринимающий текст драмы без расчета на литературную игру и разговор с автором на языке не только слов, но и умолчаний.

Что должен приготовить Лепорелло?

Характерный для эллипса «провал» (умолчание) восполняется у Пушкина цитатой или даже цитатами из Тирсо. В «Севильском озорнике, или Каменном госте» заимствованный и прямо не названный Пушкиным мотив повторяется с подчеркнутым постоянством.²¹

Собираясь провести ночь с обольщенной им красавицей рыбачкой Тисбеей, в то время как другие рыбаки будут заняты праздничным весельем, Дон Хуан говорит Каталинону:

Раздобудь-ка, шаматон,²²
Лошадей.

²⁰ Текст драмы цитируется по указанному выше новому академическому изданию: Пушкин А. С., 2009. С. 154.

²¹ Появлению этого мотива у Тирсо предшествует диалог, ярко рисующий отношения Дон Хуана и его слуги, Каталинона:

К а т а л и н о н (*тихо, Дону Хуану*)
Вот красотка! Ну и взгляд (речь идет о рыбачке Тисбее. — В. В.)!
Д о н Х у а н (*тихо, Каталинону*)
Тс-с, умолкни!
К а т а л и н о н (*так же*)
Умолкаю.
Д о н Х у а н (*так же*)
Да не вздумай, ротозей,
Ей сболтнуть, кто я такой.
К а т а л и н о н (*так же*)
Вам служу я не впервой!

(Тирсо де Молина. Севильский озорник, или Каменный гость // Библиотека всемирной литературы. Испанский театр. М., 1969. С. 288. Перевод Ю. Корнеева).

²² Шаматон — шалопай, бездельник (от *франц.* chômeur ‘бездельничать, быть праздным’).

И далее:

Все устрой, пока бездумно
Песни рыбаки горланят,
И сюда, чуть ночь настанет,
Пригони коней бесшумно —
Ускользнуть перед рассветом
Незаметно надо нам.²³

На возражения трусливого слуги (Каталинон — значит: трус, трусливый), напоминающего хозяину среди прочего о посмертном воздаянии за его жестокие проказы, Дон Хуан повторяет:

Что ты
Медлишь? Марш, ищи коней.²⁴

Позднее выясняется, что этих коней плут слуга нашел у той же несчастной Тисбеи. Доверившись соблазнителю и уступив ему, она, будучи на утро покинутой, горько рыдает:

Кавальеро, мной пригретый,
Обещав на мне жениться,
Отнял девство у меня,
Имя доброе похитил.
Я изменника сама же
Перед бегством окрылила,
Одолжив его слуге
Двух своих коней ретивых.
Все в погоню!.. Нет, не надо.
Пусть куда угодно мчится.
Упрошу я короля
За мою отмстить обиду.²⁵

В другой, завуалированной форме тот же мотив звучит после неудачного покушения Дон Хуана, надевшего на себя чужую личину, на честь Доньи Анны, дочери Дон Гонсало де Ульоа, Командора Калатравы, которого соблазнитель, убегая, убивает.

²³ *Тирсо де Молина*. Севильский озорник, или Каменный гость. С. 294.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ Там же. С. 300.

Дон Хуан
Ну, бежим!
*Дон Хуан и Каталинон убегают.*²⁶

И тут же, вскоре:

Дон Хуан
Удираем!
Каталинон
Удирать
Я готов быстрее, чем заяц.
*Дон Хуан и Каталинон убегают.*²⁷

Далее, перед тем как соблазнить другую красотку, крестьянку Аминту, отняв ее у жениха прямо на свадьбе, Дон Хуан приказывает Каталинону:

Словчись-ка
Оседлать коней.
Каталинон
К какому
Часу их подать?
Дон Хуан
К деннице:
Вгоним и ее мы в краску
Нашей шуткой.
Каталинон
Ждет в Лебрихе
Вас, сеньор, другая свадьба,
Так что нам необходимо
Поскорей бежать отсюда.²⁸

На все бесплодные lamentации трусливого слуги, так же как и в случае с Тисбеей, Дон Хуан приказывает:

Марш коней седлать! Я завтра
Ночевать хочу в Севилье.
Каталинон
Как! В Севилье?

²⁶ Там же. С. 323.

²⁷ Там же. С. 324.

²⁸ Там же. С. 337. Лебриха — место ссылки, куда выслан Дон Хуан, наказанный за коварство и обман герцогини Изабеллы.

Каталинон удивлен решением Дон Хуана, несмотря на приказ короля отправиться в ссылку, самовольно вернуться в Севилью. Дон Хуан подтверждает:

Без сомненья.
К а т а л и н о н
Вспомните, что натворили,
И поймите: краток путь
От рожденья до могилы,
А ведь есть и ад за нею.
Д о н Х у а н
Если так, твой страх излишен —
Долгий мне отпущен срок.
К а т а л и н о н
Но, сеньор...
Д о н Х у а н
Довольно хныкать!
Вон! Ты мне уже наскучил.²⁹

Последний раз интересующий нас мотив напоминает в словах вернувшейся на сцену Тисбеи:

О, если б знала я,
Что в дом не гость вошел — вползла змея!
Клянясь на мне жениться,
Мной наслаждался этот негодяй
И ускакал с денницей...³⁰

Эти скорбные жалобы предшествуют заключительным актам драмы: издевке героя над статуей Командора, приглашению ее на ужин, наконец — мести Командора и гибели Дон Хуана, слишком поздно заявившего о желании получить отпущение грехов:

Пусть сюда придет священник
И грехи мои отпустит.
Д о н Г о н с а л о (Командор в виде статуи. — В. В.)
Поздно! Здесь ему не место.
Д о н Х у а н
Я пылаю! Взор мой меркнет!
Умираю!
(Падают мертвым.)

²⁹ Там же. С. 338.

³⁰ Там же. С. 346.

К а т а л и н о н
Нет спасенья!³¹

Вслед за восклицаниями испуганного Каталинона следует ремарка: «Раздается грохот, гробница вместе с Доном Хуаном и Доном Гонсало проваливается...».³²

После цепочки приведенных здесь мотивов из драмы Тирсо вряд ли можно сомневаться в том, что умолчание Дон Гуана в приказании Лепорелло что-то приготовить (накануне свидания с Доной Анной) имело в виду лошадей. По завершении встречи, которая Дон Гуану представлялась успешной, он собиравался, не мешкая, сбежать. Косвенно об этом свидетельствует начало драмы.

Явившись из ссылки без позволения короля в Мадрид и дожидаясь ночи у ворот города, чтобы в темноте неузнанным войти в него, Дон Гуан говорит:

Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?
Л е п о р е л л о
Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили —
Чем я, поверьте.³³

Заметим, что если бы мотив лошадей и побега у Тирсо так настойчиво не повторялся, Пушкин не мог бы заменить его умолчанием. Ведь никто из читателей (при любой эрудиции и наилучшей памяти) не вспомнит в связи с новым текстом о какой-то одинокой, когда-то и где-то промелькнувшей строчке. Выходит, по убеждению Пушкина, испанский драматург достаточно поработал за них двоих.

Но почему все-таки этот мотив упорно повторяется у Тирсо, и почему его выделил умолчанием русский поэт?

Думается, это сделано для того, чтобы обратить усиленное внимание на цель, ради которой совершается побег. Она заключается в желании избавиться от преследования, от справедливого возмездия за совсем не невинные шалости, за злое, кощунственное озорство. Заклячая статью о Дон Жуане (вообще о Дон Жуанах), современный исследователь пишет: «Наш герой поистине неуловим, он вечно спешит. Возможно, кто-нибудь скажет: он, мол, убегает потому, что опасается встречи с мужьями-рогоносцами (о таком опасении и нежела-

³¹ Там же. С. 371.

³² Там же. С. 372.

³³ Пушкин А. С., 2009. С. 136.

нии встречаться не только с мужьями, но и всеми оскорбленными им людьми у Тирсо, например, говорит сам Дон Хуан.³⁴ — В. В.). Не будем опускаться до бытовых разборок. Такому озорнику, как наш герой, и кара небесная нипочем. Просто его ждут еще и другие женщины».³⁵

Сказать, что Дон Хуану «кара небесная нипочем», нельзя. Просто герой думает, что ввиду его молодости и избытка сил смерть не скоро его настигнет (так обстоит дело у Тирсо, где это соображение выражено повторяющимся мотивом; так обстоит дело у Пушкина, где оно звучит в устах Лауры, alter ego Дон Гуана, отвечающей на предостережения Дон Карлоса). У Тирсо Дон Хуан полагает, что он еще успеет покаяться.

Но, стремительно убегая от наказания и летя от победы к победе, герой с такой же скоростью летит в объятия преждевременной и ужасной смерти. В этой встрече для героя нет и не может быть победы, нет и не может быть спасения (напомню слова Каталинона: «Нет спасенья!»).

За всеми указанными здесь мотивами и логикой их связи у Тирсо де Молины (вернее, у Габриэля Тельеса, ведь он монах) стоит мысль, к которой он вел всей своей драмой: «Коня готовят на день битвы (имеется в виду битва с любыми препятствиями. — В. В.), но победа — от Господа» (Пр. 21:31). И еще: «Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею» (Пс. 32:17), так как никакие предосторожности и ухищрения, и никакая человеческая или нечеловеческая сила, не способны осуществить что бы то ни было «вопреки Господу» (Пр. 21:30).

Несомненно, Пушкин разглядел все это в драме Тирсо и повторил сказанное предшественником, чья мысль, вместе с библейской отсылкой, отнюдь не противоречила художественной концепции его сочинения на известный европейский сюжет. Лошади, приготовленные Лепорелло перед свиданием Дон Гуана с Доной Анной, не помогли герою, да они ему и не понадобились.

³⁴ Явившись в церковь, где погребен Дон Гонсало, Дон Хуан говорит статуе:

Вы мнили,
Что труслив я?
Дон Гонсало
Мнил, конечно,
Разве ты, со мной покончив,
Не пустился тут же в бегство?
Дон Хуан
Я бежал от наказания...

(*Тирсо де Молина*. Севильский озорник, или Каменный гость. С. 368).

³⁵ Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и... проклинаемый. С. 30.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

В первые десятилетия XIX столетия в центре историософских раздумий многих деятелей культуры как в России, так и в странах Западной Европы оказалась проблема, с одной стороны, столкновений, а с другой — взаимопроникновения и взаимообогащения Востока и Запада, России с различными регионами «Востока».

Оригинальные геополитические взгляды Пушкина 1820-х — 1830-х гг. формировались в контексте полемики ранних славянофилов и западников. В статье 1830-го г. «Второй том “Истории русского народа” Полевого» Пушкин утверждал: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».¹

В споре между западниками и славянофилами Пушкин, наряду с Карамзиным, Грибоедовым, Тютчевым, Достоевским, был «государственником».

Всеволод Евгеньевич Багно

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что он был одним из тех деятелей культуры России, которые уже в начале XIX столетия преодолели европоцентризм.

Одной из заметных особенностей мировидения Пушкина, которая нашла отражение в его личной библиотеке и в его литературном творчестве, был постоянный живой интерес к внешнеполитической судьбе России, который был одним из проявлений той «всемирной отзывчивости» поэта, о которой писал Достоевский. Не забудем, что после окончания лицея Пушкин был определен в Коллегию иностранных дел.

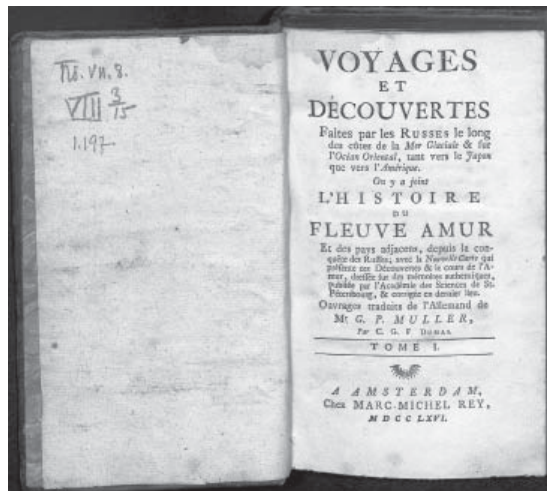
Жизнь Пушкина оборвалась трагически. Он ушел из жизни, не успев осуществить несколько замыслов, посвященных землям и странам Северо-Восточной Азии: Сибири, Камчатке, Китаю. Мы можем убедиться в этом, проанализиро-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 127.

вав пометы в книгах его личной библиотеки, его письма, свидетельства близко знавших его людей. Далеко не каждый его современник мог бы подписаться под словами, которые мы находим в его письме Гнедичу от 23 февраля 1823 г.: «История народа принадлежит поэту».² Пушкина, в отличие от большинства его современников-литераторов, интересовало то, что позднее принято было называть «судьбами России». Если в лицейские годы вектор читательских и творческих интересов поэта был обращен в сторону Западной Европы, в 1820-е годы — в сторону Кавказа, то в 1830-е годы он уже был обращен в сторону Азии — к Волге, Уралу, Сибири, Камчатке, Китаю, в сторону тех земель и народов, часть которых была вовлечена в орбиту Российской империи.

Своеобразие творческой индивидуальности Пушкина, по-видимому, состояло в том, что поэт умел откликаться не только на саму реальность, но и на ту реальность, которую он в отраженном виде находил в книгах. Именно поэтому столь большое значение, возможно, большее, чем для всех его современников, для него имела личная библиотека.

Последними словами Пушкина были слова «Прощайте, друзья», скорее всего, обращенные не к близким ему людям, собравшимся у него в последние минуты его жизни, а к любимым книгам его личной библиотеки. Среди этих близких «друзей», сопутствовавших ему подчас на протяжении всей жизни, путешествовавших вместе с ним в дорожных чемоданах, было несколько десятков сочинений, посвященных Сибири и Дальнему Востоку. Отдельную мини-библиотеку составляли сочинения по истории, этнографии, географии, культуре, литературе Китая, книги путешественников, историков, дипломатов.³

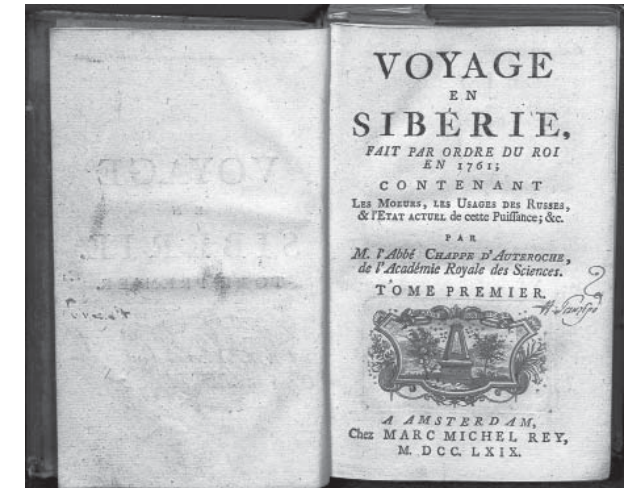
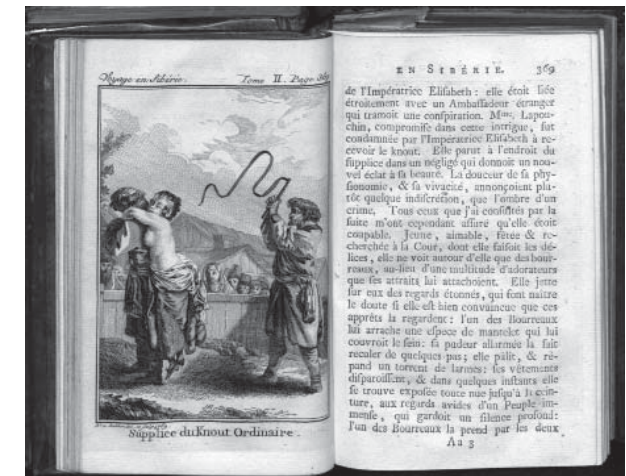

Состав личной библиотеки имеет первостепенное значение для изучения творческой биографии писателя. Книги русских и зарубежных ученых и путешественников по истории, этнографии, географическому положению и культуре различных регионов Сибири, Дальнего Востока и Китая сыграли свою роль в формировании Пушкина, проницательного исторического и политического мыслителя, формировали его оригинальные общественно-политические, исторические и историко-философские взгляды.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 145.

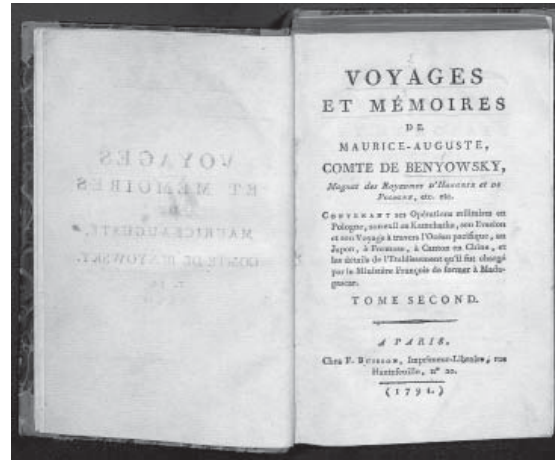
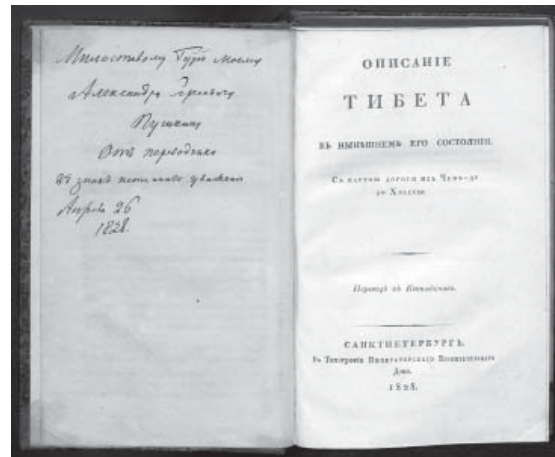
³ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910.

Весьма внушителен в библиотеке Пушкина раздел путешествий. Достойны упоминания такие, например, книги как: J. Bell d'Autermony. «Voyages depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie» (Paris, 1766); Г.-Ф. Мюллер «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской Державе по сии времена» (СПб., 1750); J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie (Amsterdam, 1769). Книга Шаппа д'Отроша, выделявшаяся на общем фоне вызывающе резкими отзывами о России, не оставила Пушкина равнодушным. В бумагах поэта сохранился черновой набросок статьи 1836 г., по-видимому, предназначавшийся для журнала «Современник», в которой упомянута та отповедь, которой ответила французскому академику Екатерина II.⁴ Пушкин приобрел также книгу знаменитого путешественника Г. Шелехова, ездившего с торговыми целями в конце XVIII в. на Камчатку, к берегам Японии и положившего основание русским колониям в Америке.⁵

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 207.

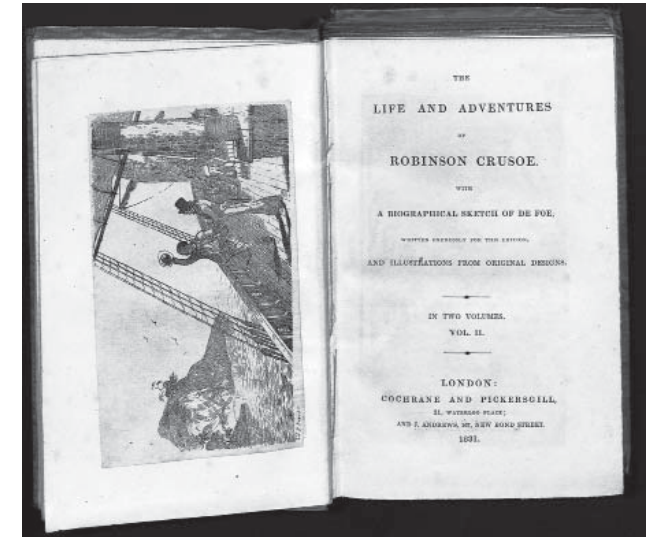
⁵ Российского купца Григорья Шелехова продолжение странствования по Восточному океану к американским берегам в 1788 году. С обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов, до коих не достигал и славный аглинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежда обитающих там народов, также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастания и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что все верно и точно описано им самим (СПб., 1792).

Была в его библиотеке и знаменитая книга авантюриста М. А. Бенъовско-го «Voyages et Mémoires de Maurice-Auguste, Comte de Benyowsky, Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne, etc., etc. Contenant ses Opérations militaires en Pologne, son exil au Kamchatka, son Evasion en son Voyage á travers l'Océan pacifiques, au Japon, á Formose, á Canton en Chine, et les détails de l'Etablissement qu'il fut chargé par le Ministère François de former á Madagascar» (Paris, 1791), породившая целую серию романов и пьес на различных языках.

Среди этих сочинений немало книг с дарственными надписями, как например, «Описание Тибета в нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-ду до Хлассы» (СПб., 1828), переведенная его другом Н. Я. Бичуриным.

В некоторых из этих сочинений разрезаны страницы, нередко не во всей книге, а лишь в отдельных заинтересовавших его главах, во многих из них сохранились его закладки и пометки.

В книгах пушкинской библиотеки содержались сведения об истории монголов (История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с персидского. СПб., 1834) и калмыков (Историческое обозрение Ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, 1).

Среди книг, посвященных Сибири, были в том числе произведения великих писателей, о которых современный образованный читатель не имеет ни малейшего представления. Например, в двух изданиях, на английском и французском языках, была вторая часть знаменитого романа Даниэля Дефо, в которой описывается путешествие Робинзона Крузо по Сибири.⁶

В книгах, хранящихся в библиотеке поэта, есть сведения о таких странах Северо-Восточной Азии, как Япония, Корея, Монголия, но более всего о Китае.

Интересом к странам Северо-Восточной Азии и путешествиям в эти страны Пушкин был обязан не только книгам, но и своим друзьям, таким, как его лицейский товарищ Ф. Ф. Матюшкин, совершивший полярную экспедицию с Врангелем в поисках северного пути в Китай.

По-видимому, в середине 1820-х гг. у Пушкина возник замысел поэмы о Ермаке и покорении Сибири. В 1826 г. Баратынский писал ему: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму "Ермака". Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнаса, то Камозэн вытаращил глаза. Благослови тебя Бог и укрепи мышцы на великий подвиг».⁷ В упоминании

⁶ De Foe. The life and adventures of Robinson Crusoe. London. 1831. Т. 1–2; Robinson Crusoe, par Daniel De Foë. Traduction de Petrus Bobel. Paris, 1836. Т. 1–2.

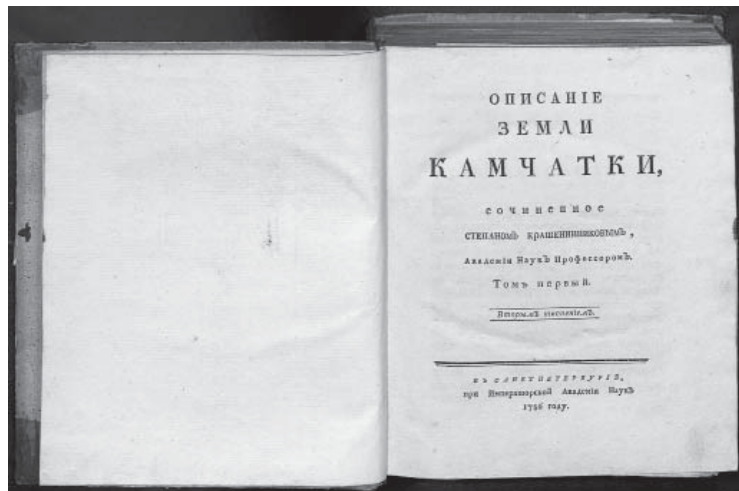
⁷ Цейтц Н. В. Сибиря в библиотеке Пушкина // А. С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 83.

Камоэнса, автора «Лузиада», заключен намек на ожидания от поэта восхвалений колониальных завоеваний России. Еще в 1835 г. Пушкин продолжал собирать материалы, о чем свидетельствует письмо его знакомого В. Д. Соломирского, в котором тот отвечает на просьбу поэта прислать ему материалы о Ермаке.⁸

Сибирь была для Пушкина притягательна и еще по одной причине. По воспоминаниям М. Н. Волконской, он хотел побывать в Забайкалье, чтобы найти материалы о ссылке туда участников пугачевского бунта и встретиться с друзьями-декабристами.⁹ Стоит напомнить, что только заступничество Энгельгардта и Жуковского в свое время спасли Пушкина от Сибири.

Каторжная Сибирь напоминает о себе в творчестве Пушкина не только в связи с участием его друзей-декабристов. Сибири опасается Афанасий Михайлович Пушкин, герой трагедии «Борис Годунов», а также отец Гринева, героя «Капитанской дочки», когда он думает об участи своего сына.

Любопытный во многих отношениях отрывок «Воображаемый разговор с Александром», сочиненный Пушкиным в конце 1824 — начале 1825 г., заканчивается следующей фразой, имеющей самое прямое отношение к нашей теме: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму “Ермак” или “Кочум”, разными размерами с рифмами»¹⁰. Тем самым в одном контексте оказалась и действительно реальная возможность ссылки, и неподдельный интерес поэта к теме покорения Сибири. Одно из наиболее законченных с художественной точки зрения воплощений тема сибирской каторги найдет в пушкинском шедевре «Во глубине сибирских руд», посвященном сосланному в Сибирь друзьям.

⁸ См.: Гуревич А. Пушкин и Сибирь. Красноярск, 1952. С. 61.

⁹ См.: Там же. С. 69.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 23.

Среди бумаг поэта сохранились многочисленные заметки, выписки из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1786), а также конспект, план и начало статьи. Незавершенная статья о Камчатке, по-видимому, предназначалась для журнала «Современник» и была последним творческим планом Пушкина.¹¹

Судя по пушкинскому конспекту обширного сочинения Крашенинникова, поэта особенно заинтересовала лишь самая последняя небольшая часть этой работы, озаглавленная «Камчатские дела», а именно — тема бунтов казаков против своих начальников и камчадалов против казаков, а также колоритная фигура «камчатского Ермака» — Владимира Атласова.

Пушкин, будучи, по удачному выражению Г. П. Федотова, певцом «империи и свободы»,¹² оправдывал покорение и Кавказа, и Сибири, и Камчатки. Искренне симпатизируя как кавказским горцам, так и представителям коренных народов Сибири, он видел историческую правду в неуклонном продвижении России на Восток. Весьма красноречива, например, следующая пушкинская заметка, соседствующая с его выписками из книги С. П. Крашенинникова: «Вызвались смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках».¹³ Он был представителем европейской цивилизации своего времени, убежденным в том, что просвещение, в европейском понимании, является благом для народов как Кавказа, так и Сибири. В то же время он не закрывал глаза на неприглядные стороны любой завоевательной политики. Более чем красноречивы следующие пушкинские выписки из книги Крашенинникова, несмотря на то, что они не сопровождаются его комментариями: «Казаки брали камчадалских жен и ребят в холопство и в заложники, с иными и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и в зернь в ясачной избе на полотах. Проигрывали лисиц и соболей, наконец холопей. Вино гнали из кислых ягод и сладкой травы; богатели они от находов на камчадалов и от ясачного сбора, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил: 1 зверя сборщику, 1 — подьячему, 1 толмачу, 1 на рядовых казаков».¹⁴ И далее: «Прочие казаки высечены кнутом, кто плетью. Камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить».¹⁵ Японский русист Такаси Кимура, реконструируя позицию Пушкина на основании его,

¹¹ См.: Фомичев С. А. «Камчатка — страна печальная...» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 483–502.

¹² Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 356–375.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1938. Т. 10. С. 367.

¹⁴ Там же. С. 348.

¹⁵ Там же. С. 366.

казалось бы, беспристрастных выписок, в этой связи справедливо замечает: «Когда Пушкин писал поэму “Цыгане”, соотношение “цивилизации” и “дикого” еще воспринималось им как два никогда не соприкасающихся полюса. А теперь он понял, что дело не так просто: в самой “цивилизации” существует что-то дикое и, наоборот, в самом “диком” до ознакомления с цивилизацией еще должно было сохраняться нечто благородное и стоящее уважения».¹⁶

Перу академика М. П. Алексеева принадлежит блистательная работа «Пушкин и Китай», впервые напечатанная в 1937 г. Он первым обратил внимание на загадочное упоминание Конфуция в черновиках «Евгения Онегина», написанных в Одессе не позже июня 1823 г.¹⁷ В тетради ПД № 834, в левом углу 6-го листа, в черновиках VI строфы первой главы, мы находим несколько зачеркнутых стихов:

/Конфуций/ мудрец Китая
Нас учит юность уважать —
От заблуждений охраняя/
/Не торопиться осуждать/
/Она одна дает надежды /
/Надежду может/.¹⁸

Вне всякого сомнения, как источник вдохновения Китай Пушкину был интересен. Иначе не объяснить, почему Пушкин просил позволить ему поехать в Китай в составе дипломатической миссии. Об этом речь идет в официальном обращении поэта 7 января 1830 г. к Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством».¹⁹

По-своему не менее замечателен ответ Бенкендорфа: «...Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить Вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание Ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».²⁰

¹⁶ Кимура Т. Взгляд на «дикое» у А. С. Пушкина // Пушкин и мировая культура. СПб.; Симферополь, 2003. С. 47.

¹⁷ Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 331. См. также: Кибальник С. А. Пушкин и конфуцианство // Пушкин и мировая культура. СПб.; Симферополь. 2003. С. 36–43.

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 219–220. См. также: Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон. 1996. Т. 4.

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 56.

²⁰ См.: Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии 1830–1837. СПб., 2010. С. 20.

Интерес Пушкина к Китаю был продиктован не только прагматическими надеждами на участие в дипломатической миссии. Известно, что уже после получения отказа на свое прошение, поэт, находясь в имении Гончаровых «Полотняный завод» в окрестностях Калуги, с большим увлечением читает книги о Китае: «Описание Китайской империи», «О градах китайских».²¹

Как еще в 1937 г. отметил М. П. Алексеев, в истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграл Н. Я. Бичурин (Иакинф).²² Пушкин познакомился с ним в 1828 г., уже после возвращения Иакинфа из Китая, где тот провел четырнадцать лет (1807–1821) в качестве начальника православной духовной миссии и откуда вернулся с редким для той поры знанием китайского языка, а также истории и культуры не только Китая, но и в целом Дальнего Востока. Знакомство Пушкина с Бичуриным произошло уже после того, как он был предложен в переводчики с китайского языка Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. По воспоминаниям его современников, будучи страстным поклонником китайской культуры, он противопоставлял Китай Западу и европейской цивилизации. Пушкин не просто был знаком с ним, между ними установились весьма дружественные отношения. Многочисленные сочинения и переводы с китайского Иакинфа были весьма заметной гранью литературной жизни России той поры, некоторые из них были переведены на французский и немецкий языки. В 1829 г. Бичурин подарил Пушкину свою седьмую книгу: «Сань-Цзы-Цзинь, или Троеслово с литографированным китайским текстом» (СПб., 1829). Для нас она представляет особый интерес, так как вполне вероятно, что сочувственная рецензия, появившаяся на страницах «Литературной газеты», принадлежит перу Пушкина.²³ В любом случае бесспорным является тот факт, что Пушкин, если и не был автором этой рецензии, ознакомился с ней еще до ее опубликования.

Нашего внимания заслуживает также участие Бичурина в экспедиции П. А. Шиллинга, снаряженной в 1830 г. Министерством иностранных дел для обследования бурят и собирания сведений о торговле у северных и западных границ Китая. Именно их Пушкин имеет в виду под «друзьями», к которым обращается в стихотворении 1829 г.:

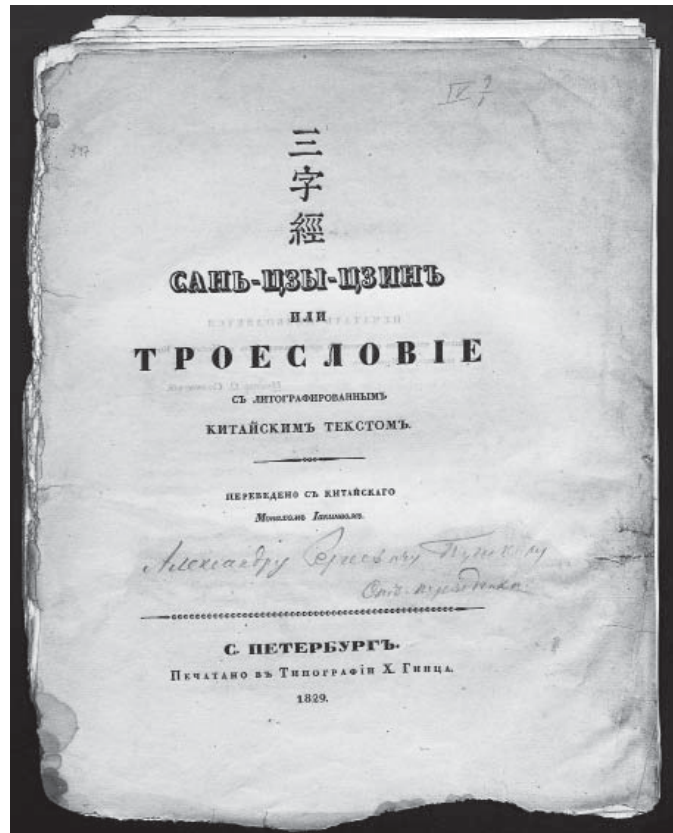
Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножью ли стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец.²⁴

²¹ См.: Щеглов Ив. Три дня в Калуге // Щеглов Ив. Подвижник слова. СПб., 1909. С. 36–37.

²² См.: Алексеев М. П. Пушкин и Китай. С. 333–344.

²³ Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина: 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 49, 139–141.

²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 191.

В «Записной книжке» Е. В. Путяты об этом пушкинском замысле читаем: «Пушкин просился за границу, его не пустили. Он собирался даже с бар. Шиллингом в Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение, но следы его остались в стихотворении «Поедем, я готов»».²⁵

Более того, впечатления Иакинфа об этой экспедиции нашли отражение в «Истории Пугачева», где Пушкин коснулся темы бегства приволжских калмыков на границу с Китаем, погони за ними, организованной русскими властями, расправе над ними и принятии китайского подданства теми, кому удалось спастись. В «Истории Пугачева» читаем: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках».²⁶

²⁵ См.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 59.

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1950. Т. 9. Кн. 1. С. 95.

Китай упомянут в построенной Пушкиным системе координат Российской империи, которую мы обнаруживаем в стихотворении «Клеветникам России», как известно, огорчившем таких его друзей, как Вяземский:

...Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..²⁷

Нет ничего удивительного в том, что северо-восточный вектор интересов Пушкина прежде всего был замечен сибиряками, еще в XIX столетии. Так, сибирский публицист, писатель, исследователь Сибири и Центральной Азии Н. М. Ядринцев в 1873 г. писал Г. Н. Потанину: «Недавно вычитал из биографии Пушкина (в «Деле» Серафимовича), что Пушкин просился в Китайскую миссию. Автор биографии думает, что для развития Пушкина это, конечно, ничего бы не принесло. Но мне пришли другие мысли в голову. Наши поэты, как Пушкин и Лермонтов, изъездили Крым и Кавказ, природа которых дала им повод много раз вдохновляться. Даже немец Боденштедт, и тот под влиянием Кавказа был в объятиях восточной музыки. Но ни один русский поэт не посетил настоящего Востока, Дальнего Востока, хочу я сказать... Почему бы тут не вдохновиться самому Пушкину? История Востока, его будущее разве не возвышенная тема и для размышления, неужели на все смотреть с точки зрения рутинного либерализма?».²⁸ В этих предположениях уроженца Сибири, представителя той культуры, которая была одновременно неотъемлемой частью русской культуры и культуры Северо-Восточной Азии, в которых выражается сомнение в продуктивности европоцентризма, есть значительная доля истины. «Восточный вопрос» подсказывал Пушкину и «восточный ответ», который самым непосредственным образом был связан как со своеобразием русской культуры, так и со спецификой русской истории.

Возвращаясь к теме загадочного появления имени Конфуция в «Евгении Онегине», можно сказать, что Пушкин убрал его из окончательного текста поэмы в прозе, так как величайший мыслитель Китая, действительно, не мог иметь большого значения для его героя. Между тем и Конфуций, и Ермак, и Атласов, другими словами — Китай, Сибирь, Камчатка представляли большой интерес для самого Пушкина и для его творческих планов, которым было не суждено осуществиться.

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 270.

²⁸ Ядринцев Н. М. Письма к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918. С. 64.

Как библиотека Пушкина, так и его незавершенные замыслы являются неопровержимым свидетельством с каждым годом крепнувшего интереса поэта в Востоку — к Кавказу и миру ислама в годы южной ссылки, к Уралу и калмыцким степям в годы подготовки «Истории пугачевского бунта», к землям и странам Северо-Восточной Азии в последние годы жизни. Свидетельством удивительного геополитического чутья и провидения Пушкина.

Исследователям творчества Н. В. Гоголя хорошо известно, что в жизни писатель ощущал себя «странником», в сердце которого неизменно пребывала «Русь». «В сердце моем Русь», — писал он в одном из писем из Женевы, написанном в сентябре 1836 г. и адресованном М. П. Погодину.¹ «Странничество» подтолкнуло писателя к поиску высшего смысла бытия, который открывался ему в духовном облике «Руси» и осознавался Гоголем в философско-религиозном плане.

Исходя из общей идеи, Гоголь попытался найти позицию, которая давала бы ему возможность охватить взором «всю Русь» и определить вектор ее духовного движения. «Горизонтальный» обзор Гоголь, условно говоря, вел как

1959 г.

¹ Об этом подробно см.: *Золотусский И.* Гоголь. М., 1979. С. 222–303. (Жизнь замечательных людей.)

наблюдатель из окна движущегося экипажа. Сложный творческий эксперимент в этом плане привел его к идее — создать путешествующего во времени и пространстве героя. Результат — грандиозный замысел и создание «поэмы» «Мертвые души». Предметный «образ» коляски и универсальный мотив «движения» появились еще в циклах его рассказов, предшествующих поэме. Но только тогда, когда возникла проблема «цели» движения, в воображении писателя прорисовался образ «летающей птицы». Показательно, что на страницах «Записок сумасшедшего» появился только экипаж, запряженный тройкой лошадей («коней») и летящий с огромной скоростью, а эмблематичный образ «птицы-тройки» возник лишь в финале первого тома поэмы «Мертвые души».

В «Записках сумасшедшего» представлен следующий текст, носящий и отпечаток личности героя, и отпечаток авторской индивидуальности: «Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне *тройку* (курсив наш. — В. О.) быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света!». Далее появляются конкретные детали, характеризующие маршрут *тройки*: «...с одной стороны море, с другой Италия». Это вполне реальный, даже «заземленный» маршрут, без какого-либо мистико-религиозного оттенка, который «спрятан» в подтексте.²

Виктор Георгиевич Одионов.
Июнь 2012 г.

Сакральный мотив обнаружится ясно только тогда, когда Гоголь соединит мотив «тройки» с мотивом «летающей птицы». Эмблематичный образ «птицы» писатель соединит с «тройкой» в финале первого тома поэмы «Мертвые души». В конце 11 главы первого тома поэмы автор описывает едущего в коляске Чичикова. Имеет смысл обратить внимание на одну как бы совершенно незначительную деталь: «Чичиков только улыбался, словно *подлетывая* на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду...». Далее автор оставляет Чичикова «на земле», а свой взор направляет туда, куда Чичиков уже не мог «подлетывать». Это пространство той Руси, образ которой Гоголь носил в своем сердце. Следует знаменитая фраза: «И какой же русский не любит быстрой езды?».

Гоголь последовательно развивает эту тему. «Быстрая езда» героя поэмы транс-

формируется в понятие «полета» и предопределяет образ «птицы-тройки». В тексте функционирует такая фраза: «Кажется, неведомая сила подхватила тебя на крыло...». Гоголь фиксирует этот момент. Теперь все в поэтическом плане подготовлено к тому, чтобы появился образ «птицы», которая понесет земной «экипаж» в небесные сферы, открывающие провиденциальный смысл человеческого бытия. И автор завершает повествование своеобразной «одой» именно «птице-тройке», летящей по воздуху и «вдохновенной Богом».

Гоголь в лирической тональности объясняет значение такого «полета»: «...Летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, стараются и дают ей дорогу другие народы и государства». Траектория полета «птицы-тройки», по замыслу автора, явно должна была представить читателю возможный путь к национальной «русской идее», но не революционной, как это утверждалось в советском литературоведении, а «бог вдохновенной». Сама тема «полета» в русской литературе связана с проблемой духовного возрождения человека. Можно отметить один поразительный литературный факт: в рассказе Л. Н. Толстого «Утро помещика», остро ставящем социальные и моральные проблемы, вдруг предстает картина «полета», выступая как заключительный «аккорд», завершающий все повествование. Приведем этот текст: «И вот видит он во сне города: Киев с угодниками и толпами богомольцев, Ромен с купцами и товарами, видит Одесу и далекое синее море с белыми парусами, и город Царьград с золотыми домами и белогрудыми, чернобровыми турчанками, куда он летит, поднявшись на каких-то невидимых крыльях. Он свободно и легко летит все дальше и дальше...». Толстовский герой находится в состоянии духовного взлета и душевного обновления, которые выражены благодаря описанию «полета» во сне.

Гоголь-художник, прочерчивая траекторию полета «птицы-тройки», обретающей сакральный смысл, направляет ее движение в сторону России, на Восток, до государственной границы. Руководящим началом в этом движении, как отмечает Гоголь, является Божественная воля. Взгляд Гоголя-«странника» охватывает пространство всей России. И не только России. В «Записках сумасшедшего» автор отправляет «летающий» экипаж сначала в Европу, которая полностью дискредитируется в морально-духовном плане, а потом уже в Россию.

Закономерно возникает вопрос: «Русь! Куда же несешься ты? Дай ответ...». Ответ, по сути, должен быть связан с формулировкой понятия «русская идея». В этом плане у Гоголя имеется для читателя определяющая «подсказка». «Птица-тройка» летит, «вдохновенная Богом». Религиозный философ В. Соловьев писал, что если обратиться к «вечным истинам религии», значение каждой нации предстает как «образ их бытия в вечной мысли Бога»³. На аналогичном основании Ф. М. Достоевский утверждал: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех

² Об этом см.: Одионов В. Г. Мотив «движения» в поэтике Н. В. Гоголя // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 2. С. 162–170.

³ Соловьев В. С. Русская идея // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 228.

народов вместить в себе идею всечеловеческого единства...».⁴ Эта идея была определена и закреплена термином «всеединство». Траектория гоголевской мысли была направлена именно в сторону этого смыслового комплекса. В нем и просматривается «русская идея». «След птицы-тройки» в процессе ее «движения» обретает универсальный религиозно-философский смысл.⁵

Показательно, что тема «странничества» и поэтические образы «птицы» и «тройки» повторяются в типологическом плане в произведениях А. П. Чехова. Путешествие на Сахалин обострило его «страннические» чувства. В его творчестве так же органично, как у Гоголя, появилась тема «полета». В этом плане научный интерес представляет образно-поэтическая система пьесы «Чайка». Вслед за «птицей-тройкой» Гоголя в русской литературе заявляет о себе образ «птицы-чайки». Гоголевская тема «полета» и ее религиозно-нравственная подоплека проступают здесь со всей очевидностью. Чехов сливает в определенном смысле символический образ летящей по небесным просторам и рвущейся к свету птицы чайки с центральным женским образом пьесы — Ниной Заречной.

Заглавие пьесы заставляет читателя и зрителя найти соответствующий образ-характер в контексте пьесы. Таковым у Чехова является Нина Заречная, символически интерпретированная как «летающая птица». Но образ этот не однозначен. В отличие от Гоголя, автор «Чайки» осложнил траекторию творческого движения, духовного «полета» героини, введя образ «убитой чайки»,⁶ с которым возможно сопоставление и образа Нины Заречной. Но эта версия в контексте пьесы опровергается, и «полет», условно говоря, продолжается. Философская сущность этого «движения» проступает в соотношении его с упомянутой ранее идеей «всеединства», которая в пьесе представляет еще один уровень проблемной структуры произведения.

Идея «всеединства» могла быть почерпнута из самого «воздуха эпохи», но адресно она восходила у Чехова к религиозно-философской концепции В. Соловьева: «Душа мира есть и единое и все — она занимает посредствующее место между множественностью живых существ и безусловным единством Божества».⁷ В пьесе «Чайка» о «мировой душе» говорится несколько раз — она фигурирует в драматургическом сочинении такого персонажа, как Константин Треплев, в монологе, который произносит Нина Заречная. Чехову хотелось, очевидно, обратить на эту деталь особое внимание, и он специально вложил в уста другого своего персонажа, доктора Дорна, следующую фразу, обращенную к Треплеву: «...Начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная».

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 131.

⁵ Об этом см.: Крюков В. М. След птицы тройки. М., 2008.

⁶ Подробно об этом см.: Одинков В. Г. Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2003. С. 244–259.

⁷ Цит. по: Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л., 1991. С. 45.

Видимо, Чехову нужно было выделить этот ключевой момент, который является кодовым в пьесе «Чайка» и открывает перспективу дальнейшего духовного развития героини. Траектории «полета» гоголевской птицы-тройки и чеховской птицы-чайки сошлись в одной точке. Пережив многие неурядицы и жизненные драмы, Нина Заречная приходит к истинно христианскому, православному мироощущению и миропониманию, объективно утверждая тем самым авторскую мысль о неизменном торжестве русской национальной идеи, путь которой обозначил не «буревестник», «черной молнии подобный», а парящая над морем «белая чайка».

Нина Заречная произносит: «...Главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй». В связи с этим полезно обратиться к рассуждениям Ф. М. Достоевского в черновых заметках к роману «Преступление и наказание». Определяя «православное воззрение», автор романа пишет: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувственное телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе».⁸

Именно такой вариант судьбы героини и предлагает автор «Чайки». Ее жизнь складывается в пьесе из совокупности «случайных», «непреднамеренных» обстоятельств. Но за этой пестротой жизненных явлений просматривается авторская установка, суть которой — определить провиденциальный смысл духовного «движения» героини пьесы. Чехов ввел в контекст пьесы мотив «мировой души», который связан с духовной и душевной эволюцией Нины Заречной. При этом сам процесс преображения строится автором «Чайки» по принципу, выдвигаемому Вл. Соловьевым, который предполагал борьбу «Божественного слова» с «адским началом» за власть над «мировой душой» и несомненную торжествующую победу «Божественного Слова».⁹

Символика в пьесе, порожденная соловьевской метафизикой, соприкасается с символикой «второго уровня», которая связана с «образом чайки». Нина отвергает «сюжет для небольшого рассказа» К. Треплева о мертвой, убитой «чайке». Путь к «мировой душе» связан с темой жизни, с темой свободного «полета», с преодолением всякой «мертвечины». Здесь Чехов следует непосредственно за Гоголем, за его «птицей-тройкой», летящей над землей и вдохновляемой Богом. Все эти значимые живописные штрихи создают, формируют контур «русской национальной идеи», рожденной, по выражению славянофилов, «народом-Богоносцем».

Сакральный смысл образа «птицы» становится понятным. Это так. Но куда исчезла гоголевская эмблематичная «тройка»? Нет, она не исчезла — Чехов этот образ «перекодировал», придав ему чисто религиозный смысл

⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7. Л., 1973. С. 155.

⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 47.

«троицы». Такая модификация гоголевского образа, который уже имел в авторской интерпретации сакральный оттенок, предстала у Чехова на страницах пьесы «Три сестры». Впрочем, при первом знакомстве с текстом пьесы заглавие воспринимается в чисто светском ключе. Но число «три» сразу намекает на сакральный смысл. Разумеется, учитывая чеховскую ироническую манеру письма, не следует нагружать эту деталь фундаментальной философско-религиозной проблематикой. Сам Чехов выражал опасение, что он пишет какую-то «путаницу». Но эта «путаница» (система «художественных сцеплений», по определению Л. Н. Толстого) заключает в себе серьезную мысль. Она спровоцирована теми религиозно-философскими дискуссиями, которые возникали на волне всякого рода интеллектуальных новаций. Ведущей фигурой в этом контексте был Вл. Соловьев, к философии которого Чехов проявлял несомненный интерес, но имя которого он все же не упоминал.

Известно, что одной из основополагающих идей философа-новатора была идея «софийности», которую Чехов художественно обыграл в пьесе «Чайка».¹⁰ В «Трех сестрах» эта идея спрятана достаточно глубоко, но в названии можно усмотреть намек на сакральность смысла этого «коллективного образа». Он состоит в том, что отсылает реципиента к понятию триипостасности Бога, которое и проецировано религиозными философами на «образ-понятие» Софии, являющейся, по определению С. Булгакова, символом «Вечной Женственности».¹¹ Не вдаваясь в детали богословских интерпретаций понятия «Софии», отметим лишь «женский образ» чеховской «троицы», что ассоциативно связано с теми проблемами, которые обсуждались в связи с соотносительностью трех Божественных ипостасей со спецификой характера ипостасности Софии. Чехов, конечно, только намекнул на указанную философско-религиозную проблему, но зато он четко выделил и единство своей «троицы» и ее центральное значение в идейно-художественной концепции пьесы. Пафос пьесы в том, чтобы в сложном психологическом контексте утвердить духовную деятельность именно современного Чехову человека в перспективе движения к идеальному устройству мира, пророчески предсказанного Священным Писанием.

В этом контексте особое звучание обретает мотив «движения», который обнаруживает себя в стремлении «трех сестер» обрести для себя город, в который они устремлены в своих мечтах. Город этот — Москва. Не нужно забывать, что национально-русское религиозное сознание определило для себя Москву как «Третий Рим».¹² Характерно, что Гоголь в «Записках сумасшедше-

¹⁰ Об этом см.: Одинокое В. Г. На пути к национальной идее: образ «мировой души» в пьесе А. П. Чехова «Чайка» // Одинокое В. Г. Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2002. С. 109–123.

¹¹ Булгаков С. Первообраз и образ. Т. 1: Свет невечерний. М.; СПб, 1999. С. 194.

¹² Об этом см.: Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

го» направил «птицу-тройку» в сторону «Московского царства». У него она пролетает через Средиземное море в сторону Черного моря и следует далее. Путь ее проходит через такие пункты, которые, хотя открыто и не названы, но четко проступают в контексте повествования. Пункты эти следующие: Рим, Константинополь и... Москва («Третий Рим»). В этом «метафизическом» пространстве чеховские «три сестры» и «встретились» с гоголевской «тройкой», где-то в пределах «Третьего Рима».

Следовательно, «движение» Чехов трактовал не как путь к революции, а как предсказанный в Священном Писании гипотетический путь в «тысячелетнее царство Христа», которое и явилось фундаментальной основой «русской идеи». Заметим, что поиски ее продолжают до сегодняшнего дня. Такова «траектория полета» творческой мысли Чехова, который объективно двигался по «следу» гоголевской «птицы-тройки». Чехову удалось «мифологизировать» бытовой план пьесы, который в результате обрел «мистериальный» оттенок. Исследователь творчества Чехова Г. П. Бердников заметил: «Никогда до этого Чехову-драматургу не удавалось столь ярко нарисовать серую повседневность, как источник глубочайших драматических коллизий...»¹³. С этим нельзя не согласиться, но следует еще добавить, что творческие поиски Чехова-драматурга привели к формированию новой художественной системы, во многом предопределившей открытия грядущей литературной эпохи.¹⁴ След птицы-тройки не затерялся, движение продолжалось и продолжается в наше сложное время.

¹³ Бердников Г. П. Чехов. Идеи и творческие искания. М., 1984. С. 425.

¹⁴ Подробно об этом см.: Одинокое В. Г. Пьесы А. П. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»: Поэтика и эволюция жанра. Новосибирск, 2006.

А. П. ЯКИМОВА

У истоков русской семиотики: В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Активно заниматься семиотикой российские филологи стали сравнительно недавно: сам термин «семиотика» открыто вошел в литературоведческий оборот вместе с понятиями герменевтики, метатекста, интертекстуальности, когда рухнула аподиктичность марксистско-ленинской доктрины как единственно правильной теории объяснения мира, была объявлена гласность и дано право на многомыслие. Однако запрет на термин, чуждый официальной ортодоксии, не стал препятствием к успехам семиотической мысли в советской России, более того, исторический парадокс проявился в том, что именно русская семиотика «оказалась практически единственной гуманитарной областью бывшего СССР, получившей мировую известность»,¹ заявив о себе именами В. Я. Проппа, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и всей московско-тартусской школы.

Но и до того, как данное научное направление обрело парадигмальность канона, в сфере русской гуманитарной культуры явственно обнаружилось плодотворное зерно семиотической мысли, благодатные всходы которого, не успев обрести терминологического обозначения, в безымянной форме обнаружались в трудах многих философов и филологов — в форме отдельных наблюдений, прозрений, догадок, предположений.

Автор учебного пособия по «Истории русской семиотики» Г. Почепцов в список «предшественников русской семиотики» включает много имен, относящихся к разным сферам научного знания, из числа филологов называя А. Н. Веселовского, Н. В. Крушевского, А. М. Потебню. В действительности же в филологии у русской семиотики обнаруживаются более ранние истоки, и по существу у названных имен были свои предшественники. К ним по праву должен быть отнесен Владимир Федорович Одоевский (1804–1869), чье двухсотлетие со дня рождения отмечалось в 2014 году.

Выдающуюся роль В. Одоевского как самобытного мыслителя отметил В. Г. Белинский. «Таких писателей у нас немного, — утверждал критик, — в самих парадоксах князя Одоевского больше ума и оригинальности, чем в истинах у многих наших критических акробатов...». Критик характеризует Одоевского как писателя, «которого *вся жизнь принадлежит мысли*».² Но время признания В. Одоевского пришло много позднее. Современные исследователи по достоинству оценили его роль как зачинателя многих духовных феноменов

¹ Почепцов Г. История русской семиотики. М., 1998. С. 5.

² Белинский В. Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955. С. 322–323.

У истоков русской семиотики: В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Эдуард Африканович Бальбуров, Елена Николаевна Проскурина,
Елена Константиновна Ромодановская, Людмила Павловна Якимова

русской культуры. По сложившемуся в филологической науке мнению, первым в России философским романом были «Русские ночи».³ В книге «Российские утопии. Исторический указатель» Б. Ф. Егоров отводит В. Одоевскому, имея в виду прежде всего его незаконченный роман «4338», роль «наиболее известного литературного утописта последекабристского времени».⁴ Анализируя богатство эсхатологической проблематики произведений писателя, исследователь заключает: «До такой антиутопии не доходили и видные авторы XX века...».⁵ Художественные поиски В. Одоевского в области философского нарратива, отразившиеся в «Пестрых сказках» и оказавшие влияние на всю

³ Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 248.

⁴ Егоров Б. Ф. Русские утопии. Исторический путеводитель. СПб, 2007. С. 155.

⁵ Там же. С. 168.

последующую историю этого жанра в русской литературе, А. С. Янушкевич считает даже более значительными, чем проявились они в произведениях его великих предшественников — Пушкина и Гоголя.⁶

В свете общих успехов, достигнутых в изучении многостороннего наследия В. Одоевского, сегодня представляется важным уделить должное внимание и той стороне его творчества, которая была обращена к ранее пропускаемым, незамечаемым, неосмысляемым аспектам культуры, где явственно проступала бесконечная повторяемость ее элементов на разных этапах исторического развития и при неостановимости процесса изменчивости внутренних социо-духовных паттернов сохранялся фундамент ее целостности.

Неоспоримая особенность творческого сознания В. Одоевского проистекала из стремления синтезировать воедино историческую, философскую и филологическую мысль и, следуя этой нерасторжимости, каждой из них придать особую глубину восприятия текущей жизни. Его мировосприятие было глубоко антропологично, целенаправленно ориентировано на осмысление общих «задач человеческой жизни». Интеллектуально насыщенную атмосферу его произведений определяла общая сосредоточенность внимания на человеке как таковом, феномене его пребывания на земле, соотношении в нем рационально-разумных и интуитивно-подсознательных начал в плане двомирного восприятия бытия, путях национального развития в контексте мировой истории.

Сквозной для всего творчества Одоевского была мысль о важности сохранения личной целостности человека в опасно рационализирующемся мире, покушающемся на вековую неразрывность связи религии, искусства, науки. Читателя не могла не привлечь к себе та удивительная настойчивость, с которой Одоевский не просто выражал опасение, а по-настоящему бил тревогу относительно утраты человеческой гармонии, утраты души у человека, живущего в мире ложных ценностей, абсолютизирующих логику голого рассудка, материальной выгоды, пользы, потребления: «Одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей ступени развития. Но, — предупреждал он, — развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух (сего-то и боится религия)».⁷

Писатель не только фиксирует ситуацию, когда возрастает опасность разрыва души и рассудка, материального и инстинктуального, но прослеживает и логику ее развития, приводящего в конечном счете к гибели цивилизаций,

⁶ Янушкевич А. С. «Пестрые сказки» В. Ф. Одоевского: Становление философского нарратива в русской прозе // Поэтика русской литературы в историко-литературном контексте. Новосибирск, 2008. С. 552–568.

⁷ Одоевский В. Ф. Психологические заметки // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 206. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

чью отличительную особенность составляло одностороннее превращение мудрости над сердцем, ума над душой. «Мало по малу, — размышляет он, — погружаясь в телесные наслаждения, человек забудет о том, что произвело их, пройдет напрасно время, в которое бы человек должен был двинуться далее; но в природе не даром летит это время; природа, покорная (без свободной воли) вышним судьбам, совершит путь свой и вдруг явится человеку с новыми, неожиданными им силами, пересилит его и погребет его под развалинами его старого обветшалого здания!» (с. 206).

Действие закона повторяемости социокультурных структур в прошлом, давно прошедшие эпохи человеческой истории, писатель-мыслитель экстраполирует на будущее, прозревая в современном ему мире тревожные симптомы грядущих бед, неизбежных катастроф и трагедий: «Такова причина гибели стольких познаний, которыми древние превышали новейших. Так будет и с нами, если религиозное чувство бескорыстной любви не соединится с нашим просвещением» (с. 206).

Семиотическая природа мышления позволяет Одоевскому видеть в истории не мертвую старину, а животворящий источник опыта, необходимого для трезвого восприятия задач текущей жизни и прозрения путей в будущее. И что особенно важно, семиотический склад исторической и философской мысли писателя находил органическое проявление в сфере взглядов на искусство, архитектуру, живопись, музыку, литературу, в общем характере его эстетической системы, своеобразии поэтики.

Задолго до появления самих терминов «метатекст», «архетип», «семиотика» по сути именно в этих понятийных категориях пытается он осмыслить общую логику развития мирового искусства, выявить его первородные начала, расшифровать его «иероглиф», и возможность видеть в В. Одоевском одного из первых русских семиотиков, одного из первопроходцев и зачинателей этого направления не выглядит преувеличением.

В «Ночи восьмой» «Русских ночей» появляется герой, страстно увлеченный идеей открытия «таинственного языка, доселе почти неизвестного, но общего всем художникам», будь то музыкант, художник, поэт. «Отрывки поэтических творений, отдельные музыкальные фразы, мазки живописца служат ему материалом, который он выстраивает «то по хронологическому, то по систематическому порядку, то по авторам <...> складывает отрывки вместе, замечает их отличительный характер, их сходство и различие» (с. 103). В принципе оказывается, что герой «трудится над составлением словаря этих иероглифов», своего рода «пособием», при помощи которого можно понять любое произведение искусства; «эта работа очень многосложна и затруднительна: для совершенного познания *внутреннего* языка искусства необходимо изучить все без исключения произведения художников, а отнюдь не одних знаменитых, потому что, — прибавлял он, — поэзия всех веков и всех народов есть одно и то же гармоническое произведение, всякий художник прибавляет к нему свою черту, свой звук, свое слово; часто мысль, начатая великим поэтом, договаривается самым посредственным; часто темную мысль, зародившуюся в простолудине, гений выводит в свет не мерцающей; чаще поэты, разделенные време-

нем и пространством, отвечают друг другу, как отголоски между утесами: развязка «Илиады» хранится в «Комедии» Данте; поэзия Байрона есть лучший комментарий к Шекспиру; тайну Рафаэля ищите в Альберте Дюрере; страсбургская колокольная — пристройка к египетским пирамидам; симфонии Бетховена — второе колено симфоний Моцарта...» (с. 103–104).

Можно понять желание цитировать этот текст и дальше, потому что все в нем значимо, буквально дышит жаром первооткрытия, исполнено новаторским восприятием общей логики истории искусства, проникновением в его «иероглиф». В этом смысле образ «человека лет пятидесяти, в черном фраке, сухощавого, грустного, но с огненной, подвижной физиономией» — образ автобиографический. Никто иной, как именно он, В. Одоевский, ведет подвижническую работу по переосмыслению сложившейся системы взглядов на развитие искусства и обречен на глухое непонимание современников. Время Одоевского пришло позднее.

Если вслушаться и всмотреться в глубину его суждений о «внутреннем языке искусств», то в приближении к терминологии современных филологических штудий возникает понимание, что он говорит о непреходящей значимости тех микроэлементарных частиц поэтического языка — в литературе, музыке, живописи, архитектуре, которые, бесконечно повторяясь и варьируясь, сохраняют постоянство и устойчивость на протяжении многих веков, придавая искусству облик целостности и вечности. Позднее, уже на исходе XIX века, эти устойчивые элементы поэтической речи назовут мотивами, способными создавать сюжеты, возникнет стройная теория сравнительно-исторического литературоведения А. Н. Веселовского, сложится свое понятийное пространство, включившее «вечные образы», «кочующие сюжеты», метатекст, миф, архетип, литературную семиотику.

К сожалению, новаторские суждения Одоевского о внутренних законах развития искусства при его жизни не обрели своего терминологического языка и с большим разрывом во времени отзывались лишь в философских и художественных исканиях XX века. Историческая заслуга возвращения культурологических открытий князя Одоевского в духовный контекст новой эпохи принадлежит прежде всего Леониду Леонову, представшему ее заглавной фигурой. Именно в его творчестве прослеживается ясный след многочисленных творческих пересечений с писателем XIX века. И хотя очень многое свидетельствует в пользу убеждения, что Леонов испытал на себе обаяние художественного мира Одоевского, воздействие его мировидения, яркая одаренность самого Леонова исключает необходимость оценивать их творческую связь в категориях влияния, заимствования, подражания, предполагая лишь единственную возможность в этом случае вид отношений — склонность писателя XX века к преемственному взгляду на традиции русской классики, к продолжению диалога на вечные для национальной литературы темы.

Поразительная сила культурологической отзывчивости Леонова, неоднократно отмеченная исследователями как парадигмальная черта его художественного мира, служила мощным противодействием спекулятивной, узко социаль-

ной эстетике создателей нового искусства, устремляла к настойчивым поискам «внутреннего языка», его стержневых опор, и тем самым являлась достаточным основанием для вступления в согласный диалог с одним из самых креативных мыслителей XIX века. И многого стоит его признание в неизменной преданности первоисточникам началам творчества: «Я *всегда* (курсив мой. — Л. Я.) искал отвечающие времени формулы мифа. В этот завещанный нам объемистый “сундук” влезает очень многое. Суть его “поместительности” в том, что он “мыслит” блоками. Я называю: Эсфирь, Авраам, Ной — и за этим стоят целые миры; ими можно думать о соответствующем в своем времени <...> они действительно прекрасны, емки и по-шекспировски энциклопедичны. Следуя по этим ступеням за автором, можно сделать пробег, что там у него есть еще, далее какие идеи выброшены с запасом вперед».⁸ По сути дела, Леонов, как и Одоевский, говорит о праве художника любой эпохи «прибавить» к мировой книге искусства свои индивидуальные черты. В этом контексте далеко не случайной выглядит частотность употребления понятия-лексемы «иероглиф», к расшифровке многозначных смыслов которого в применении не только к искусству, но и к бытию в целом изначально направлены были творческие усилия Леонова.

Достоин удивления, как согласно «поэты, разделенные временем и пространством, отвечают друг другу», создавая впечатление единого и целого дискурсивного пространства, в чем легко убедиться, продолжая цитирование текста Одоевского: «Все художники трудятся над одним делом, все говорят одним языком: от того все невольно понимают друг друга; но простолюдин должен учиться этому языку, в поте лица отыскивать его выражения, — утверждает автобиографический герой Одоевского, — ... Так делаю я, так и вам советую» (с. 104). Похоже, Леонов, как один из немногих, внял совету предшественника.

В данной статье не стоит задача рассмотреть идейно-эстетическую переключку писателей разных эпох, но один из этих аспектов, где семиотическая фактура человеческого мышления проглядывает особенно зримо и выразительно, в силу специфического характера самого объекта размышления, достоин особого внимания. Речь пойдет о тех роковых проблемах человеческого бытия, которые стали предметом ночного осмысления героев «Русских ночей» в «Ночи третьей» в связи с обсуждением рукописи «Opere del Cavaliere Gianbattista Piranesi».⁹ В соответствии с алгоритмом композиционной структуры всей книги, где в течении девяти ночей группа друзей во главе со своим лидером по имени Фауст погружается в философские прения, темой третьей ночи стала такая тонкая материя, как соотношение пользы и красоты, утилитаризма и эстетики — в общем контексте вечной проблемы сохранения гармонии человеческого бытия.

Герой новеллы из «Ночи третьей» с душевным трепетом вглядывается в гравюры Пиранези, запечатлевшие «неистовые», «прекрасные и неисполнимые фан-

⁸ Леонов Л. «Человеческое, только человеческое...» (Беседу вел А. Лысов) // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 21.

⁹ Труды кавалера Джамбатисты Пиранези (итал.)

тазии» художника: в эти «проекты колоссальных зданий, из которых для построения каждого надобно бы миллионы людей, миллионы червонцев и столетия — эти иссеченные скалы, взнесенные на вершины гор, эти реки, обращенные в фонтаны <...> бесконечные своды, бездонные пещеры, замки, цепи, поросшие травой стены...» (с. 30). Романтическая интрига новеллы заключается в том, что за свои собственные творения эти фантастические проекты выдает старый, охваченный безумием архитектор, скитающийся по книжным развалам Неаполя и присваивающий себе имя знаменитого итальянского зодчего XVIII века Джамбатисты Пиранези. Только если самозванный Пиранези буквально обуреваем страстью к воплощению своих буйных фантазий в формы самой жизни любой ценой, готов даже «соединить сводом Этно с Везувием, для триумфальных ворот проектируемого замка», то относительно подлинного Пиранези известно, что он свои архитектурные видения реализовал лишь на бумаге, избегая «напрасных» затрат для их воплощения как в денежном, так и в людском выражении.

Как всегда, Одоевский высекает истину из резкого столкновения противоположных позиций. Одна из них заявлена в форме категорической безоговорочности: «египетские пирамиды, страсбургская колокольня, кельнский собор, флорентийский крещатик» всегда отражают не более чем «одну причуду века», и человечество всегда более нуждалось в железных дорогах: «Признаюсь, — говорит Виктор, — если б страсбургскую колокольню вытянуть еще подлиннее — в рельсы железной дороги, то она для меня была бы еще лучшим украшением жизни...» (с. 17). Позднее с похожими высказываниями русский читатель столкнется в форме чеканно-афористических суждений типа «Рафаэль гроша медного не стоит» нигилиста Базарова. Логика суждений Фауста иная. На примере Пиранези, и подлинного, и его «двойника», он убеждает, что в лице их человеческое чувство плачет о том, «что оно потеряло, о том, что, может быть, составляет разгадку всех его внешних действий, что составляло украшение жизни — *о бесполезном...*» (с. 18).

Принципиально важно отметить, что семиотическая векторность мировидения Одоевского, обнаруживаясь иногда во внимании и интересе к кажущимся логическим парадоксам бытия и мышления, способствует вдруг выявлению их значимости в онтологической перспективе, в бытийственном развороте человеческой истории, как это имело место в случае размышления о *пользе бесполезного*. Избыток «бумаги, дегтя и сала», — убеждает Одоевский, — не компенсирует «бесполезных порывов души», не отвечает на роковой вопрос, отчего «полным следствием такой полезной, удобной и расчетливой жизни — есть тоска *неодолимая, невыносимая!*» (с. 20).

Первооткрыватель многих духовных феноменов, покоящихся на фундаменте семиотической методологии, В. Ф. Одоевский и сегодня актуален, как 200 лет тому назад, предупреждая об опасности редуцирования человеческой личности, воспитанной на безоглядной вере в непротиворечивый прогресс, убеждая, что духовные дороги к Будущему не менее важны, чем железные, не приглушая мучительных раздумий о том, почему рост материального благосостояния не снимает неодолимой тоски человека по душевной гармонии.

«ЗАПИСКИ ИРКУТСКОГО ЖИТЕЛЯ»

И. Т. КАЛАШНИКОВА: РУКОПИСЬ И ПУБЛИКАЦИЯ

В Секторе археографии и источниковедения Института истории СО РАН существовала и сохраняется традиция рассказывать о своих архивных находках, идеях, предположениях не только на официальных заседаниях, но и во время чаепитий. Нередко именно за чайным столом формулировались планы, впоследствии воплощавшиеся в статьях и книгах. Елена Константиновна Ромодановская и Николай Николаевич Покровский радовались каждой нашей находке, каждой мысли. Именно при таких обстоятельствах я и сообщила о том, что находящаяся в «Публичке» рукопись «Записок иркутского жителя» И. Т. Калашникова значительно отличается от публикации. Елена Константиновна не числилась к этому времени в Институте, но оставалась «членом-корреспондентом Сектора» (ее слова из дарственной надписи на одной из последних книг). Она живо заинтересовалась, расспросила о характере и объеме разночтений и решительно заявила: это надо публиковать. Я выразила сомнение в реальности этого проекта, и Елена Константиновна согласилась: хотя бы для начала надо написать статью. Николай Николаевич энергично поддержал эту мысль. Это было в 2009 году. Теперь оба они ушли, а мы еще долго будем воплощать в жизнь их советы. По такой рекомендации и написана эта статья о рукописи «Записок иркутского жителя» И. Т. Калашникова.

Иван Тимофеевич Калашников (1797–1863) — уроженец Сибири, известный в свое время писатель, автор первых исторических романов на сибирскую тему. «Значение И. Т. Калашникова как писателя связано

Наталья Петровна Матханова

прежде всего с созданием исторического романа, основанного на сибирском материале»¹. В 1862 г., за год до смерти,² он «завершил автобиографические «Записки иркутского жителя», в которых «обнаружил зрелое дарование»³. Впервые это мемуарное произведение было опубликовано Б. А. Модзалевским в 1905 г. в «Русской старине»⁴ и переиздано (по журнальному тексту, но без предисловия Б. А. Модзалевского и, разумеется, в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации) в своеобразной антологии иркутской мемуаристики, получившей название именно от этого сочинения Калашникова.⁵ Как писал Б. А. Модзалевский, записки «сохранились у дочерей их составителя... Юлии Ивановны и Наталии Ивановны Калашниковых, представивших их» для публикации.⁶

Имеются две редакции «Записок».

Первая, более ранняя и более полная, была продана в 1899 г.⁷ в Публичную библиотеку, где находится и поныне — в Отделе рукописей РНБ, в Основном собрании.⁸ Она переплетена в два тома с авторской и архивной пагинацией, формат 21,5 × 35,5 см, листы линованные, с полями, исписаны с обеих сторон чернилами, рукопись писарская, исполнена несколькими почерками, с чернильными и карандашными исправлениями. Карандашная правка осуществлена почерком И. Т. Калашникова, чернильная — чьим-то другим, вероятно, по его указанию. По характеру и та, и другая — авторские, т. к. серьезно меняют текст, направлены на его сокращение и улучшение и, вероятно, на снятие возможных редакторских или цензорских претензий. Надпись на первом листе («Уг[ол] Можайской и Загородного, д. 1, кв. 9. Ее превосходительству Нат[алье] Ив[ановне] Калашниковой») указывает на то, что этот экземпляр был передан дочерью писателя. Модзалевский писал о ней: «подлинная рукопись автора»⁹. Эта редакция названа «ранней» и аме-

¹ [Кунгуров Г. Ф., Петраев Е. Д., Постнов Ю. С., Утков В. Г.] Романтизм в сибирской литературе 20–30-х годов XIX в. // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С. 264. В редколлегия тома входили Е. К. Ромодановская и Н. Н. Покровский.

² Модзалевский Б. А. Предисловие [к «Запискам иркутского жителя»] // Русская старина. 1905. Т. 123. № 7. С. 189.

³ [Кунгуров Г. Ф., Петраев Е. Д., Постнов Ю. С., Утков В. Г.] Романтизм в сибирской литературе... С. 264.

⁴ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. Т. 123, № 7. С. 187–251; № 8. С. 384–409; № 9. С. 609–646.

⁵ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя / Коммент. М. Д. Сергеева // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 256–396. Далее сноски даются на журнальную публикацию, т. к. в издании 1990 г. обнаружены дополнительные опечатки.

⁶ Модзалевский Б. А. Предисловие. С. 187.

⁷ Письмо Н. И. Калашниковой Б. А. Модзалевскому, ИРЛИ, ф. 120, д. 300, л. 40.

⁸ РНБ, F.IV.814. Т. 1, 2.

⁹ Модзалевский Б. А. Предисловие. С. 189.

риканским славистом М. Содерстромом, изучающим на основе эпистолярно-мемуарного наследия И. Т. Калашникова его служебную деятельность и общественно-политические взгляды.¹⁰

Вторая редакция, о которой Модзалевский писал: «Оригинал, с которого напечатаны Записки, но с исключениями, в «Русской старине» 1903 г.»,¹¹ хранится в личном фонде И. Т. Калашникова в ИРЛИ.¹² Она включает только первую часть «Записок», написана на разрозненных листах форматом 22 × 35 см, некогда, вероятно, объединявшихся в тетради. Листы нелинованные, с полями, исписаны с обеих сторон чернилами, эта рукопись также писарская, также исполнена разными почерками, с чернильными и карандашными исправлениями. В ней есть зачеркивания теми же чернилами и тем же почерком, которыми написан основной текст, и карандашная правка рукой Б. А. Модзалевского. Им же сделаны пометы: «печатать все» и «исключить». Третьим почерком вписаны аннотации в началах глав. На последних листах, после зачеркнутых карандашом слов «Конец первой части», имеется авторская запись (с авторской же карандашной правкой) следующего содержания:¹³

Отнесена рукопись 24 апреля 1862 г. Отнесла Е. П.¹⁴ Что-то Бог даст!¹⁵

Рукопись, под названием: Записки иркутского жителя, состоящую в двух частях, автор предоставляет напечатать в журнале Русское слово на следующих условиях:

1. Имени автора не выставлять в журнале, а означать его только буквами: «И. К...в».

2. За право напечатания рукописи автор назначает вознаграждение <Так как в обеих частях рукописи заключается 152 писанных листов, то, полагая на каждый печатный лист по 12 лист[ов] писанных, составит печатных листов 12 с долями. Назначая за каждый лист по 50 р., вся сумма вознаграждения составит 600 р., которые автор желал бы получить при передаче самой> 800 руб., которые выдать ему при самой передаче рукописи в редакцию, не дожидаясь ее напечатания.

3. При печатании рукописи автор предоставляет редакции сделать в ней сокращения, исключив все то, что по свойству журнала окажется, по усмотрению редакции, невозможным к напечатанию.

¹⁰ Содерстром М. Сибиряки на службе империи: Служба и самосознание (случаи П. А. Словцова и И. Т. Калашникова) // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 36.

¹¹ ИРЛИ, ф. 120, д. 17, л. 112.

¹² ИРЛИ, ф. 120, д. 17. В тексте есть пропуск: между л. 35 и 36 отсутствуют 4 листа, при сохранении сплошной пагинации (соответствуют экз. РНБ, т. 1, л. 41 об.–46).

¹³ ИРЛИ, ф. 120, д. 17, л. 110–111.

¹⁴ Калашникова (урожд. Масальская) Елизавета Петровна, жена И. Т. Калашникова.

¹⁵ Курсивом здесь и далее выделено вписанное карандашом, в угловые скобки заключено вычеркнутое.

4. Автор не может согласиться ни на *какую бы то ни было* прибавку, ни на изменение его взглядов, словом, ни на какие перемены *в тексте, изменяющие его воззрения и мнения*, ибо <своих взглядов> *сии воззрения и мнения*, зависящие от отношений его к описываемым им лицам *и от его убеждений* <он изменить не может. Во второй части биографию П. А. Словцова автор помещает в журнале без всякого изменения>.

5. Автор сохраняет себе право напечатать и издать рукопись отдельно, своим иждивением, по напечатании в журнале, и продавать в свою пользу и потому рукопись, по напечатании в журнале, должна быть ему возвращена.

24 апреля 1862

<Р. С.> 6. Если редакции угодно будет принять рукопись на изложенных условиях, то *автор* покорнейше просит выдать следующую за нее сумму сыну его, штабс-капитану Калашникову.

Записки Калашникова не были напечатаны в «Русском слове», очевидно, в связи с его временным закрытием в 1862 г. В 1903 г. Н. И. Калашникова писала Б. А. Модзалевскому, что была с ними «в многих редакциях, но все было тщетно, и уже хотели сжечь, и вдруг точно с неба Вы явились... приятно, что труд папеньки, хотя чрез 40 лет, достойно устроен».¹⁶

Сопоставление первой редакции со второй (сноски на них даются в тексте в круглых скобках, с указанием на экземпляр РНБ или ИРАИ, тома и листов) и с опубликованным текстом позволяет выделить три группы разночтений, следующие по объему и характеру: наиболее обширные и значимые; небольшие и даже мелкие, но существенные; и, наконец, случайные и стилистические. Не только воспроизведение, но даже и перечень их занял бы слишком много места, поэтому ограничусь обозначением тем и несколькими примерами.

Прежде всего, надо выделить правку, произведенную при публикации.

Первое, что бросается в глаза — при подготовке рукописи к печати в экземпляре ИРАИ были вычеркнуты сохранявшиеся в нем, как и в первой редакции, названия глав, и вписаны их аннотации. Можно предположить, что это было сделано или самим Модзалевским, или по согласованию с ним. Хотя такая правка видна лишь в первой части, можно предположить, что то же самое было сделано и во второй.

В экземпляре РНБ имеется оглавление первой части, завершавшее первый том, и обеих частей в конце второго тома. Четыре главы первой части назывались: «Очерки Иркутска», «Разные стороны иркутской жизни», «О управлении», «Продолжение о управлении». Вторая часть имеет собственную нумерацию глав, при этом название и содержание первой («Образование иркутских жителей»), второй («Состояние учебных заведений в Иркутске») и седьмой («Моя поездка за Байкал») логически продолжают рассказ о родине автора и

¹⁶ ИРАИ, ф. 120, д. 300, л. 43 об.

его жизни, а третья—шестая («Жизнь Петра Андреевича Словцова (первоначальная служба и несчастье, 1766–1808 г.)», «Продолжение о жизни П. А. Словцова (стремление к возвращению в Петербург и новые удары, 1808–1814 гг.)», «Продолжение о жизни П. А. Словцова (странствования по Иркутской губернии)», «Продолжение о жизни П. А. Словцова (Действия по управлению иркутскими училищами. Свидание с Сперанским. Выезд из Иркутска, 1815–1820)») и восьмая—одиннадцатая главы («Продолжение о жизни П. А. Словцова (Визитаторство сибирских училищ. Путешествие. Окончательное освобождение. 1820–1828 гг.)», «Продолжение о жизни П. А. Словцова (письма Словцова)», «Продолжение о жизни П. А. Словцова (сочинения Словцова)», «Окончание о жизни П. А. Словцова (частная жизнь Словцова. Его последние дни. 1843 год)») выбиваются из общего ряда. В них повествуется о жизни, творчестве и взглядах П. А. Словцова, приводятся обширные цитаты из его писем к И. Т. Калашникову. Именно эти главы были больше всего сокращены при публикации. Можно предположить, что это было сделано Модзалевским в надежде «впоследствии обнародовать переписку Словцова с Калашниковым».¹⁷ Во второй части при публикации оказалось вместо имевшихся у автора 11 глав всего три: объединены 1–3, 4–6 и 7–11 главы. Эти изменения были осуществлены путем правки, внесенной во вторую редакцию и не являются авторскими.

В рукописи РНБ также были сделаны исправления и вычеркивания самим Калашниковым. Некоторые из них, предположительно, осуществлены по идейно-политическим соображениям, при этом не обязательно цензурного характера. Например, в повествовании о жестоких телесных наказаниях после слов о том, что «было засечено разом четырнадцать человек»¹⁸ было вычеркнуто заключение: «Это может показаться жестоким, но это было единственным спасением!» (т. 1, л. 37 об.). Еще подобные случаи: выражение «прочие лица, составлявшие партию Трескина»¹⁹, заменено на «прочие лица, окружавшие Трескина» (т. 1, л. 89 об.); сообщение о трагической судьбе Левицкого, который «жил без должности, терпел крайнюю нужду и умер в совершенной бедности»²⁰ ранее заканчивалось словами «Обычный конец честных чиновников» (т. 1, л. 111). Слова «одна Сибирь стонала под гнетом времен Иоанна Грозного» (т. 1, л. 106 об.) автор исправил на «одна Сибирь носила на себе иго времен Иоанна Грозного».²¹ Рассказывая о попытках жаловаться на печально известного нижеудинского исправника Лоскутова, Калашников писал: «Некоторые... рисковали было сунуться в Иркутск с жалобой, но они скорее могли бы найти справедливость в берлоге медведя»,²² далее зачеркнуто — «чем во

¹⁷ Модзалевский Б. А. Предисловие. С. 189.

¹⁸ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. № 7. С. 202.

¹⁹ Там же. С. 235.

²⁰ Там же. С. 235.

²¹ Там же. С. 232.

²² Там же. С. 239.

дворце губернского сатрапа» (т. 1, л. 117 об.). История о побеге и поимке некоего арестанта, ставшего впоследствии монастырским служкой,²³ заканчивалась словами: «чего он, конечно и сам желал; иначе или умер бы от голоду и холоду, или попал бы на зубы волкам или медведям: Сибирь есть самая неудобная страна для пустынножительства» (т. 1, л. 14).

Имеются и места, явно вычеркнутые из каких-то других соображений — например, в описании балов²⁴ примечание: «Дочери губернатора, девицы хорошо образованные, весьма приятные, были лучшими из танцорок» (т. 1, л. 61); к исключенному при публикации тексту «народной песни» о Кутузове было замечание: «Вот уже прошло 50 лет, но она доныне живо остается в моей памяти: так сильно было ее впечатление» (т. 1, л. 58 об.). Остался неопубликованным и рассказ об иркутских самодеятельных поэтах-чиновниках: И. М. и Е. Д. Сенотрусовых, П. С. Виноградском, И. И. Щербакове (т. 2, л. 14–16), а также о неудачной влюбленности некоего молодого человека в местную красавицу, выданную за другого (т. 1, л. 61–61 об.).

Правка имела и чисто стилистический характер. Так, «кромешников» (т. 1, л. 116) исправлено на «опричников» (экз. ИРАИ, л. 89 об.),²⁵ «нельзя без сожаления представить себе» (т. 1, л. 132) — на «нельзя не пожалеть искренно» (экз. ИРАИ, л. 103 об.).²⁶

Описанные выше сокращения и исправления учтены в экземпляре ИРАИ, но есть и такие вычеркивания, которые перенесены в него и вычеркнуты уже в нем.

Это относится главным образом к развернутым описаниям Иркутска, окрестной природы, обычаев и нравов местных жителей. Так, в редакции ИРАИ вычеркнуты карандашом подробные, основанные не только на личных впечатлениях, но и на иных сведениях, описания Байкала, рек Ангары, Иркуты, Ушаковки (т. 1, л. 20–25 об., 35 об.; экз. ИРАИ, л. 18–22, 30 об.), гроз и пожаров (т. 1, л. 26 об.–28 об.; экз. ИРАИ, л. 23 об.–24 об.), и т. п. Для истории провинциальной городской культуры интересны выпущенные там же рассказы о распространенных развлечениях: прогулках по окрестностям (т. 1, л. 40 об.–42; экз. ИРАИ, л. 23–24), любительских спектаклях в гимназии, с перечислением «актеров» из числа чиновников (т. 1, л. 50–52; экз. ИРАИ, л. 39 об.–40 об.), текст песни о Кутузове, исполнявшейся на народном празднике «по случаю получения известия о взятии Парижа летом 1814 года»²⁷ (т. 1, л. 56–58 об.; экз. ИРАИ, л. 44–45) с такими, например, словами о Наполеоне: «Не спросяся прежде броду, / Не кидаться было б в воду / Хват-богатырю». Историко-этнографическое значение имеет описание особенностей свадебного обряда, с перечислением блюд, подарков, текстами песен (т. 1, л. 66–69 об.; экз. ИРАИ, л. 51–54). Еще более любопытна

²³ Там же. С. 195.

²⁴ Там же. С. 211.

²⁵ Там же. С. 238.

²⁶ Там же. С. 247.

²⁷ Там же. С. 210.

характеристика предрассудков и верований, например: «Естественно, что тогда в Иркутске сильно верили в домовых, которых именovali суседками, в пребывание злых духов преимущественно в банях, как в месте самом нечистом; накануне крещения всегда ограждали от них окна и двери начертанием, мелом или углем, крестиков» (т. 2, л. 22–23 об.). В рассказе о хорошо игравшем на скрипке чиновнике Вильде после слов «Сперанский привез его из Пензы»²⁸ вычеркнуто: «...где он аккомпанировал дочери М. М. Сперанского Елизавете Михайловне, игравшей на фортепиано» (т. 1, л. 76; экз. ИРАИ, л. 58 об.).

Многие неопубликованные фрагменты представляют интерес в краеведческом отношении, например, такие: «В числе частных каменных домов был лучший купца Сибирякова. Он был трехэтажный, выстроен в греческом вкусе и имел весьма красивую наружность, но, казалось, гений города не благоприятствовал красоте зданий: вскоре по постройке дом Сибирякова сгорел и обрушился; целая стена вывалилась. Впрочем, Сибиряков выстроил новый трехэтажный каменный дом, лучше прежнего; но я уже его не видал» (т. 1, л. 10–10 об.; экз. ИРАИ, л. 9–9 об.). В описаниях окрестностей пропущено: «В Вознесенский монастырь ездили по воскресеньям и другим праздникам. После обедни, на близ лежащем поле, на берегу Ангары, обедали, и проводили целый день, иногда рисковали и купаться в холодной и глубокой Ангаре. Случалось, для прогулки ездили в находившуюся недалеко от монастыря, в деревне Жилкинской, Архиерейскую мызу, или, по-иркутски, заимку. Там в березовой роще стоял скромный Архиерейский домик, куда уединялись пастыри иркутские в летнее время, беседуя с Богом и природою. Жизнь их была тихая и скромная» (т. 1, л. 39 об.; экз. ИРАИ, л. 33 об.). Полезным для истории детства может оказаться неопубликованный отрывок в самом начале, при описании неизбежных луж на улицах: «Особенно лужи были восхитительны в осенние заморозки. При первом холодном утре, или, как говорят в Иркутске, утренняя, сейчас образовывался из них превосходный каток, по которому ученики не ходили, а перекатывались то из дома в училище, то из училища домой» (т. 1, л. 6 об.; экз. ИРАИ, л. 6 об.). В экземпляре ИРАИ зачеркнуты только второй и третий фрагменты.

Во втором томе, который отсутствует в экземпляре ИРАИ, также имеются сокращения, не вошедшие в публикацию.

Наиболее серьезному сокращению подверглись обширнейшие выписки из писем Словцова (т. 2, л. 122 об.–141 об.), из его «Исторического обозрения Сибири» (т. 2, л. 146–150) и забытой работы «Двое Сципионов африканских» (т. 2, л. 156–161 об.).²⁹ Письма Словцова к Калашникову заслуживают специального рассмотрения. Приведу лишь три маленьких примера из рукописи: из

²⁸ Там же. С. 217.

²⁹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1838; Кн. 2. СПб., 1844; 2-е изд.: Кн. 1–2. СПб., 1888; переизд.: Новосибирск, 1995; Словцов П. А. Два дня из Римской истории, или Двое Сципионов Африканских. М., 1830; 2-е изд.: Двое Сципионов Африканских. СПб., 1835.

письма от 21 июня 1821 г.: «Извещаю Вас, что если где попадется IX том “Истории государства Российского”, спешите прочесть. Тут Карамзин превзошел себя благородною смелостию, когда тиран грешит против человечества» (т. 2, л. 123 об.). Из письма от 8 сентября 1821 г.: «Вы хвалите историографа за IX том, чего он и предстоин; только не забудьте, что сказание его, основанное на словах Курбского, не есть сущая истина. “Вестник Европы” выдал об этом сущую критику» (т. 2, л. 124–124 об.). Из письма от 9 апреля 1832 г.: «Я не совсем согласен с Вами, что Вал[ь]тер Скот[т] есть родоначальник исторических романов. Он, кажется, имел в своей голове Сервантесова Дон-Кишота, роман всех народов и времен» (т. 2, л. 127).

Встречаются во втором томе и такие зачеркивания, которые можно объяснить стремлением к сокращению объема. Так, первоначально в тексте как пример невежества местных жителей приводился рассказ об обезьяне по кличке Санга.³⁰ Эта своеобразная вставная новелла колоритна, хорошо написана и основана на реальном факте: иркутский врач Г. М. Дьяков также упоминает «резвую мартышку», жившую в доме Н. И. Трескина.³¹ «В доме генерал-губернаторском была обезьяна, ростом не более аршина. В Иркутске ее называли Санга. Обезьяна эта была привязана во дворе к столбу на длинной цепочке, так что свободно бегала вверх и спускалась вниз по столбу. Часто народ собирался, не без страха, смотреть на этого дикого зверя. Случалось, что зверь этот срывался с цепочки и тогда народ приходил в ужас. Беспреданно рассказывали разные ужасные сцены: как обезьяна вцепилась в одну старуху и изорвала ей щеку; как она нападала на часового солдата, и тот едва мог от нее защититься. Однажды, говорили с изумлением, обезьяна вбежала на высокую колокольню Спасской церкви, и начала звонить в колокола». Далее приведены цитаты из письма знакомого, описавшего нападение обезьяны на дом, она будто бы пыталась «отворить» ставни и «оттягивала болты». Письмо заканчивалось словами: «Слава Богу, что наши собаки не пустили ее на передний двор, она переломала бы все окна. Мы хотя и видали ее, но по ее страшным движениям (подлинно у страха глаза велики!) можно было догадаться, что это была Санга. Но в то время, когда небольшая обезьяна наводила столько страха на город, — продолжал Калашников, — в мясном ряду постоянно, неизвестно для какой potrzeby, сидел на цепи огромный медведь. Его никто не боялся... Медведь был, видите, тоже сибиряк, так что его бояться было не для чего» (т. 2, л. 4 об.–5 об.). Не вошел в журнальный текст подробный рассказ о старшем брате,³² включавший

³⁰ Кстати, эта история в моем пересказе, очень понравилась и вызвала смех и у Елены Константиновны, и у Николая Николаевича.

³¹ Записки штаб-лекаря Гаврилы Марковича Дьякова // Сибирский архив. 1914. № 9. С. 405.

³² Калашников Василий Тимофеевич (1790–1807), записан в службу в 1800 г., в 1807 г. получил чин коллежского регистратора (Калашников Т. П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 10. С. 179–181).

описание публичного экзамена в гимназии, с текстом произнесенной Василием Калашниковым речи, сочинил которую один из учителей, его успехах, ранней, в 16 лет, смерти, похоронах, стихах Н. В. Семивского, посвященных его кончине (т. 2, л. 27 об.–35).

В критике посланий Ф. В. Ростопчина времен Отечественной войны 1812 года³³ вычеркнуты слова «тогда еще не знали, что лучшее средство успокоить народ есть говорить ему всегда правду» (т. 2, л. 22). Сам автор зачеркнул несколько строф из оды некоего иркутского поэта (по мнению М. Д. Сергеева, самого И. Т. Калашникова³⁴) «Торжество России», «с восхвалением русских героев, начиная с князя Кутузова»³⁵, в таких выражениях: «Но кто сей витязь величавый... не ты ль, Кутузов, русский вождь, который на злодеев злобных рассыпал смертоносный дождь... Там Витгенштейн непобедимый рассыпал ужас на врагов!» и т. д. (т. 2, л. 9–9 об.). На следующих листах вычеркнуты слова «о сильном и повсеместном» влиянии поэзии Державина: «Звуки его воинственной и торжественной трубы с жадностью слушались от Балтийского моря до Байкала» (т. 2, л. 11 об.). Говоря о действиях Сперанского в Сибири и, в частности, о том, как он оживил сельские училища,³⁶ мемуарист зачеркнул такой пассаж: «Губернатор Трескин сошел с своего поприща, и временно заступивший его место, описав печальное положение этих заведений, представил на усмотрение генерал-губернатора Сперанского разные меры, необходимые для их восстановления. Все меры эти были утверждены Сперанским и сельские училища снова ожили!» (т. 2, л. 91–91 об.).

Есть пропуски и ошибки, небольшие по объему, но важные по смыслу. Некоторые из них особенно важны. В рассказе о помощи П. А. Словцову со стороны генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича и уважении его³⁷ было уточнение: «как человеку необыкновенному по своим нравственным достоинствам» (т. 2, л. 112). Некоторые искажают смысл. В характеристике круга ученых занятий П. А. Словцова³⁸ были и такие слова: «В последние годы он даже изучал Гегеля, но пройдя его учение шупом критического ума своего, не любил его, считал только последователем индейского панфеизма» (т. 2, л. 166). Следующая фраза «Все полезное и прекрасное было родное душе Словцова» заканчивалась так: «...он не был ни ультра-прогрессист, ни ультра-консерватор» (т. 2, л. 166).

В опубликованном тексте есть ошибки и опечатки, искажающие смысл: «Вся поэзия, современная Державину, была только отголоском сибирской лиры»³⁹, у автора: «Вся поэзия, современная Державину, была только отголоском

³³ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. № 8. С. 391.

³⁴ Сергеев М. Д. Комментарий // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 524.

³⁵ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. № 8. С. 386.

³⁶ Там же. № 9. С. 621.

³⁷ Там же. С. 631.

³⁸ Там же. С. 643.

³⁹ Там же. № 8. С. 387.

его лиры» (т. 2, л. 11); имущество Лоскутова мемуарист оценил в 80 000 руб. (т. 1, л. 127 об., экз. ИРЛИ, л. 100), в публикации указано 8 000.⁴⁰ В данном случае, возможно, правка внесена при печатании редактором, посчитавшим указанную Калашниковым сумму чрезмерной. О тяжелом положении и настроении Словцова в 1809 г. написано: «...от всего отказаться, ни о чем не мечтать, ничего не желать, ни на что не надеяться...» (т. 2, л. 73 об.), но напечатано «...ничего не жалеть...».⁴¹ О судьбе С. А. Горновского, противника иркутского губернатора Н. И. Трескина и сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, говорилось: «Гонимый начальством, он лет двенадцать жил в бедности...» (т. 1, л. 71; экз. ИРЛИ, л. 55), но вместо «двенадцать» напечатано «двадцать».⁴² В характеристике солдатского хора, существовавшего в Иркутске, было написано «очень удовлетворительный»,⁴³ а напечатано — «неудовлетворительный» (т. 1, л. 77; экз. ИРЛИ, л. 59).

В статье отмечены лишь некоторые, наиболее существенные — с моей точки зрения — пропуски, исправления и ошибки в публикации «Записок» по сравнению с рукописью. Другой исследователь может счесть не менее, а, может быть, и более важным совершенно иное.

Текст первой редакции «Записок иркутского жителя» серьезно отличается от второй и от опубликованного. Во-первых, он гораздо больше по объему. Во-вторых, он имеет менее четкую и более сложную структуру. В-третьих, в нем явно меньше выражено автобиографическое начало. В-четвертых, в нем значительно больше информации, полезной для истории культуры, истории повседневности и краеведения. Гораздо больше внимания автор уделял этнографическим зарисовкам, описанию быта, культурной жизни, обычаям родины. Именно эти сюжеты в наибольшей степени подверглись сокращению. В то же время характеристика управления и деятелей администрации практически не сокращена. В результате заметно изменилось соотношение тем, архитектоника сочинения.

Помимо рассмотренных редакций «Записок иркутского жителя», другие рукописи, документы, письма И. Т. Калашникова сохранившиеся в его личном фонде, дают прекрасную возможность для нового изучения его творчества.

⁴⁰ Там же. № 7. С. 244.

⁴¹ Там же. № 9. С. 612.

⁴² Там же. № 7. С. 285.

⁴³ Там же. С. 217.

К СЕМАНТИКЕ ПСИХОТИПА «ТУРГЕНЕВСКАЯ ДЕВУШКА»*

Не только в типологии тургеневских персонажей, но, пожалуй, в типологии героев русской литературы в целом мало найдется столь размытых терминов как термин «тургеневская девушка». Из школьных и вузовских учебников, статей и монографий (!), а более всего из планов школьных уроков, «золотых сочинений», всяческой беллетристики и всевозможных сайтов читатель без труда подберет огромное количество материала, рисующего образ «тургеневской девушки» — натуры «высокой», «поэтической», «романтической», «чистой», «целомудренной», «нравственной», «духовной», «влюбленной», «пылкой», «страстной», «сильной», «передовой», «гордой», «самолюбивой», «мечтательной», «ищущей», «жаждущей», «устремленной»... Слова «истина», «правда», «подвиг», «жертва» сопрягаются с этими определениями. Сама девушка обычно изображается в розовом, белом или голубом, на лоне природы, вся ее фигура служит иллюстрацией к теме «первой любви».

Одновременно читатель натывается на массу *иных* характеристик. В итоге у него мало шансов выйти из путаницы мифологических представлений о «тургеневской девушке».

Между тем контекстуально-сопоставительный анализ и следование смыслам тургеневского текста позволяют освободиться от мифологии, закреплённой, прежде всего, марксистским литературоведением за данным типом. (В настоящей статье мы не ставим ни задач полемики с конкретными авторами по поводу указанного типа, ни задачи построения типологии тургеневских женских образов.¹)

Столкновение с реальным образом-вариантом неизбежно оказывается для неискушенного читателя слишком неожиданным. Кто же очаруется тридцатилетней девицей с грубым голосом, «широкими красными руками»,² курящей «пахитоски» и тайно и безответно влюбленной в героя-самоубийцу? Автор пишет о ней: «Нигилистка *pur sang*.³ Крупна и безобразна <...> но в 30 лет целка. <...> Перчаток никогда не носит <...> Способна на всякое самоотвержение.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

¹ Статья дополняет проблематику предыдущей: *Васильев В. К.* К типологии образов «тургеневской девушки» и «тургеневского героя» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2011. С. 139–145.

² *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 9. Ноябрь 1876. Предисловие к романам. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 135.

³ «Чистокровная» (франц.)

Ест хлеб фунтами — и больше ничего. Нечаев делает из нее своего агента».⁴ Вот это *больше ничего* совершенно замечательно, поскольку образ Феклы Машуриной из романа «Новь» является *итогом* разработки образа «тургеневской девушки». Л. В. Успенский пишет об имени Текла: «Русская форма этого имени считалась в дореволюционной России простонародно-грубой».⁵ Связь же со зловещей исторической фигурой, С. Г. Нечаевым, означает, что героиня-революционерка *способна на убийство* по идеологическим соображениям. Когда речь заходит о том, что «человек один подвернулся ненадежный. <...> сместить его надо; а не то и вовсе устранить», Машурина отвечает: «Коли выйдет распоряжение — рассуждать тут нечего!».⁶ Ф. М. Достоевский описал нечаевщину как «бесовство», глубочайшую патологию национального духа. Аналогичные смыслы реализованы Тургеневым в романе, которым он подводил итог исследования типов-характеров «тургеневской девушки» и «тургеневского юноши». Художественное пространство «Нови» моделируется автором через сюжет-архетип об Антихристе, как пространство антимира.⁷

Роман «Новь» написан в 1876 году. Однако предмет своего исследования Тургенев предельно ясно определил еще в повести «Переписка» (1844–1854): «Зато мы психологи. О да, мы большие психологи! Но наша психология сбивается на патологию; наша психология — это хитростное изучение законов больного состояния и больного развития, до которых здоровым людям нет никакого дела...»⁸ (курсив в цитатах здесь и далее мой. — В. В.). Словами героя «Переписки» писатель отчетливо позиционирует себя в качестве психоаналитика. В 1879 г., на закате своей творческой карьеры, Тургенев подтвердил «излишнее постоянство», «прямолинейность направления» и «однородность стремлений» в наблюдении над «смутным, психологически сложным, даже болезненным», которое явилось «не частным фактом», а было «выдвинуто из глубины недр своих тою же самой народной, общественной жизнью». «В течение всего этого времени я стремился <...> добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”,⁹ и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».¹⁰ Таким образом, преимущественный предмет писателя — «быстро изменяющаяся» (в этом отношении историческая), глубинная, социальная *психопатология*.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем... Т. 9. С. 408.

⁵ Успенский Л. В. Ты и твоё имя. М., 2008. С. 360.

⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем... Т. 9. С. 136.

⁷ См.: Васильев В. К. Роман И. С. Тургенева «Новь» в свете архетипического сюжета об Антихристе // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 345–370.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов. Статьи и воспоминания 1855–1859. М., 1980. С. 27.

⁹ ‘Самый образ и давление времени’ (англ.).

¹⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем... Т. 9. С. 390, 396.

Елена Константиновна Ромодановская. 1 мая 1959 г.

Процесс *аналитического чтения* предполагает наличие технологий, адекватно соотносимых с художественным методом писателя, постановку тех или иных задач, строгое следование смыслам текста и т. д. *Обычный читатель* далек от всего этого. Какие смыслы он способен извлечь из художественного произведения видно уже на примере сконструированного им образа «тургеневской девушки».

Однако представляется, что проблема не только в этом. Материал свидетельствует, что данный образ существует в двух измерениях. 1) «Тургеневской девушкой» предстает *любая героиня*, нарисованная пером Ивана Сергеевича. Необычайный поэтический дар автора, его *способность эстетизировать*, наполнять всевозможными аллюзиями, делать туманными и загадочными (принцип «тайной психологии»!), многомерными и высокие, и низкие образы производят зачаровывающий, гипнотический эффект. Эстетическое чтение склонно представлять как идеальное, между тем как тургеневская поэтика совершенно не поддается упрощенным толкованиям. В связи с этим можно говорить о *широком, размытом (с научной точки зрения, не точном)* понимании данного культурологического термина. 2) В узком же значении «тургеневская девушка» — *новый русский социопсихотип*, впервые открытый Тургеневым. Факт открытия фиксирует, в частности, А. Н. Толстой: «Может быть, таковых, как он писал, не было, но когда он написал их, они появились».¹¹ Основными чертами типа, на мой взгляд, являются мотивы эмансипации, поисков правды, которые в конце концов приводят к идее революционного террора. На основании этих критериев невозможно отнести к типу «тургеневской девушки» ни Лизу Ожогину, ни Лизу Калитину, ни Анну Одинцову, ни множество других героинь.¹² В исторической перспективе классической «тургеневской девушкой» предстает Надежда Крупская, посвятившая жизнь идеалам мужа и вождя Ульянова-Ленина. В XX веке оба психотипа становятся доминантой русской жизни.

Обыкновенный читатель имеет полное право высказывать субъективные представления об образе «тургеневской девушки». Существенная проблема, как я отметил, видится в том, что то же самое понимание демонстрируется в школьных учебниках, а часто и в новейших академических трудах... Очевидно, их авторов не смущает, что «тургеневская девушка» может предстать как «чистая», «нравственная», «духовная», «передовая» убийца, или как «прогрессивная» героиня, «устремленная» вслед за своим избранником к самоубийству, к смер-

¹¹ М. Горький и А. П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания: Сб. материалов. М. 1951. С. 161.

¹² Между тем в читательском восприятии Лиза Калитина — едва ли не главный образ-символ, связанный с понятием «тургеневская девушка». «Довольно только услышать хрестоматийное понятие “тургеневские женщины” — и вмиг пронесутся перед нами навсегда уловленные и никогда неуловимые черты некоей единой натуры — вечным символом которой стала Лиза Калитина из “Дворянского гнезда”» (Вишневская И. Аплодисменты в прошлое. М., 1996. С. 208).

ти (проблематика романов «Рудин», «Накануне» и «Новь»). В определении Достоевского Евдоксия Кукшина — «*прогрессивная* вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ».¹³ Кукшина — классический вариант «тургеневской девушки». Метафоричность определения Достоевского представляется более адекватной, нежели устоявшаяся мифопоэтика образа. И если приходится констатировать, что современные прочтения классических текстов часто мало отличаются от недавних марксистских, то ситуация остро нуждается в коррекции. К сожалению, объемы настоящей статьи не позволяют углубиться в означенную проблематику.

Наиболее устойчивые варианты тургеневского сюжета предполагают наличие «тургеневской девушки» и «тургеневского героя/юноши». Она стоит на пороге жизни, перед выбором. Это выбор, в том числе, и между несколькими претендентами на ее руку. Он определит ее будущее. Она избирает «передового» героя, пытается видеть в нем вождя, который откроет ей истину, поведет за собой и наполнит ее жизнь высшим смыслом. Впервые вариант такой сюжетной ситуации детально разработан в повести «Переписка» (затем в указанных романах).

Сущностной универсалией жизненной практики является ориентация на образцы. Литературное творчество также предполагает ту или иную степень рефлексии и автора, и героя по поводу «первообраза». Тургенев ориентирует свои сюжеты на бинарную систему мотивов, закрепленных за противоположными образами Дон Кихота и Гамлета. «Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета».¹⁴ Героиня повести «Переписка» Марья Александровна сориентирована на западную культуру, ее франко-германские образцы, и прежде всего на романы Жорж Санд. Она пишет своему корреспонденту: «Во-первых, знайте, что меня во всем околоте иначе не называют как философкой; <...>. Иные утверждают, что я сплю с латинской книгой в руках и в очках; другие — что я умею извлекать какие-то кубические корни; ни одна из них не сомневается в том, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вместо “здравствуйте” отрывисто говорю: “Жорж Занд!” — и негодование на философку возрастает. У нас есть сосед, человек лет сорока пяти <...>. Для него моя бедная особа — неистощимый предмет насмешек. <...> Он божится, что я употребляю фразы вроде следующей: “Это легко, потому что трудно, хотя, с другой стороны, оно трудно, потому что легко...” Он уверяет, что я все ищу какого-то слова, все стремлюсь “туда”, и с комической яростью спрашивает: “Куда — туда? куда?” Он также распространил обо мне слух, будто я по ночам езжу верхом взад и вперед по реке вброд и пою при этом серенаду Шуберта или просто стою: “Бетховен, Бетховен!”. Такая она, дескать, пылкая старушка!».¹⁵

¹³ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Зимние заметки о летних впечатлениях. Т. 4. Л., 1989. С. 404.

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем... Т. 5. С. 331.

¹⁵ Там же. С. 34.

Владимир Кириллович Васильев. Июнь 2012 г.

ее дядя: «муж, дети, горшок щей; за мужем и детьми ухаживать, а за горшком наблюдать». ¹⁶ Марья Александровна могла выйти за молодого поклонника, «если б захотела». «Он человек <...> образованный, с состоянием. Препятствий со стороны моих родных нет; напротив, они <...> желают этого брака; он человек хороший и, кажется, меня любит... *Но он так вял и мелок, все желания его так ограничены, что я не могу не сознавать моего превосходства над ним; он это чувствует и как будто радуется этому, а именно это-то меня и отталкивает от него; я его уважать не могу, хотя и сердце у него прекрасное.*» ¹⁷ «Тургеневская девушка» с позиции своей гордыни (одна из ее патологических черт) судит и отвергает обыкновенного человека. Ей нужен герой. «Если б он был героем, он бы воспламенил ее, он бы научил ее жертвовать собою, и легки были бы ей все жертвы! Но героев в наше время нет...» ¹⁸

Героиня живет в сфере иллюзий. Критерий ее отношения к миру — субъективное «Я». Ключевое слово, определяющее ее идеалы, — «кажется». «Пусть зовут меня философкой, чудачкой, чем угодно — я останусь до конца верна... чему? идеалу, что ли? Да, идеалу. Да, я останусь до конца верна тому, от чего в первый раз забилось мое сердце, — тому, что я признала и признаю правдою, добром...

¹⁶ Там же. С. 35.¹⁷ Там же. С. 38.¹⁸ Там же. С. 30.

Лишь бы силы мне не изменили, лишь бы кумир мой не оказался бездушным и немым идиолом...» ¹⁹ (На том же *субъективно-иллюзорном* основании герой романа Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников строит свою теорию.) Ср., например, с противоположной позицией, выраженной в романе «Война и мир» Л. Н. Толстым: «Для нас, с данной нам Христом мерой хорошего и дурного, нет неизмеримого. И нет величия там, где нет простоты, добра и правды» ²⁰. Дело не в том, что Толстой — писатель, а Марья Александровна — литературная героиня, да еще и не его романа. Важно, что Толстой стоит на *традиционной* для русской культуры миромоделирующей позиции. «Добро и правда» с этой позиции предстают божественной — внешней, отчужденной от личности и *объективной* данностью. Человеку остается только принять ее.

Тургенев рисует «новых» героев, для которых не существует вековых истин. Именно в этом суть их «новизны». «Новые» люди порождены кризисом, как принято сейчас говорить, «глобального проекта» — христианства. «Не бойтесь: я не стану вам навязывать никаких великих истин, никаких глубоких взглядов; у меня нет их — этих истин и взглядов», ²¹ — рекомендует Алексей Петрович своей старой знакомой, уговаривая ее вступить с ним в переписку. «В первой молодости я непременно хотел завоевать себе небо», ²² — признается он. Вероятно, по цензурным условиям в сочинение не были включены дальнейшие его слова: «и найти там Бога». ²³ В русском варианте повесть заканчивается фразой: «А впрочем, кто скажет, что такое жизнь, что такое истина? Вспомните, *кто* не дал на этот вопрос ответа...» ²⁴ (курсив оригинала. — В. В.). Во французском переводе Тургенев более конкретен: «“Rappelez-vous la question posée par Pilate, et restée sans réponse” (“Вспомните вопрос, заданный Пилатом и оставшийся без ответа”). Речь идет о вопросе, заданном Пилатом Иисусу. “Что есть истина?”, на который Иисус не ответил» ²⁵ (см.: Ин. 18:38). Герой знает, что ответ в Евангелии есть, перед этим Христос говорит Пилату: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Ин. 18:37). (Ср.: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6); «Благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:17).) Ответ просто игнорируется; в нигилистической картине мира истина не выходит за рамки утверждений типа «дважды два четыре» или «...из меня лопух расти будет; ну, а дальше?».

Марья Александровна напрасно просит Алексея Петровича рассеять ее сомнения и подкрепить *верования*. Но он не способен на это. Философ и «философка» — герои-двойники. В интерпретации русского литературного текста

¹⁹ Там же. С. 35.²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 12: Война и мир. Т. 4. М., 1940. С. 165.²¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем... Т. 5. С. 25.²² Там же. С. 47.²³ Там же. С. 396.²⁴ Там же. С. 48.²⁵ Там же. С. 401.

они люди «переходного» времени или же «безвременья», кризиса, а потому состояние болезни — неизбежность. В силу объективного хода истории и собственного выбора они оказались в патологической ситуации — перед ними открылась бессмыслица человеческого бытия. Мир обернулся своей обратной стороной, сущность которой утверждается в понятиях «ложь», «безвоздушное пространство» (определение Павла Кирсанова), «трагическое положение» («Ваше положение можно, пожалуй, назвать трагическим. Но знайте, не вы одни в нем находитесь: *почти нет современного человека, который бы не находился в нем*», — констатирует в письме своей корреспондентке универсальность ситуации Алексей Петрович²⁶). Достоевский назвал его «подпольем». «Новый» человек столкнулся с неизбежностью актуализации зла. Именно в сфере антимира вырабатывается Личность как феномен и факт, замечу, не только в русской культуре, но и в постхристианской цивилизации новейшего времени. Тургенев один из первых уловил и описал этот процесс.

В «Переписке» наметившийся было союз двух одиноких, не способных любить героев так и не состоялся. Накануне встречи с Марьей Александровной Алексей Петрович влюбляется в танцовщицу, уезжает за ней в Дрезден и, брошенный ею (!), умирает от чахотки. Умирает и приговоренный докторами его двойник, герой «Дневника лишнего человека» (1848–1850) Чулкатурин. Смерть «передовых» героев, сориентированных автором на синтетический образ Гамлета-Мефистофеля, вполне метафизична. Сама природа «не рассчитывала» на их появление, а потому обходится с ними «как с неожиданными и незванными гостями»²⁷. Отсюда не удивительно, что автор не даст права жить ни одному главному герою данного типа. Рудин — «сложный самоубийца», Нежданов — просто самоубийца, Базаров и Инсаров умирают от случайной болезни и т. п. Иван Сергеевич «не позволит» Наталье Ласунской и Марианне связать свою жизнь с героем-революционером, угасит их донкихотовский пыл и «отдаст» их героям обыкновенным, серым, достоинство которых в том, что они просто умеют устраивать жизнь. Единственная романная героиня, которая выберет воинствующего «Дон Кихота», Елена Стахова, напишет в финале сюжета своей жизни: «Я искала счастья — и найду, может быть, смерть. Видно... была вина».²⁸

Думаю, что читателя не удивит вывод о том, что тургеневская антропология не только не устарела, но является научно-художественной системой, без которой необъяснима, непознаваема и современная картина мира, и психология/психопатология современного человека. Рассмотренный с психоаналитических позиций тургеневский текст обнаруживает степень актуальности, которая превосходит актуальность многих художественных текстов новейшего времени.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии 1844–1854. М., 1980. С. 173.

²⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 6. Накануне. М., 1981. С. 298.

СЮЖЕТ О СПАСЕНИИ ДУШИ В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ» («СПАСЕНИЕ ПОГИБАВШЕГО»)

Логика творческой эволюции Н. С. Лескова, если проводить условную прямую линию, неизбежно упрощая отдельные моменты, будет выглядеть как уход от романного повествования к проповеди, от исторического нарратива хроники к внеисторичности и назидательности переделок сюжетов из Пролога. Жанры романа («Некуда») и романа-хроники в позднем творчестве сменяют произведения, не всегда четко определяемые с точки зрения «канонических жанров», но отвечающие его внутренним духовным запросам. Причудливость лесковских жанровых наименований, подзаголовков свидетельствует о таком поиске. Им не находится готовых литературных форм, и писатель «изобретает» свои, будучи притом прекрасно осведомленным о подобных им в истории культуры. Так, например, в поздних произведениях четко проявляются притчевые стратегии, что вполне объяснимо кругом чтения и кругом привлекаемых источников сюжетов. По разысканиям исследователей это и Пролог, и «Великое Зерцало», и агиография. Лесков постепенно переходит к обработке «легендарных» сюжетов в соответствии со своими внутренними установками. Они насквозь условны с точки зрения происходящих в них событий — это скорее «значение, которому, как в притче, придан вид события»¹.

Важнейшей особенностью его поздних повестей, рассказов, легенд является то, что за единичным случаем скрывается не типическое, а абсолютное. Примечательно, что Лесков всегда подчеркивал, что не умеет выдумывать, что сюжеты его произведений почерпнуты из жизни. Его внимание при этом привлекали случаи не рядовые, но исключительные. И каждый становился переосмысленным таким образом, что получал поистине символическое вневременное звучание и значение. Одним из таких важных для творчества 1880-х гг. является сюжет о полном самоотречении, укрощении гордыни и самопожертвовании во имя спасения другого.

Именно идея о невозможности жить по христианскому учению, не жертвуя собою и своим благом мира ради ближнего, объединяет сюжеты «Богородного дровосека», «Скомороха Памфалона», «Человека на часах», «Горы», «Бедной Азы». Нельзя сказать, что мысль эта неожиданна для лесковского творчества, однако именно в произведениях 1880-х гг. она становится центральной. В каждом из произведений герой-праведник обязательно ценою собственного благополучия помогает другому человеку: это скоморох, отдав-

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004. С. 337.

Елена Константиновна Ромодановская.
2005 г.

ший все свои накопления Магне ради выкупа ее самой и ее детей («Скоморох Памфалон»); и часовой Постников, оставляющий свой пост ради спасения утопающего («Человек на часах»); и златокузнец Зенон идущий на гору молиться, невзирая на отказ более слабых духом, и спасающий не столько себя, сколько всех остальных («Гора»); это Аза, пожертвовавшая все состояние попавшему в беду человеку и умирающая от голода и холода, отверженная людьми («Прекрасная Аза»). Всех упомянутых героев можно назвать героями-спасителями. Этот ряд «спасителей» можно продолжить рассказом о главном герое «Человека на часах». По времени создания рассказ почти совпадает со «Скоморохом Памфалоном» и на совершенно ином материале проводит ту же самую мысль о христианском

самопожертвовании и смирении как абсолютном условии для спасения души.

Начинается произведение с маленькой, в четверть странички главки, где говорится о том, что событие, о котором пойдет речь, «трогательно и ужасно по своему значению для главного действующего лица <...>, а развязка так оригинальна, что подобное ей едва ли возможно где-нибудь, кроме России. Это составляет отчасти придворный, отчасти исторический анекдот...».² То есть произошедшее есть нечто исключительное. Однако тут же говорится, что это случай, «недурно характеризующий нравы и направление очень любопытной, но крайне бедно отмеченной эпохи тридцатых годов совершающегося девятнадцатого столетия» (8, 151), то есть обладает какими-то важными характеристиками, возможно, типическими чертами. Однако манера изложения событий, их подачи рассказчиком такова, что поведать анекдот о чрезвычайном происшествии и рассказать о типической ситуации строгого телесного наказания за нарушение установленных регламентов и правил вовсе не является самоцелью. Цель — напомнить на примере этого случая абсолютную истину о спасении души посредством полного и бескорыстного самоотречения.

Суть случившегося такова: солдат, стоящий на карауле слышит крики о помощи. На Неве тонет провалившийся под лед человек. Часовой оставляет

² Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 151. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

пост, вопреки уставу, и спасает утопающего. Начальство в замешательстве, как должно поступить: за нарушение устава положено строгое наказание, а за спасение человека — награда. В итоге награду получает офицер, к делу непричастный, а сам спаситель подвергнут телесному наказанию.

Действие развивается следующим образом. Собственно повествование о произошедшем начинается со второй главы. Точно фиксируется время случившегося: «Зимой, около Крещения, в 1839 году в Петербурге была сильная оттепель» (8, 151). Вследствие оттепели на Неве образовались многочисленные полыньи. В третьей главе становится известно, что во время ночного караула случилось нечто из ряда вон выходящее. В четвертой начинается сам рассказ о трагическом происшествии, ведется он от лица автора-повествователя. Солдат Постников, «человек очень нервный и очень чувствительный» (8, 156), слыша крики о помощи утопающего в Неве человека, понимает, что «спасти этого человека чрезвычайно легко. Если теперь сбегать на лед, тонущий непременно тут же и есть. Бросить ему веревку, протянуть шестик, или подать ружье, и он спасен» (8, 156). Однако солдат колеблется, поскольку «помнит службу и присягу; он знает, что он часовой, а часовой ни за что и ни под каким предлогом не смеет покинуть своей будки» (8, 156). В результате тяжелой душевной борьбы солдат все-таки бросается на помощь и спасает гибнущего человека. В его размышлениях присутствует такой момент: «Видно, что человек еще не потерялся и держит путь верно, прямо на свет фонарей, но только он, разумеется, все-таки не спасется, потому что именно тут на этом пути он попадет в иорданскую прорубь, там он ему нырок под лед и конец» (8, 156). Потом, в самый решающий момент: «Все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье. Тону! Спасите, тону! — тут вот сейчас и есть иорданская прорубь... Конец!» (8, 157). Постников не выдерживает, спасает несчастного, сам весь промокает. На удачу часового мимо проезжает офицер придворной инвалидной команды, которому тот и передает пострадавшего и возвращается на свой пост.

Между тем, офицер решил воспользоваться ситуацией и получить медаль за спасение погибавших, он везет промокнувшего бедолагу в участок. Там офицер подвергнут пристальному допросу, поскольку неясно, как «он сам весь из воды сух вышел» (8, 158). Начальство же Постникова в полной панике из-за происшествия: часовой оставил пост, вопреки всем «регламентам», все боятся высочайшего гнева. В итоге ситуация разрешается ко всеобщему удовольствию: офицер получает желанную, хотя и не заслуженную им медаль, начальники часового избежали взысканий и недовольства высочайших особ, сам Постников тем не менее наказан, хотя и с оговоркой, что по тем временам и нравам понесенное им наказание — двести розог — было еще довольно мягким, могло быть много хуже. В лазарете после приведения наказания в исполнение Постникова навещает полковник Свиныин, отдавший о том распоряжение, теперь он проявляет милость, приказывает выдать тому «фунт сахару и четверть фунта чаю» (8, 170). На что пострадавший за спасение другого человека часовой отвечает: «Много доволен, ваше высокородие, благодарю за отеческую милость» (8, 170).

Рассказ сперва был назван «Спасение погибавшего» и кроме прямого указания на спасение утопающего в таком названии присутствует метафора спасения души. Условно говоря, часовой спасает утопающее в Неве «тело» подвыпившего человека, сохранив ему жизнь, и одновременно спасает свою душу, поначалу смятенную, поступив согласно христианским заповедям. Христианские и евангельские аллюзии «рассыпаны» повсюду. Действие рассказа приходится на крещенское время, все случается в иорданской проруби. Таким образом, часовой как будто принял символическое крещение, спасая неведомого ему человека. Сам пострадавший ни разу не будет назван по имени. Часовой же все время зовется исключительно по фамилии: «Постников» от «пост» — это и пост, который им оставлен, и пост у христиан. Почему на фоне истинных фамилий участников происшествия (см.: 8, 577) появляется именно такая, «говорящая» и двусмысленная фамилия? В чем смысл этой языковой игры, которая у Лескова никогда не бывает праздною? Возможно, это одна из тех «семантизированных деталей»³, благодаря которым создается второй план, внутренний сюжет с метафорическим значением. Свою фамилию герой полностью оправдывает. Спасая другого ценою собственной «гибели», Постников становится истинно христианским праведником. Его внутреннее смирение совершенно искренне: он ни на что не претендует, ни на заслуженную награду, ни на снисхождение начальства, ни о чем не просит, молчаливо и покорно ждет в карцере своей участи. Узнав о решении начальства, не ропщет, напротив рад, что сподобился «отеческой милости»⁴ — еще одна деталь, отсылающая к Евангелию, Отцу-Богу и смирению перед отеческой волей Сына Божия.

Кроме того, жестокое телесное наказание Постникова, вполне обыкновенное и довольно распространенное по тем временам, в контексте идеи рассказа заставляет вспомнить о христианских мучениках, претерпевавших за свою веру и бичевание, и битье палками, но от веры не отрекавшихся. Смысл перенесенных мук — душевных и физических — объяснен дважды, в финале рассказа. Сперва от лица владыки, утверждающего, что «наказание же на теле простолюдину не бывает губительно и не противоречит Писанию. Лозу гораздо легче перенести на грубом теле, чем тонкое страдание в духе» (8, 173). Далее в заключительной главке, размером, как и самая первая, всего в один абзац, дана оценка автора-повествователя всему случившемуся: «Если бы я имел дерзновение счастливых избранников неба, которым по великой их вере, дано проникать тайны Божия смотрения, то я, может быть, дерзнул бы позволить себе предположение, что, вероятно, и сам Бог был бы доволен поведением созданной им смиренной души Постникова. Но вера моя мала; она не дает уму моему силы зреть столь высоко: я держусь земного и перстного. Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни

³ Дыханова Б. С. В зазеркалье волшебника слова: Поэтика отражений Н. С. Лескова. Воронеж, 2013. С. 201.

⁴ Курсив здесь и далее наш. — Н. Н.

было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть довольны святым порывом любви и не менее святым терпением смиренного героя моего точного и безыскусственного рассказа» (8, 173). «Смирненное терпение героя» в устах повествователя оказывается «святым», также как и любовь к добру «ради самого добра», безо всяких наград. Таким образом, бескорыстному «святому порыву любви» к ближнему, так же, как и «святому смирению», присваивается статус абсолютной моральной ценности, ведь, со слов повествователя, возможно, и «сам Бог был бы доволен» поступком героя «безыскусственного рассказа». Насчет «безыскусственности» Лесков, конечно, говорит с иронией. Рассказ словно инкрустирован «семантизированными» деталями и «говорящими» аллюзиями, переключающими повествование из сказовой стихии «просто анекдота» в план абсолютного и вечного.

Именно потому, хотя, «в основу рассказа положены действительные события» (8, 577), но суть отнюдь не в достоверной передаче случившегося: реальное происшествие под пером Лескова оказывается аллегоричным и обретает метафорическое толкование. По сути, это повторение сюжета о Христе, принесшего себя в жертву во имя рода людского. Спасение жизни другого, даже не названного по имени, человека, явившись завязкой рассказа, оказывается не самым главным его событием. Премного важнее, и об этом свидетельствует постоянная рефлексия о том других персонажей, событие принесения Постниковым себя в жертву во имя другого, неизвестного ему человека, его христианское смирение перед возможной грозящей за героический поступок гибелью: «Он понимал, что спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя» (8, 172).

Последняя глава оказывается подобна притчевому «выкладу», толкующему от лица рассказчика смысл рассказанного. Таким образом, первая и последняя главки по сути своей — обрамление. И если в самом начале говорится про необычный, из ряда вон выходящий «анекдот», то финал, полностью посвященный моральной оценке произошедшего и «богоугодности» поведения главного героя заставляет читающего увидеть в конкретном происшествии универсальную, евангельскую суть, толкуя его, словно притчу. Возможно, поэтому в окончательном заглавии рассказа акценты смещены: не факт спасения утопающего в Неве является смыслообразующим событием, а понимание того, что «человек» должен быть всегда «на часах» в деле спасения ближнего и собственной души, невзирая на любые испытания.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО-ГУМАНИТАРА

Текст писался в виде тезисов доклада на каком-то мероприятии на филфаке Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена в 1970-х гг. Доклад состоялся, так как на листке я записал замечания коллег; М. Г. Качурин: «И точная наука отражает свойства данной личности», С. Г. Ильенко: «Доклад уже заглавия». К сожалению, в подробном списке докладов, который я вел с 1951 года, этот не отмечен.

Содержание доклада очень характерно для тогдашних научных интересов моих и моего научного окружения: внимание к классификациям и индексации понятий, стремление системно-структурно описать изучаемые объекты, и в то же время серьезное внимание к индивидуальному, неповторимо оригинальному.

Интересно употребление самодельного слова «гуманитар»: широко ныне распространенный гуманитарий — термин относительно новый, в первой половине XX века его еще не было, в добротном словаре Д. Н. Ушакова его нет, и появляется он лишь в послевоенном словаре С. И. Ожегова; поэтому я на заре формирования нового термина придумал краткого «гуманитара».

Интерес к метанауке (науке о науках) связан с усложнением жизни, с появлением метаязыков все больших степеней и с представлением о некотором сходстве различных структур. Изучение метаязыка помогает исследованию языка по нескольким параметрам.

Труд ученого связан с тремя аспектами: отбор фактов, их систематизация, их объяснение. Принципиальное отличие ученого-гуманитара от коллег-негуманитаров в появлении четвертого аспекта — *оценки*. В оценке как раз и проявляется наиболее глубоко личность ученого, ибо он оценивает объект в соотношении со своим идеалом, нормой. *Нормативность* — неотъемлемое свойство гуманитаря. Она бывает объективной (когда ученый ограничивается самой оценкой) или субъективной, точнее — субъективистской (когда вторгается в первые три аспекта изучения). Субъективистская нормативность — враг науки.

Изучение научного текста позволяет определить метод ученого, который отражается и в указанных четырех аспектах, и в построении работы, в стиле и в ее жанре. Для более точного определения метода по самому тексту целесообразно ввести спектр основных дифференциальных признаков, которые расположим по антиномичным парам и обозначим буквами:

Мир саморазвивающийся (р) — мир телеологический, управляемый извне, свыше (т);

системность, алгебраичность (с) — «рассыпанность», арифметичность (а); замкнутость (з) — открытость (о);

исчерпанность, доступность подсчету (п) — неисчерпаемость (н);

имманентность (и) — включенность во внеположное (в);

четкость описания (ч) — диффузность, размытость (д).

Тогда метод ученого-романтика (шеллингианца) обладает признаками т, с, о, н, в, д; гегельянца — т, с, з, п, в, ч; марксиста — р, с, о, п, в, ч; позитивиста — р, а, о, н, и, ч. Заметим, что речь здесь идет об эпохальном или групповом методе, дифференциации по личностным методам здесь не было.

Для более личностной характеристики ученого возможно еще добавление таких методологических антиномий, как дедуктивность — индуктивность, интенсивность — экстенсивность, традиционализм — новаторство, спиралевидность (или кругообразность) — векторность, подробность — лаконизм, природность — включенность в «культурный» мир человека (главным образом, в общественно-политический); индивидуальное — групповое, коллективное. При сопоставлении стилей ученых очень помогают лингвистические категории (см. ниже).

Наиболее личностные — труды гуманитаров, изучающих искусство и литературу (далее именуем их искусствоведами). Главное в том, что личностна не только оценка (куда, помимо этических, включаются эстетические категории), но и многоаспектная интерпретация произведения в целом. Искусствовед (как и рядовой читатель, зритель, слушатель) — сотворец произведения, поэтому в интерпретации участвует весь комплекс личностных качеств ученого (эпохальный, национальный, социальный, психо-физиологический).

Субъективная интерпретация делает текст искусствоведа более конкретным и индивидуальным, несмотря на казалось бы большую степень абстракции от действительности, по сравнению с трудами не-искусствоведов (ведь там 2-я ступень от действительности, здесь же 3-я, так как 2-я — это анализируемое произведение искусства). Но персональная исключительность произведения искусства делает и труд о нем исключительным, весьма личностным. Поэтому текст искусствоведа можно рассматривать как сплав научного и художественного. Отсюда вытекает важность изучения формы этого текста (жанр, композиция, стиль), хотя и в любой науке изучение формы представляет интерес для понимания метода ученого. Следует также учесть, что прямые художественные вкрапления возможны и в трудах ученых — не-искусствоведов, то есть негуманитаров, но там они факультативны.

В качестве примера личностного анализа литературоведа рассматриваю соотношение критических методов Чернышевского и Добролюбова в их литературно-критических статьях. Естественно, общие методологические принципы (революционно-демократическое мировоззрение) у них общие, здесь не может быть никакого различия. Но многое у них и своеобразно, вплоть до прямого противопоставления.

Пожалуй, самое существенное отличие обнаруживается при антиномии *индивидуальное — коллективное, общее*. Добролюбов всегда связывал литературные проблемы с социально-политическими и этическими, широко обобщал конкретные наблюдения, типологизировал случайное и отдельное, создавал обобщающие термины для характеристики тех или иных социальных типов и ситуаций («лишние люди», «люди дела», «обломовщина», «самодурство»). Чернышевского же в искусстве больше всего интересовала индивидуальная сущность явлений, конечно, с оглядкой и на социальную типологию: он, например, подчеркивал, что лирический герой (говоря нашим термином) в поэзии Огарева — лицо типическое. Но все же его больше, чем Добролюбова, интересовало индивидуальное своеобразие персонажей, а также и самих писателей. С этим же связано усиленное внимание Чернышевского к субъективному началу в искусстве, к мировоззрению писателя, к его идеалам. А Добролюбову важнее была объективная сущность произведения. Потому, например, Чернышевский не полюбил роман Гончарова «Обломов» из-за совершенной чуждости ему мировоззрения автора, а Добролюбов, наоборот, превознес значение этого романа.

Чернышевский выдвигал три значения искусства: искусство воспроизводит жизнь, искусство объясняет жизнь, искусство произносит приговор над жизнью (предполагалась здесь и большая роль личности писателя). Добролюбов же к третьему (да фактически и ко второму) признаку отнесся весьма прохладно: критик, дескать, благодарит автора, если тот раскрыл причины появления событий и образов, но если такого нет, то он сам дополнит писателя.

Казалось бы, в свете сказанного антиномия *дедукция — индукция* должна бы обнаружиться в стремлении Чернышевского отталкиваться от отдельного, «особного», и на его основании восходить к обобщениям (индукция), а у Добролюбова, наоборот, от общего идти к пониманию частного (дедукция). Элементы именно такого противопоставления можно найти. Но значительно больше мы наблюдаем обратную принадлежность, что очень хорошо демонстрируется при рассмотрении сюжетного развития статей наших критиков. Главный композиционный стержень статьи Добролюбова — причинно-следственное развитие проблематики, своего рода линейная цепь, состоящая из отдельных звеньев, каждое из которых продвигает мысль на следующую ступень. И таким образом как бы проявляется индуктивный способ анализа. Иначе строится литературная статья Чернышевского: не цепевидно, а на базисной, на корневой основе, на развитии и показе разных вариантов некоей фундаментальной темы. Вначале критик выдвигает определенный тезис, а остальной текст посвящается, главным образом, объяснению и доказательству этого тезиса. Иными словами, Чернышевский излагает свои мысли дедуктивным способом.

Например, его рецензия на «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина вся построена на доказательстве первоначально заявленного тезиса «среда обуславливает человека», с последовательным разбором то одного, то другого рода образов и с обильными примерами.

Указанное различие в композиционном построении статей Чернышевского и Добролюбова подтверждается статистическим подсчетом ряда синтаксических категорий. Так, при анализе состава сложноподчиненных предложений выявилось резкое преобладание целевых (в полтора-два раза больше) и причинных (в три раза) придаточных предложений у Добролюбова по сравнению с Чернышевским (у Добролюбова 10–11% целевых и 5–6% причинных предложений, а у Чернышевского соответственно 5–7% и 2% от общего количества придаточных в сложноподчиненных предложениях).

Структурные особенности статей объясняют и другое синтаксическое различие в стиле наших критиков. Если сопоставить у них союзные и бессоюзные сложносочиненные предложения, то оказывается, что у Добролюбова больший процент, чем у Чернышевского, составляют союзные сложносочиненные предложения. В статьях Добролюбова мы почти в равной мере находим союзные и бессоюзные предложения, у Чернышевского же наблюдается заметное преобладание бессоюзных сложносочиненных предложений над союзными (например, в статье «Не начало ли перемены?» их в семь раз больше).

Такое несоответствие также тесно связано с композиционными особенностями статей. Ведь в бессоюзных сложносочиненных предложениях второй (если есть — и третий, четвертый) член обычно уточняет или усиливает содержание первого. Мысль, так сказать, не двигается дальше, а расширяется и углубляется. Иное — в союзных предложениях. Здесь первоначальное понятие или сопоставляется с другим, или последнее противопоставляется первому: в связи с этим необходимо употребление соответствующих союзов. Союзное сложносочиненное предложение служит, таким образом, большей частью для дальнейшего развития мысли, для ее поступательного движения. Поэтому вполне закономерно, что «цепевидная» конструкция добролюбовской статьи требует большего количества союзных предложений, чем «кустообразное» построение статьи Чернышевского, для которой более органичны бессоюзные периоды.

А можно ли сами композиционные принципы и различия объяснить какими-либо более крупными мировоззренческими факторами? Скажем, заманчиво предположим, что глубинная сущность добролюбовской методологии предельна подвижна в своей историчности, поэтому требует всюду векторно-динамического своего воплощения, то есть именно линейного, «цепевидного» развития в причинно-следственной связи отдельных звеньев, а у Чернышевского и в историчных построениях, и вне их содержится неизменный фундаментальный базис, может быть, обусловленный антропологизмом и своеобразным традиционализмом автора и влияющий на композицию трудов тем, что к нему, базису, постоянно возвращается мысль, создавая своеобразный структурный круговорот. Так что здесь можно вспомнить антиномию *векторность — круговорот*.

Подобные различия наблюдаются и при психологическом изучении критиков. Чернышевский по своему душевному складу был очень спокоен, тради-

ционен и постоянен. Он был потрясающе постоянен в привязанностях, особенно в любви. Он был очень домашним, «комнатным» человеком, не любил житейских перемен и путешествий. И в литературе он любил установившееся и укрепившееся. Точно так же он был склонен преувеличивать исчерпанность литературных проблем, решенных Белинским, — неоднократно заявлял об этом. Отметим еще постоянную нелюбовь Чернышевского к категории трагического и его утопические мечты о победе в литературе (конечно, как и в жизни) жанра идиллии. Самое становление его революционно-демократических убеждений связано с органической ненавистью к неравенству, несправедливости, к беспорядку. При этом в его знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» чувствуется твердое желание основательно готовить всеобщее восстание и избегать стихийного развала и неорганизованных вспышек и разрушений. (Конечно, следует учитывать и усиление в период революционной ситуации 1859–1861 гг. пафоса перемен в статьях Чернышевского.)

Добролюбов по натуре был более подвижным, более страстным, более жизнелюбивым. Повышенная эмоциональность, пылкая влюбчивость Добролюбова бросались в глаза ближним, и Чернышевский не даром именно эти качества сделал доминирующими в образе Левицкого (роман «Пролог»), явным прототипом которого был Добролюбов. Характерно и почти парадоксально, что Чернышевский, при всей его теоретической методологии и социальности, в художественных образах любил скорее природное, внесоциальное начало. Так что и здесь уместна антиномия *природное — социальное*.

Мы рассмотрели ряд существенных отличий в личностях и в литературно-критической деятельности Чернышевского и Добролюбова, но не нужно забывать и их фундаментального сходства, что и является главным при изучении их жизни и творчества.

«ЖИВАЯ ЖИЗНЬ» И «ПРИВЫЧКА» КАК КОНЦЕПТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ А. П. ЧЕХОВА («В ССЫЛКЕ»)

Рассказ «В ссылке» (1892) входит в состав «сахалинского текста» А. П. Чехова. Сюжетная ситуация рассказа о перевозчиках-ссылных контаминирована из двух эпизодов поездки А. П. Чехова по Сибири — это переправа через Ишим и ночевка в избе перевозчиков при переезде через Иртыш. Оба события произошли в мае 1890 г.¹ Автор очерковой книги «Остров Сахалин» (1894) исследовал жизненные ценности и психологию вольных (в производном значении от вольницы, сообщества людей вне общепринятых социально-правовых норм) или, напротив, подневольных (ссылных, каторжных или бывших солдат) людей в рассказах начала 1890-х гг. «Воры» (1890), «Гусев» (1890) и «В ссылке». Сахалинский мирообраз лег в основу более позднего рассказа А. П. Чехова «Убийство» (1895), сюжетно выстроенного как переход от воли к неволе, причем неволя оказывается местом духовного освобождения одного из главных персонажей, Якова Терехова.

Ссылка в «сахалинском тексте» А. П. Чехова — прежде всего экзистенциальный опыт. Топика ссылки как духовного преодоления нравственных недугов не противоречит христианско-этической телеологии русской литературы XIX в. В рассказе «В ссылке» топохрон² неволи оформлен как поляризация «живой жизни»

¹ См. коммент.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 8. М., 1986. С. 439. В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.

² Этот сравнительно новый термин (появился в 1990-е гг.), активно осваивающийся в социальной философии и культурологии, применительно к поэтике литературного произведения может быть объяснен как «гений места», в то же время маркированный темпоральностью. По выражению М. Н. Эпштейна, в топохроне «время опространствлено» (Эпштейн М. Н. Топохрон // Топос. Литературно-философский журнал: Электр. науч. журн. 09.02.2004. URL: <http://www.topos.ru> (дата обращения: 10.04.2014)). Топохрон можно трактовать как культурно-локальные особенности определенного пространства, в котором немаловажное значение имеет фактор времени (биографического, культурно-исторического и т. п.). Если хронотоп, при усилении его предикативности и пространственно-временных характеристик, сближается с мотивом (см.: Силантьев И. В. О некоторых теоретических основаниях работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 1. Новосибирск, 2003. С. 164–165), то топохрон, вероятно, можно сблизить с символом или другим образом-знаком.

ни» и «привычки»,³ означающей примирение с неволей и, в конце концов, замирение жизни в ее этическом (сочувствие, самоотдача, любовь к ближнему) и онтологическом (жизнь — смерть; Бог как смысл жизни) смыслах.

«Живая жизнь», равно как и «привычка», являются не просто индексами мироотношения как такового, но и концептами художественной антропологии А. П. Чехова, признавшего «обыкновенного» человека основным субъектом/актором фиктивной реальности.⁴ Под концептами мы имеем в виду устойчивые образы-понятия,⁵ «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего

³ Наиболее емкое определение концепта «живая жизнь» содержится в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского (1864). В этой повести «живая жизнь» противопоставит «подполью»: «Спокойствия» я желал, остаться один в подполье желал. «Живая жизнь» с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно. Подпольный парадоксалист рассуждает про отвычку современников из «образованного меньшинства» от внерациональной формы существования: «Ведь мы до того дошли, что настоящую “живую жизнь” чуть не считаем за труд, <...> и все мы про себя согласны, что по книжке лучше»; «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, собственным телом и кровью, <...> и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. Мы мертворожденные...» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л., 1989. С. 546, 549, 550).

«Привычка — образ действий, состояние, поведение или склонность, усвоенная кем-нибудь за определенный период жизни, вошедшие в обыкновение, ставшие обычными, постоянными для кого-нибудь»; обратим внимание на глагол «привыкнуть», первое значение которого — «усвоить, приобрести постоянную привычку», а второе — «освоиться, свыкнуться с кем- чем-нибудь, научиться переносить кого-что-нибудь, сделать кого- что-нибудь для себя обычным, обыкновенным» (Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2008. С. 797).

⁴ По замечанию А. С. Собенникова, «Реальный гуманизм» Чехова и заключается в утверждении для художника приоритета «просто человека» и «жизни вообще» (Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, 1997. С. 186). «Изображая в своих произведениях “обыкновенных” людей, Чехов решал не только эстетическую задачу <...> Главным в таком подходе был аксиологический критерий: “жизнь... какая она есть на самом деле” противопоставлялась жизни, придуманной писателем, сочиненной им» (Там же. С. 183). О динамике характера «обыкновенного человека» «от Карамзина до Чехова» см.: Фаустов А. А. У истоков обыкновенного (о формировании характера «обыкновенного человека» в русской литературе) // Аспекты литературной антропологии и характерологии. Воронеж, 2009. С. 28–61.

⁵ О связи образной и понятийной структур концепта см.: Неретина С. С. Тропы и концепты. М., 1999; Арутюнова Н. Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988. С. 147–162. По замечанию Д. С. Лихачева, «концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова, <...> он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, и для эмоциональной ауры слова» (Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 5).

культура входит в ментальный мир человека»⁶. Концепты в то же время могут являться сигнификатами индивидуальной художественности, приобретая субъективное значение,⁷ не отменяющее общезыковой конвенции в их структуре. Так, на наш взгляд, происходит с концептами «живой жизни» и «привычки» в художественной парадигме Чехова, в частности, в рассматриваемом нами рассказе.

В рассказе «В ссылке» восприятие жизни как привычки, отказ от эмоционально-эмпатийного отклика на происходящее вокруг, составляет «сценарную директиву» Семена по прозвищу Толковый. Его оппонентом выступает молодой татарин, и вовсе лишенный имени, однако личностно определенный. Антропоним Толковый указывает на приобретенную жизненную мудрость его носителя. Тем не менее мудрость этого персонажа в этической ситуации рассказа подвергается переоценке и приравнивается к квазимудрости, вытесненной из концептосферы «живой жизни».

Семен Толковый констатирует, что «тут не рай», но это относится, как оказалось, лишь к суровой сибирской природе: «...вода, голые берега, кругом глина и больше ничего...» (с. 42). Все остальное — та человеческая жизнь, которая проходит в окружении этих скудных красот, — вполне благоприятно для физического выживания, полагает Толковый: «Теперь ты еще молодой, глупый, <...> и кажется тебе по глупости, что несчастней тебя человека нет, а придет время, сам скажешь: дай Бог всякому такой жизни. <...> Уж двадцать два года так хожу. <...> Щука и нельма под водой, а я над водой. И слава Богу. Ничего мне не надо. Дай Бог всякому такой жизни» (с. 43). Таков закон жизни по Толковому — каждому свое место; но место человека получается какое-то «щучье», ограниченное физическим пребыванием на твердой земле.⁸

В восприятии его молодого собеседника ссылка, как пространство неволи, и вовсе «не рай» (скорее, ад) в человеческой судьбе. Его тоска вызвана не бытовыми неудобствами, а невозможностью видеть родные места и воссоединиться с семьей. Толковый полагает, что привычка заставит приноровиться и к этой скудной жизни, отсюда его слово-заклинание: «Привыкнешь!». Толковый и молодой татарин исходят из разных представлений о жизни: для первого она представляет собой просто биологический ресурс, и для ее продолжения достаточно довольствоваться тем малым, что составляет обиход ссыльных; его молодой собеседник убежден, что жизнь — это потребность души в близости с другими людьми.

Толковый декларирует нигилистическую этику, согласно которой человек должен разорвать связь с прежним вольным миром и в целом — с идеей свободы. Если, по его мнению, каторжная жизнь от Бога («Дай Бог всякому такой жизни»), то вольное бытие — от дьявола: «А на что тебе мать и жена? <...> Это

⁶ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 43.

⁷ «Концепт предельно субъективен» (Неретина С. С. Тропы и концепты. С. 30).

⁸ По случайному совпадению, следующий рассказ А. П. Чехова, отданный в юмористический журнал «Осколки», назывался «Рыбья любовь» (1892).

Е. К. Ромодановская. 1954 г.

ни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня уперся: ничего не хочу! Бес мне и про жену, и про родню, и про волю, а я ему: ничего мне не надо! <...> А ежели кто даст поблажку бесу и хоть раз послушается, тот пропал <...> завязнет в болоте по самую маковку и не вылезет» (с. 43). Инверсия Божеского и бесовского начал в человеке переворачивает в образе мира Толкового «верх» и «низ», дух и тело. По сути, он ограничивается лишь «телесным»: «...вот, как видишь, хорошо живу, не жалуюсь», «ничего не хочу» (с. 43).

В назидание собеседнику, которого Толковый собирается «перевоспитать», сориентировав на «правильные» ценности, он рассказывает историю некоего ссыльного барина — Василия Сергеича. Поначалу барин купил в ближнем селе дом и землю и выразил желание трудиться «в поте лица», однако вскоре заскучал по семье. Толковый убеждал его не поддаваться «бесу», отказаться от всех привязанностей: «Вы старое-то забудьте, как будто его вовсе не было, <...> а начинайте жить сызнова. Не слушайте, говорю, беса, — он до добра не доведет <...> Ежели <...> желаете для себя счастья, то первее всего ничего не желайте» (с. 44). Барин, вопреки «мудрому» совету Толкового, вызвал в Сибирь семью, и, «чтоб барыне веселей было, завел... знакомство с чиновниками и с шушерой всякой», «да чтоб и фортепьян был, и собачка лохматенькая на диване...» (с. 44). Когда жена через три года сбежала от Василия Сергеича с молодым чиновником, отчаявшийся ее вернуть барин посвятил себя воспитанию дочери — «новое баловство приду-

тебя бес смущает <...> Ты его не слушай, проклятого. Не давай ему воли. Он тебе насчет бабы, а ты ему назло: не желаю! Он тебе насчет воли, а ты упрись и — не желаю! Ничего не надо! Нету ни отца, ни матери, ни жены, ни воли, ни двора, ни кола!» (с. 43). Отречение от всего мирского, так мало напоминающее аскетизм с его задачами радения о духе, у Толкового выражается в отрицании самого духа. «Дьячковский сын» Толковый рассуждает о «бесе», подразумевая под этим те самые духовно-душевные потребности, которые «ответственны» за тоску по дому, любовь к ближнему и которые, в конце концов, вызваны тяготением страдальческой души к Богу: «Я, <...> когда на воле жил..., в сюртуке ходил, а теперь довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жиз-

мал», по словам Толкового. Барин почувствовал себя, наконец, счастливым, обрел смысл жизни: «Да, говорит, Семен, и в Сибири люди живут. И в Сибири бывает счастье» (с. 45). Но девушка начала тосковать и чахнуть, потому что «она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?» (с. 45). И теперь постаревший и постоянно пребывающий в печали и заботе барин ездит по округе, даже «верст за двести или триста», к «докторам и знахарям». Толковый заключает свой рассказ обычной для него циничной сентенцией, смысл которой сводится к бесполезности любых желаний: «Страсть сколько денег на докторов ушло, а уж по-моему, лучше пропить эти деньги... Все равно помрет. Помрет она всенепременно, а он тогда совсем пропал. Повесится или с тоски в Россию убежит <...> Убежит, а его поймают, потом суд, каторга, плетей попробует...» (с. 46).

Татарин возражает: «Пускай каторга и пускай тоска, зато он видал и жену и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего — худо! Жена прожила с ним три года — это Бог подарил. Ничего — худо, а три года — хорошо» (с. 46). Ведь «лучше один день счастья, чем ничего» (с. 46). Семен же «утешает» татарина своим обычным призывом к бытовому — именно бытовому, обиходному, а не духовному — смирению: «Привы-ыкнешь!» (с. 46).

Молодой ссыльный «стал думать о родной деревне и о своей жене», но вскоре его мысли получают другое направление — «экономическое», если так можно выразиться. Он размышляет о том, что если приедет жена, то чем ее кормить, и где она будет жить? «За то, что он теперь день и ночь работал веслом, ему платили только десять копеек в сутки; правда, проезжие давали на чай и на водку, но ребята делили весь доход между собой, а татарину ничего не давали и только смеялись над ним. А от нужды голодно, холодно и страшно...» (с. 47). Когда к лету спустят паром, перевозчики останутся без работы. Татарин будет побираться по окрестным деревням, но неужели и жене придется заниматься попрошайничеством? «...Она красивая, избалованная, застенчивая, — неужели и она будет ходить по деревням с открытым лицом и просить милостыню? Нет, об этом даже подумать страшно...» (с. 47).

Безвыходность положения напрасно осужденного татарина, сосланного вместе с братьями вместо богатого дяди, казалось бы, должна подтолкнуть его к приятию бытового нигилизма Семена Толкового. Но сознание молодого татарина отторгает и ужасную реальность, и сопутствующую ей «философию человека». Автор помещает своего персонажа в иррациональное пространство сна: «Рыжий глинистый берег, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни — быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, все это только снится <...> Он чувствовал, что спит <...> Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако, какие бывают страшные сны! К чему они? <...> Какая это река? Волга?» (с. 48). Затем повествование переводится в нейтральную (авторскую) инстанцию: «Шел снег» (с. 48). Значит, река — не Волга, ведь время рассказа — глубокая весна (в самом начале Толковый сетует, что «святая давно прошла»), а дом так же недоступен, как справедливое правосудие.

Встреча с барином, «худощавым, невысокого роста стариком» с «угрюмым, сосредоточенным» выражением лица, окончательно утверждает татарина в своей правоте: человеку необходимо жить ради других, а не ради своего чрева. Барин едет к новому доктору для дочери, и Семен насмешливо «возвращает» ему когда-то сказанные и полные надежды слова: «И в Сибири люди живут. Живу-ут!» (с. 49). Растянутый последний слог в слове «живут» (таким же образом Толковый тянет обращенное к татарину «Привы-ыкнешь!»), звучит так, будто говорящий смакует слово и, главным образом, наслаждается его смыслом в речевой прагматике. Действительно, «на лице у Толкового было торжествующее выражение, как будто он что-то доказал и будто радовался, что вышло именно так, как он предполагал» (с. 49).

«Бунт» татарина против «правды» Семена в антропологическом выражении есть возмущение живой души против мертвенной плоти. Мертвая душа Толкового «замораживает» и его плоть, сводя ее потребности к сиюминутному удовлетворению голода или жажды, особенно жажды водки («Водка вся вышла, значит, спать пора» (с. 47)). Ни страсти, ни волнения ему незнакомы. Этим и возмущается татарин: «Он хорошо... хорошо, а ты — худо! <...> Барин хорошая душа, отличный, а ты зверь, ты худо! Барин живой, а ты дохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень — и Бог тебя не любит, а барины любят!» (с. 49–50). И, когда татарин плачет во дворе, Семен откликается на это с тем же равнодушием, которое составляет главную причину его «омертвения»: «Привы-ыкнет!» (с. 50).

Таким образом, безразличие Семена Толкового к любым проявлениям «человечности» представляет собой вариант отторжения от «живой жизни» не просто «рациональный», в его противопоставлении «сердечному» и «душевному», а рационально-обесценивающий. Девальвация всех жизненных ценностей в житейском обиходе Толкового основывается не на системе доводов разума, а на отрицании витальности как таковой. Вот почему «живой», молодой татарин так инстинктивно не приемлет его «философии» (думается, фактор возраста в данном случае немаловажен — чем человек моложе, тем выше его «чувство жизни»). И философия жизни, и философия не-жизни, каковой является привычка, репрезентированы в рассматриваемом нами рассказе в качестве основных персональных установок действующих лиц.

Реализация «чувства жизни», с одной стороны, и существование «по привычке», в обыденности/пошлости/неизменности, с другой, — составляет, на наш взгляд, ведущую оппозицию чеховской антропологии. В любом случае, привычка становится злом, а жизнь «сердца» — добром, и каждый чеховский персонаж волен выбирать, каким будет его жизненный путь. Антропология соединяется в художественности А. П. Чехова с религиозной этикой, а свободный выбор добра или зла — с природным существом человека.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Понятие «этнографическая беллетристика» наряду с «этнографической литературой» начало употребляться еще в XIX в., наибольшее внимание это направление отечественной словесности привлекало в 60-е гг. в связи с актуализацией интереса общества к своему народу. Так, рецензент журнала «Современник» в 1864 г. писал: «Этнографическая литература получила особенный смысл. Она становилась для общества средством познакомиться со множеством тех различных условий и отношений народного быта, которые прежде ускользали от его внимания, или вовсе не интересовали его и были ему неизвестны».¹ В свою очередь, взаимосвязь литературы и этнографии и пользу беллетристики для науки о народе отмечал в конце века А. Н. Пыпин: «...И вместе с тем как художественная литература овладевает реально-правдивым изображением народной жизни, этнография впервые выступает на правильную научную дорогу».²

В современном литературоведении понятие «этнографическая беллетристика» фигурирует рядом с другим и похожим — «этнографическая проза», причем отчетливых различий здесь чаще всего не проводится. Так, А. А. Фокеев, автор обобщающего исследования об этнографическом направлении в русской литературе XIX столетия, дает целый ряд отличительных качеств этнографической прозы (упомяная, что этим понятием пользовался еще А. А. Горелов³), как-то: введение в произведения этнографии и фольклора как элементов народной культуры, отражение народного мирозерцания, бытовая живопись и др.; говорит он и об «этнографической беллетристике» 60-х гг., более всего имея в виду малые жанры прозы.⁴ Народническая беллетристика на пересечении с этнографической прозой стала предметом исследования Е. Г. Чеботаревой, однако и здесь смысл термина и содержание обозначаемого явления предполагаются само собой разумеющимися — исследуются художественные и идейные особенности собственно *народнической* литературы в ее отличие от, скажем, литературы шестидесятников.⁵ Упомянем также, что в со-

¹ Новые книги. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб., 1864 // Современник. 1864. № 9. С. 55.

² Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 424.

³ Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 110–111 и др.

⁴ Фокеев А. А. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития / Автореф. ... д-ра филол. н. М., 2004.

⁵ Чеботарева Е. Г. Народническая беллетристика в литературном процессе 70–80-х гг. XIX века: Генезис, типология / Автореф. ... канд. филол. н. Киров, 2009.

Елена Константиновна Ромодановская

ветском литературоведении, кроме «этнографического направления», использовались понятия «этнографический реализм» и «этнографический роман».⁶

Попытаемся хотя бы кратко разобраться, что следует иметь в виду под этнографической беллетристикой.⁷ «Проза» — понятие внутрилiterатурное, исходящее из свойств самой художественной речи. Беллетристика, как и литература, — образование системное, подразумевающее и продукт творческой деятельности, и саму деятельность, а также институты, ее творящие и организующие. Здесь более применимы социологический и коммуникативный под-

ходы. В соответствии с общепринятым сегодня, хотя и более чем условным, делением литературы на «высокую», «массовую» и «беллетристику» последняя помещается между классикой и массовой литературой. «Беллетристика занимает промежуточное место между «высокой» и «бульварной» (массовой) литературами»,⁸ — пишет А. М. Грачева. «Классика и беллетристика — это и расходящиеся, и не разошедшиеся, не разделившиеся до конца литературно-художественные формации, что объясняется столько же обогащением состава литературы, сколько подвижностью оценивающего, критического отношения к писателям и книгам»,⁹ — еще ранее писал И. А. Гурвич. Иначе говоря, в основе подобного рода разделения лежат социологические и аксиологические критерии (популярность классики среди образованных слоев населения и беллетристики, а также массовой литературы — среди «массы» как таковой, отсюда их оценочность), чрезвычайно подвижные во все времена. «Понятие массовой литературы — понятие социологическое»,¹⁰ — отмечал еще Ю. М. Лотман. В 1840-е гг. В. Г. Белинский призывал к созданию литературы «обыкновенных талантов», обращенной к широкой общественности,¹¹ — и задача эта на протяжении XIX в. была замечательно решена. Отсюда понятно, что у каждой страты литературы свой читатель, свои креативные, коммуникативные, рецептивные задачи, и, согласимся с А. М. Грачевой, беллетристика — это «художественная проза, ориентированная на достаточно обширную, так называемую «демократическую» аудиторию, что обуславливает специфику ее идеологических и эстетических функций».¹²

Однако существуют и внутренние, собственно эстетические основания разделения литературы. По словам И. А. Гурвича, «Литератор тиражирующий — первая разновидность писателя-беллетриста (как и второстепенного поэта)»,¹³ хотя он же замечает, что тиражировать — не значит давать полную копию, но — подчас варьировать и преобразовывать оригинал. Пожалуй, для этнографической беллетристики рассматриваемого нами периода второй половины XIX в., особенно его последней трети, более важно иное свойство, роднящее ее с истоками — натуральной школой 1840-х гг. и прежде всего — с русской «физиологией». Это так называемая фактографичность, установка на не просто правдоподобие, но «дословное» правдоподобие, почти фотогра-

⁶ См., напр.: История русского романа. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 390–415 (гл. 9: Лотман Л. М. Роман из народной жизни. Этнографический роман).

⁷ Понятие «этнографическая беллетристика» использует автор статьи: Костюхина М. С. Север в этнографической беллетристике для детей XIX века // Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: Типологическое и уникальное. Архангельск, 2014. С. 160–168. Однако никакого определения интересующего нас понятия здесь нет.

⁸ Грачева А. М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 545.

⁹ Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века: Уч. пособие. М., 1991. С. 20.

¹⁰ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 3. Таллин, 1993. С. 381.

¹¹ См. вступительную статью В. Белинского в альманахе натуральной школы «Физиология Петербурга» (современное изд.: Физиология Петербурга / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Недзвецкого. М., 1984).

¹² Грачева А. М. Русская беллетристика... С. 545.

¹³ Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе... С. 22.

фичность или, на языке той эпохи, «даггеротипичность» рисуемой картины жизни — «прямое» слово о действительности. В несколько иной парадигме эту установку этнографической беллетристики можно обозначить как натуралистичность, в этой связи еще раз процитируем И. А. Гурвича: «Натурализм — это фактически беллетристика эпохи высоко развитого реализма, беллетристика, раскрывшая свои коренные возможности. Это литература полноправного второго ряда, соотношенного с тем первым рядом, какой представлен именами Достоевского, Толстого, Чехова».¹⁴ С его трактовкой натурализма, конечно, можно спорить, но суть интересующего нас явления — беллетристики последней трети века — указана верно. Натуралистически точное воспроизведение жизни и быта описываемого народа, природы и социума определяло первейшие задачи этнографической беллетристики.

Но тогда при характеристике этого вида литературы возникает некое противоречие: ориентация на «правду факта» (имея в виду под фактом «действительность» как таковую) — и «тиражирование» образцов (каких? да очевидно, что литературных, заданных классикой), вторичность и неизбежная массовость. Как совместить эти моменты — достоверность (и отсюда — тягу к документализму) и литературность (и связанную с ней установку на вымысел)? Заметим, что если к беллетристике относимы произведения подчас вполне солидных писателей-романистов, таких, как Д. Мамин-Сибиряк, А. Эртель, А. Шеллер-Михайлов, А. Амфитеатров, П. Боборыкин и мн. др., то этнографическая беллетристика помещается на пол-этажа ниже и очень близко контактирует с массовой литературой, но для нее, в отличие от «просто» беллетристики, требование достоверности и правдивости (даже не правдоподобия, отличающего литературу реализма в целом) имеет принципиальное значение. Согласно исследованию Е. К. Ромодановской, напряженное отношение между вымыслом и документальностью характеризует состояние русской литературы, в том числе беллетристики, на протяжении переходного XVII в., оно и толкало ее к развитию.¹⁵ По-видимому, в отношении нашего феномена (этнографической беллетристики) следует различать задачи, которые идут от научно-познавательного (собственно этнографического) дискурса и преемственно связаны с установками натуральной школы, поскольку писатели натуральной школы активно использовали «физиологический» метод, перенесенный в литературу из естественной науки того времени, — и задачи сугубо литературные, связанные с тем, как перенести «действительность» в литературный текст, каким должно быть слово о ней, которому мог бы не просто поверить читатель, но еще и быть заинтересованным реальностью, стоящей за словом. Собственно, эту двойную задачу и решала литература нарождающегося в 1840-е гг. реализма, как бы мы его не именовали сегодня — реализмом «критическим», «классическим» или даже,

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994. С. 27–35, 83–96 и др.

вслед за В. И. Тюпой и др., «постромантизмом». И поскольку этнографическую беллетристику создавали «обыкновенные таланты», «второстепенные», а то и «третьестепенные» по уровню дарования (о причинах чего надо говорить особо), то посредническую роль при оформлении в текст их личных впечатлений чаще всего начинали играть обкатанные литературой схемы, модели, мотивы, типы героев и сюжетов. Согласно различению, проводимому И. В. Силантьевым, историк идет от события — к тексту, к литературе; писатель, художник — от мотива к событию, закладывающему сюжет или вытекающему из сюжета.¹⁶ В этом ключе этнографическая беллетристика собирала в себе качества и того, и другого: идя, говоря условно, от событийной стороны (то есть от «жизни»), она пропускала ее через литературу, ориентируясь одновременно на определенный тип читателя и в первую очередь учитывая необходимость быть услышанной, прочтенной. Хотя, оговоримся, так было не всегда, и довольно часто уже созданные кем-то из собратьев по перу «случаи из жизни» становились образцом даже не для подражания, а именно для варьирования, ссылки и повторения, и в этом случае литература начинала играть роль своеобразного источника, по которому можно достаточно адекватно понять и оценить картину жизни. Как «большая» литература пользуется примерно одним и общим набором сюжетов и мотивов, так и этнографическая беллетристика нарабатывала свой репертуар литературных приемов в изображении жизни и быта других народов и регионов, и в него нередко входили определенные картины, сцены, характерные для той или иной местности или этноса: свои — для зырян, вогулов, вотяков и т. д.

Остановимся еще на одном моменте, определяемом нашим предметом и немаловажном для понимания задач этнографической беллетристики и причин ее широкого распространения в России. Этнография как самостоятельная научная дисциплина формируется в западноевропейской науке примерно тогда же — в середине и второй половине XIX в., на Западе она складывается в русле эволюционистского подхода и чуть позже именуется антропологией, у нас — «народознанием».¹⁷ Различие терминов показательно и лишний раз маркирует своеобразную «соборность» русского, пусть даже и научного, сознания. Этнографический элемент для общественного и художественного сознания середины XIX в. играл самую прогрессивную, животворящую роль, ибо он нес с собой реальное знание о жизни масс и фактически отвечал запросам нового (реалистического) метода искусства. Развитие знаний такого рода естественным образом совпадало с утверждением в философии позитивизма, который, собственно, и был своего рода методологической, концептуальной основой реалистического метода в литературе и искусстве, обуславливая обращение людей науки к «позитивному», в том числе этнографическому,

¹⁶ Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.

¹⁷ См. об этом: Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX в. М., 2009.

знанию. Позитивизм, реализм, антропологизм — это звенья одной цепи, по крайней мере в отношении демократической литературы и критики. Ведущей же идеей антропологической, эволюционистской школы в этнографии, как писал об этом ее основоположник Э. Тайлор в книге, вышедшей в свет в 1871 г., была идея единства человеческого рода, которая активно пропагандировалась в европейской мысли с эпохи Просвещения и была двигателем многих систем утопического социализма — от А. де Сен-Симона до Р. Оуэна, но которая благодаря этнографическим исследованиям лишь в XIX веке получила практическое подкрепление и начала обрывать доказательствами. «...Нам представляется возможным и желательным устранить соображения о наследственных изменениях человеческих рас и считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных ступенях цивилизации. Отдельные моменты нашего исследования покажут, как я надеюсь, что фазисы культуры мы вправе сравнивать, не принимая в расчет, насколько племена, пользующиеся одинаковыми орудиями, следующие одинаковым обычаям или верующие в одинаковые мифы, различаются между собой физическим строением и цветом кожи и волос».¹⁸

Мысль о единстве рода человеческого (глубоко христианская по сути) составляла общегуманистическую подоплеку всех процессов демократизации общества и его литературы, происходивших в XIX веке. Этнография как переведение на научную почву фактов и строгого знания любви к своему народу и интереса к жизни всех народностей империи — это то базовое основание, на котором сошлись интересы западников и славянофилов в их поздних изводах, характерных для второй половины века. Этнографический «привой» на древе просветительски-позитивистских идей — определяющая модальность литературы, озабоченной раскрытием перед читателем картин жизни и быта самых разнообразных народов и регионов страны. В массовом порядке она начинает складываться к концу века, когда Россия бесповоротно, хотя и не очень решительно вступает на путь капитализации страны, когда меняется социальный состав населения, и число если не «образованной общественности», то, по крайней мере, полуобразованной массы, нуждающейся в доступной ее уровню культуре, ощутимо растет. Можно сказать, что именно в лоне беллетристики складывается новая художественность рецептивного типа, которую обычно наблюдают у Чехова, — да, собственно, чеховское творчество и развивалось параллельно интересующему нас явлению.

Вместе с тем, отечественная этнографическая беллетристика не может быть однозначно сведена к массовой литературе, несмотря на всю зыбкость пролегающей между ними границы, а также — и к «просто» беллетристике. Для беллетристов-этнографов первостепенную роль играли все-таки задачи внелитературные, которые отнюдь не сводились к развлекательным; выше мы обозначили их как «познавательные». Е. К. Ромодановская, говоря о бел-

¹⁸ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 22.

летристике XVII в., использовала понятия А. И. Белецкого — «вымысел» и «домысел».¹⁹ Очевидно, этнографическую беллетристику отличает от «просто» беллетристики опора на домysel, а не на вымысел как таковой, — хотя в разных ее типологических разновидностях соотношение этих аспектов могло быть разным. Заметим также, что русские писатели, даже освободившись от народнических идеологем и стереотипов, оставались (буквально) сынами Отечества. Так, П. П. Инфантьев, один из популярных и весьма плодотворных авторов той поры, чье творчество целиком может быть отнесено по ведомству этнографической беллетристики, в предисловии к своей книге писал: «Всякий мыслящий гражданин, желающий знать и понимать истинные нужды и потребности своей родины, должен прежде всего хорошо ознакомиться с теми народностями, которые входят в состав ее населения... Без этого знания нет гражданина, а лишь один бесправный обыватель. И только оно, это знание, может переделать этого обывателя в сознательного гражданина и избавить его от заблуждений и предрассудков, оставшихся со времени дикого варварства и заставить его тверже понять и глубже уяснить себе ту великую евангельскую истину, что все люди — братья, и что в великой семье народов одни племена разнятся от других не более, чем разнятся братья одной и той же матери, жившие долгое время раздельно друг от друга в совершенно различных условиях своего существования».²⁰ Близость этого высказывания уральского писателя к тезису знаменитого английского антрополога, приведенному выше, очевидна и основана на общем эволюционистском, даже еще просветительском представлении о развитии человечества, которое в ту пору разделяли многие.

В творчестве писателей-этнографов последних десятилетий XIX и начала XX в. выделяются разные стилевые течения и разные повествовательные стратегии. Исходным для большинства из них был личный опыт знакомства с жизнью и бытом иных народов (как то и положено этнографу), но различной оказывалась степень применения этого опыта — его встраивания в существующую систему литературных координат и, так сказать, объем проявления своего личного участия в изображаемых картинах (то есть модальность повествования). Наиболее романтично, экспрессивно и лирично было письмо К. Д. Носилова, известного путешественника, первооткрывателя северных регионов России, в том числе Крайнего Севера (книга «На Новой земле», 1903, и др.), и в его произведениях основным и определяющим оказывался именно личный опыт рассказчика, прямо заявляющего о себе. Более беспристрастный и объективистски точный характер носила творческая манера П. П. Инфантьева, и в его книжках из жизни народов России больше стандартных ситуаций, чаще всего автор встраивал знакомство с очередным народом по заготовленной, уже сложившейся в его собственных текстах матрице, которой

¹⁹ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. С. 29–32.

²⁰ Инфантьев П. П. Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. СПб., 1909. С. VII–VIII.

старался избегать Носилов.²¹ Инфантьеву не привелось совершить столько путешествий, сколько Носилу, однако именно он создал целую эпопею из жизни народов России — на рубеже веков в свет вышло более 200 его книг и книжечек. Понятно, что многое он описывал, основываясь на чужом опыте (на прочитанной, изученной литературе), из которого он извлекал порой довольно замысловатые сюжеты, оттого его творчество более всего подходит под определение «беллетристики»: здесь довлел не «домысел», а собственно «вымысел». Так же двойственно творчество А. В. Круглова, писавшего преимущественно о народе коми, который он знал достаточно хорошо, но в описании которого часто опирался на наблюдения предшественников и не скрывал этого. В произведениях Круглова мы встречаем оба типа повествования: лично-этнографическое письмо в книге «Лесные люди» (1883), где рассказчик-герой описывает свой опыт жизни среди зырян и погружение в их быт, занятия, язык (в жанровом отношении это нечто вроде цикла очерков), и чисто беллетристическое повествование безличного типа в повести «Дети лесов» (1885), где разворачивается сюжет жизни зырянской деревни, главными героями являются мальчик Пэдэр и девочка Одэ, то есть выстраивается вымышленный нарратив, соотносимый с опытом самого автора только на основе знания контекста его творчества.

На протяжении XIX — первых десятилетий XX в. этнография прошла большой путь, за это время она превратилась в науку, а в ней самой сформировалось несколько основополагающих подходов или школ, различие между которыми подчас имеет принципиальный характер. В целом этот путь этнографии отражает развитие научных знаний и представлений человека о себе самом и о «других», что бы ни понималось в данном случае под «другим» — природа, себе подобные, культура и т. д. Новое этно-антропологическое воззрение мы наблюдаем в трудах ученых XX в. Это отказ от приоритетного положения европейской культуры и цивилизации и, соответственно, собственного «я», а равно — от примата разума, идеи просвещения, которую нужно нести первобытным народам, и признание рановеликости и равноценности иных цивилизаций, культур, индивидов, иначе говоря — открытие другого как другого, а не как отражения или части себя. К. Леви-Стросс сформулировал принципы своей новой антропологии на основе осмысления опыта Руссо. «Для того, чтобы человек снова увидел свой собственный образ, отраженный в других людях — это и составляет единственную задачу антропологии при изучении человека, — ему необходимо сначала отрешиться от своего собственного представления о самом себе».²² «Абсолютная объективность»

²¹ О творчестве этих двух писателей см.: Созина Е. К. Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: по произведениям К. Носилова и П. Инфантьева // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 108–132.

²² Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 22.

антропологии — это признание, что «другой есть я».²³ «Принцип “исповеди”, сознательно или бессознательно выраженной, лежит в основе всякого антропологического исследования»²⁴, — писал также К. Леви-Стросс.

Таким образом, «абсолютная объективность» «новой» антропологии и этнографии, ставшей знаменем XX в., требует не отключения своего «я», но постижения в его глубинах «другого», для чего нужен отказ от «я», узаконенного привычкой и постоянством образа жизни и мысли, свойственного твоей культуре, воспитанного всем строем предшествующей (а также и будущей) жизни. Совершить этот «феноменологический» прорыв этнографическая беллетристика конца века была еще не в силах. Но движение к нему в работах отдельных авторов есть, именно на него мне хотелось бы указать. В этом отношении наиболее показательно творчество К. Носилова, отражающее личный опыт неоднократных путешествий автора в описываемые им регионы.

Как уже было сказано, письмо Носилова отличало очень личное, пристрастное отношение к изображаемому миру, не случайно в нем всегда присутствует рассказчик, он же герой, рассказывающий о своем личном опыте общения с «аборигенами» той или иной земли. За его обликом стоит образ автора — человека чрезвычайно любознательного, расположенного к миру и людям, щедрого и чуткого. По-видимому, человеку иного склада было бы трудно подолгу жить с совершенно чужими ему людьми, привыкать к иной родной культуре, иному строю жизни. Отзывчивость и открытость, свойственные автору-рассказчику Носилова, выражаются в повествовательном дискурсе его текстов — открыто эмоциональном, экспрессивном: рассказчик всегда дает прямые оценки людям и событиям, он не мастер слова «косвенного», опосредованно передающего авторское отношение (как, скажем, в прозе Чехова), да надо сказать, что мало кому из беллетристов-этнографов давалось это мастерство. С этим же связаны многочисленные рецептивные «приступы» и «отступы» рассказчика — его прямые обращения к читателю, приглашения последовать за ним в те или иные места и т. д. Дискурсные вкрапления рецептивного типа можно считать характерной чертой, с одной стороны, очерковых, документальных жанров, с другой — именно этнографической беллетристики, поскольку они обнаруживаются у довольно многих современных Носилу писателей.

Однако наряду с указанными замечательными человеческими и нарративными качествами в письме Носилова обнаруживаются и иные черты, которые мы обозначаем как колониально-европейский, цивилизаторский дискурс (субтекст). Вот характерный пример: «Это было на северном Урале, *среди диких вогулов* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Е. С.), среди сплошных лесов лесного и дикого царства. Есть такие уголки у нас в России, где вы на сотни верст не встретите ничего, кроме лесов, и ни души человеческой, кроме

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 22.

кочующего дикаря с его берестяным чумом»²⁵. Причем это вовсе не значит, что сам Носилов или его «заместитель» — рассказчик — плохо относится к вогулам (народу манси) и ставит их ниже себя. Подобного рода маркеры колониалистской позиции автора можно отнести к числу неких стереотипов сознания и речи, как раз и выдающих его ориентацию на массового читателя — носителя обыденного сознания, привыкшего к определенной манере разговора об «инородцах». И в этой, и в других книгах именование дикарями народов, живущих в диких лесах, для Носилова, а равно многих других русских писателей, по-видимому, не несло уничижительной оценки (ср., например: «Я давно знаю этих дикарей, и они всегда меня поражали своей замкнутой, оригинальной жизнью»²⁶), добавим к тому, что это словоупотребление было типично не только для нашего писателя.²⁷ Колониально-цивилизаторские маркеры соседствуют у Носилова с литературными штампами, употреблявшимися обычно в отношении «дикой» природы (а там, где он путешествовал, природа обычно и была, в буквальном смысле слова, дикой, то есть нетронутой вторжением человека), например: «Я попал в этот Печорский край с *высокого, седого, угрюмого* Урала...».²⁸ Горы у Носилова рисуются не иначе как «чистые», «просторные вершины», что вполне соответствует романтической традиции, лес же — «черный», густой, давящий и страшный. Эта оппозиция определяет его нарратив и в книге «О вогулах» (1904): северный сибирский лес — как бы он ни назывался, тайгой или пармой, страшен для европейца как для чужого, и все ужасы, которые переживает там рассказчик, объединяются для него в определении «кроважадные люди», применимом к вогулам в ситуации, когда они, осуществляя жертвоприношение, режут оленей.

Однако многие «казусы» письма Носилова искупаются свежестью и непредвзятостью его взгляда, он всегда — первооткрыватель мира, поэтому и пафос его книг — это пафос открытия и бесконечного удивления перед красотой и новизной мира, будь то лес, горы, чумы или юрты «дикарей» и пр. В силу неброскости и суровости северной природы и ее обитателей автор-рассказчик далеко не сразу проникается любовью и симпатией к ним, ему бывает нужно совершить некое усилие, движение, шаг навстречу — и тогда он сам поражается своей прежней слепоте и невосприимчивости. Так, в частности, происходит и с мрачным вогульским лесом («пармой») после того, как герой-рассказчик, пройдя через лес, познакомился с охотниками, отдохнул в их керке, послушал охотничьи рассказы: «Целый новый для меня мир животного первобытного царства, захватывающий обстановкою своею, неизвестностью, таинственностью, от которой у человека сладко сжимается сердце и хочется

²⁵ Носилов К. Д. В лесах: Рассказы и очерки. М., 1910. С. 3.

²⁶ Носилов К. Д. У рыбаков и звероловов Севера. М., 1912. С. 114.

²⁷ «Дикари» — концепт, популярный не только в русской словесности. В книге К. Леви-Стросса «Печальные тропики» есть глава «Добрые дикари».

²⁸ Носилов К. Д. В лесах. С. 41.

остаться тут, погрузиться на время в этот мир, насладиться его картинами... сделаться на время счастливым, хотя первобытным человеком. И я, лежа теперь на нарах вместе с охотниками, словно в первый раз вглядывался в этот темный, еще недавно казавшийся мне мертвым лес, удивлялся, какой я был слепой, не замечал раньше этой жизни...»²⁹. Собственно, вот оно — познание себя через другой мир, раскрывающийся перед рассказчиком. Отметим простоту и естественность обращения Носилова к своим чувствам, он «присваивает» себе инородный мир, делая его частью себя, благодаря общению с людьми, живущими в этой чуждой ему среде. В произведениях других авторов раскрытие нового мира осуществляется обычно иным путем — построением самого нарратива, передачей пространственных передвижений рассказчика, например, из одной части деревни в другую, из деревни в лес и т. д., от одного жителя и его занятий — к следующему и пр. Так выстраивается композиция и сам нарратив в книге А. В. Круглова «Лесные люди». Нецельность сюжета можно объяснить формой передачи писателями своих путевых этнографических впечатлений — обычно это книги (циклы) очерков. Но и книги Носилова собираются из очерков и/или рассказов. Значит, дело все-таки в ином — в отношении автора, в характере и степени его дарования.

Позиция рассказчика у Носилова содержит в себе не только взгляд «белого человека», но и точки зрения этнографа и антрополога, наблюдающего окружающую жизнь и людей и делающего соответствующие выводы; художника-пейзажиста и фотографа («И все это так и бросается в глаза, поражая своей простотой и оригинальностью, *так и просится на желатин и холотно художника...*»³⁰). Это движущийся взгляд, он лишен статичности, свойственной повествованию все того же Круглова, Инфантьева, Вас. Немировича-Данченко и др., где *вымысел* довлеет над документальностью письма очевидца, и мастерство писателя уходит в построение чисто беллетристического, обильного фабулистикой сюжета.

Свои открытия Носилов совершает не один. В его произведениях (как, по всей видимости, и в реальных путешествиях) обязательно присутствует тот, кто сопровождает его в странствиях по неизвестному миру, становится его проводником, порой другом и одновременно — предметом его внимания и изображения. Наличие «доверенного лица» из постигаемого, нередко опасного мира — очень частый признак этнографического повествования, отражающий реальный путь погружения этнографа или просто путешественника в неведомое пространство природы и жизни. У Носилова, в силу его повышенной коммуникабельности, близкое общение с местными жителями не только вынужденно, но и приносит радость герою-рассказчику. В разных произведениях Носилова о вогулах в таком качестве выступают Лобсинья, Налимий хвост, старик Савва, в другом рассказе становящийся стариком Сокра, и др. На

²⁹ Там же. С. 62–63.

³⁰ Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. СПб., 1904. С. 20.

примере спутника-сталкера рассказчик учится жить по-новому, перенимает нужный стиль поведения, необходимые умения, — хотя ему так и не удастся овладеть ими в совершенстве. Вся эта учеба имеет прямое отношение к сохранению жизни и здоровья героя. В большинстве книг Носилова речь идет об овладении им простыми умениями и способами поведения, относимыми к внешней стороны жизни, но в книгах «О вогулах», «На Новой Земле» — об особых способах мыслить и чувствовать, основанных на возможности внутреннего соучастия пришельца в жизни чужого племени. Процесс принятия естественно-природной, другой идентичности обычно не доходит до своего логического финала: наделенный здравым смыслом, носиловский герой-рассказчик никогда не переступает запреты, наложенные «аборигенами» на некоторые сферы своей жизни. Но через фигуру сталкера рассказчику удастся хотя бы частично сойти со своей цивилизаторско-колониальной позиции, понять ее ущербность, ощутить радость причастности к иному миру. Так, продолжая цитату из рассказа «Керка» (книга «В лесах»), данную выше, — «И я, помню, даже заснул на нарах вместе с этими охотниками, грезил этой новой жизнью, как будто и видел громадную рогатую морду сохатого, страшного, лохматого в берлоге медведя. Как не хотелось мне утром уезжать из этой милой теперь керочки, как не хотелось оторваться от этого мира лесов, где я еще недавно не предполагал жизни!»³¹. После встречи с иноком-зырянником на Соловках рассказчик признается, что «увидел лес другим, каким-то чудесным, невыразимо прекрасным, чистым»³². Так снимается оппозиция «я — дикари», «цивилизация — природа», точнее, отменяется ее ценностная антитетичность, поскольку «первобытная» (то есть естественная) жизнь на лоне природы обретает для рассказчика гораздо большую ценность, чем жизнь городская и искусственная, да и само противопоставление природы и цивилизации здесь, в мире диком и нередко страшном, становится нерелевантно: рассказчик проникается единственно доступной ему реальностью и принимает ее. Таким образом, наш краткий анализ своеобразия нарратива в книгах Носилова позволяет говорить о том, что этот писатель стоял на исповедально-аналитическом пути этнографа XX в. Основой того явилась человеческая и творческая индивидуальность Носилова, его расположенность к природно-естественному существованию, гуманизм и любознательность художника-исследователя.

³¹ Носилов К. Д. В лесах. С. 63.

³² Там же. С. 69.

ОТГОЛОСКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУМЫНИИ

Неоспоримой истиной является то, что многие румынские писатели, от гениального князя Дмитрия Кантемира и его сына Антиоха Кантемира (одного из основоположников современной русской литературы), от Николая Милеску (высокого дипломатического чиновника России, ученого и переводчика), от поэта Георге Асаки, от прозаика Костаке Негруцци (который в юности познакомился с Пушкиным) или же от баснописца Александру Доница до неповторимого поэта Михая Эминеску (одного из первых в нашей культуре комментаторов сочинений Гоголя), до Богдана Петричейку Хашдеу, Джордже Кошбука, Джордже Лесни, Захарии Станку и т. д., познавали, переводили русскую литературу, а иногда и попадали под творческое влияние русских поэтов и прозаиков.

Великие румынские писатели переводили и комментировали целый ряд выдающихся произведений русской литературы. Вот всего лишь несколько примеров: поэт Тудор Аргези отлично перевел басни Крылова, писатель Михаил Садовяну — сочинения Гоголя и Чехова, поэт Раду Джир, по случаю столетия рождения «яснополянского титана» Льва Толстого, провел в бухарестском Румынском Атенеуме конференцию о романе «Воскресение». Достоевского особо ценил поэт, драматург, эссеист и философ Лучиан Блага, считавший его наиболее значительной фигурой славянского духа. Никифор Крайник (поэт, публицист, профессор), который в 1926 г. прочитал и в 1932–1933 гг. возобновил знаменитый специальный курс «Достоевский и русское христианство», виртуозно писал о мистицизме великого русского романиста. Мирча Элиаде, философ и писатель, известный специалист по истории религий, профессор Чикагского университета, под сильным впечатлением борьбы героя Достоевского с собственной судьбой, посвятил ему исследование «Достоевский и европейская традиция», а Николай Стейнхардт, эссеист и автор мемуаров часто цитировал автора «Братьев Карамазовых».

Нашей целью является не написание исчерпывающего очерка о русско-румынских культурных связях, а лишь привлечение внимания читателя к малоизвестным или пока неизвестным свидетельствам румынских писателей о русских писателях.

Эстетик и историк румынской и всемирной литературы Тудор Виану утверждает, например, что, будучи студентом в Германии, он читал Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Островского, Тургенева, Короленко, Чехова, Горького и неоднократно все произведения Льва Толстого и особенно Достоевского. Пленившись глубиной и точностью анализов последнего, Тудор Виану был поражен ужасающим осознанием человеческого страдания, которое, по его словам, «существенным образом сумеет опровергнуть несправедли-

Елена Константиновна Ромодановская. 24 июля 1954 г.

вость и унижение».¹ Он же считает, что «призыв, обращаемый русским реализмом, является одним из сильнейших из тех, что адресуют современному человечеству, и невозможно постичь того, что произошло в мире, если с ним не считаться».²

Виану вспоминал, что слышал, как великий румынский поэт, публицист и политик Октавиан Гога (1881–1938) как-то заявил, что чтение Достоевского привело его к настоящему духовному кризису, через который для него стали более ясными и наглядными все социальные и национальные конфликты его молодости. «Я услышал это признание из уст самого Октавиана Гога, и, слушая его, я говорил себе, что это должно было быть чувство, которое в эпоху поистине всемирного распространения творчества Достоевского испытывали молодые люди отовсюду».³

В глубоком душевном потрясении Гога рассказывал о своей связи с творчеством Достоевского в студенческие годы в интервью, опубликованном в газете «Cuvântul» («Слово») от 21 декабря 1931 г., в котором вспоминал о том, как, будучи студентом в Будапеште, он много читал иностранную литературу в немецком переводе.

Но из всего прочитанного наиболее сильно на него подействовало «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Роман глубоко потряс Октавиана Гога. Он болел почти год, и все это время его преследовала тень Раскольникова, прячущего под пальто окровавленный топор. Больные видения измученного Достоевского и воспоминания о страхах в «мертвом доме», его неутолимая потребность в самобичевании, болезненные недоумения некоего рода мистицизма, пары бреда, туманно поднимавшиеся из его строк, не только окутали Октавиана Гога атмосферой пугающей тайны и расшатали ему нервы, но и «вознаградили» его грустным осознанием человеческого несчастья: «Атмосфера мессианизма, копание в человеческой боли, влечение к таинственности, парящей над головой измученного русского писателя в “Раскольникове”, с самого начала своими когтями вонзились в мою душу и по-настоящему расшатали мне нервы, не покидая меня почти год. Я осознал, что все это привело меня к настоящему кризису сознания, заставившему меня пересмотреть все мои духовные проблемы и полностью переменить взгляд на жизнь. Я впервые увидел возникающие передо мной и сковывающие мою душу мучительные страдания, пробуждающие во мне идеи, которыми я должен с вами поделиться». Это достоевское состояние возникало также при чтении «Исповеди» Жана-Жака Руссо, с ее захватывающей смесью двойственности между добродетелью и пороком, с возмущением уставшей цивилизацией. «Настолько сильно повлиял своей книгой на меня Достоевский что, и под влиянием Ж.-Ж. Руссо, в двадцатилетнем возрасте я стал создавать

¹ Vianu T. Opere. Vol. 1. București, 1971. P. 123.

² Ibid.

³ Ibid.

себе целую нравственную теорию. Я сказал себе: цивилизация прогнила и больна. Вы лучше поймете охвативший меня протест, когда вы осознаете то, что эта цивилизация, с которой я соприкоснулся, была агрессивной и виноватой по отношению ко мне тем, что она стремилась меня уничтожить. И тогда, поскольку цивилизация была виновата, я посчитал своим долгом от нее избавиться; и тогда я придумал целую теорию <...> *возврата к крестьянству*»,⁴ — писал Гога, которому пришлось покинуть родительский кров, родные края и превратиться из сельчанина в отчужденного горожанина. Так же, как Сергей Есенин, румынский поэт Октавиан Гога переживал болезненное чувство отрыва от корней, испытывая ностальгию по патриархальной деревне, ставшей для него настоящим потерянным раем.

Второй период обращения Октавиана Гога к русской литературе и ее героям начинается в 1917 г. По возвращении из Франции поэту предлагают стать главным редактором газеты «România» («Румыния»), первый номер которой вышел 2 февраля 1917 г. в Яссах. Гога пишет для газеты программную статью, вслед за которой на протяжении последующих месяцев появляются еще 46 статей и ряд стихотворений, восхваляющих героизм румынских воинов в Первой мировой войне.

Из статей, опубликованных Октавианом Гога в газете «România», отметим такие заглавия, как «Scriitorii ruși» («Русские писатели»), «Femeia rusă» («Русская женщина»), «Tulburările din Rusia» («Волнения в России»), «Petrogradul revoluționar» («Революционный Петроград»), «Kerenski» («Керенский»), «Crimă și pedeapsă» («Преступление и наказание»).

В № 143 от 27 июня 1917 года Октавиан Гога, будучи наставником издания, напечатал обобщающую статью о русских писателях, озаглавленную «Scriitorii ruși», где он проявил себя как подлинный знаток творчества русских писателей, утверждая при этом, что «возможно, нигде литература не играла такую огромнейшую роль в изменении нравственных ценностей народа, как в России». Твердо веря в боевой дух искусства, Гога считал, что «нигде не разрушали столько кандалов, не оглашали столько бунтов, не подвергали осуждению столько движений совести, как на страницах произведений русских поэтов и романистов за последнюю сотню лет».⁵

Октавиан Гога придерживался мнения, что русские писатели постоянно поддерживали контакт с реальностью, их творчество не только отражало определенный художественный идеал, но играло также высокую социальную и политическую роль. Они избегали чистого эстетизма и вели себя как апостолы своего народа. «Плеядой освободителей от рабства были эти писатели-апостолы, пробудившие и пропитавшие национальное самосознание наших соседей. Освобождение от рабства стало для них как бы религией братства, высшим профессиональным долгом. Так, Гоголь освободил крепостных в “Мертвых ду-

⁴ Цит. по кн.: Bălan I. D. Octavian Goga. București, 2011. P. 285–286.

⁵ Ibid. P. 286.

шах”, Тургенев породил свободное от предрассудков родителей “новое поколение”, Достоевский потряс железные решетки русского наказания...».⁶

В другой чрезвычайно интересной статье, «Femeia rusă» («Русская женщина»), вышедшей в газете «România» 19 июня 1917 г., всецело проступает талант Октавиана Гога как публициста и эссеиста. Автор признается в том, что при чтении какого-либо русского романа «перед нами встает новая духовная атмосфера, с потрясающими муками совести, со своего рода внутренней борьбой на пути к постижению истины, и, особенно, с теми образами и иллюзиями идеала, которых в иных литературах и не встретишь».⁷

В своем исследовании Гога выводил героев русской литературы за рамки реальности, считая их плодами воображения, призванными стать претворением формул абстрактного мышления или своего рода индивидуальных наклонностей автора. В этом отношении он восхищался творчеством Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького. Поэт анализирует, с некоей нотой идеализма, взбунтовавшихся героинь Достоевского, которых время виртуально увлекает в омут революционного движения, откуда и возникает новый образ женщины.

Комментируя свои впечатления от чтения русской литературы, Октавиан Гога признается, например, в том, что «Анна Каренина со своими нравственными переживаниями, со своей мучительной повсечасной саморастратой, со своей погоней за кончившейся под колесами поезда мечтой, сама Анна Каренина казалась мне уединенной, тронутой экстатической душевной болезнью. Но еще более странной представлялась мне Соня Достоевского, эта заблудившаяся девушка, которая согрешила из негодования против общества, с тем, чтобы потом окунуться в апостольское спокойствие, с которым она из Библии читает сибирским узникам о воскрешении Лазаря. То же самое и с возрождением вырвавшейся из грязи и очищенной от всех страстей телесных Масловой».⁸

Румынский поэт дает превосходную, глубокую характеристику условным женским и мужским образам русской литературы.

В своем предисловии к роману Октава Дессила «Zvetlana», вышедшему в Бухаресте в 1930 г., член Румынской Академии Октавиан Гога с исключительной силой проникновения отзывается об «известной странице из “Войны и мира” Льва Толстого, где после смоленской битвы раненый князь Андрей, лежа на спине на поле брани, видит Наполеона, подъезжающего верхом на коне, вместе со своим штабом, и тот ему кажется таким мелким по сравнению с безграничностью пространства, когда высоко на небесном своде загораются звезды, и душа его все более и далее растворяется в бесконечности. Четверть века тому назад, когда я впервые прочитал это потрясающее описание Толстого, на меня сильно подействовало его величие и я испытал странное чувство уныния. Горизонт Ясной Поляны мне представлялся таким огромным

⁶ Ibid. P. 287.

⁷ Ibid. P. 288.

⁸ Ibid. P. 289.

по размерам, что по сравнению с ним любая вспышка света казалась мне беспомощной, подобно жалкой лампадке перед солнцем. Из этой картины с Андреем Болконским мне казалось, что издавек, со стороны Байкала поднялся легкий ветерок, который, пролетев через Урал и Каспийское море, просвистел над Волгой и растворился в степях Украины!.. Какое огромное пространство, говорил я себе, преодолевает ум этого человека в стране, расстилающейся между Днестром и Владивостоком! Тенденция к монументальности в его творениях — это не что иное, как естественное отражение гигантского пространства, по которому он движется. Так я думал про себя и строил себе литературную теорию <...>. Должно же существовать органическое родство между радиусом суждений писателя и географическим пространством отчизны, к которой он принадлежит».⁹ Согласно концепции Октавиана Гога, в своей борьбе за новую духовность «Толстой разрушил все преграды». «Конечно же, — уточнял румынский поэт, — выводы были ничуть не оптимистичны и они, подобно булыжникам, тяжело падали на мою крохотную душу где-то в одном из уголков Трансильвании».¹⁰

Итак, Октавиан Гога и ряд других румынских писателей не раз ссылались на литературные произведения и героев великой русской литературы, которую они так ценили, и способностью которой уловить саму жизнь, драмы, трагедии и радости людские они восхищались.

⁹ Dessila O. Zvetlana / 7a ed. București, 1943. P. 7–8.

¹⁰ Ibid. P. 9.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЛОВА В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ

Поэзия акмеистов вводит в литературу особый *предметный* язык, позволяющий объединять различные пространства, выходить за пределы только поэзии, синтезировать искусства, переводить слова в живописные, скульптурные или архитектурные образы, втягивать в лирический мир бытие вещное, преодолевать неметафорические расстояния. Акмеисты не стеснены ни во времени, ни в пространстве, поэтому путешествия для них — особая тема. С одной стороны, как писал О. Мандельштам, «архитектор должен быть хорошим домоседом»,¹ и это подчеркивает тяготение акмеистов к некоей статике, противоположной движению. Поэт упрекает символистов в том, что они были «плохими зодчими... любили путешествовать, но им было плохо, не по себе в клетки своего организма».² С другой стороны, «домоседы-акмеисты» внутри статичного пространства создавали вихревое движение, бесконечную динамическую цепь, дающую возможность строительства, то есть *путешествия в глубь материала*.

Такие путешествия принимают разнообразные очертания и формы: они могут быть связаны с реальными странствиями и отражаться в стихах; с путешествиями воображаемыми — словесными, литературными («Слово способно путешествовать: это важное свойство — оно открывает нам пространство, рассказывая о нем, возводя, раздвигая его в нашем воображении»³); с динамикой преодоления границ как выхода за пределы самого себя, ибо язык, мышление, художественный текст построены по образу путешествия. Мышление прерывисто, не линейно, оно стремится вывернуться наизнанку, захватить те области, которые лежат за его пределами. Путешествие — это образ «выворачивания» наизнанку, или сам процесс такого выворачивания. «Путешествия Нового времени ведут в пространство, в принципе мыслимое как открытое»,⁴ указывает В. С. Киссель. Акмеисты этот процесс осознавали и в разных вариациях фиксировали. Мышление и язык влияют на мотив путешествий, и в то же время архетип путешествия влияет на язык и мышление. «Воображаемые пространства... все до одного представляют чьи-то замыслы и выдумки... Посредством этих выдумок наше слово и наше сознание оформляют русскую

¹ Мандельштам О. Э. Соч. в 2 т. Т. 2: Проза. М., 1990. С. 143.

² Там же.

³ Балдин А. Н. Протяжение точки: Литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009. С. 2.

⁴ Киссель В. С. Путешествие на солнце без возврата: К вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX века // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М., 2010. С. 14.

Е. Ю. Куликова и Е. К. Ромодановская. 2000 г.

карту... Наш мир сочинен, условен — тут нужно услышать корень “слово”, — пространственно противоречив, невидимо бумажен».⁵

Динамичность пространственных построений является неотъемлемым свойством лирики акмеистов, поэтическая материя которой состоит из разнообразных и изменчивых «порывов», формирующих подвижное языковое пространство текста. В совместном исследовании Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян рассматриваются особенности релятивизации слова у акмеистов, оживления «конструктивных формообразу-

⁵ Балдин А. Н. Протяжение точки. С. 11.

ющих потенциалов составляющих слово элементов внеположного мира»⁶. Слово у акмеистов обретает поистине материальную реальность и обрастает плотью, рождая независимое пространство. «Взгляд на язык как на нечто самодовлеющее определяет один из существеннейших аспектов акмеистической реформы поэтического языка — осознанное и подчеркнутое обращение языка на сам язык».⁷ Авторы подчеркивают, что «поиски слова, в котором ничего не устоялось... все неопределенно, и составили содержание важнейшей части акмеистической деятельности».⁸ Возникновение такой «семантической неопределенности», по мнению исследователей, создает эффект, когда «элементы поэтического текста оказываются... как бы “взвешенными”, неприкрепленными»⁹, что открывает возможность интерпретирования слова и нового его рождения. Результатом является обретение пространственных связей слова с другими словами, в рамках контекста, в целом, и это организует динамическое состояние всего текста.

Можно отметить тяготение акмеистов к наделению образа вещественной плотностью и пластичностью, что и рождает эффект его ясности. Акмеисты приносят «вкус к целостному словесному представлению, образу, в новом органическом понимании».¹⁰ Но пластичность образа, поэзия «слова-предмета» у акмеистов никогда не застывает в мертвой форме, ибо всегда направлена на строительство, используется для того, чтобы элементы стихотворения приобрели большую динамическую направленность. Взаимодействие слова, стиха и пространства текста создает ощущение движения, которое приводит к выравниванию контраста между статикой и динамикой.

Не случайно Мандельштам уподобляет «стихотворение египетской ладье мертвых»¹¹. Метафора движения, пространственное чувство присутствуют в этом образе, придавая ему дополнительные ассоциации пути, помимо основного (не менее динамического) значения — дороги в новый (иной) мир. Примечательно, что образ ладьи (лодки) неоднократно встречается в лирике Мандельштама, особенно раннего. В стихотворении «Как тень внезапных облаков...» лодка движется не то в водном пространстве, не то по земле, более всего напоминающей осенний парк: «И лодка, волнами шурша, / Как листьями»¹² — странное плавание, близкое процессу писания стихов (листья как листы бумаги). Описывая Адмиралтейство, Мандельштам упоминает «ладью воздушную» — тоже образ

⁶ Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 192.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Там же. С. 193.

¹⁰ Мандельштам О. Э. Соч. в 2 т. Т. 2: Проза. С. 185.

¹¹ Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М., 2001. С. 445.

¹² Там же. С. 17.

не классического судна, а, скорее, фантастического, похожего на «Воздушный корабль» Лермонтова-Цейдлица. Синонимом ладье можно считать ковчег — безусловный символ покорения пространства. Поэтический корабль, который Мандельштам называет и воздушной ладьей, и ковчегом, помогает преодолеть три измерения, открыть «всемирные моря», и здесь звучит отзвук пушкинского плавания в «Осени», сопоставимого с творческим вдохновением.

Как ладья мертвых, лодка у Мандельштама появляется в стихотворении «Еще далеко асфodelей...»: путь поэта — всегда путь в царство мертвых, и осознание динамики бытия всегда синонимично переходу из одного пространства в другое. Это один из самых «морских» и самых метафоричных в этом смысле текстов, плавание как постижение мира одновременно дано ярко и отчетливо, со свойственной акмеистам пластичностью и вещественностью («шуршит песок, кипит волна»; «тяжесть урны гробовой»; «за кипарисною каймой», «в песок зарылся амулет»¹³ и др.), над которой властвует символическое значение практически каждого образа и мотива («печальный веер прошлых лет», «хлопья черных роз летают», «птица смерти и рыдания, / Влачится траурной каймой / Огромный флаг воспоминанья»¹⁴ и др.). На натяжении между предметностью и развоплощенностью происходит создание новых семантических рядов, и лодка Харона (корабль с черным парусом) есть тот образ, который порождает вокруг себя динамическое пространство.

В стихотворении «Прославим, братья, сумерки свободы» возникает корабль времени, возможно, гибнущий, подобно «Титанику» (хотя о «Титанике» нет никаких явных упоминаний), а, возможно, ищущий свой путь: «огромный, неуклюжий, / Скрипучий поворот руля. / Земля плывет. Мужайтесь, мужи. / Как плугом, океан деля, / Мы будем помнить и в летейской стуже, / Что десяти небес нам стоила земля».¹⁵ Комментаторы пишут, что «*корабль* (курсив авторов. — Е. К.) — очевидно, противостоит “пароходу современности” футуристов с их декларативным отказом от культурного наследия»,¹⁶ и, кроме того, отмечают ассоциацию с погибшим в 1918 г. «Варягом». Добавим, что Мандельштам имеет в виду, конечно, и корабль России, который должен найти свое место в новом мире, открытом после 1917 г.: либо обрести свою дорогу, либо погибнуть. Метафорические и отсылающие к историческим реалиям оттенки образа корабля в стихотворении совмещены, как это постоянно происходит в лирике Мандельштама, да и вообще у каждого автора, но в данном случае мы видим на этом стыке поэтическое движение текста, который начинает свое плавание, подобно историческому кораблю России.

Уже упомянутая связь лодок и кораблей Мандельштама с плаванием в «Осени» А. С. Пушкина в данном тексте явлена особо: «Земля плывет. Мужайтесь, мужи» откликается непосредственно на последние строки пушкинского сти-

¹³ Там же. С. 59–60.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Мандельштам О. Э. Соч. в 2 т. Т. 1: Стихотворения. М., 1990. С. 483.

хотворения «Плывет. Куда ж нам плыть?..», после которых следуют ряды много-точий. Для Мандельштама это вопрос и о путях развития России, и о пути поэтического слова в тексте, возможно, слова связанного («Мы в легионы боевые / Связали ласточек»¹⁷). Лодка (корабль) характеризует динамику творческого процесса Мандельштама и в лирике, и в эссе «О природе слова», где поэт пишет о новом слове акмеистов: «Отшумит век, уснет культура, переродится народ... и весь этот поток увлечет за собой хрупкую ладью человеческого слова в открытое море грядущего... Как же можно снарядить эту ладью в дальний путь, не снабдив ее всем необходимым для столь чужого и столь дорогого читателя?»¹⁸ Тяжесть и твердость человека, и, соответственно, плотность и «оснащенность» поэтического слова — вот символы новой акмеистической поэтики, о которой пишет Мандельштам. Эта твердость должна быть соединена с мягкой, но уверенной динамичностью плывущей лодки, которая несет слово в новые пределы, и такой путь соответствует «живой поэзии слова-предмета».¹⁹

Пространство в лирике акмеистов открывается через путешествие слова особенно отчетливо, потому что энергетика созидания здесь выражена максимально ярко, выпукло, рельефно. Поэтические путешествия в силу лирического рода не могут быть сведены к нарративной проблематике, а, наоборот, будучи от нее полностью освобожденными, делают собственно «проводниками» идеи, всей своей структурой воплощая динамичность, подвижность бытия. Пространственные игры — любимые игры акмеистов, реализуемые ими не только и не столько в содержательном плане, а, большей частью, способом изображения. Динамический аспект в творчестве Гумилева связан и с его биографией, и с тем, как она отражена в его стихах (пространственные образы и мотивы являются преобладающими), и в использовании любимых поэтом экфраз («Портрет мужчины», «Самофракийская победа», «Персей. Скульптура Кановы» и др.). Например, африканский мир Гумилев «сочиняет», исследуя его как путешественник и как поэт. Литературность географии содержит в себе динамический потенциал: она расширяет границы лирического «я», наделяя его множеством условных ролей, которые ставятся вровень с биографической судьбой.

В лирике Ахматовой «чувство нашло себе новое выражение, вступило в связь с вещами, с событиями, сгустилось в сюжет»:²⁰ некая статичность образов совмещается с вещественностью и пластичностью ее стихов, которые несут в себе пространственные изменения, разбивающие плотность скульптурных форм. У Ахматовой неподвижность всегда дублирована пространственной динамичностью.

«Поэтическая память» Мандельштама подвижна по своей структуре, как описанная им «Божественная комедия» Данте: «Представьте себе монумент из гранита или мрамора, который в своей символической тенденции направлен

¹⁷ Мандельштам О. Стихотворения. Проза. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 445.

¹⁹ Мандельштам О. Э. Соч. в 2 т. Т. 2: Проза. С. 187.

²⁰ Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 385.

не на изображение коня или всадника, но на раскрытие внутренней структуры самого же мрамора или гранита».²¹ Лирика Мандельштама отзывается на мировую культуру и несет ее внутри себя, возрастая на ней и обретая форму. «Раскрытие идеи мрамора или гранита», а, по сути, секрет лирики заложен внутри этого пространства и произрастает из него, как нечто органическое. Это движение и становится доминантой творческого процесса, и потому все «путешествия» О. Мандельштама рождаются в диалоге с другими поэтами.

Акмеисты обыгрывают различные варианты дневников путешественников, записок и наблюдений, воспоминаний и воображаемых ситуаций, бесконечно проводя слово через границу литературы и бытия. Одно из стихотворений Гумилева называется «Сентиментальное путешествие» и служит прямой отсылкой к роману Л. Стерна, хотя никаких пересечений между двумя текстами нет, и у Гумилева это, в первую очередь, путешествие воображаемое, путешествие не героя, а слова. Возможно, впрочем, что так поэт обыгрывает стерновскую идею описания душевных движений героя. Но сам Гумилев много внимания уделяет *путешествию* как таковому, хотя в финале и возникает вопрос, не состоялось ли оно лишь на бумаге в «петербургскую злую ночь».

У Ахматовой есть ряд стихотворений, которые по заголовкам можно было бы принять за отрывки из дневника, если бы они были написаны прозой, однако это именно поэтические произведения, выросшие из прозаических травелогов конца XVIII — начала XIX в. и уже совсем не похожие на них: «Из «Дневника путешествия»», «Из цикла «В пути»», «Дорожная, или Голос из темноты», «И я все расскажу тебе» и др. В отдельную группу можно выделить циклы об Африке и об Италии Гумилева, стихи о Риме и Париже — Мандельштама, о Ташкенте — Ахматовой.

Мы видим вариации путешествий-описаний, причем не просто с выделением их *лирического начала*, очень важного и для Л. Стерна, и для Н. М. Карамзина, и для других писателей, но с полной заменой прозаического отчета только лирическими впечатлениями. Авторы конца XVIII — начала XIX в. любили перемежать основное повествование лирическими отступлениями и поэтически цитатами. Как отмечает Т. Роботи, «в одном из ранних произведений Марлинского — «Поездка в Ревель» (1821 г.) оживает традиционный жанр гибридного путешествия со всеми характерными чертами: эпистолярной обработкой, обращениями к друзьям, вводом стихов и проч. Наряду с обычным появлением стихов на *сильных* (курсив автора. — Е. К.) местах... непосредственный переход от прозы к стихам и возвращение к основному прозаическому тексту дается вне всякой тематической мотивировки».²² Стихи акмеистов и есть описания-травелог, но, став лирикой, их *поэтические путешествия* уже не несут в себе прозаических черт, концентрируя в себе лишь лирическое пространство, изнутри взорванное динамической устремленностью вдаль, ввысь и вглубь.

²¹ Мандельштам О. Стихотворения. Проза. С. 486.

²² Роботи Т. Литература «путешествий» // «Младоформалисты»: Русская проза. СПб., 2007. С. 121–122.

Элегия Г. Р. Державина и песни А. П. Сумарокова в рассказе И. А. Бунина «Несрочная весна»

Нам уже приходилось писать о том, что рассказ Бунина «Несрочная весна» (1923) выстроен по правилам элегии Heimkehr,¹ финал одной из таких элегий — «Запустения» Боратынского — дал Бунину заглавие «Несрочная весна», подтексты из А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова, М. Ю. Лермонтова создали фон для идиллической картины прошлого, нарисованной в рассказе, что напоминает, к примеру, отрывок «Элегии из Тибулла» К. Н. Батюшкова:

И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный Май меж рощей и полей,
Где расцветает нарцисс и киннамон лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
Там девы юные, сплетаясь в хоровод,
Мелькают меж деревьев, как легки привиденья.²

Герой Бунина, измученный разрухой и нищетой революции и гражданской войны, попадает в чудом сохранившееся подмосковное поместье князей Д. Хозьева поместья погублены новой властью или просто поглощены исторической смутой («дни посвящал зачарованному миру бывшей княжеской усадьбы, — истинно бывшей, потому что из ее владельцев не осталось в живых ни единого»³), зато их усадьба превращена этой же новой властью в музей. Посещение «музея» оборачивается для повествователя (рассказ написан в форме письма к другу-эмигранту в Париж) не любопытной экскурсией, а сновидческим возвращением в отчий дом, к гробам предков, к идеальной, как она видится Бунину в эмиграции, дореволюционной России (за текстом стоит дата написания и топоним: «Приморские Альпы. 5 октября 1923» (5; 129)). На контрасте картин величественного прошлого и варварского настоящего основана композиция рассказа.

¹ Капинос Е. В. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск, 2012. С. 93–114.

² Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1997. С. 208.

³ Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. М., 1966. Т. 5. С. 123. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

Несмотря на то, что основной фон рассказа — элегический, в подтекст вкрапляются едва заметные элементы оды и идиллии. В красках екатерининской оды описывается дом князей Д. Портрет Екатерины II, по законам метонимии, замещает фамильные портреты: «И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавцы в мундирах, камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами! И ярче и величавее всех Екатерина» (5; 124). Екатерининский фрагмент написан у Бунина с явным наведением на Державина,⁴ в частности, на очень известный текст — элегию «Развалины» с ее сочными картинками, на которых «домашняя», улыбающаяся («блистая щедростью лица»), «царско-сельская» Екатерина смотрит на рдеющих в воде рыб, на собачек с завитыми кольцами хвостами:

Киприда тут средь мирт сидела,
Смеясь, глядела на людей;
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на станицу сребробоких
Ей милых сердцу голубков;
Или на пестрых, краснооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом...⁵

Живое державинское великолепие откликается в усадебном пейзаже Бунина:

...где вода прозрачна, как слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебром мелкие рыбки, пучили глаза какие-то зеленые тупые морды... А затем я переходил старинный каменный мост и подымался к усадьбе. Она осталась по счастливой случайности нетронутой, неразграбленной, и в ней есть все, что обыкновенно бывало в подобных усадьбах. Есть церковь, построенная знаменитым итальянцем, есть несколько чудесных прудов; есть озеро, называемое Лебединым. (5; 123)

Екатерининская тема позволяет напомнить о героических временах XVIII века, в частности, о блестящей Чесменской победе и об одном штрихе этой победы:

⁴ Интересно, что одно из стихотворений Анны Буниной, родственницы и поэтической предшественницы И. А. Бунина, обращено к Державину: лирическая героиня в мечтах посещает Званку и встречается там с великим поэтом («Сумерки», 1808 г.). См.: Бунина А. П. Сумерки: Гавриилу Романовичу Державину, в его деревню Званка // Бунина А. П. Собрание стихотворений. СПб., 1819. Ч. 3. С. 43–48.

⁵ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 263.

гибели флагменского корабля «Святой Евстафий», обломок которого находит повествователь на письменном столе в одном кабинете княжеского дома: «лежит на небольшом письменном столе и странно поражает взгляд коричневое бревно с золотой пластинкой, на которой выгравировано, что это — частица флагманского корабля “Св. Евстафий”, погибшего в битве при Честме “во славу и честь Державы Российския...”» (5; 124). Чесменская битва, где погиб «Св. Евстафий», — это и есть та победа, в честь которой воздвигнут памятник, приковавший к себе взгляд Екатерины у Державина:

А здесь, исполнясь важна вида,
На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои,
По манию ее очес,
В ужасные вступали бои
И тьмы проделали чудес...⁶

История гибели 66-пушечного корабля «Святой Евстафий Плакида» подробно изображена у Е. В. Тарле: «Первыми напали на турецкий линейный корабль “Реал-Мустафа” (где находился сам капитан-паша) русские линейные суда “Европа” и “Евстафий”. “Реал-Мустафа” вскоре загорелся от русского артиллерийского огня. Команда в панике бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега. Но тут русских постигла большая неудача: “Евстафия” течением нанесло прямо на горящего ярким пламенем “Реал-Мустафу”, и никакими усилиями нельзя было удержать его от этого гибельного сближения. Когда “Евстафия” прибило окончательно к “Реал-Мустафе”, русские матросы и армейский отряд бросились на abordаж и перебили турок, еще находившихся на борту пылающего судна. Но тут горящая грот-мачта турецкого корабля вдруг рухнула прямо на “Евстафия”, и так как крют-камера была открыта (для пополнения артиллерии порохом и снарядами во время боя), то горящие головешки попали в нее. Раздался оглушительный взрыв, и “Евстафий” взлетел на воздух. Спустя несколько минут был взорван и “Реал-Мустафа”». ⁷ Как и предписывается уставом, адмирал Спиридонов и штаб оставили «Св. Евстафия» сразу после начала пожара, а капитан А. И. Круз, потомок моряка, служившего у Петра I, находился на корабле до последней минуты. При взрыве его выбросило в море, и он чудом спасся, ухватившись за обломок «Евстафия».

«Частица флагманского корабля» в тексте Бунина воскрешает сразу всю его легендарную историю, а случайная, нелепая и трагическая гибель судна

⁶ Там же.

⁷ Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг: 1769–1774 // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 44.

Е. К. Ромодановская и Е. В. Капинос. 2000 г.

[652]

скрывает в себе параллель к нелепой, неожиданной гибели России в пожаре революции. Не случайно и наименование корабля. В 1915 г. Житие Евстафия Плакиды стало поводом для сочиненного Буниным большого стихотворения,⁸ которое заканчивается строфой, живописующей кульминационный момент Жития — крест, пламенем воссиявший над головой оленя, настигаемого Евстафием на охоте:

Мрак и стволы великой чащи,
Органных труб умолкший ряд,
Взор, и смиренный и грозный,
И крест из пламени, горящий
В рогах, откинутых назад. (1; 370)

Переключка названия корабля с заглавием написанного еще до революции в имении Васильевском стихотворения,⁹ лесные и «огненные» мотивы Жития Евстафия Плакиды и «Несрочной весны», «смиренный и грозный взор» оленя и немые взоры владельцев заброшенной усадьбы, устремленные на путешественника с портретов княжеского дома, — все это добавляет христианские коннотаты к имперской теме рассказа. Кроме того, народная этимология названия родного для Бунина Ельца, восходящая к «олению»,¹⁰ возможно, тоже привлекала внимание Бунина к Житию Евстафия, тем более, что олень был изображен на дореволюционном гербе Ельца. Насколько важна была для Бунина эта страница истории XVIII века, говорит тот факт, что в одном из более ранних рассказов писателя «Игнат» в окружении реальных, с детства родных для Бунина елецко-орловских топонимов — Шатилов, Извалы, — вдруг появляется вымышленная деревня Чёсменка.

Героический державинский подтекст соседствует в рассказе «Несрочная весна» с совершенно иной интонацией — песенной, буколической, и эта интонация особенно отчетливо улавливается в четверостишии, которое герой находит на странице одной из книг старинного книгохранилища.

Книга, которую берет в руки герой «Несрочной весны», не названа, однако процитированный фрагмент почти подлинный — это неточное заимствование из «Песен» А. П. Сумарокова, в песне Сумарокова эти четыре строки выглядят так:

⁸ Беглая поэтическая квинтэссенция Жития Евстафия Плакиды есть и в бунинском рассказе «Аглая»: «Так узнала Анна <...> о воине Евстафии, обращенном к истинному Богу зовом Самого Распятого, солнцем просиявшего среди рогов оленя, им, Евстафием, на зверином лове гонимого» (4; 363).

⁹ В «Несрочной весне» не случайно упомянуто Васильевское, имение родственников Бунина Пушенниковых, где писатель подолгу жил в предреволюционные годы.

¹⁰ Об этимологии топонима «Елец» см.: Краснова Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина. Елец, 2005. С. 151–157.

[653]

Успокой смятенный дух,
И крушась, не сгарай!
Не тревожь меня, пастух,
И в свирель не играй!¹¹

Скорее всего, в библиотеке князей Д. герой рассказа находит «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова», изданное в Москве в 1787 году. Любопытно, что Сумароков назван в перечне книг библиотеки Писарева, где любит проводить целые дни Алексей Арсеньев («Жизнь Арсеньева»):

Там оказалось множество чудеснейших томиков в толстых переплетках из темно-золотистой кожи с золотыми звездочками на корешках — Сумароков, Анна Бунина, Державин, Батюшков, Жуковский, Веневитинов, Языков, Козлов, Боратынский... Как восхитительны были их романтические виньетки, — лиры, урны, шлемы, венки, — их шрифт, их шершавая, чаще всего синеватая бумага и чистая, стройная красота, благородство, высокий строй всего того, что было на этой бумаге напечатано. (6; 101)

В реальной книге А. П. Сумарокова, изданной в 1787 году, в качестве отдельной части выделены «Песни и хоры».¹² Это тексты, гораздо менее известные, чем его оды и драмы, но именно песни П. Н. Берков считает опытами, которые позволили поэту и драматургу выработать впоследствии «относительно легкий, для той поры даже музыкальный стих, живой язык, близкий к тогдашнему разговорному».¹³ Добавим от себя, что в стихотворениях Сумарокова, жанр которых определен как песня, нередко можно встретить необычные ритмические ходы. На песнях, эклогах Сумарокова лежит отпечаток свободного песенного ритма вкупе с некоторой неловкостью складывающейся, но еще до конца не сложившейся русской силлабо-тоники.

Бунин достаточно часто в рассказах и романе «Жизнь Арсеньева» приводит цитаты из классики XVIII и XIX вв., из народных песен, из древнерусских памятников. Вместе с тем, подлинные цитаты соседствуют у Бунина с вымышленными, сочиненными самим Буниным и стилизованными под фольклор, под древнерусскую агиографию или под поэзию XVIII века. Таков стихотворный фрагмент «Тебе сердца любивших скажут...» в «Грамматике

¹¹ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Изд. 2-е. М., 1787. Ч. 8. С. 219.

¹² Сумароков А. П. Полное собрание... С. 179–321.

¹³ Берков П. Н. Александр Петрович Сумароков // Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1953. С. 34.

любви», таково житие с «господним волком» в «Балладе» или вымышленное Житие мученицы Елены, соседствующее с подлинными сведениями, почерпнутыми из русской агиографии в рассказе «Святые».¹⁴ Есть и еще одна особенность поэтики Бунина, которую здесь необходимо упомянуть: Бунин практически никогда не цитирует точно. Даже если приводится цитата из известнейшей элегии Пушкина, то Бунин намеренно допускает перестановку, так пушкинские стихи «Из равнодушных уст я слышал смерти весть, / И равнодушно ей внимал я» («Под небом голубым...»)¹⁵ в рассказе «В ночном море» едва заметно инверсируются: «Из равнодушных уст я слышал смерти весть, / И равнодушно я внимал ей» (5; 105), подобные примеры можно было бы множить, заметив при этом, что чем менее известный текст из собрания русской поэтической классики выбран для цитации, тем больше он искажается под пером Бунина.

Цитата из Сумарокова подвергнута у Бунина тончайшей обработке, писатель меняет всего три слова: «смятенный» на «мятежный», «крушась» на «в страстях», убирает союз «и» в последнем стихе, а вместо предлога «в» ставит «во». Эти мелкие, казалось бы, перемены (всего четыре поправки, две из которых мелкие) совершенно преображают цитату, предлагает вместо поэтики XVIII века модернистскую вариацию на идиллическую тему.

Успокой мятежный дух,
И в страстях не сгорай,
Не тревожь меня, пастух,
Во свирель не играй. (5;125)

Четверостишие остается, как и у Сумарокова, похожим на классический перевод античной буколки, слегка неловкий, шероховатый, будто бы автор XVIII в. подбирает слова, стараясь сохранить верность оригиналу. Благородная шероховатость XVIII в. оборачивается дисгармонией «разломленного» поэтического сознания XX в. Словосочетание «мятежный дух» невозможно для XVIII века, оно представляет собой устойчивую формулу из романтической поэзии XIX века. «Смятенный дух» из песни Сумарокова, преобразившись у Бунина в «мятежный дух», начинает слегка пародийно сочетаться со словом «успокой». Столь же дисгармоничны и «страсти» (слово из лексикона все той же, более поздней романтической поэзии); «страсти», заключенные в рамку идиллического четверостишия, тоже не дают возможности поверить в то, что перед нами подлинный XVIII век. В слегка неправильной ритмике XVIII века этот лексический диссонанс тоже подчеркивает ощущение разлома, обеспеченное сочетанием хореических и анапестических стихов. Обилие

¹⁴ См. об этом: Климова М. Н. От протопопы Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. С. 92.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. М., 1956. Т. 2. С. 330.

жестких мужских словоразделов, сохраненное Буниным, тоже, проистекая из XVIII века, в измененном лексическом контексте звучит модернистски.¹⁶

Мы видим, как цитата из Сумарокова почти теряет связь со своим временем, превращается в стилизованные стихи самого Бунина, а едва заметные следы державинских элегий и од в «Несрочной весне» становятся фактом культуры XX века. Подтекст из Державина и Сумарокова придает еще большую глубину из без того богатому, восходящему к XIX веку, элегическому подтексту «Несрочной весны», Державин и Сумароков расширяют его во времени, разнообразят, обращают к истокам русской поэзии и к золотому веку в истории России. Именно так — как золотой век русской поэзии и истории, осознает Бунин время Сумарокова, Державина, Пушкина, Батюшкова, Боратынского, именно это время и определило сложный поэтический подтекст «Несрочной весны».

¹⁶ В ритме этого бунинского четверостишия можно услышать и фольклорные, частушечные призывы. Несколько «выровнять» ритм, перевести его из «народного» в сугубо «литературный» формат можно, разбив его не на 4, а на 6 стихов:

* Успокой мятежный дух
И в страстях
Не сгорай,
Не тревожь меня, пастух,
Во свирель
Не играй.

1. К литературной истории мотива детства-материнства

Н е раз писалось, что поэзию Ахматовой пронизывает чувство нравственной виновности и проистекающих из этого мук совести. В более общем плане следует говорить об основополагающих для Ахматовой категориях памяти-совести, в обращении к которым и «принятии на себя вины, индивидуальной и общей», она видела спасение в «атмосфере всеобщей греховности».¹ Одним из важных творческих и нравственных ориентиров для Ахматовой был Иннокентий Анненский, поэт, которого она назвала своим *Учителем*. В его творчестве важную роль играли категории памяти-воспоминания и совести, выступающей как жалость, покаяние, чувство вины за чужие обиды и страдания.

Лена Ромодановская
с племянником Юрой Сумкиным. 1954 г.

Своего рода квинтэссенцией мотива совести у Анненского было обращение к образам, так или иначе связанным с детством-материнством. Эти образы подавались им, как правило, в трагедийном по-еврипидовски ключе (через картины страданий и мук), но и с несомненной оглядкой на светлые их краски у греческого трагика. Анненский перевел трагедии Еврипида на русский язык, и русскоязычный читатель знаком с ними по преимуществу по его переводам. В трагедии «Ион» звучит настоящий гимн детям, детству:

* Несколько измененная глава «О литературных истоках 'детских' мотивов в поэзии Ахматовой» из книги: Аникин А. Е. Иннокентий Анненский и его отражения. Материалы. Статьи. М., 2011, с использованием других глав той же книги.

¹ Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 3–6. С. 245.

Счастья высшего начала,
 Нерушимого для смертных,
 Нет иного, как в чертогах
 Детских глаз сиянье, — радость
 Видеть нежный цвет детей,
 Чтоб, сокровища наследье
 От отцов приявши, дети
 Детям отдали своим.
 В бедах дети — это сила,
 Дети в счастье — улыбка,
 На войне они отчизне
 И опора и спасенье.
 Не давай ты мне богатства,
 Царских зал раззолоченных!
 Дай мне вырастить на славу,
 Дай взлелеять мной рожденных.
 Жизнь бездетных ненавистна:
 Этой жизни не желай;
 С самым скромным достоянием
 В детях счастье для меня.²

Вариация на тему этих стихов звучит в трагедии Анненского «Меланиппа-философ» из уст полного надежд царя Эола, обращающегося к Зевсу:

Дети
 Чтоб выросли на радость и на славу
 Родителям, которым ты велишь
 Их вырастить...

В уста отца Эола, уходящего из жизни старца Геллена, в той же трагедии вложены стихи о славном будущем потомков Эола:

² Театр Еврипида / Перевод, объяснит. статьи и коммент. И. Ф. Анненского. Т. 1. СПб., 1906. С. 471.

В прозаическом переводе еврипидовского текста на французский язык Леконта де Лиля: «C'est, en effet, une assurance certaine de grande félicité pour les mortels qu'une florissante jeunesse qui resplendit dans les demeures paternelles et qui doit transmettre à d'autres enfants les richesses héréditaires. C'est un secours dans l'adversité, une joie dans la bonne fortune, et le salut pour la patrie pendant la guerre. Il me semble meilleur d'élever des enfants excellents que de jouir des richesses et des demeures royales. Je hais une existence privée d'enfants; et, si elle plaît à quelqu'un, je blâme celui-ci. Je jouirais, avec peu de biens, d'une vie heureuse par mes enfants» (*Leconte de Lisle*. Euripide, traduction nouvelle. Vol. 1. Paris, 1884. P. 424).

Остатки сил берег я, мой Эол,
 Чтобы тебя увидеть и зарею
 Полюбоваться славы эолидов.

Они откликнулись в посвященном Н. Гумилеву катрене Анненского

Меж нами сумрак жизни длинной,
 Но этот сумрак не корю,
 И мой закат холодно-дынный
 С отрадой смотрит на зарю,

который стал своего рода предначертанием еще только открывавшейся новой главы русской литературы — «Анненский и последующая русская поэзия (Гумилев, Ахматова, Мандельштам...)».

В «вакхической» драме Анненского «Фамира-кифарэд» самоубийство царя Филаммона (отца кифарэда), которому стало «скучно жить», косвенно связывается с его несчастливым отцовством. Бездетность (особенно в старости) выступает как синоним смертной Скуки, и та и другая *ненавистны*. После ухода Фамиры Филаммон *Жен <...> больше не ласкает, и в палатах / Филаммона не водятся детей*³.

Стихи, в которые вылилась тоска Креусы по сыну в «Ионе» (ст. 789–791) —

Радость... радость ребенка... где ж она?
 Пусто, как вымерло,
 В доме теперь навек —

очень близка следующим стихам Ахматовой (имеющим биографическую подоплеку: репрессии против сына⁴):

Я давно предчувствовала этот
 Светлый день и опустелый дом;⁵

Кто знает, как тихо в доме,
 Куда не вернулся сын⁶ —

и это сходство обусловлено скорее всего одними и теми же переживаниями (находящими у поэтов похожее выражение) потерявших ребенка матерей (нельзя исключать однако и отголоска «анненского» перевода «Иона» у Ахматовой).

³ *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 491.

⁴ Ср. мысли О. Анстей о «материнском крестном пути» Ахматовой: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 211.

⁵ *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 192; 1939 г.

⁶ Там же. С. 195; 1940 г.

«К 1940 году, потеряв сына, семью, дом как наполнение жизни бытом, Ахматова пережила такой прилив творческих сил, какого, видимо, не знала ни до, ни после этого. В 1940 году, когда было написано *Нет, это не я, это кто-то другой страдает, / Я бы так не смогла...* и о Матери — “О, не рыдай, Мене...”,⁷ в самой глубине страданий, произошло самое большое в ее жизни чудо творчества, тот перелом, после которого путь определился до конца и уже ничего — в этом смысле — не было страшно».⁸

Свойственное Анненскому восприятие темы детства отчетливо выражено в стихотворении «Дети»:

Нам — острог, но им — цветок...⁹
 С о л н ц а , люди, нашим д е т я м !¹⁰ <...>
 В детстве тоньше жизни нить,
 Дни короче в эту пору.
 Не спешите их б р а н и т ь ,
 Но б а л у й т е ... Без зазору <...>
 Но безвинных детских слез
 Не омыть и покаяньем,
 Потому что в них Христос,
 Весь, со всем своим сияньем.

В этих стихах и, шире, в творчестве Анненского в целом, отразилась связанная с именем Ф. М. Достоевского творческая традиция, которую сам Анненский называл в своих критических статьях «поэзией совести». Несколько иллюстраций из «Братьев Карамазовых»: «...то ли надо душе малого еще *дитяти*? Ему надо *солнце, детские игры* и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему»; «Деток любите особенно, ибо они тоже *безгрешны* *яко ангелы* и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. *Горе оскорбившему младенца*» (II.6.3); «...маленькое существо... плачет своими кровавыми, *незловивыми слезами* к “*боженьке*”, чтобы тот защитил его <...> Да ведь весь мир познания *не стоит тогда этих слез ребеночка* к “*боженьке*”; «...от высшей *гармонии* совершенно отказываюсь. *Не стоит она слезинки* хотя бы одного только того замученного ребенка...

⁷ *Отцу* сказал: «Почто меня оставил!» / А Матери: «О, не рыдай, Мене...» («Распятие»).

⁸ Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой // Russian Literature. 1990. Vol. 28. Is. 3. С. 335.

⁹ Сопряжение детей и острога напоминает встречающееся у Сологуба сравнение счастья с полем: «...вешнюю порой, / С пестрыми цветами... / Где смеются дети, где щебечут птицы... / Мы на них дивимся из окна темницы» (Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979. С. 97).

¹⁰ Курсивы и разрядки в цитируемых текстах здесь и далее принадлежат автору статьи (иное оговаривается).

который молился в зловонной конуре не искупленными *слезками* своими к “*боженьке*”» (II.5.4).¹¹

Ахматовский подход к «детской» теме основан на глубоком усвоении принципов трактовки этой темы у Анненского (и Еврипида): поэт видит детей и их матерей в мире, где царит несправедливость, зло, безумие, смерть, страдания.

В стихах ранней Ахматовой (1910–1920) определяющим является мотив нежной материнской любви и заботы, который был обусловлен автобиографически: в 1912 году у нее родился сын Лев (впоследствии известный ученый). Но в этих стихах слышатся и ноты раскаяния, материнской вины. В стихотворении «Где, высокая, твой цыганенок...» (1914) мотив вины звучит «остраненно», от лица своего рода литературной «маски» Ахматовой-цыганки.¹²

Доля матери — светлая пытка,
 Я достойна ее не была.

Укоры совести (мучающие женщину, по-видимому, никак не повинную в смерти своего ребенка) очень напоминают рассуждение из статьи Анненского «Бранд-Ибсен»: «Если у вас умрет ребенок, еще не умеющий говорить, вы будете не только несчастны, а пришиблены его смертью, и будь вы решительно ни при чем в самом случае смерти, вы все же не так-то скоро справитесь с *угрызениями своей потревоженной совести*».¹³

Ахматовская «Колыбельная» (1915) содержит смысловой ход, требующий нравственного и художественного бесстрашия. В проникнутых материнским раскаянием стихах, обращенных к сыну —

Младший сын был ростом с пальчик,
 Как тебя унять,
 Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,¹⁴
 Я дурная мать.

¹¹ Ср. «Гармонию» Анненского, в которой отразилась идея неприятия миропорядка, основанного на страдании или гибели не причастного злу существа. Кровавые слезы ослепленного, молящегося богам Фамеры в финале драмы «Фамира-ки-фарэд» — те же «кровавые, незловивые слезки» молящегося «*боженьке*» ребенка в «Братьях Карамазовых».

¹² *Кто скажет, и гитане гибкой / Все муки ада суждены?* (Мандельштам. «Черты лица искажены...»). Ср.: Тименчик Р. Д. Художественные принципы предреволюционной поэзии Анны Ахматовой / Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.

¹³ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 174.

¹⁴ «Тихость» здесь выражена, как и в ряде других случаев, не только лексически, но и на фонетическом уровне. Ср. полное отсутствие в этом стихе звонких согласных (отношение глухих к звонким — 8:0). Еще один пример: *Тихий, тихий, и ласки не просит* («Целый год ты со мной неразлучен...»).

— и вводящих отсылку к известному литературному образцу («Мать» Майкова¹⁵), как представляется, содержится также отсылка к «вакхической» драме Анненского «Фамира-кифарэд», где говорится о безрадостном детстве Фамеры (в нем узнаются черты еврипидовских героев, в частности Ипполита и Иона, см. ниже), брошенной обезумевшей по воле богов нимфой Аргиопэ.¹⁶ Приведем один из адресованных ей монологов Фамеры:

Оставь меня. Мне страшно.
Иль матери так любят? Я слышал¹⁷
Что песни их, как полог, тихи; эти ж
Твои слова и ласки, как вино,
И кожу жгут, и память помрачают.

Такая автохарактеристика, как *дурная мать*, несомненно, плод безжалостной совести, склонной бесконечно преувеличивать вину — скорее всего, мнимую — лирической героини «Колыбельной».

Безжалостная рефлексия Ахматовой-матери отразилась в стихотворении «Буду тихо на погосте...» (1915), являющем пример трактовки темы детства-материнства с позиций памяти-совести. Последние четыре строки этого стихотворения

Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бр а н и л а , не л а с к а л а ,
Не водила причащать —

возвращают к «вакхической драме», к сцене «Голубой эмали» (возможно, и к «Детям» Анненского, см. выше), где описывается первая после двадцатилетней разлуки встреча Аргиопэ с сыном. Речь идет об отрывке из проникнутого болью монолога Нимфы, убедившейся в том, что Фамира не помнит ее и равнодушен к ней:

¹⁵ *Подремли, мой мальчик, / Хочешь, сказочку скажу: / Жил-был мальчик с пальчик...* (Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // Уч. зап. Тартуского ун-та. № 567. Тарту, 1981. С. 66–67; Кац Б., Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 50). Т. В. Цивьян (устно) отмечает, что мотив типа *дурная мать* в этих строках все же отсутствует.

¹⁶ Но и сама Нимфа пережила нечто подобное: *Аргиопэ, рожденная на высях / И брошенная Нимфа* (Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 487).

¹⁷ Фамира лишь понаслышке знает о *тихих* материнских песнях (материнской любви). *Я слышал*, возможно, отсылает к безличному *dit-on* в устах выросшего без матери героя «Аполлониды» Леконта де Лиль: *Dans les langes de lin, où dit-on, je dormais* «Говорят, я спал в батистовых пеленках».

<...> простить
Не можешь ты безумной нимфе детства
Х о л о д н о г о , без л а с к и и без тех
Нам памятных навек причуд ребячьих,
Когда б р а н и т нас мать, потом смеется,
Потом, л а с к а я , плачет, а в окно
Глядят деревья, и таких больших,¹⁸
Таких зеленых, веющих так сладко
Уж больше не бывает никогда.

Эти строчки, в свою очередь, отсылают к переводу еврипидовского «Иона» (и его французскому «изводу» — «Аполлониду» Леконта де Лиль), — к сетованиям главного героя на судьбу, разлучившую его с матерью («Ион», ст. 1368–1379):

Без имени,¹⁹ от бога взыскан только,
Судьбой же не о б л а с к а н , сколько дней,
Пока другой бы нежил в объятьях
У матери, я м о л о к а л и ш е н
Был ж е н с к о г о , отрадной этой пищи.
А мать была ль счастливее? Она
Ведь тоже не л а с к а л а сына...

Отразившаяся в «Ионе» и «Аполлониде» тема *холодного* детства юноши, вскормленного и возвращенного чужой женщиной (няней) — пророчицей Аполлона в Дельфийском храме (храм и окружающая его природа, по существу, тоже воспитывают не знавшего матери ребенка), преломилась в драме «Фамира-кифарэд» и во многом предопределила «анненское» понимание Пушкина, как оно отразилось, в особенности, в статье (речи) Анненского «Пушкин и Царское Село»: Пушкин в его изображении, по существу, русский аналог Иона-Аполлониды у Еврипида и Леконта де Лиль.²⁰ Цитированные

¹⁸ Название фильма Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими» (1961 г.) совпадает с этими стихами случайно (?). Ребенок мал и всякое дерево кажется ему большим. В Новосибирске, на ул. Крашенинникова, в окна дома № 3 до недавнего времени заглядывали клены, которые автору этих строк когда-то казались *большими*.

¹⁹ В переводе Леконта де Лиль: «sans noms» (*Leconte de Lisle*. Euripide, traduction nouvelle. Vol. 2. Paris, 1884. P. 474). Тема «безымянности» играет в творчестве Анненского важную роль. С ней косвенно связан псевдоним Анненского *Ник. Т-о* (*Никто*).

²⁰ Аникин А. Е. Заметки на полях статьи Вяч. Иванова об Анненском // *Europa orientalis. L'anno 1910 in Russia*. Salerno, 1912. С. 11–24. Достаточно вспомнить два отрывка из упомянутой статьи Анненского о Пушкине: «...отчего в стихах его нет совсем трогательного образа материнской ласки...?»; «...глаз его воспитался на спокойно и изящно-величавых контурах Царскосельских садов» (Анненский И. Книжки отражений. С. 308, 311). Ср. у Ахматовой: *...Очертанья живые моих царскосельских садов* (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 254).

стихи «вакхической» драмы о *ребячьих причудах*, бранящей ребенка и затем смеющейся матери, по всей вероятности, содержат отсылку и к пушкинским строчкам (в 5-й песне «Евгения Онегина») о *шалуне*, которому *грозит* мать.

Обращение Ахматовой к «поэзии совести» Анненского-Достоевского можно проследить и на примере стихотворения «В пионерлагере» (1950). Оно посвящено воспитаннице Ахматовой, внучке ее мужа Н. Н. Пунина, Ане (Анне Генриховне) Каминской и пронизано радостной, праздничной интонацией (солнце, танец, яркое небо, знамена, счастливый пейзаж Павловского парка²¹). Автор наблюдает за детьми *Под легкой сеткой молодых ветвей*: подобная проницаемая граница — одна из важных пространственных категорий поэтического мира «Кипарисового ларца»;²² *молодые* ветви подхватывают пушкинскую тему *племени младого*.

Ко времени написания «В пионерлагере» дед Ани Каминской сидел в концлагерях, считавшийся пропавшим без вести отец ее тоже был репрессирован.²³ В заключении находился сын Ахматовой — Л. Н. Гумилев (в 1950 году эти обстоятельства, конечно, не могли быть явно отражены в произведении, предназначенном для печати). Наряду с солнечным началом, в стихотворении правомерно предполагать «острожное» (скрытое, неявное); ср. афористичные строки Анненского: *Нам — острог, но им — цветок... / Солнца, люди, нашим детям!* Волнующая встреча поэта с *племенем младым* (ср. взятый Ахматовой пушкинский эпиграф к этому стихотворению²⁴) просветляет его горькие раздумья. На них косвенно указывает тот факт, что начало ахматовского стихотворения:

Как будто з а б л у д и в ш и с ь в нежном лете,
Б р о д и л а я <...> —

отсылает читателя к знакомому стихотворению 1914 года о лишившейся ребенка цыганке:

Каждый день мой — веселый, хороший,
З а б л у д и л а с ь я в длинной весне <...>
Всё б р о ж у я по комнатам темным,
Всё ищу колыбельку его.

²¹ Ср. воспоминания Ахматовой о собственном детстве: «Павловск — всегда праздник...» (Ахматова А. Сочинения. М., 1986. Т. 2. С. 242). Об историческом аспекте ее воспоминаний см.: Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой.

²² Журицкий А. Н. Семантические наблюдения над трилистниками Анненского // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972. С. 106.

²³ Тищенко Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 432–433.

²⁴ Эпиграф также напоминает Анненского. Ср.: *Здравствуй, племя младое, незнакомое...* — у Анненского: *Здравствуй, правнуков жилище, — / И мое, и не мое!* («Под новой крышей»).

Глубоко гуманистическая трактовка «детской» темы у Ахматовой с большой силой сказывается в ее стихах военной поры. Здесь также можно предполагать связи ее поэзии (по крайней мере, опосредованные) с Анненским и Еврипидом. «Детская» тема возникает почти в каждом стихотворении цикла «Ветер войны» (1941–1945): война страшна прежде всего тем, что несет гибель детям. Несколько примеров:

Клятва верности свободе дается самому святому, что есть и в будущем и в прошлом —

Мы детям клянемся, клянемся могилам,²⁵
Что нас покориться ничто не заставит.²⁶

«Первый дальнбойный в Ленинграде» (сентябрь 1941 г.) — стихотворение о том, что в природе возник новый звук, это адский двойник несущего *веселые* ливни грома: он *рос* и

...равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

В стихотворении «Щели в саду вырыты...» (1942) грохот бомбежки диссоциирует с *детским голосом*, а в послевоенном «Говорят дети» (1950) в идиллическую картину раннего лета врываются *горькие* звуки *хора сирот*, которому свойственны чистота и возвышенность. Утверждается необходимость охранять детей, это — абсолютный, общечеловеческий императив: *Вот он <...> Всеобщий сын, всеобщий внук. / Клянемся, / Его мы сохраним для счастья мира!* Идея всеобщей ответственности за судьбы детей близка к выраженной у Анненского в «Детях»: *Люди! Братья! Не за то ль / И покой наш только в муке...*

2. Язык, слово и мужество как высшие ценности: некоторые историко-культурные параллели

Напоминая в суровый час о речи, с л о в е как высшей ценности народа («Мужество», 1942 г.²⁷) Ахматова, по существу, и к слову подходит как к р е б е н к у : сохранение слова равносильно для народа сохранению его будущего, и слово должно быть спасено любой ценой:

²⁵ Могилы внушают мысль о пушкинском *Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам*. Ср. «Под новой крышей» Анненского, где звучат пушкинские мотивы, в том числе и *пепелище*.

²⁶ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 210.

²⁷ См.: Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники. Воспоминания. Письма А. Ахматовой. М., 1990. С. 136.

Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

М у ж е с т в о , готовность пожертвовать собой ради спасения бесценного дара — слова — оказывается категорическим императивом. В основе истинного мужества (единства стойкости-терпения и храбрости) — самоотречение.²⁸ Поражения не может быть, оно табуируется:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не страшно остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!²⁹

Но Слово, внушающее мужество, становится не только объектом защиты, но и ее средством, орудием борьбы. Слово, речь, язык не только то, что спасают, но и то, чем спасают. Уместно взглянуть на текст Ахматовой с точки зрения цитировавшегося выше отрывка из «Иона» и трактата Мандельштама «О природе слова». У Еврипида дети не только радость в счастья, но и сила в бедствиях, а на войне они приносят отчизне спасительную защиту:

На войне они отчизне
И опора и спасенье —

«le salut pour la patrie pendant la guerre» в переводе Леконта де Лиля. Ср. клишированные обороты: *дети (сыновья) Отчизны; Родины сыны; les enfants de la Patrie* и т. п. (сюда же *орлята, львята* и т. п., также *птены: Сии птены гнезда Петрова*).

Подобный оборот встречается в стихотворении 1941 года, где развивается тема стойкости духа, не слабеющей в уподобляемом умирающему человеку³⁰ Городе:

²⁸ Николина Н. А. Образ родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.

²⁹ Об оценке этого стихотворения см.: Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 300.

³⁰ Из разных образов этого рода у Анненского ср. умирающего «гладиатора» Гейне или сжигаемого еретика, который монаха-изувера ... словом из огня стегнул... как плетью: / Холоп, не радуйся напрасно... междометью! (междометье = божье мой! — Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 249) — «Огненная жертва», перевод из Леконта де Лиля.

Птицы смерти в зените стоят,
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще,³¹ он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
С ы н о в ь я его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

Ахматова вольно или невольно развивает в «Мужестве» мысли Мандельштама о судьбоносной роли русского языка в русской истории и о том, что в нем спасение от угрожающего «небытия». У Мандельштама русский язык — нечто грозно-стихийное, подобное бурному океану («...русская культура и история со всех сторон омыты и опоясаны грозной и безбрежной стихией русской речи...»), «не вмещающееся ни в какие государственные и церковные каноны» и обладающее — благодаря усвоенной от эллинской культуры «тайне свободного воплощения» — полнотой и свободой бытия, и одновременно это «столь высоко организованный, столь органический язык», который «не только дверь в историю, но и сама история»;³² русский язык рассматривается как важнейший фактор русской истории.³³ Из комментариев к этим мыслям Мандельштама: «слово — последний и главный ресурс нашей истории, нашего исторического бытия, и оно — *свободно*»;³⁴ русский язык, возможно, «единственное сокровище русской культуры».³⁵

³¹ Обращает на себя внимание сходство (обусловленное ситуативно, не «генетически») ахматовского *Он живой еще...* с зачинами ряда гимнов: *Jeszcze Polska nie zginęła.*; *Ще не вмерла України.*; *Хеј, Словени, јоште живи* / *Реч (Дух) наших дедова.* (ср. и гимн США: *our flag... still there* и т. п.). Для гимна подобный зачин выигрышен, поскольку предполагает почти неограниченную возможность развития, взлета из некоей «последней» перед гибелью точки (отказное движение по С. Эйзенштейну). Ср. в гимне ГДР: *Auferstanden aus Ruinen*. Все это заложено в вечном «Памятнике» Горация: *Non omnis moriar...*

³² Речь идет о сочетании свойств (полнота бытия & высокая организованность, упорядоченность), которое, похоже, принципиально не реализуемо в русской жизни (истории) как таковой.

³³ Мандельштам О. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1991. Т. 2. С. 245–246.

³⁴ Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой. С. 284, 286. Курсив В. Н. Топорова.

³⁵ Террас В. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. М., 1995. С. 14.

Русский язык в понимании Мандельштама — ресурс обороны, но обороны активной: «у нас нет Акрополя», «зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории» («О природе слова»). Анненский, по мысли Мандельштама, герой этой борьбы, «представитель эллинизма героического, филологии воинствующей»; его стихи и трагедии «...можно сравнить с деревянными укреплениями, городищами, которые выносились далеко в степь удельными князьями для защиты от печенегов, на встречу хозарской ночи».³⁶

Сам же Анненский, рассуждая о различиях французской и русской литературной речи, писал, что «французы ценят *стильность*», а «литературная русская речь как бы висит в воздухе между журнальным волапюком и говореньем, то есть зыбкой беспредельностью великорусских наречий и поднаречий».³⁷ Таким образом, он мимоходом придал «литературной русской речи» — скорее всего, сознательно — черты трагической фигуры, вечно страдающего мифологического героя Тантала,³⁸ как о нем говорится в «Оресте» Еврипида (ст. 5):

Там в воздухе парит недвижно Тантал.³⁹

14 июня 1940 года, менее чем за два года до публикации в «Правде» ахматовского «Мужества», вермахт вступил в Париж,⁴⁰ летом же мир увидел the blitz⁴¹ — войну в воздухе, жестокие бомбардировки немецкой авиацией английских городов⁴² и их отражение англичанами. Черты страшного «небы-

³⁶ Мандельштам О. Собр. соч. Т. 2. С. 251–252.

³⁷ Анненский И. Книги отражений. С. 96. Курсив И. Анненского.

³⁸ Как бы простираясь, растягиваясь над огромными территориями России, русский язык скрепляет их. Ср.: Топоров В. Н. Миф о Тантале (об одной поздней версии — трагедия Вячеслава Иванова) // Палеобалканистика и античность. Сб. статей к 60-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1989. С. 67.

³⁹ В переводе Леконта де Лиля: «pend dans l'air» (*Leconte de Lisle*. Euripide, traduction nouvelle. Vol. 1. P. 62).

⁴⁰ 15 июня 1940 г. советские войска вошли в Литву, а 17 — в Эстонию и Латвию.

⁴¹ Усеченное немецкое Blitzkrieg. Ср. разговорное рус. *блиц* в словах *блиц-турнир*, *блиц-партия* и под. Меньше чем через год, в июне 1941, Германия начала блицкриг против СССР.

⁴² На эти бомбардировки Ахматова откликнулась полными болями и сочувствия строками: «Лондонцам». Если сказать словами ее Учителя, она «потревожила тень» Шекспира (что однако она делала не раз — как его знаток и переводчица): в 1940 году Время пишет новую драму Шекспира — *двадцать четвертую* и она страшнее всех предшествующих, страшнее Макбета: *Только не эту, не эту, не эту, / Эту уже мы не в силах читать!* По предположению В. Н. Топорова (Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой. С. 347), упоминаемые в тексте Ахматовой 23 «драмы» Шекспира соответствуют историческому периоду между 1917 и 1940 гг. *Не эта* драма — не только

тия» — поглощающего Европу гитлеризма — в августе 1940 года обрисованы Ахматовой в стихотворении «Когда погребают эпоху...» из цикла «В сороковом году». *Над погибшим Парижем* нависла тишина, «траурный фон, на котором слышнее происходящее»⁴³ — так *погребают эпоху*:

А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,
Но матери сын не узнает,⁴⁴
И внук отвернется в тоске.

«Культура Европы, частицей которой она себя так живо ощущала, казалось, погибла навеки»⁴⁵. Трагедия захваченного Парижа, как она предстает в цитированном стихотворении Ахматовой, дается «...почти нулевыми средствами: никаких событий, лиц, вещей, только через <...> тишину».⁴⁶

В тяжелейшее для Англии время, особенно в 1940 году, когда ее судьба висела на волоске, страна противостояла Гитлеру⁴⁷ в одиночку, средств обороны было явно недостаточно, а необычайно сильный и жестокий враг был готов к вторжению на Острова, Черчилль, как известно, с огромной эффективностью применил оружие, всегда служившее ему безотказно — английский язык. Премьер пробуждал в людях мужество: «Courage is rightly esteemed the first of human qualities... because it is the quality which guarantees all others». Проникнутые мужеством летчики отстояли небо над Англией. И он сказал о Победе: «You ask, what is our aim? I can answer in one word: victory; vic-

английская, лондонская, но и наша, нами переживаемая (Там же. С. 348). Будучи в 1965 году в Лондоне, Ахматова читала обращенное к лондонцам стихотворение по БиБиСи (*Хейт А. Анна Ахматова*. С. 128).

⁴³ Цивьян Т. В. Ахматова и музыка // *Russian Literature*. 1975. Vol. 10–11. С. 177.

⁴⁴ О царстве Аида Гермес в «Лаодамии» Анненского говорит: ... и стадо мертвых грустно... / И если в нем есть сын и мать, не дам / Я матери обнять ребенка, / И сын ее испуганно бежит... (Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 451).

⁴⁵ Хейт А. Анна Ахматова. С. 128.

⁴⁶ Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой. С. 343–344. Звучащий коррелят такой тишины можно усмотреть в финале симфонической минорной сонаты Шопена (следующем за «Marche funèbre», который отразился в «Поэме без героя»): в самой авторской записи этой музыки, которую Шопен не снабдил никакими знаками, акцентами, лигами и т. п., усматривают символ пустоты, небытия. Интересно, что «беззвучием» отмечен «Петербург» Анненского (ср. у Ахматовой в «Эпиграме» «Поэмы» эпиграф из «Петербурга» *Да пустыни не мых площадей*); при этом «отрицающий пафос стихотворения <...> преодолевается гармонией самого поэтического текста» (Савельева Г. Т. «Петербургский миф» Иннокентия Анненского // Седьмые ахматовские чтения. СПб., 2002. С. 22–30).

⁴⁷ И Гитлеру и «...практически всей Европе, находящейся под игом Германии, и стране Сталина, злорадно потиравшей руки в предвкушении гибели Англии» (Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой. С. 346).

tory at all costs, victory in spite of all terror, victory, however long and hard the road may be; for without victory, there is no survival».⁴⁸

Начальный этап войны кончился для Британии тем, что Черчилль назвал «the end of the beginning» (еще не «the beginning of the end»), обыгрывая в своем афоризме смысловые константы, сходные — однако лишь внешне и случайно — со сказавшимися и в «Поэме без героя». Ср. один из двух эпитафий к «Решке»: *In my beginning is my end* (S. T. Eliot). Смысл эпитафии в том, что «начало в той же мере предопределяет конец, в какой заданный конец индуцирует и провоцирует нужное ему начало (обратное историческое время)».⁴⁹

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет:
Страшный праздник мертвой листвы.⁵⁰

Понеся немыслимые жертвы, *Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, — Внуки, братики, сыновья*⁵¹ добыли столь желанную и спасительную Победу. Ее ожидание отмечается у Ахматовой, как и начало войны, обращением к теме детства-материнства:

Победа стоит у наших дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысяч и тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.
(«Победа»⁵²).

⁴⁸ Ср. у Б. Окуджавы: *И значит, нам нужна одна победа, / Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

⁴⁹ Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой. С. 294; ср.: Тименчик Р. Анна Ахматова... С. 605.

⁵⁰ О параллелях у Элиота см. также: Цивьян Т. В. Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // Уч. зап. Тартуского ун-та. № 284. 1971. С. 258.

⁵¹ Из стихотворения Ахматовой «Победителям», 1944 г.

⁵² О почти «авангардистском» первоначальном виде этого стихотворения см.: Тименчик Р. Анна Ахматова... С. 299.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

О «ПЕТЕРБУРГСКО-ЛЕНИНГРАДСКОМ» ТЕКСТЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТА ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

С Еленой Константиновной Ромодановской мы познакомились на 4 курсе Ленинградского государственного университета, весной 1967 года. По инициативе известной исследовательницы сирийской и ближневосточной литературы профессора, члена-корреспондента АН СССР Нины Викторовны Пигулевской и академика Дмитрия Сергеевича Лихачева в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР в Ленинграде состоялась первая научная конференция молодых ученых, посвященная древнерусской литературе в ее связях с восточно-христианским миром. Среди докладчиков, а это были в основном аспиранты, молодые сотрудники рукописных отделов государственных библиотек, студенты, была и Елена Константиновна Ромодановская. Тогда она училась в аспирантуре под научным руководством Льва Александровича Дмитриева в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома и начинала разрабатывать тему о русской литературе

Елена Константиновна Ромодановская.
1967 г.

в Сибири в XVII в., завершившуюся впоследствии фундаментальной монографией. Был конец мая, стояли теплые дни поздней весны. Молодая, темноволосая, коротко стриженная, в ослепительно белой блузке, Елена Константиновна вошла на кафедру в Большом конференц-зале Пушкинского Дома и начала с энтузиазмом рассказывать о своих наблюдениях над рукописным материалом, и было видно, что она очень увлечена своей работой. Тогда мы узнали, что по происхождению она коренная петербурженка, что здесь прошли ее университетские годы, но семья ее в результате перипетий военных лет оказалась в Новосибирске, где Елена Константиновна и жила. Через нее протянулась нить, связавшая эти два

города, два научных центра, Пушкинский Дом и Новосибирский Академгородок. В середине 1960-х гг. Новосибирск стал символом научных дерзаний, открытий, говоря языком журналистики тех лет, «передовым краем науки». В первую очередь это относилось к математическим и физическим наукам, но оказалось, что и гуманитарная наука, особенно историко-филологическая, в Новосибирске тоже активно и интересно развивается. Таким образом в судьбе Е. К. Ромодановской два города были неразрывно связаны: Ленинград-Петербург она воспринимала не только как реальную, но и как свою духовную родину, здесь сложился ее дружеский круг, произошла ее встреча с большой филологической наукой, ее становление как ученого. Этот ленинградско-петербургский опыт она смогла перенести в Новосибирск и передать впоследствии своим сибирским ученикам.

Часто приезжая сначала в Ленинград, а затем в Петербург, Елена Константиновна мгновенно «включалась» в научную и культурную жизнь нашего города, постоянно участвуя в заседаниях Отдела (Сектора) древнерусской литературы, в самых значительных научных конференциях, в Малышевских Чтениях. Задолго до официального признания она стала в буквальном, первоначальном смысле слова членом-корреспондентом Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. Но ее интересы простирались и за пределы сугубо научных.

Она любила и ценила русскую поэзию, на которой была воспитана, особенно поэзию, связанную с Петербургом. Не раз она говорила нам, что ей близки стихи нашего отца, поэта Всеволода Александровича Рождественского (1895–1977), прожившего всю жизнь в Петербурге-Ленинграде и посвятившего нашему городу немало поэтических строк. Вот почему публикацию некоторых материалов из его архива мы сочли возможным поместить в сборнике памяти Елены Константиновны Ромодановской, тем более что в 2015 году самому поэту исполнилось бы 120 лет. Но сначала позволим себе несколько предварительных вопросов и замечаний.

Хорошо известно, что понятие «петербургский текст» было внесено в нашу культуру В. Н. Топоровым. Но существует ли и «ленинградский текст»?¹

В официальной общественной жизни Ленинград часто назывался и до сих пор иногда называется не своим собственным именем, а именем описательным: «город на Неве», словно не на Неве есть где-то другой такой же. В культурологическом отношении это выражение в отличие, например, от названий городов «Владимир-на-Клязьме», «Ростов-на-Дону», или «Франкфурт-на-Майне», указывает скорее не на парность одного и того же имени, а на его единственность. Скорее всего, в этом наименовании заключена попытка официально «примирить» Петербург с Ленинградом, который противостоит ему, столице, не как

¹ Подробнее об этом см.: Рождественская М. В. «Ленинградский текст» Петербургского текста // Материалы ХХХI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Выпуск 9: Секция новейшей русской литературы. Петербургский текст в русской литературе XX в. Ч. 2. СПб., 2002. С. 3–14.

Татьяна Всеволодовна и Милена Всеволодовна Рождественские.
Новгород, 4 июня 1998 г.

провинция, а как анти-столица, как своеобразное отражение себя в кривом зеркале? «Ленинградская» ипостась Петербурга была не только и не столько его отменой, уничтожением, сколько в определенном смысле его продолжением, доведенным до крайности, до абсурда. Можно указать хотя бы на перекодировку основных признаков «петербургского текста» в «ленинградский текст» как в отношении этиологии (возникновение обоих городов волевым импульсом и под «знаком беды»), так и в отношении образа демиурга (Петр Первый на скале, замещенный Лениным на броневике). Обратим внимание и на многие нелепые явления, ставшие реальностью в Петрограде-Ленинграде, вроде названия пересечения двух городских магистралей в первые послереволюционные годы: улиц 3-го июля и 25-го октября, то есть Садовой улицы и Невского проспекта. Невольно вспоминается гоголевский г-н Поприщин с его «восемнадцатым мартабря». Изначально пограничный во временном и в пространственном отношении характер города в советское время обострил намеченную петербургским мифом его двойственность. Многие старые петербуржцы, пережившие эпоху Петрограда, и живя уже при советской власти в Ленинграде, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в переписке все еще продолжали называть город Петербургом, одновременно употребляя и новое имя города в повседневной жизни. И если официальная власть старалась навсегда забыть город Петербург, то культура, напротив, старалась его сохранить и запомнить. И все же, несмотря на

все ухищрения, отделить город Ленинград от таких знаковых имен и понятий как Петр Первый, Пушкин (имя поэта и имя его города), от творения великих зодчих было уже невозможно. Следует при этом учесть, что возвращенное в 1990-е гг. имя вернуло нам не просто Петербург, а Петербург, прошедший через ленинградский предвоенный и особенно военный, блокадный опыт. Так что ленинградская судьба «петербургского текста» еще ждет своего исследователя. Обращаясь в связи с этим к эпистолярному наследию поэта Всеволода Александровича Рождественского, уроженца Царского Села, прожившего всю жизнь в Петербурге-Петрограде-Ленинграде, воевавшему за него, заметно, как «петербургский текст» порою «просвечивает» сквозь ленинградский литературный быт. При этом образ города в его поэтическом творчестве не остается раз и навсегда единственным. Он выявлен как напрямую, так и косвенно, через ассоциативный культурный ряд.

В. А. Рождественский оставил большое эпистолярное наследие. Основной массив его переписки сохранился в фондах РГАЛИ, Государственного Литературного музея в Москве, РНБ, ИРЛИ, ИМЛИ, а также в семейном архиве. Большая часть его писем до сих пор не опубликована.

Здесь мы приводим фрагменты из писем разных лет, в которых присутствует мотив «петербургско-ленинградского текста». В конце 1920-х — начале 1930-х гг. среди наиболее частых корреспондентов поэта были Евгений Яковлевич Архиппов,² живший тогда в Новороссийске, и Дмитрий Сергеевич Усов,³ живший в Москве, в одном из флигелей Новодевичьего монастыря. В более позднее, уже послевоенное время особое место в эпистолярной В. А. Рождественского занимает его переписка с московским физиком, сотрудником одного из проектных научных институтов, знатоком и большим любителем русской поэзии Георгием Васильевичем Глёкиным,⁴ начавшаяся в 1957 г. по его инициативе. Рождественский называл его талантливым читателем. По словам Н. Гончаровой, «Г. В. Глёкин был из тех людей, которые, вбирая в себя свое время, сами становятся неотъемлемой его частью, тем добротным фоном эпохи, на котором ярче видны осенившие ее крупные фигуры отечественной истории и культуры»⁵.

Переписка его с Рождественским продолжалась до самой смерти нашего отца в 1977 г. Тогда же Г. В. Глёкин передал все письма Рождественского нашей

² Евгений Яковлевич Архиппов (1882–1950) — педагог, критик, литературовед, библиограф.

³ Дмитрий Сергеевич Усов (1896–1943) — переводчик, историк литературы, поэт, критик. См. о нем: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста, коммент. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011.

⁴ Георгий Васильевич Глёкин (1915–1998) — ученый-биофизик, работавший в Акустическом институте им. Н. Н. Андреева (Москва), многолетний адресат В. А. Рождественского, А. А. Ахматовой, Н. Я. Мандельштам.

⁵ См.: Из писем Г. В. Глекина к А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка и коммент. Н. Гончаровой // Звезда. 2003. № 10. С. 120–128.

семье. Их насчитывается около 600. Они посылались в Москву из дома № 9 по Каналу Грибоедова, из так называемой «писательской надстройки», и шли тогда исправно. Летом — из ленинградских дачных пригородов и городка Мышкина на Волге Ярославской области, где в конце 1950-х — начале 1960-х гг. любила отдыхать наша семья. Письма Е. Я. Архиппову и Д. С. Усову хранятся в их фондах в РГАЛИ (Москва). Представленные фрагменты этих писем приводятся нами частично по оригиналам и машинописным копиям, хранящимся в семейном архиве В. А. Рождественского. Некоторая часть этих писем была недавно опубликована Т. Ф. Нешумовой.⁶ Фрагменты из писем Г. В. Глёкину приводятся по оригиналам из семейного архива отца. Угловыми скобками отмечается текст, не вошедший в публикацию.

В последние годы жизни отец получил некоторые машинописные копии своих писем к Е. Я. Архиппову и Д. С. Усову. По этому поводу он писал в 1974 г. Г. В. Глёкину: «Я долго к ним не прикасался, но вот настала и их очередь. Читал с интересом и волнением. Всплывало в памяти многое, казалось бы, совершенно забытое. Прошла целая полоса жизни — и притом значительного для меня переломного периода <...> Читая свои письма к ним, писавшиеся в те годы, я вижу себя как бы со стороны, еще не отстоявшего от той эстетской манеры, которая была свойственна эпохе заката типично петербургского эстетизма, у которого были не только свои пристрастия, но и свой язык, который сейчас может показаться только манерным. К простоте и естественности мировосприятия я выбирался с большим трудом. И дорогой жизни было для меня общение с А. Блоком (к сожалению, только три последние его года) и поездки по стране, выводящие за черту узко-личного круга».⁷

В письмах В. А. Рождественского разного времени затрагиваются многие темы. Это книги, творчество, культурная жизнь Ленинграда, музыкальные впечатления, литературные встречи, вечера, издательства, путешествия, Юг, Крым, Кавказ, и постоянное возвращение в родной Петербург, Павловск, Царское Село. Читатель этих писем погружается не только в атмосферу поэтического творчества самого Всеволода Александровича, но и в атмосферу насыщенной духовной жизни нашего города. Особую страницу эпистолярной В. А. Рождественского занимают его письма военных лет 1941–1944 гг., которые в 2005 г. частично были опубликованы к 60-летию Победы и к 110-летию юбилею поэта.⁸ В данной публикации представлены лишь немногие фрагменты писем, в которых затрагиваются темы любимого города Петербурга-Ленинграда.

⁶ См.: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...».

⁷ Подробнее об этом см.: Рождественская М. В., Рождественская Т. В. «На палубе разбойничьего брига...». Романтическая нота в творчестве Всеволода Рождественского: Из эпистолярного наследия 1920-х — начала 1930-х гг. // В печати.

⁸ Рождественский В. А. «Я в этой книге жил когда-то...»: Избранные стихотворения и письма военных лет. СПб., 2005.

Из писем Е. Я. Архиппову 1926 г.:

Надеюсь на нашу Петербургскую встречу. И уже видится мне, как гуляем мы с Вами в Царскосельском парке, по любимой дорожке Ин(но-кентия) Фед(оровича).⁹ Приезжайте, непременно приезжайте! Последние свои годы Петербург остается Петербургом. Надо успеть увидеть хотя бы листопад нашей культуры, такой «беспольной», обреченной и такой неотразимо прекрасной.

...У нас, наконец, наступила зима. Нева еще не скована льдом, но льдинки уже царапают гранитные ступени набережных, и морозная заря долго не сходит с дымного неба. Я работаю по утрам, когда потрескивают в печке дрова, и легкий снежок порхает в окнах. Жизнь, как тихая река. Снова нашла свои берега. Эти часы — лучшее время моего дня. Если бы не звенел телефон, я чувствовал бы себя счастливым. <...> В уличной толпе, в накуренном воздухе редакций, на шумных литературных собраниях, в дружеской беседе — мне вдруг становится душно и снова тянет в тишину. Жизнь я люблю очень и никогда не устаю ее любить, но бывают такие дни, когда заглушенная снегом тишина милее всего, ибо хранит нам себя и не позволяет торопиться думам. Недавно вспоминал я Вас в Царском, в обществе Вал(ентина) И(ннокентьевича) Анненского.¹⁰ Мы собрались у Э. Ф. Голлербаха¹¹ прослушать его новую большую статью: «Царское Село, как литературный комплекс». После страниц об Ин. Анненском стали вспоминать его друзей, теперь уже очень немногих, и Ваше имя было помянуто особой благодарностью <...> В Царском живет сейчас и Анна Ахматова. Я не успел повидаться с нею, но знаю, что здоровье ее лучше, что она много гуляет и после большого перерыва снова начала писать стихи. М. Л. Лозинский¹² сделал на днях в Инст(итуте) ист(ории) иск(усств)¹³ блестящий доклад о сонетах Эредиа,¹⁴ и, по просьбе

⁹ Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) — поэт, во многом определивший направление русской поэзии Серебряного века, известный переводчик античной поэзии. А. А. Ахматова называла его своим учителем. Занимал должность директора Николаевской Императорской царскосельской гимназии.

¹⁰ Валентин Иннокентьевич Анненский (1880–1936) — сын И. Ф. Анненского, поэт, мемуарист, печатался под псевдонимом «Валентин Кривич».

¹¹ Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) — художник-график, поэт, художественный критик, библиограф, один из создателей Общества библиофилов.

¹² Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) — поэт, переводчик, в молодости входивший в «Цех Поэтов».

¹³ Институт истории искусств в Петербурге был основан в 1912 г. графом В. П. Зубовым. После революции 1917 г. получил статус государственного.

¹⁴ ГАХН — Государственная Академия художественных наук, научно-исследовательское учреждение, существовавшее в Москве с 1921 по 1930 г. Входило в ведение

Ак(адемии) худ(ожественных) наук¹⁵ повторяет его в Москве. Найдено 6 новых писем Пушкина к А. П. Керн. В Эрмитаже открыта выставка древних печатей и гемм. Вот новости, которые могут быть Вам интересны. Все остальное носит слишком эфемерный, нестойкий характер и не живет дольше завтрашнего дня.

27 января 1927 г.:

Дорогой Евгений Яковлевич!

Так Вам мое последнее письмо показалось грустным?

Мне вообще последние месяцы как-то невесело. Вероятно это потому, что сейчас перелом зимы. «Медведица»¹⁶ меня радует. В литературных кругах встречена она приветливо, пресса высказаться еще не успела — первых отзывов жду не раньше конца февраля — но, чувствуется, что ругать меня будут в меру, а кое-кто и похвалит. Но, в конце концов, это не так уж и важно. Самое главное это то, что закончен целый цикл жизни, что я могу вступать в новую, четвертую книгу стихов. Начало ей уже положено. «Федотов»¹⁷ на прошлой неделе закончен. Это называется «Ночной пешеход» (Петербургская поэма). Мне трудно рассказать Вам об этой вещи. Я еще не успел отойти от нее на достаточное расстояние. Лирическим своим захватом она еще продолжает волновать меня. Это в полном смысле слова Петербургская поэма. Там и осенний ветер со взморья, и подъем воды в Неве, угрожающий наводнением, и Петропавловская крепость, и луна, разрывающая тучи, и одинокий ночной пешеход, и унылые линии Васильевского Острова в туманном рассвете, и пьяница Федотов и сытый славой Брюллов. Работал я три недели с большим захватом по ночам, потому что «довлеет дневи злоба его».¹⁸ Я не переписываю Вам этих полтора строка, потому что они должны еще полежать немного остыть и превратиться в звонкий, новый металл.

<...> У нас стоят морозы, в комнате моей с утра потрескивает печь. Воздух серебряный, колкий. Я много слушаю музыки по вечерам — идут бетховенские циклы. Готовимся к пушкинским дням,¹⁹ которые по

Художественного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. Президентом ГАХН был П. С. Коган, вице-президентом Г. Г. Шпет (с 1924 г.).

¹⁵ Жозе Мария де Эредиа (1842–1905) — французский поэт кубинского происхождения, эстетически близкий к поэтам «парнасской школы». Его наиболее известный сборник стихотворений «Трофеи» (1893), посвященный поэту Леконту де Лиллю, переводили многие русские поэты начала XX века, в том числе В. А. Рождественский. *Рождественский В.* Большая Медведица. Л., 1926.

¹⁶ Под этим названием поэма «Федотов» была опубликована в сборнике «Большая Медведица» (1926).

¹⁷ Мф. 6:34

¹⁸ 10 февраля по новому стилю отмечается день смерти А. С. Пушкина.

давшей петербургской традиции всегда бывают отмечены устройством большого литературного вечера при Пушкинском доме в Академии Наук. В этом году к такому вечеру приурочены доклады о новонайденных пушкинских письмах и о судьбе Пушкинского заповедника <....> Недавно получил чудесное письмо от М. Волошина²⁰ по поводу «Большой Медведицы». Он очень зовет к себе, и я чувствую, что настало время исполнить давнее обещание. В своей будущей поездке на юг мне хочется Новороссийск сделать базой. Это одинаково удобно и для Крыма и для Кавказа.

Из других писем Е. Я. Архиппову конца 1920-х гг.:

Тема трагическая, тема Поэта и глухого мира — в особенности волнует меня теперь, и я чувствую некую свою обреченность этому строю мыслей, пока не удастся воплотить то, о чем мечтается уже давно. «Федотов» — первая к тому попытка.

Я часто бываю в Царском Селе, у Н. П. Анциферова²¹ и у О. Э. Мандельштама²². Кстати, получили ли Вы посланную мной уже давно «Душу Петербурга», книгу с иллюстрациями А. Остроумовой-Лебедевой²³? Еще раз сердечно благодарю Вас за все, что сообщили Вы мне о Бодлере.²⁴ Мне это пригодится. Сейчас я живу преимущественно в Павловске, но бывая часто и в городе. Э. Ф. Голлербах на днях выпускает интереснейшую литературную и художественную монографию о Царском Селе под названием «Город Муз».²⁵ Анциферов тоже пишет книгу на эту тему.

У нас наконец отстоялась зима, хотя каналы еще черны, и Нева не скована льдом. Начались концерты, театры, собрания. В театр я почти не хожу, а музыки слушаю много.

²⁰ Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) — русский поэт и художник, близкий символизму, создавший в своем творчестве образ древней легендарной Киммерии — Восточного Крыма. Жил в построенном им доме в Коктебеле, где начиная с 1910-х гг. собирались поэты, художники, артисты.

²¹ Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — историк, краевед, знаток и исследователь Петербурга. Его книга «Душа Петербурга» вышла в издательстве «Петрополис» в 1922 г.

²² Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) — русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик и литературный критик, один из величайших русских поэтов XX века.

²³ Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) — художница, гравер, график, создавшая в своем творчестве тонкий живописный образ Петербурга-Ленинграда.

²⁴ Начиная с 1920-х гг. В. А. Рождественский стал заниматься поэтическим переводом, в особенности французских поэтов, среди которых был и Шарль Бодлер (1821–1867).

²⁵ Голлербах Э. Ф. Город муз. Пг., 1927.

<...> У меня вообще последние годы поворот к музыке. Ее мне не хватало уже давно. Музыка помогает мне нести мои ритмы, не растрачивая их по пути. Но она же и перебивает их своими ритмами. Поэтому с музыкой у меня всегда борьба, которая уже самым своим существованием доставляет мне большую радость. Я сейчас мало вижусь с людьми — только по необходимости. Но зато выбранные мною самим встречи оставляют иногда глубокое впечатление. Так, виделся я на днях с М. А. Кузминым²⁶. Мы встретились после долгого перерыва. Он все так же очарователен и прост. Живет совершенным отшельником. Снова стал писать лирические стихи — и прекрасные. Особенно значительна его поэма, в которой, сквозь лирически заостренное воспоминание, проходит почти вся его жизнь. Это — «Форель пробивает лед».²⁷ Построение — симфоническое, легкость и четкость строк небывалая у Кузмина последних 3–4 лет. Радует меня последними стихами и Н. Клюев²⁸. Он продолжает линию «Заозерья» и как-то странно своим лирическим здоровьем переключается с Б. М. Кустодиевым.²⁹

Вчера был в гостях у М. А. Кузмина. Он прочел мне очаровательную автобиографическую поэму: «Форель разбивает лед». Это по-моему лучшее, что им написано за последний ряд лет. Мы сидели долго и очень хорошо беседовали. Сейчас идет снег. У меня за спиной потрескивает печка. Я собираюсь работать.³⁰

Вы спрашиваете о литературных портретах Петербурга. Думаю, что на этот вопрос лучше всего может ответить книга Н. П. Анциферова — «Душа Петербурга». Вы ее, конечно, знаете. На эту же тему на днях в Академии Художеств, где сейчас помещается общество «Старый Петербург — новый

²⁶ Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) — поэт, переводчик, композитор, принадлежал к кругу акмеистов.

²⁷ Правильно: «разбивает». Поэма была опубликована в 1929 г.: Кузмин М. Форель разбивает лед. Стихи 1925–1928 гг. Л., 1929.

²⁸ Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) — поэт, уроженец Олонецкого края, создавший в своем творчестве миф о крестьянской Руси-Жар-Птице, Руси-Белой Индии. Погиб в сталинских лагерях. В. А. Рождественский посвятил ему стихотворение «Ты пришел из Заонежья».

²⁹ Борис Михайлович Кустодиев (1878–1927) — художник, чье творчество высоко ценил В. А. Рождественский за его красочность, яркость, особенно в изображении купеческой жизни старой России.

³⁰ Частично выдержки из этих писем с впечатлениями о М. А. Кузмине были опубликованы: Рождественская М. В. М. А. Кузмин в архиве Всеволода Рождественского // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 212–219.

Ленинград»,³¹ состоялся литературный вечер, устраиваемый Э. Ф. Голлербахом <....> с докладами и чтением стихов. Город наш во многом изменил сейчас свой облик и «Ленинград» ждет своих поэтов.

Из писем Д. С. Усову, 1928 г.:

Сейчас в Петербурге — начало весны, хотя ледохода еще не было. На улицах сухо и звонко, зори широки и прекрасны. С залива еще тянет холодком, но не сегодня-завтра набухнут тополиные почки в Адмиралтейском сквере.

На днях закончил интересную работу: по поручению общества «Старый Петербург» составил антологию стихов о нашем городе (начиная с акмеистов). А вот ближайшие мои планы: с Путеводителем Курбатова³² в руке походить по городу; побывать в ряде еще неизвестных мне музеев; съездить в Стрельну и в Ораниенбаум; съездить в Гатчину; в мае проехать дня на два — на три в Великий Новгород (водным путем), чтобы взглянуть на Св. Софию, на Нередицу³³ и, наконец, это уже в начале лета — побывать наконец в гостях у Пушкина, в Михайловском и Тригорском (давняя моя мечта!).

В Петербурге стоят ясные дни. Железная свежесть сковывает воздух. Около скверов пахнет палым листом. В каналах струятся чугунные узоры решеток.

Из письма Э. Ф. Голлербаху 26 сентября 1924 г.
о петербургском наводнении:

У всех сейчас на языке недавнее буйство стихий. Это уже становится трагизмом. Но я не могу отказать себе в удовольствии похвастаться перед Вами одной великолепной частностью этого дня. Я видел Петра

³¹ Общество «Старый Петербург», объединявшее известных деятелей культуры Петрограда, возникло в 1922 г. Его устав был утвержден Исполкомом Совета Петроградской губернии. С 1925 г. получило название «Старый Петербург — Новый Ленинград». Членами общества обсуждались вопросы охраны памятников архитектуры и строительства Ленинграда, читались доклады, проводились дискуссии. Активное участие в деятельности Общества, кроме писателей, принимали художники А. П. Остроумова-Лебедева, М. В. Добужинский, Э. Ф. Голлербах и др.

³² Владимир Яковлевич Курбатов (1878–1957) — историк искусства, краевед. Автор путеводителя, оформленного А. П. Остроумовой-Лебедевой: *Курбатов В. Я. Павловск: Художественно-исторический очерк и путеводитель*. Пб., 1913.

³³ Собор святой Софии (1045–1050 гг.) — главный храм Великого Новгорода; церковь Спаса Преображения на Нередице (1199 г.) — храм на берегу Волхова в окрестностях Новгорода.

над освобожденной Невой. Мне это стоило хорошей ледяной ванны, но все-таки я видел его простертую руку и только тут, в эту минуту, понял до конца Фальконета. Но разрушенный город внушает мне жалость и отвращение. Его деревянные переломанные ребра ужасны по ночам с красным фонариком на склизкой перекладине. Что было в Царском? Если Вас здесь не затопило, подайте голос.³⁴

Далее приводим выдержки из писем Георгию Васильевичу Глэкину. В последние годы жизни отцу было уже трудно выходить часто из дома, он неизменно бывал только по приемным дням в редакции журнала «Нева», где вел Отдел поэзии, к работе в котором относился с чрезвычайной ответственностью. Иногда вызывал такси, так как своей машины у него никогда не было, и просил повозить себя по любимым местам. Город в поздних его письмах предстает в основном через призму смен времен года, погоды, времени суток.

Из письма 1974 г.:

В глазах литературной Москвы я все же остался автором «местного значения» с неизменным эпитетом «ленинградский поэт», на что я никак не возражаю, т. к. все это связывает меня с городом, навсегда ставшим и жизненной, и литературной моей судьбой.

Из другого письма 1974 г.:

Весна у нас начинается синеватой, бродящей по улицам дымкой. Скоро настанет время особой прозрачности невского воздуха и четкости всех очертаний — «графический» период в жизни города. Вот в такие дни и надо приезжать сюда!

Из письма 1976 г.:

Весна у нас неуверенно, но все же разгорается. Ждем ледохода на Неве. Сначала здешнего, а потом Ладожского (самого интересного). Но это не раньше апреля. А сейчас еще свежо, и еще снег на крышах.

На вопрос адресата о художественном объединении «Мир искусства» В. А. Рождественский в том же 1976 г. писал: «Но вообще-то “Мир Искусств” (так! — *М. Р., Т. Р.*) — порождение графического облика города на Неве. Это живописное течение никак не могло возникнуть в Москве. Москва в своем изобразительном искусстве эмоциональнее и раскидистей. Для нее главное —

³⁴ Цитируется по оригиналу в фонде Э. Ф. Голлербаха (РНБ, ф. 207, ед. хр. 72).

пятно, цвет, самое мясо живописи, а на Неве — контур, линия, сдержанность эмоций; одним словом тот же принцип графичности, подсказанный самим городом». Даже из небольшой подборки фрагментов из писем Всеволода Рождественского видно, что петербургско-ленинградская тема не оставляла не только его творчество, но и его повседневные впечатления. Город был той естественной духовной и художнической средой, внутри которой формировалась его поэзия. К сожалению, объем данной статьи не позволяет расширить материал, связанный с темой и образом Петербурга-Ленинграда не только в стихах, но и в эпистолярном наследии В. А. Рождественского, которое еще ждет своей научной публикации и комментариев.

Е. Н. ПРОСКУРИНА

«ДВЕ ДУШИ» ФАУСТОВ А. ПЛАТОНОВА

Ах, две души живут в душе моей,
Друг другу чуждые, —
и жаждут разделения!
И. В. Гете. «Фауст»

Проблема души волновала Платонова с самого раннего периода творчества. Он метался в своих попытках разгадать загадку души, видя ее некоей сложной субстанцией, в которой скрыты и низкие стихийные «начала», связанные с потребностями тела, пола: страсть, похоть. В таком ракурсе душа человека представлялась писателю «неприличным животным». Свою раннюю статью 1921 г. он так и назвал: «Душа человека неприличное животное». Вместе с тем в своем высшем проявлении «прекрасная душа человека»¹ виделась Платонову «царством сознания», которое в перспективе должно стать «законом всей земли».²

Над загадкой души бьются все ведущие персонажи платоновских произведений, начиная с самых ранних утопических фантазий. Бьются над ней и герои романа «Счастливая Москва» (1933–1936), для которых, однако, душа является не столько ценностью, сколько помехой в достижении человеческого идеала. Преображенный совершенный человек — тот, в ком «разум отпразднует победу над стихиями»: необузданными порывами страстей, физиологическими потребностями тела, муками плоти. В эту же категорию попадает и душа, имеющая в романе больше корреляций с телом, чем с духом. Поэтика персонажей «Счастливой Москвы» подчеркнута физиологична, мир романа состоит большей частью из человеческих нечистот, представая «пространством пота, кишечных газов..., звуков “измученной любви”, шума пищеварения, криков ужаса в ночных кошмарах».³ Исследователи склонны видеть в этом близость Платонова к культу тела в экзистенциальной феноменологии, представители которой «рассматривали в теле особый пласт сознания, всеобщее средство обладания миром».⁴ Но такой взгляд на платоновскую поэтику телесности искажает авторское отношение к реальности как к несовершенному, падшему миру, о чем свидетельствуют мотивы *ужаса, мучения, нечистот* и пр. Именно в такой экзистенциальной позиции «Душа, — по слову П. Флоренского, — *теряет* свое субстанциональное единство, ...*теряется* в хаотическом вихре

¹ Платонов А. Голос отца // Платонов А. Ноев ковчег. Драматургия. М., 2006. С. 212.

² Там же. С. 213.

³ Костова Х. Оппозиция души и тела в романе «Счастливая Москва» // Страна философов Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999. С. 154.

⁴ Там же.

Елена Николаевна Проскурина и Елена Константиновна Ромодановская.
Петрозаводск, июнь 2002 г.

своих же состояний, переставая быть субстанцией их. Я захлебывается в “потопе мысленном” страстей».⁵

Пытаясь восстановить совершенство мира и человека, герои Платонова обустривают мир «по своему уму», как отмечает Е. Толстая.⁶ Исследовательница говорит в данном случае о персонажах «Чевенгура», стремящихся «сделать все с начала, в зависимости от своего ума». Но это умозаключение верно для всей прозы Платонова, в том числе и для «Счастливой Москвы». Ее герои-преобразователи также находятся «в зависимости» от собственного ума,⁷ как и чевенгурцы или персонажи ранних произведений, относящиеся к типу «сатаны мысли», соединяющем в себе два начала: Фауста и Мефистофеля. По

⁵ Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2005. С. 158. Курсив автора. — Е. П.

⁶ Толстая Е. Д. Идеологические контексты Платонова // Толстая Е. Д. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. М., 2002. С. 313.

⁷ В записных книжках 1933 г. есть запись: «...чел<овек> не выходит из круга своего сердца и ума», со специальной пометой: «Д<ля> Москвы» (Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 119).

существо, все платоновские герои принадлежат к этому типу, варьируя его с разной степенью отчетливости. В революционной обезбоженной реальности «Сознание — рычаг “спасения мира” — вполне в духе времени отдавалось в руки восставшим массам, которые помещались в лагерь сатаны», — заключает Е. Толстая,⁸ апеллируя к статье А. В. Луначарского «Религия и социализм», где есть такая пафосная тирада: «Сатана становится во главе демократических колонн».⁹ Не случайно именно в эти годы Луначарский внимательно читает трагедию Гете в оригинале и даже пытается переводить ее на русский язык. По следам этого чтения им написаны статьи «Русский Фауст», «Перед лицом рока», драма для чтения «Фауст и Город». Симптоматично, что то, что в «Счастливой Москве» безуспешно пытаются осуществить герои фаустианского типа по отношению к человеческой душе, в «Фаусте» Гете является прерогативой дьявола: «Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab»¹⁰ («Удали этот ум/дух от его первоисточника»), — приказывает Бог Мефистофелю в отношении Фауста в Прологе на небесах.

Архетипическая ситуация *продажи души* преобразуется в «Счастливой Москве» в *избавление от души/переделку души*:

Сарториус с грустью посмотрел на него [Божко — Е. П.]: как мы все похожи, один и тот же гной течет в нашем теле! <...>

— Ничего! — опомнился Сарториус. — Мы теперь вмешаемся в человека, мы найдем его бедную, страшную душу.

— Пора бы уже, Семен Алексеевич! — указал Божко. — Надоело как-то быть все время старым природным человеком: скука стоит в сердце. Изуродовала нас история-матушка!

Вскоре Божко улегся спать на столе ... Божко был теперь еще более доволен, поскольку лучшие инженеры озаботились переделкой внутренней души.¹¹

Здесь автор обыгрывает идиому «инженеры человеческих душ», принадлежащую Ю. Олеше, но ставшую крылатой после встречи Сталина с советскими писателями в доме Горького в 1932 г.

В черновом варианте романа Сарториус мечтает о разрушении «проклятой души»:

Душу надо разрушить, вот что, — угрюмо произнес Сарториус. — Она работает против людей, против природы, она наша разлучница, из-за нее не уда-

⁸ Толстая Е. Идеологические контексты Платонова. С. 313.

⁹ Луначарский А. Религия и социализм. СПб., 1908. С. 188–189.

¹⁰ Goethe J. W. Faust. Berlin; Weimar, 1973. S. 75.

¹¹ Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999. С. 71.

ется ничего... <...> она действует, она дышит и шевелится, она мучает меня, она бессмысленна и сильнее всех... <...> Везде есть эта проклятая душа.¹²

Любопытно несовпадение отношения героев романа к душе с отношением самого писателя, зафиксированным в его записных книжках со специальной пометой, обозначающей связь с проблематикой «Счастливой Москвы». Это касается главным образом записей 1933 г. — периода, когда Платонов наиболее интенсивно работал над «формулами» своих героев: «Не только чужой душой, но и свою душу, хотя и приобретенную извне, “воровством”, — свою душу испускать в других без остатка, — это тоже прекрасно, жизненно, закономерно...»;¹³ «И счастливую, железную душу надо разоблачить, — и в ничто-жестве есть душа, — мертвых нет нигде»;¹⁴ «то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть свой греющий очажок, иначе он, человек, не прожил бы и минуты»;¹⁵ «Ведь ясно, душа не стареет в человеке, только тело ветшает, а “она” все та же... Бывают и молодые — старые, но это доказательство первого...».¹⁶ Из этих и других записей видно утверждающееся у Платонова отношение к душе как величайшей ценности, сохраняющей в человеке человеческое.

Своеобразным ответом *из* проверкой решения героями «Счастливой Москвы» проблемы души служит повесть «Джан», к работе над которой Платонов приступает в 1935 г., прервав на время работу над романом. При изображении в повести народа джан (что в переводе значит «душа») писатель ставит художественный эксперимент по воскресению души — сродни тому, который предпринял Гоголь в замысле «Мертвых душ».¹⁷ Народ, называющий себя именем «душа», по существу живет с умерщвленной голодом и страданиями душой. Это скелеты, обтянутые кожей, существующие между жизнью и смертью — нечто сродни лемурам: существам, находящимся в пограничном состоянии ни живых, ни мертвых — «народа понурого», скроенного «из жил и связок и костей».¹⁸ Но в еще большей степени образ народа джан соотносится с библейским образом «костей сухих»: «произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них» (Иез. 37:7–8). В пространстве платоновского автодиалога описание народа, живущего на

¹² Там же. С. 70.

¹³ Платонов А. Записные книжки. С. 118.

¹⁴ Там же. С. 121.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ О связи повести Платонова с «Мертвыми душами» см.: Дебюзер Л. Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов. Мир Творчества. М., 1994. С. 320–329.

¹⁸ Гете И. В. Фауст / Пер. с нем. Н. А. Холодковского. СПб., 2004. С. 496.

«адовом дне Сары-Камыша», перекидывает мотивный мост к персонажам «Котлована», которые выписаны в той же поэтике «костей сухих»:

Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек и полупотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами...¹⁹

Чиклин спешно ломал вековой грунт <...> никакого предохраняющего сала у Чиклина под кожей не было — его старые жилы и внутренности близко подходили наружу, он ощущал окружающее без расчета и сознания, но с точностью.²⁰

Та же образность появляется в описании пляски вновь созданного колхоза во второй части «Котлована», напоминающей *пляску смерти*:

Активист выставил на крыльцо Оргдома рупор радио, и оттуда звучал марш великого похода, а весь колхоз, вместе с окрестными пешими гостями, радостно топтался на месте. <...> Елисей, когда сменилась музыка, вышел на среднее место, вдарил подошвой и затанцевал по земле, ничуть при этом не стигаясь и не моргая белыми глазами; он ходил как стержень — один среди стоячих, — четко работая костями и туловищем. <...> Давно живущие на свете люди — и те стронулись и топтались, не помня себя.²¹

Вместе с тем в «Джане» Платонов достигает того изобразительного предела, который граничит с поэтикой смерти и тления:

Народ двигался теперь только вечером и утром, а днем от слабости и жары закапывался в песок и спал. Нур-Мухаммед ежедневно отмечал умерших, а Чагатаев проверял их смерть, прислушиваясь к сердцу и наблюдая глаза, потому что однажды Суфьян и еще другой старик, ферганский раб Ораз Бабаев, притворились мертвыми. Но Чагатаев расслышал сквозь кости их глухое, далекое сердце, поднял на ноги и велел жить дальше.

— Зачем вы хотели умереть? — спросил их Чагатаев.

— У нас душа занемела от жизни, — сказал Суфьян, — кости ссохлись и согнулись, жилы сморщились: они потянутся захотели, пускай их дождь помочит, ветер посушит, черви пожуют, а то я им мешаю...²²

¹⁹ Платонов А. Котлован. СПб., 2000. С. 27.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Там же. С. 95.

²² Платонов А. Джан // Платонов А. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. М., 2011. С. 170.

«Занемевшая» душа народа просыпается стараниями Назара Чагатаева, ценой собственных сверхусилий — душевных и телесных — сумевшего вывести его с адского дна Сары-Камыша и накормить. Но как только к народу возвращаются силы, он покидает своего спасителя, решаясь обустроить самостоятельно свою судьбу. Здесь скрыта ключевая мысль автора: только ожившая/живая душа может быть способна на выбор. Пока народ джан живет с умерщвленной душой, он сродни автомату и готов послушно идти за Назаром, тогда как в состоянии пробуждения уходит «проверить... где есть другие люди»²³, искать и строить свою жизнь сам. Таким образом, *спасение* по Платонову — это придание смысла существованию других, вселение надежды, оживляющей душу. И это деяние по силам человеку, если им движет любовь и сострадание. Однако после свершения своего благого дела спаситель должен предоставить свободу выбора пути спасаемым. В финале народ джан возвращается к Назару, подобно тому, как человек возвращается к Богу после отступничества, скитаний и пр.

В этом фрагменте сюжета слышна аллюзия на притчу о блудном сыне. Но полной аналогии с ней у Платонова нет: уйдя из дома и от Назара, народ, в отличие от младшего сына притчи, не растратил своих сил, а приумножил имение, купив «кто овец, кто ишаков, кто тех и других, кто женился»,²⁴ после чего «пошли постепенно домой на Усть-Урт, потому что жить оказалось можно, а новый аул их стоял вдалеке нежилым, но ведь это было их добро и родное жилище...».²⁵ Завершает эпизод возвращения народа сцена «общего праздничного ужина», соотносящаяся со сценой пира в доме отца в притчевом тексте:

В том жилище, где Айдым собрала общий праздничный ужин, на полу лежали вымытые циновки, в глиняных кувшинах стояла свежая трава из дальних высоких долин Усть-Урта и в больших глиняных блюдах лежал обильный плов для угощения целого народа. <...> Он [Назар] поклонился всему своему племени и всем новым родственным людям, пришедшим жить сюда общей жизнью. Айдым велела ему взять плов первым, и после того все стали не спеша кушать пищу, понимая ее ценность и достоинство...²⁶

После общей трапезы Чагатаев спрашивает старого туркмена, из какого племени все пришедшие в Усть-Урт люди, на что тот отвечает, что «все мелкие племена, семейства и просто группы постепенно умирающих людей, живущие в нелюдимых местах пустыни, Аму-Дарьи, Усть-Урта, называют себя

²³ Там же. С. 229.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 229–230.

²⁶ Там же. С. 228.

Елена Николаевна Проскурина

одинаково — джан. Это их общее прозвище, данное им когда-то богатыми баями, потому что джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет, кроме души, то есть способности чувствовать и мучиться. Следовательно, слово “джан” означает насмешку богатых над бедными. Баи думали, что душа лишь отчаяние, но сами они от джана и погибли, — своего джана, своей способности чувствовать, мучиться, мыслить и бороться у них мало, это — богатство бедных...».²⁷

Таким образом, душа для Платонова — автора повести «Джан» оказывается самой большой ценностью, хранительницей жизненной силы и мудрости. Те представления о душе, которые зафиксированы в записях к «Счастливой Москве» в книжках 1933 года, писатель реализует в повести, выдвигая их контрверзой романной версии души как темной субстанции. За этими двумя отношениями к душе скрыта полемика между естественным, природным знанием-веданием и научным познанием, которое у Платонова всегда оказывается в проигрышной позиции.

Труды Е. К. Ромодановской о жанре видений и художественный мир Николая Заболоцкого (Некоторые сближения)

«...» **Н**е человек, а череп века, / Его чело, язык и медь» — сказал о Заболоцком другой поэт, имея в виду, разумеется, век XX.¹

Чтение работ Елены Константиновны Ромодановской о делах и памятниках словесности давно прошедшего времени может, однако, оказаться полезным для исследователя жизни и творчества Заболоцкого, сообщить размышлениям о художественном мире поэта новые ракурсы.

В основе двух работ о видениях сибирских крестьян XVII–XVIII веков лежит публикация документов следственных дел, запечатлевших «рассказы крестьян о случившихся им видениях».² Позволим себе наметить три направления размышлений о Заболоцком в свете их проблематики.

I

Статья, написанная Е. К. Ромодановской в соавторстве с А. Т. Шашковым, начинается так: «При просмотре документов Сибирского приказа, связанных с церковными делами, нам удалось обнаружить два столбца с записью распросных речей по поводу видений, случившихся в окрестностях Тобольска и недалеко от Тюмени. Они не отмечены в обзоре книг и столбцов Сибирского приказа, подготовленных Н. Н. Оглоблиным, хотя имеют на обороте пометы: “NB извлек Н. Оглоблин, 1892 г.” (л. 20 об.), “NB переписал Н. Оглоблин, 1892 г.” (л. 25 об.). Оба текста никогда не публиковались».

Первая книга Николая Заболоцкого называлась «Столбцы».³

Заболоцкий не оставил по поводу названия книги никаких разъяснений. Лишь И. М. Синельников, помогавший поэту в подготовке издания, вспоминал его слова: «Книга будет называться “Столбцы”. В это слово я вкладываю понятие дисциплины, порядка — всего, что противостоит стихии мещанства».⁴

¹ Тарковский А. А. Стихотворения. М., 1974. С. 82.

² Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян XVII–XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 292–313; Ромодановская Е. К., Шашков А. Т. Сибирские видения 1662 г. в контексте антиниконовской борьбы // Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 314–329.

³ Заболоцкий Н. Столбцы. Л., 1929.

⁴ Синельников И. М. Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Заболоцком. М., 1984. С. 105.

²⁷ Там же. С. 230.

Сын и биограф поэта, Никита Николаевич Заболоцкий, писал: «Откуда появилось такое название? В тетрадку “Арабат” входило стихотворение “Столбец о черкешенке”, что можно было понимать, скажем, так: “аккуратная колонка строк, посвященных черкешенке”. Потом название было изменено на “Черкешенка”, а столбцами Заболоцкий стал называть вообще свои стихотворения того времени».⁵

«Название “Столбцы”, — писал А. В. Македонов, — звучит необычно. Но Заболоцкий подразумевал под ним просто обозначение стихотворного текста, печатающегося столбцами. Название сборника подчеркивало жанровую свободу, непринужденность и стремление отойти от обычной “поэтичности”».⁶

Важная авторская установка содержится в письме к художнику Л. А. Юдину, который должен был сделать оформление обложки (работа была отклонена издательством): «Слово “Столбцы” должно быть сделано Вашим шрифтом, оно доминирует. Шрифт своеобразный, но строгий и законченный. В нем — вся соль. С виду будто бы ничего особенного, а приглядишься — и открывается совершенно новое дело».⁷

Режиссура читательского восприятия касается не только графического облика заглавия книги, но его семантического потенциала.

Слово *столбец* в значении колонки набранного текста в газетной и энциклопедической практике связано с современным и общеязыковым, нетерминологическим употреблением. На этом уровне в сборнике стихотворений, названном «Столбцы», почти не ощущается «ничего особенного»: «стремление отойти от обычной “поэтичности”» характерно для советского искусства 1920-х годов. Заглавие лишь подчеркивает *вертикальное* измерение поэтического текста, в отличие от привычного *стихотворения* (*стих* по-гречески — горизонтальный ряд с поворотом), и это роднит изданную книгу с рукописной тетрадью, озаглавленной оронимом — именем библейской горы Спасения: «Арабат».⁸

⁵ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. СПб., 2003. С. 155–156. Сохранившаяся часть тетради «Арабат», изготовленной Заболоцким в 1928 г., включает 21 лист, 14 × 22, сшитых суровой ниткой, без нумерации, и содержит 10 стихотворений, переписанных черной тушью, каллиграфическим почерком. В 1988 г. тетрадь была передана вдовой поэта, Е. В. Заболоцкой в Отдел рукописей ИРЛИ (Пушкинского Дома). Ныне хранится там же (Р. I. Оп. 10. № 144. Л. 1–21). «Столбец о черкешенке» — Л. 5–6.

⁶ Македонов А. В. Николай Заболоцкий: Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 76.

⁷ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 307.

⁸ В опубликованной лишь в 1965 г. рецензии на сборник стихотворений В. В. Маяковского «Простое как мычание» (1916) Б. Л. Пастернак, намеренно смешивая план содержания с планом выражения, писал: «В типографиях эти метафорические батареи набирались на манер стихов. Столбцом. <...> Нередко зато и столбцы эти, не связанные естественно с располагавшейся по ним метафорой и часто не сплошь заполненные ею, открывали доступ словесной синонимистике к местам, отведенным под собственные имена материи; прозаическим соображениям к вакансиям

Е. К. Ромодановская. 2 мая 1959 г.

«Новое дело» открывается, если читатель вспомнит о более специфическом, терминологическом значении слова. *Столбцами* (*столпами*, или *столниками*) принято называть документы и акты Московской Руси XVI–XVII веков — времени, когда в приказном делопроизводстве царила так называемая *столбцовая система*.⁹ «Понятие дисциплины, порядка» становится яснее в этом контексте, несомненно, знакомом Заболоцкому — недавнему (декабрь 1925 года) выпускнику Общественно-экономического факультета Отделения языка и литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, прошедшему курс историко-филологических знаний под руководством Василия Алексеевича Десницкого (1878–1958).

Историк пишет: «В паре *столбец* — *столпец* употребление каждого из этих слов по частоте приблизительно одинаковое».¹⁰ Первичное значение слова, избранного Заболоцким для заглавия дебютной книги, таково: «...*столбец* — это только листок бумаги определенного размера. Столбцы составляли столп, количеством столбцов измерялась величина документа. <...> Метонимически название столбца получили и несколько склеенных, вставляющих один документ листов-столбцов».¹¹

Н. Н. Оглоблин описывает физические свойства столбцов в их первоначальном виде: документация хранилась «в форме бумажных лент, состоящих из склеенных друг с другом листов, свернутых в цилиндры».¹² Документы «писались на бумажных полосах особой формы и размера, для чего бумажный лист резался или пополам в длину, давая полосы 17 × 45 см, или на три полосы в ширину, давая полосы 15 × 34 см. На таких бумажных полосах, поперек, по узкой стороне писался текст документов <...> Написанные полосы склеивались одна с другой, и получалась бумажная лента, длина которой зависела от величины текста».¹³

«К собственным стихотворениям, — пишет сын поэта, — Заболоцкий относился с большим вниманием. Ему нравилось с помощью специального перышка особым каллиграфическим почерком переписывать их на хорошей бумаге и объединять в небольшие сборники».¹⁴

образных и патетических поведений. <...> Написав уже и несколько таких, на *стихи* более чем на что другое похожих столбцов, артист такого типа и калибра, как Маяковский, не может не стать поэтом» (*Пастернак Б. А.* Полн. собр. соч. с прилож.: В 11 т. Т. 5. М., 2004. С. 21–22).

⁹ См.: *Качалкин А. Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1: Источники изучения и вопросы авторства документа. М., 1988. С. 103–110.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Там же. С. 106–107.

¹² *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 13.

¹³ *Колесников И. Ф.* Столбцы (К методике работ по систематизации и описанию) // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 28–29.

¹⁴ *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. С. 154.

И. М. Синельников вспоминал: «Он достал несколько аккуратно сшитых им тетрадей. Хорошая бумага. Каллиграфический почерк. Все написано не чернилами, а тушью — текст черной, а начальные буквы красной. Это напоминало старинные рукописи. <...> — Вот рекомендую вам такое узкое перо, — наставлял меня Николай Алексеевич. <...> Писал он карандашом (на качество карандашей тоже обращалось внимание), а затем переписывал тушью».¹⁵ Согласно воспоминаниям И. В. Бахтерева, Заболоцкий «каллиграфически переписывал написанное прежде, снабжая стихи занятыми виньетками и картинками, напоминавшими работы учеников художника Филонова».¹⁶

Именно так оформлены листы тетради «Арапат», своего рода «эмбриона» будущих «Столбцов». В собрании А. Е. Крученых сохранились каллиграфические автографы столбцов «Свадьба» и «Пир»,¹⁷ в фонде Государственного института истории искусств (ГИИИ) — столбца «Красная Бавария»;¹⁸ сходный автограф стихотворения «Дума» Заболоцкий подарил в сентябре 1926 года художнику К. И. Рождественскому.¹⁹ Еще одна рукопись такого рода долгое время хранилась у Т. А. Липавской и была передана в семейный архив Заболоцкого; это стихотворение «*Disciplina Clericalis*».²⁰

Один из машинописных вариантов книги, — экземпляр, подаренный в августе 1933 г. другу детства и юности Заболоцкого, М. И. Касьянову (1902–1992), — хорошо подчеркивает вертикальную ориентацию *столбца*. В этой самодельной книге, хранящейся ныне у внучки М. И. Касьянова, М. Н. Липатовой (Москва), 60 листов нестандартного формата (20 × 37):²¹ «Для столб-

¹⁵ *Синельников И. М.* Молодой Заболоцкий. С. 106.

¹⁶ *Бахтерев И. В.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Заболоцком. М., 1984. С. 85.

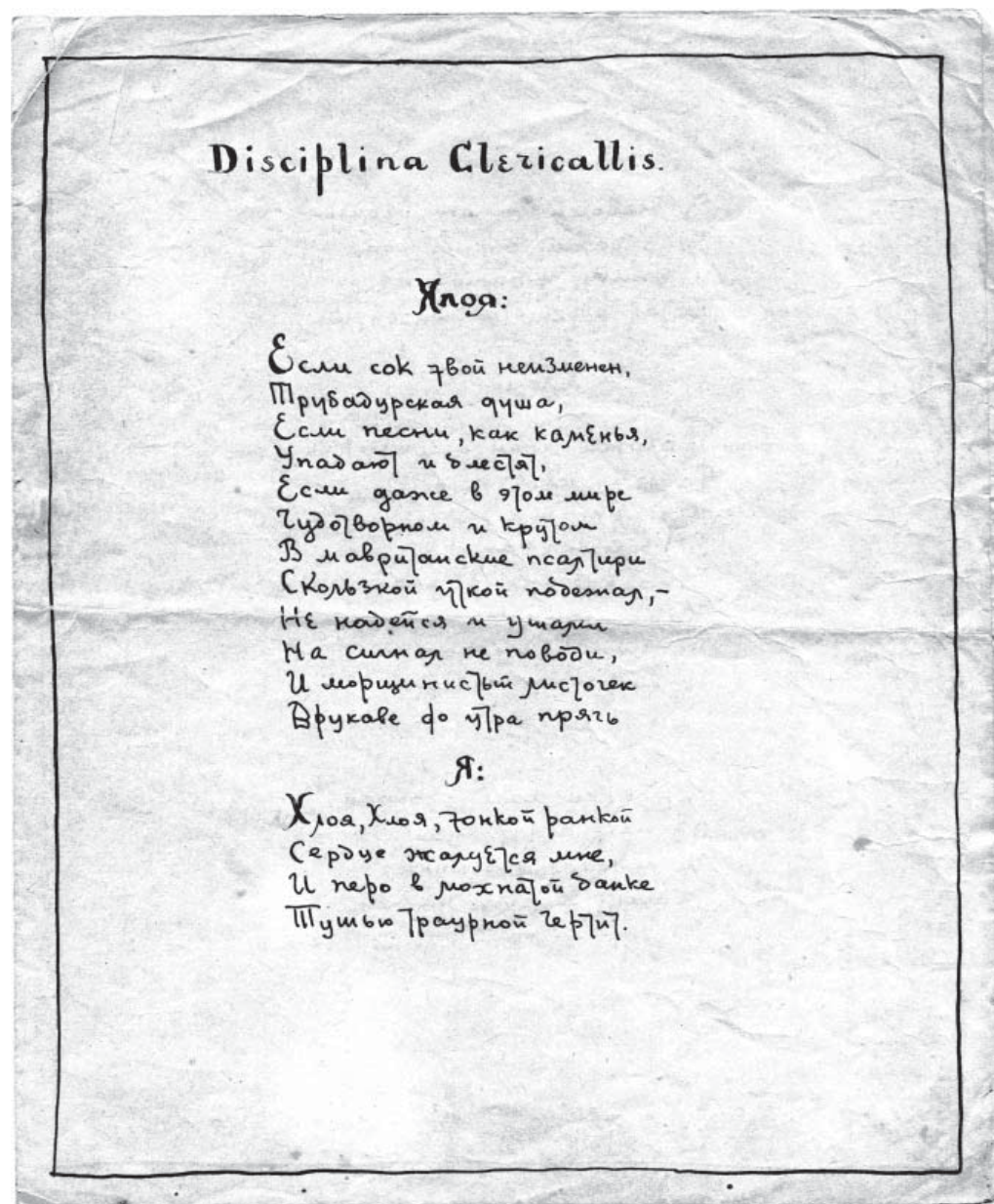
¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 8–13. На л. 11, под текстом столбца «Свадьба»: «Н. Заболоцкий. Ленинград. Конная ул., д. 15. кв. 33». Слева, карандашом: «100 строк». На обороте л. 13, внизу: «Автограф Н. А. Заболоцкого. 5.XII.1960 Н. Харджиев».

¹⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 172. № 69. Л. 1–2. Автограф поступил от Г. Э. Сорокина.

¹⁹ *Лощилов И. Е., Галеев И. И.* Стихотворение Николая Заболоцкого «Дума» (1926): Текст и контексты // Новый мир. 2013. № 6. С. 153–159.

²⁰ Название восходит к назидательной повести испанского писателя-марана Петра Альфонсы (Petrus Alphonsi, до крещения Моше Сефарди; ок. 1060 — после 1115) «*Disciplina Clericalis*» (русские варианты перевода: «Наставление клирику», «Наставление обучающемуся», «Духовное учение»; см.: *Альфонса П.* Наставление обучающемуся // Средневековая латинская новелла XIII века. Л., 1980. С. 308–331). Публикаторы интерпретировали удвоенное *l* как вероятную опisku, и, выразив благодарность С. В. Поляковой за помощь в выборе варианта перевода для названия стихотворения («Духовный устав»), указывали, что «Заболоцкий не знал латинского языка, но название отразило какие-то разговоры или чтение поэта в то время» (*Заболоцкая Е. В., Македонов А. В.* Стихи Николая Заболоцкого // Литературная Грузия. 1969. № 4. С. 186).

²¹ См.: *Лощилов И. Е.* Неизвестные страницы истории поэтической книги Николая Заболоцкого «Столбцы» // Филологические аспекты книгоиздания. Новосибирск, 2010. С. 52–70.

Каллиграфический автограф стихотворения «Disciplina Clericallis». 5 июня 1926 г.
Л. 1. Бумага, черная и красная тушь.

цов бумага резалась на длинные полосы, причем ширина полос была гораздо меньше, чем их длина».²²

Исследователь столбцов XVII века пишет: «Если дело не требовало дальнейшего производства, то писалось кратко: “вклеить в столп” (современное — “к делу”)».²³ В оглавлении машинописной книги 1952 г. Заболоцким было зачеркнуто название второй части обновленной редакции сборника, «Книга прогулок», и сделана краткая помета: «В Столбцы».²⁴

Называя свои стихотворения (пусть и экспериментальные, астрофические) *столбцами*, Заболоцкий придает художественному (поэтическому) тексту статус *документа*, что также характерно для ранней советской литературы, от «Исходящей № 37» Л. Н. Лунца (1922) до рассказа И. Э. Бабеля «Справка» (1920-е гг.) и повести Б. Л. Пастернака «Охранная грамота» (1930).

Наряду с игровой установкой на документальность, в названии ощущается присущий поэтике обэриутов элемент абсурдного анахронизма.²⁵ *Столбцы* Заболоцкого тесно связаны с ленинградским локусом и вписаны в «петербургский текст» русской литературы. Но незадолго до основания города (1703) столбцовое делопроизводство было отменено специальным указом («реформа 1702 г.»): «При Петре I было указано заменить столбцы, как общепринятую до сих пор форму приказного делопроизводства, тетрадями: “указали... челобитчикам челобитные, и приказные, и докладные и иные разные выписки..., и челобитчиков дела писать в листы и тетради дестевые, а не в столбцы..., а впредь в столбцы никаких дел не писать”».²⁶

Сама возможность существования *столбцов* в советском Ленинграде 1920-х гг. указывает на переходный характер времени их создания — тем более, *столбцов*, каллиграфически переписываемых в самодельные *тетради*. Допустимы и другие толкования: например, намек на существование некоторой

²² Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966. С. 24.

²³ Колесников И. Ф. Столбцы. С. 33.

²⁴ Ложилов И. Е. К истории становления корпуса поэтической книги Н. Заболоцкого «Столбцы» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 250.

²⁵ В заметке о древнерусском источнике стихотворения Заболоцкого, известного под редакторским названием «Пастухи», С. В. Полякова отмечала, ссылаясь на указание А. М. Панченко: «Не исключено <...> что здесь перед нами не столько традиционные анахронизмы, сколько след концепции вечного возвращения, эволюционных циклов» (Полякова С. В. «Комедия на Рождество Христово» Дмитрия Ростовского — источник «Пастухов» Н. Заболоцкого // ТОДРА. Т. 33. Л., 1979. С. 387). В качестве возможного источника анахронизмов исследователь указывает далее на представления К. Э. Циолковского, но на стадии подготовки «Столбцов» к изданию (1928) уместно, кажется, вспомнить о «вечном возвращении» Ф. Ницше.

²⁶ Чаев Н. С., Черепнин А. В. Русская палеография. Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам. Ч. 1. М., 1946. С. 130.

инстанции, которая продолжает вести *столбцовое делопроизводство* (хотя бы в качестве метафоры *поэтического хозяйства*) независимо от указов и смены властей.

Навык каллиграфического письма пригодился Заболоцкому в тяжелые годы заключения — для успешного овладения чертежным почерком во время работы в лагерных проектных бюро, а после частичного освобождения (на основании Директивы НКВД и Прокуратуры СССР № 185, п. 2, в качестве вольнонаемного, лишённого права покидать лагерь) некоторое время (с 28 сентября 1945 по 8 января 1946 г.) поэт вынужден был исполнять обязанности начальника канцелярии Управления строительства Саранского участка Карагандинского угольного бассейна...

Еще один аспект смысла («...приглядишься — и открывается совершенно новое дело») становится актуальным лишь при соотнесении заглавия книги и ее состава.

В сборнике 22 стихотворения-столбца, и это число сообщает книге особый статус: «Число “22”, представляющее собой число букв финикийского, а вслед за теми древнееврейского алфавита, в культурном ареале Ближнего Востока с незапамятных времен имело сакральный смысл и не утратило этого качества во всех культурах, так или иначе хранящих связь с этой традицией. <...> Особыми значениями оно наделяется в библейско-евангельских и каббалистических текстах».²⁷

Если *столбец*, понятый как *документ*, «ниже» и «прозаичнее» стихотворения, то *столбец* как *свиток*, напоминающий о священных текстах древности, значительно повышает его статус: «Древние свитки писались на пергаменте. Любопытно, что и у нас на Руси бывали, хотя крайне редко, такие пергаментные свитки. В Тверском музее, например, хранится поминание на пергаменте, свернутое, как свиток Торы; видимо это или подражание, или случайность, так как наши свитки (бумажные) являются гораздо позже, именно в XVI веке».²⁸

Структура отвергнутого варианта названия «Столбец о черкешенке» перекликается, например, с названием поэмы Х. Бялика «Свиток о пламени» (1905), перевод которой мог быть знаком поэту.²⁹ Уместным, кажется, будет

²⁷ Силард Л. «Зангези» Хлебникова и Большие Арканы Таро // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 312–313.

²⁸ Шляпкин И. А. Русская палеография. По лекциям, читанным в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1913. С. 80. Ср. начало одного из ранних, задолго до «Столбцов», стихотворений Заболоцкого (тогда еще Заболотского) — «Сизифово рождество» (1921): «Просвистел сизый Ибис с папируса / В переулки извилин моих...» (цит. по: Лоцилов И. Е. Материалы о Н. Заболоцком в домашнем архиве М. Касьянова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Вып. 2. М., 2012. С. 651).

²⁹ Бялик Х. Н. Свиток о пламени // Бялик Х. Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с евр. и введ. Вал. Жаботинского. СПб., 1911. С. 163–206. Другой вариант перевода — «Огненная хартия» (см.: Бялик Х. Огненная хартия; Мертвые пустыни: Поэмы / Пер. и предисл. Иры Ян. СПб., [1910]).

вспомнить и эффектную «смену кода высказывания»³⁰ в финале Пролога к поэме «Торжество Земледелия»: «Из клюва развевался свиток, / Где было сказано: “Убыток / Дают трехпольные труды”».³¹

Развернутый свиток-столбец вертикален, но и будучи свернутым в трубку, он сохраняет вертикальное измерение — на другой оси пространственных координат. С этой двусмысленностью уместно связать важные в художественном мире Заболоцкого мотивы *ротации* и *инверсии верха и низа* («вверх ногами» — «книзу головой»).

На обложке «Арарата», наряду с изображением раскрытого окошка — странный рисунок распластанной для выделки шкуры животного — возможно, для изготовления пергамента (харатъи),³² материала для будущего письма.

Л. Силард отмечает, что «образ мира как универсального строения из 22 букв — исходных элементов лежит в основе размышлений любого из каббалистов»,³³ и уже в эпоху символизма эти представления и размышления связываются с мифологией тайного знания цивилизаций древности. Андрей Белый писал: «В мистериях Египта объяснялись 22 основных гиероглифа, имевших тройственное обозначение: каждый гиероглиф выражался в начертании, в числе и в магическом слове; кроме того; каждое обозначение имело тройственный смысл, соответственно трем планам развития (духовного, умственного, физического)».³⁴

Согласно записям Л. С. Липавского, «Николай» А. Алексеевич говорил: Поэзия есть явление иератическое».³⁵

Заболоцкий ориентировался, однако, не столько на Андрея Белого, сколько на Велимира Хлебникова, где каббала, как показано в работе Л. Силард, переведена на язык колоды гадальных карт Таро, «при учете глубинно-символической ориентированности Таро на каббалу». В структуре сверхповести Хлебникова «Зангези» Таро предстает «чем-то вроде каббалы, спустившейся в субкультуру, или же, несколько точнее, субкультурным аналогом каббалы, восходящим

³⁰ Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб., 2013. С. 254.

³¹ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 117.

³² А. А. Россомахин отмечает, что непосредственным источником обложки «Арарата» является «первая детская книжка самого Заболоцкого — “Хорошие сапоги” (Л.: ГИЗ, 1928), проиллюстрированная Верой Ермолаевой. Обложка “Хороших сапог” в свою очередь отсылает к обложке детской “производственной” книжки М. Ильина “Кожа” (Л.: ГИЗ, 1926; 2-е изд.: 1929; 3-е изд.: 1930), где художница Евгения Эвенбах изобразила все ту же геометризованную двухцветную шкуру» (Россомахин А. А. «С виду будто бы ничего особенного, а приглядишься...»: Потерянный ключ к книге Заболоцкого // «Вечно светит лишь сердце поэта...»: Сборник статей, посвященный 110-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. М., 2013. С. 25.

³³ Силард Л. «Зангези» Хлебникова и Большие Арканы Таро. С. 313.

³⁴ Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 488.

³⁵ Липавский А. С. Разговоры // Липавский А. С. Исследование ужаса. М., 2005. С. 313.

к затерянному в памяти времен общему источнику». Далее исследователь говорит, что внимание футуристов к Таро было «обусловлено демонстративной переориентацией на низовую культуру, на субкультуру, которой пренебрегает “высокая эстетика”. <...> Архитектоника колоды карт Таро предлагала более широкое поле обобщений: она давала возможность модифицировать образ универсума — Единой книги».³⁶ «Столбцы» представляют целостный образ мира в виде Книги, при этом многозначность заглавия включает возможность увидеть эту книгу и как Свиток, и как Кодекс (с жестко закрепленным порядком листов), и как колоду карт, доступных для перемешивания. В двадцатидвухчастной композиции «Столбцов» нашла воплощение «тарообразная модель» универсума,³⁷ восходящая к композиционному решению сверхповести В. Хлебникова «Зангези» (1920–1922) и полной версии цикла картин почтаемого Заболоцким П. А. Филонова «Ввод в Мировой расцвет» (1919).³⁸

Известны два варианта перевода названия «Столбцов» на английский язык: «Columns» (собственно, *колонки*) и «Scrolls» (*свитки*).³⁹ В монографии американского исследователя Дарры Голдстейн, отдавшей предпочтение второму из вариантов, подробно обсуждается семантическая недостаточность первого: «“Columns” in English is unsatisfactory, as the word conjures up an image of classical Greek pillars — not at all what Zabolotsky intended. A better translation might be “Colonnade,” in its secondary meaning of “a row of trees or other objects placed at regular intervals.” But again the classical architectural context obtrudes».⁴⁰

В январе 1963 г. в рубрике «На всех языках» в журнале «Иностранная литература» было напечатано сообщение: «Итальянское издательство “Эдитори риунити” выпустило сборник стихотворений Николая Заболоцкого под названием “Свинцовые колонны”. Перевод стихотворений Заболоцкого, как сообщает газета “Паезе-сера”, выполнил Витторио Страда, его же перу принадлежит вступительная статья о творчестве советского поэта».⁴¹ «Свинцо-

³⁶ Силард Л. «Зангези» Хлебникова и Большие Арканы Таро. С. 315–316.

³⁷ Там же. С. 302.

³⁸ Из менее известных и авторитетных прецедентов назовем книгу писателя и экономиста (специалиста по графическому учету) Михаила Исааковича Мительмана (1899–1979?), изданную под псевдонимом; герой книги, поэт и анархист Михаил Старов, печатает (также под псевдонимом) сборник своих стихотворений. Обложка приводится в рамке, как графическая «врезка» в текст. На обложке читается: «М. Надеждин. I. Любовь; II. Революция. 22 стиха. Издание» (Чесс Мух. Ёлоп: Страницы из жизни Старова. Л., 1925. С. 32).

³⁹ См., например: Masing-Delic I. «The Chickens Also Want to Live»: A Motif in Zabolockij's «Columns» // Slavic and East European Journal. 1987. № 3. P. 356–365; [Zabolotsky N.] Scrolls. Selected Poems by Nikolai Zabolotsky / Transl. from the Russian by D. Weissbort. London, 1971.

⁴⁰ Goldstein D. Nikolai Zabolotskij: Play for Mortal Stakes. Cambridge, 1993. P. 258.

⁴¹ Иностранная литература. 1963. № 1. С. 269. Речь идет об издании: Zabolotskij N. Colonne di piombo / Trad. di V. Strada. Roma, 1962.

вые колонны» — курьезный результат буквального перевода выражения, точно соответствующего слову *столбцы* в смысле *колонки печатного текста в газете*. Как объяснила автору этих строк профессор славистики университета La Sapienza Клаудиа Скандура, подразумевается используемая для газетной печати типографская краска, содержащая свинец. Авторы новейшего перевода книги Заболоцкого на итальянский резонно предпочли транслитерацию русского названия.⁴²

II

Второе и третье из предлагаемых направлений более произвольны; они носят скорее ассоциативный, чем научный характер.

О визуальной, зрительной, живописной основе поэзии Заболоцкого написано немало. В позднейшей редакции «Столбцов» (1958) книга открывается призывом *глядеть*: «Гляди: не бал, не маскарад...» («Белая ночь»)⁴³

Поэзия и судьба Заболоцкого включают, однако, не только визуальный, но и собственно визионерский аспект *видения*.

В столбце «Лицо коня» (1926) немой ясновидцем оказывается конь («И зная все, кому расскажет он / Свои чудесный виденья?»),⁴⁴ в поэме «Торжество Земледелия» (1929–1930) — заговоривший Бык, «тайнозритель» новгородской могилы Велимира Хлебникова («Вижу я погост унылый, — / Молвил бык, сияя взором...»)⁴⁵

В «Истории моего заключения» (1956) поэт вспоминал о тяжелых днях следствия, о марте 1938 года: «На четвертые сутки, в результате нервного напряжения, голода и бессонницы, я начал постепенно терять ясность рассудка. Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им. Появились признаки галлюцинации: на стене и паркетном полу кабинета я видел непрерывное движение каких-то фигур. Вспоминается, как однажды я сидел перед целым синклитом следователей. Я уже нимало не боялся их и презирал их. Перед моими глазами перелистывалась какая-то огромная воображаемая мной книга, и на каждой ее странице я видел все новые и новые изображения. Не обращая ни на что внимания, я разъяснял следователям содержание этих картин».⁴⁶

Описание видения-галлюцинации из мемуарно-художественного очерка подтверждается документально: следственное дело поэта содержит

⁴² Zabolockij N. La raccolta Stolbcy / Introduz. e nota bio-bibliografica a cura di M. Caratozzolo, trad. di M. Berrone, M. Caratozzolo, G. Greppi, M. Maurizio, con un ricordo di C. Scandura // eSamizdat. 2007. № (V) 1–2. P. 113–133.

⁴³ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 30.

⁴⁴ Там же. С. 77.

⁴⁵ Там же. С. 123.

⁴⁶ Заболоцкий Н. А. История моего заключения. М., 1991. С. 9. (Библиотека «Огонек», № 18).

«Заключение о психическом состоянии следственного заключенного», подписанное заведующей отделением судебно-психиатрической экспертизы экспертом-психиатром Келлчевской и ординаторами отделения Путятевой и Гонтаревым 2 апреля 1938 г.: «В себе Заболоцкий подчеркивает своеобразные реакции на неожиданности, также неприятности — “все обрывается, ошеломляешься”. Как особенность отмечает за собой чрезмерно развитое зрительное воображение. <...> Развитие данной болезни (анамнез морби): Арестован 19 марта при полном здоровье. Последующие ряд суток был взволнован — почти не спал, мало ел, начал ощущать острое умственное истощение, сосредотачивался с трудом. Наряду с душевным напряжением чувствовал необычные физические ощущения теплых волн от ног к груди, подкатывания спазмов к глотке, оттягивания головы назад, онемение конечностей, наплывающие рыдания. Отвлекался от тягостных ощущений причинением себе боли, укусом, например, пальца, также уклонением в воспоминания о семье, представляя их ярко в воображении либо всматриваясь в очертания паркета, черточек и теней на стене (иллюзорно). Углубившись, чувствовал даже присутствие дочки, мысленно развертывал все поведение ее. Чтоб не очнуться, избегал смотреть на следователя. В своем сознании чувствовал какое-то раздвоение — переживал счастье, поглощенный домашними сценами, с другой стороны, понимал, “что все видимое — подобие сна, а явь ужаснее”. Ловил себя на смешении и отождествлении истинных фактов и кажущихся, так, записи протоколов принимал за собственную служебную переписку, представлял себя на службе и одновременно мелькало, что он в заключении и слышит выкрикивания по фамилии заключенных в коридоре. В случае засыпания виделись кошмары вроде заключения в каменный мешок, под морское дно и т. п.»⁴⁷

Сын поэта пишет, что в 1956 г., вскоре после XX съезда и писательского собрания, где прозвучало письмо ЦК КПСС о культе личности, Заболоцкий «сел и написал “Историю моего заключения”, написал документально точно и кратко, ибо подробнее воскрешать в памяти события тех лет не хотел. <...> Заболоцкий хотел продолжить свою печальную историю воспоминаниями о жизни в лагерях, но не стал, — только сделал выписки из лагерных писем. А написанное перепечатал в одном экземпляре и спрятал подальше: полного чувства свободы еще не было».⁴⁸

⁴⁷ Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Следственное дело № 43839 по обвинению Н. А. Заболоцкого [1938–1963]. Арх. № 063237. В 2 т. Т. 1. Л. 12–14. Машинопись. В левом верхнем углу л. 12 штамп Областной больницы для следственных заключенных, вверху — синим карандашом: «10 отд. 4 отд. УГБ». Первые два предложения раздела «Психическое состояние» подчеркнуты простым карандашом. Подписи заверены круглой печатью «Отдел мест заключения НКВД по Лен. обл.».

⁴⁸ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. С. 541–542.

«История моего заключения» заканчивается словами: «Так мы прибыли в город Комсомольск-на-Амуре»⁴⁹. Замысел продолжения лагерного эпоса в эпистолярной форме, опередивший появление «лагерной прозы» с ее принципиальной установкой на документальность, был лишь намечен поэтом.⁵⁰

Папка с подлинными письмами поэта к жене и детям была в 1956 г. им озаглавлена: «Сто писем 1938–1944 года». *Сто* в этом контексте означает *много*; вместе тем, это и нечто *единое* — одна *сотня*, целая *сотня*. В рабочем варианте заглавия содержится концепция, связанная с переводом тяжелого жизненного опыта в литературное измерение. Материалы носят следы систематизации, тщательно пронумерованы красным карандашом. Пять писем 1939 года и ряд содержащихся в папке документов поэт оставил пронумерованными, есть письма с двойными номерами (89–90),⁵¹ в некоторых случаях введена буквенная градация: 85 и 85а.⁵²

В письме к жене из дальневосточного лагеря от 14 июня 1939 г. поэт упоминает о слуховой галлюцинации: «Мои дети сыграли в моей жизни очень большую и очень важную роль — и я благодарен им за это. И эта песенка “Мужики по избам спят...” — я слышал ее в самые тяжелые минуты. Но пусть прошлое будет прошлым, старые страдания остаются позади, нужно верить в торжество правды и добиваться ее, хлопотать, как это только лишь можно»⁵³. Речь идет о колыбельной, завершающей текст столбца «Искусение» (1929).

⁴⁹ Заболоцкий Н. А. История моего заключения. С. 18.

⁵⁰ Опыт реконструкции см.: Лощилов И. Е. Лагерная одиссея Николая Заболоцкого // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Вып. 12. Владивосток, 2012. С. 240–243; Заболоцкий Н. А. Лагерные письма // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Вып. 12. Владивосток, 2012. С. 244–300.

⁵¹ Заболоцкий Н. А. Лагерные письма. С. 293.

⁵² Там же. С. 288–289.

⁵³ Там же. С. 250. «Челобитные» в защиту Заболоцкого писали и его жена, и друзья, и коллеги по литературному цеху: Н. А. Степанов, В. А. Каверин, А. И. Гитович, М. М. Зоценко, Н. С. Тихонов, С. Я. Маршак, И. Г. Эренбург, Г. Н. Леонидзе, П. Г. Антокольский, К. И. Чуковский, Н. Н. Асеев, П. И. Чагин. Наиболее развернутое обращение Заболоцкого в Особое совещание НКВД СССР датировано 17 февраля 1944 г. и представляет собой самодельную тетрадь, изготовленную из миллиметровой бумаги, употребляемой в проектных бюро. Аккуратным чертежным почерком в нее переписаны 10 развернутых тезисов, обосновывающих невиновность поэта (Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Следственное дело № 43839 по обвинению Н. А. Заболоцкого [1938–1963]. Арх. № 063237. В 2 т. Т. 2. Л. 191 [Пакет с вложениями Заявления Заболоцкого и двух сопровождающих документов]). Текст Заявления опубликован: Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. С. 634–643. В материалах дела есть также заявления с просьбой о пересмотре дела от 23.10.1938, 17.02.1939, 24.06.1939 (Наркомун Внутренних дел СССР), от 23.07.1939 (Прокурору СССР) и 17.02.1944 (в Особое совещание НКВД СССР).

Многие из них широко известны советскому обществу. Но следствие не интересуется их именами. Следствие интересуется только теми моими знакомствами, которые могут меня скомпрометировать в той или иной степени. Поэтому и в докладе специально говорится только о них в этом моем заявлении.

9. Я прошу внимания к себе.

Если бы я был убийцей, бандитом, вором; если бы меня обвинили в каком-либо конкретном преступлении, — я бы имел возможность конкретно и точно ответить на любой из пунктов обвинения. Мое обвинение не конкретно, — судите сами, могу ли я с неперывающей конкретностью отвечать на него?

Меня обвиняют в трагизме, — но в чем именно заключается мой трагизм — умалчивают. Меня обвиняют в буржуазных настроениях, но в чем они проявились — эти буржуазные настроения — мне не говорят. Происходит какая-то чудовищная игра в прятки, и в результате — задушенная жизнь, опозоренное имя, опозоренное искусство, обреченные на нищету и сиротство семья и маленькие дети.

Может быть все это обвинение — не более, чем декорация, и в основе моего дела лежит неизвестная мне как никуда злостная клевета, какое-нибудь извращение моих литературных вранов? Трудно предположить, что на основании столь непрочного, столь явно распадающегося обвинения, я, советский писатель, уже 6 лет, как лишен свободы. Но здесь я могу лишь только беспомощно пожать себе голову, теряясь в догадках, ибо в точности мне ничего неизвестно.

В первые годы моего заключения я неоднократно обращался к Нар. Комиссару НКВД, Верховному прокурору

Знаменательно, что предыдущий абзац этого же письма не только содержит важную информацию о составе библиотеки Заболоцкого ленинградского периода (до ареста), но и свидетельствует об интересе поэта к древнерусской словесности: «Ты пишешь, что не продала классиков из моей библиотеки, — продай прежде всего 20 томов в картонных крышках библиотеки Брокгауза и Эфрона — Шекспира, Шиллера, Пушкина, Мольера, Байрона. Это библиотека стоила мне 1700 р. Вероятно, она и сейчас стоит не дешевле, — только продавать нужно целым комплектом. Вообще, хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, Лермонтов, Достоевский, книги, относящиеся к «Слову о Полку Игореве» и Руставели. Есть также малоценные, но нужные мне книги, напр., Памятники отреченной литературы, библиотека Чудинова (Нибелунги и пр.)».⁵⁴

III

Центр исследовательского внимания в работах Е. К. Ромодановской о крестьянских видениях — «только собственно рассказ очевидца, точнее те детали, которые имеют значение для прояснения литературных проблем, в том числе жанровых».⁵⁵ Отдельно оговаривается, что автор не касается «ни сути следствия, ни судьбы «ясновидцев» («тайнозрителей»), ни даже вопроса о том, действительно ли они «имели видение»»,⁵⁶ ибо «видения пронизывают всю жанровую систему древнерусской литературы и являются существеннейшим элементом агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия».⁵⁷

В стихотворении «Сон» (1953) ощутима жанровая природа видения и хождения (хожения):

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной. <...>

⁵⁴ Заболоцкий Н. А. Лагерные письма. С. 250. Речь идет об издании: Памятники отреченной литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым: В 2 т. СПб., 1863. Николай Саввич Тихонравов (1832–1893) — историк литературы, археограф. Александр Николаевич Чудинов (1843–1908) — писатель, издатель, педагог. С 1891 г. издал две серии «Русской классной Библиотеки»; 28 выпусков первой серии были посвящены русской классике; вторая (вышло 26 выпусков) называлась «Классические произведения иностранных литератур в переводах русских писателей» (1896–1904). Упоминаемая книга: Песнь о нибелунгах: Немецкий народный эпос. СПб., 1896 (Русская классная библиотека).

⁵⁵ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян... С. 295.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 296.

Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой. <...>
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.⁵⁸

14 сентября 1955 г. у Заболоцкого случился инфаркт. Сын поэта пишет: «Два месяца пролежал он дома — сначала совсем неподвижно, потом постепенно приучаясь к движениям. Он и Екатерина Васильевна строго выполняли предписания врачей и внимательно следили за течением болезни. Все дела и все посещения больного на это время были запрещены — приходили только врач и медицинская сестра. Заболоцкий лежал, и порой странные фантазии и видения завладевали его мыслями. Отголосок этих состояний слышен в стихотворении “Бегство в Египет” (1955)».⁵⁹

Стихотворение напоминает о состоянии, называемом на языке исследуемых Е. К. Ромодановской документов «тонок сон».⁶⁰

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

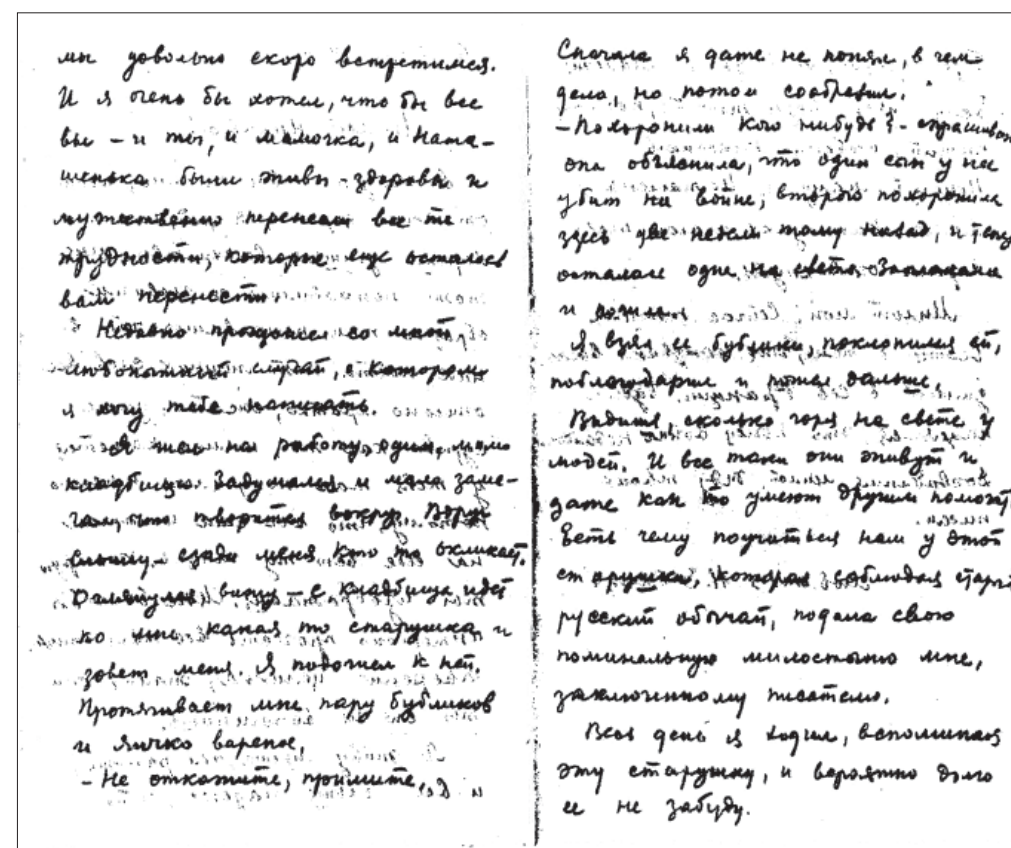
⁵⁸ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 250–251.

⁵⁹ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. С. 535–536.

⁶⁰ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян... С. 299.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.⁶¹

Сюжет позднего стихотворения «Это было давно» (1957) восходит к эпизоду, описанному в письме к сыну из села Михайловское Алтайского края от 6 июня 1944 г. Весной этого года поэт получил разрешение проделывать восьмидесятикилометровый путь до места работы в лагерном управлении при содовом комбинате «Малиновое озеро» без конвоя:

Письмо к сыну от 6 июня 1944 г. Разворот.

⁶¹ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 268.

Недавно произошел со мной любопытный случай, о котором я хочу тебе написать.

Я шел на работу, один, мимо кладбища. Задумался и мало замечал, что творится вокруг. Вдруг слышу – сзади меня кто-то окликает. Оглянулся, вижу – с кладбища идет ко мне какая-то старушка и зовет меня. Я подошел к ней. Протягивает мне пару бубликов и яичко вареное.

— Не откажите, примите.

Сначала я даже не понял, в чем дело, но потом сообразил.

— Похоронили кого-нибудь? — спрашиваю. Она объяснила, что один сын у нее убит на войне, второго похоронила здесь две недели тому назад, и теперь осталась одна на свете. Заплакала и пошла.

Я взял ее бублики, поклонился ей, поблагодарил и пошел дальше.

Видишь, сколько горя на свете у людей. И все-таки они живут, и даже как-то умеют другим помогать. Есть чему поучиться нам у этой старушки, которая, соблюдая старый русский обычай, подала свою поминальную милостыню мне, заключенному писателю.

Весь день я ходил, вспоминая эту старушку, и, вероятно, долго ее не забуду.⁶²

В стихотворении 1957 года:

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шел по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,

⁶² Заболоцкий Н. А. Лагерные письма. С. 295. Противопоставление «Недавно произошел со мной любопытный случай...» (в письме) и «Это было давно» (в стихотворении) отмечено в статье: Малкина В. Я. Лирический сюжет стихотворения Н. А. Заболоцкого «Это было давно» // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Фольклористика. 2008. № 9. С. 75–82. Название и размер (пятистопный анапест) отсылают к стихотворению С. А. Сафонова «Это было давно...» (1895); оно лежало в основе популярного в начале столетия романа (см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Т. 2. Л., 1988. С. 281–283, 474).

И творя поминанье,
В морщинистой темной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.⁶³

Художественную природу образа *седой крестьянки*, как он переосмыслен спустя много лет в стихотворении, проясняет работа Е. К. Ромодановской о специфике жанра видений в народно-крестьянском бытовании: «Наиболее своеобразно представление о Богородице у малолетней крестьянки Елисаветы Козминой. Ее отец, со слов дочери, показал, “что де пришла к ней Богородица, явилась старухой седатой и спрашивала про хлеб” (IV, л. 26). Сама Елисавета описывает ее подробнее: “...пришла де к ней старуха седата, на ней сарафан черной, рубаха белая без [з]бору... И она ж де, старуха, у сонной спрашивала, много ли де у них хлеба. И она, де, Елисавет, во сне сказала, что де у них толко имеется с квашню...” (IV, л. 25). Соседи, которым Елисавета говорила о своем видении по свежим следам, запомнили некоторые подробности: “Пришла де к ней старушка в сонном видении, в черном сарафане, рукава у рубашки по-старинному наборные и спущены, подвязаны платом” (л. 27). Судя по всему, Богородица предстает в облике старой седой сибирской крестьянки, в чисто русском костюме. Никто из собеседников девицы, как можно думать, не возражал против такого ее портрета: он, по-видимому, был по-человечески ближе им, чем “иконный” облик».⁶⁴

Отметим в заключение, что и официальная автобиография (для отдела кадров Союза советских писателей, 1948), и очерк «Ранние годы» (1955), «кристально чистый по пушкинскому звуку» и «выделяющийся на фоне образов детства, как его писали современники поэта»,⁶⁵ начинаются рассказом поэта о своих крестьянских корнях: «Мой дед, крестьянин б. Вятской губернии

⁶³ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 301.

⁶⁴ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян... С. 303.

⁶⁵ Корниенко Н. В. «И любовь, и песни до конца»: Лирика Заболоцкого и песенные контексты советской литературы // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества: Материалы науч.-лит. чтений, посвященных 100-летию Н. А. Заболоцкого (1903–2003). М., 2005. С. 132

Агафон Яковлевич Заболоцкий, возвратившись на родину после двадцатипятилетней николаевской службы, записался в мещане своего уездного городка (Уржум) и стал служить лесным объездчиком». ⁶⁶ «Прадедом моим был некий Яков, крестьянин, а дедом — сын его Агафон, личность, как мне представляется, во многих отношениях незаурядная». ⁶⁷

Никита Николаевич Заболоцкий отмечает: «Крестьянская тема отобразилась в немногих произведениях Заболоцкого, но с детских лет постоянно жила в его сознании». ⁶⁸

⁶⁶ Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 490.

⁶⁷ Там же. С. 494.

⁶⁸ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. С. 544.

ДВЕ РЕПЛИКИ ЗАПРЕДЕЛЬНОГО ДИАЛОГА ПОЭТА ЮРИЯ ЖИВАГО

Мы рассмотрим два текста из «Стихотворений Юрия Живаго», построенных как прямые обращения лирического героя к двум своим экзистенциальным собеседникам: к возлюбленной и к Богу. «Ветер» с первой строки вводит нас в балладную лирическую ситуацию взаимоотношений обитателей «того» и «этого» миров: *Я кончился, а ты жива*. Глухим отзвуком балладной угрозы из потустороннего мира звучит мотив *ярости бесцельной* (хотя и отвергаемый). Однако перед нами лирическое откровение не балладной жанровой стратегии, поскольку очевидно, что ветер устремляется к лирическому «ты» не из «нижнего мира» смерти, а из «верхнего мира» вечности.¹

Образ вечности в разбираемом стихотворении формируется пространственными отношениями всеобщности, множественности. Ветер раскачивает не отдельные деревья, *А полностью все деревья* (ритмический курсив текста), не лермонтовский «парус одинокий», а устойчивые *парусников кузова*. Надо полагать, парусники имеются в виду тоже все, поскольку морская гладь *беспредельна*, хотя и является *гладью бухты*, то есть частично ограничена (своего рода подобие соотношения смертной жизни и вечности).

Местоположение этого текста в цикле можно признать неожиданным. Он помещен среди стихов с достаточно очевидной мотивикой земной, плотской любви («Объяснение», «Хмель», «Осень», отчасти «Белая ночь» и «Свадьба»). Казалось бы, данное стихотворение уместнее расположить после «Зимней ночи», «Раздуки» и «Свидания». Впрочем, и два последних текста логичнее было бы поменять местами, а стихотворению «Земля» место скорее в первой части цикла, а не среди текстов на евангельские темы.

Остается предположить, что композиция цикла определяется не логикой и не хронологией, а иными закономерностями. Вечность — вневременная, асинхронная реальность. Очевидно, что лирический герой Живаго в целом ряде своих произведений говорит с позиции вечности. Но, похоже, и в стихах на «обиходные» темы² позиция лирического «я» аналогична: любовное вглядывание в преходящую обиходную повседневность с высоты вечности. Еще в начальной части романа повествователем было заявлено *чувство счастья по*

¹ Подробнее см.: Тюпа В. И. «Доктор Живаго»: композиция и архитектура // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 380–410.

² Ср.: *За этим плачем по Ларе он также домарывал до конца свою мазню разных времен о всякой всячине, о природе, об обиходном* (XIV, 14). Здесь и далее в скобках после цитаты из романа римская цифра обозначает часть, арабская — главу.

Сектор литературоведения Института филологии СО РАН. Конец 1990-х гг.
Е. К. Ромодановская, И. В. Силантьев, А. А. Курышева, В. А. Ромодановская,
Е. Н. Проскурина, Т. И. Печерская, В. И. Тюпа, М. Н. Дарвин, Н. А. Блохина, А. П. Якимова

поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом (I, 7).

«Ветер» в этом отношении в окружении смежных текстов представляется странным виденьем грядущей поры («Рождественская звезда»), прозрением предстоящей разлуки и потустороннего любовного чувства, выразителем которого оказывается вселенский ветер, владеющий всею далью беспредельной. В прозаической части романа природа нередко относится к герою «по-человечески», с психологической определенностью. В некоторых ее «жестах» Юрию Андреевичу чудилось чье-то таинственное послание. Теперь он сам наделяет своего лирического героя способностью к такого рода духовным деяниям, одушевляющим природу.

Поэтический плач по Ларе — вовсе не оплакивание своей смертности или покинутости. Это ответный дар той, чье жертвенное существование приносило поэту умиротворенность, которая приходила как утешение, лично посланное ему с дороги едущей, как далекий ее привет, как ее явление во сне или как прикосновение ее руки к его лбу (XIV, 14).

Явными повторами анаграмматической значимости для данного текста являются, в первую очередь, А (15) и Е (13) в ударном положении (остальные глас-

ные — всего лишь по 2). Обилие А, как это широко распространено в русской поэзии вообще, семантически соотносится с открывающим текст Я. Анаграмматическим ключом к повторам ударного Е может служить, конечно, «ветер», но не только. Вслушаемся в завершающую строку: *Тебе для песни колыбельной*. Частотность А и Е создают своего рода анаграмматическое резюме лирического высказывания: Я — Тебе. При этом ключевое словосочетание, определяющее суть этого послания, — *Слова для песни колыбельной* — подчеркнуто повтором наиболее частотных согласных стихотворения С (18) и Л (17).

Парадоксальность поэтической мысли данного стихотворения состоит в том, как балладный хаос (бури, смерти, войны, революции) претворяется в идиллический порядок вечной колыбели.

Стихотворение «Рассвет», будучи тоже репликой потусторонней направленности, еще очевиднее пронизано противостоянием смерти и жизни вечной (определяющим архитектуру романа в целом). На уровне ритмики обнаруживаются два ритмических курсива-антипода: *Всю ночь читал я Твой завет* (два спондея) ↔ *И вымершие мостовые* (два пиррихия). Если вторая из этих строк актуализирует мотив смерти, то первая говорит о «благой вести» ее преодоления.

Разумеется, ни одно из «Стихотворений Юрия Живаго» не может квалифицироваться как более значимое или менее значимое. И все же по поводу многих текстов цикла хочется сказать, что данное стихотворение имеет особое значение. Так ведь и каждая человеческая личность имеет в жизни людей свое, совершенно особое значение.

Ключевая значимость некоторых поэтических творений романного героя обеспечивается их местоположением в цикле: начальным, финальным, центральным или на переломе «золотого сечения». Особая значимость живаговского «Рассвета» в другом.

Во-первых, лирический герой цикла возвращается к прямому диалогу с Творцом, прозвучавшему в «Гамлете». Кстати, напомним, что повествователь прозаических частей романа, неожиданно коряво (тройной повтор одного слова в трех строчках) комментируя запись Живаго о языке урбанизма и роли города в жизни современного человека, говорит: *В сохранившейся стихотворной тетради Живаго не встретилось таких стихотворений. Может быть, стихотворение «Гамлет» относилось к этому разряду?* (XV, 11). Похоже на подсказку для вдумчивого, ищущего смысловые связи читателя: именно «Рассвет» в полной мере урбанистичен.

Во-вторых, строка *И как от обморока ожил* отсылает к финалу «Сказки» и побуждает увидеть в лирическом герое очередную инкарнацию св. Георгия Победоносца, чем легко объясняется слово *победа*, достаточно неожиданно увенчивающее текст. Подобно Егорию Храброму он готов *всех поставить на колени*, то есть обратиться к покаянию и возвратиться к вере. Можно сказать, что лирическое «я» «Рассвета» — это герой «Сказки», очнувшийся в трамвайной Москве.

Наконец, в-третьих, вспомнив книгу Пастернака «Темы и вариации», по аналогии можно увидеть в «Рассвете» еще одну своеобразную вариацию на тему пуш-

кинского «Пророка». Снова «Бога глас ко мне воззвал», и вновь следует «глаголом жечь сердца людей». Однако вместо «жалкой пустыни» — *улицы в снегу*, которые, показавшись *вымершими*, на глазах лирического героя энергично оживают. Лирическая ситуация пророческого присутствия в мире радикально меняется.

В пушкинском претексте художественная ситуация преобразования человека в пророка целиком локализована в прошлом. У Живаго художественное время упорядочено триадой давно прошедшего (*долго-долго; много-много лет*), недавнего рубежного прошлого (*Всю ночь читал я твой завет*) и настоящего, которому отданы последующие шесть строф из восьми — основная часть стихотворения. Поначалу это динамическое настоящее: *В течение нескольких минут...* Но в заключительной паре строф длящееся настоящее почти незаметно преображается в статичное, неограниченное, вечностное настоящее, которое зеркально переключается с необозримым прошлым начальных строк (*Ты значил всё*).

В отличие от прошлого времени настоящее организовано пространственными отношениями. Неявная вертикаль нисхождения пророка к людям (*И я по лестнице бегу*) сменяется горизонталью заснеженных (то есть безлюдных) *улиц и вымерших мостовых*. Но сразу же после этих слов в начале пятой строфы, то есть на переломе, строго посередине текста звучит: *Везде встанут...* Обратное нисхождению движение людей вверх, выступает ответным жестом, невольно ориентированным навстречу вестнику *завета*.

С этого момента складывается принципиально новая лирическая ситуация соборного единения пророка с людьми — единения, которое знаменательно подчеркивается ритмическими параллелями:

*Мне к людям хочется, в толпу (я) // Пьют чай, торопятся к трамваям (они);
И как от обморока ожил (я) // И чтобы во-время поспеть (они);
Все мчатся недоев-недопив (они) // Я чувствую за них за всех (я).*

Особо обращает на себя внимание ритмический и частично синтаксический параллелизм строк: *Как будто выхожу впервые* (от себя — к ним) и *Как будто побывал в их шкуре* (возвращение к себе — в новом качестве).

Единение с другими существованиями³ в данном случае обеспечивается сверхъестественными способностями «внимать», обретенными еще пушкинским пророком: *Я чувствую за них за всех*. И даже *таю сам, как тает снег*, хотя до пророческого исступления (выхода за рамки своего бытия) даже в природе ситуация была иной: *улицы в снегу*. Строка *В воротах вьюга вяжет сеть* (вынуждающую людей спешить, *недоев-недопив*) возвращает к мотиву смерти, однако пророческое таяние преодолевает эту символическую преграду.

Принципиально значимо, что, если в начале порыва к людям они представлялись *толпой*, то в конце стихотворения это соборное множество, куда входят различные

³ Незадолго перед смертью Юрий Андреевич размышляет о нескольких, развивающихся рядом существованиях, движущихся с разной скоростью одно возле другого (XV, 12).

способы существования: *Деревья, дети, домоседы* (вспомним, что пушкинский пророк «внял» и «дольней розы прозябанье»). Финал стихотворного текста знаменательно перекликается с немаловажным для личного опыта Юрия Андреевича романским эпизодом — с завершением расчистки пути на станции Нижний Кельмес: *Они в первый раз увидели друг друга в полном сборе и удивились своему множеству* (VII, 16).

«Я» и «все» (другие) суть смысловые полюса данного стихотворения, проявляющие себя в ассонансной структуре текста как повторы ударных А (25) и Е (27). Например: *Я тАю сАм, как тАет снег и дерЕвья, дЕти, домосЕды*. Динамика этой поляризации такова: от *Я всё готов разнести в щепу / И всех поставит на колени к Я ими всеми побежден / И только в том моя победа*. Однако на фонематическом уровне торжество «всех» (пять Е против двух А в заключительной строфе) далеко не очевидно. Оно и понятно: лирический герой переживает свое поражение как победу.

Парадоксальный итог стихотворения — победа побежденного, — несомненно, нуждается в прояснении. Нечто подобное уже было в «Сказке», где хотя дракон и сражен, но и конный — повержен. Однако там такого рода амбивалентность связана с мотивом христианской жертвенности, здесь же мотивировка иная.

Наиболее частотным в данном тексте является повтор У (36), ощутимый и в безударном положении, поскольку редукция этой гласной в русском языке не имеет фонематического значения. Ключевыми для ассонанса У в «Рассвете» служат: слово *уют* (человеческий), а также словосочетание *ни слуху, ни духу* (о Боге). Тем самым, данный повтор оказывается носителем мотива приземленной, сугубо человеческой жизни. Он синонимичен повтору Е, манифестирующему значимое присутствие «всех». Именно У озвучивает единение «я» и всеобщей земной жизни, особенно в предпоследней строфе, где сходятся восемь А и девять У:

*Я чУвствУЮ за них за всех,
Как бУдто побывАл в их шкУре,
Я тАЮ сАм, как тАет снег,
Я сАм, как Утро, брови хмУрю.*

Но наиболее знаменательным следует признать повтор ударной фонемы О — во второй строфе десятикратный:

*И через мнОго-мнОго лет
ТвОй гОлос внОвь меня встревОжил.
Всю нОчь читал я ТвОй завет
И как от Обморока Ожил.*

Здесь всего одна фонема У, мотив бытового *юта* предельно приглушен. Ассонанс О, несомненно, озвучивает *Твой голос*. Не удивительно, что в ударном положении он количественно ведущий в тексте стихотворения — 29.

Однако между всеми этими повторами в ассонансной структуре текста не возникает семантических конфликтов, что, в общем, весьма нечастое явление для

высокой поэзии, обычно активно использующей смысловый потенциал звуковых противопоставлений. Так, в заключительной строфе при ослаблении присутствия ударной А (всего две), знаменующей мотивный комплекс «я», встречаются пять Е и пять О. Вместе они составляют звуковую доминанту строфы, но ведь они представляют различные мотивные комплексы: «все» (люди) и «Бог».

Дело, по-видимому, в том, что с последовательно христианской точки зрения человек и Бог не являются полюсами миропорядка. Бог является человеку в облике других людей. Иисус учил: «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:37–40).

Откровение, постигающее лирического героя «Рассвета», состоит в том, что он усмотрел богоявление в простой повседневности человеческой жизни. *Разнести в щепу* означало бы вернуться к пережитой *разрухе*, а бороться за веру против «всех» означало бы бороться против самого Бога. Победенный «всеми» побежден самим Богом, а потерпеть такое поражение означает одержать победу над собой, над своей самодостаточностью. Именно это и происходит с субъектом рассматриваемого лирического высказывания. В христианской традиции такого рода самоумаление именуется «кенозис» и соотносится в первую очередь с фигурой Иисуса Христа.

Пушкинского пророка ветхозаветный Бог противопоставляет людям: «исполнишь волею моею» и «глаголом жги сердца людей». Пророк Живаго выбегает к людям с тою же установкой, поскольку устремляется на *вымершие мостовые*, но вместо смерти обретает на городских улицах жизнь. Ритмический параллелизм акцентирует строки оживления-преображения: *В их утреннее оживление* и *Вид города неузнаваем*. Ритмический рисунок этих строк (пиррихии во второй и третьей стопах) почти совпадает с ритмическим курсивом о «вымерших мостовых», однако спондей первой стопы, отсылающий к противоположному ритмическому курсиву, неузнаваемо преобразует их смысловую значимость. А пророк, который *побывал в их шкуре*, уже не противопоставляет себя людям: *Со мною люди*, — через жизнь которых (дарованную Богом) ему и является сам Бог.

«Побывать в шкуре» тех, через кого совершается богоявление, это воистину означает «облечься силою свыше» (Лк. 24:49). Апостол Павел в послании к римлянам пишет о рассвете человеческой духовности: «Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света <...> облечитесь в Господа нашего» (Рим. 13:12–14).

Читатель пастернаковского романа нечасто отдает себе отчет в том, что лирический субъект «Рассвета» разговаривает не с ним, а с Творцом — на протяжении всего текста, а не только в двух начальных строфах. Точнее, к читателю текст обращен как к одному из «всех», соборно олицетворяющих Бога. В жанровом отношении данное стихотворение следует рассматривать не как идиллию и, тем более, не как элегию, но как высокое послание.

ТЕМА МАТЕРИНСТВА В ПОЭЗИИ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА): К 60-ЛЕТИЮ ПОЭТА

ве стихии — культура Православия и русская народная культура — органично слиты в теме материнства, которая является важным смысловым ядром поэзии иеромонаха Романа (Матюшина). Рассмотрим, как развитие этой темы организует в творчестве поэта уровни художественного пространства и его ценностно-смысловых параметров. Это и станет задачей данной статьи.

Первый уровень художественного пространства в поэзии и. Романа определяется созданием образа идеальной земной матери, рождающей детей и тем самым сохраняющей и продолжающей преемство поколений в семье. Русская традиционная культура во всем ее богатстве раскрывает жизненные основы такого идеального образа. Тепло — одно из первых впечатлений, которое ребенок получает, зародившись в материнском лоне, а затем — появившись на свет. «При солнце — тепло, при матери — добро», — с раннего детства каждый знает пословицу, которая соотносит материнский образ с животворным дневным светилом, а также с теплом родного дома, сотворенным материнскими трудами. И во множестве стихотворений, посвященных Зое Николаевне Матюшиной, сын-поэт воссоздает теплые картины детства и облик матери-хранительницы домашнего очага:

...Мать моя затопит печку русскую,
Заиграют блики на стене.
Треск поленьев деревенской музыкой
Отзовется с дремою во мне...¹

Мама утром меня подымала,
Поставляя на стол калачи.
Мама утром меня согревала
Пробуждением русской печи.

За окошком метель завывала,
Все дороги, видать, занесло,
Только это совсем не пугало:
Мама в доме, а значит — тепло.²

¹ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. Стихи. Духовные песнопения. Минск, 1998. С. 287.

² *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. Минск, 2004. С. 34.

Елена Константиновна Ромодановская с дочерью. 28 марта 1970 г.

[718]

Традиционно в народе к рождению ребенка относились как к Божьему дару. И принимали с любовью и благодарностью, о чем свидетельствуют пословицы: «Дети — благодать Божья», «Детей много — не забыт у Бога». Это подтверждают и высказывания женщин: «Как бы тяжело ни жилось, сколько бы в семье детей не было, а матушка-брюхатушка к своему еще не родившемуся дитю относится с любовью, лелейностью, ждет его богоговейно».³ Народная точка зрения выражена и в поэзии и. Романа, причем материнская любовь к ребенку словно является отражением Божьей любви к своему созданию:

Ликуй, душа, взирая на Христа,
И радуйся своей блаженной доле.
Не знаю большей радости, чем та,
Что ты явился в мир по Божьей воле.

Не о себе лишь только говорим,
Рожденье всем дано святым залогом:
Ты на земле, и значит, ты любим,
И ты любим не кем-нибудь, а Богом!⁴

Важнейшее свойство в образе матери — ее жертвенность и готовность дать все самое лучшее своему ребенку. В любой семье таким чудным даром была колыбельная песня.⁵ С первых дней жизни младенец слышал нежные слова, обращенные именно к нему, единственному и самому дорогому существу. О том, как материнская любовь естественно находит выход в колыбельных песнях, вспоминает и поэт:

...Был перевит напевом колыбельным,
Несущим материнское тепло,
В любой избе родительницы пели —
Тогда еще хватало нежных слов.⁶

В традиционной семье женский труд — подвиг не меньший, чем воинский. Недаром пословица сравнивает орудия повседневного женского обихода с оружием: «Тугой лук — коромыслице, калены стрелы — веретеньца». Дети с младенчества видели перед собой добрый материнский пример трудолюбия. Этот нравственный урок усваивался поистине с молоком матери. Образцом

³ Этнография детства / Запись, сост., нотации и фотографии Г. М. Науменко. М., 1998. С. 13.

⁴ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 315.

⁵ См.: Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М., 2002. С. 57–84.

⁶ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 188.

[719]

трудолюбия была для своих детей и Зоя Николаевна Матюшина. Сельская учительница, она в полной мере помимо учительского труда несла на своих плечах тяготы жизни в российском селе начала и середины XX века. Но сын унаследовал от матери и радость созидательного труда на земле. Этот мотив звучит в его детских воспоминаниях и отзывается во множестве стихотворений. Вот одно из них:

Давным-давно, совсем еще ребенком,
Когда мечтой и чистотой дышал,
При матушке, да на родной сторонке,
Под листопадом яблоньки сажал...

Длиною с детство счастье земное,
Пройдет оно — и каждый станет сир...
А яблони, посаженные мною,
Так разрослись!.. Им тесен детский мир.⁷

«Крещение — второе рождение», — говорят в народе. Радость духовного рождения в отрочестве поэт вновь переживает в стихотворении «Отрок Христов»:

...Радостный день не забыть,
Вроде и солнышка нет.
Как же в душе мог светить
Тот удивительный Свет?

Помню, вернулись домой,
Крестик целую, так рад!
— Господи Боже, я Твой!
Отрок Христов Александр.⁸

Воспитание в русской семье издавна было тесно связано с кругом годовых календарных праздников, духовно ориентированных на православную традицию.⁹ Например, дети в зимние святки исполняли во время обхода домов безыскусные песенки о Рождестве Христа, о Его Пречистой Матери, Ее заботе о Младенце. Особая чистота и теплота этих произведений отчетливо накладывались на детское воспоминание о теплоте ласковых материнских рук, нежности родного голоса и безграничной доброте каждой

⁷ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Давным-давно,_совсем_ещё_ребёнком_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Давным-давно,_совсем_ещё_ребёнком_(иеромонах_Роман))

⁸ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 309.

⁹ См.: Детский фольклор. С. 169–188.

матери по отношению к своему дитяти. Так в душе ребенка, росшего в лоне традиционной культуры, закладывались основы христианского вероисповедания.

Становление мировоззрения и. Романа, хотя и пришлось на пору официального государственного безверия, неразрывно связано с влиянием матери. В стихотворении, посвященном З. Н. Матюшиной (в иночестве — матушке Зосиме), сын вспоминает даже вполне бытовые обстоятельства общения с матерью, которые вели к обретению веры:

Я заболел — с простудами дружил.
Хотя, откуда? Помню — было лето.
Скорее, Милосердый посетил,
Чтоб мне коснуться Неземного Света.

Ты стала чадо чтеньем утешать.
А я глядел на чудные картины.
И встрепенулась детская душа, —
Узнала Человеческого Сына.¹⁰

Оглядывая путь от детства к благодатному монашескому одиночеству среди псковских болот в скиту Ветрово, инок находит точное определение для великой роли матери в своей судьбе:

...О, приснопоминаемая мать!
Ты, надрываясь, плакала украдкой,
Что не могла порою детям дать,
Как говорится, малого достатка.

Но даже, если б в рúбище ходил,
Я все равно б тебя благословил!

По гроб должник! Чём за твое воздать?
Ты Бога мне дала, святая мать!¹¹

Образ матери в поэзии и. Романа сплетается с образом жизненной дороги, по которой каждый человек, появившись на свет и повзрослев, идет в широкий мир от отчего порога. Направление пути, его высшая цель, преодоление препятствий и конечный результат во многом зависят от верного материнского напутствия:

¹⁰ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Я_заболел_-_с_простудами_дружил_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Я_заболел_-_с_простудами_дружил_(иеромонах_Роман))

¹¹ Там же.

...А первый дом согреет и отправит,
Мать перекрестит с отчего крыльца.
А дом казенный болью напичкает,
А в третьем — коридоры без конца.¹²

Незримой поддержкой на трудном пути является материнская молитва. Она символически выступает в зримом образе материнского посоха в руках путника:

В путь нелегкий и неблизкий,
Сквозь дожди и тьму,
Только посох материнский
Я с собой возьму...

Старый посох, тонкий посох,
Медная труба,
Неужели ты мне послан
Как моя судьба?

Не оставь меня, родная,
Помоги мольбой,
Сколько будет, сам не знаю,
Длиться путь земной...¹³

Образ идеальной матери в народной культуре несет в себе черты помощницы, заступницы, предстательницы. Тревожась за судьбу ребенка, она защищает его своей молитвой. Пословицы убедительно рисуют этот образ: «Мать праведна — ограда каменная», «Материнская молитва со дна моря достает», «Днем денна моя печальница, в ночь ночная богомольница». Стихи и. Романа находятся в согласии с народной верой в силу материнской молитвы о детях. Духовную глубину этой вере придает мысль о святом сыновнем долге молиться за мать:

Матушка молча склонилась,
Видно, просила душа,
Матушка тихо молилась,
Чтоб никому не мешать.

— О, Преплагая Царице!
Дай донести, дотерпеть,
Пусть ничего не случится
С тем, кто взывает к Тебе!

¹² Иеромонах Роман. Внимая Божьему велению. С. 289.

¹³ Иеромонах Роман. Радоваться Небу. С. 49–50.

Деток моих не остави,
Трудной порой помози,
Всякой обиды избави,
Мимо беду пронеси.

Тихое это моление,
Лампу, трескучий мороз,
В окнах узоров искрение —
Вот, что из детства донес.

Жизнь пролетела мгновеньем,
Как на шальном скакуне,
Но материнское пенье
Не замирает во мне.

Также зимою студеной
Молча в молитве склонюсь
И пред иконой моленою
Тихо о ней помолюсь.¹⁴

Устные предания о гибели ребенка по вине матери заключают в себе нравственное предостережение: человек за каждое свое слово и поступок несет ответственность перед Богом.¹⁵ Так и современный поэт-инок обнажает во многих своих произведениях трагическое разрушение тонких духовных связей между родными людьми и тем самым — нарушение народно-православных нравственных норм жизни:

Деревья. Листьев увяданье.
Стена приюта. За стеной
Сидит в казенном одеянии
Ненужный никому больной.

Его забыли все на свете —
У каждого свои дела.
Он в тягость и жене, и детям.
Жила бы мать, она б пришла...¹⁶

¹⁴ Там же. С. 239.

¹⁵ Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций). Онега; Архангельск; М., 2006. С. 54.

¹⁶ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Деревья_Листьев_увяданье_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Деревья_Листьев_увяданье_(иеромонах_Роман))

С преступлением царя Ирода сравнивает поэт грех матерей, убивающих детей во чреве:

А Ироду спасения не чаять:
За злодеянье милостей не ждут.
Младенцы, умерщвленные мечами,
Доныне у Престола вопиют...

О нем ли речь? Что нового на свете!
Поистине, Терпенье без границ.
О, матери! Прости меня, Содетель,
Что называю так детоубийц!

И все-таки! О, матери! Доколе!
Я заклинаю ради всех святых!
Не убивайте жмущихся от боли
Незрячих, безголосых, но ЖИВЫХ!..

Но жив Господь! Любое преступленье
Несет с собою высший приговор:
Родившиеся станут отомщеньем
За убиенных братьев и сестер!¹⁷

Нарушение нравственных норм ведет к расчеловечению человека, так утверждает поэт:

Пока источник источает,
А соль, естественно, солит,
Пока метелка подметает,
Никто их не уничтожит...

Но вот источник, словно лужа,
Набрался грязи, засмердел.
Теперь он и скоту не нужен,
И ясен всем его удел.

Когда метелка станет палкой,
Как ни верти со всех сторон —
Ее иль в печку, иль на свалку,
А соль испорченную — вон.

¹⁷ Иеромонах Роман. Внимая Божьему веленью. С. 428–429.

Таков закон всему творенью!
Не мы придумали сие.
Кто не несет предназначенья —
Зачеркивает бытие!

О, царь земли! И ты не вечен.
Чем званье сможешь оправдать?
Коль человек расчеловечен,
Ему беды не миновать!¹⁸

И выход из ситуации расчеловечения — только один:

...О, когда бы все Творца познали!
Был бы Рай на Родине моей.
Матерей в приюты б не сдавали
Выжившие в чреве матерей.¹⁹

Еще один вопрос касается народной нормы отношения к детям-сиротам. В воспоминаниях сына о своей матери, у которой первый муж погиб в Первую мировую войну, а маленькая дочь вскоре скончалась, мы видим высокий нравственный облик русской женщины — носительницы ценностей традиционной народной культуры. Выйдя вторично замуж за вдовца, она полностью берет на себя ответственность за судьбы, казалось бы, чужих ей детей.²⁰ Этот образ согласуется с этическим ориентиром в русских пословицах: «Не та мать, что родила, а та, что вырастила и в люди вывела», «Не строй церковь, пристрой сироту». Сострадая, поэт констатирует, что в современном мире нравственная норма отношения к сиротам, когда-то естественно присущая образу материнства, тоже разрушена:

Есть много слов, но в этом — боль сама
Змеею подкольной затаилась.
Как можно в детстве не окликнуть: — Мам!
И не услышать: — Что, сынок, случилось?

Полыни горше слово — сирота.
Душа щемит, а сердце забывает,
Что не был сиротою никогда,
Видать, чужою раною кровавит.

¹⁸ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Пока_источник_источает_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Пока_источник_источает_(иеромонах_Роман))

¹⁹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Счастлив_я!_Во-первых_—_знаю_Бога!_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Счастлив_я!_Во-первых_—_знаю_Бога!_(иеромонах_Роман))

²⁰ Не век жить — век вспоминать. С. 32.

Мир больше о сиротстве говорит,
А сам идет путем мероприятий.
И только Бог смертельное целит,
Приемля сироту в Свои объятия.²¹

Уже на первом, фундаментальном, уровне организации художественного пространства в поэзии и. Романа возникают устойчивые лексико-семантические маркеры темы материнства: тепло, свет, нежность, тишина, молитва, любовь. Так поэт, опираясь на личностный опыт переживания, в полном соответствии с ценностной доминантой культурно-национального мировидения создает образ святой земной матери. Образ Небесной Матери, к которой обращена материнская молитва о детях, завершает строительство идеального образа матери земной и порождает то понимание святости материнства, которое характерно в целом для носителя народной культуры.

В противоположность *святому материнству* на первом уровне организации художественного пространства возникает и образ *поруганного материнства* в лице детоубийц, которым дети мстят, в свою очередь отказывая родителям в любви и заботе. Это — образ лжематеринства, свидетельствующий о разрушении традиционных идеалов и норм в отношениях между людьми. Так как именно мать ответственна за то ядро человечности, которое складывается в раннем детстве и определяет тип личности на всю жизнь, значит, и ответственность за разрушение человечности, за расчеловечение человека, лежит также на ней.

Второй уровень художественного пространства поэзии и. Романа организует древний устно-поэтический образ земли-матушки. Это та черная, рождающая, кормящая и святая стихия, которую в своем творчестве нарекает матушкой сам народ.²² Веками трудящийся на земле, он почитает ее как мать. За великий грех считает ее осквернение нечистотой. Чтобы напитаться силой и победить, к ее животворящей груди приникают былинные богатыри, изнемогающие во время боя с неприятелем. В ее объятия возвращается после кончины каждый человек. Вот и в эпическом по стилю и духу стихотворении «Как на Красную Пасху, на Пасху Великую» земле-матушке в последний свой час кланяются монахи, принимая в монастыре христианский подвиг мученичества после ночной Пасхальной литургии:

...А под утро незванные гости являлись,
Обнажали мечи, полагали всех рядышком.

²¹ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 283.

²² См.: Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова; Прилож. и послесл. А. В. Кулагиной. М., 2004. С. 229–234.

Хоть на Пасху поклоны всегда отменялись, —
Как один, ударяли челом землю-матушку.²³

Но в современной жизни у лирического героя и. Романа нет возможности, подобно богатырю русских былин, припасть к родной земле, чтобы укрепиться телом и духом. Святая некогда для народа стихия осквернена разрушающей бесхозяйственностью людей XX века и потеряла свою животворящую силу:

А к сырой земле не прижаться мне:
Мать сыра земля в гари-копоти.
И сию один меж седых камней
Рядом с гибелью, возле пропасти...²⁴

Человек несет ответственность за осквернение земли не только вследствие древнего грехопадения Адама и Евы. Личная потеря своей душевной чистоты, забвение и нарушение человеком веками разработанных в традиционной народной культуре правил этноэкологической этики, тесно связанной с православной нравственностью, ведут мир к уничтожению святости и чистоты всей Вселенной:

Не случайно природа страдает —
У дорог догорают кусты.
О, земля! Что тебе не хватает?
Чистоты... чистоты... чистоты.

Каждый плачет, когда теряет,
Поминая бывшие мечты...
О, душа! Что тебе не хватает?
Чистоты! Чистоты! Чистоты!²⁵

...Одно зловоние и скверну
Несет Вселенной род людской.

И запах гари горько-стойкий
Пропитывает темноту...
Земля не хочет быть помойкой
И борется за чистоту.²⁶

²³ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Как_на_Красную_Пасху,_на_Пасху_Великую_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Как_на_Красную_Пасху,_на_Пасху_Великую_(иеромонах_Роман))

²⁴ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 221.

²⁵ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 26.

²⁶ Там же. С. 27.

На *третьем уровне* художественного пространства поэзии и. Романа древний устно-поэтический образ Матери сырой земли получает свое развитие как неповторимый по красоте и авторской индивидуальности образ Природы. Она своей любовью роднит друг с другом все живые существа — людей и зверей, птиц и растения. К ней обращается поэт-путник, предлагая ответную любовь:

Природа-мать, прими меня к себе,
Готов тебе я послужить с любовью...²⁷

В народе суеверные люди при входе в те или иные природные пространства всегда старались спрашивать разрешения на то у хозяина места. В монастыре принято перед дверью в келью брата или сестры прочитать молитву и войти внутрь только после отзыва на нее. А в детски-наивном стихотворении и. Романа, которое рассмотрим целиком, естественно уживаются эти две бытовые традиции — народно-мифологическая и православно-монастырская:

У входа в лес всегда стучу:
Никто не входит в дом без стука.
Молитву краткую шепчу —
И вот уже в гостях у друга...

Лирический герой стихотворения чувствует себя своим в доме матери-Природы, он с детской радостью прибегает к ее целительному покою. И свою ответственность за все живое воспринимает как особое, дарованное человеку благо:

Как хорошо во мхи нырнуть,
От всех на свете затеряться,
Целить лесным покоем грудь,
Боровиками любоваться!

И чувствовать себя своим
Среди зверей, среди пернатых,
И помогать порою им,
Без преступления виноватым.

Грибов сейчас полным-полно,
Поделим с белкой даровое.
Какое благо нам дано —
Ответствовать за все живое!..

²⁷ Иеромонах Роман. Стихи покаянные. Новгород, 1992. С. 10.

В последней строфе мотив сосновой свечи еще раз подтверждает, что когда-то населенное языческими суевериями лесное пространство освятилось для поэта светом христианской веры:

...Все чудно без людских причуд,
И жду во мхах, как в океане,
Когда сосновую свечу
Закат затеплит на поляне.²⁸

Образ Природы, нетронутой или созидательно сбереженной человеком, занимает в мирозерцании поэта чрезвычайно важное место и требует отдельного рассмотрения. Но для понимания развития темы материнства в поэзии и. Романа следует отметить, что данный, третий уровень художественного пространства подготавливает переход к следующим уровням — уровням высокого духовного плана:

...Природа помнит звание свое,
К небесному подъема человека.
Молчание зовущее ее
Восходит к Тайне Будущего Века.

О, Источивый Чудо-Бытие
В Любви Безмерной к суетному люду!
Ты Создал Велелепие сие
И Дал нам око радоваться Чуду...²⁹

Любящий взор поэта воспринимает природу как Храм, сотворенный Богом. Этот храм меняет свой облик в зависимости от времени года и суток, но, нетронутый разрушительным человеческим вмешательством, он в любую пору удивительно прекрасен. И в нем, как в Раю, все существа, изобильно его населяющие, непрерывно совершают службу своему Создателю:

...Ликует мир, Тобою Сотворенный,
Благовествует радость бытия.
И птахи славословят антифонно
По знаку канонарха соловья.

И восторгаясь Богозданным Храмом,
Стою один у радостных ветвей,

²⁸ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/У_входа_в_лес_всегда_стучу_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/У_входа_в_лес_всегда_стучу_(иеромонах_Роман))

²⁹ Иеромонах Роман. Внимая Божьему велению. С. 359.

Где липовым сладчайшим фимиамом
Кадит рассвет премудрости Твоей.³⁰

В прекрасном Богозданном Храме природы красуется главная его икона —
Святая Русь, одетая в ризу небесной синевы. И этот символический Богородич-
ный цвет — как обещание грядущего исцеления, столь необходимого земле,
захворавшей и истосковавшейся по чистоте:

Вот и солнце взошло. Хорошо!
Без него и зима метит обок.
И стою, обнимая душой
Голубые проталины облак.

О, лазурь! О, Святая Краса!
Без тебя и земля захворала.
Только радости ей — Небеса.
Впрочем, это, наверно, не мало.

Ничего утверждать не берусь.
Но узрел в торжествующей выси —
Не оставлена Господом Русь,
Коль она в Богородичной ризе.³¹

Четвертый уровень художественного пространства в поэзии и. Романа организован образом Родины-Матери, Отчизны-Матери, Матушки-Руси. Стихотворения, посвященные судьбе России и ее народа, составляют значительную часть творчества поэта, и по многообразию своего философского и художественного решения, безусловно, требуют отдельного детального осмысления. В данной статье рассмотрим этот пласт через развитие темы материнства. В первую очередь, важно отметить то, что мысль о глубочайшей личностной связи с Родиной и народом как с нерасторжимой единой сущностью присуща практически всем произведениям поэта, посвященным матери и детству в отчем доме. Связь эта возникла благодаря тому, что с колыбели, с молоком матери, на всю жизнь вошло в его душу народное устно-поэтическое слово:

...И вырос я среди простого люда,
Одною долею с народом жил,

³⁰ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Ночное_пенье_многих_оживило_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Ночное_пенье_многих_оживило_(иеромонах_Роман))

³¹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Вот_и_солнце_взошло._Хорошо!_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Вот_и_солнце_взошло._Хорошо!_(иеромонах_Роман))

Вбирал в себя частушечную удаль
И горечь причитаний у могил.³²

...Сколько былей-небылиц, тепла
Мне душа народная дала!
Слушал я, Россию познавал
И по разговору засыпал.³³

...Высокой печалью охвачен,
Народною скорбью тужил...
О, песни, подобные плачу,
Кормилицы русской души!...³⁴

Лейтмотивом во многих стихотворениях звучит мысль поэта о том, что, несмотря на все тяготы жизни, Родина и мать для каждого — единственные и неповторимы:

...О Родина! Ты, как и мать, одна!
И потому не требую отчета
За ту свободу, что даёшь сынам —
Свободу восходить на эшафоты...³⁵

В шкале духовных ценностей поэта в нерасторжимой связи выступает триединство Бог — Мать — Родина:

Счастлив я! Во-первых — знаю Бога!
Во-вторых — имел святую мать.
Ну и в-третьих — с отчего порога
Стал Россию Родиною звать...³⁶

...Где ты, детство славное,
Что дало мне главное:

³² *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 188.

³³ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Печка_Русская!_Кормилица_Руси!_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Печка_Русская!_Кормилица_Руси!_(иеромонах_Роман))

³⁴ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Устрою_по_детству_поминки_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Устрою_по_детству_поминки_(иеромонах_Роман))

³⁵ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 305.

³⁶ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Счастлив_я!_Во-первых_—_знаю_Бога!_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Счастлив_я!_Во-первых_—_знаю_Бога!_(иеромонах_Роман))

Словеса заветные —
Бог, Россия, мать...³⁷

Тема материнства связана в поэзии и. Романа с темой сыновства как особого отношения к матери, которое обусловлено не только фактом рождения, но и наследованием от нее традиционной системы ценностей. Духовно-культурная принадлежность человека к определенному народу благодаря полученному от матери наследству ставит его и в отношении сыновства к Родине. На этом основании поэт утверждает духовное сродство каждого человека с Россией и ответственность каждого за ее судьбу:

Меня однажды в юности спросили:
— Кем ты будешь, если выйдет звездный час?
— Хотелось бы стать совестью России.
— Не много ли?
— Коль с Богом — в самый раз.

Для верных сыновей сие по силам,
Хоть немощны и поступью хромы.
Мы все должны быть совестью России.
Что странного? Россия — это мы!³⁸

Рядом друг с другом в творчестве и. Романа проходят два лика Родины-Матери — Русь Святая, та, что в Богородичной ризе, и Россия поруганная, нищая, разоренная. Во множестве стихотворений поэт неотступно, с душевной болью взывает к совести каждого человека и к соборной совести народа, зовет исполнить сыновний долг:

Дорогие мои, это все!
Отовсюду хула и глумленье!
Нас теперь только чудо спасет,
Да хотим ли мы сами спасенья?..

О, народ мой! Довольно дремать
Помолись перед Подвигом Богу.
Православная Родина-Мать!
Двери ада тебя не возмогут!³⁹

Повинуясь голосу своей совести, которая, по слову поэта, есть совесть

³⁷ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 213–215.

³⁸ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 99.

³⁹ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 403.

России, он обращается к соотечественникам и просит каждого всмотреться в себя и определить личную жизненную позицию. Понять, кто кем является и достаточно ли имеет духовных сил, чтобы спасти Родину-мать:

Есть Лики, лица, физии и рожи
(Отчасти знают все, на что похожи).
О Лике можем только лишь мечтать,
Его творит Христова Благодать...

Лицо имеет тот, кто честь имеет,
Кто Родину свою, как мать жалеет,
Кому нутро беда ее щемила,
Кому Святыня — отчая могила...⁴⁰

Саркастически обращаясь к «всезнающим незнайкам», к «всевидающим слепцам», в круг которых включает и себя, инок опасается самого страшного — расхождения слов с делами, в первую очередь, с делом спасения своей души, единственным залогом спасения Родины-Матери:

Из остатков храмовых мозаик
Хочет всяк сложить свое лицо.
Много нас, всезнающих незнаек,
Много нас, всевидающих слепцов!

До чего же правильные речи!
Все радеем за Отчизну-Мать.
Сами ж от спасения далече,
Нам ли нашу Родину спасать?⁴¹

Следуя предназначению, согласно которому он встал на путь иноческого подвига, поэт своими стихами, словно звонарь на колокольне, созывает на молитву всех, кто способен обратиться к Богу. Голосом его звящего колокола-слова Святая Русь будит своих сыновей. Таких поистине набатных стихотворений и песнопений, спетых негромко и просто, в творчестве и. Романа множество. Это голос совести и чести:

Русь Святая зовет,
Звон плывет, как встарь.

⁴⁰ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Есть_Лики_лица_физи́и_и_рожи_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Есть_Лики_лица_физи́и_и_рожи_(иеромонах_Роман))

⁴¹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Из_остатков_храмовых_мозаик_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Из_остатков_храмовых_мозаик_(иеромонах_Роман))

Русь Святая живет,
Пока звонит звонарь.

Бом, бом, бом — где ж вы, сыны русские,
Бом, бом, бом — почто забыли Мать?..⁴²

В числе тех, кто слышит призыв погибающей Руси, поэт в первую очередь называет жен и матерей, хранящих в душе свет веры:

Деревни и села, похоже,
У братской могилы стоят.
Но женщины в Праздники все же,
Как могут, молитвы творят.

О муже, который гуляет,
О сыне, который сидит,
О дочке, что тяжело хворает, —
За всех ее свечка горит.

Поплачет, вздохнет с облегченьем,
И вроде не давит беда...
Есть женщины в русских селеньях!
И верим, что будут всегда!⁴³

Любите Родину! Она у нас одна.
В благословенье Господом дана.
У Царственной отнюдь не царский вид,
Но Истину, как никогда, хранит.

И пусть себе гогочущие скачут,
Нам сказано: Блаженны те, кто плачет.
А значит, есть Надежда и в кручине!
О, Родина! Души моей Святыня!⁴⁴

Живое, сыновнее сопереживание инок судьбе Родины-матери, умение видеть за антиномиями ее внешнего бытия внутреннюю Правду-Истину,

⁴² Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. // [http://soulibre.ru/Русь_святая_зовёт_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Русь_святая_зовёт_(иеромонах_Роман))

⁴³ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Деревни_и_сёла,_похоже_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Деревни_и_сёла,_похоже_(иеромонах_Роман))

⁴⁴ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 32.

позволяет поэту пророчески указать направление, по которому произойдет возрождение поруганной России и преображение ее облика в Лик Святой Руси:

...Ужели наша Родина пропала?
Ведь верных — капля в море — страшно мало.

Количество тут вовсе ни при чем:
Дух Родины витает и в одном,

Чтоб некогда во многих водвориться
И новою страной возродиться.⁴⁵

Важнейшую роль в этом преображении, по мысли поэта, должно сыграть Чистое слово народа, в том числе, то, которое вновь зазвучит из материнских уст над колыбелью ребенка:

...Храните слово с колыбели,
Перевивая Чистотой,
Чтоб матери, как прежде, пели
Напевы Родины Святой.

Спасайте слово всенабатно
От пошлых уст, заморской тли,
Оно воздаст тысячекратно —
Спасением Родной Земли.⁴⁶

Уровень художественного пространства, организованный концептом Родина-Мать, в творчестве и. Романа занимает центральное место. По объему, глубине философских идей, богатству изобразительно-выразительных средств поэтического языка он соотносим с уровнем произведений, молитвенно обращенных поэтом-монахом в стихах к Пресвятой Богородице и Ее Божественному Сыну. В произведениях, цитированных ранее, и в стихотворении, которое целиком приводится ниже, завершая собой обзор произведений, посвященных образу Родины-Матери, наглядно представлены лексико-семантические маркеры, сближающие этот образ с образами Богородицы и Христа: Святыня, Истина, Чистота, икона, коленопреклонение, мольба, исцеление, Небо. Это сближение еще более усилено авторским употреблением заглавной буквы в личных местоимениях — к Тебе, без Тебя, Тобой, Твои — особенностью, характерной для текстов, обращенных к Богородице

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Там же. С. 44.

и Христу. В раме вагонного окна поэт видит иконный лик скорбящей Матушки-Руси, в котором проступает лик Руси Святой:

Я мечтаю поехать (простите монаху мечтанья)
В необъятную даль по Великой и скорбной стране.
И устрою себе, может быть, напоследок, свиданье
С дорогою Отчизной, что видится пленницей мне.

Здравствуй, Матушка-Русь! Как к иконе к Тебе припадаю,
Преклоняя главу, и колени, и сердце с мольбой.
Без Тебя я ничто — даже в райских местах пропадаю,
Исцеляюсь Тобой и взлетаю к лазури Тобой.

Вымирает народ. Деревеньки Твои все беднее.
Поношение вокруг, но Твоей нищеты не стыжусь.
Ты дала мне Христа (ну, а кто же дает, не имея?),
О богатая Небом, моя Христоносная Русь!

Я поеду в забитом, прокуренном, шумном вагоне,
У окошка присяду, чтоб молча глядеть и глядеть.
И в живой, закопченной и пыльной донельзя иконе
Будут золотом встречные церкви гореть.⁴⁷

Важнейшее место в художественном пространстве поэзии и. Романа занимает *пятый уровень*, организованный концептом Правда-мать. По степени нравственной значимости данный концепт полностью соотносится с народными представлениями о Правде, которые глубоко и ярко отражены в пословицах — этой сокровищнице народной философии: «На правду, как на солнце, во все глаза не взглянешь», «Для правды много слов не надобно», «За правду-матку и умереть сладко», «Бог правду любит».

Образ Правды — Солнца находим в христианской молитвенной поэзии, например, в тропаре на праздник Рождества Христова: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий, звездою учахуся, Тебе кланялися Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи слава Тебе».⁴⁸ Народный взгляд на правду совпадает с православной традицией, согласно которой зримым воплощением Правды-Истины является Христос: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

⁴⁷ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Я_мечтаю_поехать_\(простите_монаху_мечтанья\)_иеромонах_Роман](http://soulibre.ru/Я_мечтаю_поехать_(простите_монаху_мечтанья)_иеромонах_Роман)

⁴⁸ <http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon246.htm?id=246>

В своей поэзии и. Роман стоит на народно-православной позиции по отношению к Правде-матке. Каждый, кто умирает за нее, сораспинается Христу. Таков Муж Светлый в балладе «Что за шум стоит? Далеко слышать». Человек, взирая на Его мученическую смерть, должен определить свое личное отношение к Правде:

...Вот и все, мой друг, песня кончена,
Разве ж я напел что-то новое?
И слетела вмиг красным кочетом
Голова Того непутевого.

С кем ты был сейчас, в ком себя узнал?
Иль с зеваками, аль с охраной?
Иль с блудницею голосил, рыдал,
Али в бубен бил мордой срамную?

Может, это ты шел за Правду-мать?
Ничего, что было — дело давнее...⁴⁹

Правде противостоит ложь так же, как Свету — тьма. Противостояние Правды и Кривды в народных сказках, преданиях, духовных стихах — это выражение главного духовного противоречия в земной жизни, столкновение двух противоположных начал — Божественного и сатанинского, доброго и злого:

Это не два зверя собиралися, / не два лютые собегалися: / Это Правда с Кривдой сохотилася, / Промежду собой они бились-дрались. / Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. / Правда пошла на небеса / К самому Христу, Царю Небесному; / А Кривда пошла у нас вся по всей земле, / По всей земле по свет-русской, / По всему народу христианскому. / От Кривды земля восколебалася, / От того народ весь возмущается; / От Кривды стал народ неправильный, / Неправильный стал, злопамятный: / Они друг друга обмануть хотят, / Друг друга поесть хотят. / Кто не будет Кривдой жить, / Тот причаянный ко Господу, / Та душа и наследует / Себе Царство Небесное.⁵⁰

«Ржа ест железо, а ложь — душу», — говорит пословица. Взыскующий Правды поэт борется с ложью и всходит на свою Голгофу:

⁴⁹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Что_за_шум_стоит%3F_Далеко_слышать_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Что_за_шум_стоит%3F_Далеко_слышать_(иеромонах_Роман))

⁵⁰ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 41–42. См. также: Народные духовные стихи. С. 31–47.

...Не знала мать, отец не знал,
Что роковой мой час настал, —
Меня звала, звала Голгофа.

Я шел, как праведник, босой,..
Шагал неведомой дорогой.

И всем прохожим говорил,
В лицо всем правду говорил.
Мол, поживите хоть чуть-чуть, глаза разую.
Как будто встретили змею,
Плевали в сторону мою,
Благонадежность доказуя...

Но я держался на своем,
Мол, все мы заживо гнием,
И ваше царство ложь, коли без Бога!
Тогда меня скорее в дом,
С простым названием дурдом,
И понял я — сие моя Голгофа.

Но я и там за правду-мать,
И вот меня бегут вязать
Сестрицы с милосердными глазами.
И понял я, взглянув окрест,
Что стал кроватью белой крест,
Меня ж распнут, распнут шприцами.⁵¹

Поэт последователен в своем стоянии за Правду: она единственна, как мать для ребенка, и как един Христос для верующего. Он не приемлет лукавой диалектики в пословицах, которые оправдывают наличие разных прав давлением жизненных обстоятельств: «У всякого Павла своя правда», «И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а нигде ее нет», «Всяк правду ищет, да не всяк ее творит». Авторская позиция, скорее, соответствует пословице «Все минется, одна правда останется»:

Не разрывайте Истину на мнения.
Вы скажете: отчасти правы все?...
Святая Вечность — Богооткровенье...
Безвременность, Бескрайность, Полнота.

⁵¹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Я_с_детства_об_одном_мечтал_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Я_с_детства_об_одном_мечтал_(иеромонах_Роман))

...Нет ничего на свете окаянной
Неполной правды — в ней всегда обман,
А капля оживает в океане
И гибнет, оставляя океан.
О, неделимость Истины Превечной,
Премудрость и Препростость бытия,
Почто дробит тебя дух человеческий
Безумством человеческого я?..⁵²

И только такая последовательная позиция, утверждающая «неделимость Истины Превечной», позиция, на которой неизменно будет стоять каждый «за Правду осужденный», приведет к конечной победе над злом:

... Но верю я, что Истина Сама
Во век восторжествует над землею.
И будет свет, и посрамится тьма,
И сокрушится всяк, творящий злое!⁵³

Шестой уровень художественного пространства поэзии и. Романа организован образом Церкви-матери как главного символа Божественного присутствия в Богозданном мире. Значение Церкви в народной жизни глубоко раскрыто на основе анализа духовных стихов в работе Г. П. Федотова.⁵⁴ Исследователь показал, как много значит для народа храм, который является средоточием святости, осязаемо воплощенной в комплексе чувственных впечатлений — зрительных, обонятельных, слуховых, и опытно постигаемой через соборную молитву. Безусловно, что и поэт-инок не мыслит себе жизни вне Церкви. Потому и творчество его во всей совокупности тем, образов, мотивов, жанрового многообразия, по сути, является плодом самопознания через личный молитвенный опыт.

Как и анонимные авторы духовных стихов, и. Роман во множестве своих произведений, посвященных Церкви, целомудренно воспекает красоту и гармонию ее зримого, вещного и незримого, творимого молитвой, духовного облика. Однако для него, как истинного сына Родины-матери, важно в гибельное для народа время, когда рушатся нравственные идеалы и нормы, выявить консолидирующую роль Церкви. Ведь именно Церковь внутренне роднит меж собой людей, которые согласно исповедуют веру в Правду-мать — неделимую Истину, воплощенную в Христе. Участвуя в соборной молитве, возносимой в храме, разрозненные люди становятся друг другу братьями и сестрами. И только так, став детьми единой Матери-Церкви, преображаются из толпы в

⁵² *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 240–241.

⁵³ *Иеромонах Роман*. Стихи покаянные. С. 27–28.

⁵⁴ *Федотов Г. П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 92–98.

народ. Вот почему подобно обличающему голосу древних пророков звучат стихи поэта, выступающего против современной тенденции к дроблению Истины, а значит — и Церкви, которая — как мать! — одна:

...Есть Церковь-Мать — Держава Благодати,
Она веками разгоняет тьму!
Закройте двери лжепророкам-татам:
Без Церкви нет спасенья никому!⁵⁵

Поэт, как пророк, прозревая истинную суть вещей, делает очевидной для своего читателя агрессивность лжецеркви, восстающей на Церковь-мать:

Лжесхимница читает лжеакафист,
Лжечад уводит в чад лжедуховник,
Воинствуйте, ревнители, покамест
Безумью повинется язык.

И множатся дорожки завитые,
Указами беду не запретить...
Лжестарцы, лжемонахи, лжесвятые —
Лжецерковь рвётся Церковь упразднить.⁵⁶

Верный Истине, поэт обнажает грехи и в миру, и в церковной ограде, особенно — грех гордыни. И напоминает о единственном целебном средстве, которое есть у христиан — любви, смирении и покаянии:

Дворцу не подобает плесень
И не устанем повторять:
Что на Любви, а не на спеси
Стоит Святая Церковь-Мать!..

...Честь наша сану, а не кастам,
Которые себя пасут.
По Истине, а не лукавству
Овец Христовых узнают.

Подводим Церковь под гоненья,
Они не могут не настать.

⁵⁵ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 238. Ср. старообрядческие духовные стихи «Кончина Матери-Церкви» в кн.: Народные духовные стихи. С. 365–367.

⁵⁶ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Лжесхимница_читает_лжеакафист_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Лжесхимница_читает_лжеакафист_(иеромонах_Роман))

Причина — спесь и возношение:
Смиренье незачем смирять!⁵⁷

Но сильна вера поэта в святость и непогрешимость Церкви-Матери, глава которой — Истина-Христос:

А Церковь — нечто более, чем мы.
Не высказать Ее надмирной сути.
Она — Источник, не подвластный мути,
Она — Надежда посреди чумы.

Единая Святая Церковь — Мать.
Род человек забыл о покаянии.
Ликует враг. Напрасно ликованье:
Тебе одной Сиять и Побеждать.⁵⁸

...Почто забыта истина простая,
Вещающая сеятелю: жать.
Есть личные паденья и восстанья,
А Церковь-мать не может согрешать.⁵⁹

Поразительной по силе надеждой звучит для соотечественников стихотворение и. Романа, в котором он сравнивает свои поэтические инвективы с покаянной молитвой великого грешника Манассии, царя Иудейского, сложенной в ассирийской темнице. И утверждает целостность двуединой духовной природы истинного сыновства — того статуса личности, который через покаяние выведет к Свету Истины и человека, и народ:

Я чадо Церкви и России
И вышел в путь в последний час.
Мой голос плачем Манассии
Коснулся каждого из вас...

...О Мати Церковь — свет России,
Взыскание души моей!
Я счастлив тем, что блудным сыном
Рыдал на паперти твоей.

⁵⁷ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Дворцу_не_подобает_плесень_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Дворцу_не_подобает_плесень_(иеромонах_Роман))

⁵⁸ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 266.

⁵⁹ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/О_чём_шумим_за_морем-океаном_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/О_чём_шумим_за_морем-океаном_(иеромонах_Роман))

Я знаю высшую награду,
Которая сынам под стать:
Жить на Руси в преддверьи ада
И с ней кровавить до Христа!⁶⁰

Небесная красота материнства в полной мере отражена во множестве духовных стихов, посвященных народом Богородице.⁶¹ В вертикали художественного пространства поэзии и. Романа произведения, которые он посвящает Божьей Матери, составляют очень высокий, *седьмой уровень* развития темы материнства. Именно на этом уровне автор в наибольшей степени продолжает творческий путь, начатый народными певцами, — слияние изобразительно-выразительных средств устно-поэтической традиции и стилистики многообразных жанров церковного искусства, что требует специального рассмотрения. В контексте же данной статьи кажется важным обратить внимание на то, что инок, совмещая поэтический дар с даром иконописца, часто в стихах создает словесную икону Божьей Матери «Взыскание погибших», которая, по народному преданию, является последним прибежищем, последней надеждой погибающих людей.⁶² Он покаянно вопрошает, желая узнать Правду о себе. И верует, что Ее заступничество, как материнская молитва со дна моря, поднимет грешника из бездны греха к новой жизни:

...О, Мати Света! Все мы виноваты.
История кружит в который раз.
Растут иуды, воины, пилаты,
Ученики — кто пред Тобой сейчас?⁶³

...Напои, убели, оживи! Сотвори мя готовым,
Грехоплетство мое милосердно из сердца изгладь.
Начертай в нем навеки Сладчайшее Имя Христово,
О Пречистая Дево, молящихся Чудная Мать!⁶⁴

Завершает развитие темы материнства в поэзии и. Романа всепобеждающий образ животворящей Любви Бога к созданным Им людям. Любовь Творца выступает как высшая форма святой родительской любви к детям:

⁶⁰ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 416.

⁶¹ См.: Народные духовные стихи. С. 81–105 и сюжеты в других разделах сборника.

⁶² См.: Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 107–110.

⁶³ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Стоял_бы_и_смотрел,_не_отрываясь_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Стоял_бы_и_смотрел,_не_отрываясь_(иеромонах_Роман))

⁶⁴ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 354.

Желает Бог, как любящая Мать,
Давать, святить, спасать и исцелять.

Чтоб мы детьми зывали перед Ним:
Оставь, прости, покрой, дай быть Твоим!⁶⁵

На эту святую родительскую Любовь, в своей полноте и нераздельности равную Истине, в той же степени полно и цельно могут ответить только дети. Поэтому во множестве стихотворений поэта два мотива — Любовь Творца и Детство, Сыновство — неразрывно связаны друг с другом:

Любовь безмерно велика,
Ей требуется целость.
— Дажь, сыне, сердце! — на века
Сие запечатлелось.⁶⁶

Нас куда-то несет в непроглядную темь,
И погибельным вехам не видно конца.
Ложь и Смута окрест. Обратитесь в детей!..
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.⁶⁷

Таким образом, тема материнства, выступая в творчестве и. Романа как смыслообразующий стержень, кристаллизует вокруг себя идеи, сюжеты и поэтические образы художественного пространства, рожденного осознанием собственной судьбы поэта и реальной российской жизни XX–XXI вв. в горниле монашеского опыта. Развитие темы на каждой ступени лестницы духовных смыслов приводит к простой и вечной евангельской формуле «Бог есть Любовь»:

...Всеми и всем Первопричина,
Любовь, которой не избыть,
С рождения до домовины —
Ему судить, Ему щадить!⁶⁸

Великий пост и Светлая седмица 2014 года.
30 апреля 2014 г.

⁶⁵ Стихотворения Иеромонаха Романа в алфавитном порядке. [http://soulibre.ru/Желает_Бог,_как_любящая_Мать_\(иеромонах_Роман\)](http://soulibre.ru/Желает_Бог,_как_любящая_Мать_(иеромонах_Роман))

⁶⁶ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 105.

⁶⁷ *Иеромонах Роман*. Внимая Божьему велению. С. 341.

⁶⁸ *Иеромонах Роман*. Радоваться Небу. С. 193.

Т. С. ЦАРЬКОВА

КОНЦЕПТЫ И КОНСТАНТЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ (ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.)

Посвящение этой статьи памяти Елены Константиновны Ромодановской обусловлено памятью о наших встречах и в Петербурге, и в Новосибирске, а также, и прежде всего, биографией ученого, чей образ и труды вдохновил авторов этой книги. Елена Константиновна родилась в Ленинграде, петербуржцами были ее предки и родители. Ребенком ее вывезли в эвакуацию из оказавшегося в блокадном кольце города. Вылетала девочка под грохот немецкой бомбежки одним рейсом с легендарным петербургским поэтом А. А. Ахматовой. Семья осталась на постоянное жительство в Сибири, но профессиональное образование Елена Константиновна получила все-таки в родном городе, в Ленинградском университете и Пушкинском Доме. Ее сокурсником был будущий академик Александр Михайлович Панченко, дружба с которым продолжалась у Елены Константиновны до его последних дней. Она была участником пушкинских трудов, фактическим внештатным сотрудником Отдела древнерусской литературы. Смеем предположить, — ее волновало все, что в нашем городе и с нашим городом происходило и происходит. Поэтому автор надеется на то, что статья его в этой книге окажется хоть отчасти кстати и адресной.

Время новой петербургской поэзии, поэзии XXI века, это, не в последнюю очередь, время поэтических антологий. Каждая антология имеет свое лицо, и прежде всего — это лицо ее составителей, их вкусы, пристрастия, ближний круг, в чем нередко они признаются во вступительных статьях.

Предметом анализа в этой статье стали стихи о Петербурге, включенные в четыре поэтические антологии, вышедшие в свет уже в XXI веке, после волны юбилейных изданий 2003 года, ориентированных на более ранний период, преимущественно XIX — первой половины XX вв., это: *Стихи в Петербурге 21 век. Поэтическая антология* / Сост. А. Зубова и В. Курицын. СПб.: Платформа, 2005 (далее при цитатах: *СвП* с указанием страницы); *Формация* / Сост. К. Коротков и А. Мирзаев. СПб.; М.: Лимбус-пресс, 2008 (далее — *Ф*); *Аничков мост. Современные поэты о Петербурге* / Сост. Г. Ильюхина. СПб.: Любавич, 2010 (далее — *АМ*); *Собрание сочинений. Поэзия Петербурга 2009*. Т. 1 / Сост. Д. Григорьев, В. Земских, А. Мирзаев, С. Чубукин. СПб.: Лимбус-пресс, 2010 (далее — *СС*) и несколько авторских сборников.

Попытаемся проследить, как изменяется поэтика стихотворений о Петербурге на сломе веков на интонационном уровне, уровне переосмысления

[744]

КОНЦЕПТЫ И КОНСТАНТЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ

1 декабря 1954 г.

концептов классической поэзии и появления новых концептов, отражающих изменение в реальной жизни города и восприятии его истории.

Примечательной чертой рассматриваемых антологий является также то, что они включают произведения не только петербургских поэтов, но и приезжих — гостей из Москвы и провинции, бывших южных республик и авторов, давно уехавших из родного города в дальнее зарубежье, но продолжающих писать о нем. Столкновение внутреннего видения и сторонних наблюдений порождает сложные, не накладывающиеся друг на друга картины, что позволяет говорить о разнородных составляющих культурной памяти Петербурга.

В современной стремительно развивающейся отечественной культурологии насчитывается свыше шестисот определений понятия «культура». Приведем одно из недавних: «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных рядах (прежде всего в эволюционных семантических рядах, а также в парадигмах, стилях, изоглоссах, рангах, константах и т. д.)...»¹. Определение это принадлежит известному лингвисту и

¹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 38.

[745]

Из окна Пушкинского Дома

ореолы и семантические коннотации, отнесены такие топонимы-символы как: название города, Нева, Летний сад, Невский, Петропавловка, «Аврора», Исаакиевский собор, мосты, белые ночи, острова, болото, петербургское небо, петербургские окна и др. Новые, активно входящие в поэзию и символизируемые ею: Обводный канал, Московский вокзал, дворы-колодцы, проходные дворы, ангелы и трамваи (отнюдь не «заблудившиеся»).

Принципом отбора цитируемых текстов стала маркированность стихотворных произведений включением в них названия города либо упоминания конкретных реалий Петербурга.

Поэзия постмодернизма переосмысливает Петербургский миф, работая исключительно на снижение его, используя резкий интонационный слом. Начинается это с самого названия города. Пафосная триединая ритмическая формула XX века: Петербург — Петроград — Ленинград — после последнего переименования 1991 года ернически (но не без горечи) модернизируется:

² Там же. С. 40–78.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 76.

культурологу Юрию Сергеевичу Степанову, разрабатывающему значения терминов «концепт» и «константа».²

Поскольку мы будем ими пользоваться в дальнейшем изложении, приведем определения, вынужденно сведенные к предельно лаконичным: «Концепт — явление того же порядка, что и понятие [...] это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»³. «Константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Кроме этого, термину константа может быть придано и другое значение — “некий постоянный принцип культуры”».⁴

К традиционным концептам, обретающим новые экспрессивные

Что ж... превратим в Новый Йорк
выстроим Нью-Петербург
с башнями-облакоскребами [...]
 И где князь Петрогаз — наш владыка...
Сергей Стратановский.
Стихи о Петербурге. АМ. С. 356.

Тем, кто в Нью Санкт-Петербурге,
Где иных простыл и след,
Ходит в старенькой тужурке,
Греясь дымом сигарет.
Юлиан Фрумкин-Рыбаков.
*Любимым моим петербуржцам.*⁵

Бар. Евродворец. Пиццерия.
Блиндоналдс. Биотуалет.
По Питеру — точно впервые,
Хотя живу здесь тыщу лет [...]

В витрине — двухметровый пенис,
В другой — бюстгалтеров парад.
Все прогорят. Но точно Феникс,
Возникнут вновь и воспарят.

Прокат мозгов. Ремонт извилин.
Где град Петров, мой кровный брат?
Расторговали, раскупили.
Туфта. Туфтоид. Туфтоград.
Э. Шнейдерман.
Петербург-2006. Ф. С. 420.

в питерсберге сравнительно сыто, нищие
умирают, суча локтями, а пятками делая плотвичку
Борис Кудряков. *Хабидо.*
СвП. С. 241.

В Петербург, в Ленинбург, в город пург!
О. Бешенковская.
*Петрбургский альбом. С. 207.*⁶

⁵ Фрумкин-Рыбаков Ю. Дайте жизни оболочку. М., 2010. С. 83. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

⁶ Бешенковская О. Петербургский альбом. СПб., 2003. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

Как староверы, обрушиваются поэты на самую сакральную фигуру петербургской истории и поэзии — основателя города и самодержца:

Где один шизофреник и микроцефал
Город в холоде, в жуткой грязи основал
Где стоят несъедобные торты-дворцы,
Где упертые тетки и злые юнцы...
Елена Дунаевская. *Ничего, кроме грязной,
холодной весны...* Ф. С. 142.

И город слепили, и держат поныне,
Подобные птичьей слюне,
Чахоточный шулер, княжна в равелине,
Безумный гигант на коне.
Е. Дунаевская. *Мы здесь не
застрянем надолго...* АМ. С. 126

Голландию сюда тащил
Зеленый кот и супостат
за краснокирпичные ляжки,
да не донес.
Елена Шварц. *Психогеография.*
СвП. С. 428.

Комментарий к последним стихам еще не написан, но заметим, цветовая гамма поэтессы — это цвета формы Преображенского полка 1705–1710 годов, в котором служил Петр I сначала барабанщиком, потом бомбардиром, — зеленый мундир и красные штаны.

И Пушкин, и Блок, и Бальмонт, и Брюсов, и Пастернак рисовали совсем иной образ:

О как он велик был, как сеткой конвульсий
Покрылись железные щеки
Когда на Петровы глаза навернулись
Слезя их заливы в осоке!
Петербург. 1915.

Правда, Анненский в *Петербурге (Желтый пар петербургской зимы...)* предрекал:

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,

В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
1910

Завтра наступило — и ребята забавляются, порой остроумно:

Под действием солнца сошел металл
Облака тают, как мыльные пузыри.
Была б моя воля, я бы нарисовал
На гербе города двуглавые фонари.
Дмитрий Ру (псевдоним)
На Ланском шоссе весной. Ф. С. 316.

Следующий исторический, отчасти мифологизированный, концепт, ставший уже опорной лексемой: Петербург стоит на болоте, Петербург стоит на костях его первых строителей. В XX веке:

Нет времени у вдохновенья. Болото
Земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счеты
Сведу с ним сейчас же и тут же.
[...]
И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни нянек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамник
Надеты таежные топи.

Пастернак. *Петербург.* 1915

«Таежные топи» по отношению к Петербургу, конечно, гипербола.

И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот...
Максимилиан Волошин. *Петроград.* 1917

Тебя <Петербург> не выдавил его ботфорт
Из чрева гнило-синего болота...
Николай Тихонов. *Петербург.* 1913

Вот и построили Афины
Средь топей северных болот
Евгений Винокуров. *Геометрия.* 1965

В XXI веке:

Нева

Поэт, приверженец ненормативной лексики, Евгений Мякишев — неожиданно нежно:

На болотистой почве торчит, уцепившись за кочки
Очарованный город, склонивший голову над Невой.

Вот взгляд со стороны — Ольга Кушлина, талантливый литератор, вдова поэта Виктора Кривулина, более 20 лет живет в Петербурге, но город ей, южанке по рождению, по-прежнему тяжел:

Не аравийским песком засыпали болотце,
Хляби гатили костями — небесные хляби гатили

И кончается это стихотворение чуже-обреченно:

Что же ты шепчешь рабе своей, город постылый?

И город отвечает:

— Там родная земля, где родные могилы.
Как же хотел этот город... СвП. С. 279–280.

Еще один голос иноземного поэта, одессита:

Если три века стоять на болотах и на костях
поневоле станешь прекрасным городом трехцветный стяг
поднимаешь [...] все как у живых людей,
Кроме их самих...

Борис Херсонский.
Месяцами не видели солнца... АМ. С. 378.

и т. д. То есть Петербург чужими глазами — город мертвых.

А вот голос из дальнего зарубежья, поэтессы андеграунда Ольги Бешенковской, эмигрировавшей в начале 1990-х:

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
Город великий строится на костях.
Но и царю великому не перечь:
Сгинем в болоте, если костями не лечь.
Двенадцать песен. С. 187–189.

Всяк кулик — свое болото,
Вот и я безмерно чту...
Кони Клодта, кони Клодта
На Аничковом мосту!
Кони Клодта. С. 190.

Никогда не померкнет болотной судьбы позолота
Песня о Васильевском острове. С. 202.

А умирать — на родину, дружок,
В родное петербургское болото...
А умирать — на родину, дружок... С. 15.

Голос ностальгический, но автору не довелось в год кончины — 2003-й — лечь в «родное петербургское болото», где покоятся кости ее предков.

Кстати, в Петербурге уже нет болот. В детстве автора этой статьи, в 1950-х годах, они еще были — западная часть Васильевского Острова, побережьем выходящая к заливу. Туда охотники ходили в болотных сапогах стрелять диких уток, сейчас — полуторакилометровый намыв — гостиница «Прибалтий-

На Стрелке Васильевского Острова

ская», порт, — реалья исчезла, метафора осталась и она блистательно использована как композиционный принцип в стихотворении ныне тоже уже покойного поэта Геннадия Григорьева (1949–2007):

Болото

В непонятках, в любви, в работе
Мы куда-то себя торопим...
Петербург стоит на болоте.
По болоту идем. По топям.

Если даже по магазинам,
Или в гости к знакомой даме
Все равно идем по трясинам,
Глухо чавкающим под нами.

Петербург — он почти в Европе,
Петербург — он богат дворцами...

Но какие повсюду топи!
Чуть оступишься — и с концами.

Купола стоят в позолоте.
Шпили ввысь устремились стройно.
Петербург стоит на болоте,
По ночам у нас беспокойно.

На болоте не сыщешь брода,
На болоте шумит осина.
Вон — случайного пешехода
Засосала опять трясина.

Как подумаешь — а ведь что-то
В этом мире не то творится.
Все спешат. А кругом — болото.

Дай вам Боже не провалиться.
СвП. С. 92.

Проследим эволюционный путь другого концепта. Электрический трамвай появился в Петербурге в 1907 г. и примерно до 1916 г. этот вид транспорта бурно развивался. Поэтому трамваи «звенят» или наоборот «не звенят», «гремят», «шарахаются» у В. Нарбута, С. Городецкого, Георгия Иванова и многих других поэтов. И даже у Пастернака Петр

северным грифелем
Наносит трамвай.
Петербург. 1915.

А Мандельштама зимой радовало

После бани, после оперы, все равно, куда ни шло,
Бестолковое, последнее трамвайное тепло.
*Вы с квадратными окошками
невысокие дома... 1925.*

Но самым громогласным в поэзии был и останется, конечно, гумилевский «Заблудившийся трамвай». Из него до сих пор не могут выйти петербургские поэты, чего стоит подражательный «Сон» А. Кушнера.

В русской литературе трамвай трагически символичен. В московской прозе это и отрезанная голова Берлиоза в одной из начальных глав (четвертой) «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, и смерть героя от сердечного приступа

с удушьем, начавшегося в переполненном трамвае в романе Пастернака «Доктор Живаго».

Однако отзвенов к середине 1920-х годов в петербургской поэзии, трамвай замедлил бег и в своем реально-символистском значении застыл заснеженный на рельсах в блокадном городе и в стихах О. Берггольц:

Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.
Февральский дневник. 1942.

На санках везли воду из Невы и мертвецов — складировать в отведенных для этого местах в каждом районе города. Символ победы на Ленинградском фронте — пошедшие трамваи.

В стихотворении И. Бродского *Остановка в пустыне* (1966) ночной бег трамваев созерцается через призму разрушенного алтаря Греческой церкви. И опять почти на полвека — в поэзии трамвайная тишина. Церковь разруши-

Пушкинский Дом

ли потому, что «теперь так мало греков в Ленинграде», но в Петербурге к началу XXI века стало так много автовладельцев, что город стремительно очищали от трамвайных путей. Так, через Васильевский Остров пролегалось шесть трамвайных маршрутов, осталось — два. Из шести магистралей — практически только одна — Средний проспект. Из центра города трамвай исчез, на окраинах он выполняет роль подкидыша до станции метро. Проехать по городу на трамвае стало практически невозможным. Зато на страницах антологий — настоящий трамвайный бум. Устойчивая традиция — ностальгический плач по уходящей натуре.

Тихий весенний трамвай номер тридцать один
Идет по мостам и бульварам, а день позади
бежит к остановке, и дверь открывает
теплый вечерний трамвай номер тридцать один.
Д. Григорьев. Тихий весенний трамвай. АМ. С. 102.

Нет уже 31-го трамвая, а маршрут его был мемориален — частично включал самый первый петербургский трамвайный маршрут.

Но нам с тобой дальше — туда, где
Над всей суетой мирской
К какой-то неведомой правде
Вознесся Никола Морской.

Там где под стеною зеленой
Безногий считает улов.
И переплетаются звоны
Трамваев и колоколов.
Наталья Абельская. Осенние помыслы чисты... АМ. С. 26.

Уже не переплетаются — и эти маршруты сняты.

«Твое здоровье, Бог, я знаю,
Что лишь тобой храним».
И как всегда звонком трамвая
Бог чокается с ним.
И. Лазунин. Праведник. Молодой Петербург. 2009. С. 12.

И стоит лишь в окна немые взглядеться,
Как вспомнится сразу далекое детство...
От невского берега веет прохладой.
Шумят тополя поседевшего сада.
Трезвонят трамваи, как прежде бывало,

Вздыхают — и снова в дорогу устало...
Я знаю, что в прошлое не возвратиться

Д. Мизгулин. *Баллада о старой лестнице.*
Молодой Петербург. 2009. С. 136

Я в трамвай холодный сяду
И поеду, как всегда,
от Михайловского сада
до Калинкина моста.

Промелькнет моя столица
С фонарями на мостах
Чьи-то жизни, чьи-то лица,
постовые на постах.

Вот у дома моя мама
с черной сумкой, в сумке — хлеб.
И ей лет еще так мало,
Ах, как мало маме лет...

Мой трамвай дрожит на рельсах
и не знает сам того,
что, кусок судьбы отрезав,
возвращает мне его.

Александр Етоев.
Я в трамвай холодный сяду.... АМ. С. 136.

Над нашей родиной асфальтовой
лети, лети, не уставая,
и все, что прожито, осматривай
из окон старого трамвая.
[...]
Оборотившись к жизни давешней,
тебе я снова присягаю —
на старой площади и набережной
вдогонку твоему трамваю.

Михаил Яснов.
Ты возвратилась в этот пасмурный... АМ. С. 418

А вот не ностальгический, а скорее агрессивный по отношению к центру голос
окраин:

[756]

Город борется. Он настает, наступает,
Но смотрите, как держится скромная Стрельна!
До нее вас еще довезут на трамвае
Но сойдете уже одиноким и ссыльным.

Вероника Капустина.
Город мал. Это пригород странно огромен... СвП. С. 198.

А еще была морока:
ехать в купчинскую глушь.
Тут, как чукча, завывая,
впору петь на голоса:
«Пропадай, моя трамвая, —
все четыре колеса...»

О. Бешенковская. С. 204.

И по кривой на мостовой
Трамвай скрипит пока живой!

Ю. Фрумкин-Рыбаков. *Петербург 2008. С. 98.*

И наконец:

А трамваи в двадцать первом веке
Вымирают, словно мастодонты.

М. Чекина.
Автобус номер два. АМ. С. 396.

Много пишут о памятниках. Трактовке Медного Всадника следует посвя-
тить особую статью — от «Строителя чудотворного» до «немигающего чуди-
ща», «Медного человека с медной душой». Также контрастна в диахрониче-
ском ракурсе метафорика Исаакиевского собора.

Н. Гумилев:

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине.

Заблудившийся трамвай. 1919 (?)

А. Ахматова:

Вновь Исакий в облаченьи
из литого серебра.

Стихи о Петербурге. 1913.

[757]

В. Набоков:

А там, вдали, над сетью серебристой,
над кружевами дивными деревьев —
так величаво плавает в лазури
морозом очарованный Исакий:
воздушный луч — на куполе туманном,
подернутые инеем колонны...

Петербург (поэма). 1923.

XXI век. Современные поэты — из Казани:

На осиную гузку Исакия ночью взобраться
Н. Ишмухаметов. *Я хотел бы
прочитать этот город...* АМ. С. 174.

Из Израиля:

воспевая хвалу дантисту,
как золотая фикса блестит Исакий.
С. Крайтман. *Как ты здесь оказался
в несезон-2.* АМ. С. 213.

Ангелы стали посещать стихи, но без святости. Уехавший в 1970-х годах в США поэт и литературовед Вадим Крейд:

Благовещенский мост, Исаакиевский собор

[758]

Не мираж — и все же неспроста
Ангел отделился от креста.
Вадим Крейд. *Марево
над городом, жара...* 1980-е.

Приехавшая из Крыма поэтесса,
воинственно не принимающая город:

А над Невой, покрытой лодками,
Пришпилен к облаку иглой
Еще живой, хотя и клепаный
Соборный ангел золотой.
Татьяна Шорохова.
*Петербургский рассвет.
Выход.* СПб., 2011. С. 48.

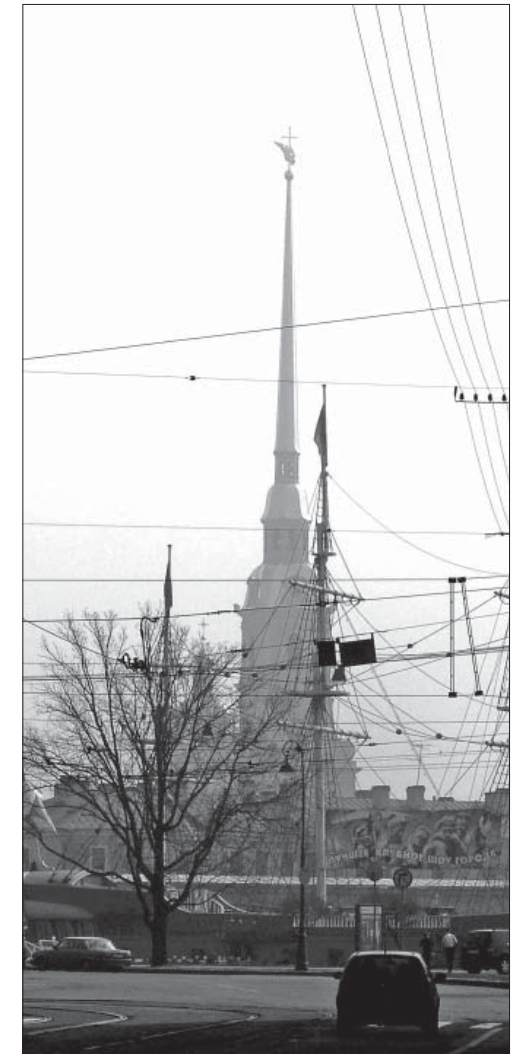
Ангел на шпигеле Петропавловки
действительно клепаный, но в этом
контексте реалия становится акцен-
тировано снижающим эпитетом.

И как трагическая кульминация
развития того же образа, скульптурно-
го и вербального, — короткое и емкое
стихотворение Геннадия Григорьева:

Ангел на игле
Лист бумаги погас на столе,
Погружается город в потемки.
Видишь — ангел сидит на игле.
У него начинаются ломки.
Он над городом мрачным завис.
Он и сам понимает, что хроник...
И так хочется ринуться вниз,
Чтобы хрустнули крылья о кронверк.
СвП. С. 94

О белой петербургской ночи кто только не писал, можно привести до сот-
ни цитат, но позволим себе только одну параллель. А. Ахматова:

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
Летний сад. 1959.

Петропавловский собор

[759]

И хайка Сапеги, поэта и издателя из митьков, названная «Белая ночь», по законам твердой формы состоящая из трех строк. Вот они:

в песочнице детской
рассевшись,
делят добычу бомжи...

СС. С. 144.

С башни Пушкинского Дома

Все точно — зимой не рассядешься: холодно и темно.

В современной петербургской поэзии и поэзии о Петербурге, несмотря на имперские замашки власти, хоть местной, хоть державной — тоже питерской (теперь не город с областной судьбой, а культурная столица!) — нет «блистательного Санкт-Петербурга», не получается. Социально эта поэзия вышла из андеграунда, казалось бы — теперь это не андеграунд — эдичионные возможности равны у всех. Правда, читателей почти нет, доля поэзии от всей литературы, которая продается в России, составляет менее 2 %. Но по природе своей петербургская поэзия осталась андеграундом — это взгляд снизу, и это честный взгляд — он улавливает, что действия власти — якобы ко всеобщему благу — фальшь и имитация. Петербуржцы это чувствуют по жизни, а сопоставительный ряд констант, утрачивающих во времени притягательность устойчивых эпитетов, свою витальность, в однонаправленной динамике трансформирующих свое содержание и значение, как мы пытались показать, служит тому подтверждением.

Май 2011 г., февраль 2014 г.

ПОСВЯЩЕНИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ

ПОСВЯЩЕНИЯ

С. А. ЛЕБЕДЕВА

ЖИЗНЬ

Я весь мир обнять хочу:
Бликих мне, родных людей,
В расстояниях, временах –
Нынешних и прошлых дней.

В жизни ты в толпе идешь,
Встречи, проводы и случай...
Оглянись назад – поймешь
Тайну смысла и созвучий.

Богом тот в награду дан,
Этот – в испытанье адом,
А иной – в поддержку нам,
Тот, кто просто будет рядом.

Будет в снах нам дан намек, –
Ты прочти его как надо, –
И поймешь, какой урок
Ждет тебя и где награда.

Жизнь проходит – круг за кругом,
Через встречи, расставанья...
Люди, люди, друг за другом, –
Все прощанья, ожиданья...

Реки, что текут по кругу
Тыщи лет, за веком век...
Судьбы, времени подруги, –
Встреч, воспоминаний свет.

Внемя судьбам, сердце стонет,
Бьет в висок – и замирает,
Все, что было встарь, прибудет, –
Как сегодня вспоминает.

Думал ты, что он чужой,
Путь случайно пресечен, –

Но твоей душой второй
Стать навек он обречен.

Тесен мир, сплетен в клубок,
Рядом – мертвые, живые...
Ты не будешь одинок –
Вместе мы, и мы родные.

УСПЕНИЕ

Венок сонетов

Не надо страхи подбирать глазами,
Зачем бояться чувств, ведь в них должны всходить
Ростки другого рода ожиданий,
Которых как детей нам следует любить?

Я поприсутствовать впускаю Вас тайком,
Чтоб поболтать как с комнатным цветком,
Чтоб рассказать как я варю варение
И вместо вишен сок стихотворения.

И мне не хочется вас чувствами пугать.
Я тут побыть хочу бесшумною как мать, —
Ее на старости мы узнаем по тени,
Мечтающей нас на руки поднять.

Какой в том смысл, когда не приласкать,
Не расспросить, который день недели?
И, чтобы неособенною стать,

Луну укачивая в звездной колыбели, —
Так, просто, тяжесть чрева ощущать,
Когда с деревьев листья облетели.

I

Когда с деревьев листья облетели
И холодом ночей дымится сад,
Мезга и сок еще в одной купели,
И полководцы дней сползают в ряд и в ад,

Воздвижение прячет в колыбели
Ключи весны грядущей и печать,
На гранях бытия в утробе Девы
Любовь рождается жертву воспринять.

На площади как будто менестрели
Сойдемся в поединке воспевать
Возлюбленных, чьи лица постарели.

Нам осень яблоки позволит раздавать,
Когда для мира счет уж на недели —
Земного чрева тяжесть ощущать.

II

Так просто тяжесть чрева ощущать —
Больной с утра стянуть себя с постели,
Открыть глаза, почувствовав на деле,
Как страшно было близким умирать.

Как на губах слова любви потели,
И жар и холод били благодать,
Когда к ушедшим ангелы пропели:
Не бойся к звездам от земли всплывать.

Теперь я вспоминаю боль обид,
Когда, вкушая глупость в изобилии,
Один пустое бесконечность раз твердит,

Другой под тяжестью бессилия
Отвержено и горестно молчит,
Луну укачивая в звездной колыбели.

III

Луну укачивая в звездной колыбели,
Раскатывая голосом тоску,
Любовных ласк не знала. На качелях
Прикармливала молодость свою.

Бессмысленно оттягивая мочку,
Подушку кормит старость по ночам,
Беспомощно взгляд направляя в точку,
Зеницы посылают свет свечам.

Куда-то вдаль его глаза смотрели,
Когда вышептывала песню мать,
Под звуки вдруг сорвавшейся капли.

«Невесту ему надо подыскать,
Чтоб не заметил он, как вздохи отлетели
И чтоб для сына неособенною стать».

IV

И чтоб для сына неособенною стать,
Не возбудив глухого раздражения,
Пойдет костюмчик новый собирать,
Вбивая в сердце клинышек терпения,

Ведь на Покров им свадьбу выправлять.
И стелется поземкой слух сомнения:
Невесте скоро срок придет рожать.
Пусть пересуды разотрет забвение,

Давая первенца на руки воспринять.
Ломоть от хлеба, невиновность тела
Позволит никогда не вспоминать,

О чем соседи ей напели,
Чтоб не случилось — не у кого, взять,
И расспросить который день недели.

V

Не расспросить, который день недели,
А только у дверей стоять и ждать,
Когда звонка волнующие трели
Срыгнут соседской злобой: Твою мать!

Лицо, обрушив на ладони,
Вжимать свой образ в оттисков тиски
И повторять движенья на иконе,
Глазами прориси снимая и мазки.

Зима пришла как водится — в Крещение
Идешь к подружкам погадать,
А те возьми — и ляпни без смущения,

Что суженного незачем ей ждать —
Любить достойна лишь воображением.
Какой в том смысл, когда не приласкать?

VI

Какой в том смысл, когда не приласкать —
И нежность не прольется на колени,
И волосы в клубок не собирать,
Чтоб отвести от света преставление.

И чтобы женщина могла восстать,
Готовя в удах день Пресуществения,
А грех Адама от людей отстать.
И только Благодать Преображения

Позволит избранным осуществить служение,
А женщинам как встарь детей рождать,
Кормя сосцами до изнеможения.

Невестой Сыну станет Мать,
Благословенная из жен, всех без сравнения,
Мечтающей нас на руки поднять.

VII

Мечтающей нас на руки поднять —
Старушка няня хочет нам сказать:
Три ангела ее глазами стали.
И, расстоянье меряя шагами,

Никак не может до меня достать.
Глядит поверху в неземные дали,
Растерянно желая осязать
Небритость щек иссохшими губами.

Невидимо ее подходят сроки —
Смерть на постой спускается к ней в сени,
И слухом тороки проторены в чертоги,

Что коронацию готовят в Воскресение
Лучом повенчанные брачные потоки —
Слепую старость узнаем по тени.

VIII

Ее на старости мы узнаём по тени.
Не различая слов, не разделяя фраз,
Как на старинном пергамене,
Где палимпсест скрывает парафраз —

Глаза без чтения уже осиротели.
И образы погашены в зрачках.
Бесплотные, в руках держа сопели,
Озвучат Эпифанию в псалмах.

И если двум из нас приходит время —
Мне вдовствовать, ему незримым стать,
Я посижу на краешке постели

Пока душа с рекой уходят вспять.
И ангелы в пути не обогрели.
Я тут побыть хочу, бесшумною как мать.

IX

Я тут побыть хочу, бесшумною как мать.
Березой ли, осиною постоять.
И если суждено исчезновение,
То маковкой на церкви просиять,

Посеребрившись временем осенним,
Плодов вам в огороды набросать,
Сплеснуть, споткнувшись, из мехов старение
И тропарем на праздник прозвучать.

А чтоб меня мой сын не смог увидеть,
В тени Возлюбленной намерена стоять,
И чтоб неопытность случайно не обидеть,

Скрывая смех в листве, с ручьем играть.
Я в мир пришла любовью вас насытить.
Другими чувствами вас не хочу пугать.

X

И мне не хочется вас чувствами пугать —
Я в мир пришла, чтоб рифм пособирать,
И, оставляя время на безделье,
Бесплодное дыханье насыщать

Иными смыслами людского рукоделия,
До дыр зачитывая Анны Благодать.
Мой путь достиг уже преполовения,
А я по-прежнему обречена искать.

Прими, Господь, ничтожность подношения.
Я раб, не научившийся служить, —
Испытываю здесь Твое терпение.

Мне надо плоть немного подновить,
В стихах расслышав поцелуев дуновения,
Которых как детей мне суждено любить.

XI

Которых как детей нам следует любить,
Отцов и матерей — листвы падение.
Кто будет нам творить соленья,
Раскрыв рецептов заговора нить,

И вместо вишен сок стихотворения
Кому его я буду подносить?
Пыль отряхнув со стареньких изданий,
Рыдать над смыслом древних назиданий.

И ночью Вас впускать от Вас тайком,
Чтоб поболтать как с комнатным цветком,
Разбрызгав капельки признаний,

Разглаживая утра утюгом
Морщины преждевременных страданий —
Ростки другого рода ожиданий.

XII

Ростки другого рода ожиданий —
Луга не кошены, сокрыты камышом,
Где гнезда вьет, имея состраданье
К звериной алчности чуть оперенный сонм.

Я слышу легковесный звон,
Микронных скрипачек терзанья,
Его перекрывает стон —
Литавры жаб имеют притязания.

Так прикровенно звуки разложить,
Желая тайной мир переложить,
Поправив только знаки препинания.

И если с нотной грамотой дружить,
Имеешь пропуск в залы мироздания.
Зачем бояться чувств, они должны всходить?

XIII

Зачем бояться чувств, они должны всходить.
Мужские силы открывают состязания.
Когда ж мир сотворен, жена должна родить,
Муж на поруки брать ее страдание.

Оставив в стороне все лишние желания,
Мужи и жены смогут дорожить
В земном — присутствием небесного венчания,
И брачный пир по смерти посетить.

Спешите... женщину... любить!
Как осень отягченную плодами.
А деве — тайну жен в себе хранить:

Где наслаждаются небесными садами,
Не надо чувства в листьях ворошить,
Не надо страхи подбирать глазами.

XIV

Не надо страхи подбирать глазами —
Стыдиться, прячась в срочность важных дел,
Для малодушия наступит свой предел —
Ловить любовь как тень хватать руками.

Отец стесняется простой вопрос задать,
Поскольку сын иного воспитания.
И матери неловко приласкать,
Чужого чувства, уловив дыхание.

Другая будет вечером встречать
Покоить его счастье и форели
С дождем и радугой на ужин подавать,

Следить, чтобы соседки не пригрили.
А в старости без устали ворчать,
Что листья все с деревьев облетели.

Когда с деревьев листья облетели,
Земного чрева тяжесть ощущать, —
Луну укачивая в звездной колыбели.
Я не хочу особенною стать.

Вас расспросить, который день недели, —
Какой в том смысл (когда не приласкать)
Мечтающей Вас на руки поднять?
Меня на старости узнаете по тени.

Сейчас побыть хочу бесшумною как мать
(Ведь мне не хочется Вас чувствами пугать).
И вместо вишен сок стихотворения
Пролить, рассказывая как варить варенье.

Я поболтаю с комнатным цветком
И ночью вас впущу от Вас тайком.
Как сына буду вас любить.

В ростках другого рода ожиданий
Не бойтесь чувств! Они должны всходить,
Когда бы страх не собирать глазами.

Господи,
я не знаю имени Твоего,
но верую: свят и могущ Ты,
Господи,

ибо жизнью Твоею исполнены
небо и воды, земля и светила,

ибо славой Твоею
денница восток озаряет
и семени пустоту
нарушает растущий плод,

ибо все,
что живого ни есть на земле,
в землю уходит,
с землей возрождаясь,
живым оставаясь навеки.

Господи,
мудрость Твоя не имеет границ,
наполняя весь мир благодатью Твоею,

точно влага с небес
оживляет листву молодую,
что тенью нисходит на землю
и плещется в волнах Зефира.

Господи,
в час непогоды Ты грозен и силен,
страхом объемлешь Ты души живущих,

ибо ужас внушают
во тьме громовые раскаты
и молний полночных
всполохи, света зарницы.

Но нежность Твоя,
словно солнечный луч,
весной розовато окрасит
мохнатые вербы
и в холод заботливо почву укроет
пушистым нарядом снегов.

Господи,
все в этом мире во власти Твоей,
ибо Ты направляешь скользящее Время.

Воспоминания

Профессор Константин Владимирович Ромодановский (1889–1968) — известный ученый-медик, организатор высшего образования и науки, основоположник новосибирской школы лимфологов. О нем есть сведения в интернете, на сайтах учебных, исследовательских и лечебных учреждений, где он трудился, появился в последние годы целый ряд исследовательских работ, воспоминаний и биографических статей, посвященных ему.¹ Достаточно подробно о нем рассказывает один из авторов данной статьи, его внучка, в настоящей книге (см. «Вместо эпилога»). Тем не менее мы сочли возможным еще раз кратко изложить основные вехи жизни К. В. Ромодановского, предупредив ими, для лучшего понимания, публикуемые ниже его мемуарные произведения.

К. В. Ромодановский родился в Самаре, начал свой профессиональный путь в Казани, где в 1912 г. окончил с золотой медалью медицинский факультет императорского университета. Его учителем был один из крупнейших отечественных анатомов — профессор В. Н. Тонков, будущий академик АМН СССР и президент Военно-медицинской академии в Петрограде, долгие годы возглавлявший кафедру нормальной анатомии этого учебного заведения.

До начала Первой мировой войны К. В. Ромодановский служил земским врачом в одном из уездов Симбирской губернии, затем в военное время в действующей армии — ординатором в дивизионном лазарете и военным врачом в гусарском и стрелковом полках. После ее завершения работал помощником прозектора кафедры анатомии в родном Казанском университете. В годы Гражданской войны находился на территории, занятой Белым движением. В сентябре 1918 г., перед взятием большевиками Казани, вместе с заведующим кафедрой анатомии профессором Н. Д. Бушмакиным, будущим ректором Иркутского государственного университета и организатором Хабаровского медицинского института, эвакуировался в Сибирь.² Был мобилизован в армию А. В. Колчака,

* Публикация подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки ведущих научных школ (проект № НШ-219.2014.6).

¹ Железный П. А. Ромодановский Константин Владимирович // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 742; Таскаев И. И. Братья Ромодановские // Чтобы помнили: Литературный альманах. Вып. 9. Омск, 2003. С. 68–91; Киясова Е. В. Казанская научная анатомическая школа В. Н. Тонкова и ее сибирские ветви // Казанский медицинский журнал. 2013. Т. 94. № 6. С. 952; Петров С. Г. К биографии профессора Константина Владимировича Ромодановского // Нарративные традиции славянских литератур: От средневековья к новому времени. К юбилею чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 8–15; и др.

² Малышева С. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков: Научно-документальный журнал. 2003. № 1/2. С. 91, 92.

служил военным врачом в драгунском полку. В конце 1919 г. сдался с группой офицеров и солдат в плен в Красноярске. В тяжелейших условиях, когда одна эпидемическая волна сменяла другую, трудился в этом городе главным врачом организованной им инфекционной больницы и заведующим патолого-анатомической лабораторией.

С установлением советской власти в Сибири десять лет жизни, с 1921 по 1931 г., отдал Омскому (Западно-Сибирскому до 1925 г.) медицинскому институту, в котором был ректором (первый ректор скоропечно скончался от сыпного тифа) и заведующим кафедрой анатомии человека, стоял у истоков организации других кафедр. На его долю выпал тяжелейший период создания и становления этого института. В конце деятельности К. В. Ромодановского на посту руководителя Омского мединститута бывший заведующий Сибнар-образом Д. К. Чудинов отозвался о нем следующим образом: «Теперь, когда вспоминаешь механизм организации медицинского института, то невольно поражаешься тому факту, что всю организационную работу вынес на своих плечах доктор Ромодановский. [...] В одном месте он брал настойчивостью, в другом — личным знакомством, в третьем — покорностью, вообще мог идти на все. И в результате — медицинский институт возник и развился почти из ничего».³

В 1927 г. К. В. Ромодановский повышал свой профессиональный уровень в Германии. Под впечатлением от частных коллекций немецких анатомов создал вместе с братом А. В. Ромодановским общедоступный анатомический музей Омского мединститута, в котором брат, проявивший уникальные способности по изготовлению музейных препаратов, проработал лаборантом практически всю жизнь.⁴ Предвоенное десятилетие находился в Ленинграде, куда был приглашен для создания нового типа медицинского учреждения (вуза-больницы) — первого в мире специализированного педиатрического института: работал ученым секретарем, директором фабрики учебных пособий, организовал и возглавил кафедру анатомии человека.

С началом Великой Отечественной войны эвакуировался в Среднюю Азию, работал заведующим кафедрой анатомии Сталинабадского медицинского института (в 1942 г. некоторое время даже руководил этим вузом). С 1943 г. после принятия правительственного решения о слиянии Сталинградского, Астраханского медицинских и Ленинградского педиатрического институтов в один вуз под названием Астраханский мединститут с дислокацией в Барнауле К. В. Ромодановский стал заведовать в нем кафедрой нормальной анатомии.

³ Чудинов Д. К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 34; Соскин В. А. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1925 гг.). Новосибирск, 1971. С. 294.

⁴ О нем более подробно см. в этой книге «Вместо эпилога», а также: Омская государственная медицинская академия. URL: <http://www.omsk-osma.ru/istoricheskaya-spravka-kafedry-anatomii-cheloveka/>.

В 1948 г. он переехал из Астрахани в Сибирь. Последние двадцать лет своей жизни отдал Новосибирску, реформированию местного медицинского института, где был проректором и заведовал кафедрой анатомии человека.⁵

За несколько лет до ухода в мир иной, когда появилось свободное время, профессор Ромодановский счел необходимым изложить в письменной форме наиболее важные, с его точки зрения, этапы своей жизни, связанные с профессиональной деятельностью: учебу на медицинском факультете Казанского университета у профессора В. Н. Тонкова, службу военным врачом в колчаковской армии, руководство только что открытым, первым за Уралом Омским медицинским институтом и его кафедрами, интенсивные занятия в Ленинграде по научному исследованию лимфатической системы.

Публикуемые в настоящей работе тексты воспоминаний извлечены из семейного архива во время его разбора для передачи в Государственный архив Новосибирской области. Два первых из пяти предлагаемых мемуарных произведений К. В. Ромодановского являются черновыми рукописями, автографами. Три других — напечатаны на машинке и имеют рукописную и машинописную авторскую правку, призванную скорректировать и уточнить получившийся текст воспоминаний. Данная правка свидетельствует, что автор вел тщательную работу практически на всех стадиях подготовки своих текстов, включая окончательный беловик. Наличие только черновых или беловых текстов, а также их отдельных фрагментов, говорит нам, что единого принципа отбора текстов для домашнего хранения у автора не было и обнаруженные в семейном архиве материалы отражают разные периоды обращения и работы К. В. Ромодановского с мемуарами.

Отметим сразу, что машинописные тексты печатались через копировальную бумагу несколькими закладками, полученные экземпляры, по-видимому, направлялись непосредственно тому, кто выступал в роли заказчика. В большинстве своем данные тексты писались по просьбам и заказам конкретных учреждений и лиц, но где находятся отправленные автором экземпляры его воспоминаний и сохранились ли они, мы, к сожалению, не знаем. В любом случае, публикация текстов из семейного архива, даже черновых, дает отличные от отправленных и, возможно, где-то напечатанных варианты мемуаров, зачастую более точно отражающих первоначальное содержание и смысл написанного автором.

Первый из публикуемых текстов представляет собой черновую рукопись, написанную шариковой ручкой мелким почерком автора на вертикально расположенном листе бумаги. Использование шариковой ручки говорит, что этот текст достаточно позднего происхождения. Он написан на листе, поделенном на две части. Вначале К. В. Ромодановским заполнена полностью правая ко-

⁵ Об этом см.: Проблемы морфологии: Посвящ. 45-летию науч. и пед. деятельности проф. К. В. Ромодановского. Новосибирск, 1958. (Труды Новосибирского государственного медицинского института. Т. 32).

лонка, затем только сверху — левая. Название данного мемуарного текста в рукописи отсутствует. Исходя из содержания, мы сочли возможным дать ему заголовок «В армии Колчака». Насколько этот текст соответствует первоначальному замыслу автора, сказать трудно. По всей видимости, он не успел до конца реализовать задуманное, поэтому текст предстает в виде небольшой мемуарной зарисовки, отражающей один из острых эпизодов в биографии К. В. Ромодановского — сдачей в большевистский плен в Красноярске — и попыткой объяснить произошедшее в корректной для того времени форме и с опорой на официальные советские издания.

Другое мемуарное произведение, сохранившееся в черновой рукописи, также не озаглавлено. Однако сохранившийся первый лист машинописного варианта этого текста имеет название: «Воспоминания о Владимире Николаевиче Тонкове». Действительно, данное мемуарное произведение посвящено университетскому учителю К. В. Ромодановского — академику АМН СССР В. Н. Тонкову, создателю крупнейшей отечественной анатомической научной школы. По сути автор делится своими воспоминаниями о времени, когда он учился и работал в императорском Казанском университете. По всей видимости, в основе данных воспоминаний лежит полученный им перечень вопросов, связанных с деятельностью В. Н. Тонкова в стенах Казанского университета. К. В. Ромодановский так и пишет: «После этого черезчур обширного введения, начну последовательно отвечать на Ваши вопросы». Можно предположить, что эти вопросы рассылались из Казани ограниченному кругу очевидцев работы В. Н. Тонкова в этом городе, например, из Казанского университета или местного медицинского института. Ответы на вопросы и являются жестким структурирующим элементом получившегося у автора текста. Правда, К. В. Ромодановский дал ответы не на все вопросы, мотивируя это тем, что «память может изменить, а документами я не располагаю». Помимо чернового рукописного варианта данных мемуаров (при подведении разночтений обозначен литерой А) автором был изготовлен и беловой машинописный экземпляр, отправленный, очевидно, заказчику. В домашнем архиве сохранился только первый лист машинописного варианта, который имеет значительные разночтения с черновой рукописью, в том числе и смысловые (ему присвоена литера Б). Все это свидетельствует о том, что при наборе на печатной машинке первоначальный текст был существенно отредактирован и уточнен. Думается, что в этом случае и рукописный вариант, который автор оставил в своем домашнем архиве, имеет не меньшее значение, так как отражает первоначальный замысел автора.

Третий и четвертый тексты, которые воспроизводятся в настоящей работе, сохранились в единственных экземплярах. Они представляют собой машинописные беловики с незначительной рукописной и машинописной авторской правкой. Тексты имеют заголовки: «Некоторые сведения из истории кафедры нормальной анатомии Омского медицинского института» и «Сорок лет изучения лимфатической системы и раздумий по поводу ее строения». Данные

мемуарные произведения посвящены истории становления и первых лет существования кафедры нормальной анатомии Омского мединститута, у истоков которой стоял К. В. Ромодановский, и началу изучения им лимфатической системы в ходе длительной научной командировки в 1927 г. в Ленинград и за границу, в Германию. В отличие от двух первых, черновых рукописных, данные машинописные тексты датируются достаточно точно. В мемуарах «Некоторые сведения...» на последней странице под текстом рукой автора (кстати, опять шариковой ручкой) проставлена формула подписи, дата и место создания воспоминаний: «проф[ессор] К. Ромодановский. 26/I 1967. г. Новосибирск». Во втором случае, в мемуарах «Сорок лет изучения...», автор на последней странице не проставил дату и подпись, но в самом начале своих воспоминаний указал, что приступил к изучению лимфатической системы с марта 1927, если к этой дате прибавить сорок лет из заголовка, то получится март 1967 г. Отсутствие даты и подписи, видимо, не случайно, данные мемуары вряд ли можно считать завершенными. Вероятно К. В. Ромодановский собирался к ним вернуться и доработать уже написанный текст, приведя его к логическому завершению.

Последний, пятый мемуарный текст имеет заголовок «Фрагменты прожитого и пережитого». В домашнем архиве он сохранился в нескольких экземплярах, причем и полностью, и в отдельных фрагментах. Все экземпляры являются машинописными беловиками с рукописной и машинописной авторской правкой. К. В. Ромодановский создал два варианта этого текста. Второй, окончательный вариант, который публикуется нами, получился в результате расширения мемуаристом предыдущего текста и уточнения излагаемого им. Не исключено, что изменения в текст, как и в предшествующих случаях, вносились непосредственно при его наборе на печатной машинке. Часть этих изменений сохранилась в виде рукописной правки на одном из первоначальных фрагментов данных мемуаров. Тогда же, при создании машинописного беловика второго варианта, название воспоминаний получило уточняющий подзаголовок: «Из истории организации Омского медицинского института». По-видимому, второй вариант был подготовлен для его обнародования в малотиражной газете Омского мединститута «За медицинские кадры». В отредактированном сотрудниками газеты виде отрывок из этих мемуаров напечатали в номере от 24 января 1967 г. с сообщением, что продолжение следует.

Текст публикуемого нами экземпляра с полным вариантом «Фрагментов прожитого и пережитого» (в подстрочнике при подведении разночтений ему присвоена литера А) можно разделить на две части. Данное деление соответствует тому, как текст воспоминаний К. В. Ромодановского разбили при его обнародовании в двух номерах газеты «За медицинские кадры». Выделяемая нами первая часть этого экземпляра мемуаров (А) одной машинописной закладки с четырьмя первыми листами первого варианта воспоминаний (в подстрочнике он обозначен литерой Б). Автор чернилами правил текст на этих четырех листах, однако внесенные им изменения никак не учтены в окончательном варианте.

Константин Владимирович Ромодановский.
1920-е гг.

Мемуарные произведения К. В. Ромодановского публикуются с сохранением орфографии автора. Пропущенные слова, буквы и знаки препинания воспроизводятся в квадратных скобках. В точно таких же скобках раскрываются сокращения.

С. Г. Петров, В. А. Ромодановская

Вторая же часть в публикуемом нами экземпляре мемуаров (А) имеет значительные расхождения с текстом первого варианта, который существенно расширен и переработан. Названная вторая часть, вошедшая в полный экземпляр первого варианта мемуаров (Б), сохранилась еще и отдельно, без первой части (эти два неполных экземпляра первого варианта мемуаров обозначены литерами В и Г), причем все они одной машинописной закладки. На одном из фрагментов (В) имеется авторская рукописная правка, которая учтена в окончательном варианте воспоминаний (А). Все текстуальные различия, выявленные при сопоставлении сохранившихся текстов первого варианта и публикуемого окончательно варианта мемуаров «Фрагменты прожитого и пережитого», отмечены под строкой.

[В армии Колчака]

Белая армия Колчака¹ неудержимо отступала. Пройдя Урал, вышли на лесисто-озерные и болотистые просторы Тюменской губернии. Иногда на заранее определенных рубежах происходила остановка, давались короткие арьергардные бои и снова отступление. Не помню точно когда, что-то около конца октября, приблизительно на половине рас[с]тояния от Тюмени до [Ново-]Николаевска, из штаба главнокомандующего приехал какой-то генерал, фамилии его не помню. Он созвал в штабе генерала Щербакова совещание командиров корпусов и дивизий. Из-за распутицы участники совещания приезжали в разное время и с опозданием.

Не дождавшись прибытия всех вызванных генералов, приезжий генерал отдает приказ остановит[ь] немедленно отступление и [с] указанного им рубежа перейти в наступление по всему фронту. Генерал Щербаков ему возражал и доказывал, что в указанный очень короткий срок не удастся не только организовать наступление, для которого нет и необходимых сил, но даже развести приказ по частям, так как вся армия находится на марше и согласно приказа об отступлении прибудет в намеченные пункты только через несколько дней. Приезжий настаивал на выполнении приказа об наступлении, Щербаков снова говорил о его нереальности и по этой причине отказывался выполнить [его]. Произошел крупный разговор. Приезжий генерал выхватил револьвер и убил генерала Щербакова².

Приезжающие генералы, узнав о разыгравшейся трагедии ни на какое совещание не оставались, а сейчас же возвращались в свои части. Известие о смерти генерала Щербакова распространилось с необычайной быстротой и произвело удручающее деморализующее впечатление на всю армию, особенно на офицерский состав. Никто после этого случая не хотел думать не только о наступлении, но даже о всяком сопротивлении. После этой драмы начался безудержный отход, вернее бегство армии Колчака.

Генерал Щербаков опытный военачальник, командовавший в 1-й Мировой войне армией, а затем и фронтом, пользовался среди офицерства армии Колчака большим авторитетом. Убийство его наглядно продемонстрировало офицерству гнилость всего белого движения.

Вместе со всей Колчаковской армией отступал и Казанский драгунский полк (сформированный во время Казанского восстания)[.] в котором я служил старшим (и единственным) врачом. Настроение у всех было подавленное. Я часто разговаривал с ветеринарным врачом Н. П. Руфимскимⁱⁱⁱ и некоторыми офицерами из мобилизованных прапорщиков запаса (на[ча]льником команды связи — он был студентом Ленинградского электротехнического института, начальником хоз[я]йственной части и адъютантом полка — художником). Все они глубоко разочаровались в белом движении, ругали белое командование и превозносили порядки в Красной Армии. Каждый из

них считал, что нужно перейти на сторону Красной Армии или по крайней мере сдаться в плен. Ждали только удобного случая и этот случай произошел под Красноярском. Восставшие красноярские рабочие преградили путь отступления армии Колчака. Они не пустили белых в город. Произошел короткий бой. Несмотря на численный перевес белых, так как никто не хотел драться по настоящему, рабочие победили. Армия^а под командой генерала Кап[п]еля^{iv} обошла Красноярск и двинулась дальше на Восток. Как мне потом стало известно, большая часть армии Колчака ушла в Китай.

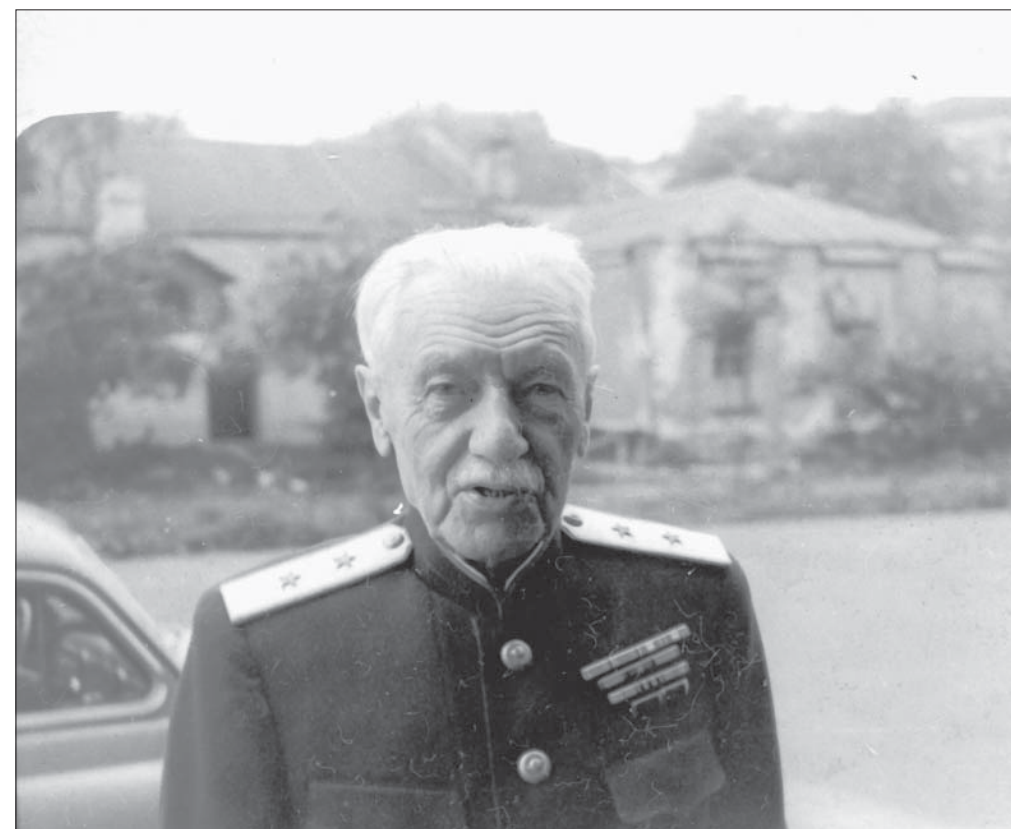
Под Красноярском произошла массовая сдача в плен арм[ии] Колчака (по БСЭ сдалось в плен около 20000 человек).

^а Далее ошибочно обошла Красноярск и.

Воспоминания о Владимире Николаевиче Тонкове

Свои воспоминания о Влад[имире] Ник[олаевиче]^{1, v} начну с первой встречи с² ним³ и той помощи, которую он оказал мне.

Дело в⁴ том, что в⁵ 1907^{1,а} г.⁶ был большой наплыв желающих поступить студентами⁷ на медицинский факультет. В связи с этим^{6,8} был проведен конкурс аттестатов зрелости. Я не прошел на медицинский факультет по конкурсу в⁹ связи с чем пришлось поступить¹⁰ на естественное отделение¹¹. В скором времени выяснилось, что при подсчете среднего балла канцелярией была допущена ошибка и я имел¹² балл даже больший чем проходной для медицинского фа-

Владимир Николаевич Тонков. Июнь 1954 г.

1,^а Исправлено карандашом из ранее написанного 1912; ⁶ вписано над строкой вместо зачеркнутого чем;

¹ Добавлено я Б; ²⁻³ нет Б; ⁴⁻⁵ было так. В Б; ⁶ году Б; ⁷ нет Б; ⁸ добавлено университетом Б; ⁹⁻¹⁰ и поступил Б; ¹¹ добавлено физико-математического факультета Б;

культета. Обнаружив^в эту ошибку,^г я возбудил ходатайство о переводе меня с естественного на медицинский факультет. Ректор, проф[ессор] Загоскин^{vi}, отказал мне и посоветовал обратиться к декану проф[ессору]¹³ Н. А. Миславскому^{14, vii} — «идите к декану, декан добрый, декан сделает». Декан,¹⁵ действительно добрейший и милейший человек, отказал мне под предлогом, что занятия уже начались и время для перевода упущено. Я был сильно огорчен. Кто то мне¹⁶ посоветовал¹⁷ обратиться к проф[ессору] В. Н.^а Тонкову, который только что вступил в исполнение обязанностей проректора по студенческим делам.

Влад[имир] Ник[олаевич] внимательно выслушал мою просьбу и назначил зайти к нему еще¹⁸ раз¹⁹ дня^е через два. Когда я пришел, то он обрадовал меня, сказав, что моя просьба удовлетворена. При этом он добавил, что я должен обещать²⁰ хорошо заниматься по анатомии. Я ответил, что даю слово хорошо изучить анатомию. Я²¹ постарался²² сдержать данное²³ слово²⁴ и это определило мою дальнейшую судьбу²⁵.

На²⁶ первом курсе^ж, поехав на³ зимние каникулы^{27,и} домой в Самару, я в²⁸ прозекторской губ[ернской] земской больницы^{29,к} с разрешения прозектор[а]³⁰ Кавецкого^{31, viii} (позднее³² он стал профессором)³³, отпрепаровал мышцы на целом трупе. В Казани на³⁴ кафедре анатомии я много делал препаратов, часть из которых была выставлена в музей, а затем³⁵ вместе с д[окто]ром Н. И. Дамперовым^{ix} отпрепаровал³⁶ сосуды и нервы на³⁷ целом трупе³⁸. На мои занятия анатомией обратил внимание Влад[имир] Никол[аевич]. Особенно ему понравился препарат артерий головы и^а в конце третьего года обучения он предложил мне тему — «артерии покровов головы».

Эта работа была мною^м выполнена и опубликована в «Казанском медицинском журнале» за 1912 г. и как предварительное сообщение в [«]Русском враче[»]. За эту^н же^о работу университетом мне была присуждена золотая медаль^х.

Когда я был на пятом курсе, то Владимир Николаевич предложил мне после окончания остаться на кафедре анатомии «стипендиатом для подготовки

^{в-г} вписано над строкой вместо зачеркнутого В связи с этим; ^а вписано над строкой; ^е вставлено согласно знаку переноса, первоначально написано в конце предложения; ^ж вписано над строкой вместо зачеркнутого и втором курсе; ^{3-и} вписано над строкой со знаком вставки; ^к вписано над строкой; ^а далее зачеркнуто когда я был студентом; ^м вписано над строкой; ^{н-о} вписано над строкой вместо зачеркнутого эту;

¹² добавлено средний Б; ¹³⁻¹⁴ нет Б; ¹⁵ добавлено проф[ессор] Н. А. Миславский, Б; ¹⁶ нет Б; ¹⁷ добавлено мне Б; ¹⁸⁻¹⁹ нет Б; ²⁰ добавлено ему Б; ²¹ перед этим добавлено Дав слово, Б; ²² стремился Б; ²³⁻²⁴ его Б; ²⁵ добавлено Я много препаровал и увлекся анатомией. Б; ²⁶⁻²⁷ Даже во время зимних каникул, уехав Б; ²⁸⁻²⁹ нет Б; ³⁰ добавлено губернской земской больницы, Б; ³¹ перед фамилией добавлены инициалы имени и отчества Е. Л. Б; ³²⁻³³ нет Б; ³⁴⁻³⁵ нет Б; ³⁶ добавлено на целом трупе Б; ³⁷⁻³⁸ нет Б; далее в Б начало нового предложения Много делал...

к профессорскому званию». Так тогда называлась должность соответствующая современно[й] аспирантуре. Давалась стипендия на три года и если стипендиат за это время успевал сделать и защитить докторскую диссертацию, то получал еще трехгодичную заграничную научную командировку. Я, конечно, с восторгом принял предложение Влад[имира] Николаевича. Что из этого проекта^п получилось я расскажу немного позднее.

После этого чересчур обширного введения, начну последовательно^р отвечать на Ваши вопросы.

1-й вопрос. Лично мне не известно состояние кафедры анатомии к моменту приезда В[ладимира] Н[иколаевича] в Казань. Со слов старых работников кафедры знаю, что кафедра анатомии^с делила помещение с кафедрой патологической анатомии. Благодаря хлопотам В[ладимира] Н[иколаевича] кафедра патологической анатомии была выведена в другое здание — бывшего общежития студентов (<на^т од...?> Арского поля)^у, которое после студенческих волнений 1905 года было закрыто как общежитие и в нем была размещены ряд кафедр медицинского факультета и некоторые естественного.

Научная работа на кафедре еле теплилась, если не сказать, что она совсем отсутствовала.

Учебный музей отсутствовал. Имелся^ф только фундаментальный, в котором было много черепов разных народностей, связанных скелетов и влажные препараты. Среди последних было^х много уродов, но встречались и уникамы, так было несколько препаратов из коллекции Рюиша^{u, xi}, приобретенных у него Петром I, было несколько препаратов артерий отдельных мышц, просветленных скипидаром, изготовленных Лодером^{xii} и другие. Препараты фундаментального музея, если я не ошибаюсь, никем не описаны, кроме препаратов Рюиша, описанию которых посвятил свою статью проф[ессор] В. Н. Терновский.

До приезда В[ладимира] Н[иколаевича] кафедрой временно заведывал приват-доцент этой же кафедры А. В. Вишневский^{xiii}, который позднее перешел на кафедру операт[ивной] хир[ургии] и то[пологической] анат[омии]. Про-зектором состоял А. В. Сурков и пом[ощником] прозектора В. А. Попов^{xiv}. Штат небольшой и он был перегружен педагогической работой.

Средний научно-вспомогательный персонал на кафедре отсутствовал.

Слушателей было несколько человек^ч. Обязанности между ними были распределены. Один занимался мацерацией, другой ведал моргом, бальзамировкой трупов и инъекцией артерий массой Тейхмана^{xv}. Некоторые обслуживали вешалку, другие занимались уборкой помещения.

^п далее зачеркнуто Влад[имира]; ^р вписано над строкой; ^с вписано над строкой; ^{т-у} вписано над строкой; ^ф вписано над строкой вместо зачеркнутого Был; ^х далее зачеркнуто уник[умы]; ^u далее зачеркнуто вывезен[ных]; ^ч далее зачеркнуто Некоторые из них;

Наиболее старый и опытный служитель — Хасан,^ш вязал скелеты и выдавал студентам для^ш изучения^б кости^м. Я не помню, чтобы выдача костей оформлялась расписками, залогом студ[енческого] билета и т. п. Хасан как-то запоминал кому он выдавал кости и надо отдать справедливость, что студенты возвращали кости и потери их были небольшие.

Служитель Хасан достоин того, чтобы о нем рассказать^б подробнее. Он был стариком, участником еще русско-турецкой войны[,] на которой был или санитаром или ротным фельдшером. Он был грамотен по-татарски. Кости он знал хорошо и умел хорошо разбирать черепа, изготавливать костные препараты для музея. За стеклянной переборкой при входе во 2-й этаж располагался он со всем своим костным хозяйством. Он подрабатывал тем, что продавал студентам чай и булочки. К тем студентам, которые систематично у него покупали себе завтрак, он относился особенно благосклонно. Булочки он покупал в той булочной[,] где пекарем работал А. М. Гор[ь]кий. В своих воспоминаниях Алексей Максимович тепло отзывался^з о Хасане.

Когда Хасан приблизительно в 1910 г. вышел на пенсию, то он занялся переводом на татарский язык популярных^ю медицинских брошюр о трахоме, заразных болезнях и^я т. п.^{II,а} Эти переводы редактировал врач татарин, кажется Кутлубаев^{хvi} и они были изданы. После этого Хасан^б написал^в на татарском языке краткую популярную анатомию, которая и была издана.

Очевидно Хасан скучал о кафедре. Каждый раз, приходя в университетское казначейство получать пенсию, он^г[,] надев^а праздничный халат и^е прикрепив^ж к нему медали[,] заходил на кафедру; сначала он навещал Влад[имира] Ник[олаевича]. Закрывшись в кабинете они довольно^з долго беседовали^и. Затем Хасан обходил всех сотрудников кафедры. Со мною и другими молодыми беседа была короткой. Он подходил, здоровался[,] похлопывал по плечу и говорил: «Что работаешь?» [«]Работаю, Хасан[«]. «Ну работай, работай, профессор будешь».

Помещение кафедры. На 1-м этаже была круглая аудитория с хорами[,] на которых размещались препаратны[е] фундаментального музея. На этом же этаже была длинная комната — препаровочная для студентов[,] где проводились со всеми группами прак[тические] занятия по миологии, синдемологии и периферической сосудистой и нервной системам. Рядом с препаровочной была небольшая комната[,] в которой Вл[адимир] Ник[олаевич]

^ш далее зачеркнуто выда[вал]; ^{ш-б} вставлено согласно знаку переноса, первоначально написано в конце предложения; ^м далее зачеркнуто на кафедре; ^б исправлено из ранее написанного сказать; ^з вписано над строкой над словом упоминает; ^ю далее зачеркнуто брошюр; ^{я-II,а} вписано над строкой; ^б далее зачеркнуто задался целью; ^в исправлено из ранее написанного написать; ^г далее зачеркнуто приходил на кафедру над[евал] предварительно; ^а исправлено из ранее написанного надевал; ^е вписано над строкой со знаком вставки; ^ж исправлено из ранее написанного прикреплял; ^{з-и} расставлено согласно написанным над словами цифрами;

принимал экзамены и зачеты. В другое время эта комната использовалась ассистентами^к для сосудистых инъекций или^а практическими врачами для препаровки.

Во 2-м этаже над^м препаровочной^н размещался учебный музей. Часть его — препараты по остеологии были размещены в стенных витринах в аудитории. За музеем была комната прозектора. Дальше небольшой коридор вел в кабинет профессора. Из этого коридора была дверь на лестницу, которая вела^о в 1-й этаж и подвал, а кроме того на 3-й этаж[,] где была комната, которую занимали в разное время то прозектор, то пом[ощник] прозектора или стипендиат им[ени] Грубера^{хvii}.

В подвальном этаже был морг. Так как все трупы бальзамировались жидкостью с глицерином, то они хранились открыто на нарах. Мацерационная помещалась^п в полуподвальном этаже с отдельным входом со двора.

Оборудование^р для^с научных работ было бедное — один микротом, 2–3^т микроскопа^у. Бинокулярная лупа и рентгеновский аппарат отсутствовали.

Мебель^ф была простой. В препаровочной столы для препаровки были простые деревянные крашенные^х масляной краской^и с бортиками по краям с желобами на столешнице[,] которые от углов соединялись к^ч центру стола, где было отверстие с вставленной метал[л]ической трубкой для стока жидкости. К столешнице снизу подвешивалось ведро. В препаровочной были обычные^ш табуретки и высокие. Для хранения отпрепарированных внутренностей и отдельных частей трупа имелись ванны^ш[,] сделанные из луженой листовой меди в деревянной обкладке с водяным затвором. Студенты для самостоятельных^б занятий по анатомии имели право брать из ван[н]ы препараты.

Аудитория имела стол для лектора и простые венские стулья.

В учебном музее по стенам стояли деревянные шкафы со стеклянными дверками или настенные витрины. По середине комнаты в два ряда стояли длинные столы с витринами[,] в которых выставлялись музейные препараты.

2. «Назначение и приезд В. Н. Тонкова в Казань». Я в это время еще учился в Самарской гимназии, но, насколько я знаю, В[ладимир] Н[иколаевич] был избран, а не назначен. Это имеет большое значение, т. к. к назначенным профессорам относились очень плохо^м студенты, да и профессора их чуждались.

3. «Место жительства и семья В. Н. Тонкова». Вл[адимир] Ник[олаевич] жил в центре Казани на Театральной площади, занимал квартиру во втором

^к вписано над строкой со знаком вставки; ^а далее первоначально вписано для препаровки, перенесенное затем специальным знаком в конец предложения; ^{м-и} вписано над строкой со знаком вставки; ^о далее зачеркнуто в нижний этаж; ^п далее зачеркнуто тоже в подвальном; ^р перед этим словом зачеркнуто Научное; ^с вписано поверх ранее написанного было; ^т вписано над строкой вместо зачеркнутого несколько; ^у исправлено из ранее написанного микроскопов; ^ф далее зачеркнуто в препаровочной; ^{х-и} вписано над строкой со знаком вставки; ^ч далее зачеркнуто серед[ине]; ^ш вписано над строкой; ^ш вписано над строкой; ^б вписано над строкой вместо зачеркнутого изучения; ^и далее зачеркнуто как;

этаже дома[,] находящегося во дворе. Я бывал только в двух комнатах его квартиры — в кабинете, который выходил в прихожую и в следующей большой комнате — столовой.

Семья Вл[адимира] Ник[олаевича] в то время состояла из жены, двух дочерей и старушки матери. Мать[,] хотя была и стара, но была энергична и необычайно умна. Она имела влияние на Влад[имира] Ник[олаевича].

Жена — Анна Васильевна — была доброй женщиной^б, любезной хозяйкой, занималась детьми и хозяйством. У меня осталось впечатление, что она мало интересовалась деятельностью Влад[имира] Никол[аевича].

Дочери в мое время были еще гимназистками.

4. «Отношение Ректората Университета к В. Н. Тонкову и его положение среди профессуры Ун[иверсите]та».

Об отношении с Ректоратом я ничего не могу сказать, т. к. они мне не были известны^в.

Среди профессуры В[ладимир] Н[иколаевич] пользовался авторитетом и уважением. Он особенно был близок с либерально^ю настроенными профессорами^г. В период 1905–1907 годов профессура Казанского У[ниверсите]та[,] в том числе и медицинского факультета делилась на две группы — монархически настроенные — Загоскин (ректор), Засецкий^{хviii}, Залесский^{хix} и^{III,а} т. д. Представители другой группы были либерально настроенные, большинство их входило в партию «кадетов». К этой группе принадлежали В. Н. Тонков, Ф. Я. Чистович^{хх}, В. П. Осипов^{хxi}, Н. А. Миславский^б, Тимофеев^{хxi}, А. Н. Казем-Бек^{хxi}, Н. А. Геркен^{хxiv} и многие другие. Эта группа профессоров была более многочисленной и на совете факультета и Совете У[ниверсите]та она при голосовании часто одерживала победу над реакционерами, что вызывало их раздражение[,] выливавшееся иногда в политические доносы, как об этом пишет в своей статье В. В. Куприянов (Арх[ив] АГЭ, 1962, № 10)^{ххv}.

Среди этой группы профессуры В[ладимир] Н[иколаевич] пользовался большим авторитетом. Они то и выдвигали его кандидатуру^в на должность ученого секретаря факультета и декана факультета.

5. «Какие обязанности были поручены В. Н. Тонкову по Университету и вне его». Я помню, что В[ладимир] Н[иколаевич] избирался ученым секретарем факультета и деканом факультета. В бурные 1905–07 годы В[ладимир] Н[иколаевич] был проректором Университета. Это была тяжелая должность^г. Революционно настроенное студенчество бурлило. Администрация — попечитель, губернатор требовали жестких мер по отношению к студентам. Проректор[,] можно сказать, был между молотом и наковальней. Чтобы справ-

^б вписано над строкой вместо зачеркнутого и; ^в далее зачеркнуто Могу только; ^ю вписано над строкой вместо ранее написанного прогрессивно; ^г далее зачеркнуто В. П. Осиповым, Ф. Я. Чистовичем; ^{III,а} далее зачеркнуто другие; ^б вписано над строкой; ^в далее зачеркнуто в ученые сек[ретари]; ^г вписано над строкой вместо ранее написанного обязанность;

ляться успешно с этой должностью требовались большой такт и выдержка. В[ладимир] Н[иколаевич] был наделен этими качествами в полной мере.

В[ладимир] Н[иколаевич], очевидно, сочувствовал революционно настроенному студенчеству, так как он, иногда, вопреки^а желанию начальства (попечителя и губернатора)^б разрешал студенческие сходки. Эти сходки обычно были бурными. Выступавшие ораторы в пламенных речах, носивших острый политический характер, критиковали существующий строй, призывали к активной борьбе.

Среди революционно настроенных студентов мне запомнились две фамилии великопепных ораторов — Эмдина^{хxvi}, который потом^ж был профессором нервных болезней, кажется, в Северо-Кавказском у[ниверсите]те (в Ростове-на-Дону) и П. Л. Драверт^{хxvii}. Последний известен тем, что он водрузил над зданием У[ниверсите]та красное знамя. П. Л. Драверт арестовывался, был в ссылке в Сибири (Якутии). Он был студ[ентом] естественного отделения и специализировался по геологии с минералогией. Свои ссылки^з он использовал для собирания материалов по геологии Сибири и им были опубликованы ряд научных работ. Умер он в 1945 году в Омске[,] где работал профессором геологии с минералогией^и.

6. Руководство кафедрой Анатомии В. Н. Тонковым.

а) место-кабинет-работы

Мне трудно говорить о том новом, что ввел В[ладимир] Н[иколаевич] в дело преподавания анатомии и в научную работу. Из рассказов старших товарищей я знаю, что до его прихода научная работа на кафедре еле теплилась, вернее, она отсутствовала. Учебный музей отсутствовал. Преподавалась описательная анатомия без ссылок на фило- и онтогенез, т. е. в изложении анатомии отсутствовал[и] элементы эволюционного подхода.

Как перестраивал работу кафедры В[ладимир] Н[иколаевич] я не знаю. Устраивались ли кафедральные заседания[,] на которых обсуждались принципиальные вопросы дела преподавания или реформа проводилась чисто административно — я не знаю. Во всяком случае я не помню[,] чтобы были кафедральные заседания.

Во втором этаже находился кабинет В. Н. Тонкова, который был обставлен очень скромно. Кроме письменн[о]го стола было несколько рабочих столов и несколько шкафов. Из кабинета была выделена стеклянной переборкой небольшая комната для препаровки и изготовления музейных препаратов.

Методика преподавания. В[ладимир] Н[иколаевич] считал, что анатомию можно хорошо изучить только по препаратам. Поэтому он с самого начала сво[е]й работы в Казани обратил большое внимание на организацию учебного

^а исправлено, в рукописи во преки; ^б в рукописи далее повтор слова иногда; ^ж далее зачеркнуто был проф[ессором]; ^з далее зачеркнуто в Сибирь; ^и далее зачеркнуто Сибирск[ого] с[ельско]х[озяйственного] института;

музея, считая что только [при] наличии такого музея студенты смогут хорошо освоить дисциплину.

Еще будучи в Петербурге, он с помощью ассистента^к готовил костные препараты для будущего учебного музея. Можно сказать, что отдел остеологии учебного музея кафедры почти полностью был привезен им, как своеобразное «приданое». В изготовлении препаратов учебного музея были вовлечены все сотрудники кафедры и сам В[ладимир] Н[иколаевич] работал музейные препараты. Так как большие банки для вложения препаратов отсутствовали, то приходилось крупные препараты по периферич[еской] сосуд[истой] и нервной системе высушивать, покрывать лаком и раскрашивать сосуды и нервы. Из-за недостатка банок^а препараты мозга пропитывались глицерином и высушивались. Они теряли много в красоте, но были^м <...>.

В результате многолетней упорной работы всего коллектива кафедры был создан неплохой учебный музей. Он описан самим В. Н. Тонковым, ассистентом К. М. Яхонтовым^{ххviii} и В. И. Бик^{ххix}. В этих описани[я]х указано[,] кто изготавлял препараты.

Созданный В[ладимиром] Н[иколаевичем] музей являлся^н ценным пособием при изучении анатомии, и^о пользовался большой любовью студентов. Он всегда был переполнен.

Лекции^п. Вл[адимир] Ник[олаевич] не отличался ораторскими способностями, но его лекции студенты посещали охотно, т[ак] как они излагались простым доступным языком и богато иллюстрировались великолепными таблицами, заказанными В[ладимиром] Н[иколаевичем] художнику Э. Спориусу^{ххх}. Не знаю[,] были ли лекционные таблицы до В[ладимира] Н[иколаевича]. Я помню только таблицы[,] рисованные Спориусом. Сам В[ладимир] Н[иколаевич] на доске не рисовал.

Для того, чтобы облегчить понимание на лекции строения некоторых «трудных» костей В[ладимиром] Н[иколаевичем] был приглашен скульптор, который вылепил из глины, а затем отлил из гипса модели височной кости, верхней челюсти, решетчатой кости и ряда других костей черепа. Эти гипсовые отливки фигурировали на лекциях. Конечно они были гораздо более наглядны чем рисунки.

На лекция[х] В[ладимир] Н[иколаевич] всегда делал экскурсии в сравнительную анатомию и эмбриологию. Свои лекции на 1-м курсе он начинал с понятия^р о клетке и описания разных видов тканей, а затем развития зародыша (ланцетника). При его изложении анатомия «оживала», и интерес к ней у студентов повышался.

При В[ладимире] Н[иколаевиче] были обязательными следующие практи-

^к далее оставлено свободное место для фамилии; ^а далее зачеркнуто многие; ^м далее срезана строка с несколькими словами; ^{н-о} вписано над строкой со знаком вставки; ^п написано на левом поле; ^р далее зачеркнуто о понят[ии] и вписанное над строкой со знаком вставки кле[т]ке и разных;

ческие занятия — 1) препаровка мышц на целом трупe, 2) препаровка суставов и 3) препаровка перифер[ических] сосудов и нервов. По другим разделам обязательных практических занятий не было. Студенты при изучении этих отделов пользовались готовыми препаратами[,] хранившимися в больших «ваннах», которые стояли в препаровочной и^с студенты сами брали из них нужные им препараты. Если студент не разбирался в препарате, то он мог обратиться за помощью к любому из ассистентов и отказа не встречал.

Для желающих студентов устраивались демонстрации мозга со вскрытием желудочков.

В осеннем семестре проводились препаровки периферических сосудов и нервов, а в весеннем мышц и суставов.

В мое время постоянных групп не существовало, обычно на кафедре вывешивались объявления, что на такие-то числа вызываются группы для препаровки и предлагалось записываться. Каждый студент выбирал ту группу[,] срок занятий которой его более устраивал. Запись производилась на вывешенных листах с номером группы и сроком начала занятий. Группы формировались в 10–12 человек.

Роль ассистента сводилась к следующему. На первом занятии распределялись на трупe области между студентами, показывалась техника препаровки. На протяжении первых 4–5 дней препаровка производилась при постоянном присутствии и помощи со стороны ассистента. Ассистент обычно сам делал разрезы мышц для обнаруживания глубоко расположенных мышц, сосудов и нервов.

Когда студенты достаточно осваивали препаровку, то они продолжали ее совершенно самостоятельно, пользуясь атласами и учебниками. Ассистент в это время^т не находился все время в группе, а посещал ее ежедневно, но на короткое время, так как^у он был занят с[о]^ф второй группой, вызванной для препаровки. Одновременно ассистент вел до 4*–5 групп. Из них одни только [начинали] препаровку, у других она была в разгаре, третьи учили по отработочному трупу, четвертые готовились к зачету.

Никаких объяснений и натаскивания со стороны ассистентов не было. Ассистенты только демонстрировали по отработанному трупу наиболее важные топографические отношения (паховый и бедренный каналы, борозды и каналы на конечностях и т. п.). Студенты очень добросовестно препаровали и изучали анатомию по трупам, т. к. в то время считалось, что анатомия является важнейшей дисциплиной в системе медицинского образования, а кроме того знали, что без знаний не удастся сдать зачет В[ладимиру] Н[иколаевичу].

Препаровка^н проводилась ежедневно (кроме воскресений) по вечерам с 5 до 8 часов.

^с далее зачеркнуто были; ^т далее зачеркнуто посещ[ал]; ^у далее зачеркнуто в это; ^ф далее зачеркнуто вновь же; ^х вписано над строкой; ^н перед этим словом зачеркнуто Все тек[ущие] практические занят[ия];

Влад[имир] Ник[олаевич] почти ежедневно обходил препарующие группы и часто задавал студентам вопросы — что он делает, какой препарует мускул или сосуд. Такие вопросы профессора заставляли студентов все время читать учебник, они заставляли сознательно, а не механически препаровать.

Когда заканчивалась препаровка и студенты^ч выучили материал, то сдавался зачет (время заранее не фиксировалось) самому В[ладимиру] Н[иколаевичу]. Труп переносился в небольшую комнату, соседнюю с препаровочным залом. Зачет проводился обычно быстро. В[ладимир] Н[иколаевич] спрашивал — что за сосуд и нерв, какая мышца, какая у нее функция. Он обходил кругом труп[,] все время задавая студенту вопросы^ш. На обдумывание вопросов время не давалось. Если студент не отвечал, то сейчас же следовал другой вопрос. При такой системе опроса, чтобы получить зачет, студент должен был хорошо знать фактический материал. Не сдавший зачет имел право повторной сдачи с другой группой. Провалившие^ш второй раз назначались на повторную препаровку, но это было крайне редко.

Для препаровки связок использовался материал от ранее отпрепарованных мышечных и сосудистых трупов^б. Каждая группа получала набор^в препаратов[,] в который входили все основные суставы. После отпрепаровки и изучения сдавался снова зачет самому В[ладимиру] Н[иколаевичу]. После зачета сейчас же в этой же комнате производилась ассистентом демонстрация суставных поверхностей и различных внутрисуставных образований. Для этого все отпрепарованные суставы вскрывались. Вскрытие всех суставов преследовало и другую цель — чтобы нерадивый студент не смог чужой препарат сустава выдать за свой.

Все Экзамены^б В[ладимир] Н[иколаевич] принимал сам. Было по анатом[ии] два экзамена. В конце 1-го года по системе органов движения (остеология, синдесмология и миология) и второй в конце 2-го года по остальной части анатомии. Экзамены сдавались не группой, а индивидуально. Каждый записывался на тот срок, который считал для себя более выгодным.

На экзамене билеты отсутствовали. Обычно В[ладимир] Н[иколаевич] приглашал в комнату[,] где проводились экзамены[,] двух-трех человек и каждому давал^з один более крупный вопрос. Этот вопрос можно было обдумывать пока отвечает предыдущий студент. Следующие вопросы были менее крупные и отвечать на них следовало сейчас же, без обдумывания. Вопросы по фило- и онтогенезу на экзамене задавались, но если студент по ним «плавал» или не знал, но хорошо знал фактический материал по анатомии, то В[ладимир] Н[иколаевич] не проваливал студента, а снижал только оценку. Это объясняется тем, что в то время в учебниках анатомии (Д. Н. Зернов^{ххxi}) эти вопросы или совсем не

^ч далее вписано над строкой и зачеркнуто достаточно; ^ш далее зачеркнуто Обдумывать вопросы; ^ш далее зачеркнуто и повторный зачет обязаны были; ^в исправлено, в рукописи трупов; ^б далее зачеркнуто сустав[ов]; ^б далее зачеркнуто принимал; ^з исправлено из ранее написанного задавал;

освещались или освещались очень плохо, а свой учебник В[ладимир] Н[иколаевич] только еще писал. В Казани им была написана только система органов движения (кроме миологии). Экзаменатор В[ладимир] Н[иколаевич] был довольно строгий.

Помощники^ю В[ладимира] Н[иколаевича] по кафедре. О первых помощниках, которых В[ладимир] Н[иколаевич] застал на кафедре по приезде в Казань, я знаю только по рассказам. После смерти проф[ессора] Фортунатова^{ххxii} кафедрой[,] м[ожно] сказ[ать,] временно заведовал прозектор А. В. Вишневский. Он после приезда В[ладимира] Н[иколаевича] перешел на кафедру топ[ографической] анат[омии] и опер[ативной] хир[ургии]. А^з прозектором (старш[им] ассистентом) стал бывший пом[ощник] прозектора А. В. Сурков. Он проработал на кафедре до 1908 года, до возвращения с Дальнего Востока Н. Д. Бушмакина^{ххxiii}, который и занял место прозектора. Помощником прозектора был В. А. Попов. Следовательно в^з 1908 г[оду]^{iv,а} штат кафедры состоял из профессора, прозектора — Н. Д. Бушмакина, пом[ощника] прозектора В. А. Попова. Кроме^б перечисленных штатных помощников на каф[едре] норм[альной] анат[омии] работал К. М. Яхонтов, который получил стипендию В. А. Грубера^г (из % с завещанного капитала), которая давалась лицам[,] посвятившим себя изучению анатомии. Он работал научно и наравне с ассистентами вел практические занятия по анатомии^б.

Такой мизерный штат не мог обеспечить даже преподавание на такой^а кафедре как анатомии при большом числе студентов (250 человек) и большом числе часов практических занятий. К тому же Влад[имир] Ник[олаевич] горел желанием развернуть на кафедре научную работу. Выход был найден путем привлечения к педагогической работе врачей хирургов, изучавших на кафедре анатомию, а с другой стороны студентов старших курсов, которые[,] увлекаясь анатомией[,] работали на кафедре научно.

В Казани в то время было принято, что все молодые хирурги (ординаторы клиник) первый год своей клинической работы одновременно по вечерам работали по изучению^е анатомии. Они отпрепаровывали сначала мышцы, а затем сосуды и нервы. После того[,] как они в течении учебного года изучили анатомию, В[ладимир] Н[иколаевич] говорил им, что они изучили анатомию, но необходимо полученные знания закрепить, а для этого лучше всего провести занятия с несколькими студенческими группами. Так была сформирована нештатная группа преподавателей анатомии. Некоторые из них работали на анатомии по несколько лет и занимались научной работой (П. А. Глушков^{ххxiv}, Н. В. Соколов^{ххxv}, Н. И. Дамперов и много других).

^ю вписано повторно над строкой и зачеркнуто; ^з далее зачеркнуто старш[им]; ^{я-iv,а} вписано на левом поле со знаком вставки; ^{б-в} вставлено согласно помете на левом поле с последн[ей] страницы и знаку вставки, повторенному на последней странице рукописи; ^г далее зачеркнуто (% с завещ[анного]); ^а далее зачеркнуто большой каф[едре]; ^е вписано над строкой;

Среди* студентов встречались³ любители анатомии, которые просили дать им возможность попре[па]рывать дополнительно. Если такие студенты проявляли усердие, то В[ладимир] Н[иколаевич] охотно давал им темы для научной работы и этим они на несколько лет привязывались к Казани. Темы он давал серьезные. Некоторые из этих тем в дальнейшем были оформлены и защищены как докторские диссертации. Этих студентов[,] хорошо изучивших анатомию, привлекали к проведению практических занятий сначала как помощников ассистентов, а затем давали им группы и для самостоятельного проведения занятий. Я могу назвать ряд студентов[,] работавших на кафедре анатомии — К. М. Яхонтов, Мокин, А. Д. Сперанский^{xxxvi}, Д. М. Емельянов, К. В. Ромодановский, Б. Н. Бажанов^{и,xxxvii}, А. Т. Лидский^{xxxviii}, В. И. Бик, Афанасьев и ряд других.

На вопросы[,] изложенные в «6 ...^к г)» я не считаю возможным ответить, так как память может изменить, а документами я не располагаю. Могу только указать[,] где можно почерпнуть интересующие Вас сведения.

— «Научные работы, выполненные в Казани». В избранных трудах В. Н. Тонкова, изданных в 1959 г. Медгизом к биографическому очерку, составленному И. Д. Лев[,], приложен хронологический список трудов В[ладимира] Н[иколаевича]. Работы с 1905 по 1915 год относятся к Казанскому периоду его деятельности, там же имеются сведения и об учебниках, написанных в Казани.

<8?> «Препараты, изготовленные им лично в Казани». Об этом можно найти сведения в описании уче[бного]^а музея Казанского кафедры анатомии, составленном В. И. Бик.

Воспоминания об общественной деятельности В[ладимира] Н[иколаевича] в Казани у меня отсутствуют. Знаю, что он был одним из организаторов общества Народных университетов и его председателем, что он читал популярные лекции на естественно-научные темы рабочим Алафузовских заводов. Лекции эти пользовались популярностью.

Отъезд В[ладимира] Н[иколаевича] из Казани и замещение кафедры анатомии его ближайшим помощником профессором Н. Д. Бушмакиным произошёл в то время, когда я был на фронте и я об этом ничего сказать не могу.

* перед этим словом зачеркнуто В[ладимир] Н[иколаевич]; ³ вписано над строкой вместо зачеркнутого были; ^и далее зачеркнуто В. И. Бик и ряд,^к многоточие в тексте рукописи; ^а вписано над строкой со знаком вставки.

Некоторые сведения из истории кафедры нормальной анатомии Омского медицинского института

История организации Омского медицинского института, который до 1925 г. назывался Западно-Сибирским, хорошо описана проф[ессором] К. М. Гречищевым^{xxxix} в его статье, опубликованной в Трудах Западно-Сибирского медицинского института, кн. 1, 1923 г. Но в этой статье не приводятся сведения о развитии отдельных кафедр института, а их организация в некоторых случаях представляет довольно большой интерес.

Медицинский институт сначала был организован как факультет Омского Ветеринарно-Зоотехнического института, что значительно ускорило его организацию, сэкономило средства и^а решало вопрос с преподавательскими кадрами, так как преподавание на I-м курсе (кроме анатомии) велось на кафедрах ветеринарного института его штатными профессорами и преподавателями.

Для организации кафедры анатомии и преподавания на ней приказом Сибздрава из Красноярска в Омск был переведен К. В. Ромодановский, который раньше работал ассистентом на каф[едре] норм[альной] анатомии Казанского университета под руководством проф[ессора] В. Н. Тонкова, а затем проф[ессора] Н. Д. Бушмакина. В Омск он прибыл в конце февраля и сразу приступил к организации кафедры. Ближе к лету штат кафедры пополнился двумя преподавателями — З. А. Краснопевцевой¹, бывшим практическим врачом, и Б. Н. Бажановым, который будучи студентом Казанского университета, работал на кафедре норм[альной] анатомии препаратором и хорошо знал предмет.

Так как у института до августа 1921 г. не было собственного здания, то преподавание анатомии на I-м курсе велось в фельдшерской школе, где в зале читались лекции, а в учебных комнатах изучались кости. Препаровка в этом здании не велась.

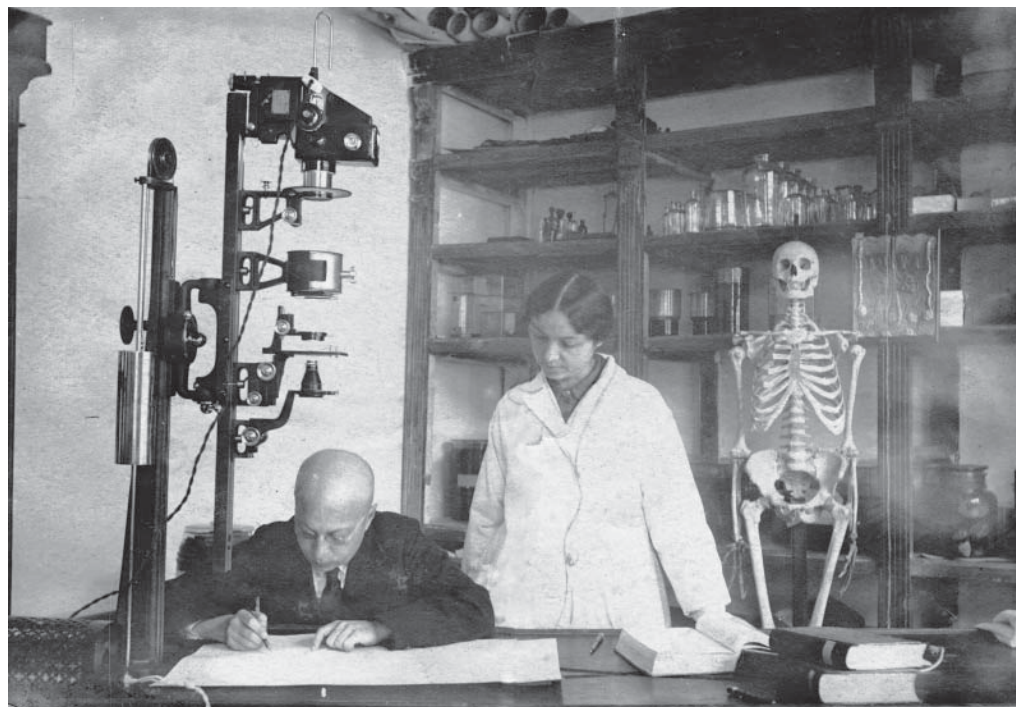
На I-й курс были приняты не только окончившие среднюю школу, но довольно много фельдшеров. Для последних было решено организовать ускоренное прохождение курса медицинского института (в 4 года)[,] а для этого по анатомии и некоторым другим дисциплинам первых 2-х курсов были созданы повторительные курсы.

Анатомия с фельдшерскими группами проходила на базе секционной военного госпиталя. Все занятия с ними вел только зав[едующий] кафедрой К. В. Ромодановский.

При повторительном курсе анатомии с фельдшерами проходились следующие разделы анатомии: все внутренности, вся сосудистая система, центральная и периферическая нервная система, железы внутренней секреции и органы чувств.

Недостатка в трупном материале не было. Все занятия с фельдшерскими группами проводились на свежих трупах. Быстро отпрепаровывалась

^а Впечатано над строкой;

На кафедре анатомии Омского медицинского института.
Константин Владимирович и Зинаида Александровна Ромодановские. 1920-е гг.

та или другая система органов и как во время препаровки, так и после ее проводилась демонстрация препаратов с подробным теоретическим объяснением.

После окончания этого курса был проведен зачет. Результаты зачета превзошли^б все самые радужные ожидания. Студенты-фельдшера хорошо усвоили анатомию несмотря на то, что институт не мог снабдить их учебниками, которые они доставали у знакомых врачей.

В августе 1921 г. медицинский институт выделился из состава ветеринарного института и получил в центре города на главной улице большое здание, в котором для кафедры анатомии было выделено помещение площадью около 450 кв. метров. В этом помещении было три больших комнаты, из которых одна была отведена под аудиторию, другая под препаровочную и третья под учебный музей. Шесть комнат меньшего размера были распределены так: лаборатория кафедры, кабинет зав[едующего] кафедрой, комната ассистентов, комната препараторов, хранение костей и влажных препаратов и хранение бальзамированных трупов.

^б исправлено, в мемуарах превзошли;

В столярной мастерской, организованной при институте, были для кафедры изготовлены столы для препаровки, табуретки^в обычных размеров и высокие для препаровки, а также музейные шкафы. Для аудитории из полок и прилавков магазина (полученное институтом здание принадлежало раньше торговому дому Ганшина^{ли}) артелью плотников из студентов-медиков бесплатно были сделаны довольно примитивные скамейки со спинками и небольшими пюпитрами.

Как только кафедра начала оснащаться мебелью, преподавание анатомии и п[ри]обрело тот характер, который свойствен этой дисциплине. Читались теоретические лекции, проводились демонстрации и велась препаровка по трем разделам (мышцы, суставы, ангио-неврология). Следует отметить, что занятия по препаровке проводились не по стабильному расписанию, а делалось так, как было принято на кафедре анатомии Казанского университета в старое время. На препаровку отводилось^г время от 5 до 8 часов вечера ежедневно (кроме выходных дней). Группы студентов не были постоянными, а создавались в количестве 10–12 человек из студентов, желающих препаровать в данное время. На группу выдавался труп, который, под руководством ассистента, студенты должны были полностью отработать, а затем на трупе выучить соответствующий раздел анатомии. Когда группа выучивала материал, то у нее принимал зачет зав[едующий] кафедрой. При этом обращалось внимание не только на знания, но и тщательность препаровки. Так как время самой препаровки и подготовки к зачету не ограничивалось, то знания большинства студентов были хорошими. Провал на зачете являлся большой редкостью.

Такой порядок практических занятий по анатомии существовал до 1925 г., то есть до начала работ по реформе преподавания в ВУЗах. После создания постоянных групп и препаровке по стабильному расписанию снизилось как качество препаровки, так и усвоение студентами анатомии.

Для лекций были нужны таблицы, рисунки^а. Купить их было невозможно. Отдавать рисовать их художникам стоило дорого и институт не^е имел на это средств. Учебные таблицы изготовлял персонал кафедры. Много таблиц было нарисовано К. В. Ромодановским и З. А. Краснопевцевой. Студенты, умеющие рисовать, так же изготовляли таблицы, так, например, все таблицы центральной нервной системы были изготовлены студ[енткой] Кузнецовой (женой завгубздрава А. С. Кузнецова^{ли}). Усилиями сотрудников и студентов, кафедра довольно быстро была хорошо оснащена табличным материалом.

Отсутствие изолированного помещения для мацерации, вынудило кафедру изготавливать кости путем варки. Это было поручено служителю кафедры. Варка костей проводилась в бывшей дворовой* каменной^з уборной, находившейся у выхода из главного корпуса во двор. Там была сложена печь с вмазанным в нее большим котлом.

^в исправлено чернилами из ранее напечатанного табуретки; ^г исправлено чернилами из ранее напечатанного отвоилось; ^а исправлено чернилами из ранее напечатанного рисунков; ^е далее повторно напечатано не; ^{ж-з} впечатано над строкой;

Костями для преподавания кафедра была вполне обеспечена и даже образовался избыток их, что позволило кафедре организовать изготовление скелетов и продажу их различным школам. Спрос на скелеты был велик и кафедра не была в состоянии всех удовлетворить. Пришлось создать очередность.

Скелеты вязали препараторы, что они охотно делали во внеслужебное время, так как за каждый связанный и проданный скелет они получали добавочную оплату.

Деньги, вырученные от продажи скелетов, вносились в кассу института и бухгалтерией записывались на счет кафедры анатомии. Ими распоряжался зав[едущий] каф[едрой] анатомии. На эти деньги приобретались инструме[н]ты, приборы, химикалии и мебель. Так все шкафы для музея были приобретены на эти специальные средства кафедры. Можно сказать, что к[а]федра анатомии существовала на самоокупаемости. Для провинциально[го] ВУЗа кафедра анатомии была оснащена неплохо, имелся даже рисовально-проеctionный аппарат Эдингера.

При организации кафедры одной из основных забот было — создание учебного музея. Препараты для музея готовили все сотрудники кафедры, а кроме того большую помощь оказывали и студенты[,] среди которых всегда находились желающие попрепаровать добавочно. Они часто изготавливали хорошие препараты, которые затем монтировались и выставлялись в музей. Недостаток в музейных банках сильно тормозил развитие музея, приходилось изготавливать довольно много сухих препаратов. Трудом сотрудников с помощью студентов быстро был создан неплохой учебный музей, которым кафедра может гордиться. Этот музей все время пополняется новыми препаратами. Позднее был создан рентгено-анатомический отдел музея.

Ограниченный штат препараторов (1–2 человека) заполнялся, за редким исключением, студентами-медиками. Это были способные люди, умевшие работу совмещать с учением на отлично. Из первых препараторов следует упомянуть Рудник-Цунзера, занявшего позднее должность санитарного инспектора Приморского края; К. А. Пандикова^{liiii}, который стал профессором терапии и^к директором^к Башкирского, а затем профессором[^] Омского мединститута^м; Ю. П. Мультиановского^{xliv}, который после окончания института был оставлен ассистентом кафедры нормальной анатомии. Он, еще будучи студентом старших курсов, привлекался к руководству препаровкой. Из него получился серьезный научный работник и талантливый преподаватель. Перейдя на работу в Ленинградский Педиатрический медицинский институт, он написал по анатомии оч[е]нь хорошу[ю] кандидатскую диссертацию, защитить которую ему из-за войны и преждевременной смерти не удалось.

^{и-к} вписано чернилами над строкой со знаком вставки; [^] вписано чернилами над строкой со знаком вставки; ^м далее зачеркнуто ранее напечатанное и директором Башкирского мединститута;

В связи с увеличением числа студентов и расширением работы кафедр[ры] помещение, отведенное в главном корпусе для кафедры норм[альной] анатомии, т[о]пографической анатомии и судебной медицины через несколько лет суще[с]твования института, оказались тесными и тогда встал вопрос о строительстве корпуса для морфологических кафедр.

В то время лицензий на новое строительство ВУЗов не давалось. Мо[ж]но было только надстраивать, менять планировку и пристраивать к име[ю]щимся зданиям. Институт такого здания, которое можно было бы перестроить, не имел, и^н в связи с этим купил у военного ведомства в упраздненной Омской крепости два двухэтажных здания бывших казарм. Одно и[з] этих зданий было решено перестроить под морфологический корпус.

Проект перестройки был создан талантливым старым архитектором Кар[р]-лом Карловичем Фогтом. При перестройке добавочно возводился 3-й эта[ж] и сделана еще пристройка со стороны двора. В перестроенном здании к[а]федры получили гораздо большее помещение, чем они занимали в главно[м] корпусе и с более удобной планировкой. Если бы не жесткое условие — сохранить при перестройке контуры старого здания, то можно было бы для морфологических кафедр создать еще более удобные помещения.

Проф[ессор] К. Ромодановский

26/I 1967

г. Новосибирск

^н вписано чернилами в строке.

Константин Владимирович Ромодановский. Новосибирск, 1967 г.

[804]

Сорок лет изучения лимфатической системы и раздумий по поводу ее строения

Я начал изучать лимфатическую систему с марта 1927 г. Этому предшествовали следующие обстоятельства. После смерти от сыпного тифа первого ректора Омского медицинского института Николая Константиновича Иванова-Эмина^{xlv}, я был назначен приказом зав[едующего] Сибирским отделом Народного образования Д. К.^a Чудиновым^{xlvi}, и[сполняющим] д[олжность] ректора. Так как я хорошо знал вузовскую администрацию, то ректорство мое проходило хорошо и при выборах я был единогласно избран ректором института. Это повторялось несколько раз при последующих выборах. Я пользовался авторитетом у местных губернских организаций, а Наркомздрав, несмотря на мою молодость, считал^b меня одним из лучших ректоров среди медвузов федерации. У меня в то время не было ученого звания, работ научных было мало. Отсутствие у меня ученого звания профессора очень волновало зав[едующего] отделом медобразования Вольфа Моисеевича Броннера^{xlvii}.

В 1926 г. В. М. Брон[н]ер приехал в Омск в командировку от Главпрофобра обследовать медицинский институт. Он пробыл около недели. Подробно ознакомился с состоянием института, постановкой преподавания, с планами дальнейшего развертывания. Впечатление он вынес очень хорошее. Во всех организациях, где он выступал с докладами, отмечалась моя плодотворная роль как организатора ВУЗа. После этого В. М. Броннер задался целью в самый короткий срок организовать избрание меня профессором кафедры норм[альной] анатомии Омского мед[ицинского] института. В Омске во всех организациях он встретил весьма сочувственное отношение, но когда он изложил мне свой проект, то я^в категорически воспротивился. Я заявил, что скорее перейду на практическую работу, чем займу должность профессора, который я недостойн. Что я согласен быть избранным профессором только по конкурсу и после того как сделаю несколько ценных анатомических работ. Никакие уговоры на меня не подействовали. Тогда В. М. Броннер предложил мне научную командировку на ½ года в пределах СССР и на^г 3 месяца за границу. Я на это согласился. В первых числах января 1927 г. исп[о]лнялось 5 лет моего ректорства. В то время было принято отмечать даже пятилетние юбилеи^а. Мой юбилей был отмечен на торжественном заседании совета института и на многолюдном банкете[,] в котором приняли участие очень многие организации города. Во время банкета я получил поздравительную телеграмму за подписью В. В. Куйбышева^{xlviii}, П. Н. Обросова^{xlix} и И. С. Ружейникова¹. К сожалению, эта телеграмма во время эвакуации из Ленинграда потерялась. Отпразд[н]овав юбилей, написав годовой отчет и за-

^a Инициал отчества вписан чернилами над строкой; ^b исправлено, в воспоминаниях считало; ^в вписано карандашом над строкой со знаком вставки; ^г далее забито на машинке ½; ^а далее забито на машинке Меня;

[805]

кончив другие неотложные дела я в конце февраля выехал из Омска. Местом командировки я избрал Ленинград, так как там был мой учитель проф[ессор] В. Н. Тонков. Он принял меня хорошо, радушно, но интересной темы для работы предложить мне не смог.

Остановился я у своего старого знакомого по Казани — у Алексея Дмитриевича Сперанского, будущего академика. Он мне рассказал, что работающий в его лаборатории Г. Ф. Иванов¹¹ более года бьется над разрешением одной анатомической задачи^с, но ничего не получается и предложил мне включиться в эту работу на правах соавтора. Работа мне показалась интересной и я охотно согласился.

Суть дела вот в чем. А. Д. Сперанский для своих чисто патофизиологических опытов предложил метод разделения сурахноидального пространства на две части — на спинномозговую и черепно-мозговую. Это так называемая операция «кольца». Через некоторое время после операции, когда произошло срастание^ж оболочек, он, желая проверить надежность изоляции этих пространств, ввел в субарахноидальное³ пространство в области конского хвоста взвесь туши, при вскрытии собаки обнаружил ее в целом ряде лимфатических узлов как грудной, так и брюшной полостей. Г. Ф. Иванову была поставлена задача — выявить лимфатические сосуды, которые связывали бы субарахноидальное пространство с лимфатической системой (узлами). Иначе было непонятно как масса из места наливки попадает в лимф[атические] узлы. Налитые лимф[атические] сосуды полностью отсутствовали.

Г. Ф. Иванов охотно согласился на мое сотрудничество с ним. Мы ежедневно встречались в лаборатории института хирургической невропатологии, где работали и А. Д. Сперанский и Г. Ф. Иванов. Сначала^а мы повторили те опыты, которые ставил Г. Ф. Иванов, а затем стали их варьировать^к. Сначала пробовали изменять давление, доводили его до 2 ½ метров. Результат тот же. Потом обратили внимание на инъекционную массу. Мы употребляли китайскую или японскую тушь в палочках, которую растирали на фарфоровой тарелке с небольшим количеством воды. Растертую тушь смывали кисточкой, смоченной водой в сосуд. При проверке под микроскопом (об. 3, ок. 7) взвесь туши оказалась неоднородной. Наряду с мельчайшими, еле видимыми частицами, встречалось большое количество грубых хлопьев. Тогда попробовали произвести наливку тушью для бактерий немецкой фирмы «Пеликан». Результат значительно улучшился. Стали появляться небольшие налитые отрезки сосудов около впадения их в узлы. Добывать эту тушь в нужном количестве было невозможно. Тогда я предложил растертую китайскую тушь «отмучивать». Для этого взвесь туши наливалась в высокие стеклянные цилиндры и так оставалась стоять дней 3–5. Затем пипеткой осторожно отсасывался верхний слой

^с исправлено, в воспоминаниях задачей; ^ж исправлено, в воспоминаниях срастание; ³ исправлено, в воспоминаниях субарахноидальнн; ¹¹ исправлено, в воспоминаниях Сначала; ^к исправлено, в воспоминаниях вориировать;

взвеси, который не содержал грубых хлопьев туши и он употреблялся для наливки. Результаты были не лучше чем от применения туши фирмы «Пеликан».

Было совершенно ясно, что результат наливки зависит от инъекционной массы. Тогда я обратился за советом к проф[ессору] I ЛМИ Ивану Ивановичу Жукову¹¹¹ с просьбой посоветовать и помочь. Это милейший человек живо откликнулся на мою просьбу. Он приходил к нам в лабораторию[,] принимал меня на кафедре и у себя дома. Мы обсуждали всевозможные варианты опытов. Он приносил мне различные не диффундирующие краски, по его совету я поставил опыт с инъекцией тончайшей эмульсией из предварительно окрашенного^а мастика. Но результат был все тот же до тех пор, пока я не прочитал статью^м[,] которая установила, что мозг после смерти жив[о]тного жадно всасывает воду. Сопоставив данные^н с нашими наблюдениями, что на вскрытии мы видели в субарахноидальном пространстве тушь сильно загустевшей, а иногда даже в виде сухой корочки приставшей к мягкой оболочке, тогда стала понятной причина всех наших неудач. Ведь китайскую тушь мы растирали с простой, а иногда и с дистиллированной^о водой. Так как опыты ставились на мертвом материале, то вода из взвеси туши немедленно всасывалась мозгом и загустевшая тушь была не в состоянии проникать в лимфатические капилляры. Только самые первые порции туши, еще не загустевшей, проникали в лимфатическую систему и наливали узлы. Дальнейшее проникновение туши прекращалось. Поэтому мы и не видели налитых лимфатических сосудов. Я предложил пользоваться взвесью туши в изотоническом, а лучше в гипертоническом растворе Рингера¹¹¹¹. Результаты сказались немедленно. Стали великолепно наливаться лимфатические сосуды слизистой носа, из ноздрей выходили лимф[атические] сосуды, которые доходили до подчелюстных узлов и наливали их. Часто эти сосуды предварительно разветвлялись в коже области жевательной мышцы. К заглочному узлу подходили сосуды от области хоан. Наливался яремный проток. В грудной и брюшной полостях[,] как и раньше[,] наливались лимфатические узлы, но только гораздо интенсивнее. Около узлов можно было видеть участки налитых лимфатических сосудов. Наливались вилочковая железа и селезенка. Крайне редко наливался грудной проток. Но об этом будет особая речь.

С Г. Ф. Ивановым мы договорились, что он опубликует отдельной работой то, что наблюдал до начала нашей совместной работы, а полученное при совместной работе будет опубликовано от двух авторов. Но к сожалению Г. Ф. Иванов условия не выполнил. В статью, опубликованную им одним[,] он на ⅓ включил материал из времени нашей совместной работы. Фактически этот материал был получен мною одним в то время, когда Г. Ф. Иванов жил на даче под Гатчиной или отдыхал в военном санатории в Гурзуфе*. Отдыхать я

* Даже приводимые им в статье рисунки являются фотографиями с моих препаратов (прим. автора).

^а далее забито на машинке латекса; ^м далее оставлено свободное место для фамилии автора статьи; ^н далее оставлено свободное место для фамилии автора статьи; ^о исправлено, в воспоминаниях дистиллированной;

в то время не мог, так как должен был с наибольшим эффектом использовать свою научную командировку. Организация медицинского института в Омске отнимала столько времени, что на научную работу можно было выкраивать ничтожное количество времени, главным образом за счет сна. О не этическом поступке Г. Ф. И[вано]ва я рассказал А. Д. Сперанскому. Он сказал мне, что за ним это водится. Я понимаю стремление Г. Ф. И[ванова] как можно скорее сделать карьеру — получить профессуру, а в связи с этим как можно скорее опубликовать максимальное количество научных работ. Но история с работой А. А. Сушко, которая произошла когда он уже был профессором I Моск[овского] мединститута, ничем не может быть оправдана. Дело обстояло так: А. А. Сушко, в то время ассистент киевского мед[ицинского] ин[ститу]та, по совету проф[ессора] М. С. Спирина^{liv} послал свою работу о лимф[атических] сосудах легкого на отзыв Г. Ф. Иванова. Последний опубликовал ее от своего имени даже с рисунками А. А. Сушко. Возмущенный А. А. Сушко пожаловался наркому Здравоохранения, которым для разбора была назначена комиссия с председателем Б. И. Лаврентьевым^{lv}. Комиссия установила несомненный факт плагиата и свой протокол опубликовала в одном из еженедельных медицинских журналов (не помню в каком). Раз заговорил об Г. Ф. Иванове, то следует упомянуть о взаимоотношении его с В. П. Воробьевым^{lvi}. Сначала они были очень дружны и совместно написали и издали^{lvii} учебник анатомии человека^{lvii}. Затем они рассорились и очень крепко. Дело началось на денежной почве. По договору с Медгизом гонорар за учебник получал Воробьев. Он не выплачивал Иванову ак[к]уратно причитающийся гонорар, а в результате образовалась большая задолженность Воробьева Иванову с которой, кажется, он так и не смог расквитаться. В. П. любил кутнуть в ресторане, что называется, пустить пыль в глаза, а Г. Ф. Иванов был скуповат, прижимист и любил копить деньги. При разности характеров эти два человека долго совместно работать не могли.

Кроме того между ними произошло бурное объяснение, так как В. П. обнаружил, что Г. Ф. вместо того чтобы писать оригинальные части учебника занимался тем, что переводил соответствующие главы из немецкого учебника Брауса^{lviii} и выдавал их^p за свои. Во время объяснения он нагло заявил Воробьеву, что делал это для пользы делу^c, так как лучше Брауса он написать не сможет.

После смерти В. П. Воробьева Георгий Федорович свою ненависть перенес на преемника В. П. В[оробьева] по кафедре и продолжателя создания атласа анатомии человека проф[ессора] Рафаила Давидовича Синельникова^{lix}. Он подал в ВКВШ пространную докладную записку^l, в которой доказывал, что гораздо выгоднее переиздать атлас В. Шпальтегольца^{lx}, чем создавать новый, так как изданные первые два тома содержат большое количество ошибок. Он уговорил целый ряд видных профессоров и академиков медиков подписаться под его докл[адной] запиской. Для обсуждения этой докладной записки ВКВШ

^{lv} исправлено чернилами из ранее напечатанного изжали; ^p исправлено, в воспоминаниях из; ^c исправлено, в воспоминаниях дулу.

созвало большое совещание под председательством зам[естителя] пред[седателя] ВКВШ т. Елютина^{lxi}. После ознакомления совещания с тем, что два первых тома уже вышли из печати, а рисунки для следующих томов уже заготовлены в большом количестве^l, встает вопрос о том^l, продолжать ли работу над изданием атласа или переиздать немецкий атлас Шпальтегольца. Все, кроме Г. Ф. Иванова, высказались за издание отечественного атласа, обеспечив тщательное его редактирование. Академики и профессора, подписавшие записку Иванова один за другим выступали и отказывались от своих подписей, заявляя, что Иванов ввел их в заблуждение. Некоторые подали соответствующее письменное заявление. Я выступал за издание отечественного атласа, при тщательном редактировании. Выступление Г. Ф. Иванова было резким, а мне он погрозил свести счеты через другое учреждение (очевидно, через ГПУ?). После этого заседания я с Ивановым больше не встречался.

После довольно большого отступления, возвращаясь к своим работам по лимфатической системе. Меня очень заинтересовало наблюдение, что лимфатические узлы из субарахноидального пространства никогда не наливаются полностью. В некоторых узлах наливались только определенные, всегда одни и те же части, в других узлах только одна половина, а другая оставалась свободной от туши. В других узлах определенность мест подвергавшихся наливке отсутствовала, но частичная наливка наблюдалась всегда.

Только в 1–2 % случаев наблюдалась полная инъекция узлов, это при особенно удачной наливке. Отчего зависела удачность наливки выяснить не удалось. При такой полной удачной наливке наблюдалась тушь и в грудном протоке.

Так как кроме лимф[атических] узлов при су[б]арахноидальной наливке наблюдалось отложение туши и в ряде других лимфоидных органов — в вилочковой железе, в солитарных фолликулах слепой кишки, в селезенке, изредка в миндалинах и даже в костном мозгу, то у меня возникла мысль^l, что с[пинно-]м[озговая] ж[идкость] оттекает по каким то особым, близким по строению к лимфатическим сосудам центробежно, а затем, пройдя через капилляры, по обычным лимф[атическим] сосудам направляется к центру и наливает грудной проток.

Фрагменты прожитого и пережитого. Из истории организации Омского медицинского института

1924 год для многих ВУЗов был роковым, так как в этом году решалась их судьба. После Великой Октябрьской Революции, по инициативе местной власти, во многих городах нашей страны возникли новые университеты, медицинские институты и другие высшие учебные заведения. Тяга к высшему об-

К. В. Ромодановский. Омск, 14 декабря 1924 г.

разованию среди населения была огромной. Молодежь, окончившая средние учебные заведения во время первой мировой и гражданской войны, в массе своей была призвана в армию и оторвана от учения. После окончания войны молодые люди устремились в ВУЗы, но их не хватало, так как число ВУЗов¹, по сравнению с довоенным², даже несколько сократилось. Тогда и стали возникать новые ВУЗы.

¹ В Б вписано над строкой чернилами их (?); ² в Б добавлено над строкой чернилами временем;

Большинство новых Вузов, за исключением Тбилисского, Ташкентского и Иркутского университетов, Астраханского медицинского института и некоторых других, не³ находилось⁴ на государственном бюджете и⁵ содержалось за счет средств «местного бюджета», выделяемых Гор- и Губисполкомами. По мере того, как проходили годы военного коммунизма и жизнь стала⁶ приходить в норму, стала укрепляться и бюджетная дисциплина. При этом выяснилось, что содержание ВУЗов является непосильным бременем для местного бюджета. Принять на государственный бюджет все, возникшие вновь, ВУЗы было непосильно для молодой Советской Республики. Тогда возник вопрос о сокращении числа ВУЗов, о закрытии в первую очередь вновь организованных. Все органы местной власти обращались с просьбой в Наркомпрос и в Совнарком о принятии организованных ими ВУЗов на госбюджет, а в случае отказа, о закрытии их.

Сами молодые ВУЗы энергично боролись за свое существование. Как местным органам Советской Власти, так и Наркомпросу они доказывали необходимость существования данного ВУЗа в данном городе. Доказательства были часто достаточно убедительными, но материальные возможности были ог[р]аничены и решение о сокращении числа ВУЗов оставалось в силе. Какой закрыть, какой из организованных вновь сохранить, эти вопросы решали Главпрофобр и Наркомпрос. Они свои соображения представляли Госплану, а последний свое решение вносил на утверждение Совнаркома.

Омский медицинский институт, как вновь организованный, необычайно энергично боролся за свое существование. Он доказывал, что двух медицинских факультетов (Томского и Иркутского) на всю необъятную территорию Сибири и Дальнего Востока недостаточно. Для доказательства приводились статистические сведения о населении Сибири и его ежегодном приросте, который в процентном отношении был больше, чем в Европейской России. Сравнивалось число жителей, обслуживаемых одним врачом, а так же сравнивались радиусы сельских врачебных участков в Европейской России и Сибири. Кроме того указывалось, что Омский медицинский институт будет обслуживать и Казахскую республику, которая в то время не имела ни одного собственного ВУЗа. К Омску, как бывшему административному центру (степному генерал[-]губернаторству) тяготела большая часть Казахстана.

В 1923 и 1924 годах Омский медицинский институт представлял обширные докладные записки, включающие упомянутые статистические сведения, как краевым, так и центральным руководящим органам. В этом отношении Омский институт не был оригинальным. То же делали и другие новые ВУЗы, существование которых находилось под вопросом.

Правление института считало необходимым привлечь к нему внимание широкой медицинской общественности, с целью показа достигнутых успехов

³ в Б зачеркнуто чернилами; ⁴ в Б добавлено над строкой чернилами не; ⁵ в Б исправлено чернилами на а; ⁶ в Б зачеркнуто и вписано над строкой чернилами начала;

в оборудовании института и организации в нем учебного процесса. С этой целью было решено использовать поездку в Германию зав[едующего] кафедрой патологической анатомией⁷ И. С. Пентман[а]^{*lxii}.

Правление поручило И. С. Пентман[у], имевшему довольно обширные знакомства среди медицинских научных работников Германии, пригласить кого либо из видных немецких ученых в Омск на 1923/24 учебный год для научной работы и чтения лекций. Правление обещало создать ему⁸ хорошие условия для научной работы, предоставить бесплатную квартиру, бесплатное питание и небольшую зарплату (только на карманные расходы). Из[-]за недостатка средств большего институт предложить не мог.

Выбор И. С. Пентман[а] пал на профессора Макса Кучинского^{lxiii} (что было одобрено правление института), который охотно согласился принять предложение Омского медицинского института. М. Кучинский был молодым, энергичным и талантливым профессором, который заведывал одним из отделов института имени Р. Вирхова в Берлине. По специальности он был патофизиологом и одновременно много работал по микробиологии. В Омске его прельщала возможность работать по скарлатине, болезни, отсутствовавшей в Германии. Кучинский, будучи крупным ученым, любил, с одной стороны, рекламу, а кроме того он был большой непоседа. Он ездил в научные командировки в Африку, Китай, Польшу и в Россию. О каждой из этих экспедиций и о собранных им научных материалах печатались статьи в общей прессе и это доставляло ему большое удовольствие. Так или иначе, но он решил ехать в Омск.

По дороге в Омск он задержался на несколько дней в Москве, где нанес визиты Наркома здравоохранения и просвещения, выступал с лекциями в институтах Москвы (в каких не помню). Лектор он был замечательный. В Москве ему было предложено не ездить в Омск, а остаться в Москве, на что он не согласился, мотивируя тем, что дал слово Омскому медицинскому институту.

Очевидно, боясь, что институт не сумеет должным образом обеспечить условия для его научной работы, М. Кучинский привез с собою довольно большой багаж из различных приборов, реактивов, красок и т. п. (Большую часть всего привезенного им институт у него купил, когда он возвращался в Германию.) Привез он с собой и технического ассистента (высококвалифицированного лаборанта). Институт сумел создать условия как для научной работы М. Кучинского, так и вполне сносные бытовые условия, и он очень продуктивно работал научно. Им на Омском материале написаны три больших статьи и

* Примечание: Родственники И. С. Пентман[а], уроженцы Омска, были русскими эмигрантами и жили в Швейцарии, где и сам он получил высшее медицинское образование. В Швейцарию И. С. Пентман визы не получил и ему пришлось поселиться в одном из пограничных городов Германии, куда к нему приезжали его родственники и в том числе и его невеста, переехавшая затем в Омск (прим. автора).

⁷ в Б добавлено над строкой чернилами и зачеркнуто проф[ессора]; ⁸ в Б вписано над строкой чернилами этому ученому;

кроме того отдельная книжка о впечатлениях, полученных от поездки в Казахстан. На 3-м курсе он с переводчиком (И. С. Пентман) читал лекции студентам по пат[о]физиологии.

М. Кучинский перезнакомился со всеми сотрудниками института, побывал на всех кафедрах. Он живо интересовался работой по организации института и выражал свое удивление тому темпу, в котором велась организационная работа в труднейших материальных условиях. Разговаривая со мной на эту тему, он как то выразил желание довести до широкой медицинской общественности сведения об организации в Омске нового научного медицинского центра. Я поблагодарил его за это желание и сказал, что оно принесет институту большую пользу. М. Кучинский свое обещание сдержал, и в самом распространенном медицинском журнале Германии — клинше вохеншрифт — появилась его обширная статья, в которой описывалось в очень лестных выражениях строительство нового медвуза в Сибири^{lxiv}.

Статья М. Кучинского появилась более чем во время. В это время решалась судьба института. Я, будучи в Москве, скупил все, имевшиеся в книжном магазине Наркоминдела, экземпляры этого журнала и преподнес их руководящим работникам Главпрофобра и Наркомздрава, а когда в Госплане, под председательством Струмилина^{lxv}, происходило заседание комиссии, на котором решалась судьба новых медвузов, то роздал этот номер журнала всем присутствовавшим членам Госплана, начиная со Струмилина.

Конечно, поездка М. Кучинского в Омск, шумиха, которая была в связи с этим в Москве, и его статья в журнале не могли непосредственно повлиять на решение о сохранении Омского медицинского института, но они заставили более внимательно изучить этот вопрос прежде чем будет вынесено окончательное решение.

Другое событие весны 1924 года чуть не решило судьбу Омского медицинского института в самом неблагоприятном отношении — он чуть не был закрыт. Но, как говорится в пословице, не было бы счастья, да несчастье помогло. А несчастье было следующее — в институте в⁹ ночь на 13 июля 1924 г.¹⁰ из за неисправности дымохода возник¹¹ пожар. Сгорела¹² часть здания (около 1/12¹³ части) при¹⁴ этом полностью сгорела¹⁵ кафедра физики, механическая¹⁶ мастерская и¹⁷ часть библиотеки (6510 томов из 22510). И это произошло в то время, когда сокращалась сеть ВУЗов и в Москве решался вопрос — быть институту или не быть¹⁸.

Убыток, вместе с расходами по восстановлению здания, равнялся не более 45000¹⁹ рублей (червонцами). Убыток²⁰ не такой то большой²¹, но несчастье произошло в то время, когда решалась судьба института.

⁹⁻¹⁰ возник пожар (ночью) Б, В, Г; в В последнее слово зачеркнуто чернилами и над строкой теми же чернилами добавлено в ночь на 13 июля; ¹¹⁻¹² и сгорела Б, В, Г; ¹³ добавлено его Б, В, Г; ¹⁴⁻¹⁵ в которой размещались библиотека, Б, В, Г; ¹⁶ и экспериментальная Б, В, Г; ¹⁷⁻¹⁸ нет Б, В, Г; ¹⁹ 20–25000 Б, В, Г; в В эти цифры исправлены чернилами на 40–45000; ²⁰⁻²¹ Сумма убытка не такая то большая Б, В, Г;

Пожар²² в институте послужил поводом выявить к нему самое чуткое отношение. Губисполком, Губком, Губпрофсовет и ряд других учреждений и организаций поспешили отозваться и придти на помощь институту. Губисполкомом была организована специальная комиссия под председательством Завгуб-здравом А. С. Кузнецовым по изысканию средств на восстановление здания. Студенчество института так же организовало комиссию по сбору средств. Обе комиссии проявили колоссальную энергию. Ими были собраны значительные средства — 17 101 руб.²³

Только²⁴ Западно-Сибирский Крайком (секретарь С. В.²⁵ Косиор^{26, lxi}) в связи с пожаром вынес решение²⁷ о необходимости или²⁸ о²⁹ закрытии³⁰ института или³¹ о переводе его на госбюджет. Свое решение он³² направил³³ в Главпрофобр.

Правление института решило самым энергичным образом бороться против закрытия института и постараться добыть средства на восстановление здания. Студенты с энтузиазмом принялись за расчистку пожарища, а затем деятельно помогали строителям³⁴ в восстановлении здания. Делали они это, конечно, совершенно бесплатно.

На студенческом собрании, по моему предложению, было решено, что студенты, разъехавшись на летние каникулы, сделают в уездных, воло[с]тных и сельских советах доклады о важности существования медицинского института, о постигшем его несчастье и попросят оказать посильную помощь на его восстановление. Решения местных советов по докладом рекомендовать направлять³⁵ в три адреса: медицинскому институту, Главпрофобру и Сибано.

Результаты начатой компании превзошли все самые радужные ожидания. Решения сельсоветов, вол- и уисполкомов стали поступать в большом количестве. Во всех этих постановлениях говорилось о недостатке врачей, о необходимости сохранения медицинского института. Главпрофобр был наводнен этими постановлениями. Некоторые сельсоветы и волисполкомы вносили небольшие суммы на восстановление здания после пожара. Деньги были небольшие — от двух до двадцати рублей, но важна была моральная поддержка. Крупные³⁶ суммы ассигновали только Акмолинский губисполком — 4000 руб. и Кокчетавский Уисполком — 500^a руб.³⁸ Борьба за сохранение медицинского института приняла народный характер.

Местная врачебная общественность отнеслась с большим сочувствием[м] к институту. Врачи стали жертвовать учебники, книги, целые библиотеки. (Большое количество книг подарил профессор Томского универ-

^a Исправлено по В, в А 50;

²²⁻²³ нет Б, В, Г; ²⁴ нет Б, Г; в В вписано над строкой чернилами; ²⁵⁻²⁶ Кассиор Б, В, Г; в В вписаны чернилами инициалы и внесена правка в фамилию; ²⁷ постановление Б, В, Г; ²⁸⁻²⁹ нет Б, В, Г; ³⁰ закрытия Омского медицинского Б, В, Г; ³¹⁻³² и Б, В, Г; ³³ добавлено свое решение Б, В, Г; ³⁴ нет Б, В, Г; ³⁵ посылать Б, В, Г; ³⁶⁻³⁸ нет Б, Г; в В вписано чернилами на левом поле со знаком вставки;

Профессора Анатолий Иванович Акаевский и Константин Владимирович Ромодановский. Омск, 1920-е гг.

ситета М. Г. Курлов^{lxvii}). Дарили кто что мог. Все подарки принимались с большой благодарностью и каждый жертвователь, вне зависимости от размера пожертвования, получал от правления института благодарственное письмо⁶.

Когда, по моим расчетам, Главпрофобр получил достаточное количество постановлений местных Советов, я поехал в Москву хлопотать об отпуске Главпрофобром средств на восстановление здания. В первую очередь направился к профессору А. И. Некрасову^{lxviii}, который был заместителем начальника Главпрофобра по финансовым вопросам. На мою просьбу об отпуске денег он ответил отказом, заявив, что у Главпр[о]фобра имеются более важные расходы, а Омский институт и сам сумеет достать деньги, как это ему известно из получаемых решений местны[х] Советов. «Вы же получаете пожертвования!» Я возразил, что жертвую[т] такие небольшие суммы, что на

⁶ под этим абзацем на нижнем поле чернилами проставлена формула подписи Профессор К. Ромодановский.

них здание не восстановить и³⁹ просил его, если у Главпрофобра нет денег, то обратиться в Совнарком с просьбой об ассигновании из резервного фонда. На это он мне ответ[ил], что обращаться в Совнарком Главпрофобр не будет, так как все равн[о] институт в Омске подлежит закрытию. Тогда я спросил его, а поддержит ли Главпрофобр ходатайство другой организации, если она обрат[ит]ся в Совнарком с просьбой об отпуске институту средств⁴⁰ на восстановл[е]ние здания. Последовал ответ, что Главпрофобр не поддержит. «А кто же может хлопотать о Вашем институте?» Я ответил, что Казахская республика охотно возбудит такое ходатайство. Ответ был тот же — «Не поддержим».

Это было крушением всех надежд. В самом мрачном настроении я покинул профессора А. И. Некрасова.

Необходимо дать некоторые пояснения. Казахская республика в то время не имела ни одного собственного медвуза. На все республики Средней Азии и⁴¹ Казахстан⁴² был только один медицинский факультет в Ташкентском университете. Омск был⁴³ ВУЗовским городом территориально⁴⁴ наиболее близко расположенным к Казахстану, и Казахская республика была заинтересована в сохранении Омских ВУЗов.

Не надеясь на активную поддержку со стороны Главпрофобра при решении вопроса о сохранении института, я заранее заручился поддержкой Казахстана. Для этого ездил на курорт «Боровое»^{lxi}, где отдыхал председатель Казахского Совнаркома и получил от него не только пр[ин]ципиальное согласие на поддержку Омского медицинского института, и распоряжение представителю Казахстана в Москве оказывать инстит[у]ту помощь.

Другая деталь — в Совнаркоме было принято, если ведомство, в распоряжении которого находится учреждение, для которого просят деньги, не поддерживает ходатайства, то Совнарком отказывал в про[с]ьбе, даже не рассматривая дело по существу.

Получалось совсем плохо — Главпрофобр в деньгах отказывает, пр[о]сить у Совнаркома отказывается, отказывается поддержать и просьбу Казахстана.

Придя домой (я в⁴⁵ то время⁴⁶ останавливался⁴⁷ у проф[ессора] П. Н. Обросова), я не знал, что предпринять. Писать в Омск о крушении надежд не хотелось. Около трех дней я⁴⁸ просидел дома и обдумывал⁴⁹ выход из создавшегося положения. Наконец меня осенила одна мысль, и я решил пойти на некоторое небольшое нарушение канцелярского делопроизводства. Я увидел у П. Н. Обросова пишущую машинку и напечатал от имени Главпрофобра ходатайство в Совнарком об отпуске 20000 рублей из резервного фонда на восстановление здания Омского медицинского института после бывшего пожара. На обращении

³⁹ в Б, В, Г зачеркнуто чернилами; ⁴⁰ нет Б, Г; в В вписано над строкой чернилами; ^{41–42} нет Б, В, Г; ⁴³ добавлено территориально Б, В, Г; ⁴⁴ нет Б, В, Г; ^{45–46} нет Б, В, Г; ⁴⁷ добавлено в то время Б, В, Г; ⁴⁸ нет Б, В, Г; ⁴⁹ придумывал Б, В, Г;

в совнарком были заготовлены подписи: первая — начальника Главпрофобра И. И. Ходоровского^{lxx} и вторая — его заместителя профессора А. И. Некрасова. По канцелярским правилам, первым должен был подписать бумагу профессор А. И. Некрасов (он отвечал за ее содержание), а затем его начальство И. И. Ходоровский. Я был уверен в том, что А. И. Некрасов бумаги не подпишет. Следовательно, нужно было сделать так, чтобы первым подписал И. И. Ходоровский, а затем А. И. Некрасов подпишет бумагу из чисто чиновничьей угодливости. Расчеты мои оказались правильными.

Сам к И. И. Ходоровскому я не пошел, а попросил зав[едующего] медицинским отделом И. С. Ружейникова дать ему на подпись. Я объяснил свою просьбу тем, что никак не могу попасть на прием к И. И. Ходоровскому, что больше проживаться в Москве не могу. Милейший И. С. Ружейников выругал меня за то, что надоедаю с мелкими просьбами, но бумагу взял и получил подпись И. И. Ходоровского. К А. И. Некрасову я даже не пошел, а передал бумагу через секретаршу. А. И. Некрасов, как я и ожидал, ее подписал и, когда в СНК решался вопрос об отпуске средств, то он поддержал его от имени Главпрофобра. СНК 26/IX-1924 г.⁵⁰ отпустил 20 тысяч рублей на восстановление здания института и⁵¹ 3000 на восстановление кабинетов⁵².

Я имел пропуск в Кремль на заседание СНК, позаботился и о том, чтобы на заседании был представитель Казахстана. Вопрос был так быстро решен, что меня, как представителя учреждения, на само заседание СНК даже не вызвали. Из зала заседаний вышел проф[ессор] А. И. Некрасов и сообщил мне радостную весть об ассигновании институту денег.

Решение СНК имело своим последствием то, что Главпрофобр на своем заседании решил не закрывать Омский медицинский институт. Не удобно было закрывать тот институт, на восстановление здания которого несколькими неделями раньше испрашивались специальные средства у СНК. В дальнейшем вопрос о необходимости сохранения Омского медицинского института уже не вызывал сомнения. В Госплане вопрос прошел гладко, и с 1 января 1925 года, постановлением СНК, институт был переведен на госбюджет.

Когда я говорил И. С. Ружейникову, что не могу попасть на прием к И. И. Ходоровскому, то я почти не врал. Как заместитель наркома⁵³ просвещения⁵⁴ и начальник Главпрофобра, он был настолько занят, что ректорам провинциальных вузов приходилось неделями высиживать у н[е]го в приемной, дожидаясь своей очереди на прием.

И. С. Ружейников был внешне немного грубоватым, но простым, непосредственным, всегда доброжелательно настроенным милейшим человеком. Он был старым большевиком-подпольщиком, уроженцем Омской области, вернее, Акмолинской области, в состав которой входил город Омск. По подпольной работе был близко знаком с В. В. Куйбышевым, П. Н. Обросовым, К. А. Поповым^{lxxi} и

⁵⁰ нет Б, Г; в В вписано над строкой чернилами; ^{51–52} нет Б, Г; в В приписано к строке чернилами; ^{53–54} Наркомпроса Б, В, Г;

рядом других старых большевиков Сибири. Он сочувственно относился к Омскому медицинскому институту, но в Главпрофобре был сравнительно мелкой сошкой и политики не делал. Как заведующий отделом, в кабинет И. И. Ходоровского он входил свободно, вне всякой очереди.

Как пожар Москвы «способствовал ее украшению», так и пожар библиотеки института помог его⁵⁵ росту. Не помню, у кого из старых большевиков Сибири возникла мысль просить зав[едующего] Главнаукой тов. Ф. Н.⁵⁶ Петрова^{57, lxxii} о передаче Омскому медицинскому институту, как помощь после пожара, библиотеки ликвидированного «Общества русских врачей г. Москвы»^{lxxiii}. Зато общество было самым старым и имело большую, хорошо подобранную библиотеку. Я помню, что бывал на приеме у тов. Ф. Н.⁵⁸ Петрова только для того, чтобы официально оформить передачу библиотеки. Предварительные переговоры с тов. Ф. Н.⁵⁹ Петровым, как с⁶⁰ сибирским патриотом, вел кто-то из старых большевиков Сибири.

Библиотека общества была передана библиотеке имени В. И. Ленина, но еще не была разобрана и заинвентаризована. Тов[ариш] Ф. Н.⁶¹ Петров сочувственно отнесся к мысли о передаче в Омск библиотеки общества и дал соответс[т]вующее распоряжение директору библиотеки им[ени] В. И. Ленина.

Реализовать распоряжение тов. Ф. Н.⁶² Петрова был командирован в Москву член правления института Г. А. Пандиков, которому пришлось прожить не менее месяца в Москве, прежде чем книги были отобраны, упакованы и отгружены в вагон. Медицинский институт получил большую библиотеку, в которой было много и старинных редких изданий, и⁶³ комплекты большого количества как русских, так и иностранных журналов. Библиотека бывшего «Общества русских врачей г. Москвы» стала основой библиотеки Омского медицинского института.

⁵⁵ ее Б, В, Г; в Б, В исправлено чернилами на его; ⁵⁶ нет Б, Г; в В вписано чернилами; ⁵⁷ в Б, В, Г далее забито на машинке ранее напечатанное просить; ⁵⁸ нет Б, Г; в В вписано чернилами; ⁵⁹ нет Б, Г; в В вписано чернилами; ⁶⁰ уроженцем Сибири и Б, В, Г; в В зачеркнуто чернилами и добавлено с; ⁶¹ нет Б, Г; в В вписано чернилами; ⁶² нет Б, Г; в В вписано чернилами; ⁶³ в Б, В, Г вписано над строкой чернилами.

КОММЕНТАРИИ

i Колчак Александр Васильевич (4.11.1874, с. Александровское, Петербургский уезд, Петербургская губерния — 7.02.1920, Иркутск), политический деятель, вице-адмирал, Верховный правитель России (1918–1920). В 1894 окончил Морской корпус. В 1895–1899 плавал на судах в Тихом океане. В 1900–1902 участвовал в полярной экспедиции. В русско-японскую войну командовал миноносцем, перешел на сухопутный фронт и до сдачи Порт-Артура командовал батареей. В 1906 служил в Морском Генеральном штабе. С 1908 в экспедиции по изучению Северного Морского пути. В 1912–1913 командовал эсминцами на Тихом океане. С начала 1914 флаг-капитан, начальник оперативной части и ближайший помощник командующего Балтийским флотом. С декабря 1915 начальник минной дивизии, крупнейшего соединения Балтийского флота. В апреле 1916 произведен в контр-адмиралы. В июне 1916 назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. В июне 1917 Севастопольским Советом отстранен от руководства флотом. В августе-октябре 1917 руководил военно-морской миссией в Великобритании, затем в США. В конце декабря 1917 поступил на английскую службу на Месопотамский фронт. С апреля по июль 1918 член правления Китайско-Восточной железной дороги в Харбине. В начале 1918 удален со своего поста и июль-август провел в Японии. В середине октября 1918 прибыл в Омск, а в начале ноября стал военным и морским министром Временного Сибирского правительства. 18.11.1918 в Омске Колчак провозглашен Верховным Правителем России. Признан на этой должности другими руководителями Белого движения. Занимал пост Верховного Главнокомандующего антибольшевистских сил России. В январе 1920 взят чехами под «охрану», выдан в Иркутске эсеровскому Политцентру, расстрелян.

ii К сожалению, мемуарист в описываемых событиях допустил ошибку. Речь здесь вряд ли может идти о генерале Щербакове. О трех находившихся в годы Гражданской войны на востоке России генералах с такой фамилией — А. Ф. Щербакове (1872 — не ранее 1920), Н. П. Щербакове (1879–1922) и Н. М. Щербакове (1882–1937) — известно, что они скончались в эмиграции, в Китае. По всей видимости, мемуарист имел в виду происшествие, которое действительно имело место в это время, но с другими генералами — С. Н. Войцеховским (1883–1951) и П. П. Гривиным (1875–1919). В конце ноября 1919 г. генерал-майор П. П. Гривин, вопреки приказу командования, запретившему без сопротивления отступать на восток, отвел северную группу войск с линии фронта в район г. Каинска. Прибывший в село Назарово (Усть-Тарка) командующий 2-й армией генерал-майор С. Н. Войцеховский потребовал от него вернуться на занимаемые ранее позиции. В результате острого разговора, в ходе которого Гривин категорически отказался выполнять требование Войцеховского и стал угрожать ему шашкой, последний застрелил своего визави. При докладе С. Н. Войцеховского главнокомандующему Восточным фронтом В. О. Каппелю о произошедшем получил с его стороны полное одобрение и благодарность за наведение воинского дисциплинарного порядка.

iii Руфимский Н. П. — с 1931 по 1936 возглавлял кафедру микробиологии, вирусологии и иммунологии Казанского ветеринарного института, изучал гистоллизаторы для стимуляции продуктивности сельскохозяйственных животных, создал бру-

целлин для аллергической диагностики бруцеллеза. Основатель и редактор 5 выпусков «Сборника трудов по изучению гистологизатов» (1931–1935), в которых нашли отражение результаты экспериментальной работы кафедры под его руководством.

- iv Каппель Владимир Оскарович (15.04.1883, г. Белев, Тульская губерния — 26.01.1920, разъезд Утай близ с. Тулун, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния), генерал-лейтенант. Окончил 2-й кадетский корпус в Петербурге, Николаевское кавалерийское училище, выпущен в 17-й Новомиргородский уланский полк. В 1913 окончил Академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник. После свержения советской власти 9 июня 1918 в Самаре возглавил отряд из 350 добровольцев «Народной армии». Во главе группы войск успешно действовал против красных на правобережье Волги, захватил Казань. Произведен в генерал-майоры, а его части выведены в тыл на отдых. В мае 1919 1-й Волжский корпус Каппеля введен в бой под Белебеем (Башкирия). Назначен главнокомандующим Восточным фронтом. Под Красноярском часть Белой армии сдалась в плен, но оставшиеся верными войска под началом Каппеля обошли город по льду р. Енисея и Кана и двинулись на восток. На Кане Каппель провалился под лед, обморозился. Умер от воспаления легких и тифа. Войска приняли название «каппелевцы», а исход свыше 25 000 военных и беженцев от Омска до Забайкалья известен как «Великий сибирский поход».
- v Тонков Владимир Николаевич (2.01.1872, с. Коса, Чердынский уезд, Пермская губерния — 6.10.1954, Ленинград), анатом, генерал-лейтенант медицинской службы, профессор, академик АМН СССР (1944), Заслуженный деятель науки РСФСР (1934). В 1895 окончил Военно-Медицинскую Академию. С 1900 — профессор Женского медицинского института в Петербурге, с 1905 — профессор Казанского университета. В 1910–1913 исполнял должность декана медицинского факультета Казанского университета. С 1915 — в Военно-Медицинской Академии, с 1915 по 1950 — заведующий кафедрой нормальной анатомии. С 1917 по 1925 — первый советский президент Военно-Медицинской Академии. С 1932 — член ВКП(б). В 1942–1947 был начальником II-го факультета этой Академии. Возглавлял Комиссию по улучшению быта ученых Ленинграда (совместно с А. М. Горьким). Один из организаторов и председателей Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. В 1950–1954 — профессор-консультант Ученого совета Военно-Медицинской Академии. Автор многократно переиздававшегося «Учебника нормальной анатомии человека» (2 тт., 5-е изд. — 1953, 1-е изд. под названием «Руководство нормальной анатомии человека», 1918).
- vi Загоскин Николай Павлович (20.07.1851, Петербург — 6.02.1912, Петербург), историк русского права, профессор, общественный деятель. В 1874 окончил Казанский университет. С 1879 — профессор, с 1906 по 1909 — ректор Казанского университета. С 1911 — директор Казанских высших женских курсов. В 1883–1900 издавал в Казани газету «Волжский вестник». Состоял ученым секретарем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. По его инициативе было устроено несколько археологических выставок. В 1912 избран в члены Государственного совета Российской империи от Академии наук и университетов. Автор исследований по теории государственного права и сословному строю допетровской России.

- vii Миславский Николай Александрович (17.04.1854, с. Турьинские рудники, Верхотурский уезд, Пермская губерния — 28.12.1928, Казань), физиолог, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР (1926), член-корреспондент АН СССР (1927). В 1876 окончил в звании лекаря Казанский университет, утвержден сверхштатным ассистентом по кафедре физиологии. В 1885 защитил докторскую диссертацию, назначен прозектором физиологической лаборатории при этой кафедре. В 1886 начал преподавание в качестве приват-доцента, оставаясь прозектором. В 1886 был послан за границу, работал в лабораториях в Лейпциге и Париже. С 1891 — экстраординарный профессор Казанского университета. В 1891–1909 — заведующий университетской кафедрой нормальной физиологии и директор физиологической лаборатории. С 1895 — ординарный профессор. С 1909 числился вторым профессором кафедры физиологии. В 1917 — ректор Казанского университета. В 1919–1928 — вновь заведующий кафедрой нормальной физиологии. В 1907–1910, 1915–1919, 1924–1926 — декан медицинского факультета Казанского университета. В начале 1920-х принимал деятельное участие в организации Уральского государственного университета. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).
- viii Кавецкий Евгений Леопольдович (1864–1939), патологоанатом, профессор, инициатор создания высшей медицинской школы в Самаре, организатор и руководитель Санитарно-биологического института. Окончил Казанский университет. С 1898 руководил патологоанатомическим кабинетом при Самарской земской больнице. С 1919 — профессор кафедры патологической анатомии медицинского факультета Самарского университета. С 1923 — заведующий этой кафедрой. В 1924–1927 — декан медицинского факультета, ректор Самарского университета. С 1930 по 1936 заведовал кафедрой патологической анатомии Самарского медицинского института.
- ix Дамперов Николай Иванович (1870–1967) — хирург, заведующий хирургическим отделением Ижевской больницы. В 1908 окончил медицинский факультет Казанского университета, работал ординатором в факультетской клинике, позже — при кафедре оперативной хирургии в качестве прозектора. В 1912 участвовал в Балканской, затем — в Первой мировой войне. До 1922 заведовал хирургическими отделениями военных госпиталей. С 1923 — заведующий хирургическим отделением Ижевской больницы (см.: *Ворончихин С. И.* Полвека за операционным столом: Записки хирурга / Литерат. запись К. И. Куликова. Ижевск, 1981. С. 36–52).
- x Отдельный оттиск этой работы в сорок страниц из «Казанского медицинского журнала» (1912, т. 12) находится в РНБ: *Ромодановский К. В.* Артерии покровов головы: Из Анатомического института профессора В. Н. Тонкова в Казанском университете. Казань, 1912.
- xi Рюйш Фредерик (Рёйс Фредерик, нидерл. Ruysch Frederik; 1638–1731), знаменитый голландский анатом, изучал медицину в Лейдене. С 1665 — профессор анатомии, с 1685 — профессор ботаники в Амстердаме. Рюйш обработал учение о лимфатических сосудах; всемирную известность получил его способ сохранять анатомические препараты и бальзамировать трупы посредством так называемого *liquor balsamicus*, а также неизвестный в настоящее время способ наполнять тонкие кро-

веносные сосуды затвердевающей жидкостью. Рюйш основал один из первых в Европе анатомических музеев. Петр I заплатил за коллекцию Рюйша огромную по тем временам сумму в 30 тысяч гульденов (стоимость трех стопушечных линейных кораблей). Эти предметы и легли в основу «государего Кабинета», а потом и петровской Кунсткамеры, первого российского естественно-научного музея.

- xii Лодер Христиан Иванович (Юстус Христиан) (нем. Loder Justus Christian; 28.04.1753, Рига — 4.04.1832, Москва), анатом, доктор медицины, профессор. В 1777 окончил Геттингенский университет, он получил звание доктора медицины и хирургии. С 1779 — профессор медицины в Йенском университете. В 1781 он стал лейб-медиком герцога Саксен-Веймарского. С 1803 — тайный советник прусской службы и профессор анатомии в Галле. В 1808 — лейб-медик прусского короля в Кенигсберге. С 1810 занимался частной практикой в Петербурге, получил чин действительного статского советника и звание лейб-медика императора Александра I. В 1812 — организатор и руководитель русских военных госпиталей. С 1813 по 1817 управлял военным госпиталем в Москве. В 1818 император купил у него богатое собрание анатомических препаратов и подарил его Московскому университету, где Лодер практически до конца жизни безвозмездно читал лекции по анатомии, иллюстрируя их операциями над трупами.
- xiii Вишневский Александр Васильевич (22.08.1874, с. Новоалександровка, Дагестанская область — 13.11.1948, Москва), хирург, профессор, академик АМН СССР (1947), Заслуженный деятель науки РСФСР (1934), лауреат Сталинской премии (1942). В 1899 окончил медицинский факультет Казанского университета, работал сверхштатным ординатором хирургического отделения больницы в Казани. В 1900–1901 — сверхштатный прозектор кафедры оперативной хирургии с топографической анатомией Казанского университета, в 1901–1904 — прозектор кафедры нормальной анатомии, в 1904–1911 — приват-доцент кафедры топографической анатомии. С 1912 — экстраординарный профессор кафедры хирургической патологии. В 1916 — заведующий кафедрой госпитальной хирургии. В 1918–1926 возглавлял областную больницу Татарской АССР. С 1926 по 1934 заведовал хирургической клиникой медицинского факультета Казанского университета. С 1934 — директор хирургической клиники Центрального института усовершенствования врачей и Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве. С 1947 — директор Института экспериментальной и клинической хирургии АМН СССР. Председатель хирургического общества Татарской АССР, Московского хирургического общества. Его имя присвоено одной из улиц Казани, хирургической клинике Казанского медицинского университета, Институту хирургии РАМН. Скульптурные бюсты хирурга установлены в Казани и Москве.
- xiv Попов Вячеслав Андреевич (1876–03.1923), анатом, профессор. В 1902 окончил медицинский факультет Казанского университета. В декабре 1902 предоставлена стипендия имени В. А. Грубера сроком на три года. В 1904 призван на военную службу и определен младшим ординатором полевого подвижного госпиталя. Участник боевых действий в годы русско-японской войны. В 1906 назначен сверхштатным помощником прозектора при кафедре анатомии Казанского университета. С 1913 по 1914 исполнял обязанности прозектора при той же кафедре. В 1915 защитил

диссертацию доктора медицины, назначен прозектором. С 1916 — приват-доцент, с 1921 — профессор. С 1918 исполнял обязанности заведующего кафедрой анатомии Казанского университета, в 1921 избран на эту должность.

- xv Тейхмана масса — масса для инъекции сосудистой системы, состоящая из мела (500 г), киновари (100 г) и олифы натуральной (80 мл). Тейхман Людвиг Карл (Teichmann Ludwig Karl, 1823–1895) — немецкий анатом. Родился в Люблине. Работал прозектором в Геттингене, впоследствии — профессор кафедры патологической, а затем нормальной и сравнительной анатомии в Кракове. Научные исследования посвящены изучению внутриорганных кровеносных и лимфатических сосудов человека.
- xvi Кутлубаев Искандер Мустафович (? — 1910, Казань), первый врач из мусульман в России, общественный деятель. Из знатного башкирского дворянского рода. Окончил медицинский факультет Казанского университета. Участвовал в студенческих волнениях, был арестован и выслан в Уфу. Единственный человек из мусульманской интеллигенции, который откликнулся на призыв о создании мусульманского театра. Инициатор издания общественно-политической, литературной, экономической и научно-популярной газеты на татарском языке «Тавыш» («Голос»; 6 номеров за апрель-май 1907). Кончил жизнь самоубийством.
- xvii Стипендия имени профессора В. А. Грубера составляла 500 руб. в год. Грубер Венцеслав Леопольдович (Gruber Wenzeslaw Leopold, 1814–1890) — австрийский анатом, работавший в России. Член-корреспондент Петербургской АН (1866), заслуженный профессор Медико-Хирургической Академии. Родился в Круканице (Богемия). В 1842 окончил университет в Праге. С 1842 по 1847 — прозектор в Пражском университете. В 1847 приехал в Россию. Работал прозектором по курсу нормальной и патологической анатомии в Медико-Хирургической Академии в Петербурге. С 1858 — профессор. В 1858–1888 — заведующий кафедрой анатомии. Создал крупнейший в России анатомический музей. В 1871 под его руководством был построен новый анатомический корпус. Провел большую работу по реорганизации преподавания анатомии. Вскрыл более 10 тыс. трупов и опубликовал около 500 научных работ, посвященных различным вопросам систематической, сравнительной и патологической анатомии. Открыл и описал слизистые сумки многих суставов, ряд новых мускулов, клапаны внутренних яремных вен человеческого тела. Проведенные им исследования внутренних грыж, ущемлений и заворотов кишок имели большое практическое значение.
- xviii Засецкий Николай Александрович (19.08.1855, Вологда — 16.03.1917, Казань), терапевт, профессор. В 1880 окончил Медико-Хирургическую Академию, оставлен при ней для подготовки к профессорскому званию. Работал в клинике ординатором, затем ассистентом. В 1883 защитил докторскую диссертацию и утвержден доктором медицины. Избран приват-доцентом по диагностике и клинике внутренних болезней при Медико-Хирургической Академии. В 1884–1886 работал в клиниках за границей, преимущественно в Вене. По возвращении в Россию назначен экстраординарным профессором на кафедру частной патологии и терапии Казанского университета. С 1893 — ординарный профессор на кафедре частной патологии. В 1903 — заведующий кафедрой госпитальной терапевтической клиники. В 1911 удостоен звания заслуженного профессора Казанского университета.

^{xix} Залесский Владислав Францевич (30.01.1861, Казань — 15.02.1922, Томск), правовед, экономист, профессор, публицист, общественный и политический деятель. Один из лидеров правомонархического (черносотенного) движения в Казани и Казанской губернии. Окончил физико-математический факультет Казанского университета по направлению естественных наук, выдержал экзамен в юридической испытательной комиссии при том же университете. Получил также степень доктора политической экономии. С 1893 — приват-доцент, с 1900 — профессор на кафедре энциклопедии и истории философии права в Казанском университете. В 1909 участвовал в Съезде русского народа, вошел в «Союз русского народа».

^{xx} Чистович Федор Яковлевич (01.02.1870, Петербург — 24.10.1942, Новосибирск), патологоанатом, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР (1935). В 1893 окончил с отличием со званием лекаря Военно-Медицинскую Академию. Оставлен для совершенствования по кафедре патологической анатомии, работал ординатором клиники Военно-Медицинской Академии. Стажировался за границей в Геттингене, затем в Париже в Пастеровском институте. В 1896 защитил докторскую диссертацию, трудился приват-доцентом в Военно-Медицинской Академии, прозектором Петропавловской (ныне Эрисмановской) больницы, выполнял исследования в одной из частных лабораторий. В 1908–1921 был заведующим кафедрой патологической анатомии Казанского университета. В 1910–1913 избирался председателем университетского Общества врачей и редактором «Казанского медицинского журнала», работал деканом медицинского факультета, научным руководителем студенческого медицинского кружка. С 1921 по 1942 руководил кафедрой патологической анатомии в Ленинградском институте усовершенствования врачей. В 1921–1932 и 1935–1937 возглавлял кафедру судебной медицины в Первом медицинском институте в Ленинграде. В 1942 эвакуирован из Ленинграда в Новосибирск. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

^{xxi} Осипов Виктор Петрович (12.11.1871, Петербург — 22.05.1947, Ленинград), психиатр, невропатолог, физиолог, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944), Заслуженный деятель науки РСФСР (1933). В 1895 окончил Военно-Медицинскую Академию, оставлен на три года в клинике В. М. Бехтерева. В 1898 защитил докторскую диссертацию. Направлен в заграничную командировку, где работал в лучших лабораториях и клиниках Европы, изучал клиническую психиатрию, невропатологию, физиологию и бактериологию. В 1901–1906 работал лаборантом, затем приват-доцентом в психиатрической клинике Военно-Медицинской Академии. Одновременно был ассистентом кафедры психиатрии в Петербургском женском медицинском институте. В 1906 избран профессором психиатрии Казанского университета. С 1906 по 1915 — заведующий университетской кафедрой психиатрии. В 1915–1947 — заведующий кафедрой психиатрии в Военно-Медицинской Академии в Ленинграде. С 1923 был одним из лечащих врачей В. И. Ленина. В 1929–1947 — директор Государственного института мозга имени В. М. Бехтерева. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

^{xxii} Тимофеев Дмитрий Александрович (1859, Пенза — 21.02.1921, Казань), гистолог, профессор. В 1883 окончил медицинский факультет Казанского университета, работал земским врачом в Уфимской губернии. С 1887 по 1891 находился в должности ординатора госпитальной хирургической клиники Казанского университета, сдал экзамен на степень доктора медицины. В 1892 начал заниматься при кафедре гистологии, в 1893 назначен помощником прозектора. В 1896 защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1897 послан в зарубежную командировку, работал в анатомических институтах Боннского и Тюбингенского университетов. В 1900 утвержден в звании приват-доцента по кафедре гистологии Казанского университета. В 1903 избран экстраординарным профессором. С 1903 по 1921 — заведующий университетской кафедрой гистологии и эмбриологии. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

^{xxiii} Казем-Бек Алексей Николаевич (Мирза Алексей Абдул Саттар оглы; 03.03.1859, Саратовская губерния — 1919, Томск), терапевт-клиницист, кардиолог, профессор. В 1883 окончил медицинский факультет Казанского университета, избран ординатором факультетской терапевтической клиники, руководимой Н. А. Виноградовым. В 1884 выдержал экзамен на докторанта и в 1887 защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1887 утвержден приват-доцентом по кафедре врачебной диагностики. В 1889 выехал за границу для приготовления к профессорскому званию. С 1894 по 1904 возглавлял кафедру врачебной диагностики, а с 1904 по 1913 — факультетскую терапевтическую клинику. С 1903 по 1907 был во главе Общества врачей при Казанском университете и редактировал «Казанский медицинский журнал». Возглавлял Казанскую лигу борьбы с туберкулезом. Благодаря его инициативе, в 1915 на собранные благотворительные средства началось строительство бесплатного противотуберкулезного санатория «Каменка». В 1918 покинул с Белой армией Казань, умер в Сибири от сыпного тифа. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

Брат К. В. Ромодановского Сергей Владимирович был женат на дочери А. Н. Казем-Бека (об этом подробно см. «Вместо эпилога»).

^{xxiv} Геркен Николай Александрович (18.12.1863, Казань — 08.03.1933, пос. Марпосад, Чувашия), хирург, профессор. В 1888 окончил со званием лекаря медицинского факультета Казанский университет, работал земским врачом в Спасском уезде Казанской губернии. В 1891 поступил ординатором в факультетскую клинику Казанского университета. В 1892 после публичной защиты получил звание доктора медицины. В 1892 назначен прозектором по кафедре оперативной хирургии Томского университета, затем по кафедре нормальной анатомии. В 1895 на один год командирован за границу. В 1896 утвержден приват-доцентом по кафедре оперативной хирургии Томского университета. В 1897 переведен на медицинский факультет Казанского университета. С 1897 по 1904 — экстраординарный профессор, заведующий кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии. С 1904 по 1910 — ординарный профессор, заведующий кафедрой хирургической патологии. В 1907–1909 редактировал «Казанский медицинский журнал». С 1910 по 1925 — заведующий кафедрой факультетской хирургии. В 1926 вышел в отставку по возрасту и состо-

янию здоровья. По предложению Правительства Чувашской республики занял должность консультанта больницы в поселке Марпосад. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

xxv См.: *Куприянов В. В.* К истории казанского периода деятельности В. Н. Тонкова // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1962. № 10. С. 104–109. Куприянов Василий Васильевич (01.01.1912, д. Большие Столбища, Мологский уезд, Ярославская губерния — 03.07.2006, Москва) — анатом, член-корреспондент АМН СССР (1969), академик АМН СССР (1974), Заслуженный деятель науки РФ (1999), лауреат Государственной премии СССР (1977). В 1944 окончил Военно-Медицинскую Академию, служил врачом на линкоре Северного флота «Архангельск». Откомандирован в Военно-Морскую Медицинскую Академию на должность адъюнкта кафедры нормальной анатомии. В 1948 защитил кандидатскую диссертацию, в 1954 — докторскую диссертацию. В 1956 профессор, заведующий кафедрой нормальной анатомии Кишиневского медицинского института. С 1959 заведующий кафедрой нормальной анатомии 2-го Московского медицинского института. С 1981 заведующий лабораторией микроциркуляции и электронной микроскопии. С 1972 по 1992 являлся председателем Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. В 1982–1992 главный редактор журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии».

xxvi Эмдин Павел Иосифович (1883, Чаусы, Могилевская губерния — 1959, Ростов-на-Дону) — невропатолог, нейрохирург, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР (1941). В 1909 окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1909 по 1914 работал в качестве клинического ординатора в неврологической клинике. В 1914 получил степень доктора медицины. В 1920–1924 — заведующий неврологическим отделением клиники в Ростове-на-Дону. В 1924 возглавил клинику нервных болезней и нейрохирургии Донского государственного университета (Ростов-на-Дону). В 1924–1925 — декан медицинского факультета университета. С 1930 — заведующий организованной им кафедрой неврологии и нейрохирургии Ростовского медицинского института. В 1952–1953 репрессирован.

xxvii Драверт Петр Людовикович (4.01.1879, Вятка — 12.12.1945, Омск) — революционер, ученый, краевед, поэт, писатель, библиофил, общественный деятель. В 1899 поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. За участие в выступлениях студентов неоднократно арестовывался, высылался в Пермскую и Томскую губернию, Якутскую область. В 1914 окончил Казанский университет. В 1916 участвовал в экспедиции Геологического комитета, изучавшей золотоносные россыпи в Якутии. В 1918–1940 был ассистентом, затем профессором минералогии, геологии и геофизики в высших учебных заведениях Омска. В 1921 принял участие в первой советской метеоритной экспедиции. В 1925–1927 побывал в Баянаульских горах в Казахстане, в одном из гротов на берегу озера Жасыбай обнаружил и описал наскальные рисунки, выполненные охрой. В 1929 участвовал в экспедиции по исследованию Тунгусского метеорита. В 1927–1945 возглавлял метеоритную комиссию при Омском отделении Всесоюзного астрономо-геодезического общества. В 1939–1945 состоял членом Комитета по

метеоритам АН СССР. В 1930 арестован, в 1931 освобожден. С 1938 по 1940 заведовал научной частью Государственного заповедника Боровое. С 1942 — директор Омской областной лаборатории строительных материалов. Совершил более 50 поездок и экспедиций по среднему Поволжью, Уралу, Башкирии и Сибири. В последние годы жизни состоял научным работником Омского краеведческого музея, преподавал юннатам минералогию и работал над составлением библиографии литературы по метеоритике. Его именем названа улица в Омске.

xxviii Яхонтов Константин Матвеевич (?— 01.1918) — анатом. Выпускник Томской духовной семинарии. В 1910 окончил медицинский факультет Томского университета. Сотрудник кафедры анатомии Казанского университета, доцент. Отказался от должности профессора кафедры анатомии Варшавского университета в Ростове-на-Дону. Основные работы посвящены изучению строения хромаффинных узлов и их развития, анатомии почек. Завещал свой скелет анатомическому театру Казанского университета.

xxix Бик Вадим Иосифович (26.04.1894, Симферополь — 6.01.1967, Саратов) — анатом, профессор. В 1919 окончил медицинский факультет Казанского университета. Студентом начал работать на кафедре нормальной анатомии в качестве исполняющего обязанности помощника прозектора. По окончании университета служил младшим врачом пехотного полка на Восточном фронте. Заведующий сыпно-тифозными бараками в Свяжске, старший врач рабочего батальона Запасной армии Восточного фронта в Казани. В 1920 избран на должность помощника прозектора кафедры нормальной анатомии Казанского университета, в 1924 — ассистента. В 1931 утвержден в звании доцента. В 1932 назначен временно исполняющим обязанности профессора и заведующего кафедрой вечернего факультета Казанского медицинского института. В 1934 защитил диссертацию на ученую степень доктора медицины. В 1935 присвоено звание профессора, назначен заведующим кафедрой нормальной анатомии Саратовского медицинского института. В 1943–1946, 1948–1951 работал проректором по учебной работе, был деканом лечебного факультета и секретарем Ученого совета Саратовского медицинского института. Организовал в Саратове научное общество анатомов, гистологов и эмбриологов и до последних дней своей жизни был бессменным его председателем.

xxx Спориус Эмиль Эрнстович (1868–1933) — казанский художник-муляжист. Оформитель «Марийского календаря» (1906–1913). О нем см.: *Кудрявцев В. Г.* Марийская графика. Йошкар-Ола, 2001. С. 21 и др.

xxxi Зернов Дмитрий Николаевич (26.10.1843, Москва — 13.03.1917, Москва), анатом, профессор. В 1865 окончил медицинский факультет Московского университета. В 1867 защитил диссертацию на степень доктора медицины. Отправлен за границу, где совершенствовал свои познания в гистологии. В 1869 утвержден в должности доцента медицинского факультета для преподавания анатомии. В 1873 стал экстраординарным, в 1880 — ординарным профессором по кафедре анатомии Московского университета. В 1898–1899 — ректор Московского университета. Преподавал по совместительству на Высших женских медицинских курсах. В 1902 был утвержден судьей профессорского дисциплинарного суда. В 1906–1914 занимал должность де-

кана медицинского факультета Московского университета. С 1885 — председатель Московского физико-медицинского общества. Почетный член Казанского университета. Автор выдержавшего 14 изданий учебника «Руководство описательной анатомии человека» (М., 1890–1892. Ч. 1–3).

xxxii Фортунатов Алексей Михайлович (17.03.1850, Новгородская губерния — 22.05.1904, Казань) — анатом, профессор. В 1876 окончил со степенью кандидата естественных наук физико-математический факультет Петербургского университета. В 1880 окончил клинические курсы в Военно-Медицинской Академии и сдал экзамен на степень доктора медицины. В 1881 присвоено звание врача. В 1884 после защиты диссертации удостоен степени доктора медицины. С 1876 по 1879 исполнял обязанности консерватора и лаборанта физиологического кабинета Петербургского университета. С 1879 исполнял обязанности прозектора при кафедре анатомии и физиологии. В 1884 утвержден в должности прозектора при той же кафедре. С 1885 принят в число приват-доцентов Петербургского университета. В 1891 назначен экстраординарным профессором Казанского университета, в 1894 — ординарным профессором. С 1891 по 1904 — заведующий кафедрой нормальной анатомии медицинского факультета Казанского университета. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

xxxiii Бушмакин Николай Дмитриевич (1875, Чистополь, Казанская губерния — 5.10.1936, Ленинград) — анатом, морфолог, профессор, организатор высшего медицинского образования. В 1899 окончил Казанский университет, работал земским врачом в Лаишевском уезде Казанской губернии. С 1903 по 1905 — военный врач пограничной стражи в Маньчжурии. С 1906 — сверхштатный помощник прозектора кафедры анатомии Казанского университета. С 1908 — прозектор анатомического института. В 1911 защитил диссертацию доктора медицины. С 1912 — приват-доцент Казанского университета. С 1913 — профессор кафедры анатомии Варшавского университета. С 1916 по 1918 — заведующий кафедрой анатомии Казанского университета. С ноября 1918 — прозектор кафедры нормальной анатомии Томского университета, с 1919 — исполняющий обязанности доцента той же кафедры и ординатор хирургической госпитальной клиники. С сентября 1919 — профессор анатомии Иркутского университета, избран первым деканом медицинского факультета. С 1920 — ректор Иркутского университета. С 1929 — организатор Дальневосточного медицинского института в Хабаровске. С 1930 — заведующий кафедрой анатомии этого института, с 1931 — заведующий кафедрой морфологии. С 1932 — организатор отдела морфологии человека во Всесоюзном институте экспериментальной медицины имени А. М. Горького в Ленинграде, заместитель директора по науке. С 1932 — заведующий кафедрой анатомии в Медицинском вузе-больнице имени И. И. Мечникова.

xxxiv Глушков Петр Аркадьевич (19.12.1880, пос. Мелекес, Самарская губерния — 5.03.1937, Ленинград) — хирург, стоматолог, профессор. В 1904 окончил со степенью лекаря с отличием медицинский факультет Казанского университета, оставлен на кафедре нормальной анатомии профессорским степендиатом за собственный счет на три года. С 1905 призван на военно-медицинскую службу, которую исполнял в

Казани. Одновременно был сверхштатным помощником прозектора в анатомическом институте Казанского университета, получал стипендию имени В. А. Грубера. Служил ординатором Уральской войсковой больницы, затем ординатором хирургического отделения Казанского военного госпиталя. В 1911 прослушал курс консервативного зубопротезирования в Петербурге, а также курс рентгенологии. С 1914 по 1917 выполнял обязанности хирурга в действующей армии. В 1918 после сдачи экзаменов на степень доктора медицины и публичной защиты диссертации утвержден в степени доктора медицины. В 1918 преподавал на кафедре хирургии болезней челюстей и полости рта медицинского факультета Казанского университета. Участвовал в организации одонтологического отделения. В 1920 избирается по конкурсу профессором кафедры одонтологии Казанского университета. С 1921 по 1930 — заведующий кафедрой одонтологии. В 1928 — директор стоматологической клиники медицинского факультета Казанского университета. С 1930 работал в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

xxxv Соколов Николай Владимирович (07.06.1882, с. Шуран, Лаишевский уезд, Казанская губерния — 22.09.1963, Казань) — хирург, профессор, Заслуженный деятель науки Татарской АССР (1939), Заслуженный деятель науки РСФСР (1940). В 1902 поступил в Томский университет, окончил с отличием медицинский факультет Казанского университета. Работал земским врачом в Бирском уезде Уфимской губернии. С 1909 по 1913 находился в ординатуре при факультетской хирургической клинике Казанского университета, сдал докторантские экзамены. В 1913–1914 заведовал хирургическим отделением Малмыжской земской больницы Вятской губернии. С 1914 по 1918 работал на фронте старшим ординатором госпиталя Красного Креста. В 1918–1921 исполнял обязанности старшего ординатора, затем главного врача в госпиталях Красной Армии. В 1918–1920 — заведующий хирургическим отделением адмиралтейской городской больницы в Казани. В 1919 избран помощником прозектора при кафедре оперативной хирургии Казанского университета. В 1921 стал ассистентом госпитальной хирургической клиники. В 1925 получил звание приват-доцента. С 1926 — заведующий кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии в Казанском институте усовершенствования врачей. В 1930–1933 — заведующий кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии Казанского медицинского института. В 1933–1935 возглавлял кафедру общей хирургии института. С 1935 по 1963 — заведующий кафедрой госпитальной хирургии. В 1935 присвоена степень доктора медицинских наук. В 1933–1936 и 1938–1942 был деканом лечебного факультета. В годы Великой Отечественной войны работал в качестве консультанта в эвакогоспиталях Казани. С 1945 по 1946 занимал должность заместителя директора по научной части Казанского медицинского института. С 1935 по 1963 возглавлял хирургическое общество Татарской АССР. (Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.): Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Казань, 2004).

xxxvi Сперанский Алексей Дмитриевич (30.12.1887, Уржум, Вятская губерния — 23.07.1961, Москва) — патолог, физиолог, академик АН СССР (1939) и АМН СССР (1944), Заслуженный деятель науки РСФСР (1934), лауреат Сталинской премии (1943). В 1911

окончил медицинский факультет Казанского университета, работал младшим прозектором кафедры анатомии. В 1913 сдал экзамен на степень доктора медицины. С 1914 по 1918 — военный врач. С 1919 — профессор кафедры оперативной хирургии Иркутского университета. В 1922 — заведующий кафедрой топографической анатомии того же университета. С 1923 по 1927 — старший прозектор кафедры топографической анатомии в I Петроградском медицинском институте и кафедры нормальной анатомии Военно-Медицинской Академии. С 1923 — сверхштатный сотрудник лаборатории И. П. Павлова, с 1927 — старший ассистент. С 1926 — организатор и руководитель экспериментального отдела в Ленинградском институте хирургической невропатологии. В 1928–1934 — заведующий отделом патофизиологии Ленинградского института экспериментальной медицины. С 1934 — заведующий отделом общей патологии Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве. С 1945 — директор Института общей и экспериментальной патологии АМН СССР. С 1954 — заведующий отделом общей патологии Института нормальной и патологической физиологии АМН СССР.

xxxvii Бажанов Борис Николаевич — анатом. В 1917 окончил медицинский факультет Казанского университета, работал военным врачом и преподавателем кафедры анатомии. В 1918 покинул Казань. С 1921 — помощник прозектора кафедры анатомии Омского медицинского института, с 1923 — ассистент, затем — доцент. С 1931 по 1933 — заведующий кафедрой анатомии Омского медицинского института. С 1936 по 1940 — заведующий кафедрой анатомии Архангельского медицинского института. Основные работы посвящены изучению кровоснабжения и иннервации различных органов, аномалиям их строения.

xxxviii Лидский Аркадий Тимофеевич (23.12.1890, Екатеринодар — 30.01.1973, Свердловск) — хирург, профессор, организатор здравоохранения и науки, член-корреспондент АМН СССР (1945), Заслуженный деятель науки РСФСР (1942). В 1914 окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1931 — заместитель директора по учебной части Свердловского медицинского института. В 1935 присвоена степень доктора медицинских наук. В 1935–1966 — заведующий кафедрой госпитальной хирургии института. В годы Великой Отечественной войны работал главным хирургом эвакогоспиталей Свердловской области.

xxxix Гречищев Ксенофонт Михайлович (19.01.1873, слобода Ямская близ Рязани — 4.01.1957, Иркутск) — гигиенист, инфекционист, эпидемиолог, профессор, организатор здравоохранения. В 1894 поступил в Томский университет, в 1900 окончил медицинский факультет Берлинского университета. Работал врачом на руднике в Донбассе. В 1901–1902 был участковым врачом на Екатеринославской железной дороге. В 1902 избран томским городским санитарным врачом. В 1904 призван на военно-медицинскую службу, трудился старшим врачом 5-й и 8-й дружин, расквартированных на станциях Тайшет и Тулун в Иркутской губернии. В 1905 демобилизован, продолжил работу городским санитарным врачом в Томске. С 1907 — участковый врач Макинского переселенческого участка Кокчетавского уезда Акмолинской области. С 1910 по 1911 — санитарный врач управления курортов Кавказских минеральных вод в Ессентуках. В 1911 назначен заведующим городским санитарным бюро Томска. В 1913 перешел старшим врачом на строительство и эксплуатацию Оренбург-

ско-Орской железной дороги. В 1914 был мобилизован, служил старшим врачом и ординатором 565-й и 694-й дружин Оренбургского военного госпиталя, затем 124-го Оренбургского эвакогоспиталя. В 1918 занял должность заведующего отделом народного здоровья при МВД Временного Сибирского правительства. В правительстве адмирала А. В. Колчака был начальником врачебно-санитарного управления. В конце 1919 находился в Иркутске, назначен Военно-революционным комитетом членом бюро комиссариата здравоохранения, а в марте 1920 — заведующим санитарно-статистическим подотделом Иркутского губздрави. С мая 1920 заведовал санитарно-эпидемиологическим подотделом Сибздрави в Омске. С октября 1920 по март 1922 — заведующий санитарно-эпидемиологическим подотделом отдела здравоохранения Сиббоса. В 1922–1925 — городской врач-эпидемиолог Омского губздрави. В 1920 принял активное участие в организации Омского медицинского института. В 1923–1929 — заведующий учебной частью института. Входил в состав его правления, неоднократно временно исполнял обязанности директора. В 1921–1940 — заведующий кафедрой общей гигиены института. В 1922 утвержден в должности профессора. В 1937 присвоены без защиты степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора по кафедре коммунальной гигиены. В 1938 арестован, находился под следствием, в 1939 был освобожден. С 1940 по 1951 — заведующий кафедрой коммунальной гигиены Томского медицинского института. (Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета — Томского медицинского института — Сибирского государственного медицинского университета. 1878–2003. Томск, 2013. Т. 1. С. 173–174).

xi Краснопевцева Зинаида Александровна (12.09.1891–1942) — врач, преподаватель анатомии. В 1915 окончила медицинское отделение Московских высших женских курсов. С 1921 — прозектор кафедры анатомии человека Омского медицинского института. В 1928–1931 — старший ассистент той же кафедры. В 1931–1941 преподавала анатомию человека в Ленинградском педиатрическом институте. В начале 1942 эвакуирована вместе с сотрудниками института на Кавказ. Трагически погибла в период оккупации. Жена профессора К. В. Ромодановского. О ней более подробно см. «Вместо эпилога».

xli Торговый дом фабрично-торгового товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями» был окончательно построен в 1911 г. на месте популярной у омичей Любиной рощи. Здание примечательно великолепными фасадами разных архитектурных стилей и роскошными интерьерами с богатой лепниной, люстрами и зеркалами. После октябрьского переворота торговый дом национализировали, в 1919 г. здесь открылся продовольственный магазин, а в угловом помещении появилась аптека. В 1921 г. Омский губисполком предоставил здание бывшего товарищества в распоряжение медицинского института.

xlii Кузнецов Архип Степанович (17.02.1882 — ?) — врач-общественник, советский управленец. Окончил двухклассное училище, работал сторожем в психиатрической больнице в Омске. Участник русско-японской войны. В 1914 окончил фельдшерскую школу, направлен на работу в Курган. За антирелигиозную пропаганду выслан в Тару, где трудился сторожем на пивоваренном заводе. В 1917 работал на Мариининских приисках, был мобилизован в армию. Работал в Петропавловске,

состоял в партии социал-революционеров. Во время правления А. В. Колчака был в партизанском отряде. С 1919 — член ВКП(б). В ноябре 1919 возглавил Тарский отдел здравоохранения. В 1921–1924 учился в Омском медицинском институте. В 1924 участвовал в подавлении восстания в Батуме. С 1925 — член Омского медицинского общества. Во время учебы в институте работал заведующим Губздравом (до февраля 1927), уполномоченным Сибметторга, начальником Дорсанотдела. В 1933–1935 работал директором рабфака Омского медицинского института и одновременно заместителем директора по административно-хозяйственной части. В последующие годы возглавлял аптечное управление Омской области.

xliii Пандиков Геннадий Александрович (12.5.1899 — 10.7.1961) — терапевт, инфекционист, профессор, Заслуженный врач РСФСР (1949). В 1925 окончил Омский медицинский институт. В 1934–1940 — доцент, заведующий кафедрой факультетской и госпитальной терапии Омского медицинского института. С 1940 по 1947 — директор Башкирского медицинского института. В 1939–1942, 1944–1947 — заведующий кафедрой факультетской терапии института. В 1957 присвоена степень доктора медицинских наук. С 1960 заведовал кафедрой терапии в Омском медицинском институте.

xliv Мультиановский Юрий Петрович (15.11.1898, Покровская слобода, Самарская губерния — ?) — анатом. Служил делопроизводителем в разных организациях Омска. В 1919 работал в санчасти 1-й отдельной красной добровольческой Западно-Сибирской стрелковой бригады 46-й стрелковой дивизии 13-й армии. В 1921 откомандирован на учебу в Омский медицинский институт. В 1925 окончил институт. С 1925 по 1931 — ассистент кафедры анатомии человека Омского медицинского института. В 1928 арестован ОГПУ, обвинен в контрреволюционной деятельности, осужден. В 1930-е работал в Ленинградском педиатрическом институте. В 1999 реабилитирован.

xlv Иванов-Эмин Николай Константинович (3.04.1879, Казань — 7.01.1922, Омск) — невропатолог, психиатр, первый ректор Омского медицинского института. В 1903 окончил медицинский факультет Казанского университета, назначен врачом в Симбирскую губернию. С 1903 до 1907 трудился в Новороссийском университете, где занимался невропатологией и психиатрией. Работал в психиатрических больницах Новороссийска, Пензы, Самары, Симбирска, Томска. В 1920 назначен заведующим нервно-психиатрической секцией Сибздрава, затем возглавил отдел социальных болезней Сибздрава и психиатрическую больницу в Омске. В июле 1921 избирается на должность профессора кафедры психиатрии Омского медицинского института. В августе 1921 назначен его ректором. Умер от сыпного тифа.

xlvi Чудинов Дмитрий Константинович (1894, д. Половинская, Киренский уезд, Иркутская губерния — 7.03.1937) — революционер, государственный и общественный деятель. В 1914 исключен из Иркутской учительской семинарии за революционную работу. Учился в Московском университете имени А. Л. Шанявского, участвовал в революционной деятельности, вступил в ряды РСДРП. В 1917 вел работу в земских учреждениях, сочувствовал партии социалистов-революционеров. В 1918 работал в финансовом управлении Омского горсовета. Находился в рядах Красной Армии, боролся за установление советской власти в Сибири. В 1919 работал инструктором

ром Иркутского губернского союза кооперативов, читал лекции на кооперативных счетоводческих курсах в селе Кимильтей. В 1920 — секретарь Иркутского губкома, затем — заведующий Иркутским губернским отделом народного образования. Принял участие в создании Восточно-Сибирского педагогического института народного просвещения. В 1920 окончил Иркутскую партийную школу, направлен в Урало-Сибирскую партшколу ЦК РКП(б) в Омске. С ноября 1920 по 1924 — заведующий Сибирским отделом народного образования при Сибревкоме. В 1923 издавал «Сибирский педагогический журнал» («Просвещение Сибири»). В 1924 назначен на должность заведующего отделом общего и среднего образования Наркомпроса РСФСР, затем исполнял обязанности заведующего Московским педагогическим техникумом. В 1928–1929 работал в Госплане Казахской АССР, являлся заместителем редактора журнала «Народное хозяйство Казахстана». В 1929 — член оргбюро по созыву Всеказахстанского краеведческого съезда. С 1929 по 1930 — ректор Сибирского института народного хозяйства в Новосибирске, главный редактор журнала «Жизнь Сибири». Позднее — директор Томского механического института. В 1932–1936 — заведующий Полонской культбазой на реке Лена. В 1936 — директор школы в станице Ново-Покровская Азово-Черноморского края. В 1936 арестован органами НКВД, обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации, расстрелян. В 1967 реабилитирован.

xlvii Броннер Вольф Моисеевич (1876–1937) — революционер, врач-общественник, дерматолог, венеролог, организатор здравоохранения, Заслуженный деятель науки РСФСР. В 1894 поступил в Томский университет, в 1900 окончил медицинский факультет Берлинского университета. В 1899–1900 состоял в берлинской группе РСДРП. В 1902 вошел в «Сибирскую группу революционных социал-демократов» в Томске. С 1903 — член Сибирского социал-демократического союза искровского направления и Томского комитета РСДРП. С 1904 — большевик. С 1906 в Париже, принимает участие в работе группы большевиков. В эмиграции совершенствуется в области урологии, биохимии и бактериологии. В 1911–1913 работает в Интернациональном госпитале, проходит курс естественного факультета в Сорбонне. В 1913 возвращается в Россию, арестовывается за участие в событиях 1905 в Томске, приговаривается к году одиночного заключения в тюрьме. В 1915 занимается практической и научной работой в Москве. С 1918 — ученый секретарь подсекции по борьбе с венерическими болезнями Наркомздрава. С 1927 — руководитель отдела социальных болезней Наркомздрава. В 1922–1923 — член Государственного ученого совета, с 1926 — член его президиума и председатель медицинской секции. Многие годы был членом Ученого медицинского совета Наркомздрава. С 1924 по 1932 — заведующий отделом высшего образования Наркомпроса и член коллегии Главпрофобра. В 1931–1935 возглавлял кафедру кожных и венерических болезней Центрального института усовершенствования врачей. В 1932–1937 — директор Государственного венерологического института. Возглавлял Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации, состоял членом бюро комитета гигиены Лиги Наций. Инициатор издания журнала «Венерология и дерматология», первый его ответственный редактор (1924–1937).

xlviii Куйбышев Валериан Владимирович (25.05.1888, Омск — 25.01.1935, Москва) — революционер, партийный и государственный деятель. С 1904 член РСДРП(б). В

1921–1922 кандидат в члены, в 1922–1923 член ЦК РКП(б). В 1927–1935 член ЦК ВКП(б). В 1923–1927 член ЦКК РКП(б)–ВКП(б). В 1922–1923 член Оргбюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). В 1927–1935 член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934–1935 член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1905 окончил Сибирский кадетский корпус в Омске, поступил в Военно-Медицинскую Академию в Петербурге. В 1906 исключен за участие в студенческой забастовке. В 1909 поступил на юридический факультет в Томский университет. В 1910 отчислен за революционную деятельность. Неоднократно арестовывался, находился в тюремном заключении, был в ссылке. С 1917 председатель Самарской партийной организации, городского Совета, губкома партии. В 1918–1919 на военно-политической работе в Красной Армии, председатель Самарского губисполкома. В 1919–1920 заместитель председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, член РВС Туркестанского фронта, полпред РСФСР в Бухарской республике. С 1920 член Президиума ВЦСПС, ВСНХ РСФСР, начальник Главэлектро. В 1923–1926 нарком РКИ. В 1926 заместитель председателя СНК и СТО СССР. В 1926–1930 председатель ВСНХ СССР. В 1930–1934 председатель Госплана СССР и заместитель председателя СНК и СТО СССР. С 1934 председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР и первый заместитель председателя СНК и СТО СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

^{xlix} Обросов Павел Николаевич (1880, пос. Пельшма, Кадниковский уезд, Вологодская губерния — 15.03.1938, пос. Коммунарка, Московская область) — революционер, хирург, профессор, организатор здравоохранения и высшей медицинской школы. С 1902 член РСДРП. В 1911 окончил со званием лекаря медицинский факультет Томского университета, начал работу лаборантом в госпитальной хирургической клинике. В 1914 защитил диссертацию, получил звание доктора медицины. В 1915 стал ассистентом, затем — старшим ассистентом в хирургической клинике. В 1918 возглавил врачебно-санитарный отдел Совета народного здоровья при Томском совдепе. При А. В. Колчаке арестован и приговорен к расстрелу. В 1920 освобожден из Иркутской тюрьмы, возглавил Сибздравотдел, затем был назначен главным уполномоченным Наркомздрава по Сибири. Избран в члены Сибревкома. Один из инициаторов открытия Омского медицинского института. В 1921 — заведующий кафедрой оперативной хирургии института. В 1922 возглавил Лечебно-санитарное управление Кремля. В 1923 назначен первым директором Института травматологии и неотложной помощи имени Н. В. Склифосовского. С 1927 — заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии медицинского факультета Московского государственного университета. Под его руководством написан учебник «Частная хирургия» в 3 томах. В 1937 арестован, обвинен в провокаторской деятельности, расстрелян. В 1955 реабилитирован.

^x Ружейников Иван Семенович (12.06.1878, г. Уральск, Оренбургская губерния — 31.12.1929, Москва) — революционер, врач. С 1905 член РСДРП. С 1900 по 1905 учился на медицинском факультете Томского университета, был представителем студентов в комитете РСДРП. В 1905 арестован, в 1906 выслан в Минусинск. Совершил побег, работал в Красноярске, Омске, Петропавловске, Одессе. Вновь был арестован и заключен в Красноярскую тюрьму. С 1910 работал врачом в Абищенске, был арестован. В 1914 мобилизован на фронт, вел революционную агитацию среди казаков. В 1917 — член солдатского исполкома Юго-Западного фронта, участвовал

в подавлении контрреволюционного восстания гайдамаков, в борьбе против Центральной рады. В 1919 — руководитель обороны Уральска. В 1920 — заместитель заведующего казачьим отделом ВЦИК, член оргбюро по созыву и член президиума 1-го съезда трудовых казаков. Выезжал в агитпоезде на Донской фронт. С 1921 исполнял обязанности помощникам начальника Главного военно-санитарного управления РККА. Работал заведующим медицинским отделом Главпрофобра и в других советских учреждениях.

^{li} Иванов Георгий Федорович (6.01.1893, с. Горы, Чаушский уезд, Могилевская губерния — 11.01.1955, Москва) — анатом, профессор. В 1922 окончил Военно-Медицинскую Академию, оставлен при кафедре нормальной анатомии для подготовки к научно-педагогической деятельности. В 1925–1930 — преподаватель, приват-доцент кафедры нормальной анатомии Военно-Медицинской Академии. Одновременно работал в Ленинградском институте хирургической невропатологии. В 1930–1955 — заведующий кафедрой нормальной анатомии 1-го Московского медицинского института. В 1933–1937 руководил одноименной кафедрой 3-го Московского медицинского института. В 1935 присвоены научная степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора. В 1936–1940 возглавлял макромикроскопическую лабораторию морфологического отдела Всесоюзного института экспериментальной медицины. В 1943–1955 — заведующий отделом морфологии Научно-исследовательского института болезней уха, горла и носа Минздрава РСФСР. В 1941 находился в эвакуации во Фрунзе, работал на кафедре нормальной анатомии Киргизского медицинского института. Автор руководства «Основы нормальной анатомии человека» (М., 1949. Т. 1–2), «Краткого учебника по анатомии человека» (М.; Л., 1935; совм. с В. П. Воробьевым). Состоял заместителем председателя правления Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, председателем правления Московского отделения этого общества, главным редактором журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», экспертом ВАК и членом Экспертной комиссии Министерства высшего образования СССР.

^{lii} Жуков Иван Иванович (20.11.1880, Петербург — 13.08.1949, Ленинград) — химик, профессор, член-корреспондент АН СССР (1946), Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1943). В 1903 окончил Петербургский университет, работал там же. В 1919–1925 преподавал одновременно в Высшем институте фотографии и фототехники, в 1926–1930 — в Ленинградском медицинском институте. В 1932–1934 и 1942–1946 директор Научно-исследовательского химического института Ленинградского университета. В 1908 удостоен Менделеевской премии Русского физико-химического общества.

^{liii} Раствор Рингера — многокомпонентный физиологический раствор в дистиллированной воде нескольких неорганических солей с точно выдержанными концентрациями, таких как хлорид натрия, хлорид калия, хлорид кальция. Применяется в медицине, в физиологии для изучения деятельности тканей вне органов, для перфузии изолированных органов. Раствор назван в честь Сиднея Рингера, который в 1882–1885 установил, что в растворе для перфузии сердца лягушки должны содержаться соли натрия, калия и кальция в найденной им пропорции, чтобы изолированное сердце лягушки продолжало биться в течение длительного времени. Рингер Сидней

(англ. Ringer Sydney; 1835, Норидж — 4.10.1910, Йоркшир) — британский врач и фармаколог, известный изобретением раствора, названного его именем. В 1860 окончил Университетский колледж Лондона. С 1861 по 1862 был интерном в Университетской клинике больницы. В 1863 получил диплом и был назначен помощником врача в больницу. В 1866 стал полноправным врачом. Последовательно служил профессором фармакологии и терапии, а также практики медицины факультета Университетского колледжа. С 1887 до 1900 — профессор клинической медицины. В 1900 ушел в отставку с занимаемого поста. В 1870 стал членом Королевского колледжа врачей, в 1885 — членом Лондонского королевского общества.

- liv Спиров Михаил Сергеевич (2.07.1892, с. Вышегорское, Сергачский уезд, Нижегородская губерния — 17.06.1973, Киев) — анатом, лимфолог, профессор, Заслуженный деятель науки и техники УССР (1943). В 1917 окончил медицинский факультет Московского университета, принят помощником прозектора анатомии в Высшую Московскую медицинскую школу. Работал помощником прозектора, затем прозектором анатомии Киевского медицинского института. Исполнял обязанности старшего прозектора анатомии Военно-Медицинской Академии, старшего ассистента кафедры анатомии Ленинградского педиатрического института. В 1930 избран заведующим кафедрой нормальной анатомии Киевского медицинского института. В 1932 присвоено звание профессора. В 1937 присуждена научная степень доктора медицинских наук. Председатель Киевского областного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов.
- lv Лаврентьев Борис Иннокентьевич (31.07.1892, Казань — 9.02.1944, Москва) — нейрогистолог, профессор, член-корреспондент АН СССР (1939), Заслуженный деятель науки РСФСР (1940), лауреат Сталинской премии (1941). В 1914 окончил медицинский факультет Казанского университета. В 1927–1930 — профессор Московского университета. С 1930 — профессор 1-го Московского медицинского института.
- lvi Воробьев Владимир Петрович (15.06.1876, Одесса — 30.09.1937, Харьков) — анатом, профессор, академик АН УССР (1934), лауреат премии имени В. И. Ленина (1926). В 1903 окончил медицинский факультет Харьковского университета. В 1908 защитил докторскую диссертацию. С 1910 — приват-доцент Харьковского университета, заведующий кафедрой анатомии Харьковского женского медицинского института. В 1913 избран профессором Юрьевского и Варшавского университетов, но не утвержден в этих должностях. С 1917 по 1937 руководил кафедрой анатомии Харьковского университета. В 1924 принимал участие в разработке метода бальзамирования тел умерших. По поручению советского правительства бальзамировал тело В. И. Ленина и Г. И. Котовского. Организовал в Харькове первый и единственный в мире «Музей становления человека». Создал оригинальный «Атлас анатомии человека» (М.; Л., 1938–1942, 5 тт.; совм. с Р. Д. Синельниковым), ставший одним из популярнейших медицинских учебников и выдержавший семь изданий. Автор «Краткого учебника по анатомии человека» (М.; Л., 1935; совм. с Г. Ф. Ивановым).
- lvii См.: Воробьев В. П., Иванов Г. Ф. Краткий учебник по анатомии человека. М.; Л., 1935. Об авторах см. комм. li и lvi.

- lviii Браус Герман (нем. Braus Hermann, 1868–1924), немецкий анатом. Изучал естественные науки в Боннском, медицину — в Йенском университетах. В 1892 получил степень доктора медицины. С 1893 — ассистент Анатомического института в Иене. С 1899 — прозектор в Вюрцбурге. С 1901 — в Гейдельберге. В 1912 возглавил там же Анатомический институт. С 1921 — директор Анатомического института в Вюрцбурге. Автор трехтомного руководства по анатомии человека (*Braus H. Anatomie des Menschen: ein Lehrbuch für Studierende und Ärzte. Bd. 1: Bewegungsapparat. Berlin; Heidelberg, 1921; Bd. 2: Eingeweide (Einschliesslich periphere Leitungsbahnen, I. Teil). Berlin; Heidelberg, 1924; Bd. 3: Centrales Nervensystem. Berlin; Heidelberg, 1932).*
- lix Синельников Рафаил Давыдович (1896, Бердянск — 1981, Харьков) — анатом, профессор. В 1918 поступил на медицинский факультет Харьковского университета. С 1919 работал препаратором на кафедре анатомии, затем инструктором. В 1924 окончил университет, зачислен на должность ассистента кафедры анатомии. В 1931–1937 — доцент анатомии 1-го Харьковского медицинского института, заведующий кафедрой анатомии во 2-м Харьковском медицинском институте. С 1931 по 1941 работал в Украинском институте экспериментальной медицины. С 1937 по 1971 — заведующий кафедрой анатомии Харьковского медицинского института. В 1938 присвоены научная степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора. С 1924 по 1945 был ассистентом в лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина. В период Великой Отечественной войны принимал участие в сохранении тела В. И. Ленина. Автор пятитомного «Атласа анатомии человека» (М.; Л., 1938–1942; совм. с В. П. Воробьевым), ставшего одним из популярнейших медицинских учебников, выдержавшего семь изданий и переведенного на многие языки.
- lx Шпальтегольц Вернер (нем. Spalteholz Werner, 21.02.1862, Дрезден — 12.01.1940, Лейпциг) — выдающийся немецкий анатом. Известен созданием метода приготовления прозрачных анатомических препаратов. В 1880–1885 учился в Лейпцигском университете. В 1886 работал ассистентом там же, защитил докторскую диссертацию. В 1891 стал приват-доцентом Лейпцигского университета. С 1892 занимал должности второго прозектора и экстраординарного профессора. С 1905 по 1929 был первым прозектором и хранителем анатомического музея. Во время Первой мировой войны был главным врачом, а позднее директором военного госпиталя в Цвиккау. С 1921 работал ординарным профессором и директором университетского анатомического института. В 1929 он ушел в отставку с занимаемых постов. Его основная работа, атлас нормальной анатомии человека (*Handatlas der Anatomie des Menschen*), была опубликована в трех томах в Лейпциге в 1895–1903, впоследствии была переведена на многие языки (в том числе и на русский) и неоднократно переиздавалась.
- lxi Елютин Вячеслав Петрович (26.02.1907, Саратов — 5.02.1993, Москва) — государственный деятель, член-корреспондент АН СССР (1962), лауреат Сталинской премии (1952). В 1929 вступил в ВКП(б). В 1930 окончил Московский институт стали имени И. В. Сталина. В 1933–1935 исполнял там обязанности доцента. В 1935–1941 — декан факультета и заместитель директора Промакадемии имени И. В. Сталина. Работал заместителем председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Во время Великой Отечественной войны служил в армии.

С 1943 — доцент, в 1945–1951 директор Московского института стали. Автор трудов по металлургии. С 1951 — заместитель министра высшего образования СССР. С 1954 — министр высшего образования СССР. С 1959 — министр высшего и среднего специального образования СССР. С 1956 кандидат в члены, в 1961–1986 член ЦК КПСС. В 1962–1986 — депутат Верховного Совета СССР. С 1985 на пенсии.

lxii Пентман Израиль Соломонович (9.05.1888, Омск — 29.01.1939, Новосибирск) — патологический анатом, гистолог, профессор. В 1908 поступил на медицинский факультет Базельского университета. Во время обучения состоял субассистентом кафедры патологической анатомии и при акушерско-гинекологической клинике. В 1912 окончил университет со званием врача Швейцарской Федерации. Работал ассистентом кафедры патологической анатомии в Базеле, написал диссертацию и был удостоен звания доктора медицины Базельского университета. В 1915 вернулся в Россию, сдал экзамен на звание лекаря в Томском университете. С 1915 до 1918 находился в действующей армии, служил младшим врачом в пехотном полку, затем назначен ординатором Омского военного госпиталя. В Сибири включился в деятельность Омского медицинского общества, с 1921 входил в состав его правления. Принял участие в открытии Омского медицинского института, в 1923 создал и возглавил кафедру гистологии и эмбриологии. С образованием кафедры патологической анатомии освободился от заведования кафедрой гистологии, начал организацию новой кафедры, которую возглавлял до 1928. С 1923 по 1932 руководил также кафедрой патологической физиологии. В 1932 году приказом Наркомздрава РСФСР переведен в Новосибирск для организации кафедры патологической физиологии Института усовершенствования врачей. В 1933 избирается заведующим кафедрой патофизиологии Новосибирского института усовершенствования врачей. С 1936 заведует одновременно кафедрой патофизиологии открывшегося Новосибирского медицинского института. В 1937–1938 временно исполнял обязанности заведующего кафедрой нормальной физиологии института. В 1938 арестован органами НКВД, обвинен в шпионской деятельности, приговорен к высшей мере наказания. В 1957 реабилитирован.

lxiii Кучинский Макс Ханс (нем. Kuczynski Maximaler Hans, 1890–1967) — немецкий физиолог, антрополог, бактериолог, профессор. Занимался вопросами социальной медицины и медицинской географии. Заведующий отделом Института имени Р. Вирхова в Берлине, профессор патологии Берлинского университета. Как практик-исследователь путешествовал и наблюдал за влиянием природных факторов на особенности жизни людей в Польше, России, Казахстане, Монголии, Китае и Африке. В 1923 — участник Международного конгресса эпидемиологов в Ленинграде. В 1923–1924 — приглашенный профессор в Омском медицинском институте. Издал в Лейпциге книгу «Степь и люди. Путешествие через Казахстан и наблюдения над жизнью, культурой и болезнями». В 1936 эмигрировал в Перу, где продолжил свою исследовательскую деятельность.

lxiv См.: Kuczynski M. H. Brief aus Omsk // Klinische Wochenschrift. 18 März 1924. Vol. 3. Is. 12. S. 509–510.

lxv Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (17.01.1877, с. Дашковцы, Литинский уезд, Подольская губерния — 25.01.1974, Москва) — экономист, статисти-

стик, академик АН СССР (1931), Герой Социалистического Труда (1967), лауреат Ленинской (1958) и Сталинской (1942) премий. В 1896 поступил в Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. С 1897 в левом революционном движении. В 1899 участвовал во Всеобщей студенческой забастовке, отчислен из института. Вступил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899–1906 был членом РСДРП. В 1901, 1903 и 1905 арестовывался. Примыкал к меньшевикам. В 1914 окончил коммерческое отделение Петербургского политехнического института. В 1916 — заведующий отделом статистики Особого совещания по топливу. В 1918–1919 — заведующий отделом статистики Петроградского областного комиссариата труда. В 1919–1923 — заведующий отделом статистики Наркомтруда и ВЦСПС. В 1921–1923 — профессор по кафедре прикладной экономики и кафедре теории и техники статистики и экономической статистики Московского университета. С 1923 член РКП(б). В 1921–1937 — заместитель председателя Госплана СССР. В 1929–1930 преподавал в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, в 1931–1950 — в Московском государственном экономическом институте. В 1931–1957 — член Совета по изучению производительных сил. В 1932–1934 годах заместитель начальника Центрального управления народнохозяйственного учета. В 1942–1946 — заместитель председателя Совета филиалов и баз АН СССР. В 1943–1951 — член Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР. В 1947–1952 — заведующий сектором истории народного хозяйства Института экономики АН СССР. В 1948–1974 преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1967 избран иностранным членом Польской академии наук и Румынской академии. Почетный член Демографического общества при Чехословацкой Академии наук. С 1966 — почетный доктор Ягеллонского университета в Кракове. Почетный член Варшавского университета. С 1971 — почетный член Академии экономических наук в Бухаресте.

lxvi Косиор Станислав Викентьевич (польск. Kosior Stanisław; 6.11.1889, г. Венгру, Седлецкая губерния — 26.02.1939, Москва) — революционер, партийный и государственный деятель. В 1902 окончил заводское Сулинское начальное училище, работал слесарем на Сулинском заводе. В 1905 участвовал в заводских забастовках. С 1907 член РСДРП(б). С 1908 по 1911 возглавлял Сулинскую организацию РСДРП(б). Четыре раза подвергался краткосрочным арестам, в 1911 был выслан в Екатеринославскую губернию. С 1912 по 1914 находился на нелегальной работе в Харькове, Киеве, Полтаве. В 1914 был среди организаторов Киевского комитета РСДРП(б). С 1915 выслан на три года в Иркутскую губернию. В 1917 работал в партийной организации Нарвско-Петергофского района Петрограда, затем был членом Петербургского комитета большевиков в Исполнительной комиссии. В октябре 1917 года — комиссар Петроградского ВРК. В 1918 один из организаторов КП(б) Украины. С марта 1918 народный секретарь (нарком) финансов Украины, с апреля член Оргбюро КП(б)У. В 1918–1919 — секретарь подпольного Правобережного (Киевского) областного комитета КП(б)У. В 1919 года возглавлял также Зафронтовое бюро ЦК КП(б)У. С 1919 по 1920 — член ЦК КП(б)У, секретарь ЦК КП(б)У. С 1922 по 1925 — секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). С 1923 — кандидат в члены, с 1924 — член ЦК РКП(б). С 1925 по 1928 — член Оргбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б). С 1928 по 1938 — генеральный (с 1934 — первый) секретарь ЦК КП(б)У. С 1927 — кандидат в члены, с 1930 — член Политбюро ЦК ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. С 1937 депутат Верховного совета СССР. В 1938 стал заместителем

председателя СНК СССР и председателем Комиссии советского контроля при СНК СССР. В 1938 арестован, обвинен в принадлежности к так называемой Польской военной организации, приговорен к высшей мере наказания. В 1956 реабилитирован.

^{lxvii} Курлов Михаил Георгиевич (1859–1932) — терапевт, бальнеолог, профессор. В 1883 окончил с отличием Медико-Хирургическую Академию. В 1886 стал доктором медицины. Был отправлен в командировку за границу для совершенствования, занимался в Мюнхене и Берлине. После возвращения избран приват-доцентом клиники внутренних болезней Медико-Хирургической Академии. В 1890 назначен экстраординарным профессором по частной патологии и терапии Томского университета. С 1890 по 1929 возглавлял кафедру терапии медицинского факультета Томского университета. Первый председатель Томского отделения Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом. С 1892 по 1920 был создателем и бессменным руководителем, главным врачом Томской общины сестер милосердия Томского отделения Всероссийского Общества Красного Креста.

^{lxviii} Некрасов Александр Иванович (27.11.1883, Москва — 21.05.1957, Москва) — механик, математик, член-корреспондент АН СССР (1932), академик АН СССР (1946). В 1906 окончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1911–1917 — приват-доцент кафедры астрономии и геодезии и приват-доцент по кафедре прикладной математики (теоретической механики). С 1917 — доцент физико-математического факультета. В 1906–1917 преподавал математику и физику в женских средних учебных заведениях Москвы, специальные разделы механики на Московских высших женских курсах. В 1918–1921 — профессор, заведующий кафедрой теоретической механики, декан инженерно-строительного факультета Иваново-Вознесенского политехнического института. С 1921 — ректор Иваново-Вознесенского политехнического института. С 1922 года — профессор Московского университета. В 1922 вошел в руководство Научно-исследовательского института математики и механики Московского университета. В 1922–1932 преподавал в Московском высшем техническом училище. В 1923 введен в коллегию (руководящий орган института) Центрального аэрогидродинамического института, в 1930–1938 — заместитель начальника института. В 1922–1929 — заместитель заведующего Главпрофобром Наркомпроса РСФСР. В 1933–1938 и 1943–1957 заведовал кафедрой теоретической механики Московского университета. В 1934–1938 — член Высшей аттестационной комиссии при Всесоюзном комитете по делам высшей школы при СНК СССР. В 1938 арестован НКВД, обвинен в контрреволюционной деятельности, осужден на 10 лет. С 1938 по 1943 работал в ЦКБ-29 НКВД, занимался научными исследованиями в области авиации. В 1943 освобожден. В 1945–1957 работал в Институте механики АН СССР, заведовал отделом аэрогидромеханики.

^{lxix} Курорт «Боровое» расположен в поселке Боровое (Бурабай) в Северном Казахстане (Акмолинская область) рядом с одноименным озером. Это место — оазис среди казахских степей с кристальным воздухом, озерами с лечебными водами, горными вершинами и хвойными лесами. Боровое известно с начала XX в. как климатический курорт, ориентированный на лечение заболеваний верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательной системы, сердца и сосудов, туберкулеза.

^{lxx} Ходоровский Иосиф Исаевич (1885, Николаев — 7.05.1938, пос. Коммунарка, Московская область) — революционер, партийный и государственный деятель. В 1903 вступил в РСДРП, вел партийную работу в Николаеве, Москве и других городах. В 1905 — член Николаевского комитета РСДРП, арестовывался, находился в тюрьме. В 1918 — член коллегии Наркомата труда. В 1919 — на военно-штабных должностях Южного фронта. В 1918–1919 — начальник политотдела и член РВС фронта. В 1919–1920 — председатель Казанского губисполкома и секретарь Казанского губкома РКП(б), член Татревкома. Возглавлял Казанский горисполком. В 1921 — председатель Тульского губисполкома. В 1921–1922 — секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б). В 1922–1928 — в Наркомпросе РСФСР, заместитель наркома. С 1924 — заведующий Главпрофобром при Наркомпросе РСФСР. В 1928–1932 работал торговым представителем в Италии, затем в Турции. С 1932 был заместителем председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР. В 1934 стал начальником Лечебно-санитарного управления Кремля. В 1937 арестован, обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации, в 1938 приговорен к высшей мере наказания. В 1956 реабилитирован.

^{lxxi} Попов Константин Андреевич (29.10.1876, Омск — 5.12.1949, Москва) — революционер, партийный и государственный деятель. В 1898 окончил юридический факультет Дерптского (Юрьевского) университета, кандидат права. В 1898 примкнул к социал-демократам, с 1905 — большевик. Вел партийную работу в Санкт-Петербурге, Харькове, Омске. Неоднократно арестовывался, содержался в заключении, находился в ссылке, приговаривался к смертной казни. В 1917 — председатель Омского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии. Руководил Омской объединенной организацией РСДРП. Член Сибирской областной думы от совета профсоюзов Омска. После свержения советской власти в Сибири арестован и содержался в Омской областной тюрьме. В 1919 отправлен колчаковцами на восток в «эшелоне смерти», откуда бежал, работал в Иркутске в подполье. В январе 1920 иркутским Политцентром назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии, которая вела допрос бывшего Верховного правителя А. В. Колчака. С конца января 1920 — заместитель председателя Иркутской губчека по борьбе с контрреволюцией. С мая по сентябрь 1920 — помощник и заместитель заведующего отделом юстиции Сибревкома, затем — член президиума и заместитель председателя, председатель Омского губисполкома. С 1922 работал в агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б). С 1924 — заместитель председателя Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). В 1928 перешел на работу в Институт красной профессуры. В последние годы жизни преподавал в Московском историко-архивном институте.

^{lxxii} Петров Федор Николаевич (10.07.1876, Москва — 28.05.1973, Москва) — революционер, партийный и государственный и деятель, дважды Герой Социалистического Труда (1961, 1971). В 1902 окончил медицинский факультет Киевского университета. В 1896 примкнул к социал-демократам, с 1903 большевик. Вел партийную работу в Киеве, в Польше. В 1906 арестован и в 1907–1915 отбывал срок в Шлиссельбургской крепости. С 1915 на поселении в Иркутской губернии. В 1917 — депутат Иркутской городской думы, председатель Знаменской районной организации РСДРП(б). В 1918 участвовал в партизанском движении в Сибири. С августа 1920 —

член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). В октябре-декабре 1920 — член Забайкальского областного бюро ЦК РКП(б). С ноября 1920 — министр здравоохранения Дальневосточной республики, начальник Главного военно-санитарного управления Народно-Революционной армии ДВР. С 1921 — заместитель председателя Совета министров ДВР. В 1923–1927 — начальник Главного управления научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР. В 1929–1933 — председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. В 1927–1939 заместитель главного редактора, в 1939–1949 директор издательства «Большая советская энциклопедия», затем — член ее Главной редакции.

^{ixiii} Общество русских врачей — название научно-медицинских обществ, созданных в Санкт-Петербурге и Москве. Общество русских врачей в Москве было основано в 1858. Официальное открытие состоялось в 1861. С 1858 печатным органом общества являлась «Московская медицинская газета». С 1879 года стали выходить два раза в год «Труды» общества. В состоявшихся 500 заседаниях общества заслушано до 10 000 докладов. Оно имело свой дом, лечебницу, аптеку и библиотеку (1800 томов). В 1865 обществом открыта амбулаторная лечебница и аптека при ней, в которых можно было получить лечение и лекарства по низким ценам, а неимущие больные обслуживались бесплатно. Общество русских врачей в Москве явилось первым профессиональным объединением, боровшимся за развитие общественной медицины в России. Оно было известно самой широкой массе врачей, сочувствовавших его целям и в разных формах принимавших участие в его деятельности. По образцу этого объединения было создано более 50 провинциальных медицинских обществ. Общества русских врачей стали колыбелью съездов отечественных естествоиспытателей и врачей. От них впоследствии отпочковались многочисленные специальные медицинские общества — терапевтов, хирургов, гинекологов, офтальмологов и др.

ВСПОМИНАЯ КОНСТАНТИНА ВЛАДИМИРОВИЧА РОМОДАНОВСКОГО

Совершенно особую роль в моей жизни сыграл замечательный ученый и педагог, профессор Константин Владимирович Ромодановский. Кафедрой анатомии Новосибирского мединститута он заведовал с 1948 по 1964 год. Когда Константин Владимирович ушел на пенсию, на этой должности его сменил я.

К. В. Ромодановский являлся русским интеллигентом в лучшем понимании этого слова. Вообще-то понятие «интеллигенция» рождает у меня разные чувства, включающие не только уважение. Бездарно низкопоклонствовать, бросаясь в зависимости от ситуации к ногам то одного, то другого правителя, склочничать по мелочам, подсиживать друг друга — к сожалению, все это бытует в интеллигентской среде. Думаю, что в среде рабочих подобное встречается реже.

Но лучшие качества интеллигенции — порядочность, благородство, чувство собственного достоинства, честность, надежность, верность избранному курсу, элементы бессеребреничества — присущи наиболее достойным представи-

телям этого сословия. И в старые времена, и сейчас невозможно найти среди них преуспевающих бизнесменов, нуворишей, наживших громадные состояния сомнительного происхождения. Сегодня в нашей стране такое время, когда в той или иной степени в предпринимательской деятельности приходится участвовать многим. Тем не менее, наживать огромные капиталы человек с развитой совестью и не сможет, и вряд ли захочет, прекрасно понимая: не все на свете продается и покупается — даже в самую продажную эпоху.

К когорте подвижников, обладающих высокими моральными принципами, относился и Константин Владимирович Ромодановский, один из двух моих учителей и, если можно так выразиться, отцов-наставников в профессии. Вторым я считаю Григория Денисовича Залесского.

Константин Владимирович Ромодановский

Пока же отдавая дань глубокого уважения профессору К. В. Ромодановскому, считаю своим долгом перед его светлой памятью рассказать об этом замечательном и удивительном человеке. Он являлся потомком одной из обедневших ветвей именитого боярского рода Ромодановских. Во времена царя Петра Первого предок Константина Владимировича Федор Юрьевич Ромодановский получил титул князя-кесаря, став одной из вельможных особ, наиболее приближенных к императору. Возглавляя Преображенский приказ, он участвовал в суде над царевичем Алексеем.

Романовых, три столетия восседавших на российском троне, гордые Ромодановские считали худородными выскочками. Сами они гордились своей принадлежностью к древнему царскому роду Рюриковичей. Отцу Константина Владимировича неоднократно предлагали восстановить княжеское звание, утраченное в процессе разных жизненных перипетий, но тот считал ниже своего достоинства кланяться «выскочкам», занимавшим российский престол. Вот что значит порода!

Самому К. В. Ромодановскому пришлось прожить непростую жизнь. Судьба провела Константина Владимировича через все испытания, выпавшие на долю людей его поколения: Мировую и Гражданскую войны, сквозь

Слева — генерал-лейтенант медицинской службы академик Владимир Николаевич Тонков. Июнь 1954 г.

[844]

голод, холод, грязь, жестокость, несправедливость и потери. При этом он нисколько не утратил своих лучших человеческих качеств и всегда, сколько его помню, оставался удивительно светлым, легким человеком с огромным интересом к жизни.

К. В. Ромодановский окончил медицинский факультет Казанского университета незадолго до первой мировой войны, в 1912 году. Еще будучи студентом, Константин Владимирович проявлял интерес к функциональной анатомии: моторике человеческого тела, его морфодинамике, работе мышечно-суставного аппарата. После успешного окончания факультета он работал земским врачом в глухом уезде Симбирской губернии, а затем перешел в качестве помощника прозектора на кафедру анатомии Казанского университета. Тогда ее возглавлял прославленный ученый-анатом профессор Владимир Николаевич Тонков, по учебникам которого много лет спустя еще довелось учиться нам, студентам Новосибирского мединститута.

Карьера молодого ученого, судя по всему, складывалась неплохо, но началась война, и его мобилизовали на фронт. Недавний выпускник служил в войсковых частях — врачом драгунского кавалерийского полка, затем в дивизионном лазарете.

По прошествии полувека, уже став стариком, Константин Владимирович, подобно многим пожилым людям, любил рассказывать о своем прошлом. Однажды он начал вспоминать о службе в действующей армии. Картины рисовались страшные, особенно когда речь заходила о кавалерийской атаке.

— Представьте себе, — говорил Константин Владимирович, — несутся навстречу друг другу две лавы кавалерии. И люди, и лошади находятся в состоянии озверения. Всадники не глядя машут шашками налево и направо, лошади с диким ржанием бьют копытами, сталкиваются, кусаются... Образуется сплошное кровавое месиво. Таких ран я больше никогда и нигде не видел. Человека разрубали одним ударом шашки от правого плеча до левого бедра.

Очень интересными были его рассказы об авиации тех лет. Я уже описывал, с каким ужасом ждали люди налетов немецких бомбардировщиков во время Второй мировой войны. В Первую мировую, оказывается, было ничуть не легче. У самолетов в то время еще не имелось бомболюков, откуда сбрасывались бомбы, но их приближения боялись, как огня. Причина этому проста: у пилота, летевшего предельно низко над землей, рядом со штурвалом стоял ящик с железными стрелами. Каждая стрела имела стабилизатор, что позволяло ей во время падения не болтаться беспорядочно в воздухе, а точно достигать цели. Пилот выбирал себе жертву — например, всадника, сидевшего на коне, и сбрасывал на нее орудие убийства. Сила удара была такова, что при удачном попадании стрела пробивала насквозь обоих — и кавалериста, и лошадь.

Первая мировая, как известно, переросла в революцию, а затем в гражданскую войну. В результате многих перетурбаций Константин Владимирович оказался в Сибири. В это время там формировались колчаковские части. Мобилизовали и его — в качестве врача.

[845]

Константин Владимирович Ромодановский и Юрий Иванович Бородин. 1957 г.

Интересная деталь: полк, в котором служил К. В. Ромодановский, располагался под Новосибирском, в селе Мочище, и молодые офицеры ходили на танцы через лес в офицерское собрание (оно располагалось в нынешнем Доме офицеров). По дороге военные из пистолетов стреляли по волкам. Из-за множества человеческих трупов в лесу расплодилось видимо-невидимо всякого зверья, и за городом приходилось отбиваться от хищников с помощью оружия.

Судя по всему, в боевых действиях непосредственного участия К. В. Ромодановский не принимал. Каким образом мой наставник попал в Красноярск, я не знаю. Тогда жизнь вообще резко кидала людей из стороны в сторону. Известно одно: когда на территории Сибири победили большевики, его быстро заметила советская власть. Военного медика назначили главным врачом красноярского инфекционного госпиталя, где он вскоре возглавил и патологоанатомическую лабораторию. В то время в стране свирепствовал сыпняк. Врачам приходилось не смыкая глаз работать сутками, ежедневно подвергая опасности собственные жизни.

В 1921 году Константин Владимирович перебрался в Омск, в котором открылся медицинский институт, один из первых за Уралом. Нынешние критики порой утверждают, что советская власть только угнетала. Но вот наглядный факт: еще вовсю продолжалась гражданская война, а уже открывались новые вузы. Вслед за Омским вскоре появился медицинский институт в Иркутске.

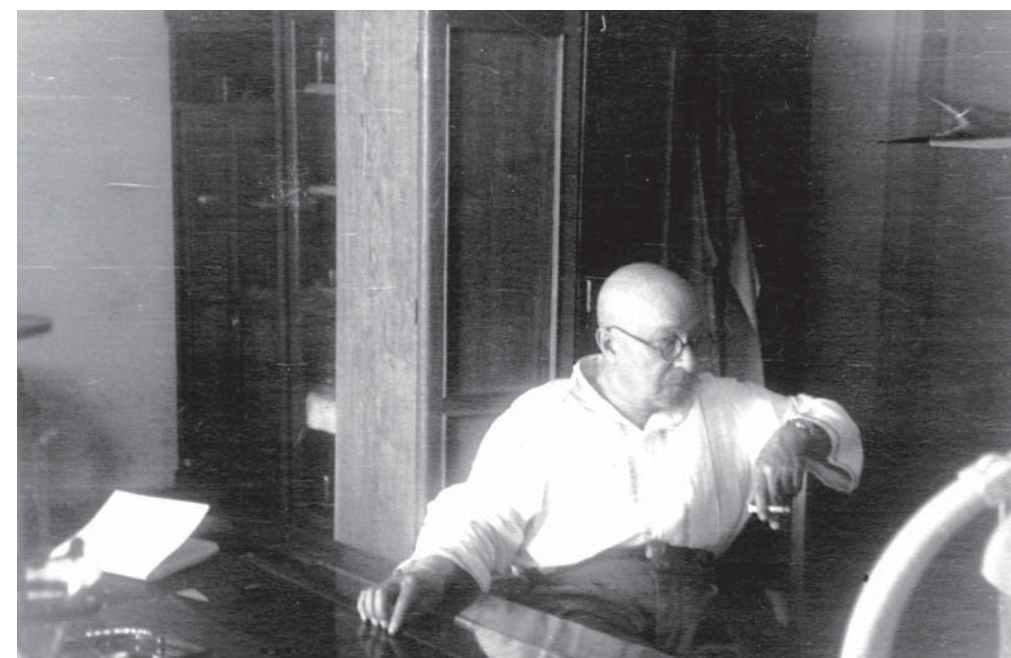
Возникновению вузов способствовало одно обстоятельство. В сибирские края приехало много эвакуированных профессоров, бежавших сюда вначале от наступающих немцев, в частности, из Прибалтики, а затем — от революционных вихрей из центральных областей России. Эти кадры задействовала новая власть. К. В. Ромодановский стал в 1922 г. ректором Омского «меда».

Несмотря на благоволение новых властей, его невольное пребывание в колчаковских войсках не осталось забытым. Уже на моей памяти, когда Константин Владимирович заведовал кафедрой в нашем институте, пользуясь заслуженным уважением коллег и студентов, с ним произошла неприятная история. Один из студентов, которому он поставил на экзамене «двойку», решил отомстить и написал донос в Министерство госбезопасности.

В письме обиженный студент ставил перед МГБ вопрос: «Как вы можете допустить, чтобы колчаковский каратель воспитывал советское юношество?». Через некоторое время на имя ректора поступил ответ, где кратко сообщалось: «Министерство государственной безопасности в курсе биографии профессора К. В. Ромодановского».

Никакого продолжения это скверное происшествие не имело. Никто не бросился заковывать мнимого «карателя» в кандалы и подвергать репрессиям. Видимо, в органах безопасности тоже работали разные люди, и все происходило далеко не однозначно.

Тем не менее, миновать встречи с «людьми в штатском» Константину Владимировичу не удалось. На нее профессор, что называется, напросился сам.

К. В. Ромодановский. 1959 г.

Будучи человеком многосторонне развитым и любознательным, однажды он купил в книжном магазине сатирическую повесть сербского писателя Радое Домановича «Страдия».

В книге описывалась вымышленная страна, где многое происходило так, как в Советском Союзе: дефицит товаров, лицемерие, незаслуженное награждение одних и умаление заслуг других — словом, автор довольно живописно воссоздал жизнь Страны Советов. Между тем, книга была написана задолго до образования СССР, еще в 1902 году. Сатирику, рассказывавшему о жизни современной ему Сербии, казалось, удалось предугадать, каким образом станут развиваться события в первой в мире стране победивших рабочих и крестьян.

Автор широко пользовался таким литературным приемом, как гиперболизация. В книге было немало смешных эпизодов, таких как сцены с орденами, которые возят на тачках, с празднованием дня рождения лошади шефа полиции или манифестацией по поводу выздоровления «великого государственного деятеля» от насморка и т. д.

С интересом прочитав занятную книжицу, посмеявшись от души, Константин Владимирович пришел на работу и, советуя приобрести издание, рассказал о прочитанном молодым преподавателям.

Через некоторое время к нам на кафедру пришел некто — улыбчивый человек в гражданской одежде.

— Зовите меня Александр Сергеевич, — сказал он. — Можно просто Саша. А вообще я капитан госбезопасности. Хочу с вами посоветоваться, поговорить о вашем профессоре.

Далее он начал беседовать со мной и другими сотрудниками. Говорил капитан примерно следующее: «Властям непонятно. Вот Константин Владимирович. Он получил от советской власти все. Профессор, уважаемый человек, заведует кафедрой, живет в достатке... Какого рожна ему еще надо! Почему он покупает какую-то сомнительную книжонку, находит в ней нехорошие параллели, рекомендует ее молодым сотрудникам? Что вы думаете по этому поводу?».

Естественно, мы «мычали», не зная, как возразить. Все единодушно говорили только одно: наш шеф — замечательный человек, прекрасный преподаватель, уважаемый профессор. Мы никогда не слышали от него критику в адрес советской власти. Напротив, у него большие заслуги перед страной.

Сказанное, очевидно, возымело действие. Вскоре наш улыбчивый собеседник исчез. Видимо, шлейф прошлого тянулся за Константином Владимировичем, и он оставался в зоне внимания спецслужб.

К. В. Ромодановский являлся прекрасным лектором, причем материал он давал в университетском аспекте. Существует анатомия сугубо медицинская, рассматривающая строение человеческого тела, а есть анатомия более широкого плана, которая охватывает строение тела животных, эволюцию развития, функциональную анатомию (почему тот или иной организм устроен так или иначе) и многое другое.

Константин Владимирович Ромодановский
со студентами Новосибирского медицинского института. 1948 г.

Для нас, молодых людей, пришедших на первый курс, такой объем знаний, возможно, являлся даже излишним. Однако эти лекции очень пригодились мне для формирования собственного научного мировоззрения. Перечитывая их, я вновь испытывал чувство признательности к своему профессору. Такого богатого материала по анатомии на тот момент взять было просто негде.

К нам, студентам и молодым преподавателям, Константин Владимирович относился как к младшим товарищам: уважительно, деликатно. Если требовал, то по делу. К своей персоне я чувствовал с его стороны поистине отеческое расположение и был благодарен ему за это.

Именно Константин Владимирович пробудил во мне интерес к лимфатической системе. До прихода К. В. Ромодановского на кафедре выполнялась другая научная тематика. Здесь занимались нервными стволами, их внутриствольным строением, а новый заведующий дополнил круг тем лимфатической проблематикой. Он акцентировал наше внимание не только на строении различных частей лимфатической системы, но и на функциональной значимости такого устройства. Константин Владимирович нацеливал молодых ученых на сравнительный анализ, на эволюцию структуры и формы животного организма, на взаимозависимость структуры и функции:

Юрий Иванович Бородин. На заднем плане — К. В. Ромодановский

— Посмотрите, как действует система у разных животных, у разных отрядов класса млекопитающих. Вот хищники, вот грызуны, другие млекопитающие — в чем их сходство, в чем различие?

Впервые на кафедре анатомии К. В. Ромодановский стал поощрять интерес к проведению экспериментальных исследований на живых животных, изучению живой лимфатической системы. Мои кандидатская и докторская диссертации как раз связаны с данной тематикой. Кандидатская диссертация посвящена иннервации лимфатических узлов. Тема докторской: вены и лимфатические сосуды, их взаимодействие в разных условиях гемодинамики. Кроме меня лимфологией начали заниматься еще несколько молодых преподавателей, пришедших на кафедру анатомии.

Таким мне запомнился наш наставник. Будучи человеком деликатным, доверчивым, искренним, он порой страдал от собственной доброты, случались конфликты на кафедре, связанные с амбициями некоторых преподавателей и интеллигентной мягкостью шефа.

Как видно из всего сказанного, Константину Владимировичу не раз приходилось испытывать разнообразные житейские бури. Отдохновение от них он находил в семье. У него была прекрасная супруга — милая, добрая, мудрая

Анна Николаевна Ромодановская с Леночкой. 1948 г.

женщина. Своей доброжелательностью, выдержкой, тактом она соответствовала образу благородных утонченных дворянок, запечатленному русской литературой.

Природа богато оделила дочь Константина Владимировича, Леночку, — которую в то время еще не звали Еленой Константиновной. Позже она окончила Ленинградский университет, долгое время работала в Сибирском отделении Академии наук, в Институте истории и филологии. Лена стала сначала профессором, потом членом-корреспондентом. К сожалению, судьба не отпустила ей долгих лет жизни.

Внучка К. В. Ромодановского, Варенька, дочь Лены, живет в Ленинграде. Мы не один раз общались, и она подарила мне семейные реликвии: старинный микроскоп Константина Владимировича и его портрет. У нас сложились добрые отношения, я пообещал Варе обязательно написать о ее замечательном дедушке. Отчасти я выполняю свое обещание настоящей публикацией. Однако не оставляю надежды, что хватит сил и моей, уже уходящей, жизни, чтобы написать книгу о своем учителе.

«КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ ГЛУБОКО ЧЕСТНЫМ И В НАУКЕ И В ЖИЗНИ»

Константин Владимирович Ромодановский в моей памяти занимает особое место прежде всего потому, что косвенно он сыграл определяющую роль в моей профессиональной судьбе.

Впервые я увидела Константина Владимировича на лекциях по анатомии в Новосибирском мединституте (1948 год, мой второй курс). Профессор Ромодановский — небольшого роста, плотный, с поразительно живыми любознательными глазами и доброжелательной улыбкой — лекции читал основательно, неторопливо, четко произнося новые для нас термины, пользуясь цветными мелками. Как-то одной из групп студентов он рассказал, что отрабатывал дикцию с камешками во рту. Было очевидно, что он очень любит этот древний предмет и находит особое удовольствие в описании функциональной значимости каждого элемента, выстраивая логические связи в системе. Именно этот функциональный подход к изучению структурной системы послужил ос-

новой для создания на кафедре анатомии НГМИ нового научного направления — изучение функциональной организации лимфатической системы. Развитие этого направления было впоследствии успешно продолжено учеником Константина Владимировича Юрием Ивановичем Бородиным (ныне академиком РАМН) и был создан в Сибирском отделении АМН Институт лимфологии.

После первых лекций по анатомии я поделилась своими впечатлениями дома, и оказалось, что мой отец (Николай Николаевич Иванов, в то время заместитель директора НИИТО и заведующий рентгенологическим отделением) хорошо знал Константина Владимировича. Не знаю, каким образом и надолго ли, отец в

Константин Владимирович Ромодановский. 1947 г.

Кафедра анатомии Омского медицинского института. 1920-е гг.
Фото К. В. Ромодановского

На кафедре нормальной анатомии
Новосибирского медицинского института

[854]

1920-е годы оказался в Омске, где Константин Владимирович был одним из организаторов мединститута, в том числе кафедры анатомии. Оба они были из Казанского университета, возможно, где-то судьбы их пересекались, но как бы то ни было, они встретились в Омске, и Константин Владимирович предложил отцу сделать для кафедры учебные анатомические таблицы, зная, что он хорошо рисует. У них сложились прекрасные деловые и дружеские отношения, но впоследствии пути их разошлись, и в предвоенные и послевоенные годы они вряд ли знали о судьбе друг друга, вплоть до новой встречи в Новосибирске. Отец предложил мне подойти к Константину Владимировичу и представиться. Я исполнила просьбу отца, и с тех пор попала в круг студентов, судьбу которых Константин Владимирович прослеживал.

Константин Владимирович был хорошим научным руководителем и организатором и, соответственно своему характеру, с энтузиазмом брался за новые дела. В тот период учебный процесс на младших курсах в мединституте перестраивался кардинально с использованием принципа целостных учебных циклов: лекции по всем предметам читались регулярно по расписанию, а лабораторные занятия по основным медицинским дисциплинам были сгруппированы тематически по разделам и шли непрерывно по 1–2 недели, цикл за циклом. Это позволяло не дробить материал и хорошо осваивать его без ощущения «калейдоскопа знаний». Организовать такую систему было непросто, в других институтах это сделать не удалось, а в нашем институте самым успешным и активным реформатором был Константин Владимирович, в то время занимавший должность заместителя директора института. Впоследствии, много лет спустя, мы с сокурсниками с удовольствием вспоминали этот период нашей учебной жизни, и жаль, что в настоящее время цикловый принцип на младших курсах утрачен.

Константин Владимирович любил молодежь, но его контакт с молодежью никогда не был поучением или мелочной опекой, никогда не носил попечительского отношения старшего к младшим или, наоборот, какого-то панибратства. Дистанция всегда существовала (даже тогда, когда Константин Владимирович поехал вместе с курсом на уборку картофеля), но он внимательно и дружелюбно относился к студентам, вероятно, черпая от общения с ними заряд молодого энтузиазма. И студенты, в свою очередь, стремились к общению с ним, всегда тепло вспоминая своего первого «настоящего» профессора.

Константин Владимирович на посту заместителя директора по научной работе много внимания уделял подбору высокопрофессиональных преподавателей и, во многом благодаря его усилиям, в институте работали выдающиеся профессора, известные в стране ученые. В 1951 году Константин Владимирович пригласил в Институт для заведования кафедрой блестящего физиолога — члена-корреспондента АМН, профессора Александра Григорьевича Гинецинского, не побоявшись, что тот был одним из «опальных», серьезно пострадавших в результате так называемой Павловской сессии (объединенной сессии Академии наук СССР и Медицинской академии наук). На этой сессии в адрес ряда ведущих физиологов и клиницистов, прежде всего ака-

[855]

Александр Григорьевич Гинецинский

демика Леона Абгаровича Орбели и его соратников, было сфабриковано обвинение в забвении учения И. П. Павлова о ведущей роли коры головного мозга в регуляции всех функций, в том числе в патогенезе всех заболеваний. Сессия имела тяжелые последствия не только потому, что на годы затормозила развитие фундаментальной медицины, но она лишила возможности эффективно продолжать работу ряду крупных ученых с мировым именем. Академик Л. А. Орбели был главным обвиняемым, его отстранили от руководства Отделением физиологии АН и Институтом физиологии АН им. И. П. Павлова. Его офис как руководителя лаборатории разместился в анатомическом музее НИИ им. П. Ф. Лесгафта, где на семинары собирались соратники для обсуждения актуальных проблем современной физиологии. Его ученик, неизменный помощник и заместитель, член-корреспондент АМН, профессор А. Г. Гинецинский был также лишен лаборатории в Институте физиологии и оставался лишь заведующим кафедрой физиологии Ленинградского педиатрического института, но и с этим институтом к осени 1951 г. ему пришлось бы расстаться. Все эти репрессивные меры в адрес А. Г. Гинецинского были результатом его резкого принципиального выступления на сессии. Константин Владимирович знал Александра Григорьевича еще в 30-е годы по Ленинградскому педиатрическому институту, где Константин Владимирович был проректором и участвовал в трудном деле создания нового института. Вскоре после злополучной сессии Константин Владимирович встретился с А. Г. Гинецинским и пригласил его в Новосибирск для руководства кафедрой физиологии, которая в то время оказалась без заведующего. Директор НГМИ, профессор Г. Д. Залесский поддержал Константина Владимировича, и в 1951 году на кафедре физиологии под руководством А. Г. Гинецинского параллельно с созданием новой учебной базы началось развитие нового для страны крупного научного направления — регуляция водно-электролитного обмена и функции почек. Яркий лектор, выдающийся ученый, Александр Григорьевич был притягательной личностью, и вскоре на кафедре физиологии появился многочисленный молодой коллектив не только студентов, теоретиков, но и клиницистов. По рекомендации Константина Владимировича я встретила с Александром Григорьевичем, и уже на 6-м курсе мне была поручена самостоятельная поисковая тема, развитие которой было

[856]

продолжено в аспирантуре. С тех пор «с легкой руки» Константина Владимировича физиология почек и водно-электролитного обмена стала делом всей моей жизни. А. Г. Гинецинский недолго был в Новосибирске, время репрессий прошло, и в конце 1954 года Л. А. Орбели, которому поручили создание Института эволюционной физиологии и биохимии АН, пригласил А. Г. Гинецинского для организации этого института. Однако за короткий период пребывания А. Г. Гинецинского на кафедре была создана новая сильная школа по физиологии почек, давшая впоследствии четыре самостоятельных крупных коллектива из учеников Александра Григорьевича.

Поскольку Константин Владимирович и Александр Григорьевич были близкими друзьями, на празднование какой-то даты мне посчастливилось в числе учеников Александра Григорьевича быть приглашенной на домашний прием в семью Константина Владимировича, где я увидела его еще с одной, очень привлекательной стороны. Константин Владимирович относился к плеяде тех профессоров, которых отличала истинная глубокая интеллигентность, высокий профессионализм, преданность делу, которому они служат и широкая образованность. Мне повезло еще в юности в кругу друзей своих родителей увидеть (а потом и учиться у них) таких корифеев, как академик Александр Леонидович Мясников, профессора Александр Викторович Триумфов, Арон Абрамович Колен, Михаил Дометьевич Пономарев и другие. Их лекции были всегда насыщены не только конкретным материалом, но всегда были интересны неожиданными экскурсами

Анна Николаевна Ромодановская. 1951 г.

Константин Владимирович Ромодановский. 1951 г.

[857]

Людмила Николаевна Иванова и Елена Константиновна Ромодановская

в литературу, историю, изобразительное искусство. Все это было свойственно и Константину Владимировичу. Откуда у него эти широкие познания я поняла, когда побывала у него дома и познакомилась с его семьей. Гостеприимство и улыбка доброжелательность были общесемейным признаком, а необычайно широкие литературные познания Константина Владимировича исходили из огромной библиотеки, покрывавшей стеллажами все стены трехкомнатной квартиры. Этот великолепно скомпонованный мир книг не мог не повлиять на выбор специальности дочерью Константина Владимировича, Леной.

Она не продолжила медицинскую линию отца, но стала выдающимся филологом, возглавила Институт филологии СО РАН и была избрана членом-корреспондентом РАН. Много лет спустя после первого знакомства в доме Константина Владимировича (тогда Лена была школьницей старших классов) мы встретились с ней на Общем собрании СО РАН, и случилось так, что стали близкими друзьями. Елена Константиновна была удивительным многогранным человеком, сочетавшим в себе интеллигентность, мягкую женственность и вместе с тем твердую мужественность, унаследованную, вероятно, от отца. Константин Владимирович был человеком глубоко честным и в науке и в жизни, никогда не вступавшим в компромисс с совестью. Он никогда не боялся принять ответственное решение, если считал его справедливым. Таким он и остался в моей памяти.

Об Александре Григорьевиче Гинецинском

Впервые опубликовано:

А. Г. Гинецинский: К 100-летию со дня рождения.

Воспоминания учеников. Письма. СПб., 1995. С. 44–46.

Мои родители знали Александра Григорьевича еще с довоенных лет — по Ленинградскому педиатрическому, где отец был проректором, а мама училась. Отец любил вспоминать, что в свое время принимал Александра Григорьевича на работу: он помнил его совсем молодым и ценил чрезвычайно высоко. Война развела их по разным городам, но не уничтожила ни памяти, ни взаимного уважения, ни точного отцовского представления о месте и роли Александра Григорьевича в науке. Поэтому, когда недоброй

Александр Григорьевич Гинецинский.
1960 г.

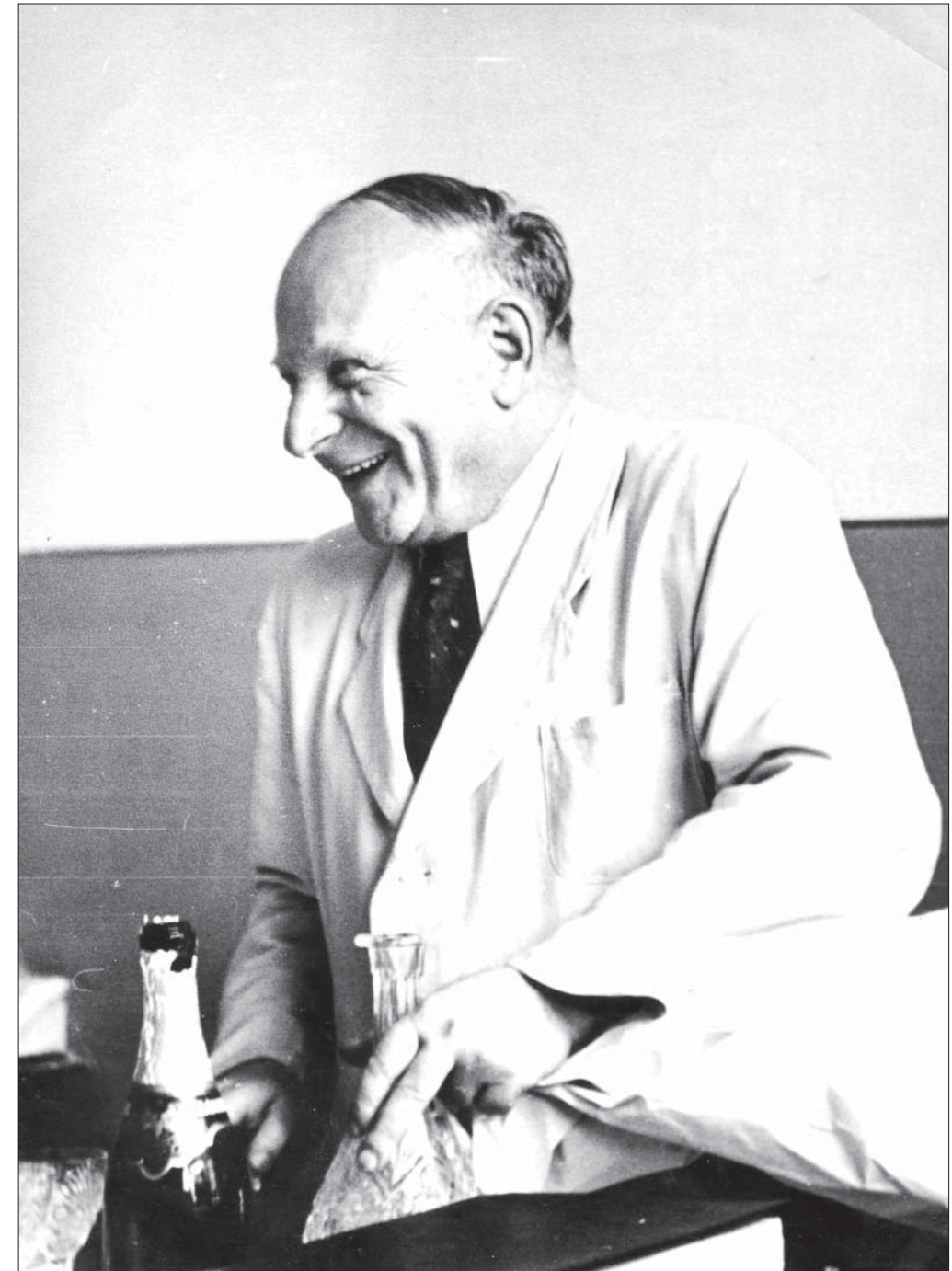
памяти Павловская сессия 1950 года нанесла удар по всей школе Л. А. Орбели, именно по отцовской инициативе А. Г. Гинецинского пригласили работать в Новосибирском медицинском институте. Это было не единственное приглашение ленинградцев в Новосибирск. Страшные события рубежа 1940-х — 1950-х годов (не только разгром научных школ, но и ленинградское дело) многих больших ученых поставили в тяжелое положение. Стараясь помочь им, отец приглашал работать в Новосибирск тех, кого знал по совместной работе. Соглашались, по опыту зная отцовские организаторские таланты и веря в его гарантии. Я была знакома далеко не со всеми. Лучше других помню профессора Э. И. Фридмана, педиатра — он часто бывал у нас дома, и в Ленинграде позже мы встречались. Но самыми близкими, как для меня, так и для родителей, была и осталась семья Гинецинских.

В отличие от родителей, я узнала Александра Григорьевича только в Новосибирске. Помню разговоры о его скором приезде — это было большое событие! — о том, где они будут жить и как их устраивать. Но совершенно не помню первого появления Александра Григорьевича и Людмилы Иосифовны в нашем доме — вероятно потому, что мне не очень-то разрешалось присутствовать при «взрослых» гостях; отец в этом отношении был строг и на естественное детское любопытство, как правило, отвечал: «Это не к тебе пришли». Зато помню; как всей семьей мы водили вновь прибывших по городу, показывая все его достопримечательности, и на рынке отец так активно хвастался местными помидорами, что торговки приняли «профессорскую» группу за какую-то важную делегацию. Помню, как Александр Григорьевич смеялся над мамой, потому что на всякие бытовые вопросы (что есть в магазинах, можно ли достать разные продукты и т. п.) она почти неизменно отвечала: «Бывает»; он все повторял: «Так у вас есть что-нибудь или только бывает?».

Очень скоро мы поселились в одном доме, мало того — в одном подъезде, и Гинецинские стали нашими ближайшими соседями. В гости друг к другу можно было прийти буквально в домашних тапочках, да так и ходили. Если отец после обеда вдруг исчезал из дома — можно было не сомневаться, что этажом выше они с Александром Григорьевичем обсуждают какие-то проблемы. Такое «житье по соседству», вероятно, для них обоих было важно и приятно. Мама поначалу держалась несколько скованно — и по природе очень застенчивая, она в Александре Григорьевиче видела одного из своих учителей и не сразу почувствовала себя свободно. Но через некоторое время сложилась очень дружеская компания соседей, по очереди устраивающих совместные чаепития, собиравшихся в той или иной квартире раз в неделю обязательно, а то и чаще. Помимо моих родителей и Гинецинских, непременно бывали Пономаревы, Куимовы. Будучи уже студенткой, приехав домой, я с удивлением услышала, как все они радостно зовут друг друга просто по именам, без отчеств: «Шурик», «Костенька», «Лилечка»... Видимо, все они — почти ровесники — давно соскучились по неофициальному общению и дружескому кругу. И веселились от души, подтрунивали над любым из своей компании. По-моему, именно Александр Григорьевич прозвал моего отца «мистером Пиквиком» — как за внешность, так и за неиссякаемое любопытство к любым жизненным явлениям и событиям; прозвище это пристало к нему на многие годы.

Гостей у Гинецинских принимали с удовольствием. В их доме были свои особые рецепты, которые никому не выдавались, а некоторые блюда готовились с непременно участием Александра Григорьевича. Особенно он гордился уткой, фаршированной грецкими орехами, и она довольно часто подавалась гостям.

О работе Александра Григорьевича я, естественно, сказать ничего не могу, но помню какие-то эпизоды, больше связанные с общей обстановкой

Александр Григорьевич Гинецинский

тех лет. Одно из самых грустных воспоминаний — как Александра Григорьевича заставили писать письмо в «Медицинский работник» с «обличением» Л. А. Орбели. Александр Григорьевич, насколько я знаю, написал очень сдержанно и копию послал самому Леону Абгаровичу. На всю жизнь я запомнила, как после этой истории Людмила Иосифовна прибегала к маме поплакать на кухню, потому что дома надо было держаться — Александр Григорьевич и так не находил себе места.

От Александра Григорьевича я многое узнала в свои 15–16 лет, как бы и не фактов, не конкретных знаний, а того, как надо себя держать в науке. Так, у отца в то время почти не было близких учеников, и меня поразило, что Валентина Федоровна Васильева вслед за Александром Григорьевичем приехала в Новосибирск, — в моих пионерско-комсомольских представлениях аспирант закреплялся за учреждением, а здесь оказалось — важнее верность Учителю. Помню веселую язвительность по поводу всякой псевдоученой чепухи. Остролов Александр Григорьевич был отменный — дома рассказывали легенды о том, как еще в Педиатрическом институте Ученый совет постепенно концентрировался вокруг главных остряков (Александра Григорьевича в первую очередь) и переставал слушать официальные выступления, а когда председатель пытался навести порядок, то все постепенно перемещались в коридор — «покурить», где и продолжались анекдоты и розыгрыши.

Начитанность Александра Григорьевича поражала. Он знал массу писателей, о которых я в ту пору и не слышала, и радовался возможности к ним вернуться. Помню, что именно тогда мама нашла у букинистов собрание сочинений Д. Мережковского, и Гинецинский читал том за томом.

С годами я все чаще жалею, что в свое время не вела дневников. Много забылось, больше всего помнится общий облик человека, который и не может исчезнуть из памяти.

От редакторов

В домашнем архиве Константина Владимировича Ромодановского хранится большое количество не только научных записей и личных писем, но шуточных заметок и «документов», исполненных с большим чувством юмора — и вместе с тем с искренней расположенностью к окружающим людям. В качестве приложения к воспоминаниям об Александре Григорьевиче Гинецинском и для воссоздания неформальной атмосферы профессуры Новосибирского мединститута 1950-х годов, мы решили опубликовать сохранившийся в машинописном виде следующий

ПРОТОКОЛ
торжественного заседания за круглым столом Гинецинских
пяти ВЕЛИКОВОЗРАСТНЫХ
от 20 мая 1952 г.

Мы, нижеподписавшиеся глубокомыслящие Великовозрастные, в лице члена-корреспондента АМН Шурика, мистера Пиквика — Кости, Димуси и

Александр Григорьевич Гинецинский

Константин Владимирович Ромодановский. Шарж на самого себя. 1950-е гг.

бокомыслящих ВЕЛИКОВОЗРАСТНЫХ.

Председатель — ч/к АМН

Мистер Пиквик

Куимов

Куимова

Секретарь — Матриарх семьи Ромодановских

(Шурик)

(Костя)

(Димуся)

(Галиночка)

Галиночки Куимовых и Матриарха почтенного рода Ромодановских, заседали за круглым столом от 10 ½ часов вечера до 2-х часов ночи. Пияше и едяше в меру своих не очень малых сил, удостоверяем, что и выпивону и закусону было вполне достаточно, вкус всего был сугубо деликатен. Особенно же поразило и умы, и языки наши теплое красное вино.

На оном заседании слушали: Новые Московские анекдоты и небольшие сплетни о добрых знакомых, бока которых очистились от житейской грязи.

Постановили: Ввиду важности вопроса и обширности темы продолжить заседание за столом Куимовых за пирогом с нельмой в самые ближайшие дни.

Слушали: информацию о размолвке двух почтенных дам по поводу научной работы.

Обсуждали: велик ли котенок и сильно ли он был черен, который пробежал между этими дамами.

Постановили: Дело широко не оповещать, ввиду его секретности и сугубой государственной важности.

Текущие дела: Выпивали за здоровье отсутствующей благородной особы, нетерпеливо ожидаемой к нашим пенатам.

Достоверность одного протокола удостоверяется личными подписями всех

О значении работ И. П. Еремина для исследования жанровой системы древнерусской литературы

Впервые опубликовано:

Сибирский филологический журнал. 2004. № 2. С. 26–31.

Восемнадцатого апреля 2004 года исполнилось сто лет Игорю Петровичу Еремину, профессору Ленинградского университета, виднейшему исследователю древнерусской литературы. Один из зачинателей эстетического анализа средневековых памятников, он занимает особое место в истории нашей науки, а его труды, при своем появлении зачастую вызывавшие бурную полемику (во многих случаях и неприятие среди сторонников других научных школ), с течением времени переходят в разряд классических.

Игорь Петрович никогда не стремился производить внешнее впечатление. Небольшого роста, с тихим голосом, очень изящный и собранный — таким помнят его все, кому посчастливилось слушать его лекции на филологическом факультете ЛГУ. В то же время — требовательный к студентам, как на экзаменах, так и в повседневной работе. Замечания по курсовым работам он произносил негромко, очень спокойно, но настолько серьезно, что свои ошибки помнишь уже всю жизнь и никогда не повторяешь.

И работы его такие же — внешне неброские, но прекрасно выстроенные, по классическим академическим традициям озаглавленные очень скромно. Наряду с четкой формулировкой предмета исследования («Ораторское искусство [или Литературное наследие] Кирилла Туровского», «Поэтический стиль Симеона Полоцкого» и т. п.) наиболее любимые формы заглавий — «Из [К] истории... (старинной русской повести, древнерусской публицистики XI века, древнерусской переводной повести, русско-украинских литературных связей в XVII в., общественной мысли на Украине второй половины XVII в., украинской классической драматургии)» или «К вопросу... (о жанровой природе “Слова о полку Игореве”, о стихотворениях Феофана Прокоповича)», вообще «К... [чему-нибудь] (спорам о реализме древнерусской литературы, характеристике Нестора как писателя)» или же «О [чем-нибудь] (художественной специфике древнерусской литературы, византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах XI–XII вв.)».¹

Такая форма может наводить на мысль о *частности* данного исследования, о «малотемье», незначительности заметки. На самом деле под скромными заглавиями стоят работы, меняющие существовавшие представления о эстетической системе древнерусской литературы, о ее публицистичности, о формах повествовательной прозы. Наибольшее признание и известность в дальнейшем

¹ См. список работ И. П. Еремина: Демкова Н. С. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина (1904–1963) // ТОДРА. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 425–431.

Игорь Петрович Еремин

получили труды И. П. Еремина о Симеоне Полоцком, где впервые были охарактеризованы важнейшие черты русского барокко в том виде, в каком они представлены в творчестве первого его носителя;² без ссылок на эти труды не обходятся практически все позднейшие работы как о самом Симеоне, так и о направлении барокко в русской литературе. Однако не меньшее значение имеют работы Игоря Петровича для изучения системы жанров в литературе Древней Руси, хотя специальных теоретических статей по этой теме мы у него не встретим. Именно поэтому, судя по всему, труды И. П. Еремина почти не упоминаются в новейших работах о жанрах.

Наиболее показательна в этом плане глава «Жанры литературы средневековой Руси как историко-культурная реальность» в новом издании ИМЛИ. Автор главы, Л. И. Сазонова, прекрасно охарактеризовав современные споры о том, есть ли вообще понятие жанра в средневековой литературе, приходит к выводу, что, несмотря на «отсутствие у восточных славян вплоть до начала XVII в. кодифицированной риторики, выступающей в роли учебника»,³ «литература Древней Руси... ориентировалась на... практическую риторику, то есть на риторические принципы, представленные в образце и несущие информацию в том числе и о жанровых параметрах текста».⁴ В этом аспекте работы И. П. Еремина могли бы дать наибольший практический

² Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и комм. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 223–260; Еремин И. П. Ответ на вопрос Советского комитета славистов: Была ли так называемая литература барокко в славянских литературах... // Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 84–85; Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 211–233.

³ Теория литературы. Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М., 2003.

⁴ Там же. С. 169.

результат, позволяя показать специфику жанра в конкретном анализе. Однако, мельком упомянув в общем перечне, что Игорь Петрович определял «Слово о полку Игореве» как ораторское произведение, автор главы больше нигде не обращается к его работам.

Между тем, весь комплекс трудов И. П. Еремина, несмотря на отсутствие у него принятой в новейшее время терминологии, прекрасно рисуют именно жанровый облик древнерусской литературы. Пожалуй, нет жанра (за исключением, может быть, гимнографии), о котором бы Игорь Петрович не писал: помимо «Слова о полку Игореве», это летописи, патерики, ораторское искусство, послания, публицистика.

И. П. Еремин четко высказал свое принципиальное отношение к анализу жанровой специфики в статье 1943 г. «Жанровая природа «Слова о полку Игореве»». Он пишет: «Жанр есть некая исторически сложившаяся и относительно устойчивая система тех или иных взаимосвязанных элементов художественной структуры произведений искусства; следовательно, определяя жанровую природу того или иного произведения, необходимо учитывать все жанрообразующие элементы его художественной структуры в их единстве»⁵. Здесь возникает и понятие *системы*, и главное — учет *всех* структурных особенностей памятника, которые могут характеризовать жанр.⁶

Этот принцип проведен в статье безукоризненно. Автор не обходит вниманием ни одно явление, которое характерно для памятника, и находит каждому из них обильные параллели как в древнерусской, так и в византийской литературе. Среди привлекаемых для сравнения авторов и произведений — Либаний (IV в., приветственное слово императору Юлиану), Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Илларион, Кирилл Туровский, «Слово о князьях», «Слово о Лазаревом воскресении». Рассмотрены структура, стилистика, соотношение устной и письменной традиции, жанровая терминология памятника для того, чтобы найти единственно правильный ответ на вопрос: «Слово о полку Игореве» является произведением торжественной ораторской прозы.⁷

Отстаивая в дискуссии с А. А. Назаревским принципы своего понимания жанра, И. П. Еремин писал: «Почему я считаю указанные мною художественные особенности «Слова о полку Игореве» признаками его ораторской при-

⁵ Еремин И. П. Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 150.

⁶ Впрочем, *система* здесь относится к характеристике лишь отдельного жанра. Более общее понятие «система жанров» по отношению к литературе средневековья, насколько я представляю, вошло в русское литературоведение в 1960-е годы с работами Д. С. Лихачева См.: Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 57–78.

⁷ Позднее И. П. Ереминым идеи этой статьи были развиты: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93–129.

роды? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте, они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности. Фактов, которые бы опровергали это наблюдения, мне пока никто не указал»⁸.

Доказательства И. П. Еремина были столь основательны, что Л. А. Дмитриев в некрологе, а затем в статье, посвященной И. П. Еремину в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» заметил: «После работ Еремина даже те исследователи, которые не разделяют его точку зрения, признают бесспорное наличие в художественной структуре Слова ярко выраженного ораторского начала»⁹.

Многие мысли И. П. Еремина о принципах изучения жанровой специфики древнерусской литературы до сих пор звучат абсолютно современно. Так, он писал, что путем подбора фактов «из разных произведений, разного времени и разной художественной природы»¹⁰ «можно без особого труда доказать, что жанров в искусстве вообще не бывает, что жанр — фикция, плод нашего первого впечатления»; этот путь «на практике приводит нас и не может не привести к отрицанию правомерности самой постановки вопроса о жанровой природе не только «Слова о полку Игореве», но и любого другого произведения»¹¹. Мне представляется, что это ответ не только А. А. Назаревскому, с которым шла дискуссия, но и тем современным отрицателям существования средневековых жанров, о которых идет речь в упомянутой «Теории литературы»: только системный анализ позволяет прийти к научно обоснованным выводам и создать достоверную картину бытования и развития разных типов произведений.¹²

Особое место среди трудов И. П. Еремина занимают работы по летописанию. Впервые поставив задачей исследования литературоведческий анализ

⁸ Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // ТОДРА. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 32.

⁹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 168. Ср.: Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин // ТОДРА. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 421.

¹⁰ Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Вопрос о принципах исследования жанровой специфики, сформулированных И. П. Ереминым, не теряет своей остроты и в настоящее время. Всесторонний анализ памятника для определения его жанровой характеристики далеко не всегда соблюдается. Так, расплывчатость критериев характерна для работ о жанре притчи, о чем мне уже приходилось писать: к притче относят не только параболы или паремии, но и статьи Физиолога, и предания Повести временных лет, и басни; см.: Ромодановская Е. К. К истории жанра притчи в древнерусской литературе // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 183–188. Все это происходит потому, что не проводится системный анализ памятников, тексты выбираются по внешнему сходству наличия какого-либо иносказания.

«Повести временных лет»,¹³ автор вполне справедливо обратился не к гипотетическим редакциям памятника, предлагаемым А. А. Шахматовым и его последователями, а к дошедшему до нас *реальному тексту*. Обосновывая такой подход, И. П. Еремин пишет: «Реально дошедший до нас текст «Повести» может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст этот в своей окончательной редакции *никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме*: отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст «Повести», легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию и по форме».¹⁴ В итоге были охарактеризованы политические и моральные убеждения летописца, его типично средневековая «философия истории» и особенности его художественного метода.

Однако этот чисто филологический подход к тексту вызвал резко отрицательную реакцию со стороны историков, прежде всего Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. Исследователь был обвинен в узости, антиисторичности подхода к летописи, в неубедительной попытке ревизии результатов, достигнутых школой Шахматова. Эти несправедливые нападки на ученого были вызваны, с одной стороны, общей идеологизированной обстановки 1940-х годов, а с другой — неприятием со стороны, в частности, В. Т. Пашуто выводов И. П. Еремина о происхождении Волынской летописи,¹⁵ отличных от его собственной концепции.

Однако все эти обвинения (по поводу как упомянутой работы, так и статьи о Киевской летописи) были повторены почти через тридцать лет в монографии, подводящей итоги изучения русского летописания, где прозвучали также упреки в «формально-литературоведческом характере» работы и игнорировании «идейного, классового характера памятника».¹⁶ Главное же возмущение вызвало использованное И. П. Ереминым сравнение древнерусского летописца с пушкинским Пименом: последний был воспринят лишь как носитель политической индифферентности летописца («Добру и злу внимая равнодушно...»), при этом забыли, что подлинную суть его работы определяет не сам Пимен, а Отрепьев:

¹³ О литературной стороне летописи до И. П. Еремина известна лишь работа М. И. Сухомлинова (1856 г.), посвященная ее литературным источникам. См.: Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Ученые записки Второго отделения Академии наук. Кн. 3. СПб., 1856.

¹⁴ Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 46; Курсив мой. — Е. Р.

¹⁵ См.: Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 164–184.

¹⁶ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 144–145, 161.

«...отшельник в тесной келье Здесь на тебя донос ужасный пишет, И не уйдешь ты от суда людского, Как не уйдешь от Божьего суда».

В наше время, когда с научного исследования сняты ограничения политического и идеологического порядка, работы И. П. Еремина оцениваются совершенно иначе. Как только летописные памятники начали рассматривать как *единый текст*, притом текст, испытавший значительное влияние Священного Писания (см., например, работы И. Н. Данилевского, В. Я. Петрухина и др.), наблюдения Игоря Петровича оказались не только востребованными, но и чрезвычайно актуальными. Так, ссылаясь на его статью о «Повести временных лет», В. Я. Петрухин замечает: «...увлечение исследователей ...исключительно поисками летописных сводов (особенно древнейших), следов их контаминации и редактирования составителями Повести временных лет, а прежде всего — “политических” или “местнических” мотивов их работы... иногда заслоняют не только фигуру летописца в его стремлении к истине..., но даже и определенное единство самого текста».¹⁷

И вопрос о стремлении летописца к моральному поучению правителям, особо подчеркнутый И. П. Ереминым, находит себе подтверждение в наблюдениях над западноевропейскими средневековыми историческими сочинениями. Для средневекового историка вообще, как пишет Б. Гене, «история была “наставницей жизни”, “magistra vitae”... не было ни одного историка, который усомнился бы в том, что история должна указывать путь, по какому следует идти, “via vitae”, давать пример для подражания, “exemplum vitae”. Нет ни одного историка, который не заявил бы в предисловии о своем намерении привести “хороший пример”, чтобы “подвигнуть к добродетели” своих читателей, или, в более общем виде, о намерении писать для того, чтобы читатель ясно видел, чего ему следует старательно избегать и к чему он должен больше всего стремиться, “чтобы мудрый человек сумел отринуть зло и выбрать благо”».¹⁸

Летопись как жанр предстает в исследованиях И. П. Еремина в самых разных аспектах. И здесь, как в работах о «Слове о полку Игореве», подчерки-

¹⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народы. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 105.

¹⁸ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 31. Ср.: «Повесть временных лет — книга, преследующая чисто практическую задачу: показать на ряде конкретных примеров — в рамках рассказа о прошлом, — как надо и как не надо поступать; книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу: книга, проникнутая духом большой тревоги и беспокойства за будущее Русской земли. Летописец писал ее в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей, что они не только найдут в ней не только необходимую для себя моральную поддержку, но и воспользуются ее уроками как руководством к действию, как учебником поведения в практике своей повседневной государственной деятельности» (Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. С. 52).

вается существование «внутреннезакономерной системы»,¹⁹ определяющей специфику рассматриваемого текста.

Что, по мысли И. П. Еремина, наиболее важно для летописи в целом? При несомненном единстве памятника, о котором уже говорилось, он обладает специфической формой изложения по годам. Это не случайно: «основной категорией, в аспекте которой он [летописец] мог и должен был рассматривать... события, стало время»²⁰. В итоге «прошлое в изображении летописца предстало перед читателем как простой ряд е д и н и ч н ы х фактов...: каждый элемент этого ряда выделился в самостоятельную и... более или менее замкнутую в себе единицу повествования, принял характерную для летописца форму ф р а г м е н т а».²¹

Фрагментарность летописи — важнейшая ее черта: «Ф р а г м е н т а р н о с т ь и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования — особенности, определяющие собою всю структуру “Повести временных лет” как памятника литературы».²² Благодаря фрагментарности только и возможно дальнейшее формирование летописных сводов: установив эту закономерность, И. П. Еремин обоснованно поправляет А. А. Шахматова, который не допускал «соединения в одном лице» «летописца», «автора агиологических статей» и «сводчика».²³ Исследователь пишет: «п о л и м о р ф н о с т ь летописного повествования в жанровом отношении — его литературная природа; “сборный” характер летописного повествования — прямой результат его исконной “фрагментарности”».²⁴

Ориентация на фрагмент позволяет объединить в одном тексте целый ряд более мелких жанров. И. П. Еремин выделяет пять типов: погодная запись, народно-поэтическое сказание, летописный рассказ, летописная повесть и документ.²⁵ Последний, по его мнению, не имеет собственно художественного значения, остальные детально характеризуются.

Предложенная И. П. Ереминым терминология типов летописного повествования давно принята в нашей науке. Некоторые возражения может вызвать лишь название посмертной характеристики князя летописной по-

¹⁹ Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. С. 97.

²⁰ Там же. С. 72.

²¹ Там же. С. 75.

²² Там же. С. 76.

²³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 470.

²⁴ Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. С. 84. Выявленная И. П. Ереминым ориентация автора летописи на фрагмент, мне кажется, отражает важнейшую черту древнерусской литературы в целом: многие памятники строятся как цепь фрагментов, мелких элементов, легко заменяемых и переставляемых. Самый яркий пример — Моление Даниила Заточника.

²⁵ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 98–131.

вестью, я бы предпочла определение «агиографическая похвала» — на мой взгляд, легко спутать «рассказ» и «повесть», тем более, что термины «летописная повесть», «воинская повесть» и т. п. широко применяются в исследованиях позднейших летописей. Однако и термин «повесть» в «ереминском» значении находит место в современной науке.²⁶

Пользуясь терминологией, вслед за Д. С. Лихачевым принятой в современной науке,²⁷ И. П. Еремин в работах о летописании дал характеристику как обобщающих (летопись в целом), так и первичных (входящих в летопись) жанров. Этому соотношению было посвящено и его построение курса лекций по древнерусской литературе. В отличие от известных курсов (и в первую очередь от учебника Н. К. Гудзия, который он высоко ценил), его лекции начинались с характеристики не летописания, а агиографии. И это вполне закономерно: без представления о принципах агиографического повествования в целом невозможно понять и агиографический план летописи. Таким образом, уже в выстроенности лекций проводилась идея первичных и обобщающих жанров, позднее детально разработанная и развитая Д. С. Лихачевым.

Итак, хотя И. П. Еремин и не писал, как уже говорилось, специальных работ о жанрах древнерусской литературы, в этой области обойтись без его работ невозможно.

²⁶ См.: Демкова Н. С. Летописная агиографическая «повесть» о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 53–57.

²⁷ Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 89–94.

Лев Александрович Дмитриев

Впервые опубликовано:

Лев Александрович Дмитриев: Библиография, творческий путь, воспоминания, дневники, письма. СПб., 1995. С. 122–123.

Я познакомилась с Львом Александровичем весной 1964 года, когда приехала из Новосибирска поступать к нему в аспирантуру.

Я не помню сейчас, кто из моих друзей представил меня Льву Александровичу, но и теперь ясно вижу, как мы оба несколько настороженно приглядываемся друг к другу. Интерес Льва Александровича ко мне был вполне закономерен: волей судьбы я оказалась первой его аспиранткой, и важно было понять, что я собой представляю. А я размышляла, насколько он способен заменить покойного Игоря Петровича Еремина, авторитет которого был для меня нерушимым.

Самое главное в этих воспоминаниях — мои аспирантские годы, когда мы общались больше всего. С самого начала Лев Александрович занял позицию не столько руководителя, сколько старшего коллеги, с которым мы делаем

Лев Александрович Дмитриев

Заседание, посвященное 80-летию со дня рождения Игоря Петровича Еремина.

Большой зал Пушкинского Дома, 18 апреля 1984 г.

1-й ряд: Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, Г. А. Бялый, В. И. Еремина, Игорь Башмачников (внук И. П. Еремина), О. П. Тычкова (Еремина)

2-й ряд: О. Ф. Коновалова, Н. В. Понько, М. А. Салмина, А. Ф. Некрылова

3-й ряд: Г. В. Иванов, Н. Ф. Дробленкова, В. П. Бударгин, А. Б. Муратов, О. А. Белоброва, Г. В. Маркелов, Е. И. Ванеева, Л. Мончева, О. В. Творогов, Д. М. Буланин, С. И. Николаев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, М. В. Рождественская

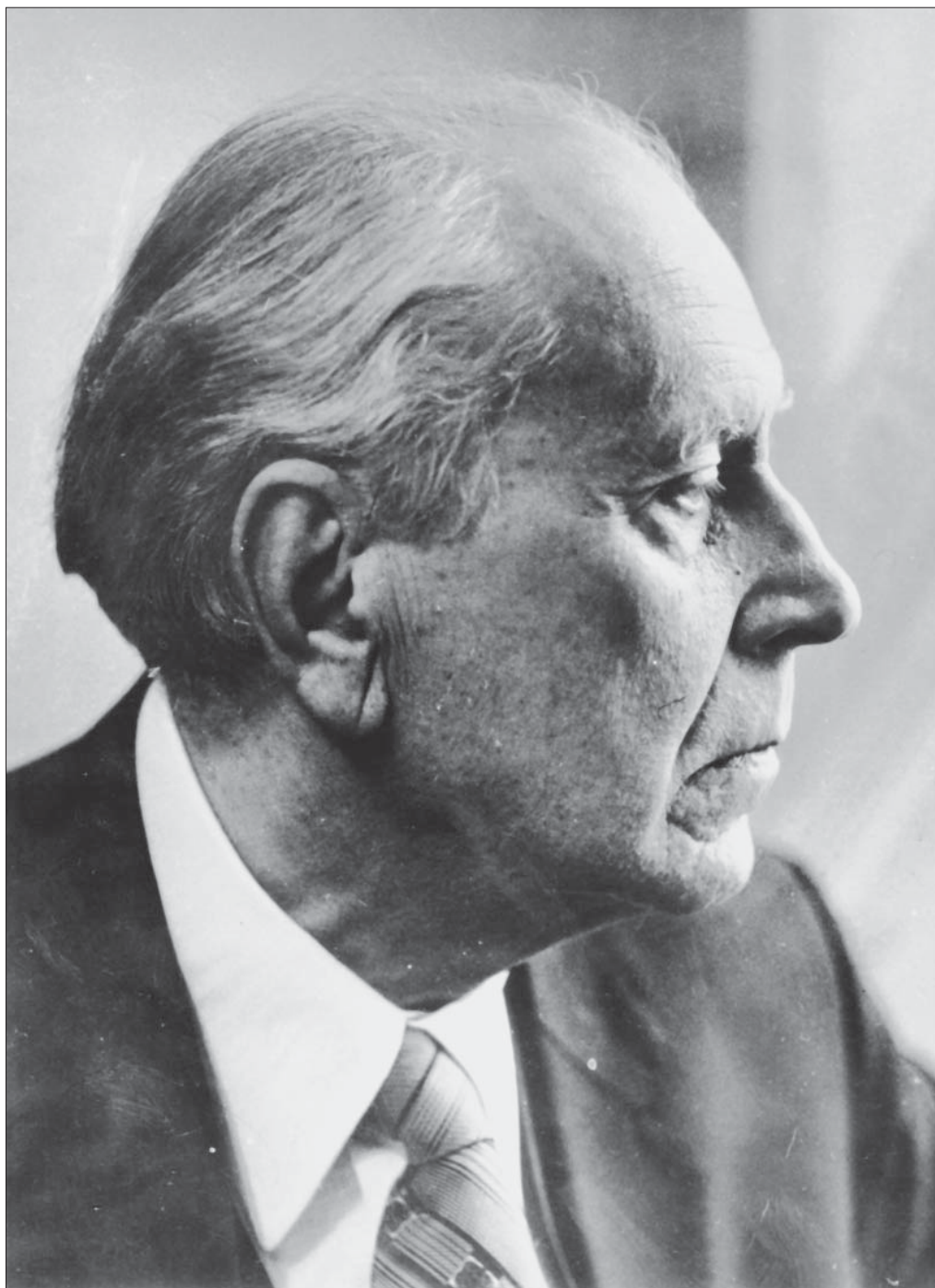
одно дело. Я никогда не забуду, как в первые месяцы моего пребывания в аспирантуре он вдруг спросил, знаю ли я о существовании сибирских рукописей в Пскове — и показал краткую запись в путеводителе. Я просила Льва Александровича, который в Псков-то и собирался, узнать, нельзя ли там сделать микрофильмы. Через неделю, вернувшись, он вручил мне исписанную тетрадку, сказав, что текст оказался небольшим, и он для меня его просто переписал. Не знаю, часто ли другие руководители копируют тексты для своих аспирантов. Эта тетрадка и сейчас хранится у меня.

Научилась я у Льва Александровича многому и, вспоминая свои аспирантские годы, полна благодарности своему руководителю. Мне кажется, что лучшую школу трудно себе представить.

Почти тридцать лет продолжалось наше знакомство, и все эти годы Лев Александрович помогал не только мне, но и всей новосибирской группе литераторов-древников и археографов — помогал советами, консультациями, поддержкой, просто дружеским участием. Именно Лев Александрович был своеобразным связным между Ленинградом и Новосибирском — к нему всегда можно было обратиться по любому вопросу, и никогда наши проблемы не оставались без ответа.

При всем том Лев Александрович был чрезвычайно скромным человеком. Помня, что я была дипломницей Еремина, он всегда говорил обо мне, знакомя с кем-либо, что я ученица Игоря Петровича, а на мои возражения, что не только Игоря Петровича, но и его тоже — только отмахивался; всерьез моих слов он не воспринимал, хотя я была абсолютно искренна, столь велико было его уважение к Игорю Петровичу и приумножение собственных заслуг. Лишь при полудней нашей встрече мне удалось поколебать его мнение. Это было в октябре 1992 г., когда я приехала в Пушкинский Дом оппонировать его аспирантке, и на послезащитном заседании Лев Александрович радостно сказал о том, что я, недавно избранный член-корреспондент, тоже когда-то училась у него в аспирантуре. «Правда, — добавил он, — Елена Константиновна ведь не моя ученица, а Игоря Петровича». Тут я не выдержала и — тоже, как всегда — перед всем собранием сказала, что у меня в жизни было два учителя — Игорь Петрович и Лев Александрович. На Льва Александровича это произвело такое впечатление, что позже он подошел ко мне и спросил: «Елена Константиновна, Вы на самом деле так считаете?» — Я только руками всплеснула, и от полноты чувств мы впервые расцеловались.

Через четыре месяца Льва Александровича не стало, и я благодарна судьбе, что успела сказать ему эти слова при жизни.

Дмитрий Сергеевич Лихачев

[876]

О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве: Воспоминания разных лет

Впервые опубликовано:
АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 405–406.

Дмитрия Сергеевича я помню со своих студенческих лет. Еще на первом курсе я начала посещать заседания Сектора древнерусской литературы в Пушкинском Доме (объявления о них вывешивались на филфаке Ленинградского университета) — приходила, никого и ничего не зная, и тихо садилась где-нибудь в уголке. Дмитрий Сергеевич выделялся, невольно привлекая к себе внимание всем своим обликом — красотой, манерой держаться, обручальным кольцом (их в те годы мало кто носил из мужчин). Как он тогда вел заседания — не могу сказать, слишком мало еще понимала, но атмосфера доброжелательности, внутренней связи присутствующих, умного разговора завораживала.

Посетителей на этих заседаниях было немного, студентов — тем более (за все пять университетских лет я была единственным человеком как на моем курсе, так и на последующих, выбравшим специализацию по древнерусской литературе), и лицо мое, по-видимому, Дмитрию Сергеевичу запомнилось. Сужу об этом по тому, что несколько лет спустя, когда я приехала в Ленинград уже по окончании университета и сразу попала в Сектор как раз на доклад Лихачева, он сам, первым, со мной познакомился. Никогда не забуду, как, поравнявшись со мною, он вдруг остановился, протянул руку и представился: «Лихачев». Ничего более не оставалось, как подняться и тоже представиться — с тех пор и можно вести счет нашему непосредственному знакомству. И сам по себе этот факт, как будто бы незначительный, поразил меня в те молодые годы и остался своеобразным символом лихачевского отношения к людям — без всякого «академического» чванства и гонора, прямой выход на тех, кто его чем-либо заинтересовал, внимание и симпатия к молодежи, интерес к новым людям.

С аспирантских лет начались годы непосредственного общения с Дмитрием Сергеевичем. Моим научным руководителем был Лев Александрович Дмитриев, но Дмитрий Сергеевич всегда поддерживал то, что мы начинали делать в Сибири — первые экспедиции, первые публикации, первые научно-организационные инициативы. Без его непосредственного участия не было бы того «археографического открытия Сибири», о котором он столько раз писал и говорил: именно письма Д. С. Лихачева руководству Сибирского отделения создали «атмосферу необходимости», если так можно выразиться, вокруг вопроса о создании сначала археографической группы, а затем и Сектора археографии и источниковедения в составе Института истории, филологии и философии СО РАН.

[877]

Совершенно незабываем проезд Дмитрия Сергеевича в Новосибирск в 1970 г. Положение наших археографов было довольно тяжелым, пропартийные деятели рвались убрать с работы и вообще как-то прекратить научную деятельность Н. Н. Покровского, обвиняя его в пропаганде религиозных взглядов, пособничестве реакционным клерикальным кругам и т. п. Именно в этот тяжелейший период вдруг приходит известие о приезде в Новосибирск Дмитрия Сергеевича с Зинаидой Александровной; вместе с ними прилетели также Надежда Александровна Дворецкая и Наталья Сергеевна Демкова. Их присутствие позволило нам буквально в три дня организовать на базе университета мини-конференцию о сибирской литературе XVII–XVIII вв. И мы вправе гордиться тем, что первый выезд представителей ленинградского Сектора древнерусской литературы для организации конференций на местах (как было позже — в Новгороде, Пскове, Ярославле и т. д.) состоялся именно в Новосибирске. Конференция подняла значение исследований новосибирских древников и остановила все крики о якобы неактуальности подобных работ.

Однако Дмитрий Сергеевич не ограничился конференцией. Он выступил и на заседании в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, где специально говорил о роли старообрядчества в истории русской культуры и о значении его исследования. Говорил вещи, достаточно элементарные для филологов в то время, а теперь — и для всего общества, потом сам смеялся: «Устроил театр одного актера для одного зрителя!». Однако авторитет главы древнерусской школы был и в то время столь велик, что любые псевдонаучные нападки на исследования археографов после этого были прекращены.

Дмитрий Сергеевич помогал нам и в дальнейшем, как помогал многим и многим в разных городах и весях нашей страны, и потеря его — горе не только Пушкинского Дома, но и всех русских филологов.

Академик Н. Н. Покровский — организатор и руководитель археографических работ в Сибири: К 70-летию со дня рождения

Впервые опубликовано:

АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 245–246.

Каждый юбилей побуждает к размышлениям о человеке, которого хорошо знаешь много лет, с которым вместе работаешь — и в то же время за текучкой дел зачастую не замечаешь истинного масштаба его личности.

О Николае Николаевиче Покровском так сказать нельзя. Его талант и незаурядность оценили сразу, как только он появился в Новосибирске, в Сибирском отделении Академии наук. Полный энергии, планов, желания как можно больше сделать на новом для него археографическом поприще. Итог этой работы лучше всего определяет предложенный Д. С. Лихачевым термин «археографическое открытие Сибири». С 1966 г., когда Н. Н. Покровский стал руководителем и организатором археографических исследований, охвативших всю Сибирь, Дальний Восток, часть Урала и Средней Азии, были спасены и стали достоянием науки сотни рукописей XV–XX вв. и старопечатных книг. Одного этого, вероятно, хватило бы, чтобы имя Николая Николаевича осталось в анналах сибирской науки.

Впрочем, археография в том виде, в каком она известна широкой аудитории — организация экспедиций, поездки за рукописями,¹ великолепные выставки разысканных рукописных и старопечатных книг — всегда была лишь малой частью деятельности Н. Н. Покровского. Главным являлось исследование всего привезенного разновременного рукописного богатства, среди которого находились вещи феноменальные. Так, уже в первые поездки на Алтай ученому удалось получить уникальный сборник XVI в., содержащий наиболее ранний (и полный!) список судного дела Максима Грека, позволивший по-новому представить судьбу великого просветителя. Открытие этого текста явилось сенсацией в кругах специалистов, и, отложив на какое-то время ранее запланированные исследования, Николай Николаевич подготовил публикацию и статью о новых материалах.² В целом же материалы экспедиций, дополненные архивными разысканиями, в работах Н. Н. Покровского представили ши-

¹ О своих поездках Н. Н. Покровский рассказал в работе «Путешествие за редкими книгами» (М., 1984; 2-е изд., доп. М., 1988).

² См.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1970. К этой теме Николай Николаевич возвращался и позднее, см.: *Покровский Н. Н.* Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРА. Т. 36. Л., 1981. С. 80–102.

рокую картину крестьянской письменности и литературы,³ позволили услышать не известный до того голос основного сословия русского народа. Теперь эти вопросы активно разрабатываются как учениками Н. Н. Покровского, так и другими учеными не только в Новосибирске, где это направление зарождалось, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде.

Исследование текстов у Н. Н. Покровского всегда сопровождалось изучением самого русского старообрядчества, благодаря феномену которого крестьянские семьи до сих пор хранят уникальные древние книги. Его монография об истории урало-сибирского старообрядчества в XVIII в. в корне изменила господствовавшие тогда в науке представления, открыв новое направление в исследовании системы взглядов, представлений, убеждений огромной массы русского крестьянства.⁴ Одной из первостепенных здесь оказалась проблема взаимоотношения власти и общества, разработанная исследователем на сибирских материалах XVII столетия.⁵

В изучении старообрядчества Николай Николаевич никогда не ограничивался только историческим аспектом. Именно ему принадлежит идея комплексного исследования старообрядческих общин во время экспедиционных поездок, когда собирались сведения о современных демографических процессах, о музыкальной и художественной культуре, о современном творчестве.⁶ Недаром в последние годы появилась целая серия работ юбиляра о старообрядческих общинах и их письменном наследии в первой половине XX в.⁷

Интерес к новейшей истории всегда был характерен для Н. Н. Покровского. И здесь он остается прежде всего исследователем-источниковедом. Будучи глубочайшим знатоком русского рукописного наследия XII–XIX вв., он вслед за своим учителем М. Н. Тихомировым широко использует выработанные на этом материале методы критики источника при публикации секретных документов ЦК КПСС по истории Русской церкви 1920-х годов.⁸ Вопросы атрибуции, датировки,

³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

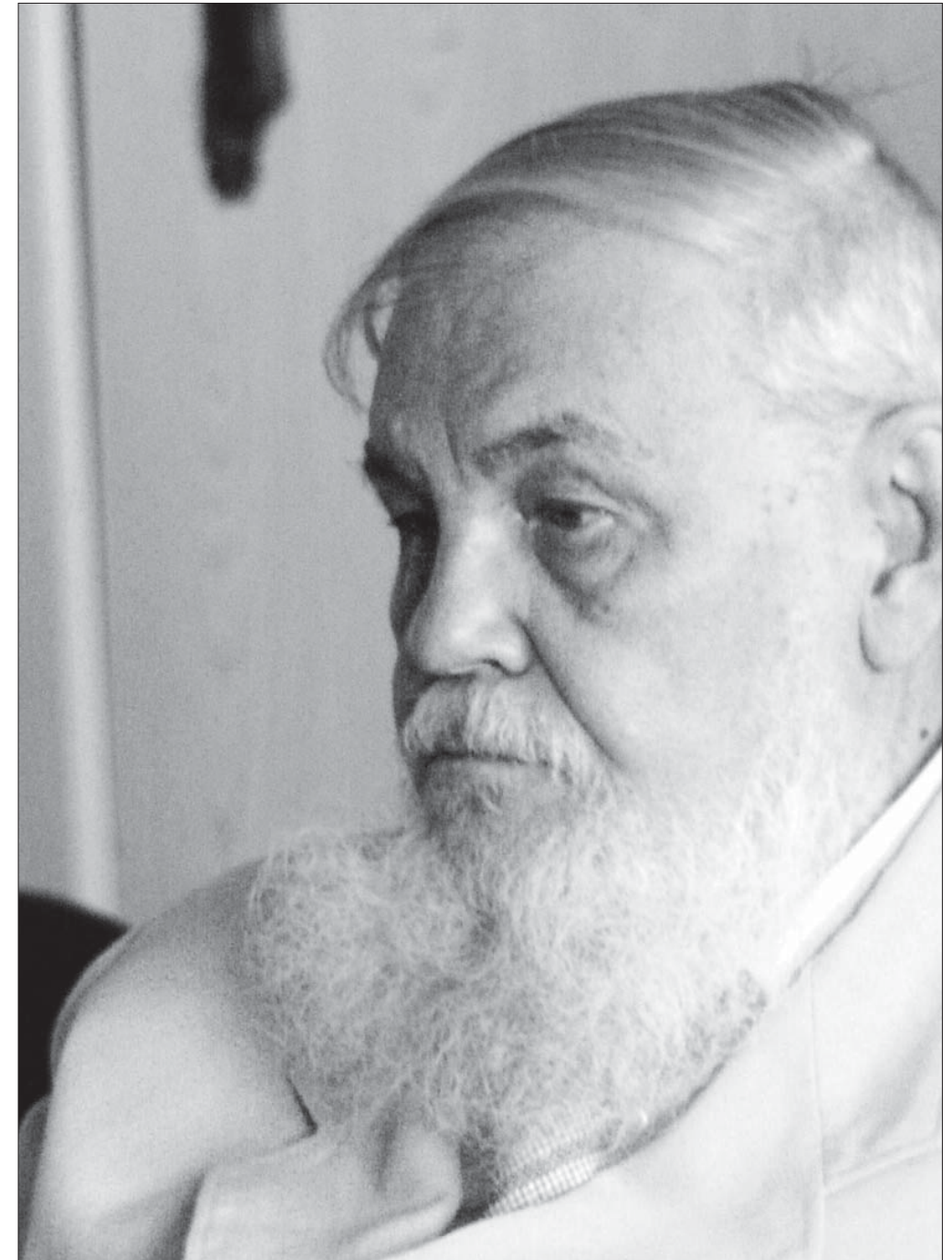
⁴ См., например, подготовленный Н. Н. Покровским с учениками итоговый труд «Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.». Новосибирск, 1999.

⁵ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁶ См.: Покровский Н. Н. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435–436.

⁷ См.: Покровский Н. Н. За страницами «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90; Покровский Н. Н. Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина. 1995. № 1. С. 28–39; Покровский Н. Н. Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 123–138.

⁸ См.: Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 1–2.

Николай Николаевич Покровский

выявления канонического текста, пути прохождения документов «по инстанциям» получают всестороннее освещение, а работа в целом, несомненно, имеет методологическое значение для научного изучения исторических процессов XX в.

Верность учителям и память о предшественниках — важнейшая черта большого ученого. В последнее время Николай Николаевич, наряду с собственными исследованиями, прилагает величайшие усилия для восстановления рукописи и публикации книги своего отца, Николая Ильича Покровского, видного востоковеда, ученика И. Ю. Крачковского, первого декана исторического факультета Ростовского (на-Дону) университета. Написанная в конце 1930-х — начале 1940-х годов монография Н. И. Покровского об истории войн Шамиля в течение почти 70 лет была на гребне современной политики и потому не могла выйти в свет ранее. Злободневная и в настоящее время, усилиями сына она, наконец, издана.⁹

Николай Николаевич Покровский человек колоритный, не стандартный по сути своей, страстный исследователь, для которого научная истина всегда превыше всего, человек, работающий непрестанно — не только в кабинете, но и в больничной палате, и на южном пляже. Сделанное им в исторической науке разнообразно и значимо. И всем нам, его друзьям, ученикам и коллегам, хочется пожелать юбиляру новых трудов, новых открытий, новых свершений.

⁹ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Отдельные эпизоды жизни я лет с трех хорошо помню. Не все подряд — а так, что запомнилось. А потом уже — школьные годы очень хорошо, институтские очень хорошо помню. Да и всю жизнь, какая-то мелочь забывается, а так... Бабушка с дедушкой из Кронштадта приехали примерно к 30-му году. Всех, кто не был связан с военной службой, из Кронштадта выселили. Дедушка же — он работал раньше капитаном, служил, как говорится. Но не такие капитаны, как — знают языки, да там интеллигентные, вроде аристократы... А он служил на каком-то кораблике, который по Балтийскому морю шнырял, туда — в Хельсинки... Но он был один раз где-то далековато, не то в Стокгольме, не то в Роттердаме, — где-то за границей. А Хельсинки же Россия была. И он вот тут плавал капитаном. У него капитанская фуражка была, он ее долго носил, пока она совсем не разорвалась.

Людмила Владимировна Сумкина.
19 октября 1952 г.

Он хотел участвовать в Кронштадтском мятеже. Он был против советской власти, а бабушка — та вообще их ненавидела, а он помалкивал. Он взял ружье, хотел идти к матросам, но бабушка отняла от него ружье, заперла дверь и сказала: «Никуда ты не пойдешь». И не пустила, поэтому, может, он и жив остался. Он был мастер на все руки, он все умел, он сделал сам буфет, он все мог сам сделать. И твой дедушка такой же был. Всякие аппараты анатомические он исключительно делал. В Сталинабаде надо было как-то зарабатывать деньги. Ведь заведующий кафедрой 800 рублей — мало получал. А врач 300 получал. И он сделал для кафедры ухо-горло-нос аппарат среднего и внутреннего уха. Причем так, что это просто изумительно было: все нервы, все сосуды, все-все, все косточки. Очень ювелирная работа.

* Воспоминания Людмилы Владимировны Сумкиной были записаны В. А. Ромодановской на диктофон. В связи с этим в тексте присутствуют некоторые особенности: стиль, близкий к устному рассказу, Константин Владимирович Ромодановский — «дедушка» (в действительности Людмила Владимировна и Игорь Владимирович называли его по имени-отчеству). Эту специфику текста при публикации мы решили сохранить.

...Мама к учению была очень способная, она всегда очень хорошо училась. С папой они женились в институте. Папа приехал из Лальска в Институт Герцена, потому что он после школы работал учителем в первом классе, и его от района послали учиться, а она из Кронштадта приехала, тоже в Герценовский институт. Он был на два года ее старше. Они познакомились, и ему было, когда он женился, 22 года, а ей не было и 19. Она до этого только в гимназии училась. Она говорила, что их гимназию называли институтом музыки и пения или как-то так. А потом, когда дети подрали, она поступила в фельдшерскую школу и кончила ее с отличием. А раз она кончила с отличием, ее без экзаменов приняли в институт. Когда она поступила в институт, — тут у них начались конфликты с папой, потому что ее вечно не было дома, он даже в школу нас собирал, завтраком кормил — мама уже уехала. Как-то стали они с папой ссориться. Но мы с Игорем не обращали на это внимания. Потом, в 1935 году уже, мне было десять лет, папа уехал. А к нам в гости стал приезжать Константин Владимирович.

А потом оказалось, что папа женился на тете Люсе. Так было, что, когда они разошлись, он поехал в дом отдыха, и там познакомился с тетей Люсей. И женился на тете Люсе.

И как-то он приехал к нам, в Ольгино, и говорит: «Поедем в парк культуры и отдыха, на американских горах покатаемся». Мы поехали из Ольгино прямо туда, на Кировские Острова. Когда приехали, — видно, они договорились, — нас ждала тетя Люся. Тете Люсе было 24 года, она молоденькая и симпатичная была, и папа сказал: «Это тетя Люся». Он назвал ее тетей Люсей, и я так и звала ее до самой смерти, «тетя Люся». А Игорь звал ее тетей Люсей, а после войны звал ее Людмилой Ивановной. А я — тетя Люся, тетей Люсенькой ее звала. Так вот, папа сказал: «Вот это тетя Люся, с которой я живу». Вот и все знакомство. А потом стал Константин Владимирович приезжать к нам часто, а потом родилась Ленка. И все.

Константин Владимирович Ромодановский с Леной. Ольгино, 1939 г.

Анна Николаевна с Леночкой. 1937 г.

Когда родители разошлись, мне было десять лет, а Игорю — восемь с половиной. Мама каждое воскресенье нас принарядит — и мы ездили к папе в гости. У Финляндского вокзала площадь была крошечная, посредине броневи́к с Лениным, трамвай, троллейбус, автобус, народу — тьма всегда. Мы садились, не помню на какой, автобус, трамвай или на троллейбус и ехали к папе в гости. И там, недалеко от 7-й Красноармейской, был кинотеатр «Олимпия». Мы приезжали днем, до обеда, папа давал нам денег — и мы шли, очень довольные, в кино, потому что в Ольгино кино не было, и телевизоров тоже не было и в помине. Потом приходили домой, обедали. Тетя Люся шла в магазин и покупала торт «Полено», она его очень любила. И мы с Игорем с удовольствием ездили. Сходили в кино, поели торт, потом папа сажал нас на автобус или на трамвай, и мы ехали на Финляндский вокзал. Билет всегда покупали в Ольгино туда и обратно, мы уже знали, какая наша платформа, какой поезд.

Константин Владимирович. Мы к нему бежали навстречу, если видели, что он идет. От Лахты до Ольгино через картофельное поле народ протоптал тропу:

Леночка. Ольгино, апрель 1938 г.

Константин Владимирович Ромодановский. 1930-е гг.

если ходить через сельсовет и по дороге — большой крюк, и мы ходили через поле. Сейчас там все застроили. А было поле — до самого аэродрома. И видно было, как садились самолеты. Аэродром был недалеко от Новой деревни. От Новой деревни как сюда едешь — направо. И даже какие-то праздники бывали там — летали самолеты. И 22 июня был первый бой с финнами там. И мы с этого аэродрома в 1941 году улетали. 28 сентября, я хорошо помню. В Ольгино Константин Владимирович часто приезжал, очень часто. Он так любил Ленку — первый ребенок, и когда она родилась, ему было уже 48 лет, он ее ужасно любил.

Дедушка относился к нам с Игорем как отец. Даже дай Бог поискать такого отца, как он к нам относился! Мы два раза ездили в деревню, в 36-м году, Ленки еще не было, и в 37-м летом поехали, ей месяца четыре или пять было, даже меньше, — поехали мы все. Это деревня Васильково, от Будогощи была в восьми километрах. Кругом лес, речушка маленькая, такая красота!.. И вот мы с дедушкой ходили, изучали все. Особенно мне запомнились муравьи... Рядом с муравейником живут муравьиные львы. Мы одного поймали. Мы смотрели, как он работает: он так шевелится, как воронка вокруг него, он там сидит, муравей туда попадает — и он его съедает. Потом интересная дорога муравьев, куда она шла — не помню, от муравейника, такой ширины, совершенно ни

[886]

одной травинки нет. Куда-то они этой дорогой ходили. Потом дедушка сделал такую вроде как ложку — бруснику собирать.

Мы один раз с ним пошли за грибами, мама была с Ленкой, а Игорь почему-то не захотел, — и мы с ним вдвоем пошли. Он говорит: «Пока не найдем белый гриб, не вернемся домой». Мы шли, шли, шли, белого гриба не нашли, набрали каких-то других, потом вдруг вышли к какой-то деревне. «Какая это деревня?» — «Капустино», — говорят. «А где Васильково?» — «Ну, это в другую сторону, вот по этой дороге идите...». Дедушка спрашивает: «Далеко?» — «Километров десять, а может, и больше будет». Мы пошли. Потом, не помню почему, мы свернули в лес немножко, вдоль дороги шли — и на бруснику напали. Трудно себе такое представить, красно все совершенно! Я сняла платье, ворот завязали мы с дедушкой, не помню чем, может, у него носовой платок был, но чем-то он завязал — и мы вот так набрали ведро, наверное, или больше, и вдвоем несли, а он еще — и корзинку, сколько в корзинку влезло, положили травы, и потом сверху чуть-чуть грибов, но грибов было мало, а брусники принесли. А мама так уже нервничала, хотела уже чуть ли не поиск нас организовать.

Бабушка с дедушкой первое время ко всему отрицательно относились. Но когда родилась Ленка — все наладилось. Они ужасно любили Леночку, ужасно. Она у них в комнате и находилась почти все время. Там была часть дома, разделенная на четыре части: три комнаты, а четвертая — кухня.

Павла Васильевна и Николай Лаврентьевич Васильяновы. Конец 1930-х гг.

[887]

И когда бабушка с дедушкой должны были из Кронштадта уехать, им куда ехать — только сюда, в Ольгино. И папа с мамой решили отдать им одну комнату, а две оставить нам, а кухня общая. Но мама с бабушкой не ужились. Мама — ох, какой у нее был характер, ей слова не скажи, у бабушки — точно такой же. Они без конца спорили, ругались. Во-первых, бабушка не выносила, что мама транжирка. Мама — действительно, но она транжирила на что — как бабушка говорила, «все книжечки да игрушечки». Это правда. И книжечек и игрушечек много было. А денег нету. Даже дедушка, Константин Владимирович, говорил: «Ну, проклятые книжки! Чулок не могут купить, сумочки нету, а книжки...» — возмущался. И правильно, потому что какой-то предел должен быть.

У бабушки с дедушкой была отдельная комната с выходом в кухню, и маленькая терраска была. Но все было слышно. И когда они утром пили чай летом, мы валялись еще в кроватях, а мамы дома не было, она давно уехала на работу, и Ленка тут. Бабушка всегда кричала: «Аленка, — они ее Аленкой звали, — Аленка, чай пить!». И Ленка вскакивала с кровати и бежала в одной рубашонке к ним. У них был высокий стулик специально для нее, она там пила чай. А меня Ленка звала Зюзя, не Люда, а Зюзя, в то время. А бабушка не могла сказать «Зюзя» — могла, но не говорила, а говорила «Дуда». И когда Ленка забывала свою кружку, а кружку она звала «калетка», бабушка кричала: «Дуда, калетку!». Я должна была вставать и нести ей кружку. Она меня звала Зюзя, Игоря звала Гага. А моего ухажера, Борю, звала Боб.

Ольгино, лето 1938 г.

Павла Васильевна с Леночкой. 1939 г.

Твой дедушка и мой дедушка нашли общий язык, они любили поговорить, вспомнить Кронштадт. Бабушка строго придерживалась всяких заповедей, она до мозга костей религиозная была. Даже когда я как-то сказала ей, перед войной, я уже большая была, что Бога нет, она так рассердилась, сказала: «Бог был, есть и будет, а ваш Ленин подох». Так она выражалась.

А потом, еще в конце августа, еще до моего дня рождения, мы уехали в Ленинград к дедушке. Мама очень боялась, что финны пойдут... Дедушка дал ей тысячу рублей, по сто рублей десять штук, это очень большие деньги были. Она положила их в письменный стол в ящик и мне сказала: «Если финны будут подходить — бери деньги, Ленку и бегите». Раньше железная дорога Ленинград — Ольгино шла вдоль самого моря, она называлась старая железная дорога, и ее всегда заливало наводнением. Четыре километра до Новой деревни. Мы с Игорем два раза, уже во время войны, в июне, ходили за керосином — готовили же все на керосине летом. И вот началась война, в воскресенье война, а на завтра у нас закрыли керосиновую лавку. Бабушка нам дала по бидону и послала. А мы туда как-то раз с дедушкой ходили, тоже за керосином, из Ольгино. Мы с Игорем пошли и купили по пять литров, он пять и я пять, керосину. На следующий день бабушка нас опять послала, мы пришли — а лавка уже закрыта. И вот дедушка твой дал маме тысячу. Но — все дорого, ничего нет, мама — раз сотню, другой сотню... Не знаю, сколько она сотен оттуда перетаскала и потратила. Потом они решили, что надо ехать нам в Ленинград. И мы уехали в Ленинград.

В Ленинграде жили в громадной квартире. Эта квартира принадлежала профессору, знаменитому биологу, сейчас вылетела его фамилия, потом вспомню. Старый интеллигентный дом. Две комнаты они сдавали дедушке, они были ближе к парадному. Когда мы туда приехали, очень стеснялись. В большой комнате всегда сидела хозяйка, вдова профессора, и ее сын, забыла как зовут. Чтобы пойти погулять, мы должны были сказать ей, что мы пойдем

Игорь Сумкин и Леночка Ромодановская.
Ольгино, 1939 г.

погуляем, чтобы потом она нам дверь открыла. И это так угнетало, что мы старались гулять подальше, чтобы ее не беспокоить. А все друзья остались в Ольгино, все эти ребята из нашего дома, которых мы знали, можно сказать, с пеленок. В нашем доме жило пятеро ребят, которые учились в одном классе. Я, Борька, Витя, Фридрих и Света Орлова. Мы жили в одном доме и вместе ходили в школу, вместе учились, с первого класса до восьмого включительно. В Ленинграде жили на углу Некрасова и Маяковского.

Когда началась война, в Ольгино вообще было не проехать, это прифронтовая зона была. Пропускали только тех, кто прописан в Ольгино, а у меня еще паспорта не было. Мамины мама с папой, наши бабушка с дедушкой, остались в Ольгино. Как-то раз мы с мамой поехали в Ольгино, ей надо было что-то взять там, и я с ней поехала. Мы подъехали к посту, дальше все, кто в Ольгино едет, садятся в грузовик, а меня спрашивают военные: «Паспорт», а я говорю, что у меня нет паспорта. Тогда они говорят: «Ты дальше не поедешь». Мама уже была в грузовике. И она закричала: «Эта девочка со мной, эта девочка со мной!». И я кричала — и меня пустили. Приехали, а дедушки не было дома, он куда-то уходил. Он работал на «Красном Октябре» с папой, а в последнее время — не знаю. Бабушка была дома. Мы обнимались, целовались... Поезд из Ольгино ходил три раза в день: утром, вечером и днем. Старый был такой, старые вагончики, не электричка, конечно, и свистел этот паровоз... Поэтому мы были там недолго, минут, может, двадцать, не больше. Мама что-то взяла, и мы поехали. Вот и все, и больше я в Ольгино до 1946 года не была. Дедушка

Дом в Ольгино. 1930-е гг.

[890]

с бабушкой остались там, беспомощные, одинокие. У них было две козы, но одну козу как-то быстро, я не знаю как, ликвидировали. А на вторую бабушка все надеялась, что вот, молоко будет. Но все-таки и ее дедушка зарезал, потому что они совсем погибали.

В Ленинграде — это было уже в блокаду, в сентябре. Мама нам говорит: «Завтра должна придти дедушкина одна знакомая, надо, чтобы она вас тут не видела. Она придет во столько-то часов — подите с Игорем погуляйте, а Ленку оставьте». Она не сказала нам, что это жена дедушки, я долго и не знала об этом. И мы с Игорем отправились чуть ли не в Александро-Невскую лавру, куда-то далеко, в общем, гуляли, а она приходила. Я ее не видела. Когда мы вернулись назад, ее уже не было. Она была с Леночкой.

Как уехали из Ленинграда — меня это все очень интересует, но теперь многого и не узнаешь никогда. Дедушку утром вызвали в горисполком. Или в районный — не знаю. Затем он пришел, они о чем-то с мамой шептались, а потом мама говорит: «Завтра утром мы уезжаем, в восемь часов придет за нами машина». И стали собираться. По 16 килограмм разрешено было взять. Дедушка, со своей честностью, каждый чемодан взвешивал, — не дай Бог, лишних полкило там будет. Собрали вещи, мне дали рюкзак, каждому что-то, и Ленка в придачу, тоже вещь, ее тоже тащить ведь надо было.

До сих пор меня интересует, что же ему сказали в горисполкоме, почему именно его выбрали из всего института. Если с белым движением

Леночка с мамой. 1940 г.

1940 г.

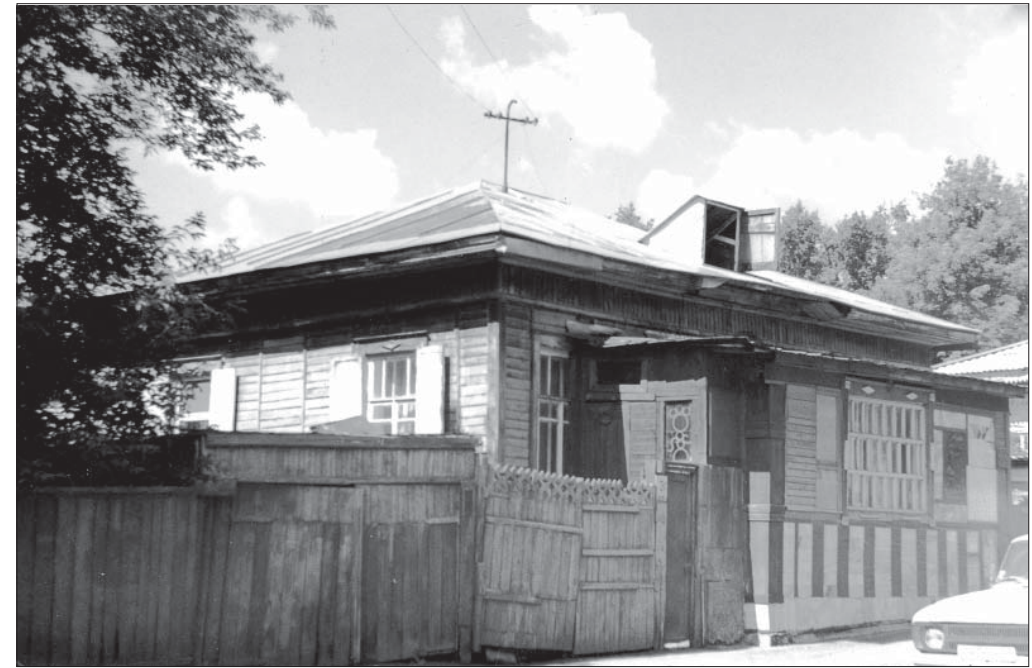
[891]

простые люди были связаны, то их просто расстреливали. А этих вывозили. С нами летела Ахматова, летел Павловский, который клещевой энцефалит открыл. Летел какой-то знаменитый географ, он один летел. И еще летела семья, муж, жена и мальчик, но они немцы, их фамилия Мейер или как-то так была. Летели на грузовом самолете, там были какие-то ящики, мы на этих ящиках сидели. Никаких там, конечно, не было «Пристегните ремни». А сверху в самолете было отверстие и стеклянный купол, там пулеметчик сидел. Только ноги его торчали. И когда подлетали к Тихвину — а в Тихвине должны были направляться и в Москву лететь, — внизу все горело, и стрельба была. И этот пулеметчик — не знаю, были, может, какие самолеты поблизости, — он из своего пулемета все время строчил. И мы полетели так низко-низко — на Вологду. В Вологде ночевали. А утром самолетом улетели в Москву.

Привезли нас в какое-то учреждение. Дома там вокруг многоэтажные, хорошие были. Привезли всех, кто летел с нами, в громадную комнату. Там письменные столы были сдвинуты в один угол, а в другом стояло сколько-то кроватей. Вскоре приехал Маршак и взял Ахматову. И уехал. Потом эта семья, они тоже куда-то уехали. А остались только мы и географ, который к полуночи тоже куда-то уехал. Прожили мы здесь, наверное, около недели, потому что оформляли все документы. Дедушка все с этим географом советовался, куда ехать. Тот сказал: «Я еду в Свердловск, потому что там библиотеки, там научное кольцо». А дедушка с мамой решили ехать где потеплее, потому что у нас не было зимней одежды, — в Сталинабад, Душанбе нынешний.

Как ехали во время войны — как во время гражданской. Хотя у нас был плацкартный вагон, я утром проснулась — а из-под моей полки ноги торчат, кто-то там спит... Потом интересно, когда уже в Казахстан въехали, смотрю, в тамбуре, там, где туалет, на полу на корточках сидят старик-казах и старуха-казашка, и по-казахски говорят. И так мне было интересно, какой-то язык такой... В Ташкенте была пересадка. Привокзальная площадь в Ташкенте была — как цыганский табор, полна народа. Хотя был ноябрь, но все равно там было еще очень тепло, а мы только в ноябре туда приехали. А как потом дедушка достал билеты — он с кафедры взял с собой пол-литровую бутылку спирта, и отдал ее начальнику вокзала — и нам тогда дали билеты. Поэтому мы в Ташкенте даже не ночевали, поехали сразу в Сталинабад.

В Сталинабаде мы жили год. Приехали в 1941, в ноябре, а уехали в декабре 1942-го. Как раз под Новый год 1943-го мы приехали в Барнаул. Потому так решили, что Педиатрический институт, где дедушка работал, был эвакуирован в Барнаул. И дедушка решил, что мы приедем в Барнаул, и потом вместе с институтом вернемся в Ленинград. Но в это же время, перед Сталинградской битвой, был эвакуирован в Барнаул и Астраханский мединститут. И на кафедре у дедушки были и из Ленинграда, и из Астрахани сотрудники. И тогда, в 1943-м, после Сталинграда, в Астрахани все было спокойно, и мы в сентябре 1943-го поехали в Астрахань — пришел приказ из Министерства здравоохранения, что все сотрудники Педиатрического мединститута вливаются в Астраханский мединститут.

Дом Ромодановских в Барнауле. Фото 2000 г.

Когда мы были в Барнауле, было постановление всех эвакуированных расселять по частным квартирам. Хочешь ты — не хочешь, но если у тебя есть возможность, какая-то комнатуха, — так тебя и не спрашивали. Сестра дедушки, тетя Леля, нашла нам комнату в частном доме. Люди были хорошие, они потеснились, из этой комнаты молодые ушли к старикам, разделили шкафы их комнату на две, а эту освободили. Потому что они решили: лучше поселить знакомых тети Лели, родственников, чем неизвестно кого.

А сначала мы жили у дедушкиной мамы. Мария Николаевна была, мне кажется, очень доброй женщиной. Ко всем детям, к Леночке, даже ко мне, к Игорю она всегда относилась как-то по-матерински. Мне она очень нравилась. Меня она вообще выделяла. Может быть, потому, что я была приучена все делать. Мы у них жили, наверное, неделю, пока тетя Леля нашла эту комнату. Я прихожу: «Мария Николаевна, что мне делать? Давайте я носки вам буду штопать, или что...». Она мне дала грудку носков, я сидела штопала... А потом — у них Дора была, домработница, всю жизнь у них работала, и у Доры очень под старость болели колени. Когда я там была, Доре уже за пятьдесят, под шестьдесят было. А они там жили в отдельном доме. Мы на лавочке сидели на улице — парадный вход на улицу выходил, черный — во двор — и Ленка тут, и я. И вижу, Дора несет воду, колонка у них далеко была, и я побежала к Доре, никому не говоря ничего, побежала — у Доры ж ноги болят, я побежала,

Мария Николаевна Ромодановская. Барнаул, 11 октября 1948 г.

взяла эти ведра с водой, а потом и еще раз сходила. И вот бабушка — мне кажется, из-за этого она меня любила. И когда мы прощались, она уж так меня: «Ну Людочка, ну будь счастливой, ну будь здоровой...». Мне вообще все родственники нравились.

В Барнауле в частном доме нам надо было как-то отапливаться. От мединститута выделили в лесу делянку. Механически спилили только сосны, а дальше надо было самим отрубить ветки, отпилить кусок и везти домой. Обычно ездили мы с Игорем. Отпилим бревно, с метр или чуть больше, — а дерево сырое, и — не поднять. Но мы с Игорем как-то изловчились его на санки взваливать, а от делянки до дороги была гора, так Игорь ложился на живот на это бревно и на санках съезжал, а я бежала в валенках за ним. Один раз мы поехали с дедушкой. Он выбрал очень толстое бревно, рассчитал там все. Но я не могу передать, с каким трудом мы его взвалили на санки. Санки наклонились, мы это бревно толкали, — утолкали. Потом привязали, с этой горы надо было спуститься — спустились, выехали на дорогу. Тогда я впряглась в санки, а дедушка сзади толкал их шестом. Выехали на проезжую дорогу, где машины ходят, — уже легче.

А мне кажется, что он не толкает, что-то очень уж тяжело. Тогда он говорит: «Давай-ка поменяемся». Он встал вперед, впрягся, а я сзади. Тут я поняла, в чем дело. Я изо всей силы толкаю минуты три-четыре, а потом я ослабляю это толкание, а потом толкаю опять, и я поняла, что оттого и мне было тяжело. Тогда я ему (мы его звали Константин Владимирович, так мама с детства нам говорила: «Приедет к нам Константин Владимирович») — говорю: «Константин Владимирович, давайте мы вместе впереди впряжемся, тогда легче будет». Впряглись. И было гораздо легче. Так и привезли. Но это было бы ладно. Потом ведь надо же было распилить — ужас какой. Вот столько пропилишь — пилу зажимает...

Чего не было. Видела я в Барнауле корову такую, как лошадь впряженную, хомут одет, оглобли, зимой — в сани, корова — скелет, торчит позвоночник, и вымя болтается так, и на санках какие-то там, не знаю, дощечки, и ведет корову старая худющая бабка... А в Астрахани видела раненого, который сидел около базара, до локтя нет обеих рук и до колена нет ног. Вот так. Сидит, как обрубок, шапка лежит, туда ему бросают...

Когда в 1943 году я кончила школу, — куда поступать? В Барнаул был эвакуирован Ленинградский строительный институт. Девчонки из нашего класса — половина почти туда пошла. Мальчишек сразу взяли в армию. А я в строительный не хотела. Мама принесла мне справочник для поступающих, «Вот, — говорит, — выбирай, куда ты хочешь». И я выбрала Институт цветных металлов и золота, геолого-разведочный факультет в Москве, и туда отправила свои документы. Родители мне сказали: «Куда тебе, восемнадцати лет еще нет, ехать туда...». Но вскоре, в сентябре, мы стали уезжать в Астрахань. А документы мои и аттестат — все там где-то, и копии аттестата нет. Я написала туда письмо, что в связи с переездом прошу мне вызов прислать

Людмила Владимировна и Игорь Владимирович Сумкины. 17 февраля 1949 г.

К. В. Ромодановский с группой студентов Барнаульского медицинского института. 1943 г.

в Астрахань. Дала адрес наших знакомых, потому что мы еще не знали, где будем жить. Эти знакомые, в Астраханском мединституте работали, тоже возвращались из Барнаула. И вот Мария Петровна, она ассистентом была у дедушки, дала мне свой адрес. Приехали — и что делать? Октябрь уже наступает, документов нет.

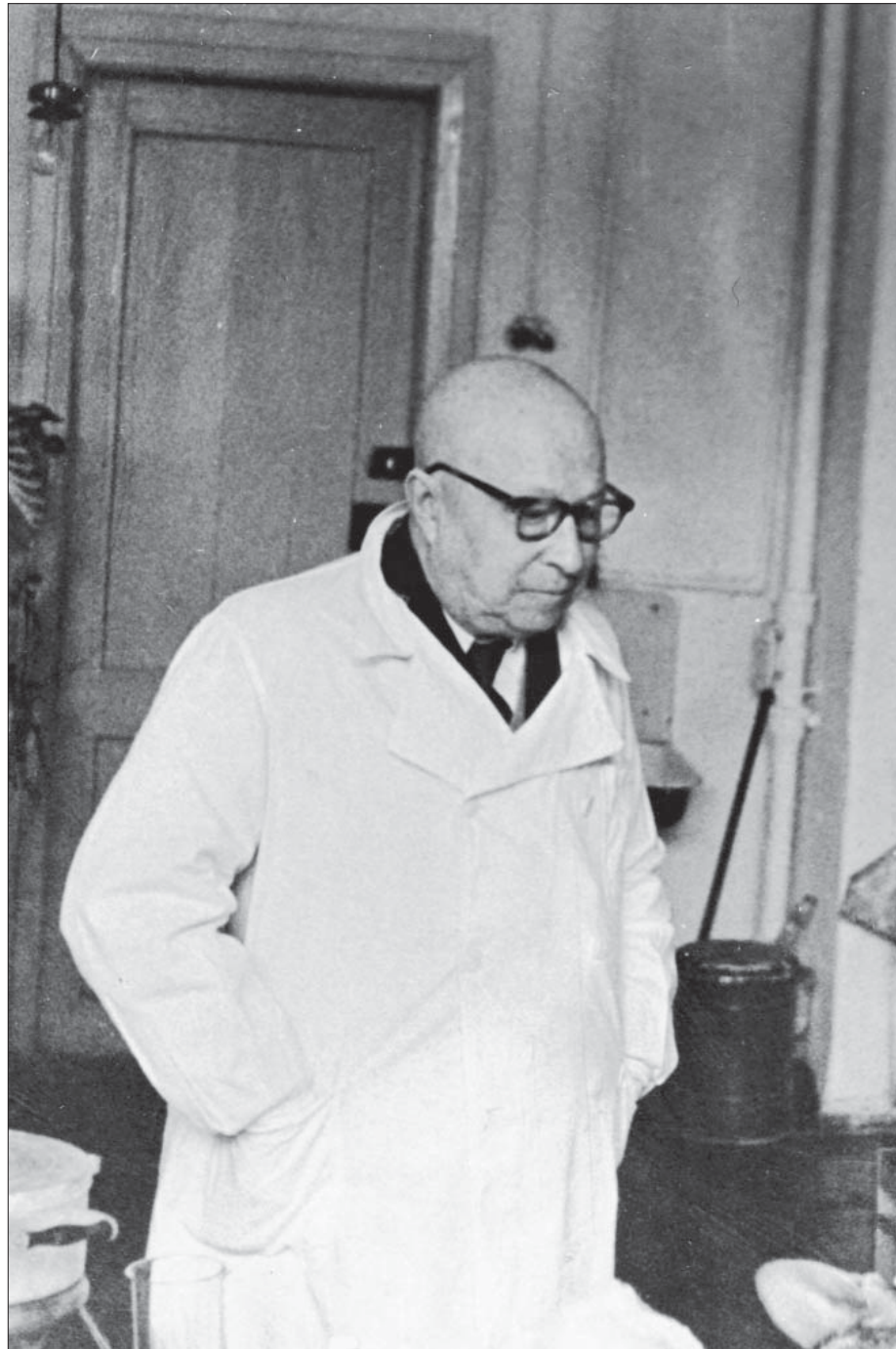
Дедушка мне еще в Барнауле сказал: «Иди на кафедру работать препаратом», — и оформил меня. Но в Барнауле я помогала с каким-то оборудованием, помогала упаковывать — ничего там не делала. А когда приехали в Астрахань, то во всем здании не было стекол. И вот мы прежде всего, и я в том числе, и еще Марина, моя ровесница, тоже препаратер, — мы вставляли стекла, все мыли, убирали. Кое-чему многому я там научилась. Выдавала студентам кости, когда начались занятия, — и благодаря этому все названия костей по-латыни выучила. Они придут: «Дайте нам то-то», по-латыни все называют, я сначала переспрашивала, а потом запомнила, все выучила. Потом дедушка научил меня разбирать череп на составные кости. Этому я тоже научилась, как правильно делать. Но самое для меня неприятное было — это бальзамировать трупы. Труда никакого. Стоит кружка Эсмарха с формалином, в бедренную артерию суешь, без всякой анестезии, конечно, иголку от этой кружки... Открываешь

кран — и течет туда жидкость, формалин, и до тех пор, пока он не раздуется. Можно было не сидеть не смотреть, как на капельницу, когда сестра подходит. Краник включишь — и все. А потом, когда раздуется, отключаешь, а на другой день, когда формалин все ткани пропитает, он делается нормальный на вид. Так я работала. Но не нравилось — жалко было человека. Вот смотрю один раз — такой красивый был мужчина, лет 45 на вид. Думаю, а может, у него семья есть, ведь о безродных никого и не спрашивали, а может, и родные есть, живут где-нибудь в деревне... И как-то было мне их очень жалко. Первый раз бальзамировала — с дедушкой, он заходил по два-три раза: «Ну как тут у тебя дела?» — «Да ничего». Потом я стала уходить, походишь, поболтаешь, потом загляну... Но в общем это было мне не по душе.

А потом, в следующем сентябре, я стала поступать в Астраханский мединститут. Не то, что мне расхотелось в геолого-разведочный, а просто — привыкла уже. И поступила туда. Никакого конкурса не было, хоть и на тройки все сдашь. Но я, кстати сказать, сочинение на тройку и написала, потому что была какая-то тема, которую я вообще не знала, что-то про Мопассана, про какие-то новеллы... Я кое-что читала — и написала, а когда потом разбирали — а я всю жизнь орфографические ошибки, хоть одну, да делала, мама всегда меня укоряла. Ну, в общем мне тройку поставили. А остальное я сдала на пять. Сейчас уже не помню хорошо, но остальное — ерунда была. И поступила.

Конечно, мы не то, чтоб голодали, а недоедали все. Все время хотелось есть. И так до тех пор, пока в конце 1944-го или в начале 1945-го всех нас, медработников, не прикрепили к распреду, и тогда стали отоваривать карточки, а то отоваривали только хлеб, а сахара всю войну не было. А тут стали отоваривать всем — и всю семью, и сразу мы получили крупы столько и всего...

Как-то раз дедушка, и астраханцы, которые были с нами в Барнауле, Мария Петровна и ее муж Борис Иванович, он был профессором химии, — Степановы, — так вот, они с дедушкой решили, что купят лодку и будут ловить рыбу. Два профессора, никогда этим не занимались!.. Мама работала день и ночь, и в институте, и главным судмедэкспертом Астраханского надзора, зарабатывала больше, чем дедушка. Мария Петровна — преподавателей не было — тоже зарабатывала, и вот их зарплата, все эти заработки — мама очень долго жалела... — все потратили на лодку. А для лодок есть специальные гаражи, они стоят вдоль реки, а от гаража — вроде как рельсы сделаны в воду, по ним эту лодку скатывают. В Астрахани гаражи на Волге. Но у нас гаража не было, и дедушка договорился с одним гаражом, что лодку будут прицеплять, замочек, цепочку купил... И как-то пришли — лодки нет. Дедушка — к гаражу: «Где лодка?» — ему говорят: «Лодку мобилизовал рыбный совхоз в связи с войной, вон — на той стороне Волги, надо за нею туда поехать». Кого послать за этой лодкой? И послали, конечно, Игоря. У Марии Петровны и Бориса Ивановича детей не было. Послали Игоря. Мальчишке еще 17 лет не было, в десятом классе учился. Он туда на чем-то переехал. Приехал в этот совхоз, нашел эту лодку. Он ее и подкрашивал, и шпаклевал, и дегтем ее мазал — хорошо знал...

Константин Владимирович Ромодановский

[898]

Он ее взял, сел и поплыл через Волгу обратно. Так его на моторной лодке от этого совхоза догнали, обратно привезли, его вытолкали, а лодку оставили. И он на чем-то еле-еле сумел переправиться в Астрахань. Приехал — и первые его слова, когда я ему дверь открыла: «Я сутки ничего не ел!». Так эта лодка и пропала, никто нам ее не вернул, и даже мы ее не искали.

В Астрахани же дедушка договорился в лепрозории — у лепрозории было подсобное хозяйство, — что ему дадут две сотки, он там посадит фасоль. Мы с ним поехали на остров сажать фасоль. Там Астраханский заповедник. В устье Волги куча маленьких островков, и вот этот лепрозорийский островок, Пальмир назывался, туда надо ехать на лодке. Мы приехали с дедушкой на астраханскую пристань, там уже была лепрозорийская лодка, и не одна, а две или три, наполненные людьми. В одну из них мы сели, приехали на Пальмир. Нам показали участок. Мы с ним посадили фасоль. Фасоли был один пакетик, не знаю, где он ее взял. Надеюсь, вырастет, а в Астрахани, в жару, хоть там и заповедник, и влага, но все равно почва иногда растрескивалась. На этом острове был маленький поселочек, может быть, домов 10–15. И в одном доме дедушка договорился, что я буду там ночевать, а он, под накомарником, во дворе будет спать. Хозяйка меня пустила, мы поели что было, легла я... А дом полон комаров.

С головой закроешься одеялом — невозможно дышать, жарища, откроешься — тебя облепят. И так я мучалась. На следующий день мы еще пошли, посмотрели на этот участок, а к вечеру какой-то катер плыл в Астрахань. Я дедушку уговорила: «Договоритесь, — говорю, — чтоб они меня взяли», — и они меня взяли. На корму я села — и сидела, не вставала. Ехали мы часов шесть до Астрахани, там далеко. На катере одни мужчины. В каюте, где-то там далеко, внизу, они пили, все время слышались пьяные голоса. А я сидела от страха на корме. Наконец мы часов в пять или в четыре, уже светало, приехали в Астрахань. Я вылезла и вышла на эту астраханскую площадь, где Кремль. А площадь там, ну может, поменьше, чем Красная, но наполовину —

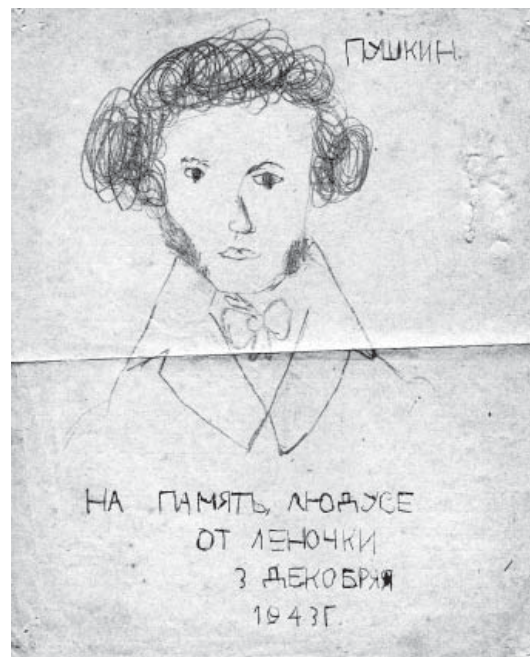

Борис Иванович Степанов.
Астрахань, 1967 г.

[899]

Людмила Владимировна
и Игорь Владимирович Сумкины,
Лена Ромодановская.
31 августа 1947 г.

Пушкин. Рисунок
Лены Ромоданов-
ской. Астрахань,
3 декабря 1943 г.

[900]

громадная. Тут Кремль астраханский, тут площадь с памятником Кирову, — площадь Кирова называлась, и дома. И никого народу. Еще такие сумерки вроде. И я иду, навстречу мне — мужик, метра два ростом, плохо одетый, как моряк, с бахромой брюки, тельняшка, — идет. Я так испугалась!.. Он идет, я иду, на него глаза выпучила, когда его прошла, с ним поравнялась, — как припустила бежать!.. Оглянулась, а он мне вслед смотрит, стоит. А потом дедушка спросил: «Знаешь, с кем мы в лодках ехали?». Я говорю: «С кем?» — «С прокаженными». Конечно, там есть заразные, а есть и такие, незаразные формы, но их все равно держат в лепрозории.

В Астрахани Ленка пошла первый раз в школу — я ее провожала, конечно. Я там была вообще за хозяйку, в Астрахани. С начала войны на всю семью, во-первых, стирала. Мама приходила — еле ноги приносила, Ленка маленькая, и мужчины. На всех я стирала. Иногда кое-что сваришь, мама скажет. Потом я Ленку повела первый раз в школу. Там не так далеко, квартала четыре, может быть. У нее были уроки, я ее встретила. Наутро — ей семь лет — собираемся идти, она: «Я сама пойду, я сама, я дорогу знаю». Ну, думаю, а вдруг заблудится, а она — ни в какую, «я сама, я сама». Я говорю: «Лена, ты пойдешь сама, а метров за пятнадцать сзади я пойду, как будто я тебя и не знаю». Согласилась.

К. В. Ромодановский и А. В. Сумкина. Апрель 1950 г.

[901]

И дошла, узнала все. С тех пор она одна в школу ходила. Устроила Лена дома музей. У нее был друг, Митя Колпаков, сын профессора, не помню, какого, физиологии, кажется. Они недалеко жили, Митя был на год или на два ее старше. Они нашли кусочек мрамора, Митя сказал: «Это почти драгоценный камень». Она и взяла камень. Потом у нас жил орлан — нашли с подбитым крылом птицу, — куда его? Дедушка из жалости взял. Отгородили ему в комнате угол, он там и сидел. Перо выпало — Лена взяла в бутылку, простая бумажка из тетрадки, написано: «Перо орлана». Перо петуха было, еще какой-то камушек... В общем все вот так она все собирала. А этот орлан — он так орал, особенно с утра пораньше, когда его надо было рыбой кормить... Отнесли его во Дворец пионеров, в живой уголок. Так все обрадовались, угол большой в комнате освободился!..

И я, и Игорь очень дедушку любили. И Игорь даже мне как-то сказал: «Ты знаешь, я его даже больше люблю, чем папу». Ну, я-то одинаково. Игорь с папой не жил, а я жила. Папа тоже хороший был, и тетю Люсю любила, и дедушку, я всех любила.

На экзамене

[902]

Людмила Владимировна Сумкина и ее муж,
Рейнгольд Мартынович Штоль. 3 июля 2001 г.

Что вспомнить я еще могу? Два года отходила на его лекции. Ну, как все студенты, иногда слушаешь, а иногда прослушаешь. В отношении филогенеза — это постепенное развитие от обезьяны к человеку или от какой-то микробы к человеку, а онтогенез — это развитие плода, эмбриона, он также проходит все стадии развития — он нам объяснял, и я что-то прослушала, а когда при-

[903]

шла домой, он спрашивает: «Ну тебе было понятно?», я говорю: «Понятно», а сама ничего не поняла, но он не стал меня выпрашивать — наверное, понял, что я прослушала... Вообще анатомия очень трудный предмет, самый трудный из всех, какие только есть. Потому что каждая кость — не только ее общее знание, но каждую дырочку надо знать, а на первом курсе латыни не знаешь, а ведь от названия кости зависят названия и артерий, и вен, и нервов — и все, все так же. Дальше все это уже легко. Но на первом курсе это очень трудно. Мы занимались — у меня подружка была, Алька, ее тетка заведовала кафедрой иностранных языков, и я к ней ходила заниматься английским языком. Когда мы учили мозг, по блату нам разрешали войти в ассистентскую и взять хорошие экспонаты, которые если давать всей группе, их моментально разберут. И там мозг был. Пропитан, конечно, формалином, твердый, как плотная резина, Алька его завернула в бумажку — и домой утащила. И дома взяла тарелку и положила на тарелку. И ее тетя Оля так возмущалась...

Мы в Астрахани прожили до 1948 года, пять лет. Там плохо себя чувствовали и мама, и бабушка — там ужасная влажность и жара. А комаров — тьма, особенно в заповеднике Астраханском. Там вообще дышать нельзя из-за комаров. Потом бабушка прочитал в газете, что есть свободная должность профессора кафедры в Новосибирском мединституте, и тут же по конкурсу он прошел. И мы уехали в Новосибирск.

«МЫ БЫЛИ ПОДРУГАМИ 65 ЛЕТ»

С Еленой Константиновной, в то время просто Леной, я познакомилась, когда она пришла к нам в пятый класс. Ее папу, профессора Константина Владимировича (добрейшей души был человек!), перевели из Астрахани в Новосибирский медицинский институт, назначив проректором института.

Лена довольно быстро вошла в наш класс, в нашу компанию, так как была она приветлива, гостеприимна, с уживчивым характером. И потом мы с нею до окончания школы сидели за одной партой, первой перед столом учителя.

Училась она всегда хорошо. Помню, в первые дни пятого класса наша новая учи-

Лидя Баковицкая, Рита Кучерова, Лена Ромодановская

Запись на обороте:

«Слева направо: 1-й ряд: Рита Леванчук (7 “в”), Сима Левитина (7 “б”), Виктор Сергеевич Орлов, Вильгельмина Готлибовна Эйрих, Сергей Александрович Седой, Римма Шевякова (7 “а”), Рита Кучерова (7 “а”). 2-й ряд: Лена Ромодановская (7 “а”), Аля Новикова (7 “б”), Алла Полионная (7 “б”), Нина Шергунова (7 “б”), Валя Абоянцева (7 “а”), Оля Глухова (7 “б”), Тома Смирнова (7 “а”), Света Череховская (7 “в”), х.

Конференция-встреча с артистами ТЮЗа по спектаклю “Ревизор”».

тельница русского языка провела диктант. И мы, учившиеся всегда отлично и хорошо, напoлучали двоек из-за какой-нибудь запятой, кавычек. А Лена получила 4 — это была лучшая оценка в классе.

У нас была своя компания (человек 8–10), мы часто ходили друг к другу в гости, а уж в дни рождения — обязательно. Лучшим подарком в те времена была книга, и у меня сохранилось несколько книг с дарственной надписью Лены. Ленина мама, Анна Николаевна, была гостеприимной хозяйкой, и мы часто собирались у них, даже иногда вместе делали уроки, используя большую библиотеку Ромодановских. А библиотека у них была действительно большая всегда и занимала большую часть квартиры, стены уж точно!

Лена всегда училась отлично по всем предметам, но ее явно больше интересовали гуманитарные дисциплины. Мы часто с ней ходили в театры, посещали все

Юные зрители о своем спектакле

По выходным дням задолго до начала спектакля огромный зрительный зал Театра оперы и балета заполняет детвора. Юные граждане города приходят смотреть свой спектакль — балет-сказку «Аленький цветочек».

С замиранием сердца следят дети за событиями на сцене, а потом, покинув театр, долго и разносторонне обсуждают видимое. Поговорить есть о чем.

Приводим выдержки из отзывов юных зрителей, в которых они делятся своими впечатлениями о новой постановке:

Мы гордимся тем, что мы, дети Новосибирска, первыми во всей стране увидели балет К. Корчмарева «Аленький цветочек».

Спектакль нам очень понравился. Его герои — чудесная русская девушка Маша, смелый, ловкий Ваня, — их нельзя не полюбить. Введение новых действующих лиц по сравнению с текстом Аксакова ничуть не портит сказку. Кажется, что так и должно быть, что без них балет будет скучным.

Очень красивы танцы стрекоз, цветов, огня, оригинальны ска-

терть-самобранка и самовар. Замечательны декорации — они действительно сказочны. Нам очень понравилось, что в балете есть русские народные танцы, родная русская музыка.

Большое спасибо театру за яркий, интересный спектакль.

Ученицы пятых классов 22-й школы: Лена Ромодановская, Ида Грищенко, Рита Кучерова, Нина Шергунова, Алла Корнеева и др.

Ученица второго класса этой же школы Ира Левина считает, что самые интересные эпизоды в балете — это когда Маша летает на ковре-самолете.

Л. Тюнюкова, ученица четвертого класса 50-й школы, советует всем детям посмотреть балет «Аленький цветочек», потому что

...этот спектакль учит нас быть смелыми, решительными, уважать и любить людей.

По общему мнению юных зрителей, Театр оперы и балета приготовил для них чудесный спектакль, и они благодарят авторов балета, постановщиков и актеров за полученную радость.

реда
во в
чавш
лени
грече
12.8
1.20
месяц

НЕ
сообщ
вок, и
и усн.
На
порей
недел
чих
бастул
на за
рейш
восьм
Ис
мобил
в Ко
зов,
ная
комп:
прот
систе
1
«Фил

ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА

5 мая — АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК.
6 мая — ВЕСЕННИЙ БАЛ.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБР.

премьеры, а некоторые спектакли и не по одному разу. Я больше любила Театр оперы и балета, а у Лены любимым театром был ТЮЗ — Театр юного зрителя. Некоторое время занималась она там в драмкружке, которым руководил заслуженный артист РСФСР В. Орлов, в то время кумир молодежи. В своих архивах я нашла вырезку из газеты «Советская Сибирь» за 1949 год (которую прилагаю). Там, правда, идет речь о нашем посещении Театра оперы и балета.

В нашем детстве и юности не было телевизоров, и мы ходили в кино. Там у нас тоже были свои симпатии, и почти у всех были открытки с любимыми артистами.

Принимали мы участие и в конференциях по разным учебным предметам, которые проводились и в школе, и на городском уровне. Например, помню: Лена делала доклад о колорадском жуке, в те времена это была животрепещущая тема.

Лена всегда любила Ленинград, свою родину, много о нем читала, бывала там и по окончании школы поехала продолжать образование в Ленинградский университет. Школу она закончила с медалью и сразу поступила в университет.

Я осталась в Новосибирске, поступила в НИИЖТ*, который затем закончила. В период институтской учебы мы виделись только в каникулы, когда Лена приезжала домой.

* НИИЖТ — Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, с 1997 г. — Сибирский государственный университет путей сообщения. — Прим. ред.

Маргарита Павловна Кучерова и Елена Константиновна Ромодановская. 2003 г.

В семье Ромодановских любили животных, которые были у них, по-моему, всегда. Когда учились в школе, у них была немецкая овчарка Ирма. Умная, дружелюбная. Были еще попугаи, которые клевали переплеты книг, была кошка Люся. А уже во взрослой жизни Лены — кошки. Их было одновременно не по одной, она их всех любила и они отвечали ей большой привязанностью. Кошек подбрасывали Лене часто под дверь, так как соседи были уверены, что она их, по своей доброте, не выкинет. Так оно и оказывалось. Лена их не только кормила, обихаживала, но и по необходимости лечила в ветлечебнице.

Многие годы по традиции я встречала Новый год — 1 января у Лены. Было весело, она готовила обильное угощение. Особенно, помню, были вкусны пироги с капустой и с лимоном. А гусь! Вообще Лена очень вкусно готовила все и была очень гостеприимной. И часто выяснялось, что она стряпала не один пирог, а два одинаковых: второй — на работу.

В последнее время, когда Лена была уже тяжело больна, ходить в гости ко мне, да и встречать гостей ей было тяжело, мы говорили по телефону. В последний год я уезжала в отпуск на Северный Кавказ и через день звонила ей. Я думаю, что ей было уже и больно, и грустно, и вообще пакостно. Но она всегда на вопрос «Как у тебя дела и как себя чувствуешь?» — отвечала неизменно: «Хорошо, все в порядке». Была Лена очень мужественным человеком, не ныла, не стонала, не пыталась свои горести переложить на других.

Мы были подругами 65 лет. Я знала всех ее ближайших родственников: родителей, сестру, брата, племянников и племянницу. Почти все стали моими хорошими друзьями.

Я гордилась Лениными достижениями, трудами, наградами. И так горько сознавать, что Лены уже нет... Я буду помнить ее всегда. Царствие ей Небесное и вечная память.

ЛЕНОЧКА РОМОДАНОВСКАЯ

Елена Константиновна Ромодановская для меня была и остается Леночкой — так ее звали в нашей семье.

Наши родители дружили с довоенных времен, когда Леночкин отец, Константин Владимирович Ромодановский, заведовал кафедрой нормальной анатомии Ленинградского педиатрического института, где работала моя мама. Летом на даче в Мартышкино (по Петергофской дороге), когда Леночке было три года, а мне один, мы устроили пир под столом, стащив буханку хлеба. Так было положено начало нашей дружбы. Конечно, я это слышала от взрослых, а о Леночке впервые узнала от мамы, показавшей мне ее фотографию, когда мы жили в эвакуации в Ессентуках. Семья Ромодановских в это время находилась в Астрахани, где Константин Владимирович работал в медицинском институте. Я стала писать Леночке письма: садилась за стол напротив мамы и заполняла лист строчками закорючек, которые казались мне точь-в-точь такими же, как в мамином письме.

Леночка Ромодановская. 15 декабря 1960 г.

После войны мы вернулись в Ленинград, а Ромодановские обосновались в Новосибирске, где Константин Владимирович до конца жизни возглавлял кафедру нормальной анатомии медицинского института. Впоследствии так случилось, что мама, оставшись без работы на волне борьбы с космополитизмом (наверное, из-за сербской фамилии Вуич), по приглашению Константина Владимировича два года преподавала анатомию в его институте.

Леночка, как мы знали из писем, страстно увлекалась в школе литературой. Не напрасно ее мама, Анна Николаевна, собрала прекрасную библиотеку русской и зарубежной классики и выписывала огромное количество журналов. Кроме того, в старших классах Леночка стала членом городского театрального общества и писала серьезные рецензии на спектакли.

Летом 1954 г. Анна Николаевна привезла дочку-медалистку в Ленинград, город своей юности (выросла она в Кронштадте) для поступления в университет. Тихая, воспитанная, приветливая девушка с длинной косой сразу покорила нашу семью. Леночка была принята на русское отделение филологического факультета и едва ли не с первого семестра выбрала занятие на всю жизнь — древнерусскую литературу, и тему, которая разрабатывалась ею от первой курсовой до докторской диссертации, — «Повесть о царе Аггее».

Абитуриентка Ленинградского университета
1954 г. — Лена Ромодановская

Все студенческие годы она жила у нас. В маленькой неизвестного назначения комнатухе без окон стояли две наши кровати, а вся жизнь протекала в большой комнате, которая была и столовой, и кабинетом, и спальней моих родителей, отделенной книжными полками. Она же была гостиной, где не только собирались по вечерам за круглым столом, но и останавливались приезжающие друзья. Неудобства коммунальной квартиры, в которой жило около 30 человек, искупались видом на Неву, открывавшимся из Кваренгиевского полукруглого окна. Мы жили в здании Эрмитажного театра, которое вытянулось от Зимней канавки вдоль Дворцовой набережной. В то время в него поселяли сотрудников Эрмитажа. Любимым местом в комнате был широкий подоконник, на котором можно было сидеть с книжкой, заниматься, когда был занят наш общий с Леночкой письменный стол, а главное — без конца смотреть на Неву, следить за

солнечными бликами, падающими от воды на стены и потолок, наблюдать за разведением мостов, и все это под крики чаек и приглушенные гудки буксиров (теперь они, к сожалению, запрещены, и бурная ночная жизнь на Неве происходит в искусственной тишине).

Не удивительно, что глядя на Леночку, окунувшуюся в студенческую жизнь и в науку, бывая иногда вместе с ней в университете, восхищаясь ее друзьями-однокурсниками, я изменила своей мечте о Горном институте и тоже поступила на русское отделение филфака. Самый горячий отклик на свою увлеченность древнерусской литературой Леночка нашла у моего отца, Ивана

Эрмитажный театр — Дворцовая набережная, д. 32. Фото 1950-х гг.

Георгиевича Спасского — историка, хранителя Отдела нумизматики Эрмитажа, занимавшегося изучением древних русских монет. Приобщение к науке происходило и в университете, и дома. К тому же у нас часто бывали папины ученики — аспиранты, молодые сотрудники Эрмитажа Женя Щукина, Марина Сотникова, Марина Северова, Коля Котляр и его жена Марина Скржинская, учившаяся на классическом отделении филфака. Из Москвы приезжал и часто останавливался у нас Валентин Лаврентьевич Янин с женой Светланой Алексеевной. Все были молоды, веселы, увлечены своим делом.

К Леночке папа с самого начала относился как к дочери и даже был в курсе ее лирических переживаний. Постепенно она становилась его коллегой и единомышленником в науке. А позже и помощником. Его последняя книга «Русские ефимки: Исследование и каталог» увидела свет в 1988 г. благодаря Леночке, предложившей ее Сибирскому отделению издательства «Наука» в трудные годы перестройки, когда столичным издательствам было не до нумизматики. Этой темой Иван Георгиевич занимался всю жизнь, и публикация каталога ефимок была его мечтой, исполнившейся за два года до смерти. Если в Эрмитаже профессиональную помощь в подготовке каталога оказала молодая сотрудница Отдела нумизматики Мария Борисовна Маршак, то обязанности издательского редактора взяла на себя Леночка. Не менее месяца он прожил в ее доме в Новосибирске, где они не покладая рук работали над книгой.

При всей своей сосредоточенности на древнерусской литературе, Леночка со вкусом занималась разными домашними делами: вязала себе и всей семье многочисленные кофточки, прекрасно готовила — то классический пирог с капустой, то новомодное печенье «гость на пороге». От нее веяло спокойствием и уютом. Наверное, поэтому в группе, в которой она училась, Леночку называли Котом. Вокруг нее всегда было много людей. Однажды у нас встречали Новый год человек около пятидесяти (в основном ее курс). Не понимаю, как мы поместились, помню только, что под утро в комнате, в коридоре, в кухне и на лестничной площадке перемешались филфаковцы с пришедшими к моей подруге студентами Института Репина, и было очень весело.

Когда после второго курса Леночкина группа отправилась на целину, врачи ей не разрешили ехать из-за больного сердца. Меня, бывшую на два курса моложе, взяли под свою ответственность леночкины друзья — красивая пара, Лена Тризна и Олег Дронов (это была первая студенческая свадьба на их курсе). Какой праздник был устроен, когда в саманном сарае на 50 человек, построенном среди голой степи, внезапно появилась Леночка, отпросившаяся у родителей и сложными путями добравшаяся до нас из Новосибирска! На заработанные деньги мы купили радиолу — наше первое самостоятельное приобретение.

Это был не только очень дружный курс, но и очень талантливый. Достаточно назвать имена его выпускников А. М. Панченко и В. Э. Вацура.

После окончания университета и аспирантуры связь Леночки с Ленинградом и с нашим домом не прерывалась. Каждый год она приезжала из Новосибирска заниматься летописями в Публичной библиотеке и в Библиотеке

Студенческая целинная бригада, крайняя слева стоит Лена Ромодановская. Кокчетавская обл., 1957 г.

Студенческая целинная бригада. Вторая слева — Лада Вуич, следующая — Лена Ромодановская. Кокчетавская обл., 1957 г.

Письмо Ивана Георгиевича Спасского
Варе Ромодановской. Первая половина 1970-х гг.

родителей молоденькую аспирантку Пушкинского Дома Наталью Понырکو, ставшую близким и родным человеком для них. Леночка и Наталья помогали моим родителям в любых трудных ситуациях, делили с ними радость и горе до последних дней их жизни. В 2004 году, когда в Эрмитаже отмечалось столетие со дня рождения И. Г. Спасского, они обе участвовали в научной конференции, проходившей в Эрмитажном театре.

С уходом Леночки много прекрасного ушло навсегда.

Вечная память Елене Константиновне Ромодановской — большому ученому и прекрасному доброму человеку!

Академии наук, а также в Москву, где теперь жила я, и в доме сразу становилось веселее. Если это было в марте, то мы съезжались у моих родителей и часто праздновали вместе день рождения Леночки (6 марта) и папы (8 марта). Когда у Леночки родилась дочь, она привезла ее маленькой в Ленинград, и для Вари мой папа стал дедушкой (Константин Владимирович умер за год до ее появления на свет). Она писала ему замечательные письма, на которые он с удовольствием отвечал.

Благодаря Леночке у моих родителей стал бывать во время приездов в Ленинград Николай Николаевич Покровский. Когда папа читал в Новосибирске курс лекций по нумизматике, Николай Николаевич сумел «разговорить» его и записал на магнитофон два часа воспоминаний, которые передал в Отдел нумизматики Эрмитажа. Леночка привела в дом моих

В ДОМЕ СПАССКИХ

ом моего учителя Ивана Георгиевича Спасского замечателен во многих отношениях. Иван Георгиевич был главным хранителем Отдела нумизматики Эрмитажа, его душой, сотрудники почитали его необыкновенно, при том, что он не терпел восхвалений в свой адрес. Когда я написал посвящение в книжке, выходящей в Стокгольме: «Великому ученому И. Спасскому», он поморщился и велел снять, да было поздно, книжка была уже в типографии. Внешне он выглядел просто и скромно, в этакую кепочке, ни дать, ни взять, рабочий высокой квалификации, но стоило ему улыбнуться!

Так вот, первая и главная в моих глазах квартира, в которой он жил вместе с женой Лидией Георгиевной в 60-е годы прошлого века, располагалась во дворе принадлежащего Эрмитажу дома XVIII в.,

Николай Федорович Котляр

Иван Георгиевич Спасский, Лидия Георгиевна Вуич и кот Мишка. 1964 г.

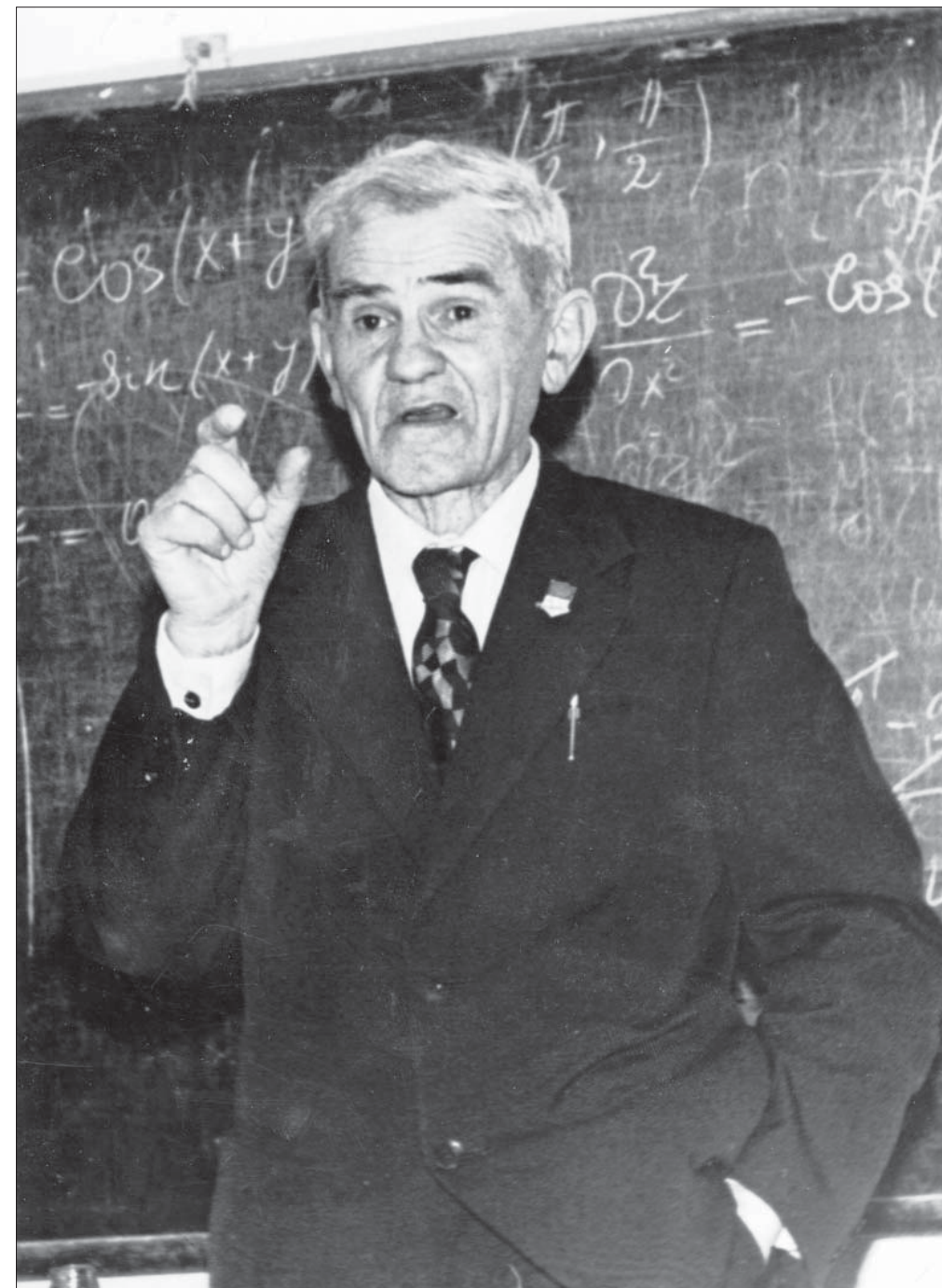
Лидия Георгиевна Вуич и Иван Георгиевич Спасский. 1960-е гг.

построенного Кваренги, Эрмитажного театра. Сам я, будучи аспирантом Ивана Георгиевича, жил в общежитии в здании этого театра, в полуэтаже между первым и вторым этажами. Естественно, что я постоянно бывал в доме Спасских. Там и познакомился с Еленой Константиновной, Леной.

У Спасских по вечерам бывало людно. Там можно было встретить археолога В. А. Янина, ученика Ивана Георгиевича в нумизматике, написавшего под его руководством кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы русского средневековья», его любимую ученицу Евгению Щукину, ставшую со временем крупнейшим специалистом в области медальерного искусства, Валентина Рябцевича, аспиранта из Белоруссии, впоследствии успешнейшего специалиста в области западноевропейской нумизматики, моего однокашника по аспирантуре у Ивана Георгиевича, М. Б. Горнунга, известного собирателя монет, и многих других.

Лена с первого взгляда располагала к себе дружелюбной улыбкой, открытостью, приветливостью. Мне кажется, что уже тогда мы почувствовали себя давно знакомыми, даже друзьями. Хотя в действительности это случилось позднее. Виделись мы с ней главным образом у Спасских, беседовали с хозяевами и друг с другом, любовались альбомами по искусству, богатыми

[916]

Иван Георгиевич Спасский читает лекцию в Новосибирском университете. 1976 г.

[917]

публикациями живописи и скульптуры Эрмитажа, зарубежными изданиями фондов знаменитых музеев (Лувр, Уфицци, венецианская Академия и др.). Это составляло важную часть нашего времяпровождения в гостях у Спасских. При очень скромных заработках Ивана Георгиевича и Лидии Георгиевны они тратили свои деньги преимущественно на книги.

Когда Елена Константиновна оказалась в Новосибирске, наши встречи стали реже, мы встречались в основном на конференциях и прочих научных собраниях. Всюду она была в центре событий, активно и по делу выступала в обсуждениях докладов, руководила заседаниями, и делалось это с мягкой улыбкой, теплотой и душевной открытостью и отзывчивостью. Вспоминаю одну из наших последних встреч в Петербурге. Тогда уже не было Ивана Георгиевича. Я приехал из Киева на конференцию, не помню уж, на какую, но явно на ней шла речь и о Древней Руси, которой я стал заниматься с начала 70-х годов. Меня тепло встретили заботами Елены Константиновны, поселили в гостинице возле Казанского собора, и мы мило общались, хотя она была занята сверх меры. Помню, вечерами пили чай у нее в номере.

Такой осталась в моей памяти Елена Константиновна Ромодановская, чьей дружбы и улыбки мне так недостает.

ИЗ ПИСЕМ ИВАНА ГЕОРГИЕВИЧА СПАССКОГО К ЕЛЕНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ РОМОДАНОВСКОЙ

С Иваном Георгиевичем Спасским Елену Константиновну Ромодановскую связывала тесная дружба с 1950-х гг., когда она в свои студенческие годы жила дома у Лидии Георгиевны и Ивана Георгиевича. Во многом И. Г. Спасский стал для Елены Константиновны «научным опекуном», очень способствовал ее становлению как ученого. После окончания университета и отъезда Елены Константиновны из Ленинграда между ними завязалась переписка, в основном на интересовавшие их обоих научные сюжеты. Всего в архиве Е. К. Ромодановской сохранилось более сотни писем И. Г. Спасского, написанных после 1959 г.

В качестве приложения к воспоминаниям Лады Ивановны Вуич, дочери И. Г. Спасского, и Николая Федоровича Котляра, его аспиранта, мы выбрали для публикации три письма Ивана Георгиевича к Елене Константиновне. Выбор именно этих писем связан с тем, что в них Иван Георгиевич рассказывает своей уехавшей в Сибирь «подопечной» о развернувшейся в 1963–1964 гг. полемике вокруг доклада и книги Александра Александровича Зимина о «Слове о полку Игореве», где он выдвинул гипотезу, что «Слово» — памятник не XII, а XVIII в. Материалы проходившей в Пушкинском Доме и в Отделении истории АН СССР дискуссии опубликованы недавно Л. В. Соколовой.¹ И. Г. Спасский в отдельных моментах склонялся к точке зрения А. А. Зимина, однако, присутствуя на заседаниях в Пушкинском Доме, активного участия в обсуждении не принимал и никогда не публиковал своих размышлений по поводу «Слова о полку Игореве». Между тем, его изложение событий 1960-х гг. и комментарии к предложенной А. А. Зиминим версии написания «Слова», содержащиеся в публикуемых письмах, представляются нам небезынтересными для всей истории вопроса.

И. Г. Спасский познакомился с А. А. Зиминим в конце 1960 — начале 1961 г., в письме от 21 апреля 1961 г. он писал Е. К. Ромодановской: «Кажется, я окончательно договорился насчет защиты докторской — в Москве, в Институте истории. Мне предложил это незнакомый мне человек, знающий меня по работам и передавший предложение через Янина. Это профессор Зимин, который занимается примерно тем же временем, что и я, то есть XVI–XVII веками. Самое главное — это то, что, как выяснилось, нет надобности представлять рукопись, достаточно самих работ и коротенького автореферата. Это меняет дело. У меня примерно 15 работ, посвященных этому времени, из них я пред-

¹ См.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010.

ставлю четыре: одну 55-го года,² две — 60-го³ и одну, которая должна выйти в мае⁴. Как только она появится, так и буду подавать. Зимин предложил быть одним из оппонентов. Так что, может быть, к осени это все и придет к концу». «К концу» действительно все пришло скоро: в том же 1961 г. Иван Георгиевич защитил докторскую диссертацию,⁵ а с Александром Александровичем Зиминым сохранял теплые дружеские отношения до самой смерти последнего, о которой долго еще сожалел.

Кроме рассказов о полемике по поводу «Слова о полку Игореве», Иван Георгиевич много писал Елене Константиновне о событиях в Эрмитаже, в Ленинграде, давал советы своей молодой новосибирской коллеге относительно ее работы и учебы в аспирантуре. Все это при публикации мы сохраняем. Купюрам подверглись лишь фрагменты, касающиеся событий сугубо личных; на их месте в угловых скобках поставлены отточия. Расшифровка сокращений приводится в квадратных скобках.

За помощь в составлении комментариев выражаю бесконечную благодарность Ладе Ивановне Вуич и Николаю Федоровичу Котляру.

В. А. Ромодановская

31 октября 1963

Дорогая Леночка, не скоро ты, паршивая девчонка, вспомнила о нас! Но вижу, что ты все прочнее становишься на свои крепкие ноги — как и следовало ожидать. Правду сказать, я даже думаю, что тебе ничего не стоило бы сделать диссертацию и смахнуть ее со своего пути похода. Те «пустяки», которыми занималась у историков, вероятно, ты когда-нибудь осознаешь как весьма полезные для тебя дела. Конечно, и аспирантура, если она дельная и у хорошего руководителя, дело хорошее — против этого не поспоришь. Я ведь, упорный сторонник обучения на практической работе, считаю, что она гораздо плодотворнее академической аспирантуры. Считаю, что и твоя практика — великолепная школа. Теперь и аспирант из тебя выйдет, как говорится, что надо. Но 3 года, все-таки, я тебе ни по чем бы не дал! Управляйся в два, вполне можешь.

О смерти И. П. [Еремина] я знаю — что же тут сделаешь. Обидно всегда, когда уходит человек, не сделав все, что от него можно ожидать, а он ушел, конечно, рано. Кстати, он должен был принимать заметное участие и в битве за «Слово».

² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. Вып. 44. С. 234–236.

³ Спасский И. Г. Денежное хозяйство русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 103–156; Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 гг.: Сводный каталог ефимков. Л., 1960.

⁴ Спасский И. Г. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Нумизматика. Л., 1961. Вып. 4. С. 92–134.

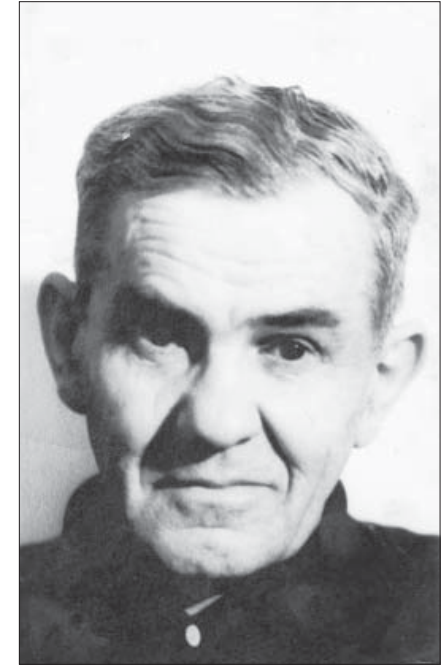
⁵ См.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство русского государства в XVI и XVII вв. / Обобщающий доклад по работам, представленным в качестве дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1961.

Рукопись Зимина находилась уже в Ленинграде, но он так и не прочитал ее.

Кто же сомневался в том, что ты найдешь в Сибири богатый материал? Я еще рассчитываю, что когда-нибудь возьмешься и за «сказки» сибиряков о своих путешествиях, я всегда испытывал чисто литературоведческие радости, читая их. Такой сочный язык! В общем, можешь быть спокойна, что материала у тебя хватит на всю жизнь, а останется после тебя — еще больше. Таково свойство нашей базы: она неисчерпаема: чем больше копаешь, тем больше под лопатой.

С Зиминим дело обстоит так: с месяца тому назад он прислал мне свою рукопись: огромную и очень интересно написанную. Я читал ее неделю и от меня она перешла к Малышеву⁶. У З[имина] очень своеобразный свой стиль мышления: когда читаешь — по ходу возникает масса вопросов, которые записываешь, а потом вычеркиваешь. Как-то он начинает с неожиданных отправных точек, а плюс от такого построения — вовлечение читателя в весьма активную работу. Эта рукопись должна быть напечатана ротапринтом, затем будет создана комиссия или группа из 30 человек — нечто вроде двух команд — и начнется свалка... Когда это будет — не очень ясно, должно быть, уже в следующем году.

Начинает он, не говоря худого слова о «Слове» — с «Задонщины» и анализирует ее, выделяет редакции и т. д., а затем уже сводит со «Словом». После этого проходит по «железным» аргументам словистов — в частности и по таким, как Псковский Апостол⁷, — который в то время, когда М[усин]-П[уш-

Иван Георгиевич Спасский. 1967 г.

⁶ А. А. Зимин писал В. И. Малышеву в сентябре 1963 г.: «Экземпляр рото будет, наверно, через месяц. А пока я Спасскому послал рукопись, через неделю он ее отдаст Вам. И этот экземпляр останется у Вас» (см. публикацию письма: Соколова Л. В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности... С. 55). Эта рукопись ныне хранится в архиве В. И. Малышева: РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 1, № 76–81 (Там же. Прим. 178).

⁷ Псковский Апостол — рукопись Апостола-апракоса (пергамен, устав, в 4°, на 180 л., ГИМ, Синодальное собр., № 722), переписанная в 1307 г. псковским священником, книгописцем псковского Пантелеймонова монастыря Домидом. Запись на л. 180 сходна с фрагментом «Слова о полку Игореве», где говорится об усобицах Олега Святославича Черниговского. Подробнее о Псковском Апостоле см.: Дмитриев Л. А. Домид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 117–119.

кин] готовил «Слово» к изданию, находился у него на столе. Очень интересный раздел об Иоиле Быковском и занятное сопоставление его собственной биографии с историко-географической канвой «Слова». Очень поучительна работа по восстановлению состава личной библиотеки Иоила, выполненная в значительной мере ярославцами — Лукьяновым⁸ и др. В общем так много схождений и перекрестков, что равнодушным никакого читателя это не оставляет, тревожит и заставляет думать, думать.

Я надеюсь, что книжка у меня будет. Писал З[имин], между прочим, что подбирая свою «команду», он назвал и меня. Я ответил согласием, предупредив лишь, что если он подберет более сильного игрока, чтобы не стеснялся заменить. Я думаю, что довольно сильную линию — даже поневоле, будет составлять всяческая литературоведческая казуистика. Я его интересую, вероятно, как человек, представляющий себе более или менее в целом русскую культуру конца XVIII — начала XIX [века]. Одержимость его не может не вызывать уважения и восхищения. Очень занятно откликнулся он на выступление Тихомирова в «Неделе»,⁹ очень любезно и не менее ядовито (Т[ихомиров] там второпях напутал с хронологией¹⁰).

Мы с Л[идией] Г[еоргиевной] в этом году еще ничего не предпринимали: отпуск мой начинается только 4 ноября! А к 1 декабря нужно быть в Эрмитаже, остаток — на будущий год (кстати, хочу сбежать на время затей моих девчонок по случаю моего шестидесятилетия, т. к. ничего приятного в этом не вижу). Сегодня — великий день: сдал издательству рукопись, над которой работал года четыре и кончил еще к началу этого года, но ровно год пришлось ожидать, чтобы мои коллеги написали по 10–15 страничек своих. Это книжка к юбилею Эрмитажа, называется «Нумизматика в Эрмитаже».¹¹ Моя — история, второй раздел — обзор всех коллекций, третья — библиография — работы работни-

⁸ См.: Лукьянов В. В. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоиль Быковский // ТОДРА. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 42–45; Лукьянов В. В. Дополнения к биографии Иоила Быковского // ТОДРА. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 509–511; Лукьянов В. В. Библиотека Иоила Быковского // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 49–53.

⁹ Имеется в виду статья: Тихомиров М. Вещие струны русской поэзии // Неделя (воскресное приложение к газете «Известия»). 1963. № 33 (11–17 августа). С. 16–17. Переизд. в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 64–69. Также об этом см.: История спора о подлинности... С. 53.

¹⁰ В статье М. Н. Тихомирова, в частности, утверждается, что рукопись, в которой было найдено «Слово о полку Игореве», была XVI–XVII вв. (а не XV–XVI вв., как ее датируют). См. также прим. 21.

¹¹ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Обзор коллекций // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Т. 9. С. 17–181.

ков отдела за все годы (около 450, две трети примерно — советского времени). Читали директор¹² и Левинсон-Лессинг, оба нашли, что очень интересно. Всегда, когда расстаешься с рукописью, которая несколько лет лежала на твоём столе, испытываешь странное чувство. И рад, и жалко, и кажется, что плохо и все такое. И это еще не все: месяц тому назад сдал еще небольшую книжечку, — о рубле Константина,¹³ которую очень быстро обработали в редакции и в декабре, наверное, сдадут в типографию. Завтра с редактором сделаем макет и отдадим в производственный отдел.

Самое грустное — что издательство наше доживает последние дни: «для пользы дела» его решили ликвидировать как самостоятельное и передать «Искусству». А отсюда — снова лишается базы археология, нумизматика, история культуры... План будущего года, уже утвержденный, обещают еще выполнить, а дальше начнется уже знакомая нам мура...

У меня в этом году кончают два аспиранта — мои белорус и украинец.¹⁴ Дела у обоих хороши, диссертации готовы в срок и даже защита не затянется, т. к. у обоих кое-что напечатано. <...> Белорус уже зачислен в Минский университет, у второго перспективы похуже, но тоже как-нибудь зацепится. Кроме того, опекаю числящуюся за Б. Б. Пиотровским узбечку Райхон.¹⁵ <...> В декабре еще нужно устроить выставку нашу и написать путеводитель...

<...> С выселением нашим дела затормозились. Говорят, что стоимость приспособления нашего дома для музейных целей — т. е. нужно выломать насквозь все полы и потолки и заводить новые, вместо деревянных — больше, [чем] построить заново такой же дом. Авось обойдется. К тому же выселяется от нас, наконец, Пушкинский музей¹⁶ — там драма, так как порешили его объединить с музеем на Мойке,¹⁷ на базе последнего. Там, оказывается, довольно большие площади, занятые какими-то мастерскими и т. п.

<...>

Вот и все наши дела. Целуем тебя, сердечный привет и праздничные поздравления маме и папе!

Твой И. Спасский

¹² Михаил Илларионович Артамонов.

¹³ Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. М., 1964.

¹⁴ Валентин Наумович Рябцевич и Николай Федорович Котляр.

¹⁵ Райхон Закиевна Бурнашева.

¹⁶ В 1949 г. в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина сотрудниками Пушкинского Дома была подготовлена и открыта выставка в Александровском дворце Царского Села (тогда г. Пушкина). В 1951 г. Александровский дворец был передан Министерству морского флота, а пушкинскую выставку приютил Эрмитаж, предоставив ей 19 залов. В 1953 г. материалы выставки перешли в ведение Министерства культуры и стали собственностью самостоятельного Всесоюзного музея А. С. Пушкина, но территориально продолжали находиться в Эрмитаже еще несколько лет.

¹⁷ Музей на Мойке — Мемориальный Музей-квартира А. С. Пушкина на набережной Мойки, 12, посвященный последнему периоду жизни и творчества А. С. Пушкина.

16.1.64

Дорогая Леночка, получили твое письмо. У тебя все здорово, на большой палец, как говорится. Так и следовало ожидать. Пройдет твой страх перед лекциями,¹⁸ и ты от них будешь получать уже только удовольствие — и, конечно, будешь уставать, но по-хорошему. Самое первое и самое главное условие — никогда не бойся сказать — «не знаю». Ничего кроме уважения к тебе это не вызовет. Скажи — давайте думать вместе. Тоже неплохо. А вообще, для нашего брата лекции очень важны именно тем, что заставляют в определенном порядке перебрать все, что знаешь, и не позволяют уходить от трудных или спорных вопросов: хочешь, не хочешь, приходится выражать свое отношение. Это очень хорошо.

С твоими аспирантскими намерениями я, правду сказать, хорошенько выпорол бы тебя. Ты давно вышла из аспирантского состояния и способна уже быть самой собою и, конечно, совершенно самостоятельно остепениться. Учителя, которые водили бы тебя на помочах, тебе совсем ни к чему, одно баловство! Ты, конечно, сейчас надуешь губки — ничего, это тебе идет. Тоже мне, дошкольница нашлась!

У тебя только курс или и семинар? С Зиминим все пока по-прежнему. Его ротакнижка уже печатается, и я надеюсь ее вскоре читать. Недавно он был у меня, часа три толкались с ним около Тмутараканского камня,¹⁹ обсуждая его загадки. Лично у меня такое впечатление, что его первая строка — подлинная, в ней нет ничего, что тревожило бы, но вторая — вся новая. Вероятно, после выхода книжки потребуются еще время на ознакомление и подготовку, так что, думаю, раньше мая обсуждение не состоится. Снова спрашивал меня, согласен ли я присутствовать и участвовать. У Тихомирова были не только натяжки, а и большие небрежности: если есть под руками его статья в «Неделе»,²⁰ прочти его внимательно и найди ошибки — за которые он сам поставил бы студенту

¹⁸ В 1963 г. Е. К. Ромодановская впервые начала читать курс древнерусской литературы филологам и историкам в Новосибирском университете.

¹⁹ Тмутараканский камень — мраморная плита с высеченной на ней кириллической надписью на древнерусском языке, найденная в 1792 г. на Таманском полуострове адмиралом П. Пустошкиным. В настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Является древнейшим свидетельством о гидрографических работах в Древней Руси. Текст надписи гласит: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмуторокана до Корчева 14000 сажень». В надписи речь идет о Тмутараканском князе Глебе Святославиче. В XIX–XX вв. исследователи придерживались различных точек зрения по поводу подлинности камня. Дискуссия прекратилась в 1970-е гг., когда накопившееся число открытых памятников Древней Руси позволило провести подробный сравнительный анализ языка, особенностей шрифта и исторического контекста в целом. Также об этом см.: История спора о подлинности... С. 483–485 (выступление А. А. Монгайта).

²⁰ См. прим. 9, 10.

двойку. Перепутал битвы на Калке и на Каяле!²¹ Можешь на своих студентах проверить: найдут или нет?

Статьи с упоминанием имени Зимина — не встречал.

Я вспоминаю первую в моей жизни лекцию о «Слове» — в Нежинском институте.²² Читал ее проф. Резанов, в свое время довольно почтенный ученый. У меня такое впечатление, что он не очень верил в подлинность «Слова». Во всяком [случае], столько же говорилось о песнях Оссиана,²³ о Ганке и т. д. Я был тогда совсем дурачок, но интересно было очень. Кстати, недавно встретилось мне ранее неизвестное, что Ганка, как и в случае с литературными фальсификациями, руководствовался патриотическими побуждениями, когда под-, а вернее — доделывал древние миниатюры в одной рукописи, приписывая подписи художника и даты.

Так-то вот, молодая ученая! У Лады — все хорошо, всем довольна, в музее²⁴ к ней очень хорошо относятся и привыкли к ней, она уже полностью в штате, делает какую-то работу по иконографии Пушкина. <...>

У меня всяческая свистопляска. Самое грустное — это ликвидация нашего издательства. Называется это реорганизацией, но по-русски — это разгром. Весь план исчерпан. Вычеркнуты и все нумизматические работы. Правда, сегодня какой-то маленький просвет в облаках показался — был у нас приезжавший специально ко мне — знай наших! — зав. сектором науки и культуры Комитета парт.-гос. контроля из Москвы. Интересовали его кое-какие нумизматические дела, но часа два мы толковали об издательских, и кое-что, кажется, до него дошло. Столько дела в Эрмитаже, что не знаю, когда все и переделаю... Дома тоже кое-над чем посиживаю.

Л. Г. здорова и деятельна, как всегда. Будем поджидать тебя. Я в конце февраля собираюсь на недельку в Москву. Набралось много вопросов, которыми надо позаниматься в ГИМе. Сдавала ли ты язык? Похоже, что собираются

²¹ «Автор “Задонщины”, взяв крылатые фразы из “Слова”, даже не понимал, что оно рассказывает о событии 1185 года, и думал, что в нем говорится о битве при Калке 1223 года. <...> Эта ошибка зависела от того, что Игорь был разбит на реке Калке, а битва 1223 года произошла на реке Каяле» (Тихомиров М. Вещие струны русской поэзии. С. 17). М. Н. Тихомиров ошибся во второй части приведенного фрагмента: князь Игорь Святославич в 1185 г. сражался с половцами на Каяле (один из примеров: «Тут копьям изломиться, тут саблям побиться о шлемы половецкие на реке на Каяле, у Дона великого!» — Слово о полку Игореве / Пер. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 58), в то время как поражение объединенного русско-половецкого войска в Битве при Калке произошло 31 мая 1223 г.

²² И. Г. Спасский в 1925 г. окончил Нежинский институт народного образования (бывший Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко).

²³ Песни Оссиана — опубликованные в середине XVIII в. Джеймсом Макферсоном прозаические переводы на английский язык нескольких поэм, принадлежавших по его словам барду III в. Оссиану.

²⁴ Государственный музей А. С. Пушкина (в Москве).

языковой экзамен снять из минимума и перенести в приемный. Я читал недавно рекомендации Комиссии по координации научной работы, там это есть. И рекомендация пошире — присуждать степени без защит, но по действительным научным заслугам.

Ну, всего доброго, целую тебя, сердечный привет маме и папе от нас! Твой И. Спасский

18 апреля 1964

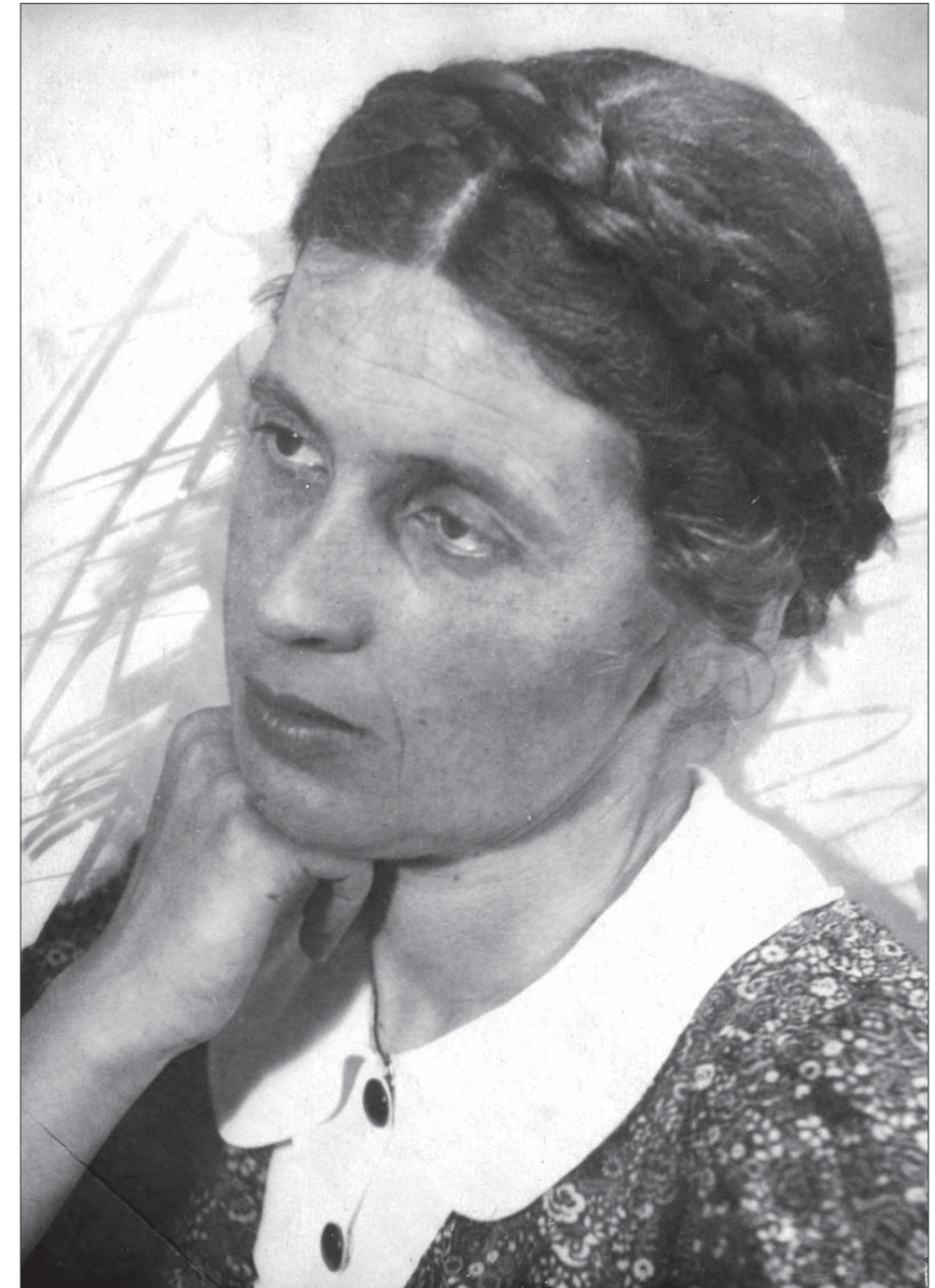
Дорогая Леночка! Могу поделиться с тобою последними новостями относительно спора о «Слове». С месяц тому назад я получил в Пушкинском Доме — под расписку и со строгими наставлениями — ротапринтный экземпляр книги А. А. Зимина (661 стр. машинки)²⁵ на предмет участия в обсуждении, которое намечалось на 13 апреля, однако сторона «за» заявила протест против состава обсуждающих и Л[ихачев] вообще отказался от участия.²⁶ В связи с этим произошло пополнение группы (напр[имер], в нее доприглашен по рекомендации Л[ихачева] наш Сапунов). Теперь, в новом составе, обсуждение назначено на 5 мая; я не удивлюсь, если и еще отложат. По сути речь идет о том, чтобы решить — публиковать книгу или нет. Добавлены не входившие в первый состав Арт. Вл. Арциховский, выступающий за подлинность Тмут[араканского] камня, и Янин, который, как я представляю себе, ближе к точке зрения Зимина.

Я лично чувствую себя не очень уютно в предвидении обстановки. Могу говорить там о некоторых несуразностях по моей части в «Слове» (обложение «со двора»²⁷ — совершенно невероятное в XII в., «русское золото», которое зачем-то берет с собою в поход Игорь и его дружина и т. п.). Кое-какие замечания я мог подсказать З[имину] в части использования разных кусочков, выдернутых из богослужебных книг. Обратил еще его внимание на следы вли-

²⁵ Ротапринтное издание книги А. А. Зимина вышло в свет в феврале 1964 г., см.: Соколова Л. В. К истории дискуссии... С. 67.

²⁶ Д. С. Лихачев настаивал на открытом обсуждении книги А. А. Зимина, считая что «закрытый характер обсуждения — на пользу точке зрения А. А. Зимина». 28 марта 1964 г. он писал Академику-секретарю Отделения истории АН СССР академику Е. М. Жукову: «Я отнюдь не уклоняюсь от обсуждения, — я только считаю для себя невозможным участвовать в закрытом обсуждении. Я готов в любое время участвовать в обсуждении открытом» (Соколова Л. В. К истории дискуссии... С. 76–77).

²⁷ Подворное обложение — система обложения населения России прямыми налогами, взимавшимися со двора, то есть с семейного хозяйства. С 1630-х гг. двор периодически становился единицей обложения некоторыми прямыми и чрезвычайными налогами. После переписи населения в 1676–78 гг. и составления переписных книг правительство в 1679 г. заменило подворным обложением посолонное обложение, что увеличило контингент налогоплательщиков за счет включения в их число ряда категорий населения, ранее не плативших налоги.

Лидия Георгиевна Вуйч. 1950-е гг.

яния «Слова на великий пяток Евсевия Александрийского»²⁸ (в описании поведения бегущих поганных). Этот памятник, кажется, к XII в. сдвинуть трудно. Работа в целом чрезвычайно интересная и во многих частях — весьма убедительна, в некоторых частях, конечно, можно найти и более слабую аргументацию — в частности, в поисках украинизмов. Этот вопрос, как мне кажется, гипертрофировали по вполне простительным побуждениям украинские и белорусские исследователи, но многое из их доводов можно отнести просто за счет органической близости украинского к славянскому; такие же доводы, как свивая — спивая — не особенно доказательны, хотя в целом отрицать украинский оттенок нельзя.

Версия об Иоиле как авторе очень соблазнительна, но для меня здесь остается загадкой, как он сумел освободиться полностью от власти мертвенной украинско-славянской схоластики, процветавшей в XVIII в. Нужно быть поразительно тонким лингвистом, чтобы не поскользнуться на этом. В общем — увидим, как будут развиваться там события.

У нас в Эрмитаже последнее полугодие — сплошные огорчения. Началось с ликвидации издательства, а пришло в последние дни к снятию Артамонова.²⁹ В местных организациях этот вопрос уже решен; не думаю, чтобы в Москве за него кто-нибудь заступился. Подавляющее большинство эрмитажников просто потрясено этим. Перед юбилеем³⁰ — глупее и злее придумать нельзя было. К счастью, Министерство, кажется, приостановило исполнение еще одного местного решения — замены ряда старейших зав. отделами, включая Быкова, Матвея, Передольскую. Вместе взятое, это дало бы такую пищу для злых языков за рубежом, что страшно и подумать: ведь Эрмитаж там в некоторых отношениях знает лучше, чем у нас, поэтому почва для политических спекуляций на этом — богатейшая.

До тебя уже, вероятно, дошла грустная весть о смерти Ларина. Мы узнали об этом несколько дней тому назад. Вообще, много смертей вокруг. Умер

²⁸ Очевидно, имеется в виду 17-я гомилия «В Святую и Великую пятницу на Страсти Христовы», приписываемая Евсевию Александрийскому, личность которого не идентифицирована: среди предстоятелей Александрийской Церкви не известен ни один с именем Евсевий. 17-я гомилия получила широкое распространение в славянской традиции, ее старший список содержится в Милешевском панегирике — Торжественнике минейном и триодном сербского извода кон. XIII — нач. XIV в. из библиотеки Цетинского монастыря в Черногории, № 50, а позднейшие списки — в многочисленных, по преимуществу восточнославянских, Торжественниках триодных и сборниках XV–XVI вв. См.: *Моисеева С. А., Турилов А. А.* Евсевий, еп. Александрийский // *Православная энциклопедия*. Т. 17. М., 2008. С. 249–250.

²⁹ Поводом для отставки М. И. Артамонова послужила внутримузейная выставка работ студентов Академии художеств, отчисленных за абстрактное искусство и вынужденных работать такелажниками в Эрмитаже (в том числе Михаила Шемякина).

³⁰ Имеется в виду 200-летний юбилей Государственного Эрмитажа, основанного в 1764 г.

Радовский, с которым мы занимались Якоби³¹, из Киева сообщили о смерти Миши Новицкого, моего нежинского приятеля, в Эрмитаже похоронили К. А. Агафонову. Еще одна смерть — самоубийство Энговатова (автор «русского письма»³²). Он, по-видимому, был не вполне нормальным человеком; на меня встречи с ним всегда производили очень гнетущее впечатление.

<...> Только что вышла очень интересная и ценная книга, которую тебе, пожалуй, стоит половить (цена 10 р. 85 к. за 2 больших тома) — «Каталог древнерусской живописи», изданный Третьяковск[ой] галереей, авторы Антонова и Мнева.³³ Очень хороший справочный аппарат и прекрасно написанное предисловие. Тираж маленький, поэтому достать будет трудно. Я получил потому, что на Эрмитаж дали 25 экз., и я успел вовремя выкупить. Так что — не зевай, тебе такой справочник будет очень полезен. (Охват материала — по нач. XVIII в.) Издано на высоком уровне, масса иллюстраций. Кстати, раз речь зашла о книгах, хочу еще обратить внимание на книгу Т. В. Николаевой (Каталог), «Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея». Загорск, 1960. Выход этой книги в свое время был превращен в скандал, весь тираж собирались уничтожить, потом можно было приобретать только по спискам; но кажется, в конце концов какой-то запас был сохранен. Может быть, можно попробовать выписать? Я достал экземпляр в свое время через Эрмитаж, по списку.

Недавно появившийся двухтомник «Личные фонды»³⁴ ты, наверное, уже видела. Я очень рад, что удалось добыть его. Справочник очень дельный.

Мой «Константиновский рубль», в свое время вычеркнутый из эрм[итажного] плана, неожиданно для меня перекочевал в план «Советского художника», и над ним возобновилась работа,³⁵ хотя я и не очень верю, что он достигнет старта: «Каталог Петровской галереи», над которым работал наш русский отдел несколько лет, приказали рассыпать после того, как он прошел вторую корректуру...

В последний раз в Москве сумел, наконец, сделать все, что обещал для Тальской из Барнаула: собрал в общей сложности для нее больше 250 оттисков «угольных печаток» — уральских заводских марок XVIII–XIX вв. Материал замечательно интересный для истории сибирской промышленности, а у нее со-

³¹ См.: *Радовский М. И.* Борис Семенович Якоби. М.; Л., 1949; 2-е изд. 1953.

³² См.: *Энговатов Н.* Древнейшая русская азбука // *Знание — сила*. 1960. № 11. С. 5–7; *Энговатов Н. В.* Находки рунических камней на территории СССР // *Скандинавский сборник*. Вып. 6. Таллин, 1963. С. 229–257. Также см.: *Янин В. А., Рыбаков Б. А.* По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энговатова // *Советская археология*. 1960. № 4. С. 239–240.

³³ *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв.: Опыт историко-художественной классификации. В 2-х т. М., 1963.

³⁴ *Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР*. Указатель. Т. 1–2. М., 1962–1963.

³⁵ См. прим. 13. Книга вышла в издательстве «Советский художник».

бран большой архивный материал. По-моему, могла бы получиться очень интересная книжка, жалко топить в каком-нибудь сборнике, хотя возьмут ее очень охотно, хотя бы в тот же «Археографический ежегодник». И у нее самой кое-что очень интересное собрано — нашла даже самые ранние «печатки», сделанные из бересты. До сих пор мы знали о них только по архивным документам. Ее статья, напечатанная в Сборнике (или Трудах) Свердловского музея, заставила меня заняться этим материалом, т. к. только ей и заниматься этой темой. По-моему, это интересно и для вашего Института. Книга получилась бы интересная, и с гарантией на хороший спрос. Только нужно делать с иностранным резюме. Огромный резерв покупателей в лице нумизматов. <...>

Сейчас читаю очень занятную большую рукопись нашего нового аспиранта (у М. И. Артамонова) москвича М. Алешковского.³⁶ Как ни странно, он, будучи археологом, занялся Повестью временных лет. Мне то, что он сделал с нею, представляется очень убедительным: доказывает, что Начального свода, на котором она будто бы построена, на деле не существует; очень интересны заключительные главы, посвященные Житию Бориса и Глеба. Все по-новому, очень непривычно — и очень убедительно. Очень интересно, как примут это мэтры: пожалуй, так же, как Зимины — в штыки. Очень интересное построение; он как бы выдергивает кирпичик за кирпичиком — до тех пор, пока вдруг оказывается, что старое сооружение уже ни на чем не держится.

В Ленинграде появилась серия медалей, посвященных Пушкинскому заповеднику³⁷, сделанная под моим нажимом одним нашим медальером с Монетного двора — Липовая аллея, Скамья Онегина и памятник на могиле, другая сторона у всех общая — портрет. Сейчас он — Козлов — работает над такой же серией к юбилею Эрмитажа.

Что делается у тебя? Каковы планы? Появишься ли в Ленинграде? Пора бы подать голосок. У Лады все хорошо, очень увлечена своей работой, дома почти не бывает, все время проводит в библиотеках или архиве, много занимается у Цявловской, которая очень к ней благоволит. <...>

Вот и все! Привет маме и папе, от меня и Лидии Георгиевны, целуем тебя.
Твой [И. Спасский]

³⁶ См.: Алешковский М. Х. Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 13–58; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в России. М., 1971; Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей 1975 г. М., 1976. С. 133–162.

³⁷ Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское».

А. С. Сумкин

КВАРТИРА НА СЕРЕБРЕННИКОВСКОЙ

Квартира семьи Ромодановских в Новосибирске. Для нас с сестрой Таней это слово с большой буквы — Квартира. Нельзя сказать, что с Квартирой связана большая часть наших детских впечатлений, нет, конечно. Но сейчас, когда детство осталось далеко позади, большая часть воспоминаний из детства относится к Квартире и ее обитателям, так как именно эти люди и та атмосфера, царившая в Квартире, несомненно и в немалой степени повлияли на становление наших характеров, на формирование нашего отношения к жизни, людям и книгам.

Андрюша Сумкин. 1958 г.

В дошкольном нашем детстве и в школьные годы ездили мы в Новосибирск практически ежегодно, за исключением двух-трех лет, когда мама возила нас в Ленинград к своему папе (мы его называли «ленинградский дедушка»). Ехали мы всегда на поезде, так как мама, работая врачом в железнодорожной больнице, имела право во время отпуска на бесплатный проезд до пункта назначения и обратно, а также на бесплатный билет на одного ребенка до двенадцати лет. Наши детские годы в основном прошли в Кустанае, захолустном в то время городке, довольно грязном, почти везде одноэтажном и без каких-либо достопримечательностей, но знаменитом на весь Союз своими успехами по сдаче зерна Родине. И когда мы из серого Кустаная приезжали в Новосибирск, то город этот покорял нас своим величием и громадностью, большими парадными зданиями,

широоченной Обью, улицами, по которым ходили не только автобусы, но и трамваи с троллейбусами. Этот город, даже в дождливые дни, казался нам красивым и светлым.

Из Кустаная мы добирались до Новосибирска с пересадкой в Челябинске. Приезжали мы в Челябинск рано утром, а следующий наш поезд отправлялся только вечером, таким образом, мы проводили в Челябинске практически целый день. Город мама не знала, поэтому далеко от вокзала мы не уезжали, а бродили в его окрестностях. Запомнился небольшой то ли клуб, то ли кино-театр в пяти минутах ходьбы от вокзала, в котором мы каждый год смотрели на утреннем сеансе какой-нибудь кинофильм, чаще детский. Потом обедали, где придется, и шли на вокзал ждать своего поезда. Лишь в 1970 году, во время моей последней школьной поездки в Новосибирск, мы с мамой сообразили сесть на троллейбус и доехать до конечной остановки «Парк имени Гагарина». Культурную часть парка мы не увидели (надо было выйти раньше, за две остановки до конечной), но зато оказались в чудесном лесу на окраине города. Несколько часов мы гуляли по лесу, когда уставали, то пристраивались отдохнуть под каким-нибудь деревом прямо на траве. И все время удивлялись, почему в прошлые годы мы не догадывались сюда приезжать, а весь день сидели на вокзале. В 1964 году мама уехала на целых два месяца в Ленинград на учебу (повышение квалификации), поэтому летом в Новосибирск нас отвозил папа. В Челябинск мы приехали, как обычно, утром, посидели какое-то время на новом вокзале, который после маленького кустанайского вокзала и старого челябинского произвел на нас сильное впечатление. А потом папа ушел по делам и пропал. Прошло два, три часа, а его все нет. Ближе к вечеру объявили посадку на наш поезд, а папы все нет, а надо еще бежать в камеру хранения за чемоданами. И только минут за 10–15 до отправления поезда папа появился, сказал, что чемоданы уже в вагоне, и надо идти на посадку. Так что на поезд мы успели. Своих волнений я не помню, но Таня волновалась сильно.

От Челябинска до Новосибирска ехать надо было около суток, поэтому в Новосибирск мы приезжали тоже вечером. В то время вокзал был конечной остановкой для нескольких трамвайных маршрутов, и один из трамваев (кажется, номер 13) доезжал почти до нашего дома. Так что добираться до Квартиры было не так-то сложно, даже с детьми и чемоданами. Поэтому обычно нас никто не встречал. В один из приездов (мне было лет 9–10) мы благополучно сели в почти пустой трамвай, и я стал перескакивать с места на место, смотреть то в одно окно, то в другое, то в третье. Мама пыталась меня урезонить и говорила, чтобы я сел рядом с ней. И вдруг сзади себя мама слышит бабушкин голос: «Отстань от ребенка. Пусть сидит там, где ему хочется». Оказывается, бабушка приехала нас встречать, но на перроне мы разошлись и неожиданно встретились в трамвае.

Наконец, после двух суток пути мы подходим к нашему дому. Дом этот был построен в виде буквы «Г», при этом длинная его сторона располагается вдоль улицы Серебренниковской, а короткая — перпендикулярно улице.

Двор дома № 9 по Серебренниковской ул. в Новосибирске

Квартира семьи Ромодановских была расположена на втором этаже последнего подъезда, в короткой части дома. Двор нашего дома, по сути, состоял из дороги, довольно круто спускающейся вдоль длинной его части прямо к нашему подъезду. С одной стороны дороги был устроен неширокий тротуар, а напротив дома, сразу за дорогой, начинался пригорок, на котором находился детский садик. Недалеко от нашего подъезда, помнится, располагалась небольшая детская площадка. Три окна Квартиры выходили как раз во двор, и из кухонного окна двор этот проглядывался великолепно. И, когда мы шли с трамвайной остановки к дому, мы никогда не сворачивали во двор, а спустились вниз по Серебренниковской, обходили дом и уже с другой стороны двора, пробираясь под окнами Квартиры, незаметно входили в подъезд. Это была такая игра, которой мы не изменяли все наше детство, — как будто нас никто не ждет, а мы неожиданно приезжаем, и все удивляются нашему приезду и радуются нам. Уже у самой Квартиры мы с Таней поднимались на несколько ступенек выше, чтобы нас не было видно, и только, когда после маминого звонка открывалась дверь, и мама с чемоданами переступала порог, мы с хохотом врывались в прихожую.

Юбилей К. В. Ромодановского в Новосибирском медицинском институте.
В первом ряду в центре — Анна Николаевна и Константин Владимирович Ромодановские.
За ними — Юрий Иванович Бородин. 13 июня 1964 г.

И вот мы попадаем в Квартиру, попадаем в мир интеллигентности, умных разговоров, юмора, дружелюбия, разных вкусов и книг, книг, книг. Книги были везде: они стояли на стеллажах, установленных до потолка во всех трех комнатах Квартиры, в кухне они ютились на буфете, холодильнике и каких-то полочках, они стопками лежали на рабочих столах дедушки и Леночки, альбомы и большие книги размещались на нескольких этажерках. На антресолях в коридоре и на двух больших шкафах (один на кухне, другой в одной из комнат) стопками были сложены старые литературные журналы, которые выписывались в большом количестве и после прочтения не выкидывались, как в других квартирах, а хранились еще долгое время. Среди них попадались очень старые номера (например, «Новый мир») издававшиеся еще в тридцатые годы, но, наверное, были и другие издания, которые были напечатаны еще раньше. В диване хранилось несметное количество разных вырезок из журналов и газет. Бабушка говорила, что в конце шестидесятых годов в Квартире было около двадцати тысяч книг и журналов, по крайней мере, мне запомнилась эта цифра.

Главной фигурой в Квартире был, конечно, дедушка, Константин Владимирович Ромодановский, мамин отчим (его мы называли «новосибирский дедушка»). Это был интеллигентный и очень умный человек. Он был заведу-

ющим одной из кафедр в мединституте, и если ему случалось работать дома в своем кабинете, то мы, дети, ходили на цыпочках — дедушка работает. Честно говоря, дедушку я помню плохо, запомнились только отдельные эпизоды. Помню дедушку в плаще, шляпе и с тросточкой, когда он пришел с гуляния вместе с немецкой овчаркой Ирмой, и та терпеливо ждала в прихожей, когда дедушка разденется. Вспоминается, как летом 1967 г. мы вместе с ним наблюдали в Академгородке за белкой, которая по стволу сосны вертикально вниз спускалась на землю за брошенным ей печеньем. Потом белка, пристроившись на ветке, ела это печенье, держа его в лапках и постоянно проворачивая, в результате из квадратного печенья получился почти правильный кружок. Почему-то запомнилось (или так кажется), что дедушка всегда, даже дома, ходил в белых рубашках. Однажды бабушка послала нас за продуктами в магазин «под часами», и на обратном пути дедушке неожиданно стало плохо. Он присел на скамейку в сквере около «стоквартирного» дома, а меня отправил с продуктами домой. Пришел он минут через десять после меня, и всем этим событием очень обеспокоил бабушку.

В 1964 г. у дедушки был юбилей — 75 лет. Праздновали это событие, видимо, в институте, и дедушка с бабушкой (и еще какие-то люди) приехали домой уже вечером. В тот день дедушке подарили телевизор, небольшой и черно-белый, вещь в то время еще достаточно редкая в советских семьях. Через некоторое время каким-то образом в пространство между стеклянным экраном и кинескопом залетела муха, там она и осталась. Этот телевизор с мухой еще долгое время стоял на кухне, верой и правдой служа своим хозяевам. Послед-

Константин Владимирович и Анна Николаевна Ромодановские. 13 июня 1964 г.

ний раз мы видели дедушку в 1967 г. (через полгода, в феврале 1968-го, он умер): дедушка стоял на вокзальном перроне в соломенной шляпе и неизменно белой рубашке и махал нам рукой.

Хранительницей очага в Квартире была бабушка, Анна Николаевна Ромодановская, мамина мама. Бабушку я помню лучше, чем дедушку, видимо потому, что потом, после детства, будучи студентом и уже работая, я несколько раз приезжал в Новосибирск и виделся, и разговаривал с бабушкой. В тот период времени, который сейчас вспоминается (конец пятидесятых и шестидесятые годы), бабушка не работала, и Квартира была полностью на ней: и уборка, и готовка, и прачечная, и рынок. В то время она была очень энергичным человеком. Леночка мне потом рассказывала, что бабушке ничего не стоило, пока все на работе, в какой-нибудь одной из комнат переставить мебель, чтобы как-то оживить обстановку. Это благодаря бабушке Квартира была заполнена книгами, она была «помешана» на книгах. По маминым рассказам, бабушка стала собирать их еще в тридцатые годы, а после войны, уже живя в Новосибирске, стала покупать их в большом количестве. Понравившиеся ей книги бабушка часто покупала в двух экземплярах, чтобы потом второй экземпляр кому-нибудь подарить. Основой нашей семейной библиотеки в Кустанае были как раз книги, подаренные бабушкой. Помнится, как после обеда, когда все было убрано со стола, вымыта посуда, когда домочадцы и гости разошлись кто куда по Квартире, бабушка садилась на кухне за стол и просматривала новые журналы. Надо сказать, что бабушка покупала книги не ради собирательства, но обязательно их прочитывала, это относилось и к новым журналам. Бабушка была в курсе всех литературных новинок, и она всегда рекомендовала окружающим прочитать какую-нибудь новую повесть известного писателя или только что напечатанный рассказ молодого прозаика. Бабушка, например, открыла нам Нодара Думбадзе, и потом мы всей семьей зачитывались его повестями «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу солнце». А много позже, в 1984 г., именно бабушка дала мне пришедший накануне журнал «Юность» и посоветовала прочитать новую повесть Бориса Васильева «А завтра была война»: ночью бабушка не могла уснуть, пока не дочитала эту повесть до конца. В Квартире было несколько шкафчиков с длинными и узкими ящиками (как в библиотеке), в которых размещалась картотека имеющихся книг, и я помню, как бабушка на кухне заполняла карточки на новые книги. До самой старости бабушка прекрасно помнила, на какой полке стоит та или иная книга, где можно посмотреть какой-нибудь альбом, в какой стопке находится нужный журнал.

У бабушки было плохое зрение, поэтому она всегда носила очки с толстыми линзами. Эти очки придавали ее облику определенную строгость, и мы с Таней бабушку порой даже побаивались. Но без очков у бабушки были беззащитные глаза, которые отражали всю ее сущность, — она была добрейшим человеком. Такой мне бабушка и запомнилась, беззащитной и доброй, когда я в последний раз при ней приезжал в Новосибирск (это было в 1984 году). Мы си-

дели вдвоем на кухне, за окном был солнечный июньский день. Бабушка сняла очки и с улыбкой признавалась мне в любви к своей внучке Варе: «Как же я люблю эту девчонку!».

Третьим обитателем Квартиры в годы нашего детства была мамина сестра, Елена Константиновна Ромодановская. Не знаю, с каких времен это повелось, но в семье Ромодановских было принято, чтобы племянники обращались к своим тетям и дядям просто по имени. Поэтому для нас с сестрой Елена Константиновна всегда была Леной, Леночкой. В то время Лена была еще совсем молодым человеком (меньше тридцати), работала научным сотрудником в одном из академических институтов и писала кандидатскую диссертацию. У нее была интересная работа, одним из направлений которой были экспедиции по глухим сибирским деревням в поисках старинных книг. В каждый наш приезд я получал от Лены какие-нибудь подарки, часто довольно необычные по тем временам. Например, однажды она подарила мне шариковую ручку. Такую ручку я увидел впервые: в школе я пользовался деревянной ручкой с металлическим перышком, которую надо было окунать в чернильницу-непроливайку, а у родителей видел автоматические ручки, которые следовало заправлять чернилами. А тут ни макать, ни заправлять не надо, пиши себе на здоровье. В другой раз она подарила мне купальные плавки, одежда для мальчишек очень нечастая на кустанайском пляже. Но особенно мне запомнился подарок, который Леночка сделала мне на день рождения в 1964 году — седьмой том «Детской энциклопедии». Этот том был посвящен мировой истории, в том числе и российской, вплоть до Февральской революции 1917 г. Книгу эту, как говорится, я «зачитал до дыр», при этом я легко запоминал даты, а потому в классе я был одним из первых учеников по истории. Многие эпизоды истории, о которых я узнал из детской энциклопедии, запали в душу на всю жизнь: это и гуситские войны, и Великая французская революция, и Восстание декабристов, и война между Севером и Югом, и многие другие. Через три года, опять же на день рождения, Леночка подарила мне остальные девять томов «Детской энциклопедии», но эти тома я уже читал без того упоения и интереса, с какими читал седьмой том. В шестидесятые годы Лена освоила вязание и немало преуспела в этом

Анна Николаевна Ромодановская.
22 апреля 1958 г.

деле, по крайней мере, все связанные ею вещи очень нравились моей маме. Свое увлечение вязанием она объясняла тем, что вязание не отвлекает ее от умных мыслей, а даже наоборот — помогает думать. Еще запомнилось, как Леночка, сидя за письменным столом, что-то печатала на пишущей машинке. Лена, кстати, надоумила меня обращаться за информацией к книгам. Однажды я задал ей какой-то вопрос про Чапаева, а она от меня отмахнулась: «Посмотри в энциклопедии». Но, когда я запутался в русском алфавите, встала и помогла мне найти нужную статью.

Потом, уже взрослым, я довольно часто бывал в Новосибирске, особенно в начале двухтысячных, и каждый раз особое удовольствие мне доставляло общение с Леной. Она была удивительно интересной собеседницей, с увлечением, степенно и обстоятельно рассказывала о найденных в экспедициях книгах и обычаях старообрядцев, про свою научную деятельность и работу в институте, где она долгое время была директором. В области гуманитарных наук Леночка обладала энциклопедическими знаниями, и с ней можно было поговорить на любую тему. В конце 1991 года Лена по телефону сказала мне, что ее избрали членом-корреспондентом Академии наук, и я очень за нее порадовался.

Когда, приехав с вокзала, мы переступали порог, Квартира принимала нас в свои объятия, в прямом и переносном смысле. Вначале каждый из нас по очереди обнимался и целовался с бабушкой, дедушкой и Леночкой. Все это сопровождалось улыбками, приветствиями, шутками. А затем я делал обход Квартиры, заходил в каждую комнату, присматривался, не изменилось ли что, заглядывал в ванную и завершал обход на кухне, где в ожидании нас уже был накрыт стол и вкусно пахло. Надо сказать, что кухня в Квартире была центром общения. Она была большая, около двадцати метров, в центре стоял круглый стол. Стол этот был раздвижной, благодаря чему за ним могло одновременно уместиться до двенадцати человек. Совместные обеды и ужины всегда проходили интересно, взрослые вели умные разговоры, кто-то что-то рассказывал, вспоминалось прошлое, говорилось о настоящем. Я по-детски понимал не все, но что-то в себя впитывал, смеялся вместе со всеми и с удовольствием ел то, что приготовила бабушка. А готовила бабушка очень вкусно, тем более, что к нашему приезду она старалась приготовить что-нибудь необычное. Иногда дедушка обращался к бабушке: «Анечка, у нас есть что-нибудь?», — и бабушка доставала из буфета бутылку с водкой или настойкой и специальную рюмку на ножке, в которую можно было налить водки не больше наперстка. Эту рюмку дедушка сделал сам из разбитого фужера, обточив надфилем острые края. За весь обед дедушка выпивал одну, может быть, две таких рюмки. Любой обед или ужин заканчивались одинаково: на столе от посуды освобождалось небольшое место, и один из взрослых начинал раскладывать пасьянс, занятие традиционное и любимое в семье Ромодановских. Все остальные внимательно следили за ходом игры, и, если игрок «зевал», то кто-нибудь, заметивший это, обязательно стучал пальцем по столу, пока игрок не обнаруживал свою оплошность.

Сидят: Людмила Владимировна Сумкина, Людмила Яковлевна Сумкина, Маргарита Павловна Кучерова, Юрий Игоревич Сумкин, Елена Константиновна Ромодановская. За из спиной — Андрюша и Таня Сумкины. 1967 г.

Конечно, каждый наш приезд (как мы с Таней сейчас понимаем) был для Квартиры делом хоть и радостным, но хлопотным, и, в первую очередь, для бабушки. Мало того, что еды надо было готовить в два раза больше, но и всех домочадцев и гостей надо было как-то уложить спать. Обычно гостей укладывали на раскладушки или на полу. Однажды мы приехали в Новосибирск, а в Квартире был ремонт, и ванна стояла в одной из комнат. И меня, как самого маленького, уложили спать в эту ванну. Когда я улегся, все с интересом заглянули в комнату и спросили, удобно ли мне в ванне, на что я неожиданно ответил: «Очень удобно, как в гробу». Этой фразой я очень всех рассмешил, а дедушка, как рассказывала бабушка, потом часто вспоминал эти мои слова. Особенно досталось бабушке в 1967 году, когда в гости кроме нас троих приехал также мамин брат, Игорь Владимирович Сумкин (мы его называли просто Игорь), со своей женой Милой и сыном Юрой. И эта поездка в Новосибирск запомнилась нам своей шумностью и веселостью.

Нам с Таней никогда не было скучно в Квартире. В первую очередь, конечно, из-за книг. У бабушки было много книг для детей, всякой приключенческой и фантастической литературы, а потом, когда мы стали постарше, находились и взрослые книги, нам интересные. Часть таких книг расположилась на верх-

Игорь Владимирович Сумкин.
Северодвинск, май 1966 г.

но мне нравились книги про освоение космоса и внеземные цивилизации, например, повести Г. Мартынова «Каллисто» и «Сестра Земли». Когда я стал повзрослее, то с удовольствием начал читать различные энциклопедии, которых в Квартире было несколько и самых разнообразных: дореволюционная энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Малая и Большая Советские энциклопедии, «Советская историческая энциклопедия» и другие. Причем Малая и Большая Советские энциклопедии были и первого, и второго издания. Любовь к энциклопедиям сохранилась у меня на всю жизнь. В десятом классе я с трудом, но уговорил маму подписаться на третье издание Большой советской энциклопедии, а в 1983 году не удержался и купил в букинистическом отделе одного из книжных магазинов шесть томов из десяти Малой советской энциклопедии первого издания.

Вспоминается бабушкин рассказ про Большую советскую энциклопедию второго издания, которая выходила и поступала подписчикам в пятидесятые годы. В пятом томе энциклопедии была напечатана статья про Берия и размещена большая его фотография. Через некоторое время после выхода этого

них полках стеллажей в дедушкином кабинете, в том числе разные киносценарии, как старых советских фильмов, вроде «Трилогии о Максиме», так и более современных фильмов. Почему-то особое удовольствие мы получали от чтения этих книг, сидя на стремянке и находясь у самого потолка. Иногда мы даже ссорились из-за этой стремянки. А вообще-то хороших книг много было и на нижних полках. В углу дедушкиного кабинета стояла «Библиотека приключений и фантастики». Из этой библиотеки я прочитал немало книг, но названия, пожалуй, запомнились только двух книг — «Отважные» и «Наследник из Калькутты». Запомнились большие толстые тома из серии «Мир приключений», в каждом томе этой серии печатались несколько приключенческих и фантастических повестей и рассказов, а также масса познавательных статей. Один том из этой серии у меня хранится до сих пор, и я с удовольствием его листаю, когда до него доходят руки. Особенно

тома, когда самого Берия уже разоблачили, судили и расстреляли, бабушка, как подписчик энциклопедии, неожиданно получила конверт, в котором лежали несколько листов из пятого тома, где уже не было статьи про Берия, но была напечатана статья про Берингов пролив. В сопроводительном письме содержалась просьба заменить старые листы на новые. Бабушка, конечно, ничего не вырывала, а просто вложила новые листы в пятый том. В начале семидесятых годов эту энциклопедию продали, и бабушка потом очень сожалела, что забыла оставить у себя листы со статьей о Берии. В 1990 г. в букинистическом магазине Кустаная я неожиданно увидел этот том энциклопедии и, когда убедился, что статья про Берия на месте (портрет, правда, был вырван), конечно же, его купил. Дома, внимательно читая статью, я по ходу текста увидел несколько карандашных надписей: «хам высшей степени», «мерзавец», «предатель».

Для нас с Таней в Квартире, кроме книг, были и другие развлечения. Например, в дедушкином кабинете на отдельном небольшом столике стояла пишущая машинка. Эта машинка притягивала нас с Таней как магнит. Когда нам разрешали на ней постучать, между мной и Таней возникали жаркие споры, кто будет печатать первым и сколько минут. И какая же это была радость — напечатать на машинке несколько строчек из какой-нибудь детской книги, потратив на это всего лишь полтора часа. Кроме книг в Квартире было множество различных сувениров и просто необычных вещей. В большой комнате стояли две напольные китайские вазы. На Леночкином письменном столе лежали два медных ножа для резки бумаги, и я, когда был в комнате один, часто фехтовал ими против воображаемого противника. А сколько в Квартире было различных статуэток, начиная от довольно больших и тяжелых фигур из чугуна и заканчивая маленькими фарфоровыми собачками!.. В один из приездов я попросил маму купить пластилин и в течение нескольких дней пытался из него лепить Ермака, который в чугунном исполнении стоял на дедушкином письменном столе.

Наш дом находился на Серебрянниковской, небольшой улице, которая начинается недалеко от Оби и заканчивается у Оперного театра. Параллельно нашей улице протекала речка Каменка, рядом с которой ютились дома частного сектора. По сути, перейдя улицу, мы попадали в деревню, и я помню, как мы, находясь в городе, ходили по деревенским улочкам, выгуливая Ирму. В конце восьмидесятых речку засыпали, дома снесли и построили на этом месте большую дорогу — Каменскую магистраль. Новосибирск мы любили, и нам было просто приятно погулять по городу. Когда мне исполнилось лет 7–8, меня стали посылать за хлебом и молоком в магазин, который находился в соседнем доме, а когда я подрос, мама позволяла мне погулять и подальше. Меня отпускали с Таней, а то и одного, в кино в клуб имени Дзержинского. Помнится, что мы с Таней неоднократно бегали по улице Сибревкома в какой-то двухэтажный деревянный магазин за Каменкой с крутой и тоже деревянной лестницей. В первый же день после приезда мы с мамой обязательно шли

Таня и Андрюша Сумкины. Новосибирск, Обское море, 11 июня 1964 г.

[942]

гулять по Красному проспекту. По пути заходили, конечно, в разные магазины и непременно — в книжный магазин, который располагался в старом, видимо, дореволюционной постройки, доме. Рядом стоял такой же старый дом (почти близнец, как мне запомнилось), в котором размещалась аптека. Центр города поражал нас, детей, своей грандиозностью и монументальностью, а особенно потрясал Театр оперы и балета.

С начала шестидесятых годов мы каждый раз ездили в Академгородок и на Обское море. Всегда с удовольствием купались там, а потом гуляли по удивительному Академгородку. При строительстве городка вырубалось минимальное количество деревьев, поэтому в отдельных дворах можно было увидеть маленькие лесочки и белок, прыгающих с дерева на дерево. Дома в Академгородке были обыкновенные, так называемые «хрущевки», на первых этажах обычно размещались какие-нибудь магазины с неброскими названиями: «Бакалея», «Хлеб», «Хозтовары» и тому подобное. Запомнился один из кварталов, в котором дома были покрашены в разные цвета, и получившего поэтому название то ли «африканского», то ли «негритянского» квартала, уже точно и не помню.

В 1967 г., когда в Квартиру приехало много гостей, некоторое время мы даже жили в Академгородке. Леночка договорилась с кем-то из знакомых, и нам предоставили квартиру на первом этаже двухэтажного дома. Дом этот стоял у самого леса, до деревьев было около трех-четырех метров. Некоторые балконы второго этажа были соединены с ближайшими деревьями длинными шестами, и белки по этим шестам перебежали на какой-нибудь балкон и лакомились там предложенными им «деликатесами». Часто мы все вместе ходили на море, где купались, загорали, во что-то играли, просто резвились. Однажды пошли погулять в лес и неожиданно наткнулись на «месторождение» белых грибов.

Константин Владимирович
и Анна Николаевна Ромодановские
в Новосибирском Академгородке. 1967 г.

[943]

Собрали их довольно много, а мне посчастливилось найти большой гриб, шляпка которого была размером чуть ли не с суповую тарелку (по крайней мере, так сейчас кажется).

Каждый раз, когда мы приезжали в Новосибирск, мама устраивала нам незамысловатую развлекательную программу. Всегда, хотя бы раз, ходили мы в Парк культуры и отдыха и катались там на аттракционах. Иногда вместо Обского моря ездили купаться на городской пляж, расположенный на другом берегу Оби. Скорость течения Оби в Новосибирске достаточно большая, поэтому во время купания вода казалась более плотной, чем в кустанайском Тоболе. Конечно же, посещали мы какие-то представления и обязательно кино. Различные представления, на которые нас водила мама в моем раннем детстве (лет до 12) запомнились слабо: помнится, смотрели в ТЮЗе какой-то спектакль про зайчиков, были на балете в Оперном театре, ходили в китайский цирк, где клоун-китаец прыгал на руках как лягушка. А вот праздник души, который мне устроила бабушка в семидесятом году, запомнился на всю жизнь. Она заранее, еще до нашего приезда, купила билеты на несколько спектаклей Театра кукол Образцова и на творческий вечер самого Сергея Владимировича. Я с пятого класса был увлечен этим искусством, вырезал из дерева марионеток, лепил из пластилина и клеил из папье-маше кукольные головки, а с седьмого класса и до окончания школы я ходил в кукольный кружок при кустанайском Дворце пионеров. Поэтому я очень хорошо знал Театр кукол Образцова, не пропускал по телевизору ни один его спектакль, которые довольно часто показывали в шестидесятые годы по Центральному телевидению. А поэтому посмотреть вживую спектакли этого знаменитого театра было для меня действительно праздником. Посмотрели мы с мамой два детских и два взрослых спектакля, названия запомнились двух: «По щучьему велению» и «Божественная комедия». Понравился сам Образцов, очень подвижный и энергичный человек, которому в том момент уже было шестьдесят девять лет. Его творческий вечер длился около двух часов, он рассказывал о своей жизни и своем театре, было много эстрадных номеров с куклами. Помогала ему его супруга, которую он представил так: «Моя помощница и по совместительству жена». К сожалению, бабушка не купила нам билеты на «Необыкновенный концерт», так как думала, что мы уедем раньше. А это был лучший их спектакль в то время, да, наверное, и за всю историю театра. Я уговорил маму сходить к началу представления в надежде купить билеты с рук. Я спрашивал лишнего билетик у входа в Театр музыкальной комедии, где проходили гастроль, а мама пошла к трамвайной остановке, и ей повезло: она купила билет, но только один. Конечно, мама отдала этот билет мне, и я попал на свой любимый спектакль, причем сидел в первом ряду. Даже сейчас помню свое удовольствие и восторг. А на следующий день позвонили бабушкины знакомые и предложили один билет на этот же спектакль, и мама купила этот билет, и снова для меня. И вновь я посмотрел свой любимый спектакль, но уже с последнего, двадцатого ряда, и вновь получил удовольствие и испытал восторг.

В каждый свой приезд в Новосибирск мы непременно ходили в кино, чаще всего втроем с мамой, иногда вдвоем с Таней, а когда я стал старше, то бегал в кино и один. На отдельные фильмы ходили всей семьей, то есть с бабушкой, дедушкой и Леной, в основном такие коллективные походы устраивались в клуб имени Дзержинского, который находился в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от нашего дома. В этом клубе мы посмотрели такие фильмы, как «Живые и мертвые» по Симонову, «Деловые люди» Гайдая, «Королева бензоколонки» с Надеждой Румянцевой в главной роли. Запомнилось, как летним жарким днем мы с дедушкой стояли в очереди за билетами на кинокомедию «Операция Ы и другие приключения Шурика» в центральном кинотеатре «Победа». Стояли мы долго, в кассовом зале было много людей, и было очень душно. Одной девушке даже стало плохо, и она упала в обморок. Я уже и не помню, сумели ли мы в тот раз купить билеты и посмотрели ли тогда этот фильм. В 1967 г. вместе с Игорем и его семьей мы сходили на фильм «Вертикаль» (тоже в клуб имени Дзержинского), в котором играл и исполнял свои песни Владимир Высоцкий. Игорь любил творчество этого артиста, и я помню, как он хвастался, что у него дома есть одна или даже несколько пятисотметровых магнитофонных катушек с песнями Высоцкого. Через два года мы с мамой неожиданно встретились с Игорем и Милой в Ленинграде, на квартире «ленинградского дедушки». Игорь уже тогда болел, но был энергичен, весел и на кухне вдохновенно пел для сестры и жены песни своего любимого Высоцкого.

В 1967 г. мы последний раз приезжали в Новосибирск втроем, вместе с Таней. На следующий год она поступила в институт и с нами уже не ездила. А с мамой вдвоем в моем школьном детстве мы были в Новосибирске еще два раза, в 1968 и 1970 гг. В эти годы в Квартире произошли значительные изменения: умер дедушка, Лена защитила кандидатскую диссертацию, родилась Варя. В 1970 г. в доме проводили капитальный ремонт, поэтому бабушка и Лена с Варей в последний наш приезд в основном жили в Академгородке, только изредка появляясь в Квартире. Конечно, эти последние поездки в Новосибирск тоже запомнились, но были они не такие веселые, как в предыдущие годы: не стало дедушки, не было с нами Тани, да и я уже стал взрослее.

И напоследок хочется рассказать еще об одном нашем с Таней посещении Новосибирска, которое случилось в декабре 1972 года. Мы были студентами, каждый из нас обдумывал, где он будет встречать Новый год, и, видимо, в момент таких раздумий в голову моей сестры, которая в студенческие годы отличалась несколько авантюрным характером, пришла мысль: а не встретить ли нам Новый год у бабушки? И вот, никого ни о чем не предупреждая (а от родителей наши намерения были попросту скрыты), мы 30 декабря днем приехали в Челябинский аэропорт. А на улице разыгралась сильнейшая метель, и вылет нашего самолета был отложен на два часа, потом — еще на два часа, и так далее. Таким образом, мы в аэропорту провели более суток и только

вечером 31 декабря мы прилетели в очень морозный Новосибирск. В итоге мы позвонили в дверь Квартиры за несколько часов до Нового года. По традиции я спрятался, а Таня представилась разносчиком телеграмм. Нас, конечно, никто не ждал, нас даже не сразу узнали, но потом были радостные объятия и поцелуи. Честно говоря, я практически не помню деталей этой нашей поездки, но помню, что бабушка была нам очень благодарна за наш неожиданный новогодний сюрприз. По Таниным рассказам, Новый год встречали вчетвером: Варю уложили спать пораньше. Перед сном Варя выставила в коридор всю свою обувь (а таковой набралось аж девятнадцать пар) для подарков от Деда Мороза. И пришлось бабушке с Леной заполнять каждую туфельку, каждый сапожок подарками: игрушками, конфетками, мандаринками и тому подобное. А потом, около часа-двух ночи, Варя неожиданно явилась на кухню и заявила: «Где все, там и я!». Такова была новогодняя ночь. А первого января, поскольку сберкасса не работала, Леночке пришлось занять у соседки пять рублей, чтобы накормить двух голодных студентов. Вечером того же дня, когда мы сидели на кухне, смотрели концерт «Песня-72», слушали в исполнении Сережи Парамонова «Пусть идут неуклюже...», бабушка нам сказала: «Как хорошо, что вы приехали. А то вчера мы бы с Леночкой выпили шампанского, поели, она ушла бы спать, а я бы еще посидела немного и поплакала». Бабушка все еще очень сильно переживала смерть Игоря, умершего ровно за год до описываемых событий.

Таковы были наши детские поездки в Новосибирск и встречи с семьей Ромодановских. Прошло пятьдесят лет с той поры, а краски тех детских впечатлений так и не тускнеют в нашей памяти.

ВСПОМИНАЮ ЛЕНУ РОМОДАНОВСКУЮ

Работы Елены Константиновны Ромодановской — это высокий стандарт фундаментальной русской академической науки и столь же высокий уровень нравственности и щепетильности, заложенных в nature ученого традициями семьи, русской культурой и университетом. Великий труженик, Елена Константиновна могла быть и мастером, и подмастерьем, учителем и учеником — независимо от академического статуса. Она могла — с равной степенью уважения к труду — рассматривать научные концепции в различных дискуссиях, работать в студенческом отряде на целине, обсуждать проблемы жизни и сохранности старинной русской книжности в беседах с друзьями и староверами Русского Севера и Сибири...

Вспоминаю начало пути Елены Константиновны в науку. Мы учились вместе, на одной и той же кафедре истории русской литературы филологического факультете ЛГУ — и даже почти в одно и то же время, но со сдвигом в четыре года: Елена Константиновна поступила в ЛГУ в 1954 г., а для меня 1954/55

Е. К. Ромодановская-водовоз. Колхоз им. Молотова
Приозерского района Ленинградской области, июль 1956 г.

учебный год был последним, пятым курсом. Хорошо помню крошечную аудиторию на втором этаже родного факультета, где осенью 1955 г. профессор М. О. Скрипиль читал нам, весьма немногочисленной аудитории энтузиастов, долгожданные лекции о русских житиях, созданных, как оказалось к нашему удивлению, на основе эллинистического любовно-авантюрного романа! Аудитория только-только вмещала пятерых, самого Михаила Осиповича и его четырех слушателей, студентов 2–3 курсов: Лену Ромодановскую, Сашу Панченко (богемиста), Гелю Зыкова (с болгарского отделения) и меня, Наташу Сарафанову, тогда уже аспирантку кафедры русской литературы. Других спецкурсов или семинаров «по древности» в те времена не было, и консультации с нашим общим научным руководителем, профессором Игорем Петровичем Ереминым, перед авторитетом которого мы обе благоговели, были индивидуальными. Занимаясь древней литературой практически в одиночку, мы с завистью слушали рассказы профессора Г. А. Бялого о знаменитом Семинарии русской филологии академика В. Н. Перетца (в Киевском, а затем и в Санкт-Петербургском университете), где работа шла в большом коллективе увлеченных единомышленников — профессоров и студентов. Сам Г. А. Бялый, известнейший специалист по творчеству Чехова и Достоевского, чьи лекции собирали слушателей со всех курсов, его друг И. П. Еремин (его лекции и «привели» нас с Леной в древнерусскую литературу), М. О. Скрипиль (второй на кафедре профессор — «древник») были учениками В. Н. Перетца, как и почти все знаменитые исследователи-древники XX века — В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, М. П. Алексеев, А. А. Назаревский и многие другие, значительно продвинувшие вперед историко-филологическую науку о средневековой русской литературе. Наше вынужденное «учебное одиночество», конечно, огорчало, но оно же вело к самоуглублению в древние тексты, величественно и беспомощно лежавшие перед нами, к осознанию того, что только ты, открыв рукопись, можешь услышать голос древней книги и дать возможность ему зазвучать. Эти чувства были общими у нас с Леной (наверняка их разделяют многие) и это хорошо ощущается во всех работах Елены Константиновны. Увлеченность и чувство долга — по отношению к литературным памятникам способствовали укреплению ее удивительной целеустремленности, ее умению довести работу до конца, завершить задуманное. Начав разгадывать загадку текста о «гордом царе Аггее» в студенческом дипломном сочинении, Елена Константиновна завершила это исследование на широком фоне древнерусской дидактической сюжетной повести в докторской диссертации филолога-медиевиста. В свою очередь, «царь Аггей» и «Приклад о гордом цесаре Иовиниане» привели ее к «Римским Деяниям», и великолепное исследование и издание текста русского перевода «Gesta Romanorum», — последний монументальный труд Елены Константиновны, — замыкает цепь ее любимых научных сюжетов (лишь одну из множества таких же цепей!). Это издание — значительный вклад Елены Константиновны в русскую науку, не побоюсь сказать — дар русской науке, учитывая все жизненные обстоятельства создания этой книги.

1955 г.

Однако для меня главное, что подарило многообразное научное творчество Елены Константиновны русской культуре, — это фундаментальное и скрупулезное исследование начала русской книжности и литературы в Сибири. Монография Елены Константиновны Ромодановской «Русская литература в Сибири первой половины XVII века: Истоки русской сибирской литературы» (Новосибирск, 1973) является основополагающим текстом, открывающим новые возможности и методы изучения как традиционных, так и самобытных произведений нового культурного центра России, и сама содержит много открытий — больших и малых. Что стоит одна находка Елены Константиновны в Государственном историческом музее подлинной рукописи Синодика Ермаковым казакам: рукопись происходит из Софийского собора в Тобольске, столице Сибири, и содержит это поминание (в записи второй четверти XVII в.), установленное первым сибирским митрополитом Киприаном в 1621 г.!

После кандидатской диссертации и монографии Е. К. Ромодановской, а также других пионерских, новаторских работ ученых Новосибирска в вузовский учебник по древнерусской литературе под редакцией Д. С. Лихачева вошел новый раздел о литературе Сибири.

Пересматривая уже сейчас, через год после смерти Елены Константиновны, эту ее монографию, я обнаружила забытую — за долгие годы — дарственную надпись, «Дорогой моей Наташе, так много вложившей в меня и в эту книжицу. Спасибо! 15. V. 73.» Подпись: «Л.».

У нас было очень много общего с Леной во время учебы в университете: сам университет, лекции, наши учителя, наша «древность». И даже факуль-

Наталья Сергеевна Демкова

тетское комсомольское бюро. Наши пути часто пересекались — и в Отделе рукописей Публичной библиотеки, и на кафедре — Лена с увлечением писала курсовые, а я читала. А потом был диплом и «отличная» защита. На факультете у Лены было много друзей: я хорошо помню Элю Тризна из ее окружения и веселые сборы Лены на целину в составе факультетского студенческого отряда. К моменту окончания Леной университета (1959 г.) в Ленинград приехал ее отец, и Лена привела Константина Владимировича познакомиться со мной в Пушкинский Дом, где я тогда работала. Константин Владимирович тщательно, и даже дотошно, расспрашивал меня, действительно ли Лена «способна» к научной работе, а я на все его вопросы отвечала радостными утвердительными восклицаниями!

Когда Лена уехала в Новосибирск (затем — Томск, и вновь Новосибирск), мы часто и охотно переписывались (у меня до сих пор хранится копия выписок из сочинений Аввакума, сделанной Леной для меня из рукописи библиотеки Томского университета, «Витрина 777»), виделись во время ее коротких приездов в Ленинград и вновь оказались близко во время аспирантуры Елены Константиновны в Пушкинском Доме в Секторе Д. С. Лихачева (1964–1967). Я в это время, после пяти лет работы в древнерусском Секторе, по приглашению родной кафедры и с доброго согласия Дмитрия Сергеевича, вернулась в университет: в сентябре 1963 г. скоропостижно умер Игорь Петрович Еремин; с конца января 1964 г. я начала работать на кафедре.

[950]

ратуре (1967 г.) Елена Константиновна с энтузиазмом и, конечно, со знанием дела, помогла мне уточнить библиографические примечания, а когда мне не удалось опубликовать в журнале «Русская литература» лекцию И. П. Еремина о литературе барокко (из его курса лекций по украинской литературе), Елена Константиновна в 1979 г. издала этот текст с написанным ею предисловием в сборнике новосибирского Института истории. Сейчас этот текст переиздается во втором томе «Исследований по древнерусской литературе» И. П. Еремина в издательстве СПбГУ, а рецензия для издательства на первый том (вышел в 2013 г.), была написана также Еленой Константиновной.

Добрые отношения связывали Елену Константиновну с семьей Игоря Петровича. У меня сохранилось письмо Берты Григорьевны Ереминой (от 7 июня 1973 г.), в котором она с благодарностью вспоминает о помощи Лены в трудных домашних делах — переезде на дачу с маленькими внуками и вещами: «Мы с Лерой все время вспоминаем о помощи, которую оказала нам Леночка Ромодановская. Не знаю, как мы выбрались бы без нее!»

Лена часто помогала и мне, сообщая сведения о нужных книгах или рукописях. Так, я публиковала текст древнерусской «Повести о Николе Чудотворце и царевне-еретице» (мотив гоголевского «Вия») не по найденному мной списку, а по более раннему, указанному Е. К. Ромодановской. И — в свою очередь — я передавала Елене Константиновне нужные ей материалы, например, ранний и особый список «Повести о царе Аггее» из интереснейшего сборника 1665 г. новгородца С. В. Жюлева, принадлежавшего А. И. Мусину-Пушкину. Был обмен и более масштабными «рабочими делами»: Лена не раз писала рецензии на мои исследования и издания с необходимыми замечаниями и советами, а мне было очень приятно вспомнить о вовлечении Елены Константиновны в «театральные» издания ИМЛИ 70-х гг. (Лена издала здесь пьесу «Иудифь» с большими комментариями). Напомнила об этом надпись Лены на подаренной мне книге первых пьес русского театра: «Дорогой Наташе, втянувшей меня в это предприятие, с великой благодарностью. 29.V.72».

И Лена меня во многое «втягивала» — в публикацию многих моих статей в новосибирских сборниках по археографии и источниковедению, редактором которых она была вместе с Н. Н. Покровским, приглашала на конференции. Мы обязательно встречались с Леной, когда она приезжала в Ленинград, могли подолгу обсуждать и проблемы общего для нас XVII в., и свои работы, и детские дела, и, конечно, «политику». «Крутой маршрут» Евг. Гинзбург, перепечатанные «Анекдоты» о русских писателях Даниила Хармса, и многое другое я прочитала благодаря Лене.

В 80-е — 90-е годы наши связи стали менее тесными: у меня жизненные проблемы и обилие дел, ненаписанная докторская диссертация, у Лены (кроме своих проблем) — дела и много серьезных обязанностей: она уже доктор и член-корреспондент АН, но у нас по-прежнему осталось много общего — наши ученики тоже стали дружить, и просто студенты, которых мы отправляли на студенческие конференции друг к другу, «обмениваясь» людьми и

[951]

идеями. Из нашего университетского семинара в Новосибирск ездило много народу: Ира Евсеева (Лобакова), Лена Литвинова, Дима Буланин, Таня Махновец, Люба Ярошенко-Титова (с 1972 г. стала работать в Институте истории, вместе с Еленой Константиновной); в экспедиции — вместе с Леной — ездили мои дипломанты Л. И. Сазонова, Е. К. Пиотровская, ставшая другом семьи Ромодановских. Так что связи были все-таки постоянными и очень надежными. «Надежность» — это слово, которое очень точно характеризует Лену...

Сибирским древникам здорово повезло: в Новосибирске (в Институте истории АН и в университете) одновременно оказалось сразу трое ученых-энтузиастов, ставших известными в XX в. исследователями древнерусской культуры и древнерусских рукописей. Мы хорошо знаем их: это историк Николай Николаевич Покровский (академик), ученик М. Н. Тихомирова (МГУ), создатель школы сибирских и уральских археографов, блестящий знаток отечественной истории и русского старообрядчества; филолог, историк литературы Елена Ивановна Дергачева-Скоп (профессор Новосибирского федерального университета, зав. кафедрой древних литератур), бессменный организатор и руководитель археографических экспедиций на огромных территориях Сибири, вырастившая не одно поколение специалистов-древников, ученица В. В. Кускова по УрГУ, ученика Н. К. Гудзия (МГУ) и отчасти ленинградской школы медиевистов — В. П. Адриановой-Перетц, А. П. Евгеньевой, Н. Ф. Дробленковой, друг О. П. Лихачевой; и третий — Елена Константиновна Ромодановская (член-корреспондент АН, директор Института филологии СО РАН), филолог и историк литературы, ученица проф. И. П. Еремина и чл.-корр. Л. А. Дмитриева, ее руководителя в аспирантуре Пушкинского Дома в Секторе Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Я так подробно перечисляю и называю эти дорогие для нас всех имена, чтобы показать реальные человеческие связи, существовавшие между исследователями древнерусской литературы в 60-е — 90-е гг. XX в. Это был поистине единый научный коллектив, притом большой — по количеству участников, — живущий общими интересами. Это было научное сообщество энтузиастов, для которых изучение древнерусской литературы и отечественной истории было отнюдь не вопросом научной карьеры, но фактически было основным делом жизни. Надеюсь, что когда будет написана история изучения древнерусской литературы и древнерусской книги во второй половине XX века, специальная часть этого обзора будет посвящена этому богатому результатам активному сотрудничеству Ленинградской и Новосибирской школы древников, к которой примыкали Урал, Пермь, Сыктывкар, Петрозаводск и, конечно, Москва. И этот круг людей самым непосредственным образом был связан с нашей с Леной жизнью, собственно и составлял — по счастливому стечению обстоятельств — нашу жизнь.

Центром этого единого коллектива был древнерусский Сектор Пушкинского Дома и Дмитрий Сергеевич Лихачев, разбудивший своими яркими, талантливыми исследованиями и выступлениями общенародный и даже об-

С сотрудниками Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, участниками капустника на юбилее Д. С. Лихачева. Санкт-Петербург, 1996 г.
1-й ряд: М. А. Салмина, А. М. Владимирова, И. А. Лобакова, Е. М. Юхименко, Е. К. Ромодановская. 2-й ряд: Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин, О. А. Белоброва, Т. Р. Руди, А. В. Соколова, А. Г. Бобров, С. А. Семячко, Н. В. Савельева, М. А. Федотова, А. Накадзава, В. П. Бударягин, Н. В. Поньрыко, Н. Ф. Дробленкова, В. А. Ромодановская, О. В. Панченко

щеславянский интерес к национальным основам культуры, а также, — разумеется — Владимир Иванович Малышев с его невероятными результатами археографических экспедиций на Русский Север, создавший в Пушкинском Доме Древлехранилище нескольких тысяч рукописных крестьянских старинных («досюльных») книг.

Древнерусский Сектор, его заседания, которые вел Д. С. Лихачев, всегда начинавший их точно минута в минуту в два часа по полудни почти каждую среду — это была еще одна общая «высшая школа», которую мы проходили вместе с Леной. Заседания Сектора — это особая тема и в истории создания Лихачевской школы текстологии и поэтики, в разработке принципов эдиционной техники и научного комментирования и др., история, к сожалению, еще не написанная. Я имею в виду не только доклады самого Д. С. Лихачева, намечавшего или раскрывавшего основные аспекты своего анализа и своего подхода к решению этих проблем, но и ответное, творческое движение умов аудитории,

разнообразие возникающих точек зрения, несогласий, дискуссии эрудитов — все это имело громадное просветительное, даже обучающее значение, особенно для нас, неопитов, в то далекое время нашего с Леной «начала». Фактически, Сектор был форумом ленинградских медиевистов, еженедельно действующим научным семинаром, на котором обсуждались новейшие исследования «отцов-основателей» разных поколений — В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. и Р. П. Дмитриевых, Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, Г. Н. Моисеевой, А. М. Панченко, О. В. Творогова, Г. М. Прохорова, М. А. Салминой, Н. Ф. Дробленковой — и молодых исследователей по самым разным аспектам средневековой русской культуры — по литературе, языку, певческому искусству, архитектуре, здесь шли резкие дискуссии (о «Слове о полку Игореве», о летописи, о нестяжателях и т.д.). Д. С. Лихачев приглашал на заседания выдающихся иностранных ученых. Я помню визиты Р. О. Якобсона, акад. К. Гурского и И. Дуйчева, профессоров С. Матхаузеровой, Ф. Мареша, М. Мулича, С. А. Зеньковского, было несколько докладов С. С. Аверинцева.

В этой «высшей школе» неоднократно делала доклады и Елена Константиновна, постоянно участвующая во многих предприятиях Сектора — в издании «Памятников литературы Древней Руси», в различных выпусках «Словаря книжников и книжности Древней Руси», в «Трудах Отдела древнерусской литературы», в обсуждениях кандидатских диссертаций и др., посылая в Сектор своих учеников с докладами и статьями, на стажировку и консультации...

Надо радостно признать, что силами сибирских ученых создана мощная школа изучения основ русской духовной культуры, и Елена Константиновна Ромодановская — один из ведущих деятелей этой школы.

Всем, кто помнит доклады и выступления, голос и облик Елены Константиновны, хочу напомнить очень важное и незабываемое: тон ее голоса всегда был спокойным и ровным, улыбка — дружелюбной и уважительной, голос, который мы слышали с кафедры — звонкий и ясный, а слово «конечно» она, с присущей ей четкостью, произносила «по писанному», с ленинградско-петербургским акцентом. Господи, прости нас за наши несделанные дела!

1 августа 2014 г.

«...ОПЫТ ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ОКАЗАЛСЯ КРАЙНЕ ПОЛЕЗНЫМ»

Когда-то Александр Ильич Копанев, сам участник многих археографических экспедиций и председатель Ленинградской археографической комиссии, выступил на московской археографической конференции, заявив во всеуслышание: «Вы все — не археографы. Вы люди, которые раз в год отправляетесь в экспедицию. Археографом был Владимир Иванович Малышев, потому что он был им во всякое время, всю свою жизнь».

Подлинных слов я не помню, но за смысл и содержание — ручаюсь.

Начиная с самых первых экспедиций 30-х годов и до конца своей жизни Владимир Иванович был именно археографом, и тогда, когда он обращался к коллекционерам, и когда он получал рукописи в дар или приобретал их, и во всей своей научной работе, во всех своих публикациях и заметках, в том числе и в газетных сообщениях, которым он придавал особое значение. И был у него редкий дар —

дружбы с хранителями рукописных сокровищ, в его постоянном стремлении помочь им, привезти им необходимые подарки и советы ленинградских врачей. Он никогда не выдавал себя за старообрядца, но те, с кем он имел дело, были уверены, что он — старообрядец, но вынужден это скрывать.

Перед нашей первой экспедицией Владимир Иванович собрал нас, новичков — Елену Константиновну Ромодановскую, Елену Ивановну Дергачеву-Скоп и меня. Александр Михайлович Панченко в инструкциях не нуждался: у него уже был большой опыт археографических экспедиций. В 1962 г. он побывал на Пинеге.

Владимир Иванович Малышев

Александр Хаимович
Горфункель. 1960-е гг.

Владимир Иванович объяснил нам, как следует узнавать у местных жителей, где и у кого могут быть рукописи, судьбы хранителей книг, узнавать переход рукописей из одних рук в другие, вести постоянные записи. Его заботило здоровье молодых женщин. Он напомнил местное присловье: «На севере 11 месяцев зима, остальное — лето». Надо было запастись теплой одеждой, одеялами, свитерами, подходящей обувью...

Мы работали в Пинежском районе Архангельской области. Александр Михайлович ходил по деревням с Е. И. Дергачевой-Скоп, мы с Еленой Константиновной обходили другие деревни. Потом наши «пары» менялись. По деревням ходили с сеточкой, спрашивали: «Книги есть?» — «Да, вон, в амбаре», и мы из амбаров набирали книги в сеточку...

Во втором томе каталога («Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX века: Описание старопечатных изданий», составленного А. А. Савельевым и Н. В. Савельевой, СПб., 2005) для каждого из изданий приводятся точные сведения о том, когда и от кого были получены старопечатные книги. Всего их в первую экспедицию 1963 г. было приобретено более 50;

После возвращения из археографической экспедиции.
Елена Константиновна Ромодановская, Николай Николаевич Покровский,
Алексей Павлович Окладников, Владимир Николаевич Алексеев. 5 апреля 1968 г.

какие-то из этих находок я запомнил. В то время мы еще не собирали издания старообрядческих типографий XVIII в. Наши главные приобретения касались XVI–XVII вв. По крайней мере половину из этих книг получили мы с Еленой Константиновной. Из этой экспедиции было привезено какое-то огромное количество книг, которые в Ленинград мы отправляли почтой, в обычных посылочных ящиках, в том числе и книги XVI–XVII вв.

К великому сожалению в 1 томе каталога, где речь идет о рукописях (СПб., 2003), нет специального указателя, какие именно рукописи были собраны экспедицией 1963 г. Впрочем, я, пожалуй, теперь вряд ли смог бы объяснить, какие из них были получены А. М. Панченко и Е. И. Дергачевой-Скоп, а какие достались на нашу долю. Одно могу сказать с уверенностью: опыт первой экспедиции оказался крайне полезным и интересным.

Во всяком случае, вскоре после возвращения в Новосибирский Академгородок Елена Константиновна включилась в то «археографическое открытие Сибири», о котором писал в своей статье Д. С. Лихачев.¹ И хотя Д. С. Лихачев писал в основном о работе Н. Н. Покровского и Е. И. Дергачевой-Скоп, но Елена Константиновна начала свою работу в Сибири еще до освобождения из лагеря Николая Николаевича, когда его научный руководитель академик М. Н. Тихомиров передал в Новосибирск свое собрание рукописей с требованием, чтобы Н. Н. Покровский был назначен его хранителем, и до переезда в Новосибирск Е. И. Дергачевой-Скоп.

Ее первая археографическая экспедиция в Сибири началась в 1965 г., а в 1970 г. она, совместно с другими авторами (В. Н. Алексеевым, Е. И. Дергачевой-Скоп и Н. Н. Покровским) опубликовала статью «Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг.». В сибирских экспедициях по старообрядческим скитам активно участвовали и студенты, как Новосибирского, так и Ленинградского университетов. В дальнейшие

¹ Перепечатано в кн.: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 3–7.

Елена Константиновна Ромодановская.
В экспедиции. 1960-е гг.

Елена Константиновна Ромодановская, Роза Михайловна Коваль, Александр Хаимович Горфункель. Сентябрь 2000 г.

Я приезжал в Новосибирск и мы встречались с Еленой Константиновной. Когда моя жена, Роза Михайловна Коваль, привозила в Новосибирск выставку работ ленинградских художников, она останавливалась в доме Елены Константиновны. Когда Е. К. Ромодановская приезжала в Ленинград, она часто бывала в доме своей соученицы по филологическому факультету и нашей подруги Лады Валентиновны Серебряковой.

Не помню, когда именно, но скорее всего во время нашей первой экспедиции Елена Константиновна рассказала о бытовавшем в их семье предании о том, как Ромодановские после какого-то события (пожара?) потеряли все документы о своем княжеском происхождении, но, будучи Рюриковичами, отказались обращаться с просьбой к «нுவоришам» Романовым, и этим спасли своих потомков от преследований во времена советской власти. Николай Иванович Николаев сообщил мне, что подобное предание существовало и в семье других Рюриковичей, князей Ухтомских, к которой принадлежал великий ученый физиолог академик А. А. Ухтомский. Эта легенда позволяла представителям подлинных Рюриковичей отделиться от преуспевшей столичной знати, часто весьма сомнительного происхождения.

[958]

годы эта работа была продолжена. Я никак не собираюсь сводить труды Елены Константиновны только к археографии. Но писать о ее многочисленных трудах по истории древнерусской литературы никак не входит в мою задачу. В течение многих лет я был постоянным рецензентом «Трудов Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома, где регулярно печатались статьи Е. К. Ромодановской и имел счастливую возможность знакомиться с ее работами.

Во время ее частых посещений Ленинграда я получал в подарок многие ее книги, а также изданные в ее честь сборники: «Традиция и литературный процесс», к 60-летию члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской (Новосибирск, 1999), и «Поэтика русской литературы в историко-литературном контексте» к ее 70-летию юбилею.

«МЫ КРЕПКО СДРУЖИЛИСЬ — И НА ВСЮ НАШУ ЖИЗНЬ...»

Я хорошо помню весну 1962 г., когда познакомилась с Еленой Константиновной Ромодановской, тогда для меня просто Леной. В обеденный перерыв мы часто вместе шли в столовую. Шли по тропинкам между сосен и берез, между кустов сирени, вдоль газонов, пестревших полевыми цветами. Шли и любовались этой красотой, этой свежей зеленью и видневшимися сквозь нее нарядными домами — голубыми или зеленоватыми с белым, светложелтыми с красным. И обе признавались в любви к Академгородку, где недавно начали работать.

Наш Сектор истории промышленности при Институте экономики СО АН СССР помещался в квартире одного из этих красивых домов. А в одной комнате этой квартиры, прямо на полу, возвышались горой связки книг библиотеки известного сибироведа А. И. Андреева. Нам предстояло разбирать и шифровать эти бесценные книги. Признаюсь, нам с Леной хотелось не столько сортировать их по темам, авторам, эпохам, сколько тут же погрузиться в чтение буквально каждой из них.

Аида Михайловна Грязнова.
29 декабря 1962 г.

Это совпадение в интересах и общем радостно-приподнятом настроении быстро сблизило нас. А вскоре мы крепко сдружились — и на всю нашу жизнь. На какую бы тему у нас ни заходил разговор, оказывалось, что наши взгляды и мнения очень близки. В лице Лены я нашла единомышленника, что, на мой взгляд, всегда является большой жизненной удачей. Мне нравилось и то, как Лена увлеченно говорила о теме ее научного интереса, становлении русской сибирской литературы. Я уже тогда понимала, что она непременно состоится как ученый. И тогда, и впоследствии, вплоть до нашего последнего разговора в сентябре 2012 г., я с интересом слушала ее рассказы о занимающей ее научной проблеме, о поисках и находках в этой сфере, о деталях вопроса.

[959]

Елена Константиновна Ромодановская и Аида Михайловна Грязнова.
Осень 1965 г.

В Отделе гуманитарных исследований СО АН СССР.
Е. К. Ромодановская,
Р. С. Васильевский,
А. М. Грязнова,
В. А. Тимохин.
Октябрь 1965 г.

[960]

А. М. Грязнова и Е. К. Ромодановская. Вторая половина 1960-х гг.

[961]

Но наша дружба зиждилась не только на общности взглядов и отношении к науке. Важнее, пожалуй, было совпадение наших нравственных установок. В Лене я встретила человека светлой души, не замутненной завистью, корыстью, агрессией, недоброжелательством или мстительностью. На протяжении всех долгих лет нашей дружбы я убеждалась в прекрасных душевных качествах этого человека: незлобivosti, добросердечии, великодушии, деликатности. Жизнь Лены складывалась нелегко — были в ней и драмы, и неудачи, и обиды, и тяжелые ситуации, и люди, заставившие страдать. Она могла заплакать, рассказывая о переживаниях, но ни разу я не услышала от нее ни одного злого слова в адрес обидчика, ни одного пожелания что-то сказать или сделать в отместку. Она была готова скорее претерпеть сама, чем причинить зло кому-то. Несомненно, это качества человека, воспитанного в культурной интеллигентной семье, какой и была семья Ромодановских.

И в то же время я никогда не слышала от Лены жалоб и сетований на судьбу; при всей мягкости натуры, она была сильна духом и стойким характером. Благодаря всем этим прекрасным свойствам Лены, наша дружба никогда не была омрачена даже тенью непонимания, недоразумения, тем более — конфликта.

И я всегда буду благодарна Лене за ее неизменную отзывчивость и щедрость в трудные моменты моей собственной жизни. И всегда буду печалиться и помнить о моем дорогом друге.

«ПРОЖИТАЯ ЕЮ ЖИЗНЬ БЫЛА ГАРМОНИЧНОЙ»

Ничего не осознавать, что уже нет рядом с нами Елены Константиновны Ромодановской, для меня просто Лены. Мы с ней одного возраста, родились в злосчастный 1937-й год. Наши детство, юность, начало жизненного пути прошли в разных городах. А встреча состоялась в новосибирском Академгородке в начале 60-х годов прошлого века, когда гуманитарные науки, в том числе и филология, только-только стали здесь развиваться. Я приехала из Иркутска. Окончила Иркутский университет. К науке не имела никакого отношения. Только здесь, работая лаборантом в начавшем создаваться Секторе языков народов Сибири под руководством члена-корреспондента АН СССР Валентина Александровича Аврорина и непосредственно под его влиянием, стала заниматься изучением лексики говоров Новосибирской области. Лена работала в Секторе истории феодализма, который возглавляла замечательный ученый и человек Марина Михайловна Громыко. Научные интересы Лены к тому времени уже определились достаточно четко — древнерусская литература. Мы не были близкими по научным интересам коллегами и близкими друзьями, но входили в женскую часть молодого поколения, работавшего в Отделе гуманитарных исследований Института экономики СО АН СССР, впоследствии преобразованном в самостоятельный Институт истории, филологии и философии СО АН СССР: Лида Русакова, Женя Деревянко, Тэма Франк-Каменецкая, Яна Попова, Светлана Гимпель и другие. К сожалению, некоторые из них уже ушли из нашей жизни. Светлая им память.

Лена, конечно, была яркой личностью, талантливым ученым, влюбленным в свою науку, преданным ей до конца своих дней. Вполне заслуженно она была удостоена высокого звания члена-корреспондента РАН. А в последние годы своей жизни она проявила себя и как незаурядный руководитель научно-исследовательского Института филологии СО РАН. Не так уж много в России женщин, которые работали или работают в такой должности, а в Сибирском отделении Академии наук она была единственной женщиной-директором института. Более десяти лет она несла эту нелегкую ношу, достойно выполняла свои обязанности.

У Лены была замечательная семья. Я случайно познакомилась с ее родителями, когда они как-то приехали в Академгородок. Единственная встреча с ними навсегда сохранилась в моей памяти. Это были интеллигентнейшие люди, добропорядочные, доброжелательные, очень скромные, приветливые. Преданность науке — это у Лены от папы.

В Новосибирском университете, в котором стала работать я после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации, училась дочь Лены — Варя, представительница третьего поколения семьи Ромодановских. Лена

Варвара Андреевна и Елена Константиновна Ромодановские.
Рыбинское водохранилище, 2000 г.

передала ей все, что сама получила от своих родителей: скромность, живой интерес к учебе, трудолюбие, увлеченность научными изысканиями, доброжелательность к людям. И внешне она сильно похожа на маму. Когда я их видела вместе, я воспринимала их не как маму и дочь, а как подружек. Варя пошла по стопам мамы в своей научной деятельности и, как мама, стала известным специалистом в области древнерусской литературы.

Лена ушла из жизни рано. Она могла бы еще долго и плодотворно работать, если бы не болезнь, от которой никто из нас не застрахован, и еще много сделать в своей области. Прожитая ею жизнь была гармоничной: прекрасная семья, отношения в которой строились на взаимной любви, уважении друг к другу и человеческом достоинстве, стремлении к знаниям; богатые семейные корни, которые проросли и в ее дочери, Варваре; она познала счастье и радость материнства, — и это несколько грубоватое слово «Варвара» звучало ласково и нежно в ее устах и светились ее глаза, когда при встречах с ней она рассказывала о своей любимой Варваре; любимая работа, которой она посвятила всю свою жизнь; уважение и преданность ее учеников, любовь и уважение окружающих ее людей.

Закончу эти краткие воспоминания о Лене известной строчкой «печаль моя светла».

ОЧЕНЬ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Лена, Леночка, Елена Константиновна... Так можно обозначить этапы нашего общения с ней. Мы учились в Ленинградском университете примерно в одно и то же время: в середине 50-х годов, а познакомились уже в Новосибирске. Но ведь общая alma mater, как и землячество, в некотором роде духовное родство навсегда. Было о чем вспомнить, поговорить: «Помнишь курсы Бориса Викторовича Томашевского, Владимира Яковлевича Проппа? А лекции Георгия Пантелеймоновича

У новогодней елки. 1950-е гг.

Макогоненко? Входит в аудиторию с тростью, лекции всегда заканчиваются аплодисментами!». От него мы впервые услышали об актере Смоктуновском в роли князя Мышкина. Рекомендовал немедленно идти на спектакль «Идиот» в БДТ. Да вот билетов было не достать! Обе с восхищением вспоминали Григория Абрамовича Бялого, его трактовку русской литературы второй половины XIX века. Позже Лена хотела написать о нем литературоведческую работу, и я обещала принести записи его лекций. Любимым ее преподавателем был знаток древнерусской литературы Игорь Петрович Еремин, ставший для Елены научным руководителем и наставником.

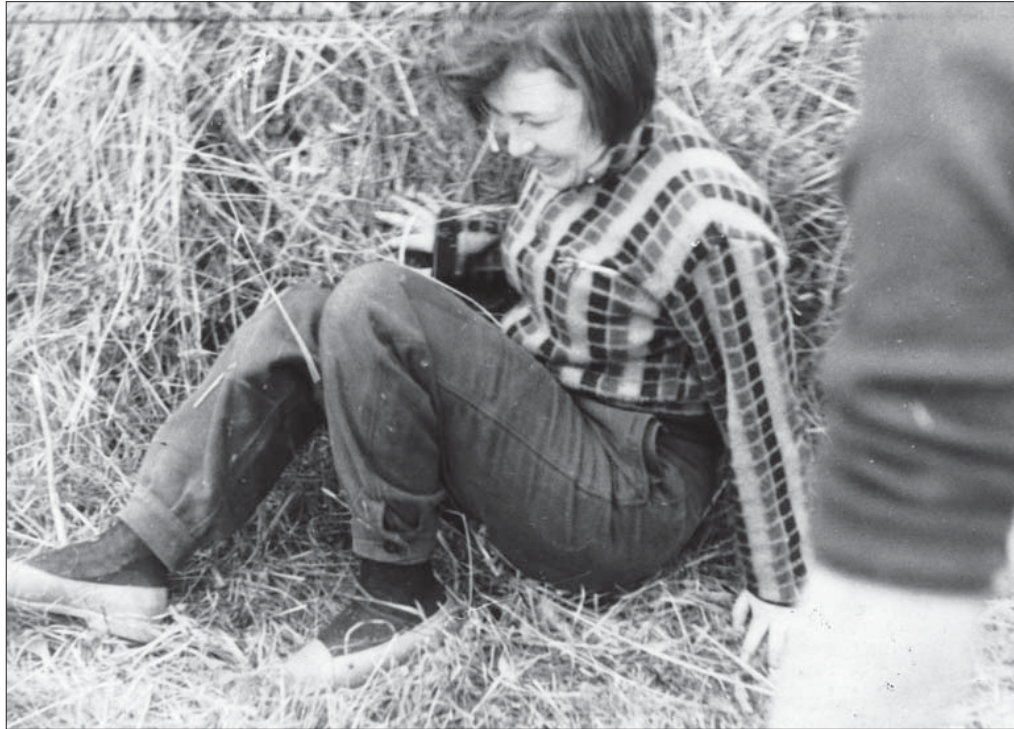
В 1966 году мы, аспиранты-лаборанты, учились и трудились в Отделе гуманитарных исследований при Институте экономики СО АН СССР, когда еще только формировался Институт истории, филологии и философии. Там и сложился наш немногочисленный молодежный коллектив. Помимо аспирантских командировок в столичные научные библиотеки, обязательными были тогда трудовые десанты в колхозы-совхозы на «картошку-морковку». И даже на сенокос! На дальние пригородовские угодья, предназначенные для будущего музея под открытым небом, куда все сотрудники Института ходили «в ночное» сторожить вывезенные из Якутии останки Зашиверской церкви,¹ нас направили косить траву в рамках районной кампании по заготовке сена. Видели в советских кинофильмах бравых косарей в страдную пору? По этому сценарию нарисовалась и наша картина. Во главе докторов наук с косами — бывший военный летчик, а ныне известный филолог Александр Ильич Федоров. Нельзя было не залюбоваться! Но закончилось это «как всегда»: нагруженная будущим сеном машина (тут уж и мы постарались) вернулась часа через три — в приемном пункте траву некому было сдать. «Ужин на траве» искусанных комарами научных сотрудников тут же перешел в дискуссию на тему эффективности вклада дармового труда ученых в социалистическую экономику. Да, бывало и такое, что наш трудовой отряд, прибыв на прополку или сбор урожая, наткнулся на невывезенные гурты урожая прошлого года. Это тоже были наши уроки жизни.

Или вот такое: в библиотеку с этим не пойдешь — одна на всех и всегда переполнена. Ищем укромное местечко, хотя бы подоконник, чтобы углубиться в вычитку будущих докторских диссертаций. Не своих, разумеется, — нагрузка в помощь старшим товарищам. Да простят они нас: часто содержание и качество письма разочаровывает. Леночка смотрела на это философски: «Хороший урок, противоядие на будущее, как не надо писать научные работы!».

¹ Зашиверская церковь или Церковь Спаса Нерукотворного образа была построена в 1700 г. в городке Зашиверске, который находился за полярным кругом на реке Индигирке (ныне это территория Республики Саха Якутия). В 1970-х гг. экспедиции под руководством А. П. Окладникова и А. П. Деревянко обмеряли, разобрали и вывезли ее из опустевшей местности в 1971 г. в Новосибирск, восстановили и установили на территории Историко-Архитектурного музея под открытым небом. — *Прим. ред.*

9 июля 1962 г.

На сельхозработах. 1960-е гг.

С середины 60-х годов она окончательно определяет круг своих профессиональных интересов. Становится одним из организаторов и активных участников первых археографических экспедиций под руководством Н. Н. Покровского к старообрядцам за рукописными книгами. В будущем эти находки составят уникальную археографическую библиотеку.

Вернувшись из очередного путешествия и рассказав захватывающие детективные истории о поисках рукописей, она одарила меня бесценным по тем временам подарком — настоящей Библией, XIX век! С надорванными и даже кое-где обугленными страницами, без обложки — знать, претерпела многое на своем веку: в каких только руках ни побывала, где ни пряталась. Не успела я ее да конца дочитать (да и последних листков, кажется, не было) — тут же пошла она по рукам и, к моей великой печали, назад уже не вернулась. Но память о моей первой «Библии от Елены» сохранилась навсегда.

Именно Лена Ромодановская познакомила меня со своей статьей «Синодик Ермаковым казакам», когда я готовила доклад об интерпретации образа атамана Ермака в художественной литературе XX века. Ей, еще аспирантке, принадлежало открытие первоисточника уникального памятника XVII века, содержащего воспоминания сподвижников знаменитого атамана.

Через прошедшие века и «туман баснословия» — такая удивительная сопричастность автора событиям и характерам! Это станет творческим методом всех будущих работ Елены Константиновны Ромодановской: тщательная текстологическая выверенность, проникновение в дух эпохи, исключаящее «олитературирование» и «осовременивание» исторического материала. Этого она будет требовать и от своих учеников. Подаренные ею книги я всегда читаю с большим удовольствием, что редко испытываешь при знакомстве с «научно-образной» литературой.

Но вернемся в 60-е годы. Их начало обнадеживало свежим ветром перемен. К концу уже ощущался неизбежный переход оттепели в идеологические заморозки. В апреле 1968 года я была вызвана телеграммой из научной командировки с требованием немедленно прибыть в Институт. Дальше история в духе времени. Два уважаемых ученых — историк Марина Михайловна Громыко и языковед Майя Ивановна Черемисина, а также «примкнувшая к ним» аспирантка Рожнова, обвинялись в том, что подписали письмо в защиту диссидентов-антисоветчиков.²

Однако я подписалась под текстом, адресованным государственным органам от имени «общественности Академгородка», с требованием гласности и предостережением не возвращаться к политическим процессам 30-х годов. Только что вернувшись и еще не разобравшись в происходящих событиях, я вслед за своими коллегами пыталась отстаивать право на собственное мнение. Случилось незапланированное: кое-кто из молодежи мне похлопал (не захлопал!). Это и стало главной причиной перемены моей участи. «Не показалась», «вызвала аплодисменты» — на это обращали внимание партийные функционеры при всех дальнейших разборках. Разумеется, подписантов коллектив осудил. Когда, понурившись, собрание расходилось, кто-то сжал мою руку, приобнял. Это была Лена. Сказала: «Молодец! Держись».

Аспирантуру мне дали закончить, но работать я ушла в школу, о чем никогда не пожалела. С Еленой мы продолжали общаться и в 70-е годы, когда она уже с Варенькой приезжала в Академгородок в гости к Покровским. Веселая выдумщица Варя тут же затевала с моими детьми игры, вовлекая в них и взрослых. Как-то они привезли с собой маленького черного пуделя и оставили его нам на целый месяц, пока сами уехали отдыхать. В их доме всегда находилось место всяческой живности: кошкам (и не одной), собакам, попугайчику.

В 1978 году я была снова принята на работу в Сектор литературоведения для завершения подготовки издания двухтомника «Очерки русской литературы Сибири», в разработке проекта которого участвовала еще аспиранткой. Одним из авторов начального раздела первого тома, повествующего об истории становления русской литературы Сибири XVII века, была Е. К. Ромода-

² Дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой (или «Процесс четырех») — один из самых известных политических процессов против диссидентов в СССР конца 60-х годов XX века. — *Прим. ред.*

новская. С этого времени я могла наблюдать ее стремительный творческий взлет. Работы Елены Константиновны получают признание в отечественном и зарубежном литературоведении.

В 1998 году, после смерти первого директора Института филологии А. Б. Соктоева, под руководством которого осуществлялся проект 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», Е. К. Ромодановская становится его преемником на посту директора. И ей приходится решать не только научно-организационные, но и нравственно-психологические про-

блемы, вставшие перед наукой в то непростое время. Пришлось ей подставить свое плечо и под «многоготомный груз» серии «Памятники фольклора»... Сейчас издан уже 31 том. Будучи членом редколлегии и заместителем главного редактора этого издания, она не раз заходила в наш Сектор фольклора не только по службе, но и «по душе». Рассказывала об успехах в науке Варвары, которая пошла по ее стопам и работает в Пушкинском Доме. С грустью вспоминала старых друзей — Сашу Панченко, Наташу Грознову, которых уже нет в живых.

Как ей хотелось успеть сделать все, что задумала! Успела, все-таки успела завершить свою фундаментальную книгу, удостоенную Премии имени академика Д. С. Лихачева.³ Этот последний ее подарок лежит на моем столе.

Светлана Павловна
Рожнова

Директор Института филологии СО РАН.
Март 2007 г. Фото И. В. Силантьева.

³ Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М., 2009. — Прим. ред.

Всегда трудно писать статьи, посвященные памяти коллег. И особенно трудно писать статьи памяти ученых, с которыми были связаны большая часть жизни, творчества, научные поиски и вечные проблемы смысла человеческого бытия.

В становлении и развитии моей научной деятельности, жизни роль Елены Константиновны Ромодановской и ее семьи, ее сибирских коллег чрезвычайно велика.¹

Память не зафиксировала моментов первого знакомства с Еленой Константиновной, которое произошло в 1966 г. в Пушкинском Доме.

Вероятно, Наталья Сергеевна Демкова, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Ленинградского университета, представила студентов семинара по древнерусской литературе, которым она руководила, в том числе и меня, Елене Константиновне. Елена Константиновна, будучи выпускницей нашего университета, аспиранткой Пушкинского Дома, где в дальнейшем ею была защищена и докторская диссертация, проходившая там все стадии обсуждения, сотрудником Сибирского отделения Академии наук, ежегодно приезжала работать в рукописных собраниях библиотек и архивохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. А вот следующий момент в Рукописном отделе БАН запомнился ярче.

Предыстория такова. Наталья Сергеевна Демкова планировала отправлять членов семинара в археографические экспедиции, а для начала пройти «полевые испытания» под руководством В. И. Малышева, стоявшего у истоков Древнехранилища Пушкинского Дома, Ф. А. Абрамова, великого нашего писателя послевоенной поры, Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, сотрудницами Сектора древнерусской литературы, которым руководил Д. С. Лихачев. Но Владимир Иванович тогда, по-видимому, испугался (хотя впоследствии меня с ним связывали, как и многих других древников, самые добрые отношения). И как я понимаю, Елена Константиновна, которая тогда представляла археографов Сибири, просто пожалела меня, так как Руфина Петровна и Марина Алексеевна побоялись отвечать в будущей экспедиции не только за двоих сестер Рождественских, Милену Всеволодовну и Татьяну Всеволодовну (которые также были членами древнерусского семинара), но еще и за меня. Помню, что я даже плакала. В Рукописном отделе Библиотеки Академии наук и состоялось наше более обстоятельное знакомство. Елена Константиновна рассказала, что экспедиция будет долгой, в основном по старообрядческим поселениям сибирских рек Оби,

¹ См. об этом: Пиотровская Е. К. III русская редакция Повести об Акире Премудром и Чудо св. Николая о Синагрии царе // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 177–183.

Томи, Кети. Мне пришлют официальное приглашение. Я стала ждать, и в конце весны 1966 г. приглашение от Сибирского отделения Академии наук было получено. Мои родители очень волновались, как меня отпускать в Сибирь, так далеко от дома. (К этому времени я летала только в Киев к своей двоюродной бабушке М. Ф. Завадской, и именно она, будучи тогда преподавателем Киевского политехнического института, и убедила маму и папу, чтобы они не пытались препятствовать моему профессиональному становлению.)

В то время в Новосибирск летал только «Ту-154» через Свердловск, Омск и до Иркутска. Перед моим отлетом долго обсуждались проблемы, что необходимо было взять с собой. Обязательными были: рюкзак (который и был впоследствии со мной во всех экспедициях), темная юбка, рубашки (наподобие классических блузок с длинными рукавами и глухим воротничком), тренировочные брюки, которые одевались под юбку, резиновые сапоги, белый головной платочек (он жив до сих пор, и всегда со мной при посещении древних обитателей), плащ или куртка и всевозможные дополнительные мелочи существования человека в цивилизации XX века. Особенно важно было раздобыть в аптеках средство от комаров и гнуса, который в изобилии «резвился» в сибирской тайге. Тогда эта мазь называлась «Дэта», была очень жирной консистенции белого цвета. Но зато она выручала нас от тьмы насекомых во время наших передвижений. Необходимо было иметь и индивидуальную посуду: кружку, ложку, мисочку, — ведь мы посещали в основном старообрядческие деревни и скиты. Кроме того, я должна была лететь и в цивилизованном костюме, так как предполагалось, что несколько дней до экспедиции и после я буду в Новосибирске. Итак, ранним летним утром вместе с родителями я была в нашем аэропорту «Пулково» (тогда еще не было нового здания «Пулково-2»). И здесь меня ожидало первое испытание. Мой рейс был отменен, пассажиров, которые летели до Новосибирска, присоединили к рейсу, следовавшему во Владивосток, но с посадкой в Омске. Дело было в том, что в эти дни в Советском Союзе находился с официальным визитом Президент Франции генерал Шарль де Голль. Он пожелал посетить Новосибирск и Академгородок. По существующим тогда правилам авиаперелетов, если лайнер с государственными деятелями иностранных держав находился в воздушном пространстве нашей страны, другие гражданские рейсы меняли свое расписание и направления. Но в момент своего вылета ни я, ни мои родители этого не знали. Все выяснилось позже. Меня взяли под свое «крыло» какие-то геологи, которые летели во Владивосток, с прибором для испытаний.

После удачной посадки и взлета в Свердловске, наш «Ту» приземлился в Омске, кроме меня был еще один пассажир, который также следовал в Новосибирск. Омский аэропорт выглядел тогда как чистое поле с маленькой деревянной будкой авиадиспетчерской службы. Наш лайнер взмыл в небо, а мы остались в полном неведении, когда же нас подберет какой-нибудь авиарейс до Новосибирска. Мой попутчик узнал, зачем я отправилась в Сибирь, и сразу же обещал, что если меня не встретят в аэропорту Новосибирска «Толмачево», то

он поможет мне добраться до дома Елены Константиновны в Новосибирске, так как его будет ожидать машина. Но все мысли были о том, как все же долететь до Новосибирска. Неожиданно, примерно через час, к нам прибежала дежурная аэропорта и радостно сообщила, что нас посадят на прибывающий московский рейс. Это был «Ил-118». Мой попутчик во время полета объяснил мне, что это самый лучший и безопасный самолет: если отлетит крыло, он приземлится и без одного, если — хвостовая часть, то и без нее и т. д.

Надо сказать, что меня больше занимали бескрайние лесные очертания Западной Сибири, которые отчасти можно было видеть через иллюминатор, с тех пор на всю жизнь я полюбила смотреть на эту фантастическую бескрайнюю природную красоту. (Вероятно, ежегодные дальнейшие пожары, особенно летом 2010–2011 гг., и освоение лесного богатства в постперестроечное время дикого капитализма изменило эту картину. Это убедительно продемонстрировано съемками из космоса, и жаль, что современное молодое поколение видит уже другие сибирские просторы.) В аэропорту «Толмачево» Елена Константиновна с утра ожидала мой рейс, о котором ничего конкретного справочное бюро не сообщало. И о судьбе пассажиров также никто ничего сказать не мог. Елена Константиновна терпеливо ждала появления какого-либо рейса с ленинградскими пассажирами. И тогда я еще не понимала этой замечательной черты ее характера — постоянства. Все дальнейшие годы нашего научного сотрудничества и дружбы были тому подтверждением. Мило распрощались с моим попутчиком и на такси приехали в дом Ромодановских, на Серебренниковскую улицу. И вот здесь меня ожидало потрясение, которое не могло быть случайным. Опишу по порядку.

Елена Константиновна представила меня своим родителям, величавой Анне Николаевне и добрейшему великодушному Константину Владимировичу. Мне был отведен кабинет. Заполненный книжными полками от пола до потолка, с кожаными креслами, которые на ночь составлялись и служили постелью. Ужинали в уютной кухне за большим, накрытым скатертью столом, на котором было очень много приготовленной по-домашнему еды. Меня начали потчевать, расспрашивать о перелете, и тут-то я и узнала о прибытии Шарля де Голля в Новосибирск. Слово за слово, и неожиданно для меня выяснилось, что до начала Великой Отечественной войны родители Елены Константиновны работали в Педиатрическом институте в Ленинграде вместе со старшим братом моей мамы, Леонидом Тихоновичем Соловьевым. И даже называли его ласковое имя, которое закрепилось среди коллег — «тишайший». И сразу же я почувствовала себя в близкой и родной мне семье. И впоследствии еще много раз в годы общения с Еленой Константиновной я узнавала о тесных связях многих общих наших друзей и знакомых.

Последующие дни были посвящены подготовке к экспедиции и поездке в Академгородок — мечте многих поколений состоявшихся ученых и будущих. Наконец я увидела Лаврентьевское детище. Сосновый лес, а в нем современные здания исследовательских институтов и жилых домов, белочек,

Константин Владимирович Ромодановский. 1964 г.

[974]

Новосибирск. Обь

которые прыгали по тропинкам и дорожкам. Именно по ним и можно было тогда добраться от одного здания к другому. Много времени мы провели и в Институте (тогда Институте истории, филологии и философии СО АН СССР), оформляя документы (командировки, письма на бланках Археографической комиссии, которые должны были свидетельствовать при знакомстве с местными районными начальниками, что мы работаем по программам Академии наук в целях изучения и сохранения культурного и духовного наследия нашего государства). В те дни меня знакомили со многими учениками Елены Константиновны, Елены Ивановны Дергачевой-Скоп и Николая Николаевича Покровского, показывали отдельные материалы предшествующих археографических экспедиций на Алтай, Подкаменную Тунгуску, Чулым и др.² Ничего подобного и столь насыщенных впечатлениями дней в моей жизни никогда не было ни до этой поездки, ни после.

Кроме того, во время пребывания в Новосибирске я, по возможности, знакомилась и с городом: ходила по улицам, выходила на берег Оби (дух захва-

² Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968. М., 1969. С. 262–274.

[975]

тывало от ее широты), знакомилась с новыми зданиями Электротехнического института (теперь, наверное, он уже стал университетом). Смотрела на здания железнодорожного вокзала, цирка, консерватории (ведь именно сюда многие музыканты Ленинградской консерватории были эвакуированы из блокадного города во время Отечественной войны. В Новосибирске умер и непревзойденный историк музыки и культуры И. И. Соллертинский, чьи лекции перед концертами в Большом зале филармонии слушали в довоенное время и родители Елены Константиновны, и мои). Во время общения с Анной Николаевной и Константином Владимировичем я узнала многое из истории Новосибирска, его культурной жизни (тогда все в городе восхищались драматическим театром «Красный Факел»). И кроме того, я познала очень интересную и полезную традицию изучения топографии городской культуры. Родители Елены Константиновны, чтобы увидеть новые границы строящегося города, обычно использовали городские маршруты транспорта (трамвая, троллейбуса), доезжали до конечной остановки, осматривали микрорайоны и возвращались обратно. Эта традиция была и у моих родителей, но они, как правило, пользовались такси.

Подходил день начала нашей экспедиции. Елена Константиновна очень тщательно готовилась к ней. Сначала мы должны были отправиться в старинный сибирский город Томск, так как маршрут нашей экспедиции проходил в основном по населенным пунктам Томской области. Мы добирались туда на маленьком самолете «Ан-24» из местного аэропорта. Родители Елены Константиновны провожали нас. Желали доброго пути и удачной экспедиции. В аэропорту к нам присоединилась и Т. Н. Аpsит. Полет был совсем недолгим. В Томске мы остановились в семье близких друзей Ромодановских.³

Научная библиотека Томского университета

Дня три мы усердно работали в библиотеке Томского университета, основанного еще в конце XIX в., читали подборки «Томских епархиальных ведомостей» конца XIX — начала XX в. Елена Константиновна объяснила, что эта методика очень важна для полевой археографии. Для того, чтобы полноценно общаться и вступить в долгие беседы с хозяевами и наследниками рукописных и старопечатных книжных собраний, не-

³ Семья Виктора Владимировича Ревердатто. — Прим. ред.

Томский краеведческий музей

обходимо знать вехи церковной жизни географических мест, деревень, судьбы хранителей письменных памятников. Кроме того, Елена Константиновна очень много рассказывала о Томском университете, его неповторимой истории. Позже я узнала, что А. Д. Григорьев, который издал фундаментальный труд, посвященный истории текстов сирийской «Повести об Акире Премудром», сюжеты которой отразились во многих литературах мира, в том числе и в южнославянской и древнерусской литературах, в послереволюционное время был профессором Томского университета, читал там лекции, был первым деканом историко-филологического факультета, заведовал музеем этнографии и археологии. Елена Константиновна также способствовала тому, чтобы я знакомилась с городом, ходила по его живописным улицам, достаточно крутым и зеленым. В те годы Томск еще славился деревянной застройкой.

Увидела Краеведческий музей, где сохранились этнографические коллекции и уже тогда устраивались выставки современных художников-пейзажистов и бытописателей. Елена Константиновна очень любила Томск (по-моему, это было связано с началом ее трудовой деятельности), и эту любовь она старалась передать и другим людям.

Томск. Речной вокзал. 1960-е гг.

Самым живописным и неповторимым местом города мне тогда показался речной деревянный вокзал и пристань. Мы отправились туда заранее, чтобы узнать расписание речных трамваев до нашего первого пункта движения по притоку Оби реке Томь. Место это напоминало многие речные вокзалы и пристани и срединной России, но только было более грязным, запущенным и переполненным людьми. Выходило так, что мы должны были отправиться ранним утром следующего дня. Билеты покупали в день отъезда. Поездка была тяжелой. Трамвайчик «брали штурмом». Место нам нашлось только на палубе. Но когда устроились среди людей, которые, судя по их внешнему виду: рюкзаки, резиновые высокие сапоги, теплая верхняя одежда, — плыли далеко и добирались до Томска издалека, у них были и скудные припасы еды, хлеб, какие-то консервы и вода, — все волнения отступили. Можно было спокойно любоваться берегами, в то время малозаселенными, лишь изредка встречавшимися деревянными постройками: домами и бараками. Память не сохранила церковных сооружений.

В пути мы узнали, что этой весной было половодье и сейчас, в начале лета, все еще стоит высокая вода. Я была удивлена, когда видела, как капитан нашего трамвайчика умудрялся приставать к берегу возле какого-то дерева, пня,

наклонившегося речного знака и т. п. Остановок до нашей деревни Кипрюшки было немного. И вот наконец мы подплываем к топкому берегу. Позже я узнала, что в дореволюционной Российской империи (в XIX–XX вв.) Томский край считался одним из самых сырых мест. Нам помогли ступить на берег, даже без трапа, подали наши рюкзаки, трамвайчик отплыл, а мы некоторое время пребывали в ожидании, пока вдруг Елена Константиновна не увидела Николая, сына настоятеля общины деревни, который предложил нам помощь. (Может быть, он специально был послан на лодке встречать нас, так как Елена Константиновна могла написать его отцу о предполагаемых днях нашего приезда. Ведь речной транспорт тогда ходил достаточно регулярно.) Вода стояла намного выше берега в низине, по дороге к деревне, и была почти до пояса. Всех нас троих взять в лодку он не мог, поэтому погрузил лишь рюкзаки, а мы, подняв подола юбок, пошли по воде, при этом сын хозяев дома, где мы предполагали остановиться, любезно указывал нам более подходящие места, плывя медленно рядом с нами. Была опасность наткнуться на ушедшие под воду кусты, камни, то есть он ориентировал нас на проложенную тропу (но под водой). Примерно через полчаса мы вошли в деревню. Она располагалась выше поймы и низины. Дом наших хозяев выделялся своей добротностью и какой-то богатырской крепостью. И тут мы с Таней обомлели — на крыльце сидела пожилая женщина и пряла пряжу, а рядом хозяин дома чинил рыболовную сеть. И это был не постановочный эпизод из сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке»! Хозяева были благородны и так естественны, что эту картину я часто вижу во сне, а Кипрюшка — одно из любимых моих мест на земле (до этой экспедиции я не так часто бывала в деревнях и такую патриархальность никогда не встречала). Елену Константиновну радостно приветствовали, как близкого человека, и на нас отразилось их доброе отношение. Нас пригласили в избу и мы стали устраиваться. Запомнилось, что полы были некрашенные, как и в большинстве других домов, в которых нам приходилось ночевать. Вымыты они были до бела. Елена Константиновна стала доставать подарки для хозяев (расписной, не яркий платок, резиновые сапоги, какие-то предметы для рыбной ловли). И начался долгий медленный разговор о прошедшем годе, трудной зиме, и такой необыкновенно высокой воде, которой не было уже много лет. Мы сидели с Таней чинно, волновались и по началу даже не могли поддерживать беседу. Это был для меня первый урок от Елены Константиновны, как надо вести себя в семье старообрядцев (Таня уже раньше бывала в экспедициях с Еленой Ивановной Дергачевой-Скоп).

Для того, чтобы нам продумывать дальнейший план работы, мы выходили на улицу. Я не помню, чем нас угощали у старообрядцев в Сибири (да и на Русском Севере), от еды не принято отказываться, но мы заслуживали похвалу тем, что у нас с собой своя посуда. Вечером нас положили спать на пол, свои простыни и тонкие одеяльца у нас были также с собой.

Елена Константиновна так расположила к себе хозяев, что они даже просили ее воздействовать на сына, который мог злоупотреблять алкоголем (им

Е. К. Ромодановская. В экспедиции

было обидно, ведь он вырос в семье староверов). Помню, что она вела с ним беседы, вероятно, ссылаясь и на слова Отцов Церкви. Книги (рукописные и печатные) нам, конечно же, показали, проверили, как мы сильны в чтении, начинали с Псалтири. Небольшая библиотека находилась на широкой скамье, которая была задернута легкой занавеской. Елена Константиновна очень подробно обо всем расспрашивала хозяина дома, так как выяснилось, что некоторых рукописей, которые она видела в прошлый приезд, не было на полке. И тогда мы узнали, что старообрядцы одного согласия передают друг другу книги для чтения, действовала вековая учительная традиция — бережное отношение к трудам книжников, сохранявших в текстах собранных кодексов чистоту веры. Елена Константиновна таким образом подготавливала нас и к будущим экспедициям.

В Кипрюшке мы пробыли несколько дней и узнали, что в деревне живет еще «некая маленькая», в доме которой также есть книги, писанные и печатные древнеславянские. Она их скапливала у себя. И поэтому взаимоотношения с нашими хозяевами на этой почве были не радужными. В дом к себе она нас не пустила. По-видимому, она была из каких-либо сектантов. (Реабилитация сект в России и Сибири началась лишь в годы перестройки.)

Круг наших географических точек и пунктов перемещения был действительно широк и тогда труднодоступен. Укажу лишь некоторые пункты, кото-

рые легко можно найти на карте Западной Сибири в районе Томской области: Самусь, Красный Яр, Кривошеино, Усть-Озерное, Инкино и др.

Отдельные эпизоды пребывания и археографической работы постараюсь описать подробнее.

Вернусь к Кипрюшке. Как ни тепло нас принимали там, но надо было двигаться дальше. Следует сказать, что мы старались помогать хозяевам, мыли полы, убирали двор, но не были назойливы. Расставание было грустным. Я тогда не думала, что эти люди и дни будут у меня только раз в жизни.

Следующие необыкновенно яркие моменты связаны с посещением скитов, которые находились в тайге и отстояли на достаточно далеких расстояниях от поселка Красный Яр (там тогда располагался леспромхоз). До Красного Яра мы плыли опять трамвайчиком и остановились в «Доме приезжих». Зарегистрировались в органах местной власти и попросили помощи. Для того, чтобы добраться до скитов, нам пришлось бы идти по тайге больше 25 километров. Неукатанная дорога была проложена только на небольшое расстояние, а дальше — тропами, которые ведали местные жители и лесники. Увидеть воочию сибирскую тайгу и двигаться через нее — испытание физическое и эмоциональное не из легких.

Итак, нас сопровождали лесники. Сначала несколько километров нас подвезли на пожарной старой машине, которая застревала через каждые сто метров в колдобинах дороги. Тогда мы решили двигаться пешком, а рюкзаки наши везла машина, но вскоре и она уже не могла двигаться, началась сплошная тайга. (Как мы поняли лесники с машиной должны были инспектировать лесные массивы.) Что было удивительно — так это уважение местных лесничих к нам. Они несли наши рюкзаки, когда мы шли по тропам и бурелому, сделали посохи из валявшихся под ногами обломанных веток и даже по-доброму подшучивали над нами. Если приходилось идти через ручей, и мы трусили, спотыкались, то слышали: «А здесь вчера или два дня назад медведь прошел». Тогда мы собирались с силами и двигались быстрее. Через несколько лесных завалов мы подошли к огромной просеке и увидели питомник кедровых посадок. Это были вырытые траншеи, а в них, высотой в несколько сантиметров, выстроились будущие могучие сибирские кедры с двумя маленькими листиками. Лесники все пересчитали — нигде не было потерь!

Двинулись дальше в скиты, где жили на разных берегах озера дед Мемнон и бабушка Маланья. Они очень приветливо нас встретили, так как наши проводники были уже с ними знакомы. А открыли их уединенное жилье вертолетчики, когда делали очередную разведку тайги. Сначала мы «погостили» у Маланьи и даже попробовали ее прекрасный пирог с перловой крупой, а потом дошли до Мемнона. Но он был менее словоохотлив, был занят молитвенным чтением, и мы только были представлены ему еще раз нашими проводниками. Тогда мне казалось, что эти староверы очень-очень старенькие, а теперь понимаю, что они, наверное, были моложе, чем я сейчас. Следует сказать, что старообрядцы в томской тайге были беспоповцами

и безденежными, то есть они не могли пойти в районный поселок и купить там какие-то продукты, хозяйственные материалы и т. д. Как правило, они собирали грибы, ягоды, кедровые шишки с орехами, сдавали это в контору или магазин, а в обмен получали какой-то провиант, спички, мыло, кое-что из одежды и обуви и т. д.

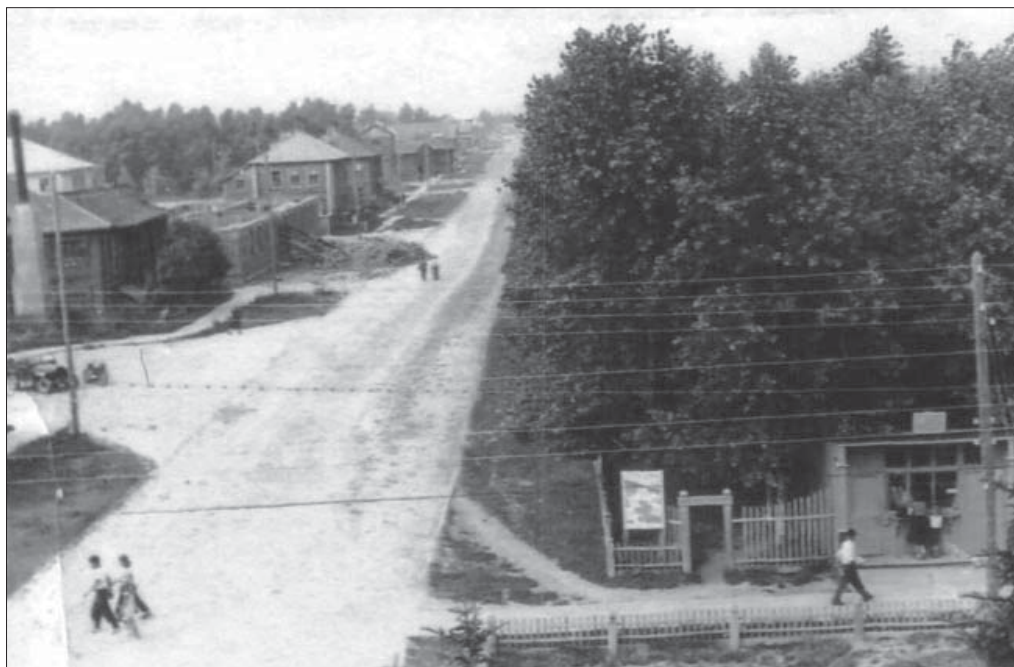
Дальнейший наш путь лежал в женский скит, который жил своей неповторимой жизнью, совершенно отличной от мирской. Мы довольно-таки долго брели по тайге с нашими провожатыми и наконец в более светлом таежном пространстве мы увидели несколько избышек. Это и был скит, известный ранее, чем тех двух отшельников, так похожих на несторовские образы, которых мы посетили. После того, как мы были представлены настоятельнице скита, нас стали кормить, предложили мирскую посуду, но мы достали свою, чем и заслужили признание скитниц. Вот здесь угощения запомнились навсегда. Нам подали окрошку из кваса, картошки и зеленого лука. Отказаться нельзя. В этом скиту мы подробно знакомимся с обиходом повседневной жизни, слушали вечерние и дневные молебны, которые вела их настоятельница. Насельниц в скиту было около десяти человек. Совсем старых и пожилых было мало. Как мы поняли, с миром общались не все. Обычно в Красный Яр ходил кто-то постоянный. Что еще было тогда для нас удивительно узнать? Оказывается, среди женщин были мастерицы, которые умели ткать и даже шить самую скромную одежду и детали облачения, пояски. Мы остались в скиту на ночь, чтобы послушать и ранний молебен утром, и конечно же посмотреть книги. Конечно рукописи и печатные книги были дониконовские. Помню Псалтырь, Апокалипсис, выписки из святоотеческих сборников. Поражали печатные книги, как правило, хорошей сохранности и с большими черными гравированными заставками. Днем мы должны были покинуть скит, так как забрать нас должны были по дороге все те же лесники. Провожали нас все жившие в скиту. На дорогу снабдили кедровыми орешками. Потом нас всегда и другие старообрядцы ими угощали, но они были в скорлупках, и мы с Таней так научились их щелкать и поглощать, что часто отказывались в районных центрах идти в столовую, есть горячую пищу, и Елена Константинова очень сердилась, говорила, что она отберет у нас это лакомство, что мы испортим себе желудок. И теперь, когда кедровые орешки, уже очищенные, продаются в изобилии в магазинах, или, как экзотика, в шишках, и я нередко приношу их студентам и школьникам, всегда вспоминаю эти ореховые сибирские дороги и рассказываю о наших «хожениях» с Еленой Константиновной.

Скитницы вывели нас из обители по совершенно не приметной тропинке на просеку, по которой мы шли какое-то время вместе с ними, а вскоре увидели санный поезд. Движущей силой был трактор «Беларусь», а с ним несколько скрепленных плотов из громадных толстых деревьев. На этом плоту лесники вывозили разные бочки и оборудование рабочих, которые должны были подготовить топографические и другие измерения для будущих строителей дороги и освоения тайги. После переезда на этой движущейся конструкции я стала

относиться к тракторной технике с уважением. Этот тракторный поезд не мог двигаться по тем же самым тропам, где мы прошли несколько дней назад, он шел по другим, практически непроходимым, раскисшим от воды и многочисленных болот путям. Нам пришлось и в этом случае испытывать страх оказаться погруженными в болотистые воды. Казалось, вот-вот на бревна хлынет темная вода, но моторист трактора умело поворачивал рычаги, и мы приподнимались вместе со всем, что находилось на деревянных плотках, над заболоченными участками тайги. Гнус облепил с ног до головы. «Дэта» нас спасала. Когда же мы наконец добрались до окраины Красного Яра, то там смогли оставить замечательный поезд и своими ногами с рюкзаками добраться до «Дома приезжих», и первым делом отмыться от «Дэты», смешанной с пылью и грязью от нашего необычайного выхода из тайги. Напоминаю, что во время нашего таежного сопровождения лесниками мы ощущали удивительное внимание, уважение, почтение и доброту со стороны этих совсем не родных нам людей. Когда мы делали остановки во время нашего передвижения, они собирали для нас ягоды и в ладонях несли их. Чернику они называли «чернига» (в словаре В. И. Даля это произношение зафиксировано). Воду набирали из озер складным ведром из брезента, при этом к озерам подбирались проводники сами, иногда ползком, нас оберегали, не разрешали близко подходить. Пожалуй, никогда больше в своей жизни я не испытывала такой защиты, но тогда я этого совсем не понимала. Из всех упомянутых выше географических пунктов, где мы останавливались во время нашей археографической экспедиции, следует упомянуть еще несколько наиболее запомнившихся. Это Колпашево, Инкино, Максимкин Яр и др.

Сейчас через Колпашево проходит железная дорога, а тогда мы добирались по воде. Плыли долго. Иногда мы добирались не рейсовыми трамвайчиками, а на маленьких катерочках, которые брали на буксир какой-нибудь плот, чтобы осуществить перевозку. К отплытию рейсовых пароводиков приходилось вставать темной ночью и идти по безлюдной дороге. Елена Константиновна не боялась темноты (во всяком случае, не выказывала страха) и нам внушала уверенность.

Возвращаясь к Колпашево. Это старинный сибирский городок XVIII в. с деревянными мостовыми, выполненными из срубленных, пригнанных к друг другу круглых свай. Мы были там в очень жаркое время. Нельзя было пользоваться водопроводной водой (водопровод вышел из строя). Для питья мы брали прямо из реки воду желто-коричневого цвета, фильтровали через марлю и добавляли фруктовый сироп, который купили в магазине, чтобы получить эстетические и вкусовые ощущения. Много позже я узнала, что в этих местах отбывал свою ссылку поэт Н. А. Клюев, друг С. Есенина, чьи стихи так любили наши родители и многие учителя. Говоря о влиянии Елены Константиновны на меня, и вероятно, и на Таню, следует говорить, в первую очередь, о воспитании экспедиционных навыков. Елена Константиновна прошла великолепную школу археографов, выпестованных В. И. Малышевым, который,

Колпашево

как я уже писала, создал Древлехранилище Пушкинского Дома и был первым в нашей стране собирателем книжности на Русском Севере, в Карелии, Пскове, Прибалтике и других замечательных местах обитания старообрядцев. И конечно же, частые упоминания имени Николая Николаевича Покровского, который наследовал традиции своего учителя академика М. Н. Тихомирова, его любовь к письменному богатству средневековья. Прежде всего Елена Константиновна учила нас быть коммуникабельными, легкими на подъем, терпеть все трудности и спокойно переносить неожиданности. Насколько я помню, бухгалтерский учет во время наших передвижений она вела сама, книги и рукописи, которые нам дарили, а также книги (научные и художественные), которые мы для себя приобретали в районных центрах, отправляли бандеролями по почте. Так же мы могли отправить телеграмму домой. Этот способ общения с родными домом остался у меня надолго и в дальнейших экспедициях и даже междугородних поездках, если телефонная связь была затруднена. Кроме того, мы должны были быть так хорошо осведомлены о делах и родственных связях тех мест, где мы уже побывали, чтобы в других отдаленных от этого места деревнях, рассказывая об их родных и знакомых, вызывать у местных старообрядцев расположение к нашим занятиям и поездкам. Иногда в дороге, особенно при длительном передвижении, мы позволяли некоторые розыгрыши. Так однажды, когда мы плыли ночью в отдаленный районный

центр и сидели, как обычно, на палубе (внизу мест не было), нами заинтересовались соседи. Это были молодые люди, но, вероятно, уже лет 20–30-ти. Им очень хотелось узнать, кто мы такие и куда держим путь. Оказалось, что мы плывем в их родное село. Они долго не могли понять, зачем мы туда плывем, и решили, что мы зубные техники, мы их не разочаровывали. От них мы узнали, что «Дом приезжих» затопило и они, обеспокоенные тем, что нам нельзя оставаться на пристани ночью, стали приглашать наперебой к своим родным. Но мы отказывались. Тогда один из них (он был конюхом) предложил нам переночевать в конторе конюхов. Мы с радостью согласились, нас заперли до утра в большой просторной избе, мы расположились в комнате, смежной с так называемой приемной, там были простые широкие лавки, над ними висела разная конская упряжь, хомуты, седла и многое другое. Я до сих пор помню этот неповторимый запах старой кожи (юфты). На утро мы не смогли сразу проснуться и сквозь сон слышали, как входили в первую комнату конюхи, там им объясняли кто мы (они еще не знали, что мы участники археографической экспедиции Академии наук, но уже слышали, что мы приехали издалека), и тогда на цыпочках входили в нашу комнату и шепотом разговаривали между собой. Это такая природная внутренняя деликатность, которой, к сожалению, не всегда обладают многие наши современники!

Каково же было разочарование наших попутчиков, когда они узнали потом, кто мы и с какой целью к ним добирались. Но нас, конечно же, сразу же простили и даже отвели к своим родственникам, у которых могли быть рукописи и книги. Однако мы поняли, что стоматологическую помощь здесь очень и очень ждали!

Максимкин Яр запомнился также ярким эпизодом. Во-первых, здесь мы остановились в доме председателя местного совета. В то время этот поселок был один из богатейших леспромхозов Сибири. Наша хозяйка подробно рассказывала нам о жизни поселка, трудностях, особенно о продуктовом снабжении. Летом самолетами и по воде, а зимой по снежной ледовой трассе по реке завозились в основном консервы, крупы, печенье, сухари, карамельки (не московских и ленинградских фабрик), папиросы, спички, мыло и 60 % пищевой спирт (!). Мы видели тогда по всей Западной Сибири батареи этого зелья. Видимо, в суровых климатических условиях края без этого продукта невозможно было обходиться. Но это была жизнь не старообрядческих поселений, до них еще надо было добираться.

Утром почти на рассвете мы пошли на берег, откуда нас должна была забрать моторная лодка вместе с шоферами, которые по деревянным эстакадам перевозили срубленный лес. А дальше он отправлялся либо сплавом по реке, либо другим транспортом (может быть, и «тракторным поездом» до какого-либо более цивилизованного тракта). Спускаясь к воде, мы увидели костер (обычно так отгоняют комаров в ожидании речного транспорта) и услышали громкий эмоциональный разговор мужчин, расположившихся на бревнах вблизи костра. Когда мы подошли, разговор прекратился. Наступило молча-

Максимкин Яр

ние, и лишь через какое-то время, узнав в нас тех, кто останавливался в доме председателя поселкового совета, дружелюбно пригласили сесть к огню, и узнав, что нам надо также перебраться на другой берег, а дальше еще идти пешком, наперебой стали предлагать свои «Белазы» (огромные грузовые машины, диаметр колеса, у которых был намного больше нашего роста, поэтому забираться в такие кабины было совсем нелегко). Один из сидевших у костра, узнав подробнее, по какой надобности мы забрались так далеко от центральных городов нашего Отечества, дошел с нами до деревни Усть-Озерное и обещал, что на следующий год возьмет отпуск, чтобы повести нас на лодке дальше в Красноярский край, где, как мы знали, жили многие из родственников наших староверов, укоренившихся в Томской области. Это был такой необыкновенный энтузиазм, что мы немного опешили, но Елена Константиновна отнеслась к этому очень внимательно. Записала его адрес и сказала, что все передаст в Сибирское отделение Академии наук. По экспедиционному плану мы тогда не могли нарушать в наших передвижениях административные границы, не согласованные с Отделением.

Как уже было сказано, наше передвижение по местам обитания старообрядцев тогда было очень затруднено из-за транспортных возможностей. Добираться можно было либо воздушным путем (в основном, «Ан-6», «Ан-12», их называли «кукурузниками»), либо по воде. Все зависело от расписания

движения транспорта. А оно могло очень сильно сдвигаться в зависимости от разных обстоятельств. Иногда были долгие часы ожиданий. Были временные томления и во время наших общений с местными властями, или во время наших переходов. И тогда мы вели разговоры на разные профессиональные и общекультурные темы.

Помню, что часто мы обсуждали наши факультетские курсы образования, сравнивали общеобразовательные и специальные курсы нашего Ленинградского университета и молодого тогда Новосибирского. Елена Константиновна много рассказывала о И. П. Еремине, своем университетском учителе, его учениках, о его дочери Валерии Игоревне, которая выбрала своей специализацией фольклор и работала под руководством В. Я. Проппа, о лекциях которого и в наши годы ходили легенды, а чтение его работ было обязательным для всех филологов. Помню, что я все время тогда «возмущалась», что на филологическом факультете не читают общие курсы по истории и культуре Востока. На мои критические «всплески» Елена Константиновна убедительно возражала и подчеркивала, что самообразование еще никто не отменял. Она очень деликатно направляла наши разговоры в русло современной литературы. Мне особенно запомнились наши общие восхищения от сочинений Чингиза Айтматова. Мы поражались его прекрасному русскому языку, умению поэтично строить сюжет и прочее. А Таня очень много рассказывала о творческих встречах в Доме Ученых Академгородка. Ведь это были последние годы «оттепели». Известно, что многие члены редколлегии литературных журналов тогда ездили по разным городам Урала, Сибири, Дальнего Востока. Устраивали читательские конференции, обсуждали современную прозу (особенно лагерные сочинения, трагедию репрессий, современную бунтарскую поэзию и т. п.; процесс над Синявским и Даниэлем, как и советские танки в Праге в августе 1968 года,⁴ еще были впереди).

Наши экспедиционные поиски древностей подходили к концу, через Томск мы вернулись самолетом в Новосибирск, и я снова очутилась среди добрых, замечательных родителей Елены Константиновны. Как они были рады нашему возвращению, благополучному исходу! Как оказалось, мои родители несколько раз звонили Анне Николаевне и Константину Владимировичу и были ими успокоены, что мы не пропали в сибирской тайге. Потом, перед отлетом в Ленинград, я снова побывала в Академгородке и очень «конспективно», как и Таня Апсит, помогала Елене Константиновне с нашим отчетом и распаковкой наших посылок с находками. Следует вспомнить, что в тот год, когда мы поехали в экспедицию по Томской области и Елена Константиновна ее возглави-

⁴ Имеется в виду «Пражская весна» — период политической и культурной либерализации в Чехословакии. Начало периода 5 января 1968 г., когда реформатор Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии, и продолжался до 21 августа, когда СССР и остальные члены Варшавского договора, кроме Румынии, вторглись в страну для подавления реформ. — *Прим. ред.*

ла, ей было всего 29 лет. Она несла ответственность за наши с Таней судьбы — тогда родители не давали никаких письменных согласий на наше участие в экстремальных поездках!.. Когда я написала в заглавии своих воспоминаний о Елене Константиновне — «Факел и Константа», мне хотелось подчеркнуть, что символы ее имени и отчества в переводе с греческого значат факел и постоянство, и они очень тесно связаны с чертами ее характера. Это горение и преданность друзьям, общему делу, науке и желание передать многие свои таланты, знания, дружеские нити как можно большему кругу своих единомышленников. И насколько я могу судить по своим воспоминаниям, Елена Константиновна своих близких и друзей не предавала.

Стоит вспомнить и то, что Елена Константиновна познакомила меня с удивительными людьми и семьями Москвы и Санкт-Петербурга: Деминых, Голицыных,⁵ Спасских. Сначала я слышала интересные рассказы Елены Константиновны об этих людях, а потом была приглашена к ним в дом. Особую благодарность испытываю до сих пор к семье ныне покойного Ивана Георгиевича Спасского, долгие годы трудившегося в Отделе нумизматики Эрмитажа еще вместе с моей бабушкой, Софьей Александровной Пиотровской, и дядей, Борисом Борисовичем Пиотровским. Елена Константиновна во многом определяла, наряду с моими университетскими учителями Н. А. Мещерским, Н. С. Демковой, позднее моей руководительницей в аспирантуре Ленинградского отделения Института истории Е. Э. Липшиц, мои научные пути-дороги. Особенно после окончания университета, аспирантуры и даже когда я уже стала самостоятельным исследователем, по многим профессиональным и организационным вопросам я советовалась с Еленой Константиновной. Жаль, что в последние годы это было редко!

С посещением Новосибирска и многодневным общением с Еленой Константиновной и ее семьей связаны еще и памятные эпизоды 1975 и 1980 гг. (К сожалению, из-за болезни в 1967 г., я не смогла побывать на Алтае, принять участие в экспедиции в Туву, которую тогда организовал Н. Н. Покровский.) Итак, Елена Константиновна, следуя установившейся практике полевой археологии, попросила меня принять участие летом 1975 г. еще в одной экспедиции вместе с аспиранткой N Института истории, филологии и философии СО АН. Мы должны были через Томск добраться до скитов Красного Яра и окрестных деревень, чтобы прояснить современное состояние сохранившихся у староверов рукописей. Меня пригласили потому, что раньше, 9 лет назад, вместе с Еленой Константиновной и Таней Апсит, я бывала в этих местах и маршрут был знакомым. Елена Константиновна не смогла поехать с нами. Плотный график ее работы не позволял ей это сделать и, кроме того, дочь Варенька была еще слишком мала, чтобы оставлять ее с Анной Николаевной надолго. Поездка выпала на самый конец лета — месяц август. В Сибири это уже прохладное время. Елена Константиновна и Варя встретили меня в аэропорту и повезли

⁵ Семья А. И. Вуич и А. К. Голицына. — *Прим. ред.*

Анна Николаевна Ромодановская

сначала в Академгородок, т. к. они некоторое время жили там в квартире своих друзей. Елена Константиновна объяснила, что день и ночь мы проведем в Академгородке, а потом будет торжественный прием в Новосибирске, который уже готовит ее мама.

Надо сказать, что Анна Николаевна была мотором и хранителем Дома Ромодановских. Анна Николаевна собирала интереснейшую библиотеку мемуаров известных писателей, артистов, музыкантов. Она хорошо знала основы педагогики (по-моему, у нее было не только медицинское, но и педагогическое образование), поэтому Варенька воспитывалась в строгих педагогических и физиологических традициях развития ребенка. Анна Николаевна своими корнями была связана с Кронштадтом, нашим Санкт-Петербургом — Петроградом — Ленинградом и поэтому всегда просила рассказывать о городе как можно больше, о Невском проспекте, театрах, Елисеевском магазине и т. п. Анна Николаевна никогда не просила ничего особенного ей привозить (не надо забывать, что снабжение тогда, не в центральных городах страны, было скудным, деликатесные продукты и лакомства известных

Владимир Николаевич Алексеев среди книжных находок
Института истории, филологии и философии СО АН СССР

фабрик и заводов отсутствовали почти повсеместно). Единственное, что ей было приятно получать, — это молотый кофе из Елисеевского магазина, или в зернах, которые она тщательно молола на ручной мельнице (домашние электрокофемолки стали широко распространяться лишь в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века).

Эта моя поездка в Новосибирск была менее удачна по результатам. Практически нам ничего не удалось привезти.⁶ Но зато мы познакомились с удивительным социальным явлением старообрядческой традиции в скитах Сибири. Скиты стали выполнять в некотором роде функции домов престарелых (прообразы будущих пансионатов для пожилых людей). Районные власти, где мы отмечали свои командировки, рассказали нам, что многие местные жители леспромхозного поселка по требованию своих матерей отвезли их в скит, в тот самый «безденежных», где мы так трепетно побывали и были радушно приняты много лет назад. Теперь добираться к скиту было легко, была проложена широкая, утрямбованная дорога. Нас вспомнили, но такого длительно и подробного общения не получилось, т. к. все были заняты обеспечением жизненных проблем, был период сбора грибов и ягод. Запомнилось, что гри-

⁶ В 2003 г. у старообрядцев Кривошеинского района Томской области были приобретены рукописи (см. об этом: Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Каталог. Выпуск 1. XV–XVII вв. Томск, 2007). Хочется думать, что эти приобретения могли быть отголосками наших экспедиций.

бами, исключительно благородными, были усеяны все полянки и отдельные уголки под деревьями. Грибов красных, белых и желто-коричневых было так много, что их можно было косить косой. Красота незабываемая! Выяснив все, что нужно было для задания, определенного нам Еленой Константиновной, мы даже не остались ночевать в скиту. Главные вопросы были связаны с миграцией книг из одного старообрядческого центра в другой. Как я уже упомянула, нам ничего нового не удалось выяснить и в ближайших к Красному Яру поселениях. Обратное возвращение в Томск было тяжелым (вспомнилась первая экспедиция), пароходик задерживался, мы ждали на причале среди толпы ягодников с большими корзинами. Они везли свои дары природы на томский базар, в основном это была черника («чернига»). Но эта поездка очень обогатила мои представления о Сибири середины 70-х годов XX века. Произошли изменения в организации движения речного и авиатранспорта, оно стало более беспорядочным. Миграция людей была динамичной, и уже в воздухе чувствовалось дыхание бурного освоения нефтяных недр Сибири. Вспоминается, что уже были рейсы транспорта на воздушных крыльях («Метеоры»). И на них посадки были трудными, а движение по рекам не безопасно (под дно судна могли попасть плавающие бревна). Изменился и внешний облик людей. Много было народа, который явно приехал не только осваивать Сибирь из-за романтических представлений, но и стремился попасть работать в те места, где были очень выгодные условия и хорошие заработки. И уже тогда шли суда на воздушной подушке до Саяногорска.

Елена Константиновна очень внимательно выслушала все наши экспедиционные выводы и замечания о современном состоянии жизни в поселках, где мы раньше бывали с ней. И хотя она не была по образованию профессиональным историком, но именно Сибирь с ее многоконфессиональными и полиэтническими традициями, социальными проблемами, академическая и университетская среда Новосибирска давали ей силы и способности чувствовать современное движение жизни государства гораздо больше, чем многим моим коллегам из петербургского академического сообщества, хотя они и были постоянными участниками и докладчиками методологических и философских семинаров (вызывала удивление сама наша поездка, а уж тем более выслушивать наши впечатления никто не захотел). Таким образом, экспедиционные уроки, которые Елена Константиновна преподавала нам, были в высшей степени необходимы в дальнейшей жизни. Она была и остается во многом путеводной звездой в трудных обстоятельствах, которые еще предстояло пройти и придется выдержать в будущем. Удивительны были ее воспоминания об археографической поездке на Русский Север с А. Х. Горфункелем, Е. И. Дергачевой-Скоп, А. М. Панченко. Она так благоговейно вспоминала эту свою поездку и своих коллег, что и мы невольно прониклись к ним глубочайшим уважением. А о В. И. Малышеве, его неповторимом и непредсказуемом характере, преданности Аввакуму и его творчеству, идее создания Древлехранилища в Пушкинском Доме Елена Константиновна могла говорить бесконечно (надо напом-

Тихомировские чтения в Новосибирске, май 1980 г. Стоят: Е. К. Ромодановская, Н. Е. Носов, В. А. Черных, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. С. Демкова, В. Н. Алексеев. Сидят: Е. К. Пиотровская, Н. Б. Шеламанова, Л. В. Титова, Л. В. Тиганова, Н. Н. Покровский

нить, что первоначально рукописные сокровища, собранные и привезенные В. И. Малышевым, подаренные ему старообрядцами, были частью Рукописного отдела Института русской литературы Академии наук)...

Вспоминается и последняя моя поездка в Новосибирск в 1980 г. на Тихомировские чтения вместе с директором нашего института Н. Е. Носовым.⁷ Это было также незабываемо, как и прежние путешествия по Сибири. Новосибирцы встречали нас не только торжественно, но и тепло, по-родственному. Приехали на Чтения и москвичи: О. А. Князевская, Л. В. Тиганова, Н. Б. Шеламанова, В. А. Черных и др. В Доме Ромодановских остановились не только, я, но и Н. С. Демкова. Анна Николаевна, конечно же, нас потчевала от души и ободря-

⁷ Николай Евгеньевич Носов выступил с итоговым докладом, который был опубликован с дополнениями в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины». См.: Носов Н. Е. Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 12. Л., 1981. С. 3–12.

ла перед нашими докладами, которые мы редактировали в ночь перед выступлением. Помню, как мы с Еленой Константиновной работали вместе в кабинете над своими текстами, изредка обращаясь с вопросами друг к другу. В этот год отмечался юбилей Н. Н. Покровского, 50-летие ученого. Я все удивлялась, что он уже стал дедушкой, его семья дома устроила радужный прием, и мы все сфотографировались на память. Теперь оказалось, что это единственная сохранившаяся фотография, где мы с Еленой Константиновной вместе. На Чтениях были не только интересные доклады и сообщения по вопросам археографии и вспомогательным историческим дисциплинам, но и поездка по Оби, где нас всех опекали и увлеченно объясняли историю застройки города, его районов Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев.⁸ Были и дружеские посиделки, и ночные прогулки по Академгородку с Л. В. Титовой и ее молодыми коллегами. (Л. В. Титова, урожденная Ярошенко, была выпускницей нашего Ленинградского университета, занималась в семинаре Н. С. Демковой, мы вместе ездили в экспедиции на Русский Север и остаемся близкими друзьями до нынешних дней. Л. В. Титова всегда была рядом и с Еленой Константиновной, и с Николаем Николаевичем). Больше мне не пришлось побывать ни в Сибири, ни в Академгородке. Начались предперестроечные годы, случился путч 1991 года, и последовала другая жизнь, со всеми трудностями выживания моей семьи и близких, как и во всей стране. Дальнейшие наши общения с Еленой Константиновной уже были связаны с нашим городом и Москвой, где мы встречались в рукописных отделах библиотек и музеев и дома у нас и у Спасских, а также на концертах в филармонии и Капелле. Не могу не вспомнить торжественную защиту докторской диссертации Елены Константиновны в Пушкинском Доме 15 февраля 1988 г., посвященную «Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XVIII вв». Защита была безупречной. Запомнилась она еще и потому, что накануне произошел страшный пожар в БАН, «пожар века», как его называли потом.⁹ На защите присутствовала и дочь Варенька, которая внимала каждому слову и старалась не выказать своего волнения. Конечно же, венцом справедливости научных успехов было избрание Елены Константиновны членом-корреспондентом РАН. И долгие, долгие годы все будущие научные решения, связанные с моей деятельностью как уполномоченного нашего Ин-

⁸ Е. К. Ромодановская, Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев и Н. Н. Покровский стояли у истоков археографической работы в Сибири. См. об этом: Панченко А. М. «Археографическое открытие» Сибири // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство, Археология: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 152–156.

⁹ Пожар в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде — чрезвычайное происшествие, случившееся 14–15 февраля 1988 г., в результате которого Библиотеке был нанесен огромный ущерб. Несмотря на то, что человеческих жертв не было, произошла настоящая культурная катастрофа: в огне погибли все подшивки газет с 1922 по 1953 годы (1/2 всего газетного фонда), а также около 300 тысяч книг, в том числе весьма редких и дорогостоящих. В результате пожара и его тушения серьезно пострадали 3,5 миллиона единиц хранения. — Прим. ред.

ститута по издательским делам и ответственного секретаря издания «Вспомогательные исторические дисциплины», я часто обсуждала, советовалась с Еленой Константиновной и Николаем Николаевичем. Теперь пустота...

И все же воспоминания хочется закончить на оптимистичной ноте. Как я уже писала раньше, встреча и дружба с Еленой Константиновной была в моей жизни чудом. Она и подарила мне чудо встречи с Сибирью, ее коллегами и учениками, родными и радостью общения с ее доброй и талантливой дочерью, наследницей семейных и отечественных научных традиций, Варварой Андреевной Ромодановской.

Новосибирск. 1967 год. Бегу по улице Серебренниковской, поворачиваю во внутренний двор дома в центре города. По сибирским меркам минувших лет дом солидный, стены цвета топленого молока. Пересекаю двор, вхожу в подъезд, несколько ступенек вниз, лестница вверх, дверь в квартиру слева. Звоню. Дверь открывает среднего роста, подтянутая, с приветливой улыбкой женщина, воплощение спокойствия, благородства и благожелательности. Это Анна Николаевна Ромодановская, мама Елены Константиновны. Приглашающий жест в замечательное царство книг, которое начинается прямо от порога. Из своего кабинета в коридор выходит Константин Владимирович, приветствует первокурсницу. Несколько добрых слов — и естественная робость тает под воздействием человеческой теплоты и благорасположения. Так, с истинно аристократической простотой и демократизмом подлинной интеллигентности, встречает меня... не квартира, нет. А Дом молодого филолога, Елены Константиновны Ромодановской, будущего руководителя моей дипломной работы. Но до диплома на

Новосибирск. Двор дома № 9 по Серебренниковской улице. Дождь

М. Ю. Новицкая, Н. В. Понырko, Е. К. Ромодановская, И. А. Муравьева.
Экспедиция 1967 г.

[996]

пятом курсе гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета еще целых три года.

А пока первая встреча с Еленой Константиновной связана с тем, что меня, первокурсницу, увлеченную лекциями по устному народному творчеству и древнерусской литературе, Елена Ивановна Дергачева-Скоп рекомендовала своей коллеге для участия в летней археографической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Зимой мне посчастливилось участвовать в археографической экспедиции под руководством Елены Ивановны. В Иркутске и Улан-Удэ мы с группой студентов помогали составлять библиографическое описание редких старопечатных книг в научных библиотеках этих городов, а потом успели поработать и в старообрядческом селе Тарбагатай. Летом же все мои сокурсники поедут с Еленой Ивановной в фольклорную экспедицию, а я — опять в археографическую.

И теперь Елена Константиновна, щедро делясь своим временем, готовит меня к предстоящей поездке, ориентирует в море литературоведческих исследований, советует, что и как читать. Я уже с зимы зачарована тайной водяных книжных знаков на старинных бумажных листах, красотой древнего русского слова. А теперь еще глубже окунулась в удивительный мир средневековой русской литературы: старообрядческие повести о высокоумном хмеле и душевредном табаке, работы В. П. Адриановой-Перетц и М. О. Скрипиля, Д. С. Лихачева и И. П. Еремина, духовные стихи в рукописных сборниках... Богатейшая библиотека Дома Ромодановских надолго станет для меня живительным источником знаний.

И. М. Муравьева, М. Ю. Новицкая, Н. В. Понырko. Енисей. Экспедиция 1967 г.

[997]

Марина
Алексеев-
на Салми-
на и Елена
Констан-
тиновна
Ромода-
новская.
2003 г.

Ольга Андреевна Белоброва и Руфина Петровна Дмитриева.
Во дворе Пушкинского Дома. Август 1969 г.

[998]

Но еще важнее было то, что моя молодая наставница органично живет в атмосфере постоянного научного поиска, центр которого — в Ленинграде. Просто, естественно и неспраздно в наших беседах звучат имена ее сокурсников и коллег по историко-филологическому сообществу Ленинградского государственного университета: Натальи Сергеевны Демковой, Марины Алексеевны Салминой, Надежды Феоктистовны Дробленковой, Руфины Петровны Дмитриевой... Все они связаны с Еленой Константиновной узами научного родства, определившего тематику и проблематику изучения русской средневековой повествовательной литературы, которой каждая из членов этого своеобразного ученого сестричества посвятила свою жизнь.

Так в жизнь сибирской студентки благодаря общению с Еленой Константиновной прочно входит одно из крупнейших научных явлений — ленинградская школа отечественной медиевистики. Видимо, правильно будет сказать, что научные достижения сибирской археографии и литературоведения во многом определяются именно сотрудничеством с ленинградской научной школой, наряду с влиянием научной школы Московского государственного университета, представленной в Новосибирском Академгородке личностью и трудами Николая Николаевича Покровского и Марины Михайловны Громыко. Их лекции и семинары были целым событием для будущих историков и филологов. Бесценным даром стал для сибирских студентов и цикл лекций Дмитрия Сергеевича Лихачева, прочитанных в аудиториях корпуса НГУ, за

Елена Константиновна Ромодановская и Николай Николаевич Покровский.
Новосибирский Академгородок, 2 августа 1981 г.

[999]

Дмитрий Сергеевич Лихачев.
Выступление в Фонде Культуры. 1986 г.

текстологической науки. Училась выявлению разных пластов художественной образности, причудливо переплетенных в произведении, отмеченном сильным влиянием народной устно-поэтической стихии. Пыталась обобщить итоги кропотливой, часто рутинной работы в выводах, которые бы помогли не только получению диплома о высшем образовании, а все же тянули пусть на крохотное, но открытие. Именно такие цели ставила передо мной Елена Константиновна. В науке она была максималистом.

А дальше жизнь пошла другой колеей. Из медиевистики я ушла в фольклористику, которая всегда влекла меня не менее сильно, чем литературоведение. Семейные обстоятельства сложились так, что объектом научного интереса стал детский фольклор, а «субъектом» филологических и психологических наблюдений — собственный ребенок. Но когда в диссертационном исследовании начали определяться способы работы с устно-поэтическим словом, особенно в процессе составления сюжетно-тематического словаря русского детского внеигрового фольклора, обнаружилось, насколько продуктивен текстологический инструментарий, владеть которым учила меня Елена Константиновна. Как важно, что под ее руководством я освоила технику терпеливого филологического бдения, и

окнами которого зеленели сосны незабвенного нашего Академгородка. А связующей нитью между нами, студентами, и ведущими учеными страны явилось их глубокое и плодотворное научное содружество с Е. К. Ромодановской.

В результате через три года мне абсолютно понятен был выбор направления дипломной работы: изучение переводной «Повести о королевиче Валтасаре», произведения последней трети XVII века. Повесть дошла до нашего времени лишь в одном единственном сохранившемся, да к тому же дефектном списке. Научным руководителем работы стала Елена Константиновна, а я — ее первым дипломником. Под водительством такого специалиста, как Е. К. Ромодановская, ее ученица постигала азы и тонкости

Константин Владимирович Ромодановский.
27 октября 1965 г.

Анна Николаевна Ромодановская

теперь вот сижу над сотнями фольклорно-этнографических полевых записей и опубликованных текстов детского фольклора. Ради того, чтобы увидеть прихотливый процесс жанровой диффузии сюжетов и мотивов в их живом бытовании и сделать выводы о том, каковы закономерности этого процесса и как они связаны с возрастными особенностями в развитии художественного мышления ребенка. Это значит — сделать крохотный шаг к открытию тайны становления человека. Делать такие шажки сверх стремления к решению прагматических задач — тоже наука, полученная от Елены Константиновны.

Позже опять вернулась тяга к постижению смысла духовных стихов и их влияния на русскую духовную поэзию, удивительные образцы которой рождены в творчестве современного поэта иеромонаха Романа (Матюшина). За повседневностью совсем иного вида деятельности возникала жажда понять творческие импульсы в кружевном «плетении словес» дивного писателя С. Н. Дурылина, которого наши современники сейчас открывают для себя заново. И в этих эпизодических возвращениях в отчую обитель литературоведения блудное чадо всегда поддерживала Е. К. Ромодановская.

Но в шестидесятые годы это все — далекое будущее. Сейчас же, окликаая былое, я словно вновь вижу себя в Доме семьи Ромодановских.

Сидим все вместе за круглым столом в кухне. На белой скатерти в тончайших чашках дымится особый крепчайший — ромодановский! — чай. Хрустит печенье, испеченное Анной Николаевной. Под круглым светящимся абажуром продолжается беседа, которая началась за письменным рабочим столом. В ней теперь живо участвуют Анна Николаевна и Константин Владимирович, они всегда в круге интересов дочери и ее ученицы. Бывает, так засидимся, что уехать гостышке уже и невозможно: городской транспорт не работает.

На набережной Невы. 1 декабря 1954 г.

Тогда из книжных шкафов достаются большие альбомы с открытками. И мы вместе путешествуем по любимому Ленинграду. В этом путешествии для меня одной — три увлеченных гида. Отец, мать и дочь знают о городе, его давнем и недавнем прошлом и настоящем, кажется, все. Их любящими глазами молодая сибирячка смотрит и прозревает Петра творенье. Их незримыми стопами бредет по набережным и мостам, улицам и площадям. Их чуткую память вбирает в свою душу, чтобы потом с такой же любовью открыть для себя этот город уже наяву. И до сих пор открывать его, город, родной для моих незабвенных Учителей. В семье Ромодановских их было трое.

И звучат в особом воздухе царственного Санкт-Петербурга строки Василия Андреевича Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Чем дальше живу, тем глубже понимаю мудрый смысл этих строк.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. Она состоялась в начале июня 1967 г. Для Елены Константиновны, сотрудника Отдела гуманитарных исследований Института экономики Сибирского отделения Академии наук, это был последний год обучения в аспирантуре Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома (ИРАИ) и подготовки к защите кандидатской диссертации по истории сибирской литературы. Преподаватель древнерусской литературы на филологическом факультете ЛГУ Наталья Сергеевна Демкова (ныне профессор) пригласила Елену Константиновну на занятие руководимого ею семинара. Здесь мы и познакомились. Елена Константиновна предложила мне, студентке тогда второго курса, принять участие в сибирской археографической экспедиции в старообрядческие скиты. Идея показалась очень заманчивой, хотелось собственными глазами увидеть незнакомый мир, о котором раньше доводилось слышать из устных рассказов немногих побывавших в тех местах. Широкой аудитории старообрядческая Сибирь открылась значительно позже, спустя 15 лет, когда вышла в свет повесть известного журналиста В. М. Пескова «Таежный тупик».

Е. К. Ромодановская. Вюрцбург, 28 января 2002 г.

У ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНЫ ДОМА, В НОВОСИБИРСКЕ. На время подготовки экспедиции в Томскую область, организованной совместно с Сибирским отделением Академии наук и Новосибирским университетом, Елена Константиновна приняла меня у себя дома, где кроме нее жили ее родители. Неизгладимое впечатление оставила их квартира. Стены всех трех комнат от пола до потолка были заняты книжными полками. Книг оказалось больше, чем вместилищ для них, поэтому они распространились по всем открытым поверхностям, лежали повсюду. Казалось, что книги и есть главные хозяева в доме. Настоящее книжное царство! Впоследствии мне приходилось видеть большие прекрасные книжные собрания ученых-гуманитариев, но такого, какое могло бы сравниться с семейной библиотекой Ромодановских, пожалуй, не припомню.

Подготовка к экспедиции заняла примерно неделю. Часто я видела Елену Константиновну сидящей за пишущей машинкой, она не упускала ни малейшей возможности для научных занятий. Елена Константиновна работала очень интенсивно всегда. Из разговоров, которые велись во время совместных завтраков-обедов-ужинов, я узнала от Анны Николаевны, мамы Елены Константиновны, и от нее самой об истории их семьи, о том, как они, урожденные петербуржцы, оказались в Сибири.

С Еленой Константиновной мы беседовали и на научные темы. Один из рассказов особенно запомнился. Она вспоминала о своем учителе — выдающемся исследователе древнерусской литературы Игоре Петровиче Еремине, профессоре ЛГУ, под руководством которого писала дипломную работу. К школе И. П. Еремина принадлежат также учившиеся у него в аспирантуре в середине 1950-х — начале 1960-х годов Н. С. Демкова и А. М. Панченко. Накануне поступления Елены Константиновны в аспирантуру И. П. Еремин скончался, это было в 1963 г., и она поступила в аспирантуру годом позже, в 1964 г., и стала первой аспиранткой Л. А. Дмитриева. Елена Константиновна говорила о том, что высоко чтит работы И. П. Еремина, что в студенческие годы они отвечали ее представлению о должном научном уровне. Когда же сама начала заниматься наукой, то в еще большей мере оценила их особую глубину и красоту, свойственное ученому тонкое чувство стиля, проявившееся и при анализе памятников литературы, и в манере его письма. Неизменным авторитетом у Елены Константиновны пользовались труды и других древников — В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова.

ВЫЕЗДНЫЕ ЧТЕНИЯ СЕКТОРА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ПСКОВ В МАЕ 1972 г. Начиная со времен аспирантуры, Елена Константиновна на протяжении всей своей научной деятельности сотрудничала с Сектором Д. С. Лихачева, была тесно связана научной работой, коллегиальными и дружескими отношениями с его сотрудниками. Когда по инициативе Д. С. Лихачева состоялись выездные Чтения по древнерусской литературе, положившие начало традиции, которая, кстати, продолжается до сих пор, Елена Константиновна

[1004]

Евгений Александрович Маймин и Руфина Петровна Дмитриева.
Выездные Чтения по древнерусской литературе, Псков, 1972 г.
На втором плане справа — А. И. Сазонова

приняла в них участие. Одним из организаторов встречи на псковской земле был литературовед и писатель Евгений Александрович Маймин, личный друг Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева.

В гостинице мы с Еленой Константиновной поселились в одном номере. В это время я была на втором курсе аспирантуры у Д. С. Лихачева. Вечерами Елена Константиновна рассказывала о своих занятиях сибирской литературой, о найденном ею в Историческом музее в Москве подлинном тексте «Синодика ермаковым казакам», известном ранее только по более поздней Есиповской летописи. Она открывала в науке новые темы.

Елену Константиновну было очень интересно слушать. Нить разговора вилась как бы сама собой, легко и свободно, благодаря ее увлеченности предметом, широте интересов, блестящей эрудиции, прекрасному знанию текстов древнерусских памятников и научной литературы о них.

НАУЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАУЧНАЯ ЭТИКА. В марте 1984 г., когда Елена Константиновна приехала в очередной раз в Москву для занятий в рукописных отделах Исторического музея и Ленинки, она посетила заседание Группы древнерусской литературы ИМЛИ, где с докладом о творчестве Антония Подольского, писателя первой трети XVII века, выступил молодой

[1005]

З. А. Лихачева, Л. И. Сазонова (стоят спиной), М. А. Робинсон, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, О. А. Белоброва, <...>, М. А. Салмина, М. Ф. Антонова, Е. К. Ромодановская, <...>, А. А. Дмитриев. Псков, 1972

исследователь. Елена Константиновна не только приняла участие в дискуссии, но со свойственным ей стремлением к тщательности и точности в научной работе продолжала размышлять о поднятой теме. Вернувшись домой, она написала письмо руководителю Группы А. Н. Робинсону: «Я сочла своим долгом написать Вам, потому что у меня появились некоторые данные об Антонии Подольском», о котором шла речь в докладе. При этом Елена Константиновна не боялась признаться в своей ошибке, что, конечно, является признаком силы ее характера: «Дело в том, что по приезде домой я решила проверить, что именно писал о нем В. Н. Перетц (меня мучило, что я не могу восстановить это в памяти), и увидела, что я все-таки ошиблась: была заметка о нем не самого Перетца, а Б. А. Ларина, помещенная в Отчетах семинария Перетца за 1912 г., — из-за этого, по-видимому, в памяти у меня сместилась фамилия. Однако серьезнее другое. Как выясняется, о Подольском вообще существует гораздо большая литература», чем было упомянуто докладчиком. Елена Константиновна привела перечень публикаций с краткой историей изучения наследия Антония Подольского, затем продолжила: «Это то, что мне удалось увидеть, что называется “с ходу”. Думаю, что другие справочники дадут еще какие-либо данные (Словарь Строева, Мезьер и т. п.)». Совет, данный ею для изучения названного писателя: «Хорошо было бы справить-

ся и в картотеке В. Н. Перетца, которая хранится в ИРАИ», — можно считать универсальным для всякого древника при занятиях любой темой: ведь там, как она пишет, «бывают вообще неожиданные вещи». Примечательно, что свои соображения Елена Константиновна сообщила не докладчику непосредственно, но, следуя научной этике, обратилась к его руководителю: «Мне не хотелось помимо Вас обращаться» к молодому исследователю, «а промолчать я тоже не могла, потому что очень пугаюсь, когда вижу у молодежи провалы в знании предшественников. Хочется ведь и предупредить возможные разочарования, и неприятности — тем более. Надеюсь, что я хоть немножко помогу Вам своими заметками. Эти уточнения не зачеркнут того интересного исследования, которое мне удалось послушать, но укрепят» (19 апреля 1984 г.).¹

Андрей Николаевич Робинсон

Совершенно очевидно, что когда Елена Константиновна писала это письмо, ею двигало чувство собственной научной ответственности и за качество научных исследований, и за судьбу нового поколения, которое приходит в науку. А. Н. Робинсон ответил на ее письмо с благодарностью, своему же подопечному сообщил: «По поводу Вашего неудачного выступления в Группе при обсуждении последнего доклада я получил замечание от присутствовавшего весьма солидного специалиста. Мне было это очень неприятно, тем более, что совпало с моим впечатлением».

Для Елены Константиновны принципиально важным являлось следование принципам научной этики, что касалось даже, казалось бы, мелочей. Когда в ее честь вышли юбилейные сборники — к 60-летию «Традиция и литературный процесс» (отв. ред. чл.-корр. А. Б. Соктоев. Новосибирск, 1999) и к 70-летию «Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте» (отв. ред. акад. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2008), — каждому из участников этих фестивалей она подарила по экземпляру книги с дарственной надписью. Такой стиль научного поведения характерен для традиций научной жизни Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. Так поступал Д. С. Лихачев, с благодарностью откликаясь на юбилейные научные приношения. Елена Константиновна, ценившая атмосферу, в которой протекала деятельность ее ленинградских/петербургских коллег, старалась воссоздать такую же вокруг себя.

¹ Переписка сохранилась в семейном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон, жены А. Н. Робинсона.

НАУЧНЫЙ ПИР И СИБИРСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО. Елена Константиновна была инициатором и руководителем большого научного проекта, имевшего своей целью создание «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» (попутно отмечу, что идея осуществилась, как и все, за что она бралась). По ее приглашению мне посчастливилось побывать в декабре 1994 г. на одной из конференций, посвященных разработке этой проблемы. Программы с темами докладов у меня не сохранилось, но осталось яркое впечатление об этом научном событии как пиршестве идей.

В Древлехранилище Пушкинского Дома.
10 мая 1982 г.

периода», в котором выдвинула понятие «литературный вымысел» как ключевое на пути перехода от древнерусской литературной традиции к литературе нового времени. Речь шла о том, что период от начала XVII в. до 40-х годов XVIII в. характеризуется новыми литературными отношениями во всех своих аспектах. Если в эпоху Средневековья вымысел не осознавался читателем, а возможно, и автором тоже, то в переходный период он начинает восприниматься как содержание литературы, как самоценное литературное явление, со-

После конференции я отправилась в Томск, чтобы выступить в качестве оппонента на защите кандидатских диссертаций молодых коллег Елены Константиновны — Т. В. Панич и О. А. Савельевой. На обратном пути автобус, двигавшийся по обледенелой дороге, прибыл в Новосибирск с приличным опозданием. Все это время Елена Константиновна ждала его приезда на остановке. Темный зимний вечер, пронизывающий ветер, мороз около минус тридцати градусов. После того, как Елена Константиновна встретила меня, мы пришли к ней домой. Согревались ужином и чаем. На столе появилась пол-литровая банка красной икры — несказанно щедрое угощение в тощие 90-е годы!

МОСКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ. 25 января 1995 г. Елена Константиновна выступила в ИМЛИ на заседании Отдела древнеславянских литератур с докладом «Роль вымысла в русской литературе переходного

периода», ставящее суть творческого процесса. В XVII в. вымысел переполняет литературу, специально подчеркивается. Вымысел или борьба с ним охватывают все жанры, даже летопись. Поздние летописи характеризуются особой беллетризацией текста, они обрастают вымышленными подробностями, при этом «баснословные» рассказы касаются даже древнейших периодов русской истории. С вымыслом связано утверждение в литературе вымышленного персонажа: безымянного — под влиянием притчи, а также с вымышленным именем, среди которых есть и пословичные имена («Поп Савва — такова его и слава»), и псевдоисторические (Андрей Критский), а с XVIII в. отмечаются значимые, выражающие сущность характера героя. Вымысел в литературу приносят сказка, притча, миф, переводные произведения. Проблема вымысла связана и с житиями, «реально» описывающими обстановку чуда. В XVII в. в них начинает проникать ориентация на следственные документы с указанием свидетелей чуда. Новая эпоха по-новому воспринимает старые литературные традиции.

Проблема вымысла является частью более широкого исследования, которое Елена Константиновна посвятила изучению вопроса о том, каким образом происходит переход от одной литературной системы к другой, и которое опубликовано в ее монографии «Русская литература на пороге Нового времени» (Новосибирск, 1994). В этой книге, подаренной мне автором, обнаружились сделанные мною во время ее доклада краткие записи, что позволило в общих чертах воспроизвести здесь его содержание.

Запомнилось и другое выступление Елены Константиновны в стенах того же ИМЛИ в декабре 2003 г. Она живо откликнулась на приглашение принять участие в Международной научной конференции «Память литературного творчества», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), выдающегося германиста, теоретика и историка литературы и культуры, на труды которого она, кстати, ссылалась в своих работах. В своем докладе «Римские Деяния» («Gesta Romanorum») и древнерусская система жанров» Елена Константиновна поставила вопрос о соотношении впервые переведенных в последней четверти XVII в. западноевропейских средневековых сборников легенд и «примеров» (exempla) с меняющейся в переходный период системой древнерусских жанров; «приклады» «Римских Деяний», близкие к древнерусской притче, не обновили давно известных жанров, но стали одним из важнейших источников

Лидия Ивановна Сазонова.
Вюрцбург, 2002 г.

Л. Н. Иванова и Е. К. Ромодановская.

В здании Академии наук на Ленинском проспекте в Москве, на Общем собрании РАН

сюжетов и образов беллетристической повести. Работа над памятником развернулась в обширное текстологическое и историко-литературное исследование, итогом которого стал фундаментальный труд «Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов» (2009).

После окончания конференции мы шли пешком из ИМЛИ по Тверскому бульвару на Волхонку, в Институт русского языка, где у Елены Константиновны была намечена встреча с коллегами.

В Москву Елена Константиновна приезжала довольно регулярно, после избрания ее членом-корреспондентом она должна была присутствовать на Общих собраниях Академии наук. Совмещала эти поездки с работой в архивах. Отдыхала иногда в академическом санатории «Узкое», что в получасе ходьбы от нашего дома, Елена Константиновна бывала у нас в гостях.

Она была человеком благородным и добросердечным, в чем не раз у меня имелась возможность убедиться. Елена Константиновна не боялась брать на себя ответственность и шла по избранному пути до конца. Свою жизнь она прожила в науке и во имя науки.

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ 1968 г.

Елена Константиновна Ромодановская была среди тех, кто начинал полевую археографическую работу Сибирского отделения Академии Наук. От первых экспедиций остались интереснейшие документы — дневники, в которых подробно фиксировались опросы староверов: их биографии, представления о старообрядческих соглашениях, в том числе и собственном, об обрядах и догматике; наконец, религиозный фольклор. Позже, когда работа из года в год повторялась на одних и тех же территориях, дневники закономерно стали куда лапидарнее: отмечались в основном адреса, краткие результаты проведенных бесед, обследование книжных коллекций. Е. К. Ромодановской вообще принадлежит самый первый полевой дневник. Он датирован 1965 годом, имеет название Лингвистической экспедиционной группы археографов, подписан Еленой Константиновной, а адрес, по которому следует вернуть дневник в случае утери (таков печатный формуляр первой страницы дневника), обозначен как Отдел гуманитарных исследований. Этот Отдел был открыт при Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и впоследствии преобразован в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, в котором долго работала Е. К. Ромодановская. Но самый интересный, на наш взгляд, дневник относится к 1968 г. Он и предлагается к публикации.

Со времени алтайской экспедиции Е. К. Ромодановской прошло почти 50 лет. Тех стариков, с которыми вела беседы группа, нет в живых, да и многие семьи староверов давно переехали в другие места: об интенсивных старообрядческих миграциях в Алтайском крае и в Горном Алтае рассказывали этнографы уже в первой половине 1980-х гг., жалуясь на невозможность систематического наблюдения. Сибирские археографы всегда очень осторожно относились к обнародованию своих наблюдений и адресов староверов: уже с середины 1970-х гг. мы столкнулись с грабежами, которым подвергались восточноказахстанские и томские скиты, «мирские» деревни, откуда уносили в основном иконы, а иногда и книги. Теперь возможным любителям наживы вряд ли стоит беспокоиться: в 1968 г., как следует из дневника, археографам пришлось иметь дело с вымирающей в этом регионе конфессией. Из дневника видно, что Е. К. Ромодановская хорошо подготовилась к экспедиции: практически в каждой беседе повторялись одинаковые вопросы; с их помощью можно было определить согласие, к которому принадлежал информант, ведь очень часто общепринятое в науке название не совпадало с самоназванием, а бывало, что человек не мог (или не хотел) его назвать. Дневниковые записи свидетельствуют, что Алтайская группа в 1968 г. работала среди часовенных (иначе — стариковщина). Это бывшие беглопоповцы, которые по ряду причин после 1840 г. отказались

С «книжным уловом». Н. В. Понырko и Е. К. Ромодановская. Экспедиция 1967 г.

[1012]

принимать священников, переходивших к ним из официальной церкви. Однако, если старообрядцы, тесно связанные с нижеенисейскими и тувинскими скитами, хорошо знали о «поповском» прошлом и беспоповцами себя никогда не называли, то алтайские староверы, как следует из дневниковых записей, ни о каких священниках своего согласия XVIII–XIX вв. уже не поминали. Замечателен религиозный фольклор, собранный археографической группой. Его постоянная фиксация — несомненная профессиональная установка Е. К. Ромодановской. В ряде случаев записанные в 1968 г. рассказы о чудесах перекликаются с их вариантами, включенными в Урало-Сибирский патерик, созданный на Нижнем Енисее во второй половине XX в.¹

Ни приказ об экспедиции, ни отчет Алтайской группы 1968 г., к сожалению, не сохранились. Судя по одной из позднейших справок, в составе группы, кроме руководителя, работали Наталья Владимировна Понырko, Марина Юрьевна Новицкая, Петр Анатольевич Гринфельд² и Владимир Владимирович Тарасевич.³ Н. В. Понырko и М. Ю. Новицкая в 1968 г. были студентками гуманитарного факультета НГУ, а П. А. Гринфельд и В. В. Тарасевич — студентами механико-математического факультета НГУ: в 1960-е гг. археографические экспедиции привлекали своей экзотикой дружественных представителей точных наук, ценимых в том числе и за способность носить изрядные тяжести.⁴

Дневник написан четырьмя почерками: кроме Е. К. Ромодановской, записи делали члены экспедиционной группы: М. Ю. Новицкая, П. А. Гринфельд и В. В. Тарасевич. Существует еще один дневник Алтайской группы 1968 г., по ряду причин он не публикуется. Это дневник отделившейся части группы под руководством М. Ю. Новицкой, какое-то время работавшей самостоятельно.

Записи разными почерками далеко не всегда означают, что кто-то из студентов работал один и позже сам записал итоги в дневнике. Формулы дневниковых текстов свидетельствуют, что работали чаще всего группой — видимо, такая попеременная запись велась в учебных целях.

¹ Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. В 3-х т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Изд. подгот. Н. Н. Покровский, О. Д. Журавель, Н. Д. Зольникова. М., 2014; Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН, № 5/91-г. Урало-Сибирский патерик, ч. 3.

² П. А. Гринфельд учился на механико-математическом факультете НГУ в 1965–1970 гг., в 1973 г. закончил математический факультет Пермского государственного университета. Ныне директор компании «Альт-Софт» Информационные и коммуникационные технологии (Санкт-Петербург).

³ В. В. Тарасевич в 1965 г. поступил на механико-математический факультет НГУ, который закончил в 1970 г. Кандидат физико-математических наук, доцент. Работал в НГУ, Новосибирском архитектурно-строительном университете (ранее — Сибстрин). В настоящее время работает ведущим исследователем Новосибирского Технологического Центра.

⁴ Мы выражаем свою искреннюю благодарность Н. В. Понырko, М. Ю. Новицкой, П. А. Гринфельду и В. В. Тарасевичу за консультации об Алтайской экспедиции 1968 г. и истории написания дневника.

[1013]

При издании сохранена орфография подлинника, слова «Бог», «Богородица» и т. п. даны в современном написании. Все подчеркивания и вопросы в круглых скобках принадлежат авторам. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Квадратные скобки с отточием внутри означают небольшие сокращения подлинника при издании.

Н. Д. Зольникова

1968 г. Алтайская группа.
Руководитель — Е. К. Ромодановская.
№ 6.

л. 1 17/VII^{1а} — 1968 г. Барнаул.

В Барнаульском музее никто о книгах, описанных Малышевым (см. ТОДРА, т. VII)*, не знает. Говорили с директором, Эвелиной Мих[айлов]ной Анисимовой. Она советует обратиться к бывшему зав. б[иблиоте]кой Камбалову Николаю Ал[ексан]дровичу. Теперь он научн. сотрудник музея. Он вернется из отпуска 30-го июля. Относительно расселений старообрядцев послала нас к Полухину Тимофею Афанасьевичу. Т. А. Полухин занимается этнографией старообрядческого населения Алтая. Услышав, что мы едем в Турочакский р-н, заявил сразу же, что там ничего нет. Назвал и особо рекомендовал нам северные р-ны Алтайского края [...] (называет их р-нами «черно-лесной тайги»). Правда, говорит, что там очень тяжелое сообщение, особ. в августе, когда в горах идут дожди и речки выходят из берегов. [...] // О книгах в музее тоже ничего не знает. Считает, что их и не было. В экспозиции музея выставлена ркп., 4°, скоропись 18 в., этикетка: «Учебник по арифметике, составленный Семеном и Петром Гуляевыми в 1795 году в Барнауле».

21/VII — 68 г.

Кебезень. Б[ольшое] село на берегу Бии. Населено в основном русскими. Основное село — не старообрядческое. Старообрядцы — несколько семей, основная часть их — в т[ак] наз[ываемой] промартели (официально — Нижняя Кебезень).

Коровина, бабка, слепая. Переехала сюда в 1941 г. из-под Бийска. Живет одна. Единственный сын погиб на Ленинградском фронте в I-1944 г. Трое внуков умерли до года. Сноха ушла, вышла замуж. Сын работал на лесопилке под Бийском (Сетовка?), переехал в К[ебезень] [...] к родителям жены (Мелентьевым). Прожил 2 года, привез мать. Осенью собирались вернуться в старые места, но тут началась война. Сын ушел на фронт (23/VI), старуха осталась. Теперь получает

^{1а-6} Написано почерком Е. К. Ромодановской.

л. 2 пенсию за сына — 22 рубля. // Сын был ранен, лежал в госпитале 6 месяцев, потом учился на курсах и служил в дальнотой артиллерии. Под Бийском ее^в предки^г жили, по ее словам, с тех пор, как Ермак завоевал Сибирь. Об остальном рассказывает очень неохотно, гов[орит], что неграмотная и ничего не знает. Согласие свое называла «старообрядческое», священников не признают, службу ведет ими же выбранный старик из грамотных. Детей крестят, но переводят^и ли — не знает, т. к. матерей не пускают на крестины. Приходящих в согласие не перекрещивают (?), но она не помнит, чтобы приходил кто-н[ибудь] иноверующий. В доме много икон (5 деревянных и 6–7 медных складней). На распятии — изображение голубя. На вопрос, надо ли изображать, сказала: «А как же, это поморские не изображают». Знает про скиты в Туве, оживилась при упоминании Палладия*. Спрашивала, не были ли мы там. О скитах в Томской обл. ничего не знает. Книг, по ее словам, не имеет, грамоте не училась. Тканый пояс. Берестяная утварь — делают свои мужики, кот[оры]е работать не могут^б. //

л. 2 об. Бабка^а Мелентьева*, 90 лет, сватья Коровиной (старше ее на 8 лет). Очень разговорчивая и многое знает. Показала две книги старообрядческой перепечатки (поздние). Псалтырь начала XIX в. и Устав Почаевской типографии начала XX века. Деда ее переселились из Челяб[инской] губернии* (6 недель на лошадях) со всем хозяйством, когда ей было 7–8 лет. Не ехали только по воскресеньям и большим праздникам. Поселились на хуторах за Катунью. Во время коллективизации, лишившись скота, а вместе с ним и единственного в степи топлива (кизяки), ушли в тайгу и поселились в этих местах. Было четверо сыновей и дочь. Трое погибли на фронте. Получает пенсию за старшего сына. Живет со средним сыном, ездит иногда в гости к дочери за Каракокшу*. Дочери 56 лет (вдова сына Коровиной), вышла замуж за старика, которому сейчас 70 лет^е. Пятеро^з внуков, старшая внучка работает швеей, вторая учится в институте (каком, не знает), сын кончил девятый класс, недавно на уроке физкультуры ударился коленом, затем // там появилась опухоль и ему отняли ногу. Двое младших учатся в школе, последний пошел в 7 класс. Их отец, ее сын, кончил 2 класса, церковной грамоте учился у стариков, прошел всего две кафизмы. Сын верующий, ест и пьет с мирскими, но соблюдает все посты и детей заставляет соблюдать, но не открыто. По праздникам и воскресеньям не работает. Иногда читает Псалтырь. Согласие свое называет христиане-верующие, священников не признают, крестятся двуперстно, на службу собираются ночью. Службу служит грамотный

^{в-г} Вставлено над строкой. ^{а-е} Написано почерком П. А. Гринфельда. * Исправлено, в рукописи ошибочно Мелентьева. ^{з-и} Написано почерком В. В. Тарасевича.

л. 3 об.

человек из общины, которого они выбирают. В другое время молятся сами по лестовке. Ей читали (деверь?) Апокалипсис, говорила, что все сбывается. Слышала про Аввакума, раньше читали, но не знает. Говорит, что дело было так: выходили старики, садились вечером и начинали читать разные божеств[енные] книги и дети находились тут же. Конец света представляет себе так: потечет огненная река и уничтожит всех грешных. Признается брак вообще; избранный из их среды старик проводит обряд, который читает наставления молодым, они меняются кольцами и он их благословляет. Никонианского брака не признают. Жена записывается в семью мужа, особого гражданского брака нет. Приходящих в согласие не перекрещивают, если уже крещены, а если не крещены, // то крестят в реке. На вступающих крещеных накладывают епитимью 2–3 лестовки. Младенца при крещении переворачивают «по солнцу», вынув из купели. Теперь крестят старушки, мужиков грамотных не осталось. Подтвердила, что на иконах Святой Дух изображается в виде голубя. Сама старуха ест и пьет отдельно даже от семьи, сын нет, но дети приучены чужую посуду не трогать, воду зачерпывают ковшом (из бочки). Детей славянской грамоте не учат и молиться не заставляют.

л. 4

Рассказала историю о Прокопьевом дне, случившуюся с ее дедом: «Собрался дед в праздник^к с бабой сено собирать (копну). А бабка ему и говорит, нельзя, мол, праздник, Прокопьев день. А он отвечает: “А, подумаешь, Пронька именинник, буду я из-за него бездельничать”. Ну, раз мужик велит, надо ехать. Только они накидали стог, глядь, тучка набежала. Ударил гром, старик упал и из ума вышел. А стог, который они в этот день сметали, сгорел. Бабка испугалась и постоянно говорила: “Богородица, помилуй”. Этим и спаслась. А сено все сгорело, “на степу” дело было. Старик полежал, полежал и “в ум вошел”. Бабка его укоряла, и он сказал, что больше никогда в Прокопьев день работать не будет». Поэтому она Прокопия считает «грозным», а также Кирика и Улиту и Илью. // Замечает, что ежели кто «задумается» над тем, что грех совершает, тому плохо придется, а кто не «задумается», тому ничего. Говорит, что теперь мирская жизнь лучше, но духовная плоха — в Бога молодежь не верит и пр. На машинах, самолетах ездить боится, говорит: «Внутренности растрясёт — умру, а так я, может, ещё проживу». Правда, ездила на машине (один раз), до сих пор вспоминает, как было страшно. Считает большим грехом есть покупное, но приходится. Фотографироваться отказалась^л.

Казанин^а Парфений Филимонович, около 80 лет, неграмотный, приехал из Пермской губ., из Шадринского уезда. Назвал свое согла-

^к От слова праздник проведена стрелка к словам Прокопьевом дне. ^{л-м} Написано почерком М. Ю. Новицкой.

л. 4 об.

сие стариковщиной, знает, что у поморян не изображается Святой Дух в виде голубя. Обладатель Правильника* рукописного к. XIX — нач. XX в. На Алтай переселился вместе с женой. Не может объяснить четко догматических различий между своим согласием и чужими, вообще в согласиях ориентируется плохо. Священников не признает, брак также не признает; говорит, что младенцев крестят лицом на восток. В посуде от инаковерующих отделяется, но уже несколько раз пришлось «испогниться», что считает за грех. Еще грех на душе, за который придется ответить на Страшном суде, это то, что дети у него неверующие. Имеет несколько медных складней и деревянную икону с изображением Ильи. См. на об.^н // Рассказал легенду о святотатствовавшей девке, которая на одной из вечеринок, где все танцевали парами, увидев, что ей не хватило пары, решила танцевать с иконой Николы: «А вот я сейчас с Миколкой потанцую». И окаменела до пояса. Глаза смотрят, слезы катятся, а ноги к полу прикипели. Люди ходили, смотрели на нее, интересно же. Так она стояла три месяца до Пасхи, а в Пасху ожила, и ее увезли в Москву. В связи с концом света рассказал про знамение, которое было не так давно на Черном море. На небе буквы загорелись, было сказано: «Молитесь Богу, скоро край». //

л. 5

Овчинников, около 70 лет. Обладатель Псалтыри, Устава и Часовника (XIX в.) Умеет читать церковно-славянские книги. Так объясняет суть веры: вера в любовь, в надежду, вера в необиду! Потом уже так: вера в любовь, в надежду, в грамоту.

Пелагея Ермиловна, 78 лет, неграмотная. Замуж не выходила. Рассказывала о своем диспуте с лектором-атеистом. Тот говорил, что в богоявленской святой воде, которую святят в декабре*, нет микробов, так как берут верхний холодный слой воды, вот почему вода и не портится. На это П. Е. задала ему вопрос о водосвятии в начале августа, когда вода теплая и в ней должны быть «микробы», а она-таки не портится. Лектор был сражен, не ответил, так как не был подготовлен; о втором водосвятии летом он не знал. Матерно лаяться нельзя. П. Е. очень логично говорила: «Вот молодые ругаются в Бога, а зачем? Ведь если Бог есть на самом деле, то страшно. А если Бога нет, то тем более не надо ругаться, ведь ему ни холодно, ни жарко. Это все равно, что подойти к столбу и лаяться на него»^м. //

л. 5 об.

Киришин^о Степан Ананьевич, 75 лет. На него указывают как на своеобразного наставника в этой деревне. Приехал 35 лет назад из Уфимской губ. с отцом. Отец решил место сменить, переселя-

^н В начале л. 4 об. схематически изображена икона пророка Ильи. ^{о-п} Написано почерком Е. К. Ромодановской.

л. 6

лись всей семьей. Жили сначала на У[сть]-Пыте, потом перешли в село (10 лет назад). Показал Житие Николы, печатное, к. 18 в. (1789). Имеет Устав (не показал), маленький, по-вид[имому], поздний, и Псалтырь, которую отдал в Бийск поправлять. Про согласие говорил, что в России называли их старообрядцами, а в Сибири — кержаками, а они на самом деле староверы. Священников не имеют. Антихрист пришел в Россию вместе с Никонем. Антихрист, в его понимании, каждый, кто меняет старый мир. Отличает приход антихриста в России от существования антихриста вообще — на Западе, в Риме и т. п. он существовал намного раньше. Отличает приход антихриста от конца света: антихрист давно уже в мире, а конец света еще будет. Когда ему пересказали услышанное от Казанина предсказание (о Черном море) — сказал: «Слышал, слышал. А понимаете ли край чего? Светопреставление скоро». Когда ему пытались говорить, что это может быть через 1000 лет, говорил, что скоро, через год — два. Знал уже (по-вид[имому], от Коровиной), что мы упоминали об отце Палладии. Сам спросил, что мы о нем знаем. Потом в разговоре выяснилось, что // он сам в прошлом году ездил в Туву («Тувинию») посмотреть, как там, потому что с сыном хотели перебраться туда (Старик Мосолов, выходец с Яйлы, из старообрядцев, встретившийся нам просто по дороге, говорил, что из Кебезени и окрестностей почти все кержаки переселились в Туву). О причастии сказал, что надо бы, но не причащаются, т. к. нет священников. Подтвердил, что голубь на распятии изображается — его не изображают только поморские. Про титул на распятии сказал, что можно писать и так, и так (т. е. ИИЦИ и ИХЦС*). Толковал символику лестовки. Показал свою кожаную, истертую. Легенды о табаке не знает. О картофеле говорил, что есть два вида картошки — один можно есть, а другой нельзя. В Туве он видел семью, где жена ела картошку, а муж нет — боится, а вдруг ее нельзя? Про крещение говорил, что ребенка перевертывают, вынув из купели, по солнцу. Брак признает. Старики говорят наставление. От пенсии отказался, не стал хлопотать — пусть дети кормят. Рассказал о молнии (началась гроза) — как гром сверху ударяет, находят потом люди громовые // стрелы среди камней. О Прокопиевом дне сказал, что его празднуют только в том случае, если он совпадает с воскресеньем. Особо не празднуется. Рассказывал о происхождении веры — князь Владимир привез из Греции старые книги, по которым все крестились, а Никон эти книги и стал изменять. Староверы держатся веры от князя Владимира. Об Аввакуме не знает. О молении за власть сказать затрудняется. Потом, по моей подсказке, сказал, что это должно делаться на общей службе, а поскольку службы нет, то и моления за власть тоже нет [...] //

л. 6 об.

[1018]

л. 7

Фунтикова Фетинья Максимовна, около 70 лет. Живут в Кебезени с 1939 года. До этого жили тоже на Алтае, но в другом р-не — за Катунью. Уроженка Алтая. В Кебезени остались для того, чтобы сын кончил школу. Он кончил в 1941 г. 8 классов и ушел на фронт. Погиб в 1944 (?) году. Показывала табель сына за 8-й кл. — круглый отличник. Сама отлично кончила курсы для доярок, потом работала в сельпо. Мужа дома не застали. По ее словам, он работал в сельпо, потом ушел на фронт, вернулся контуженный. Книг не показала, отговори-лась неграмотностью и неимением. Фотографироваться отказалась (в доме даже фотографий сына как будто нет). Что такое фотоаппарат, не знает, приняла его за бинокль (в футляре). Детей больше, кроме сына, нет. Одна девочка до него умерла маленькой. //

л. 8

Пос. Солтон.

Дорогова Ксения Ивановна, 86 лет. Живет с дочерью. [...] Дочь, Елена Адольфовна (?), работает в райздраве, верующая. По словам дежурной в гостинице, читает по покойникам у кержаков. Ее дома не застали — была на покосе с ночевой. К. И. показала Псалтырь 1915 г. Почаевской типографии и Часовник н. XX в. Избушка маленькая, тесная. Встречают очень приветливо, зовут ночевать и т. п. В доме много икон — 3–4 распятия, 4–5 медных складней, 2 старых деревянных иконы — Николай Мирликийский с другими святыми, написанными на полях (кажется, икона с ковчежцем); другая — изведение праведных из ада. Над столом висит бисерная лестовка — прислана в подарок из Перми от какой-то родственницы. Про дочь ее говорили в райисполкоме, потом рассказала и К. И., что она выкупила икону Богородицы в клубе (клуб сделан в бывшей церкви). В связи с этим К. И. рассказала, что раньше, когда разоряли церковь, иконы были вытасканы в уборную и некий человек, зайдя туда, сошел с ума, увидев глаза Богородицы. Согласие свое назвала старикивщиной. Священников у них нет, но выбирают^р грамотного старика, кот[оры]й ведет службу. Причастия // у них нет после Никона. На наш р[асска]з о найденном причастии почти не прореагировала, сказала только: «Далеко запрятали». Перекрещивания при переходе в их согласие нет; на вопрос, как быть с некрещеными вовсе, сказала, что такие и не придут и такого на ее веку не было. Крестят с перевертыванием трижды по^с солнышку^т. Крестят в реке. Своего внука крестила в реке сама^у, в проруби, 17 нояб[ря] по старому стилю, т. к. ребенок болел, а выбраться куда-либо нельзя было из-за снега — от дверей лопатой отгребали, чтобы выйти. Ребенок и не чихнул даже, и поправился — на печку положили, на теплую подушку. Брак признают. Говорит о венчании, но

л. 8 об.

^р Исправлено, в рукописи ошибочно выбирает. ^{с-т} Вставлено над строкой. ^у Вставлено над строкой.

[1019]

л. 9

своим, особым (старика благословляют). Титло на распятии — ИИЦИ. Изображен Дух Св. в виде голубя. Сказала, что поморцы не признают этого и даже отрезают верхушку креста, если им попадется распятие с голубем. Про антихриста рассказывать не захотела — отговорила не знанием. После нашего вопроса, правда ли, что Илья и Енох должны возвестить приход антихриста, сказала: «Да, их тогда мучить должны». Про крещение у поморских сказала, что они (тот, кто крестит) задом к иконам стоят и ходят против солнца. // Мужа похоронила в 1935 г., в авг[усте], а в февр[але] 1936 г. ее раскулачили, приговорили к двум годам, т. к. старший сын только еще пришел из армии, и все хоз-во было записано на нее. Отобрали у них 2 лошадей, 2 коров, 50 ульев. Сидела в Новосибирске. Через 2–3 месяца выпустили по кассации. Говорит, что в то время уже не раскулачивали; она как будто считает, что кто-то позарился на их добро, хоть говорит, что зла не имеет ни на кого. Детей было четверо, все грамотные по-славянски. Одной семьей могли справлять всю службу по Уставу. Один сын умер от аппендицита (сибирки*) в 1929 г., двое погибли на фронте. Получает пенсию за старшего — 22 руб. Говорит, что грех ее брать, но берет, т. к. считает, что это ее деньги, кот[оры]е они всю жизнь платили гос[ударст]ву (свое берём). По её словам, в России много платили, а сюда приехали — вдвое платили. Приехали в Сибирь в 1929 г. из Сарапульского уезда, т. к. там не было земли — хоть мешком неси^п. Сюда^ф переехали не сразу (уточнить, где были раньше). В селе живет последние два года. Ушла к дочери. До этого жила только зимой. Все лето проводила на пасеке у реки Кондыма*, недалеко от Усть-Тюеса. Теперь слаба стала ногами (ноги-то не болят, а ходить не могут) и на пасеку уже не ходят. Лет пять назад приезжали на пасеку, видимо, этнографы. В этой семье, наверное, // много этнографического материала, но мы начали с книг и разговор этнографический не удался. К. И. сказала, что старушки и Васевых делают лестовки. Сказала, что в Усть-Тюесе хромой наставник (забыла его имя). Слышала о Паладии, оживилась при его имени, но ничего о нем не рассказала. Про табак и картофель ничего не знает. Сказала, что некоторые старики не едят картофеля, однако посетовала, что без картофеля-то жить нелегко, ведь не всегда хлеба было, как сейчас, в достатке. В Красносельском, по ее словам, кержаков почти не осталось. Показала старообрядч[еский] моск[овский] календарь за 1968 г. Псалтырь и Часовник выписывала из Москвы^х. Рассказала^и о том, что нельзя работать в Ильин день. В одной семье дети поспорили с родителями и уговорили их пойти на покос в Ильин день. Проработали день, поставили стога. Когда шли домой, то молодые поймали на дороге сороку, привязали

^{ф-х} Написано почерком П. А. Гринфельда. ^{и-ч} Написано почерком Е. К. Ромодановской.

л. 10

ей на хвост бумагу, подожгли и пустили. Сорока полетела и села на их собственный стог, сено все и сгорело^а. //

Хомяков^ш Ермил Моисеевич (64 года), Вятской губернии. Переселился 35 лет назад. Встретил очень приветливо. Мы зашли к нему сразу после Васевых и сославшись на них, попросили показать нам Златоуста и другие книги. Он охотно принес нам сначала две родовых книги, Златоуст и Семидесятник, а когда Е. К. показала свое искусство чтеца, то выложил и остальные. Златоуст — Почаев (конец XIX века); Семидесятник (канонник большой, содержит восемьдесят канонов). Конец XIX — начало XX в.; Устав. 4°. Москва, 1646 г. (декабрь). 7155 г. (мелкий шрифт). Реставрирован в XVIII в.; Псалтырь. Москва, 1892 г.; Шестоднев. Почаев, белая дата 1813; Триодь цветная (Праздничная). Почаев. Белая дата 1803–1804 г.; Субботник (??) Конец XVIII — начало XIX, реставрирован; Часовник. 8°. 1787 г. Почаев. Показал тетрадь собственной работы (рукопись) со Скитским покаянием, канонном Паисию Великому и служебными статьями.

л. 10 об.

Инвалид войны. Ранен под Сталинградом. Повреждена правая рука. С трудом // может застегнуть рубашку. Работал бухгалтером, а когда глаза ослабли, устроился счетоводом на ферме. Теперь на пенсии по ранению. Грамотный, ходит в местную библиотеку, смотрит атеистическую литературу, считает ее примитивной. Выписывает старообрядческие календари и раздает по всему Солтону. Знает о Паладии. Это выяснилось в разговоре о Туве. Первым его не назвал, но когда убедился, что мы кое-что слышали о Паладии, то рассказал о нем легенду. Паладий — святой человек. Когда он был в заточении в Иркутске, врачи установили, что он никогда с малолетства не имел ни с кем сношений, удивились и отпустили. А он пешком дошел от Иркутска до Тувы*. О службе говорил, что когда собираются (редко), то молятся, а больше по домам в одиночку. Посоветовал сходить к Терентию Григорьевичу на Ероново и к Ефиму Артемьевичу в Усть-Тюесе^ш. //

л. 11

Васёвы^б. Муж, жена, две старухи — мать его и её. Жена глухая. Старухи грамотные обе. Его мать (85 лет) лежала больная. Разговаривали втроём, поэтому не разделяем, кто из них что сказал. Очень испугались, когда мы пришли, потом постепенно разговорились. Помогла старуха — мать жены, кот[орой] я начала понемногу рассказывать (ее считают выживающей из ума от старости, поэтому все одергивают, но мы не заметили, чтобы она заговаривалась или чего-то не помнила). Показали Псалтырь. М., 1915 г., Часовник, того же времени, и Житие Василия Нового с видением Григория, печатное, того же времени (последнее им дал почитать Иван Уваров из Ероновой).

^{ш-ш} Написано почерком П. А. Гринфельда. ^{б-б} Написано почерком Е. К. Ромодановской.

Свое согласие старуха назвала стариковщиной. Священников они не знают. Выбирают грамотного старика, кот[оры]й является наставником (тут вступил хозяин, кот[оры]й отговаривался неграмотностью перед этим, и сказал, что старика мало просто грамотного — если, например, дважды женился, то наставником быть не может). Причастие у них только перед смертью — вода из речки. Когда мы пытались спросить, кто и как святит воду для причастия, сказала: «А что ее святить-то, ведь в реке вода святая». Когда мы спросили, потому ли крестят в реке, что там вода святая, сказала: «В реке крестят только летом, когда тепло, а так — в избе». Наш рассказ о бабке, крестившей внука в проруби, встретили без сочув//ствия, бабу явно осудили.

л. 11 об.

Семья переехала из Пермской губ. в к. 20-х — нач. 30-х гг. Объясняет это отсутствием земли. Сначала приехал отец хозяина, посмотрел, потом — вся семья. Построили здесь уже третью избу. Отец и сын работали плотниками, хлеб уже не сеяли. Отец умер перед войной. Хозяин был на фронте. 3 его сына умерли маленькими. Осталась одна дочь, кот[орая] кончила педагогич[еский] ин-т им. Ленина в Москве (ф-т психологии и педагогики). Работает в школе в Фрязино. Муж ее — машиностроитель, должен вот-вот защищать диссертацию. В доме Васёвых, по словам дежурной в гостинице, собираются все для молений. Мать хозяйки сама шьет лестовки. Обещала и для нас сделать к нашему возвращению в Солтон^в. //

л. 12

С.^в Ероново (12 км от Солтона через Шатобал), Отделение Макарьевского совхоза.

Глазырин Терентий Григорьевич (92 года). Наставник. Живет у дочери. Переехал сюда из Сарапульского уезда. Рано остался сиротой и жил у тётки, сестры отца. Её муж учил его грамоте, а потом перевёз в эти места. Живут тут 72 года. Переехали из-за безземелья. Нарезали им земли по числу душ последней ревизии, а была она сорок лет назад. Причём давалась земля только на мужскую душу. Они получили на всю семью только 2,5 надела. Система земледелия была трехпольная. Полоски получились такие узенькие, что «хлыстом перекроешь», а «когда боронить пойдешь, то хоть углы у бороны обрезай, по чужой полосе идет». До сих пор он жил в деревне Верхний Черняй. Последним оттуда уехал, жил там один. Жалко было бросать деревню, при нем она только начиналась. Потерял на войне почти всю мужскую семью: 3-х сынов, 2-х внуков, 2-х братьев, 3-х племянников. Является наставником здешней общины. Очень умён, хорошая память, великолепно разбирается в догматике. Говорят, что он крестил всех. Очень почитается в общине (когда мы выходили вместе // с ним с импровизированного собрания, все встали). Показал нам книги. Псалтырь

л. 12 об.

^{в-в} Написано почерком Е. К. Ромодановской. ^{в-в} Написано почерком П. А. Гринфельда.

московская, начало 20-го века; Златоуст. Москва, 1912 год; Псалтырь толковая, 2°, рукопись конца 19-го века; Кормчая. Москва, начало 20-го века. Часть его книг находится в доме сваты в сундуке. Апостол, 17-ый век. Печатный. Устава нет (?). Пролога, сказали, нет (?) Показали еще несколько поздних книг. У сваты собрались бабы-кержачки. Нас признали за своих и разговорились. 1) Рассказывали, как женщина впала в сон и проспала 10 дней. Врачи её наблюдали, а она была вся как мертвая, только ноги да руки слегка потные и дышала как во сне. Когда проснулась, сказала: «Ах, как сладко я спала» и поделилась своими сновидениями, однако самого главного из^ю того, что она видела во сне^а, рассказать не решилась, а поведала следующее. По дороге (по-видимому, на Страшный суд) по правую руку шли кержаки светлые и сияющие и по левую — всё баптисты черные, // как головешки. И слышала она глас: «Не осуждайте пьяниц», и еще тот же глас молвил: «Не осуждайте никого».

л. 13

2) Поехал мужик по дрова вдоль речки Черняй в путину. Ехал он по обрывистому берегу, сорвался он и чудом ухватившись за возжу, выплыл. Рассерчал мужик, пришел домой и к образам. «Вот, — говорил, — противный боженок, хотел меня нынче утопить». Схватил он распятие и перелил его на подшипники. На другую неделю пришлось ему опять проезжать той же дорогой. И когда возвращался назад, в том же месте случилось с ним несчастье: вновь свалился в воду, да неудачно, до возжи-то и не достал. Только на 3-й день и отыскали его, когда вода немного спала. Лежал головой под камнем, да так плотно, что мужики с трудом вытащили его. Положили на телегу, да тройку вороных впрягли, и то с трудом его довели, а вороные, так те все пеной покрылись. Когда в гроб ложили, так двух гробов оказалось мало, так его раздуло. И лежал он черный, как головешка.

Гордятся своим прозвищем — кержаки. Считают его почетным, т. к. первые не принявшие Никона истинные христиане уходили от репрессий за Кержу. Одна из старух рассказала о своем диспуте с коммунистом. Он сказал, что верит не меньше, но человек для него выше всего. Его идеал общества: совместный труд, близость всех людей — они не брезгают друг от друга и едят из одной чашки, однако он считает людей ещё очень испорченными, развращёнными. Старушка возражает, мол, любовь — лю//бовью, однако даже в столовых кушают из разных тарелок, а то, что молодежь действительно плоха, в этом и она не сомневается, однако считае[т], будто произошло это от безверия: «страха нет». Внуков своих пытается воспитать в повиновении и приобщает к вере: она надевает на них кресты и очень возмущается, что учительница вмешивается в религиозное воспитание

л. 13 об.

^{ю-я} Вставлено над строкой.

внуков. Другая бабка (мать^{IIa} Татьяны^б) рассказала, что ее сноха сняла с детей кресты и четырехлетняя Нюрка просила: «Баба, одень на меня крестик». [...] Детей своих учат за едой не разговаривать. Нико-нианских попов осуждали за сборы с верующих. Своих же наставников и людей, помогающих нести службу, кормят и дают по заслугам от 5 руб. до 1 руб. //

л. 14 Анфим Иванович Кокорин. (Похоронил жену, собирается пере-ехать к дочери, живущей в этом же селе.) Приехал из Перми. 1-ый Излап, отдел Макарьевского совхоза (с сельсоветом), старое на-звание Тороповка и Аил (на расстоянии 1-го километра). Участ-ник В. О. В. Ранен, с тех пор инвалид (хромает и плохо управляет правой рукой, однако ещё столярничает). Награжден медалями (4 штуки). Охотно фотографировался в медалях, облокотившись на книги. 2 медали за отвагу, 1 за победу и 1 юбилейная. Висят на сте-не рядом с иконами. Книги поздние: Страсти Христовы (рукопись). Написана Коровиным (см.); Шестоднев; Минеи^в (2 шт.: за апрель и за октябрь). За апрель отдал нам. Псалтырь. Встречали радушно. Мужик весёлый и на язык острый. Подарил нам лестовку. Показал Богородичную лестовку, однако отдать не смог (бережет в память о жене). Сын работает в Бийске. Три дочери замужем. Одна живет в Излапе, работает техничкой в школе, одна — в Северо-Уральске, третья — сноха Коровина, замужем за Малофеем, сыном Ефима Ар-темьевича. Получает пенсию по инвалидности и когда попросят — столярничает в совхозе. Отказывается вторично жениться. Хочет отдохнуть от работ по хозяйству. //

л. 14 об. Загайнов Макар Филиппович. Коренной алтаец (дед и отец жили на Алтае). Показал очень много книг. Дед и отец его переписыва-ли сами книги. Псалтырь с воследованием 17-го века (разделил на два тома и имеет сейчас лишь 2-ю часть). Несколько крюковых книг (одну дал нам) (рукописи). Остальные книги поздние (все служеб-но-го характера). Сообщил, что под Ероновой Иван Уваров поправляет книги. //

л. 15 Мерзляков Григорий Иванович (Аил). Показал 3 книги (все позд-ние). Признаки конца света: все становятся грамотными, дети пере-стают уважать родителей. Очень болен. Страдает сердцем и ожире-нием. //

л. 15 об. Чарыш. Остались 3 дома. Все переезжают ближе к сельсоветам. Скоро в Чарыше никого не останется.

Фофан Максимович Дегтярёв. Живет со 2-й женой. Разводит пчел, держит корову. Метать сено помогают сын из Бийска и зять из Аила. Сам Фофан ещё крепок, помогает зятю плотничать. Сын без

^{IIa-б} Вставлено над строкой. ^в Исправлено, в рукописи ошибочно Менеи.

руки живет в Излапе. Стариков часто навещают внуки. Современ-ные девицы. Старики им рады. Остался ради нас дома (собирался к зятю). Показал книги: рукопис[ная] Псалтырь с канонем Грозному ангелу. Пролог (конец 18-го века). Частное издание двух купцов. Меч-тает о Златоусте и хотел выменять на Пролог или Псалтырь. Псал-тырь ценит именно за^г. Согласие назвал старикиной. Путает по-морских и бегунов (перекрещиваются)^з.

Собрание Института истории СО РАН. Поле-вые дневники. Дневник № 6 (1968 г., Алтайская группа, рук. Е. К. Ромодановская), л. 1–15 об. Подлинник. Ру-копись. Скоропись четырех почерков. Дневник написан в общей тетради из 96 ли-стов, бумага в клетку.

КОММЕНТАРИИ

- л. 1. В Барнаульском музее никто о книгах, описанных Малышевым (см. ТОДРА, т. VII). — Имеется в виду статья В. И. Малышева, в которой он сообщает о пяти ру-кописях XVIII в. с произведениями древнерусской литературы, находящихся в Барнаульском областном музее (поступили из Барнаульской земской библиотеки). См.: Малышев В. И. Записки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // ТОДРА. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 467–468.
- л. 2. ...переворачивают. — Крещение «с поворотом» — особенность часовенного согла-сия. Крестьянин, стоя у купели, находится лицом к иконам, младенец же, соответ-ственно, спиной. Вынимая младенца из купели, его поворачивают также лицом к иконам.
...при упоминании Палладия. — Отец Палладий — черноризец часовенного согла-сия, глава тувинских скитов (верховья Енисея).
- л. 2 об. ...из Челябинской губернии. — Существовала в 1919–1923 гг., состояла из части Оренбургской, Тобольской губ. и Тургайской обл.
... за Каракокшу. — Ныне — село Каракокша Чойского р-на республики Алтай.
- л. 4. Обладатель Правильника. — Скорее всего, имеется в виду издание: Собрание свя-тоотеческих правил Матфея Властаря, глаголемаго Правильника. Балахна, 1908.
- л. 5. ...в богоявленской святой воде, которую святят в декабре... — Или рассказчица оговорила, или ошибка допущена при записи в дневник: вода освящается в янва-ре на Крещение (Богоявление).
- л. 6. ИИЦИ и ИХЦС. — Иисус Назорей Царь Иудейский и Иисус Христос Царь Славы.

^г От слова проведена стрелка вверх к словам с канонем Грозному ангелу.

- л. 9. ...сибирки. — Сибиркой называют не аппендицит, а сибирскую язву.
 ...у реки Кондыма. — Вероятно, Кондома.
 л. 10 об. ...пешком дошел от Иркутска до Тувы. — О. Палладий никогда не был в заключении в Иркутске. Его арестовывали три раза, дважды он бежал: первый раз из Кызыла, второй — из деревни под Красноярском, и именно тогда он прошел большой путь пешком: двадцать дней от Минусинска до верховьев Енисея в Туве. Отпустили же его вскоре после третьего ареста, летом 1945 г. (см.: Емельянов А. Ф. От мира не уйти. Кызыл, 1984. С. 75–77).

Т. В. Панич

ВСПОМИНАЯ ЕЛЕНУ КОНСТАНТИНОВНУ РОМОДАНОВСКУЮ

Как важно бывает встретить на жизненном пути близких по духу, душевному настрою, ценностным установкам и принципам людей, *своих* людей. Не многим выпадает такая счастливая возможность. Мне повезло. Судьба подарила мне радость общения с замечательными людьми, среди них была Елена Константиновна Ромодановская, которую я знала много лет и которая оставила глубокий след в моей памяти.

Впервые я встретила с Еленой Константиновной, когда она читала нам, студентам гуманитарного факультета НГУ, лекцию по древнерусской литературе. Это была единственная ее лекция, которую мне довелось слушать (кажется, она заменяла тогда преподававшую нашему курсу Е. И. Дергачеву-Скоп — в будущем научного руководителя моего диплома, тоже дорогого мне человека), но эта лекция до сих пор хранится в моей памяти. Я и сейчас отчетливо помню и то, о чем говорила Елена Константиновна, и то, какой она была тогда: еще совсем молодая, порывистая в движениях, невысокого роста, с короткой стрижкой. Может быть, это была одна из первых ее лекций перед

студентами, так как она заметно волновалась, но говорила с большим воодушевлением, огромным интересом и любовью к своему предмету, открывая удивительный и тогда малознакомый для нас мир — безбрежный мир (целый космос) литературы Древней Руси. Темой разговора была литература раннего периода, в частности, агиография. Елена Константиновна рассказывала о Житии Феодосия Печерского, зачитывала некоторые наиболее яркие отрывки из Жития. Особенно мне запомнилось чтение эпизода общения Феодосия с властной, жестокой матерью, обезумевшей от горя и отчаяния, которая не хотела примириться с выбором сына. И само содержание Жития, и полное экспрессии чтение Елены Константиновны произвели тогда на меня глубокое эмоциональное воздействие. Много лет прошло с тех пор, а так ясно помнится эта лекция, хранится в па-

Тамара Васильевна Панич

На лекции в Новосибирском университете

мяти впечатление от первой встречи с Еленой Константиновной.

Однако по-настоящему я познакомилась с Еленой Константиновной позднее, когда после окончания Новосибирского государственного университета и распределения пришла работать в Отдел истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Это был большой Отдел, куда входило несколько групп исследователей, изучавших историю России феодальной эпохи, в том числе и небольшая группа археографов, которую возглавлял Николай Николаевич Покровский. Археографы занимали отдельное помещение, в котором, как мне помнится, всегда был полумрак. В центре комнаты стоял большой длинный стол (скорее всего, он был составлен из нескольких столов), покрытый

серой холщовой тканью, а на нем рядами были разложены древние рукописи и старопечатные книги в кожаных переплетах. Те, что не поместились на главном столе, лежали на столах сотрудников, заметно потеснив их. Казалось, книги занимали все пространство комнаты. Они здесь царили! Как всякий предмет глубокой старины, влекущий за собой шлейф культурных ассоциаций, книги создавали в помещении особую атмосферу, настраивали на торжественный и благоговейный лад, они как будто излучали невидимый духовный свет, который распространялся и на обитателей этой необыкновенной комнаты, причастных к разложенным повсюду старинным сокровищам. Здесь и работала Елена Константиновна Ромодановская.

Однажды во время обеденного перерыва, когда все разбежались по своим делам, она подошла ко мне, и мы разговорились. Больше, конечно, говорила Елена Константиновна. Она поинтересовалась моими делами и планами. А потом рассказала о своей научной работе, учебе в Ленинградском университете, аспирантуре, своих учителях И. П. Еремине и Л. А. Дмитриеве, к которым относилась с большим уважением, прививая впоследствии это чувство своим ученикам. Мне очень помог тот разговор: я еще была новичком в Отделе, плохо знала сотрудников и чувствовала себя не в своей тарелке. Елена Константиновна поддержала меня своим участием и дружелюбным вниманием. Тогда она подарила мне свою книгу «Русская литература в Сибири первой половины XVII в.» (Новосибирск, 1973), только что вышедшую из печати. Книгу я с бла-

После археографической экспедиции. Е. К. Ромодановская, М. М. Громыко, Н. Н. Покровский, Е. И. Убрятова, Е. И. Дергачева-Скоп

годарностью бережно храню, не раз обращалась к ней в своей научной работе. В ней содержится немало интересных открытий, касающихся начала и становления литературной традиции в Сибири. Примечательно, что уже в этой своей первой большой научной работе Елена Константиновна в полной мере проявила филологический дар, широту взгляда, системный подход к предмету исследования. Проблемы местной сибирской литературы Елена Константиновна тесно связала здесь с книжно-рукописной традицией европейской части России, которая послужила основой формирования книжной культуры Сибири. Такой подход в изучении древнерусских литературных памятников стал главным принципом и в других ее научных исследованиях, касающихся региональной тематики.

Позднее мне довелось работать рядом с Еленой Константиновной в Секторе археографии и источниковедения, к образованию и становлению которого она вместе с Н. Н. Покровским приложила немало собственных усилий. Надо отметить, что Елена Константиновна, при всей своей деликатности, обладала твердым характером, лидерскими задатками и большими организаторскими способностями. Если требовалось, она умела защитить и отстоять интересы Сектора и своих коллег, научных сотрудников; могла быть решительной и непреклонной, храбро сражаться с чиновниками, когда это касалось вопросов и интересов науки, которой она беззаветно служила всю свою жизнь. При этом

В хранении Института истории СО РАН. 1997 г.

Перейдя в Институт филологии СО РАН, Елена Константиновна никогда не порывала научных и дружеских связей с Сектором археографии и источниковедения Института истории, где проработала много лет. Сектор стал нашим вторым домом. Здесь благодаря личностному влиянию Елены Константиновны Ромодановской и Николая Николаевича Покровского сформировался особый духовный климат, сложился дружный научный коллектив, тесный круг единомышленников, наша вторая семья. Елена Константиновна оставалась ее членом, для нее здесь всегда были открыты двери. Она часто посещала нас, присутствовала на докладах, конференциях, интересовалась нашими научными делами, помогая ценными советами и книгами. Все мы пользовались ее богатейшей библиотекой. Елена Константиновна была книжным человеком, широко эрудированным, обладала глубокими знаниями в области филологии, всегда первой узнавала о новинках научной литературы и знакомила с ними нас. Всякий раз, возвращаясь из научных командировок в Москву или Санкт-Петербург, она неизменно привозила целую грудку только что вышедших из печати книг, приносила к нам в Сектор, с воодушевлением рассказывала о готовящихся новых изданиях, вызвавших ее интерес.

она не повышала голоса, но говорила с большим достоинством, очень твердо и убедительно, уверенная в правоте того дела, которое отстаивала. Меня всегда восхищало ее умение легко и быстро справляться с разного рода трудностями. Казалось, она могла найти выход из любой ситуации, будь это какая-то научная проблема или задача административного характера. Эти качества в полной мере и по-настоящему раскрылись, когда Елена Константиновна возглавила Институт филологии СО РАН, где она с успехом руководила несколькими подразделениями, представлявшими разные направления филологической науки. При всей значимости и серьезности своего официального статуса и высокого административного положения Елена Константиновна всегда оставалась очень демократичным, дружелюбным и открытым человеком.

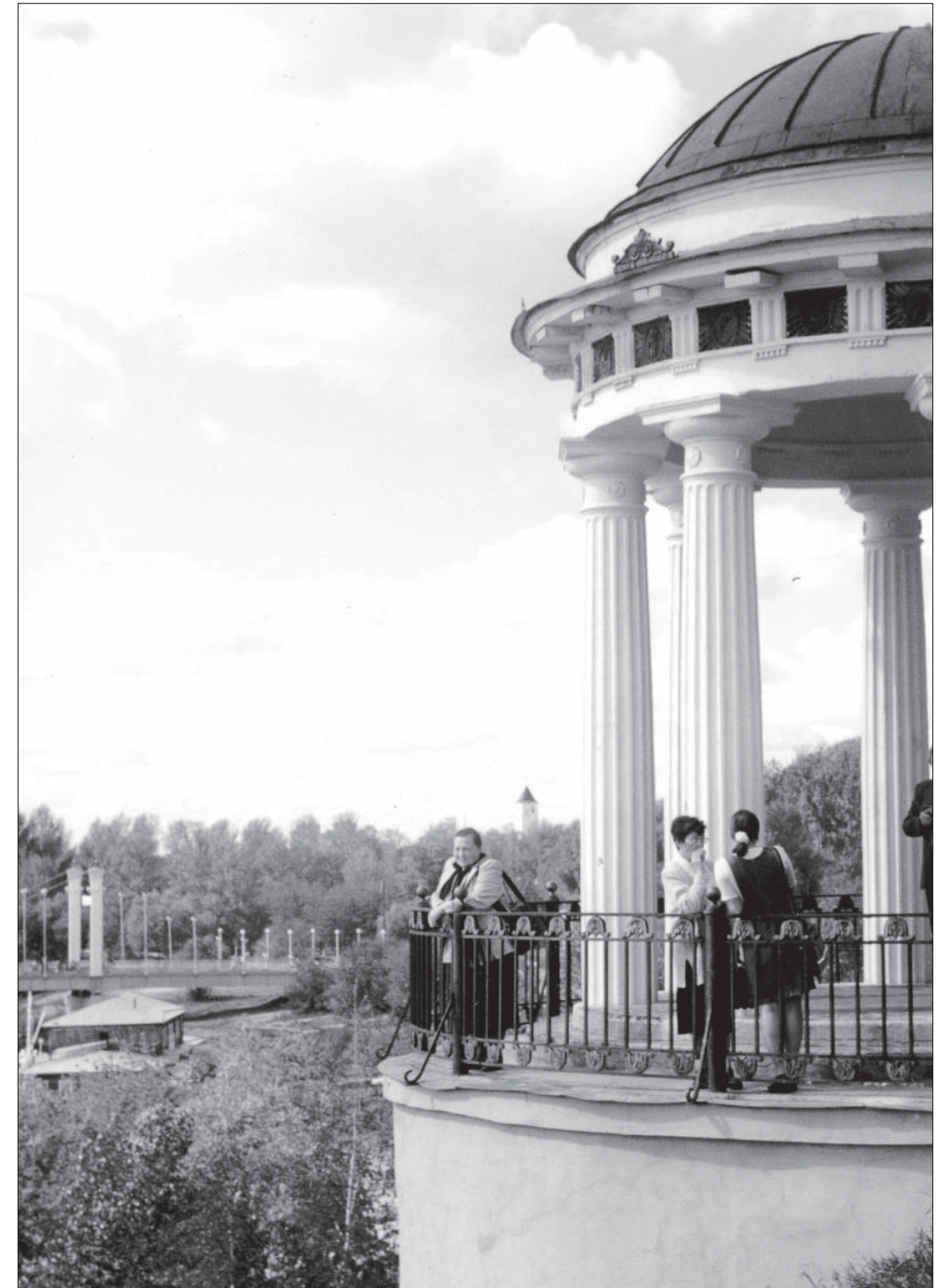
Николай Николаевич Покровский и Елена Константиновна Ромодановская. Июнь 2005 г.

Среди драгоценных воспоминаний о Елене Константиновне в памяти остались непринужденные беседы за чаем в Секторе археографии и источниковедения, которые отличала теплая дружеская атмосфера. Во время таких «чайных посиделок» Елена Константиновна интересовалась жизнью нашего Сектора, делилась своими научными планами, открытиями и новыми идеями, как бы вслух размышляла на темы, которые ее занимали в то время, рассказывала о проблемах Института филологии. Однако она говорила не только о науке и о своей научной работе (хотя эта тема для нее всегда была приоритетной), Елена Константиновна также делилась впечатлениями о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, много рассказывала о себе, вспоминала разные события из прошлой жизни, из детства. Все это говорило о широком круге ее интересов, приоткрывало перед нами ее богатый внутренний мир, эстетические вкусы, взгляды на жизнь, литературные пристрастия. Рассказы Елены Константиновны всегда были интересны и поучительны: за событиями ее частной жизни открывалась большая эпоха, разворачивалась жизнь и история нашего Отечества со всеми его бедами и победами. При этом она всегда оставалась оптимистом, даже в горьких, трагических событиях эпохи Елена

Константиновна умела отыскивать светлую сторону. Иногда она говорила о своих родителях, особенно часто вспоминала отца, Константина Владимировича (известного в медицинском мире ученого, специалиста в области лимфологии, преподавателя и организатора медицинской науки). Елена Константиновна была папиной дочкой. Отец, судя по всему, оказал на нее огромное влияние, она его очень любила и уважала. С нежностью и любовью Елена Константиновна говорила о дочери Варе, детство и взросление которой прошли на наших глазах, гордилась ее научными успехами.

Елену Константиновну также радовали и успехи ее учеников, о которых она никогда не забывала, постоянно заботилась, с заинтересованным вниманием следила за их судьбой и научной деятельностью. Надо отметить, что Елена Константиновна была необыкновенно деликатна и тактична в общении с людьми, в любом могла отыскивать положительные стороны. Она всегда была готова откликнуться на чужую беду, поддержать в трудную минуту, оказать помощь словом и делом. Ее поддержку я не раз ощущала на себе. Елена Константиновна сыграла важную роль и в моей научной судьбе, о чем я всегда буду помнить с глубокой благодарностью. Она пробудила во мне интерес к XVII веку — особенно любимому ею периоду в истории древнерусской литературы. Она была научным руководителем моей кандидатской диссертации, тема которой была подсказана ею. Ее ценные советы и рекомендации помогали мне и в дальнейшем. В свое время Елена Константиновна сложила с себя полномочия хранителя Собрания древних рукописей и старопечатных книг, которое располагается в Секторе археографии и источниковедения, доверив мне заботу о его сохранности. Уже много лет я продолжаю это ее дело. С книгами Собрания Елену Константиновну связывали особые отношения, ведь в начале своей научной деятельности она принимала активное участие в первых археографических экспедициях Новосибирского научного центра, которые впоследствии были названы академиком Д. С. Лихачевым «археографическим открытием Сибири». Она была одним из первопроходцев, совершавших поиск и открытие драгоценных сокровищ древнерусской книжной культуры, уникальных манускриптов и старопечатных книг, в разное время и разными путями попавших на территорию Сибири.

Когда я вспоминаю Елену Константиновну, мне почему-то чаще всего приходит на память наша совместная поездка в августе 2000 г. в Ярославль, где проходила научная конференция, посвященная 200-летию первого издания «Слова о полку Игореве». Вместе с нами тогда были Варвара Андреевна Ромодановская (она сделала в те дни множество замечательных фотографий) и Александр Иванович Мальцев. Из той командировки особенно запомнился последний вечер, когда после напряженной работы конференции, научных дискуссий и прогулки на катере по Рыбинскому водохранилищу мы в ожидании санкт-петербургского поезда посетили Рыбинский художественный музей, который, несмотря на позднее уже время, любезно открыл для нас его директор и позволил нам познакомиться с экспозициями музея. После

Ярославль. 2000 г.

Волга. Закат. 2000 г.

экскурсии мы, переполненные впечатлениями от увиденного, вышли с Еленой Константиновной на балкон музейного здания. Был чудесный тихий вечер, удивительно теплый, несмотря на конец августа. Уже смеркалось, хотя край неба все еще был окрашен закатом, внизу тихо плескалась Волга. Открываясь перед нами картина была исполнена необыкновенного умиротворения, покоя и гармонии. Медленно погружавшийся в сумерки маленький провинциальный русский город с его старинными зданиями, поблескивающая водная гладь реки вызвали удивительное, волнующее чувство, создавали ощущение огромной духовной силы этого места, за которым стояла история — бесконечная череда исторических и культурных событий, определивших его неповторимый облик. Созерцание этой картины произвело схожее воздействие и на Елену Константиновну, о чем она поделилась со мною.

За многие годы общения с Еленой Константиновной случалось много разных событий, но эта совместная поездка в Ярославль и особенно тот последний, наполненный впечатлениями, чудесный вечер — одно из самых светлых и дорогих для меня воспоминаний, связанных с нею.

Впервые я встретила с Еленой Константиновной Ромодановской в ОР ГБЛ в феврале или начале марта 1969 г. Наш семинар, которым руководила Наталья Сергеевна Демкова, ежегодно в это время проходил «практику» в рукописных хранилищах Москвы, а точнее, мы здесь работали с рукописями по теме наших дипломных сочинений. Наталья Сергеевна представила мне Елену Константиновну как одного из известных исследователей древнерусской литературы. (Наталья Сергеевна всегда любила и до сих пор любит знакомить своих подопечных с интересными ей людьми...)

Вторая знаменательная наша встреча состоялась весной 1971 года уже на сибирской земле. Я хорошо запомнила эту поездку, потому что это был первый мой самостоятельный выезд на студенческую научную конференцию, да еще

так далеко... Лететь я должна была с Леной Кукушкиной (это все наш семинар по древнерусской литературе), собирали нас всем миром. Владимир Иванович Малышев пытал меня с пристрастием, о каких рукописях я буду рассказывать (доклад был посвящен нашей летней (1970 года) экспедиции на Север и рукописям, какие мы оттуда привезли), Наталья Сергеевна объясняла, на что надо обратить внимание, помнится мне, что особо выделила она тогда Пинежский летописец, полученный где-то в Карпогорских пределах. Над этим летописцем уже трудился Александр Ильич Копанев, к которому за информацией о Летописце она меня и послала в БАН. Надо сказать, что Александр Ильич (с которым, кстати, я не была

Елена Константиновна Ромодановская

Николай Николаевич Покровский

ранее знакома) быстро понял, что мне надо и, долго не раздумывая, принес рукописный вариант своей статьи, сказав, что я могу его взять с собой и посмотреть, когда будет удобно, текст.

Незабываемым было первое впечатление от Академгородка. Добирались мы от аэропорта почему-то через город, долго, с трудом, поскольку почти каждый прохожий пытал нас, где мы достали апельсины (нас снабдили гостинцами — две нитяные сетки с заморским фруктом, для Ленинграда тогда это не было диковинкой, а вот в Сибири в то время это был действительно заморский фрукт).

И вот, когда наконец-то мы въехали в Городок, все мелкие неприятности остались далеко позади. Этот воздух, лес, из-за которого домов почти не видно, шныряющие под ногами белки, их тогда было почему-то очень много и людей они не боялись! Все это нас поразило. Я не помню, как и с кем (скорее всего, нас встречали) мы добрались до общежития, но и здесь нам было тоже тепло и уютно. Меня поселили в комнате у дипломницы Елены Константиновны Марины Новицкой, а Лена Кукушкина расположилась в блоке у Ларисы Соболевой. На следующий день по приезде нас познакомили с университетом. Заседание нашей секции проходило в какой-то не очень большой, уютной аудитории. Заседание вел Николай Николаевич Покровский, студенты активно задавали вопросы, а я с удивлением сейчас припоминаю, что отвечала уверенно, ничего тогда не боялась, была даже слишком самоуверенной, а теперь

[1036]

перед каждым докладом волнуюсь... Елена Константиновна заинтересовалась Летописцем (я ведь тогда еще не знала, что ее главной темой в ту пору были Сибирские летописи и все, что было связано с летописанием, вызывало ее непосредственную, профессиональную реакцию). Благо, я была вооружена законченным исследованием Александра Ильича и могла что-то отвечать.

Замечу, что я тогда несколько задержалась в Сибири, успела навестить своих сибирских друзей, а когда вернулась и предстала пред светлы очи Александра Ильича, он был безмерно рад, увидев свою рукопись, и искренне признался, что лишь спустя несколько дней после нашего отъезда, он вдруг осознал, что отдал свой единственный экземпляр статьи — кому, зачем и не потеряется ли она. Было несколько тревожно... Вот такие они, наши старшие наставни-

ки, готовы всегда отдать самое дорогое, тем, кто интересуется делом, которому они служат.

Вспоминается еще из той далекой поездки наше посещение дома Елены Константиновны. Она тогда жила в Академгородке на бульваре Молодежи, их дом в городе на Серебrenниковской был на капитальном ремонте и пригласила нас с Леной, чтобы познакомить с мамой, Анной Николаевной и маленькой полугодовалой дочерью, Варенькой. Мне было удивительно, с какой гордостью и восхищением Елена Константиновна, всегда сдержанная и немногословная, говорила о них. Я поняла: вот ее главная ценность в жизни! Анна Николаевна с первой нашей встречи запомнилась мне подтянутой, строгой, настоящей

Анна Николаевна Ромодановская

[1037]

леди, очень доброжелательной и гостеприимной, но я ее почему-то побаивалась, может быть, оттого, что она была всегда пряма и непреклонна в своих суждениях о людях и их делах. Но ее советам в дальнейшей своей жизни я следовала неукоснительно, потому что знала, что они выверены мудростью и временем и идут от души.

Варя уже тогда, в свои полтора года, была человеком самодостаточным и очень деловым.

Таковы были мои первые впечатления от Городка и его обитателей. Когда мы вернулись в Ленинград, меня сразу же обязали по линии Научного Студенческого Совета дать в стенгазету статью о научной поездке, я плохо помню, что из себя представлял мой научный отчет, но весь восторг Городком, студентами НГУ, белочками я точно выплеснула на бумагу, недаром Наталья Сергеевна, прочитав мою заметку, сказала: «Не думала, Ярошенко, что Вы такой борзописец!». Почти дословно помню последнюю фразу своей заметки, я ее не раз в жизни вспоминала. Я написала тогда: «Мне очень хотелось бы жить там!». Разве я могла тогда представить себе, что это станет явью!

Третья моя встреча с Еленой Константиновной состоялась в 1972 году, 12 мая, в день нашей с Татьяной Махновец защиты дипломов. Наталья Сергеевна приехала к нам в общежитие на празднование этого события вместе с Еленой Константиновной, которая приподнесла нам, как будущим специалистам-древникам, только что вышедший том «Первые пьесы русского театра»,

где ею был подготовлен текст пьесы «Иудифь». Для нас это был бесценный дар, первая в нашей жизни книга, подписанная и преподнесенная самим автором!

Тогда я даже не могла представить, что в октябре этого же года я окажусь в Новосибирске и судьба свяжет меня с Еленой Константиновной на всю жизнь. Дальнейшая моя жизнь была определена тремя близкими и дорогими мне по сию пору людьми — Натальей Сергеевной Демковой, Еленой Константиновной Ромодановской и Николаем Николаевичем Покровским, который именно в это время прислал письмо Н. С. Демковой, где выразил желание в числе своих сотрудников иметь одну из ее учениц. Волею судьбы мне предстояло ехать в Новосибирский Академгородок, если академик Алек-

Наталья Сергеевна Демкова

[1038]

сей Павлович Окладников, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР, подпишет документы. Это было серьезное препятствие. Подпишет ли? Мне оставалось надеяться и ждать, поскольку до октября месяца А. П. Окладников был в археологической экспедиции. Перед отъездом домой, к родителям в Ставрополь я зашла проститься к Владимиру Ивановичу. Первый вопрос, который он задал, когда я пришла к нему, был о моем трудоустройстве. Я сказала, что меня согласен взять на работу Н. Н. Покровский, если не будет возражать А. П. Окладников. Владимир Иванович очень обрадовался моему сообщению о возможности работать в Сибирском отделении Академии наук, и тут же стал кому-то звонить и расспрашивать об Алексее Павловиче (оказывается, они были очень дружны), к которому у него якобы была «научная проблема»... Закончив разговор, он раздосадованно сообщил, что Окладников в экспедиции, говорил же он с его супругой, Верой Дмитриевной, обещал позднее непременно связаться с Алексеем Павловичем. И тут Владимир Иванович лукаво произнес удивившую и запомнившуюся мне надолго фразу: «Если такой женоненавистник, как я, порекомендует Алексею Павловичу взять на работу “ученую дамочку”, думаю, он не откажет!». Живое, искреннее участие...

10 октября 1972 г., будучи в Ставрополе у родителей, я получила телеграмму (она до сих пор хранится в моих ценных бумагах) от Елены Константиновны из Новосибирска: «Документы приняты зачисление на работу с момента прибытия = Ромодановская».

Н. Н. Покровский пригласил меня на работу в свою Археографическую группу, а Елена Константиновна активно помогала осуществиться этим его планам.

Отправляясь из Ставрополя в Сибирь, я заехала в Ленинград попрощаться со своими университетскими друзьями и Натальей Сергеевной. Давая напутствие на трудовые подвиги, она сказала: «Помните, в Новосибирске есть добрая фея, Елена Константиновна, Вы будете под ее защитой, и я спокойна за Вас».

В Новосибирск я прибыла 23 октября. Елена Константиновна приняла меня в своем доме, и месяц, пока шло мое оформление на работу, я прожила в ее семье и стала негласным ее членом навсегда. Когда я появилась в Секторе истории феодального периода (в него входила Археографическая группа, воз-

Любовь Васильевна Титова

[1039]

главляемая Н. Н. Покровским), Елена Константиновна познакомила меня со всеми сотрудниками и с гордостью сказала: «Самое ценное, что у нас есть — это наша молодежь!» (в Секторе тогда начинали свою научную деятельность И. В. Островский, А. В. Тихонова (Островская), Т. Н. Аpsит, А. И. Афанасьева). Я очень скоро поняла, что мне повезло, как мало кому везет в жизни! Я вновь оказалась (как и в Ленинграде) в кругу духовно и душевно близких мне людей, ученых, которые возвращали своих учеников, пестовали их, как собственных детей учили своим собственным примером! Коллектив археографической группы тогда был еще невелик — Николай Николаевич, Елена Константиновна, Татьяна Николаевна Аpsит и я, но вся молодежь Сектора была всегда рядом с нами. Это была наша вторая семья, которая со временем естественно прирастала учениками Николая Николаевича и Елены Константиновны...

Что мне было особенно дорого в Елене Константиновне — это то, что она никогда не давала в обиду членов этой второй, а может, даже первой своей семьи, защищала на всех уровнях, готова была прийти на помощь всегда и во всем! Я уж не говорю о книгах, она всегда приносила из своей богатейшей библиотеки (других таких библиотек я не знала — около 50 000 томов) все, что тебе нужно, кроме того, из командировок она всегда привозила последние новинки, которые еще не дошли до Новосибирска, и первым делом приносила их в Сектор, чтобы познакомить сотрудников с последним словом науки.

Я могла обратиться за помощью к ней и с бытовыми проблемами. Помнится мне, когда я вышла замуж и в первые же три месяца нашей совместной с Валей жизни мы лишились крова (дом в Нижней Ельцовке, где мы снимали комнату, был продан без предупреждения), Елена Константиновна предложи-

Любовь Васильевна и Валентин Александрович Титовы

[1040]

ла нам пожить у нее дома с Анной Николаевной и Варей, пока не решится наша жилищная проблема; она сама уезжала на пару месяцев в Ленинград поработать, — и мы, дескать, не стесним их.

Лето 1973 года было незабываемым во многих отношениях: во-первых, мы сдружились с Анной Николаевной и поближе познакомились с Варей. Особенно мне было приятно, что Анна Николаевна нашла в Вале прекрасного собеседника, я же, как всегда, больше занималась кухней. Они могли часами проводить в беседах о литературе и книжных новинках, о том, что в мире происходит, а особо дорогими им обоим были воспоминания о Вологодчине. Валя был родом из Вологды, а у Анны Николаевны родственники были из рода Сумкиных, и она много знала и рассказывала о весьма редких узко региональных северных обычаях.

А во-вторых, хотя, может, это и очень личное, но неразрывно связано с тем прекрасным далеким летом, — я, в ожидании нашего первенца, чувствовала себя неважно, часто кисла и все свободное время старалась отлежаться, Анна Николаевна же относилась к моему состоянию без особого сострадания, строго говорила: «Беременность — это не болезнь, надо идти на воздух и гулять вместе с Валею». Только несколько позднее я поняла, что это был не приказ, а совет врача, и какой необходимый! Многие годы после этого незабываемого лета я обращалась именно к Анне Николаевне за медицинскими консультациями.

Особо запомнился мне из тех наших прогулок с Валею поход на рынок (бесцельно ни он, ни я гулять не любили). Захотелось мне яблок, капризы в моем положении допускались (надо сказать, что яблоки я с детства не любила, каких только сортов в нашем саду в Ставрополе их не было!), а тут ничего другого мне не надо. В июне еще нового урожая не было, на прилавке лежали только небольшие, зеленые, сморщенные яблочки, их и назвать-то яблоками трудно было, а стоили они баснословно дорого — 7 рублей килограмм (это по тем временам десятая часть моей зарплаты). Купили 2 яблока. Я посмотрела на них — есть мне сразу расхотелось, и на глаза навернулись слезы. Я вдруг осознала, что такое Сибирь и почему она ассоциировалась долгое время со ссылкой... Вскоре эти настроения прошли, начались бесконечные заботы и дома, и на работе, и я особенно ощутила постоянное внимание, уважение и доброе отношение окружающих меня сибиряков, стало на душе намного теплее и спокойнее и на мелочи перестала обращать внимание.

Еще один эпизод из того далекого лета врезался мне в память: Елена Константиновна попросила отправить Варю к ней в Ленинград с Александром Ильичом Федоровым, который должен был лететь туда в командировку, и она заранее обо всем с ним договорилась. Варвара отнеслась к этому сообщению с восторгом и с гордостью всем сообщала, что она поедет к маме с дядей Федоровым, потом на пару секунд замолкала и хитровато добавляла: «Александром Ильичом». С той поры мы с Валею между собой так и называли Александра Ильича: «дядя Федоров, Александр Ильич».

Говорят, жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились. Мне часто в течение жизни приходила на память первая встреча по случаю новоселья двух

[1041]

Е. К. Ромодановская с Варварой. Ленинград, 1973 г.

коллективов (Валиной лаборатории и нашего Сектора) у нас дома на Терешковой. Это была осень 1976 года. Мы получили свою первую квартиру (раньше жили в общежитии) — это была большая радость и праздник для всех, с квартирами тогда было туго, очереди огромные, но семейные общежития иногда расселяли. Нам, можно сказать, повезло. Мы получили 2-комнатную квартиру, да еще в центре Городка! Народу было много, в основном молодежь, хотя тогда мы были все молодыми, как я теперь понимаю, от двадцати с небольшим до сорока с маленьким хвостиком. В большой комнате еще не было мебели: только накрытые столы и радиолы, объявлены были танцы до утра! Застолье было шумным, все знакомились, потом перешли к разговорам о работе. Елена Константиновна рассказывала о сибирских летописях, Гелий Андреевич Коковин, Валин шеф, и Федор Андреевич Кузнецов, заведующий их Отделом физхимии, в последующем академик, директор Института неорганической химии СО РАН, с восхищением смотрели на нее. Она была тогда необыкновенно хороша: в серо-голубом нарядном платье с ожерельем из уральских самоцветов на шее, а главное, мне запомнились ее сияющие, восторженные глаза и самозабвенный рассказ благодарным, внимающим каждому ее слову слушателям. Федор Андреевич предложил тост за дружбу химиков и лириков и призывал «просвещать» их почаще... К сожалению, эти благие намерения так и не осуществились, а этот вечер, соединивший химиков и лириков, остался в моей памяти

[1042]

навсегда. Помнится, я не раз даже приставала к Елене Константиновне, где, мол, то ее платье, в котором она была на новоселье, и которое ей так к лицу? Она даже не понимала, о чем это я говорю, а ведь дело-то было не в наряде, а в том настроении и состоянии, которое возникает при встрече людей, близких по духу на редких праздниках жизни...

Еще меня удивляло в Елене Константиновне умение постоянно быть погруженной в свои научные замыслы. В конце 70-х — начале 80-х гг. мы часто с нею после работы заходили к нам домой и за чаем пытались обсуждать проблемы моей диссертации, но как-то всегда незаметно переходили к Аггею,

Е. К. Ромодановская. 2007 г.

[1043]

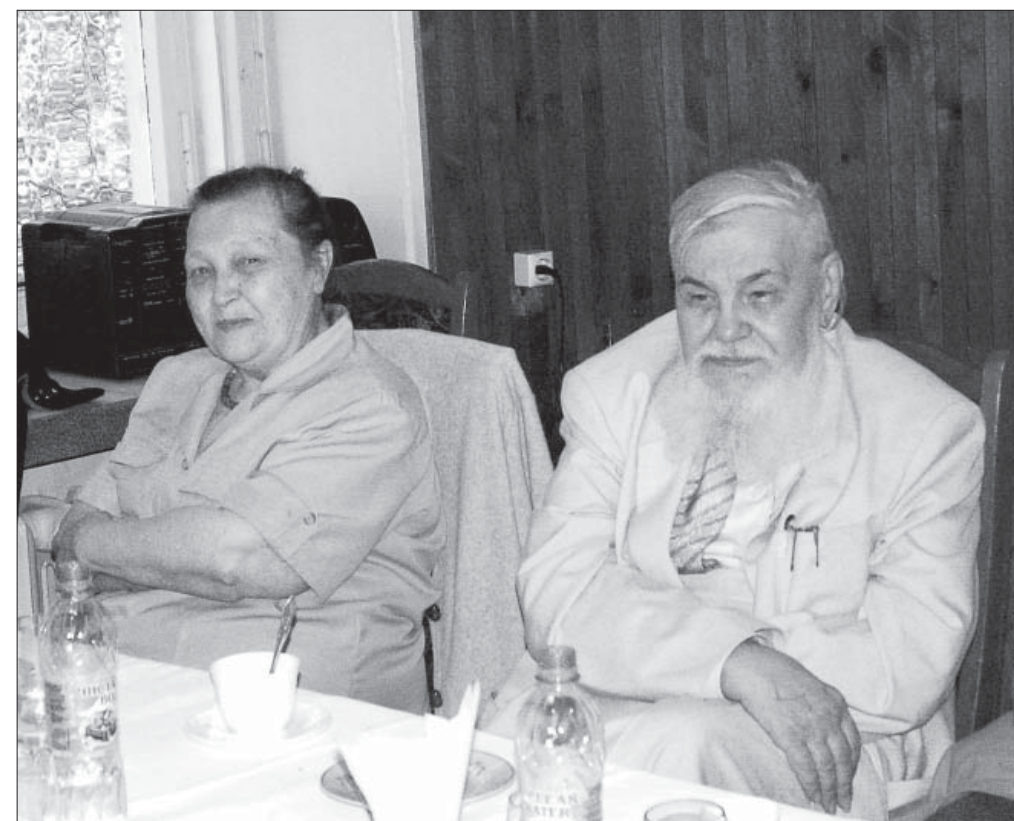

2008 г.

гордым царям и новым идеям Елены Константиновны по поводу «Римских Деяний» в целом и отдельных повестей из них, самостоятельно живущих в древнерусской книжности. В конце наших научных посиделок Елена Константиновна, извиняясь, резюмировала: «Ну вот, Любочка, как всегда, обсуждали мои проблемы. Пишите. Лучше работать с цельным текстом». А я и рада была, поскольку в этих наших беседах, я черпала для себя немало интересных текстологических подходов к своим памятникам, которые мнегодились в моей работе. Она была действительно «Энциклопедией» (так ее называли еще в начале 70-х годов филологи нашего Института), в этом я окончательно утвердилась, когда прошлым летом приняла участие в разборке книг ее уникальной библиотеки. То, что в ней было по несколько изданий собраний сочинений классики: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островского и др. — объяснимо, Елена Константиновна так и говорила: «В каждом издании есть и дополнительные комментарии, и тексты, надо, чтоб были под рукой». Что касается исследований по русской и древнерусской, византийской литературе, фольклору — это все было необходимо Елене Константиновне как специалисту в этой области. Разбирая книги, Варвара обнаружила исследование по

эфиопской литературе — и в нем тоже оказались карандашные пометы на полях... Все, что Елена Константиновна читала, находило применение в ее работе, особенно когда она возглавила Институт филологии с его широкой сибирской тематикой: фольклор, языки, литературы народов Сибири — она находила сходство в развитии, типологические связи не только с русской литературой, но и с восточной и др. О ее замыслах по поводу развития младописьменных литератур, думаю, напишут лучше специалисты-сибиреведы.

Елена Константиновна, несмотря на то, что была человеком достаточно закрытым, очень чутко относилась к людям, их горю и боли. Не включая эмоции, без лишних слов, она могла поддержать в трудную минуту. Я никогда не забуду, как она мгновенно откликнулась на мою просьбу написать о Вале пару слов в газету ИНХа, готовящуюся ко дню его памяти и приуроченную к его 60-летию юбилею (2009 г.). Помню, я зашла к ней в кабинет, она сидела за столом и что-то писала, когда я обратилась к ней со своей просьбой, она как бы невзначай коснулась моей руки и сказала: «Любочка, сейчас принесу». И действительно, минут через 20 она поднялась в нашу 306 комнату и положила передо мной лист бумаги с рукописным текстом, как будто выплеснутым из

Е. К. Ромодановская и Н. Н. Покровский

души на бумагу. Немного словно, емко и очень тепло: «Когда думаешь о Вале Титове, то думаешь об их великолепном союзе с Любочкой. Оба они — выпускники Ленинградского университета, нашедшие друг друга в Сибири, и в их доме всегда ощущалась эта специфическая атмосфера — высокая требовательность к работам, как своим, так и чужим, доброжелательность, верность и преданность своим учителям, все то, что характерно для ленинградской школы и что привлекало к ним массу людей. Дом Титовых всегда был полон друзей, и как жаль, что теперь он остался без хозяина»...

Сейчас, когда ушли из жизни наши старшие наставники и учителя, Елена Константиновна и Николай Николаевич, очень остро ощущается их отсутствие, приходит осознание, что теперь мы на передовой и надо отвечать за все, продолжать достойно начатое ими дело. Именно они, воспитанники лучших московских историков и ленинградских филологов, создали Сектор археографии, естественно соединив в нем представителей обеих этих дисциплин, чем определили принципы работы сибирских археографов на многие десятилетия. Елена Константиновна, даже став директором Института филологии, продолжала оставаться членом нашего Сектора. Мы ее не только ценили, как ученого, но уважали и любили и важно (особенно сейчас), что она это знала.

Пока мы живы, мы будем помнить Вас, дорогая Елена Константиновна.

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА И ВАРЯ

Елена Константиновна — первая аспирантка моего отца, Льва Александровича Дмитриева. О нем, своем научном руководителе, она замечательно написала в сборник воспоминаний о Л. А. Дмитриеве.¹ Елена Константиновна, конечно, неоднократно бывала у нас дома, но очень яркое воспоминание осталось у меня о том случае, когда она пришла вместе со своей дочкой, маленькой Варей. Они были у нас вместе с Натальей Владимировной Поныркой. В центре всеобщего внимания взрослого общества была, конечно, очень живая, непосредственная и веселая Варя. Но мне запомнилось, как Варина мама тактично, не обижая свою дочку, с доброй иронией сдерживала ее энтузиазм. Я тогда подарила Варе свой «кукольный театр» — четыре куклы, надевающиеся на руку. Я, конечно, была уже вполне взрослой, и куклы мне были ни к чему, но я не была готова отдать их кому угодно. У двоих из них были имена моих родителей — их звали Лева и

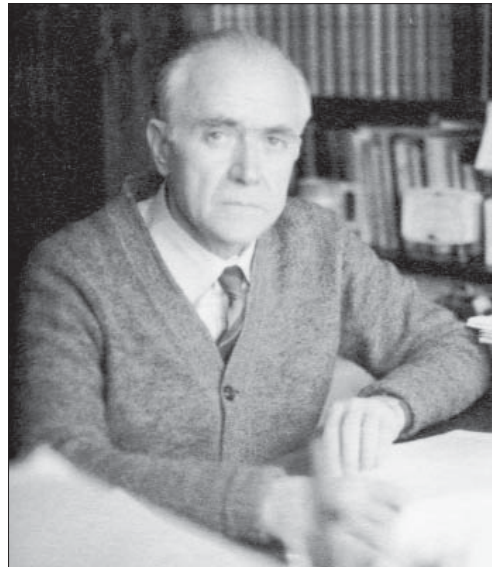
Руфина. Мне было приятно, что этот «театр» переходит в руки такой славной девочки, у которой такая хорошая мама, для которой имена «Лев» и «Руфина» кое-что значили.

А потом девочка Варя выросла и приехала в Ленинград поступать на филологический факультет Ленинградского университета. В то лето 1987 г. моя мама, Руфина Петровна, заболела и попала в больницу. У Елены Константиновны, конечно, было полно забот, связанных с Вариним поступлением, но она нашла время прийти навестить Руфину Петровну. Я была у мамы в больнице, когда они пришли вдвоем — Елена Константиновна и Варя. Пришли после важного экзамена: Варя в этот день писала сочинение. Она была настроена очень решительно и уверенно, а Елена Константиновна, помню, была озабочена и беспокойна. И еще я помню ее

Нина Львовна Дмитриева

¹ Лев Александрович Дмитриев: Библиография, творческий путь, воспоминания, дневники, письма. СПб., 1995. С. 122–123; переиздание см. на с. 873–875 этого тома.

Лев Александрович Дмитриев.
15 марта 1986 г.

Руфина Петровна Дмитриева. 1997 г.

искреннее внимательное отношение к маминому самочувствию, вопросы о том, как и чем она может помочь.

Внимательное отношение, искреннее сочувствие, желание помочь — вот, что вспоминается мне, когда я думаю о Елене Константиновне. После смерти Льва Александровича Руфине Петровне очень важно было сочувствие, ей нужно было выговориться и услышать слова тех, кто знал Льва Александровича. И опять они пришли к нам вдвоем — мама с совсем уже взрослой и самостоятельной дочерью. Пришли и принесли к чаю коробку датского печенья. Был долгий, теплый, хороший разговор. Елена Константиновна нашла замечательные слова, которые были так необходимы для моей мамы. Когда Ромодановские ушли, она мне сказала: «Какие хорошие, добрые люди. И какую хорошую коробку подарили — в ней можно будет что-нибудь хранить, нитки, например». У меня хранится коробка от датского печенья, и в ней лежат нитки. И когда надо что-нибудь зашить, или пуговицу пришить, я непременно вспоминаю Елену Константиновну.

Мне посчастливилось знать Елену Константиновну Ромодановскую в течение почти сорока лет, но в данный момент я хочу рассказать о самом начале нашего знакомства, по времени совпавшим с моими первыми шагами во взрослую жизнь.

А началось все в сентябре далекого семьдесят третьего года, когда мы, студенты-второкурсники с отделения языкознания гуманитарного факультета Новосибирского университета стали посещать ее лекции по истории русской литературы XVII века. Следует сказать, что получаемое нами образование отличалось от традиционного университетского филологического: в соответствии с названием отделения, основное внимание уделялось лингвистическим дисциплинам и особенно изучению языков, древних и новых, несколько в ущерб дисциплинам литературоведческим. Учиться было интересно, хотя и нелегко — например, коллоквиумы и зачеты по латыни, которые мы сдавали профессору М. И. Рижскому, стоили любого экзамена. Эта языковая подготовка (при выпуске мы получили право преподавания не только русского языка и литературы, но и английского, французского или немецкого языков) во многом определила трудоустройство многих моих сокурсников и мое отчасти.

Упомянутое мною преобладание лингвистических курсов в наших учебных программах слегка уравновешивалось расширенными возможностями по изучению древнерусской словесности. Уже в самом первом семестре мы посещали палеографический практикум в отделе рукописей ГПНТБ СО АН СССР, лекционный же курс по начальному этапу русской литературы читался в двух последующих семестрах. В весенний семестр первого курса историю русской словесности XII–XVI вв. нам читала Е. И. Дергачева-Скоп, а осенний семестр второго курса был разделен между двумя преподавателями. Литературу XVII в. читала Е. К. Ромодановская, за несколько лет до этого защитившаяся диссертацию по ранней русской литературе Сибири, XVIII век — снова Е. И. Дергачева-Скоп. Как и большинство выпускников средней школы, я, будучи весьма начитанной в русской и зарубежной литературе нового времени, очень мало знала о нашей древней словесности. Поэтому я не смогла тогда оценить по достоинству лекции Елены Ивановны, насыщенность которых ценной научной информацией открылась мне лишь с годами. Тогда же у меня сложилось впечатление, что изучение древнерусской литературы — дело, возможно, и интересное, ибо в нем много белых пятен, но чрезвычайно сложное и, главное, от моих тогдашних интересов и пристрастий далекое. Экзамен по этому предмету был для меня одним из самых сложных за весь университетский курс.

Совсем иначе почувствовала я себя на лекциях Елены Константиновны Ромодановской. Передо мной вдруг открылся ранее неизвестный пестрый мир словесности «бунташного» века, в чем-то очень важном уже напоминающий

любимую мною русскую классическую литературу (помню потрясение, испытанное мною при чтении Жития протопопа Аввакума). Навсегда «зацепила» меня и магистральная тема лекций Елены Константиновны — анализ механизмов процесса, обеспечившего переход от средневековой по своему типу древнерусской словесности к художественной литературе нового времени. Позднее она посвятила этой теме одну из лучших своих монографий.

Какими были ее лекции? Читала Елена Константиновна «без бумажки», но от основной темы не отклонялась, эмоционально, но вдумчиво, отчего казалось, что текст лекции рождается прямо на наших глазах. В ее обращении к нам не было ни высокомерия, ни снисходительности, а только доброжелательность и стремление поделиться тем, что интересно ей самой. Эта интеллигентная манера преподавания тем больше удивила нас, студентов, когда в недавно вышедшем сборнике первых пьес русского театра мы увидели, что одну из них, «Иудифь», подготовила к изданию она сама. Нашей преподавательнице были «к лицу» и «ленинградское» произношение слов «что» и «конечно», и милая картавинка, и кофточки ручной вязки (она увлекалась вязанием). Все это вместе создавало образ очень привлекательный, интеллигентный и одновременно женственный. За долгие годы нашего знакомства я встречалась с Еленой Константиновной несчетное число раз. Разумеется, как и все мы, она менялась, «входила в возраст», поднимаясь по ступеням академической карьеры, и, к сожалению, старела. И все-таки мне иногда чудилось, что где-то в глубине ее живет милая молодая преподавательница из той далекой осени...

Как я сейчас понимаю, лекции по русской литературе XVII в. не продолжались дольше двух месяцев, хотя яркость моих воспоминаний этому противится. Вероятно, Елена Константиновна тоже обратила внимание на худенькую студентку в очках, которая слушала ее с таким увлечением, что забывала порой даже конспектировать. Но первое впечатление надо было проверить, и на зачете по своему курсу (мы сдавали его посреди семестра) она предложила мне в качестве одного из экзаменационных вопросов довольно трудную и совсем новую тогда тему «Русское барокко». По счастью, я успела по мере сил с этим вопросом разобраться, и экзаменатор была удовлетворена. А дальше последовало неожиданное — прямо на зачете Елена Константиновна «сделала мне предложение», посоветовав заняться литературой переходного периода. Она даже назвала возможную тему — малоизученную тогда и совсем мне неизвестную Повесть об Андрее Критском. Я обещала подумать.

По стечению обстоятельств той осенью Е. И. Дергачева-Скоп уступила чтение курса по русской литературе XVIII в. Елене Константиновне, так что мы получили возможность узнать о взглядах нашей преподавательницы и на последующий литературный процесс. Тогда для нее это был первый опыт, но в дальнейшем многие из ее учеников успешно занимались изучением различных литературных явлений «безумного и мудрого осмнадцатого столетия». Позднее, на пятом курсе, Елена Константиновна начала читать спецкурс по древнерусской литературе, начиная с Киевской Руси, но, к сожа-

лению, курс этот не был завершен (автобус, на котором Е. К. Ромодановская ехала на лекцию, попал в аварию, последствия которой оказались для нее весьма серьезными).

Экзаменатор она была очень доброжелательный, возможное использование шпаргалок как будто и не предполагала, но хорошую оценку у нее надо было заслужить. В зимнюю сессию на экзамене по литературе XVIII в. она повторила мне свое предложение, кроме того, пригласила в свой будущий семинар и некоторых других понравившихся ей студентов. Первоначально семинар Е. К. Ромодановской состоял всего из двух человек: меня и Татьяны Шатыгиной, пришедшей со своей темой, Житием митрополита Филиппа. Мне было предложено с десятка интересных тем, едва ли не каждая из которых была перспективна в научном отношении и даже диссертательна (некоторые из них должным образом не изучены и до сей поры). Но я остановила свой выбор на упомянутой ранее Повести об Андрее Критском, древнерусской обработке интересовавшего меня со школьных лет «Эдипова сюжета». Предлагая эту тему, Елена Константиновна предупредила, что если я выберу ее, то должна пообещать, что уже не брошу, как одна моя предшественница. Я дала слово и, странно сказать, держу его до сих пор, хотя о том, куда приведет меня это исследование, не могли тогда предположить ни я, ни даже она. Через год в наш семинар «по моей наводке» пришла Аделина Михалина, курсом моложе нас (ее дипломное сочинение, отмеченное позднее медалью на конкурсе студенческих научных работ, было посвящено одной из малоизученных повестей Петровского времени). Наконец, в последний год учебы к нам присоединилась наша сокурсница Лена Яковлева (Никанорова), занявшаяся сборниками анекдотов о Петре Великом XVIII века.

К руководству своим маленьким семинаром Елена Константиновна (мы тайне называли ее тогда «шефиня») отнеслась очень добросовестно. В характерной для нее мягкой, но настойчивой манере она с первых же дней его работы начала нашу подготовку к серьезной научной деятельности. Первым шагом на пути изучения избранных нами тем стали развернутые библиографические обзоры, которые по требованию «шефины» должны были не только учесть всю доступную литературу по данной теме, но и оценить ее, выявив сильные и слабые стороны и малоизученные аспекты. (Это была одна из традиций ленинградской филологической школы — сходным образом мне пришлось позднее готовиться к сдаче кандидатского экзамена по специальности в Институте русской литературы.) Выполнение ее другого задания потребовало от меня определенных навыков работать с древнерусскими рукописями (для филолога-древника это считалось тогда совершенно необходимым). Мне предстояло сравнить имевшиеся издания текста Повести об Андрее Критском с их рукописными оригиналами и оценить качество публикаций. А ведь публикаторами Повести были такие выдающиеся ученые, как Н. И. Костомаров и Н. К. Гудзий. Изучение костомаровской публикации «буслаевского списка» Повести об Андрее Критском выявило ее многочисленные и существенные

разночтения с исходной рукописью. Это оказалось немаловажным, поскольку именно на этом издании основывались суждения о памятнике большинства его дореволюционных исследователей. Но зазнаваться перед предшественниками не приходилось. Ведь еще в 1915 г. Н. К. Гудзий не только опубликовал хорошо вычитанный список Повести, до сих пор остающийся древнейшим и наиболее близким к ее архетипу, но и аргументированно высказал гипотезу о возможности русского происхождения этого варианта «Эдипова сюжета». Все мои последующие текстологические наблюдения и историко-литературные разыскания лишь подтвердили правоту этой гипотезы. Таким образом, выполнение этого задания научило меня одновременно и уважению к ученым-предшественникам, и выработке собственных суждений и здоровой критичности. Примеры благотворности уроков Елены Константиновны можно было продолжать долго. Говоря коротко, на заседаниях своего семинара она ненавязчиво и естественно учила нас той научной добросовестности, которая отличала ее саму как исследователя. Некоторые уроки той поры я запомнила на всю жизнь. Так, после не слишком удачного доклада на одной из студенческих конференций я раз и навсегда усвоила необходимость соблюдения регламента. Конечно, все это азы научной работы, но сколько молодых и не очень молодых ученых сейчас их не знает. Нам нравилось доброжелательное и интеллигентное обращение Елены Константиновны с коллегами, а также то глубокое уважение, которое она испытывала к своим учителям, И. П. Еремину и Л. А. Дмитриеву, несколько заслоненным в истории русской медиевистики колоссальной фигурой их современника Д. С. Лихачева. (Через много лет после смерти И. П. Еремина Е. К. Ромодановская приложит немало сил, чтобы опубликовать книгу его лекций и статей по древнерусской литературе.)

Стремясь приобщить нас к рабочей атмосфере здорового научного коллектива, «шефиня» познакомила участников семинара с сотрудниками Сектора археографии и источниковедения Сибири ИИФФ СО АН, в котором тогда работала (научные и дружеские связи с ними я поддерживаю до сих пор). Помню, например, наше робкое участие в обсуждении на Секторе книги А. Н. Робинсона «Борьба идей в русской литературе XVII века» (М., 1974) Запомнились мне и два приезда ленинградской исследовательницы Натальи Сергеевны Демковой. В первый из них она рассказывала о своих новых наблюдениях над текстом Слова о полку Игореве (убедительность ее уточнений датировки этого памятника произвела тогда на меня сильное впечатление). Ее второй приезд оказался для участников нашего семинара и студентов из семинаров Н. Н. Покровского и Е. И. Дергачевой-Скоп серьезным испытанием, ибо впервые мы докладывали результаты своих изысканий не одному лишь своему руководителю или слушателям студенческой конференции, но серьезному специалисту «со стороны». (Впрочем, учителей своих мы не посрамили.) Интересным запомнился мне и популярный курс по истории древнерусской иконописи, который начинал нам читать Н. Н. Покровский (к сожалению, курс не был завершен из-за его болезни.)

[1052]

Наталья Сергеевна Демкова на студенческой конференции в Новосибирском университете. На втором плане справа — М. Н. Климова. 14 мая 1976 г.

Отмечу попутно, что студенческие годы в НГУ, пришедшиеся на период «раннего застоя», с дистанции прошедших лет кажутся мне весьма содержательными, ибо культурная жизнь новосибирского Академгородка предлагала тогда разнообразную пищу для наших умов и сердец. Вспоминаются лекции неоднократно приезжавшего в городок Н. Я. Эйдельмана, «шукшинская» и «тарковская» недели в кинотеатре «Москва» и одновременно искренний для многих из нас энтузиазм маевки и конкурсов политической песни. Ярким событием года становился и проводимый в апреле День физика, отмечаемый костюмированным шествием и традиционным «капустником». Но проведение аналогичного «дня гуманитария» по не зависящим от нас, студентов-гуманитариев, обстоятельствам смогло состояться лишь в 1977 г.

По настоятельной рекомендации Елены Константиновны мы закрепили уже полученные нами археографические навыки в крупнейших древлехранилищах Москвы и Ленинграда во время зимних каникул третьего и четвертого курсов. Благо по студенческому билету на повышенную стипендию в 50 рублей можно было слетать тогда в любой из этих городов и вернуться. Город на Неве запомнился мне не только своим неповторимым обликом и особой атмосферой, но и радушием, с каким встретил нас, зеленых третьекурсников, в стенах Пушкинского Дома заведующий древлехранилищем Владимир Иванович Малышев. Сотрудница Сектора древнерусской литературы ИРЛИ

[1053]

С котом Мишкой.
2000 г.

Наталья Владимировна Поньрко поспособствовала ускорению доступа к интересовавшим нас рукописям из ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В ее гостеприимном доме я прожила несколько дней, пока не удалось поселить нас в опустевшем на период каникул студенческом общежитии ЛГУ. Побывали участники семинара Е. К. Ромодановской и в археографических экспедициях (впрочем, я для полевой работы оказалась не слишком пригодной).

Заседания нашего семинара часто проходили не в учебном корпусе, а у «шефины» дома. Мы познакомились с ее мамой, Анной Николаевной, и дочерью Варей (самой удивительно, что я помню питерскую библиеистку В. А. Ромодановскую еще шестилетней черноглазой девочкой, увлеченно читавшей «Приключения Чиполлино»). Всем своим укладом этот дом напоминал нам о

полулегендарной жизни петербургской интеллигенции. Просторную квартиру заполняли бесчисленные книги, не только научные, но и художественные (по уверению Елены Константиновны, все они были прочитаны Анной Николаевной). Очень скоро этой библиотекой «шефиня» разрешила пользоваться и нам (моей первой взятой у нее книгой стал выпуск «Ученых записках ЛГУ» за 1944 год со статьей В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора», представлявший собой библиографическую редкость). На пятом курсе после проведенного в «женском доме» Ромодановских ремонта наш семинар принял участие в очистке и сортировке книг. Помимо удовольствия погружения в такую великолепную библиотеку, каждая из нас по окончании работы получила на память собрание сочинений одного из русских писателей (я, например, стала обладательницей знаменитого пятитомника И. А. Бунина 1956 года).

Еще в этом доме всегда жили животные. Я еще застала старого белого кота Тихона, которого сменил черный кот Фикс и большой, тоже черный пудель Тошка (вообще-то его звали Атос, но это благородное имя мало подходило к его дурашливому нраву). Был еще волнистый попугайчик Фомка, умевший открывать свою клетку (однажды он улетел в форточку, и для утешения Вари на птичьем рынке был куплен другой, «точно такой же» попугайчик, оказавшийся кем-то отловленным Фомкой).

Научным руководителем для меня «шефиня» была довольно строгим и взыскательным (одну из глав дипломной работы я переписывала трижды — позднее она с небольшими изменениями стала научной публикацией). Не давали нам расслабляться и регулярно практикуемые Еленой Константиновной промежуточные отчеты по прочитанной литературе и проделанной работе, происходившие на глазах других участников семинара. Такая организация работы очень стимулировала нас, и все мы на защите получили «отлично», что «сделало рекламу» семинару Е. К. Ромодановской. Позднее в Новосибирском университете через него прошли такие древники, как Ольга Савельева, Светлана Севастьянова, Ольга Горелкина (Журавель), Вера Кузнецова (называю имена тех, кто защитил диссертации). Памятью о первом выпуске семинара стала также наша маленькая коллективная работа «Синайский патерик: Указатели» (Новосибирск, 1980). Хотя сделанный мной именным указатель к Патерику не обошелся без ошибок, некоторые из прочитанных тогда патериковых рассказов до сих пор сопровождают меня в научной работе.

После окончания университета мне предстояло ехать за мужем-физиком в один из недавно открывшихся сибирских Академгородков. Наш выбор пал на Томск. Для меня этот выбор в немалой степени определило то, что в этом красивом и старинном сибирском городе жила по окончании ЛГУ моя «шефиня», проработав полтора года в Отделе редкой книги знаменитой Научной библиотеки Томского госуниверситета. Пришла в эту замечательную библиотеку и я. Тогда думалось, что ненадолго, оказалось же — на всю жизнь. Тем, что моя научная деятельность, несмотря на многочисленные препятствия, все же не прервалась, я в очень большой степени обязана Елене Константиновне. Она регулярно

Е. К. Ромодановская, А. В. Титова и М. Н. Климова. 12 марта 2005 г.

сообщала мне о готовящихся конференциях молодых ученых, доброжелательно, но строго читала мои научные опусы и способствовала их публикации. По ее рекомендации в ноябре 1983 г. мне было позволено доложить результаты своего исследования Повести об Андрее Критском на заседании знаменитого «лихачевского» Сектора древнерусской литературы ИРЛИ. Позднее я стала соискателем Пушкинского Дома (научный руководитель А. М. Панченко), в 1989 году защитила кандидатскую диссертацию. Моя связь с Еленой Константиновной не прерывалась и в годы ее работы в Институте филологии СО РАН. Например, моя маленькая книга «От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе» (М., 2010) без активного участия Е. К. Ромодановской вообще не увидела бы свет (она, кроме того, стала ее ответственным редактором). Так что значение Елены Константиновны для моей научной биографии трудно переоценить.

Скажу больше, знакомство с Еленой Константиновной Ромодановской во многом определило выбор моего жизненного пути. И хотя сложился он не так, как некогда задумывался, встречу с «шефиной» я считаю одной из самых больших удач своей жизни.

[1056]

О. Д. Журавель

«ОНА КАЗАЛАСЬ ВСЕСИЛЬНОЙ ВОЛШЕБНИЦЕЙ»

Тильтль. Как же мы их увидим, когда они умерли?..

Фея. Раз они живут в вашей памяти, значит, не умерли...

М. Метерлинк. Синяя птица

Всякий раз, когда я думаю о Елене Константиновне, я слышу ее веселый звонкий голос, оживленные интонации, с которыми она что-то с энтузиазмом рассказывает, и радостный смех. Таким — светлым и жизнерадостным — остался в памяти образ этой удивительной женщины, роль которой в моей жизни оказалась куда большей, чем роль учителя и тем более научного руководителя. Это Проводник, наставник, открывший двери. Уроком было все многолетнее общение, уроком любви стал даже ее уход.

Елена Константиновна Ромодановская.
1950-е гг.

На нашем курсе, — а это было весной 1977 года, — Елена Константиновна читала древнерусскую литературу. Читала увлеченно и вдохновенно, непередаваемый колорит обретал древнерусский язык — цитаты в ее прочтении, с присущими Елене Константиновне мягкими интонациями, ленинградским выговором («что») и легким придыханием, звучали как осколки экзотического, таинственного, манящего мира древности. Курс древнерусской литературы представал точной научной дисциплиной. Выпускница Ленинградского университета (умница и отличница!), ученица И. П. Еремина и В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского и Л. А. Дмитриева, она умела четко структурировать каждую лекцию и за одно занятие раскрыть содержание памятника, поведать о последних научных открытиях по теме, изложить проблемы текстологии и атрибуции. История рукописного текста порой раскручивалась как увлекательная детективная интрига.

[1057]

С нашего курса в семинаре у Елены Константиновны оказалось шесть человек. Сейчас я пытаюсь понять, — а почему я пошла именно к ней? Новосибирский университет открывал тогда неплохие возможности для специализации, а мои интересы простирались от санскрита и индийской философии до смысловых исканий Достоевского. Для кого-то писать диплом по древнерусской литературе считалось престижным, привлекала сложность, экзотика, независимость от советской идеологии, возможность работать с манускриптами и идти непроторенными путями в науке, — все эти перспективы намечали лекции Елены Константиновны. Отчасти все это, а также совет однокурницы («Иди, Горелкина, запишись, ты умная, тебя возьмут!») сыграли свою роль. Но было и другое — неосознанное еще стремление найти Подвижника, того, для которого работа — дело жизни. Интуиция не подвела. Елена Константиновна оказалась именно таким человеком.

Тех, кто «записался» в семинар, Елена Константиновна приглашала к себе домой. Там проходили занятия, и с первого же посещения стало ясно, почему именно в квартире, а не в университетской аудитории: здесь было все необходимое для работы, кроме, разве что, рукописей, — все монографии, в том числе дореволюционных исследователей, библиографические указатели и картотеки, альбомы флиграней, все то, без чего невозможно было научить «древни-

Студенческий семинар выпуска 1981 г.: В. Кузнецова, Е. К. Ромодановская с Варей, В. Белкина, Е. Итэсь, И. Жукова, О. Горелкина

ка» (одно из любимых слов Елены Константиновны) азам научной работы. Вozить все это с собой в университет было немислимо, а домашняя библиотека Ромодановских была поистине уникальной.

Сама квартира, расположенная в доме на Серебренниковской, в центре Новосибирска, казалась эмигранткой из довоенного Ленинграда, ее мир, в котором так уютно умещались сотни, тысячи томов книг и

Дома у Ромодановских: М. П. Кучерова, подруга и одноклассница Е. К. Ромодановской, и О. Д. Журавель

едва видневшаяся из-под них старинная мебель, представал зеркальным отражением культурной атмосферы, ученой, профессорской среды прежней российской столицы. Книги были везде: на высоченных стеллажах в коридоре, в кабинете, во всех комнатах, на столах, на диване и поручнях кресел, они собирались десятилетиями, бережно хранились. Они являлись предметом заботы и страстного увлечения Анны Николаевны, мамы Елены Константиновны, среди них выросла и не представляла без них свою жизнь она сама. С большого, писанного маслом, портрета в резной раме, висевшего в кабинете, над большим (настоящим!) письменным столом, смотрел отец, профессор Константин Владимирович Ромодановский, известный ученый-лимфолог, основатель целого научного направления в Новосибирском медицинском институте, личность замечательная. Бросалось в глаза внешнее сходство: Елена Константиновна — любимица, «папина дочка», от него — и преданность науке, увлеченность делом, и педагогический дар.

Немногие предметы мебели, сохранившие, несмотря на экспансию книг, свое особое, привилегированное положение в квартире, — старинное зеркало в простенке в конце коридора («ореховые рамы у зеркал...»), буфет и круглый стол в столовой. В этой квартире любили принять гостей, на столе всегда была постелена красивая скатерть, а значение изысканной, дорогой посуды бесполезно было оспаривать даже в трудные военные годы.

Непременной участницей всех наших студенческих посиделок была дочь Елены Константиновны Варя, тогда еще школьница, а ныне крупный ученый-библеист. Сквозь все детские увлечения — фото, плавание, дрессировка пуделя Тоши, который всегда радостно встречал нас в коридоре, — через все это проступала уже тогда наследственная страсть к книгам. А любовь к фотографии, к счастью, осталась, — лучшие портреты Елены Константиновны сделаны ею.

Для меня Елена Константиновна была идеальным наставником. Она умела вовремя дать направление — это происходило незаметно, каким-то чудодейственным способом. Среди предложенных тем диплома оказалась та самая, единственная, «моя» (и как она угадала, предложив тему о Савве Грудцыне, что я только что прочла «Доктора Фаустуса» Томаса Манна и была одержима этим сюжетом?). Книги, которые вовремя она посоветовала прочесть (это была, например, О. М. Фрейденберг, «Миф и литература древности», В. Я. Пропп, «Исторические корни волшебной сказки»), переворачивали мировоззрение и влияли на научную концепцию исследования. Она передавала эстафету ученых-древников, протянув нити от А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонова, Ф. И. Буслаева, В. Н. Перетца через В. П. Адрианову-Перетц, И. П. Еремина и других выдающихся исследователей к поколению ученых, выросших во второй половине XX века. Наши первые курсовые работы базировались на прочном историографическом фундаменте, и важной его частью были книги дореволюционных ученых. Елена Константиновна привила любовь к настоящей, точной науке, к красоте научного поиска. Она никогда не мешала, не навязывала свою точку зрения, зато охотно откликалась на творческую идею и поддерживала любое начинание, в котором видела научную перспективу.

«Орден древников» — Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома. 1-й ряд: А. П. Евгеньева, В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина, Р. П. Дмитриева. 2-й ряд: Н. Ф. Дробленкова, Л. А. Дмитриев, А. М. Панченко, О. А. Белоброва. 3-й ряд: Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, О. В. Творогов

[1060]

Елена Константиновна Ромодановская. 2000 г.

[1061]

В те годы она казалась всесильной волшебницей. «С чего начать?» — «С рукописей». И вот, по совету Елены Константиновны, летом, после первого курса, мы вместе с однокурсником Мишей Дьячком (он писал работу у профессора Кирилла Алексеевича Тимофеева) отправились в Ленинград, работать с рукописями. Так я оказалась в лучшем городе на свете, причем в самом замечательном его месте — в рукописном отделе «Публички», ныне Российской национальной библиотеки. По приезде возникли трудности с жильем — с почтамта мы позволили Елене Константиновне, и она все устроила, меня и Мишу Дьячка разместили в общежитии АГУ. Впереди был месяц счастья, — работы с рукописями, прогулок по городу, родному для Елены Константиновны и ставшему любимым для меня. Немного позже она и сама приехала в Ленинград, мы встретились в Пушкинском Доме, в Отделе древнерусской литературы. Здесь, в этом храме изучения древнерусской литературы, она всегда была совершенно «своей». Меня, первокурсницу, она представила Д. С. Лихачеву, другим сотрудникам этого главного центра. Это было как посвящение в науку, своего рода инициация. Ее научное руководство было скорее мягким, добрым, заботливым и совсем не навязчивым наставничеством. Тогда это воспринималось как что-то само собой разумеющееся, ведь я ощущала себя чем-то вроде вступившей в орден «древников». Казалось — когда за спиной Елена Константиновна, ничего невозможного нет. Она умела не просто поддержать, а внушить веру в себя, в свои силы, умела радоваться успехам, свежей идее.

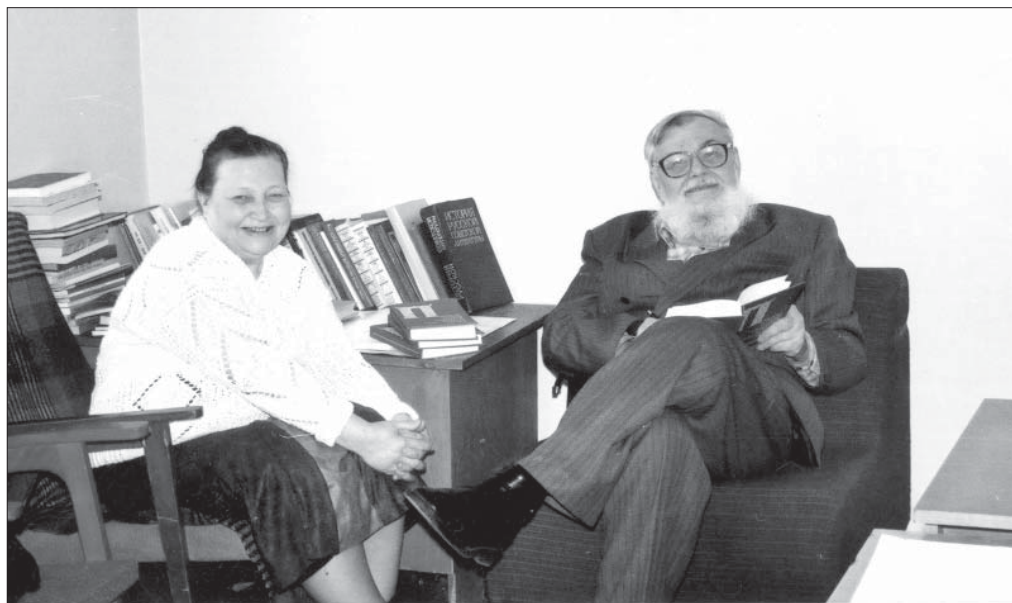
Темы Елена Константиновна давала самые разные — от апокрифов до школьной драмы XVIII века. Но главным фокусом ее научных интересов, — и это отразилось в самых ярких работах семинара, — оставался ее любимый «бунташный» XVII век. Эпохе перехода от средневековья к новому времени, разгадке причин, обусловивших рождение литературы нового типа, посвящены ее фундаментальные монографии, в частности, книга «Русская литература на пороге нового времени». Она работала над ней с огромным удовольствием, делилась новыми идеями, и особенно радовало ее то, что она может сослаться на исследования своих учеников — М. Климовой, Т. Чалковой, Т. Апсит, А. Михалиной, О. Горелкиной-Журавель. Каждая из этих работ восполнила какую-то брешь в изучении проблем сложного периода в истории русской литературы, а значит, верно были определены направления поисков.

Так получилось, что научная школа Елены Константиновны Ромодановской не получила формального подтверждения. Но такая школа была, и она есть. Наверное, можно выделить главные черты научных исследований, проведенных под руководством Елены Константиновны. Во-первых, это требование, унаследованное от петербургской научной школы, — твердая опора на источник, на вспомогательные источниковедческие дисциплины — текстологию, палеографию. Сама Елена Константиновна была опытейшим текстологом, источниковедом, ей принадлежит множество научных изданий рукописных памятников, причем тщательнейшая работа с рукописями всегда доставляла ей огромное удовольствие. Во-вторых, древнерусская литература всегда изу-

чалась в историческом, историко-культурном контексте, с учетом актуальных мифопоэтических представлений, рассматривались связи с фольклором, с политическими идеями, общественным сознанием. Это важнейшее требование, благодаря которому ее собственные работы и исследования учеников обретали многомерность и были лишены «плоского» препарирования, чем грешат порой научные труды иных современных литературоведов. И третья особенность школы Е. К. Ромодановской — понимание того факта, что русская литература неотъемлема от общемирового литературного процесса. Отсюда — интерес к мигрирующим сюжетам, к сборникам проповедей, к «Римским Деяниям» и «Великому Зерцалу», на этой почве родилось одно из главных ее детищ — проект создания Словаря сюжетов и мотивов. Компаративистский, структурно- и культурно-типологический методы, основанные столь любимыми Еленой Константиновной классиками науки (А. Н. Веселовским, В. Я. Проппом, В. М. Жирмунским и другими), давали щедрые научные плоды, помогали открывать неизведанные области в литературе Древней Руси.

Если ты древник, ты — археограф. Елена Константиновна — одна из тех, кто в середине 1960-х совершил «археографическое открытие Сибири». Мне не довелось ездить в экспедиции с ней, но рассказы о ее трудных таежных походах, о неиссякаемом оптимизме, терпении и выносливости слышать приходилось как от нее самой, так и от ее экспедиционных спутников. В те годы Елена Константиновна была далека от религиозности (сказывалось не столько атеистическое воспитание советской школы, сколько традиции русской демократической интеллигенции, естественно-научное образование отца). Но помню, как со смехом рассказывала она об одном разговоре со старообрядкой. Речь шла о спорах с атеистами, не верящими в загробную жизнь. «Если они правы, мне-то за мою веру ничего не будет. А вот если я права, и ад есть, то вот им-то и доказательство будет...». С большим уважением Елена Константиновна относилась к самым разным людям — крестьянам-староверам, соседям по площадке, ученым и простым людям, и они платили ей тем же. Много раз мне приходилось видеть потеплевшие от улыбок лица, когда упоминалось в разговоре ее имя. Все, кто знали ее когда-либо, вспоминают о Елене Константиновне с большой теплотой. Столько света рассеять вокруг себя мог только очень светлый человек.

Елена Константиновна привела нас в Сектор археографии и источниковедения тогда еще объединенного Института истории, филологии и философии. Там мы учились описывать рукописи и готовились к первым экспедициям. От Елены Константиновны я впервые услышала восторженные рассказы о Николае Николаевиче Покровском. Вернее, мы успели уже на первом курсе прослушать его прекрасные лекции по древнерусскому искусству, но то, какой уникальной личностью является Николай Николаевич, о его непростой судьбе и обширных интересах я узнавала от Елены Константиновны, и она — первый главный источник того пиетета и восхищения, с которыми я все последующие годы относилась к этому замечательному человеку. О научной школе Николая

Елена Константиновна Ромодановская и Николай Николаевич Покровский. 2000 г.

М. Н. Дарвин, Е. К. Ромодановская, Т. И. Печерская. Декабрь 2000 г.

Николаевича Покровского хорошо известно. Мы гордимся, что принадлежим к ней. Но если быть честным — это была школа, которая формировалась в тесном живом сотрудничестве с филологическим направлением, представленным прежде всего Еленой Константиновной. Они дружили, обменивались книгами и научными новостями, неизменно поддерживали друг друга. И вместе воспитывали научную поросль, вплоть до ухода из университета вначале Елены Константиновны, а потом и Николая Николаевича. И они сами, и все члены Сектора археографии и источниковедения, как историки, так и филологи, присутствовали на молодежных научных конференциях в НГУ, на которые приезжали студенты-древники из Москвы, Ленинграда, других городов. Многие из них стали именитыми учеными. Как Николай Николаевич не был узким специалистом в области истории, так и Елена Константиновна не замыкалась в рамках литературоведения, оторванного от истории, духовной культуры. Древнерусскую книжность иначе и невозможно изучать.

Наше общение с Еленой Константиновной, к счастью, не закончилось с завершением учебы в университете и даже с защитой диссертации. Благодаря Елене Константиновне поддерживался неизменно высокий уровень не только исследований, но и гуманитарной культуры в институтах СО РАН. Она была смелым инициатором многих проектов. Под ее началом развернулись работы по созданию уже упомянутого Словаря сюжетов и мотивов: из Кемерово приехали по ее приглашению тогда еще мало кому известные исследователи М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа, в группу вошел Ю. В. Шатин. Инициатором, вдохновителем и организатором начинания была Е. К. Ромодановская. В должности директора Института Елена Константиновна всегда умела постоять за своих сотрудников, если требовалось — пойти в любые инстанции, чтобы отстоять дело, представлявшееся ей важным. Она была сильным руководителем, смелым, настойчивым и бесстрашным человеком.

И еще она была очень ранимой и обаятельной женщиной. Доброта и человечность, радушие, гостеприимство было их семейной традицией. Елена Константиновна, как и раньше Анна Николаевна, никого не отпускали из дома, не напоив чаем. Помню, когда мы защитили дипломы, Елена Константиновна пригласила нас на праздничный обед — помню, как мы все вместе резали, оживленно беседуя, редиску и помидоры для салатов, делали бутерброды, а Елена Константиновна доставала из духовки пироги. И много лет спустя, будучи членом-корреспондентом Академии наук и директором Института, Елена Константиновна сохранит это качество — радушное гостеприимство, желание угостить чем-нибудь вкусным. На праздники, на свой день рождения она пекла пироги по особому рецепту — безумно вкусную ватрушку, луковый пирог, и, если не принимала у себя, то везла угощения в Институт.

Елена Константиновна стойко и мужественно встретила недуг, ярко проявились все лучшие свойства ее личности. Ни разу я не слышала от нее ни одной жалобы, и поражало не только умение достойно держаться: до последнего она сохранила доброту и самый искренний интерес к людям, расспрашивала

о том, что происходит в Институте, сама рассказывала истории из своей жизни — это были иногда истории, связанные с книгами. В ее больничной палате всегда было много книг, она работала над последним своим проектом, связанным с ролью документа в литературе, и надеялась закончить монографию. Помню, когда она произнесла слова «Я очень счастлива, что я филолог. Я так люблю филологию!», в ее лице вовсе не было грусти...

ВОСПОМИНАНИЯ

О ЕЛЕНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ РОМОДАНОВСКОЙ

О Елене Константиновне я впервые услышал из уст Д. С. Лихачева, который в одном из докладов сослался на ее работу. А еще раньше обсуждалась громкая история о том, как Лихачев встал на защиту молодой исследовательницы, когда у той какой-то негодяй украл результаты научного труда. Познакомились мы гораздо позже, в ноябре 1979 года, после моего приезда в Новосибирск. Елена Константиновна читала курс лекций в пединституте вместо уехавшего на курсы повышения Н. А. Каргаполова. Слышал восторженные отзывы студентов, а неделю спустя увидел Елену Константиновну на кафедре. Сразу разговорились, и я узнал, что в самом начале руководителем ее был Игорь Петрович Еремин. Я был в последнем выпуске, кому Еремин читал курс древнерусской литературы незадолго до своей кончины. По иронии судьбы, когда я приехал работать в Новокузнецкий пединститут после окончания ЛГУ, мне поручили читать именно этот курс, который весь состоял у меня из пересказов и комментариев к книгам Еремина

и Лихачева, поскольку никаких самостоятельных исследований по этой части у меня не было. И вот теперь в беседах с Еленой Константиновной я буквально купался в материале новых открытий и разработок литературы Древней Руси.

Четыре года спустя мне пришлось много общаться с Еленой Константиновной в совершенно другом качестве. При союзе театральных деятелей, или ВТО, как оно тогда именовалось, организовали секцию театральной критики, где в числе других мы оба и оказались. Тогда-то я и узнал, что в ранней юности Елена Константиновна мечтала стать профессиональным театроведом и даже хотела поступить в театральный вуз, но судьба распорядилась иначе. Тем не менее любовь к театру и великолепное знание его специфики ярко проявлялись в обсуждениях спектаклей,

Дмитрий Сергеевич Лихачев

Игорь Петрович Еремин

когда очередь доходила до Елены Константиновны. В то время местные газеты и журналы охотно заказывали рецензии филологам, и мы так же охотно на них откликались. Как-то в разговоре с ней я заметил, что при всех достоинствах наши рецензии грешат академизмом, их стиль слишком сложен для восприятия обычными читателями. Елена Константиновна согласилась со мной, и мы с энтузиазмом редактировали друг друга. Можно лишь сожалеть, что череда административных дел в Академии наук заставила ее отойти от работы секции. Каждый раз она отвечала на мои упреки обещанием вернуться и каждый раз обстоятельства оказывались сильнее желания.

В начале 1990 года Елена Константиновна позвонила мне и сказала, что хочет специально заняться теорией сюжетов и мотивов. Как раз в это время из Кемерово в Новосибирск переехал известный теоретик Валерий Игоревич Тюпа. Я их познакомил и вскоре у нас начались совместные встречи. Сначала это были домашние семинары в гостеприимном доме Елены Константиновны, а несколько позже, когда стало возможным совместительство, мы оба оказались в Секторе литературоведения Института филологии. Избрание Елены Константиновны членом-корреспондентом Академии наук в конце 1991 года существенно расширило возможности исследования, результатом которых стала работа над Словарем сюжетов и мотивов и периодические выпуски соответствующих теоретико-исторических сборников. Запомнились выступления Елены Константиновны на ежегодных конференциях, посвященных вопросам сюжетосложения. К счастью, в нашу компанию удалось привлечь группу молодых сюжетологов, многие из которых продвинули этот раздел теории далеко вперед. Так, будущий директор Института филологии Игорь Витальевич Силантьев выпустил монографию «Поэтика мотива», ставшую образцом для будущих филологов. Большое количество докторских и кандидатских диссертаций, защищенных в советах Новосибирска и Томска, также были выполнены в рамках указанной темы.

Было бы оскорбительной неправдой для памяти Елены Константиновны сказать, что наши научные позиции всегда совпадали. Порой у нас возникали споры и дискуссии, иногда, может быть, слишком полемичные. В понимании мотива Елена Константиновна исходила из концепции Виктора Борисовича

Елена Константиновна Ромодановская, Эмма Михайловна Жиликова, Юрий Васильевич Шатин. Томск, 14 октября 2002 г.

Томашевского, связывая эту категорию прежде всего с темой произведения и ее развитием, мне же более точным представляется понимание мотива, данное Владимиром Яковлевичем Проппом и связанное с функцией действующего лица, пересекающего границы семантического поля. Также с большим скепсисом Елена Константиновна отнеслась к моей гипотезе, восходящей к трудам Ольги Михайловны Фрейденберг, согласно которой разделение стиха и прозы не было изначальным, этому разделению предшествовала синкретическая система, включающая в себя отдельные элементы будущих образований. Возражая мне, Елена Константиновна указывала на то, что отмена закона открытого слога делает невозможным сказать, существовала ли стихотворная речь в литературе

Юрий Васильевич Шатин.
Июнь
2012 г.

Киевской Руси. По этому вопросу мы почти до хрипоты спорили на конференции, приуроченной к 200-летию Пушкина осенью 1999 года. Позже мы неоднократно возвращались к данной проблеме, хотя наши позиции и не сблизились до конца, но аргументы каждый раз становились все более весомыми.

Из последних встреч мне особенно запомнилась конференция, посвященная юбилею Елены Константиновны летом 2012 года. Было много приглашенных, среди которых преобладали друзья Елены Константиновны и ее ученики, что, впрочем, чаще всего совпадало. О любви Елены Константиновны к своим ученикам, готовности защищать их до последнего можно рассказывать очень долго. Обстановка была праздничной, легкой. Елена Константиновна выглядела помолодевшей, казалось, ничто не предвещало коварного поворота болезни. Она прослушала практически все доклады и о каждом сумела сказать добрые слова.

Последний раз мы увиделись с Еленой Константиновной месяц спустя на гумфаке университета, где она была председателем экзаменационной комиссии. Мы оба спешили на защиты дипломов и успели лишь раскланяться. Ах, если бы можно было предвидеть будущее. К сожалению, теперь наш диалог продолжается в виртуальном режиме. Уход любого человека эта драма. Уход крупного замечательного ученого — это драма не только для самых близких, но и для научного сообщества в целом. Каждый раз после очередного ухода образуется невосполнимая пустота, ибо каждый истинный ученый — величина незаменимая.

«ОКНО В БОЛЬШУЮ НАУКУ»

Мое первое знакомство состоялось с Еленой Константиновной в теперь уже далеком 1979 году, когда Е. К. Ромодановская читала нам, студентам гуманитарного факультета НГУ, свой авторский курс по русской литературе XVII в. По окончании курса, как обычно, мы сдавали зачет, на котором Елена Константиновна, совершенно для меня неожиданно, спросила, не хотела бы я пойти к ней на специализацию. Моей радости не было предела: мечта писать диплом у самой Ромодановской сбылась!

Предметом моего изучения на долгие годы стала Повесть о царице и львице — уникальный памятник конца XVII в. Старая тетрадь сохранила несколько предложенных Еленой Константиновной тем, из которых я могла бы выбрать наиболее интересную. Так уже с самых первых шагов исследовательской деятельности Елена Константиновна, как опытный и мудрый педагог, давала своим студентам научную самостоятельность, которую мы пытались развивать на проводимом Е. К. Ромодановской семинаре.

Ольга Александровна Савельева и Татьяна Федоровна Ведерникова (Чалкова). 1981 г.

Этот семинар благодаря стараниям нашего руководителя выходил далеко за рамки обычной учебной программы и стал для нас окном в большую науку. Это было хорошее и интересное время! Например, я до сих пор помню свои впечатления от книги В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», которую открыла для нас Елена Константиновна; помню наши неумелые сообщения, которые мы все вместе «превращали» в научные доклады. Со своим первым докладом благодаря Елене Константиновне и ее пониманию важности научного общения (пусть пока еще студентов!) мне даже

Любовь Александровна Курышева и Татьяна Федоровна Чалкова. Июнь 2012 г.

удалось выступить в Ленинградском университете, а в числе слушателей были Д. С. Лихачев и Н. С. Демкова.

В период моей совместной работы с Е. К. Ромодановской в Институте истории, философии и филологии СО АН СССР я постоянно ощущала ее поддержку и внимание к моим научным изысканиям.

В последние годы с Еленой Константиновной приходилось общаться, к сожалению, в основном в больницах. И каждый раз я поражалась силе духа, стойкости и выдержке этой женщины. И никогда никаких жалоб...

Я навсегда сохраню признательность и благодарность своему Учителю — Елене Константиновне Ромодановской.

Е. Н. Кузьмина

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ О ЕЛЕНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

Когда человек уходит из жизни, невольно начинаешь перебирать в памяти все, что связано с ним, краткие встречи или долгие беседы, поступки, отдельные фразы...

На протяжении 30 лет нашего общения я видела в Елене Константиновне ее неугасаемую страсть к археографии и неподдельный интерес ко всем, кто занимался смежными с этой областью дисциплинами. Так, фольклористика и фольклористы находились постоянно в поле ее зрения. Елена Константиновна интересовалась фольклористическими исследованиями и всеми указателями, находила в фольклорных сюжетах мотивы, близкие апокрифическим. Здесь органично переплелись ее археографические интересы с литературоведческими. Особенно тесно мы стали общаться, когда в Секторе литературоведения началась работа по созданию Словаря сюжетов и мотивов. В то время я плотно работала над «Указателем типических мест героического эпоса народов Сибири». С Еленой Константиновной мы обменивались разной информацией о структуре, составе и типе имеющихся указателей.

Запомнился один забавный эпизод. Однажды, уже после выхода в свет «Указателя типических мест...», Елена Константиновна «по секрету» сообщила мне, что она еще в тематическом плане изданий нашего Института подсмотрела мой подзаголовок «Экспериментальное издание» и решила внести в название Словаря сюжетов и мотивов такой же подзаголовок. Действительно, это уточнение было необходимо, поскольку ранее в отечественном литературоведении не издавались работы подобного типа.

Помимо создающихся указателей, был еще один серьезный повод для наших общений — это подготовка и издание научной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Хотя Елена Константиновна часто повторяла в наших разговорах, что она старается не вмешиваться как директор Института в работу секторов, так как все работают слаженно и знают что делать, ей приходилось вникать в самые разные вопросы, которые возникали по ходу создания Серии: от кадровых до сугубо специальных текстологических проблем. В таком понимании проявлялось ее собственное отношение к избранному труду: работать качественно и фундаментально, а главное — не навредить!

Зная хорошо как член Главной редколлегии Серии, что в подготовке и издании томов недостаточно теоретических и текстовых источников по малочисленным народам Севера, Елена Константиновна старалась восполнить эту нехватку из своей собственной богатейшей библиотеки. Было очень трогательно, когда она, уже серьезно больная, в очередной приход в Институт принесла нам в дар сектору столь необходимые для нашей работы публикации Б. О. Долгих по фольклору энцев. Теперь эти книги, как и ее библиотека по

Е. К. Ромодановская, Н. Е. Меднис, А. Б. Соктоев, Е. Н. Кузьмина. Март 1997 г.

фольклору, подаренная нам дочерью Елены Константиновны Варварой, стала еще одним мощным посылом для продолжения работы по изданию уникальной сибирской серии.

Можно вспоминать много эпизодов и, как в мозаике, выстраивать образ человека, ученого, коллеги, обаятельной женщины. Прошло совсем немного со времени ухода из жизни Елены Константиновны. В ее исследованиях запечатлелись мощь ее интеллекта, сила ума, логика мышления, творческая манера, думаю, что все это в целом характеризуют талантливого и вдумчивого Человека.

«...ЭТО БЫЛО БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ НАЗАД»

Впервые я увидела Елену Константиновну в университете, это было более тридцати лет назад. Она читала для студентов первого курса дисциплину «Древнерусская литература». Для меня это было первое знакомство и с предметом, который впоследствии стал моим научным увлечением, и с ученым, труды которого прославили гуманитарную школу Новосибирского государственного университета и легли в основу дальнейших научных исследований, проводимых в Новосибирском научном центре. Имена великих ученых, у которых мне посчастливилось учиться, — Е. К. Ромодановская, М. И. Рижский, К. А. Тимофеев, А. И. Федоров, Е. И. Дергачева-Скоп, В. Г. Одинокоев, Н. А. Лукьянова, Н. В. Ревякина — имеют мировую известность и составляют гордость российской науки. Хорошо помню, как впервые войдя в аудиторию, Елена Константиновна сразу завоевала наше внимание: она говорила просто и очень вдохновенно. Сама же Елена Константиновна, не пользуясь записями или конспектами, много цитировала по памяти, свободно пересказывала первоисточники, и с каждой новой встречей становилось очевидно, что она влюблена в древнерусские тексты, их героев, авторов, книжников и сюжеты.

Елена Константиновна прекрасно ориентировалась в историографии любой темы, касающейся древнерусской культуры и литературы и, пытаясь приучить нас внимательно читать древние источники и самостоятельно анализировать прочитанное, предоставляла объемный перечень литературы. Лично для меня ее лекции стали потрясением: для студентки-первокурсницы из маленького провинциального города Рубцовска, где в школе изучение древнейшего периода русской литературы ограничивалось кратким упоминанием о «Слове о полку Игореве» (которое не было прочитано мной в школе из-за непонимания его содержания), открытие огромного и совершенно неведомого мне пласта древнерусской письменности, как потом оказалось, с потрясающе интересными и многочисленными сочинениями, стало любимым занятием на всю жизнь. Сегодня я честно готова признать: в том, что моя научная карьера состоялась, огромная заслуга принадлежит Елене Константиновне, которая передала мне свою любовь к древнерусской литературе. С трепетом и величайшей благодарностью Елене Константиновне я прочитала строки о себе в одном из последних интервью с ней: она гордилась мной и приводила мой личный опыт в пример начинающим ученым.¹ Это высочайшая оценка Учителя, подставлявшего свое плечо в долгом и сложном пути становления ис-

¹ Литературная оттепель в Древней Руси // Наука в Сибири. 2012. 7 марта. № 10 (2845). С. 4.

следователя, который можно охарактеризовать, перефразируя высказывания Гегеля о познании культуры, — от «детского лепета» к «абсолютному знанию», то есть к максимальному постижению форм, законов, правил, которые изнутри управляют всем процессом исследовательской деятельности.

Широта и разнообразие научных интересов Елены Константиновны меня всегда поражали: я была уверена, что в филологии и о филологии она знала практически все. Приблизительно за три года до трагических событий Елена Константиновна начала работать над книгой «Литература и документ Древней Руси»; и однажды она сказала мне: «Знаете, Светочка, мне как-то легко пишется, весь материал держится в голове, сам выстраивается и свободно ложится». Такого уровня исследовательского мастерства, подумалось мне, Ученый достигает в апогее своей научной деятельности.

Елена Константиновна любила читать научную периодику и при этом сетовала: «Жаль, что не успеваю всего прочесть, катастрофически не хватает времени, а ведь сколько еще интересного можно сделать!». Но Елена Константиновна оставила в филологической науке заметный след: именно ей принадлежит открытие сибирской литературы XVII века,² публикации сибирских письменных источников;³ она исследовала глубинные историко-культурные процессы на примере цикла памятников, включающего в свой состав и ее любимую «Повесть о царе Аггее»;⁴ а на обширном материале русской словесности XVII века и более ранних письменных памятников проследила становление вымысла как осознанного художественного приема.⁵ Елена Константиновна всегда интересовалась мировыми «бродячими сюжетами» и их судьбой на русской почве. Изучение истории таких сюжетов в русской литературе стало основой трех выпусков «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» (Новосибирск, 2003, 2006, 2008–2009) и десяти сборников «Материалов к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы», изданных сотрудниками Сектора литературоведения Института филологии СО РАН, возглавляемого Еленой Константиновной. Последнее монографическое исследование Елены Константиновны посвящено изучению известного в Западной Европе с XIII столетия сборника повестей беллетристического характера «Римские Деяния», оказавшего большое влияние

² Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973; Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002.

³ Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001.

⁴ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1985.

⁵ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994.

Т. Ф. Чалкова, С. К. Севастьянова, А. В. Титова. 1988 г.

на русскую словесность в период перехода от древнерусской литературной традиции к литературе нового времени.⁶ За этот труд Елена Константиновна удостоена премии имени академика Д. С. Лихачева. Елена Константиновна мечтала издать еще один сборник беллетристических повестей с мировыми сюжетами «Великое Зерцало», но этот труд, к которому она приступила незадолго до кончины, остался незавершенным.

Темы исследований учеников Елены Константиновны всегда были связаны с ее научными интересами и находились, как правило, в плоскости русской словесности XVII века — любимого столетия Елены Константиновны, как она говорила сама. Темы моих диссертационных работ тоже были ограничены этим периодом. Первая — о сочинениях соловецких книжников и Елеазара Анзерского, основателя скита на одном из островов Соловецкого архипелага. Вторая — о литературно-публицистических сочинениях патриарха Никона, фигуры яркой, но слишком противоречивой. Помню, как Елена Константиновна в беседе со мной о будущей теме моей докторской

⁶ Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М., 2009.

диссертации сказала: «Не люблю я Никона, он властный и папист. А как писатель — средний, сочинения его по большей части компилятивны. Но изучать его личность и труды надо, чтобы наглядно показать, как у слабого писателя “работают” традиционные методы и приемы древнерусских авторов, и чем отличаются от книжника-компилятора выросшие из той же традиции настоящие мастера слова». Тема Никона, несмотря на традиционность этого писателя и неоднозначные оценки самой персоны и его деяний, стала моим научным увлечением на всю жизнь. Пожелание Елены Константиновны — «Откройте Никона, покажите через его тексты, каким он на самом деле был!» — я продолжаю воплощать.

Значительная часть моей жизни прошла рядом с моим учителем, другом, замечательным и близким мне человеком. Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с Еленой Константиновной.

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ...

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА РОМОДАНОВСКАЯ

Эпоха, в которую живет человек, определяется поколением людей, формирующим саму эпоху. От масштаба личности человека, его поступков и открытий зависит и масштаб времени. Личностью, безусловно, определяющей направления в изучении древнерусской литературы, особенно литературы переходного периода, была Елена Константиновна Ромодановская, член-корреспондент РАН. Обычно при написании статьи, посвященной осмыслению роли ученого в развитии определенной отрасли науки, приводят перечень его работ, подробно анализируют этапы научной биографии, нашедшей свое воплощение в статьях и монографиях. Все это присуще Елене Константиновне. Достаточно только привести факты: опубликовано свыше 240 работ, из них 12 монографий. Е. К. Ромодановская была ответственным редактором, членом редколлегии 42 изданий (в том числе двух серий: «Археография и источниковедение Сибири» и «Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»), являлась заместителем главного редактора серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», главным редактором «Сибирского филологического журнала». О вкладе Е. К. Ромодановской в развитие отечественной филологии в свое время прекрасно было сказано в биографических статьях Н. Н. Покровского и Л. В. Титовой;¹ А. Е. Аникина, М. Н. Климовой, И. В. Силантьева.² По последним данным, предоставленным Российским индексом научного цитирования, ее имя входит в 100 лучших российских ученых-филологов. Перечень заслуг ученого можно было бы продолжать, но в памяти человек остается не только благодаря своим заслугам, имеющим непреходящее значение для науки и культуры, но и тем простым отношением к окружающим тебя людям.

Мое знакомство и первая встреча с Еленой Константиновной Ромодановской произошла в октябре 1995 года на конференции «Проблема метода и жанра в русской литературе», проходившей в Томске. Я, только что окончивший Кемеровский государственный университет (КемГУ), начинающий преподаватель, отправил свою заявку на конференцию. Для меня это была первая

¹ Покровский Н. Н., Титова Л. В. Предисловие // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 3–8; Покровский Н. Н., Титова Л. В. Предисловие // Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 3–9.

² Аникин А. Е., Климова М. Н., Силантьев И. В. К юбилею члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 3–9.

Е. К. Ромодановская и А. В. Шунков. 2000-е гг.

серьезная конференция, в которой я принимал участие, своего рода «выход в большой свет». Надо сказать, некоторые мои старшие коллеги по факультету скептически отнеслись к моей затее — выступить с докладом, тематика которого была связана с древнерусской литературой. Аргумент приводился один: тебя ожидает провал, поскольку на конференции будет Е. К. Ромодановская — член-корреспондент РАН, ученица Л. А. Дмитриева, коллега Д. С. Лихачева. Один ряд имен должен был внушить вчерашнему студенту уже страх и желание отказаться от затеи.

С определенным волнением и робостью я, конечно, и поехал в Томск. Елена Константиновна была в президиуме конференции. Ее доклад «Роль вымысла в формировании системы литературы «переходного времени»», прочитан-

ный так, что не мог не вызвать восхищения и слов благодарности у аудитории, открывал конференцию. А в 16 часов состоялось вечернее заседание подсекции древнерусской литературы. Елена Константиновна была руководителем подсекции вместе с Ольгой Николаевной Бахтиной (к сожалению, тоже рано ушедшей из жизни). Свой доклад (по Повести о Горе-Злочастии) я прочитал и ждал критики, серьезных замечаний. Но произошло совершенно другое. Первым прозвучал вопрос Елены Константиновны: «Саша, чем вы занимаетесь и какие ваши планы?». Мой ответ: «Поступить к Вам в аспирантуру». Последовала улыбка Елены Константиновны, и в знак одобрения я получил лист бумаги, на котором был написан почтовый адрес для переписки и домашний телефон. Эта записка 1995 года, словно счастливый билет (ставший семейным архивным документом), хранится у меня до сих пор.

Какие эмоции мог испытать вчерашний студент от такого внимания, проявленного к нему со стороны известного и признанного в стране ученого? В первую очередь, конечно же, чувство радости и счастья! Получить одобрение и поддержку со стороны ученого в начале своего профессионального пути начинающему исследователю — это возможность поверить в свои силы и желание идти дальше. Помню, Елена Константиновна назвала мой доклад «антилихачевским» (в хорошем смысле), высказывающим совершенно противоположную точку зрения на известный литературный памятник XVII века, и предложила написать статью. В последующие годы для меня всегда были знаком оказанной чести со стороны Е. К. Ромодановской предложения публиковать мои статьи в научных сборниках,³ приуроченных к ее юбилейным датам. И что еще важно, Елена Константиновна тогда, в октябре 1995 года, по представленному мною на секции докладу дала высокую оценку и научному руководителю моего студенческого диплома — доценту Людмиле Ивановне Еременко, читавшей курс древнерусской литературы в КемГУ. Почему это важно? По простой причине: учитель и его ученик — это одно целое. В этом союзе на каждом лежит определенная доля ответственности друг перед другом. «Здесь видна научная школа работы с текстом», — таковы были слова, адресованные моему первому учителю. Позже и сама Л. И. Еременко познакомилась с Е. К. Ромодановской. Вспоминаю, как один раз в разговоре Елена Константиновна откровенно призналась: «Саша, я рада приехать в Кемерово, чтобы поддержать в работе Людмилу Ивановну». И с конца 1990-х — начала 2000-х годов у филологов КемГУ установился профессиональный диалог с Е. К. Ромодановской. Несколько раз она была председателем государственной аттестационной комиссии на факультете филологии и журналистики. Своим участием в научных мероприятиях, посвященных 100-летию академика Д. С. Лихачева (2006 год), поддержала инициативу двух университетов (КемГУ и Кемеровского государственного университета культуры и искусств) о проведении в городе

³ Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999; Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008.

Кемерово межвузовской недели «Д. С. Лихачев и русская культура». Живой интерес тогда вызвала ее лекция «Специфика русской литературы XVII века», прочитанная для преподавателей и студентов факультета филологии и журналистики КемГУ. Еще большая аудитория появилась у нее во время интервью на областном радио Кузбасса в 2006 году в рамках рубрики «Невыразимое», автором и ведущей которой является заведующая кафедрой русской литературы и фольклора КемГУ Э. М. Афанасьева. Делясь воспоминаниями об истоках научной биографии, в этом интервью Е. К. Ромодановская сформулировала ценный для нее «принцип научной честности», который, как представляется, был основой ее жизненного и исследовательского пути.

Именно эту тему Елена Константиновна ввела тогда в контекст беседы на радио, вспоминая Дмитрия Сергеевича Лихачева. Позволю привести дословный фрагмент той радиопередачи. «Д. С. Лихачев был человеком очень принципиальным. Он не спускал фальсификации. И этот лозунг Сектора, на мой взгляд, чрезвычайно важный. В Секторе и до сих пор, после смерти Дмитрия Сергеевича, этот дух остается: нельзя допускать до науки человека, когда-либо солгавшего даже в быту. Если человек вообще может лгать, он будет лгать и в науке. Он фальсифицирует данные, он подгонит данные под нужные выводы, а не будет идти от материала. И этот принцип чрезвычайно важен вообще в науке. Это общее положение науки. Принцип научной честности один из важнейших принципов, которые воспитывал Д. С. Лихачев в своих сотрудниках, в своих учениках. Этот принцип до сих пор живет, и это главное, что держит дух Сектора — принципиальность и честность в науке».

Так, благодаря оценке научной школы Д. С. Лихачева,⁴ высказанной Е. К. Ромодановской в своем интервью, для аудитории радиослушателей г. Кемерово и области (региона, никак не связанного с решением научных проблем в сфере медиевистики и текстологии древнерусских рукописей) была на короткое время привнесена научная атмосфера Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Кроме того, сейчас эти слова звучат особенно актуально. К сожалению, все чаще и чаще понимаешь и признаешь — что было нормой и принципом научной этики еще десятилетие назад, теперь встречается все реже и реже. Приходится осознавать, что вместе с поколением ученых, для которых «принцип научной чест-

⁴ В 2009 году Е. К. Ромодановская получила Премию имени академика Д. С. Лихачева за монографию «“Римские Деяния” на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследования и издание текстов».

Книга посвящена текстологическому и историко-литературному исследованию сборника Римские Деяния, известного в Западной Европе с XIII века и переведенного на Руси в последней трети XVII столетия. В исследовании выявлен ряд неизвестных ранее редакций, они впервые публикуются в книге с привлечением всех доступных рукописных текстов. Эта монография на многие десятилетия вперед определила пути и стратегии изучения данного сборника и всей переводной литературы в составе русской культуры XVII века.

ности» был определяющим во всех сферах их деятельности, уходят из жизни современного человека и многие другие этические нормы, формирующие духовность как отдельной личности, так и целой нации.

Елена Константиновна тогда, делясь своими воспоминаниями о Д. С. Лихачеве, отметила еще одну очень важную черту, которая также должна быть в характере ученого, — это искреннее желание помочь начинающему исследователю в его работе. Этим качеством обладала и сама Елена Константиновна, проявляя заботу к своим аспирантам. Во многом жизненная позиция, научные принципы твоего наставника формируют и тебя самого. Елена Константиновна обладала особым талантом педагога — поддержать желание начинающих исследователей, аспирантов Института филологии СО РАН, в их стремлении самостоятельного пути в науке. Когда прослушиваешь радиопередачу 2006 года, в которой Е. К. Ромодановская очень тепло делится своими воспоминаниями о Д. С. Лихачеве, слышишь ее голос, с характерным ленинградским произношением союза «потому что», — воспринимаешь главного героя передачи — саму Елену Константиновну Ромодановскую.

Последний приезд Елены Константиновны в Кемерово состоялся в 2010 году, когда она на факультете филологии и журналистики КемГУ прочитала открытые лекции в рамках академических чтений по теме, которая ей была дорога и любима всегда — литературный процесс XVII века. Для нас каждый приезд Елены Константиновны в Кемерово всегда был событием, которое давало возможность соприкоснуться с человеком, обладавшим истинной интеллигентностью, аристократичностью в поведении, в общении с собеседником, в уважении человека. Нам всегда было дорого искреннее внимание Елены Константиновны. Причем она очень тонко чувствовала фальшь в человеке, его наигранность в манерах, в поведении. Не скрою, и это было заметно, очень многие хотели быть ближе к ней, попасть в круг ее общения, но не все могли этого добиться. Да и добиваться было бессмысленно. С присущей ей природной интеллигентностью Елена Константиновна давала понять собеседнику, что его манера поведения ставит его же самого в глазах окружающих в некрасивое и неловкое положение. И это тоже была определенная школа. Зачем пытаться казаться кем-то, выдавать себя за кого-то (никак не меньше гениального ученого), возноситься в представлении о собственной значимости, если у тебя нет на то способностей. Думаю, что все аспиранты Елены Константиновны это прекрасно понимали и чувствовали, какая ответственность лежит на них — быть учеником Е. К. Ромодановской.

В памяти остались встречи в квартире Елены Константиновны, на кухне, за круглым столом. О чем шел разговор? Обо всем. Конечно, в первую очередь Елена Константиновна интересовалась, как продвигается работа по диссертации, что сделано, какие возникают вопросы. Но на фоне сугубо научных разговоров Елена Константиновна умела очень легко ввести в контекст беседы темы, которые, на первый взгляд, никак не были связаны с темой диссертации. Но они имели свою человеческую ценность, поскольку Елена Константиновна

рассказывала о своих учителях (И. П. Еремине, Л. А. Дмитриеве, Д. С. Лихачеве), о своей семье (отце, Константине Владимировиче Ромодановском, известном ученом, основателе Омского медицинского института; дяде, Андрее Владимировиче Ромодановском, гениальном анатоме, не имевшем научных степеней и званий, но в своих открытиях превзошедшем известного профессора Б. И. Збарского, бальзамировавшего Ленина), о коллегах. Е. К. Ромодановская была удивительным рассказчиком. Насколько интересно и увлекательно она рассказывала о семейных историях, героем которых был ее дед, Владимир Константинович Ромодановский, отказавшийся подавать прошение на высочайшее имя императора о восстановлении семейных документов, подтверждающих дворянский титул и погибших в пожаре. Объяснение заключалось в следующем: не пристало Ромодановским просить о чем-либо Романовых. Наоборот, Романовы должны быть благодарны Ромодановским, поскольку именно они в свое время (все в том же XVII веке, изучению которого посвятила свою жизнь Е. К. Ромодановская) возводили их на российский престол. Как потом рассказывала сама Елена Константиновна, нежелание деда просить о помощи у императора, в какой-то степени и его гордыня, спасли семью от репрессий, начавшихся в стране после 1917 года. Каким образом? Просто. Когда Константина Владимировича Ромодановского спрашивали, князь ли он, — он честно говорил, что никогда не был князем (бумаги сгорели до его рождения). Документы погибли, а их восстановлением в свое время так и никто не посмел заняться после столь категоричных доводов Владимира Константиновича: «Проживу и без титула». И в эти минуты рассказа Елены Константиновны о своей семье перед тобой проходила история известного в России дворянского рода с интригующими сюжетами, необычными судьбами. Коллеги не раз просили Елену Константиновну написать книгу о своей семье, и всякий раз она только улыбалась, говорила, что сильно занята работой над написанием статей, очередной монографией, редактированием «Словаря-указателя сюжетов и мотивов» и серии «Материалов к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». «Если не успею, то сделает за меня Варя (В. А. Ромодановская. — А. Ш.). У нее это получится», — делала заключение Елена Константиновна.

Эти беседы-воспоминания очень важны были тогда, а теперь еще больше осознаешь их ценность. Человек живет до тех пор, пока его помнят. Память о нем должна сохраняться, и не обязательно в каких-то монументальных сооружениях, но и в таких простых встречах и беседах за чашкой чая. Именно в эти моменты происходит вхождение нового человека в пространство национальной культуры, где все события и люди представляются звеньями одной большой цепи. Невольно вспоминаешь рассказ А. П. Чехова «Студент», где эта проблема осмыслена главным героем, Иваном Великопольским. «Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». Последняя моя встреча с Еленой Константиновной произошла также у нее дома 28 сентября 2012 года.

Дома

На кухне, за чашкой чая я получил благословение своего руководителя на продолжение исследований в области литературы переходного периода и работу над докторской диссертацией. Сейчас могу сказать, что для меня всегда было дорого отношение Елены Константиновны. 6 марта 2012 года, поздравляя своего Учителя по телефону с днем рождения, я получил приглашение принять участие в работе конференции, которая была приурочена к юбилею Елены Константиновны, и услышал слова: «Саша, спасибо за дружбу». Это очень ценно и дорого, в памяти останется навсегда.

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА РОМОДАНОВСКАЯ КАК ИДЕОЛОГ «СЛОВАРЯ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Елена Константиновна Ромодановская... Всегда доброжелательная, со спокойной улыбкой, открытая людям, гармонично сочетающая в себе качества успешного руководителя и вдумчивого ученого, она производила впечатление, что все, чем она занималась, получалось легко и просто, словно само собой. Ей довелось возглавить и сохранить Институт филологии СО РАН в непростые переломные времена. Институт уникальный, и уникальность его не только в том, что это единственный академический филологический институт за Уралом, но и в том, что он объединяет под одной крышей сразу несколько научных школ: фольклористов; лингвистов, активно изучающих живые и исчезающие языки разных сибирских народов и судьбы русского языка в Сибири; литературоведов, взявшихся, во многом именно из-за ее настойчивой позиции, за совершенно новый проект, аналогов которому не было в отечественной науке — составление «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы».

Я не была ученицей Елены Константиновны Ромодановской, однако мне посчастливилось учиться в аспирантуре и быть принятой на работу в Сектор литературоведения в начале 2000-х годов, в период активной работы коллектива Сектора над экспериментальными выпусками «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» — научным проектом, идейным вдохновителем и «локомотивом» которого была Елена Константиновна. При ее деятельном участии и под ее редакцией вышли из печати 10 сборников «Материалов к Словарю», а также коллективная монография «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы» (2012), три отдельных тематических экспериментальных словарных выпуска. В первом собраны отдельные би-

В Секторе литературоведения.
Февраль 2007 г.

блейские, апокрифические, мифологические, а также сюжеты о царях и правителях (2003), здесь же помещено несколько теоретических статей. Второй выпуск (2006) состоит из двух тематических блоков: «Календарные сюжеты» (пасхальные и святочные сюжеты) и «Западноевропейские сюжеты на русской почве». Третий выпуск посвящен «Античным сюжетам в русской литературе» в двух частях (2008, 2009). В первой части собраны сюжеты о богах и героях, во второй представлены сюжеты об исторических лицах, мифологизированных в европейской культуре, а также сюжеты о семейно-родственных отношениях (Эдип и др.) и о различных локусах/хронотопах античного мира.

В настоящее время готовится очередной раздел, посвященный танатологическим сюжетам. В перспективе все вышедшие экспериментальные выпуски, с учетом подготовленных «Материалов», будут объединены в единый «Словарь» — целостный, соединяющий в себе тематику и содержание всех выпусков, существенно дополненный, позволяющий судить о сюжетном корпусе русской литературы в целом, о ее частотных и редких мотивах. Именно так видел Е. К. Ромодановская итог многолетней работы Сектора. Работу по изучению сюжетов русской литературы она считала значимой, нужной не только для «чистой науки», но и отчетливо понимала практическую значимость этих исследований, вызывавших и вызывающих живой отклик и среди академических филологов, и в среде вузовских и школьных преподавателей. Лекции о «Словаре» в рамках Дней Российской науки пользуются в школах Новосибирска огромной популярностью, не одну такую лекцию Е. К. Ромодановская прочитала лично пришедшим в Сектор в День науки школьникам. А ежегодные научные конференции по тематике «Словаря» собирают филологов от Москвы до Владивостока. Е. К. Ромодановская часто говорила о том, что именно сюжеты и мотивы как элементы, повторяющиеся в литературных произведениях на протяжении веков и видоизменяющиеся под пером конкретного автора, относятся к числу тех важнейших «скреп», которые транслируют литературную традицию и одновременно ее преобразуют и обогащают, сохраняя содержательное единство национальной литературы. Недаром работа над «Словарем» получила высокую оценку профессионального научного сообщества как в России, так и за рубежом¹ и обязательно будет продолжена.

¹ Наполи К. Словарь сюжетов и мотивов русской литературы и Материалы. Заметки об одном сибирском проекте // Toronto Slavic quarterly. 2012. № 39, Winter. P. 258–269; Лысов А. Г. О новых исследованиях ученых Новосибирска в области сюжетно-мотивных комплексов литературы (На путях к всеединству знания. К изданию первого сюжетно-мотивного словаря русской литературы) [Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 2003, 242 с.] // LITERATURA. Вильнюс, 2005. № 47 (2). С. 144–156.

ДВА УСТНЫХ РАССКАЗА ЕЛЕНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

В разное время по свежим следам я записала несколько рассказов Елены Константиновны. Даже в таких случаях, увы, память подводит, уплывают детали, трудно передать обаяние рассказчика... Бесконечно жаль утратить дар общения с дорогим человеком и бесконечно жаль, что его мысли, рассказы, эмоции, душевная жизнь уже никогда не явят себя прямо, а только через воспоминания. Как смириться с этим, как исправить? Может, постараться просто, безыскусно передать канву рассказа...

Итак, первая история — о начале. Елена Константиновна рассказывает, как она выбирала специальность. Константин Владимирович хотел, чтобы дочь стала врачом, она же мечтала заниматься театроведением. Вслед за своей подругой Ладой Серебряковой она поступила на филфак ЛГУ. Подумывала писать про Гоголя или Чехова, но, совершенно внезапно для себя, на семинаре Т. А. Ивановой увлеклась старославянским языком. И пошла параллельно на семинар к И. П. Еремину. Ереминских семинаристов было всего ничего — пятеро. Среди них — А. М. Панченко и А. И. Зайцев. На одном из первых занятий спросила: «А можно заниматься древней литературой?» — «Можно. Займитесь вот “Словом о полку Игореве”» — «Нет, это слишком молодой памятник»... (Довольно дерзкий и самонадеянный ответ!) Профессор спрятал ироничную улыбку: «Попробуем для начала...» И... занялись палеографией.

Л. А. Курышева и Е. К. Ромодановская. 4 февраля 1999 г.

Любовь Александровна Курышева

том, как непредсказуемы бывают научные открытия, как внезапно, поперек расчерченному плану иногда выкатывает счастливым шаром исследовательское везение. В то лето она сидела в Рукописном отделе ГИМ и помогала своей близкой приятельнице и коллеге: на последнем этапе подготовки диссертации: нужно было сверить по рукописям цитаты. В тот день со сверкой закончила пораньше, оставалось полчаса до закрытия читального зала, и Елена Константиновна заказала рукопись, которую уже давно наметила посмотреть для себя. Просматривала быстро — время уходит. И уже при беглом знакомстве стало ясно, что памятник имеет отношение к Тобольскому Софийскому собору. Одна за другой быстро листались страницы, сама собой вдруг мелькнула мысль, скорее даже шестое чувство, сродни инстинкту охотника, что вот сейчас будет тот самый доселе гипотетически существующий в самостоятельном виде Синодик ермаковым казакам. Лист открылся... он самый! Рядом в читальном зале работали близкие коллеги. Первому, кому сообщила Елена Константиновна невероятную новость, был Николай Николаевич Покровский. Мгновенно оценив уровень находки, он сразу поздравил первооткрывателя. А приятельница, рассмеявшись, заметила в шутку, что этим свободным полчасом и, следовательно, открытием подруга обязана именно ей.

Сначала так неинтересно показалось, а уйти — стыдно. Решила «походить годик». По Гоголю сделала и доклад, и курсовую, хотя к концу откровенно разочаровалась в личности автора. В конце года, после работы в семинаре и студенческих докладов Еремин сказал: «Ну что ж, теперь можно и с рукописями познакомиться». Конец истории короткий: «Пришла в Публичку. Раскрыла рукописи. И заворожило». Навсегда.

История вторая — об исследовательской удаче. В конце 1960-х годов Елена Константиновна обнаружила в Уваровском собрании ГИМ подлинный первоначальный текст Синодика ермаковым казакам, известного на тот момент по его поздним летописным переработкам. История этой значительной находки весьма примечательна и свидетельствует о

ЛЕСТНИЦА, ВЕДУЩАЯ ВВЕРХ

Некоторое время назад я уверяла своих коллег, что никогда не писала и не пишу мемуаров, потому что жанр очень сложный, я им не владею совершенно, а буквально на днях неожиданно нашла у себя две «зарисовки» (одна от 10.06.13, вторая — от 09.08.13) — два маленьких «узелка», завязанных на память, настроение было такое, что обязательно, срочно нужно было их «завязать»! И это будет правильно, если я поделюсь настроением.

...Одно из моих любимых мест рядом с домом Елены Константиновны. Так-то ничего прекрасного в этой лестнице нет, кроме того, что на ней написано «Вверх по лестнице, идущей вниз». Это название известного романа писательницы Бэл Кауфман (внучки Шолом-Алейхема), которой в данный момент 102 года.¹ Жива еще!

Пару лет назад (в апреле-мае 2011, кажется), когда Елена Константиновна лежала в больнице, я принесла почитать ей эту книгу и еще «Похороните меня за плинтусом» Павла Санаева, а читать что-нибудь «свое» я ей, за исключением этого единственного раза, никогда не приносила. Санаев прошел хорошо, спокойно, а вот Бэллой Кауфман Елена Константиновна была очень восхищена. Этот роман я ей подарила потом, 3 июня, на именины, по-моему, знаю даже, где он сейчас лежит... Пятнадцать лет моей жизни и особенно три последних года я бегала и летала то вверх, то вниз вот по этой лестнице.

¹ Бэлла Михайловна Койфман родилась в 1911 г. Столько ей было в 2013, она умерла 25 июля 2014 г.

Рядом с домом Елены Константиновны кусочки старого города — деревянные купеческие домики. В том месте, где находится дом Елены Константиновны, начинался город Новониколаевск, позже переименованный в Новосибирск. Но сначала это был поселок Новониколаевский, возникший на берегу Оби в ходе строительства Транссибирской магистрали

[1092]

примерно в 1899 г. Между современными конструкциями из стекла и металла, шедеврами конструктивизма и «обычными» домами, построенными в 20-е — 30-е — 50-е можно найти деревянные домики или такие, у которых первый этаж каменный, а второй деревянный, или домики из красного кирпича неоштукатуренные — это «слой» Новониколаевска.

Когда захожу во двор и подъезд Елены Константиновны, всегда вспоминаю Петербург.

Все, кто перешагивал порог этой квартиры, приходили или в восхищение, или в состояние легкого шока — равнодушных не было: прямо на входе становится понятно, что здесь давно живет огромная библиотека, которая уже выживает людей из квартиры. Книги везде. И в кухне, и в коридоре тоже...

А кроме книжек в этом доме жили кошки! В семье Елены Константиновны вообще любили животных, но вот коты и кошки... Кажется, они были вечны, как божества, и жили здесь всегда. Когда я только начала учиться у Елены Константиновны, в ее квартире было пять кошек!..

Коты и кошки «читали» книжки (помню, Елена Константиновна показывала мне фотографию кота Мишки, который уснул, «читая» один из томов ПСРЛ, положив голову на страницу), забирались на книжные горы

и горки, лежали на них, ходили по ним и скакали. Домашняя библиотека для кошек была целым городом со своим рельефом, ландшафтами, лабиринтами, их присутствие, в свою очередь, делало город «живым». Складывалось впечатление, что кошки не могли быть самыми настоящими, в полной мере кошками, без книжек, а «книжный город» не был

[1093]

бы городом без них. Книжки-кошки давным-давно договорились о каких-то своих законах и, по-моему, не могли существовать друг без друга. Такая своя (и даже не маленькая) Вселенная внутри квартиры.*

* В. Ромодановская: Кошек в доме любили всегда. Был целый культ кошек. Особенно мама гордилась тем, что ее саму еще в студенческие годы друзья звали Котом. Поэтому Книжки-Кошки и Коты-Кошки были настоящими королями. Мы даже — филологи же! — составили для них специальный «Котов словарь». Правда, наши Коты-Кошки формального образования не получали, основой их языка была устная речь — и хотя они и французскому были не чужды, часто переворачивали язык в свою пользу. Вот наш с ними словарь, который можно всегда дополнять:

Котов словарь

АКотДемия — Академия котонаук
 АнтреКот (*франц.*) — вежливое (на Вы) приглашение Коту войти
 ДелиКотес — то, что нужно срочно разделить с Котом
 И-Кота — ошибочное, Кот всегда должен быть на первом месте
 КотЕгория — объегоривание Кота
 Котироваться — пользоваться уважением у Кота (*противопост.* — Собатироваться)
 КотЛета — рожденный летом Кот (недостаток: КотЗимы не существует)
 КотЛован — Кот-ловец мышей
 КотоВасия — Кот Василий
 Коток — маленький Кот
 КотоКлизма — страшно неприятная процедура...
 КотоКомбы — места, где прячутся Коты
 КотоЛажка — то место, где Кот лежит

С котом Васей. СПб., май 2003 г.

...В коридоре специально выставлены справочники и словари — то, что якобы неинтересно для сантехников и электриков, а им все равно было интересно, в принципе интересно!

Однажды Елена Константиновна вызвала сантехника, который, как выяснилось впоследствии, оказался не чужд филоло-

КотоЛизатор — валерьянка
 КотоЛицизм — вера в Кота
 КотоЛог — процесс долгого укладывания Кота
 КотоЛонцы — поклонники Котов
 КотоМаран — морской Котик
 КотоПульта — очень неприятная процедура — выпинывание Кота
 Которга — работа на Кота
 КотОрый — орущий (в марте?) кот
 КотоСтрофа — подвешивание Кота на веревке
 КотУрны — бездомный Кот
 КотУшка — ушко Кота, приятно, когда за ним чешут
 КошеЛек — правильное: КошаЛег, прилегший Кот
 КошеЛот — жребий (удача) для Кота
 КошеМир — мирно живущие в доме Коты
 КошМар — недоразумение, должно быть КошМур
 НарКотик — народный (бродячий) Котик
 ПараШа (*франц.*) — два Кота
 СКот — тот, кто живет с Котом
 ТриКота-ж — Кошачий питомник
 ШаВелюра (*франц.*) — шелковая шерстка Кота
 ШаГомер (*франц.*) — 1. Кот самого Гомера. 2. Кот-баян — Кот, рассказывающий байки. Упоминается в классической русской литературе: «Идет налево — песнь заводит, направо — сказки говорит».
 ШаКал (*франц.*) — недосмотр хозяйки
 ШаЛавя (*франц.*) — множество Котов
 ШаЛопай (*франц.*) — приглашение Коту откусать (*прост.*)
 ШаМан (*франц.*) — заманивающий Кота
 ШаМать (*франц.*) — Кошка с Котятами
 ШаПирограф (*франц.*) — Кот, любящий огненные шутихи
 ШаПито (*франц.*) — миска с водой
 ШаРада (*франц.*) — радостная Кошка
 ШаСтать (*франц.*) — осанка Кота
 ШаТать (*франц.*) — враг всех Котов
 ЯШа (*франц.*) — я — Кот!

гии. Он пришел, начал чинить то, ради чего был вызван. Через некоторое время Елена Константиновна решила посмотреть, как сантехник справляется с работой, и обратила внимание, что тот что-то очень эмоционально бормочет себе под нос (это было похоже на поток «бу-бу-бу-бу», в котором мелькает нечто вроде «ешкин кот»).

Конечно, она поинтересовалась:

— Вы что-то хотите сказать?

— Это междометия! — ответил сантехник.

— Что!?. — переспросила Елена Константиновна. Это был неожиданный ответ от человека, имеющего дело с материями далеко не лингвистическими.

Сантехник повторил:

— Это междометия! — и решил уточнить: — Междометия — это такая часть речи, которая сама по себе ничего не обозначает. Их говорят, чтобы говорить!

Вот вам, пожалуйста, определение междометий от сантехника, по сути, правильное, в котором угадывается даже личный опыт конкретного человека.

...Елена Константиновна всегда легко давала свои книги и студентам, и аспирантам, и уважаемым коллегам, в том числе издания старые и редкие. Этот факт тоже всех неизменно потрясал. Раньше она записывала в блокнотик, кому и что дала, а потом как-то под конец расслабилась, но я ей всегда в ее отсутствие оставляла на кухонном столе записки, что умыкнула на этот раз. Некоторые книги до сих пор у меня.

...Я обычно из мрачной комнаты, где собрано все на свете по древней литературе, притаскивала что-нибудь на кухню, заваривала себе чай и читала. Иногда фотографировала в книжках нужные страницы, чтобы домой не тащить. Еще мне всегда в окно нравилось смотреть на двор.

В прошлом году летом приехала Варя, и мы стали заниматься разбором книг домашней библиотеки Елены Константиновны. В этом процессе было задействовано четыре постоянных участни-

ка (естественно Варя, Любовь Васильевна Титова, Люба Курышева, я). Говоря «постоянных», я имею в виду только то, что нам удалось поучаствовать во всех этапах процесса, в начале, в середине, в конце, от и до, кому-то больше, кому-то меньше. Мы не ночевали «на работе», не приходили каждый день, но все время находились на связи друг с другом. За время книжного разбора в квартире Елены Константиновны побывали и помогали многие: и историки, и фольклористы, и люди, которые не работают в Институтах истории и филологии.

Мы снимали книги со стеллажей, протирали влажной тряпкой от пыли, сортировали: книги дореволюционные, книги, вышедшие до 50-го года, иностранные книги, литпамятники, библиотека поэта, «библиотечка» поэта («Малая серия» — помню, что просто с ума начала сходить от количества этих «маленьких книжечек»), журналы... Кому-то это может показаться странным, но в работе с книгами была своя романтика: поздние ужины после десяти вечера, сигаретный дым в воздухе, разговоры околонучные и из серии «житейская философия»... Как

сказала Люба (не Любовь Васильевна!): «Всегда хорошо вместе сделать какое-то дело». И это действительно почему-то было очень хорошо.

А вот собственно маленький эпизод большой «книжной истории», записанный по «горячим следам».

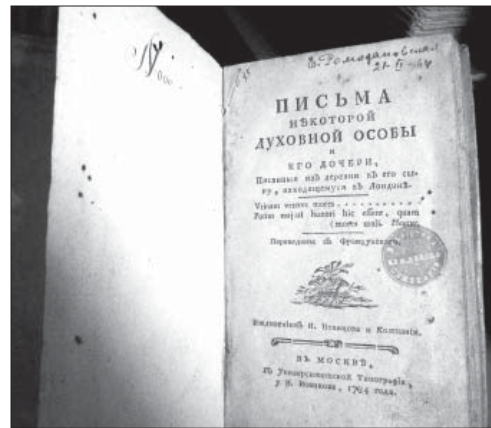
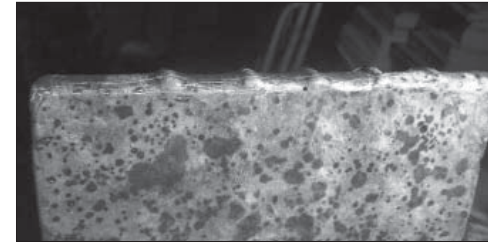
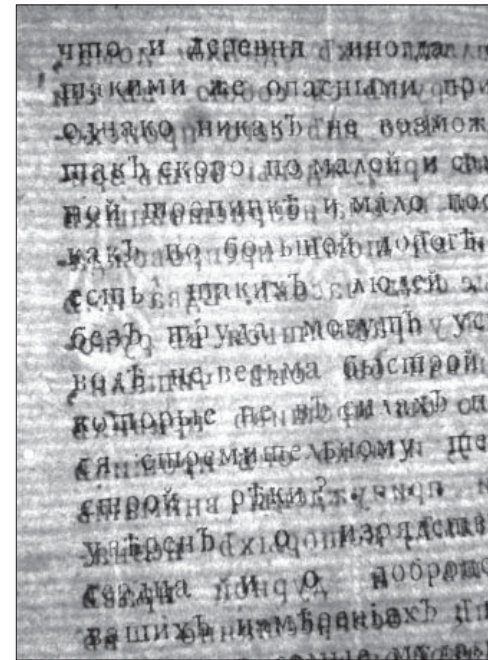

...У Елены Константиновны дома в десять часов вечера мрачновато, прямо скажем. Люстра в зале рухнула... В коридоре лампочка тоже перегорела. Я сидела одна в этой мрачности (Варя ушла, чтобы купить еды), но при свете «компьютерного» светильника и с «динозаврами» мне было вполне себе уютно и не скучно (это подруга Маша посмотрела сегодня на фотографию, где полки, на которых лежат старые книжки, и назвала их «динозаврами»). Я брала с полки и рассматривала разных «динозавров», некоторых захотелось запечатлеть.

Вот «Российский театр», 1787 г., и «Словарь исторический» — 1818. А вот этот

«зверь» — «Письма некоторой духовной особы...», 1784, — из попавшихся понравился мне больше всех. Он хорошо передает впечатление, которое возникает от некоторых старых книжек-долгожителей. Вот те две предыдущие — тоже старые книжки, но они просто старые книжки, а этот «зверь» вызывает особое любопытство, его очень хочется рассматривать.

Машка увидела его и так удивилась, что обронила фразу: «У него же “шкура”, “костяшки”, “позвонки”!...». И наверное, она права в чем-то... Если слегка увеличить картинку, то видно невооруженным глазом, что ли-

сты даже пронизаны «капиллярами» (человек, который видел бумагу в рукописях, старых книгах, или хотя бы имеет представление, как, из чего она «приготовлена», может догадаться почему иногда возникает такое впечатление).

Все время, веками, с ними, с книгами, так получается: они живые, загадка, в каких-то смыслах съедобны... в общем, целый «мир в себе».

В конце нашей «книжной» истории выяснилось, что библиотека Елены Константиновны — это около пятидесяти тысяч томов. Кажется, столько Любовь Васильевна насчитала, если я ничего не путаю...

В 2008 году в честь 70-летнего юбилея Елены Константиновны вышел сборник, над которым мы вместе с Любовью Васильевной много работали. Елена Константиновна вручила мне книгу, инскрипт был немного неожиданным: «...С любовью и благодарностью — за эту книгу и за все на свете». На меня, конечно, произвело впечатление «спасибо за все на свете».

А сейчас я рада, что могу повторить эту фразу, правда иначе, наполнив ее своим смыслом:

За то, что мы имеем, источник нематериальных ценностей, из которого можно черпать бесконечно, за эту невидимую «лестницу», на первые ступени которой нам помогли встать, а теперь мы можем взбираться по ней сами, и за все на свете нашему дорогому Учителю — спасибо!

23.06.14

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К РАЗДЕЛУ ВОСПОМИНАНИЙ

Федор Александрович Абрамов (1920–1983) — русский писатель, литературовед, публицист. Один из наиболее известных представителей так называемой «деревенской прозы», значительного направления советской литературы 1960–1980-х гг.
971, 1056

Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) — русский филолог, культуролог, историк культуры, философ, библеист, специалист в области изучения истории античной и средневековой литературы, поэтики, философии и культуры, русской и европейской литературы и философии культуры XIX–XX вв., поэзии Серебряного века. Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Переводчик, поэт, лектор, член Союза писателей СССР, русского ПЕН-центра, председатель Российского библейского общества, международного Мандельштамовского общества, президент Ассоциации культурологов, член Папской академии общественных наук.
954

Валентин Александрович Аврорин (1907–1977) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, в том числе нанайского языка. Доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР. Исследователь проблем типологии, сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики. Профессор кафедры общего языкознания гуманитарного факультета НГУ, первый декан факультета.
963

Ксения Александровна Агафонова (1903–1964) — научный сотрудник Отделения рисунков Отдела истории западноевропейского искусства Эрмитажа. Хранитель западноевропейских миниатюр, занималась также рисунками голландской школы. В Эрмитаже с 1925 г.
929

Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) — литературовед, специалист в области древнерусской литературы и фольклора. Доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР. Заведующая Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) в 1947–1954 гг. Заслуженный деятель науки РСФСР.
867, 948, 952, 954, 997, 1009, 1060

Чингиз Торекулович Айтматов (1928–2008) — русский и киргизский писатель, дипломат, Герой Киргизской Республики, народный писатель Киргизской ССР, Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и трех Государственных премий СССР.
987

Владимир Николаевич Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры древних литератур и литературного источниковедения гуманитарного факультета НГУ. Специалист в области истории культуры и книжного дела. Сфера научных интересов — взаимодействие литературы и изобразительного искусства, история русской средневековой культуры, история русской книги в Сибири.
956, 957, 975, 990, 992, 993

Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) — русский литературовед, академик АН СССР. Исследователь русской и западноевропейской литературы, их взаимовлияния.

948

Марк Хаимович (Ефимович) Алешковский (1933–1974) — историк-медиевист и археолог, автор работ, посвященных дружинной культуре Руси, фортификационным сооружениям древнерусских городов (в большей мере Новгорода и Пскова), текстологии древнерусского летописания, социальным аспектам истории древнерусских городов. Кандидат исторических наук. В 1962–1963 гг. аспирант в Государственном Эрмитаже, в 1964 г. уехал в Москву, прервав обучение, кандидатскую диссертацию на тему «Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки» защитил в 1968 г.

930

Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) — российский историк, доктор исторических наук, профессор. Автор научных работ по истории и источниковедению Севера и Сибири, исследователь жизни и деятельности Г. Ф. Миллера, С. Ремезова, исследователь сибирских летописей и различных описаний Сибири. Занимался исследованиями истории географической мысли в России в XVIII в. Его именем назван один из горных пиков на Земле Королевы Мод в Антарктиде.

959

Александр Евгеньевич Аникин — см. «Наши авторы»

1079

Татьяна Николаевна Апсит — выпускница гуманитарного факультета НГУ. В 1972 г. старший лаборант Археологической группы Сектора истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В дальнейшем кандидат филологических наук, доцент, профессор университета Чэн-Чжи (Тайвань), преподаватель русского языка как иностранного. Аспирантка Е. К. Ромодановской.

976, 987, 988, 1040, 1062

Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) — археолог и историк. Доктор исторических наук. Основатель советской школы хазароведения, в 1951–1964 гг. директор Государственного Эрмитажа.

923, 928, 930

Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) — археолог и историк. Доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР. Профессор Института философии, литературы и истории МГУ, с 1939 г. заведующий кафедрой археологии МГУ, основатель и руководитель Новгородской Археологической экспедиции (1932–1962). Основной круг научных интересов: славяно-русская археология, новгородские и московские древности. Известен как первооткрыватель и первый издатель и комментатор берестяных грамот.

926

Лариса Ивановна Афанасьева — выпускница гуманитарного факультета НГУ. В 1972 г. старший лаборант Сектора истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии

СО АН СССР. Постоянная участница археологических экспедиций А. П. Окладникова и А. П. Деревянко.

1040

Эльмира Маратовна Афанасьева — доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета. Специалист по русской литературе XIX в.

1082

Ольга Николаевна Бахтина (1950–2013) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской и зарубежной литературы Томского государственного университета, преподаватель Томской духовной семинарии. Специалист по древнерусской литературе.

1081

Юрий Иванович Бородин — см. «Наши авторы»

853, 934

Дмитрий Михайлович Буланin — филолог, специалист по русской литературе, преимущественно средневекового периода, также по отдельным аспектам русско-славянских и русско-византийских литературных и культурных связей. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

874, 952

Райхон Закиевна Бурнашева — кандидат исторических наук, специалист по нумизматике Средней Азии (Бухарского ханства, Казахстана, Кы-

ргыстана), один из ведущих историков-нумизматов Казахстана.

923

Федор Иванович Буслаев (1818–1897) — русский филолог и искусствовед, академик Петербургской Академии наук.

1060

Алексей Андреевич Быков (1896–1977) — нумизмат-востоковед, Заслуженный работник культуры РСФСР (1964), член-корреспондент Американского нумизматического общества, член-корреспондент Международного совета музеев. С 1924 г. сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, в 1945–1974 гг. его заведующий.

928

Григорий Абрамович Бялый (1905–1987) — литературовед, педагог. Доктор филологических наук, профессор. С 1936 г. работал на филологическом факультете ЛГУ, в 1939–1952 гг. был также научным сотрудником Пушкинского Дома. Исследователь творчества писателей 2-й половины XIX в.

874, 948, 966

Валентина Федоровна Васильева — кандидат медицинских наук. Аспирант Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР, ассистент Новосибирского государственного медицинского института, сотрудник Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР. Ученица А. Г. Гинецинского.

862

Вадим Эразмович Вацура (1935–2000) — российский литературовед и историк литературы, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома, автор трудов о А. С. Пушкине, о русской литературе 1810–1840-х годов.

912

Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) — русский историк литературы, профессор Петербургского университета, академик.

1060, 1063

Лада Ивановна Вуич — см. «Наши авторы»

913, 919, 920, 925, 930, 988

Лидия Георгиевна Вуич (1904–1997) — кандидат биологических наук. Супруга И. Г. Спасского, близкая подруга Анны Николаевны Ромодановской, матери Е. К. Ромодановской, с середины 1930-х гг.

909, 915, 916, 918, 919, 922, 927, 930

Вацлав Ганка (1791–1861) — чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения, знаменитый как сочинитель и изготовитель подложных Краледворской и Зеленогорской рукописей.

925

Светлана Исааковна Гимпель (1937–2011) — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы НГУ (1976–2010).

963

Людмила Иосифовна Гинецинская (1913–1980) — биохимик, работала в Военно-Медицинской Академии и

Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова. Жена А. Г. Гинецинского.

860, 862

Александр Григорьевич Гинецинский (1895–1960) — физиолог, член-корреспондент АМН СССР. В 1932–1951 гг. заместитель директора по науке Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР, профессор и заведующий кафедрой физиологии Ленинградского педиатрического института, в 1951–1955 гг. — профессор и заведующий кафедрой физиологии Новосибирского государственного медицинского института. С 1955 г. заместитель директора, с 1958 г. — директор Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР. Открыл влияние симпатического нерва на мышцу, что вошло в литературу как феномен Орбели–Гинецинского. В последнее десятилетие жизни разрабатывал проблемы физиологии почки и водно-солевого обмена.

855–857, 859–864

Андрей Кириллович Голицын — художник, художник-график, книжный иллюстратор. Предводитель (1990–2002) Российского дворянского собрания, один из организаторов его создания. Член Союза художников и Союза журналистов, сопредседатель Земского Движения, член Президиума всемирного Русского Национального Собора, член Президиума Международного Пушкинского общества, почетный член Императорского Православного Палестинского общества и член Политического Консультативного Совета при Президенте Российской Федерации.

988

Михаил Борисович Горнунг (1926–2009) — доктор географических наук, специалист по географии Африки, почетный член Русского географического общества. Историк-краевед, библиофил, нумизмат, коллекционер.

916

Александр Дмитриевич Григорьев (1874–1940) — русский фольклорист, историк древнерусской литературы, лингвист, литературовед, историк, диалектолог. С 1917 г. до эмиграции в Польшу в 1922 г. — декан историко-филологического факультета Томского университета, где заведовал кафедрой русской словесности. Там же организовал Общество этнографии, истории и археологии и стал его первым председателем.

977

Наталья Александровна Грознова (1933–1999) — российский литературовед, доктор филологических наук, заведующая Сектором советской литературы Пушкинского Дома.

970

Марина Михайловна Громыко — историк, этнограф, доктор исторических наук, профессор. С конца 1950-х гг. — в группе ученых, организаторов гуманитарных исследований в СО АН СССР. Была первой заведующей Сектором истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР, где работала до 1977 г. Научную работу сочетала с преподавательской деятельностью на гуманитарном факультете НГУ. С 1977 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР (ныне — Институт этнологии и

антропологии РАН), сначала в должности старшего, затем главного научного сотрудника. Лауреат Государственной премии Российской Федерации, премии памяти митрополита Макария (Булгакова).

963, 969, 1029

Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965) — литературовед, историк литературы, известный прежде всего своими исследованиями древнерусской литературы. Академик АН УССР.

872, 952, 1051, 1052

Конрад Гурский (1895–1990) — польский историк и теоретик литературы, специалист по истории польской литературы, академик Польской Академии наук. Большая часть его научных трудов посвящена вопросам теории литературы и текстологии. Исследователь рукописного наследия А. Мицкевича.

954

Юлий Маркович Даниэль (псевдоним Николай Аржак; 1925–1988) — русский поэт, прозаик, переводчик, диссидент. С 1958 г. публиковал за рубежом повести и рассказы с критическим настроением по отношению к советской власти. В 1965 г. арестован вместе с А. Д. Синявским и в 1966 г. приговорен за эти публикации к 5 годам лагерей.

987

Михаил Николаевич Дарвин — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета РГГУ, директор Государственного института повышения

квалификации и профессиональной переподготовки специалистов РГГУ. Специалист в области теории и истории литературы, стиховедения, поэтики циклизации.

1064, 1065

Надежда Александровна Дворецкая — историк, археограф, палеограф, кандидат исторических наук. В 1957–1984 гг. сотрудник Отдела рукописей ГПБ. Автор статей и монографии по сибирскому летописанию.

878

Анатолий Сергеевич Демин — литературовед, специалист по древнерусской литературе, доктор филологических наук, профессор. Заведующий Отделом древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

988

Наталья Сергеевна Демкова — см. «Наши авторы»

865, 872, 878, 950, 971, 988, 992, 993, 999, 1003, 1004, 1038, 1052, 1053, 1072

Елена Ивановна Дергачева-Скоп — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой древних литератур и литературного источниковедения НГУ. Специалист по литературе Древней Руси.

952, 955–958, 975, 979, 991–993, 997, 1027, 1029, 1049, 1050, 1052, 1075

Евгения Ивановна Деревянко — археолог, специалист в области раннего средневековья Дальнего Востока, Китая, Кореи и Японии, доктор исторических наук. Внесла вклад в разработку

проблемы этно- и культурогенеза, истории ранних государственных образований в Азиатском регионе. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

963

Лев Александрович Дмитриев (1921–1993) — российский литературовед, исследователь древнерусской литературы. Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Научный руководитель Е. К. Ромодановской в аспирантуре.

868, 873–875, 877, 921, 952, 954, 1004–1006, 1028, 1047, 1048, 1052, 1057, 1060, 1080, 1084

Руфина Петровна Дмитриева (1925–2001) — филолог и историк-источниковед. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Лауреат премии им. А. А. Шахматова РАН (1994).

874, 954, 971, 998, 999, 1005, 1047, 1048, 1060

Надежда Феоктистовна Дробленкова (1926–2006) — кандидат филологических наук, специалист по древнерусской литературе, библиограф. Старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

874, 952–954, 999, 1060

Елена Алексеевна Дронова (урожд. Тризна) — учитель русского языка и литературы средней школы. Однокурсница и подруга Е. К. Ромодановской.

912

Иван Симеонов Дуйчев (1907–1986) — болгарский историк-медиевист. Руководитель кафедры истории Болгарии, кафедры истории Византии и балканских народов Софийского университета. Сотрудник Института истории Болгарской Академии наук. Профессор, председатель Археографической комиссии Научной библиотеки «Свв. Кирилл и Мефодий». Заслуженный и Народный деятель науки Болгарии, академик Болгарской Академии наук. Член Папской академии археологии в Риме, Академии наук Палермо, Неаполя, Сербской Академии наук и искусств, член-корреспондент Британского королевского общества, почетный доктор Боннского университета. Лауреат Международной премии им. И. Гердера. Член Редакционной комиссии «Repertorium» по изданию источников по истории средних веков в Риме, член Международной комиссии по изданию корпуса источников по истории Византии.

954

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) — русский театровед, филолог, богослов, литературовед и писатель.

1001

Михаил Тимофеевич Дьячок — директор Центра прикладных лингвистических исследований (г. Новосибирск). Закончил гуманитарный факультет НГУ. Специалист в области классической филологии, сравнительно-истори-

ческого языкознания, истории русского языка и русской социолингвистики.

1062

Анастасия Петровна Евгеньева (1899–1985) — лингвист, доктор филологических наук. Работала в институтах АН СССР. Автор, составитель и редактор множества словарей, организатор и участник фольклорных экспедиций. Исследования А. П. Евгеньевой положили начало лингвофольклористике.

952, 1060

Людмила Ивановна Еременко — кандидат филологических наук, доцент. Автор курса древнерусской литературы на факультете филологии и журналистики Кемеровского государственного университета.

1081

Игорь Петрович Еремин (1904–1963) — доктор филологических наук, профессор, исследователь древнерусской и украинской литературы. Заведующий кафедрой русской литературы и декан филологического факультета ЛГУ. Научный руководитель дипломной работы Е. К. Ромодановской.

865–875, 920, 948, 950–952, 966, 987, 997, 1004, 1028, 1052, 1057, 1062, 1067, 1084, 1089, 1090

Берта Григорьевна Еремина (1898–1982) — доктор химических наук. Доцент химического факультета ЛГУ. Жена И. П. Еремина.

951

Валерия Игоревна Еремина — см. «Наши авторы»

874, 951

Сергей Александрович Есенин (1895–1925) — русский поэт, представитель новокрестьянской поэзии и лирики, в более позднем периоде творчества — имажинизма.

983

Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР, почетный член Баварской, Британской, Саксонской и других академий, почетный доктор многих университетов, в частности Оксфорда. Автор работ по немецкой и общей диалектологии, истории германских языков, теории грамматики, тюркологии, истории немецкой и английской литературы, сравнительному литературоведению, теории эпоса, стиховедению.

1057

Марина Феликсовна Завадская (1900–1973) — преподаватель иностранных языков в Киевском педагогическом институте.

972

Александр Иосифович Зайцев (1926–2000) — филолог-классик, специалист по античной мифологии, филологии, истории и культуре Древней Греции (язык, религия, литература, политическая история). Доктор исторических наук. Профессор кафедры классической филологии филологического факультета СПбГУ.

1089

Григорий Денисович Залесский (1902–1966) — терапевт, организатор здравоохранения. Профессор. В 1928–1931 гг. преподавал физиотерапию в Томском и Омском медицинских

институтах. В 1947–1964 гг. директор Новосибирского медицинского института и Института усовершенствования врачей (ГИДУВ), заведующий кафедрой факультетской терапии. Основатель курортологии в Сибири и научной лаборатории по изучению ревматизма. Заслуженный деятель науки РСФСР.

843, 856

Вера Дмитриевна Запорожская (1914–1985) — художник-археолог, художник-фотограф археологических экспедиций А. П. Окладникова. Жена А. П. Окладникова.

1039

Борис Ильич Збарский (1885–1954) — советский биохимик, директор Лаборатории при мавзолее Ленина. Доктор медицины (Женева), академик АМН СССР. Герой Социалистического Труда.

1084

Сергей Александрович Зеньковский (1907–1990) — русский историк, специалист по истории духовной культуры России, славист, эмигрант, профессор Вандербильского университета (США).

954

Александр Александрович Зимин (1920–1980) — историк, исследователь русского средневековья. Доктор исторических наук. Автор концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» и его авторе, согласно которой это произведение было написано в 80-х годах XVIII в. российским духовным писателем архимандритом Иоилем (Быковским) и является выдающейся имитацией памятника древнерусской литературы.

919–922, 924–926, 928, 930

Энгельс Гаврилович Зыков (1934–1978) — русский литературовед-медиевист, фольклорист. Кандидат филологических наук. Профессор Карельского педагогического института. Декан филологического факультета Карельского педагогического института в 1968–1971 гг.

948

Николай Николаевич Иванов (1894–1961) — кандидат медицинских наук, доцент кафедры рентгенологии Новосибирского медицинского института, заместитель директора по науке Научно-исследовательского института травматологии и ортопедии (Новосибирск).

853, 855

Татьяна Аполлоновна Иванова (1917–2011) — палеославист, историк русского языка, специалист в области славянской письменности и старославянского языка, преподаватель филологического факультета ЛГУ в 1948–1992 гг. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Автор учебника старославянского языка.

1089

Иоиль (в миру Иван Быковский; 1726–1798) — архимандрит Русской православной церкви, преподаватель, духовный писатель. В 1741–1753 гг. учился в Киево-Могилянской академии, позже ее преподаватель. В 1776–1787 гг. архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. У него А. И. Мусиным-Пушкиным был куплен сборник со «Словом о полку Игореве». По предположению А. Мазона, Быковский мог быть автором

«Слова о полку Игореве». Этому же придерживался А. А. Зимин, полагая, что «Слово» было написано незадолго до 1791 г.

922, 928

Наталия Александровна Казакова (1915–1984) — доктор исторических наук. В 1954–1960 гг. сотрудник Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, в 1946–1948 и в 1961–1984 гг. сотрудник ЛОИИ, в 1961–1963 гг. заведующая Группой истории феодализма ЛОИИ. Научную работу совмещала с преподаванием в ЛГУ. Специалист по истории общественной мысли Древней Руси.

954

Маргарита Николаевна Климова — см. «Наши авторы»

1053, 1056, 1062, 1079

Николай Алексеевич Ключев (1884–1937) — русский поэт, представитель так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века. Расстрелян в Томске.

983

Ольга Александровна Князевская (1920–2011) — российский филолог, археограф и специалист по истории книги. Кандидат филологических наук. Работала в Отделе лингвистического источниковедения Института русского языка, читала лекции по палеографии на филологическом факультете МГУ. С 1972 г. сотрудник Археографической комиссии АН СССР. Лауреат Государственной премии РСФСР.

992

Роза Михайловна Коваль — исследователь искусств, художница, член Международного Союза историков искусств и художественных критиков. 30 лет проработала в Эрмитаже. Автор книги «Русский Север: Кириллов. Ферапонтово», а также статей по декоративно-прикладному искусству. После переезда в Америку продолжает заниматься керамикой, писать статьи об искусстве. Жена А. Х. Горфункеля.

958

Александр Васильевич Козлов (1917–2000) — художник-медальер Ленинградского монетного двора, его главный художник в 1971–1986 гг. Автор медалей, посвященных достопримечательностям Ленинграда, Волго-Донскому каналу, Московскому и Томскому университетам. Выполнил ряд медалей к юбилеям А. П. Чехова, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. М. Горького, М. И. Глинки, С. В. Рахманинова, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, А. К. Глазунова, МХАТа.

930

Гелий Андреевич Коковин (1931–1984) — химик-неорганик, кандидат химических наук, создатель лаборатории термодинамики неорганических материалов Института неорганической химии СО РАН, специалист в области химической термодинамики.

1042

Арон Абрамович Колен (1893–1978) — офтальмолог. Основатель сибирской школы офтальмологов. Доктор медицинских наук, профессор. Первый

заведующий кафедрой офтальмологии Новосибирского медицинского института (1937–1943 и 1951–1966). Директор Московского НИИ глазных болезней имени Гельмгольца (1944–1951). Работы Колена посвящены пластическим операциям и лечению боевых травм глаза, а также вопросам лечения трахомы.

857

Дмитрий Колпаков — друг детства Е. К. Ромодановской в Астрахани (1944–1948).

902

Александр Ильич Копанев (1915–1990) — доктор исторических наук. Российский историк, библиограф, археограф, историк крестьянства Русского Севера XVI–XVII в.

955, 1035–1037

Николай Иванович Костомаров (1817–1885) — общественный деятель, историк, публицист и поэт, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества.

1051

Николай Федорович Котляр — см. «Наши авторы»

912, 915, 919, 920, 923

Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) — русский и советский арабист, академик Российской академии наук (1921). Один из создателей школы советской арабистики, член Императорского Православного Палестинского Общества.

882

Федор Андреевич Кузнецов (1932–2014) — химик-неорганик, доктор химических наук, академик РАН. Автор более 400 научных трудов, создатель научной школы. В 1971–1983 гг. заместитель директора Института неорганической химии СО АН СССР по науке, заведующий Отделом химии материалов для микроэлектроники. В 1983–2005 гг. директор Института неорганической химии. С 2005 г. советник РАН.

1042

Вера Станиславовна Кузнецова — ведущий научный сотрудник Сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук. Окончила гуманитарный факультет НГУ, дипломантка Е. К. Ромодановской.

1055, 1058

Дмитрий Тарасович Куимов (1897–1971) — профессор, доктор медицинских наук. В 1940–1970 гг. заведующий кафедрой нервных болезней Новосибирского медицинского института. Под его руководством было организовано изучение очагов клещевого энцефалита в Западной Сибири, изучались особенности поражения нервной системы и при других природно-очаговых инфекциях — клещевом сыпном тифе, лептоспирозе, бруцеллезе, Сартландской болезни. Впервые Д. Т. Куимов описал ряд симптомов и синдромов, некоторые из которых названы в мировой науке его именем (симптом Керера-Куимова, триада Куимова). Заслуженный деятель науки РСФСР. Почетный профессор Новосибирской государственной медицинской академии.

860, 863, 864

Галина Александровна Куимова (1904–1968) — ассистент кафедры нервных болезней Новосибирского медицинского института (1945–1949), затем заведующая неврологическим отделением областной больницы города Новосибирска. Жена Д. Т. Куимова.

863, 864

Елена Дмитриевна Кукушкина — старший научный сотрудник Сектора по изучению русской литературы XVIII в. Пушкинского Дома, кандидат филологических наук. Область научных интересов: русская драматургия XVIII в., влияние библейских сюжетов и мотивов на литературу XVIII в., творчество Г. Р. Державина и его литературное окружение.

1035, 1036

Владимир Владимирович Кусков (1920–1999) — российский филолог, литературовед, доктор филологических наук, профессор, специалист по истории древнерусской литературы.

952

Борис Александрович Ларин (1893–1964) — российский и украинский лингвист, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР, академик АН Литовской ССР, Заслуженный деятель науки РСФСР. Работы по истории русского языка, социолингвистике, санскриту, литовскому языку; переводчик художественной литературы с литовского. Занимался древнерусской лексикографией, составлением словарных картотек, создатель межкафедрального словарного кабинета в Ленинградском университете, ныне носящего его имя.

928, 1006

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг (1893–1972) — кандидат исторических наук, почетный член международной организации ЮНЕСКО. Крупнейший знаток европейского искусства.

923

Елена Эммануиловна Липшиц (1901–1990) — историк-византист, доктор исторических наук. Один из основателей журнала «Византийский временник» и постоянный член его редколлегии. Исследователь социально-экономической истории Византии, византийской культуры и права, отношений со славянскими народами.

988

Елена Васильевна Литвинова — филолог, выпускница ЛГУ.

952

Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) — советский и российский филолог, искусствовед, сценарист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН. Автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы (главным образом древнерусской) и русской культуры. Автор работ по широкому кругу проблем теории и истории древнерусской литературы, публицистических трудов. Внес значительный вклад в изучение древнерусской литературы и искусства. Активный защитник культуры, пропагандист нравственности и духовности. Заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома (1954–1999). Член Союза писателей. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий России.

Награжден многими орденами и медалями. Иностраный член Академий наук Болгарии, Венгрии, Академии наук и искусств Сербии. Член-корреспондент Австрийской, Американской, Британской, Итальянской, Геттингенской академий, член-корреспондент Философского общества США.

867, 872, 876–879, 925, 926, 949, 952–954, 957, 970, 971, 997, 999, 1000, 1004–1007, 1032, 1052, 1056, 1060, 1062, 1067, 1072, 1077, 1080, 1084

Ольга Петровна Лихачева (1937–2003) — археограф, палеограф, специалист по древнерусской литературе. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник \Отдела рукописей БАН и Отдела рукописей РНБ.

952

Ирина Анатольевна Лобакова — см. «Наши авторы»

952, 953

Владимир Васильевич Лукьянов (1908–1986) — археограф, коллекционер. Заведовал Научной библиотекой Ярославского краеведческого музея, Отделом книжных и рукописных фондов Ярославско-Ростовского музея-заповедника, был внештатным сотрудником ИРЛИ АН СССР. Занимался систематическим исследованием и изучением книжных хранилищ Ярославля. Ряд статей посвятил Иоилу Быковскому — первому владельцу рукописи «Слова о полку Игореве», уточнил его биографию.

922

Нина Александровна Лукьянова — см. «Наши авторы»

1075

Яков Соломонович Лурье (1921–1996) — историк, литературовед. Доктор филологических наук. В 1957–1982 гг. старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Исследователь русского летописания, публицистики, истории сюжетного повествования в древнерусской литературе, а также творчества Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова.

874, 954, 1006, 1060

Евгений Александрович Маймин (1921–1997) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, писатель. Заведовал кафедрой литературы Псковского педагогического института. Специалист по русской литературе XIX в., теории литературы, эстетике. Член Союза писателей.

1005

Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) — литературовед, критик. Доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ, в 1965–1982 гг. — заведующий кафедрой. По совместительству старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома, в 1969–1978 гг. заведующий Группой по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ. Член Союза писателей СССР.

965–966

Владимир Иванович Малышев (1910–1976) — доктор филологических наук, исследователь древнерусской литературы, знаток и собиратель древних рукописей. Организатор археографических экспедиций, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома,

ныне носящего его имя. Заслуженный деятель науки СССР.

921, 953, 955, 956, 971, 983, 991, 992, 1014, 1025, 1035, 1039, 1053

Александр Иванович Мальцев (1959–2005) — старший научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, кандидат исторических наук. Специалист по источниковедению, истории старообрядчества и общественного сознания населения России.

1032

Франтишек Вацлав Мареш (1922–1994) — чешский славист, этимолог и топограф. Исследователь старославянских элементов в других славянских языках, истории развития славянских языков в целом. Автор оригинальной классификации славянских языков и первой чешской грамматики македонского языка.

954

Мария Борисовна Маршак — научный сотрудник Отдела нумизматики Эрмитажа, специалист по бонам.

912

Светла Матхаузерова (1924–2006) — профессор, переводчик, историк литературы и русистики. Профессор Карлова университета (Прага). Исследователь древнерусской литературы, теории поэзии, сравнительного литературоведения, теории литературы.

954

Милица Эдвиновна Матье (1899–1966) — египтолог, искусствовед и историк. В 1921–1965 гг. работала в Эрмитаже

(в разные годы — заведующей Сектором Древнего Востока, заведующей Отделом Востока, заместителем директора; в 1953–1965 заведующая Отделом зарубежного Востока).

928

Татьяна Александровна Махновец — литературовед, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета.

1038

Никита Александрович Мещерский (1906–1987) — филолог, специалист по истории русского литературного языка, древнеславянской переводной письменности, древнерусской переводной литературы. Доктор филологических наук. В 1954–1963 гг. заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского университета, с 1963 г. профессор кафедры русского языка филологического факультета ЛГУ, в 1963–1979 заведовал кафедрой. Заведующий Межкафедральным словарным кабинетом им. Б. А. Ларина.

988

Александр Викторович Михайлов (1938–1995) — филолог-германист, культуролог, музыковед и теоретик музыки, занимался проблемами истории и философии искусства. Доктор филологических наук, профессор. В 1988–1995 гг. заведующий Отделом комплексных теоретических проблем Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

1009

Аделина Александровна Михалина — филолог, преподаватель иностранного

языка в средней школе. Выпускница гуманитарного факультета НГУ, ученица Е. К. Ромодановской.

1051, 1062

Галина Николаевна Моисеева (1922–1993) — литературовед, исследователь древнерусской литературы и русской литературы XVIII в., доктор филологических наук. В 1952–1960 гг. младший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. С 1960 г. старший, затем ведущий научный сотрудник Группы изучения русской литературы XVIII в.

954

Малик Мулич (1917–1980) — сербский славист, специалист по русской литературе, древней и современной. Доктор филологии, профессор. Профессор Сараевского университета. В 1966–1967 гг. преподавал сербско-хорватский язык в ЛГУ.

954

Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817) — русский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей. Член Российской Академии наук, президент Академии художеств, 11-й обер-прокурор Святейшего Синода, действительный тайный советник. Ввел в научный оборот ряд древнерусских рукописей, включая «Слово о полку Игореве», которое дошло до нового времени в составе сборника, не позднее 1792 г. оказавшегося в составе коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. В 1800 г. «Слово» было издано А. И. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Бантышом-

Каменским и А. Ф. Малиновским. Коллекция рукописей А. И. Мусина-Пушкина, в том числе и сборник со «Словом», погибла во время московского пожара 1812 г.

921, 951

Александр Леонидович Мясников (1899–1965) — терапевт, доктор медицинских наук, академик АМН СССР. В 1932–1938 гг. заведующий кафедрой терапии Новосибирского института усовершенствования врачей. Создатель и первый заведующий кафедрой факультетской терапии Новосибирского медицинского института, проректор по лечебной работе этого института. В 1938–1940 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии 3-го Ленинградского медицинского института. В 1940–1948 гг. начальник кафедры факультетской терапии Военно-Морской Медицинской Академии и одновременно главный терапевт Военно-Морского Флота. Полковник медицинской службы. С 1948 г. директор Института терапии АМН СССР (с 1966 г. — Институт кардиологии им. А. А. Мясникова АМН СССР) и одновременно заведующий кафедрой госпитальной терапии 1-го Московского медицинского института. Основные работы посвящены вопросам сердечно-сосудистой патологии, болезням печени и желчных путей, инфекционным болезням. Председатель Всероссийского общества терапевтов, почетный член многих зарубежных научных медицинских обществ, член Президиума Международного терапевтического общества, член президиума АМН СССР.

857

Александр Адрианович Назаревский (1887–1977) — украинский филолог, исследователь восточнославянских литератур. Доктор филологических наук, профессор. Окончил филологический факультет Киевского университета (1910), был оставлен «для подготовки к профессорской деятельности». С 1907 г. участвовал в филологическом семинарии проф. В. Н. Перетца. Работал в Киевском университете, Центральной научной библиотеке и Институте литературы АН УССР. Исследователь украинской, белорусской и русской словесности XI–XIX вв., составитель библиографий и научных описаний рукописей.

867, 868, 948

Елена Константиновна Никанорова — см. «Наши авторы»

1051

Николай Иванович Николаев — главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Горького СПбГУ. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

958

Марина Юрьевна Новицкая — см. «Наши авторы»

996, 997, 1013, 1016, 1036

Михаил Михайлович Новицкий (1892–1964) — украинский литературовед, собиратель и текстолог, специалист по биографии и творчеству Т. Г. Шевченко. Научный сотрудник Украинской Академии наук и Киевского филиала Института Шевченко, сотрудник Киевского музея Шевченко.

929

Николай Евгеньевич Носов (1924–1985) — доктор исторических наук, специалист по средневековой истории России. С 1951 г. сотрудник ЛОИИ АН СССР, в 1969–1981 гг. его заведующий. Исследователь становления сословно-представительных учреждений, феодального землевладения в России XVI–XVII вв.

992

Виктор Георгиевич Одинок — см. «Наши авторы»

1075

Алексей Павлович Окладников (1908–1981) — археолог, историк, этнограф. Доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР, Заслуженный деятель науки Якутской АССР, РСФСР, Бурятской АССР, иностранный член Монгольской АН и Венгерской АН, член-корреспондент Британской академии, Познанского университета (Польша). Лауреат Сталинской премии и Государственной премии СССР. Герой Социалистического Труда. Исследователь истории первобытной культуры, палеолитического и неолитического искусства, истории Сибири и Дальнего Востока. В 1966–1981 гг. директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

956, 966, 1039

Леон (Левон) Абгарович Орбели (1882–1958) — физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик и вице-президент АН СССР. Доктор медицинских наук, профессор. Генерал-полковник медицинской службы. Действительный член Всегерманской леопольдино-каролинской

академии и Медицинской академии в Париже, член-корреспондент Парижского биологического общества, почетный член Американского и Британского физиологических обществ, Нью-Йоркской и Румынской медицинских академий, Карлова (Пражского) университета и др.

856, 857, 859, 862

Виктор Сергеевич Орлов (1924–1985) — заслуженный артист РСФСР. В 1948–1978 гг. актер Новосибирского ТЮЗа, в 1978–1985 гг. актер Новосибирского театра «Красный факел».

906, 907

Лидия Васильевна Островская — выпускница гуманитарного факультета НГУ. В 1972 г. старший лаборант Сектора истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В дальнейшем литературный редактор книжного издательства СО РАН. Член Союза писателей.

1040

Игорь Викторович Островский (1946–1994) — историк, доктор исторических наук, профессор. В 1972 г. младший научный сотрудник Сектора истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Специалист по изучению аграрной политики царизма в Сибири начала XX в. Внес вклад в исследование статистических источников по истории крестьянства Сибири периода империализма.

1040

Иван Петрович Павлов (1849–1936) — русский ученый, физиолог, создатель

науки о высшей нервной деятельности и представлений о процессах регуляции пищеварения. Академик АН СССР. Основатель крупнейшей российской физиологической школы. Лауреат Нобелевской премии.

855, 856, 859

Евгений Никанорович Павловский (1884–1965) — российский зоолог, энтомолог, генерал-лейтенант медицинской службы. Академик АН СССР и АМН СССР. Директор Зоологического института АН СССР. Президент Всесоюзного энтомологического общества, Президент Географического общества СССР. Заслуженный деятель науки РСФСР. Герой Социалистического Труда.

892

Тамара Васильевна Панич — см. «Наши авторы»

1008, 1027

Александр Михайлович Панченко (1937–2002) — доктор филологических наук, профессор, исследователь русской литературы и культуры. Академик РАН. С 1962 г. сотрудник Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, с 1978 г. заведующий Группой по изучению русской литературы XVIII в., с 1988 г. заведующий Отделом новой русской литературы Пушкинского Дома. Научный консультант Древлехранилища Пушкинского Дома. Председатель Комиссии РАН по истории филологических наук, Научного совета РАН по русской культуре. Автор историко-литературных фильмов и телепередач. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Награж-

ден международной премией Святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

874, 912, 948, 954–956, 970, 991, 993, 1004, 1056, 1060, 1089

Анна Алексеевна Передольская (1894–1968) — специалист по истории античной культуры и искусства. Заведующая Отделом античного мира (с 1935 г.) Государственного Эрмитажа. Работала в Эрмитаже с 1924 по 1968 г.

928

Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) — филолог, историк литературы; автор работ по источниковедению, текстологии, палеографии, фольклористике и истории театра. Академик Петербургской Академии наук, АН Украины, АН СССР. Профессор Киевского университета Св. Владимира, где создал «Семинарий русской филологии проф. В. Н. Перетца». В 1914–1917 гг. профессор Саратовского университета, с 1917 г. — профессор Петроградского (Ленинградского) университета. Арестован в 1934 г. по делу «Российской национальной партии», умер в ссылке в Саратове. Лауреат Ломоносовской и Макариевской премий.

948, 1006, 1060

Елена Константиновна Пиотровская — см. «Наши авторы»

952, 971, 992

Софья Александровна Пиотровская (1883–1953) — преподаватель математики, сотрудник библиотеки Государственного Эрмитажа.

988

Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) — советский ученый-археолог, востоковед. Доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР. Член-корреспондент Британской академии. Возглавлял научные экспедиции в Армению, целью которых были поиск и изучение следов урартской цивилизации; в их результате были получены ценные сведения о культуре и искусстве Урарту. В 1964–1990 гг. возглавлял Государственный Эрмитаж. Герой Социалистического Труда. Лауреат Сталинской премии. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

923, 988

Николай Николаевич Покровский (1930–2013) — источниковед, археограф. Доктор исторических наук, академик РАН. Специалист в области русской истории феодального периода и археографии. С 1965 г. работал в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1990 г. Институт истории СО РАН): научный сотрудник, заведующий Сектором археографии и источниковедения, заместитель директора по научной работе. С 2003 г. советник РАН. Председатель Сибирского отделения Археографической комиссии РАН, член Президиума СО РАН, председатель Редакционно-издательского совета СО РАН. Много лет был профессором НГУ. Основатель научной археографической школы. Лауреат Демидовской премии.

878–882, 914, 951, 952, 956, 957, 968, 969, 975, 984, 988, 992, 993, 999, 1007, 1013, 1028–1031, 1036, 1038–1040, 1045, 1052, 1063–1065, 1079, 1090

Михаил Дометьевич Пономарев (1899–1986) — хирург, профессор, кандидат медицинских наук. В 1937–1965 гг. заведующий кафедрой факультетской хирургии Новосибирского медицинского института. Во время Великой Отечественной войны консультант эвакогоспиталей Новосибирска.

857, 860

Наталья Владимировна Поньрко — см. «Наши авторы»

874, 914, 953, 996, 997, 1012, 1013, 1047, 1054

Владимир (Герман Вольдемар) Яковлевич Пропп (1895–1970) — филолог-фольклорист. Доктор филологических наук, профессор. Профессор филологического факультета ЛГУ. Основоположник сравнительно-типологического метода в фольклористике, один из основоположников современной теории текста.

965, 987, 1055, 1057, 1060, 1063, 1069, 1071

Гелиан Михайлович Прохоров — литературовед, доктор филологических наук, профессор. Специалист по древнерусской и византийской литературе. Главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Профессор СПбГУ, Санкт-Петербургской Духовной Академии. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

953, 954

Моисей Израилевич Радовский (1903–1964) — историк науки и техники. Научный сотрудник Института истории науки и техники (1931–1938); ученый секретарь Комиссии по исто-

рии физико-математических и технических наук АН СССР (1942–1953); младший, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР (1945–1964).

929

Виктор Владимирович Ревердатто (1891–1969) — геоботаник, исследователь растительности Сибири, организатор науки. Доктор биологических наук, профессор. Исследователь лекарственных растений Сибири, автор карты растительности Южной Сибири. Автор трудов по истории флоры, лекарственным растениям. Лауреат Сталинской премии. Заслуженный деятель науки РСФСР.

976

Нина Викторовна Ревякина — специалист по итальянскому Возрождению, доктор исторических наук, профессор. В 1964–1982 гг. доцент НГУ. Ныне профессор Ивановского государственного университета.

1075

Владимир Иванович Резанов (1867–1936) — историк русской литературы, доктор русского языка и словесности, профессор, член-корреспондент АН СССР. Учительствовал в г. Курске (1891–1899). В 1899–1934 гг. профессор литературы Нежинского историко-филологического института князя Безбородко, преобразованного позже в Институт народного образования. Автор около 70 историко-литературных работ, из них главные — о В. Жуковском и о русской и украинской драме XVII–XVIII вв.

925

Михаил Иосифович Рижский (1911–2000) — кандидат исторических наук, исследователь Ветхого Завета. Профессор НГУ.

1049, 1075

Андрей Николаевич Робинсон (1917–1993) — филолог, медиевист-славист. Доктор филологических наук. С 1948 г. работал в ИМЛИ, в 1968–1985 гг. заведующий Группой древнерусской литературы, в 1986–1988 гг. заведующий Сектором древнерусской литературы, с 1988 г. главный научный сотрудник. Специалист по литературе XVII в., творчеству Паисия Хилендарского, литературно-исторической типологии.

1006, 1007, 1052

Милена Всеволодовна Рождественская — см. «Наши авторы»

874, 971

Татьяна Всеволодовна Рождественская — см. «Наши авторы»

971

Роман (Матюшин), иеромонах — поэт, автор стихов и духовных песнопений. Член Союза писателей России.

1001

Лидия Михайловна Русакова (1936–2009) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Специалист в области истории крестьянства Сибири и этнографии.

963

Валентин Наумович Рябцевич (1934–2008) — доктор исторических наук, профессор, белорусский историк, нумизмат и археолог.

916, 923

Ольга Александровна Савельева — корреспондент газеты «Наука в Сибири», кандидат филологических наук. Выпускница НГУ, ученица Е. К. Ромодановской. 1008, 1055, 1071

Лидия Ивановна Сазонова — см. «Наши авторы» 866, 952, 1005, 1006, 1009

Марина Алексеевна Салмина (1927–2013) — кандидат филологических наук, специалист по древнерусской литературе, библиограф, личный биограф и библиограф Д. С. Лихачева. Ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1993). 874, 953, 954, 971, 998, 999, 1006, 1060

Борис Викторович Сапунов (1922–2013) — специалист по древнерусскому искусству. Доктор исторических наук (1974), профессор. Почетный доктор Оксфордского университета. Член Петровской академии наук и искусств. 926

Светлана Климентьевна Севастьянова — см. «Наши авторы» 1055, 1057

Марина Борисовна Северова — нумизмат, кандидат исторических наук. Сотрудник Отдела нумизматики Эрмитажа. 912

Влада Валентиновна Серебрякова — филолог. В 1958–1988 гг. сотрудник ГПБ. Дочь Л. И. Гинецинской. 958, 1089

Игорь Витальевич Силантьев — см. «Наши авторы» 970, 10968, 1079

Андрей Донатович Синявский (литературный псевдоним Абрам Терц; 1925–1997) — литературовед, писатель, литературный критик. Осенью 1965 г. был арестован вместе с Ю. М. Даниэлем по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации. В феврале 1966 г. осужден Верховным Судом на семь лет колонии. 987

Марина Владимировна Скржинская — см. «Наши авторы» 912

Михаил Осипович Скрипиль (1892–1957) — литературовед, специалист по фольклору и древнерусской литературе. Доктор филологических наук, профессор. Ученый секретарь Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. 948, 997

Иннокентий Михайлович Смоктуновский (1925–1994) — актер театра и кино. Образы, созданные им на сцене, вошли в «золотой фонд» русского театрального искусства. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской премии. 966

Лариса Степановна Соболева — литературовед, доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета. 1036

Александр Бадмаевич Соктоев (1931–1998) — филолог, фольклорист. Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Директор Института филологии СО РАН (1991–1998), заведующий Сектором фольклора народов Сибири. 970, 1007, 1074

Иван Иванович Соллертинский (1902–1944) — российский советский музыковед, театральный и музыкальный критик. 976

Леонид Тихонович Соловьев (1901–1954) — профессор, заведующий созданной им кафедрой биохимии Ленинградского педиатрического института. 973

Марина Петровна Сотникова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного Эрмитажа, хранитель русских монет в Отделе нумизматики. 912

Иван Георгиевич Спасский (1904–1990) — доктор исторических наук, профессор, основоположник отечественной школы научной нумизматики, в течение многих лет главный хранитель Отдела нумизматики Эрмитажа. 911, 912, 914–930, 988, 993

Борис Иванович Степанов — профессор Астраханского государственного медицинского института. 897, 899

Мария Петровна Степанова — жена Б. И. Степанова. 897

Ольга Семеновна Тальская (1922–1985) — кандидат исторических наук, доцент Барнаульского педагогического института. Была заведующей отделом, затем — заместителем директора Свердловского областного краеведческого музея. В 1950-е гг. открыла и впервые ввела в научный оборот так называемые угольные печатки — ценнейший вид новых нумизматических источников. 929

Олег Викторович Творогов (1928–2015) — филолог-медиевист. Автор работ по истории древнерусской литературы, русских летописей и переводной литературы Древней Руси. Доктор филологических наук, профессор. Сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, в 1999–2004 гг. исполнял обязанности заведующего Отделом. 874, 954, 1004, 1006, 1060

Людмила Владимировна Тиганова — археограф, кандидат филологических наук. Работала в ГБЛ, руководила сектором рукописных собраний, Отделом рукописей ГБЛ. Участник ВДНХ СССР. 992

Кирилл Алексеевич Тимофеев (1914–2004) — специалист в области исторического языкознания, истории русского языка и словообразования. Один из авторов первой академической «Грамматики русского языка». Доктор филологических наук, профессор. С 1962 г. профессор НГУ, до 1986 г. возглавлял кафедру общего языкознания гуманитарного факультета. 1062, 1075

Валентин Александрович Титов (1949–2007) — химик-неорганик, доктор химических наук, заведующий лабораторией термодинамики неорганических материалов Института неорганической химии СО РАН, специалист в области экспериментальной химической термодинамики и термодинамического моделирования.

1040–1042, 1045, 1046

Любовь Васильевна Титова — см. «Наши авторы»

952, 992, 993, 1039, 1040, 1056, 1077, 1079, 1097

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) — доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР, специалист в области источниковедения, историографии, ученый-просветитель, первооткрыватель и публикатор памятников истории и культуры. В 1957–1965 гг. старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР. В 1956–1965 гг. председатель Археографической комиссии АН СССР. Действительный член Польской академии наук. Почетный член Американского исторического общества. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова. Область исследовательских интересов: история России и народов СССР с древнейших времен до XIX в.; история славянских стран и Византии; общеславянские проблемы; вспомогательные исторические дисциплины (историческая география, палеография, дипломатика); экономические, политические и культурные связи народов СССР. Создатель научной школы в области источниковедения.

880, 922, 924, 925, 952, 957, 984

Николай Саввич Тихонравов (1832–1893) — литературовед, археограф, академик Петербургской Академии наук. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, профессор (с 1859), в 1877–1883 гг. ректор университета. Крупнейший представитель культурно-исторической школы в русском литературоведении. Автор работ по истории русской общественной мысли, статей о древней и новой русской литературе и западноевропейской литературе, публикатор текстов.

1060

Борис Викторович Томашевский (1890–1957) — литературовед, теоретик стиха и текстолог, исследователь творчества Пушкина, писатель. Доктор филологических наук, профессор. Заведующий Рукописным отделом и Сектором пушкиноведения Пушкинского Дома. Член Союза писателей.

965, 1068, 1069

Владимир Николаевич Тонков (1872–1954) — анатом, генерал-лейтенант медицинской службы, академик АМН СССР. В 1905–1915 гг. профессор Казанского университета. С 1915 г. — в Военно-Медицинской Академии. Один из организаторов и председателей Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. Один из основоположников функционального направления в анатомии. С 1918 по 1954 г. активно участвовал в сохранении мощей Александра Свирского, фактически являлся их хранителем.

844, 845

Александр Викторович Триумфов (1897–1963) — советский невролог.

Первый заведующий кафедрой нервных болезней Новосибирского медицинского института (1937–1938). Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР. Главный невропатолог Военно-Морского Флота. Основные направления научных исследований — боевая травма нервной системы, нейроинфекции, военная патология, нейрогистология.

857

Валерий Игоревич Тюпа — см. «Наши авторы»

1065, 1068

Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — российский и советский физиолог, создатель учения о доминанте; академик АН СССР. Лауреат Ленинской премии.

958

Александр Ильич Федоров — главный научный сотрудник Сектора «Русский язык в Сибири» Института филологии СО РАН, профессор кафедры общего и русского языкознания гуманитарного факультета НГУ. Доктор филологических наук. Основатель новосибирской научной школы диалектной и фразеологической лексикографии.

966, 1041, 1075

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) — филолог-классик, антиковед, культуролог-фольклорист. Доктор филологических наук, профессор. Основатель кафедры классической филологии филологического факультета ЛГУ. Основная область интересов — античная мифология и литература, архаическое мышление, происхождение

и содержательность художественных форм. Двоюродная сестра Б. А. Пастернака.

1060, 1069

Татьяна Григорьевна Цявловская (урожд. Зенгер; 1897–1978) — литературовед, специалист по творчеству А. С. Пушкина, его текстолог и комментатор.

930

Татьяна Федоровна Чалкова — см. «Наши авторы»

1062, 1071, 1072, 1077

Майя Ивановна Черемисина (1924–2013) — лингвист, доктор филологических наук, профессор НГУ, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН. Глава новосибирской синтаксической школы. Автор работ по общей и русской лексикологии, теории синтаксиса, синтаксису русского языка и языков коренных народов Сибири. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

969

Вадим Алексеевич Черных — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН. Архивист и археограф, специалист по истории отечественной культуры XIX–XX вв. Исследует вопросы теории и истории археологии, истории общественного движения в России 60–70-х гг. XIX в., жизнь и творчество А. Ахматовой.

992

Юрий Васильевич Шатин — см. «Наши авторы»

1065, 1069, 1070

Татьяна Григорьевна Шатыгина — филолог, выпускница НГУ. Ученица Е. К. Ромодановской.

1051

Нина Борисовна Шеламанова — кандидат исторических наук, сотрудник Археологической комиссии АН СССР.

992

Евгения Семеновна Щукина (1929–2012) — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник и заведующая сектором Отдела нумизматики Эрмитажа.

912, 916

Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1989) — русский советский писатель, историк, литературовед. Кандидат исторических наук. Один из первых советских историков, который использовал гласность для серьезного расследования «темных пятен» российской истории. Член Союза писателей.

1053

Николай Викторович Энговатов († 1964) — автор работ о рунических надписях.

929

Борис Семенович (Мориц Герман фон) Якоби (1801–1874) — немецкий и русский физик, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Прославился открытием гальванопластики. Построил первый электродвигатель, телеграфный аппарат, печатающий буквы.

929

Роман Осипович Якобсон (1896–1982) — российский и американский лингвист и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX века, оказавший влия-

ние на развитие гуманитарных наук не только своими новаторскими идеями, но и активной организаторской деятельностью. Участник Первого русского авангарда. Труды по общей теории языка, фонологии, морфологии, грамматике, русскому языку, русской литературе, поэтике, славистике, психолингвистике, семиотике и многим другим областям гуманитарного знания.

954

Валентин Лаврентьевич Янин — российский историк и археолог. Доктор исторических наук, академик РАН, профессор, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте Российской Федерации, председатель музейного совета при Российском фонде культуры, член консультативного совета при Министерстве культуры Российской Федерации, член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, председатель специализированного совета по археологии и этнографии, член специализированного совета Института археологии РАН, научный руководитель Новгородского филиала Института истории РАН, почетный гражданин Великого Новгорода. Область научных интересов: история (медиевистика), археология и источниковедение средневекового Новгорода, исследование берестяных грамот, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики Древней Руси.

912, 916, 919, 926, 929

Светлана Алексеевна Янина (1924–1997) — специалист в области ориентальной нумизматики, заведующая Отделом нумизматики Государственного Исторического музея (1965–1985).

912

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

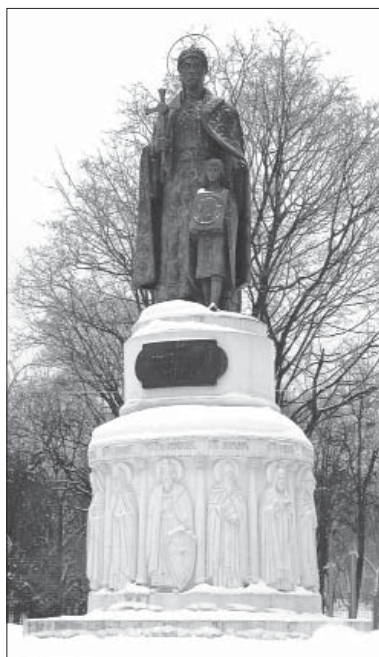
— мне трудно определить жанр, в котором получились эти заметки, слово «вместо» кажется более всего подходящим. Наступил тот этап жизни, когда я поняла, что пора записать все, что я помню, что знаю об истории нашей семьи, изложить мне известные факты и легенды, — поскольку многое теперь известно только мне, а очень хочется, чтобы оно как-то сохранилось.

«Вместо» — поскольку это далеко не эпилог, не конец, это не воспоминания, многого я просто не могу помнить, это и не статья, поскольку никаких исследований не проводилось, лишь за справками я обращалась к семейному архиву. Ничего более. Многие факты, особенно об истоках рода Ромодановских, общеизвестны, они есть и в «Книгах дворянских родов», и в «Гербовниках Российской империи», в справочниках и энциклопедиях. Первая часть — лишь попытка краткого изложения русской истории, в котором я постаралась только наметить самые основные штрихи, за что и прошу прощения у коллег-древников и историков, — и надеюсь на понимание того, что *подробное* исследование упоминаемых (и оставшихся «за кадром») имен и событий привело бы к написанию многих десятков томов. Однако без напоминания о древних корнях и событиях непонятны были бы слова и поступки поколений XIX–XX вв. Новизна этих заметок — не цель их; свою задачу я видела в чем-то проще, а в чем-то сложнее: рассказать об истории рода и семьи так, как эта история жила в нашей семье, как она передавалась.

Никогда дома, даже в период самого раннего моего детства, я не помню каких-либо элементов «воспитания»: просто нужно было жить так, как в доме заведено, на это не было никаких скидок, никакого снисхождения «для маленьких». С другой стороны, и все детские дела и проблемы были такими же серьезными и важными, как и занятия взрослых, в этом было большое взаимное уважение и жизнь на равных. Мама, сколько я себя помню, всегда относилась ко мне как к взрослой, всегда спрашивала мнения и совета. В тех же, надеюсь, редких случаях, когда поступки мои отклонялись от заведенного в доме уклада, она спокойно спрашивала: «Ты делаешь так? Ты так *можешь*?». Этого было достаточно. И с этого для меня и началась история нашей семьи. Когда мне было лет восемь, и я совершила какую-то совсем неприемлемую выходку, мама, задав все те же вопросы, добавила: «...И ты всегда должна помнить и о себе, и о том, что мы Рюриковичи». Она, как я поняла позже, говорила «на людях» об этом с легкой иронией, только в неофициальной обстановке, а на все просьбы и предложения написать специальную работу об истории семьи — отмахивалась: «Да с Ромодановскими и вопросов нет никаких, там все известно — а потому будет неинтересно и скучно». Но в тот день, в середине семидесятых годов прошлого уже века, разговор был серьезным, о том, что действительно для нее было главным. И у меня, восьмилетней девчонки, глаза широко раскрылись: «Рю-юриковичи??». Мама поняла, что чего-то очень важного я еще не знаю. «Да, Ромодановские — Рюриковичи, и ты всегда должна помнить об этом», — она произнесла это очень спокойно, и разговор на том был закончен.

Рюрик. Фрагмент памятника
«Тысячелетие России»,
Великий Новгород

Памятник Великой
равноапостольной княгине
Ольге. В. Клыков. Псков

Итак,

Рюриковичи

Начало правления Рюрика в Новгороде, по данным Повести временных лет, относится к 862 г., когда им было основано Новгородское княжество — и первая русская, впоследствии царская династия. В летописях упоминается только один сын Рюрика — Игорь, но очевидно, что у первого русского князя были и другие дети: в русско-византийском договоре 944 г. упоминаются племянники Игоря Игорь и Акун.

Сын Рюрика Игорь родился предположительно в 878 г., за год до смерти отца. Ввиду малолетства наследника до 912 г. правителем Древнерусского государства был родственник Рюрика Олег, прозванный Вещим, и лишь после его кончины власть перешла к Игорю. Более всего Игорь известен покорением древлян, походом на Царьград и заключением в 944 г. военно-торгового договора с Византией. Игорь Рюрикович погиб от рук древлян в 949 г. (по некоторым источникам смерть Игоря датируется 949 г.), но был отомщен женой, княгиней Ольгой. После смерти Игоря формальным правителем стал его сын, Святослав Игоревич, но поскольку на момент гибели отца ему было всего три года, фактически власть в государстве перешла к княгине Ольге, решительные действия которой склонили на ее сторону княжескую дружину.

В 955 г. Ольга посетила Константинополь и приняла там крещение, крестным отцом ее был император Константин Багрянородный; как отмечено в Повести временных лет, «было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице-матери императора Константина I». Княгиня Ольга-Елена стала не только первой христианкой на Руси, но первой христианкой-правительницей, хотя и народ, и дружина, и сын ее Святослав Игоревич пребывали в язычестве. Очевидно, с ее именем связано и строительство первых христианских церквей в Киеве. Ольга-Елена почитается

как святая с древнейших времен, едва ли не с конца X в., а Житие ее — один из старейших русских памятников этого жанра.

Самостоятельное правление Святослава Игоревича началось около 964 г. Более всего он прославился как полководец: именно при нем состоялись Хазарский и Болгарские походы и война с Византией. В 972 г. при возвращении из Болгарии Святослав был убит печенегами на днепровских порогах.

Сын Святослава Игоревича и ключницы Малуши Владимир Святославич родился приблизительно в 960 г., под присмотром княгини Ольги воспитывался в Киеве, а в 970 г. стал княжить в Новгороде, где его наставником и воеводой был Добрыня. После гибели в 972 г. князя Святослава Киевом управлял Ярополк. В 977 г. разгорелась междоусобная война между Ярополком и его братьями. Удельный древлянский князь Олег, отступая в бою с Ярополком, был раздавлен во рву упавшими лошадьми. Владимир при этом известии бежал к ярлу Норвегии Хакону Могучему. Всею Русью стал править Ярополк Святославич. В Скандинавии Владимир набрал варяжское войско и в 980 г. вернулся в Новгород, выгнав посадника Ярополка. Затем он осадил и взял Киев, где и вокняжился, по летописным данным, в 980 г. Наиболее ранняя «Память и похвала князю Владимиру» монаха Иакова (вторая половина XI в.) содержит более точную дату начала княжения: 11 июня 978 г. По летописным данным, в 987 г. Владимир на совете бояр принял решение о крещении «по закону греческому» и принял крещение в 988 г. с именем Василий, в честь правящего византийского императора Василия II. Этот год традиционно считается годом крещения Русской земли. С этого времени на Руси начинается и «обучение книжное», зачастую

Святослав Игоревич.
Царский титулярник 1672 г.
РНБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 14

Владимир Святославич.
Царский титулярник 1672 г.
РНБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 15

проводившееся насильственно, но уже через поколение вырастившее мастеров и знатоков слова, среди которых самый известный — один из первых русских писателей митрополит Иларион. Скончался князь Владимир 15 июля 1015 г. и был погребен в киевской Десятинной церкви, разрушенной монголами в 1240 г.

В Повести временных лет за 6496 (988) г. сообщается о том, что Владимир Святославич посадил своих сыновей по разным городам. В числе перечисленных сыновей есть и родившийся в 978/979 г. Ярослав Владимирович Мудрый, который в качестве стола получил Ростов. С Ростовским периодом княжения Ярослава связывают возникновение названного по имени князя Ярославля.

Ярослав Мудрый. Царский титулярник
1672 г. РНБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 16

После смерти новгородского князя Вышеслава Владимировича на новгородский престол Владимир сажает Ярослава, где тот и княжит до 1014 г., когда поднял восстание против своего отца. Когда Владимир Святославич умер, Ярослав начал борьбу за киевский престол с братом Святополком, опираясь на новгородцев и наемную варяжскую дружину; в результате он становится великим князем киевским. В 1036 г. он одержал победу над печенегами и этим освободил Древнерусское государство от их набегов. В память о победе над печенегами князь заложил знаменитый собор Святой Софии в Киеве, для росписи которого были вызваны константинопольские художники. При Ярославе Мудром возникли первые русские монастыри. В 1030 г. он основал монастыри Святого Георгия: Юрьев монастырь в Новгороде и Киево-Печерский монастырь в Киеве; повелев по всей Руси «творить праздник» святого Георгия 26 ноября («Юрьев день»). Он издал Церковный устав и «Русскую правду». В 1051 г., собрав епископов, он сам назначил митрополитом Илариона, впервые без участия константинопольского патриарха. Иларион стал первым русским митрополитом. Развернулась интенсивная работа по переводу византийских и иных книг, огромные средства тратились на их переписку. В 1028 г. в Новгороде была основана первая большая школа. При нем появились монеты с надписью «Ярославле серебро», на одной стороне которой был изображен Иисус Христос, на другой — Георгий Победоносец, покровитель Ярослава. Княжение Ярослава Мудрого продолжалось 37 лет. Умер он 20 февраля 1054 г. в Вышгороде в праздник Торжества Православия на руках сына Всеволода и был похоронен в Софийском соборе в Киеве, где и до сих пор стоит его мраморный саркофаг.

Всеволод Ярославич (в крещении Андрей; 1030 — 13 апреля 1093) был князем киевским с 1076 до конца жизни; это первый правитель Киева, использовавший титул «князь всея Руси», отразившийся на его печатях. Всеволод Ярославич был четвертым сыном Ярослава Мудрого и Ингегерды Шведской; по свидетельству Повести временных лет, Ярослав любил Всеволода больше других сыновей. При жизни отца Всеволод не был его наместником в каком-либо городе и жил в Киеве при родителях. В 1054–1073 гг. он княжил в Переяславле, затем в Чернигове и с 1076 г. — Великий князь Киевский. Погребен в Софийском соборе.

Сын Всеволода Ярославича Владимир II Всеволодович (1053 — 19 мая 1125), прозванный по происхождению

Всеволод Ярославич.
Царский титулярник 1672 г.
РНБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 17

Владимир Мономах на престоле в Киеве.
Миниатюра Лицевого летописного свода.
Голицынский том, ч. 1. РНБ, F.IV.225, л. 1 об.

матери Мономахом, — один из наиболее, пожалуй, известных древнерусских деятелей. Детство и юность он провел при дворе отца Всеволода Ярославича, возглавлял отцовскую дружину, осуществлял далекие походы, подавил восстание вятичей, воевал против половцев. В 1076 г. вместе с Олегом Святославичем участвовал в походе в помощь полякам против чехов, также дважды с отцом и Святополком Изяславичем — против Всеслава Полоцкого. Был смоленским князем, а в 1078 г., после вокняжения Всеволода Ярославича в Киеве, получил Чернигов. В 1093 г. после смерти отца имел возможность занять киевский престол, но, не же-

Нестор пишет Повесть временных лет.
Миниатюра Лицевого летописного свода.
Голицынский том, ч. 1.
РНБ, F.IV.225, л. 18 об.

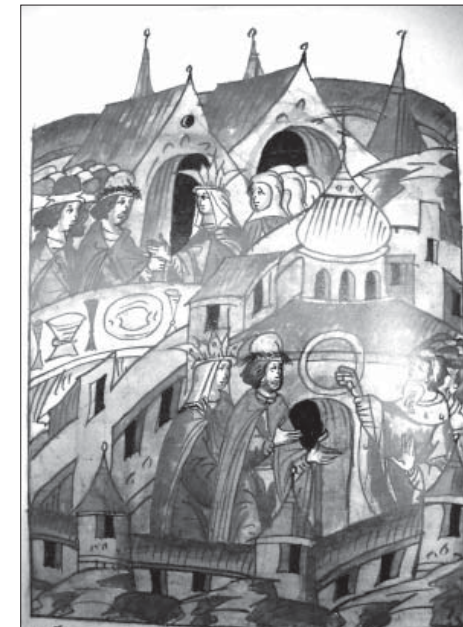
Юрий Долгорукий идет на Новгород.
Миниатюра Лицевого летописного свода.
Голицынский том, ч. 1.
РНБ, F.IV.225, л. 145 об.

лая войны, добровольно уступил это право двоюродному брату Святополку, сказав: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». Сам же остался княжить в Чернигове, но сохранил свою власть в Ростове и распространил ее на Смоленск. Ему удалось не допустить замены своего сына Мстислава в Новгороде сыном Святополка (1102) и тем самым нарушить традицию, по которой в Новгороде княжил старший сын киевского князя. В 1094 г. Владимир вел войну со вступившими в союз половцами и Олегом Святославичем, которому вынужден был уступить Чернигов. Город не был взят Олегом и половцами, Владимир сам сдал его, потому что ждать помощи было неоткуда, сказав при этом следующую фразу: «Не хвалится поганым!»¹. В 1094–1113 гг. был князем переяславским. После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича в Киеве вспыхнуло народное восстание; верхи киевского общества призвали на княжение Владимира Мономаха (4 мая 1113 г.). Став киевским князем, он подавил восстание, но в то же время вынужден был законодательным путем несколько смягчить положение низов. Так возник «Устав Владимира Мономаха» или «Устав о резах», который вошел в состав пространной редакции «Русской Правды».

¹ Поучение Владимира Мономаха.

Всеволод Большое Гнездо.
Царский титулярник 1672 г.
РНБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 24

Свадьба Всеволода Большое Гнездо.
Миниатюра Лицевого летописного
свода. Голицынский том, ч. 1.
РНБ, F.IV.225л. 268 об.

В 1116–1117 гг. по поручению Владимира Мономаха Нестором (Сильвестром), монахом Киево-Печерского монастыря, была создана вторая редакция Повести временных лет, дошедшая до наших дней.

Шестым сыном Владимира Мономаха был Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий (1090-е гг. — 15 мая 1157), традиционно считающийся основателем Москвы (1147). С 1113 г. он был правителем Ростово-Суздальского княжества, которое оставил за собой и до конца жизни. Юрий Долгорукий построил ряд городов и крепостей, в том числе Дубну, Переславль-Залесский, Кострому, Дмитров и Юрьев-Польский. Существует легенда о том, что в 1152 г. он также основал Городец. С марта 1152 г. Юрий Владимирович был Великим князем Киевским.

Десятый, самый младший сын Юрия Долгорукого, брат Андрея Боголюбского Всеволод Юрьевич (1154 — 15 апреля 1212) имел произвище Большое Гнездо — как следствие своего большого потомства, десять детей, среди которых было восемь сыновей. После кратких периодов княжения в Киеве и Переяславле Всеволод Юрьевич в 1176 г. занимает престол в Великом княжестве Владимирском, на котором остается вплоть до смерти в 1212 г. Время его правления — период наивысшего подъема Владимиро-Суздальской земли, чему причиной стала опора на новые города (Владимир, Переславль-Залесский, Дмитров, Городец, Кострому, Тверь), где

боярство было относительно слабым, а также опора на дворянство. Всеволод Большое Гнездо прославился своими победоносными походами, как междоусобными, так и против мордвы, Волжской Булгарии и половцев.

В «Слове о полку Игореве» отмечено, что его войско «Волгу может веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать». Расширение и влияние Владимиро-Суздальского княжества на Северо-Востоке Руси прекращаются со смертью Всеволода Юрьевича. Вместо него образуются удельные княжества, возглавляемые сыновьями Всеволода: Суздальское, Переяславское (с Тверью, Дмитровом), Ростовское (с Белоозером, Устюгом), Ярославское, Угличское, Юрьевское, Стародубское. Последнее поделили между собой братья Владимир Всеволодович и Иван Всеволодович.

Со смертью Всеволода Большое Гнездо прекращается и великокняжеская, наиболее отвлеченная часть истории нашей семьи; прямые же родоначальники Ромодановских — обособившиеся в первой четверти XIII в. князья

Стародубские

Первым стародубским князем был Иван Всеволодович, седьмой сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, получивший в удел от брата своего, великого князя Ярослава, в 1238 г. Стародуб Владимирский на реке Клязьме (ныне Клязьминский Городок Ковровского района Владимирской области), который только что был razoren татарами.

Юрий Долгорукий стоит у стен Стародуба. Миниатюра Лицевого летописного свода. Голицынский том, ч. 1. РНБ, F.IV.225, л. 205 об.

Стародубское удельное княжество, по-видимому, имело самостоятельный статус в XIII–XIV вв., а в XV–XVI вв. стало находиться в составе и подчинении сначала Владимирского великого княжества, а затем — великого княжества Московского. Первое летописное упоминание о Стародубе Владимирском относится к началу XIII в. Иван Всеволодович правил Стародубским княжеством девять лет, до своей смерти в 1247 г.

После этого Стародубское княжество перешло к сыну Ивана Всеволодовича Михаилу, а после Михаила в 1281 г. — к его сыну Ивану-Каллистрату. Далее Стародуб последовательно переходил к наследникам Ивана Всеволодовича. В 1354–1356 гг. Стародубский стол занял Иван Федорович,

«Стольный град Стародуб на Клязьме»

сын Федора Ивановича Благоверного, правнука Ивана Всеволодовича. В 1363 г. удельное княжество Стародубское перешло к брату Ивана Федоровича — Андрею, который и владел им вплоть до своего последнего упоминания в летописях в 1380 г. Согласно родословным, он имел четырех сыновей: Василия, Федора, занявшего Стародубский удел после смерти отца, Ивана, по прозвищу Нагавица-Ряполовский, и Давида, по прозвищу Палица.

Стародуб

После смерти Андрея Федоровича Стародубское удельное княжество раздробилось на несколько более мелких самостоятельных уделов, которые продолжали группироваться вокруг «старейшинствующего» Стародубского удела. Какие это были уделы, и какие территории бывшего Стародубского княжества входили в их состав, подробно изложено в работе В. А. Кучкина.² А от Васи-

² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 256–263.

лия, Федора, Ивана и Давида Андреевичей Стародубских пошли несколько самостоятельных княжеских родов.

Так, Иван Давидович Стародубский стал основателем рода князей Палицких, Дмитрий Давидович — князей Тулуповых, а Федор Давидович — князей Пестрых, впоследствии князей Гундоровых. Василий Андреевич Стародубский стал основателем рода князей Пожарских, Иван Андреевич — князей Ряполовских, которые позже распались на ветви князей Татевых, Хилковых и Стригиных.

Погибший за православную веру в Орде, от рук хана Узбека, Федор Андреевич Стародубский имел пятерых сыновей, двое из них, Иван Большой и Петр, остались бездетными. Иван Федорович Меньшой стал князем Голибесовским, основоположником родов князей Гагариных и Небогатых. От Федора Федоровича происходят князья Кривоборские, Льяловские, Ковровы, Осиповские и Неучкины.

От потомка Рюрика в XVI колене, князя Василия Федоровича Стародубского-Ромодановского, жившего в середине XV века, ведут свой род князья

Ромодановские

Фамилия Ромодановские образована от названия родовой вотчины Ромоданово — села, расположенного к востоку от Стародуба, неподалеку от современного Коврова. Видимо, Василий Федорович Стародубский-Ромодановский был первым и последним ромодановским князем: его дети перешли на московскую службу, фамильная вотчина не сохранилась.

Правда, существует легенда, согласно которой в конце XVII в. князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский построил в семейной вотчине сохранившуюся до наших дней церковь, однако, скорее всего, речь должна идти о принадлежавшем Ромодановским позже другом селе Ромоданово, в котором действительно до сих пор существует и действует церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Сейчас это «второе» Ромоданово входит в городскую черту Калуги. Церковь в Ромоданове, построенная в 1680–91 гг., — древнейшая из сохранившихся в черте современной Калуги после храма Покрова на Рву (1685 г.).

Фамильный герб рода Ромодановских. Описание герба: Щит рассечен на три и разбит на две части; на среднем, серебряном, щите виден медведь у корня дуба. Затем в первой и шестой частях изображены дуб в серебряном поле, во второй и пятой в золотых полях: в первой — идущий

влево черный медведь, в последней — стародубский князь, держащий в левой руке посох, и, наконец, третья и четвертая части заняты изображением вооруженной мечом руки. Герб покрыт княжеской горностаевой мантией и российско-княжеской шапкой.

[1134]

Калуга. Ромоданово

Очевидно, к позднейшим фамильным именам рода Ромодановских относится основанное в 1535 г. село Ромоданово в Мордовии (ныне — центр Ромодановского района Мордовии, в 30 км от Саранска), деревня Ромоданово в современном Глинковском районе Смоленской области, село Ромоданово в Рыбновском и село Ромоданово — в Старожиловском районе, оба — в Рязанской области... Это только из топонимических наименований, сохранившихся на сегодняшних картах. По всей вероятности, эти названия вторичны: образованы от уже существовавшей фамилии. Название изначального родового имени имеет явно

тюркское происхождение — вероятнее всего, возникло оно от названия мусульманского праздника рамадан во время татаро-монгольского завоевания.

Известно, что у Василия Федоровича Ромодановского-Стародубского было семь сыновей: Василий, Иван, Семен, Юрий, Федор, Михаил и Борис. Василий, Иван и Семен Васильевичи были боярами царя Ивана III.

Церковь в Ромоданово

[1135]

Князь Василий Васильевич Ромодановский, старший сын Василия Федоровича, в 1490 г. ездил послом в Крым, откуда вернулся 16 ноября 1491 г. В 1492 г. он был вторым воеводой полка правой руки великокняжеского войска в Северной земле, охранявшем границу Литовско-Польского государства. В 1495 г. в составе великокняжеского посольства сопровождал старшую дочь Ивана III Елену Ивановну на бракосочетание с великим князем Литовским Александром, сыном Казимира-Ягеллона. В 1496 г. князь В. В. Ромодановский принимал участие в Шведском походе на Финляндию, будучи вторым воеводою передового полка, а в 1498 г. был отправлен послом в Вильну вместе с дьяком Василием Кулешиним. В сентябре 1498 г. был воеводою передового полка в походе на Казань. В 1501 г. князь В. В. Ромодановский был воеводою сторожевого полка в походе к Мстиславию. В декабре 1502 г. великий князь снова снарядил поход северских служилых князей на Литовскую землю, причем князь В. В. Ромодановский опять был воеводою сторожевого полка, а в сентябре 1507 г. в таком же походе князей Северских — 3-м воеводою полка правой руки. Князь В. В. Ромодановский в 1501 г. был пожалован окольничим. В старости он удалился в московский Богоявленский монастырь и принял монашество с именем Вассиана. О высоком положении старца Вассиана Ромодановского свидетельствуют монастырские акты — в купчей монастыря на село в Волоцком уезде его имя упоминается сразу же за именем игумена Геннадия. Вероятно, Вассиан был одним из «соборных» старцев, принимавших участие в управлении монастырем, совместно с игуменом. Скончался в 1512 г.

Второй сын В. Ф. Ромодановского-Стародубского, Иван Васильевич, известный также по прозвищам «Лихач» и «Теляша», в 1485 г. вместе с князем Василием Ивановичем Шиха Оболенским, Юрием Захарьевичем Кошкиным и князем Семеном Романовичем Ярославским был во главе русского войска в походе на Казань. В Казанском походе 1487 г. И. В. Ромодановский командовал судовой ратью. В 1495 г. князь Иван Васильевич Ромодановский вместе с другими князьями и детьми боярскими сопровождал великого князя Ивана III во время его поездки из Москвы в Великий Новгород. В 1513 г. во время второго похода великого князя московского Василия III Ивановича на Смоленск князь Иван Васильевич Ромодановский, будучи вторым из «князей и детей боярских», был оставлен «на Москве» с крещенным казанским царевичем Петром Ибрагимовичем. Неоднократно назначался наместником трети Московской (1507, 1511, 1512, 1515–1516 гг.). В конце жизни, по примеру брата, удалился в Богоявленский монастырь, однако не принял пострига и жил в обители мирянином. Умер в 1520 г.

Известно, что их младший брат, Семен Васильевич Ромодановский, также выполнял дипломатические поручения: был послом в Крыму в 1498 г. Дипломатическое поприще стало «фамильным» для Ромодановских: князь Антон Михайлович Ромодановский был в 1562 г. послом в Копенгагене, князь Иван Петрович Ромодановский был послом в Персии и, возвращаясь оттуда, убит калмыками в Астрахани в 1607 г. Как и все княжеские династии, не оставляли Ромодановские и военную карьеру.

Несмотря на то, что с середины XVI века, как отмечают современные историки, Ромодановские пребывали «в фазе нарастающего упадка»³, за более чем столетнее существование фамилии ее носителей насчитывалось уже несколько десятков. Судить об этом позволяют данные многочисленных синодиков, в том числе и монастырских: Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева. В Троице-Сергиевом монастыре Ромодановские неоднократно делали вклады.⁴ Единую историю рода с середины XVI века, действительно, проследить трудно, поэтому я ограничусь написанием о нескольких наиболее известных представителях фамилии.

Князь Григорий Петрович Ромодановский был старшим сыном князя Петра Борисовича Меньшого Ромодановского, внуком князя Бориса Васильевича и правнуком князя Василия Федоровича Стародубского-Ромодановского. В 1586 и 1587 гг. Г. П. Ромодановский был первым воеводой в Михайлове, в 1587–1588 гг. — первым воеводой в Воронеже. В 1590–1591 гг. он — второй воевода полка левой руки при князе Андрее Ивановиче Голицыне в Кашире, позже оставлен воеводой полка левой руки. В 1591 г. по росписи полковых воевод в Новгороде Григорий Петрович был назначен первым воеводой сторожевого полка. Его товарищем и вторым воеводой сторожевого полка был объявлен князь Михаил Михайлович Путятин. В декабре 1591 г. по новой полковой росписи Г. П. Ромодановский был назначен первым воеводой передового полка. В 1592 г. он ходил с передовым полком из Орешка в Тесов, а оттуда водил к Выборгу сторожевой полк. В 1595 г. — второй воевода передового полка в Дедилове, а в 1596 г. — первый воевода в Ливнах. В мае-июне 1597 г. Григорий Ромодановский был «приставом» у австрийского посланника. Позже Григорий Ромодановский был назначен третьим воеводой полка левой руки на южнорусской границе. В 1598 г. царь Борис Годунов послал его в Тулу с большим полком вторым воеводой в связи с получением известий из Шацка и Воронежа о движении крымского хана Гази Герая к южной границе, в сентябре прислан в Белев первым воеводой. В 1598–1599 гг. князь Григорий Петрович Ромодановский вместе с князем Григорием Константиновичем Волконским был отправлен на воеводство в Белгород, где пробыл до 1601–1602 г. В 1601 г. Григорий Петрович ходил «по крымским вестем» к Туле с большим полком третьим воеводой. В 1602 г. участвовал во встрече датского королевича Иоганна, жениха царской дочери Ксении Борисовны Годуновой. В том же году был назначен первым воеводой сторожевого полка в Орле. Его заместителем и вторым воеводой стал князь Даниил Михайлович Барятинский. Оттуда Григорий Петрович был отправлен на Северный Кавказ, где занимался строительством крепости Терки. В мае 1606 г. Г. П. Ромодановский принимал участие в заговоре против самозванца Лжедмитрия I и его сторонни-

³ Назаров В. Д. Князья Ромодановские во второй половине XV — середине XVI в. (фамильный портрет в родовом интерьере и социополитическом контексте) // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. СПб., 2002. С. 56.

⁴ За сведения о синодиках и справки по Вкладной книге Троице-Сергиевой лавры я приношу сердечную благодарность Ольге Андреевне Белобровой.

ков. В том же году был пожалован новым царем Василием Шуйским в окольничие. В январе 1608 г. во время свадьбы Василия Шуйского с Марией Буйносовой-Ростовской Григорий Ромодановский был назначен «ездить дозирать по воротам в Кремле». Участвовал в военных действиях против Лжедмитрия II и его сторонников. В 1609 г. Г. П. Ромодановский был воеводой в Кашире. В 1610 г. после разгрома русской армии в битве под Клушином многие города стали отпадать от Василия Шуйского и переходить на сторону тушинского вора. Коломенские воеводы князя Михаил Туренин и Федор Долгоруков стали отправлять грамоты по другим городам, призывая местных жителей присягнуть на верность Лжедмитрию. Каширцы принесли присягу самозванцу. Каширский воевода князь Григорий Ромодановский, сохранивший верность царю Василию Шуйскому, отказывался присягать тушинскому вору и едва не был убит. Каширцы схватили своего воеводу и силой заставили его принести присягу на верность самозванцу. Однако в июле 1610 г., после свержения царя Василия Шуйского и вступления польского войска в Москву, окольничий Григорий Петрович Ромодановский принес присягу на верность польскому королевичу Владиславу. В 1611–1612 гг. во время осады Москвы первым и вторым земскими народными ополчениями Г. П. Ромодановский находился в столице. Он был первым заместителем боярина Федора Ивановича Шереметева, который руководил Казенным двором. Кроме того, Григорий Ромодановский входил в русско-польскую комиссию, которая была создана, чтобы «чинить суд и расправу» в случае возникновения спорных дел между москвичами и поляками. В 1613 г. князь Григорий Петрович Ромодановский подписал грамоту об избрании на русский царский престол Михаила Федоровича Романова. В 1614 г. был отправлен в Ливны для посольского размена с Крымским ханством. Г. П. Ромодановскому было поручено сопровождать посла князя Григория Волконского и дьяка Петра Евдокимова. В 1615 г. Григорий Петрович Ромодановский был пожалован в бояре. В 1615–1616 гг. отправлен из Москвы в Казань, чтобы расследовать дело о черемисском мятеже. Его помощниками были думный дворянин Кузьма Минин и дьяк Марко Поздеев. В 1618 г. боярин Григорий Петрович Ромодановский принимает участие в руководстве обороной Москвы, осажденной польско-литовской армией под командованием королевича Владислава. Во время осады князь Григорий Ромодановский руководил обороной Никитских ворот, а также прилегающим участком от Никитских до Тверских ворот. Его помощниками были воевода Федор Пушкин, Дмитрий Аверкиев и дьяк Иван Мизинов. В сентябре 1618 г. Григорий Ромодановский присутствовал на Земском соборе в Москве. В феврале 1619 г. боярин князь Григорий Ромодановский вместе с князем Иваном Федоровичем Волконским был назначен в Московский судный приказ. В 1622 г. Г. П. Ромодановский был отправлен в Кострому, чтобы разбирать дворян и детей боярских, «кому мочно быть на государевой службе по вестям литовским». В январе 1623 г. отправлен на воеводство в Великий Новгород, где находился три года. В апреле 1626 г. Григорий Петрович Ромодановский присутствовал у царского стола. Во время мирных переговоров со Швецией Г. П. Ромодановский получил разрешение именоваться наместником брянским. Боярин князь Григорий Петрович Ромодановский, находясь в Москве, принимал

участие в придворной жизни. В августе 1619 и мае 1620 гг. он в составе других бояр и вельмож оставался ведать столицу во время отсутствия царя. Много раз приглашался на торжественные обеды у царя (март и июнь 1619, апрель 1620, апрель, май, август и сентябрь 1621, апрель, июнь, июль и сентябрь 1622, июль 1626 и сентябрь 1627 г.) и патриарха (август и декабрь 1622 г.). В 1623–1626 гг. воевода Новгорода. В 1628 г. боярин князь Григорий Петрович Ромодановский скончался.

Князь Василий Большой Григорьевич Ромодановский был вторым сыном князя Григория Петровича. Прозвище «Большого» получил в отличие от своего младшего брата — боярина князя Василия Меньшого Григорьевича Ромодановского. В 1613 г. Василий Большой Григорьевич с дворянином Ларионом Суминым был направлен в Псков на межевание русско-литовской границы. Во время этого межевания у князя Ромодановского с Суминым произошла ссора в съезжей избе. Сумин упрекнул князя Ромодановского, сказав, чтобы он «не государился и не воцарялся, что и брат его (Ромодановского), князь Дмитрий Пожарский, воцарялся, и стало ему это в 20000 рублей». На допросе Сумин отказался от своих слов, но свидетели их подтвердили. Князь Ромодановский за это «бил челом государю» на Сумина. В 1616 г. В. Г. Ромодановский был назначен первым воеводой в Ельце. В январе 1618 г. князь Ромодановский был на приеме персидских послов и после «ответа у бояр» персидского посла «ездил со столом к послу от государя». В 1619 г. был назначен первым воеводой «прибыльного» полка, стоявшего в Мценске. В 1620 г. был назначен первым воеводой передового полка в Дедалове. В 1623 г. В. Г. Ромодановский назначен первым городовым воеводой в Путивль, а в 1625–1626 г. — в Торопец, где оставался, вероятно, до 1628 г., так как уже в мае был в Москве, где 28 мая (7 июня), во время «похода на богомолье» государя Михаила Федоровича в Троице-Сергиев монастырь, «днем и ночевал на государевом дворе» с боярином Федором Шереметевым, причем в списке ночевавших стольников поставлен на первом месте. В декабре 1630 г. был назначен воеводой в Брянск. В 1634 г. князь Василий Григорьевич принимал участие в приеме государем Алей-Аги, посла турецкого султана Мурада IV. В августе 1634 г., после заключения мира с Польшей, князь Василий Ромодановский с дворянином Ларионом Суминым и дьяком Дмитрием Прокофьевым был назначен в Великие Луки. Производя межевание границ от Псковской области до Великих Лук, князь Ромодановский, сносясь с Москвой, в бумагах оскорблял имя князя Алексея Львова, делая это вопреки наказу, который повелевал писать: «по договору послов, боярина и наместника Псковского Федора Ивановича Шереметева и боярина и наместника Суздальского князя Алексея Михайловича Львова», а не: «боярин и наместник Псковской Федор Иванович Шереметев с товарищи». В этом было усмотрено унижение боярина князя Львова, и князь Ромодановский был посажен в тюрьму. В 1635 г. во время встречи послов польского короля Владислава IV Александра Песочинского и Льва Сапегы, князь Василий Большой Григорьевич был головою у 12 стольников. Когда 12 (22) марта послы после приема были приглашены к столу, данному в их честь, князь Ромодановский был в числе стольников, которые «пред Государя пить носили». В 1637 г. князь Ромодановский был назначен воеводой большого полка Рязанского разряда. В 1639 г. стольник князь

Ромодановский был назначен первым воеводой в Веневе, а в 1640–1641 г. — первым воеводой в Вязьме, где он пробыл, вероятно, до 1643 г. 28 января (7 февраля) 1644 г. во время приема датского королевича Вальдемара с послами, князь Василий Ромодановский был назначен первым из двух стольников кривого стола. Ромодановский был в числе стольников, несших тело царевича Ивана Михайловича, скончавшегося 9 (19) января 1639 г., и тело царевича Василия Михайловича, скончавшегося 4 (25) марта 1639 г., а также несколько раз среди стольников и других чинов Московских назначаем был «дневать и ночевать у гроба царевичей».

Князь Петр Григорьевич Ромодановский — четвертый сын Г. П. Ромодановского. Впервые упоминается в 1618 г., когда он в чине рынды участвовал в приеме шведского посольства. В сентябре 1624 г. в звании стольника Петр Ромодановский присутствовал на первой свадьбе царя Михаила Федоровича с Марией Федоровной Долгоруковой. В 1625 г. стольник князь Петр Григорьевич Ромодановский присутствовал при приеме кызылбашского посла Русам-бека. В 1630 г. находился во время приема шведского посланника в Золотой палате, в том же году присутствовал при отпуске турецкого посла Фомы Кантакузена. В 1631 г. П. Г. Ромодановский часто упоминается в дворцовых разрядах при приемах и отпуске иностранных послов. В 1634–1635 гг. был на воеводстве в Курске. В мае 1638 г. Петр Ромодановский был головой у стряпчих и в составе боярской делегации встречал за Калужскими воротами крымского посла. В феврале и марте 1639 г. «дневал и ночевал» у гробов царевичей Ивана Михайловича и Василия Михайловича. В 1644 г. находился на воеводстве в Брянске. В январе 1648 г. Петр Григорьевич Ромодановский присутствовал на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской. В 1650 г. был воеводой в Веневе. В 1654 г. участвовал в первом походе Алексея Михайловича на Великое княжество Литовское. Находился в царском полку «у огней головою». В следующем, 1655 г. стольник князь Петр Ромодановский принимал участие во втором царском походе на Великое княжество Литовское, находился в царском полку. Год смерти князя Петра Григорьевича Ромодановского не известен.

Князь Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский — пятый сын Г. П. Ромодановского. Он начал свою службу стольником при дворе царя Михаила Федоровича. В 1625 г. участвовал при отпуске кызылбашского посла, в 1630 — при приеме шведского посланца Антона Монира. В 1627, 1630 и 1631 г. исполнял обязанности рынды при царском дворе. Во время «стола у государя», дававшегося в честь иностранных послов, Василий Меньшой находился в числе стольников, которые «есть ставили пред государя» (1619, 1623, 1625, 1630 и 1631 гг.). В 1632 г. князь Василий Григорьевич Меньшой Ромодановский был отправлен воеводой в Рыльск, где принял участие в русско-польской войне 1632–1634 гг. В марте и мае 1635 г. Василий Меньшой участвовал в торжественных церемониях при царском дворе, был во время «царского стола», вместе с другими стольниками «есть ставил пред государем». В 1635 г. назначен первым воеводой в Терский город, где находился на воеводстве до 1637–1638 гг. В 1640 г. «по крымским вестям» был назначен первым воеводой в Венев. В 1641–1642 гг. Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский был на воеводстве в Воронеже, где находился до 1644 г. 11 октября 1645 г. назначен вторым

судьей во Владимирском судном приказе при боярине Иване Васильевиче Морозове. 20 марта 1646 г. пожалован в окольничие. 25 декабря 1646 г. в чине окольничего был приглашен к царскому столу, 11 апреля 1647 г. — к столу патриарха, 28 июля — к столу государя в Новодевичьем монастыре. В 1648 г. окольничий Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский был вторым дружкой на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марией Милославской, а его жена Евдокия Афанасьевна — второй свахой со стороны царя. В 1648–1650 гг. Василий Меньшой Ромодановский был на воеводстве на Двине. В 1650, 1651 и 1652 гг. сопровождал царя Алексея Михайловича во время «походов на богомолье» по монастырям и подмосковным селам. 5 апреля 1652 г. В. Г. Ромодановский с тремя боярами и двумя окольничими по царскому распоряжению встречал тело умершего патриарха Иова. В 1652–1653 гг. находился на воеводстве во Пскове. В феврале 1654 г. был назначен судьей в Пушкарский приказ, а с сентября 1654 г. работал в Челобитном приказе. 12 февраля 1655 г. Василий Григорьевич вместе со своим сыном Дмитрием участвовал в приеме антиохийского патриарха Макария в Москве. 25 февраля 1655 г. пожалован царем из окольничих в бояре. 11 марта 1655 г. Василий Ромодановский был назначен первым воеводой в Астрахань; там он вступил в переговоры с калмыцкими тайшами и привел их в царское подданство, что было высоко отмечено царем Алексеем Михайловичем. В сентябре 1661 г. боярин Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский был вторично назначен в Пушкарский приказ. В октябре того же 1661 года за «калмыцкую службу» был приглашен к царскому столу, где получил большие награды (шубу «атлас золотой, по червленой земле», в 270 рублей, кубок, придачу к окладу 100 рублей и 6000 ефимков). В 1662 г. во время царских походов на богомолье В. Г. Ромодановский был дважды оставлен в Москве (первый раз с боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким, а во второй раз — с боярином князем Федором Федоровичем Куракиным). В 1665 г. по царскому указу отправлен на воеводство в Великий Новгород, где провел три года. В марте 1668 г. вернулся в Москву. 8 июня 1668 г. по случаю именин царевича Федора Алексеевича князь Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский был «у стола государя». 6 июля 1669 г. вместе с думными дворянами, дьяком и стольниками «дневал и ночевал» у гроба царевича Симеона Алексеевича. 3 октября 1671 г. боярин князь Василий Меньшой Григорьевич Ромодановский скончался.

Князь Иван Меньшой Иванович Ромодановский — младший сын князя Ивана Петровича Ромодановского († 1607). Получил прозвище «Меньшой» в отличие от своего старшего брата Ивана Большого Ромодановского, погибшего в 1610 г. в битве с польско-литовской армией Станислава Жолкевского под Клушином. В 1616 г. Иван Меньшой Иванович Ромодановский получил чин царского стольника. В 1624 г. в числе 70 стольников присутствовал на свадьбе царя Михаила Федоровича с княжной Марией Владимировной Долгоруковой. В мае 1625 г. Иван Ромодановский присутствовал во время приема персидского посольства, «сидел в золоте», а во время царского обеда, данного в честь послов, «носил пить перед государем». В 1626 г. был в числе поезжан во время второй свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. В марте 1628 г. князь Иван Иванович Ромодановский

был назначен в «украинном разряде» первым воеводой сторожевого полка в Крапивну. В ноябре 1628 г. И. И. Ромодановский, призванный ко двору в Москву, находился при царе в чине стольника. В 1633 г. был назначен первым воеводой большого полка в Туле. 2 мая, 22 июля и 2 августа 1633 г. тульский воевода князь Иван Иванович Ромодановский отразил три татарских набега. В награду получил от царя поместье и прибавку к денежному окладу. В январе 1635 г. Иван Иванович был назначен первым воеводой в Томск, где находился до февраля 1639 г., когда вновь был призван ко двору. В январе 1642 г. Иван Ромодановский принимал участие в работе Земского собора в Москве, где было принято решение об уступке туркам Азова, захваченного в 1637 г. донскими казаками. В 1645 г., после смерти царя Михаила Федоровича и вступления на царский трон Алексея Михайловича, князь Иван Иванович Ромодановский получил поручение привести к присяге на верность новому царю жителей Верхотурья, а также окрестное татарское и вогульское население. 27 ноября 1647 г. И. И. Ромодановский был пожалован из стольников в окольничие. В том же году по царскому приказу отправлен в Тамбов, где руководил строительством укрепленных сооружений вокруг крепости. 16 января 1648 г. присутствовал на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской, где «ходил перед государем». 7 апреля во время царской поездки в село Покровское Иван Ромодановский был оставлен «на Москве». В мае ехал перед царем «по станом» во время поездки Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь. В ноябре 1648 г. И. И. Ромодановский был отправлен в Тверь «разбирать дворян и детей боярских, и жалованье им давать и новиков верстать». В ноябре 1649 г. сопровождал царя во время его поездки в Можайск. 1 апреля 1650 г. Иван Иванович Ромодановский был приглашен царем Алексеем Михайловичем к царскому столу, на именины царицы Марии Ильиничны. Однако Иван Ромодановский заместничал с окольничим Василием Бутурлиным, отказавшись сесть ниже него. Царь Алексей Михайлович решил дело в пользу Василия Бутурлина и приказал заключить Ивана Ромодановского в тюрьму на два дня. 7 апреля Иван Ромодановский вместе с Василием Бутурлиным был приглашен к столу патриарха Иосифа, но вновь отказался сесть ниже Бутурлина и бил челом царю. Алексей Михайлович приказал дьяку Семену Заборонскому посадить князя И. И. Ромодановского «под Бутурлиным» силой. И. И. Ромодановский был силой посажен на патриарший стол, но упал со скамьи, был поднят и силой удержан руками за столом. В наказание царь приказал выдать Ивана Ромодановского головой Василию Бутурлину. 22 мая 1650 г. сопровождал царя во время поездки в Троице-Сергиев монастырь, а в сентябре — в Звенигород. В 1654–1655 гг. князь Иван Иванович Ромодановский находился на воеводстве в Яблоне, ему были подчинены воеводы других украинских городов. Получил поручение следить за действиями крымских татар, ногайцев, поляков и Богдана Хмельницкого. В апреле 1657 г. на именины царицы Марии Ильиничны князь Иван Иванович Ромодановский был пожалован из окольничих в бояре. 25 сентября 1658 г. был у царя за столом в Троице-Сергиевом монастыре. В марте 1675 г. боярин князь Иван Иванович Ромодановский скончался и был похоронен патриархом Иоакимом в Георгиевском монастыре в Москве.

Князь Григорий Григорьевич Ромодановский родился в семье боярина князя Григория Петровича Ромодановского. В составе посольства Василия Бутурлина участвовал в Переяславской раде 1654 г. в чине стольника. В 1654–1659 гг. один из воевод русской армии в войне против Польши. В 1654 г. был назначен головой жильцов в составе Государева полка царя Алексея Михайловича при походе на Смоленск. В августе 1654 г. князь Григорий Григорьевич из-под Смоленска был послан под Дубровну в составе отряда стольника князя Федора Куракина из семи сотен жильцов. В начале 1655 г. князь Григорий Григорьевич был в Москве, где 12 (22) февраля принимал участие во встрече Антиохийского Патриарха Макария. 1 (11) марта с боярином Василием Бутурлиным был назначен в Белую Церковь командовать войсками, действовавшими совместно с гетманом Войска Запорожского Богданом Хмельницким. В ноябре 1655 г. Г. Г. Ромодановский сражался в битве под Озерной. В 1656 г. князь вновь был в Москве. 29 апреля (9 мая) пожалован в окольничие и приглашен к государеву столу. За службу князь был пожалован шубой «атлас золотной», кубком и деньгами. После этого окольничий князь Ромодановский был назначен воеводой «на государеву службу в Белгород и быть в Белгороде от приходу Крымского царя и Крымских людей». Проявил себя как выдающийся полководец во время русско-польской войны 1654–1667 гг. В 1665 г. пожалован в бояре. Одержал победу в 1670 г. над войсками Степана Разина в бою под Котояком, за что был удостоен «милостивого слова» от царя Алексея Михайловича и посланный к Григорию Григорьевичу стольник Михаил Васильевич Приклонский передал князю, что государь велел «спросить вас о здоровье вашем, жалует вас за службу вашу и похваляет». Командовал войсками во время чигиринских походов в русско-турецкой войне 1676–81 гг.; затем нес службу при дворе. В 1682 г. князь Григорий Григорьевич Ромодановский участвовал в Соборе, созванном царем Феодором Алексеевичем по вопросу местничества, и подписался под «соборным деянием» об уничтожении местничества. Г. Г. Ромодановский был убит во время московского восстания 1682 г. Стрельцы схватили князя между патриаршим двором и Чудовым монастырем в Кремле, напротив Посольского приказа. По описанию современника, «ведуще его за власы и браду, зело ругательно терзаху и по лицу бивше», а после они подняли его на копья, а затем, опустив на землю, зарубили.

Князь Андрей Григорьевич Ромодановский — старший сын боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского. В 1668 г. князь Андрей, находясь под командованием отца, участвовал в военных действиях русской армии против правобережного гетмана Петра Дорошенко, был взят в плен крымскими татарами. Был доставлен в Крым, где его заключили в крепость Чуфут-Кале. Здесь Андрей Григорьевич Ромодановский содержался в тюремном заключении с боярином Василием Борисовичем Шереметевым, который относился к нему с большим сочувствием. В 1674 г. московский воевода на Украине князь Григорий Григорьевич Ромодановский писал царю Алексею Михайловичу о бедственном положении Севского и Белгородского полков и о своих семейных невзгодах: «Сынишка мой Мишка служит шесть лет без перемены, а другой мой сынишка Андрюшка, за тебя разлив свою недозрелую кровь, в томительной нужде в Крымском плену, в кандалах, живот свой мучит седьмой год». Осенью 1681 г. после заключения Бахчисарайского мирного

договора между Русским государством и Крымским ханством знатные московские пленники Василий Шереметев и Андрей Ромодановский были выкуплены из татарского плена. В 1682 г. боярин князь Андрей Григорьевич Ромодановский подписался в грамоте Земского собора об отмене местничества. В мае 1682 г. во время стрелецкого бунта восставшие стрельцы умертвили боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и его старшего сына Андрея.

Князь Михаил Григорьевич Ромодановский (1653–30.01.1713) — младший сын Григория Григорьевича Ромодановского. С 1665 г. стольник, в 1669 г., 16-ти лет от роду, удостоился чести «днествовать и ночевать» у гроба царевича Симеона Алексеевича. Затем находился на службе при отце, белгородском воеводе, участвовал с ним в Чигиринском походе против турок (1678 г.), в том же году пожалован в бояре. С 1679 г. состоял при дворе царя Федора Алексеевича, затем — Петра I, входил в круг ближайшего окружения царя, был членом «Всеппянейшего собора» и носил ироничное прозвище «Преосвященный Мишура». В 1685–1687 гг. воевода во Пскове. В 1688 г. назначен во Владимирский Судный приказ, в 1689–1692 гг. был воеводой в Киеве. В 1697 г. направлен Петром I в Великие Луки, где возглавил полки, стоявшие на Литовской границе, в готовности двинуться в помощь саксонскому курфюрсту, избранному польским королем. В 1698 г. в связи с благоприятным разрешением дел корпус был переведен в Торопец, что вызвало недовольство стрельцов, надевавшихся, что их вернут в Москву. М. Г. Ромодановскому пришлось усмирять восставших стрельцов и участвовать в судебном разбирательстве над ними. В связи с подозрением в сочувствии к стрельцам был отстранен от дел и сослан в родовое имение на Клязьме. Но уже в 1699 г. ему удалось снять с себя подозрения. Петр I привлек его к составлению нового Уложения, в том же году он сопровождал Петра I в Воронеж. В 1703 г. командовал войсками Белгородского разряда, за Сумской поход получил похвальную грамоту. В 1705–1707 гг. заведовал Провиантским приказом. В 1711 г. собирал дворянские полки в Путивле в связи с нарушением мира с Турцией. Указом от 23 января 1712 г. назначен Московским губернатором. Погребен в Богоявленской церкви села Мстеры.

Мстера (ныне поселок городского типа Вязниковского района Владимирской области) — самое известное из бывших владений Ромодановских. Первое упоминание о Мстере находим в переписных книгах 1628–1630 гг., где она значится уже «за детьми князя Ромодановского», как «старинная вотчина отца их, — погост Богоявленская слободка на реке Мстере». В 1646 г. в Богоявленской слободе значилось 345 душ крепостных крестьян князей Ромодановских. Князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому принадлежит честь быть основателем знаменитого иконописного промысла, прославившего небольшое село. По его инициативе в 1710 г. Константин Никифоров и его зять Матвей Данилов начинают писать иконы в особой технике; в XX веке была разработана и техника мстерской лаковой миниатюры. В 1718 г. трое иконописцев — Симон Семенов, Савелий Никифоров, Григорий Голышев — вызываются для росписи иконостаса домового храма в Москву к княгине Настасье Борисовне Ромодановской. После смерти М. Г. Ромодановского имение переходит к его двоюродному брату Федору Юрьевичу, а после смерти его сына, Ивана Федоровича, ею владели Головкины, Черкасские, Тутолмины, Пани-

Князь-кесарь
Федор Юрьевич Ромодановский

ны, Комаровские. Однако память об основателе промысла на Мстерской фабрике лаковой миниатюры сохраняется и доныне.⁵

Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640 — 17 (28) сентября 1717), пожалуй, самый известный представитель фамилии Ромодановских. Отец Федора Юрьевича, князь Юрий Иванович Ромодановский, был сперва стольником, позднее — боярином. С малых лет князь Федор, будучи сыном приближенного царя Алексея Михайловича, находился при дворе. Когда в 1672 г. праздновалось рождение Петра Алексеевича, то в числе десяти дворян, приглашенных к родинному столу в Грановитой Палате, князь Федор Юрьевич Ромодановский был показан первым. В боярской книге в это время он пишет-

ся как ближний стольник. Резкое возвышение Ф. Ю. Ромодановского происходит в первые годы самостоятельного царствования Петра I. Князь поддержал юного

⁵ Летом 1985 года мы с мамой отдыхали в Гороховце Владимирской области, снимая комнату в доме Людмилы Алексеевны Емельяновой, очень доброй женщины, с которой мы очень подружились. Как-то раз на выходные к ней приехала ее племянница, Ирина Борисова, художница Мстерской фабрики. Мы даже не сразу поняли, чему Ирина так обрадовалась, узнав нашу фамилию, — тот факт, что далекий наш предок основал иконописную школу Мстеры, мы услышали впервые от нее. «Поедемте со мной во Мстеру, хоть на несколько дней, — говорила она. — На нашей фабрике как только узнают, что вы Ромодановские, проведут для вас такую экскурсию, такие тайны покажут, как никому еще не показывали». Это приглашение мы приняли и поехали во Мстеру. Кажется, пышность оказанного нам приема намного превзошла предсказанное Ирой. Нас принимал директор фабрики, водил по цехам несколько часов, сам рассказывал, что делается и как, — и до сих пор перед моими глазами сидящие за столами художники, в основном женщины, которые, глядя через сильнейшие увеличительные стекла, тонкими как волос кисточками расписывают броши и шкатулки. После экскурсии, во время которой мы то и дело слышали имя Михаила Григорьевича Ромодановского, нам предложили выбрать подарки — на память о поездке во Мстеру и о посещении фабрики. Мама выбрала брошь — несущую русскую тройку, а я — Монну Лизу, тоже брошь, во Мстерском исполнении. Обе броши хранятся сейчас у меня. И часто я думаю: ведь это было в 1985 году, тридцать лет назад, при советской власти, казавшейся незбылемой, — и как свободно и спокойно говорили они о князе Ромодановском, основателе промысла среди своих крепостных, и с какой благодарностью говорили!..

царя в борьбе с сестрой Софьей; именно ему был поручен надзор за заключенной в Новодевичьем монастыре царевной. Встав во главе Преображенского приказа, Ромодановский участвовал во всех затеях Петра, начиная с его «потешных походов». Знаком доверия царя к Ромодановскому было то, что он, отправляясь в Азовский поход, оставил его вместо себя в Москве с небывалым доселе титулом князя-кесаря: «Править Москву, и всем боярем и судьям прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда он похочет». В 1694 г. Федор Юрьевич стал первым русским «пресветлейшим» генералиссимусом, наряду с Иваном Ивановичем Бутурлиным и боярином Алексеем Семеновичем Шеиным. Он был создателем и командиром первых «потешных» полков — Преображенского и Семёновского. Петр I долгое время титуловался «урядником Преображенского полка», принимая подчеркнуто подчиненное положение по отношению к Ромодановскому. Осенью 1694 г. после знаменитых Кожуховских маневров Ромодановского стали называть «королем» и «государичем». Князь Федор Юрьевич имел право входить в кабинет Петра I в любое время без доклада. А вот Петр не осмеливался въезжать в экипаже во двор Ромодановского — царю приходилось оставлять одноколку у ворот и идти пешком, как и всем остальным чинам Российской империи. Датский посланник Юст Юль, приглашенный как-то на пир к правителю Москвы, с недоумением наблюдал, как Петр демонстрировал свое почтение князю-кесарю: «На этом вечере царь долго с ним разговаривал. Ромодановский пространно передавал ему свои соображения, как все устроить к лучшему, а царь терпеливо и почтительно слушал его, время от времени, как сын у отца, целуя у него руку». Во время триумфов одержавшие победы русские войска с развернутыми знаменами, с трофеями и пленными шли парадным маршем не к царскому дворцу, а к дому князя-кесаря. Петр желал, чтобы у князя-кесаря и в Петербурге была достойная резиденция, и лично работал на ее строительстве в Ропше простым мастеровым. Когда князь-кесарь приезжал в Петербург, Петр с приближенными пешими отправлялись встречать его далеко за город. Именно Ромодановский производил в высшие чины, в том числе присваивал их самому Петру Алексеевичу. В 1714 г. шотландец Питер Брюс, находившийся тогда в Петербурге, так описывал торжества по случаю морской победы при Гангуте: «Процессия проследовала в крепость, где вице-царь Ромодановский, сидевший на троне в окружении сенаторов, приказал вызвать перед собранием контр-адмирала Петра и принял от него письменную реляцию об одержанной победе. После того как реляция была зачитана, он, приняв ее к сведению, задал контр-адмиралу различные вопросы...». Показательным моментом является и обширная переписка Петра с князем, в которой царь упоминает обо всех важнейших вопросах внутренней и внешней политики, не боясь спрашивать у Ромодановского совета и адресует свои письма «Государю князю Федору Юрьевичу». Ромодановский, так же, как и фельдмаршал граф Борис Шереметев, имел право входить в кабинет Петра I в любое время без доклада. Федор Юрьевич Ромодановский сыграл решающую роль в подавлении Стрелецкого бунта 1698 г., случившегося в отсутствие Петра I, находившегося в Европе с Великим Посольством. В 1701 г., после сильного пожара, опустошившего Москву, князь Федор Юрьевич занимался отстраи-

ванием вверенной ему столицы. В частном обиходе Федор Юрьевич жил укладом старинного боярина, любил и почитал старые нравы и придерживался старинных обычаев; был гостеприимен, но требовал от всех к себе особого почтения. В обществе перед ним все стояли. Дом князя Ромодановского находился в Москве, на Моховой, около Каменного моста. Во дворе дома князя находились ручные медведи, один из которых приветствовал посетителей, поднося каждому чару крепчайшей перцовки, которую обязательно нужно было выпить, чтобы не быть оцарапанным зверем. Ближайший исполнитель предначертаний Петра, Федор Юрьевич не всегда одобрял его поступки: так, между прочим, он не приветствовал женитьбу Петра на Екатерине. Это объясняется тем, что его дочь Федосья Федоровна была супругой родного дяди царевича Алексея, брата первой супруги царя Петра Евдокии Федоровны. Умер князь Ромодановский в преклонном возрасте, 17 сентября 1717 года; похоронен в Александро-Невской Лавре.

Князь Иван Федорович Ромодановский (конец 1670-х — 1730) — единственный сын князя Федора Юрьевича Ромодановского, ближний стольник. После смерти отца князь И. Ф. Ромодановский занял его положение. Ему было тогда около 40 лет. Петр дал ему титулы князя-кесаря и Величества и поручил ведать Преображенским приказом, которым долго управлял его отец. 24 февраля 1718 г. Петр писал князю Ивану Федоровичу: «Как словесно Вашему Величеству били челом, так и письменно доносим, дабы благоволили дела приказу Преображенского принять так, как блаженные памяти отец Ваш управлял». При исполнении своих обязанностей князь Иван Федорович действовал не так сурово, как его отец. Относясь к Ивану Федоровичу с большим доверием, Петр Великий окружал его и внешним почетом. В апреле 1718 г., получив титул «князя-кесаря» и назначение управлять Преображенским приказом, князь Иван Федорович торжественно въехал в Петербург. Петр, сопровождаемый большой свитой, встретил его за городом. Такой же торжественностью отмечено отношение Петра Великого к князю Ивану Федоровичу и в других случаях. Так, в 1719 г. Петр пригласил князя-кесаря на свой корабль и там принял его с редким почетом, приказав салютовать князю выстрелами из 15 пушек с каждого корабля. Петр нередко посещал его дом, являясь к нему иногда запросто пировать со своими приближенными или же с донесениями о каких-нибудь важных событиях. Так, во время торжества после заключения Ништадского мира, 4 сентября 1721 года, Петр Великий из церкви св. Троицы, где совершалось благодарственное молебствие, «тотчас отправился к князю Ромодановскому, как князю-кесарю, и объявил ему о заключенном мире». Свое почтение Петр выражал и в письмах к князю, называя его Величеством и подписываясь «нижайшим слугой». В письме от 11 июля 1719 года Петр писал: «О здешнем объявляю Вашему Величеству, что к сему месту как галерный, так и корабельной флоты пришли в разные дни, только собрались все в 8 числе сего месяца... Дай Боже доброе окончание, а начало зело благополучно учинилось. Вашего Величества нижайший слуга Петр». 30 июля того же года Петр уведомлял князя об удачных действиях против шведов; 19 июля 1722 года сообщал ему о своем выступлении с флотом из Астрахани в море к персидским берегам и дальнейших своих предположениях и тому

подобное. Князю Ромодановскому часто приходилось участвовать в забавах Петра, в которых принимали участие обыкновенно многие приближенные, а также и сам царь. 11 мая 1719 г. князь Ромодановский был назначен главным начальником Москвы и исправлял эту должность до июля 1724 г. Со вступлением на престол императрицы Екатерины I положение его оставалось по-прежнему высоким, хотя он и перестал носить титул «князя-кесаря». Императрица неоднократно оказывала ему знаки внимания: так, 21 мая 1725 г., когда, по случаю свадьбы царевны Анны Петровны с Карлом-Фридрихом Голштинским, были объявлены милости многим, князь И. Ф. Ромодановский был произведен в действительные тайные советники. В 1726 г. он был пожалован кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Указы этого и последующего года называют князя Ромодановского Московским генерал-губернатором. После празднеств по случаю свадьбы царевны Анны князь Иван Федорович уехал в Москву управлять по-прежнему Преображенским приказом, деятельность которого вскоре была расширена, так как в него были переданы дела тайной канцелярии, закрытой по указу Екатерины I. В мае 1727 г. на престол вступил Петр II. Новое правительство отнеслось к князю Ромодановскому с прежним доверием и вниманием. На другой же день по воцарении Петра II князь И. Ф. Ромодановский получил уведомление Верховного Тайного Совета об оставлении его в звании Московского генерал-губернатора на место графа Мусина-Пушкина, который назывался главным начальником Москвы. Петр II поручил князю Ивану Федоровичу привести к присяге жителей Москвы. 31 июля 1727 г. князю Ромодановскому был дан указ о помещении царицы Евдокии Феодоровны, в монашестве Елены, в Новодевичий монастырь; 2 октября того же года состоялся указ Верховного Тайного Совета о подчинении ему Московской полиции, а 31 октября того же года Верховный Тайный Совет прислал ему указ о постройке трех триумфальных ворот к приезду Петра II в Москву для бракосочетания с княжной Долгорукой. В 1729 г. князь Иван Федорович подал прошение «освободить его от дел», так как он болен. Указом от 4 апреля 1729 г. он получил отставку, и вместе с тем Преображенская канцелярия, бывший Преображенский приказ, прекратила свое существование. Умер Иван Федорович 15 марта 1730 г.

Со смертью князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановского пресекаются ветви фамилии Ромодановских, близкие правящим кругам России. Правда, Павел I в 1798 г. предпринял попытку воскресить близких двору Ромодановских, дав распоряжение генералу от инфантерии Николаю Ивановичу Ладыженскому принять фамилию и титул его деда, князя Андрея Михайловича Ромодановского. Однако род князей Ромодановских-Ладыженских угас в 1871 г.

Не все представители фамилии Ромодановских были близки двору и жили в Москве и Петербурге; разросшийся когда-то род имел своих продолжателей в провинциальных имениях. По сравнению со столичными видными деятелями, провинциальные Ромодановские были оскудевшими, потерявшими влияние в обществе, но имеющими не только свою фамилию, но также титулатуру и родословие. Именно к таким представителям фамилии Ромодановских и принадлежит выросший на Самарской земле мой прадед,

Владимир Константинович Ромодановский

В нашей семье Владимир Константинович всегда был фигурой легендарной. С его именем связано множество полумифических историй. Владимир Константинович родился в 1863 г., был человеком с бурным темпераментом. Правда, нужно заметить, что сильным характером и страстностью обладали все Ромодановские. Внешнее спокойствие было свойственно лишь отдельным представителям рода, но и оно только скрывало кипевшую внутри бурю, по старой поговорке «в тихом омуте...». И конечно, еще фамильная гордость. Отец Владимира Константиновича, Константин Владимирович (в семье была традиция называть старших сыновей Константинами и Владимирами, эти имена чередовались и повторялись через поколение) — Константин Владимирович Ромодановский утратил древний княжеский титул. 24 июля 1877 г. в Самаре произошел страшный пожар, во время которого сгорело более 300 домов, а также государственные здания; в огне погибли родословные книги. Для восстановления титула нужно было сделать формальную вещь: подать прошение на высочайшее имя. Услышав об этом, Константин Владимирович вспыхнул: «Это чтобы я просил каких-то Романовых?! *Проживу* и без титула!». Еще бы, не пристало Рюриковичам!.. Больше этот вопрос не поднимался. Надо сказать, моему деду, следующему в роду Константину Владимировичу, это оказалось очень на пользу: когда в революционные и послереволюционные годы у него спрашивали: «Князь?» — он честно отве-

Владимир Константинович Ромодановский. Конец XIX в.

Фамильный герб рода Жедринских. Описание герба: В щите, разделенном на четыре части, посредине находится серебряный щиток, в нем крестообразно положены две сабли остриями вниз. В первой части в голубом поле три золотые стрелы, крестообразно летящие вверх. Во второй в красном поле положен серебряный якорь, имеющий анкершток черного цвета; а на середине обоих полей изображен серебряный полумесяц рогами вверх. В третьей части в красном поле золотая подкова, обращенная шипами вверх. В четвертой части птица. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской короной на нем и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный серебром.

чал: «Я князем *никогда не был*». Он действительно никогда не был князем, родившись через двенадцать лет после пожара, в 1889 г.

Владимир Константинович, вследствие своего темперамента, вынужден был сдавать экзамены за курс гимназии экстерном, так как в четырнадцать лет был исключен из нее с «волчьим билетом». Когда он был гимназистом, в его классе был очень суровый классный наставник, который наказывал за малейшую провинность. И ученики решили проучить его. Подсыпав ему снотворное, они ночью вынесли кровать вместе с ним, спящим, и поставили ее на бульваре, который пролегал по высокому берегу Волги и был в Самаре местом городских гуляний (насколько я знаю, на этом месте сейчас Струковский сад). К кровати привязали огромного волкодава. Утром несчастный проснулся, в ночном колпаке и кальсонах, когда вокруг его кровати уже собралась большая толпа, а волкодав надрывался от лая. Как будто бы, это испытание продолжалось несколько часов: собака не давала ему встать на землю — и не давала подойти кому-либо из окружающих. Я не знаю, как в итоге вышли из положения и как стали известны имена «преступников», — но то, что для Владимира Константиновича это закончилось домашним обучением, это точно.

Я не знаю, была ли у него когда-либо врачебная практика, но по образованию он был врачом-инфекционистом. Под его редакцией в должности члена Губернской земской управы в 1900-е годы в Самаре регулярно выходили в свет «Дневники Поволжского областного противохолерного съезда». Имения Ромодановских около деревни Николаевки в Самарском уезде Самарской губернии и Жедринских в селе Зеленовке Ставропольского уезда Самарской губернии (сейчас они затоплены Куйбышевским водохранилищем), дохода практически не давали, и Владимир Константинович действительно был вынужден все время служить. Последняя его должность, как писал дед в своей автобиографии, была инспектор земского страхования Казанского уездного земства — это после переезда семьи в Казань в 1909 г.

Женой Владимира Константиновича стала Мария Николаевна, урожденная Жедринская. Жедринские — это старый дворянский род, известный еще с XV в. Отец

Мария Николаевна Ромодановская со старшими детьми, Константином и Татьяной. Омск, 1920-е гг.

Мария Николаевна Ромодановская. Омск, 1920-е гг.

Марии Николаевны, Николай Владимирович Жедринский, жил в Саратове, скончался он в 1888 г., похоронен в Спасо-Преображенском мужском монастыре. Кроме Марии Николаевны, родившейся в 1869 г., в семье был еще ее старший брат, Николай Николаевич (родился в 1864 г.). До революции он работал в земстве, занимался строительством школ, читален, народных театров. В 1917 г. жил в Нижнем Новгороде, читал лекции красноармейцам и на заводах, работал инструктором Осоавиахима по борьбе с вредителями сельского хозяйства. В 1930 г. был арестован, отправлен в Москву и привлечен к следствию по групповому делу. Приговорен к 10 годам лагерей и отправлен в Белбалтлаг. Последний раз его видели в июле 1932 г. на станции Повенец Мурманской железной дороги.

Семья Марии Николаевны и Владимира Константиновича жила в Самаре

до 1909 г., затем, чтобы дать образование подрастающим детям, переехала в Казань — университетский город. В Казани Владимир Константинович и скончался от туберкулеза в феврале 1917 г. Мария Николаевна умерла в Барнауле в 1954 г. Всю жизнь она прожила домашней хозяйкой, все время была с кем-либо из детей и главной для нее была

Семья Ромодановских. Начало XX в.

Сергей Ромодановский с отцом, Владимиром Константиновичем

[1152]

Семья

Всего у Марии Николаевны и Владимира Константиновича было десять или одиннадцать детей. Старшим из них был мой дед, Константин Владимирович, он родился 2 (15) июня 1889 г.

Было несколько (две или три) попытки назвать сына в честь второго деда, отца Марии Николаевны, Николаем, но все они умирали младенцами. Тогда Владимир Константинович сказал, что «Николаи Ромодановские не живут» — и Николаями больше мальчиков не называли.

Следующим после деда был Сергей Владимирович Ромодановский.

Года его рождения я не знаю, но к 1914 г. он закончил юридический факультет Казанского университета и был женат на Елене Алексеевне, урожденной Казем-Бек, которую все в семье называли Леночкой Ромодановской. Елена Алексеевна

Сергей Ромодановский

была дочерью профессора Казанского университета терапевта-кардиолога Алексея Николаевича Казем-Бека (1859–1919), племянника известного казанского востоковеда академика Александра Касимовича Казем-Бека (Мирзы Мухаммед Али); род князей Казем-Беков происходил из Дербента.

Возможно, именно в связи с тем, что породнился с обрусевшими азербайджанцами, а может быть, тому были и иные причины, с началом Первой мировой войны Сергей Владимирович поступил добровольцем во 2-й Дагестанский конный полк, входивший в 1-ю бригаду Кавказской туземной конной дивизии — более известную как возглавляемую Свиты Его Величества генерал-майором великим князем Михаилом Александровичем «Дикую дивизию». С. В. Ромодановский служил прапорщиком с первого дня формирования «Дикой дивизии», 23 августа 1914 г., участвовал в боевых действиях.

28 сентября 1915 года в битве при селе Гайворонке в Галиции он был убит. Не-

Прапорщик С. В. Ромодановский. 1914 г.

[1153]

Сергей Владимирович
Ромодановский. 1914–1915 г.

видимо, был застрелен: товарищи видели только, что он с лошади сполз в немецкий окоп, и сначала даже не знали, погиб он или ранен и попал в плен.

Два года спустя, в 1917 г., уже после смерти Владимира Константиновича, но еще до октябрьского переворота, Мария Николаевна неожиданно получила посылку из Швейцарии. В ней оказались погоны Сергея Владимировича, его документы, письма, фотографии и ордена. Сопровождало посылку письмо жены немецкого офицера, рядом с которым упало тело С. В. Ромодановского. Немцы сняли с него все самое ценное, похоронили, а все снятое офицер воюющей с Россией страны переслал своей жене с просьбой найти возможность отправить родственникам погибшего русского офицера — вместе с точным указанием места, где тот

смотря на понесенные потери, дивизия одержала победу, которую ее командир, великий князь Михаил Александрович, оценил как «блестящие конные дела, каковые составляют одну из лучших страниц истории нашей конницы»⁶. Через три дня после боя за Гайворонку командир 2-го Дагестанского полка подполковник Г. И. Амилахвари получил телефонограмму начальника штаба дивизии генерал-майора Я. Д. Юзефовича: «Государь Император жалует за бой 28 сентября у Гайворонки участвовавшим в бою до пяти Георгиевских крестов на каждую сотню вверенного Вам полка. Список нижним чином, удостоенным награждения, прошу прислать в штаб дивизии». В ответ был отправлен список из 19 человек, среди которых значился и прапорщик Сергей Владимирович Ромодановский, посмертно. Краткое известие об этом было напечатано в журнале «Разведчик» № 1312 от 29 декабря 1915 г.

Сослуживцы Сергея Владимировича написали Марии Николаевне и Владимиру Константиновичу подробности гибели их сына: во время конной атаки он в числе первых прорвался к немецким окопам — и

Вырезка из журнала
«Разведчик» № 1312
от 29 декабря 1915 г.

⁶ Цит. по: Опришко О. Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвенья... Нальчик, 1999. С. 240.

был похоронен. Самым надежным, хотя и не самым быстрым способом выполнить эту просьбу оказалось отправить посылку через швейцарский «Красный Крест» — через сохраняющую нейтралитет страну. У нас дома очень часто вспоминали эту в высшей степени гуманную историю — вспоминали всякий раз, когда заходила речь о последующих жестокостях XX века, будь то сталинские или гитлеровские лагеря.

Решающим моментом для истории всей семьи оказалась, уже после его смерти, женитьба Сергея Владимировича. Летом 1918 года, после падения КОМУЧа и перед взятием Казани красными войсками, из города стали уходить жители, не признавшие новой власти. Среди них было много и университетской профессуры. В относительно недавно вышедшей статье С. Ю. Малышева опубликовала обширные списки профессоров и преподавателей Казанского университета, покинувших Казань.⁷ В нем значатся терапевт Алексей Николаевич Казем-Бек, анатомы Николай Дмитриевич Бушмакин и Константин Владимирович Ромодановский, хирург Владимир Алексеевич Казем-Бек. Автор статьи отмечает, что казанские профессора, ушедшие в Сибирь, преподавали в дальнейшем в сибирских университетах: Томском и Иркутском. Профессора А. Н. Казем-Бек и Н. Д. Бушмакин действительно в 1918–1919 гг. читали курсы в Томском университете,⁸ а более молодое поколение, В. А. Казем-Бек и К. В. Ромодановский, а с ними и вся семья Ромодановских, включая детей, младшей из которых, Ольге, было 12 лет, и Елену Алексеевну, жену Сергея Владимировича, — более молодое поколение отправилось в Омск, где поступило на службу к Верховному правителю России адмиралу А. В. Колчаку. Дома говорили, что инициатором этого решения был Владимир Алексеевич Казем-Бек. С армией Колчака отступало и семейство Казем-Беков–Ромодановских, Ромодановские остались в Иркутске, а Владимир Алексеевич и Елена Алексеевна ушли в Харбин.

В «Русском Китае» В. А. Казем-Бек работал практикующим врачом, не отказывал никому из страждущих, зачастую помогая бесплатно. Вот как о нем вспоминает старейшая жительница Харбина Е. А. Никифорова:

Самым популярным среди врачей был Владимир Алексеевич Казем-Бек, доктор, приехавший из Казани, сын известного профессора-медика. Жил он на Печкарской улице, в трехэтажном доме, напротив магазина знаменитого Чурина. <...>

Доктор Казем-Бек имел большую практику и хорошо зарабатывал, каждые сутки в пять часов вечера у входа в клинику, где он работал, выстраивалась очередь нуждающихся. Все деньги, которые доктору удавалось заработать в течение дня, он раздавал бедным, себе ничего не оставлял. Вот какой это был человек!

Однажды ночью его вызвали к умирающей девочке — та заболела скарлатиной, лечение не помогло, и девочка очутилась у того самого порога, за которым начиналась вечность.

⁷ Малышева С. Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2003. № 1/2.

⁸ А. Н. Казем-Бек умер летом 1919 г., а Н. Д. Бушмакин с 1920 г. работал в Иркутском университете.

Доктор Владимир Алексеевич Казем-Бек в Харбине. 1920-е гг.

Оставалась одна надежда — доктор Казем-Бек. Доктор не отказал родителям бедной девочки, поехал к ней. Через стеклянную трубочку он отсосал гной из груди больной, некоторое время сидел опустошенный, усталый, очнулся он от того, что мать больной девочки трясла его за руку, благодарила за то, что Казем-Бек сделал.

Прощаясь, она спросила:

— Моя дочка будет жить?

— Будет, — твердо пообещал доктор. — А вот я — не знаю. Перед глазами все плывет. Похоже, я заразился.

Через несколько дней доктора Казем-Бека не стало... Человек, который спас столько народа от верной смерти, оказался обречен — не нашлось врача, который сумел бы его спасти.

Траурная процессия растянулась по Харбину на несколько километров, от собора, где отпевали доктора, до кладбища. Таких похорон Харбин еще не видел.

В память о славном враче две харбинские больницы были названы его именем, а на стене дома, где он жил, была установлена мемориальная доска. Текст выбили следующий: «Здесь жил, работал и умер доктор В. А. Казем-Бек, жертва долга и друг бедноты».⁹

⁹ Москалев Г. Провизор из русского Харбина // Семья: Неполитическая еженедельная газета. № 35/867 от 08.26.2004.

Харбинцы справедливо считали, что лучшим памятником врачу будет больница его имени. Сначала на пожертвования была открыта скромная амбулатория, затем небольшая больница в наемном доме на Гоголевской улице, а через пять лет на углу Бельгийской и Сербской улиц — больница имени доктора В. А. Казем-Бека. Эти больницы существуют и носят имя Владимира Алексеевича до сих пор, более 80 лет после его смерти (он умер 4 августа 1931 г.). Памятник Владимиру Алексеевичу был перенесен с Нового кладбища на мемориальное кладбище Хуаншань в конце 1960-х годов, порядок на ней поддерживается жителями Харбина и по сей день.¹⁰

После смерти брата Елена Алексеевна Ромодановская эмигрировала из Китая в Америку. К сожалению, больше о ее судьбе мне ничего не известно.

Вернемся к семье Ромодановских.

Могила В. А. Казем-Бека на кладбище Хуаншань в Харбине. 2012 г.

Татьяна Владимировна и Константин Владимирович. Омск, 1920-е гг.

В 1896 г. у Марии Николаевны и Владимира Константиновича родилась дочь Татьяна. Я не знаю, было ли у нее какое-то образование кроме гимназического. Перед революцией 1917 г. она была замужем, у нее был сын, но с мужем она разошлась — и они оба, и муж, и сын, погибли в годы Второй мировой войны. Второй раз она вышла замуж за Здислава Эдмундовича Герлича, который был старше ее на восемь лет, поженились они будучи в Омске.

Татьяна Владимировна с мужем жили в Москве, Здислав Эдмундович работал главным бухгалтером треста «Вохимпром» Наркомата здравоохранения СССР. Татьяна Владимировна при жизни мужа не работала.

17 апреля 1938 г. З. Э. Герлич, поляк по национальности, был арестован по обвинению в участии в контрреволюции.

¹⁰ За уточнение сведений о сохранении в Китае памяти о В. А. Казем-Беке искренне благодарю моего брата, Юрия Игоревича Сумкина.

Здислав Эдмундович Герлич. Омск, 1920-е гг.

онной террористической организации. 20 июня 1938 года он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания, в тот же день приговор привели в исполнение на расстрельном полигоне «Коммунарка» под Москвой, где он и похоронен вместе с тысячами других жертв сталинского террора.

Татьяна Владимировна была арестована вскоре после мужа как член семьи изменника Родины. 23 июля 1938 г. ОСО при НКВД СССР приговорил ее к трем годам лагерей. После Бутырской тюрьмы 7 сентября 1938 г. она прибыла в Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь), откуда 4 октября 1939 г. ее перевели в Соликамбумстрой, где она отбыла свой срок до конца. К счастью, из лагеря Т. В. Герлич вышла

Здислав Эдмундович и Татьяна Владимировна Герлич. 1936 г.

[1158]

за неделю до начала войны: всем, кто на 22 июня 1941 г. был в лагерях, продлили срок до конца войны. Работа на химических предприятиях Соликамска сильно повлияла на здоровье Татьяны Владимировны: до конца жизни у нее были большие проблемы с печенью.

После освобождения Т. В. Герлич жила вместе с Марией Николаевной и сестрой Ольгой Владимировной в Барнауле, работала в учетном отделе одной из барнаульских больниц. После смерти матери в 1954 и реабилитации в 1956 г. Татьяна Владимировна вернулась в Москву, получив комнату в коммунальной квартире. Она умерла 28 сентября 1969 г.

После Татьяны Владимировны в семье родился Владимир, но о нем я знаю только, что он умер еще гимназистом.

На три года моложе Татьяны Владимировны Надежда Владимировна

Мария Николаевна Ромодановская с дочерьми Татьяной Владимировной и Ольгой Владимировной. Барнаул, 28 апреля 1950 г.

Татьяна Владимировна и Константин Владимирович. Барнаул, 1950-е гг.

[1159]

Анна Николаевна Ромодановская и Татьяна Владимировна Герлич. Ярославский вокзал, Москва, 1967 г.

ментальной работе и с ноября 1919 г. стал работать препаратором кафедры общей патологии Саратовского университета. В 1920 г. он вступил добровольцем в Красную Армию, где служил санитаром на Юго-Восточном фронте. После войны Леонид Рувимович вновь вернулся в университет, окончил его в 1922 г. и был оставлен прозектором кафедры общей патологии. Уже в 1924 г. интерн Л. Р. Перельман опубликовал экспериментальную работу, кардинальным образом повлиявшую на развитие мировой эндокринологии. Темой работы стала демонстрация на модели паратиреопривной тетании пермиссивного действия гормонов. В 1938 г. его работы по пермиссивному действию гормонов привлекли внимание Нобелевского форума,

Надежда Владимировна Ромодановская

Леонид Рувимович Перельман

Ромодановская, она родилась в 1898 г. Трудно сказать, где Н. В. Ромодановская получила медицинское образование в первые после-революционные годы, но я не могу исключить, что это был Омский медицинский институт — уже в 1920-х. В 1920-х годах она вышла замуж за Леонида Рувимовича Перельмана (1900–1969), так же потомственного врача, выпускника Саратовского университета.

Леонид Рувимович Перельман еще студентом проявил интерес к экспериментальной работе и с ноября 1919 г. стал работать препаратором кафедры общей патологии Саратовского университета. В 1920 г. он вступил добровольцем в Красную Армию, где служил санитаром на Юго-Восточном фронте. После войны Леонид Рувимович вновь вернулся в университет, окончил его в 1922 г. и был оставлен прозектором кафедры общей патологии. Уже в 1924 г. интерн Л. Р. Перельман опубликовал экспериментальную работу, кардинальным образом повлиявшую на развитие мировой эндокринологии. Темой работы стала демонстрация на модели паратиреопривной тетании пермиссивного действия гормонов. В 1938 г. его работы по пермиссивному действию гормонов привлекли внимание Нобелевского форума, однако социально-политическая обстановка конца тридцатых годов не позволила ученому откликнуться на запрос этого авторитетного учреждения о пересылке своих работ.

В апреле 1925 г. вслед за своим учителем академиком А. А. Богомольцем Леонид Рувимович перешел во 2-й Московский университет, где год работал преподавателем кафедры патофизиологии. В 1926 г. Л. Р. Перельман вернулся в Саратовский университет старшим ассистентом кафедры па-

тофизиологии, а в 1928 г. после защиты диссертационной работы он стал приват-доцентом медицинского факультета. В июне 1929 г. Леонид Рувимович был избран профессором и заведующим кафедры патофизиологии Государственного института медицинских знаний, впоследствии Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института (ныне Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова), которой руководил до 1967 г. В 1936 г. Л. Р. Перельман стал доктором медицинских наук.

С января 1938 г. профессор Л. Р. Перельман руководил кафедрой патофизиологии Ленинградского педиатрического медицинского института (ныне — Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия). Он заведовал кафедрой патофизиологии ЛПМИ до 1950 года, а курс лекций в Педиатрическом институте читался им до 1951 г. На этой же кафедре работала и Надежда Владимировна, защитившая кандидатскую диссертацию. Они оба пережили блокаду Ленинграда и умерли в одном возрасте: Надежда Владимировна, будучи на два года старше, — в 1967, Леонид Рувимович — в 1969.

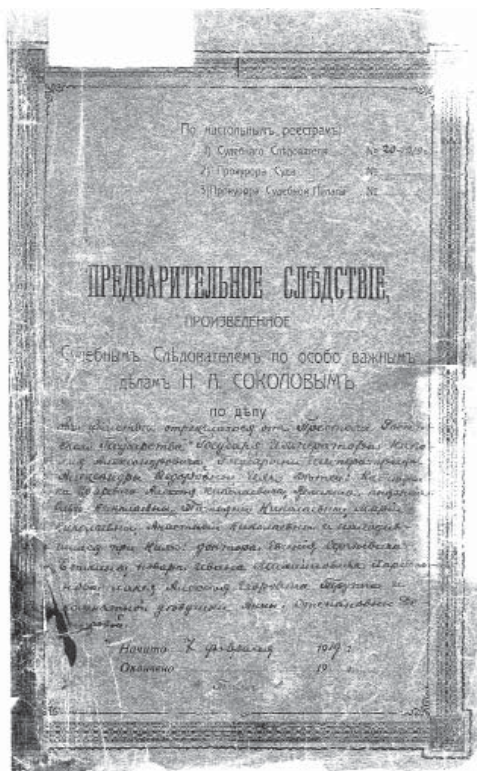
Варвара Владимировна Ромодановская родилась 4 декабря 1900 г. Будучи в Омске, она стала второй женой Николая Алексеевича Соколова, имя которого сейчас весьма известно в России — того самого следователя по особо важным делам Омского окружного суда, который по распоряжению Верховного правителя России А. В. Колчака расследовал в 1919 году убийство царской семьи. О Н. А. Соколове сейчас пишут очень много, поэтому ограничусь лишь краткими сведениями.

Николай Алексеевич Соколов родился 22 мая 1882 г. в купеческой семье в Мокшане Пензенской губернии. Закончил гимназию в Пензе (1900), затем юридический факультет Харьковского университета (1904). В 1907 г. Н. А. Соколов стал судебным следователем Краснослободского участка Мокшанского уезда. Он отличился в расследовании многих трудных дел и в 1911 г. получил назначение следователем по важнейшим делам Пензенского окружного суда. В 1914 г. Н. А. Соколов получил

Николай Алексеевич Соколов

звание надворного советника. Несмотря на молодость, он был избран председателем союза судебных следователей Пензенского окружного суда. Февральскую революцию и октябрьский переворот Николай Алексеевич воспринял как катастрофу. Он с болью принял известие об отречении царя, наотрез отказался сотрудничать с советами. Сославшись на болезнь сердца, уволился со службы. Убийство царской семьи побудило его, переодевшись в крестьянское платье, отправиться в Сибирь, в ставку адмирала А. В. Колчака. Там Н. А. Соколов получил назначение в Омский окружной суд судебным следователем по особо важным делам. Первая встреча с адмиралом Колчаком состоялась 5 февраля 1919 г., а уже 7 февраля Николай Алексеевич начал свой труд по раскрытию убийства царской семьи, следственные действия проводились в Екатеринбурге и Алапаевске.

Обложка следственного дела
по убийству царской семьи,
произведенного Н. А. Соколовым

Соколов продолжал и в эмиграции, вплоть до своей смерти. Часть материалов следствия была опубликована в 1924 г. на французском языке.

23 ноября 1924 г. Николай Алексеевич Соколов был найден мертвым в саду дома, где жил, в местечке Сальбри во Франции. Его расследование «Предварительное следствие 1919–1922 гг.» было опубликовано в Москве в 1998 г., годом ранее, в 1997 г., в Россию был передан его архив.

У Варвары Владимировны и Николая Алексеевича было двое детей.

После убийства мужа Варвара Владимировна работала в швейной мастерской, затем открыла свое дело. В 1927 г. она встречалась с Константином Владимировичем во время его командировки в Германию — приезжала к нему в Берлин. После этого связь с семьей прервалась на четыре десятилетия.

Варвара Владимировна второй раз вышла замуж, стала по мужу Гончаровой. После его смерти, в начале 1950-х гг. постриглась в монашество в Леснинском монастыре, находившемся в то время в местечке Фуркё, приняла имя Васса. Замечу, что из всех братьев и сестер Ромодановских Варвара Владимировна отличалась

наибольшей религиозностью, еще при отступлении с армией А. В. Колчака она писала Марии Николаевне: «Дорогая мамочка! Пришли мне от себя какую-нибудь иконку. Я хочу, чтобы ты меня благословила». Поэтому ее уход в монастырь, после всех жизненных перипетий, был вполне естественным поступком. В монастыре она продолжала шить для своих клиентов, занималась обустройством монастырской ризницы.

В 1967 году Варвара Владимировна через швейцарский «Красный Крест» разыскала адрес Константина Владимировича, они успели написать друг другу по два письма. Переписка прервалась со смертью К. В. Ромодановского. В 1968 г. Варваре Владимировне писала Т. В. Герлич, но не получила ответа, — и в семье создалось впечатление, что Васса Гончарова — не Варвара Владимировна, а другое лицо, воспользовавшееся ее именем; так считала и мама. Однако объяснение гораздо проще: в конце 1967 г. Леснинский монастырь был переведен из Фуркё в Провемон — и письмо Татьяны Владимировны, скорее всего, просто не достигло адресата.

Монахиня Васса скончалась 7 января 1983 г. в Провемоне, похоронена на кладбище Леснинского монастыря в департаменте Эр.

Андрей Владимирович Ромодановский родился 13 февраля 1904 г. Он окончил реальное училище, затем — курсы при Мастерской учебных пособий Отдела

Андрюша Ромодановский

народного образования в Красноярске, получил профессию учебного мастера. После непродолжительной работы в Красноярском высшем политехникуме (1920) и годичной службы в армии (кавалерийский дивизион) А. В. Ромодановский в 1923 г. переехал в Омск и поступил на работу в качестве «микроскописта» кафедры анатомии медицинского института, которой заведовал Константин Владимирович. Будучи блестящим знатоком многих анатомических и гистологических методов (Казанская анатомическая школа, командировка в Германию), Константин Владимирович совместно с младшим братом и сотрудниками кафедры закладывают основы вначале учебного, а затем фундаментального музея.

В 1925–1935 гг. Андрей Владимирович работал старшим лаборантом кафедры анатомии домашних животных Омского ветеринарного института. Здесь он полностью освоил анатомическую технику, необходимую для музейного

Кафедра нормальной анатомии Омского медицинского института. 1920-е гг.

дела и учебного процесса, приступил к разработке собственных методов обработки костей и приготовил скелеты всех видов животных и сухие препараты внутренних органов, которые после высушивания сохраняли форму и объем. В 1935 г. А. В. Ромодановский вернулся в Омский медицинский институт на должность лаборанта, а с 1938 г. — старшего лаборанта кафедры анатомии человека.

В 1938–1953 гг. Андрей Владимирович параллельно исполнял работу рентгентехника, обеспечивая учебный процесс и научно-исследовательскую работу кафедры анатомии, сотрудников других кафедр института и практических врачей. В 1946–1950 гг. он исполнял обязанности ассистента кафедры анатомии. В это время им был разработан уникальный метод рентгенографии мягких тканей. Одновременно А. В. Ромодановский продолжал разрабатывать уникальные методики изготовления и хранения костных, мышечных, сосудисто-нервных и других препаратов, не имеющие аналогов в истории музейного дела. В частности, им предложен «Биотермический метод обработки костей скелета», который, по данным автора,

[1164]

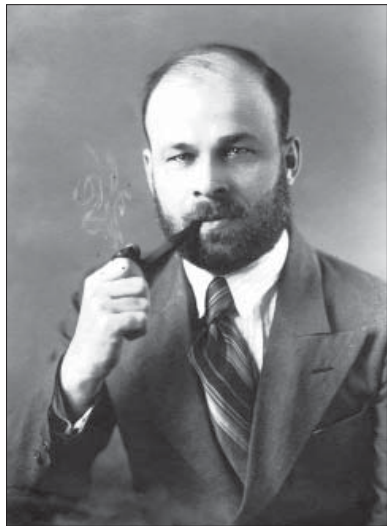
Андрей Владимирович Ромодановский

проверен «на нескольких тысячах трупов»¹¹. Кроме того, было изготовлено свыше 200 рентгенограмм, 300 черепов, 85 скелетов человека.

В 1945 г. в анатомическом музее кафедры насчитывалось около 1000 экспонатов, в настоящее время — свыше 1500. Большинство из них — дело рук А. В. Ромодановского, в том числе и известная ныне омская мумия, забальзамированная в 1933 г. и ни разу не подвергавшаяся ребальзамированию, в отличие от тел В. И. Ульянова и Н. И. Пирогова. Более того, в отличие от последних, в омской мумии сохранены все внутренние органы — и лишь в кровеносную систему вместо крови введен бальзамирующий раствор, составленный по рецепту Андрея Владимировича.

¹¹ Ромодановский А. В. Метод рентгенографии мягких тканей // Уч. зап. Омского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. 1959. Вып. 12. С. 119–122. См. также: Ромодановский А. В. Биотермический метод обработки костей скелета // Уч. зап. Омского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. 1959. Вып. 12. С. 115–117.

[1165]

Андрей Владимирович Ромодановский. Январь 1941 г.

Алевтина Терентьевна и Андрей Владимирович Ромодановские

Виктор Андреевич, Елена Константиновна и Андрей Владимирович Ромодановские. Омск, 1959 г.

[1166]

Омский медицинский институт, выпуск 1928 г. Крайняя справа — Ольга Владимировна Ромодановская

Ю. Лебедев и О. Ромодановская. Омск, 1924 г.

В 1954 г. Андрей Владимирович вынужден был оставить работу по состоянию здоровья и в связи с переходом на инвалидность. Умер А. В. Ромодановский 20 декабря 1969 г.

Перед войной Андрей Владимирович был женат на Анне Викторовне Аграновской, у них родились два сына, Сергей и Виктор. Второй женой А. В. Ромодановского стала Алевтина Терентьевна, тоже анатом.

[1167]

Ольга Владимировна и Мария Николаевна Ромодановские. Барнаул, 1954 г.

О. В. Ромодановская, Т. В. Герлич, А. Н. Ромодановская.
Москва, Ярославский вокзал, сентябрь 1968 г.

[1168]

Всю Великую Отечественную войну она прошла начальником полевого госпиталя на Втором Белорусском и Третьем Украинском фронтах. В 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию, работала доцентом и профессором на кафедре анатомии Омского медицинского института. В 2014 году ей исполнилось сто лет.

Самой младшей дочерью была Ольга Владимировна Ромодановская, родившаяся в 1906 г. В 1928 г. она закончила Омский медицинский институт, а в 1924 году вышла замуж за Юрия Дмитриевича Лебедева.

В 1930-е гг. Ю. Д. Лебедев получил назначение на должность главного санитарного врача Алтайского края — и вместе с Ольгой Владимировной и Марией Николаевной переехал в Барнаул. Юрий Дмитриевич стал основателем санинспекции на Алтае. О. В. Ромодановская работала там на малярной станции. У них родились две дочери — Екатерина и Наталия.

После назначения Ю. Д. Лебедева в 1955 г. главным санитарным врачом СССР семья переехала в Москву, Ольга Владимировна в 1955–1962 гг. возглавляла Отдел паразитологии ГорСЭС Москвы.

Юрий Дмитриевич Лебедев умер 16 мая 1966 г., Ольга Владимировна Ромодановская — в 1998 г.

Самым старшим сыном, взявшим после смерти отца на себя все заботы о семье и младших брате и сестрах, был Константин Владимирович Ромодановский, мой

Дед

Константин Владимирович родился 3 (15) июня 1889 г., в 1907 г. окончил 1-ю Самарскую мужскую гимназию и в том же году поступил на медицинский факультет Казанского университета. Студентом, со второго курса К. В. Ромодановский увлекся нормальной анатомией и пошел на специализацию к профессору Владимиру Николаевичу Тонкову, впоследствии — академику.

Гимназист К. Ромодановский

В. Н. Тонков придавал большое значение эксперименту, исследовал коллатеральное кровообращение, пластичность кровеносных сосудов в различных условиях, кровоснабжение нервов, первым применил рентгеновские лучи для анатомического изучения скелета. Со второго курса Константин Владимирович начал и практическую работу, сначала работая на кафедре анатомии препаратором, начиная с третье-

[1169]

Фотография с письменного стола К. В. Ромодановского. Слева — В. Н. Тонков, справа — И. П. Павлов. Санкт-Петербург, 20 января 1891 г.

[1170]

го курса — помогая ассистентам вести занятия со студентами. На четвертом и пятом курсах по поручению В. Н. Тонкова он вел практические занятия со студентами младших курсов уже самостоятельно. В 1912 году К. В. Ромодановский написал научную работу «Артерии покровов головы», за которую при окончании университета получил золотую медаль.

После окончания университета В. Н. Тонков предложил Константину Владимировичу остаться при университете в качестве профессорского стипендиата (статус, приблизительно равный современным аспирантуре и докторантуре: возможность проведения самостоятельного исследования и написания работы с целью получения звания профессора). Однако финансовое положение семьи было таково, что старший сын был вынужден временно отказаться от продолжения обучения и поступить на службу уездным врачом в селе Языково Курмышского уезда Симбирской губернии, где проработал два года. За это время он не только открыл и оборудовал сельскую больницу на 18 коек, но также организовал при больнице лабораторию, в которой можно было проводить все клинические и патологоанатомические исследования.

С началом 1914 г. К. В. Ромодановский вернулся в Казань и поступил на кафедру нормальной анатомии младшим ассистентом (помощником прозектора). Это дало возможность продолжить научную работу. Одновременно он был и заведующим зданием, в котором помещались лаборатории медицинского факультета, — как он сам отмечал, это дало возможность досконально изучить все особенности ведения университетского хозяйства, что впоследствии очень пригодилось при организации Омского медицинского и Ленинградского педиатрического институтов.

С началом Первой мировой войны Константин Владимирович был мобилизован, в действующей армии занимал следующие должности: младшего ординатора полевого подвижного госпиталя 41-й пехотной дивизии, позднее переименованного в дивизионный лазарет, младшего врача 9-го гусарского Киевского полка, младшего врача стрелкового дивизиона 9-й кавалерийской дивизии, старшего врача стрелкового полка 9-й кавалерийской дивизии. Военных чинов он не имел и окончил войну в начале 1918 г. «лекарем без чина». За службу во время Первой мировой войны он награжден орденами Станислава 2 степени с мечами, Анны 3 степени, Владимира 4 степени с мечами и бантом.

К. В. Ромодановский. Автопортрет. 1920 г.

[1171]

После войны Константин Владимирович снова вернулся в Казань на кафедру нормальной анатомии, заняв там прежнюю должность младшего ассистента. Как оказалось, снова ненадолго.

Об уходе семьи из Казани в Омск под предводительство Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака я уже писала в связи с Владимиром Алексеевичем Казем-Бекон. В автобиографии Константин Владимирович писал, что «в армию Колчака был мобилизован» — необходимая формулировка для советских лет. Учитывая все сопутствующие обстоятельства, я полагаю, что эта «мобилизация» была весьма и весьма добровольной. С сентября 1918 г. К. В. Ромодановский служил младшим врачом Казанского драгунского полка, а с февраля 1919 г. занимал должность старшего врача того же полка. В архивах сохранилась записка — телефонограмма чиновника особых поручений при Верховном правителе Н. А. Самойлова от 4 июня 1919 г. с просьбой «врачу Константину Владимировичу Ромодановскому... пожаловать в поезд Верховного правителя» — когда последнему потребовалась медицинская помощь.

При отступлении Колчаковской армии осенью 1919 г. Казанский драгунский полк присоединился к отряду генерала В. О. Каппеля, путь на Восток пролег через Новониколаевск и Красноярск. В Красноярске в декабре 1919 г. К. В. Ромодановский заболел сыпным тифом и вынужден был отстать от отступавшей армии, семья Ромодановских осталась в Иркутске, отказавшись от эмиграции в Китай.

Как пояснял Константин Владимирович в своей автобиографии, «выздоровев, я на третий день после выписки из больницы получил в Губздраве назначение старшим врачом инфекционной больницы, каковую я предварительно должен был организовать и открыть, что мною и было выполнено». Однако руководство больницы так же было недолгим, до июня 1920 г. В официальных бумагах К. В. Ромодановский писал, что оставил должность старшего врача инфекционной больницы в связи с тем, что организовал при Губздраве прозектуру и, желая работать как можно ближе к своей основной специальности, принял на себя заведование прозектурой, в каковой должности пребывал до конца февраля 1921 г. Однако есть и неофициальная версия красноярских событий. Как-то раз во время врачебного обхода в больнице (домашнее название исключительно «тифозным барак») одна находившаяся там пациентка, грузная пожилая графиня Н*** (фамилию не могу вспомнить), поинтересовалась, как фамилия молодого доктора. Константин Владимирович назвал

«Воскресник». Рисунок К. В. Ромодановского, Красноярск, 1920 г.

[1172]

Кафедра анатомии Омского медицинского института. 1920-е гг.

себя — в ответ на что больная низким грудным голосом произнесла на весь барак: «Ах, вот оно что!.. Да знаете ли Вы, молодой человек, что при сложившихся в нашей стране обстоятельствах Вы теперь первый претендент на российский престол?». — «Молодой человек», ничего не ответив, постарался как можно скорее завершить обход и впредь по возможности держаться подальше от этого барака. А при первой возможности ушел из больницы заведовать прозектурой — к его в 1920 году счастливо, «пациенты» прозекторской не могли произнести ничего подобного...

В начале 1921 г. Константин Владимирович получил распоряжение отправиться в Омск для участия в организации на базе медицинского отделения Сибирского ветеринарно-зоотехнического института Омского медицинского института («Западно-Сибирского государственного медицинского института»). Он возразил, что никогда не был администратором и преподавателем, что он практикующий врач, на что был ответ: или в Омск на организацию института, или в Туруханск, без института, но с конвоем. Потом он рассказывал, что желание учиться у самых простых, безграмотных людей и примирило его с советской властью. После прочтения пробных лекций К. В. Ромодановский был утвержден в звании доцента и заведующего кафедрой нормальной анатомии, в первые годы работы кафедры читал лекции и по топографической анатомии, заведовал по совместительству кафедрой гистологии (1925–1927). С его именем связано возникновение омской анатомической научной школы. После смерти от тифа 7 января 1922 г. первого директора Омского института Н. К. Иванова-Эмина руководство институтом было возложено на Константина Владимировича.

В 1921 г. в Омске Константин Владимирович женился на Зинаиде Александровне Краснопевцевой, которая работала доцентом на его кафедре и в Омске и впоследствии в Ленинграде.

[1173]

Парад Красной Армии в Омске. 1920-е гг. Фото К. В. Ромодановского

К. В. Ромодановский. Омск, 1924 г.

[1174]

В 1927 г. К. В. Ромодановский был в двух долгосрочных командировках: полгода в Ленинграде — в лаборатории А. Д. Сперанского, работавшего в Институте физиологии АН СССР и бывшего в 1923–1928 гг. ассистентом И. П. Павлова, и три месяца в Берлине — в лаборатории профессора О. Любарша. Здесь он впервые провел экспериментальные исследования по изучению связей межоболочечных пространств мозга с лимфатической системой, что впоследствии послужило основой для создания в Новосибирске научной школы лимфологов, а позже под руководством его ученика, ныне академика РАМН Ю. И. Бородин — открытия в 1991 г. единственного в мире НИИ клинической и экспериментальной лимфологии СО РАМН.

В Омске К. В. Ромодановский стал одним из первых анатомов, заложивших основы функционального подхода к изучению строения тела человека с привлечением онто- и филогенетических принципов для объяснения многих закономерностей его построения. Особая заслуга коллектива кафедры анатомии, руководимой профессором К. В. Ромодановским, состояла в создании первоначально учебного, а затем фундаментального анатомического музея. Именно под началом К. В. Ромодановского были разработаны уникальные методики изготовления и хранения костных, мышечных, сосудисто-нервных и других препаратов, не имеющих аналогов в истории музейного дела. В частности, биотермический способ обработки костей (способ Ромодановского), когда из трупа удаляют все внутренние органы, за исключением мозга.

В 1929 г. Константин Владимирович был утвержден в звании профессора. В

Константин Владимирович и Анна Николаевна Ромодановские с дочерью Леной. Астрахань, 1947 г.

[1175]

1931 г. К. В. Ромодановский был переведен в Ленинград для участия в организации «медвуза-больницы» на базе бывшей детской Выборгской больницы, который позднее был преобразован в Ленинградский педиатрический институт. В 1932 г. он был избран заведующим кафедрой нормальной анатомии этого института. Здесь до 1941 г. он был также заместителем директора (проректором) по организации вуза, заведующим учебной частью, деканом, ученым секретарем совета института.

В середине 1930-х гг. среди своих студенток он встретил Анну Николаевну Сумкину, с которой у него быстро стали развиваться самые хорошие отношения. 6 марта 1937 года у них родилась дочь Елена — моя мама и вместе с тем главная героиня этой книги.

А потом началась война. В августе 1941 г. Константин Владимирович перевез Анну Николаевну с Леной и двумя старшими детьми из Ольгино в Ленинград. Несколько раз к ним приходила и Зинаида Александровна — познакомиться с дочкой своего мужа. 26 или 27 сентября Константин Владимирович был вызван в НКВД, где получил приказ: срочно готовиться к эвакуации, с собой разрешено взять близких членов семьи и багаж, по восемь килограмм на человека. Ленинград очищали от людей, связанных с белым движением. Когда встал вопрос об эвакуации, Зинаида Александровна решила его однозначно: нужно вывозить детей.

Так и получилось, что она осталась на первую блокадную зиму в Ленинграде, а Константин Владимирович с Анной Николаевной и детьми вылетели 28 сентября 1941 г. На этом же самолете вывозили и Анну Ахматову, бабушка очень хорошо помнила ее возбужденное состояние. Самолет сопровождали семь истребителей, как вспоминала ба-

бушка, отставших по дороге в воздушных боях, а пассажирский самолет, летевший низко, касаясь верхушек деревьев (летчик говорил: «В случае чего, хоть на деревья, да посажу»), благополучно приземлился в Москве. В Москве формировались эшелоны для эвакуации в Среднюю Азию, К. В. Ромодановский с семьей попал в Сталинабад (нынешний Душанбе).

В Сталинабаде он возглавлял кафедру нормальной анатомии Сталинабадского медицинского института, а в 1942 г. был переведен в Барнаул, куда был частично эвакуирован Педиатрический институт, а также Астраханский медицинский институт. К. В. Ромодановский совмещал работу в обоих институтах, но кафедрой заведовал в Астраханском, поэтому в 1943 г. при реэвакуации Астраханского института вся семья переехала в Астрахань.

Зинаида Александровна Ромодановская. Омск, 1920-е гг.

[1176]

Судьба Ленинградского педиатрического института и самой Зинаиды Александровны Ромодановской сложилась гораздо сложнее и трагичнее. Педиатрический институт был эвакуирован из Ленинграда весной или в самом начале лета 1942 г. на Кавказ, в район Пятигорска — Ессентуков, и после наступления немцев на Кавказе летом 1942 г. оказался в оккупации, причем без своего руководства: оно было предупреждено, вероятно, и в ночь перед наступлением немцев ушло на Восток. Институт, его сотрудники и студенты, выжили благодаря тому, что заключили договор с немцами об организации краткосрочных курсов для местной молодежи по подготовке младшего медицинского персонала, который будет работать в немецких госпиталях. Немцы согласились на это, дав обещание, что никого не тронут и местную молодежь не угонят в Германию, и не будет передислокации института и курсов в случае изменения положения на фронте. Немцы слово сдержали, но когда Кавказ был отвоеван советскими войсками, за «пособничество фашистам» были наказаны все преподаватели Педиатрического института.

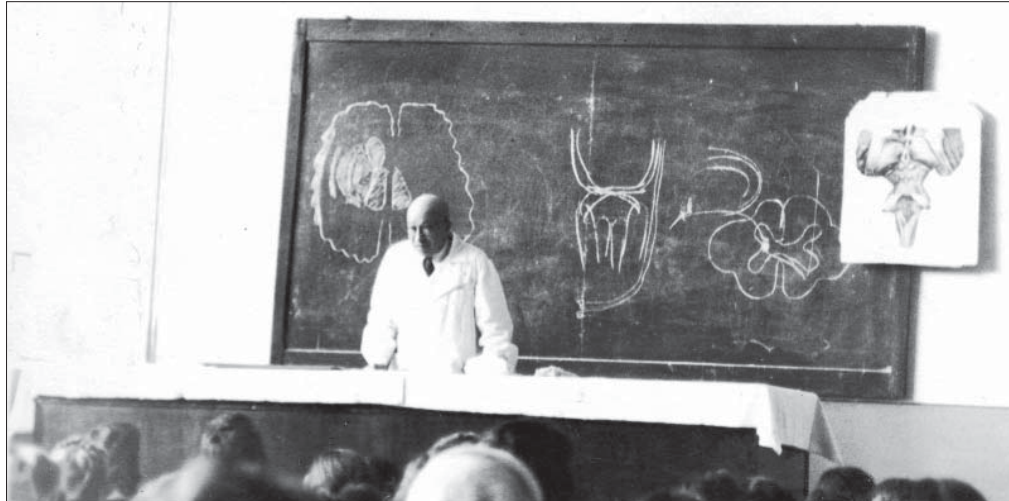
Зинаида Александровна погибла в 1942 г. в оккупации при каких-то трагических обстоятельствах — как будто бы она была повешена немцами за то, что скрывала у себя евреев. После ее смерти, 30 апреля 1944 г., Константин Владимирович и Анна Николаевна вступили в брак.

В Астрахани К. В. Ромодановский заведовал кафедрой до 1948 г. Анна Николаевна не теряла надежды вернуться после войны в Ленинград, но Константин Владимирович категорически отказался. Скорее всего, опираясь на свои природные разум и чутье, на опыт, полученный в годы гражданской войны, он сказал примерно так: «После такой сокрушительной войны и такой великой Победы в Ленингра-

К. В. Ромодановский с группой студентов Астраханского медицинского института. 1947 г.

[1177]

На лекции в Новосибирском медицинском институте. 1950-е гг.

С группой студентов и преподавателей Новосибирского медицинского института. 17 января 1956 г. Константин Владимирович Ромодановский в первом ряду в центре, слева рядом с ним — Лидия Георгиевна Вуич

[1178]

Июнь 1964 г.

1955 г.

де спокойной жизни не будет. Мы уезжаем в Сибирь — дальше Сибири не сошлют». По конкурсу он прошел на должность заведующего кафедрой нормальной анатомии в Новосибирском медицинском институте, которую занимал до 1964 г., будучи одновременно и проректором института.

В отношении «дальше не сошлют» — он оказался прав. Репрессии конца 1940-х — первой половины 1950-х гг. Константина Владимировича не коснулись, как — и 1930-х годов: советская диктатура хорошо знала, кто ей нужен для развития науки, образования и армии; достаточно вспомнить массовое освобождение из лагерей и реабилитацию офицеров в 1940-м году... В конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. К. В. Ромодановский принимал на работу своих друзей и коллег из Ленинграда, лишившихся там возможности работать по специальности, как пример приведу уже упоминавшихся в этой книге Александра Григорьевича Гинецинского и Лидию Георгиевну Вуич.

Анна Николаевна Ромодановская

Профессор К. В. Ромодановский ко времени переезда в Новосибирск был уже широко известен своими работами в области изучения морфологии грудного протока, работами о связях подбололочного пространства головного и спинного мозга с корнями лимфатической системы, исследованиями лимфатических связей глоточного лимфоидного кольца с органами грудной полости. Одним из первых отечественных анатомов он применил функциональный подход к изучению лимфатической системы и создал новое научное направление — функциональную морфологию лим-

[1179]

фатической системы. Его научные идеи по функциональным взаимоотношениям между кровеносной и лимфатической системами стали основой для Новосибирской научной лимфологической школы, которая годом своего основания считает 1948-й — год приезда Константина Владимировича в Новосибирск.

В 75 лет К. В. Ромодановский передал заведование кафедрой Юрию Ивановичу Бородину, а сам остался ее научным консультантом. Умер он 10 февраля 1968 г.

Сорок пять лет новосибирские лимфологи хранят память о нем, за что всегда была им благодарна вся наша семья, а особенно, конечно,

Бабушка

О бабушкиных родителях я знаю, к сожалению, гораздо меньше, чем мне хотелось бы. Бабушка почти никогда о них не говорила, видимо, ей было тяжело вспоминать: они оба умерли от голода в Ольгино во время блокады, в 1942 г.

Бабушкин отец, Николай Лаврентьевич Васильянов, был старшим сыном уроженца Архангельска Николая Васильянова, с раннего возраста служившего в армии кантонистом. Я не знаю, до какого чина дослужился мой прапрадед, но то, что он выслужился, очевидно — дети, и Николай, и младший сын Иван получили военное образование. Были родственники и на Вологодчине — бабушка часто вспоминала по-

Павла Васильевна и Николай Лаврентьевич Васильяновы с внуками Людой, Игорем и Леной. Ольгино, 1939 г.

[1180]

ездки туда к родным «дяди Коли», — известного этнографа-фольклориста, краеведа, поэта и ботаника Николая Александровича Иваницкого. Интересно, что Н. А. Иваницкий не раз указывал, что сказка или былина «записана со слов крестьянина Николая Васильянова, Замошская волость, Кадниковский уезд», не раз он называл его «сказителем», хотя в действительности этот человек был не сказителем, а военным моряком и уж никак не проживал постоянно в Вологодской губернии: Николай Александрович при записях пользовался именем своего младшего кузена.

Родился Николай Лаврентьевич Васильянов в 1870 г. Мне не удалось установить, какое морское учебное заведение он окончил, но он командовал небольшим вспомогательным судном, обеспечивавшим флот, сначала Черноморский (бабушка родилась в Ялте), а с 1907 г. — Балтийский, в связи с его переводом вся семья переехала в Кронштадт. В 1917–1918 гг. он служил при российской военно-морской базе в Гельсингфорсе, весной 1918 г. участвовал в знаменитом Ледовом походе Балтийского флота. Бабушка вспоминала еще, что после Октябрьской революции у дверей их квартиры в Кронштадте дежурили матросы с корабля Николая Лаврентьевича, охраняли своего командира. Октябрьский переворот Н. А. Васильянов воспринял с негодованием и в 1921 г., схватив винтовку, хотел отправиться на поддержку участников Кронштадтского мятежа — но этому воспротивилась супруга, благодаря чему он и остался в живых.

После революции в море он уже не ходил, в Кронштадте работал в порту, а после 1933 г., когда семью Васильяновых выселили из Кронштадта (была тенденция сделать Кронштадт «городом молодых»), работал инструментальщиком на заводе «Красный Октябрь».

Анна Николаевна Сумкина.
Конец 1930-х гг.

Женат Николай Лаврентьевич был на Павле Васильевне, урожденной Шеиной. Мать Павлы Васильевны совсем молодой вышла замуж за человека много старше себя, вдовца с двумя дочерьми, которые были старше своей мачехи. Вскоре после рождения в 1870 г. самой младшей дочери отец умер, а отношения с падчерицами у матери Павлы Васильевны не сложились. Тем не менее у нас дома сохранились позолоченные серебряные ложки с черненными инициалами В. Ш. и датой 1825 — годом рождения Василия Шеина, полного тезки другого князя Шеина, главного героя «Гранатового браслета».

Анна Николаевна Васильянова, моя бабушка, родилась 21 декабря 1905 г. в Ялте, в двухлетнем возрасте ее перевезли в Кронштадт, который она и считала своим родным городом. У Павлы Васильевны и Николая Лаврентьевича были и еще дети,

[1181]

Е. К. Ромодановская и И. В. Сумкин. 1 мая 1959 г.

но все они умирали в младенчестве. Начальное образование бабушка получила в Кронштадте, до 1917 года успела какое-то время проучиться в Ксенинском институте благородных девиц — учебном учреждении для детей малосостоятельных дворян, преимущественно офицеров. На всю жизнь у нее осталась «институтская» безупречная осанка. В начале 1920-х гг. Анна Николаевна поступила на факультет языка и литературы Герценовского института, где встретила Владимира Николаевича Сумкина, за которого вскоре вышла замуж.

Владимир Николаевич был уроженцем Лальска, тогда относившегося к Вологодской губернии, его предки владели бумажной фабрикой. В 1925 г. у Анны Николаевны и Владимира Николаевича родилась дочь Людмила, а в 1927 г. — сын Игорь. Продолжать учебу в институте с двумя маленькими детьми было очень тяжело, поэтому Анна Николаевна, уйдя из института и дождавшись, чтобы дети немного подросли, поступила на фельдшерские курсы, а Владимир Николаевич пошел работать на завод «Красный Октябрь».

Окончив курсы с отличием, Анна Николаевна в 1934 г. поступила в Ленинградский педиатрический институт, где курс анатомии читал Константин Владимирович. Увлечение профессором сказалось и на увлечении предметом: еще студенткой бабушка начала

[1182]

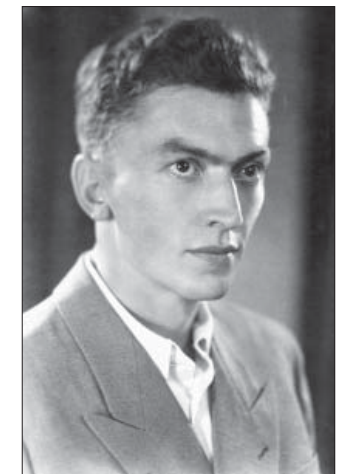
Анна Николаевна с внуком Юрой. 1954 г.

Е. К. Ромодановская с сестрой, А. В. Сумкиной, и ее мужем, Р. М. Штолем. Кустанай, 1995 г.

Анна Николаевна
Ромодановская. 1956 г.

Игорь Владимирович
Сумкин. Сентябрь 1953 г.

[1183]

Людмила Владимировна
Сумкина. 13 июня 1949 г.

Мама

О маме легче всего — и думаю, мало кто знает об этом, — рассказать, что она *не любила*. И прежде всего она не любила само понятие *не любить*. «Эту кашу я не люблю», — года три, наверное, мне было. «Если ты хочешь есть, то ешь, если нет — выходи из-за стола, а что такое *не люблю* я не знаю». Чуть позже, лет в пять: «Это платье я не люблю!..» — «Не люби, да почаще взглядывай!» — в отношении любви или нелюбви к одежде нужны были конкретные доводы: свитер «кусается», платье цепляется за все предметы, колготки сползают, туфли жмут... Просто так «не люблю» было невозможно. То же самое — еще какое-то время спустя — и в отношении к людям. Она всегда говорила, что один человек может быть другому неинтересен, с ним может быть скучно, могут раздражать поступки, манеры, можно не совпадать во взглядах, можно, в конце концов, уйти, но просто так *не любить* человека — это нельзя.

Наверное, на второе место после «не люблю» можно поставить мамину нелюбовь к слезам. Сейчас, все чаще, я думаю, что она просто боялась слез. Причем слез даже детских, самых невинных. «Сначала вытри слезы, а потом мы серьезно поговорим», — это я помню в игрушечном отделе универмага, когда очень чего-то хотелось, не помню вот только, чего именно. «Кончай ныть, а потом подойдешь», — это дома, когда почему-то нельзя было пойти гулять. Позже, когда наступило время первых потерь и расставаний, она объясняла свои взгляды: «Слезам ты ничего не изменишь, горю не поможешь. Вместо слез нужно что-то делать. А если совсем не можешь — пой, помнишь, как в “Белорусском вокзале”?». — Да, конечно, помню:

[1184]

Нас ждет огонь смертельный, но все ж бессилен он... —

так и пою.

Я помню только единственный случай, когда меня утешали. Утешала бабушка, стоя надо мной с полотенцем в руках и стаканом воды. Я лежала поперек ее кровати, била ногами в стену и ревела в два ручья. Мама, торопливо и безрезультатно, искала что-то в многочисленных словарях. Мне было лет пять, и это было первое поражение домашней филологической науки перед самым простым детским вопросом: «Почему комната называется комнатой, а кровать кроватью?». Мама не знала греческого, как назло, дома не было второго тома словаря Фасмера, ответа не было, — и не любившей слезы маме пришлось смириться с моим первым научным отчаянием.

Видимо, потому и смирилась, что отчаяние было научным. Кроме науки для мамы вообще ничего не существовало. Или по крайней мере — из всех важных для нее вещей наука была важнейшей, на первом месте. Даже не важно, какая именно наука. Филология — ее выбор. Но она не раз говорила, что в принципе ей было все равно, какой наукой заниматься, она просто точно знала, что будет заниматься *наукой*. Говорила она и о том, что пошла на древнерусскую литературу из-за «экзотики» — но верна была ей всю жизнь, как верна и науке вообще. В этом была вся ее жизнь — и если угодно, азарт, который она унаследовала от своего отца, моего деда. Так же, как и внутренний потенциал лидера, руководителя — именно в науке. Помню, я очень переживала, когда маму выбрали в члены-корреспонденты и только можно было ожидать, что она займет какие-то административные посты, я переживала из-за того, что работа для нее тогда уж окончательно вытеснит домашний уют. Раз и навсегда меня успокоила тетя Леля — Ольга Владимировна, дедушкина сестра. Она приласкала меня и сказала: «С этим тебе остается только смириться, тут ничего не изменишь. Это гены».

От деда мама унаследовала и надолго сохраняла отстраненное отношение к религии — дед был одним из младших представителей естественников XIX — начала XX веков, для которых церковь была преградой к развитию научного знания. Для мамы во многом это тоже было так: исследуя памятники древнерусской, зачастую церковной, литературы, общаясь в экспедициях с жителями старообрядческих селений и скитов, она, испытывая уважение к праву каждого человека на выбор собственного жизненного пути, в том числе и веры, сохраняла объективность в оценке литературных процессов и явлений. Можно назвать это своего рода «научным атеизмом» — в самом прямом, не советском значении этих слов. У самой мамы вера всегда была безграничной — это была вера в науку.

К церкви она тоже пришла через науку, в последние годы. В 2009 году мы с нею съездили в Израиль. Выбор, надо признаться, был достаточно случайным: ей очень хотелось совместной поездкой отметить мое сорокалетие, мы перебрали множество вариантов, которые не подходили то по одним причинам, то по другим, — и я предложила ей «безвизовый» Израиль, в душе сомневаясь, что она будет этим довольна. Первые два дня мы акклиматизировались на песчаном пляже в солнечной Натани и наслаждались Средиземным морем. На третий день — первая экскурсия, в Назарет. В Назарете два храма Благовещения. Один — православный, греческий, небольшой,

[1185]

он стоит на Источнике, где Архангел впервые явился Деве Марии. Второй — огромный католический, построенный во второй половине XX века на пожертвования от множества христианских церквей разных стран, стоит на раскопе, покрывая собою дом Иосифа, который был установлен церковными археологами. Обычно всех экскурсантов возят во второй, привезли туда и нас. Сначала все шло гладко. Нам показали верхний храм, в котором в тот момент служили паломники-греки — это удивительная особенность храмов в Святой Земле, когда на святых местах служат паломники всех конфессий, независимо от того, кому храм принадлежит. Спустились в нижний храм, в крипту, экскурсовод показывает стены дома Иосифа и мраморную колонну на месте, где стоял Архангел Гавриил, и поясняет, что это место исстари почитается как святое, «то самое», что было доказано и всем ходом более поздних археологических раскопок. Мы выходим, группа направляется к автобусу. Надо сказать, в тот момент я впервые за маму испугалась: она, не видя и не слыша ничего, подняв глаза к небу, идет куда-то в сторону, думает о чем-то своем и ничего не замечает. Я — к ней, она только одно: «Ты мне сейчас не мешай...». И какое-то время спустя: «Ты знаешь, вот сейчас я поняла, что все, о чем написано в Евангелии, — правда». Ей даже в голову не пришло усомниться в том, что доказано церковными археологами, — такими же учеными людьми, как она сама. Вернувшись домой, она, ни слова никому не говоря, крестилась в маленькой часовне, и только вечером позвонила мне: «Ну, можешь меня поздравить». Потом она улыбалась: «Ну, я-то — как Фома неверующий, пока персты не вложу...».

Преданность науке и веру в науку она находила и во всех окружающих людях, искренне удивляясь, когда оказывалось, что это не всегда так. Ей казалось, по-другому жить невозможно. И конечно, ученики. Они приходили и уходили, одни поколения сменялись другими, — мама любила их всех. Каждого по-своему, но действительно всех. Никогда, ни разу я не слышала, что вот такой-то лучше того, или из вот этого ничего не выйдет. Если это ее ученик, а чаще — ученица, то и выйдет, и получится, и сделает, и напишет. И делали, и писали — и в это она тоже верила.

Поздним темным мартовским вечером 2013 года, после всех январских и февральских событий, я вышла от своей подруги на пустынную набережную Канала Грибоедова у Аларчина моста, направилась к автобусной остановке. Вокруг — ни души, и вдруг кто-то тронул меня за рукав. Сильно подвыпивший мужичок показывает куда-то вверх: «Ты только посмотри! Как красиво! Но только как жаль, что она не полная!». Не поняла, а он снова зовет: «Ты только посмотри!» — в небе светился изящный тоненький месяц... «Ты приходи сюда снова, скоро она будет совсем полная!...» — и побрел покачиваясь...

Мама полную луну не любила — тоже не любила... Она всегда в полнолуние плотно занавешивала окна, она боялась полной луны. Почему? — я спросила только один раз. Она мне ответила, что когда во время войны ехали в эшелоне в эвакуацию (а ей было четыре года), ехали через степь, и в огромном небе сияла огромная полная луна, — и «тогда-то я поняла, что когда меня не будет, когда я умру, эта бездушная луна так и будет светить в своем небе». Станные и тяжелые мысли для четырехлетнего ребенка.

Но в тот мартовский вечер на небе сиял только тоненький месяц.

В. Ромодановская

Алексей Иванович Алексеев — доктор исторических наук. Заведующий Отделом рукописей РНБ. Специалист по древнерусской книжности, истории русской православной церкви.

Александр Евгеньевич Аникин — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Заведующий Сектором русского языка Института филологии СО РАН. Специалист в области этимологии, теории языковых контактов, славяно-русского языкознания и литературоведения.

Всеволод Евгеньевич Багно — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по русскому и испанскому литературоведению, переводчик. Главный редактор журнала «Русская литература». Член Международного объединения исследователей Сервантеса (1990). Член Союза писателей.

Ольга Андреевна Белоброва — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по древнерусской литературе и искусству. Член Императорского Православного Палестинского общества. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Ольга Владиславовна Белова — доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Этнолингвист и текстолог, исследователь памятников

средневековой славянской книжности, славянского фольклора и этнокультурных контактов. Член Комиссии по этнолингвистике при международном Комитете славистов.

Борис (Пивоваров), протоиерей — настоятель храма в честь Всех Святых, в Земле Российской Просиявших — новосозданного православного прихода в Новосибирском Академгородке.

Александр Григорьевич Бобров — доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по апокрифам, летописанию, монастырским книжным центрам.

Юрий Иванович Бородин — доктор медицинских наук, профессор, академик РАМН. В 1971–1980 ректор Новосибирского медицинского института. В 1980–1989 председатель СО АМН СССР. Глава созданного им в 1991 Института клинической и экспериментальной лимфологии СО РАМН. Лауреат Премии Правительства Российской Федерации, Премии им. Н. И. Пирогова РАМН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин города Новосибирска. Ученик К. В. Ромодановского.

Владимир Кириллович Васильев — кандидат филологических наук. Доцент Сибирского федерального университета (Красноярск). Сценарист, режиссер документального кино, участник и лауреат национальных и международных кинофестивалей.

Валентина Евгеньевна Ветловская — доктор филологических наук. Главный

научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по теории и истории русской литературы. Лауреат Всероссийской премии им. Александра Невского. Член Союза писателей.

Андрей Николаевич Власов — доктор филологических наук, профессор. Заведующий Отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по русскому фольклору, древнерусской литературе.

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева — доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН. Специалист по русской истории и культуре XVI–XVII вв., позднему русскому летописанию. Лауреат Премии Европейской Академии, лауреат Премии Фонда памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Андрей Владимирович Вознесенский — доктор филологических наук. Заведующий Сектором старопечатных книг Отдела редких книг РНБ. Специалист по русской старопечатной книге, истории книги. Стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия).

Лада Ивановна Вуич — филолог, искусствовед. Специалист по творчеству А. С. Пушкина. Подруга Е. К. Ромодановской.

Валентина Ивановна Габдуллина — доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул). Специалист по поэтике русской литературы, творчеству Ф. М. Достоевского, нарратологии, мотивному анализу.

Александр Хаимович Горфункель — кандидат исторических наук, доктор философских наук, академик РАН. Специалист по русской истории и культуре XVII века, истории и философии итальянского Возрождения (XIII–XVII вв.).

Ирина Михайловна Грицевская — доктор филологических наук. Заместитель директора Института рукописной и старопечатной книги (Нижний Новгород), заведующая кафедрой русского языка Нижегородской государственной медицинской академии. Специалист по древнерусской книжности.

Аида Михайловна Грязнова — историк. В 1962–1969 сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Подруга Е. К. Ромодановской.

Наталья Сергеевна Гурьянова — доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории гуманитарного факультета НГУ. Специалист по отечественной истории феодального периода.

Наталья Сергеевна Демкова — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ. Специалист по личности и творчеству Аввакума, старообрядческой литературе, повествовательной литературе XVII в., археологии.

Нина Львовна Дмитриева — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по русско-французским связям, роли французской культуры в творчестве

А. С. Пушкина. Дочь Л. А. Дмитриева, руководителя Е. К. Ромодановской в аспирантуре.

Борис Федорович Егоров — доктор филологических наук, профессор, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств. Главный научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН. Специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века. Член Союза писателей, член Всемирной ассоциации писателей Международного ПЕН-клуба.

Валерия Игоревна Еремина — доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по теории литературы, фольклору, текстологии. Дочь И. П. Еремина, руководителя дипломной работы Е. К. Ромодановской.

Валерия Анатольевна Есипова — доктор исторических наук. Заведующая Сектором изучения фонда Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Специалист по славяно-русской палеографии, истории старообрядчества.

Ольга Дмитриевна Журавель — доктор филологических наук, доцент. Старший научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, декан факультета журналистики НГУ. Специалист по древнерусской книжности, археологии, палеографии и кодологии, старообрядческой письменности и литературе XX века. Ученица Е. К. Ромодановской.

Людмила Ивановна Журова — доктор филологических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор Новосибирского государственного педагогического университета. Специалист по древнерусской литературе, текстологии, публицистике, беллетристике, летописанию.

Наталья Дмитриевна Зольникова — доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН. Специалист по истории русской православной церкви, истории сибирского старообрядчества, управления Сибирью и социальным конфликтам в Сибири в конце XVII в.

Людмила Николаевна Иванова — доктор медицинских наук, профессор, академик РАН, советник РАН. Научный руководитель лаборатории физиологической генетики Института цитологии и генетики СО РАН, профессор кафедры физиологии Новосибирского государственного университета. Специалист по механизмам регуляции водно-электролитного баланса, водно-электролитному гомеостазу, а также молекулярным и генетическим механизмам гормональной регуляции водно-электролитного баланса у млекопитающих. Ученица К. В. Ромодановской.

Татьяна Григорьевна Иванова — доктор филологических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор кафедры этномузыковедения Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Рим-

ского-Корсакова, профессор исторического факультета СПбГУ. Специалист по истории русской фольклористики.

Татьяна Генриховна Казанцева — кандидат искусствоведения. Старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки

Елена Владимировна Капинос — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по русской литературе XIX–XX в.

Маргарита Николаевна Климова — кандидат филологических наук. Заведующая сектором Научной библиотеки Томского государственного университета. Специалист по древнерусской литературе, теории литературы. Ученица Е. К. Ромодановской.

Татьяна Ивановна Ковалева — филолог. Младший научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по древнерусской литературе, агиографии. Ученица Е. К. Ромодановской.

Елена Леонидовна Конявская — доктор филологических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории мировой литературы Университета Российской академии образования, главный редактор научного журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики». Специалист по истории и текстологии древнерусской литературы.

Николай Федорович Котляр — доктор исторических наук, член-корреспондент Национальной академии наук

Украины. Главный научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины. Специалист по истории феодальной Руси и русской нумизматике. Лауреат Государственной премии Украины.

Наталья Дмитриевна Кочеткова — доктор филологических наук. Заведующая Сектором русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Президент Российского общества по изучению XVIII в. Специалист по русской литературе XVIII — начала XIX в., ее международным контактам, соотносительности литературных и документальных жанров.

Марина Семеновна Крутова — доктор филологических наук, профессор. Заведующая Сектором рукописных книг Отдела рукописей РГБ, профессор кафедры истории и теории декоративного искусства и дизайна Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. Специалист по древнерусской книжности.

Альбина Никандровна Кручинина — кандидат искусствоведения, профессор. Профессор, основатель кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской государственной консерватории. Специалист по нотированным певческим рукописям русского средневековья, палеографии, источниковедению, истории, теории, поэтике древнерусского певческого искусства. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Евгения Николаевна Кузмина — доктор филологических наук, профессор. Заведующая Сектором фольклора народов Сибири Института филологии

СО РАН. Специалист по фольклору народов Сибири. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Елена Юрьевна Куликова — доктор филологических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН, профессор Новосибирского государственного педагогического университета. Специалист по литературе Серебряного века, лирике акмеистов, литературе модернизма.

Любовь Александровна Курышева — кандидат филологических наук. Ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по русской литературе XVIII в., беллетристике, русско-европейским связям XVIII в. Член Российского общества по изучению XVIII в. Ученица Е. К. Ромодановской.

Маргарита Павловна Кучерова — инженер-строитель, руководитель группы проектного института Новосибиргражданпроект. Подруга и одноклассница Е. К. Ромодановской.

Светлана Александровна Лебедева — доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания. Руководитель группы микробиологии чумы, ведущий научный сотрудник Ростовского-на-Дону государственного научно-исследовательского противочумного института. Племянница Ю. Д. Лебедева, мужа О. В. Ромодановской.

Ирина Анатольевна Лобакова — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по текстологии, источниковеде-

нию и поэтике древнерусской литературы. Награждена памятной медалью митрополита Макария.

Галина Андреевна Лончакова — филолог. Научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Специалист по древнерусской литературе и книжности.

Игорь Евгеньевич Лошилов — кандидат филологических наук. Доцент кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН. Специалист по литературе русского авангарда, сибирской литературе XX в., русской поэзии XX в.

Нина Александровна Лукьянова — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры общего и русского языкознания гуманитарного факультета НГУ. Специалист по русской лексикологии и лексикографии, лингвокультурологии. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Вадим Миронович Лурье — доктор философских наук. Главный редактор журнала «Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique». Специалист в области патристики и эпохи происхождения христианства.

Элиза Малэк — доктор филологии, профессор. Проректор по учебной работе, профессор Лодзинского университета (Польша). Специалист по русской литературе XVII–XVIII вв., русско-польским литературным связям.

Наталья Петровна Матханова — доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории

СО РАН. Специалист в области истории управления, общественной жизни, общественного сознания Сибири XIX в., источниковедения.

Игорь Павлович Медведев — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Главный научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН. Председатель Петербургской византийской группы. Специалист по истории Византии, западноевропейскому средневековью и русско-византийским отношениям. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Замфира Михаил — доктор филологии, профессор. Сотрудник Института исследований Юго-Восточной Европы Румынской Академии наук, профессор Бухарестского университета. Специалист по русско-румынским культурным связям, истории, культуре и литературе Юго-Восточной Европы. Лауреат премии «Timotei Tchipariu» Румынской Академии наук,

Ацуо Накадзава — доктор филологии, профессор. Профессор университета Тояма (Япония). Специалист по древнерусской культуре и литературе, участник археографических экспедиций по Русскому Северу.

Наталья Алексеевна Непомнящих — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по изучению сюжетов и мотивов русской литературы, творчеству Л. М. Леонова, Н. С. Лескова, Е. И. Замятина.

Елена Константиновна Никанорова — кандидат филологических наук. Доцент кафедры русской литературы

Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по историческому анекдоту, русской литературе XVIII–XX вв. и фольклору. Ученица Е. К. Ромодановской.

Сергей Иванович Николаев — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Главный научный сотрудник Сектора русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; преподаватель истории польской литературы на филологическом факультете СПбГУ. Специалист в области истории древнепольской литературы, польско-русских культурных связей, русской литературы XVII–XVIII вв., библиографии и текстологии русской литературы.

Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015) — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, член-корреспондент Геттингенской Академии наук. Главный научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Главный редактор журнала «Вопросы языкознания». Специалист по русскому языку, славистике, акцентологии и теории интонации, языковым контактам, общим проблемам лингвистики и семиотики, литературоведению.

Марина Юрьевна Новицкая — кандидат филологических наук. Заведующая Лабораторией содержания и стандартов начального общего образования Федерального института развития образования Минобрнауки РФ. Специалист по вопросам народной культуры в обучении, воспитании и развитии

детей, по вопросам использования традиционной народной культуры в обучении, воспитании и развитии детей. Ученица Е. К. Ромодановской.

Виктор Георгиевич Одинок — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры литературы XIX–XX вв. гуманитарного факультета НГУ. Специалист в области изучения русской классической литературы, а также региональных литератур; поэтики и типологии русской литературы, проблем взаимосвязи религиозно-философских проблем и развития русского литературного процесса.

Мария Осиак — доктор филологии, доцент. Доцент филологического факультета Университета им. Спиру Харета (Бухарест, Румыния). Специалист по языкознанию и современному румынскому языку, русско-румынским литературным связям.

Валентина Ильинична Охотникова — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры литературы Псковского государственного университета. Специалист по древнерусской литературе, воинским повестям, житиям святых, литературному краеведению.

Леонид Григорьевич Панин — доктор филологических наук, профессор. Заведующий кафедрой древних языков гуманитарного факультета НГУ, декан гуманитарного факультета НГУ. Специалист в области лингвистической текстологии, исторической лексикологии, сибирской диалектологии, истории церковнославянского языка.

Тамара Васильевна Панич — доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории

СО РАН. Специалист по истории древнерусской литературы, археологии, источниковедению, текстологии, проблемам русской литературы XVII в.

Флорентина Викторовна Панченко — кандидат искусствоведения. Заместитель директора по научной работе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доцент кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Специалист по древнерусским певческим рукописям.

Татьяна Викторовна Пентковская — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Специалист в области истории русского литературного языка, палеославистики, византистики.

Станислав Геннадьевич Петров — кандидат исторических наук, доцент. Старший научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории НГУ. Специалист в области истории русской православной церкви XX в., эдиционной археологии и источниковедения документов XX в.

Владимир Яковлевич Петрухин — доктор исторических наук, профессор. Главный научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, профессор кафедры истории России средневековья и раннего нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ. Специалист по истории и археологии средневековой России, проблемам начальной этно-

культурной истории Руси, исторической антропологии России в средние века, мифологии народов Северо-Восточной Европы.

Александр Валерьевич Пигин — доктор филологических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета. Специалист по древнерусской и современной русской рукописной книжности, археографии, старообрядческой культуре. Заслуженный деятель науки Республики Карелия.

Елена Константиновна Пиотровская — доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН. Специалист по русско-византийским культурным отношениям, переводной письменности Древней Руси, истории науки. Член Императорского Православного Палестинского общества.

Анна Абрамовна Пичхадзе — доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка РАН. Специалист по текстологии и истории славянской письменности, исторической грамматике и лексикологии русского языка, палеославистике.

Наталья Владимировна Понырко — доктор филологических наук, профессор. Заведующая Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по истории

древнерусской литературы, старообрядческой письменности, источниковедению, текстологии.

Наталья Павловна Похилько — историк, искусствовед. Специалист по истории русской церкви X–XIII вв., богословию и литургике.

Елена Николаевна Проскурина — доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Сфера научных интересов: русская литература XIX–XX вв., сюжеты и мотивы русской литературы, календарная проза, автодокументальная проза, проза младоэмигрантов.

Милена Всеволодовна Рождественская — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ. Специалист по древнерусской литературе, византийско-славянским литературным связям, древнеславянским апокрифам, культуре и искусству Древней Руси, русской литературе нового времени.

Татьяна Всеволодовна Рождественская — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ. Специалист по истории русского языка и письменности, древнерусской эпиграфике.

Светлана Павловна Рожнова — филолог. Старший научный сотрудник Сектора фольклора Института филологии СО РАН. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Анастасия Анатольевна Романова — кандидат исторических наук. Заведующая Отделом редкой книги БАН. Специалист по древнерусской книжности, средневековым календарным

исчислениям. Награждена медалью Русской Православной церкви преп. Сергия Радонежского I степени.

Барвара Андреевна Ромодановская — кандидат филологических наук. Научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Библиист, специалист по древнерусской переводной литературе. Стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия). Дочь Е. К. Ромодановской.

Лидия Ивановна Сазонова — доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела теории литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Исследователь теории и истории литературы, исторической поэтики, сравнительного литературоведения, литературы русского средневековья и раннего нового времени, барокко, риторики.

Ольга Сергеевна Сапожникова — кандидат филологических наук. Библиотекарь Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, сотрудница Библиотеки Бестужевских курсов. Специалист по древнерусской литературе. Стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия). Лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Светлана Климентьевна Севастьянова — доктор филологических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН, декан гуманитарно-экономического факультета Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова. Специалист по русской литературе XVII в. Лауреат премии

памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Ученица Е. К. Ромодановской.

Игорь Витальевич Силантьев — доктор филологических наук, профессор. Директор Института филологии СО РАН, заведующий кафедрой семиотики и дискурсного анализа факультета журналистики НГУ. Специалист по русской литературе, общей теории литературы и исторической поэтике, семиотике культуры, нарратологии, дискурсному анализу.

Людмила Николаевна Синякова — доктор филологических наук, доцент. Заведующая кафедрой литературы XIX–XX вв. НГУ. Специалист по художественной антропологии, когнитивной филологии, философскому литературоведению.

Алексей Владимирович Сиренов — доктор исторических наук, доцент. Доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ. Специалист по источниковедению древнерусской историографии (Степенная книга, повести, жития святых и др.) и памятников древнерусского изобразительного искусства, русской палеографии и археографии. Лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Марина Владимировна Скржинская — кандидат филологических наук, доктор исторических наук. Старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Украины (Киев). Специалист по истории и культуре античных государств Северного Причерноморья.

Елена Константиновна Созина — доктор филологических наук, профес-

сор. Заведующая Сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры русской литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Специалист по русской литературе XIX в., литературе Урала. Лауреат Премии им. П. П. Бажова, Премии УрО РАН им. П. И. Рычкова.

Андрей Сергеевич Сумкин — профессиональный аудитор и оценщик. Глава аудиторской фирмы «Вектор-Аудит» (г. Челябинск). Окончил Челябинский политехнический институт по специальности «Летательные аппараты», работал конструктором в Государственном ракетном центре (г. Миасс Челябинской обл.), затем прошел переподготовку в Российской Академии менеджмента и агробизнеса. Преподает в Челябинском филиале Финансового университета при Правительстве РФ. Племянник Е. К. Ромодановской.

Людмила Владимировна Сумкина — врач-фтизиатр, окончила Первый Ленинградский медицинский институт (1949). Работала в поликлиниках и стационарах Даугавпилса, строительных районов Волгодонского канала, Туркменского канала, Мысков Кемеровской области, Атбасара, Кушмуруна, Кустаная. Сестра Е. К. Ромодановской.

Наталия Кирилловна Тимофеева — кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры древних литератур и литературного источниковедения гуманитарного факультета НГУ. Специалист в области античной и западноевропейской средневековой литературы, истории Древнего Рима и Греции.

Любовь Васильевна Титова — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН. Специалист по древнерусской литературе и старообрядческой публицистике XVII–XVIII вв.

Витторио Томеллери — доктор филологии, профессор. Профессор гуманитарного факультета университета Мачерата (Италия). Специалист по древнерусской переводной литературе. Стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия).

Валерий Игоревич Тюпа — доктор филологических наук, профессор. Заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ, заместитель директора Института филологии и истории РГГУ по научной работе. Главный редактор «Нового филологического вестника», главный редактор литературоведческой серии «Вестника РГГУ». Специалист в области теории литературы, риторики, теории коммуникаций, дискурсного анализа, пушкиноведения, чеховедения, компаративистики, нарратологии. Заслуженный профессор РГГУ.

Марина Анатольевна Федотова — кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специалист по творчеству Димитрия Ростовского, древнерусской литературе, текстологии, агиографии.

Юлия Германовна Фефелова — филолог. Окончила филологический факультет ЛГУ. В 1990–1991 гг. сотрудник

Отдела рукописей РНБ. В 1993–1995 гг. сотрудник Отдела восточных славян Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Специалист по древнерусской литературе и фольклору.

Татьяна Сергеевна Царькова — доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН. Заведующая Рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов: История русской литературы XIX–XXI вв., архивное дело, стиховедение, текстология. Член Союза писателей.

Татьяна Федоровна Чалкова — филолог. Выпускница гуманитарного факультета НГУ. Ученица Е. К. Ромодановской.

Юрий Васильевич Шатин — доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по теории литературы, семиотике, риторике, поэтике, тео-

рии аргументации, теории и технологии коммуникации.

Александр Викторович Шунков — кандидат филологических наук, доцент. Проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Автор научных работ, посвященных изучению творчества царя Алексея Михайловича, литературных памятников переходного времени. Ученик Е. К. Ромодановской.

Елена Михайловна Юхименко — доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела рукописей ГИМ. Специалист по древнерусской и старообрядческой литературе и книжности, культуре старообрядчества, археологии. Лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Людмила Павловна Якимова — доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии СО РАН. Специалист по истории русской литературы XX в., истории русской литературы Сибири.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ — Археографический ежегодник
 АИ — Акты исторические
 АМН СССР — Академия медицинских наук СССР
 АН — Академия наук
 БАН — Библиотека Академии наук
 БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
 ВВ — Византийский временник
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
 ВКВШ — Всесоюзный комитет по делам высшей школы
 ВМЧ — Великие Минеи Четьи
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры РАН)
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГАТО — Государственный архив Тюменской области
 ГАТОМ — Государственный архив Томской области
 ГАТОТ — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
 ГБА — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (ныне РГБ)
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека (ныне РНБ)
 ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
 ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД СССР
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: В 12 т. СПб., 1846–1872
 ДВР — Дальневосточная республика

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИАН — Императорская Академия наук
 ИДМИ — Институт дискретной математики и информатики СО РАН
 ИИ СО РАН — Институт истории СО РАН
 ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. М. Горького РАН
 ИНХ — Институт неорганической химии СО РАН
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка
 ИРАИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
 ИРЯ — Институт русского языка РАН
 КДА — Киевская Духовная Академия
 Клепиков 1959 — Клепиков С. А. Филиграния и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959
 КНР — Китайская Народная Республика
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 Лихачев — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ныне СПбИИ РАН)
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции (РГАДА)
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел (РГАДА)
 МДА — Московская Духовная Академия
 НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета
 НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета
 НГОУНБ — Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 НИИТО — Научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии (Новосибирск)

СОКРАЩЕНИЯ

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
 НСРК — Новое собрание рукописных книг (РНБ)
 ОИДР — Общество истории и древностей российских
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
 ОР ГБА — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне РГБ)
 ОРКиР — Отдел редких книг и рукописей
 ОРКП НБ ТГУ — Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
 ОСО — Особое совещание при НКВД СССР
 ПВА — Повесть временных лет
 I ЛМИ — Первый Ленинградский медицинский институт (ныне Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова)
 ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
 ПСРА — Полное собрание русских летописей
 РАЕН — Российская Академия естественных наук
 РАМН — Российская Академия медицинских наук
 РАН — Российская Академия наук
 РВС — Революционный военный совет
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГБ — Российская государственная библиотека
 РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
 РГО — Русское Географическое общество
 РИБ — Русская историческая библиотека
 РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
 РНБ — Российская национальная библиотека
 РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
 СМИ — Средства массовой информации
 СНК — Совет народных комиссаров
 СО РАМН — Сибирское отделение Российской Академии медицинских наук
 СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук
 СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбДА — Санкт-Петербургская Духовная Академия
 СПбИИ — Санкт-Петербургский Институт истории РАН
 СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик (Советский Союз)
 СТО — Совет труда и обороны
 ТГУ — Томский государственный университет
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы
 Тромонин — Тромонин К. Я. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844
 ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
 УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук
 УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА)
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусств (ныне РГАЛИ)
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
 ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
 ЦНБ НАН Украины — Центральная научная библиотека Национальной Академии наук Украины
 ЧГПИ — Череповецкий государственный педагогический институт
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских